

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

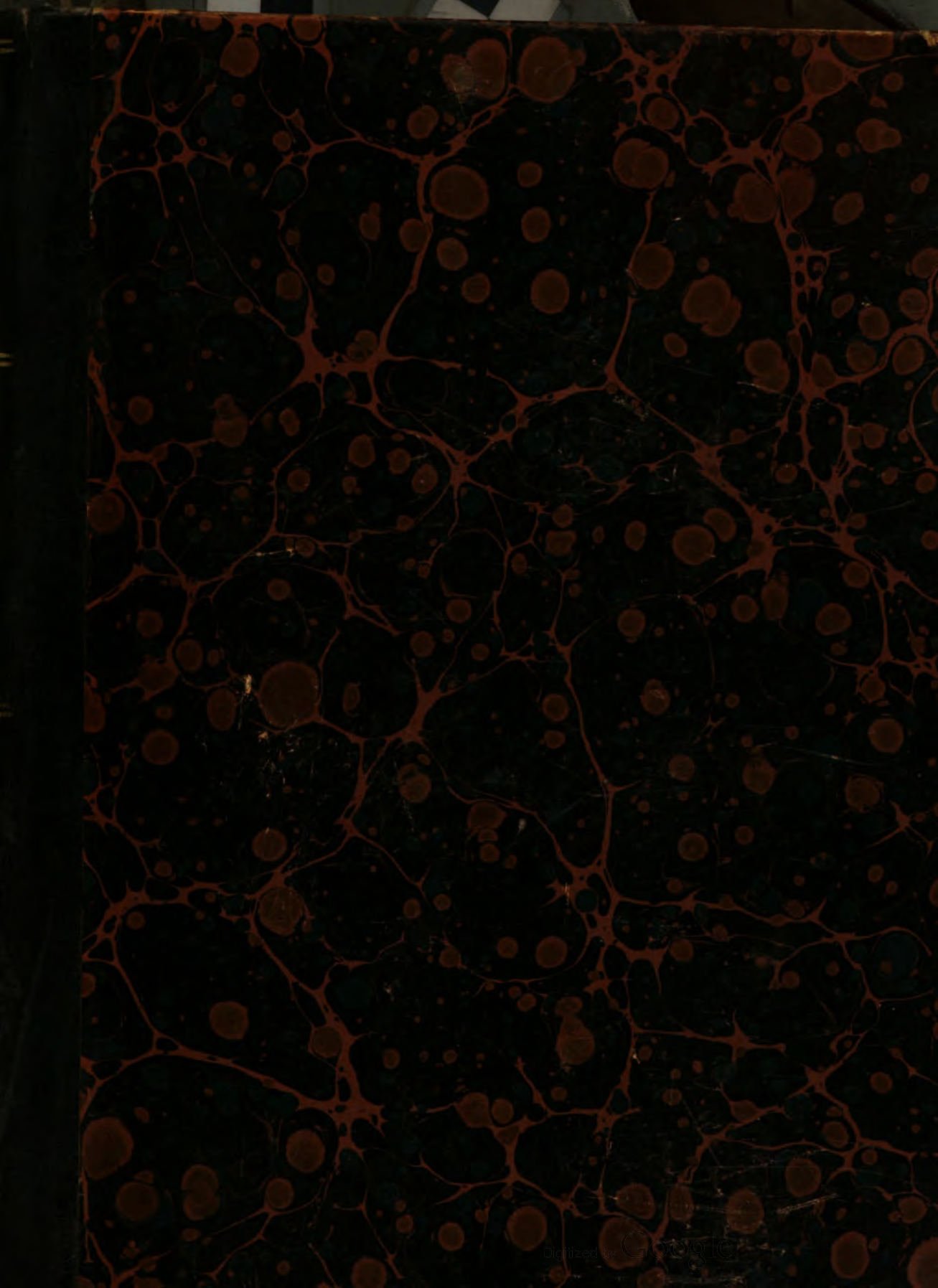
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

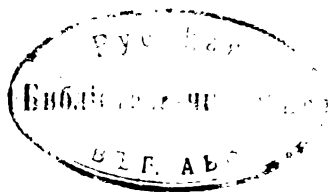
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

~~№ 7177~~
№ 954

3-1

957. *Novy Zhurnal*
НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
Literatury
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
iskusstva i nauki
ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ I

(ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ — МАРТЪ 1902 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

(Годъ шестой.—Т. XIX-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

1902

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1902 г. по 31-е декабря 1902 г.) 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р., за границу 8 р.; полугодовая 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 3 р., за границу 5 р. За перемѣну адреса; иногородняго на иногородній 28 к., многогородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній 50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 1 до 2 ч. по полудни). Телефонъ 2327.

■ За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений, редакция не принимаетъ на себя ответственности. ■

При мартовской книгѣ «Новаго Журнала Иностранной Литературы» всѣмъ петербургскимъ подписчикамъ разсылается иллюстрированное объявленіе «Торговаго дома Кончаевъ и Волковъ».

РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
Ө. И. БУЛГАКОВА
ВЕНЕРА И АПОЛЛОНЪ

ВЪ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЪ.

(Два истонныхъ идеала красоты женской и мужской).

40 фотогравюръ in-folio.

Съ наилучшихъ произведеній

35 знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи Возрожденія, изъ европейскихъ музеевъ.

Пояснительный текстъ съ описаніемъ картинъ и скульптурныхъ произведеній и съ біографіями ихъ авторовъ напечатанъ отдѣльной книгой со множествомъ виньетокъ.

Цѣна 18 р.

Съ пересылкой 20 »

Въ продажѣ издается лишь весьма незначительное количество экземпляровъ.

Разсрочка платы прекращена. Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

Цѣна изящной папки 2 р., съ пересылкой—2 р. 50 коп.

Годовые подписчики на „Новый Журналъ Иностранной Литературы“ пользуются уступкою 10 процентовъ съ 18 руб.

Адресоваться: въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Малая Морская. 9).

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
Ө. И. БУЛГАКОВА
НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССИИ

ВЪ КАРТИНАХЪ В. В. ВЕРЕЩАГИНА

16 ФОТОГРАВИРЪ

СЪ ОПИСАНІЕМЪ ИХЪ САМИМЪ ХУДОЖНИКОМЪ

(Въ форматѣ изданій Ө. И. Булгакова «Мейсонье», «Альма Тадема», «Кнаусъ» и «Менцель»)

16 фотогравюръ на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна 4 руб.; съ перес. 4 р. 50 к. За экземпляръ въ изящномъ переплетѣ добавляется 75 коп.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9, Ө. И. Булгакову.

Для подписчиковъ «НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», адресуемыхъ въ редакцію его (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9), уступка 10% съ 4 руб. и пересылка бесплатно.

Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. I.

МАРТЪ 1902 г.

№ 3-4

О ПОДПИСКѢ НА 1902 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ:

	СТРАН.		СТРАН.
I. Весна. Съ картины Асти	243	сая эпопея. (Съ вин. и портр.).	
II. Наука метафизическаго врачеванія и книга г-жи Эдди. Марка Твэна. (Съ вин.)	244	Е. М. Студенской.	271
III. Декадентскіе рисунки: «Вечерніе звуки» и «Томленіе лягушки».	253	IX. Геометрическія мечтанія. (Съ 4 илл.)	274
IV. Датскій скульпторъ Стефанъ Синдингъ. (Съ 3 илл.)	254	X. Картинная фотографія. Ричарда Стериса. (Съ 13 илл.)	276
V. Все для нея (Фероди). Стихотвореніе Е. М. Студенской.	258	XI. Поэтъ мысли (Фридрихъ Нитцше). (III гл.). А. М. Бобрищева-Пушкина. (Съ вин.)	286
VI. Изъ дѣйствительной жизни. Разказы Конанъ Дойля. (Съ иллюстраціями). (II. Любовная исторія Джорджа Винцента Паркера). (Съ 3 илл.)	259	XII. Ирравади. В. С. Скоттъ О-Конноръ. (Съ 11 илл.)	299
VII. Удача и неудача, какъ результатъ душевнаго настроенія. (Психологическій этюдъ). А. Э. (Съ виньеткой).	267	XIII. Отчего мы сѣдемъ? Д-ра О. А. Литинскаго. (Съ 2 илл.)	310
VIII. Р. Киплингъ и его солдат-		XIV. Смерть Изольды отъ любви. (Рисунокъ).	313
		XV. Разговоры объ искусствѣ, В. М. Гёнта. (Съ виньетк.)	314
		XVI. Смѣшанное общество. (Современное символистическое видѣніе). (Съ вин. и 2 илл.)	318

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА.

34 статей и замѣтокъ съ иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 322) . 321—378

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Въ переводѣ прозой П. И. Вейнберга. Съ новѣйшими иллюстраціями	33— 48
Плутархъ XIX вѣка. (Новый томъ). Знаменитые люди XIX вѣка въ біографіяхъ и портретахъ. Вып. III-й: Вильямъ Гладстонъ (съ портр.), Сѣренъ Киркегоръ (съ портр.), Робертъ Браунингъ (съ портр.), Елизавета Бареттъ-Браунингъ (съ портр.), Исаія Тегнеръ (съ портр.), Морицъ Якоби (съ портр.), Генри Бессемеръ (съ портр.), Джоржъ Уатсъ (съ портр.)	33— 48
Дидро и Екатерина II. Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро. Съ подстрочнымъ текстомъ и примѣчаніями Мориса Турнѣ. Въ переводѣ К. К. Толстого	33— 48
Post-Scriptum моей жизни. Посмертное произведеніе Виктора Гюго. Съ французскаго.	17— 82

НОВѢЙШЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Въ царствѣ шансонетки. Романъ Иветы Гильберъ. (Съ ея портретомъ). Съ французскаго переводъ В. Н. Пушкиной (Напечатанъ въ полномъ видѣ).	1— 95
Вѣчный городъ. Романъ Холль Кэйна (Hall Caine). Съ англійскаго переводъ К. К. Толстого.	65— 96

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тысяча и Одна Ночь. Арабскіе разказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ, съ пояснительными примѣчаніями и репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда. Выпускъ III-й: Разказы 22—28 ночей. Съ рисункомъ на отдѣльномъ листѣ	129—192
Отъ редакціи. Рисунокъ «И Шахразада начала свой разказъ» относится къ стр. 26 «Тысяча и Одна Ночь» (см. выпускъ I-й, январь 1902 г.).	

Дозволено цензурою 26 февраля 1902 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ө. И. Булгаковъ.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
 НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ **В. И. БУЛГАКОВА**
И. К. АЙВАЗОВСКИЙ
 И
 ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ
 (60 лѣтъ художественной славы)

Текстъ: Жизнь, дѣятельность и заслуги И. К. Айвазовскаго. Иллюстраціи: Портреты и болѣе ста избранныхъ картинъ И. К. Айвазовскаго съ 1840 г. по 1900 годъ, въ автотипіяхъ и фототипіяхъ.

(Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4).

Цѣна 6 руб., съ пересылкой 6 руб. 50 коп.

Желающіе получить изданіе въ изящной папкѣ добавляютъ 50 к., а въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 50 к.

Для петербургскихъ подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресующихся непосредственно въ редакцію его (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9), уступка 10% (съ 6 руб.), а для иногородныхъ—пересылка бесплатно.

Рисунокъ крышки переплета.

Адресоваться: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. **В. И. Булгакову.**
 Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ **В. И. БУЛГАКОВА**
ЗНАМЕНИТЫЕ ХУДОЖНИКИ XIX ВѢКА.

Избранныя произведенія съ подробными біографіями и характеристиками художниковъ, оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ искусствѣ яркой индивидуальностью творчества, идеальнымъ содержаніемъ и образцовымъ исполненіемъ.

Въ продажѣ имѣются въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ
 роскошно иллюстрированныя монографіи:

АЛЬМА ТАДЕМА и его произведенія. || **МЕНЦЕЛЬ** (сто иллюстрацій).
Л. КНАУСЪ и его произведенія. || **МЕЙСОНЬЕ** (картины и рисунки).

Цѣна каждаго тома 3 руб. 50 коп., пересылка 50 коп.

Адресующіеся въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9) за пересылку не платятъ.

МАРТЪ.

Весна. Съ картины Асти.

НАУКА МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ВРАЧЕВАНІЯ

и

КНИГА Г-ЖИ ЭДДИ.

Марка Твэна.

(Съ англійскаго переводъ Е. Н. Ломиковской).

«Въ первый разъ съ сотворенія міра раздался въ пространствѣ голосъ, выражающій такую спокойную и самодовольную увѣренность и повелительность».

I.

Возвращаясь въ Вѣну послѣ лѣчебнаго курса въ горахъ, я въ сумеркахъ оборвался съ утеса и разбился въ дребезги. Къ счастью, меня нашли крестьяне, потерявшие осла, и принесли въ ближайшее жильё. Это былъ большой, низкій фермерскій домъ, крытый тростникомъ, съ жилыми комнатами для семьи на чердакѣ и съ замысловатымъ маленькимъ портикомъ подъ низкой покатою кровлей, украшеннымъ ящиками яркихъ цвѣтовъ и кошками. Въ нижнемъ этажѣ была обширная, свѣтлая гостинная, отдѣленная перегородкой отъ помѣщенія для молочнаго скота, а на переднемъ дворѣ красовалась гордость и богатство дома, — грандиозная и великолѣпная куча навоза.

Въ милѣ отъ этого дома находилось село, въ которомъ жилъ коноваль, хирурга же никакого не было по близости, а такъ какъ случай со мною, очевидно, былъ хирургическій, то положеніе мое оказывалось очень печальнымъ. Хозяева мои вспомнили тогда, что въ вышеупомянутомъ селѣ проводила лѣто одна, прибывшая изъ Бостона, дама, которая была докторомъ «метафизической науки» и могла излѣчивать все, что угодно. За нею послали. Между тѣмъ наступила ночь, и ей

неудобно было прійти, но она прислала сказать, что это ничего не значитъ, что дѣло не спѣшное и что она будетъ «лѣчить» меня на разстояніи», а утромъ она придетъ; она добавила, что проситъ меня быть спокойнымъ и помнить, что со мною ничего не случилось. Тутъ я подумалъ, что навѣрное произошло недоразумѣніе.

— Сказали вы ей, что я свалился съ высоты семидесяти пяти футовъ?

— Сказала!

— И что, упавъ въ пропасть и ударившись объ обломки скалы, я полетѣлъ дальше?

— Сказала!

— Что затѣмъ ударился о другой обломокъ и снова полетѣлъ?

— Сказала!

— А что послѣ того опять ударился и опять полетѣлъ, сказали?

— Сказала!

— И что я раскрошилъ обломки скалы?

— Сказала!

— Ахъ! Вотъ въ чемъ дѣло! Она сосредоточила свое вниманіе на разбитой скалѣ.

Сказали вы ей, что *и* я расшибся?

— Сказала; я ей все сказала, что вы мнѣ вѣдали: что вы теперь представляете с бой

безпорядочный комок сложных переломовъ отъ макушки до пятокъ, и что выступающія кости дѣлаютъ васъ похожимъ на вѣшалку для шляпъ.

— И послѣ этого она выразила желаніе, чтобы я помнилъ, что ничего не случилось со мною?

— Таковы были ея слова.

— Ничего не понимаю. Я думаю, что она недостаточно внимательно изслѣдовала мой случай. Какое она произвела на васъ впечатлѣніе? Имѣла ли она видъ человѣка, говорящаго теоретически, или человѣка, который самъ падаль въ пропасти и на помощь отвлеченной науки призываетъ свидѣтельство личнаго опыта?

— Чтò прикажете?..

Такая фраза оказалась не по средствамъ для лексикона служанки; я прекратилъ разговоръ на эту тему и попросилъ дать мнѣ поѣсть, покурить, чего-нибудь горячаго выпить и прислать кого-нибудь болѣе способнаго помочь мнѣ провести время; но на всѣ мои просьбы отвѣчали отказомъ.

— Почему?

— Она сказала, что вамъ ровно ничего не нужно.

— Но я голоденъ, мнѣ хочется пить, и я отчаянно страдаю.

— Она сказала, что у васъ будутъ подобныя иллюзіи, но что вы не должны обращать на нихъ вниманіе. Она особенно желаетъ, чтобы вы помнили, что на свѣтѣ вовсе не существуетъ такихъ предметовъ, какъ голодъ, жажда и страданія.

— Неужели она этого желаетъ?

— Таковы были ея слова.

— Находится ли она въ полномъ функциональномъ обладаніи своихъ интеллектуальныхъ способностей?

— Чтò прикажете?

— Ходить ли она на свободѣ или ее связываютъ?

— Связываютъ?!

— Ну, покойной ночи. Идите! Вы добрая дѣвушка, но вашему интеллекту не доступенъ живой и возвышенный разговоръ. Оставьте меня при моихъ иллюзіяхъ.

II.

Я провелъ, конечно, мучительную ночь; по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ, потому что всѣ симптомы мученій были на лицѣ. Наконецъ, ночь миновала, и явилась «метафи-

ческая ученая», приходу которой я очень обрадовался. Это была среднихъ лѣтъ женщина, высокая и костлявая, со строгимъ лицомъ и римскимъ клявомъ; она держалась прямо и самоуверенно; она была вдовою послѣ третьяго мужа, и фамилія ея была Фуллеръ. Я страстно желать поскорѣе приступить къ дѣлу и найти облегченіе, она же приводила меня въ отчаяніе медлительностью своихъ движеній. Она откалывала, отстегивала и снимала по одной каждую принадлежность своего туалета, предварительно расправивъ смявшіеся складки, и не торопясь вѣшала ихъ, затѣмъ она сняла перчатки, сложила ихъ, вынула изъ мѣшечка книгу и придвинула къ моему постели стулъ; когда она неторопливо сѣла на него, я высунулъ языкъ. Она сказала съ выраженіемъ сожалѣнія, но безстрастно:

— Спрячьте это! Мы имѣемъ дѣло съ душою и разумомъ, а не съ ихъ нѣмыми слугами.

Я не могъ протянуть руки, чтобы дать ей ощупать пульсъ, потому что суставъ кисти былъ переломленъ; но она отгадала мое намѣреніе прежде, чѣмъ я успѣлъ выразить свое извиненіе, и отрицательнымъ кивкомъ головы дала мнѣ понять, что пульсъ также нѣмой слуга, который ей не нуженъ. Тогда я подумалъ, что надо же ей изложить симптомы моихъ страданій и объяснить, какъ я себя чувствую, чтобы она могла понять, въ чемъ дѣло. Но и это оказалось лишнимъ; она сказала, что ни въ чемъ этомъ не нуждается, и прибавила, что мое объясненіе, какъ я себя чувствую, есть не что иное, какъ неправильное примѣненіе выраженій.

— Нельзя чувствовать, — объясняла она, — чувствованія не существуетъ, а потому говорить о несуществующихъ вещахъ нелѣпно. Матерія не существуетъ; ничего не существуетъ, кромѣ души и разума; разумъ не можетъ чувствовать страданій, онъ можетъ только ихъ воображать.

— Но если больно, это выходитъ тоже...

— Не больно. Несуществующая вещь не можетъ исполнять функций дѣйствительности. Страданія не существуютъ, — следовательно, они не могутъ причинять боль.

Говоря это, она сдѣлала движеніе рукой, какъ бы желая показать, что надо изгнать изъ головы иллюзію боли, и при этомъ укололась о булавку, воткнутую въ ея платье и, издавъ «Ухъ!», спокойно продолжала свою рѣчь.

— Никогда не говорите о томъ, какъ вы себя чувствуете, да и другимъ не позволяйте спрашивать васъ объ этомъ; никогда не допускайте мысли о томъ, что вы больны, и другимъ не позволяйте говорить въ вашемъ присутствіи о болѣзни, страданіи, смерти и тому подобныхъ несуществующихъ предметахъ. Такіе разговоры только поощряютъ разумъ заниматься пустыми мечтаніями.

Какъ разъ въ это время служанка наступила на хвостъ кошкѣ, которая неистово завизжала. Тогда я осторожно спросилъ:

— Можно ли придавать цѣну мнѣнію кошки о боли?

— У кошки нѣтъ мнѣнія; мнѣніе вырабатывается только разумомъ; такъ какъ низшія животныя подвержены вѣчной гибели, то они не одарены разумомъ, а безъ разума не можетъ быть мнѣнія.

— Значитъ, кошка только вообразила, что почувствовала боль?

— Она не можетъ воображать боли, потому что воображеніе—функция разума; безъ разума нѣтъ воображенія. У кошки нѣтъ воображенія.

— Такъ, значитъ, она испытала дѣйствительную боль?

— Я уже сказала вамъ, что на свѣтѣ нѣтъ такихъ вещей, какъ дѣйствительная боль.

— Это удивительно и чрезвычайно интересно. Мнѣ любопытно знать, чтò случилось съ кошкой? Такъ какъ дѣйствительной боли не существуетъ, а въ то же время кошка не способна создать воображаемую боль, то, должно быть, она свыше одарена какою-нибудь таинственною эмоціею, которая имѣетъ мѣсто тогда, когда ей наступаютъ на хвостъ и которая на этотъ моментъ соединяетъ братскими узами кошку и человѣка.

Она гнѣвно закричала:

— Довольно! Кошка ничего не чувствуетъ, человѣкъ ничего не чувствуетъ. Ваши пустые и глупыя выдумки—богохульство и могутъ причинить вамъ вредъ. Умнѣе, лучше и благочестивѣе будетъ признать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего подобнаго болѣзнямъ, страданіямъ и смерти.

— Но меня одолѣваютъ воображаемыя мученія,—скромно сказалъ я,—и не думаю, чтобы я могъ чувствовать себя хуже, если бы они были дѣйствительными. Чтò мнѣ дѣлать, чтобы избавиться отъ нихъ?

— Разъ они не существуютъ, то нѣтъ никакой надобности отдѣлываться отъ нихъ.

Они—иллюзіи, порожденные матеріею, а матеріи не существуетъ. Нѣтъ такого предмета, какъ матерія.

— Оно какъ будто правильно и ясно, но только до извѣстной степени; какъ только хочешь уловить смыслъ, такъ онъ и ускользаетъ.

— Объяснитесь!

— Напримѣръ, — если матерія не существуетъ, какъ она можетъ порождать что-нибудь?

Она почти улыбнулась отъ жалости ко мнѣ. Она бы улыбнулась, если бы на свѣтѣ существовала такая вещь, какъ улыбка.

— Это очень просто, — сказала она. Это объясняется основными положеніями «метафизической науки», сѣмированными въ слѣдующихъ четырехъ предложеніяхъ, ясность которыхъ очевидна: 1) Богъ—все во всемъ. 2) Богъ благодѣя, Благо—разумъ. 3) Богъ, Духъ все, значитъ, ничто—матерія. 4) Жизнь, Богъ, всемогущее добро отрицаютъ смерть, зло, грѣхъ, болѣзнь. Ну, теперь вы понимаете?

Мнѣ это казалось туманнымъ; оно какъ будто не выводило изъ даннаго затрудненія,—не объясняло, какъ несуществующая матерія можетъ порождать иллюзіи. Я нерѣшительно спросилъ:

— Развѣ... это... объясняется?..

— А развѣ нѣтъ? Если прочитать эти предложенія навыворотъ, то и тогда будетъ ясно.

У меня пробудилась надежда, и я попросилъ ее прочитать навыворотъ.

— Съ удовольствіемъ. Болѣзнь, грѣхъ, зло, смерть отрицаютъ добро, всемогущій Богъ, жизнь, матерія ничто, значитъ, все Духъ, Богъ, разумъ—благо, благодѣя Богъ во всемъ, все Богъ. Ну, а теперь понимаете?

— Да... оно... яснѣе, чѣмъ было раньше; только...

— Чтò?

— Не можете ли вы прочитать это какъ-нибудь еще иначе?

— Какъ угодно, и всегда значеніе будетъ одинаково. Какъ бы вы ни перемѣщали слова, оно не можетъ означать что-нибудь другое, кромѣ того, чтò оно означаетъ, потому что оно совершенно. Вы можете совершенно смѣшать слова и это не сдѣлаетъ никакой разницы; всегда смыслъ останется тотъ же. Этотъ умственный *tour de force* не имѣетъ себѣ равнаго.

— Да... фокусъ!

Сказавъ это слово, я покраснѣлъ, но не могъ уже его вернуть.

— Что?

— Удивительное построение... сочетание, такъ сказать, глубокихъ мыслей... невысказанныхъ мыслей... не...

— Правда. Какъ бы вы ни читали эти четыре предложенія — прямо ли, наизусть ли, перпендикулярно ли, подъ какимъ угодно угломъ, они всегда будутъ согласоваться въ изложеніи и доказательности.

— Ахъ! доказательность. Вотъ мы до нея и дошли. Изложеніе согласуется; оно согласуется съ... все равно, оно согласуется; я это замѣтилъ; но что эти предложенія доказываютъ, то-есть въ отдѣльности?

— Ничего не можетъ быть яснѣе. Они доказываютъ: 1) Богъ — принципъ, жизнь, истина, любовь, душа, духъ, разумъ. Понимаете?

— Да... какъ будто. Продолжайте, пожалуйста.

— 2) Человѣкъ — Божья всемірная мысль, индивидуальная, совершенная, вѣчная. Ясно?

— Какъ жется. Продолжайте!

— 3) Мысль — образъ въ разумѣ; непосредственный объектъ пониманія. Вотъ она вся дивная тайна «христіанской науки», собранная въ орѣховую скорлупку. Найдете ли вы тутъ какое-нибудь слабое мѣсто?

— Пожалуй, что не найду. Оно кажется мнѣ сильнымъ.

— Прекрасно. Но пойдемъ далѣе. Эти три предложенія составляютъ научное опредѣленіе безсмертнаго разума. Затѣмъ идетъ научное опредѣленіе смертнаго разума. Первая степень: Развращенность. 1) Физическая — страсти, вожделѣнія, страхъ, извращенная воля, гордость, зависть, обманъ, ненависть, мстительность, грѣхъ, болѣзнь, смерть.

— Призраки, сударыня, несуществующія вещи, какъ я это понимаю.

— Каждая изъ нихъ. Вторая степень: Исчезновеніе зла. 1) Нравственное — честность, привязанность, состраданіе, надежда, вѣра, кротость, воздержаніе. Ясно?

— Какъ хрусталь.

— Третья степень. Духовное спасеніе. 1) Духовное — вѣра, мудрость, сила, чистота, пониманіе, здоровье, любовь. Вы видите, какъ это все обработано однородно, взаимно-связано и человѣчно. Въ этой третьей

степени, какъ учить насъ «метафизическая наука», исчезаетъ смертный разумъ.

— Не ранѣе?

— Нѣтъ, не ранѣе, чѣмъ будутъ завершены ученіе и подготовка къ третьей степени.

— Значитъ, до этого никто не можетъ освоиться съ «метафизической наукой», насколько я васъ понимаю, относиться къ ней съ должнымъ чувствомъ симпатіи и сродниться съ нею. То-есть она будетъ не дѣйствительна во время прохожденія второй степени, потому что тогда сохраняются еще отатки разума, а потому... но я прервалъ васъ. Вы собирались объяснить далѣе хорошіе результаты отъ вытравливанія и раздробленія, которыя производитъ третья степень. Это очень интересно. Продолжайте, пожалуйста!

— Да, въ этой третьей степени, какъ я сказала, исчезаетъ смертный разумъ. Наука такъ переставляетъ очевидность передъ тѣлесными чувствами человѣка, что наши сердца усваиваютъ истину свидѣтельства писанія, говорящаго, что «послѣдній будетъ первымъ, а первый послѣднимъ», и что Богъ и Его мысль становятся для насъ тѣмъ, чѣмъ они есть и чѣмъ должна быть Божественность, а именно все заключающимъ въ себѣ.

— Это превосходно. И съ какою изумительною точностью вашъ выборъ и сочетаніе словъ подтверждаютъ и устанавливаютъ то, что вы называете силою и функциею третьей степени! Вторая степень могла бы, вѣроятно, произвести только временное отсутствіе разума, третьей же степени предназначено сдѣлать это отсутствіе постояннымъ. Правило, составленное подъ влияніемъ второй степени, можетъ имѣть только обманчивое значеніе, между тѣмъ какъ только подъ магическимъ влияніемъ третьей степени это правило станетъ совершеннымъ. Зато, безъ сомнѣнія, «метафизическая наука» обязана третьей степени еще однимъ замѣчательнымъ своимъ свойствомъ, а именно легкостью, плавностью и богатствомъ слогъ, а также гармоничностью, полетомъ и гладкостью своего слога. Этому должна быть особая причина?

— Да. — Богъ — все, все — Богъ, благій Богъ, не-матерія, матеріализація, духъ, истина.

— О! Это объясняетъ все.

— Въ «метафизической наукѣ» ничего нѣтъ необъяснимаго; ибо Богъ одинъ, время одно, индивидуальность одна, но она можетъ

быть одной изъ многихъ, какъ отдѣльной человѣкъ, отдѣльная лошадь, между тѣмъ какъ Богъ единый, не одинъ изъ многихъ, но единый безъ равнаго.

— Это возвышенныя мысли, и я сгораю нетерпѣніемъ узнать больше. Какъ «метафизическая наука» объясняетъ взаимныя отношенія души и тѣла?

— «Метафизическая наука» опровергаетъ кажущееся отношеніе души и тѣла, какъ астрономія опровергаетъ человѣческое воспріятіе движенія солнечной системы, и считаетъ тѣло данникомъ души. Какъ земля вертится, между тѣмъ какъ солнце неподвижно, хотя, видя, какъ солнце встаетъ, кажется невозможнымъ повѣрить, чтобы оно не вставало въ дѣйствительности, точно также тѣло — покорный слуга подвижнаго разума, хотя ограниченными чувствамъ кажется обратное. Но мы этого никогда не поймемъ, пока мы будемъ допускать, что душа заключается въ тѣлѣ или разумъ въ матеріи и что человѣкъ заключенъ въ неинтеллектуальную оболочку. Душа есть Богъ, неизмѣнный и вѣчный; человѣкъ существуетъ съ душою и отражаетъ ее, потому что Весь-во-всемъ есть Все-вмѣстѣ, а Все-вмѣстѣ заключается въ себя Всеединнаго, душу-разумъ, разумъ-душу, любовь, духъ, кости, печень, одного изъ многихъ, единаго безъ равнаго.

(Удивительное дѣйствіе производитъ эта метафизика на кишечникъ, особенно третья степень; она невольно заставляетъ думать о холерѣ. Я только подумалъ это, но не высказать).

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, о происхожденіи «метафизической науки». Это даръ свыше или человѣческое изобрѣтеніе?

— Съ одной стороны, это даръ свыше, т. е. ея силы отъ Неба, но открытіемъ этихъ силъ обязаны одной американской дамѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Когда это случилось?

— Въ 1866 году. Это безсмертная дата, когда изъ міра исчезли навсегда страданія, болѣзни и смерть, т. е. исчезли призраки, которые обозначались этими словами. Они сами по себѣ никогда не существовали; поэтому, какъ только увидѣли, что ихъ вовсе нѣтъ, ихъ легко было изгнать. Исторія и свойства этого великаго открытія изложены въ этой книгѣ, и...

— Книгу написала эта дама?

— Да, она ее всю сама написала. Ея заглавіе: «Наука и здоровье, съ ключемъ къ

Священному Писанію». Она объясняетъ священное писаніе, потому что до нея его никто не понималъ. Она такъ начинается — я вамъ сейчасъ прочитаю.

Но она забыла дома очки.

— Впрочемъ, этоничего, — сказала она: — я, какъ и всѣ поствѣдователи этой науки, знаю книгу наизусть; это обязательно при нашей практикѣ. Иначе мы дѣлали бы ошибки и приносили бы вредъ. Она начинается такъ: «Въ 1866 году я открыла науку метафизическаго врачеванія и назвала ее христіанской наукой. Посредствомъ христіанской науки религія и медицина вдохновляются болѣе божественнымъ свойствомъ и сущностью; вѣра и пониманіе получаютъ свѣжія крылья, и мысли разумно знакомятся съ Богомъ». Это буквально ея слова; они прекрасны.

— Они изящны, и я нахожу очень хорошей мысль соединить медицину съ религіею, вмѣсто того, чтобы соединять ее съ гробовщикомъ, какъ это было до сихъ поръ. Въ сущности, религія и медицина должны идти рука объ руку, потому что онѣ составляютъ основаніе духовнаго и физическаго здоровья. Какого рода лѣкарства даете вы при обыкновенныхъ болѣзняхъ, въ родѣ...

— Мы никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не даемъ лѣкарствъ! Мы...

— Но, сударыня, въ книгѣ говорится...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что тамъ говорится, и я не желаю объ этомъ говорить.

— Мнѣ очень жаль, если я васъ обидѣлъ, но, видите ли, мнѣ кажется, что въ прочтенныхъ вами словахъ есть непослѣдовательность...

— Въ христіанской наукѣ нѣтъ непослѣдовательностей; это немыслимо, потому что наука эта абсолютна. Иначе не можетъ быть, потому что она исходитъ непосредственно отъ Всего во всемъ и отъ Всего въ чемъ-либо, а также душа, кости, истина, одинъ изъ многихъ, единый безъ равнаго. Это математика, опущенная отъ матеріальныхъ отбросовъ и одухотворенная.

— Я это вижу, но...

— Оно зиждется на непоколебимыхъ основахъ анодиктическаго принципа.

Слова эти ударились о мой разумъ, стараясь проникнуть въ него, и нѣсколько смутили меня, но, прежде чѣмъ я успѣлъ освѣдомиться объ ихъ значеніи, она уже начала разъяснять:

— Этот аподиктический принцип есть абсолютный принцип научно-духовнаго врачеванія, верховное всемогущество, которое избавляет людей отъ страданій, болѣзней, разрушенія и всякаго зла, которому подвержена плоть.

— Не отъ всякаго, конечно, зла и разрушенія?

— Отъ всякаго, безъ исключенія; разрушенія не существуетъ, это не дѣйствительность.

— Безъ очковъ ваше слабое зрѣніе не даетъ вамъ возможности...

— Мое зрѣніе не можетъ быть слабымъ. Ничто не можетъ ослабѣвать; разумъ—господинъ, и онъ не допускаетъ никакого движенія назадъ.

Она находилась подъ напѣтомъ третьей степени, а потому было бы бесполезно продолжать на ту же тему. Я перемѣнилъ разговоръ и попросилъ дать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія объ изобрѣтательницѣ науки.

— Явилось ли это открытіе внезапно, или послѣ долгихъ изученій и вычисленій, какъ открытіе Америки?

— Такія сравненія непочтительны по своей тривиальности, но я это пропускаю мимо ушей и отвѣчу вамъ собственными словами изобрѣтательницы: «Богъ въ теченіе многихъ лѣтъ милосердію готовилъ меня къ воспріятію окончательнаго принципа научно-духовнаго врачеванія».

— А сколько именно лѣтъ?

— Восемнадцать вѣковъ.

— Это поразительно!

— Вы правы, сэръ. Однако же, это такъ. На эту американскую даму, нашу почитаемую и священную основательницу, ясно указано, и ея пришествіе предсказано въ двѣнадцатой главѣ Апокалипсиса.

— Какъ это странно и удивительно!

— Я буду цитировать ея собственныя слова изъ ключа къ Священному Писанію: «Двѣнадцатая глава Апокалипсиса заключаетъ въ себѣ специальный намекъ, имѣющій связь съ девятнадцатымъ столѣтіемъ». Видите? Замѣьте это хорошенько.

— Но что это значитъ?

— Слушайте, и вы узнаете. Я опять буду цитировать ея вдохновенныя слова: «Въ снятіи шестой печати, ясно указывающей на шесть тысячъ лѣтъ отъ Адама, есть отличительная черта, которая относится къ настоящему вѣку. И явилось на небѣ ро-

ликое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ». Это наша глава, наша начальница, изобрѣтательница христіанской науки, — ничего не можетъ быть яснѣе и проще. И замѣьте еще: «А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для нея мѣсто». Это Бостонъ.

— Я узнаю его. Это дивныя и трогательныя вещи... Пожалуйте, продолжайте... продолжайте приводить доказательства.

— Хорошо. Слушайте. «И видѣлъ я другаго ангела сильнаго, сходящаго съ неба, облеченнаго облакомъ; надъ головою его была радуга, и лицо его, какъ солнце, и ноги его, какъ столпы огненные. Въ рукѣ у него была книжка». Книжка, только маленькая книжка. Какъ скромны выраженія, а между тѣмъ какой изумительной важности эта книжечка! Знаете ли вы, что это была за книга?

— Неужели...

— Я держу ее въ своихъ рукахъ. Эта книжечка была «христіанская наука».

— Любовь, почвенъ, свѣтъ, кости, истина, родъ человѣческій, одинъ изъ многихъ, единственный безъ равнаго,—это превосходитъ всякое воображеніе.

— Слушайте краснорѣчивыя слова нашей основательницы: «Тогда гармоничный голосъ воскликнулъ: «Возьми книжку и съѣшь ее; она будетъ горька во чревѣ твоемъ, но въ устахъ твоихъ будетъ сладка, какъ медъ! Смертные, послушайте голоса съ неба! Примите божественную науку. Прочитайте ее отъ начала до конца. Изучите ее, взвѣсите ее. Она дѣйствительно при первой пробѣ покажется сладкою, когда исцѣлитъ васъ; но не ронсите на истину, если вы найдете ее горькою при усваиваніи». Теперь вамъ извѣстна исторія нашей дорогой, святой науки и то, что происхожденіе ея не земное, а что она только открыта на землѣ. Я теперь уйду и оставляю вамъ книгу. Вы не тревожьтесь, я все время, пока не лягу спать, буду васъ лѣчить издали.

III.

Подъ вліяніемъ какъ близкаго, такъ и дальняго лѣченія, мои кости стали постепенно возвращаться на свои мѣста. Дѣло пошло очень быстро. Мое тѣло усердно вытягивалось то въ одну, то въ другую сторону, при-мѣняясь къ процессу возстановленія, и каждую минуту или двѣ я слышалъ глухой

трескъ, доказывавшій, что края сломанной кости удачно соединились. Эготъ заглушенный трескъ и треніе прекратились черезъ три часа, когда всѣ поломанныя кости срослись и исцѣлились. Остались только вывихи; ихъ было всего семь: въ бедрахъ, плечахъ, колѣнныхъ и шеѣ, а потому они быстро были выправлены: одинъ за другимъ входили въ свои чашки, производя шумъ, подобный раскупориванію бутылки; когда они всѣ были на мѣстѣ, я вскочилъ съ постели и послалъ за коноваломъ.

Я принужденъ былъ къ тому болѣу въ желудкѣ и головѣ и не хотѣлъ болѣе довѣряться для излѣченія этихъ болѣзней женщинѣ, которую вовсе не зналъ и въ искусство которой излѣчивать обыкновенныя болѣзни я окончательно извѣрился. Мое недовѣріе оправдывалось тѣмъ фактомъ, что лѣчение болѣй въ желудкѣ и головѣ было ей поручено съ самаго начала, вмѣстѣ съ переломами, а между тѣмъ я не только не получилъ ни малѣйшаго облегченія отъ этихъ болѣй, но, напротивъ, онѣ становились все острѣе, вѣроятно, вслѣдствіе продолжительнаго воздержанія отъ пищи и питья.

Явился коноваль, — веселый человѣкъ, полный надеждъ и профессиональнаго интереса къ моей болѣзни. Онъ былъ изрядно ароматиченъ: отъ него пахло какъ отъ лошади, и я попробовалъ было устроить съ нимъ лѣчение на разстояніи, но такъ какъ это не было его спеціальностью, то я, изъ деликатности, не настаивалъ. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ зубы, освидѣтельствовалъ мои подколѣнки и сказалъ, что мой возрастъ и общія условія благоприятны для примѣненія энергичныхъ мѣръ, а потому онъ мнѣ даетъ средство, которое превратитъ мою головную боль въ колеръ, а желудочной придастъ характеръ лошадиной болѣзни, послѣ чего, очутившись на знакомой почвѣ, онъ будетъ знать, какъ меня лѣчить. Онъ приготовилъ цѣлое ведро питья изъ отрубей и сказалъ, что если я буду принимать каждые два часа по ковшику этой жидкости въ перемежку со слабительнымъ, составленнымъ изъ терпентина и колесной мази, то или мои болѣзни исчезнутъ черезъ двадцать четыре часа или мое вниманіе будетъ такъ отвлечено въ другую сторону, что я забуду объ ихъ существованіи. Онъ самъ далъ мнѣ принять первую дозу, послѣ чего распростился со мною, сказавъ, что я могу ѣсть и пить все, что

мнѣ угодно и сколько мнѣ угодно. Но я уже не чувствовалъ болѣе голода и не думалъ объ ѣдѣ.

Я взялъ книгу о наукѣ метафизическаго врачеванія, прочиталъ половину ея, затѣмъ принялъ ковигъ слабительнаго и прочиталъ вторую половину книги. Результаты этого оказались полными интереса и приключеній. Сквозь бурчаніе, дрожь и страданія, сопровождавшія превращеніе боли желудка въ лошадиную болѣзнь и головной боли въ колеръ, я наблюдалъ за борьбою, которую вели между собою за главенство отруби, слабительное и литература, и часто я могъ сказать, что одерживало верхъ, и ясно могъ отличить литературу отъ двухъ другихъ, но только тогда, когда они дѣйствовали въ отдѣльности, потому что, когда смѣшаны питье изъ отрубей и эклектическое слабительное, они становятся замѣчательно похожими въ своихъ проказахъ на аподиктический принципъ, и ихъ не разберешь. Наконецъ, эволюція завершилась и пришла къ благополучному концу, но я думаю, что можно было достигнуть тѣхъ же результатовъ при меньшемъ расходѣ матеріала. Я допускаю, что отруби были необходимы для превращенія боли желудка въ лошадиную болѣзнь, но нахожу, что одной литературы было бы совершенно достаточно для того, чтобы довести до колера, и къ тому же колеръ, полученный такимъ путемъ, былъ бы лучшаго качества и болѣе прочный, чѣмъ колеръ, полученный черезъ искусственныя средства коновала.

Изъ всѣхъ странныхъ, неистовыхъ, непонятныхъ и необъяснимыхъ книгъ, которыя когда-либо были созданы человѣческимъ соображеніемъ, эта книга выдѣляется какъ образецъ, достойный преміи. Она написана съ безграничною самонадѣянностью и самоудовольствомъ, такъ рѣшительно, такъ горячо и такъ серіозно, что слова ея часто производятъ впечатлѣніе краснорѣчиваго изложенья даже тогда, когда нельзя добраться до ихъ смысла. Есть много людей, воображающихъ, что они понимаютъ эту книгу; я это знаю, потому что бесѣдовалъ съ ними; но это были все такіе люди, которые также воображали, что на свѣтѣ вовсе не существуетъ такихъ вещей, какъ страданія, болѣзни, смерть и вообще все реальное; что въ дѣйствительности существуетъ одинъ только разумъ. Мнѣ кажется, что это лишаетъ цѣны свидѣтельства этихъ людей. Когда они го-

вѣрять о «христіанской наукѣ», они поступаютъ такъ, какъ поступила мистрессъ Фуллеръ; они пользуются не своими словами, а говорятъ языкомъ книги. Они выкладываютъ изъ нея бросающіяся въ глаза несообразности, и въ послѣдствіи узнаете, что они говорили не отъ себя, а только цитировали. Они, повидимому, знаютъ всю книгу наизусть и почитаютъ ее какъ вторую біблію. Просто говоря, книга эта была написана подъ вліяніемъ умственного разстройства третьей степени, и я увѣренъ, что никто, кромѣ членовъ этой степени, не найдетъ въ ней ни малѣйшаго смысла. При чтеніи ея кажется, что слушаешь горячую, наступательную рѣчь на незнакомомъ языкѣ, рѣчь, духъ которой вы улавливаете, но смысла которой вы не понимаете. Или кажется, что слушаешь громкій инструментъ, производящій шумъ, который онъ считаетъ за музыкальный тонъ, но который для безпристрастныхъ слушателей не что иное, какъ воинственные звуки тромбона, безъ всякаго смысла раздражающіе душу своимъ шумомъ.

Книга эта дышитъ такимъ блаженнымъ самодовольствомъ, что кажется, будто оно небеснаго происхожденія и нѣтъ ему равнаго на землѣ. Человѣкъ не можетъ быть до такой степени спокойно увѣреннымъ во все, чувствовать себя дотога выше другихъ и быть такъ радостно довольнымъ своимъ произведеніемъ. Не давая абсолютно ничего, что можно было бы назвать очевидностью, и часто даже вовсе не упоминая о послыжкѣ, изъ которой выведено заключеніе, авторъ рѣшительно заявляетъ «я доказалъ»! Для того, чтобы установить значеніе какого нибудь одного неяснаго текста Священнаго Писанія, собираются всѣ силы Церкви съ паною во главѣ и долго изучаютъ и обдумываютъ этотъ текстъ. Авторъ же науки метафизическаго врачеванія стоитъ выше всего этого; онъ находитъ все Священное Писаніе неяснымъ и въ очень короткое время безъ всякой траты умственныхъ силъ разъясняетъ его страницу за страницей, передѣлываетъ и совершенствуетъ ихъ смыслъ и затѣмъ авторитетно устанавливаетъ этотъ смыслъ одной формулой, которую, однако, нельзя выразить словами: «Да будетъ свѣтъ!» «И былъ свѣтъ». Въ первый разъ съ сотворенія міра раздался въ пространствѣ голосъ, выражающій такую спокойную и самодовольную увѣренность и повелительность.

IV.

Еще нѣсколько словъ объ авторскомъ правѣ или, вѣрнѣе, о вопросѣ исправленій и пересмотра. Мы знаемъ, что Приложение къ Библии было написано не мистрессъ Эдди, но было ей вручено восемнадцать столѣтій тому назадъ апокалипсическимъ ангеломъ. Теперь вопросъ заключается въ томъ: перевела ли она его одна или при посторонней помощи? Очевидно, что ей помогли, потому что есть четыре различныхъ перевода 1875, 1885, 1890 и 1894 годовъ. Книга явилась на землѣ не на англійскомъ языкѣ, потому что она въ такомъ случаѣ не могла бы дать авторскаго права, такъ какъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ не существовало законовъ объ авторскихъ правахъ, да я думаю, что и англійскаго языка тогда не существовало. Это дѣлаетъ очевиднымъ тотъ фактъ, что Приложение есть переводъ. Такъ почему же ихъ было сдѣлано четыре? Развѣ первый переводъ былъ не полный? А если онъ былъ полный, почему послѣдующимъ были дарованы авторскія права?

Я подозреваю, что первый переводъ былъ плохой и что другіе или друзья мистрессъ Эдди исправляли его три раза, послѣ чего онъ и явился въ настоящемъ своемъ видѣ, правильно сдѣланный съ грамматической точки зрѣнія; слогъ гладкій и доступный для чтенія, хотя фразы не имѣютъ никакого смысла. Мнѣ кажется, что я правъ, высказывая это подозрѣніе, потому что мистрессъ Эдди въ настоящее время не умѣетъ писать по-англійски, — значитъ, она и раньше не умѣла. Я не могу угадать, кто сдѣлалъ исправленія, но думаю, что они сдѣланы не членомъ компаніи Эдди и не издателями «Christian Science Journal», потому что ихъ слогъ немногимъ лучше слога мистрессъ Эдди. Явнымъ доказательствомъ тому, что не сама мистрессъ Эдди сдѣлала исправленія, могутъ служить образцы изъ послѣднихъ статей, вышедшихъ изъ-подъ ея неугомоннаго пера. Слогъ ихъ оригиналенъ, самонпроизволенъ и волюнъ неправиленъ. Если бы она одна сдѣлала переводъ Приложения, то и его языкъ былъ бы такимъ же.

Приложение заключаетъ въ себѣ одно юмористическое примѣчаніе. Оно снабжено обширнымъ и подробнымъ указателемъ, которому предшествуетъ слѣдующая замѣтка: «Изучающій эту книгу найдетъ въ указателѣ всѣ заключающіяся въ ней мысли».

V.

Никто не сомневается, въ томъ чистѣ я, конечно, что разумъ имѣетъ могущественное вліяніе на тѣло. Съ незапамятныхъ временъ колдуны, толкователи сновъ, гадалщики, шарлатаны, знахари, образованные врачи, месмеристы и гипнотизеры обращались за помощью въ своемъ дѣлѣ къ воображенію своихъ пациентовъ. Они всѣ признавали могущество и дѣйствительность этого фактора. Доктора часто лѣчатъ своихъ пациентовъ шлюлями изъ хлѣба; они знаютъ, что тамъ, гдѣ болѣзнь происходитъ отъ воображенія, вѣра пациента въ искусство врача сдѣлаетъ хлѣбную пилюлю дѣйствительною.

Вѣра во врача. Въ этомъ, можетъ быть, все и заключается. Въ старину короли излѣчивали золотуху однимъ прикосновеніемъ руки. Могъ ли совершить такое же необыкновенное исцѣленіе лакей короля? Въ собственномъ платьѣ, конечно, нѣтъ. Но если бы онъ переодѣлся въ одежду короля, то, вѣроятно, совершилъ бы такое же исцѣленіе. Можно быть увѣреннымъ, что не прикосновеніе руки короля излѣчивало больного, а вѣра послѣдняго въ дѣйствительность этого прикосновенія. Когда я былъ маленькимъ, жена одного фермера, жившая въ пяти миляхъ отъ нашего села, пользовалась громкой славой, какъ исцѣляющая вѣрою. Къ ней приходили больные отовсюду; она клала на нихъ руку и говорила: «Имѣйте вѣру, — это все, что нужно», и они уходили, облегченные въ своихъ болѣзняхъ. Она вовсе не считала себя одаренною сокровенною силою и говорила, что больной исцѣляется исключительно одной своею вѣрою. Я много разъ видѣлъ, какъ она сразу излѣчивала сильныя зубныя боли. Моя мать была одною изъ ея пациентокъ. Въ Австріи есть крестьянинъ, который занимается подобнымъ врачеваніемъ, какъ промысломъ. Онъ по временамъ попадаетъ въ тюрьму за практику безъ диплома, но по выходѣ изъ нея его дѣла снова процвѣтаютъ, потому что онъ, безспорно, лѣчитъ удачно, и репутація его не падаетъ. Въ Баваріи есть человѣкъ, который совершилъ такъ много крупныхъ исцѣленій, что онъ долженъ быть бросить свое мѣсто театральнаго столара, чтобы отдаться требованіямъ своей возрастающей практики, и въ настоящее время онъ сталъ очень богатымъ

человѣкомъ. Онъ не ссылается на помощь свыше, но думаетъ, что въ его обращеніи съ больными есть нѣчто такое, что внушаетъ довѣріе пациентовъ къ нему, безъ всякой таинственной силы, которая исходила бы отъ него.

Въ послѣднюю четверть столѣтія въ Америкѣ возникло подъ различными именами нѣсколько сектъ исцѣлителей, которые совершили много значительныхъ излѣченій безъ помощи лѣкарствъ, и всѣ они, очевидно, совершаютъ чудеса при помощи того же стараго могущественнаго фактора—воображенія пациента. У этихъ сектъ различныя названія, но въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ никакой разницы; только онѣ не даютъ настоящей цѣны фактору, которымъ онѣ пользуются; каждая секта увѣряетъ, что она пользуется совершенно другими способами, чѣмъ остальные. Онѣ всѣ, безспорно, иногда излѣчиваютъ, и секты исцѣленія вѣрою и исцѣленія молитвою если и не приносятъ пользы, то, во всякомъ случаѣ, не дѣлаютъ вреда, потому что онѣ не запрещаютъ своему пациенту прибѣгать къ помощи лѣкарствъ, если онъ того желаетъ. Но другія секты изгоняютъ всѣ лѣкарства и присваиваютъ себѣ искусство излѣчивать всевозможныя человѣческія болѣзни исключительно однимъ только вліяніемъ своихъ духовныхъ силъ. Онѣ берутся излѣчивать злокачественный ракъ и другія подобныя болѣзни, которыя никогда не могли быть излечены, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ. Тутъ уже кроется опасность. Эти секты какъ будто черезчуръ много берутъ на себя. Довѣріе публики къ нимъ было бы сильнѣе, если бы онѣ были не такъ самонадѣянны.

Мнѣ кажется, что все-таки всѣ секты, кромѣ секты «христіанской науки», имѣютъ свѣтлые періоды,—періоды, во время которыхъ онѣ выражаютъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и признаются, что онѣ не равны божеству. Но секта «христіанской науки» не только считаетъ себя равной божеству, но она идетъ далѣе въ своей метафизическо-научной исправленной Библии. Въ обыкновенной библии божественность признаетъ страданія, болѣзни и смерть, какъ существующіе факты, но послѣдователь «христіанской науки» знаетъ это лучше и заявляетъ объ этомъ, ничто же сумняшеся.

Метафизическая ученая не могла исцѣлить моей боли въ желудкѣ и моей головной

болѣи. Это убѣждаетъ меня въ томъ, что «христіанская наука» мистрессъ Эдди слишкомъ много беретъ на себя. По моему мнѣнію, ей бы слѣдовало оставить въ покоѣ обыкновенныя болѣзни и ограничиться хирургіей. Въ ней она можетъ вполне поступать по своему.

Конюваль потребовать отъ меня тридцать крейцеровъ, и я уплатилъ ему вдвое. Чтѣ же касается до мистрессъ Фуллеръ, то она представила мнѣ счетъ за исправленіе костей, сло-

манныхъ въ двухъ-стахъ тридцати четырехъ мѣстахъ, по доллару за каждый переломъ.

— Ничто не существуетъ, кромѣ разума.

— Ничто, — отвѣтила она, — все остальное недействительное, все остальное воображаемое.

Я далъ ей воображаемый чекъ, и теперь она преслѣдуетъ меня судомъ, чтобы получить дѣйствительные доллары. Это какъ будто и не послѣдовательно.

РИСУНКИ ВЪ ДЕКАДЕНТСКОМЪ СТИЛѢ.

Вечерніе звуки...

Томленіе лягушки.

— О ты, моя вечерняя звѣзда!

Мужчина и женщина. (Группа Синдинг).

ДАТСКИЙ СКУЛЬПТОРЪ СТЕФАНЪ СИНДИНГЪ.

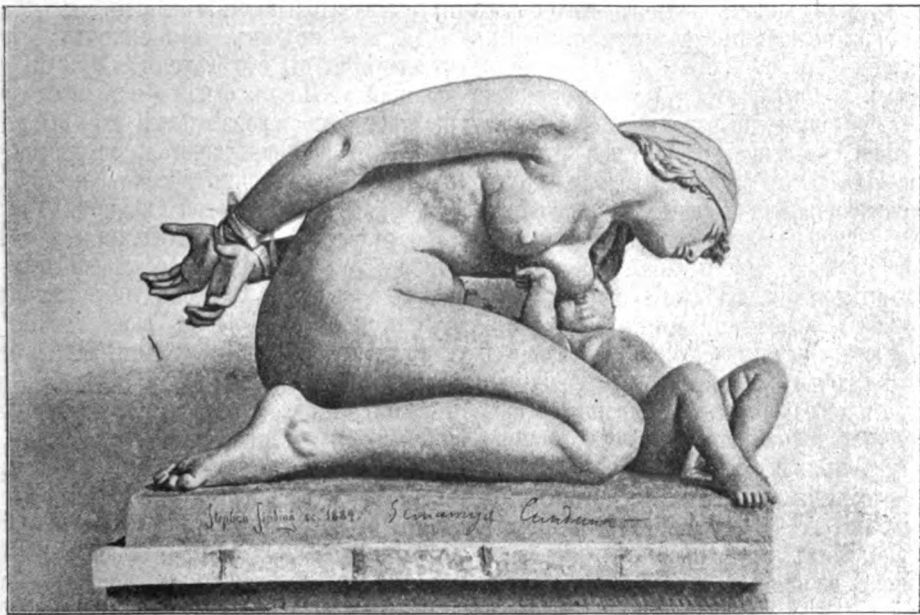
Послѣ знаменитаго Торвальдсена, достигшаго всемірной извѣстности и умершаго въ 1844 году, Данія дала цѣлый рядъ превосходныхъ скульпторовъ, достойныхъ послѣдователей ихъ талантливаго предшественника. Вліяніе его строго классическаго стиля продолжало несомнѣнно отражаться долгое время послѣ его смерти на работахъ его учениковъ, между которыми особенно выдѣлились Биссенъ и Жеришо. Но эти два скульптора сумѣли избѣжать ошибки, повторяемой такъ часто, особенно въ искусствѣ, послѣдователями какого-нибудь предшествоваващаго имъ гения: они не превратились въ слѣпыхъ подражателей и повторителей не только идей, но и манеры Торвальдсена, а просто продолжали созданное этимъ мастеромъ національное искусство, выражая въ своихъ произведеніяхъ свой индивидуальный и вполне независимый духъ, но сохраняя при этомъ безподобную технику ихъ учителя.

Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, да и для предшествовавшаго поколѣнія датскихъ скульпторовъ, Римъ является какъ-бы обѣтованной землей, главной и конечной цѣлью всѣхъ этихъ художниковъ-памятниковъ. Тамъ, въ этомъ Вѣчномъ Городѣ искусствъ, собирались они по окончаніи Копенгагенской Академіи, тамъ воспринимали они, такъ сказать, художественное крещеніе, добывали первые лавры, а усиѣхъ и слава, выпадавшіе на ихъ долю тамъ, проникали до ихъ далекой страны и предшествовали имъ, когда они послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Римѣ возвращались, наконецъ, на родину. Торвальдсенъ самъ прожилъ много лѣтъ въ этомъ городѣ и не только признавалъ, но даже проповѣдывалъ необходимость и пользу этихъ поѣздокъ, какъ-бы завершающихъ эстетическое образованіе художниковъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ устарѣлый классицизмъ подвергся гоненію и на-

смѣшкамъ, всѣ прежнія художественныя традиціи были нарушены, и въ мірѣ искусства повѣяло новымъ, молодымъ и своеобразнымъ духомъ. Во главѣ этого новаго направленія стала французская школа, оказавшая особенно сильное вліяніе на скандинавское искусство, и паломничество художниковъ направилось по другому пути, въ другой художественный центръ — въ Парижъ.

Реакція противъ классицизма рѣзче всего выразилась въ скульптурѣ и, хотя Римъ продолжалъ и продолжаетъ давать наглядные уроки строго определенныхъ правилъ и пропорцій, но зато Парижъ научилъ скандинав-

яркихъ выразителей этихъ новыхъ идей является Стефанъ Синдингъ. Онъ родомъ норвежецъ и происходитъ изъ очень талантливой семьи: одинъ изъ его братьевъ — выдающійся композиторъ, другой — талантливый живописецъ. Но по мѣсту его художественнаго образованія и художественной дѣятельности Синдинга причисляютъ къ датскимъ художникамъ, подобно тому, какъ Геркоммеръ и Альма Тадема причислены къ англійской школѣ. Во время своего пребыванія въ университетѣ въ Христианіи онъ окончательно убѣдился, что его призваніе искусство, и, покинувъ универси-

Мать-узница, кормящая своего ребенка. (Группа Синдинга).

скихъ художниковъ тому, чего у нихъ до того времени почти не было, именно: экспрессіи, движенію, чувству, граціи, жизненности. Посѣщая или работая въ мастерскихъ такихъ талантливыхъ новаторовъ, какъ Готеринъ, Матюринъ, Моро, Шаню и Поль Дюбуа, датчане перестали считать главной задачей скульптора необходимость выражать свою идею въ абсолютно строгихъ и правильныхъ линіяхъ; они принялись искать и добиваться поэзіи формъ, что дало возможность большей индивидуальности трактовки.

Представителемъ этого новаго направленія датской скульптуры и однимъ изъ самыхъ

теть, онъ принялся изучать скульптуру. Онъ никогда не посѣщалъ ни одной художественной школы, его независимая натура не могла подчиняться правиламъ, господствовавшимъ въ этихъ школахъ. Это не помѣшало ему, впрочемъ, познакомиться съ ними, побывать во многихъ изъ нихъ и присмотрѣться къ манерѣ преподаванія. Такимъ образомъ про него можно сказать, что онъ не получилъ никакого академическаго образованія и только пробылъ года полтора въ мастерской профессора Вольфа въ Берлинѣ и изваялъ тамъ свою первую статую «Волундъ кузнецъ». Затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ путешество-

валъ по Европѣ и побывалъ во всѣхъ художественныхъ центрахъ, оставаясь дольше всего въ Римѣ и Парижѣ. Второе его произведение «Плѣнница» появилось на Парижской всемірной выставкѣ 1878 года и обратило на себя вниманіе нѣсколькихъ французскихъ критиковъ, которые тотчасъ же поспѣшили указать на видимое вліяніе скульптора Шаню. Но на-ряду съ замѣчательной красотой выраженія, которая дѣйствительно могла бы сдѣлать честь любому изъ знаменитыхъ французскихъ скульпторовъ, въ этой фигурѣ чувствуется проявленіе индивидуальнаго характера: грубыя формы, мрачное, гордое выраженіе говорятъ о томъ, что художникъ сынъ суроваго сѣвера и что онъ не могъ забыть могущественныхъ образовъ Эдды.

Тѣмъ же суровымъ духомъ проникнуто его слѣдующее произведеніе «Женщина-варварка, уносящая тѣло сына съ поля сраженія». Эта фигура замѣчательна по выраженію энергіи и силы, по вѣрной захватывающей передачѣ безысходнаго и безутѣшнаго горя. Эта группа, доставившая, наконецъ, долгожданную извѣстность Синдингу, была исполнена имъ въ Римѣ при самыхъ печальныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Не имѣя почти никакихъ средствъ, ему приходилось довольствоваться сырой и нездоровой мастерской на берегу Тибра. Но ни приступы жестокой лихорадки, ни лишенія самаго необходимаго не могли поколебать его силы воли, его неутомимой энергіи. Онъ нѣсколько разъ разбивалъ свою группу, передѣлывалъ ее опять, потому что она не удовлетворяла его, не удавалась ему, и только послѣ многихъ недѣль, даже мѣсяцевъ, самаго упорнаго труда, достигъ онъ, наконецъ, желаемого результата.

Слава досталась ему не легко, какъ инымъ любимцамъ судьбы: ему пришлось выдерживать въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія упорную борьбу съ жизнью и ея требованіями и только послѣ того, какъ онъ въ 1883 году окончательно поселился въ Копенгагенѣ, судьба начала относиться къ нему болѣе милостиво, и счастье, наконецъ, улыбнулось ему. Этими онъ, конечно, главнымъ образомъ и прежде всего обязанъ своему выдающемуся дарованію, но отчасти и извѣстному датскому меценату Якобсену, основавшему глинтотеку «Ny Carlsberg» и наполнившему ее луч-

шими образцами современной скульптуры. Въ этомъ музеѣ, подаренномъ зятѣмъ Якобсеномъ городу Копенгагену, есть нѣсколько лучшихъ произведеній Синдинга. Кромѣ только-что упомянутой группы «Женщина съ тѣломъ сына» тамъ же находится и статуя, получившая на всемірной Парижской выставкѣ 1889 высшую награду «Узница-мать, кормящая своего ребенка». Въ этомъ произведеніи ясно выразилось смягчающее вліяніе Италіи на Синдинга. Горячіе лучи южнаго солнца какъ бы растопили холодность и суровость, присущія его первымъ произведеніямъ, смягчили грубость формъ, придали имъ нѣжность и изящество, не лишая ихъ выразительности и энергіи.

Та же мягкость и нѣжность формъ чувствуется въ его группѣ «Мужчина и женщина». Но въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ произведеній въ «Старѣйшей изъ родоначальницъ», вырѣзанномъ изъ дерева, Синдингъ вновь вернулся къ своей прежней суровой манерѣ. Фигура этой отдаленной прародительницы кажется какимъ-то призракомъ, осужденнымъ на вѣчную жизнь даже послѣ того, какъ всѣ ея потомки исчезнутъ съ лица земли. Ея глаза, поднятые къ небу какъ-бы слѣдятъ за длинной вереницей душъ умершихъ потомковъ, возвращающихся въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Послѣдующая его художественная жизнь очень плодотворна, его произведенія очень разнообразны, и число ихъ довольно велико. Онъ между прочимъ извѣстенъ купелью, придавъ ей форму ангела для мраморной церкви въ Копенгагенѣ, исполнить огромный фризъ, идущій подъ хорами въ церкви Іисуса, выстроенной тамъ же Якобсеномъ. Синдингъ называлъ свою композицію на фризѣ «Опоры христіанства»; всѣ фигуры прекрасны по выраженію глубокой непоколебимой вѣры. Въ числѣ его работъ рѣдко встрѣчаются бюсты; онъ, повидимому, не любитъ такихъ заказовъ и изъ официальныхъ или заказныхъ статуй имъ исполнены только статуи Бьернсена и Пибсена, долженствующія украшать входъ новаго театра въ Христіаніи.

Послѣднему, законченному имъ въ концѣ 1900 года, произведенію, вѣроятно, суждено быть тѣмъ бессмертнымъ шедевромъ, которое передастъ имя Синдинга потомству; по крайней мѣрѣ, оно вызвало единодушныя похвалы и восторженные отзывы художествен-

Мать-Земля. (Группа Свидинга).

ныхъ критиковъ, знатоковъ искусства, и публики, видѣвшихъ это выдающееся произведение. Художникъ назвалъ его «Тегга Матер» (Мать-Земля). Немногие скульпторы рѣшились бы трактовать подобный сюжетъ, и, пожалуй, еще меньше нашлось бы такихъ, которые могли бы такъ прекрасно справиться съ этою задачею и такъ хорошо, такъ реально выразить внутреннюю идею этого произведенія. Синдингъ задается цѣлью изобразить значеніе человѣческаго рода и его конечную судьбу. Грушна эта большіхъ размѣровъ, огромный кусокъ скалы служить фономъ сидящей главной фигурѣ; прижавшись къ ея могучей груди, спятъ вѣчнымъ сномъ оба воплощенія человечества—мужчина и женщина. Художникъ изобразилъ въ главной фигурѣ общую мать—землю; эти люди произошли отъ нея, и рано или поздно она неминуемо потребуетъ ихъ назадъ. Люди, едва вступившіе въ жизнь, съ неблагодарностью и презрѣніемъ отвертываются отъ ихъ общей матери, но эта мать, всегда добрая и милосердная, какъ всѣ матери, всегда прощаетъ и никогда не забываетъ своихъ дѣтей, и теперь она имъ от-

крыла свои объятія, когда ихъ души, измученныя жизненной борьбой, возвращаются къ ней; и въ этихъ объятіяхъ ея дѣти обрѣтаютъ, наконецъ, вѣчный покой; вся упорная борьба тѣла съ душою прекратилась; они свободны отъ всѣхъ страстей и могутъ наслаждаться миромъ, котораго не находили въ теченіе своей жизни. И только. Художникъ, повидимому, не хотѣлъ затрогивать никакихъ дальнѣйшихъ уже вполне теологическихъ вопросовъ. Обѣ человѣческія фигуры представлены въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты. Онѣ—аллегорическое изображеніе всего человечества. Внизу въ скалѣ выгравированы взятыя имъ эпиграфомъ слова изъ похоронной службы: «земля, да возвратится въ землю, прахъ, да будетъ прахомъ!» «Тегга Матер» можно только сравнить съ «Памятникомъ мертвыхъ» Бартеlemi. Подобно французскому скульптору, Синдингъ задается цѣлью произвести своей группой болѣе сильное впечатлѣніе на сердца людей, чѣмъ на ихъ умъ, и обоимъ художникамъ удалось это вполне, не смотря на различіе ихъ темперамента и манеры.

ВСЕ ДЛЯ НЕЯ.

(Изъ «*Simple chansons*» Фероди)¹⁾.

Когда на родину она
Пришла, печальна и блѣдна,
Вернуть утраченныя силы,
Я весь свой садъ опустошилъ,
Я всѣхъ цвѣтовъ его лишилъ—
Она такъ страстно ихъ любила!

Потомъ, сойдясь ближе съ ней,
Я полюбилъ еще сильнѣй,
До слѣпоты, до оняненья!
Все былъ готовъ я ей отдать.
И для нея старушку-мать
Покинуть я безъ сожалѣнья!

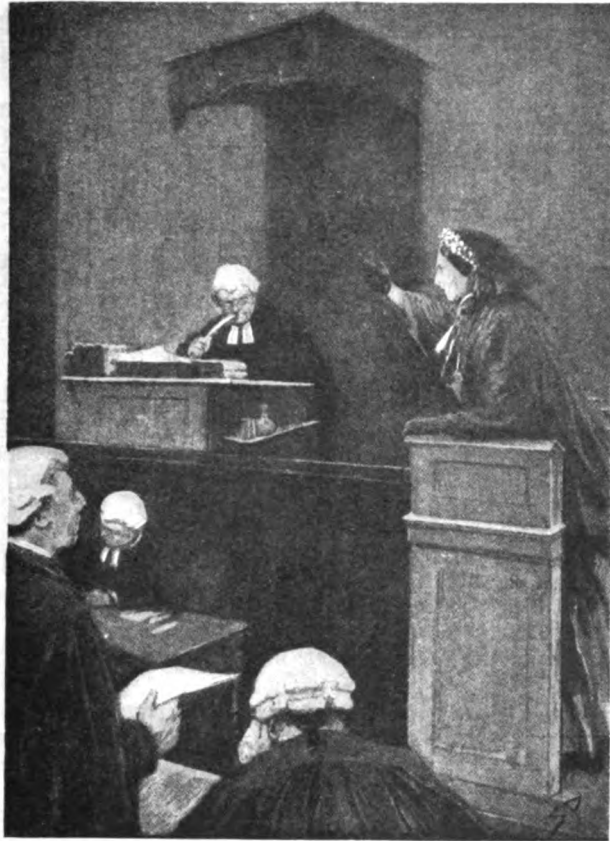
Въ какомъ-то чудномъ странномъ снѣ
Жилось такъ дивно ей и мнѣ...
Ее ревниво украшая,
Давалъ все больше, больше я,
Былъ счастливъ радостью ея—
И все растратилъ, не считая!

Когда жъ настала нищета,
Тогда спокойна и проста
Меня бѣдняжка обманула!
Я сердце отдать, чтобъ была
Она со мной; она ушла...
Ушла—и сердца не вернула.

И вотъ я бѣденъ и унылъ,
Нѣтъ сердца, средствъ, цвѣтовъ и силъ,
Покинуть матерью родною...
Но въ горькой участи моей,
Ахъ! для меня всего больнѣй
Лишь то—что нѣтъ ея со мною!

Е. Студенская.

¹⁾ Артистъ и общникъ парижской Comédie Française.

На скамьѣ свидѣтелей появилась его мать.

ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЫ **Конанъ Дойля** ¹⁾.

(Съ иллюстраціями).

II. Любовная исторія Джорджа Винцента Паркера.

При изученіи лѣтописи преступленій и психологія ихъ глубже. Немыслимо никакое классификація ихъ оказывается, что причины, наиболѣе побуждающія человѣка къ убійству, заключаются въ алчности къ деньгамъ и въ мрачной злобѣ отъ обманутой любви. Убійства вслѣдствіе послѣдней причины болѣе рѣдки и болѣе интересны, потому что побужденія къ нимъ болѣе утонченны, и чувство симпатіи къ грубой алчности и эгоизму, посягающимъ на чужую жизнь ради кошелька; между тѣмъ какъ чувствуется нѣчто болѣе отвлеченное въ убійствѣ, совершенномъ человѣкомъ, который ревностью и горемъ доведенъ до мимолетнаго безумнаго напилья. Это то, что называется преступле-

¹⁾ См. № 2 «Нов. Журн. Иностр. Лит.», т. XIX.—2

нiемъ въ запальчивости въ отличiе отъ врожденнаго преступнаго типа. Оба эти разряда преступленiй могутъ быть наказаны съ одинаковою строгостью, но мы чувствуемъ, что они не одинаково отвратительны, и что никто изъ насъ не можетъ сказать, какъ бы онъ самъ поступилъ, если бы оказался неожиданнымъ и жестоко оскорбленнымъ въ своемъ чувствѣ и самолюбii. Возможно даже, что и присяжные, вынесшiе приговоръ, почувствовали нѣкоторую жалость къ преступнику. Убийство, совершенное имъ не изъ корыстныхъ цѣлей и не по-заранѣе хладнокровно обдуманному замыслу, было результатомъ, хотя и чудовищнымъ, но такихъ причинъ, въ которыхъ отвѣтственны другiе.

Какъ примѣръ такого преступленiя, я намѣренъ передать здѣсь обстоятельства, связанные съ именемъ Джорджа Винцента Паркера, нѣсколько измѣнивъ имена дѣйствовавшихъ лицъ и названiя мѣстъ дѣйствiя.

Около сорока лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ внутреннихъ городовъ жилъ нѣкто Паркеръ, довольно крупный комиссионеръ. Онъ былъ прекраснымъ дѣловымъ человекомъ, и, въ дѣятельные годы между Крымскою войною и Американскою, его состоянiе быстро увеличилось. Онъ выстроилъ себѣ виллу въ красивомъ предмѣстьи своего города и, имѣя прелестную и симпатичную жену, могъ ожидать, что проведетъ старость въ полномъ блаженствѣ. Единственнымъ источникомъ огорченiя для него служила его неспособность понять характеръ своего собственнаго сына и опредѣлить, какiе его планы на жизнь.

Джорджъ Винцентъ Паркеръ былъ молодой человекъ типа, часто встрѣчающагося, типа склоннаго къ трагизму. Въ силу какой-то особенности атавизма онъ не питалъ любви ни къ большому городу съ его шумною жизнью, ни къ утомительнымъ дѣламъ и вовсе былъ лишенъ тиеславнаго стремленiя къ успѣху, который даютъ удачныя дѣла. Онъ не чувствовалъ никакой симпатii къ труду своего отца, и жизнь въ конторѣ была ему ненавистна. Такое отвращенiе къ работѣ нельзя было, однако же, приписать порочности или лѣни. Оно было врожденнымъ и свойственнымъ его темпераменту. Въ другихъ отношенiяхъ у него былъ живой и воспримчивый умъ. Онъ любилъ музыку, къ которой у него была замѣчательная способность. Онъ былъ прекраснымъ лингвистомъ

и имѣлъ нѣкоторую склонность къ рисованiю. Однимъ словомъ, это былъ человекъ съ артистическимъ темпераментомъ, со всѣми недочетами нервной системы и характера, свойственными этому темпераменту. Въ Лондонѣ онъ встрѣтилъ бы сотни людей подобнаго же типа и напелъ бы занятiя по сердцу, дѣлая легкiя экскурси въ область литературы и дилеттантствуя въ критикѣ. Но между комиссионерами по торговлѣ хлопкомъ въ своемъ родномъ городѣ его положенiе было въ то время совершенно изолированнымъ, и отецъ его только покачивалъ головою, сознавая, что онъ совершенно неспособенъ вести его дѣла. Онъ былъ кроткаго нрава, сдержанъ съ чужими и очень популяренъ между немногими друзьями. Раза два было замѣчено, что онъ способенъ на сильныя вспышки гнѣва, когда ему казалось, что съ нимъ поступили несправедливо.

Такого типа мужчины не правятся практичнымъ людямъ, но они неизбѣжно производятъ впечатлѣнiе на женщинъ. Въ нихъ есть какая-то безпомощность и наивная потребность симпатii, на которую женское сердце всегда готово отозваться, и первую всегда отзовется самая сильная женщина. Намъ ничего неизвѣстно о всѣхъ утѣшительницахъ этого кроткаго дилеттанта, но до насъ дошли подробности объ одномъ изъ его увлеченiй. Онъ впервые встрѣтилъ Мэри Гровсъ на музыкальномъ вечерѣ въ домѣ мѣстнаго врача, — ея дяди, куда она прiѣхала погостить. Вообще же она жила у своего дѣда, очень добраго старика, восьмидесятилѣтнiй возрастъ котораго не мѣшалъ ему исполнять всѣ обязанности землевладѣльца, включая сюда и судейскiя. Послѣ тишины уединеннаго помѣщичьяго дома, дѣвушка, въ расцвѣтъ молодости и красоты, наслаждалась городскою жизнью, и ее, повидимому, особенно привлекалъ утонченный молодой музыкантъ, наружность и манеры котораго носили столь правящiйся молодымъ дѣвушкамъ, романтическiй отпечатокъ. И его въ свою очередь привлекала ея деревенская снѣжность и симпатiя къ нему. Когда настало время ей вернуться домой, ихъ дружба успѣла перейти въ любовь, и они обмѣнялись признанiями.

Но ни тому, ни другому семейству эта помолвка не пришлась по сердцу. Старикъ Паркеръ умеръ, оставивъ своей вдовѣ достаточныя средства для жизни, но тогда болѣе,

чѣмъ когда-либо, оказалось необходимымъ, чтобы сынъ выбралъ себѣ какую-нибудь профессію, а онъ между тѣмъ продолжалъ питать отвращеніе къ дѣламъ. Съ другой стороны, молодая дѣвушка была хорошаго рода, и ея родственники, во главѣ которыхъ стоялъ старшій-помѣщикъ, противились ея браку съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ. имѣющимъ странные вкусы и столь же странный характеръ. Вслѣдствіе этого помолвка ихъ тянулась четыре года, въ продолженіе которыхъ они постоянно переписывались, но рѣдко встрѣчались. Къ концу четвертаго года ему минуло двадцать пять лѣтъ, а ей двадцать три, но день ихъ свадьбы все еще былъ въ далекомъ будущемъ. Наконецъ, мольбы родственниковъ взяли верхъ надъ постоянствомъ молодой дѣвушки, и она сдѣлала первый шагъ къ разрыву. Она старалась достигнуть этого переменною тона въ своихъ письмахъ и зловѣщими намеками, имѣвшими цѣлью подготовить его къ неизбежному удару.

12-го августа 18.... она писала ему, что встрѣтила священника.—напечистѣйшаго въ мірѣ человѣка. «Онъ гостилъ у насъ, и дѣдушка думаетъ, что онъ былъ бы подходящею для меня парой, но этого не будетъ». Это мѣсто письма не смотря на нѣсколько пошленькихъ словъ увѣренія, чрезвычайно разстроило Винцента Паркера. Впослѣдствіи его мать свидѣтельствовала о томъ,

что онъ былъ въ то время въ крайне удрученномъ состояніи, но она не придавала этому особеннаго значенія, потому что ея сынъ по натурѣ своей былъ меланхоликомъ и всегда смотрѣлъ на все съ самой мрачной точки зрѣнія. На слѣдующій день онъ получилъ второе письмо, по тону своему еще болѣе рѣшительное.

«Мнѣ многое нужно сказать вамъ», писала она, и лучше это сдѣлать сразу. Дѣдушка узналъ о нашей перепискѣ и злится на то,

что могло встрѣтиться какое-нибудь препятствіе моему браку со священникомъ. Я бы желала, чтобы вы освободили меня отъ моего слова для того, чтобы я могла объявить себя свободной. Не принимайте этого слишкомъ близко къ сердцу, — изъ жалости ко мнѣ. Я не выйду замужъ, если только мнѣ удастся воспрепятствовать этому».

Это письмо произвело подавляющее дѣйствіе. Паркеръ пришелъ въ такое состояніе,

Онъ впервые встрѣтилъ миссъ Гровсъ на музыкальномъ вечерѣ въ домѣ мѣстнаго врача.

что его мать принуждена была попросить одного изъ друзей даже просидѣть съ нимъ ночь. Въ страшномъ нервномъ возбужденіи онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и безпрестанно принимался плакать; когда онъ ложился, то руки и ноги его корчились въ судорогахъ. Ему дали морфія, но безъ результата. Онъ отказывался отъ всякой пищи. Ему крайне трудно было отвѣтить на письмо, и онъ это сдѣлалъ на слѣдующее утро, при помощи друга, проведеннаго съ нимъ

ночь. Ответъ его былъ и благоразумнымъ и нѣжнымъ.

«Возлюбленная моя Мэри, писалъ онъ. Ты всегда останешься моей возлюбленной. Если я скажу, что я не уйду, то это будетъ ложью, но, во всякомъ случаѣ, я не такой человѣкъ, чтобы стоять преградой на твоёмъ пути. Я ничего не отвѣчаю на твое письмо, кромѣ того, что желаю услышать изъ твоихъ собственныхъ устъ твои желанія, и тогда я соображусь съ ними. Ты слишкомъ хорошо меня знаешь, чтобы опасаться какихъ-нибудь ненужныхъ безсмыслицъ и сантиментальничанья. Прежде, чѣмъ покинуть Англію, я желаю тебя видѣть еще одинъ разъ, — послѣдній разъ, хотя одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ тяжело это говорить. Ты должна допустить, что мое желаніе тебя видѣть вполне естественно. Сообщи мнѣ въ слѣдующемъ своёмъ письмѣ—гдѣ мы встрѣтимся. На вѣки, дорогая мнѣ Мэри, любящій тебя Джорджъ».

На слѣдующій день онъ написалъ еще письмо, въ которомъ умолялъ ее назначить ему свиданіе, говоря, что для этого будетъ удобнымъ всякое мѣсто между ихъ домомъ и Стандуэллемъ. «Я боленъ и окончательно потрясенъ, и для меня не удивительно, если и ты себя такъ же чувствуешь, продолжаетъ онъ. Мы оба будемъ счастливы и здоровѣе, какъ душою, такъ и тѣломъ послѣ этого послѣдняго свиданія. Я явлюсь, куда ты прикажешь *soûte qu'il соûte*. Навсегда нѣжно любящій тебя Джорджъ».

Повидимому, на это письмо былъ отвѣтъ съ назначеніемъ свиданія, потому что въ среду, 19-го, онъ снова пишетъ: «Дорогая Мэри, пишу тебѣ только для того, чтобы сказать, что я приѣду съ назначеннымъ тобою поѣздомъ, и выразить надежду, что ты не будешь напрасно мучить себя тѣмъ, что меня касается. Я желаю тебя видѣть для собственнаго душевнаго спокойствія и надѣюсь, что ты не сочтешь это желаніе эгоистичнымъ. *Du reste* я повторяю только то, что уже говорилъ. Какъ только я услышу отъ тебя—въ чемъ заключаются твои желанія, — они будутъ исполнены. Я обладаю достаточнымъ *savoir faire*, чтобы не создавать мученій изъ того, чего нельзя исправить. Не дѣлай меня причиной ссоры между тобою и дѣдушкою. Если ты захочешь прийтти въ гостиницу, то я не двинусь оттуда до твоего прихода,—но предоставляю это на твое усмотрѣніе».

Какъ профессоръ Оуэнъ по одной кости воспроизводитъ цѣлое животное, такъ этимъ письмомъ ясно обрисовывается весь человѣкъ. Ключки французскихъ фразъ, самоувѣренная ссылка на свое *savoir faire*, цвѣтистыя увѣренія, не имѣющія никакого смысла,—всѣмъ этимъ онъ очень тонко рисуетъ свой портретъ.

Миссъ Гровъ уже раскаялась въ томъ, что назначила ему свиданіе. Можетъ быть, ей пришли на память нѣкоторыя черты характера этого покинутого ею эксцентричнаго возлюбленнаго, и она убоилась очутиться въ его власти. Во всякомъ случаѣ она ему пишетъ въ письмѣ, которое вѣроятно разошлось съ его послѣднимъ письмомъ: «Дорогой Джорджъ, спѣшу сообщить вамъ, чтобы вы ни въ какомъ случаѣ не пріѣзжали. Я сегодня уѣзжаю отсюда и не знаю, когда вернусь. Я не желаю васъ видѣть, если этого только возможно избѣжать, да, въ сущности, и не будетъ для этого и случая, а потому намъ лучше положить сразу конецъ этому неопредѣленному положенію и распротистись, не свидѣвшись больше другъ съ другомъ. Я чувствую, что не выдержала бы этого свиданія. Если вы напишете мнѣ еще разъ въ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ дней, то я получу еще ваше письмо, позднѣе же не въ состояніи буду это сдѣлать, потому что за моими письмами строго слѣдятъ и даже вскрываютъ ихъ. Преданная вамъ Мэри».

Это письмо сдѣлало, повидимому, то, что смутные планы, которые, быть можетъ, складывались въ головѣ молодого человѣка,—внезапно назрѣли. Если остается только три дня, въ которые онъ можетъ ее увидѣть, то нельзя терять времени. Онъ въ тотъ же день отправился въ городъ графства, но, такъ какъ было уже поздно, то не поѣхалъ въ Стандуэлль—ихъ станцію. Лакеи въ гостиницѣ замѣтили его необыкновенное поведение и разсѣянный взглядъ. Онъ ходитъ по столовой рестораіа, бормоча что-то про себя и, хотя заказать котлеты и чай, но ни до чего не дотронулся и только выпилъ водки съ содовой водой. На слѣдующее утро, 21-го августа, онъ взялъ билетъ въ Стандуэлль и прибылъ туда въ половинѣ двѣнадцатаго. Отъ станціи до замка, въ которомъ жила миссъ Гровъ съ своимъ дѣдомъ—было двѣ мили. Около самой станціи есть трактиръ подъ вывѣскою «Бычья голова». Винцентъ

Паркеръ зашелъ туда и потребовалъ водки. Затѣмъ онъ спросилъ, не оставлена ли тутъ записка на его имя и, повидимому, очень разстроился, когда ему дали отрицательный отвѣтъ. Тогда, около четверти перваго, онъ вышелъ изъ трактира по направлению къ замку.

Въ двухъ приблизительно миляхъ отъ замка по ту его сторону, въ четырехъ, слѣдовательно, миляхъ отъ станціи, находится гимназія, директоръ которой былъ другомъ семьи Гровсъ и немного знакомъ съ Винцентомъ Паркеромъ. Поэтому молодому человѣку пришло въ голову, что ему лучше всего пойти за справками туда, и онъ пришелъ въ гимназію въ половинѣ втораго. Директоръ былъ, конечно, изрядно удивленъ при видѣ этого разстроеннаго посѣтителя, отъ котораго пахло водкой, но онъ осмотрительно и вѣжливо отвѣчалъ на его вопросы.

— Я пришелъ къ вамъ, — сказалъ Паркеръ, — какъ къ другу миссъ Гровсъ. Вамъ, я полагаю, извѣстно, что мы помолвлены.

— Я понялъ такъ, что была помолвка, но что вы разошлись, — отвѣчалъ директоръ.

— Да, — подтвердилъ Паркеръ. Она написала мнѣ, чтобы я вернулъ ей слово, и отклоняется отъ свиданія со мною. Я желаю знать всѣ обстоятельства.

— Все, что я знаю, — отвѣтилъ директоръ, — довѣрено мнѣ какъ тайна, а потому я не могу сообщить вамъ ничего.

— Рано или поздно я все узнаю, — возразилъ Паркеръ, а затѣмъ спросилъ, кто тотъ священникъ, который гостилъ въ замкѣ.

Директоръ не отрицалъ того, что тутъ былъ священникъ, но отказался сообщить его имя. Тогда Паркеръ спросилъ, находится ли миссъ Гровсъ въ замкѣ и не подверга-

лась ли она какому-нибудь принужденію. Директоръ отвѣчалъ, что она въ замкѣ и что не подвергалась никакому принужденію.

— Рано или поздно, но я долженъ ее увидѣть, — сказалъ Паркеръ. Я ей напишу,

— Доставьте меня домой! — прошептала она.

что освобождаю ее отъ даннаго мнѣ слова, но я долженъ услышать изъ ея собственныхъ устъ, что она отказывается отъ меня. Она совершеннолѣтняя и должна поступать по своему желанію. Я знаю, что я не партія для нея, и не желаю стать ей поперекъ дороги.

На это директоръ замѣтилъ, что ему пора въ школу, но что въ половинѣ пятаго онъ снова будетъ свободенъ, если Паркеру нужно будетъ сказать ему еще что-нибудь. Паркеръ ушелъ, обѣщая вернуться. Неизвѣстно, какъ онъ проведетъ слѣдующіе два часа, но онъ, вѣроятно, найдетъ какой-нибудь деревенскій трактиръ и тамъ позавтракаетъ. Въ половинѣ пятаго онъ снова пришелъ въ гимназію и попросилъ учителя дать свѣтъ, что ему дѣлать. Учитель сказалъ, что лучше всего написать записку миссъ Гровсъ и назначить ей свиданіе на слѣдующее утро.

— Если бы вы пошли въ домъ, миссъ Гровсъ, можетъ быть, и повидалась бы съ вами, — прибавилъ этотъ отзѣвчивый, но крайне неблагодарный учитель.

— Я такъ и сдѣлаю, а затѣмъ выброшу все изъ головы, — сказалъ Винцентъ Паркеръ.

Было около пяти часовъ, когда онъ вышелъ изъ школы, и вѣтъ онъ себя тогда совершенно спокойно и хладнокровно.

Черезъ сорокъ минутъ отвергнутый женихъ подошелъ къ дому своей возлюбленной. Онъ постучался въ дверь и спросилъ миссъ Гровсъ. Она, вѣроятно, видѣла его, когда онъ шелъ по дорогѣ, потому что, когда онъ входилъ, то встрѣтила его у дверей гостиной и пригласила пойти вмѣстѣ въ садъ. Она, безъ сомнѣнія, была очень взволнована отъ страха, какъ бы не произошла сцена, если дѣдушка увидитъ его. Безопаснѣе было бесѣдовать съ нимъ въ саду, чѣмъ въ домѣ. Итакъ они вышли, и полчася спустя свидѣтели видѣли, какъ они спокойно болтали на одной изъ скамеекъ. Немного спустя вышла изъ дому горничная и доложила миссъ Гровсъ, что чай поданъ. Миссъ Гровсъ вошла въ домъ одна, и очевидно съ дѣдушкой не было никакого разговора о томъ, чтобы и Паркера пригласить чай пить. Она снова вышла въ садъ и долго сидѣла съ молодымъ человекомъ, послѣ чего они, видимо, отправились бродить по деревенскимъ тропинкамъ. Осталось навсегда неизвѣстнымъ, что произошло на этой прогулкѣ, — какого рода были его укоры и ея возраженія. Ихъ видѣли одинъ только разъ въ это время. Около половины девятаго одинъ крестьянинъ, свернувъ съ большой дороги, шелъ по длинной тропинкѣ, ведущей къ замку, и увидѣлъ гуляющихъ вмѣстѣ мужчину и женщину. Проходя мимо нихъ, онъ въ сумеркахъ узналъ миссъ Гровсъ, внучку помѣщика. Когда онъ оглянулся, то

увидѣлъ, что они остановились и, стоя другъ противъ друга, разговаривали.

Очень скоро послѣ этого, работникъ Рѣйбенъ Конвей, проходя по этой же тропинкѣ, услышалъ тихій стонъ. Онъ остановился, чтобы лучше прислушаться, и убѣдился, что этотъ зловѣщій звукъ приближается къ нему. Съ одной стороны тропинки тянулась стѣна, и онъ, осматриваясь, увидѣлъ что-то такое, медленно пробирающееся вдоль стѣны. Сначала онъ подумалъ, что это какое-нибудь раненое животное, но, подойдя ближе, съ удивленіемъ увидѣлъ, что то была женщина, медленно и невѣрными шагами пробиравшаяся вдоль стѣны, опиравшаяся объ нее рукою. Съ крикомъ ужаса признать онъ въ этой женщинѣ миссъ Гровсъ, лицо которой выдѣлялось въ темнотѣ своею мертвенною блѣдностью.

— Доставьте меня домой! — прошептала она, — доставьте меня домой! Вотъ тотъ господинъ хотѣлъ убить меня.

Пораженный ужасомъ, крестьянинъ обхватилъ ее рукою и протащилъ яردовъ двадцать по направленію къ дому.

— Не видите ли вы кого-нибудь по дорогѣ? — спросила она, когда они остановились, чтобы передохнуть.

Онъ оглянулся и подъ темнымъ сводомъ деревьевъ разсмотрѣлъ черную фигуру, медленно двигавшуюся вслѣдъ за ними. Крестьянинъ подождалъ, продолжая поддерживать голову дѣвущи, пока молодой Паркеръ не дошелъ до нихъ.

— Кто хотѣлъ убить миссъ Гровсъ? — спросилъ Рѣйбенъ Конвей.

— Я зарѣзалъ ее, — отвѣтилъ Паркеръ совершенно хладнокровно.

— Такъ лучше помогите мнѣ отнести ее домой, — сказалъ крестьянинъ.

И эта необыкновенная процессія, — умирающая дѣвушка между крестьяниномъ и своимъ возлюбленнымъ, — двинулась вдоль тропинки.

— Бѣдная Мэри, — шепталъ Паркеръ. Бѣдная Мэри! Тебѣ не слѣдовало измѣнять мнѣ.

Когда они дошли до сторожки, Паркеръ сказалъ Рѣйбену Конвею, что ему слѣдовало бы сѣгать за чѣмъ-нибудь, чтобы унять кровь. Крестьянинъ ушелъ, оставивъ этихъ трагическихъ любовниковъ наединѣ въ послѣдній разъ. Когда онъ вернулся, то видѣлъ, что Паркеръ держитъ что-то у гортла дѣвущки.

— Жива она?—спросилъ онъ.

— Жива, — отвѣтилъ Паркеръ.

— О, отнесите меня домой!—стонала дѣвушка.

Немного далѣе по этому тяжкому пути они встрѣтили двухъ фермеровъ, которые помогли имъ.

— Кто это сдѣлалъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Онъ знаетъ, я знаю, — отвѣтилъ мрачно Паркеръ. Сдѣлалъ это я и буду за это повѣшенъ. Я сдѣлалъ это, и тутъ не о чемъ больше говорить.

— Я умираю!—произнесла бѣдная Мэри, задыхаясь, и это были ея послѣднія слова. За воротами они встрѣтили бѣднаго старика-помѣщика, который безумно бѣжалъ, услышавъ смутныя вѣсти о какомъ-то несчастіи. Носильщики, различивъ въ темнотѣ блескъ сѣдыхъ волосъ, остановились.

— Что случилось?—спросилъ старикъ.

Паркеръ спокойно отвѣтилъ:

— Ваша внучка Мэри убита.

— Кто это сдѣлалъ?!—воскликнулъ дѣдъ.

— Я.

— Кто вы такой?

— Меня зовутъ Винцентомъ Паркеромъ.

— Почему вы это сдѣлали?

— Она обманула меня, а женщина, обманувшая меня, должна умереть.

Его спокойствіе заставило умолкнуть всякіе укоры. Когда они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ, онъ заявилъ:

— Я ей сказалъ, что убью ее. Она знала мой характеръ.

Тѣло отнесли въ кухню и положили на столъ. Паркеръ же послѣдовалъ за обезумѣвшимъ и убитымъ горемъ старикомъ въ гостиную и, протягивая ему пригоршню какихъ-то вещей, включая сюда свои часы и нѣсколько денегъ, попросилъ его спрятать все это. Помѣщикъ гнѣвно отказалъ ему. Тогда онъ вынулъ изъ кармана двѣ пачки ея писемъ—все, что осталось отъ этой несчастной любовной исторіи.

— А не спрячете ли вы это?—спросилъ онъ. Вы можете ихъ читать, скаечь, однимъ словомъ, сдѣлать съ ними все, что угодно. Я не желаю, чтобы они фигурировали на судѣ.

Дѣдъ взялъ письма и тщательно сжегъ ихъ.

Между тѣмъ докторъ и полицмэнъ, эти два неразлучные спутника всякаго наслія, шли быстро по аллеѣ. Бѣдная Мэри лежала

мертвая на кухонномъ столѣ съ тремя большими ранами на шеѣ. Какъ она могла еще такъ долго жить съ перерѣзанной сонной артеріей—одно изъ чудесъ этого дѣла. Что же касается до полицмэна, то арестованіе преступника не доставило ему никакихъ хлопотъ. Не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ Паркеръ прямо пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ, что желаетъ отдать себя въ руки правосудія за убійство дѣвушки. Когда его спросили, сознаетъ ли онъ сущность такого самообвиненія, онъ отвѣтилъ:

— Вполнѣ, и я спокойно пойду за вами, только позвольте мнѣ прежде взглянуть на нее.

— Что вы сдѣлали съ ножомъ?—спросилъ полицмэнъ.

Паркеръ вынулъ изъ кармана самый обыкновенный складной ножъ. Замѣчательно, что впоследствии при немъ было найдено еще два перочинныхъ ножа. Его повели въ кухню и, посмотрѣвъ на свою жертву, онъ сказалъ:

— Теперь, когда я сдѣлалъ это, я гораздо счастливѣе, чѣмъ былъ раньше, и надѣюсь, что и она тоже.

Вотъ и вся документальная исторія убійства Мэри Гровсъ Винцентомъ Паркеромъ,—преступленіе, отличающееся тою ненослдовательностью и свирѣпою наивностью, которыя отличаютъ дѣйствительность отъ вымысла. Въ вымыслѣ мы заставляемъ людей говорить и дѣлать то, что считаемъ возможнымъ, чтобы они говорили и дѣлали, но въ дѣйствительности они говорятъ и дѣлаютъ то, что никто не могъ бы себя представить никогда. Чтобы вышеприведенныя письма могли быть прелюдіей къ убійству или чтобы послѣ убійства преступникъ старался остановить кровь, текущую изъ ранъ своей жертвы, и чтобы онъ велъ вышеописанный разговоръ—на такой вымыслѣ не рискнуло бы никакое человеческое воображеніе. Читая письма и взвѣсивая всѣ обстоятельства, очень трудно предположить, чтобы Винцентъ Паркеръ выхалъ въ этотъ день изъ дому съ сложившимся уже намѣреніемъ убить свою возлюбленную. Но бродила ли въ немъ безирерывно эта ужасная мысль или же она пришла ему въ голову внезапно, въ порывѣ запальчивости, вызванной ихъ разговоромъ, этого мы никогда не узнаемъ. Очевидно, что дѣвушка не видѣла ничего опаснаго въ немъ до самаго момента убійства, иначе бы она обратилась за по-

мощью къ крестьянину, который видѣлъ ихъ на тропикѣхъ.

Дѣло это, возбуждившее крайній интересъ во всей Англіи, слушалось въ ближайшую сессию окружнаго суда, подъ председательствомъ барона Мартина. Не было никакой надобности доказывать виновность подсудимаго, такъ какъ онъ открыто гордился своимъ преступленіемъ; а потому все вниманіе было обращено на здравость его разсудка, и это привело къ нѣкоторымъ любопытнымъ осложненіямъ, изъ-за которыхъ чуть не было пересмотрѣно все законодательство. Его родственники показали, что въ семьѣ было много случаевъ помѣшательства и что изъ десяти двоюродныхъ братьевъ пятеро были душевно-больными. На свидѣтельской скамьѣ появилась и его мать, утверждавшая съ страшной запальчивостью, что сынъ ея сумасшедшій и что противъ нея собственнаго брака возставали ея родныя изъ-за безумія, скрытаго въ ея крови. Всѣ свидѣтели единогласно признали, что молодой человѣкъ былъ вовсе не дурного характера, а напротивъ чувствителенъ, кротокъ и благовоспитанъ, съ склонностью къ меланхоліи. Тюремный канцелярь утверждалъ, что изъ разговоровъ съ Паркеромъ онъ вывелъ заключеніе, что тотъ страдаетъ такимъ отсутствіемъ нравственныхъ понятій, что едва отличается добро отъ зла. Два спеціальныя психіатра изслѣдовали его и выразили мнѣніе, что онъ душевно-больной. Мнѣніе это было основано на томъ фактѣ, что подсудимый, по его увѣренію, не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ дурного.

— Миссъ Гровсъ была моею невѣстою, — говорилъ онъ, — а потому она была моею. Я могъ дѣлать съ нею все, что хотѣлъ. Ничто, кромѣ суда, не измѣнитъ моихъ убѣжденій.

Докторъ пытался оспаривать его.

— Предположите, что кто-нибудь взялъ у васъ картину; какія бы вы въ такомъ случаѣ приняли мѣры? — спросилъ онъ.

— Я потребовалъ бы ее обратно, — отвѣтилъ подсудимый, — и если бы ее не вернули мнѣ, то я безъ всякихъ угрызений совѣсти убилъ бы вора.

Докторъ указалъ, что существуетъ законъ, къ которому слѣдуетъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ, на что Паркеръ отвѣтилъ, что его произвели на свѣтъ, не спрашивая его согласія, а потому онъ не признаетъ за людьми права судить его. Докторъ вывелъ

заключеніе, что его нравственный смыслъ такъ извращенъ, какъ ему не приходилось видѣть въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Однако жъ, было бы опасно постановить, что въ этомъ заключается умопомѣшательство, такъ какъ тогда всякій человѣкъ, проявляющій чрезвычайную злость, былъ бы избавленъ отъ наказанія за свою необузданность.

Баронъ Мартинъ, въ своемъ заключеніи, сказалъ, что міръ переполненъ эксцентричными людьми и что даровать имъ привилегію безумія было бы опасно для общества. Сумасшествіе, по смыслу закона, такое состояніе, когда преступникъ не знаетъ, что онъ совершилъ преступленіе и навлекъ на себя наказаніе. Между тѣмъ очевидно, что Паркеръ сознавалъ все это, такъ какъ говорилъ о томъ, что будетъ повѣшенъ. Поэтому баронъ призналъ правильнымъ приговоръ присяжныхъ о его виновности и присудилъ его къ смертной казни.

На этомъ бы дѣло и покончилось, если бы не добросовѣстное отношеніе къ нему барона Мартина. Онъ велъ дѣло превосходно, но показанія психіатровъ мучили его совѣсть, и онъ чувствовалъ себя неладно при мысли о возможности лишить жизни человѣка, невмѣняемаго за свои дѣйствія. По всей вѣроятности, онъ не спалъ всю ночь отъ этихъ мыслей, потому что на слѣдующее же утро написалъ государственному секретарю, что отказывается отъ своего рѣшенія по этому дѣлу.

Государственный секретарь, тщательно прочитавъ свидѣтельскія показанія и заключеніе судьи, уже готовъ былъ утвердить послѣднее, когда наканунѣ казни ему передали посѣтителю тюрьмы, совершенно посторонніе наблюдатели, что Паркеръ обнаруживаетъ несомнѣнные признаки умопомѣшательства. Государственному секретарю ничего не оставалось поэтому дѣлать, какъ отсрочить казнь и назначить комиссію изъ четырехъ выдающихся психіатровъ для донесенія ему о состояніи заключеннаго. Эти четыре врача единогласно заявили, что онъ совершенно здоровъ. Однако жъ, существуетъ неписанный законъ, въ силу котораго — разъ приведеніе въ исполненіе приговора отсрочено, осужденнаго уже не предають казни, а потому и Винценту Паркеру смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ, — рѣшеніе, удовлетворившее, въ общемъ, общественную совѣсть.

УДАЧА И НЕУДАЧА, КАКЪ РЕЗУЛЬТАТЪ ДУШЕВНАГО НАСТРОЕНІЯ.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Какъ часто стѣтуютъ люди на свои неудачи и завидуютъ чужимъ удачамъ; ломаютъ голову надъ тѣмъ, почему ихъ преслѣдуетъ несчастье, а другимъ, какъ они выражаются, везетъ въ жизни. Между тѣмъ дѣло просто. Еще Суворовъ, воинскіе успѣхи котораго завистники тоже объясняли удачей, говорилъ: «сегодня удача, завтра удача, надо же когда-нибудь и умѣние». Народная мудрость раньше его изрекла, что «всякъ своего счастья кузнецъ». Наконецъ, являются новѣйшіе психологи и ясно, какъ Божій день, разбираютъ пресловутую удачу и неудачу, расчленяютъ ее и показываютъ, изъ чего она складается и какъ въ рукахъ cadaго изъ насъ находится ключъ къ этой загадкѣ и ея болѣе или менѣе счастливому разрѣшенію. Послушаемъ же ихъ и постараемся извлечь для себя полезныя указанія изъ ихъ выводовъ.

Хорошее и дурное расположеніе духа— вотъ два душевныхъ настроенія, въ которыхъ поочередно пребываетъ большинство людей. Современные психологи, главнымъ образомъ тѣ, которые занимаются модной отраслью психологіи, а именно:—экспериментальной, относятъ это и другое состояніе духа къ кореннымъ свойствамъ человѣческой природы: альтруизму и эгоизму; иначе говоря: въ хорошемъ расположеніи духа человѣкъ отвлекается отъ самого себя, въ дурномъ—сѣживается и сосредоточивается на самомъ себѣ и становится мизантропомъ, недоброжелательнымъ, подозрительнымъ, не-

способнымъ къ доброму движенію, къ доброму слову. Дурное расположеніе духа порождаетъ безпричинную досаду, а въ этомъ настроеніи человѣку все не нравится, и имъ овладѣваетъ духъ противорѣчія; онъ поступаетъ наперекоръ другимъ, а зачастую и самому себѣ: идетъ направо, когда хочется налево; молчитъ, когда хочется заговорить; явить и говорить несприятности, въ душѣ желая сказать что-нибудь пріятное и т. д.

Напротивъ того, въ хорошемъ расположеніи духа человѣкъ становится лучше, добрѣе, снисходительнѣе, и это отражается на его представленіяхъ о людяхъ. Самъ становится добрѣе, онъ и другихъ считаетъ добрыми, а такъ какъ настроеніе людей заразительно, то и на самомъ дѣлѣ люди относятся къ нему добрѣе. «Какъ аукнется, такъ и откликнется». И вотъ причина, почему въ дурномъ настроеніи человѣку рѣдко что удастся. За то онъ ни принимается—все не клеится, не ладится, дѣло валится изъ рукъ, люди досаждаютъ, сами неодушевленные предметы какъ бы оказываютъ строптивость и неповиновеніе. Въ хорошемъ настроеніи все происходитъ наоборотъ, и люди часто объясняютъ удачей или неудачей то, что есть результатъ собственнаго образа дѣйствій человѣка болѣе или менѣе разумнаго, болѣе или менѣе цѣлесообразнаго, смотря по тому, хорошо или дурно онъ настроенъ. Изъ этого видно, какъ важно для человѣка поддерживать въ себѣ неизмѣнно хорошее расположеніе духа. Теперь спрашивается: отъ чего же оно

зависитъ? и чѣмъ объясняется то обстоятельство, что порою человѣкъ, какъ говорится, съ утра всталъ съ лѣвой ноги и міръ для него окутанъ черной дымкой, а иной разъ наоборотъ: все представляется въ розовомъ свѣтѣ?

Физиологи утверждаютъ, что перемены въ настроеніи всегда обуславливаются органическими измѣненіями. Психологи соглашаются съ ними, но съ оговорками. «Мы согласны, говоритъ между прочимъ Камилль Мелланъ, что перемены въ душевномъ настроеніи всегда связаны съ какой-нибудь переменной въ состояніи тѣла, въ особенности мозга. Напримѣръ, дурное расположеніе духа всегда связано съ неправильнымъ кровообращеніемъ, съ извѣстной анеміей, истощеніемъ нервныхъ кѣлочекъ и т. д. Другими словами, дурное расположеніе духа есть явленіе сложное за-одно и физическое и нравственное. Органическое разстройство и душевное разстройство образуютъ естественное цѣлое, и его не надо раздирать: съ этимъ мы легко согласимся.

Остается только узнать, гдѣ причина этого сложнаго явленія, психо-физиологическаго, которое мы называемъ дурнымъ расположеніемъ духа.

И въ этомъ пунктѣ мы признаемъ долю истины за физиологическимъ тезисомъ. Мы признаемъ, что часто причина бываетъ физическая, что часто нравственные причины простая случайность или даже просто одинъ только предлогъ. Зачастую мы ясно чувствуемъ, что физическое нездоровье отражается на нашемъ настроеніи; зачастую мы сознаемъ, что хорошее расположеніе духа обуславливается приливомъ физическихъ силъ. Оглянемся, и мы увидимъ, что у многихъ мужчинъ и особенно у множества женщинъ перемены въ расположеніи духа зависятъ отъ органическихъ разстройствъ. Бываютъ даже минуты, когда вполне очевидно, что мрачныя идеи, удручающія насъ, не только не являются причиной дурного расположенія духа, а совсѣмъ наоборотъ — его слѣдствіемъ. Мы сначала раздражаемся, а затѣмъ приписываемъ къ тому причины: дурное расположеніе духа превращаетъ самыя незначительныя обстоятельства въ поводы для досады: слова безразличныя кажутся намъ обидными, самыя невинныя поступки объясняются недоброжелательствомъ,

легкія невзгоды обращаются въ важныя бѣдствія. Очень часто значить досада создаетъ мотивъ, а не мотивъ создаетъ досаду. Короче говоря: дурное расположеніе духа, причиненное физической причиной: — разстройствомъ пищеваренія, неправильностью кровообращенія и т. д., является результатомъ физическаго состоянія нашего организма.

Но, утверждаютъ психологи, мы никакъ не можемъ согласиться, что всякое дурное расположеніе духа и всегда объясняется физической причиной. Бываютъ случаи, когда поводъ къ переменѣ настроенія оказывается чисто нравственнаго характера. Напримѣръ: человѣкъ совершенно здоровъ, веселъ, доволенъ и бесѣдуетъ дружески съ пріятелемъ, но въ этой бесѣдѣ пріятель высказываетъ непріятную правду, или говоритъ рѣзкое слово, задѣвающее самолюбіе, и вотъ человѣкъ становится не въ духѣ — тутъ несомнѣнно причина этого настроенія нравственная. Ходъ событій таковъ: первый фактъ — непріятныя слова, услышанныя человѣкомъ, второй фактъ — разстройство въ организмѣ, вызывающее дурное расположеніе духа. Ясно, что первый фактъ вызываетъ второй фактъ, и что нравственная обида причина дурного расположенія духа. Впрочемъ, существуетъ весьма простой способъ доказать, что причина дурного расположенія духа бываетъ часто нравственная: стоитъ только прибѣгнуть къ экспериментамъ.

Если окажется, что стоитъ пустить въ ходъ извѣстный нравственный мотивъ, чтобы вызвать перемену въ настроеніи человѣка, то станетъ ясно, что этотъ мотивъ и явится настоящей причиной. Напримѣръ, чтобы расдосадовать женщину, даже очень умную, стоитъ только надъ нею пошмѣяться: дѣйствіе этого средства такое же вѣрное, какъ дѣйствіе пружины. И всѣ согласятся, что эта пружина психологическая. Слѣдовательно, если мы можемъ по желанію вызвать дурное расположеніе духа, прибѣгая къ чисто психологическимъ способамъ, то, значить, несомнѣнно, что причина перемены въ настроеніи не всегда бываетъ физическая.

И самолюбіе — одна изъ главныхъ причинъ, безиреестранно влияющая на наше настроеніе. Стоитъ кому-нибудь похвалить насъ, чтобы сохранить намъ жизнь; стоитъ намъ одержать какой-нибудь успѣхъ, чтобы расположить насъ къ благосклонности ко всему жи-

вущему. И наоборотъ критика всегда раздражаетъ насъ; умнѣйшіе изъ людей не свободны отъ этой слабости. Неуспѣхъ на какомъ бы то ни было поприщѣ и, какъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ незначителенъ, заставляетъ насъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ.

Итакъ необходимо держать самолюбіе на уздѣ. Существуетъ гигиена для самолюбія, какъ и для тѣла; ее можно резюмировать въ одномъ правилѣ: дѣлать всегда все, что дѣлаешь, наилучшимъ образомъ, то-есть со всѣмъ стараніемъ, выполнѣ отдаваясь своему дѣлу. Такимъ образомъ являются всѣ шансы для успѣха, если же паче чаянія и не встрѣтишь успѣха, зато совѣсть будетъ покойна. А это очень важно: недовольство собою играетъ огромную роль въ дурномъ расположеніи духа. Поэтому также важно устранять еще одну причину недовольства собою и, слѣдовательно, дурного настроенія, а именно безпорядокъ въ жизни и въ мысляхъ. Общее правило: порядокъ приводитъ въ хорошее настроеніе, безпорядокъ въ дурное. И это вѣрно, какъ относительно домашней хозяйки, приводящей въ порядокъ свои шкафы и комоды, такъ и относительно ученаго, систематизирующаго природу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ все сводится къ системѣ.

Порядокъ въ дѣлахъ въ жизни еще важнѣе порядка въ вещахъ. Дѣлать ежедневно то, что слѣдуетъ, не откладывать до завтра то, что можешь сдѣлать сегодня, не давать накопляться обязательствамъ—вотъ, что значитъ порядокъ въ дѣлахъ. Что все это отражается на расположеніи духа—можетъ прослѣдить каждый, кто хоть сколько-нибудь способенъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ чувствуетъ.

Итакъ изъ всего вышесказаннаго можно заключить: наше расположеніе духа зависитъ порою отъ причинъ чисто физическихъ; но порою также оно зависитъ отъ нравственныхъ причинъ. Оно часто обусловливается состояніемъ нашего тѣла, но часто и состояніемъ ума. Итакъ мы въ правѣ искать, что же это за состояніе ума, которое является психологической причиной переменъ въ нашемъ настроеніи.

Разсмотримъ сначала тѣ случаи, когда расположеніе духа зависитъ отъ состоянія нашего самолюбія. Почему критика, неудача всегда насъ омрачаютъ? А потому, что онѣ воздаютъ въ насъ путаницу идей, конфликтъ между желаніями и тенденціями,

или, короче сказать, создаютъ, по выраженію Спинозы, состояніе колебанія.

Въ самомъ дѣлѣ мы естественно хорошаго о себѣ мнѣнія и обыкновенно не безъ удовольствія думаемъ о себѣ; мы охотно сравниваемъ себя съ окружающимъ и всегда бываемъ рады, если сравненіе намъ въ пользу; музыка похвалы для насъ пріятна; мы любимъ про себя хвалить самихъ себя. Короче сказать, у насъ есть склонность къ самодовольству, и это какъ разъ то самое, что зовется самолюбіемъ. Но что же дальше? А вотъ что: если насъ похвалили, если мы добились какого-нибудь успѣха, то нашей склонности нѣтъ никакого противодействія, намъ легко себя поздравить съ успѣхомъ: это тема, удобная для безконечныхъ вариаций; если же, напротивъ того, насъ постигъ неуспѣхъ, декорации мѣняются: мы озадачены, намъ не удобно воспѣвать самихъ себя; фальшивая нота звучитъ въ хорѣ похвалы, которая мы себѣ расточаемъ, и этотъ разладъ насъ раздражаетъ: мы находимся въ колебаніи, съ одной стороны нами владѣетъ укоренившаяся привычка къ самодовольству, съ другой—возникаютъ сомнѣнія въ собственномъ совершенствѣ. Такое колебаніе приводитъ насъ въ дурное расположеніе духа. То же самое бываетъ, когда мы натываемся на критику, когда вмѣсто ожидаемой нами симпатіи встрѣчаемъ антипатію. Мы немедленно становимся въ оппозицію самимъ себѣ. Во-первыхъ, въ насъ зарождается легкое сомнѣніе въ нашемъ собственномъ достоинствѣ: мы, значить, не такъ милы, какъ о себѣ воображали? И мы колеблемся между обычнымъ самодовольствомъ и новымъ сомнѣніемъ. Наконецъ, относительно того лица, которое выказало намъ антипатію, мы не знаемъ, что думать. Оно насъ не любитъ, мы склонны поэтому низко о немъ думать. Но, съ другой стороны, мы привыкли уважать это лицо и его мнѣніе, и вотъ въ насъ возникаетъ борьба между этими противоположными тенденціями. Въ результатъ конфликтъ чувствъ, движеніе идти въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, колебаніе ума. Если же, напротивъ того, мы встрѣчаемъ похвалы и симпатію, то всѣ наши чувства сливаются въ общемъ чувствѣ самоудовлетворенія, никакого конфликта не возникаетъ: насъ любятъ тѣ, которыхъ и мы любимъ. Въ результатъ единство, соотвѣтствіе, гармонія. Легко доказать такой же

конфликтъ чувствъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мы приходимъ въ дурное расположение духа въ силу нравственныхъ причинъ. Такимъ образомъ, настроеніе наше зависитъ отъ согласія или конфликта въ нашихъ тенденціяхъ, отъ единства или раздвоенія въ нашемъ умѣ, отъ колебанія или ясной отчетливости въ нашихъ мысляхъ. Можно сказать другими словами, что наше настроеніе зависитъ отъ сознанія нашей силы или безсилія, такъ какъ всякій конфликтъ въ стремленіяхъ выражается невозможно-стью дѣйствовать; а всякое сосредоточеніе силъ на одномъ пунктѣ имѣетъ въ результатѣ сильное и энергическое дѣйствіе, а слѣдовательно и сознаніе силы. Слѣдуетъ привести хорошее и дурное расположение духа къ общимъ законамъ радости и горести и постановить, что причиной радости въ насъ бываетъ сознаніе нашей силы, а причиной горести—сознаніе безсилія. И такимъ образомъ хорошее и дурное расположение духа являются частными случаями двухъ законовъ: хорошее расположение духа есть сознаніе нѣкотораго рода силы, которое является отъ единства въ направленіи всѣхъ нашихъ силъ; дурное расположение духа есть сознаніе нѣкотораго рода безсилія, проистекающаго отъ колебанія конфликта между желаніями и наклонностями.

И теперь, когда такъ ясно вырисовывается передъ нами картина нашихъ настроеній,

ихъ причины и послѣдствія, приходится вернуться къ исходной точкѣ нашей статьи и повторить, что у насъ есть возможность болѣе или менѣе успѣшно регулировать удачу и неудачу въ нашей жизни. Намъ указать путь, на которомъ это достигается; указана гигиена духа, какъ и гигиена тѣла. И какія простыя для того средства! Какія нехитрыя добродѣтели требуются отъ насъ: умѣренность и аккуратность! Да, представьте: тѣ самыя злополучныя качества, которымъ такъ не повезло на Руси съ легкой, хотя тутъ, пожалуй, вѣрнѣе было бы сказать съ нелегкой руки Грибоѣдова (не того, который полемизируетъ съ Демчинскимъ, а того, который написалъ «Горе отъ ума»!). Конечно, Молчалинъ не могъ самъ охарактеризовать свои качества подобающими имъ именами: подлостью и низкопоклонствомъ, а Грибоѣдовъ ужъ, конечно, не ожидалъ, какой выводъ сдѣлаютъ изъ этой Молчалинской обмолвки легкомысленные русскіе люди, но какъ бы то ни было, а благодаря этому литературному недоразумѣнію, нѣсколько поколѣній на Руси ставили себѣ за честь не быть умѣренными и аккуратными, да и до сихъ поръ эти качества не вышли изъ незаслуженной ослы, а результаты этого сказываются на каждомъ шагѣ, въ полномъ неустройствѣ нашей домашней и общественной жизни. За примѣрами ходить недалеко: они у всякаго на глазахъ.

А. Э.

Въ статьѣ «Существуютъ ли два Киплингъ?» Чарльсъ Рёссель въ «Cosmopolitan» очень строго разбираетъ англійскаго писателя и приходить къ нерадостнымъ выводамъ. Всякій рассказъ Киплинга читается съ неослабвающимъ интересомъ. Какое разнообразіе темъ, какая живость въ изображеніи самыхъ жизненныхъ положеній, какая неистощимая фантазія! Новые типы, новые чудные пейзажи, яркий и блестящій слогъ, все это дѣлаетъ эти рассказы безусловно выдающимися. И между тѣмъ, — говоритъ Рёссель, — по прочтеніи ихъ, на душѣ становится какъ-то смутно, остается какое-то ощущеніе недовольства или неудовлетворенія. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ того, что, рисуя своихъ непримечательныхъ героевъ во всемъ ихъ непримечательномъ реализмѣ, Киплингъ не умѣетъ или не хочетъ найти въ каждомъ изъ нихъ ту маленькую, порой едва тлѣющую искру, которая тлѣетъ во всякомъ человѣкѣ, еще достойномъ этого названія. Его грубые и пьяные солдаты весьма реальны, но они такъ и остаются только пьяными и грубыми до конца, не проявляя ни одной изъ болѣе свѣтлыхъ сторонъ, которыя таятся въ душѣ самаго огрубѣлаго солдата. Этимъ Киплингъ грѣшитъ противъ того самаго реализма, который старается проводить въ своихъ произведеніяхъ. Киплингъ самъ не любитъ своихъ героевъ, а потому не можетъ и читателю внушить къ нимъ симпатіи. Онъ можетъ смѣяться, но онъ не умѣетъ плакать. Онъ пишетъ о людяхъ, но не для людей. Онъ — проповѣдникъ права кулака, права сильного. Но это — евангеліе смерти, а не

жизни; вотъ почему такъ быстро перестаетъ онъ привлекать вниманіе, почему его прежняя продуктивность начинается ему измѣняться, и онъ начинаетъ писать такіа беззастѣсливыя вещи, какъ «The Lesson» («Урокъ»).

Этотъ мрачный взглядъ на Киплинга едва ли можетъ быть принятъ безъ всякой критики. Изображая Киплинга какимъ-то мрачнымъ демономъ, чье тлетворное дыханіе должно губительно вліять на молодое поколѣніе; приписывая ему мрачныя убѣжденія, въ родѣ того, что «милосердіе есть только милая слабость; все счастье въ жизни только въ физической силѣ; только тотъ человѣкъ живетъ достойно, который локтями пробиваетъ себѣ дорогу впередъ; только та нація исполняетъ свою миссію, которая накладываетъ сильную руку на слабѣйшіе народы». Рёссель, быть можетъ, дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные заключенія и во всякомъ случаѣ сильно сгущаетъ краски. И въ защиту Киплинга выступаетъ его же собственное произведеніе, маленькая книжечка его «Пѣснь изъ казармъ».

Написанная грубымъ солдатскимъ жаргономъ, пѣснь эти производятъ смѣшанное впечатлѣніе грубости и сердечной теплоты и вмѣстѣ несомнѣнной художественности. Жизнь бѣднаго Томми Аткинса (народное прозвище солдатъ) разворачивается передъ нами въ цѣломъ рядѣ пѣсней, виртуозныхъ по формѣ, съ оригинальными приѣмами, которые такъ и просятся переложить въ мелодію.

Къ сожалѣнію, большинство этихъ пѣсней совершенно не переводимы, благодаря ихъ

своеобразному жаргону и оригинальной формѣ, передать которую по-русски прямо невозможно. Но во всѣхъ нихъ нѣтъ и слѣда той философіи жестокости, грубости и насилія, въ которой Рёссель такъ сурово обвиняетъ Кишлингга. Здѣсь Томми Аткинсъ не только умѣетъ пить и бозобразничать (cells), но умѣетъ и искренно сокрушаться о своихъ бозобразіяхъ:

И если родина, куда мы никогда не пишемъ,
И всѣ клятвы, которыхъ мы никогда не испол-

няемъ,
Нарушаютъ нашъ сонъ въ храпящей казармѣ.
Можете ли вы насъ осуждать за то,
Что мы топимъ себя въ пиво?

(Gentlemen-Kankers).

Кишлингъ.

Онъ не только умѣетъ слѣпо исполнять приказанія, но умѣетъ и жалѣть тѣхъ дикарей, которыхъ долженъ «распластать»:

Если половина твоихъ пуль летитъ въ канаву,
Не зови своего Мартини кривой старой со-

бакой:
Оно человѣчно, какъ и ты—такъ ты и отно-
сись къ нему,
И оно постоитъ за британскаго солдата.

Если же эти дикари выказываютъ свою свою храбрость и мужество, Томми съ удовольствіемъ выдаетъ имъ хвалебный отзывъ (Fuzzy-Wuzzy). А когда черный маркизантиъ Генга-Динъ спасаетъ Томми жизнь, и самъ падаетъ, пораженный пулей, тогда Томми открыто признается, что бѣдный Генга-Динъ куда лучше его (Gunga-Din).

Бѣдный Томми и не можетъ быть особенно жестокимъ или кровожаднымъ: вѣдь онъ

почти никогда не знаетъ, кого и за что онъ долженъ разбивать:

Короля мы какого-то взяли тогда
И дорогу мы тамъ проложили:
Гдѣ нашъ полкъ проходилъ, нынче зданье суда,
И отъ крови рѣка снова стала чиста
Съ той поры, какъ насъ тамъ угостили!
The Widow's party.

(Онъ знаетъ только, что сюда, въ эти далекія знойныя страны послала его королева:

Ея мѣтка на всѣхъ полковыхъ лошадяхъ.
На лѣкарствахъ ея же печать.
И ея корабли насъ развозятъ вдали.
И вездѣ мы должны воевать

(Бѣдняки! Мы должны воевать!)

Осторожнѣ будьте съ Виндзорской вдовой,
Вѣдь полмира во власти у ней:
Расплатились въ томъ мы мечемъ и огнемъ.
Да холмами изъ нашихъ костей.

(Бѣдняки! (Только нашихъ костей!)

Таковы эти бѣдные «сыновья» королевы и
Гдѣ бы и какъ ни жилось имъ порой.
Ихъ желанье одно, не свершится оно!
Поскорѣ вернись домой.

(Бѣдняки! Не придти имъ домой!)

The Widow at Windsor.

Гдѣ ужъ тутъ жестокость, жажда власти и все большаго захвата, когда бѣдный Томми, точно больной ребенокъ, просится «домой»:

Мы уходимъ домой, мы уходимъ домой.
Идетъ корабль, чтобъ вести насъ туда!
Запакуй же, дружокъ, свой походный мѣшокъ.
Мы сюда не придемъ никогда.

Tróopin'

Пусть на родинѣ встрѣтитъ его холодъ и дождь, пусть онъ будетъ дрогнуть въ своей полотняной курткѣ—

Къ чорту дождь, лихорадку и холодъ, друзья,
Мы зато возвратимся домой!

Но и дома Томми ожидаетъ мало радостнаго. Солдаты хороши, только покуда есть опасность, а въ мирное время ихъ всюду встрѣчаютъ лишь общее пренебреженіе и насмѣшки:

Трезвъе трезваго пришелъ въ театръ однаж-
ды я:
Пропущенъ пьяный штатскій былъ—нѣтъ мѣ-
ста для меня.
Меня отправили на верхъ, куда-нибудь на-
задъ—
А чуть война, тогда сейчасъ: «Прошу васъ въ
первый рядъ!»

И бѣдный Томми то, бѣдный Томми се,
 И «Томми, жди-ка за дверьми»,
 Но «отдѣльный поѣздъ для Аткинса»,
 Коль отплыть собираемся мы,
 Нашъ корабль ужъ готовъ, нашъ корабль уже
 ждетъ

И отплыть собираемся мы,
 И «отдѣльный поѣздъ для Аткинса»,
 Коль отплыть собираемся мы.

Tommy.

Объщаютъ имъ и лучшую пищу, и школы,
 и лучшее содержаніе, и еще не вѣсть что,
 но ничего этого не даютъ, а пока удивля-
 ются, что солдаты не обращаются въ «гип-
 совыхъ святыхъ». И за весь свой трудъ и
 за всѣ насмѣшки бѣдный состарившійся Том-
 ми получаетъ, покидая службу — шиллингъ
 въ день.

Теперь я старъ и боленъ.
 Со службы я уволенъ,
 А пенсія-то вышла
 По шиллингу мнѣ въ день.

(Хоръ) Шиллингъ на брата,
 Отмѣнная плата.
 Завадная плата — по шиллингу
 въ день.
 Shillin'a day.

И бѣднякъ Томми принужденъ теперь
 служить посыльнымъ, пока жена надры-
 вается на поденной работѣ: «Подайте же
 ему письмо!»

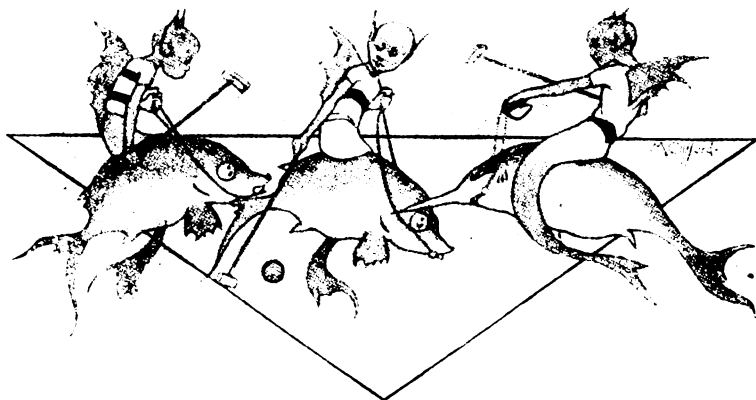
Этимъ грустнымъ, неразрѣшеннымъ ак-
 кордомъ заканчиваетъ Киплингъ свою сол-
 датскую эпопею. Много есть въ ней и дру-
 гихъ картинъ, полныхъ истиннаго, потряса-
 ющаго реализма (Soldier. Snarlejow), но
 уже и приведенные отрывки даютъ понятіе
 объ этомъ своеобразномъ сборникѣ, призван-
 номъ нынѣ замолвить словечко за своего по-
 рицаемаго автора.

Е. Студенская.

НЕВИННОСТЬ ВЪ ЛѢСУ.

(Символическій мотивъ въ декадентскомъ исполненіи).

ГЕОМЕТРИЧЕСКІЯ МЕЧТАНІЯ.

Гдѣ бы, кажется, было меньше простора для мечтаній, какъ не въ математикѣ вообще и въ геометріи въ особенности? Такъ, по крайней мѣрѣ, думаемъ мы, люди знакомые съ этими науками только въ размѣрахъ, необходимыхъ для практической жизни. А на самомъ дѣлѣ даже эта жизнь, столь, повидимому, разнообразная, не укладывающаяся ни въ какія формулы, а потому допускающая какія угодно предположенія, даетъ меньше простора мечтамъ, чѣмъ математика. Дѣло въ томъ, что жизнь обставлена и ограничена конкретными условіями, освобождающая себя отъ которыхъ, мечта превращается въ очевидный абсурдъ, тогда какъ математика есть созданіе разума человѣческаго, и область ея вѣдѣнія ничѣмъ кромѣ законовъ этого разума не ограничена. Математическія понятія, собственно говоря, всегда мыслимы и даже болѣе — они всегда представляютъ собою дѣйствительность, хотя бы только въ видѣ идеи. Свойства круга, свойства эллипса, парабола были или могли быть постигнуты человѣкомъ раньше, чѣмъ онъ замѣтилъ ихъ соответствующія имъ сущности въ природѣ. Парабола, напримѣръ, была, собственно говоря, мечтою Платона (если дѣйствительно онъ открылъ коническія сѣченія) гораздо раньше, чѣмъ изученіе ея свойствъ понадобилось для практическихъ цѣлей. Однимъ словомъ, математическія мечтанія представляютъ собою правильно поставленныя экс-

курсии разума человѣческаго въ такія области, въ которыя входятъ его чувственному воспріятію воспрещенъ до поры до времени, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока тотъ же разумъ не снабдитъ его внѣшнихъ чувствъ подходящими орудіями: микроскопомъ, телескопомъ, фотографіей, тонкими мѣрительными приборами и проч.

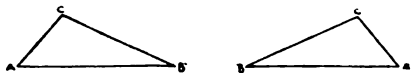
Поэтому математическія мечтанія, какъ бы они ни противорѣчили очевидности и житейскому разуму (разуму они противорѣчить не могутъ), всегда представляютъ большой интересъ.

Къ числу такихъ мечтаній принадлежитъ, между прочимъ, такъ называемая не-Эвклидова геометрія, разработанная нашимъ соотечественникомъ, профессоромъ Лобачевскимъ, и находящаяся съ нею въ связи концепція четвертаго измѣренія, которою не такъ давно пользовались спириты для объясненія нѣкоторыхъ своихъ фокусовъ (развязыванье узла на припечатанномъ съ обоихъ концовъ шнуркѣ и проч.).

Эвклидова геометрія вполнѣ справедлива для плоскости, имѣющей только два измѣренія — длину и ширину. На такой плоскости параллельныя линіи никогда не сойдутся. Но если предположить, что плоскость эта гдѣ-нибудь въ пространствѣ загнется въ третье измѣреніе, для того чтобы образовать собою поверхность шара, то параллельныя линіи, на ней начертанныя, могутъ и сой-

тись, какъ сходятся между собою меридіаны земного шара, на экваторѣ параллельные другъ другу.

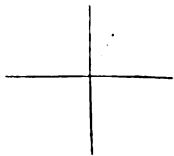
Два треугольника (рис. 1), стороны и углы которыхъ равны, но не симметричны (какъ

это видно на рисункѣ), не могутъ быть совмѣщены на плоскости, имѣющей два измѣренія. Но если приподнять одинъ изъ треугольниковъ, то-есть перемѣстить его въ третье измѣреніе и, перевернувъ, положить на другой, то они совмѣстятся.

Кругъ, начертанный на плоскости, ограничиваетъ двухмѣрное пространство, и для того, чтобы выйти изъ этого пространства, нужно перешагнуть черезъ ограду, то-есть перенестись въ третье измѣреніе.

Къ двумъ, перпендикулярнымъ другъ къ другу линиямъ, начерченнымъ на плоскости (рис. 2), можно провести третью перпендикулярную только изъ пространства, лежащаго надъ или подъ этой плоскостью, то-есть изъ третьяго, по отношенію къ ней, измѣренія.

Все это намъ, существамъ трехъ измѣреній, живущимъ въ мірѣ, который имѣетъ также три измѣренія, вполне понятно. Но представимъ себѣ міръ плоскостный, населенный существами также плоскостными, то-есть не имѣющими даже никакого понятія о третьемъ измѣреніи. Для нихъ параллельныя линіи будутъ вѣчно параллельными; вышеупомянутые треугольники—совершенно несовмѣстимыми; третья перпендикулярная линія—немыслимой, а кругъ окажется безвыходной тюрьмой.

Подобно этому, намъ, трехмѣрнымъ существамъ, кажется совершенно невозможнымъ совмѣстить двѣ равныя, но не симметричныя пирамиды (рис. 3), развязать узелъ на веревкѣ, съ обоихъ концовъ припечатанной; вывернуть наизнанку гуттаперчивый шаръ, не разрывая его оболочки; выскочить изъ запертаго сундука, не ломая ни замка, ни стѣнокъ и проч.

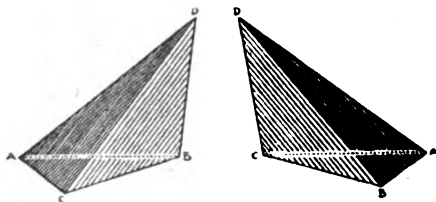
Между тѣмъ существа, имѣющія возможность двигаться въ четвертомъ измѣреніи, могли бы продѣлывать все это такъ же свободно, какъ мы рѣшаемъ задачи, неразрѣшимыя для существъ двухмѣрныхъ.

Бѣдучи по совершенно прямой линіи, все впередъ въ двухмѣрномъ пространствѣ, невозможно пріѣхать опять къ пункту отправления. Въ трехмѣрномъ пространствѣ, какъ мы знаемъ, это вполне возможно. А въ пространствѣ, имѣющемъ четыре измѣренія, даже поверхность постоянно увеличивающагося шара рано или поздно вернулась бы сама на себя...

И это не абсурдъ? спросятъ, можетъ быть, читатели, не привыкшие мыслить математически. Нѣтъ, не абсурдъ. Это только экскурсія въ область недоступную нашимъ чувствамъ, а кто же сказать, что этимъ чувствамъ доступно все существующее? Мы, вонъ, электричество, непосредственно на насъ дѣйствующее и въ насъ работающее, сравнительно недавно замѣтили. Мы, можетъ быть, не знаемъ миллионной доли того, что живетъ, вмѣстѣ съ нами, въ трехмѣрномъ пространствѣ. Гдѣ же намъ замѣтить существованіе четвертаго измѣренія, для апперценціи котораго у насъ нѣтъ органовъ?

Но вотъ разумъ нашъ, гораздо менѣе ограниченный, чѣмъ внѣшнія чувства, успѣлъ проникнуть въ это измѣреніе и съ математической точностью показать намъ, что въ немъ могло бы быть сдѣлано... буде оно существуетъ.

А существовать можетъ не только четвертое, но и n -ное измѣреніе, то-есть любое,

только, что въ нихъ дѣлается, это даже и разуму нашему, и математикѣ пока недоступно.

Интересный рассказ.

КАРТИННАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Ричарда Стернса.

Художнику Эдвину Аббэ заказана большая картина, долженствующая увековѣчить коронованіе короля Эдуарда VII. Почему не обратились съ такимъ заказомъ къ фотографу? Вѣдь фотографія точно воспроизводитъ то, что объективъ передаетъ пластинкѣ. Фотографическій снимокъ — факсимиле сцены. Слѣдовательно, фотографія передала бы потомству болѣе точное понятіе о пышномъ зрѣлищѣ коронаціи.

А между тѣмъ о фотографіи, безъ сомнѣнія, и не подумали тѣ, кому поручено ознаменовать это событіе. А если кому-нибудь и пришла въ голову мысль о ней, то ее отвергли безъ серьезнаго обсужденія, какъ слишкомъ мелкій способъ для увековѣченія такого великаго историческаго событія. Но правильно ли это?

Тутъ снова является часто обсуждавшійся вопросъ о художественной разницѣ между живописью и фотографіею; и, что бы ни говорили самые увлекающіеся сторонники такъ называемой «картинной фотографіи», — она все еще занимаетъ мѣсто между искусствомъ и прикладной химіею. Она все-таки уступаетъ индивидуальной работѣ художника кистью или карандашомъ. Нельзя, пожалуй, выразить худшаго порицанія картинѣ, чѣмъ сказать, что «она совершенная фотографія».

Однако же, за послѣднія десять лѣтъ фотографія сдѣлала такіе громадныя успѣхи, что можно спросить себя, — да гдѣ же она остановится? Принявъ въ соображеніе, что много еще существуетъ людей, которые помнятъ изобрѣтеніе фотографіи; что есть люди моложе пятидесяти лѣтъ, съ которыхъ

Письмо отъ «него».

въ ихъ юности снимали дагеротипы, составлявшие тогда единственный видъ фотографіи и требовавшие отъ снимающагося нѣсколькихъ минутъ напряженно-неподвижной позы; а также, принявъ въ соображеніе качество работы камеры, исполняемой въ настоящее время, можно съ увѣренностью сказать, что въ художественномъ отношеніи фотографія можетъ достигнуть такихъ пре-

сомъ вкуса, и тутъ вступаетъ въ роль культурности любителя. При тонкой наблюдательности, имѣя всю природу открытою передъ собою, — океаны, рѣчки, поля, лѣса, горы, долины, а также утонченную домашнюю обстановку, вмѣсто четырехъ стѣнъ фотографической студіи съ ея «буафорскими» перилами, деревенскими сидѣньями и нарисованнымъ озеромъ на заднемъ планѣ, онъ пользуется несравненно болѣе обширнымъ выборомъ сюжетовъ, чѣмъ профессиональный фотографъ.

Сначала любитель былъ бѣльмомъ для профессиональнаго фотографа, но затѣмъ послѣдній увидѣлъ, что онъ нисколько не мѣшаетъ его дѣлу, а напротивъ, не только даетъ его студіи новаго рода работу (проявление и отдѣлку), но пробуждаетъ такой широко-распространенный интересъ къ фотографіи, что, въ дѣйствительности, служитъ косвеннымъ виновникомъ увеличивающагося числа желающихъ сниматься. Кромѣ того, профессиональный фотографъ извлекаетъ большую техническую пользу отъ работы любителя. Его собственная работа стала улучшаться подъ стимуломъ соперничества, онъ ушелъ впередъ и сдѣлалъ успѣхи, имѣвшие положительное вліяніе на общее художественное развитіе фотографіи. Хотя профессиональный фотографъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи меньше времени, чѣмъ любитель и по необходимости его работа ограничивается портретами, однако же все возрастающая художественность произведеній профессиональной галлерей служитъ однимъ изъ очевидныхъ признаковъ успѣховъ фотографіи.

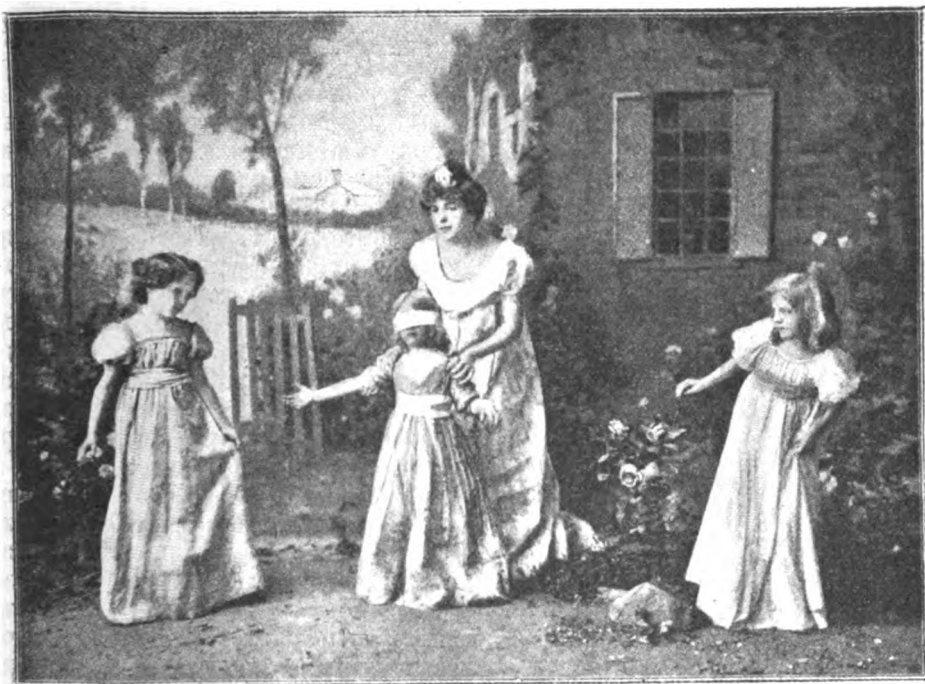
Вскорѣ по вступленіи любителя въ эту область, явился новый стиль фотографіи. Это особенно вѣрно относительно Америки, и, дѣйствительно, «картинная фотографія» настолько является продуктомъ Соединенныхъ Штатовъ, что и повнѣ о ней часто говорятъ, какъ объ «американской школѣ». Однако же, не смотря на ея очевидныя достоинства и красоту многихъ ея произведеній, а также, что она ближе подходитъ къ настоящей художественной живописи, чѣмъ всякій другой видъ фотографіи, противъ нея сильно возсталъ такъ называемая «натуралистическая школа». Приверженцы послѣдней — консерваторы, убѣжденные въ томъ, что фотографическій снимокъ долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ вѣрною копіею, факси-

При лунномъ свѣтѣ.

дѣловъ, о какихъ еще не мечтаютъ самые горячіе ея поклонники.

Нигдѣ фотографія не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ Америкѣ. Этимъ она много обязана увлеченію любителя, быстро воспользовавшагося аппаратомъ, который можетъ воспроизвести художественные эффекты и технику котораго легко изучить сравнительно съ усидчивымъ и долгимъ трудомъ, требующимся для художника въ академіяхъ или студіяхъ. Разъ усвоена техника камеры, — получаемые результаты становятся вопро-

Игра въ жмурки.

Лунная соната.

Неизмѣнная опора.

миле природы. художественное же направление картиннаго фотографа заставляетъ его вкладывать въ работу свое собственное чувство и свою индивидуальность.

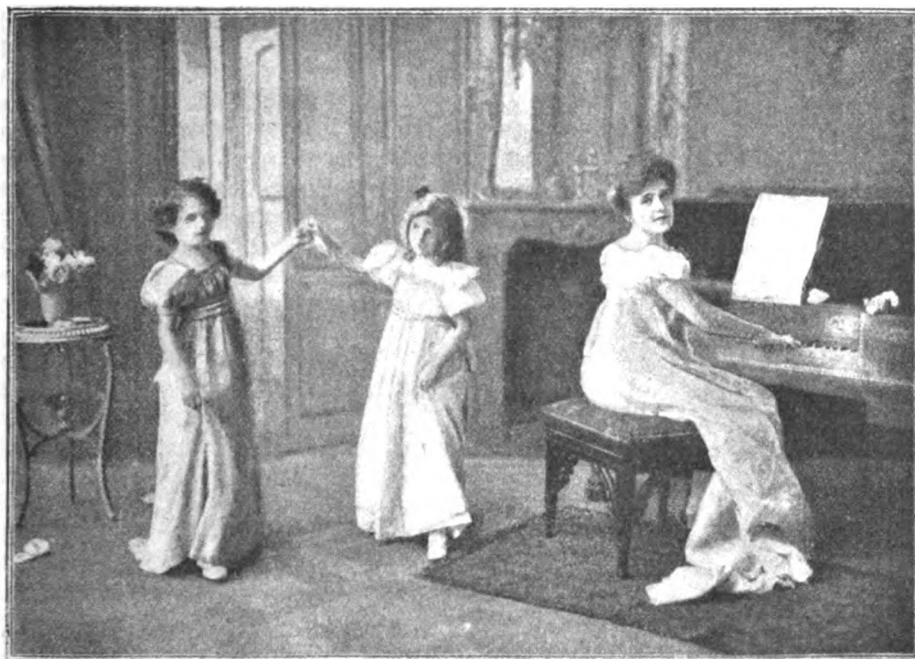
Но оставимъ на время эту распрю, продолжавшуюся столько лѣтъ между картинными фотографами и натуралистами. и обратимся къ сюжету картинному, конечно, который такъ восхитительно иллюстрированъ фотографическими воспроизведеніями въ этой статьѣ. Большинство изъ нихъ не что иное, какъ оригинальныя фотографическія картины, для которыхъ позировали, одѣтыя соответствующимъ образомъ, живыя модели. Для нѣкоторыхъ изъ картинъ позы живыхъ моделей распределялись по извѣстнымъ картинамъ, при чемъ въ результатъ получалось нѣчто болѣе живое, чѣмъ если бы передъ камерою поставили мертвый колетъ.

Часто указывается на то, что, послѣ книгопечатанія, фотографія сдѣлала для умственного прогресса больше, чѣмъ какое бы то ни было другое изобрѣтеніе. Смотря на усовершенствованныя работы лучшихъ любителей въ дѣлѣ картинной фотографіи и того, что можно назвать фотографическими живыми картинами (какія воспроизведены въ

этой статьѣ), позволительно спросить, не дѣлаетъ ли фотографія столько же для художественнаго развитія человѣчества, сколько она дѣлаетъ для его умственного развитія? Она въ небѣ ищетъ звѣзды за предѣлами, доступными самому сильному телескопу; она даетъ точныя снимки неслыхаемыхъ; она помогаетъ работѣ съ микроскопомъ и многими другими способами участвуетъ въ интеллектуальномъ развитіи человѣчества. Теперь же она входитъ въ человѣческую жизнь, какъ художественный факторъ, не только какъ средство получить портретъ, который можетъ интересовать ограниченное число людей, но и какъ воспроизводительница картинъ, которыя вызовутъ болѣе глубокое и болѣе общее впечатлѣніе. Многіе изъ сюжетовъ, воспроизведенныхъ здѣсь, совершенно оригинальны; нѣкоторые изъ нихъ вызваны чтеніемъ, другіе, можетъ быть — картинами на ту же тему, казавшимися тому, кто ихъ снялъ, несовершенными, за отсутствіемъ какого-нибудь качества, которое онъ могъ вы-

Осень.

Урокъ танцевъ.

Медовый мѣсяцъ.

полнить, фотографируя съ живой модели. Тѣмъ самымъ, что такого рода привлека- тельныя картины дѣлаются доступными для украшенія домашней обстановки, фотографія должна способствовать художественному развитію въ странѣ. Они могутъ быть возбу- ждены дремлющія стремленія, и затронуты многія струны, которыя иначе никогда бы не зазвучали.

Однимъ изъ фазисовъ этой картинной фото- графій, хотя, строго говоря, и не принадле- жающимъ ей, является воспроизведеніе фото- графическимъ способомъ эффектовъ такъ называемаго «L'Art Nouveau». «L'Art Nou- veau» нѣчто трудно опредѣляемое. Можно

Подъ вѣткою омелы.

сказать, что оно производитъ картину декоративными эффектами, сохраняя въ результатѣ настоящую картину, а не декорацию, что его трактованіе сюжета со- ставляетъ комбинацію истинно живописнаго и условнаго. Центръ интереса трактуется картиною, фонъ же и аксесуары условны. Предѣльный портретъ «королевы Вильгель- мины» и картина «Клеопатры» хорошіе об- разцы — одинъ современнаго, другой древняго сюжета, сдѣланные въ этомъ стилѣ, а «Мин- негата» и «Хивата» суть воспроизведенія американскихъ типовъ. Они, конечно, не подходятъ подъ рубрику фотографическихъ картинъ, такъ какъ сдѣланы не съ живыхъ моделей. Но интересно знать, что послѣднее

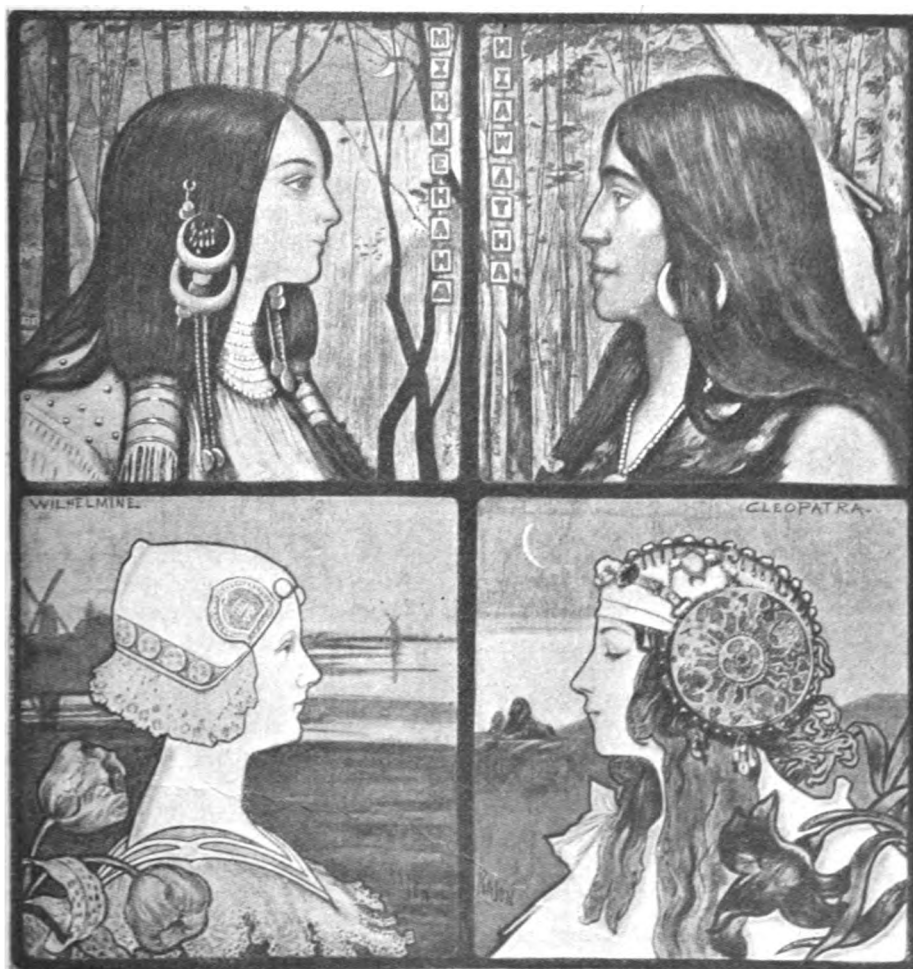
слово искусства «L'Art Nouveau» можетъ быть соответствующимъ образомъ воспро- изведено посредствомъ фотографій.

Не ясно ли, насколько картинная фото- графія ушла впередъ отъ натуралистической школы. На каждый почти аргументъ, вы- ставленный противъ нея, можно отвѣтить. Безъ сомнѣнія, фотографія настолько близко касается искусства, что она можетъ руковод- ствоваться многими его принципами и, хотя слова, что фотографія тѣмъ художественнѣе, чѣмъ она менѣе похожа на фотографію, могутъ показаться парадоксомъ, однако же, слѣдуетъ помнить, что такое сравненіе от- носится къ фотографіямъ стараго стиля, ко- торая быстро выходитъ изъ моды. Фотогра- фія, конечно, совершенна въ нѣкоторыхъ те- хническихъ отношеніяхъ. Она передаетъ сю- жетъ безусловно правильно. При помощи такъ называемой ортохроматической пла- стинки она передаетъ сравнительное значе- ніе цвѣтовъ съ безусловною вѣрностью. Та- кія записанія въ памятную книжку, сдѣла- нныя въ полѣ или въ студіи, безспорно, дол- жны быть очень цѣнными для художника, и камера, само собою разумѣется, сдѣлалась очень важнымъ пособіемъ для артиста. Она даетъ ему то великое преимущество, что, когда его модель позируетъ съ тѣми какъ разъ эффектами, какіе ему желатель- ны, онъ можетъ, въ одно мгновеніе ока, убѣловчить ихъ. Точно также онъ можетъ обезпечить себѣ передачу ландшафта, когда онъ освѣщенъ какъ разъ такъ, какъ худож- никъ этого желаетъ. Какъ быстро являются и исчезаютъ эти свѣтъ и тѣни! Какъ мучи- тельно должно быть для художника, когда, поднявъ глаза съ полотна, онъ убѣждается, что видъ сцены матеріально измѣнился на- бѣжавшимъ облакомъ или просто оттого, что прошло нѣсколько минутъ!

Картинная композиція въ дѣйствитель- ности зависитъ не отъ случая, а является результатомъ художественнаго чувства фото- графа. Для человѣка, лишенаго художе- ственнаго чувства, природа можетъ позиро- вать ежедневно, и онъ не замѣтитъ ея. Къ фотографу же съ художественнымъ вкусомъ все прекрасное вызываетъ, и онъ объ одномъ только можетъ жалѣть, а именно, что ви- дитъ такъ много хорошаго, когда у него нѣтъ съ собою камеры или что освѣщеніе не совсѣмъ подходящее. Разница между на- туралистическимъ фотографомъ и фотогра-

фомъ-художникомъ можетъ быть выражена тѣмъ, что первый пробуетъ воспроизвести на своей пластинкѣ все, что онъ видитъ, между тѣмъ какъ второй старается исключить все, что не имѣетъ значенія. Въ результатъ оказывается, что фотографъ-художникъ развиваетъ въ фотографіи даже эффекты импрессионизма.

Самыя героическія чувства врядъ ли могутъ быть вызваны фотографіею. Но, продолжаетъ онъ, такъ какъ мы не проводимъ свою повседневную жизнь въ героическихъ поступкахъ, то нашей впечатлительности предоставлена очень обширная область болѣе простыхъ чувствъ, эмоцій и интересовъ, скромныя требованія которыхъ исполнѣ

Декоративные портреты въ «L'Art Nouveau».

Очень здравыя разсужденія о предѣлахъ фотографіи въ примѣненіи ея къ искусству заключаются въ двухъ статьяхъ. — одна Амби, другая Гольдена. Амби, разсматривая эти предѣлы, указываетъ на то, чего можетъ все-таки достигнуть фотографъ-художникъ. Нѣтъ необходимости, говоритъ онъ, рискуя неудачей, пытаться взлетѣть слишкомъ вы-

удовлетворается тѣмъ, что можетъ воспроизвести фотографъ.

Гольденъ высказываетъ менѣе оптимистическій взглядъ на фотографію, какъ на искусство. Очевидно, онъ не принадлежитъ къ новой школѣ. Но онъ и не противникъ ея. Камера воспринимаетъ какой-нибудь естественный и красивый фактъ и на этомъ, вѣ-

мнѣнію Гольдена, останавливается ея работа. Художникъ тоже воспринимаетъ этотъ фактъ, который дастъ ему необходимое для его работы вдохновеніе, но въ изображеніе этого факта, въ каждую его деталь, онъ можетъ вложить чувство, индивидуальность, душу, что не можетъ быть достигнуто посредствомъ объектива. Художникъ-живописецъ

Мелодія любви.

сецъ и художникъ-фотографъ могутъ много имѣть общаго: вкусъ, идеалы, увлеченія, знаніе, умѣніе, но въ работѣ ихъ будетъ основная разница, которая всегда поставитъ работу живописца выше работы фотографа. Можно ли будетъ когда-нибудь перешагнуть черезъ пропасть, раздѣляющую ихъ? Даже самый увлекающійся фотографъ не былъ бы въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ

въ утвердительномъ смыслѣ на этотъ вопросъ.

А почему? Потому, отвѣчаетъ Гольденъ, что въ работу художника входитъ его индивидуальность. Возьмите, какъ примѣръ, портретъ красивой женщины. Человѣческое знаніе и страстность художника передадутъ лицо, какъ онъ его самъ понимаетъ. Фотографъ можетъ получить болѣе точный портретъ, который болѣе удовлетворитъ ея мужа, семью и друзей. Но онъ не будетъ имѣть мірового интереса, какъ портретъ, сдѣланный талантливымъ художникомъ, который почувствовалъ магнетизмъ красоты, вдохновился ею и истолковалъ ее по-своему. Онъ передаетъ намъ красоту женщины такъ, какъ она подействовала на него, и его произведеніе настолько будетъ проникнуто разнообразными вліяніями, что будетъ говорить столько же о художникѣ, сколько и о модели.

Гольденъ указываетъ на то, что это одно изъ самыхъ драгоценныхъ свойствъ искусства художника, такъ какъ оно позволяетъ ему дать выраженіе, не связанное никакими узами. Его портретъ можетъ быть не столь жизненно вѣренъ, какъ портретъ, снятый камерою, но онъ произведетъ впечатлѣніе на гораздо болѣе обширный кругъ. Въ дѣйствительности онъ вызываетъ къ міровому художественному инстинкту, а не только къ небольшому семейному кружку, который ничего больше не желаетъ, какъ факсимиле красиваго лица. Эти люди требуютъ деталей въ костюмѣ до рисунка кружевного воротничка включительно. «Посмотрите на эти кружева!» воскликнуть они. «Видна каждая ниточка». Въ этомъ заключается ихъ понятіе о совершенствѣ портрета. Имъ не нужно лицо, воспроизведенное художественно; они хотятъ получить его факсимиле. Такихъ людей болѣе всего удовлетворитъ фотографическій снимокъ или же портретъ, нарисованный съ фотографическими деталями. Въ дѣйствительности родственниковъ модели сравнительно рѣдко удовлетворяетъ истинно художественный портретъ. Они такъ тѣсно освоились съ каждою линіею и чертою лица, а часто и со множествомъ подробностей въ костюмѣ, что имъ не хватаетъ деталей, которыя художникъ упустилъ въ своемъ индивидуальномъ «толкованіи» модели. Художникъ, рисующій мягкіе, пріятные и, по возможности, льстящіе портреты, будетъ всегда процвѣтать матеріально. Самаго великаго

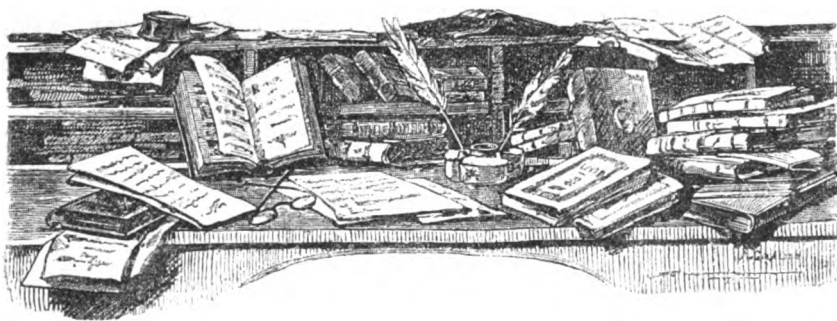
изъ живыхъ по нынѣ портретистовъ (нужно ли называть его?), пожалуй, строже критиковали близкіе къ его моделямъ люди, чѣмъ пресса въ первые даже годы его творчества. Мнѣ извѣстны два случая, когда портреты его работы не были повѣшены, потому что семья считала ихъ извращеніями дѣйствительности. А между тѣмъ врядъ-ли найдется второй портретистъ послѣдней четверти столѣтія, который пользовался бы такою репутаціею между художниками и людьми съ художественнымъ развитіемъ, какъ этотъ портретистъ, которымъ американцы могутъ гордиться, такъ какъ онъ американецъ. Подобно всѣмъ великимъ портретистамъ, этотъ художникъ изображаетъ на полотнѣ не только мимолетное выраженіе, не временный обликъ

своей модели, но совокупность «ощущеній», составляющихъ характеръ особы, съ которой онъ рисуетъ портретъ.

Вопросъ, который слѣдуетъ поставить фотографамъ новой школы, заключается въ томъ, могутъ ли они толковать природу, могутъ ли они вложить что-нибудь свое личное въ работу, могутъ ли они сдѣлать ее «основною»? Они не должны отвѣчать отрицательно. Кто можетъ сказать, смотря на удивительные успѣхи фотографіи въ области картинъ, — до чего она способна дойти. Прогрессъ послѣднихъ немногихъ лѣтъ очень великъ, но никто не можетъ сказать, что будущее имѣетъ еще въ запасѣ. Во всякомъ случаѣ картинные фотографы — энтузіасты, а энтузіастамъ принадлежитъ будущее.

По теченію.

ПОЭТЪ МЫСЛИ.

III¹⁾.

Освободившись от временнаго вавилонскаго плѣненія, а именно покинувъ профессуру, благодаря болѣзни, сослужившей ему такимъ образомъ на первый разъ хорошую службу, Нитцше вступаетъ окончательно въ третій и послѣдній періодъ и издаетъ рядъ работъ преимущественно въ области морали: «Morgenröthe» (1880—81 г.) *die Fröhliche Wissenschaft*» (1882 г.), «Jenseits von Gut und Böse» (1886 г.), «Zur Genealogie der Moral» (1887 г.), и поэму «Also sprach Zarathustra» (Утренняя заря, Радостная наука, По ту сторону добра и зла, Генеалогія морали, Такъ говорилъ Заратустра). Наконецъ, послѣдними произведеніями его, вошедшими въ VIII-й томъ «Полн. собр. его сочиненій» (1888 г.), кромѣ «Der Fall Wagner» и «Nietzsche contra Wagner» (Случай Вагнера и Нитцше противъ Вагнера), являются чрезвычайно богатые содержаніемъ и какъ бы резюмирующіе его дѣятельность «Götzendämmerung» (Сумерки идоловъ), съ заключительной главой или, вѣрнѣе, стихотвореніемъ въ прозѣ «Der Hammer redet» (Молотъ говорить), которое я ниже приведу въ заключеніе общаго обзора этого интереснаго отдѣла VIII тома.

Въ концѣ VIII-го тома помѣщено начало сочиненія, оставшагося неоконченнымъ къ исходу злополучнаго 1888 года, послѣдняго года сознательной жизни Нитцше — «Der Wille zur Macht» (Воля къ мощности). Здѣсь Нитц-

ше хотѣлъ дать систематическое изложеніе своего ученія, но успѣлъ только написать первую главу «Антихристъ» или, вѣрнѣе, Антихристіанитъ, ибо содержаніе направлено не противъ личности Христа, а противъ Его ученія. Эта работа пошатнувшейся уже нервной системы, рѣзкая по формѣ, порою грѣшитъ недостаткомъ чувства мѣры, наличность котораго характеризуетъ талантъ вообще, а талантъ Нитцше въ его поэтическихъ произведеніяхъ въ особенности. Дѣлать выводы изъ содержанія начала неоконченнаго сочиненія и при томъ такой главы, которая не можетъ быть разсмотрѣна цѣлкомъ, естественно не приходится. Въ виду неокончанія этой большой заключительной работы, мы теперь вынуждены съ трудомъ доискиваться, на широкомъ протяженіи его печатныхъ работъ, связи въ его взглядахъ; затрудненіе, встрѣчаемое при этомъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что Нитцше, будучи цѣлостнымъ и единымъ по существу ученія во всѣхъ трехъ періодахъ, рядомъ съ этимъ невѣроятно разбрасывался въ исполненіи, работая сиѣшно въ формѣ афоризмовъ по большей части. т. е. отрывочно и сжато. Кромѣ того, міросозерцаніе и ученіе его, развивавшееся по мѣрѣ занятій и съ возрастомъ, будучи вообще цѣлостнымъ, все-таки требуетъ для пониманія его соображеній со временемъ созданія тѣхъ или другихъ взглядовъ. Нѣсколько содержатель-

¹⁾ См. «Новый Журн. Ин. Лит.», №№ 1 и 2 1902 г.

ныхъ отрывковъ изъ «Götzendämmerung» («Streiftzüge eines Unzeitgemässen» — Эскурсия несвоевременнаго, не тактичнаго челоѣка) и изъ Заратустры («Von den Tarantellen» — О тарантулахъ) позволяеть намъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общественныхъ взглядахъ этого одинокаго идеалиста.

Названная глава изъ Сумерекъ пдолговъ или рѣчь о тарантулахъ особенно часто цитируются противъ Нитцше лицами, критикующими его съ точки зрѣнія общественныхъ теорій и партій съ упорствомъ достойнымъ лучшаго примѣненія, такъ какъ рядомъ съ этимъ идетъ обыкновенно нежеланіе познакомиться ближе съ другими сочиненіями, что необходимо, однако, для правильнаго пониманія этихъ отрывковъ. Привожу по переводу Ю. М. Антоновскаго:

«Взгляни, вонъ яма тарантула! Не хочешь ли самъ посмотреть на него? Вотъ виситъ съѣтъ ихъ: тронъ, чтобы она задрожала».

Сѣтъ задрожала, и добровольно подходящій тарантулъ уличается въ томъ, что въ сердцѣ его живетъ месть подъ видомъ исканія справедливости и равенства, т. е. лицемѣріе проходима.

«Такъ говорю я вамъ въ символѣ, вы проповѣдники равенства, причиняющие трепеть душѣ! Для меня вы — тарантулы и скрытые мстители!»

«Но я выведу на свѣтъ притонъ вашъ: поэтому и смѣюсь я въ лицо вамъ возвышеннымъ смѣхомъ своимъ».

«Поэтому я и рву сѣтъ вашу, чтобы бѣшенство ваше выгнало васъ изъ пещеры лжи вашей, и чтобы месть ваша высокочила изъ за словъ вашихъ о «справедливости».

«Да будетъ челоѣкъ спасенъ отъ мести: вотъ для меня месть, ведущій къ высшей надеждѣ, и радужное небо послѣ долгаго ненастья».

И вотъ поэтъ слышитъ, какъ тарантулы говорятъ между собой, не таясь другъ отъ друга.

«Миценію хотимъ предать мы всѣхъ, кто не одной съ нами мѣрки, и покрыть ихъ позоромъ» — такъ клянутся въ сердцахъ своихъ тарантулы».

«Стремленіе къ равенству — вотъ что должно стать отнынѣ именемъ добродѣтели; противъ всего, власть имущаго, поднимаемъ мы крикъ свой!»

«Проповѣдники равенства! Безсильное безуміе тирана вопить въ васъ о равенствѣ: такимъ образомъ ваше сокровеннѣйшее желаніе деспотизма маскируется въ слова добродѣтели».

Родовая зависть, семейный наслѣдственный карьеризмъ вдохновляетъ этихъ непризнанныхъ судей.

«Въ каждой жалобѣ ихъ звучитъ миценіе, въ каждой похвалѣ ихъ есть оскорбленіе; быть судьями кажется имъ блаженствомъ».

«Но я советую вамъ, друзья мои, не доверяйте никому, въ комъ сильно стремленіе наказывать!»

«Это — люди плохого сорта и происхожденія; въ ихъ лицахъ виднѣется палачъ и ищейка».

«И когда они называютъ себя «добрыми», не забывайте, что имъ недостаетъ только власти, чтобы стать фарисеями!»

Далѣ Нитцше словами Заратустры самымъ опредѣленнымъ образомъ излагаетъ свои взгляды:

«Я не хочу, чтобы отождествляли или смѣшивали меня съ этими проповѣдниками равенства. Ибо, помоему, справедливость гласитъ: «люди не равны».

«И они не должны быть равны! Чѣмъ была бы любовь моя къ сверхчелоѣку, если бъ говорить я иначе».

«Пусть по тысячѣ мостовъ и тропинокъ стремятся они къ будущему; и все болѣе должны расти между ними вражда и неравенство: такъ заставляетъ меня горить великая любовь!»

Это — великая любовь къ идеалу, къ высокому типу, а вотъ какъ этотъ идеалъ достигается:

«Во время вражды ихъ они станутъ изобрѣтателями образовъ и призраковъ, и этими образами и призраками сразятся они въ послѣдній разъ!»

«Добро и зло, богатство и бѣдность, высокое и низкое, всѣ имена цѣнностей должны стать оружіемъ и кричащимъ символомъ: что жизнь должна постоянно преодолѣвать сама себя».

«Жизнь хочетъ строиться вверхъ при помощи столбовъ и ступеней: въ необозримую даль хочетъ глядѣть она и на блаженную красоту, — и потому ей нужна высота!»

«И такъ какъ ей нужна высота, то ей нужны и ступени, и противорѣчіе ступеней, и поднимающихся по нимъ! Подниматься хочетъ жизнь и, поднимаясь, преодолѣвать себя».

Поставимъ рядомъ безъ всякихъ комментариевъ то, что говоритъ Нитцше въ «Götzendämmerung» (Сумерки пдолговъ) объ этомъ стремленіи въ высъ, опредѣляя прозаически твердо и ясно свое пониманіе свободы.

Цѣнность данной вещи лежитъ не въ томъ, что достигается посредствомъ самой вещи

но въ томъ, что за вещь заплачено—во что она намъ обошлась. Вотъ примѣры: либеральныя установленія обыкновенно теряютъ свой либеральный характеръ, какъ только они стали фактомъ; дайте они являются самими ярыми и серьезными врагами (вредителями-Schädiger) свободы. Въдѣ известно, что они порождаютъ: они подкапываются подъ стремленіе къ мощности («Wille zur Macht»); проповѣдь равенства, самого по себѣ, не что иное, какъ поднятое на высоту морали требованіе нивелировки горъ и долинъ; надо, будто бы, сдѣлать все маленькимъ, трусливымъ и склоннымъ къ самоудовлетворенности—рядомъ съ этимъ растетъ всякій разъ торжество стаднаго животнаго... Но дайте Нитцше отмѣчаетъ—и очень важно помнить это,—что тѣ же либеральныя учрежденія, пока ихъ приходится добиваться, производятъ совсѣмъ обратное дѣйствіе; тогда они въ самомъ дѣлѣ вызываютъ къ жизни свободу самымъ могущественнымъ образомъ: свободу, какъ результатъ, надо отличать отъ средствъ, которыми она достигается. Что такое свобода, это желанное состояніе субъекта? Если посмотрѣть поближе, то видно, что самая борьба за либеральныя учрежденія питается въ качествѣ именно борьбы «пллиберальныя инстинкты». А въдѣ только борьба воспитываетъ къ свободѣ; понятіе свободы субъективное. Это—обладаніе стремленіемъ «воли къ самоотверженности». Это—строгое охраненіе промежутковъ между нами; это—достиженіе большого хладнокровія по отношенію ко всѣмъ тягостямъ, къ жестокости драмы, къ комедіямъ, даже къ самой жизни. Это—готовность жертвовать для такого дѣла благами и людьми, не исключая себя самого и своей жизни. Свобода—это значить, что мужественные, военные, побѣдныя инстинкты берутъ верхъ надъ другими, на примѣръ, надъ инстинктомъ счастья... Свободный человѣкъ—воинъ. Чѣмъ измѣряется свобода у единицъ и у народовъ? «Силою предолѣннаго пренія, трудомъ, приложеннымъ къ тому, чтобы пребыть на верху».

«Высшіе типы свободныхъ людей находятся тамъ, гдѣ постоянно одолевается высшее сопротивленіе: въ пяти шагахъ отъ тиранинъ и у самого порога, за которымъ опасность рабства (149, 150)».

Пусть представители реакціи или либерализма бросаютъ, если смѣютъ, камень въ та-

кое ученіе. Только теперь понятно будетъ въ настоящемъ его смыслѣ слово hart, которымъ такъ высокомѣрно упрекаютъ Нитцше любвеобильные современники; вотъ итъень на эту тему подъ заглавіемъ «Der Hammer redet» (Молотъ говоритъ).

«Зачѣмъ такъ жестко (so hart)», сказали однажды кухонный уголь алмазу: «развѣ мы не близкіе родственники?»

«Зачѣмъ такъ слабо (so weich), о братья мои», такъ спрашиваю я васъ: «развѣ вы не мои братья?»...

«И если ваша «жесткость» не можетъ сверкнуть, рѣзнуть и разрѣзать: какъ могли бы вы когда-нибудь творить вмѣстѣ со мною?»

«Но всѣ творящіе жестки, и какое блаженство ощутили бы вы, наложивъ свою руку на тысячелѣтія, какъ на воскъ?»

«Совершенно твердо только самое благородное».

«Эту новую заповѣдь даю вамъ, братья: будьте же жестки (тверды)».

Интересно, какъ образецъ силы предубѣжденія, что, напавъ цѣлою толпою на Нитцше за этотъ призывъ къ твердости и рѣшимости: «будьте жестки» и не понявъ его войны противъ плохо направленного состраданія, противъ снисходительной остановки предъ тормозами и плотинами, противъ доброты плохого качества, т. е. слабости къ негодному, обреченному на гибель, слабости, которая въ бою за совершенство жизни—разумѣется, недостатокъ, хулители Нитцше совершенно игнорируютъ характерныя особенности этой «жесткой» теоріи.

Мы видѣли, что ко вторымъ «посредственнымъ» людямъ (Mittelmässigen) высшіе «учителя» должны быть, обязаны быть снисходительными, утонченно вѣжливыми, т. е. такими, каковъ былъ самъ Нитцше въ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ; чѣмъ мягче онъ былъ къ нимъ, къ слабымъ, малымъ, тѣмъ безпощаднѣе былъ онъ къ сильнымъ, къ властителямъ думъ или къ шертнымъ скопленіямъ безсилія, значеніе которыхъ для Нитцше представлялось вреднымъ на пути выработки задатковъ и качествъ излюбленнаго имъ идеальнаго типа сверхчеловѣка; когда падалъ такой врагъ, онъ говорилъ: «толкай падающаго».

Приведенные мною три отрывка показываютъ достаточно наглядно, что такое пре-

словутая жесткость Нитцше. Посмотримъ ближе на Нитцше—мягкаго, отзывчиваго, женственно-деликатнаго, съ настоящимъ благородствомъ въ обращеніи съ малыми. Это позволяло ему требовать отъ людей основного, по его мнѣнію, качества, столь присущаго ему самому именно благородства, требовать, чтобы и люди стремились быть *vollständig*, благородными въ высокомъ, умномъ значеніи этого слова.

Какъ это было съ большинствомъ великихъ людей, влияние женщинъ на Нитцше было очень значительно. Между тѣмъ въ числѣ многихъ предразсудковъ относительно нашего поэта-философа существуетъ мнѣніе, что Нитцше чуждался и не зналъ женщинъ. Это совершенно не вѣрно: онъ выросъ подѣ ихъ влияніемъ. Въ его жизни играла значительную роль писательница Матильда де-Мейзенбургъ, затѣмъ мадамъ Луи Андреасъ-Саломе, его молодая любовь; есть письма къ дѣвушкамъ съ приложеніемъ своихъ фотографическихъ карточекъ, подробно комментируемыхъ. У него есть поэтическія вещи, которыя характеризуютъ его отношеніе къ молодымъ дѣвушкамъ, женщинамъ, и съ самой деликатной, съ юношеской сгоры, и доказываютъ даже его способность терять голову на пути увлеченія женщиной. Онъ пишетъ, напримѣръ, шутливое стихотвореніе.

«Den Kopf verloren»,
Sie hat jetzt Geist, wie kam's dass sie ihn
land,
Ein Mann verlor durch sie jungst den Ver-
stand,
Sein Kopf war reich vor diesem Zeitvert-
reibe:
Zum Teufel ging sein Kopf—nein! nein! zum
Weibe!

Въ этомъ четверостишіи смѣется надъ собою и надъ погубительницей своей человѣкъ, потерявшій голову изъ-за женщины, голову, богатую до этого развлеченія, но голова эта, умная голова, въ результатъ перешла къ этой женщинѣ; вотъ какъ случилось, что она сама приобрѣла голову, которой у нея вѣдь ранѣе не было.

Біографическія данныя позволяютъ заключить, что женщина, на которую намекалъ Нитцше, дѣйствительно существовала и стала послѣ знакомства съ Нитцше писательницей: не отсюда ли нѣсколько язвительное отношеніе Нитцше къ женщинамъ-феминисткамъ? Нитцше не первый утѣшалъ себя та-

кой проніей, при оцѣнѣ на плечахъ послѣ потерянной битвы собственной головы.

Очень чуткій къ женскому влиянію и отнюдь не женоненавистникъ, Нитцше, ушедшій въ миръ идеи, въ грубую искренность пророка, не могъ не тяготѣть къ женщинамъ, какъ носительницѣ живыхъ человѣческихъ инстинктовъ; онъ не только отводилъ ей принадлежащее ей по праву мѣсто вдохновительницы чело-вѣчества, но несомнѣнно страдалъ оттого, что его личныя отношенія къ женщинамъ какими-то роковымъ образомъ не созрѣвали до любви или, вѣрнѣе, неудержимо подымались на высокую, отвлеченно-умственную ступень, на которой превращались въ дружбу. Такое свойство идеалистической натуры Нитцше могло бы льстить его гордости, если бы этотъ ославленный гордецомъ человѣкъ могъ поддежать упреку въ такой неумной слабости. На дѣлѣ же онъ испытывалъ глубокую тоску отъ такого исключительно тягелаго, вѣчно одинокаго въ сердечномъ отношеніи положенія; доказательства этого въ изобиліи заключаются во II томѣ біографіи Нитцше, написанной его сестрою, и приводятся также и другими біографами, напримѣръ, Лихтенбергеромъ въ его книгѣ «La philosophie de Nietzsche» (Философія Нитцше).

IV.

Небольшая, но богатая содержаніемъ книга Нитцше «Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» (Рожденіе трагедіи изъ духа музыки) должна быть разсмотрѣна отдѣльно не только въ виду, можно сказать, гениальности, съ которой молодой Нитцше соединилъ въ одно художественное міросозерцаніе Шопенгауэра и Вагнера и древне-греческое искусство, но также и въ виду того, что, только узнавъ эту книгу, можно проникнуть въ таинственную лабораторію нашего художника; здѣсь, въ этой «невозможной» книгѣ, какъ называлъ ее Нитцше, самъ благоговѣвшій (и по праву) предъ ея непередаваемой красотой и проникновенностью, — живетъ его художественное міропониманіе, обрисовываются ясно не только его поэтическія средства и цѣли Нитцше, но изложена теорія искусства, элементы и цѣли поэтическаго и музыкальнаго творчества. Вотъ что пишетъ о «Рожденіи трагедіи» Алоизъ Риль: «Рожденіе трагедіи», книга, въ которой наука, искусство и философія срослись по-

добно членамъ центавра... «построенная изъ однихъ только, говоря словами Нитцше, равныхъ едва зелѣвѣющихъ личныхъ переживаній». книга глубокомысленная и переполненная переплетающаяся образами, но, прибавляетъ Риль, полная гениальности и одна изъ немногихъ законченныхъ книгъ Нитцше».

Не зная главныхъ чертъ этой книги, мы были бы лишены возможности обнять затѣмъ въ цѣломъ исполинскую фигуру самого Нитцше, какъ поэта мысли, и слѣдовательно понять хотя бы приблизительно значеніе его «Заратустры».

На первыхъ же страницахъ обращаетъ на себя наше вниманіе уже упомянутое мною жестко-скептическое отношеніе къ уму, къ разсужденію исключительно логическому, безъ участія всего человѣка съ его стихійной безсознательной душой, безъ содѣйствія инстинкта, которое проглядываетъ у Нитцше во всѣхъ его сочиненіяхъ; этотъ взглядъ Нитцше прорывается вездѣ, гдѣ только философъ касается рационалистовъ. Во главѣ ихъ онъ ставитъ Сократа, «убійцу древней трагедіи»; онъ не можетъ, говоря о смерти своей любимицы, этой «высшей формы искусства», успокоиться въ своемъ негодованіи; вотъ образцы его замѣчательныхъ по силѣ выраженія филиппикъ по адресу яснодумнаго въ своей холодности философа-скептика.

Während doch bei allen produktiven Menschen der Instinkt gerade die schöpferische-affirmative Kraft, und das Bewusstsein kritisch und abmahndend sich gebärdet: wird bei Sokrates der Instinkt zum Kriticker, das Bewusstsein zum Schöpfer — eine wahre Monstrosität per defectum! (Geburt. 95).

Въ то время какъ у всѣхъ продуцирующихъ людей, именно инстинктъ является творчески положительной силой, а сознание представляется критическимъ регуляторомъ, у Сократа критикомъ дѣлается инстинктъ, а творцомъ—сознаніе, т. е. создается чудовище per defectum!

Denken wir uns jetzt das eine grosse Cyklopenauge des Sokrates auf die Tragödie gewandt, jenes Auge, in dem nie der holde Wahnsinn Künstlerischer Begeisterung geblüht hat—denken wir uns, wie es jenem Auge versagt war, in die dionysischen Abgründe mit Wohlgefallen zu schauen—was eigentlich musste es in der «erhabenen und hochgepriesenen» tragischen Kunst, wie sie Plato nennt, erblicken? Etwas recht Unvernünftiges, mit Ursachen, die ohne Wirkungen, und mit Wirkungen, die ohne Ur-

sachen zu sein schienen; dazu das Ganze so bunt und mannichfaltig, dass es einer besonnenen Gemüthsart widerstreben müsste, für reizbare und empfindliche Seelen aber ein gefährlicher Zunder sei. (G. 97).

Если мы представимъ себѣ, говоритъ онъ, Сократа, смотрящаго своимъ большимъ одиночнымъ циклопическимъ (Cyklopenauge) глазомъ на трагедію, глазомъ, въ которомъ никогда не сверкало благородное безуміе вдохновенія, то намъ станетъ ясно, до какой степени глазъ, этотъ былъ лишенъ способности радостно заглянуть въ дѣиисовскія (богъ воскресающей и оупьяняющей природы) пропасти и что на самомъ дѣлѣ долженъ быть онъ узрѣть въ томъ искусствѣ, которое Платонъ называетъ «возвышеннымъ и высокоцѣннымъ». Онъ могъ увидѣть только нѣчто, весьма неразумное, рядъ причинъ безъ видимыхъ слѣдствій и рядъ дѣйствій, повидимому, безъ причинъ,—а въ цѣломъ—нѣчто столь пестрое и разнообразное, нѣчто такое, что разумному міросозерцанію неизбѣжно представлялось бы противнымъ въ самомъ себѣ; для нервныхъ же и впечатлительныхъ натуръ являлось бы опаснымъ раздражителемъ.

Wie Plato, rechnete er sie zu den schmeichlerischen Künsten, die nur das Angenehme, nicht das Nützliche darstellen, und verlangte deshalb bei seinen Jüngern Enthaltsamkeit und strenge Absonderung von solchen unphilosophischen Reizungen. (G. 97).

Какъ Платонъ, относилъ онъ (т. е. Сократъ) трагедію къ изнѣживающимъ искусствамъ, которыя даютъ только пріятное, а не полезное, и требовалъ поэтому отъ своихъ учениковъ воздержанія и строгаго отрѣшенія отъ такихъ нефилософскихъ возбужденій.

Тотъ глазъ, въ которомъ никогда не сверкалъ огонь вдохновенія, разумѣется, видитъ въ древней трагедіи одну глупость. «Въ области искусства, говоритъ Нитцше, Сократъ понимаетъ только басни Эзопа, и стоитъ далеко отъ трагедіи, ибо она не въ состояніи дать даже приблизительно искомую Сократомъ истину и, слѣдовательно, обращается къ «глупымъ», а не къ философамъ». Многимъ нынѣшнимъ сократствующимъ аристархамъ не мѣшало бы зарубить на носу эти саркастическія замѣчанія сердитаго художника.

Что же такое трагедія, къ которой Нитцше возвращается постоянно? Въ главѣ Заратустры, объ избавленіи («Von der Erlösung») Нитцше, цитируя Шопенгауэра, что воля есть суть міра, исправляетъ его ученіе, говоря,—что воля не должна быть противно-

рѣчивой и безплодной. не должна допускать несправедливости, смягчаемаго состраданіемъ, а должна стать творческой.

Сомнѣваясь въ цѣлесообразности закрѣпленія нравственнаго порядка правомъ и наказаніемъ, Нитцше говоритъ: развѣ можетъ быть какое-либо дѣяніе уничтожено наказаніемъ? Въ томъ и ужасъ земного существованія вообще, что оно вѣчно должно опять дѣлаться дѣяніемъ и наказаніемъ, замѣчаетъ онъ и прямо указываетъ на Шопенгауэра:

Es sei denn dass der Wille endlich sich selber erlöste und Wollen zu Nicht-Wollen würde:—«doch ihr kennt, meine Brüder, diess Fabellied des Wahnsinns!»

Weg führte ich euch von diesen Fabeln, als ich euch lehrte: «der Wille ist ein Schaffender». (Z. 208).

Здѣсь онъ имѣетъ въ виду, что ужасъ существованія можетъ быть и прекращенъ успіями міровой воли по Шопенгауэру; но вѣдь оно будетъ длиться пока.

«Пока, наконецъ, воля не освободится отъ себя самой и сама не станетъ отрицателемъ воли:—но вѣдь вы знаете (вѣщаетъ Заратустра), братья мои, эту пѣсню безумія!»

«Прочь отвѣть я васъ отъ этихъ пѣсень, когда учить васъ: «Воли—это созидательница».

Все, что было,—продолжаетъ новый учитель—это обломокъ загадки, ужасная случайность, пока созидаящая воля не добавитъ: «но такъ хотѣла я!» и далѣе не скажетъ затѣмъ: «такъ хочу я, такъ захочу я».

Здѣсь трагическое въ жизни, самый трагизмъ существованія выражается въ томъ, что и Заратустра не увѣренъ, что такой моментъ наступитъ, что «воля» сдѣлается избавительницей себя самой и вѣстникомъ радости.

Такая ультраскептическая мысль пугаетъ самого Заратустру въ самый моментъ данной проповѣди, но онъ справляется съ собой и съ улыбкой выражаетъ сожалѣніе, что слишкомъ болтливъ. Въ этотъ трагическій для пророка моментъ «горбатый», слушавшій его и получившій въ отвѣтъ на упрекъ въ неоткровенности замѣчаніе, что съ горбатыми надо и разговаривать погорбтому—ядовито уличаетъ Заратустру въ томъ, что онъ «иначе говоритъ къ ученикамъ, чѣмъ къ самому себѣ».

Но это трагедія жизни:—роль воли въ существованіи рода человѣческаго; какъ же

складывается освободительная роль воли въ искусствѣ, въ трагедіи?

Прежде чѣмъ, отыскивая отвѣта въ «Рожденіи трагедіи», рискнуть отдаться на волю увлекающей поэтической красотѣ мысли и языка Нитцше, очень важно ознакомиться съ его взглядами на искусство вообще.

Въ *Streizüge eines Unzeitgemässen* (*Götzen-dämmerung*, 121) Нитцше продолжаетъ: «Никогда не надо наблюдать ради наблюденія, ибо получается невѣрная перспектива, нѣчто вынужденное. Нельзя съ толковымъ результатомъ переживать что-нибудь наміренно затѣянное. Этого инстинктивно избѣгаетъ прирожденный художникъ. Онъ вообще никогда не работаетъ непосредственно съ природою. Онъ предоставляетъ своей самей obscure (безсознательная душа Вундта) процѣживаніе и фиксированіе во вѣкъ «случая», того, что пережито. До сознанія его доходитъ только всеобщее... Природа съ точки зрѣнія художника не модель. Природа—случай: штудированіе ея плохой знакъ; это штудированіе есть подчиненіе, слабость; недостойно «цѣлостнаго» художника лежать въ пыли передъ «petits faits» (мелочными фактами). Для того чтобы творить въ искусствѣ, необходимо опьяненіе (Rausch), необходимо, чтобы опьяненіе—въ широкомъ смыслѣ этого слова—подняло возбудимость человѣка. Эту опьяняющую силу имѣетъ половое возбужденіе, всецѣльные аффекты: торжества, соперничества, побѣды, жестоки, разрушенія, оживленія организмовъ всеннымъ настроеніемъ, наркотическими веществами, опьяненіе «волею нагроможденною» (*überhäufte*) и «приподнятою» (*geschwellte*) волею». Самое существенное въ этомъ опьяненіи—это чувство возрастанія силъ и полноты жизни. Изъ кошницы этого чувства человѣкъ удѣляетъ отъ себя вещамъ, заставляетъ ихъ брать отъ насъ, брать насильно,—этотъ моментъ именуется идеализированіемъ. (Обыкновенная «идеализация» советамъ другое по Нитцше).

Человѣкъ въ этомъ состояніи преобразуется вещи до того, что онѣ становятся отраженіемъ его личнаго могущества и въ концѣ концовъ рефлексамъ его личнаго совершенства. Это вынужденіе вещей превратиться въ совершенство и есть искусство.

Даже то, чѣмъ онъ не стать самъ по себѣ, представляется для человѣка источникомъ радости для него, ибо въ искусствѣ человѣкъ

наслаждается совершенством человека же (124).

Нитцше вводит въ эстетику два противоположныхъ понятія, указаніе на два родника, такъ сказать, искусства: на діонисское опьяненіе и аполоновское ясновидѣніе. Первое—это стихійныя силы души, ясновидѣніе образа; второе—сила выраженія, сила изобразительная, какъ результатъ все-таки общаго діонисскаго возбужденія нервной системы.

Но что такое по Нитцше красота и некрасивость и при чемъ совершенство человека въ подобныхъ случаяхъ? Въ прекрасномъ, въ красотѣ человекъ ставитъ себя самого мѣриломъ совершенства; въ этихъ излюбленныхъ случаяхъ человекъ молится самъ на себя въ созерцаніи прекраснаго.

Только такимъ способомъ достигнимо освобожденіе духа въ существованіи, моментъ, когда воля устами кого-либо говоритъ «да» (любимое выраженіе Нитцше) своему существованію; при этомъ инстинктъ самосохраненія и самоусовершенствованія сіяетъ въ этой радугѣ. Человекъ въ эти минуты невольно вѣритъ, что самый міръ преисполненъ красоты, забыть о себѣ, какъ о причинѣ этого, но заключеніе о томъ, что данное произведеніе прекрасно, все же только результатъ самообожанія, восторгъ передъ своимъ отраженіемъ.—тщеславіе рода homo (рода «человѣкъ»).

Нѣтъ ничего прекраснаго: только человекъ прекрасенъ; на этомъ наивномъ, по признанію Нитцше, положеніи покоится вся эстетика, это,—первая ея аксіома; вторая—та, что нѣтъ ничего некрасиваго самого по себѣ: некрасивое—это вырождающійся человекъ. Вотъ границы—въ которыхъ движется эстетическая опѣнка.

Вотъ почему все некрасивое человека огорчаетъ, почему ослабляетъ его все некрасивое.

Впечатлѣніе, получаемое отъ некрасивости, можно поэтому измѣрить динамометромъ, говоритъ Нитцше. Некрасивое, ощущаемое даже издали, при одномъ приближеніи его, состоитъ въ паденіи силы воли въ наблюдателя, въ наступающемъ при видѣ некрасиваго угнетеніи, почему некрасивое и понимается правильно и неизбежно, какъ указаніе на вырожденіе, какъ симптомъ послѣдняго.

Всякое изображеніе физическаго или душевнаго истощенія, тѣлостей, слабости, не-свободы, судороги, и первѣе всего запахъ,

краска и видъ разложенія, даже въ формѣ самаго тонкаго символа, вызываетъ тотчасъ рѣшеніе зрителя и слушателя о некрасивости даннаго явленія.

Чувство даже ненависти сказывается при этомъ. Кого же ненавидѣть въ такой моментъ человекъ? Несомнѣнно—самый фактъ сказавшагося въ явленіи паденія, вырожденія типа, къ которому онъ принадлежитъ.

Онъ ненавидитъ изъ глубины родового инстинкта; въ этой ненависти есть и ужасъ, осторожность, проникновенность, дальноркость дальновидности—это наиглубочайшая ненависть—ради ея, влѣдствіе ея, искусство такъ глубоко (132).

Вотъ какъ съ другой стороны изображаетъ Нитцше на образномъ языкѣ «Geburt» вдохновенное діонисское состояніе возбужденія поэта:

Aus seinen Geberden spricht die Verzauberung. Wie jetzt die Thiere reden, und die Erde Milch und Honig giebt, so tönt auch aus ihm etwas Uebernatürliches: als Gott fühlt er sich, er selbst wandelt jetzt so verückt und erhoben, wie er die Götter im Traume wandeln sah. Er ist nicht mehr Künstler, er ist Kunstwerk geworden: die Kunstgewalt der Ganzen Natur zur höchsten Wonnebefriedigung des Ur-Einen offenbart sich hier unter den Schauern des Rausches. (24).

Всѣ жесты его выдають его очарованное состояніе. Подобно тому какъ въ эту минуту звѣри говорятъ, а земля даритъ молоко и медъ—изъ души его вырывается что-то сверхъестественное: онъ чувствуетъ себя божествомъ и самъ движется въ такомъ восторгѣ и восхищеніи, въ какомъ онъ видѣлъ простѣдовавшихъ передъ нимъ въ сонномъ видѣніи боговъ. Человекъ уже не художникъ, а самъ сталъ художественнымъ произведеніемъ. Художественная сила всей природы открывается ему при этомъ въ трепетѣ опьяненія, вышемъ наслажденіи Предиѣльно-Единаго.

Въ «Geburt» (стр. 111), обращаясь къ трагедіи, Нитцше прежде всего останавливается на музыкѣ, такъ какъ первоначальное выраженіе «воли» есть музыка, она, какъ «стихійнѣйшее изъ искусствъ», предшествуетъ трагедіи. Шопенгауэръ говорилъ, что музыка—непосредственное выраженіе воли, а не отраженіе явленія, и этотъ взглядъ высоко цѣнится въ «Geburt». Нитцше основнымъ положеніемъ при опѣнкѣ значенія музыки, какъ и вообще въ искусствѣ, ставитъ тѣ же два основныхъ теченія, которыхъ я уже

коснулся выше, — теченія, которыя олицетворяются одно въ значеніи бога Аполлона, а другое — бога Дионисія-Вакха:

Apollo steht vor mir als der erklärende Genius des principii individuationis, durch den allein die Erlösung im Scheine wahrhaft zu erlangen ist: während unter dem mystischen Jubelruf des Dionysus der Bann der Individuation zersprengt wird und der Weg zu den Müttern des Seins, zu dem innersten Kern der Dinge offen liegt. (G. 110).

Аполлонъ — просвѣщающій гений принципа личности, одинъ даетъ разрѣшеніе (состоянію ошьяненія) въ поэтическомъ подобіи, въ образѣ, въ то время, какъ мистическій восторгъ и кликъ Диониса разбиваетъ цѣпь личнаго и открываетъ путь къ глубочайшему зерну вещей, къ матеріямъ бытія.

Въ примѣненіи къ элементамъ музыки съ древнѣйшихъ временъ Нитцше рисуетъ Аполлона, какъ создателя напѣва, мелодіи; силу же музыки, ритмическое движеніе толпы вокругъ жертвенника и хоровое пѣніе дифирамбовъ, эти символы подъема душевныхъ силъ исполнителя и слушателя, при звукахъ музыки Нитцше называетъ дѣйствіемъ Дионисія-Вакха. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны, какъ самый упрекъ его Сократу, по словамъ Нитцше, ничего въ этой области не понимавшему, такъ и горячность этого упрека по адресу этого холоднаго умственника со стороны поэта. Нужно сказать, что такое своеобразно-горячее отношеніе Нитцше къ музыкѣ сложилось у него съ дѣтства; онъ самъ много занимался музыкой, много сочинялъ и игралъ на роялѣ и особенно любилъ классическую музыку; его комментарии приводятъ отзывы, весьма интересные напримѣръ: Lichtenberger ¹⁾ говоритъ:

«Еще ребенкомъ онъ восхищался великими классиками нѣмецкой музыки, Бахомъ и Бетховеномъ, Моцартомъ и Гайдномъ, Шубертомъ и Мендельсономъ, а позже и Вагнеромъ, который рано сталъ для него однимъ изъ избранныхъ авторовъ. Съ 9 лѣтъ онъ сталъ сочинять маленькія пьесы; скоро любимымъ его развлеченіемъ стало импровизировать, предоставляя пальцамъ пробѣгать по клавишамъ по произволу мечты. Онъ, впрочемъ, не оставлялъ ради этого въ сторонѣ серьезныя занятія музыкой. Съ той же добросовѣстностью, отличавшей его во всякомъ дѣлѣ, онъ серьезно изучалъ фортепианную игру и овла-

дѣлъ въ значительной степени этимъ инструментомъ; онъ прочелъ очень много по музыкальной части и позже даже занимался гармоніей и теоріей композиціи. Былъ моментъ, когда Нитцше едва не посвятилъ себя исключительно музыкѣ; въ дневникѣ онъ пишетъ въ 1869 году, что при наличности благоприятныхъ условій онъ, можетъ быть, стать бы музыкантомъ. Впрочемъ, онъ очень скоро отказался отъ этой карьеры, къ которой все-таки не имѣлъ достаточныхъ дарованій, но склонность къ музыкѣ онъ сохранилъ на всю жизнь. Онъ всегда обладалъ большимъ импровизаторскимъ талантомъ, приводившимъ въ изумленіе и-ме Козиму Вагнеръ (жену композитора Рихарда Вагнера) и еще въ 1877 году очаровалъ въ Россіи императора и императрицу бразильскихъ. Въ особенности увлекался онъ всю жизнь разрѣшеніемъ темныхъ задачъ музыкальной эстетики, къ которой онъ подходилъ съ двойной подготовкой — философа и артиста».

Интересно прослѣдить ближе отношеніе Нитцше къ музыкѣ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, насколько музыка по Нитцше можетъ вліять на художественное творчество. Здѣсь кстати вспомнить цитату изъ Шиллера, которую приводитъ самъ Нитцше въ «Geburt». Вотъ что писалъ Шиллеръ о вдохновеніи.

«Die Empfindung ist bei mir anfangs ohne bestimmten und klaren Gegenstand; dieser bildet sich erst später. Eine gewisse musikalische Gemüthsstimmung geht vorher und auf diese folgt bei mir erst die poetische Idee».

Шиллеръ свидѣтельствуетъ, что въ моментъ, предшествующій творчеству, у него обыкновенно ясно ощущается музыкальное настроеніе, и что только въ послѣдствіи на этой уже кочивъ постепенно возникаетъ и вырастаетъ поэтическая мысль до того неопредѣленная и неясная. Подъ этимъ вполне подписывается Нитцше и объясняетъ уже отъ себя слѣдующее: эти мысли его трудно поддаются точному переводу, почему, дѣлая это поспѣшно, привожу рядомъ и подлинникъ. «Если мы присоединимъ (къ словамъ Шиллера), говоритъ онъ, важнѣйшее явленіе всей античной лирики, а именно постоянное совпаденіе, идентичность лирика и музыканта, то на почвѣ нашей эстетической метафизики мы можемъ слѣдующимъ образомъ

¹⁾ La philosophie de Nietzsche 24, 25.

²⁾ «Geburt» 40.

объяснить себя, что такое лирикъ. Сначала онъ, какъ дѣонисскій художникъ, составляетъ одно съ Предвѣчно-Единнымъ, съ его вѣчнымъ горемъ и противорѣчивостью и отблескъ этого Все-Единаго возсоздаетъ въ видѣ музыки. Эта послѣдняя въ свою очередь появляется на свѣтъ и пребываетъ въ природѣ, какъ повтореніе мірового отблеска, живущаго въ художникѣ; въ этомъ моментѣ воплощенія музыки она представляется уму музыканта подъ влияніемъ грезъ, навѣянныхъ на него Аполлономъ, подъ видомъ мелькающей въ сновидѣніи туманной притчи; теперь этотъ безформенный и неуловимый для ума отблескъ въ музыкѣ мірового страданія, проясняясь, разрѣшается въ болѣе ясную, болѣе сирѣдленную притчу или примѣрный случай. Личность художника въ этотъ моментъ уже поглощена процессомъ дѣонисскаго перевоплощенія во единѣ съ сердцемъ міра. Самое «Я» лирика звучитъ такимъ образомъ изъ глубины бытія, и его каждаго субъективность въ смыслѣ, придаваемомъ этому слову нынѣшними эстетиками, — нѣчто (поэтому) только воображаемое».

Nehmen Wir jetzt das wichtigste Phänomen der ganzen antiken Lyrik hinzu, die überall als natürlich geltende Vereinigung, ja Identität des Lyrikers mit dem Musiker, so können wir jetzt, auf Grund unserer früher dargestellten aesthetischen Metaphysik, uns in folgender Weise den Lyriker erklären. Er ist zuerst, als dionysischer Künstler, gänzlich mit dem Ur-Einen, seinem Schmerz und Widerspruch, Eins geworden und producirt das Abbild dess Ur-Einen, als Musik, wenn anders diese mit Recht eine Wiederholung der Welt und ein zweiter Abguss derselben genannt worden ist; jetzt aber wird diese Musik ihm wieder, wie in einem gleichnißartigen Traumbilde, unter der apollinischen Traumeinwirkung sichtbar. Jener bild- und begrifflose Widerschein des Urschmerzes in der Musik, mit seiner Erlösung im Schein, erzeugt jetzt eine zweite Spiegelung, als einzelnes Gleichniß oder Exempel. Seine Subjektivität hat der Künstler bereits in dem dionysischen Prozess aufgegeben.

Das «Ich» des Lyrikers tönt also aus dem Abgrunde des Seins: seine «Subjektivität» im Sinne der neueren Aesthetiker ist eine Einbildung (G. 40—41).

Не разъ мы встрѣтимся далѣе съ этой глубокой «пропастью» бытія, гдѣ живетъ сердце міра, куда заглянуть какъ къ себѣ «in Seine Abgründe» (свои пропасти) можетъ только настоящій поэтъ, поднявшись орломъ

надъ горами и пропастями. Въ этотъ моментъ творчества лирикъ въ экстазѣ, создаваемая имъ музыка словъ или звуковъ вызываетъ во всемъ организмѣ двигательныя движенія. Нитцше, подобно Давиду, — который, скаканіе и играніе, шелъ передъ Ковчегомъ — считаетъ высшимъ моментомъ восторга этотъ танецъ души и тѣла, имѣющій въ себѣ нѣчто жреческое: этотъ фактъ душевной жизни Нитцше придаетъ въ высшей степени своеобразный характеръ его поэзии: у него есть въ «Заратустрѣ» двѣ особенно интересныя «плясовые (такого священнаго плясания) пѣсни»: въ нихъ наиболѣе рѣзко, по его теоріи, какъ и въ музыкѣ, звучитъ «воля» міра, та же усвоенная Фридрихомъ Нитцше «воля» Шопенгауэра, уловленная и закрѣпленная въ жизни — его же, Шопенгауэра «представленіемъ», уже являющимся въ данномъ случаѣ по терминологіи Нитцше поэтическимъ, — аполлоновскимъ сномъ. Итакъ музыка ближе и полнѣе другихъ искусствъ проявляетъ міровую «волю» и окрыляетъ стремленія поэта выразить всю глубину содержания и силу настроенія единой безсознательной природы, — матери всего сущаго, духъ же Аполлона, приходя на помощь этому дѣонисскому впечатленію, создаетъ образы, подобія, мѣны, воплощаясь въ частныхъ, иллюстрирующихъ настроеніе примѣрахъ. Такъ познается великая тайна жизни не наукой (здѣсь предѣлы ея) — не успѣхами логики, а вдохновеніемъ, чувствомъ, безсознательной интуиціей. Отсюда искусство — высшее средство познания. Вотъ почему Нитцше выводитъ происхожденіе трагедіи изъ духа музыки, говоря въ ученіи о трагедіи дифирамбической, что пѣніе дифирамбовъ и вообще музыка при жертвоприношеніяхъ, совершавшихся въ честь Дѣонсея, освободителя міра, вызвали на свѣтъ подъ влияніемъ искусства Аполлона, искусство создавать образы и мѣны, т. е. древнюю трагедію, эту великую притчу, говорящую о тайнахъ бытія. Хотя по тому музыка являлась матерью трагедіи, но затѣмъ она стала понемногу отставать отъ своего созданія. Ея роль постепенно все уменьшалась и участіе музыкантовъ въ театрѣ становилось все меньше и меньше, въ то время, какъ трагедія все далѣе уходила въ міръ представленія, замѣняясь драмою и комедією; въ связи съ этимъ и музыка превращалась только въ аккомпаниментъ; сила музыки, выразительницы воли

міра, тускнѣла и превращалась въ то жалкое подобіе прежней — въ то, что можетъ создать отъ себя человѣческій умъ; стали появляться созданія уже вторичнаго происхожденія, сочиненія людей, — подобія подобій. Въ этомъ мѣстѣ изложенія теоріи Нитцше кстати вспомнить то, что я говорилъ о методѣ Нитцше вообще.

Методъ этотъ — пользованіе безсознательной дѣятельностью души, закрѣпленіе памяти поднявшихся до сознанія интуцій. Въ другомъ сочиненіи: «По ту сторону добра и зла», гдѣ онъ затрогиваетъ рядъ философскихъ системъ съ точки зрѣнія ихъ необходимой субъективности, Нитцше говоритъ, что философы представляютъ, даютъ въ своихъ системахъ и теоріяхъ, только продукты, уже создавшіеся сами собой въ ихъ личности. И вотъ, доискиваясь въ этомъ морѣ субъективности объективныхъ корней, онъ останавливается на такой теоріи познанія, которая представляется, мнѣ думается, безспорной, а именно на громадномъ значеніи творческой силы безсознательной души. Безсознательныя силы играютъ такую роль въ нашей душѣ, что наши мысли большей частью для нашего сознанія случайность, выдвигаемая неуловимымъ стихійнымъ вліяніемъ цѣлой совокупности глубоко заложенныхъ въ насъ и причудливо сочетающихся причинъ.

Затѣмъ же будемъ мы себя обманывать, затѣмъ не обратимся къ дѣйствительному источнику откровеній, почему не отдаться этой наклонности, въ увѣренности, что если не путь къ истинѣ, то матеріалъ для нея именно въ безсознательной душѣ, и что суть открытія его состоитъ именно въ отдаваніи себѣ непосредственно всего, безъ фальши творчеству подъ контролемъ ума, т. е. логики и исторіи.

Знакомясь съ Нитцше, мы видимъ, что онъ въ рядѣ сочиненій своихъ часто расходится въ мнѣніяхъ съ людьми всякаго развѣтія, разныхъ вкусовъ, но, будучи выше ихъ и взглядовъ ихъ на жизнь, онъ дѣйствуетъ всегда искренно и только изъ любви къ правдѣ.

Понятно теперь, почему музыка — источникъ непосредственнаго познанія — должна была его страшно интересовать; дѣйствительно, какъ видно изъ его біографіи, она являлась такимъ моментомъ, который воодушевляла его къ дѣятельности и давала воз-

можность въ самомъ себѣ собирать обильную жатву. Съ этой точки зрѣнія онъ называлъ музыку «*universalis ante rem*», т. е. такого рода всеобщей формулой, которая является въ міръ, какъ дѣйствующее начало до существованія вещей, затѣмъ, «*universalis in rem*» — «это грубая дѣйствительность», а «*universalis post rem*» — это уже человѣческія понятія, мысли. Отсюда музыкальное увлеченіе есть стремленіе говорить общечеловѣческимъ стихійнымъ языкомъ всѣмъ понятнымъ не только въ своихъ выраженіяхъ, но и въ своемъ содержаніи, которое, какъ основныя геометрическія формы, какъ общія формулы алгеоры, содержитъ въ своихъ широкихъ рамкахъ все сущее. На этой почвѣ мнѣ, по ученію Нитцше, какъ наиболее близкій къ музыкѣ по его всеобъемлемости образъ — вѣнецъ поэтической фабулы и формы. Музыка и театръ, Вагхъ и Аполлонъ рождаютъ трагическій мнѣ къ жизни, какъ сновидѣнія, какъ великую картину, богатую всевозможными красками съ неисчерпаемымъ, присутствующимъ мнѣ божественнымъ элементомъ. Этотъ мнѣ въ прошломъ занималъ и въ нашей жизни долженъ занимать главенствующее мѣсто; по словамъ Нитцше, онъ долженъ быть неисчерпаемо глубокимъ. Пока будетъ существовать оркестръ, мнѣ будетъ именно такъ стихійно, а не произволомъ поэта нарождаться и жить. Всякое бѣдствіе въ земной юдоли отдѣльнаго человѣка есть дѣло личное; на помощь ему идетъ природа, направляемая Судьбою на землѣ, въ сущности противъ личности. Вотъ почему личное, повидимому, несчастье на сценѣ рисуется для Нитцше уже какъ бѣдствіе человѣчества, это бѣдствіе раскрывается музыкой того же Діонисія, претерпѣвшаго за людей и за это воспѣваемого въ дифирамбахъ.

Когда оба основныя поэтическія теченія, діонисовское и аполлоновское, примирятся, сливаясь въ своей общей дѣятельности въ одномъ образѣ въ трагическомъ мнѣ, то рождается трагедія, и уже для воплощенія ея необходимы живые образы, нужны актеры, маски того же бога Діонисія, страдающаго за людей, нужно конкретное «примѣрное» содержаніе изъ области человѣческой жизни, частные случаи.

Этотъ трагическій мнѣ, рожденный музыкой, и воплощать въ своей всеобъемлемости для древняго грека (съ которымъ Нитцше вполне солидаренъ) враждебное и недо-

лимое влияние сил природы и богов на судьбу отдельного человека.

Глубокий пессимизм — грекъ, создавший свѣтлый міръ боговъ потому, что иначе не перенести человеку жизнь съ ея бѣдствіями и неотразимой смертью, забывается, будучи зрителемъ въ театрѣ, слѣдя въ бѣдствіяхъ актера не случайную судьбу личности, а стихійное содержаніе основного міра, звучащаго для него въ общихъ формулахъ музыки дифирамба, «тѣ звучитъ изъ сердца міра», «міровая воля» доносится изъ далекаго пространства вселенской почвы».

«Ein Mensch der wie hier das Ohr gleichsam an die Herzkammer des Weltwillens gelegt hat, der das rasende Begehren zum Dasein als donnernden Strom oder als zartesten zerstäubten Bach von ihr aus in alle Adern der Welt sich ergießen fühlt, er sollte nicht jählings zerbrechen? Er sollte es ertragen in der elenden gläsernen Hölle des menschlichen Individuums, den Widerklang zahlloser Lust- und Wehgerufe aus dem weiten Raum der Weltenmacht zu vernehmen, ohne bei diesem Hirtenreigen der Metaphysik sich seiner Urheimat unaufhaltsam zuzuflüchten? (G. 148).

Развѣ могъ бы уцѣлѣть, не сломаться вывезанно человекъ, приложившій въ такую минуту ухо, какъ бы къ сердцу міровой воли, слышащій безумное стремленіе къ бытію, изживающееся то греющимъ потокомъ, то распыленнымъ въ брызгахъ нѣжныхъ ручейкомъ въ жилы всей вселенной?

Могъ ли бы уцѣлѣть онъ, выдержать въ своей жалкой стеклинной оболочкѣ индивидуума отзвуки безчисленныхъ криковъ горя и радости доносящихся до него изъ далекаго пространства вселенской почвы, если бы онъ не прибѣгъ, не приотлился въ этомъ метафизическомъ хороводѣ у лона своей предвѣчной родины?

Музыка — идея (въ платоновскомъ смыслѣ) міра, а драма — отблескъ этой идеи. Тутъ загадка того, почему некрасивое въ трагедіи производитъ тѣническое дѣйствіе: въ музыкѣ необходимы диссонансы, а слѣдовательно и въ ея вторичномъ отраженіи въ сценическомъ дѣйствіи, въ актеряхъ — также. Вътъ какъ оплакивается Ницше постепенное исчезновеніе міра изъ нынѣшней дѣйствительности:

Man stelle jetzt daneben den abstrakten, ohne Mythen geleiteten Menschen, die abstrakte Erziehung, die abstrakte Sitte, das abstrakte Recht, den abstrakten Staat: man vergegenwärtige sich das regellose, von keinem heimischen Mythos gezügelte Schweben der künstlerischen Phantasie:

man denke sich eine Cultur, die keiner festen und heiligen Ursitz hat, sondern alle Möglichkeiten zu erschöpfen und von allen Culturen sich kümmerlich zu nähren verurtheilt ist—das ist die Gegenwart, als das Resultat jenes auf Vernichtung des Mythos gerichteten Sokratismus (G. 160).

Представьте себѣ, говоритъ онъ, рядомъ съ этимъ, отзвученнаго (сократовскаго типа) человека, не руководимаго міромъ, воспитаннаго отдаленно, теоретически — такую же теоретическую нравственность, такое же — право и государство: вообразите себѣ лишенное всякихъ правилъ, не руководимое какимъ-либо роднымъ міромъ блужданіе фантазіи художника, постройте себѣ понятіе о культурѣ, безъ твердой и святой почвы, культуры, обреченной на испробованіе всякихъ возможностей и осужденной тоскливо питаться отъ всевозможныхъ чужихъ культуръ — вотъ она дѣйствительность, какъ результатъ этого сократизма, направленного на уничтоженіе міра.

Въ противоположность этому абстрактному человеку, лишенному руководства родного міра, современному художнику, фантазія котораго обречена блуждать безъ твердой, святой почвы и осуждена питаться продуктами чуждыхъ ей культуръ до полнаго исцользованія всякихъ возможностей въ виду уничтоженія родного міра. Ницше приводитъ сцену изъ «Вакханокъ», олицетворяющую свѣтлое влияние Аполлона, освободителя духа изъ стихійныхъ туманностей — моментъ созданія поэзии изъ родной стихіи, изъ сокровищницы мѣстной природы.

Къ свѣдѣнію Архилоху (первый греческій лирикъ) является Аполлонъ и касается его лавромъ, тотъ просыпается и поетъ иѣснь, выражающую поѣтившіе его поэтическіе сны. Такимъ путемъ создались дифирамбы, указываетъ Ницше. Риль¹⁾ даетъ обстоятельное доказательство того, что такой взглядъ на два теченія въ искусствѣ есть продолженіе ученія Шопенгауэра: Діонисей и Аполлонъ, какъ онъ вѣрно догадывается, не что иное, какъ олицетвореніе Шопенгауэровскихъ Воли и Представленія. Вотъ почему когда христіанство, вступая въ міръ, по мѣрѣ укрьпленія своего влияния, ставило все болѣе рѣшительныя требованія, направленныя къ уничтоженію языческихъ обычаевъ, оно не могло справиться съ весенними обрядовыми играми, которыя изображаютъ пробужденіе

¹⁾ Riehl, Friedrich Nietzsche S. 50.

природы и въ сущности не что иное, какъ тѣ же вакханаліи, то же прославленіе бога Вакха, сохранившееся у насъ, напримѣръ, въ колядахъ и разныхъ играхъ, въ славленіи Христа. Итакъ, говоритъ Нитцше, греческая трагедія—нѣчто великое, такъ какъ изображаетъ роковыя бѣдствія всего человѣчества, осужденнаго всегда страдать за всѣ грѣхи, совершенныя имъ въ своемъ поступательномъ движеніи и ради послѣдняго; человѣкъ никогда не могъ динуться впередъ, даже приблизиться къ высшей ступени иначе, какъ путемъ грѣха: Прометей, ради насажденія культуры, похитилъ небесный огонь. «По семитической легендѣ», грѣхъ прародителей лежитъ въ основѣ земной жизни людей. Достигнутое грѣхомъ познаніе, смѣлое, дерзкое, ради знанія, нарушеніе тайнъ природы есть вина противъ природы и боговъ. «Die Spitzen der Weisheit wenden sich gegen den Weisen», т. е. вершины мудрости направляются противъ самого мудреца.

Мудрость—это подчиненіе себѣ природы, слѣдовательно преступленіе противъ нея. Вотъ почему когда возникаетъ усовершенствованная человѣческая жизнь—изъ предшествовавшей ей, человѣкъ уже виноватъ и несетъ въ себѣ грѣхъ и возмездіе: отсюда какъ слѣдствіе та трагическая судьба человѣчества, которую несомнѣно считаетъ основнымъ тономъ жизни.

Только путемъ этихъ соображеній можно подойти ко взгляду Нитцше на искусство и на зрителя, въ которомъ онъ не терпитъ холоднаго критика. Зритель долженъ всю душой отдаться сценѣ и наслаждаться, созерцая въ художественно воспроизведенномъ мнѣе возможность примиренія человѣческой свободы со стихійной силой природы въ сочетаніяхъ аполлонскаго и вакхическаго (дionисскаго) элементовъ. Первый успокаиваетъ силы, видѣніями, а второй ошаняетъ могущественными, стихійными силами человѣческой души, составляющей одно съ природой. Эти два бога позволяютъ человѣчеству переносить жизнь, помогая забыться въ области искусства, въ наслажденіи міромъ, какъ зрѣлищемъ. Только такъ достигается признаніе жизни, желаніе жить, утвержденіе къ жизни (das Ja-sagen), ибо міръ можетъ быть оправданъ только при созерцаніи его въ качествѣ художественнаго произведенія (л. 45 «Geb»); путь къ этому одинъ: настоящее, т. е. на чувствѣ основанное мыслете-

ніе. «Denken ist nur ein Verhalten unserer Triebe zueinander—Inseits 55. (Размышленіе есть установленіе отношенія между нашими стремленіями—По ту сторону добра и зла 55); надо только не подчинять эти стремленія узкимъ категоріямъ, изъ которыхъ слагается отдѣльная личность, надо найти въ человѣкѣ нѣчто наблюдаемое одновременно и во всемъ живущемъ, нѣчто такое, чтò являлось бы несомнѣнной и вѣчной, пока существуетъ жизнь, силой.

Таково въ человѣкѣ только стремленіе жить, сохранить себя среди другихъ на счетъ другихъ; если это признать необходимымъ, а оно неизбежно такъ и есть — надо, слѣдовательно, вырабатывать въ себѣ волю къ жизни, способность къ одолженію окружающаго, къ власти надъ этой средой: выработать den Willen zur Macht; — вотъ чтò представляется сутью прогрессивной жизни, залогомъ нарожденія когда-нибудь сверхчеловѣка вмѣсто ни на чтò негоднаго современнаго.

Мысль, работающая подъ эгидой такого чувства мощности, оживляемая въ своемъ первоначально безсознательномъ стремленіи воображеніемъ, творящимъ ей видимый и слышимый образъ, только и можетъ дать цѣльное и правильное міропониманіе. Вліять на такое движеніе впередъ, даже только наблюдать его, въ качествѣ зрителя:—вотъ личное земное счастье, то, доступное человѣку, счастье, которое сливается этого зрителя въ одно съ вакхическимъ хоромъ, торжествующимъ побѣдоносную судьбу бога-возрождителя человѣчества Діонисія священными напѣвами и плясками; къ этимъ напѣвамъ и пляскамъ рвется истинный философъ «mit leichten Füssen» (легкими стопами), отбросивъ земную тяготу уродливаго гнома мірской суеты: «Den Geist der Schwere» (духа тяжести). Преслѣдуя за холодною и безпліе «теоретическаго человѣка» въ лицѣ Сократа, находя его такъ же и въ лицѣ Лессинга,— Нитцше желая, однако, быть справедливымъ, замѣчаетъ («Рожд. траг.», 104, 105), что и теоретическій человѣкъ такъ же, хотя и въ другой мѣрѣ, наслаждается созерцаніемъ дѣйствительности, какъ и настоящій художникъ; какъ послѣдній, онъ тоже спасается этимъ отъ практической морали пессимизма. Вотъ почему, прибавляетъ Нитцше (стр. 105), Лессингъ, честнѣйшій изъ людей-теоретиковъ, рѣшился высказать, что его больше удовле-

говорять, чѣмъ сама истина—исканіе этой истины:

«Nun steht freilich neben dieser vereinzelt-ten Erkenntniss, als einem Excess der Ehrlichkeit, wenn nicht des Uebermuthes, eine tieffinnige Wahnvorstellung, welche zuerst in der Person des Sokrates zur Welt kam.—jener unerschütterliche Glaube dass das Denken an dem Leitfaden der Causalität, bis in die tiefsten Abgründe des Seins reiche, und dass das Denken das Sein nicht nur zu erkennen, sondern sogar zu corrigiren im Stande sei. Dieser erhabene metaphysische Wahn ist als Instinkt der Wissenschaft beigegeben und führt sie immer und immer wieder zu ihren Grenzen, an denen sie in Kunst umschlagen muss: auf welche es eigentlich, bei diesem Mechanismus, abgesehen ist. (G. 105).

«Разумѣется, рядомъ съ этимъ одинокимъ признаніемъ, слѣдствіемъ избытка честности, если не надменности, стоитъ глубокомысленно ложное представленіе, родившееся первоначально въ головѣ Сократа; это несокрушимая увѣренность въ томъ, что мышленіе въ категоріи причинности можетъ проникнуть въ глубочайшія пропасти бытія и что мышленіе въ состояніи не только познать бытіе, но даже—исправить его. Эта возвышенная метафизическая мечта стала инстинктомъ научной дѣятельности и ведетъ ее все дальше къ границамъ науки, гдѣ послѣдняя неизбежно превращается въ искусство, которое въ сущности только и и влосъ въ виду въ конечномъ пунктѣ всей схемы. («Рожд. траг.» 105).

Смысль этой цитаты ясно выражаетъ основн. догматъ Нитцше, что инстинктивное и интуитивное пониманіе жизни—впередил. логическаго и что въ этомъ значеніе искусства, захватывающаго жизнь глубже науки и при томъ именно тамъ, гдѣ умъ безсильнъ.

Страданіе дѣлаетъ людей прозорливыми, какъ это сказалося на герояхъ греческой тра-

гедіи, Эдипъ и Прометей, знающихъ будущее, скрытое отъ Зевса.

Теперь намъ понятн. страстное мечтаніе Нитцше о возрожденіи въ искусствѣ утѣшающаго, трагическаго міа, прообраза вѣчной трагедіи міра, особенно цѣннаго въ нашъ трагическій болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣкъ, вѣкъ умственной и душевной вообще анархіи и безирровѣтнаго пессимизма. Нельзя не сочувствовать этому увлеченію, живя въ періодъ, намъ современн., когда измѣненіе искусства и его цѣнителей доходить до восхищенія, напримѣръ, живыми фотографіями въ современной quasi-драмѣ и даже-комедіи; таковы, напримѣръ, вещи А. Чехова въ прекрасномъ исполненіи труппы г. Станиславскаго, вещи, лишенные ширины и глубины и удивляющія стеклянн., ничего не отражающей прозрачн. якобы драматической бури въ стаканѣ воды; да такое искусство по плечу нашей современности. Мечтая о противоположномъ, о непереносимомъ по глубинѣ міа, который долженъ вмѣстить міровое содержаніе, о драмѣ, отбѣчающей на философскіе запросы, дарующей въ жизни «метафизическое утѣшеніе». Нитцше сознаетъ, что главн. препятствіемъ для утвержденія такого пути въ искусствѣ представляется отсутствіе въ авторахъ и зрителяхъ глубины мысли и душевнаго содержанія, а съ другой стороны—наличность растлывающаго эстетическую жизнь требованія отъ искусства развлеченія для скупающей празности и легкой пини для недомыслиа испоплывающаго общества. Трудно было ему въ такомъ мірѣ найти что-нибудь достойное культивированія въ видѣ необходимаго залога появленія хотя бы въ нанотдальнѣйшемъ будущемъ сверхчеловѣка.

А. М. Вобрицевъ-Пушкинъ.

(Продолженіе будетъ).

Выделываніе лака въ Паганѣ.

ИРРАВАДИ.

В. С. Скоттъ О-Конноръ.

I.

Изъ преданій о краѣ, который орошаетъ Ирравади.

Широкимъ могущественнымъ потокомъ течетъ Ирравади, эта величайшая рѣка Индо-Китай, на протяженіи цѣлой тысячи миль, омывая земли Бирмы. Таинственный истокъ ея лежитъ среди высокихъ недоступныхъ горъ. Уже по впаденіи въ нее перваго большого притока она разветвляется во всей своей мощи и, дойдя до безиредѣльнаго океана, разбивается о скалы мыса Негре. На пути къ морю ее сопровождаютъ горы, то спускаясь къ самой линіи воды, то выступая среди тумановъ на горизонтѣ, и эти горы придаютъ ей ту чарующую прелесть, которую славится Ирравади. При истокѣ ея, горы эти, вѣроятно, достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга, но мѣрѣ же приближенія рѣки къ океану онѣ становятся все ниже и ниже, и послѣдній выступъ ихъ увѣнчанъ раззолоченной погодой Муданъ, издалика еще со стороны моря блещущей своей позолотой.

Трудно изобразить картину этой величественной рѣки. Легко описать, какой она длины и глубины, каково ея значеніе, какъ торговой артеріи міра, каковъ уровень ея наденія,—все это очевидные факты. Но нельзя передать словами, какъ красивы ея

волны, отражающія прекрасное небо, какъ плѣнительны ея холмы, лѣса и обрывы. Какой волшебный колоритъ придаютъ ей лучи заходящаго солнца! Великій художникъ, и тотъ не былъ бы въ силахъ изобразить все это: онъ нарисовать бы лишь одинъ фазисъ этой постоянно мѣняющейся картины!

Художникъ не могъ бы передать также и впечатлѣнія, производимаго этой картиной. Передъ духовными очами проходитъ здѣсь длинная историческая процессія. До историческія расы переселяются, спускаясь все ближе къ морю и направляясь на югъ, подъ вліяніемъ вѣчнаго мірового закона. Мы можемъ представить себѣ также, какъ по этой большой дорогѣ шли вторгавшіяся въ Бирму арміи, какъ побѣжденные въ отчаяніи бѣжали, какъ весело шли въ процессіи торжествующіе побѣдители; можемъ вызвать къ жизни королей, знатныхъ вельможъ и воиновъ, можемъ окинуть взглядомъ и разнообразную жизнь простаго народа съ ея мимолетными радостями и мимолетнымъ горемъ. Хранящая молчаніе дорога многое видѣла изъ всего этого. Нельзя уловить красоту того, что живетъ и движется во всей

ея цѣлостности и вѣчной правды; но можно сказать кое-что объ этихъ жизненныхъ явленіяхъ.

Народы Бирмы переселились сюда изъ горной страны Тибета много вѣковъ тому назадъ. Мѣстныя преданія не упоминаютъ объ этомъ, но каждый житель Бирмы своею наружностью уже раскрываетъ свое происхожденіе. Переселяющіяся племена шли по теченію рѣкъ этой горной страны, постепенно распространились на югъ и, наконецъ, достигли океана. Въ прежнія времена, когда племя было единственной политической единицей, мѣсто его поселенія ограничивалось возвышенностью, служащей водораздѣломъ, а потому естественно, что каждое племя могло поселиться отдѣльно. Племена разошлись, чтобы каждому изъ нихъ пользоваться полною свободою, однако, современемъ имъ суждено было соединиться снова.

Если мы обратимъ вниманіе на физическія условія страны, то исторія расъ Бирмы выяснится въ главныхъ своихъ темпахъ. Господствующіе бирманцы это — представители тѣхъ племенъ, которыя шли внизъ по теченію небольшихъ притоковъ Ирравади при верхнемъ ея теченіи, они-то подъ конецъ и сошлись въ долину средняго и нижняго теченія этой рѣки. Родственные же имъ племена, владѣющія меньшимъ количествомъ земли, остановились на берегахъ этихъ притоковъ.

Итакъ, эта текущая среди горъ рѣка есть символъ исторіи страны. На ея берегахъ, заселенныхъ грубыми монголами — выходцами, возникла самая ранняя культура Бирмы. Она возникла подъ вліяніемъ ученія индуизма, изгнаннаго изъ Индіи. Краснорѣчивыми памятниками этой культуры служатъ развалины древнихъ городовъ. Въ сѣверныхъ предѣлахъ Бирмы шла вѣковая борьба бирмановъ съ родственнымъ имъ племенемъ шанъ. Победа попеременно переходила то къ той, то къ другой сторонѣ, и трофеемъ этой победы служила все та же историческая рѣка. Королевство Пангъ племени шанъ, нѣкогда могущественное сѣверное государство, имѣвшее въ I вѣкѣ христіанской эры политическія сношенія съ Китаемъ, пало, истощенное борьбою, и имя его исчезло изъ памяти народа. Оно упоминается лишь въ ничтожныхъ полуизданныхъ лѣтописяхъ.

Спускался по долину Ирравади и потокъ монголовъ, при вторженіи ихъ въ Бирму изъ Китая, при чемъ погибла величайшая столица бирмановъ — священный городъ Паганъ. На протяженіи восьми миль тянутся по берегамъ Ирравади величественныя развалины этого города съ его тысячею храмовъ. Дворцовая стѣна и конусообразная башня свѣдѣтельствуютъ, какъ тяжело былъ ударъ, нанесенный тогда цивилизаціи Бирмы нагрянувшими на нее въ тотъ моментъ нестрыми полчищами татаръ, опустошавшихъ все на пути своемъ. Кактусъ и дикая слива растутъ теперь тамъ, гдѣ нѣкогда Анаврата Великій, полный великолѣпія и блеска, правилъ этою страной. Пыльная дорога проходитъ теперь черезъ ворота древняго Пагана. Медленно катится по колеямъ сельская тележка, освѣщенная знойнымъ солнцемъ, по той самой дорогѣ, гдѣ торжественно двигались королевскія процессіи.

Власть Великобританіи распространялась вверхъ по теченію рѣки. Еще недавно борьба варварства съ цивилизаціей шла на берегахъ Ирравади. Теперь бирманское населеніе подчинилось Великобританіи. Короли Бирмы навѣки потеряли свою независимость — цивилизація восторжествовала. Однако, и самый равнодушный человѣкъ съ грустью возрастъ на наденіе этого народа, на уничтоженіе живописной обстановки королевскаго туземнаго двора, на отмѣну древнихъ учрежденій. Придворный китайскій лѣтописецъ говоритъ: «Бирма, начиная съ династіи Га-на и до нашего времени, существовала 1700 лѣтъ, а теперь, увы, изъ-за самоуправства и неосторожности ея монарха, эта страна стерта съ лица земли въ одно мгновеніе».

Великая рѣка Ирравади привлекаетъ вниманіе и тѣмъ еще, что намъ неизвѣстенъ ея истокъ. Вскорѣ по вступленіи въ Бирму Ирравади имѣетъ уже видъ прозрачной рѣки болѣе, чѣмъ 340 сажень ширины. Вотъ все, что извѣстно о ней обыкновенному путешественнику. Поселившіеся въ Бирмѣ англичане изслѣдовали, однако, течение Ирравади и далѣе, вверхъ по теченію, проникнувъ до того мѣста, гдѣ сливаются двѣ рѣки, образующія Ирравади. Но никто не знаетъ, гдѣ начинаются эти рѣки. Тайна эта скрыта въ обширной terra incognita, среди горъ, простирающихся на сѣверъ и на западъ.

Но эта тайна, безъ сомнѣнія, обнаружится въ болѣе или менѣе скоромъ времени.

Берегъ рѣки при Бгамо.—Стѣна и валъ дворца Манделе.—Мужчина кашинецъ.—Кашинка-женщина.—Дочь принца Шана.—Видъ въ древнемъ Паганѣ.

Постепенно покоряются племена, живущія среди дикихъ горныхъ странъ. Бирма мало-по-малу умиротворяется, и англійское правительство вскорѣ можетъ приступить къ расширенію своихъ сѣверныхъ предѣловъ и къ изслѣдованію истоковъ загадочной рѣки.

На 30 миль ниже того мѣста, гдѣ сливаются двѣ рѣки, образующія Прравати, англичанами основано поселеніе Мейткина. Шестъ лѣтъ тому назадъ это былъ лишь военный передовой постъ внутри враждебной страны. Ежегодно, въ теченіе шести мѣсяцевъ, онъ былъ лишенъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Его можно было достигнуть только по рѣкѣ. Однажды зимою дикое горное племя даже сожгло это мѣстечко. Въ настоящее время Мейткина — пограничный городъ, хотя и ведущій еще борьбу за свое существованіе, но уже не отрѣзанный отъ помощи извнѣ. Теперь можно легко доѣхать до него по желѣзной дорогѣ; нерѣдко сюда зѣзжаютъ и туристы, совершающіе путешествіе вокругъ свѣта.

Отъ Мейткины, до впаденія Могаунга, Прравати течетъ въ видѣ широкаго прозрачнаго потока по руслу, усыпанному камешками. Могущественный потокъ увлекаетъ за собою гравій, въ видѣ золотыхъ блѣтковъ, сіявшихъ на солнцѣ. Такое сравненіе — не фантазія. Мѣстами, на берегахъ рѣки, ниже Мейткины, мы дѣйствительно замѣчаемъ здѣсь промысловъ золота.

На взглядъ рѣка широка и величественна, но она довольно мелка въ своей сѣверной части и имѣетъ узкій фарватеръ. Даже для опытнаго глаза это становится очевиднымъ, когда большая коса, усыпанная желтыми камешками, врѣзывается въ рѣку до половины ея ширины, или же когда рядъ сѣрыхъ скалъ пересѣкаетъ путь судну. За Мейткиной, исчезающей въ синей дали, возвышаются двѣ вершины-близнецы Лои-Лемъ и Лайло. Народъ ихъ называетъ «Грудями Шеба». За ними взгромождены нѣкѣмъ не изслѣдованныя сѣверныя горы. На нѣкоторыхъ вершинахъ ихъ блеститъ снѣгъ.

Это быстрое путешествіе внизъ по теченію Прравати чрезвычайно пріятно. Свѣжій озонъ преобладаетъ въ атмосферѣ, блестящее зимнее солнце освѣщаетъ прекрасный ландшафтъ. Живѣ течетъ кровь по жиламъ, и мирное настроеніе навѣвается этими картинами природы.

Пока эта рѣка не стѣснена еще никакой искусственной преградой и течетъ спокойно, представляя собой центральную артерію этой гармонической картины. Надъ головою виситъ безоблачное небо. До самыхъ дальнихъ предѣловъ горизонта тянутся горы. Самыя отдаленныя изъ нихъ сливаются съ лазурью неба. Вдали рисуются вершины багроваго цвѣта, или мѣстами, на голубомъ небѣ, выдѣляется листва лѣсовъ, доходящихъ до линіи водъ. Обнаженные подножія этихъ лѣсистыхъ обрывовъ отражаются въ прозрачной рѣкѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ густая тѣнь покрываетъ почти неподвижныя волны, она похожа на горное озеро и напоминаетъ намъ по странной аналогіи озера далекой Италіи.

II.

Городъ Бамо и его караванъ-сарай.

На 65 миль отъ Мейткины вливается въ Прравати Могаунгъ. Этотъ притокъ начинается въ низкихъ плоскихъ берегахъ, которые поросли травой въ человѣческой ростъ. Могаунгъ течетъ по странѣ, изобилующей серпентиномъ, янтаремъ и песчанникомъ. Населенъ этотъ край родственными между собою горными племенами, кровожадность и дикость которыхъ долго преграждали доступъ въ эту страну. Городъ Могаунгъ извѣстенъ, какъ мѣсто ссылки. Въ то время когда туземные короли правили Бирмой, величайшее несчастье, какому могъ подвергнуться опальный бирманскій чиновникъ, заключалось въ томъ, что его ссылали въ Могаунгъ. Часть своихъ водъ рѣка Могаунгъ получаетъ изъ озера Едауджап, на днѣ котораго, какъ говоритъ преданіе, находится древній городъ, внезапно провалившійся въ землю.

Вскорѣ послѣ сліянія Могаунга и Прравати выступаетъ новый рядъ холмовъ, синѣющихъ вдали въ видѣ амфитеатра. Такъ и кажется, что, дойдя до подножія этихъ холмовъ, рѣка должна остановиться, но Прравати лишь перегибается здѣсь свое направленіе, поворачивая къ юго-западу и проходя чрезъ большое ущелье, которое называется Первыми тѣсннами Прравати. Здѣсь, подъ тѣнью холмовъ, простирается обширный бассейнъ, гдѣ воды Прравати поневолѣ принуждены пріостановиться, такъ какъ эти тѣснины настолько узки и извили-

сты, что не могут вмѣстить многоводной рѣки. Въ зимнее время года рѣка прокладываетъ себѣ путь среди песковъ, которые во время разлива представляютъ дно большого бурнаго озера. Весною, при таянн снѣговъ, когда льютъ сильные дожди, Пиравади расширяетъ свои воды и шумно порывается къ морю. Иногда горы прерываютъ ея бѣгъ и поднимаютъ уровень ея водъ до 80 футовъ высоты, затопляя лѣса и окрестности. Въ одну ночь рѣка поднимается выше своего обыкновеннаго уровня до 50 футовъ, какъ будто стремясь скрытъ преграждающія ей путь горы. Въ это время тѣснины представляють такое адекватное жерло клокочущей воды, что ни одна лодка не осмѣливается здѣсь появиться.

На протяженн цѣлыхъ 35 миль течетъ Пиравади среди горъ по первымъ тѣсинамъ, скалистые склоны которыхъ, размытые лѣтомъ этою бушующею рѣкою, представляютъ зимою дикую, опустошенную мѣстность. Особенно разрыты берега въ одномъ мѣстѣ, гдѣ черныя скалы выступаютъ изъ самаго русла рѣки. Тенерь здѣсь прорытъ фарватеръ, который зимою находится гораздо выше уровня воды. Это облегчило плаваніе по тѣсинамъ для туземныхъ лодокъ медленно движущихся по рѣкѣ. Онѣ развозятъ почти во время разлива Пиравади, потому что въ это время года, отъ мая до октября, шараходы вовсе не ходять чрезъ первыя тѣсины, и даже для мѣстныхъ лодокъ плаваніе по нимъ представляется довольно опаснымъ. Сверхъ по теченію плаваніе продолжается иногда три недѣли; а внизъ по теченію длится лишь нѣсколько часовъ.

Тамъ и сямъ текутъ съ горъ потоки въ рѣку. При хорошей погодѣ они журча мирно катятся по валунамъ: въ это время потоки безопасны и прелестны. Во время дождей эти потоки съ оглушительнымъ ревомъ несутся подъ гору, въ видѣ водонада, и увлекають за собою валуны, деревья и песокъ. Ближъ того мѣста, гдѣ рѣка выходитъ изъ первыхъ тѣсинъ, она идетъ по узкому извилистому ущелью, гдѣ возвышаются скалы, извѣстныя подъ именами: Слона, Коровы и Амбаро. Эти скалы расположены попереку ущелья, въ руслѣ рѣки. Въ теченіе полугода онѣ покрыты водою, а зимою обнажены и сверкають на солнцѣ. По нимъ можно узнать настоящую ширину русла. Она не превосходитъ 35 сажень. Совершенно обна-

женные склоны скалъ—сѣровато-зеленаго цвѣта; но на шероховатыя вершины ихъ рѣка нанесла слой перегноя, на которомъ растетъ ярко-зеленая трава. Красота ея рельефно выступаетъ среди этой суровой обстановки.

Ниже скалъ Слона и Коровы выглядываетъ изъ-за листвы горнаго склона деревня Таманджаи. Рѣка, не сѣсенная горами, протекаетъ здѣсь въ видѣ длинной ленты. Тутъ все прекрасно и горы, и лѣса, и оналовыя облака, плывущія по небесной лазури, освѣщенной солнцемъ. Далѣе картина измѣняется. Холмы отступаютъ, и вдали видѣются горы Шанъ.

Мало признаковъ жилья встрѣчаетъ путешественникъ на пути между Сенбо и Таманджаи. Случайная лодка или барка, избушка, крытая камышемъ, приткнувшаяся гдѣ-нибудь на вершинѣ крутой возвышенности, нѣсколько китайцевъ въ синихъ одеждахъ, работающихъ на каменоломкѣ, возвышающіяся кое-гдѣ нагоды,—вотъ немногіе симптомы владычества человѣка въ этихъ краяхъ.

Временами вы встрѣтите испуганную выдру на блестящихъ скалахъ, рыболова съ большой головкой, внимательно слѣдящаго за своей добычей, или, наконецъ, коршуна, сидящаго на шестѣ и какъ бы задумавшагося, подобно философу, въ ожиданн, пока обсохнутъ его крылья, съ которыхъ такъ и каплетъ вода. Можетъ быть, увидите и пантеру, торопливо переплывающую рѣку; услышите рѣзкій отрывистый звукъ, издаваемый оленемъ, или унылый, протяжный ревъ тигра, переплывающаго освѣщенные деревьями потоки воды. Кромѣ этого все безжизненно и пустынно вкругъ.

Покинувъ холмы, рѣка принимаетъ болшіе размѣры и протекаетъ мимо живописнаго древняго Санненаго. Но достигая Бгамо, она принимаетъ въ себя Тенпинъ.

Во время дождей низменности и пастбища окрестностей Бгамо затопляются рѣкою. Зданія на берегу постоянно подвергаются опасности быть смытыми разливомъ.

Улицы Бгамо глухія и некрасивыя. Невольно ищешь взоромъ тотъ знаменитый торговый пограничный городъ—южныя ворота въ Китай—споконъ-вѣку служившій центромъ торговли между китайцами и бирманцами. Напрасно... Нтъ и слѣдовъ такого города!

Въ дождливое время года Бгамо превращается въ ничтожный бирманскій городъ, такъ какъ большая дорога, ведущая въ Китай, становится непроходимой. Настаетъ зима, и парубный видъ города измѣняется. По дорогѣ, извивающейся среди пустынной пограничной страны, идутъ изъ Китая большіе караваны, тянутся тысячи утомимыхъ муловъ, идутъ сотни земледѣльцевъ въ синихъ одеждахъ; ѣдутъ мелкой рысцою на своихъ небольшихъ пони толстые кушцы, нанявшіе на себя нѣсколько атласныхъ кафтановъ, подбитыхъ мѣхомъ. Изъ мѣстности Шанъ, съ сѣвера и востока, направляются сюда живописныя группы людей разныхъ національностей: китайцы, бирманцы и различныя племена шановъ.

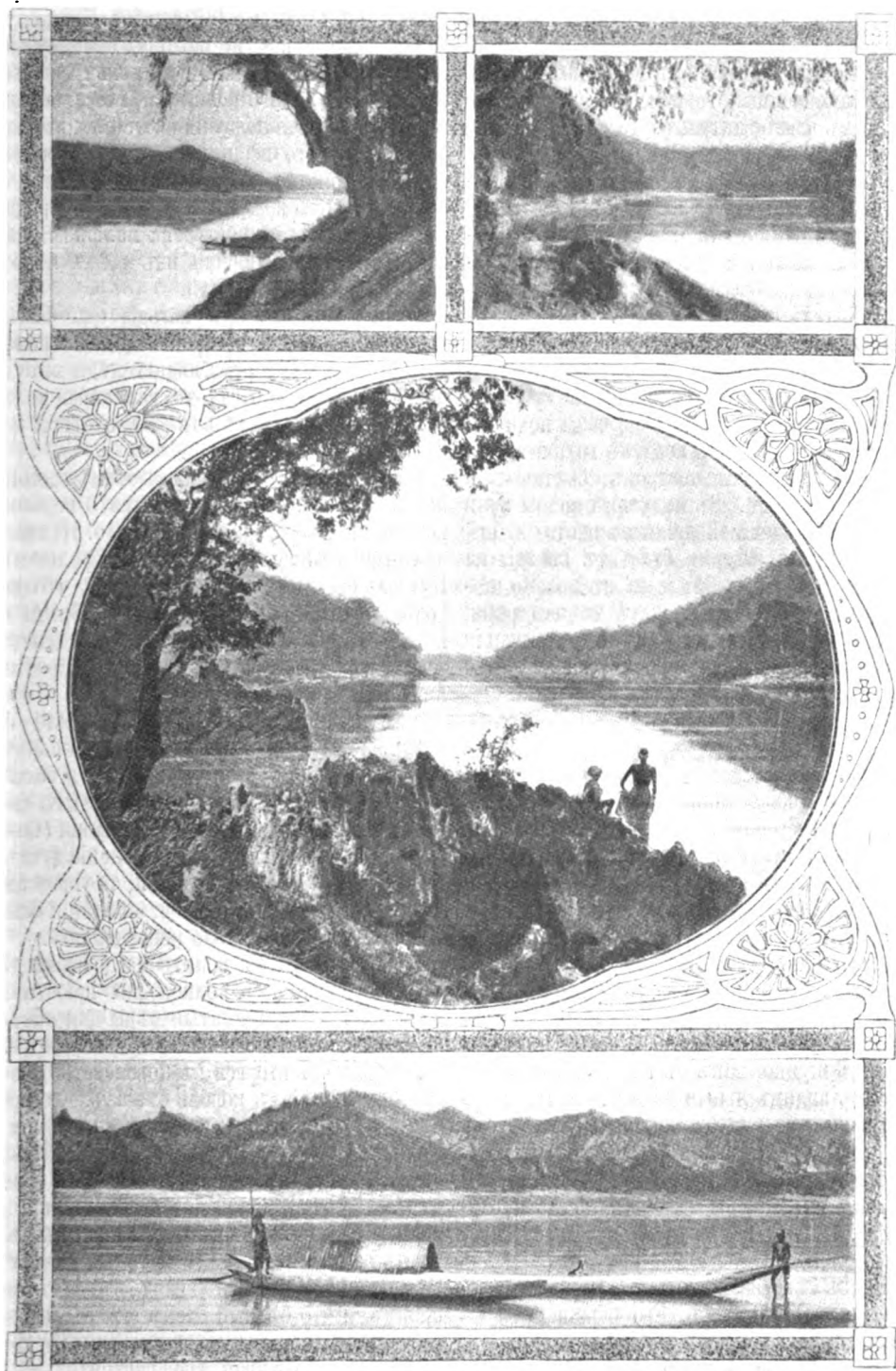
Съ пограничныхъ горъ спускаются воинственные кашинцы, которымъ британское правительство платитъ теперь какъ бы постоянную дань, чтобы вознаградить ихъ за тѣ доходы, которые они получали грабежомъ, убійствомъ и похищеніемъ товаровъ у торговцевъ, странствующихъ по этой дорогѣ.

Теперь Бгамо кипитъ жизнью. Въмѣсто прежняго одиночества теперь встречаемъ на улицахъ множество посѣтителей. Всѣ улицы сильно оживились. На рыночной площади каждое утро собираются живописныя группы. Сельскіе жители привозятъ сюда зелень и овощи. На рынкѣ усѣйно торгуютъ съ ранняго утра. Всюду раздается веселый гулъ голосовъ и хохотъ. По каменной дорогѣ быстро скачетъ торговецъ изъ Юана, сгорбившись на своей плохой лошади. За нимъ слѣдуетъ, изгибался подъ тяжелой ношей, мускулистый, худенькій кули съ миндалевидными глазами.

Послѣдуемъ за нимъ. Мы очутимся въ китайской улицѣ города Бгамо. По обѣимъ ея сторонамъ расположены просторныя лавки, хозяева которыхъ — китайцы изъ Юана. Длинные косы ихъ вложены въ сѣтки изъ краснаго шелка. Голоза прикрыта круглой шапочкой изъ чернаго атласа. Китайская улица — дѣловая. Здѣсь некогда стоять да зѣвать по сторонамъ. Неожиданно рани наблюдѣнія прерываются тономъ конныя о мостовую, и три почтенные кушца скачутъ мимо. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади на нѣсколько шаговъ далѣе, близъ одной изъ богатыхъ лавокъ. Появившійся откуда-то маленький мальчикъ уводитъ его большую лошадь въ нарядной наборной сбруѣ черезъ

какой-то узкій проходъ въ конюшню, скрывающуюся на заднемъ дворѣ, а купецъ между тѣмъ разминаетъ ноги, затекшія въ короткихъ и высоко расположенныхъ китайскихъ стременахъ. Вотъ онъ снисходительно принимаетъ ласки жены, встрѣтившей его съ любящей улыбкой на ея кругломъ лицѣ. Небольшая кучка пріятелей собралась вокругъ него, чтобы послушать привезенныя имъ новости. Хозяинъ съѣтъ, скрестивъ ноги, на полу своей конторы и закурилъ длинную трубку.

Теперь покинемъ его и обратимъ вниманіе на группу приближающихся шановъ. Они одѣты въ темныя широкія шаровары и красныя соломенные шляпы. Шаны прошли мимо. За ними идетъ кашинецъ. Подъ мышкой у него вышитый мѣшокъ, а поперекъ спины укрѣпленъ широкій дагъ (кинжалъ). Нижняя часть дага обнажена, а наружная прикрыта деревянными ножнами. Кашинцы спускаются съ своихъ горъ и отправляются въ Бгамо для обмѣна овощей, плодовъ, а иногда тигровой шкуры, или золотого песку на тѣ продукты цивилизаціи, какіе имъ захочется пріобрѣсти. На окраинѣ города, близъ большой дороги, находится караванъ-сарай кашинцевъ. Онъ заключаетъ въ себѣ только три навѣса, огороженные бамбуковымъ плетнемъ. Кашинецъ приноситъ съ собою то немногое, что ему нужно. Онъ довольствуется навѣсомъ для почлега. Въ этомъ караванъ-сарай онъ спитъ и ѣстъ, когда бываетъ въ городѣ. Если мы пойдемъ туда рано утромъ, пока еще туманъ лежитъ надъ рѣкой и настибами низменностей въ окрестностяхъ Бгамо, то увидимъ, какъ онъ готовитъ себѣ завтракъ. Небольшой, почернѣвшій отъ копоти горшокъ стоитъ на огнѣ, разведенномъ при помощи тонкаго хвороста. Передъ этимъ небольшимъ костромъ сидитъ кашинецъ, окруженный корзинами плодовъ и овощей, принесенныхъ имъ въ городъ для продажи. Онъ медленно чиститъ лукъ и бросаетъ его въ кипятокъ, kloкочуи въ горшкѣ. Тамъ же варится горсть мелкихъ рыбокъ. Около кашинца сидитъ его пріятель и ловкими ударами дага рубитъ небольшія палочки, связывая ихъ въ вязанки для топлива. Изъ корзины, наполненной самыми необходимыми для него припасами, онъ вынимаетъ то одинъ бамбуковый цилиндръ, то другой. Изъ одного сыплетъ себѣ соль въ уху, изъ другого — красный перецъ. Онъ кла-

Видъ близъ Тигадау. — Третя тѣснина. — Видъ вторыхъ тѣсинъ. — Рѣка при Сагаингъ близъ Мандела.

деть около себя большой бамбуковый цилиндр, который накануне наполнил водой из горного ключа; потом снимает съ огня законченный горшок и флегматично поедает свой завтрак. Та же процедура происходит и по всему караванъ-сарая.

Въ другой части города находится караванъ-сарай шановъ, еще болѣе первобытный, нежели убѣжище кашинцевъ. Шаны и нантанъ располагаются здѣсь на открытой равнинѣ. Тутъ разбросана кучками желтая солома. Видѣются въ своихъ синихъ одеждахъ погонщики муловъ, занятые навьючиваніемъ на своихъ животныхъ безчисленнаго количества мѣшковъ, наполненныхъ сушеною рыбою или солью. Въ поздніе часы ночи они сидятъ на открытомъ воздухѣ группами вокругъ пылающихъ костровъ, болтаютъ и громко хохочутъ. Въ полутьмѣ видны кучи выюнныхъ сѣделъ. Выюнные животные также сгруппировались. Вверху блестятъ звѣзды на ясномъ зимнемъ небѣ, а за нѣсколькими шагами отъ становища течетъ темная рѣка. Она журчитъ и будто роищется на высокія прибрежныя возвышенности, стѣсняющія ея бѣги.

III.

Легенда о Великомъ утесѣ.

На нѣсколько миль ниже Брамо Праравади, оставляя за собою массу горъ, высочайшія вершины которыхъ уже принадлежатъ Китаю, вступаютъ въ ущелье, извѣстное подъ именемъ Вторыхъ тѣсинъ.

Здѣсь нѣтъ и слѣда такого большого скопления водъ, какъ при входѣ въ Первыя тѣсинны. Руслѣ шире и менѣе загромождено, потому и рѣка представляетъ здѣсь болѣе удобный путь и входитъ въ свои тѣсинны не такъ шумно, какъ въ первыя. Но всюду и здѣсь видимъ ясныя доказательства могучей силы воды; подножія окрестныхъ горъ размыты и исковерканы самымъ фантастическимъ образомъ; снизу и до высоты 30 футовъ они лишены слѣда всякой растительности. Таковы результаты борьбы горъ противъ рѣки.

Близъ сѣвернаго входа въ тѣсинны возвышается высокій утесъ. Его обращенная къ рѣкѣ сторона сильно размыта водою, что служить краснорѣчивымъ доказательствомъ той ожесточенной борьбы, которая ведется здѣсь между двумя стихіями. Утесъ этотъ будто поднимается отъ самой линии водъ и

достигаетъ высоты 8.000 футовъ. Подножіе его еще массивное, но какъ бы отполировано водою, а на вершинѣ растутъ стройные бамбуки. Съ самаго основанія утеса поднимаются красивыя ползучія растенія, которыя доходятъ до его вершины и оттуда фестонами спускаются съ вѣтвей бамбуковъ. У подножія утеса возвышается небольшая скала. На вершинѣ ея построена маленькая пагода, самая миниатюрная изъ всѣхъ имѣющихся въ этой мѣстности.

Небольшой размѣръ пагоды еще болѣе усиливаетъ эффектъ, производимый громадою утеса, на которомъ видны слѣды минувшихъ столѣтій, и этотъ-то великанъ величественно выступаетъ изъ-за крохотной пагоды.

Есть легенда, связанная съ этимъ громаднымъ утесомъ. Въ ней говорится о первомъ королѣ и его супругѣ Санненаго. Нѣкогда они были изгнаны изъ своего королевства Куттою, братомъ короля. Говорятъ, что король, узнавъ о приближеніи своего брата съ войскомъ, какъ истый философъ-буддистъ, запретилъ своимъ подданнымъ сопротивляться ему.

«Похитить жизнь у кого-либо было бы грѣшно, — говорилъ онъ, — исходъ этой борьбы зависить отъ того, насколько я заслужилъ быть королемъ въ теченіе всѣхъ своихъ прежнихъ фазисовъ существованія (какъ буддистъ, онъ вѣрилъ въ переселеніе душъ). Если подвиги мои были велики, то угрожающее мнѣ зло не совершится; если они были малы, то отстранить зло невозможно».

И король занялся молитвой и добрыми дѣланіями. Его принцы и полководцы приостановили только-что принятые мѣры для обороны королевства. Но вѣстную судьбу похититель престола вторгся въ королевство и захватилъ его. Самъ король бѣжалъ. Его преслѣдовали, схватили и бросили въ тюрьму. Королева спаслась. Она нашла себѣ убѣжище на горѣ Вела, гдѣ среди горестей у нея родился сынъ. Однажды, когда маленькому принцу Велатга (сынъ Велы) исполнилось шесть лѣтъ, онъ засталъ мать въ слезахъ. Разспрашивалъ ее, онъ узналъ, что самъ онъ принцъ, и что бѣдный отецъ его въ плѣну. Когда же маленькому принцу минуло семь лѣтъ, мать, уступая его настоятельнымъ просьбамъ, отдала ему свои королевскія украшенія и отпустила его провѣдать отца. Въ окрестностяхъ Санненаго онъ встрѣтилъ

своего отца, котораго вели на казнь. Храбрый мальчикъ остановилъ процессію, открылъ, кто онъ такой, и вызвался умереть за отца. Король Кутта велѣлъ бросить его въ Ирравади, но рѣка вдругъ разлилась, разразилось землетрясеніе, и приведенные въ ужасъ палачи не въ состояніи были выполнить королевскаго приказа.

Когда объ этомъ было доложено Куттѣ, онъ приказалъ предать маленькаго принца на растерзаніе дикимъ слонамъ. Но и здѣсь никакъ не могли добиться того, чтобы эти животныя напали на мальчика. Тогда Кутта приказалъ вырыть большую яму. Наполнивъ ее дровами и разведя огонь, бросили туда принца. Но пламя превратилось въ прохладную воду, а горѣвшія дрова стали лиліями. Когда Кутта узналъ объ этомъ, онъ пришелъ въ ярость и велѣлъ отвести молодого принца къ заколдованной горѣ, которую посѣщали духи. Тамъ съ громаднаго обрыва велѣлъ король сбросить маленькаго принца въ воду. Его бросили въ рѣку, но духъ Нага подхватилъ малютку и унесъ въ свою страну. Вновь началось землетрясеніе, многія громовыя стрѣлы пали на землю, вода въ Ирравади поднялась, и рѣка вышла изъ своихъ береговъ. Ужасъ объялъ Кутта и заставилъ его бѣжать изъ столицы. Когда онъ выходилъ изъ городскихъ воротъ, земля вдругъ разверзлась подъ его ногами и поглотила нечестиваго короля.

Во многихъ бирманскихъ легендахъ ядро легенды представляетъ преданіе о какомъ-либо историческомъ или геологическомъ фактѣ. Въ этой прелестной сказкѣ также, можетъ быть, заключается преданіе о какомъ-либо геологическомъ переворотѣ или о какомъ-либо эпизодѣ непрерывной борьбы великой рѣки съ стѣсняющими ея горами.

Мѣстность близъ Великаго утеса—одна изъ самыхъ красивыхъ здѣсь. Пройдя его, рѣка образуетъ громадную дугу и во всемъ своемъ блескѣ, одолѣвъ всѣ преграды, течетъ мимо округленной горы, на которой краснѣетъ верескъ. Ниже Вторыхъ тѣсинъ лежитъ островъ Шегу, на которомъ расположена деревня того же имени. Тутъ сквозъ вершины деревъ виднѣются золотистыя башни многихъ пагодъ, представляющихъ центръ, гдѣ совершается большое годовое празднество, на которое собираются тысячи богомольцевъ. Прелестенъ этотъ островъ, покрытый зеленью, съ золотистыми купо-

лами его пагодъ. Поконится онъ среди блестящихъ волнъ, освѣщеннымъ солнцемъ. За нимъ рѣка, подернутая сизымъ туманомъ, протекаетъ у подножія горъ, на вершинахъ которыхъ лежатъ опаловыя облака.

IV.

Покинутая пагода.

Отсюда до Третьихъ тѣсинъ теченіе рѣки не представляетъ ничего необыкновеннаго, за исключеніемъ той прекрасной мѣстности, гдѣ она огибаетъ группу острововъ, и гдѣ изъ Китая направляется къ ней Шве-ли, одинъ изъ главныхъ ея притоковъ. Но, впрочемъ, повсюду эта рѣка прекрасна. Вечеромъ солнце заходитъ за рѣзко очерченныя лиловатыя горы въ огнѣ золотыхъ лучей. Повсюду разливается прекрасный багровый свѣтъ заходящаго солнца. Постепенно этотъ колоритъ становится все блѣднѣе и, наконецъ, незаметно переходитъ въ сѣрыя сумерки. Позже, среди яснаго зимняго неба сіяютъ звѣзды и въ видѣ искръ отражаются въ темныхъ волнахъ рѣки, неутомимо бѣгущей къ океану. Прекрасное созвѣздіе Большой Медвѣдицы восходитъ на небѣ, холодно указывая на сѣверъ. Оно вызываетъ въ нашемъ воображеніи картину дальнихъ снѣжныхъ вершинъ, куда еще не ступала нога человѣка. Невдалекѣ видны огни небольшой деревни. Они постепенно погасаютъ одинъ за другимъ, и безмолвіе и сонъ господствуютъ среди равнинъ. Развѣ только безмолвное судно, подобно утомленной птицѣ, медленно несется по гладкой поверхности рѣки...

Ниже живописной деревни Мэль, околца которой ограждена живою изгородью изъ терновника съ красными цвѣтами, рѣка въ третій разъ пролагаетъ себѣ путь черезъ горную мѣстность, по Третьимъ тѣсинамъ. Нѣкогда деревня Мэль была убѣжищемъ изгнанной королевы.

Въ концѣ 1885 года, когда королевство Бирма уже распалось, флотъ бирманскаго короля, состоящій изъ боевыхъ лодокъ и париходовъ, стоялъ на якорѣ въ Мэлѣ. Король надѣялся, что французы перейдутъ границы Тонкина и придутъ къ нему на помощь. Но ожидаемая помощь не явилась, и послѣдній потомокъ Аломпра уже отправился въ изгнаніе, сопровождаемый своей плачущей женой и пораженнымъ изумленіемъ дворомъ,

въ то время какъ его послы, путешествовавшіе по Европѣ, все еще напрасно искали ему союзниковъ.

За деревней Мэль рѣка, огражденная невысокими горами, течетъ спокойно и величаво подъ сѣнью Шве-У-Даунга—обнаженной высокой горы съ крутымъ обрывомъ. Шве-У-Даунгъ имѣетъ 6,000 футовъ высоты. Это вѣшняя цитадель той группы величавыхъ горъ, которыя заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ прекраснѣйшіе рубины въ мірѣ. Дорога въ Могоку трудная, подъемы крутые. Въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ въ году она недоступна для ѣзды на колесахъ. Съ большими затрудненіями плетутся по ней длинные обозы телѣгъ, запряженныхъ буйволами. Путешествующіе верхомъ, на легкѣхъ, могутъ совершить это путешествіе въ два дня. Преодоливъ же первыя затрудненія, наслаждаешься этимъ путешествіемъ среди дикихъ, пустынныхъ горъ, нѣкогда бывшихъ притономъ множества разбойниковъ.

Прекрасна эта долина Могокъ, окруженная высокими горами. Изъ нихъ вершина Пинкудаунгъ имѣетъ 7,000 футовъ высоты. При заходѣ солнца эти горы заливаются краснымъ огненнымъ цвѣтъ, какъ бы указывающій на цвѣтъ рубиновъ, заключенныхъ въ нѣдрахъ ихъ.

Ниже деревни Табейткинъ, расположенной на берегу Ирравади и служащей портомъ долины Могокъ, лежитъ на островѣ пагода и монастырь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ монастырѣ жили монахи. Тогда ежегодно устраивалось здѣсь празднество, на которое стекалось множество сосѣднихъ поселенъ, пріѣзжавшихъ по рѣкѣ въ своихъ длинныхъ лодкахъ. Къ этому ежегодному празднеству башни монастыря, его колонны, часовни Будды, покатыя террасы пагоды,—все чинилось, покрывалось позолотой, такъ какъ бирманцы-буддисты очень расточительны на золото. Въ спокойныхъ водахъ рѣки, струящихся между этимъ островомъ и близлежащимъ берегомъ, обитали тюлени. Никто ихъ не тревожилъ, и они сдѣлались ручными и кроткими. Каждый день подливали они къ монастырю, и монахи кормили ихъ. Въ день же годового праздника богомольцы украшали золотомъ листвою. Теперь все это измѣнилось.

Но эта пагода, среди дикихъ горъ, на островѣ, въ центрѣ ущелья, по которому протекаетъ рѣка, все еще прекрасна. Крыши мо-

настыря и башни начинаютъ уже разрушаться. Залы его пустуютъ. Въ прежніе годы вокругъ острова устроена была набережная изъ дерева и камня. Теперь она постепенно разрушается водою и современемъ, конечно, совершенно будетъ уничтожена. Тюлени, которыхъ уже не кормятъ монахи, не идутъ по-прежнему на знакомый зовъ, боясь сдѣлаться добычею новыхъ пришельцевъ.

Здѣсь господствуетъ повѣріе, что этотъ священный островъ никогда не будетъ затопленъ водою, какъ бы высоко ни поднялся уровень воды въ Ирравади. Пагода стоитъ прочно на своемъ фундаментѣ. Зданія, примыкающія къ ней, годны для жилья. Тѣмъ не менѣе, пагоды и монастырь безмолвны и пустыненны. Почему это? Никто не хочетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Табейткинскіе старики—монахи покачиваютъ головой и отдѣлываются неопредѣленными отговорками. Рыбаки деревни Тигадау утверждаютъ, будто монахи покинули монастырь и пагоду, лежащую на островѣ, вслѣдствіе того, что ихъ деревня стала меньше. Но какова бы ни была причина того, что этотъ монастырь покинутъ, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что этотъ фактъ служитъ символомъ неизбежнаго паденія буддизма въ будущемъ. Нынѣ буддисты строятъ менѣе монастырей, чѣмъ въ былые годы. Меньшее количество учениковъ расписываетъ уроки свои въ школахъ буддійскихъ монастырей. Всюду видимъ здѣсь распадъ великой религіозной организаціи.

V.

Туземная торговля.

При деревнѣ Тигадау Третьи тѣснины становятся живописнѣе. До сихъ поръ лишь одинъ рядъ горъ окаймлялъ рѣку, какъ съ одной стороны, такъ и съ другой: теперь горы становятся выше и соединяются въ разнообразныя группы. Межъ нихъ спокойно течетъ какъ бы дремлющая рѣка, образуя многіе изгибы. Близъ деревни Кабуеъ, гдѣ пріимчивый нѣмецъ разрабатываетъ каменноугольныя копи, рѣка отходитъ отъ высокихъ горъ, образуя большой изгибъ, и становится шире, хотя на протяженіи многихъ миль еще стѣсняютъ ее невысокіе холмы волнообразной мѣстности. Здѣсь и въ декабрѣ можно любоваться колоритомъ осени. Наконецъ при Каюкемйонгъ оканчиваются Третьи тѣснины.

Теперь горизонтъ становится обширнѣе. Вдали видны горы Тянь-Шань, возвышающіяся за дальнимъ городомъ Манделе. Прраваци, пройдя чрезъ всѣ тѣнины, какъ бы оставила за собою свое дѣтство и пылкую, отважную юность. Теперь эта рѣка достигла своего зрѣлаго возраста; а черезъ нѣсколько сотенъ миль лежитъ ея дѣльта, гдѣ она утрачиваетъ свою мощь, сливаясь съ океаномъ.

Въ настоящее время на протяженіи 900 миль ходятъ по Ирраваци пароходы Ирравацинской компаніи. Многіе изъ нихъ снабжены всѣмъ комфортомъ цивилизаціи. Для быстрого плаванія болѣе пригодны почтовые пароходы; но чтобы ознакомиться съ населеніемъ Бирмы и съ мѣстными обычаями страны, гораздо интереснѣе ѣхать на торговомъ пароходѣ. Веселый, легкомысленный бирманецъ, философія котораго заключается лишь въ томъ, чтобы насколько возможно проводить время въ праздности, не дорожитъ временемъ; его не привлекаетъ быстрота почтового парохода, и онъ предпочитаетъ ему болѣе тяжелый торговый пароходъ, влекущій за собою громадныя плоты на буксирѣ.

Когда къ бирманской деревнѣ причаливаетъ почтовый пароходъ, населеніе ея остается равнодушнымъ; зато, какъ только послышится хриплый свистокъ торгового парохода, всѣ поселяне внезапно оживляются; жители глухихъ деревень, которые въ обыкновенное время то спятъ, то кушаютъ, вдругъ становятся такими возбужденными, что на нихъ даже смѣшно смотрѣть. Причина та, что въ каждую небольшую глухую деревню на берегу Ирраваци торговые пароходы привозятъ новости, сиплетни, товары, а все это очень привлекательно для женоподобныхъ бирманцевъ.

Товарные пароходы ежедневно покидаютъ Манделе, этотъ пунктъ земли, по мѣнѣ бирманцевъ, и плывутъ вверхъ по теченію рѣки до города Бгамо. Они привозятъ съ собою все, чего только населеніе бирманскихъ деревень можетъ пожелать, начиная съ швейцарскаго молока въ жестянкахъ и сѣмги въ горшкахъ до шелка и жемчуга.

Процедура заказовъ очень проста: торговый пароходъ или по крайней мѣрѣ одна изъ барокъ его имѣетъ множество каютъ, которыя отдаются внаймы на все время путешествія отъ Манделе до Бгамо и обратно. Путешествіе это длится приблизительно двѣ недѣли. Но торговцы снимаютъ эти каюты ча-

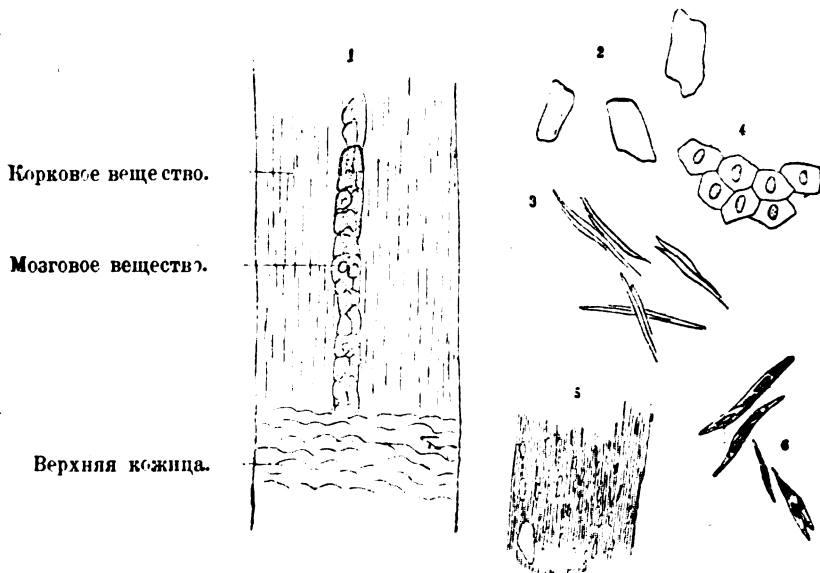
сто на цѣлыя годы. Въ этихъ каютахъ и устраиваются всѣ коммерческія дѣла между всѣми городами и деревнями, лежащими на берегу Ирраваци. Если, напримѣръ, начальникъ деревни пожелалъ бы имѣть новый шелковый халатъ моднаго рисунка, или его жена захотѣла бы имѣть одежду изъ вновь появившейся модной матеріи, или бы Маля, деревенская красавица, пожелала приобрести ожерелье изъ бирманскихъ бусъ, то они идутъ на пристань парохода и подробно описываютъ китайскому или магометанскому купцу изъ каюты, что именно они желали бы приобрести. Въ свое время огненное судно причалитъ со свистомъ и привезетъ имъ все, чего они желали.

Палуба торговаго парохода представляетъ интересную картину бирманской жизни. По срединѣ ея идетъ двойной рядъ небольшихъ ложъ, расположенныхъ одна за другой; сбоку каждая ложа отдѣлена отъ другой рядомъ тюковъ или ящиковъ. Здѣсь во всѣ часы дня сидятъ кушцы на нестрыхъ коврахъ, прислонясь къ мягкимъ матрасамъ. То они дремлютъ подъ красивымъ шелковымъ навѣсомъ, то занимаются флиртомъ, то сиплетничаютъ, то курятъ или играютъ въ шахматы.

Плоты или баржи, которые тащатъ за собою торговые пароходы, заняты болѣе бѣднымъ классомъ торговцевъ сравнительно съ тѣми, которые ѣдутъ на самомъ пароходѣ. Въмѣсто шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ матерій, мѣховыхъ кафтановъ, носковъ, бѣлья, форфора, гончарнаго и желѣзнаго товара и разныхъ нарядовъ на нихъ нагружаютъ необходимые жизненные припасы: соль, лукъ, привозную муку, нерафинированный и рафинированный сахаръ, корзины съ картофелемъ, красный и желтый перецъ и другіе сырые продукты, чрезвычайно разнообразныя.

Женщины - торговки занимаютъ особыя перегородки. Занавѣсы перегоронокъ опущены, и на всемъ плоту господствуетъ полумракъ. Среди этого полумрака врываются тамъ и сямъ полосы свѣта, гдѣ такъ и кишатъ мириады мотыльковъ моли. Нѣкоторыя женщины спятъ, облокотившись на куль съ мукою; другія болтаютъ между собою виолголоса; инныя хохочутъ.

Такимъ-то образомъ незамѣтно проходятъ для торговцевъ часы и дни, даже цѣлыя годы, а для нѣкоторыхъ и вся жизнь!

Элементы человеческих волосъ и волосяныхъ мѣшковъ. Увелич. въ 240 разъ.
1) сѣдой волосъ; 2) чешуйки верхней кожицы волосъ; 3) клѣтки коркового вещества волоса овцы; 4) клѣтки слоя Гѣксли; 5) клѣтки слоя Генле, образующія пластинку, похожую на окончатую оболочку; 6) клѣтки коркового вещества корня волоса.

ОТЧЕГО МЫ СЪДЪЕМЪ?

Д-РА О. А. Литинскаго.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ возбудили во всемъ мѣрѣ сильнѣйшій интересъ научныя работы нашего выдающагося соотечественника И. И. Мечникова о причинахъ старости, — вопросъ, который во всѣ времена занималъ человечество, но на который до него никто не давалъ еще сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Теорія его, не смотря на всю ея новизну и оригинальность, не только не была опровергнута, но получила, наоборотъ, съ тѣхъ поръ новыя многочисленныя подтвержденія.

Возстановимъ въ двухъ словахъ въ памяти читателей основныя черты теоріи Мечникова о старѣнн, съ которой вопросъ, разбираемый нами въ настоящей статьѣ, находится въ тѣсной и естественной зависимости.

Въ нашемъ организмѣ имѣются два разряда клѣтокъ: однихъ, такъ сказать, благо-

родныхъ, изъ которыхъ слагаются ткани нашихъ главнѣйшихъ органовъ: мозга, печени, почекъ и пр., и клѣтокъ соединительно-тканыхъ, грубыхъ и крупныхъ, образующихъ, такъ сказать, цементъ, соединяющій въ ткани и органы предъидущія клѣтки и которыя мы могли бы назвать рабами предъидущихъ. Эти рабы, какъ и многіе другіе, очень вѣроломны; пока ихъ господа — благородныя клѣтки — молоды и крѣпки, они находятся у нихъ въ полномъ повиновеніи и подчиненіи и служатъ имъ вѣрой и правдой. Но какъ только они замѣчаютъ, что господа ихъ состарились, ослабли, однимъ словомъ, оплошали, они безъ дальнѣйшихъ околичностей набрасываются и поглощаютъ ихъ. Оттого-то клѣтки эти получили отъ Мечникова названіе макрофаговъ (въ полномъ переводѣ — крупныхъ обжоръ). Слабѣютъ же благородныя клѣтки оттого, что организмъ

своей дѣятельностью постоянно вырабатывать токсины—ядовитыя вещества, которыя отравляютъ благородныя кѣтки. Борьба со старостью сводилась такимъ образомъ или къ ослабленію макрофаговъ, или же къ поддержкѣ благородныхъ кѣтокъ, что могло бы быть достигнуто при помощи особенныхъ сыворотокъ, которыя ослабляли бы дѣйствіе токсиновъ.

Такова была основная теорія старости, созданная Мечниковымъ и надъ которой онъ съ той поры не переставалъ работать. Надняхъ изъ-подъ его пера вышелъ ученый трактатъ объ иммунитетѣ, т. е. о способѣ защиты организма, преимущественно, отъ различныхъ заразы. Теорія иммунитета создана авторомъ почти всецѣло на основаніи явленія фагоцитоза (кѣточнаго пожирания), имъ же открытаго и получившаго въ настоящее время самую обширную разработку въ наукѣ и самое разностороннее примѣненіе въ биологій.

Теорію иммунитета Мечникова мы разберемъ въ другой разъ. Здѣсь же будемъ говорить только о сѣднѣи, являющемся первымъ наружнымъ признакомъ старости, о которой нашъ ученый написалъ сочиненіе два года тому назадъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ механизму самаго сѣднѣи, намъ предварительно необходимо познакомить читателей со строеніемъ обыкновеннаго волоса.

Волосъ представляетъ собой далеко не такую простую вещь, какъ это можно было бы, на первый взглядъ, предполагать. Помимо видимой нами части волоса, имѣется и другая, скрытая отъ насъ въ кожѣ головы и играющая, въ сущности, главную роль. Эта-то невидимая часть носитъ названіе корня, въ отличіе отъ видимыхъ нами стержня и верхушки волоса. Волосъ лежитъ въ такъ называемомъ, волосяномъ мѣшечкѣ, образованномъ изъ соединительной ткани. Корень волоса не на всемъ своемъ протяженіи—одинаковой толщины и книзу утолщается; въ самой же нижней части его имѣется легкое возвышеніе. Все это дѣлаетъ нижнюю часть корня похожей на дно обыкновенной бутылки. Въ это углубленіе вдается грибовидное возвышеніе—сосочекъ, который и питаетъ проходящими въ немъ кровеносными сосудами волосъ. Нижняя утолщенная часть волоса носитъ названіе луковицы.

При каждомъ волосѣ имѣются еще спеціальныя приспособленія, въ видѣ специальныхъ железъ, предназначенныхъ для снабженія волоса необходимымъ ему жиромъ, и гладкихъ мышечныхъ волоконъ, поднимающихъ, на примѣръ, во время сильнаго страха, дыбомъ волосы на головѣ. Всѣ упомянутыя нами части волоса хорошо видны изъ прилагаемаго при семъ рисунка ¹⁾.

Самъ по себѣ нормальный волосъ состоитъ изъ трехъ слоевъ: внутренняго (такъ называемаго мозгового); наружнаго (корнестаго) и передняго (корковаго). Въ среднемъ и наружномъ слояхъ имѣется пигментъ, который и придаетъ нормальную окраску волосу. Пигментъ этотъ находится въ волосахъ или въ растворенномъ видѣ или же въ видѣ маленькихъ зернышекъ.

Въ сѣдыхъ волосахъ пигментныя зерна отсутствуютъ. Причину этого явленія Мечниковъ и рѣшилъ выяснитъ при помощи микроскопа, къ которому онъ всегда прибѣгаетъ, и съ полнымъ успѣхомъ въ подобныхъ случаяхъ.

Первоначальныя наблюденія Мечниковъ производилъ надъ собаками; и вотъ у старой собаки онъ между нормальными волосами, т. е. содержащими пигментъ, и сѣдыми, совершенно лишенными этого вещества, нашелъ также волосы, которые находились какъ-бы посрединѣ обѣихъ предыдущихъ категорій, такъ какъ они пигмента содержали мало. Но не этотъ фактъ обратилъ на себя вниманіе ученаго, а совершенно другое явленіе. Во всѣхъ волосахъ, которые находились, такъ сказать, на порогѣ посѣднѣи, онъ постоянно находилъ особенныя пигментныя кѣтки довольно крупныхъ размѣровъ; въ центрѣ кѣтки эти имѣютъ крупное ядро и обладаютъ большимъ количествомъ протоплазматическихъ отростковъ (носящихъ въ зоологій названіе псевдоподій—ложноножекъ). Располагаются эти кѣтки или между центральнымъ слоемъ и наружнымъ или же въ самомъ наружномъ. Въ нормальномъ, молодомъ волосѣ кѣтки эти никогда не встрѣчаются. Тогда Мечниковъ предположилъ, что именно эти кѣтки вызываютъ посѣднѣе волосъ; оставалось выяснитъ, какимъ именно путемъ обуславливаютъ онъ этотъ процессъ. (Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ опять-таки микроскопъ, который далъ

¹⁾ Штернъ—Гистологія, стр. 420.

возможность непосредственно наблюдать слѣдующее: въ извѣстный періодъ жизни, и чаще всего, и именно тогда, когда организмъ приближается къ старости, клѣтки эти, при помощи имѣющихся у нихъ и вышеупомянутыхъ ложноножекъ, пробираются въ периферическій слой волосъ, захватываютъ тамъ пигментныя зерна и выносятъ ихъ вонъ; вслѣдствіе этого волоса все больше и больше бѣднѣютъ пигментомъ и сѣдѣютъ. Захвативши пигментныя зерна, эти крупныя клѣтки, которыя принадлежатъ къ группѣ фагоцитовъ (пожирательницъ клѣтокъ), спускаются со своей добычей въ волосяную луковицу, въ которой такимъ образомъ нахо-

дятся некоторымъ сѣдые волосы даже болѣе къ лицу и придаютъ имъ своеобразную красоту.

Отчего же мы въ такомъ случаѣ съ такой грустью взираемъ на появленіе первой сѣдины въ нашихъ волосахъ? Отчего мы съ такой увѣренностью считали старикомъ совершенно сѣдого человѣка? Увы! И то и другое ничуть не лишено основанія, и научныя изслѣдованія Мечникова подтвердили полную правильность нашихъ возрѣній на этотъ предметъ, выработанныхъ многолѣтнимъ опытомъ.

Сѣдина есть первый признакъ старости; фактъ этотъ теперь установленъ научно. Тотъ фактъ, что волосъ перемѣнилъ цвѣтъ, самъ

Изъ толстаго разрѣза кожи головы человѣка. Увелич. въ 20 разъ.

дять въ началѣ сѣднія пигментъ, который при нормальныхъ условіяхъ въ этой части волоса совершенно отсутствуетъ.

Еще позже клѣтки эти, названныя Мечниковымъ въ отличіе отъ прочихъ фагоцитовъ, пигментофагами (пожирательницами пигмента), совершенно покидаютъ, вмѣстѣ съ захваченными пигментными зернами, волосъ и удаляются въ соединительную ткань.

На первый взглядъ казалось бы, что перемѣна, происходящая постепенно въ цвѣтъ нашихъ волосъ, вовсе не должна имѣть для насъ особеннаго значенія: не все ли, въ сущности, равно, будетъ ли волосъ черный, русый или сѣдой?

но себѣ не имѣетъ, пожалуй, особенной важности, но онъ имѣетъ крупное значеніе въ томъ смыслѣ, что указываетъ на ослабленіе нашихъ органическихъ клѣтокъ и на то, что онѣ уже оказываются неспособными съ усиѣхомъ отражать нападѣніе нашихъ внутреннихъ враговъ—фагоцитовъ. А это обстоятельство не можетъ не имѣть грустнаго значенія для насъ...

Въ этомъ грустномъ сознаніи для насъ имѣется, однако, и утѣшительная сторона. Основательное изученіе болѣзни составляетъ первое необходимое условіе для ея усиѣшнаго лѣченія, а между тѣмъ только теперь, со времени работъ Мечникова, мы вникли

сколько-нибудь глубоко въ механизмъ болѣзни, именуемой старостью.

Впрочемъ, Мечниковъ, изучившій болѣзнь, самъ жъ и предлагаетъ средство борьбы съ нею при помощи сыворотокъ, которыя бы дѣйствовали на существенныя для нашей жизни кѣтки въ смыслъ усиленія устойчивости, силы и жизненности; на враждебныя

же намъ кѣтки — ослабляющимъ и парализующимъ образомъ.

И мы въ правѣ разсчитывать, что путь, избранный великимъ ученымъ, рано или поздно приведетъ его, или его учениковъ, къ цѣли, составлявшей во все вѣка предметъ самыхъ пламенныхъ мечтаній всехъ смертныхъ: уничтоженію или отдаленію старости.

СМЕРТЬ ИЗОЛДЫ ОТЪ ЛЮБВИ.

(Музыка будущаго въ иллюстрированіи живописи будущаго).

РАЗГОВОРЫ ОБЪ ИСКУССТВЪ, В. М. ГЕНТА ¹⁾.

Вы пока только кожу закончили, а я прошу васъ не начинайте съ того, чѣмъ обыкновенно природа заканчиваетъ. Нельзя нигуда и ни во что добавить или включить дѣйствительность; желать добавить дѣйствительности или правды все равно, что желать полировать мыльный пузырь.

Я однажды слышалъ, какъ одинъ знаменитый государственный мужъ читать французское письмо, но вмѣсто того, чтобы читать его, какъ онъ умѣлъ и идти впередъ въ своемъ чтеніи, онъ поминутно останавливался, поправляя себя и повторяя предложенія. Слѣдствіемъ этого было то, что я совершенно забылъ, о чемъ говорилось въ письмѣ, и помнилъ только эти вѣчныя поправки. Я очень охотно слушаю, когда хорошо читаютъ по-французски, но не люблю слушать упражненій въ чтеніи. Демосеенъ никогда не упражнялся въ краснорѣчій при публикѣ, онъ для этого уходилъ въ погребъ или на берегъ моря. Мы не стремимся и не желаемъ такого рода законченности, какую могутъ придать крысы сыру—когда крысы заканчиваютъ сыръ, то отъ него ничего не

остается. Избѣгайте нѣкоторыхъ мелкихъ деталей, которыя публика называетъ «красиво выписанными»; эти детали принадлежать къ тому роду вещей, которыя смущаютъ и сбиваютъ съ толку дѣтей, обманываютъ мухъ и забавляютъ только глупцовъ.

Часто говорятъ о картинѣ: «въ ней есть что-то»—повѣрьте, это не похвала картинѣ. Что бы вы подумали, если бы услышали, какъ говорятъ о какой-нибудь симфоніи Бетховена: «да, въ ней есть что-то».

Не требуйте отъ себя самого чего-нибудь сверхъестественнаго, никто не можетъ превзойти себя или стать выше себя; такое требованіе будетъ васъ только удерживать отъ творчества. Работайте и не отрывайтесь отъ работы для того, чтобы критиковать ваше произведеніе до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ готово. Лошадь, взявшая призъ на скачкахъ на дистанціи въ четыре километра, не останавливалась на первомъ километрѣ, чтобы критиковать свой бѣгъ, объ этомъ позаботились уже другіе, и, кромѣ того, на что вамъ заботиться о томъ, чего достигаютъ другіе.

¹⁾ См. «Нов. Жур. Ин. Лит.», январь и февраль 1902 г.

Предоставьте критикамъ и историкамъ рыться въ затхлоу прошлѣ, въ падали, а тотъ, кто творить, долженъ жить только настоящимъ. Въ вашемъ слѣдующемъ произведеніи должно выразиться все хорошее предыдущаго, а все дурное должно быть позабыто, но не осуждайте слишкомъ строго вашихъ собственныхъ рисунковъ, они вѣдь не могутъ защищаться. Итакъ, познайте и сознайте ваши ошибки и продолжайте дальше. Кстати вотъ что я думаю о постоянной критикѣ своихъ собственныхъ произведеній: я положительно убѣжденъ, что самая лучшая курица на свѣтѣ не высидитъ изъ самаго свѣжаго яйца пыленка, если она будетъ вскакивать и оборачиваться, чтобы критиковать это яйцо: если же она будетъ постоянно нести яйца и постоянно высидывать ихъ, то она, исполняя хорошо свой долгъ, какъ бы переноситъ всю отвѣтственность на своихъ пылять.

Когда вы будете писать этотъ цвѣтокъ, сдѣлайте сначала подмалевокъ какимъ-нибудь нейтральнымъ тономъ, а затѣмъ вы, такъ сказать, бросьте на этотъ подмалевокъ чистую краску, и такимъ способомъ вы получите красный или желтый тонъ, который будетъ приятенъ глазу вмѣсто того, чтобы получить что-то раскрашенное краснымъ или желтымъ, что оскорбляетъ глазъ. Дайте головѣ и глазамъ одинаковое направленіе. Глаза опредѣляютъ всегда движеніе головы за исключеніемъ того, когда человекъ прислушивается. Съ самаго дѣтства приучаютъ нашъ глазъ обращать вниманіе на мелочи. Мы всегда стараемся высмотрѣть всѣ изъяны на рукавахъ другихъ людей или пыль на ихъ воротникѣ. Это мелочной, узкій и педантичный способъ разсматривать людей. Мы, художники, не должны употреблять нашихъ глазъ на такое разсматриваніе, потому что мы можемъ ихъ употребить на иное, да, кромѣ того, если платье, которое мы видимъ, грязно, оно все же можетъ выглядѣть очень красиво и живописно, когда будетъ написано.

Старайтесь осуществить то, что вамъ кажется необходимымъ или что вы желаете. Не выражайте или не воспроизводите предмета только приблизительно, выкайте посеріознѣе въ характеръ предмета, въ его свойства и отличительные признаки, задавайте себѣ вопросъ: что такое этотъ предметъ, какой онъ формы, какого цвѣта или окраски,

какая форма и какой тонъ ближе всего къ нему подходить? Посмотрите на вашу картину въ отверстіе вашей сложенной руки и пишите спокойно, такъ же закругленно, какъ вы видите. Пожалуйста, не придавайте дѣтскому лицу такое выраженіе, какое бы вы придали Демосѣну, стоящему передъ судомъ.

Если бы мы могли писать то, что мы видимъ, и усиливать посредствомъ разсматриванія красивыхъ предметовъ нашу наблюдательную способность, то мы не нуждались бы постоянно въ красивыхъ моделяхъ. Мы не достаточно работаемъ ради знанія, а зато слишкомъ много ради того, чтобы люди знали, что мы работаемъ. Желаніе выдѣлиться, выказаться очень естественно и похвально, но мы должны отказаться отъ него и такимъ образомъ какъ бы принести самихъ себя въ жертву для того, чтобы учиться.

«Это у меня не совсѣмъ правильно», говорятъ вы; дѣйствительно, но вѣдь это иначе не можетъ быть, да притомъ это ничего не значить, продолжайте. Не воображайте, пожалуйста, что вы сейчасъ же дойдете до совершенства. Когда лошадь оступится или сдѣластъ невѣрный шагъ, кучерь не говоритъ ей: «назадъ, ступи-ка этотъ шагъ еще разъ», вѣдь, правда, не говоритъ, ну, и вы идите постоянно только впередъ.

Одинъ современный портретистъ сказалъ однажды тому, съ кого писалъ, что его портретъ приметъ со временемъ совершенно Тиціановскій колоритъ. Онъ вѣрно позабылъ, что въ то время, когда работалъ Тиціанъ, существовало не мало художниковъ, которые, однако, не могли такъ писать, какъ Тиціанъ. Это совершенно ошибочное предположеніе, что будто бы употребляемые въ наши дни краски не могутъ такъ же хорошо сохраняться и долго выдерживать, какъ краски старыхъ мастеровъ. Старые мастера умѣли писать, вотъ въ чемъ ихъ секретъ; они писали свободно, широко, а не мелко и мелочно, однимъ словомъ, они не были ремесленники, пачкуны и кропальщики.

Преувеличивайте, если только возможно, красоту. Пробуйте воспроизводить предметы такъ, какъ вы ихъ видите. Не думайте постоянно только о томъ, чтобы написать «красивую» картину, старайтесь передать дѣйствительность, и это будетъ достаточно красиво. Вы можете только то передать, что вы восприняли.

«Какъ долженъ я написать эту голову, чтобы тоны мягко и тонко сливались одинъ въ другой и соединялись бы въ одно цѣлое?» спрашиваете вы. Не спрашивайте меня, я и самъ не знаю. Если бъ я зналъ, гдѣ бы мнѣ это узнать, я бы согласился проползти на колѣняхъ пространство въ десять милліоновъ миль. Вотъ Бостонъ славится своими рецентами, вы можете тамъ получить одинъ рецентъ — какъ стать ученымъ, другой — какъ сдѣлаться сантиментальнымъ, третій — какъ превратиться въ религіознаго человека, но не только въ Бостонѣ, но нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя достать рецента — какъ слѣдуетъ писать красками, а люди, не зная этого, обвиняютъ всегда бѣдныхъ учителей, говоря, что они не умѣютъ передавать.

«Какія краски вы бы здѣсь употребили?» спрашиваете вы меня. Я не употребилъ бы тѣхъ красокъ, которыя употребили вы. Если бъ я писалъ этотъ эскизъ, я, вѣроятно, не увидалъ бы на лбу такихъ свѣтлыхъ тоновъ, какъ ваши. Вы прекрасно умѣете справляться съ отдѣльными частями, но главная вещь заключается въ томъ, чтобы выработать «цѣлое». Непосвященный скажетъ, смотря на вашу работу: лицо производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто множество мухъ оставили на немъ слѣды, ну, а я скажу, что это — очень прилежно исполненная работа, краски хороши и живы.

Работайте только до тѣхъ поръ, пока картина, стоящая передъ вами, васъ цѣликомъ захватываетъ. Не мучьте себя до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, совершенно утратите ваше первое впечатлѣніе. Какъ только вы почувствуете усталость, перестаньте работать, уйдите изъ мастерской, прочтите какую-нибудь газету, и когда вы воспримете другія впечатлѣнія, подойдите и посмотрите на нѣкоторомъ разстояніи на вашу картину, и вы свѣжими глазами сейчасъ же увидите, надъ чѣмъ вамъ еще надо поработать.

Смотрите на вашъ холстъ, какъ на грифельную доску, съ которой вы можете по желанію и такъ часто, какъ вы хотите, стирать. Имѣйте всегда много холстовъ въ запасѣ. позвольте себѣ такую роскошь: имѣть подъ рукой двадцать пять, тридцать подрамокъ съ натянутымъ холстомъ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность сейчасъ же начинать то, что вамъ вздумается писать.

Прозрачныя краски ни къ чему не ведутъ, старайтесь брать сразу сильный тонъ; нуж-

но вамъ писать черное — берите черную краску, нужно вамъ писать бѣлое — берите бѣлую краску.

Вотъ эскизъ маленькаго мальчика въ красныхъ чулкахъ. Чулки были сначала прописаны берлинской лазурью съ бѣлилами, а затѣмъ уже покрыты краснымъ тономъ. Если чулки написать съ самаго начала красной краской, то это красное было бы слишкомъ кричащимъ, и чулки отвлекали бы вниманіе зрителя отъ всего остальнаго, такъ что это уже былъ бы не эскизъ мальчика въ красныхъ чулкахъ, а картина съ красными чулками.

Какую краску вы должны взять, чтобы передать тамъ за деревьями солнечный свѣтъ? Да мнѣ рѣшительно все равно, только покажите свѣтъ тамъ, гдѣ есть свѣтъ. Я постоянно надѣюсь, что смогу написать портретъ въ одинъ день. Посмотрите на этотъ эскизъ мальчика, это первое впечатлѣніе, воспринятое мною отъ перваго появленія мальчика въ мастерской, нѣсколькими линіями передалъ я мое впечатлѣніе его фигуры и движеній. Забудьте, я говорю: мое впечатлѣніе, а не ваше или кого-нибудь изъ васъ, и никто не можетъ такъ же точно схватить это впечатлѣніе и передать его, какъ я. Когда я говорю, что я бы хотѣлъ въ одинъ день написать этого мальчика, то не думайте, что я считаю или смотрю на это, какъ на однодневную работу. Въ теченіе многихъ недѣль ношусь я съ этой мыслью, написалъ для этого нѣсколько фоновъ, по крайней мѣрѣ, четыре, и я уже произвелъ нѣсколько опытовъ, чтобы убѣдиться, который изъ фоновъ лучше всего подходитъ. Я день и ночь мысленно занимаюсь этимъ. Я просыпаюсь въ три часа утра съ мыслью, удастся ли мнѣ изобразить мальчика такъ живо, какъ мнѣ бы этого хотѣлось. Такимъ образомъ обдумываю я портретъ въ моей головѣ до тѣхъ поръ, пока я почувствую, что могу взять на холстѣ вѣрные краски и что я напишу свѣтлыя мѣста достаточно свѣтло, а темныя достаточно темно. И вотъ, когда такое время наступитъ, я могу начать писать, и я васъ увѣряю, это далеко не шутка писать портретъ. Я всегда удивляюсь, что я, начиная писать, не чувствую никакой нерѣшимости, напротивъ, я чувствую большую увѣренность, это кажется мнѣ такъ просто, и я въ началѣ никогда не думаю о томъ времени, которое должно неизбежно наступить, времени, когда я буду

отчаяваться и когда вся моя работа будетъ мнѣ казаться изъ рукъ вонъ плохой и невозможной. При каждомъ портретѣ, представляющемъ какую-нибудь художественную цѣнность, всегда наступаетъ такой періодъ отчаянія.

Спросите себя серьезно, какъ все есть въ дѣйствительности: если линія представляется вамъ прямой, то ведите ее прямо, если же кривой, то проводите неопровержимо кривую. Уясните себѣ возможность яснѣе, чѣмъ вы можете достигнуть желаемой цѣли, и тотчасъ же примѣняйте это въ вашей работѣ; нечего терять времени и колебаться цѣлое утро для того, чтобы только послѣ обѣда достигнуть желаемого.

Вы спрашиваете меня, сталъ ли бы я писать съ господина. А, если бѣ вамъ удалось уговорить его позировать, ну, а я вамъ скажу, что я не признаю такихъ принужденныхъ натурщиковъ. Я бы не могъ писать даже кошку, выкажи она хоть малѣйшее сомнѣніе или нежеланіе.

«Повинуясь моему чувству, написала я сначала такъ, но я думала, что обязана писать иначе, и поэтому я попробовала передѣлать», говорите вы. Пишите всегда такъ, какъ вамъ подсказываетъ ваше чувство, къ чорту съ долгомъ и обязанностями въ рисункѣ и живописи! Вѣрьте, что никто, повинувшись только долгу и обязанности, не создастъ хорошей картины или хорошаго стихотворения, передавайте вещь такъ, какъ она вамъ представляется. Не смотрите постоянно только на вашу собственную работу, отвернитесь отъ нея на время. Вы слишкомъ старались добиться тоновъ, обратите также вниманіе на рисунокъ. Въ вашемъ рисункѣ больше жизни, чѣмъ въ вашей живописи; вотъ смотрите, рисунокъ на бумагѣ ближе подходит и вѣрнѣе передаетъ соотношеніе красокъ, чѣмъ ваша мазня. Достаточно пространства въ четверть вашего указательнаго пальца, чтобы изобразить или передать безконечность.

Не дѣлайте такого тяжелого помалевка, это ни къ чему не ведетъ такъ толсто накладывать краску, отъ этого получается только множество грязныхъ тоновъ, которые ни на что не нужны. Проложите просто безъ какого бы то ни было ненужнаго «отдѣлыванія», и тогда вы легче добьетесь вѣрныхъ тоновъ, когда опять начнете работать по этому холсту. Отставьте его въ сторону,

по мнѣ хоть на годъ или до тѣхъ поръ, пока вы о немъ совсѣмъ не позабудете, ну, а тогда примитесь опять за него. Чѣмъ дольше сохнутъ подмалевокъ, тѣмъ лучше, и это имѣетъ большое значеніе потомъ при заканчиваніи картины, такъ какъ во время просыханія краски подвергаются химическому процессу. Тиціанъ давалъ часто просыхать своимъ подмалевкамъ отъ шести до восьми мѣсяцевъ; да, я вамъ говорю, старые мастера хорошо понимали это. Вамъ хочется поскорѣе умѣть писать, ну, а я вамъ скажу, я пишу всю мою жизнь, и у меня нѣтъ до сихъ поръ такого чувства, какъ будто я умѣю писать, я даже не увѣренъ, буду ли въ состояніи хорошо исполнить вотъ этотъ начатый портретъ.

Вамъ кажется, что я вчера сказалъ вамъ: работайте такъ, а сегодня говорю: работайте иначе. Да, дѣйствительно, а завтра я, быть можетъ, покажу вамъ еще третій способъ работы, потому что я того мнѣнія, что вы, работая различными манерами и способами, лучше и скорѣе пойдете впередъ. Слишкомъ большая нерѣшительность приведетъ васъ къ тому, что вы утратите всю вашу внутреннюю свободу и въ концѣ концовъ будете работать однимъ только концомъ пальцевъ. Кошка ловитъ мышь не одними только когтями, она при этомъ вытягиваетъ голову впередъ и дѣлаетъ прыжокъ задними лапами. Само собой разумѣется, что вы должны испортить много бумаги, не жалѣйте объ этомъ, вы благодаря этому добьетесь свободы движенія. Если бѣ ребенокъ былъ такимъ же неуклюжимъ и нерѣшительнымъ въ своихъ усиліяхъ произносить слова, какъ мы въ нашихъ попыткахъ достигнуть извѣстныхъ формъ и красокъ, то онъ никогда не научился бы говорить. Вы никогда не научитесь вѣрно стрѣлять, если будете выпускать одну дробишку за другой. Нѣтъ, выпустите весь зарядъ сразу, пусть не попадетъ въ цѣль, но вѣдь во что-нибудь видимое да попадетъ же вашъ зарядъ и, если онъ не попалъ въ черную точку, ну, что жъ, измѣните тогда ваше положеніе, а не вашу силу. Слѣдуйте спокойно вашему внутреннему убѣжденію, тогда вы легче справитесь съ вашими ошибками, потому что онѣ тогда ясно выразятся; когда же вы употребляете только концы пальцевъ, то рука, плечо и спина одеревенѣютъ и не будутъ способны двигаться.

(Продолженіе будетъ).

СМѢШАННОЕ ОБЩЕСТВО.

(Современное символистическое видѣніе)

Полагаю, что, если не всё, то большинство согласится со мной, что самое лучшее и даже самое пріятное послѣобѣденное время препровождение заключается въ слѣдующемъ: поудобнѣе растянуться на оттоманкѣ и заняться перелистываньемъ современныхъ иллюстрированныхъ журналовъ. Ну, вотъ именно такъ проводилъ я однажды свое послѣобѣда. Отъ разглядыванія многочисленныхъ рисунковъ съ символистическими названіями и объясненіями у меня въ головѣ въ концѣ концовъ образовался какой-то совсѣмъ сецессионистскій сумбуръ. Вдругъ раздался стукъ въ дверь, и прежде чѣмъ я успѣлъ крикнуть: войдите, открылась дверь, и въ комнатѣ появилась очень примитивно одѣтая фигура. Я, понятно, вскочилъ съ дивана, провелъ рукой по усамъ, чтобы придать имъ модное направленіе и вѣжливо спросилъ:

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Удольствіе придетъ потомъ, — перебила меня фигура, — а я Счастіе.

— Вотъ какъ, а я не слыхалъ звонка, кто же вамъ открылъ входную дверь?

— Точно для насъ существуютъ какія-нибудь входныя двери! Мы просто появляемся, вотъ и все. Вообще теперь звонятъ только въ квартирахъ филистеровъ, и тогда

приходятъ родственники, друзья, почтальоны, сборщики налоговъ и водопроводчики. Настоящій же современный челоувѣкъ принимаетъ въ наши дни гостей иного рода: къ нему являются Понятія, Идеи, воплощенные Абстракты, Символы. Вѣдь это же вы должны были бы уже знать изъ вашихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Ну-съ, такъ вотъ я такое воплощенное абстрактное понятіе, я, какъ вамъ уже сказала, Счастіе.

— Могу ли я вамъ предложить чашку кофе?

— Счастіе не пьетъ кофе. Когда счастье является, у него только одна потребность: кидать обрывки тенденціозныхъ фразъ, на примѣръ, въ такомъ духѣ: счастье не легко дается въ руки. Да, вотъ это-то я вамъ и хотѣла сказать.

— Но вы, вѣроятно, не откажетесь присѣсть?

— Счастіе никогда не сидитъ, оно всегда стоитъ наготовѣ... исчезнуть! Чтò, каково сказано, правда, вѣдь хорошо? Это только простыя, элементарныя понятія сидятъ и даже остаются. Вотъ, на примѣръ, Забота, она всегда остается тамъ, куда она пришла. Ага, да смотрите-ка, вотъ она уже тамъ сидитъ.

И действительно въ углу сидѣла фигура, а я даже не замѣтилъ, какъ она вошла.

— Вы Забота?—обратился я къ ней.

— In Persona, — отвѣтила фигура, значить, вы находите, что я похожа?

— Похожа, на кого?

— Ну, на безчисленные мои изображенія въ вашихъ журналахъ.

— А, да, пожалуй, что похожи. Впрочемъ, долженъ васъ чествовать за вѣрить, что визитъ вашъ мнѣ въ высшей степени неприятенъ.

— Ничего не значить. Видите ли, я поэтическая необходимость и должна здѣсь оставаться уже контраста ради. Вѣдь подумайте только, что за неподобный сюжетъ для картины: Счастье, а подлѣ Забота и между ними Человѣкъ!!

— Но, если вы, сударыня, не хотите покинуть моей квартиры, то я буду принужденъ васъ прописать въ участкѣ, какъ проживающую у меня.

— Да, конечно, и возьмете заодно еще нѣсколько прописныхъ листковъ. Вѣдь вонъ въ томъ углу еще кто-то стоитъ.

Любезные читатели, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, предоставляю вамъ въ этомъ полную свободу, но въ углу комнаты, прижавшись къ стѣнѣ, стояла третья фигура. Она прошептала трагическимъ голосомъ Дузе:

— Я Раскаяніе и, надѣюсь, милостивый государь, что вы не скажете мнѣ въ видѣ привѣтствія банальную фразу, будто бы вы меня не приглашали.

Вамъ должно быть извѣстно, что Раскаяніе приходитъ всегда незванымъ, это вамъ могутъ подтвердить сотни вашихъ писателей и иллюстраторовъ.

— Но я совсѣмъ не подготовленъ къ такому обилію дамскихъ визитовъ! — вскрикнулъ я, — да и вообще никто не въ правѣ предполагать, что я соглашусь водить постоянное знакомство съ фигурами, которыя въ дѣйствительности не существуютъ.

— Потихе, мой другъ, потихе! — раздался мягкій голосъ позади меня, и нѣжная рука дотронулась до моего плеча. Я быстро обернулся и увидалъ четвертую фигуру, которая тотчасъ же отрекомендовалась:

— Я—Терпѣніе, совѣтую вооружиться мной.

— Но, чертъ возьми! Я вовсе не желаю имѣть терпѣнія, — еще громче закричать я, но тотчасъ же остановился: прямо изъ стѣны направлялась ко мнѣ спокойная мужская

фигура и произнесла моимъ собственнымъ голосомъ:

— Не такъ грозно, дружище, ты долженъ же понять...

— Это еще что за фамильярность, кто далъ вамъ право говорить мнѣ ты, милостивый государь?

— Я имѣю полное право на такую интимность, я твоё собственное лучшее Я.

— Великій Боже! — воскликнулъ я уже внѣ себя, — какъ, и мое собственное лучшее Я воплотилось, нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ что такое. Неужели же въ наши дни куль-

Счастье.

турному человѣку абсолютно невозможно побыть хоть немного съ самимъ собой?

— Абсолютно невозможно и несовременно, — отвѣтилъ мой alter ego, — да, впрочемъ, я и самъ привелъ еще нѣсколько типовъ для пополненія собравшагося здѣсь общества. Посмотри-ка на это интересное безполюсное существо—это твоя Совѣсть, а этотъ голубоглазый подростокъ—Надежда, а тамъ дальше эти грязные маленькіе калѣки, это твои композиціи и эскизы...

Толпа гостей все росла и росла, и фигурамъ не предвидѣлось конца. Всѣ невѣсомыя частицы моего существа, казалось, отдѣлились отъ меня, получили глаза, руки, ноги, пальцы и назойливо кичились своей само-

стоятельностью. Вокругъ меня, точно въ огромномъ калейдоскопѣ, двигались, ходили, стояли Юность, Старость, Судьба, Радость, Страданіе, всѣ пять чувствъ, мой добрый геній, мой злой геній, и еще не одинъ десятокъ всякихъ воплотившихся абстрактныхъ понятій.

Обыкновенно, дойдя въ разсказѣ до такого пункта, авторъ вѣжливо напоминаетъ читателю, что то былъ «лишь сонъ души тревожной и мятежной», и въ данномъ случаѣ мнѣ слѣдовало бы заявить, что я вне-

запно проснулся и увидалъ себя какъ-бы погребеннымъ подъ цѣлымъ ворохомъ иллюстрированныхъ журналовъ, что Радость не сидѣла возлѣ меня, не витала надо мной и даже не кидала на меня своихъ «лучезарныхъ взоровъ», а просто я радовался, что я, наконецъ, одинъ и избавленъ отъ всѣхъ этихъ назойливыхъ воплощеній, посредствомъ которыхъ современные символисты превращаютъ даже самое одинокое одиночество въ какое-то засѣданіе движущихся и болтающихся фигуръ.

(Стилизованная игра въ мячъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ХРОНИКА.

МАРТЪ.

На современныя темы.

Изъ прошлаго.

Литературныя новости.

Художественныя новости.]

Научная хроника.

Изъ артистическаго міра.

Изъ газетъ и
журналовъ.

Ex libris.

Изъ лѣтописи
преступленій.

HAROLD NELSON

СОДЕРЖАНІЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ.

НА ООВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Пренія въ прусскомъ парламентѣ объ избіеніи польскихъ младенцевъ.—Кооперативное движеніе среди земледѣльцевъ Голландіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Конецъ испанской инквизиціи.—Любовь Новалиса.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Шекспиръ и его критики.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Граверь красивыхъ женщинъ (съ 2 рис.).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

При абсолютномъ нулѣ (съ илл.).—Изъ научныхъ новостей: Чистая наука.—Роль микробовъ въ образованіи каменнаго угля.—Температура внутри земли.—Качающаяся скала.—Золото въ растеніяхъ.—Пшеница изъ египетскихъ пирамидъ.—Высота полета птицъ.—Вредна ли ворона для земледѣлія?—Древне-римскія чернила.—Реставрація старыхъ картинъ.—Новости на учной техники.—Воздухоплавательный аппаратъ Кретца (съ илл.).—Двойная митральеза Максима на трехколесномъ тандемѣ (съ илл.).

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Къ чествованію Аделаиды Ристори (съ 2 илл.).

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ Парижскомъ народномъ университетѣ.—Загадка Гамлета.

EX LIBRIS.

Исключительность таланта Достоевскаго.—Легенда о великомъ инквизиторѣ.—Комментарій г. Розанова.—Разоблаченіе «клеветы» инквизитора.—Надломленность европейскаго міра.—Славянство, какъ возрождающая стихія.—Щитъ изъ лиризма и его непрочность.—Два слова о Гоголѣ.—Персія и персы въ описаніи г. Ломницкаго.—Характеристика современнаго перса.—Тяготѣніе персовъ къ Россіи.—Балетные костюмы женщинъ.—Самостояющійся кредиторъ.—Живой факель.—Матеріалы къ біографіи И. И. Дмитріева, изданные К. Я. Гротомъ. Библіолога.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

О развитіи преступности въ Германіи.—Дѣло Штернберга.—Скандалные процессы въ Англіи.—О вліяніи алкоголизма на ростъ преступности.—Несбывшіяся надежды пенитенціарной ссыльно-каторжной системы.—Положеніе каторжниковъ въ Новой Каледоніи.—Картинки изъ быта нумейскихъ вольныхъ и невольныхъ жителей.—Оркестръ ссыльно-музыкальнаго общества. А. Е.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Пренія въ прусскомъ парламентѣ объ избіеніи польскихъ младенцевъ.

Прусскіе поляки удостоились рѣдкой чести: имъ оказано самое предупредительное вниманіе въ тронной рѣчи, которою открытъ быть германскій парламентъ послѣ рождественскаго перерыва, при чемъ въ парламентѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней велись оживленнѣйшіе дебаты на тему о томъ, какими способами предотвратить страшную опасность, грозящую Германской имперіи со стороны поляковъ.

Поводомъ, вызвавшимъ такое вниманіе къ полякамъ со стороны германскаго правительства, послужила извѣстная исторія, прославившая надолго мѣстечко Вже-сенъ (въ Познанской провинціи). Исторія эта коротка, но поучительна. Ученики вжезенской школы, принадлежащіе къ польской націи, были жестоко высѣчены педагогами за то, что отказывались отвѣчать по-нѣмецки на урокахъ Закона Божія. А заступничество матерей за своихъ избіенныхъ младенцевъ было сочтено бунтомъ и наказано продолжительнымъ (до двухъ лѣтъ) тюремнымъ заключеніемъ.

Исторія эта получила шумную извѣстность, и на столбцахъ европейской прессы было высказано по адресу нѣмцевъ много горькой, обидной для ихъ національнаго самолюбія правды. Въ парламентѣ вопросъ получилъ принципиальный характеръ въ зависимости отъ точки зрѣнія, установленной на вжезенскую исторію въ тронной рѣчи. Тонъ послѣдней отличается энергіей, не предвѣщающей полякамъ ничего хорошаго. Констатировавъ прежде всего обостренность отношеній въ восточныхъ провинціяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, обращающую на себя особенное вниманіе правительства, тронная рѣчь объявляетъ, что со стороны правительства будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы обез-

печить въ восточныхъ провинціяхъ нѣмецкому элементу мѣсто, на которое онъ имѣетъ право въ силу своей долготѣйшей культурной работы, выполненной подъ мудрымъ руководствомъ Гогенцоллерновъ. «Королевское правительство», говорится далѣе, «съ твердостью и настойчивостью выполнитъ обязанности, какія налагаются на него обереганіемъ нѣмецкаго элемента на восточной окраинѣ и противодѣйствіемъ враждебнымъ государству стремленіямъ». Намѣчая эту боевую задачу, правительство обращается съ воззваніемъ о содѣйствіи ко всему нѣмецкому народу, развивая при этомъ взглядъ, что отчужденіе отъ нѣмецкаго языка и нѣмецкихъ обычаевъ будетъ разсматриваться какъ открытое нападеніе на честь и достоинство нѣмецкаго народа. Иначе говоря — кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

По прочтеніи тронной рѣчи въ парламентѣ внесены были два запроса, одинъ — національ-либералами, другой — польскимъ «кол'омъ». Національ-либералы спрашиваютъ, какія мѣры думаетъ примѣнить правительство въ осуществленіи задачи, указанной тронной рѣчью; поляки, наоборотъ, ставятъ вопросъ, не находитъ ли правительство полезнымъ въ виду вжезенскихъ событій и въ интересахъ общаго блага измѣнить дѣйствующія теперь правила, касающіяся преподаванія Закона Божія въ элементарныхъ школахъ провинціи съ смѣшаннымъ населеніемъ.

Подробную мотивировку запроса національ-либераловъ далъ представитель ихъ Гобрехтъ, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ провинціяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Нельзя сомнѣваться,

говорить онъ, что поляки стремятся къ возстановленію своего государства; вслѣдствіе этого прусское правительство обязано озаботиться тѣснѣйшимъ сліяніемъ смѣшанныхъ провинцій. Считая возможнымъ оставить полякамъ богослуженіе на родномъ языкѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ польскій элементъ преобладаетъ въ численномъ отношеніи, Гобрехтъ наставляетъ на сохраненіи преподаванія Закона Божія для польскихъ дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ въ политическихъ цѣляхъ. Запросъ національ-либераловъ, по словамъ Гобрехта, вовсе не имѣетъ цѣлю побудить правительство издавать новыя узаконенія исключительнаго характера; національ-либералы желаютъ только имѣть ручательство, что политическая система, примѣняемая съ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ, и впредь будетъ вестись въ томъ же направленіи.

Отъ имени польскаго кол'а говоритъ ксендзъ Яжджевскій. Оправдывая поступокъ вжесенскихъ поляковъ, ораторъ ссылался на постановленіе Тридентскаго собора, согласно которому основанія религіи должны быть преподаваемы на народномъ языкѣ. Быть приведенъ и т. л. аргументъ, что Познань отошла къ Пруссіи въ силу трактата, а не по праву завоеванія, при чемъ прочитанъ отвѣтъ Гарденберга на англійскую ноту въ 1815 г., откуда видно, что прусское правительство гарантировало тогда полякамъ самыя широкія права, обезпечивающія ихъ самостоятельность. «Вы удивляетесь», заключилъ ораторъ, «что поляки выражаютъ недовольство и что во всемъ краѣ чувствуется тревожное положеніе. Да развѣ возможно было бы иначе? Если къ намъ будутъ относиться по-человѣчески и справедливо, тогда и мы будемъ держать себя спокойно, выполняя всѣ обязанности подданства».

Сущность рѣчи канцлера Бюлова, ожидавшейся съ большимъ нетерпѣніемъ, сводится къ слѣдующему. Событія въ Вжесни сдѣлались не только предметомъ политической агитаціи въ прессѣ, но ими старались воспользоваться—къ счастью, безуспѣшно—чтобы вызвать для Германіи международныя осложненія. Министръ народнаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ, что мѣстныя власти въ Вжесни не превысили своихъ правъ, и если, однако, событія повлекли за собою нарушеніе спокойствія въ краѣ и заставили прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ, то виной является агитація, устроенная умысленно противъ учителей и противъ распоряженій школьной власти. Хотя вжесенскіе педагоги не злоупотребили предоставленнымъ имъ правомъ дисциплинарныхъ взысканій, тѣмъ не менѣе канцлеръ не колеблется заявить, что именно въ настоящемъ случаѣ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, даже въ столь невинныхъ (!!) границахъ, было дѣломъ излишнимъ.

Отвѣчая далѣе на рѣчь Яжджевскаго, Бюловъ категорически отрицаетъ, чтобы въ данномъ случаѣ была въ чемъ-либо нарушена конституція; никакихъ предписаній относительно языка въ преподаваніи Закона Божія конституція не содержитъ. Равнымъ образомъ несправедливо заявленіе посла, будто бы правительство стремится отнять у поляковъ право говорить на родномъ языкѣ. Пруссіе колѣнныя польскія народности могутъ сколько угодно пользоваться роднымъ языкомъ, никто имъ въ этомъ не ставитъ препятствій, но они обязаны также выучить и нѣмецкій языкъ, такъ какъ это требуется въ цѣляхъ военной службы и для облегченія всякихъ дѣловыхъ сдѣлокъ. Преподаваніе религіи не можетъ быть средствомъ германизаціи, но оно не должно также служить средствомъ полонизаціи дѣтей нѣмцевъ-католиковъ.

Переходя затѣмъ къ обрисовкѣ современнаго положенія дѣлъ въ восточныхъ провинціяхъ королевства, канцлеръ отрицаетъ, будто бы поляки тамъ находятся подъ какимъ бы то ни было гнетомъ. «Въ прежнее время»,—говоритъ канцлеръ,—«господствующее положеніе занимала шляхта, а о-бокъ нея существовалъ бѣдный городской и сельскій пролетаріатъ. Благодаря поддержкѣ прусскаго правительства поднялось значеніе городского мѣщанскаго сословія, которое заручилось вліяніемъ на народъ и точно такъ же выступаетъ противъ шляхты, какъ младочехи противъ старочеховъ. Польскіе врачи, адвокаты, инженеры и купцы завоевали себѣ положеніе чрезъ бойкотированіе купцовъ и промышленниковъ-нѣмцевъ. Рука объ руку съ ними идетъ польскій колонизаціонный банкъ. Не смотря на дѣятельность нѣмецкой колонизаціонной комиссіи, да еще большее количество земли перешло въ польскія руки, чѣмъ въ нѣмецкія. Въ виду той агитаціи, которая стремится къ возстановленію Польши, нѣмецкая народность находится въ трудномъ положеніи и не въ силахъ удержать за собою господствующее мѣсто. Свѣдѣнія, полученныя нами съ этого края, подтверждаютъ то печальное положеніе вещей, что нѣмцы уступаютъ и возвращаются въ родныя стороны».

«Такимъ образомъ поляки систематически вытѣсняютъ нѣмцевъ. Полонизація окранныхъ расширяется все больше. Правительство не можетъ закрывать глаза на опасность подобнаго положенія вещей: обязано тѣмъ же выступить противъ поляковъ, собрать, укрѣпить, привести въ порядокъ ряды нѣмцевъ. Поляки начали эту борьбу, и мы должны позаботиться о самозащитѣ. Мы живемъ не въ раю, а на землѣ, гдѣ можно быть только или молодымъ или наковальней».

«Бойкотированіе нѣмецкихъ предпринимателей возрастаетъ съ каждымъ годомъ».

и можетъ повлечь, наконецъ, разореніе нѣмецкихъ купцовъ. Мы не можемъ допустить, чтобы нѣмецкіе корни подсыхали, не можемъ допустить, чтобы наша лшеница заростала куйоломъ, чтобы народность наша была затоплена чуждой волной. Я считаю польскій вопросъ имѣющимъ громадное значеніе, отъ него зависить будущность нашего отечества. Исторія дала намъ эту землю, мы ее удержимъ за собой. Мы будемъ стремиться къ тому, чтобы тамошніе нѣмцы остались на мѣстѣ, чтобы укрѣпить ихъ экономически и увеличить число колонистовъ».

«Поселеніе нѣмецкихъ колонистовъ будетъ вестись ускореннымъ темпомъ, а если денежные источники будутъ исчерпаны, мы потребуемъ новыхъ. Мы будемъ содѣйствовать учрежденію нѣмецкихъ товариществъ для усиленія производительности земли. вмѣстѣ съ тѣмъ мы поставимъ сдѣлать города очагами нѣмецкой культуры, будемъ оказывать помощь нѣмецкимъ ремесленникамъ. Большое значеніе будутъ имѣть для городовъ расквартированіе нѣмецкихъ войскъ: могу сообщить вамъ, что императоръ и король приказомъ отъ 1 января велѣтъ помѣстити въ Вжесни и Шремѣ по одному пѣхотному батальону».

Кандлеръ долго еще говорилъ о тѣхъ мѣрахъ, какія намѣрено правительство предпринять съ цѣлью укрѣпленія нѣмецкаго элемента въ прусско-польскихъ провинціяхъ. Мѣры эти объединяются общей тенденціей: если доселѣ полякамъ извѣстно было, что такое бичи, то теперь они еще испробуютъ, что такое скорпионы. Министръ народнаго просвѣщенія Штудтъ ограничился короткими заявленіемъ, что во всякомъ случаѣ палка и впредь будетъ выполнять свое педагогическое назначеніе въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, немисливо воспитывать дѣтей безъ телесныхъ наказаній.

Послѣ этого выступить цѣлый рядъ ораторовъ какъ нѣмцевъ, такъ и поляковъ; пренія заняли цѣлыхъ три засѣданія (13, 14 и 15 января).

Представитель центра Фритценъ говорить въ примирительномъ тонѣ. Поляки должны пользоваться равными правами со всѣми другими подданными. Было бы противно божескимъ и человѣческимъ законамъ, если бы со стороны правительства ставились полякамъ преграды относительно ихъ языка. О школьной системѣ, проникнутой духомъ германизации, Фритценъ отзывался въ ироническомъ тонѣ. Результатъ ея только тотъ, что нѣмецъ владѣетъ лишь однимъ языкомъ, а полякъ владѣетъ двумя языками, что облегчаетъ ему экономическую борьбу. Касаясь вопроса о преподаваніи Закона Божія для польскихъ дѣтей, Фритценъ энергически требуетъ, чтобы это преподаваніе

велось на родномъ ихъ языкѣ. Репрессалии въ школьномъ дѣлѣ этотъ депутатъ считаетъ вредными; онѣ ведутъ къ тому, что поселяютъ въ полякахъ ненависть къ нѣмцамъ. Остановившаяся на прусско-польскихъ отношеніяхъ вообще, Фритценъ строго осуждаетъ систему вѣчныхъ притѣсненій поляковъ, которыя могутъ вызвать ихъ на отчаянный шагъ—возстаніе. Ни уничтожить польскую народность, ни германизовать ее окончательно не удастся. Остается одно—вести примирительную систему; этого требуютъ прежде всего соображенія внѣшней политики, такъ какъ для государства въ минуту осложненій будетъ имѣть громадное значеніе настроеніе восточныхъ провинцій.

Изъ нѣмецкихъ депутатовъ въ сочувственномъ для поляковъ тонѣ говорилъ еще Копшъ. Онъ осуждалъ правительственную систему отношеній къ полякамъ, говорилъ о ненужности колонизаціонной комиссіи, о необходимости для нѣмецкихъ чиновниковъ въ польскихъ провинціяхъ знать мѣстный языкъ и т. д. Обращаясь къ канцлеру, Копшъ заключилъ рѣчь слѣдующими словами: «въ отношеніяхъ къ полякамъ ничто не заставляетъ насъ быть ни молотомъ, ни наковальней. Лучше всего будетъ, если г. канцлеръ окажется мудрымъ кузнецомъ, который съ обѣихъ сторонъ разбиваетъ упорный матеріалъ и при томъ такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ наше населеніе въ восточныхъ провинціяхъ стало доброй сталью». Остальные ораторы изъ нѣмцевъ болѣе или менѣе пѣли въ одинъ тонъ съ канцлеромъ. Представитель консервативной партіи Тидеманъ выразилъ радость по поводу того, что канцлеръ намѣтилъ въ своей рѣчи рядъ мѣръ, кот рья онъ, Тидеманъ, проектировалъ еще въ 1876 г. въ меморіалѣ, поданномъ прусскому правительству. Посоль Шмидингъ заявлялъ, что полякамъ въ Пруссіи живется какъ у Христа за пазухой. Гордлеръ ратовалъ за обязательность нѣмецкаго языка для поляковъ, другіе тоже по мѣрѣ способностей возвышали голосъ за необходимость агрессивной политики по отношенію къ полякамъ.

Изъ польскихъ ораторовъ наибольшее впечатлѣніе произвела рѣчь Чарлинскаго: въ которой онъ коснулся всѣхъ пунктовъ поставленныхъ канцлеромъ Бюловымъ. «Мы непрерывно слышимъ, — заявилъ, прежде всего Чарлинскій, — о польской агитаціи. Польская народность постоинно чувствуетъ гнетъ преслѣдованія и защищается, какъ можетъ. Что же опаснаго въ этой агитаціи? Я считаю, что нѣтъ фразы болѣе пустой, какъ эта фраза относительно агитаціи. Конституція разрѣшаетъ каждому гражданину во всеуслышаніе высказывать свое мнѣніе, группироваться въ товарищества и союзы. Польская агитація стремится исключительно

къ сохраненію языка и вѣры. Лелѣять эти идеалы составляетъ обязанность поляковъ. Мы были бы людьми ничтожными, если бы не дѣлали этого. Мы отдаемъ, что слѣдуетъ, королю и государству, но не перестанемъ защищать наше духовное сокровище. Въ этой области, въ границахъ, дозволенныхъ закономъ, мы будемъ и впредь агитировать; мы прежде всего объявляемъ вамъ, что мы будемъ агитировать, чтобы вы не удивлялись впоследствии, когда встрѣтитесь съ агитаціей».

«Имперскій канцлеръ заявилъ въ парламентѣ, что онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы нѣмецкій элементъ не очутился въ восточныхъ провинціяхъ подъ колесомъ; но канцлеръ совершенно не заботится о томъ, что польскій элементъ непрерывно попирается королевскимъ правительствомъ. Между тѣмъ государственный дѣятель, занимающій столь высокое положеніе, долженъ быть бы стоятъ выше партій и въ одинаковой мѣрѣ не упускать изъ виду благо не только нѣмецкихъ гражданъ, но также подданныхъ польской націи, и оберегать это благо. Поляки теперь вытѣснены отовсюду. Поляку ставятъ преграды въ начертаніи фамиліи своей польскимъ шрифтомъ, въ нареченіи дѣтей своихъ при крещеніи польскими именами. Канцлеръ заявилъ, что мы можемъ сколько намъ угодно пользоваться роднымъ языкомъ. И, однако, берусь утверждать, что народу запрещаютъ говорить по-польски. Если кто въ этомъ сомнѣвается, пусть спроситъ у солдатъ, или у рабочихъ въ инвентарскихъ коняхъ, или же пусть обратитъ вниманіе на то, что на желѣзныхъ дорогахъ никому не разрѣшается бесѣдовать между собой по-польски». Указавъ затѣмъ на сдѣланное властями нѣкоторыхъ округовъ распоряженіе, согласно которому учителямъ запрещено говорить по-польски въ своей семьѣ, ораторъ заявилъ: «подобными распоряженіями дѣло поставлено такъ, что учитель, который долженъ бы быть самымъ уважаемымъ человекомъ, сталъ теперь въ разрядъ самыхъ ненавистныхъ людей».

«Не смотря на всевозможныя преслѣдованія, польскій народъ сохраняетъ, однако, полную лояльность. Когда канцлеръ говорилъ о какой-то серіозной опасности со стороны поляковъ, то онъ могъ думать о какой-то очень отдаленной опасности. Чтобы 50-милліонный народъ нѣмецкій, который распоряжается многочисленнѣйшей арміей, агенты котораго занимаютъ всѣ посты — чтобы народъ этотъ испытывалъ надобность еще въ какой-то особенной оборонѣ, этого, я думаю, и самъ канцлеръ не рѣшится утверждать».

Довольно неожиданнымъ явилось заявленіе Киндлера, депутата нѣмецкихъ избирателей изъ Познани. «Мы, нѣмцы», — говоритъ онъ, — «живемъ въ Познанской

провинціи такъ же спокойно, какъ и во всякой другой мѣстности нѣмецкой имперіи, и совершенно мирно уживаемся съ польскими нашими согражданами».

Отмѣтимъ одну частную подробность настоящихъ парламентскихъ преній. Въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ указывалось на отношеніе Россіи къ полякамъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ на самую желательную и справедливую, а тотъ порядокъ, въ силу котораго въ элементарныхъ школахъ Царства Польскаго преподаваніе Закона Божія для польскихъ дѣтей ведется на ихъ родномъ языкѣ, выставляется въ видѣ образца гуманности.

Очень лестно...

Кооперативное движеніе среди земледѣльцевъ Голландіи.

Параллельно съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ и развитіемъ вслѣдствіе этого интенсивной культуры земли, въ Голландіи въ послѣднее время стали все болѣе и болѣе развиваться среди земледѣльческаго населенія кооперативныя общества и союзы. Теперь положительно уже можно сказать, что земледѣльческая Голландія на значительномъ пространствѣ объята заревоиъ этого кооперативнаго движенія. Въ послѣднее время все чаще стали образовываться общества для покупки удобреній, сѣмянъ, кормовъ и проч. Другія общества учреждены были для покупки и содержанія племенныхъ животныхъ. Возникли кооперативныя маслобойни и сыроварни. Появились общества взаимнаго страхovanія. Потребность въ дешевомъ земледѣльческомъ кредитѣ вызвала устройство особыхъ сельско-хозяйственныхъ кредитныхъ учреждений. Чтобы не терять на цѣнахъ при продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ черезъ посредниковъ и при томъ по мелочамъ каждымъ крестьяниномъ въ отдаленности, стали устраивать ассоціаціи для общей продажи сельско-хозяйственныхъ произведеній оптомъ.

Остановимся первоначально на обществахъ, имѣющихъ цѣлю пріобрѣтеніе общаго необходимыхъ для культуры земли различныхъ предметовъ и продуктовъ. Эти общества ограничиваются тѣмъ, что покупаютъ химическія удобрения, сѣмена и запасы кормовъ для скота; нѣкоторыя изъ нихъ производятъ всѣ эти операціи, другія — лишь одну изъ нихъ.

Въ 1893 году въ Голландіи было 142 такихъ общества; въ 1898 году ихъ было уже 540, и общая сумма оборотовъ достигала до 3.125.000 рублей. Подъ охраною католическаго духовенства эти кооперативы вскорѣ распространялись по всей странѣ, въ особенности въ провинціяхъ, гдѣ большинство населенія католики.

Что касается организации этих кооперативных обществ, то, за немногими исключениями, все они — вольные ассоциации, т. е. не имеют законного права существования и не имеют ни устава, ни постоянного узаконенного правления. Покупка сообща представляет большую выгоду. Благодаря им, барыши посредников по торговле значительно понижаются. Обязательные анализы купленного товара на национальных агрономических станциях представляют ручательство их доброкачественности. Каждый из членов союза, при самой покупке, вносит свою долю цены за товар, потому что союз покупает все на чистые деньги: следовательно, хотя такие союзы не утверждены правительством, никаких денежных затруднений при оплате товара не возникает. В настоящее время союзы состоят из и среди торговцев. Для примера, укажем на синдикат продавцов пшеничных удобрений. «Голландский земледельческий комитет», кооперативное общество и отдельные кооперации крестьян в последнее время стали стремиться к организации союзов отдельных коопераций между собою. По инициативе «Голландского комитета земледельцев» было создано «Центральное бюро», покупающее оптом смена, удобрения, земледельческие орудия и проч. для всей Голландии.

Катать идет вторая группа союзов — по продажам продуктов земледелия и садоводства. Взаимное недоверие земледельцев и садоводов, а также затруднения при распределении платы за продукты соответственно качеству их задерживают прогрессивное развитие союзных обществ этого рода. Поэтому деятельность таких обществ ограничивается главным образом продажей молочных скопов и продуктов садоводства. Общества эти можно подразделить на три разряда: 1) общества, продающие продукты за общий счет; 2) общества, организующие базары для продажи продуктов своих членов (некоторые из таких обществ только облегчают продажу продуктов своих членов тем, что назначают от себя агентов в различные коммерческие центры); 3) общества, принимающие на себя лишь упаковку или отправку продуктов. Немногие кооперативные общества облегчают продажу яиц за общий счет. В Зеландии в особенности развиты кооперативные общества земледельцев, заключающие договоры с сахарными заводами касательно продажи сахарной свекловичной производимой их членами. Из этой группы обществ некоторые продают разные хлеба, овощи, льняные смена и проч.; другие — лишь плоды и ягоды; третьи — один картофель; некоторые — только телат и баранов, а немногие —

одни яйца. Есть также общества, продающие лишь сливочное масло; другие продают только рогатый скот, и, наконец, существует одно только общество, продающее домашних птиц и яйца. Назовем важнейшие из таких обществ: 1) «Кооперативное земледельческое общество Гронинга», продавшее в 1898 году на сумму около 353,000 р. хлеба, овощей, семян, льну и проч. Продажа продуктов производится за общий счет директором, получающим жалование от правления комитета. Члены посылают свои продукты в склады в Гронинг. Условия продажи определяются комитетом. Комиссары складов соответственно инструкции директора осматривают и оценивают эти продукты. Эта оценка и оплата продуктов производится по рыночным ценам. В конце года члены получают 75% чистого дохода соответственно накладным, полученным ими на продукты, доставленные в текущем году. Остальная часть прибыли предназначается на уплату процентов правлению, на составление запасного капитала и проч. Это же общество покупает для своих членов земледельческие орудия, удобрения, смена и проч. 2) В кооперативном обществе «Гельриа», продавшем в 1889 г. плодов, картофеля и овощей на сумму почти на 49,000 р., одна половина членов занимается поставкою, а другая — наблюдением за качеством, количеством и упаковкой отправляемых товаров, а также и за продажей продуктов в их первоначальной упаковке; оно же стремится содействовать сбыту товара, прискивать новые рынки и т. п. Директор и коммерческие агенты его, живущие в различных торговых центрах страны, помогают в этом делу комитету. Члены последнего избираются членами общества из своей среды. Одобренные обществом продукты продаются под контрольной маркой. Общество принимает и хлопоты по отправке товаров. В каждом отделе общества есть один или несколько контролеров, которым и поручается осмотр товара. Расходы пополняются на счет тех процентов, которые отчисляются с валового дохода от продажи доставленных продуктов. В северной Голландии все кооперативные общества продали в 1899 г. картофеля, овощей и плодов на сумму около 547,000 р. При продажах на базарах с аукциона назначаются особые оценщики, которым и поручают продажу продуктов. Оценщики получают деньги с покупателей и затем передают их членам общества. В большей части этих обществ члены обязаны привозить на базар все свои продукты; они обязаны также заявлять оценщику, каково количество и качество привезенного товара.

За лживыя или неточныя заявленія взимается штрафъ. 3) Кооперативное общество для продажи сливочнаго масла съ аукциона продаетъ только масло въ своихъ маслобоенъ, лежащихъ въ сѣверномъ Брабантѣ. Сливочнаго масла изъ 80 маслобоенъ было продано въ 1898 г. на сумму 576,000 р., а въ 1899 г. почти на 800,000 р. Это общество организовало въ Ейндговенѣ базаръ, гдѣ продается съ аукциона сливочное масло его членовъ. Для покрытія расходовъ взимають 0,01 флорина съ килограмма масла. 4) Другое кооперативное общество для продажи масла и сыровъ организовалось въ Мештрихтѣ на югѣ Нидерландовъ. Это общество продало одного сливочнаго масла въ 1898 г. почти на 872,000 р. со своихъ 98 сыроваренъ и маслобоенъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію кооперативныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлю совместную обработку молочныхъ скоповъ. Первая кооперативная маслобойня и вмѣстѣ съ тѣмъ сыроварня основана была въ 1886 г. въ Фрисландіи. Послѣднее же время заведеній распространились по всей странѣ. Въ 1898 году такихъ маслобоенъ и сыроваренъ было уже 485 съ 25,000 членовъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ въ 1898 году было употреблено въ дѣло 386.000,000 килограммовъ молока. Въ Фрисландіи, гдѣ есть прекрасныя пастбища, въ этихъ заведеніяхъ машины паровыя; въ сѣверномъ Брабантѣ и отчасти въ Лимбургѣ, гдѣ фермы небольшие, а почва песчаная, употребляютъ ручныя машины. Большая часть заведеній организована соответственно существующему закону о кооперативныхъ обществахъ, и всѣ ихъ члены взаимно ручаются другъ за друга; есть и анонимныя общества съ кооперативною основою. Каждый членъ обязанъ доставлять въ заведение молоко всѣхъ коровъ, владельцемъ которыхъ онъ заявилъ себя при вступленіи въ общество. За молоко платятъ соответственно вѣсу или числу мѣръ емкости, а также и соответственно тому количеству казеина, какое оно содержитъ въ себѣ. Въ большей части заведеній два раза въ мѣсяцъ платятъ задатки за молоко, а въ концѣ года распределяется и осталная часть прибыли. Всѣ заведенія управляются комитетомъ, составленнымъ изъ членовъ, избранныхъ обществомъ изъ своей среды. Директоръ, подчиненный комитету, завѣдуетъ самымъ заведеніемъ. Въ сѣверной Голландіи члены вольныхъ обществъ употребляютъ въ заведеніи кромѣ своего молока также и молоко не членовъ общества. Послѣдніе получаютъ за молоко ту же цѣну, какъ и члены, но они обязаны платить нѣкоторую сумму за выдѣлку масла и сыра.

Въ послѣднее время многія отдѣльныя кооперативныя общества соединяются въ

центральныя. Важнѣйшія изъ такихъ центральныхъ обществъ слѣдующія: кооперативное общество по обработкѣ молочныхъ продуктовъ для южной части Нидерландовъ; кооперативное общество по обработкѣ молочныхъ продуктовъ Фрисландіи; кооперативное общество по молочнымъ скопамъ провинціи Дрента; кооперативное общество по обработкѣ молочныхъ продуктовъ провинціи Геладры и Оберъ-Иселя. Первое за 1898—1899 гг. имѣло 111 сыроваренъ и маслобоенъ и выработало около 1,500,000 килограммовъ масла. Оно даетъ свѣдѣнія касательно изготовленія масла и облегчаетъ его продажу. Съ этою цѣлю общество организуетъ дважды въ недѣлю въ Мештрихтѣ въ особомъ помѣщеніи аукционную продажу масла своихъ членовъ. Масло различныхъ заведеній продается въ порядкѣ, опредѣленномъ по жребію. При аукционѣ есть агентъ, назначенный обществомъ, который обязанъ безвозмездно покупать масло и отправлять его за границу. Комитетъ назначаетъ чиновника, обязаннаго наблюдать за изготовленіемъ масла и сыра въ разныхъ кооперативныхъ заведеніяхъ и ревизовать книги. Каждая маслобойня, примкнувшая къ обществу, обязуется высылать еженедѣльно на продажу не менѣе 50 килограммовъ масла.

По уставу, «Кооперативное общество для обработки молочныхъ продуктовъ провинціи Фрисландіи» успѣшному веденію дѣла кооперативныхъ заведеній должно содѣйствовать взаимнымъ сообщеніемъ свѣдѣній касательно всего того, что можетъ быть полезно при изготовленіи масла и сыра; распространеніемъ хорошей славы о молочныхъ продуктахъ общества и облегченіемъ сбыта ихъ внутри страны и за границею; посредствомъ правильной осмотра молочныхъ продуктовъ, наложеніемъ общей торговой марки; покупкою предметовъ, необходимыхъ для изготовленія молочныхъ продуктовъ; раскрытіемъ фальсификаціи при изготовленіи масла и сыровъ и торговли ими; содѣйствіемъ къ дѣльному и правильному вывозу масла и сыровъ; устройствомъ совместно съ другими обществами артелей для изготовленія масла и сыровъ; надзоромъ за администраціей артельныхъ заведеній для изготовленія масла и сыровъ и, наконецъ, облегченіемъ взаимности получать дипломы для занятія разныхъ должностей на маслобойняхъ и въ сыроварняхъ. Кромѣ того, это общество выдаетъ ссуды своимъ заведеніямъ въ случаѣ перерыва работы. Сообща съ торговцами масломъ и сыромъ составленъ договоръ касательно третейскаго суда. Предположено дать однѣ и тѣ же инструкціи всѣмъ 42 заведеніяхъ этого общества. Въ 1898 году въ немъ числилось 44,336 коровъ.

«Кооперативное общество по молочнымъ продуктамъ провинціи Дрента» заключало въ себѣ въ 1899 году 23 заведенія на артельныхъ началахъ. Это общество пока ограничивается лишь покупкою всего нужнаго для молочныхъ заведеній своихъ членовъ.

«Кооперативное общество по молочнымъ продуктамъ для провинціи Гельдры и Оберъ-Йселя» имѣетъ 26 заведеній и расходуетъ приблизительно 30.000.000 литровъ молока. Эти заведенія имѣютъ одну общую торговую марку. Дважды въ недѣлю они устраиваютъ продажу масла въ Зутфенѣ. Кромѣ того, они анализируютъ масло и на общій счетъ покупаютъ все необходимое для заведенія.

Въ послѣднее время голландцы стремятся къ тому, чтобы основать одно центральное нидерландское общество по изготовленію масла и сыра, къ которому примкнули бы все остальные общества этого рода, при чемъ предполагается предоставить каждому изъ нихъ дѣйствовать самостоятельно въ своемъ районѣ.

Въ 1898 году изъ всего числа артельныхъ заведеній молочныхъ продуктовъ было 134 заведенія, дѣйствующихъ паромъ при 11,074 членахъ и 351 заведение съ ручными машинами при 14,302 членахъ. Молока во всѣхъ заведеніяхъ израсходовано было 386.379,000 литровъ.

Переходимъ, наконецъ, къ остальнымъ видамъ кооперативныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ въ Голландіи. Кооперативныхъ заведеній, гдѣ бы обрабатывались другіе земледѣльческіе продукты, кромѣ названныхъ уже, мало. Препятствіемъ къ основанію ихъ служитъ недостатокъ капиталовъ. Кромѣ того, очень сильное измѣлчаніе земельныхъ участковъ и ничтожность производства отдѣльныхъ фермъ требуютъ соединенія въ кооперацию множества земледѣльцевъ, чтобы такой союзъ могъ что-либо представить изъ себя. Упомянемъ, однако, главныя изъ остальныхъ кооперативныхъ обществъ. Въ провинціи Гронингъ существуетъ 4 кооперативныхъ заведенія для производства крахмала изъ картофеля. Въ сѣверной Голландіи есть кооперативныя заведенія для изготовленія засахаренныхъ фруктовъ. Въ южной Голландіи—кооперативная фабрика, изготовляющая серсо и корзины. Въ провинціи Зеландія есть кооперативный заводъ для изготовленія свекловичнаго сахара, одно кооперативное заведение для обработки цикорія, одно кооперативное заведение для измѣлчанія марены и нѣсколько такихъ заведеній для сушки ея. Самое меньшее заведение обладаетъ капиталомъ въ 100,000 флориновъ, распределеннымъ на 500 акцій. Каждая акція даетъ право своему владѣльцу переработать максимумъ 1,000 гектолитровъ картофеля. Всякій

отдѣльный членъ обязуется не продавать своего картофеля никому, пока онъ не поставитъ въ общество заявленнаго имъ количества. За картофель платятъ соответственно тому, сколько онъ содержитъ въ себѣ крахмала. Акціонеры получаютъ все прибыли эксплоатаціи соответственно тому, какое количество картофеля ими доставлено, за исключеніемъ отчисленія 4 процентовъ въ дивидендъ на акціи и на образованіе запаснаго капитала. Другія подобныя заведенія устроены почти такъ же. Все они ведутъ дѣла свои успешно. Заведенія консервовъ въ Андіи—къ основаны въ 1898 г., потому еще не дали значительныхъ результатовъ. Здѣсь сохраняютъ овощи въ коробкахъ. Въ настоящее время строятъ первый кооперативный заводъ для изготовленія свекловичнаго сахара въ Састъ-Ванъ-Гентѣ, въ Зеландіи; онъ началъ дѣйствовать съ 1900 г. Въ кооперативномъ обществѣ, основанномъ заводъ, около 200 членовъ. Оно владѣетъ капиталомъ въ 520,000 фл., распределеннымъ на акціи стоимостью въ 100 фл. За каждую акцію уплачиваетъ ея владѣтель лишь 25%. Остальная часть капитала необходимаго для постройки зданія и на покупку машинъ взята подъ облигации. Каждый владѣтель акцій обязанъ доставить минимумъ 15,000 и максимумъ 20,000 килогр. свеклы на каждую акцію. Члены получаютъ все прибыли по эксплоатаціи соответственно количеству доставленной свеклы и добытаго изъ нея сахара. Въ числѣ хозяевъ этого завода 4 землевладѣльцы, все остальные земледѣльцы, большую частью фермеры.

Кооперативное движеніе охватило въ Голландіи и хозяйства, занимающіяся скотоводствомъ. Въ послѣдніе годы голландцы пытались улучшить свою породу лошадей и крупнаго рогатаго скота. Такъ какъ племенные жеребцы и быки дороги, то образовались кооперативныя общества для покупки и содержанія этихъ животныхъ. Сначала эти общества возникли въ провинціи Гронингъ и отчасти въ сѣверной Голландіи, и только недавно они распространились по всей странѣ. Однако, теперь эти кооперативныя общества еще только начинаютъ развиваться. По даннымъ за 1892 г. существовало 28 обществъ, обладавшихъ 36 племенными жеребцами, и 27 обществъ, имѣвшихъ 67 племенныхъ быковъ. Въ 1898 г. было уже 174 общества, имѣвшихъ 21 племенного жеребца, 169 племенныхъ быковъ, 7 барановъ и 39 борововъ. Изъ этихъ обществъ нѣкоторыя представляютъ независимыя ассоціи, утвержденныя правительствомъ, другія—вольныя. Иныя, подобныя этимъ общества представляютъ лишь отдѣленія разныхъ земледѣльческихъ обществъ. Въ большей части изъ этихъ ассоціаций племенными животными могутъ пользоваться лишь члены ихъ; въ нѣкоторыхъ мѣ-

стностях за определенную цену могут пользоваться ими и посторонние лица.

Взаимное страхование домашних животных в Голландии также успешно развивается. В 1893 г. было 38 таких страховых касс, а в 1898 г. уже 595. Крестьянские кооперации распространяют их непрерывно. Некоторые из этих касс страхуют одну только породу животных, другие разные. Организация касс очень различна. Большая часть в случае падежа животного выдает владельцу его известный процент (70—100) стоимости животного, другие за каждое павшее животное дают заранее назначенную сумму (за корову от 50 до 108 фл.). В некоторых же взимают страховую премию лишь в случае падежа; впрочем, большая часть ассоциаций требует уплаты премии при вступлении в члены общества; если это окажется необходимым, то позже распределяют между членами чрезвычайный сбор на нужды общества.

В 1898 г. для страхования животных было всего 592 кассы с 56,718 членами и 233,842 застрахованными животными.

Кроме обществ страхования скота, в Голландии стали распространяться и взаимные страховые общества от градобития. К 1900 г. их было, однако, всего только 7 с 1,300 членом и 33,000 застрахованных гектаров полей. В пяти из этих обществ уплаченная вперед премия составляет постоянную сумму за гектар, а в остальных двух эта премия пропорциональна стоимости и риску разводимых растений. В случае потери от градобития, оценка убытка производится экспертами или комиссарами, назначаемыми общим собранием членом обыкновенно на год. Если градобитием порчено менее 10 процентов урожая, то вознаграждения не дают в большей части обществ. Если же сумма повреждений от града в течение года произойдет наличную сумму в кассе, то с каждого члена требуется определенная дополнительная премия за каждый гектар. В Дордрехте есть еще «Общее для всех Нидерландов общество взаимного страхования от градобития». Оно производит операции во всей стране. В 1898 г. в этом обществе было 405 страхователей, внесших премий на 2,231 фл. Его запасный капитал заключал в себя лишь 500 фл.

Вообще в 1891 г. было всего страхователей 1,301 лицо, которые застраховали 33,199 гектаров; по 1899 г. им уплачено за повреждение полей градом 52,093 фл.

По взаимному страхованию от огня в 1898 г. во всей Голландии было 129 об-

ществ с 108,200 членом. Во всех обществах члены исключительно или главным образом были земледельцы. Большинство обществ ограничивают свою сферу деятельности несколькими коммунами; другие оперируют в целой провинции; некоторые производят операции страхования во всей стране.

Что касается развития в Голландии кооперативного мелкого сельскохозяйственного кредита, то оно также сильно распространяется. Так, в 1896 г. там было только два таких банка; в 1897 г. 15, а в конце 1899 уже 70 банков. Быстрому развитию этих банков способствовали крестьянские кооперации. С 1899 г. правительство дает ссуды при основании таких банков. В Голландии существует и два центральных кредитных союза: в Утрехте общество «Райфейзен» с 17 кооперативными банками и центральный банк «Ейдровент» с 27 кооперативными банками. Эти два центральных общества выдают авансы участвующим в них банкам, помогают им помещать их капиталы, поддерживают их при образовании резервного фонда, контролируют их администрацию и определяют правила для вновь образующихся кредитных обществ. Кредитные земледельческие банки утверждены правительством в силу законов, изданных им в 1896 и 1855 гг. Маленькие кооперативные банки организованы большей частью по системе Райфейзена с безграничной ответственностью всех членом. Все эти банки основаны недавно. Число их членом очень незначительно. Исключение составляет кооперативный кредитный земледельческий банк, основанный в Лоннекерф, в провинции Обер-Иссель в 1896 г. Это общество занимается также продажей и куплей сельскохозяйственных предметов. В нем 394 члена; в 1898 г. ссуды выдано 17,880 фл. За вклады банк платит от 3 до 3 1/2%. Члены платили за ссуды 4%.

Из других кооперативных обществ, кроме всех упомянутых, назовем: центральное общество «Выгоды земледельцев» в Зириксе, в Зеландии, устраивающее выставки и экспертизы зернового хлеба, а также закупку и продажу его. В Гронинге есть несколько обществ для общего пользования паровыми молотилками. В Винтервиде есть кооперативное общество с бойней для скота, мясо которого вывозится за границу. В Зеландии есть земледельческое общество для разведения свеклы. Некоторые отделения этого общества занимаются продажей сельскохозяйственных продуктов.

Конецъ испанской инквизиціи.

(Изъ соч. De-Fereal «Storia dell'Inquisizione di Spagna»).

Польскій полковникъ Ламануцкій, которому маршалъ (Сультъ) поручилъ уничтоженіе инквизиціи въ Мадридѣ, такъ рассказываетъ объ этомъ событіи:

«Въ бытность мою въ Мадридѣ, въ 1809 году все мое вниманіе было обращено на Дворецъ Святѣйшей Инквизиціи. Наполеонъ уже давно издалъ приказъ объ уничтоженіи этого учрежденія всюду, куда только проникали его побѣдоносныя войска; я напомнилъ объ этомъ декретъ маршалу Сульту, тогдашнему губернатору, который и поручилъ мнѣ немедленно исполнить волю императора—уничтожить инквизицію въ Мадридѣ. Здѣсь я замѣтилъ маршалу, что съ однимъ полкомъ, бывшимъ въ моемъ распоряженіи, было бы рискованно приступить къ столь важному предпріятію, и что для успѣшности дѣла необходимо, по крайней мѣрѣ, имѣть еще два полка. Маршалъ согласился съ этимъ и назначилъ полковника ди-Лиллу командиромъ одного изъ этихъ полковъ.

«Мы двинулись во главѣ нашихъ отрядовъ по дорогѣ къ Инквизиціи и скоро увидѣли ея зданіе, лучше сказать, ея крѣпость съ грозными бастіонами, которую защищали человѣкъ четыреста солдатъ. Когда мы подошли къ самымъ стѣнамъ, я поручилъ одному изъ часовыхъ передать отцамъ мое предложеніе сдаться безъ сопротивленія императорскому войску и открыть ворота Инквизиціи.

«Часовой, стоявшій около стѣны, на нѣсколько минутъ скрылся въ стѣну зданія, послѣ чего раздались выстрѣлы, которымъ былъ убитъ одинъ изъ моихъ солдатъ. Это послужило сигналомъ къ атакѣ, и я приказалъ своимъ войскамъ открыть огонь противъ тѣхъ, которые показывались на стѣнѣ; но скоро стало очевиднымъ, что сраженіе велось съ неравными силами.

«Стѣны были покрыты солдатами Святѣйшей Инквизиціи; здѣсь былъ брус-

веръ, за которымъ они скрывались и откуда они показывались только для того, чтобы сдѣлать ружейный залпъ; наши же войска были на открытой равнинѣ, ничѣмъ не защищенные отъ губительнаго огня. Мы не имѣли новсе артиллеріи, и потому всѣ наши успія прорваться черезъ ворота оставались безуспѣшными. Вслѣдствіе этого я рѣшилъ измѣнить планъ атаки и распорядился нарубить деревья въ и сложить ихъ въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать нѣчто въ родѣ тарана.

«Два такихъ механизма были приведены въ дѣйствіе столькими людьми, сколько было необходимо для успѣшности; они начали производить сильные и частые удары въ стѣну подъ градомъ ружейныхъ выстрѣловъ, сыпавшихся на нихъ сверху. Скоро стѣна задрожала, и, благодаря дружнымъ и энергичнымъ успіямъ солдатъ, въ ней была сдѣлана брешь, черезъ которую императорскія войска проникли внутрь зданія Инквизиціи. Здѣсь мы сразу испытали на себѣ, до чего можетъ дойти іезуитская наглость. Главный инквизиторъ и отцы-исповѣдники, въ пышныхъ священныхъ облаченіяхъ, тотчасъ же повыходили изъ своихъ убѣжищъ, какъ только мы проложили дорогу внутрь ихъ гнѣзда. Съ удивленными лицами, скрестивъ руки на груди, они начали спрашивать у всѣхъ: «Что такое случилось?» какъ будто вовсе не слышали шума, грохота и криковъ атаки и обороны. Затѣмъ, обратившись къ своимъ солдатамъ, они съ видомъ упрека говорили имъ: «Зачѣмъ же вы сражаетесь съ нашими друзьями-французами?» Они всачески старались увѣрить насъ, что нисколько не виноваты въ оказанномъ намъ сопротивленіи, надѣясь, конечно, что, увѣривъ насъ въ искренности своей дружбы, они тѣмъ легче воспользуются царившимъ всюду безпорядкомъ и успѣютъ бѣжать. Но они плохо играли свои роли и по-

терпѣли фіаско: къ каждому изъ нихъ была приставлена стража, а всѣ ихъ солдаты взяты въ плѣнъ. Послѣ этого мы приступили къ осмотру и изслѣдованію ихъ адскихъ тюремъ. Мы проходили комнату за комнатой, мы находили множество алтарей, жертвенниковъ, распятій, но мы не открыли ничего, свидѣтельствовавшего о жестокости хозяевъ этого мѣста, не нашли ничего ужаснаго, необыкновеннаго, что ожидали найти во Дворцѣ Инквизиціи. Передъ нашими глазами были только блескъ, красота, роскошь и чрезвычайный порядокъ. Архитектура была поразительна: чудные потолки, изысканные полированные полы изъ мраморныхъ плитъ, словомъ, все, что ни попадалось намъ, способно было только ласкать взоръ, удовлетворять чувству изысканаго. Но гдѣ же тѣ могилы, въ которыхъ, какъ всѣ говорили, было заживо погребено столько людей?

Мы тщетно искали ихъ. Отцы-святители всячески увѣряли насъ, что они несчастныя жертвы людской клеветы и что мы уже все у нихъ осмотрѣли. Я уже готовъ былъ прекратить свои поиски, приходя къ убѣжденію, что всѣ рассказы объ инквизиціи ни на чемъ не основаны. Но полковникъ ди-Лилла и думать не хотѣлъ такъ скоро отказаться отъ своихъ поисковъ, — онъ сказалъ мнѣ:

— Полковникъ! Вы здѣсь главный начальникъ, и все, что вы прикажете мнѣ сдѣлать, я обязанъ исполнить; но, быть можетъ, не откажетесь послѣдовать моему совѣту: прикажите какъ можно тщательно изслѣдовать этотъ полъ изъ мраморныхъ плитъ, поливъ его водою, тогда мы сразу увидимъ, всѣ ли плиты одинаково скрѣплены между собою.

«Я разрѣшилъ ему дѣлать все, что онъ хочетъ, и скоро къ большому неудовольствію инквизиторовъ чудно полированные мраморныя плиты были политы водою; мы стали внимательно слѣдить за всѣми струями, стараясь прослѣдить, не будетъ ли вода гдѣ-нибудь просачиваться. Немного спустя полковникъ ди-Лилла радостно вскрикнулъ: онъ нашелъ то, чего хотѣлъ, — по сторонамъ одной изъ мраморныхъ плитъ вода процѣживалась очень быстро, такъ быстро, что не допускала никакихъ сомнѣній, что внизу была пустота.

«Тогда всѣ съ новою энергіею принялись за работу, кто какъ могъ: офицеры — своими шпагами, солдаты — штыками; всѣ старались поднять плиту, били ее ружейными прикладами, желая раздѣлить ее на части: священники громко протестовали противъ такого святотатства въ ихъ святомъ жилищѣ. Вдругъ одинъ солдатъ случайно ударилъ прикладомъ ружья по какой-то пружинѣ, и плита поднялась сама собою. Лица инквизиторовъ поблѣднѣли и, вѣроятно, были похожи на лицо

Валтасара, когда передъ нимъ явилась чудесная грозная рука. Эти люди, до сихъ поръ наводившіе ужасъ на всѣхъ, теперь сами трепетали всѣми своими членами.

«Заглянувъ подъ поднявшійся камень, мы увидѣли тамъ лѣстницу; тогда я подошелъ къ столу и взялъ одинъ изъ канделябровъ съ горѣвшею на немъ восковою свѣчкою, желая изслѣдовать сдѣланное нами новое открытіе, но меня остановилъ одинъ изъ инквизиторовъ; онъ положилъ мнѣ руку на плечо и мягко съ набожнымъ видомъ сказалъ:

— Сынъ мой, это — священная вещь, и вы не можете касаться ея своими окровавленными руками.

— Напротивъ, — возразить я, — мнѣ именно нуженъ освещенный огонь, чтобы обнаружить скрываемыя преступленія, и отвѣтственность за свой поступокъ я беру лично на себя.

«Я взялъ свѣчу и спустился немного по лѣстницѣ; тутъ ясно было видно, почему вода избрала себѣ такой путь: подъ настилкой изъ мраморныхъ плитъ, снизу былъ хорошо устроенный потолокъ, за исключеніемъ того мѣста въ полу, гдѣ было отверстіе съ опускающею плитою.

«Этимъ успѣхомъ мы были всецѣло обязаны остроумію полковника ди-Лилла. Спустившись по лѣстницѣ, мы очутились въ огромной квадратной комнатѣ, называвшейся «заломъ суда»; по срединѣ его находился большой обрубокъ дерева съ устроеннымъ на немъ сидѣніемъ: это мѣсто предназначалось для обвиняемаго, котораго привязывали къ дереву; нѣсколько въ сторонѣ возвышалось другое сѣдалище: оно называлось «трономъ судьи» и предназначалось для главнаго инквизитора; еще дальше, въ глубинѣ комнаты, находилось нѣсколько менѣе высокихъ мѣстъ — для отцовъ, когда они приходили обсуждать дѣла Святой Инквизиціи.

«Изъ этой залы мы пошли направо и увидѣли множество маленькихъ келій, которыя простирались во всю длину зданія. Но какое зрѣлище представилось тогда передъ нашими глазами!.. До какой степени благодатная религія Спасителя осквернялась богохульствующими людьми, которые сдѣлали изъ нея свою профессію!

«Эти келіи служили камерами одиночнаго заключенія, гдѣ несчастныя жертвы инквизиторской ненависти заточались до тѣхъ поръ, пока смерть не приходила освободить ихъ отъ руки палачей; ихъ трупы оставались здѣсь и разлагались на глазахъ другихъ заключенныхъ, которыми были переполнены эти тюрьмы. А чтобы это не вредило здоровью инквизиторовъ, были устроены трубы достаточно большія для того, чтобы вытягивать вредныя испаренія труповъ.

«Въ однихъ камерахъ мы находили тѣла очевидно недавно умершихъ людей, въ другихъ—только скелеты, пригвожденные цѣпями къ полу и къ потолку; въ иныхъ были еще живыя жертвы всякаго пола и возраста—юношей, дѣвушекъ, дѣтей, шестидесятилѣтнихъ стариковъ; всѣ они не имѣли на себѣ рѣшительно никакой одежды. Наши солдаты тотчасъ же бросились освобождать узниковъ отъ цѣпей; они снимали съ себя одежды, чтобы покрыть наготу этихъ несчастныхъ созданий, которыя горѣли желаніемъ поскорѣе увидѣть дневной свѣтъ.

«Обойдя всѣ эти камеры и отперевъ двери всѣхъ тюремъ для тѣхъ несчастныхъ заключенныхъ, которые были еще живы, мы направились въ другую сторону отъ «залъ суда». Тамъ мы увидѣли всѣ орудія пытки, какія только могъ изобрѣсти злой гений человѣка или дьявола.

«Трудно было бы передать ярость солдатъ при видѣ всего этого. Они неистово требовали мщенія и кричали, чтобы каждый изъ этихъ инквизиторовъ, монаховъ и ихъ служителей былъ подвергнутъ всѣмъ пыткамъ на ихъ же собственныхъ орудіяхъ.

«И напрасны были бы всѣ наши попытки удержать ихъ. Они бросились на священниковъ и подвергли ихъ прежде всѣхъ всѣмъ мукамъ пытки; я видѣлъ дѣйствіе четырехъ различныхъ машинъ, но скоро ушелъ, — дотога было ужасно это зрѣлище.

«Эта страшная расправа продолжалась до тѣхъ поръ, пока наши солдаты не нашли уже никого въ живыхъ, на комъ могли бы излить свою месть».

Любовь Новалиса.

Туманные поэтическіе образы Новалиса и въ свое-то время понимались съ трудомъ, а въ нашъ вѣкъ для большинства прямо необъяснимы. Но въ числѣ другихъ романтически-неясныхъ образовъ и сравненій, у Новалиса есть одно, имѣющее очень жизненную подкладку; съ нимъ связана трогательная и наивная исторія любви. У Новалиса часто встрѣчается «маленькій голубой цвѣтокъ»; такъ называлъ онъ свою невѣсту, слишкомъ рано похищенную смертью. Его земное чувство вполне переродилось въ чистую, платоническую любовь. При этомъ онъ невольно и вполне естественно дотога опозитизировалъ свою невѣсту, что его «голубой цвѣточекъ» едва ли имѣетъ что-либо общее съ Софіей Кюнъ, бывшей въ сущности самой обыкновенной дѣвушкой, даже попросту еще *backfisch*, какъ энергично называютъ этотъ возрастъ нѣмцы. Новалисъ познакомился съ ней еще бу-

дучи студентомъ, во время лѣтнихъ каникулъ. Семья ея жила въ Грюннингенѣ и состояла изъ отца, матери и цѣлой кучи дочерей. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, домъ гостепріимныхъ Кюновъ былъ всегда переполненъ молодежью, и, не смотря на тревожныя времена, тамъ жилось очень весело. Софія было тринадцать лѣтъ, когда Новалисъ поклялся ей въ вѣрности до гроба. Они обмѣнялись кольцами, и Новалисъ усердно началъ свое ухаживанье, что было для него вдвойнѣ пріятно, ибо давалъ ему приличный предлогъ не проводить каникулъ дома. Онъ не ладилъ со своей строго-протестантской семьей; его романтизмъ заставлялъ его предпочитать Лютеру Лойлоту. Въ то же время Новалисъ усердно работалъ, чтобы скорѣе получить дипломъ инженера, чтобы тѣмъ раньше имѣть возможность жениться. Имѣетъ съ тѣмъ онъ не пренебрегалъ и метафизикой и часто говорилъ: «Въ сущности мое любимое занятіе называется такъ же, какъ и моя невѣста: Софія»... Сказать по правдѣ, Софія вовсе не платила Новалису взаимностью. Она была мало развитымъ и плохо одареннымъ ребенкомъ. Ея «дневникъ» до отчаянія безсодержателенъ. «6-го января 1795 года Юсты были здѣсь проездомъ въ Лейпцигъ и Гарденбергъ. (Новалисъ) ихъ проводилъ, а потомъ вернулся. 7-го утромъ. Сегодня Гарденбергъ ухаживалъ утромъ рано верхомъ. 11-го января. Прогулка въ Саксенбергъ. Гарденбергъ былъ съ нами. Я не веселилась». И такъ далѣе въ томъ же родѣ. Новалисъ не успѣлъ, однако, разочароваться въ своемъ «голубомъ цвѣточкѣ». У Софіи открылась какая-то болѣзнь печени, ее перевезли въ Лену для операции, и здѣсь она и умерла, перенося съ геройскимъ терпѣніемъ всѣ мученія. Три дня послѣ ея смерти Новалисъ не показывался никому, и когда, наконецъ, его убѣдили снова начать жить, то онъ отказывался отъ всякихъ утѣшеній, убѣжденный, что не пройдетъ и года, какъ онъ воссоединится со своей возлюбленной. Но годъ прошелъ, и онъ не умеръ, а прежняя страсть перешла въ поэзію. «Моя любовь», — пишетъ онъ, — «обратилась въ пламя, которое мало-по-малу сжигаетъ въ мнѣ все земное». Онъ становится вѣрующимъ ради того только, чтобы вѣрнѣе въ свиданіе за гробомъ со своей Софіей. «(Съ какимъ блаженствомъ я скажу ей: я грезилъ о тебѣ, что я любилъ тебя на землѣ!... Ты умерла, и прошелъ мучительный часъ. А потомъ я постидалъ за тобою»... Новалисъ умеръ въ мартѣ 1801 г. отъ поэтической болѣзни—чахотки. Охъ, увы! уже было помолвлено, но смерть помѣшала ему стать невѣрнымъ его «голубому цвѣточку».

Шекспиръ и его критики.

Въ декабрѣ прошлаго года въ Москвѣ скромно праздновали тридцатилѣтній юбилей учено-литературной дѣятельности профессора Московскаго университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы Н. И. Стороженко. Празднованіе это ознаменовалось, какъ водится, изданіемъ сборника въ честь юбиляра и кромѣ того двухъ томовъ его болѣе или менѣе значительныхъ работъ, раскиданныхъ по разнымъ повременнымъ изданіямъ. Оба тома вышли совершенно независимо одинъ отъ другого, и для насъ лично представляетъ болѣе интересъ тотъ, который носитъ заглавіе «Опыты изученія Шекспира».

Профессоръ Стороженко является, кажется, единственнымъ въ Россіи знаткомъ Шекспира.

За дуги, оказанныя имъ въ изученіи великаго поэта, такъ общепризнаны и важны, что даже сами англичане, не охотно допускающіе въ свою домашнюю жизнь иностранцевъ, уже давно избрали его вице-президентовъ Шекспировскаго общества въ Лондонѣ. Одинъ этотъ фактъ ручается за научную цѣнность работъ профессора. Кромѣ того, всѣ его статьи написаны съ такой простотой и вкусомъ, что не только доступны, но и увлекательны для всякаго интеллигентнаго читателя. Только въ одной изъ нихъ: «Дилеттантизмъ въ Шекспировской критикѣ», гдѣ подвергнута подробному разбору въ свое время много шумѣвшая книга «Чуйко о Шекспирѣ», обнаруживается громадная начитанность профессора и отчетливое знаніе всѣхъ самодѣйствующихъ мелочей, такъ или иначе относящихся до Шекспира.

Изъ одиннадцати статей книги наиболѣе обширными и интересными представляются три, которыя характеризуютъ смѣну воззрѣній критиковъ на Шекспира и показываютъ, какъ подходили комментаторы великаго поэта къ его изученію.

Шекспиръ завоевалъ свою славу далеко не сразу. Не смотря на то, что его

пьесы стали извѣстны на континентѣ еще въ концѣ XVII вѣка, геній его былъ познанъ только черезъ столѣтіе. Вплоть до конца XVIII вѣка, громко именуемаго вѣкомъ просвѣщенія, Шекспира не понимали и не стѣснялись до неузнаваемости передѣлывать его для сцены. Такъ было даже въ самой Англіи; и когда разнеслась вѣсть, что знаменитый артистъ Гарриксъ задумалъ играть Макбета по подлинному тексту Шекспира, не менѣе знаменитый его соперникъ Кинъ съ изумленіемъ воскликнулъ: «Какъ, да развѣ я играю не шекспировскаго Макбета?»

Особенно плохо приходилось Шекспиру во Франціи. Галантерейные французы XVIII вѣка совершенно не могли понять внутреннее значеніе его твореній, и глава французской литературы и руководящій умъ своего времени становился въ тупикъ передъ «его широкимъ, вольнымъ изображеніемъ» характеровъ и открыто называлъ поэта грубымъ пошлякомъ, а перлъ его созданій Гамлета—произведеніемъ фантазіи пьянаго дикаря. Такой приговоръ взятый на прокатъ у Вольтера, былъ подхваченъ всей литературной Европой, и когда пьесы Шекспира проникли въ Германію, онѣ встрѣтили здѣсь лишь враждебное отношеніе нѣмецкихъ поклонниковъ ложнаго классицизма. Имъ, воспитаннымъ на трагедіяхъ Расина, гдѣ выводились цари да герои, величавые и прекрасные, олицетворявшіе собою одну какую-нибудь страсть, дико было смотрѣть, какъ Шекспиръ переносилъ на сцену всего человѣка, со всѣми его страстями и сплосъ и рядомъ совершенно противоположными стремленіями. Особенно возмущало псевдо-классиковъ нарушеніе у него знаменитыхъ трехъ единствъ: мѣста, времени и дѣйствія, завѣщанныхъ драматургамъ Аристотелемъ. Но всякому олицу свое время—и въ концѣ XVIII вѣка Гердеръ смѣло начинаетъ доказывать, что правила греческаго мудреца уже отжили свое время и что у каждаго народа есть

свое пониманіе и вкусъ: что хорошо и естественно у грековъ, то представляетъ натяжку и фальшь въ нѣмецкой жизни. Съ другой стороны начинаетъ громить технику современной драмы и Лессингъ. Въ своей «Гамбургской драматургіи» онъ осязательно доказываетъ, что пресловутое соблюденіе единства не только не создаетъ жизненнаго правдоподобія на сценѣ, но, наоборотъ, разрушаетъ его. Въ жизни никогда не случается такого нагроможденія ¹⁾ столь чрезвычайныхъ событий, какъ въ модныхъ французскихъ драмахъ, а бываетъ именно такъ, какъ изображено у Шекспира.

Гердеръ и Лессингъ, такъ сказать, ввели Шекспира въ нѣмецкую литературу и на всегда водворили его на нѣмецкой сценѣ. Но въ Германіи у Шекспира явился еще болѣе страшный врагъ, чѣмъ французская поверхностность: это нѣмецкое философское мудрствованіе, да еще осложненное политической борьбой первой половины прошлаго вѣка. Въ это бурное время въ политической жизни раздробленной Германіи господствовали большія неурядицы, а въ умственной—свирѣпствовала гегелевская философія. Съ точки зрѣнія Гегеля, художественное произведеніе есть не созданіе ума и творческой художественной фантазіи автора, а результатъ проявленія какой-то внутренней, не зависящей отъ человѣка силы, которая, проявляясь въ дѣйствіяхъ отдѣльных лицъ, создаетъ исторію и мало-по-малу наводитъ человѣка на познаніе его истиннаго духа. Это ученіе о такъ называемомъ абсолютѣ. Вотъ съ точки зрѣнія этого абсолюта и отнеслись къ Шекспиру его нѣмецкіе комментаторы и критики. Въмѣсто того, чтобы непосредственно воспринимать поэтическій духъ, которымъ влѣтъ отъ твореній поэта, они принялись искать у него внутренняго, сокровеннаго смысла. По ихъ толкованію выходитъ, что драма Шекспира есть не отраженіе жизни, а воплощеніе въ лицахъ какой-нибудь возвышенной отвѣченной мысли, въ родѣ любви къ отечеству, обязанности передъ государствомъ и т. п.

Поступки и дѣйствія персонажей драмы объясняются этими лукавымудрствующими теоретиками не ихъ настроеніемъ и естественнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а желаніемъ самого поэта пояснить зрителямъ и читателямъ его основную сокровенную мысль.

Нечего и говорить, что съ такимъ негоднымъ для искусства мѣриломъ, нѣмецкая критика очень скоро пришла къ ряду негѣдностей и натяжекъ, отъ которыхъ не свободенъ даже лучший толкователь Шекспира—Гервингъ.

Философская критика довела дѣло до того, что шекспировскія творенія стали

представляться какъ бы висящими въ воздухѣ, безъ всякой связи съ эпохой и родиной автора. Самъ Шекспиръ, вмѣсто человѣка своей расы и времени, сталъ превращаться въ какого-то полубога поэзіи. О его жизни и культурной обстановкѣ его среды критики не хотѣли ничего знать, а въ его твореніяхъ видѣли уже лучшее средство для изученія политики.

Естественно, что такое крайнее возрѣніе вызвало отпоръ, и Шекспира стали сводить на землю. Начало новой критической школы положить Рюмелингъ, который въ своей книгѣ: «Шекспиръ дѣйствительности» сталъ судить о поэтѣ съ точки зрѣнія историческаго момента, обративъ вниманіе на то, что Шекспиръ не получилъ правильнаго образованія, что онъ былъ бѣдный актеръ, искавшій по обычаю времени покровительства сильныхъ при дворѣ Елизаветы вельможъ. Рюмелингъ пришелъ къ заключенію, что Шекспиръ былъ не болѣе, какъ необразованный грубый комедіантъ, которому были чужды высокія идеи и стремленія; по мнѣнію комментатора, Шекспиръ писалъ свои пьесы въ угоду иногда толпѣ, иногда придворнымъ меценатамъ съ весьма прозаическимъ расчетомъ зашибить деньги.

Произведенное Рюмелиномъ опроверженіе Шекспира дало пышный плодъ къ концу вѣка, и на почвѣ его книги возникла такъ называемая Бэконіанская ересь. Если Шекспиръ не болѣе, какъ лишенный всякаго образованія актеръ-комедіантъ, то какимъ образомъ его неразвитой и небогатый умъ могъ создать такіа удивительныя по глубинѣ мысли и разносторонности творенія? Правда ли ужъ, что всѣ эти вещи написаны Шекспиромъ, а не кѣмъ-либо инымъ болѣе ученымъ, и только ошибочно приписаны Шекспиру? Вотъ вопросы, которые стали волновать шекспировскую критику конца вѣка. Сумасбродная мысль о псевдо-Шекспирѣ возникла первоначально въ Америкѣ. Еще въ 1855 г. нѣкая миссъ Делія Бэконъ, женщина ученая, по крайне экзальтированная, додумалась до мысли, что авторомъ драмъ, ложно приписываемыхъ Шекспиру, былъ не самъ дѣлѣ не кто иной, какъ ея однофамилецъ, знаменитый Елизаветинскій канцлеръ лордъ Бэконъ. Мало того, изучая письма канцлера, миссъ Бэконъ пришла къ увѣренности, что въ могилѣ Шекспира скрываются документы, которые могутъ пролить свѣтъ на отношенія обоихъ этихъ лицъ и опредѣленно рѣшить вопросъ, кого же, наконецъ, признавать за настоящаго автора драмъ. Съ цѣлью открыть эти документы, она переплыла океанъ и поселилась въ родномъ городѣ Шекспира (Страдфордѣ, пока, наконецъ, не улучила удобную минуту, чтобы попытаться приподнять могильную плиту надъ Шекспиромъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что

1) Въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ.

миссъ Бэконъ сошла съ ума и угодила въ больницу для умалишенныхъ. Съ легкой руки бѣдной психопатки, то и дѣло стали появляться и отдѣльныя статьи и даже цѣлыя ученые трактаты все съ тою же цѣлью доказать, что Шекспиръ былъ только актеръ, а драматургомъ надо считать Бэкона, который, по своему высокому положенію, не могъ выступить открыто въ качествѣ театральнаго писателя, а прятался въ этомъ случаѣ за спину преданнаго ему актера. Но всѣ такія попытки не имѣли и не имѣютъ за собою сколько-нибудь прочныхъ основаній и построены болѣею частью на натяжкахъ и на очень отдаленномъ сходствѣ какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ и въ общихъ идеяхъ полгитика-философа и актера-драматурга. У Шекспира въ «Периклѣ» есть, напримѣръ, одно мѣсто, гдѣ говорится о страшномъ голодѣ въ Тарсѣ, когда матери готовы были съѣсть собственныхъ дѣтей. Г-жа Поттъ, другая страстная пропагандистка бэконовской теоріи, ничто же сумняшеся, считаетъ это мѣсто тождественнымъ съ замѣткой въ записной книжкѣ Бэкона, гдѣ записана французская поговорка, смыслъ которой можно передать словами: привычка сильнѣе природы.

Въ 1884 году пронесся слухъ, что американскому адвокату Донелли удалось разгадать шифръ Бэкона, который не оставляетъ на этотъ разъ сомнѣнія, кому принадлежать заподозрѣнные драмы. Изучая старинныя изданія Шекспира, Донелли убѣдился, что авторъ скрывалъ свою мысль подъ отдѣльными словами, напечатанными курсивомъ. Если слова эти соединить, то получаются, дѣйствительно, связныя фразы, имѣющія смыслъ. Но въ отпоръ Донелли одинъ англійскій критикъ, примѣнивъ его приемъ къ романамъ Диккенса, доказалъ, что авторомъ ихъ былъ не Диккенсъ, а Гладстонъ.

Не далѣе, какъ 6 лѣтъ тому назадъ, и въ Германіи явилась работа нѣкоего Бормана, плѣнившагося идеями бэконіанцевъ. Въ ней авторъ или притворяется непонимающимъ дѣла или вслѣдствіе ослѣпленія предвзятой мыслью видитъ все въ ложномъ свѣтѣ.

Вотъ примѣръ такого поразительнаго заблужденія. Въ 1623 году два товарища Шекспира по сценѣ издали его произведенія и по обычаю того времени посвятили его лордамъ Пемброку и Монгмери, льстиво расхваливая ихъ въ предисловіи, какъ своихъ милостивцевъ и покровителей. Приемъ въ то время обычный. А между тѣмъ Борманъ увѣряетъ, что это предисловіе писалъ самъ Бэконъ, который-де заискивалъ въ двухъ названныхъ лордахъ!

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ неосновательны и безпочвенны всѣ притязанія бэконіанцевъ.

По мнѣнію нашего шекспиролога, бэконіанская ересь должна быть окончательно сдана въ архивъ и въ его глазахъ представляется, какъ выражается Полоній въ «Гамлетѣ», «безуміемъ, но безуміемъ методическимъ».

Итакъ, ни отвлеченная философская критика, ни реальное пониманіе Шекспира, ни воззрѣнія бэконіанцевъ не приводятъ насъ къ разумнѣнью творчества Шекспира. Какъ же, однако, приступать къ его изученію? На этотъ вопросъ профессоръ отвѣчаетъ разборомъ знаменитой трагедіи «Макбетъ» и тонкимъ анализомъ происхожденія и видоизмѣненіемъ типа одного изъ наиболее популярныхъ Шекспировскихъ героевъ Фальстафа. По мнѣнію маститаго юбилера, мы никогда не откроемъ тайну генія и никогда не будемъ знать, чѣмъ именно и какъ именно возбуждается духъ геніальнаго человѣка. Все, что мы въ состояніи сдѣлать, это опредѣлить внѣшніе приемы его творчества и путемъ тщательнаго разбора созданій его фантазіи углубить и осмыслить наши художественныя впечатлѣнія. Въ своемъ разборѣ «Макбета» профессоръ ясно показываетъ, какъ Шекспиръ распорядился матеріаломъ, почерпнутымъ имъ въ сухой и блѣдной хроникѣ Голиншеда. Руководимый поразительной силой воображенія и удивительнымъ чутьемъ правдоподобія, великій поэтъ иногда выбрасывалъ цѣлые эпизоды, а иногда на основаніи двухъ-трехъ строкъ хроники создавалъ такіе цѣльные характеры, какъ, на примѣръ, леди Макбетъ.

Съ другой стороны, сравненіе Фальстафа съ родственными ему типами, затронутыми въ дошекспировской литературѣ, показываетъ, какъ поэтъ, такъ сказать, осложнялъ нравственную личность своихъ героевъ. У него человѣкъ никогда не бываетъ представителемъ какой-либо одной страсти, одного чувства. Наоборотъ, въ его душѣ, рядомъ съ преобладающимъ влеченіемъ, уживаются множество другихъ, иногда прямо противоположныхъ. Словомъ, въ душѣ шекспировскихъ персонажей дѣлается то же, что происходитъ и въ душѣ настоящаго чувствующаго и мыслящаго человѣка. Оттого герои Шекспира такъ жизненны и такъ трудны для воплощенія на сценѣ.

Замѣчательно, что, выясняя характеръ крупнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ драмъ, профессоръ Стороженко обращается за помощью не только къ ученымъ знатокамъ Шекспировскаго творчества, но и къ геніальнымъ артистамъ, исполнявшимъ роли въ его трагедіяхъ и драмахъ. Въ книгѣ приведены отзывы объ игрѣ такихъ артистовъ, какъ Гарриксъ, Кинъ, Сиддонсъ и Ристори.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Гравёръ красивыхъ женщинъ.

Фредерикъ Ведморъ, впервые познакомившій Англію съ гравюрами и пастелями Гелё, закончилъ свою книгу «Гравированіе въ Англіи» главою о произведеніяхъ французскаго гравера съ тремя иллюстраціями, которыя все еще характерны, хотя съ тѣхъ поръ Гелё создалъ гравюры, превосходящія, съ точки зрѣнія интереса и удачности, иллюстраціи въ книгѣ Ведмора.

Глава эта начинается нѣсколькими интересными общими замѣчаніями о сухомъ рѣзцѣ, которымъ такъ превосходно владѣетъ Гелё. Мѣдь, по словамъ Ведмора, на которой мастера гравированія могутъ иногда въ продолженіе одного часа воспроизвести свою послѣднюю идею, только-что полученное изъ внѣшняго міра впечатлѣніе, подобно страницамъ альбома художника, и знакомить съ тѣмъ, что его болѣе всего поразило. Относительно работъ Гелё такое замѣчаніе вполне уместно. Онѣ составляютъ какъ бы квинтэссенцію даннаго впечатлѣнія: позы, взгляда, поворота головы, движенія кисти, жеста, изгиба тѣла, которые продолжаютъ одинъ только моментъ и затѣмъ смѣняются другими. Глазъ его—это объективъ камеры, тотчасъ же передающій на фотографическую пластинку то, что онъ видитъ; но при этомъ не все, что видитъ, а только существенное.

Въ абрисѣ того, что художникъ считаетъ существеннымъ въ сюжетѣ, обнаруживается его характеръ и темпераментъ, даже тогда, когда онъ, сознавая предѣлы доступнаго для него, ограничиваетъ свой выборъ.

Всѣми хорошими художниками, при выборѣ сюжета, болѣе руководить особенность ихъ техники, нежели впечатлѣніе. Ни у одного, пожалуй, гравера не кажется это столь очевиднымъ, какъ у Гелё, сухой рѣзецъ котораго какъ будто идетъ слѣдомъ за всѣми инцидентами повседневной жизни утонченной домашней обстановки, къ которой онъ относится симпатично.

Нѣтъ сюжета болѣе эфемернаго, болѣе переменчиваго, чѣмъ красивая женщина, и Гелё наслаждается, увѣковѣчивая своимъ искуснымъ, тонкимъ рѣзцомъ женщину со всею ея свѣжестью молодости и утонченною, характерною красотою. Его штрихи свободны и быстры, между тѣмъ какъ художникъ, избравшій своимъ сюжетомъ, напримѣръ, деревенскій видъ, который не измѣняется цѣлый день, или же каждый день въ одно и то же время одинаковъ, можетъ работать медленно и съ большими подробностями. Впечатлительный темпераментъ Гелё и его художественная техника были причиною того, что онъ такъ вѣчно предавался изобра-

женію женщинъ и дѣтей въ изысканной обстановкѣ.

Вся прелесть гравюръ Гелѣ заключается въ томъ, что онѣ сдѣланы крайне, насколько возможно, малымъ числомъ линій; при чемъ, однако же, каждая представляетъ собою итогъ сотни линій. Если можно употребить парадоксальное выраженіе «періодъ одного мгновенія», то его можно примѣнить къ каждой линіи въ гравюрахъ и пастеляхъ Гелѣ. Такимъ образомъ очевидно, что Гелѣ далеко не «портретистъ», въ общепринятомъ значеніи этого слова. Въ каждой линіи, въ каждомъ сюжетѣ проглядываетъ индивидуальность артиста вмѣстѣ съ искуснымъ мастерствомъ.

Тиссо, извѣстный авторъ знаменитыхъ картинъ изъ «Жизни Христа», первый пробудилъ въ Гелѣ желаніе поработать рѣзцомъ. Тиссо, какъ граверъ, почти не извѣстенъ настоящему поколѣнію, но онъ былъ «бойкій, а иногда и изящный повѣствователь современной жизни, изображавшій ее гравировальною иглою». Это-то современную жизнь въ утонченной и изысканной обстановкѣ, выраженную въ единичной фигурѣ красивой женщины или ребенка, Гелѣ изображаетъ съ изумительною экономіею средствъ, которая и отмѣчаетъ его, какъ одного изъ величайшихъ мастеровъ техники и гравировки. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ Тиссо, про котораго можно сказать, что тотъ имѣлъ долю участія въ образованіи мастера болѣе тонкаго, поэта несравненно болѣе чуткаго, чѣмъ онъ самъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ Нью-Йоркѣ была устроена выставка гравюръ и пастелей Гелѣ, Кеппель составилъ коротенькую брошюру о художникѣ и его методѣ. Эта брошюра была раскуплена, и теперь ея нѣтъ въ продажѣ. Въ ней Кеппель утверждаетъ, что, пожалуй, только на одно изъ семидесяти-восьми лицъ, изображенныхъ блестящимъ и восхитительнымъ граверомъ, потребовалось болѣе одного сеанса, какъ со стороны модели, такъ и артиста. Достаточно было одного или двухъ часовъ усердной работы для исполненія каждого прелестнаго, мастерскаго произведенія. Въ одинъ или два часа дама, выбранная Гелѣ, видѣла себя перенесенною на мѣдную доску со всеми аксессуарами, желательными для обозначенія ея среды, въ обстановкѣ, указывавшей на ея положеніе въ жизни. То же самое имѣло мѣсто и при изображеніи ребенка.

Между всѣми работами Гелѣ найдется не болѣе трехъ-четырехъ мужскихъ портретовъ. По выраженію Эдмонда Гонкура—гравюры Гелѣ—*les instantanés de la gâche de la femme* (моментальные снимки женской прелести) или утонченной дѣтской граціи.

Въ искусствѣ Гелѣ есть какая-то бойкость. Онъ никогда не беретъ за портреты женщинъ почтеннаго возраста, какъ это дѣлалъ Рембрандтъ или Уистлеръ, выгравировавшій портретъ своей матери. Въ его работѣ все заключается въ движеніи, дѣлаемомъ или только-что сдѣланномъ. Его сюжеты обладаютъ безусловною естественною свободою, полнымъ отсутствіемъ самоинтѣна хоршо воспитанныхъ людей, что производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Осмотрѣвъ его гравюры, вы чувствуете, что «находились въ интимномъ сообществѣ очаровательныхъ людей, которые совершенно естественно поворачивались, ходили, протягивались, улыбались, становились вдругъ серьезными, одѣвались, вопросительно подымали глаза, отряхали длинные волосы на плечахъ».

Когда Гелѣ выставилъ свои работы въ Англіи, Гонкуръ написалъ, въ видѣ предисловія къ каталогу, слѣдующее прелестное письмо:

«Дорогой Гелѣ, вы дѣлаете мнѣ честь просить меня, чтобы я въ краткихъ словахъ представить вашу работу англійской публикѣ.

«Дѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, хотя не скрываю отъ себя трудности достойно говорить о вашихъ гравюрахъ, столь нѣжныхъ и вмѣстѣ столь вызывающихъ представленіе о колоритѣ; о гравюрахъ, въ которыхъ каждый штрихъ изобличаетъ въ васъ художника.

«Ваша работа вдохновлена милой моделью, наполняющей всѣ ваши творенія своимъ тонкимъ изяществомъ. Эта работа нѣчто въ родѣ монографіи о женщинѣ во всѣхъ безконечно разнообразныхъ положеніяхъ ея въ интимной домашней жизни. Мы видимъ ее спящею и тѣниво прислонившею голову къ спинкѣ кресла; или стоящею на коѣняхъ передъ горящимъ каминомъ, при чемъ ея хорошенькое личико обращено къ доскѣ на каминѣ, такъ что виденъ граціозный изгибъ всего ея тѣла; или сидящею въ раздуміи, держа рукою ногу, положенную на коѣню; или читающею, при чемъ прядь волосъ спустилась ей на щеку, востренькій носикъ принялъ вопросительное выраженіе, а ротикъ полуоткрытъ, точно она радостно объясняетъ себѣ то, что читаетъ; или же спящею, съ потонувшею въ подушкѣ головою;— линіи ея плечъ сильно обрисованы, профиль весь исчезъ, за исключеніемъ хорошенькаго носика, а глаза закрыты темными загнутыми рѣсницами.

«Такъ изображена дама у себя дома. Когда же она выходитъ, мы снова видимъ ее на чудной гравюрѣ: «Женщина, стоящая передъ рисунками Ватто въ Луврѣ». Опираясь одною рукою на зонтикъ, она граціозно нагибается, чтобы любоваться этими тремя безсмертными рисунками коллекціи Имекюръ.

«По истинѣ я не могу дать этимъ гравюрамъ иного названія, какъ «Лучи женской граціи».

«Вѣрьте мнѣ, мой милый Гелѣ
Эдмондъ де-Гонкуръ».

Гелѣ, граверъ красивыхъ женщинъ и дѣтей,—высокій, стройный, красивый брюнетъ лѣтъ около сорока. Онъ очень смуглый, и типъ его настолько восточный, что, когда его закадычный другъ Саржентъ рисовалъ свой фризъ еврейскихъ пророковъ для Бостонской бібліотеки, то для пророка Малахиіи ему служилъ натурщикомъ его другъ, и портретъ вышелъ превосходный.

Гелѣ—типичный парижскій артистъ во многихъ отношеніяхъ; но въ одномъ онъ отличается отъ многихъ изъ нихъ. Онъ находитъ главное свое счастье въ обществѣ своей красавицы жены и дѣтей. Изъ всѣхъ парижскихъ художниковъ онъ самый болѣе домашній, а потому одинъ изъ самыхъ счастливыхъ. Онъ очень разборчивъ въ выборѣ своихъ моделей, и ничто не въ состояніи заставить его сдѣлать портретъ дамы, которая, по его мнѣнію, некрасива. Вслѣдствіе его репутаціи хорошаго семьянина, многія дамы изъ высшаго общества, особенно англійскія аристократки, охотно позируютъ для Гелѣ, и результатомъ является обыкновенно восхитительный портретъ, который онъ называетъ «Mademoiselle X» или «Madame Y». Дама вознаграждена тѣмъ, что получаетъ великолѣпно сдѣланный свой портретъ, но никто, за исключеніемъ самого художника и тѣхъ, кто можетъ узнать ее, не получаетъ ключа для того, чтобы угадать, кто служилъ моделью для портрета. Гелѣ, сдѣлавшій портреты дочери герцогини Манчестерской и молодой герцогини Мальборо, восторгается изысканностью и граціею молодой американской герцогини и тѣмъ, какъ она въ совершенствѣ говоритъ по-французски.

Гелѣ получилъ прекрасное образованіе какъ художникъ, но только, послѣ очень удачно пройденнаго курса въ Ecole des Beaux Arts, благодаря счастливому случаю, онъ обратилъ вниманіе на гравированіе сухимъ рѣзцомъ (онъ никогда не пользуется офортами на своихъ мѣдныхъ доскахъ). Онъ увидѣлъ одного изъ своихъ пріятелей,—художника Тиссо, за работою надъ сухою пластинкою и воспламенился желаніемъ самому попробовать. Успѣхъ его работы оказался настолько очевиднымъ, что Тиссо научилъ его всему, что самъ зналъ въ дѣлѣ сухого гравированія.

Онъ также подарилъ Гелѣ алмазъ, вѣдланный въ ручку, и, при помощи этого инструмента, сдѣланы всѣ гравюры Гелѣ. Онъ смотритъ на этотъ удачный подарокъ Тиссо, какъ на porte bonheur или «mascotte». Въ каждомъ его платьѣ сдѣ-

ланъ глубокій и очень узкій карманъ для этого счастливаго маленькаго орудія, и Гелѣ говоритъ, что, если бы онъ его потерялъ, то уже никогда больше не взялъ бы въ руки другого.

Употребленіе алмазнаго рѣзца, вмѣсто обыкновеннаго стальнаго, придаетъ гравюрамъ Гелѣ особенный отпечатокъ и особенную прелесть. Стальнымъ рѣзцомъ онъ никогда не могъ бы произвести тѣ свободные штрихи, которые такъ характеризуютъ и индивидуализируютъ его работу.

Хотя Гелѣ живетъ великолѣпно, имѣя на то средства, однако же онъ только въ одномъ отношеніи расточителенъ. Онъ уничтожаетъ свои чудныя доски послѣ

Въ раздумьи.

того, какъ онѣ дали отъ шести до десяти и не болѣе двадцати отпечатковъ и когда онѣ далеко еще не истерты. Объясняя эту расточительность, онъ говоритъ: «я не хочу, чтобы гравюры моей работы опшлывались». Нѣкоторыя его гравюры служатъ предметомъ такого восхищенія, что онѣ могли бы выдержатъ большое изданіе и все было бы распродано. Но, къ несчастью для остальныхъ, немногіе счастливы, успѣвшіе получить съ полдюжины отпечатковъ, которыми взыскательный художникъ ограничиваетъ размѣръ изданія,—послѣ чего появляются зловѣщія слова: «Planche détruite», —единственные люди, имѣющіе возможность наслаждаться обладаніемъ этихъ восхитительныхъ произведеній.

Гелё родился въ Ваннѣ въ 1859 году отъ отца бретанца и матери парижанки, обоимъ обладавшихъ художественнымъ вкусомъ и нѣкоторымъ талантомъ въ рисованіи. Съ отцовскою стороны, онъ потомокъ де-Киню, одного изъ самыхъ жестокихъ дѣйствующихъ лицъ революціи, о которомъ Андрэ Шенье такъ упоминаетъ въ одной неоконченной поэмѣ о Вевыишемъ:

«Твой глазъ, видящій всѣ предметы, не превращая ихъ въ пепелъ, проникаетъ въ тюремныя кельи, гдѣ Кутанье и де-Киню, наклонившись надъ тѣлами, грызутъ человѣческія кости».

Не удивительно ли, что внукъ ужаснаго де-Киню работаетъ надъ своими гравюрами въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великій Андрэ писалъ свои послѣдніе стихи?

Гелё былъ плохимъ ученикомъ въ пансіонѣ, гдѣ онъ, вмѣсто приготовленія уроковъ, дѣлалъ эскизы. Говорятъ, что Галланъ, знавшій Гелё съ этого періода, любовался его первыми рисунками, изъ которыхъ многіе достались ему въ собственность и могутъ когда-нибудь снова появиться на свѣтѣ. Онъ любитъ читать, и выборъ его изблѣчаетъ тонкій вкусъ: онъ наслаждается Бальзакомъ, цитируетъ Монтескье и любитъ Ренана «Молитву, произнесенную мною на Акрополѣ, когда я понялъ его совершенную красоту».

Только въ 1893 году этотъ молодой художникъ появляется въ «Journal» Гюнкера, который до тѣхъ поръ какъ-будто игнорировалъ его. Гюнкеръ записалъ: «Тиссо привелъ Гелё ко мнѣ; онъ задумалъ сдѣлать съ меня гравюру». Позднѣе: «... Художникъ Гелё, съ лихорадочными глазами, озабоченнымъ выраженіемъ и съ кожей и волосами, черными, какъ воронъ».

Въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ данъ живой портретъ въ сущности довольно правдивый. Недостаетъ въ немъ описанія черной бороды «à la François d'Assise», которая фигурируетъ замѣчательно похоже подъ матроской шапкой въ эскизѣ Саржента, гдѣ Гелё изображенъ рисующимъ, сидя на днѣ лодочки рядомъ со своею престелною молодою женою.

Кромѣ того, существуетъ его портретъ на единственной въ своемъ родѣ, драгоценной фаянсовой тарелкѣ, на которой керамистъ Болдини воспроизвелъ позу своего друга, какъ онъ въ свою очередь занятъ гравированіемъ на пластинѣ тонкаго профиля знаменитой красавицы.

Гюнкеръ пишетъ: «Во время работы, нагнувшись надъ мѣдной пластинкою, красные отблески которой отразились на его лицѣ, онъ признавался мнѣ въ своей любви къ bibelots, къ скульптурнымъ деревяннымъ издѣліямъ восемнадцатаго

вѣка и заявлялъ, что для той гравюры, надъ которой онъ въ то время работалъ, проданной за двѣ тысячи франковъ всего, онъ только-что купилъ рамку за полторы тысячи франковъ».

О цѣлой серіи гравюръ, сюжетомъ которыхъ служатъ Версаль, Мирбо замѣчаетъ: «Смотря на бассейнъ съ его темнѣющей бронзовою водою, окруженный деревьями съ розоватою и свѣтло-желтою листвою, и анализируя, какъ передана эта вода, вы приходите въ восхищеніе отъ добросовѣстности и глубины этого страстнаго художника... А маленький мраморный сатиръ, играющій на флейтѣ, между тѣмъ какъ буря вырываетъ деревья и сухіе листья вьются вокругъ него,—что за прелестная идея, какая грація простоты! Такого человѣка нельзя не любить, настолько онъ глубоко человѣченъ».

Художникъ-отецъ уловилъ всю серьезную прелесть младенчества, подсмотрѣлъ и изобразилъ ее: маленькій художникъ,—толстый шалунишка въ розовомъ бархатномъ костюмѣ,—пробующій срисовать клубокъ шелка; дѣвочка, напѣтывающая что-то на ухо своей деревянной лошади, или та, что втыкаетъ въ парикъ своей куклы бриллиантовый гребень, или же прелестнѣйшій малютка, украдкою цѣлующій голую руку молодой дѣвушки.

Парижанки Гелё, всѣ безъ исключенія, отличаются изысканною и неподражаемою утонченностью. По ихъ туалету, предпочтительно скромному, если и не очень темному, можно подумать, что это англичанки, одѣтыя въ rue de la Paix, или французенки, одѣтыя въ Лондонѣ. Какая-то, такъ сказать, элегантная уравновѣшенность, ничего яркаго и рѣзкаго, побуждаетъ многихъ молодыхъ женщинъ, обладающихъ вкусомъ, самимъ такъ наряжаться, въ гостины или на улицѣ, безсознательно превращаясь такимъ образомъ въ модель для Гелё. «Не дальше какъ вчера»,—пишетъ одинъ изъ его друзей,—«я видѣлъ послѣднюю его модель—молодую американку, задумчиво хорошенькую, стройную, высокую и изящную. Извѣстная общность вкусовъ, то, что я бы назвала тактичностью судьбы, опредѣлила встрѣчу художника съ его моделью».

— Что вы желаете, чтобы я сказалъ о васъ, Гелё,—спросилъ графъ Робертъ де-Монтескью по поводу статьи, которую готовилъ этотъ критикъ.

— Скажите,—отвѣтилъ Гелё,—что въ Ecole des Beaux-Arts, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, я одинъ любилъ Манэ и Монэ, а потому шестьдесятъ моихъ товарищей рычали мнѣ вслѣдъ. Теперь они всѣ рисуютъ лиловою краской... а я—нѣтъ! Скажите также, скажите особенно, какое великое значеніе имѣла для меня передъ моимъ дебютомъ, да и всегда по-

Въ ожиданіи.

томъ дружба,—неизмѣнная, непоколебленная, глубокая, какъ чувство отца, милая, какъ любовь старшаго брата, одного изъ первыхъ художниковъ того времени, талантъ котораго вы цѣните, Джона Сарджента, написавшаго портретъ madame

Gautheneau,—шедевръ, чуть ли не заставившій его покинуть нашу страну подъ ударомъ отталкивающаго непониманія. Скажите, какъ много я ему обязанъ! Скажите, какъ глубока моя къ нему благодарность!»

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

При абсолютномъ нулѣ.

Абсолютный нуль температуры, то-есть полное отсутствіе вліянія тепловой энергіи на матеріальныя частицы, по нѣкоторымъ теоретическимъ соображеніямъ, лежитъ на 272 градусѣ Цельсія ниже точки замерзанія воды. Имѣя понятіе только о матеріи, частички которой вибрируютъ подъ вліяніемъ тепла, мы не можемъ себѣ представить, каковы будутъ ея свойства, когда эта вибрація окончательно прекратится. А переменна должна быть громадная, такъ какъ даже при тѣхъ, сравнительно незначительныхъ, колебаніяхъ температуры, которыя сама природа даетъ намъ случай наблюдать, матерія, на нашихъ глазахъ, до неузнаваемости измѣняется по своимъ химическимъ и физическимъ свойствамъ. Развѣ ледъ, по этимъ свойствамъ, похожъ сколько-нибудь на пары воды? А между тѣмъ оба эти вещества отличаются другъ отъ друга только энергіей совершающихся въ нихъ тепловыхъ колебаній.

Немудрено, поэтому, что физики и химики въ высшей степени интересуются такимъ состояніемъ матеріи, при которомъ въ ней колебанія эти совсѣмъ прекращаются.

Какъ достигнѣ, однако жъ, абсолютнаго нуля температуры? Лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ объ этомъ и думать не приходилось, такъ какъ, владѣя средствами поднимать температуру почти безгранично, мы не могли понизить ее далѣе какихъ-нибудь 80°.

Разработка методовъ охлажденія принята была учеными главнымъ образомъ съ цѣлью получить въ жидкомъ и твердомъ видѣ тѣ вещества, которыя прежде считались «постоянными газами».

Зная, что кипѣніе жидкостей, то-есть превращеніе ихъ въ газы, зависитъ не

только отъ температуры, но и отъ давленія, ученые, не имѣвшіе возможности понижать далѣе извѣстныхъ предѣловъ первую, повышали послѣднее.

Такимъ образомъ Фарэдэй и Дэви, въ 1823 году, получили въ жидкомъ видѣ хлоръ, а затѣмъ сѣрнистую, хлористоводородную и угольную кислоты. Съ теченіемъ времени, благодаря стараніямъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, а также Тилорье, Митчелля, Наттерера и другихъ, почти всѣ газы были превращены въ жидкость, за исключеніемъ азотнаго, окиси азота, окиси углерода, азота и водорода.

Экспериментируя надъ послѣдними, Эндрьюсъ подвергалъ ихъ сначала давленію въ 500 атмосферъ (четыре тонны на квадратный дюймъ), а затѣмъ въ 2.700 (двадцать одна тонна на дюймъ) при 80° С. безъ всякаго замѣтнаго результата. Тогда пришлось убѣдиться въ справедливости предположенія, высказаннаго еще Каньярь-де-ла-Туромъ, относительно того, что для каждаго вещества существуетъ такъ называемая «критическая температура», при которой оно становится газомъ, не смотря ни на какое давленіе. Оставивъ работы о повышеніи послѣдняго, ученые занялись разработкой методовъ пониженія первой.

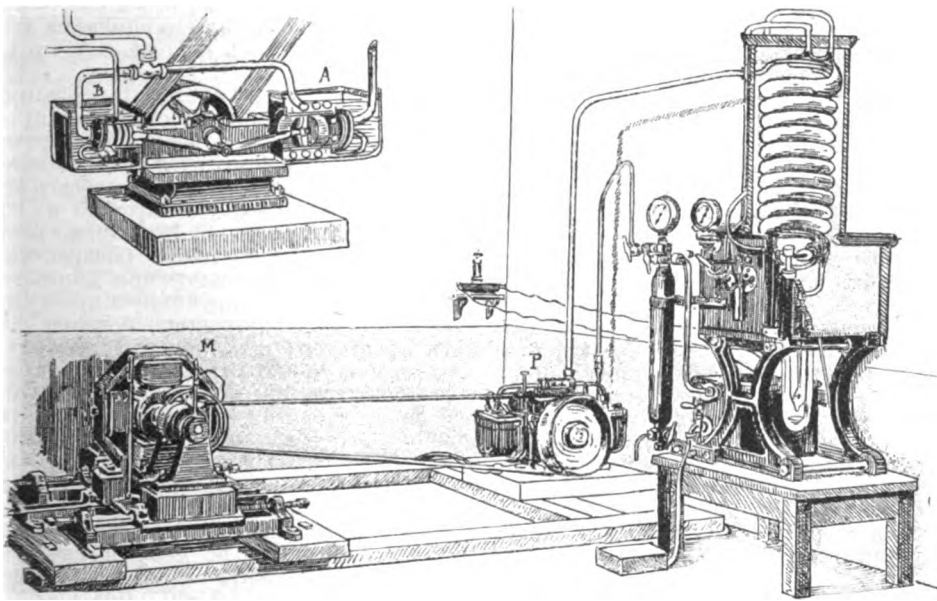
Главными дѣятелями на этомъ поприщѣ являются: Пиктэ—въ Женеvѣ, Кальетэ—въ Парижѣ, Врублевскій и Ольшевскій—въ Краковѣ, Линде, Хемпсонъ и, наконецъ, Дьюаръ.

Сначала низкая температура получалась, какъ извѣстно, съ помощью охлаждающихъ смѣсей, изъ коихъ простѣйшею является смѣсь льда съ поваренной солью. Но такія смѣси не могли понизить температуры больше чѣмъ на 80° ниже нуля (смѣсь твердой угольной кислоты съ

эиромъ); поэтому пришлось прибѣгнуть къ охлажденію при помощи испаренія превращенныхъ въ жидкость газовъ — сѣрнистой и угольной кислоты. При помощи этого метода въ совокупности съ мгновеннымъ уменьшеніемъ давленія (при чемъ мгновенное расшнрение сжатеннаго газа заставляетъ часть его превратиться въ жидкость) Никто удалось получить въ жидкомъ видѣ кислородъ, а затѣмъ другіе послѣдователи превратили въ жидкость болотный газъ, окиси углерода и азота, а, наконецъ, и самый азотъ. Только одинъ водородъ до 1898 года противостоялъ еще всякимъ попыткамъ превратить его въ жидкость.

этотъ змѣвикъ, при чемъ температура все болѣе и болѣе понижается, такъ что послѣднія порціи нагнетаемаго газа становятся жидкими, притомъ такъ быстро, что черезъ шесть минутъ дѣйствія нагнетательнаго насоса атмосферный воздухъ безъ всякаго искусственнаго охлажденія превращается въ жидкость.

Къ этому же методу прибѣгъ проф. Дьюаръ для сгущенія водорода и гелія—веществъ, наиболѣе упрямо остающихся въ газообразномъ состояніи. Но водородъ не сразу подчинился самоохлажденію, такъ какъ онъ, повидимому, при температурахъ, близкихъ къ нулю представляетъ исключеніе изъ закона Джауля и Томсона—не

Машина Линде для полученія жидкаго воздуха. М—электромоторъ, приводящій въ движеніе насосъ Р, который накачиваетъ воздухъ въ змѣвики. А и В—подробности устройства насосовъ.

Въ маѣ 1898 года, членъ лондонскаго королевскаго института, проф. Дьюаръ (Dewar) успѣлъ достичь этой цѣли, не прибѣгая даже къ особенно сильному искусственному охлажденію и давленію, а положившись на однолишь охлажденіе естественное, которымъ, по закону, открытому Джаулемъ и Томсономъ, сопровождается всякое внезапное расшнрение сжатыхъ газовъ.

Первый, воспользовавшійся этимъ свойствомъ газовъ, былъ Вильямъ Хемпсонъ, заморозившій атмосферный воздухъ, позволяя ему расшнриться послѣ сильнаго сжатія. По словамъ самого изобрѣтателя, методъ его состоитъ въ томъ, чтобы направлять струю сжатого въ змѣвикѣ газа сквозь маленькія отверстія на самый же

охлаждается при расшнреніи, а даже нѣсколько нагрѣвается. Профессору Дьюару пришлось сначала охладить его искусственно. Для этой цѣли змѣвикъ со сжатымъ водородомъ былъ послѣдовательно пропущенъ сначала черезъ смѣсь твердой угольной кислоты со спиртомъ, затѣмъ—черезъ жидкій воздухъ, находящійся при атмосферномъ давленіи, и, наконецъ,—черезъ тотъ же воздухъ, кипящій въ пустомъ пространствѣ. Вся эта процедура понизила температуру сжатого водорода до -205° . Только тогда самоохлажденіе по способу Хемпсона достигло -237° и оказалось способнымъ превратить водородъ въ жидкость.

Теперь Дьюаръ получаетъ жидкій водородъ въ количествахъ вполне достаточ-

ныхъ для опытовъ съ очень низкими температурами и, давая ему кипѣть въ пустомъ пространствѣ (при чемъ температура понижается до -258°), успѣть даже получить тотъ же водородъ въ твердомъ видѣ.

Хранить такой водородъ оказывается, однако же, очень хитро. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ тѣлахъ, повидимому, происходитъ постоянная борьба между силой сцѣпленія, стремящейся сблизить частички тѣла, и тепловыми колебаніями, стремящимися отдалить ихъ другъ отъ друга. Если преобладаетъ первая, то тѣло остается въ твердомъ видѣ; если преобладаютъ вторыя, то оно обращается въ газъ, а при равновѣсіи обѣихъ—является жидкостью. Сила сцѣпленія присуща самой матеріи, постоянна и неизмѣнна; тепловая же энергія получается извнѣ, можетъ быть накапливаема и теряема. Поэтому, если бы можно было предохранить матерію отъ поступленія тепловой энергіи и способствовать быстрой потерѣ этой энергіи, то сила сцѣпленія повсюду получила бы преобладаніе, и всѣ тѣла были бы абсолютно холодными и абсолютно твердыми. Наоборотъ, если бы можно было облегчить накопленіе въ тѣлахъ тепловой энергіи и помѣшать ей потерѣ, то всѣ они превратились бы въ газъ. Будь у насъ какое-нибудь вещество, дозволяющее теплу проникнуть сквозь него только въ одну сторону, то мы могли бы замораживать водородъ и испарять платину безъ всякихъ охлаждающихъ или нагревающихъ аппаратовъ, однимъ только завертываніемъ въ это вещество, обращенное наружу тою или другою своей стороной. При постоянно одинаковой работѣ силы сцѣпленія, тепловая энергія или накаплилась бы въ завернутомъ тѣлѣ или уходила бы изъ него.

Такого вещества у насъ, однако же, нѣтъ, а потому ни одинъ газъ хотя бы предварительно замороженный, не можетъ быть долго сохраняемъ въ твердомъ состояніи—тепловая энергія проникнетъ въ него сквозь стѣнки всякаго сосуда, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ разница между его температурой и температурой окружающей обстановки больше.

Желая уменьшить насколько возможно это прониканіе, ученые давно уже стараются изобрѣсти средство, затрудняющее переходъ тепловой энергіи въ какую бы то ни было сторону. Въ общежитіи, для того, чтобы предохранить себя отъ потери тепла, мы надѣваемъ шубы, то-есть одежды, сшитыя изъ плохихъ проводниковъ тепла—шерстяныхъ тканей и мѣховъ. А въ жаркихъ странахъ тѣ же ткани употребляются для того, чтобы предохранить себя отъ солнечныхъ лучей, то есть отъ излишняго нагреванія. Ученые до настоящаго времени поступали такъ же. Предметы, которые надлежало предохра-

нить отъ колебаній температуры, они окружали плохими проводниками тепла—стѣпкомъ, войлокомъ, ватой, мѣхами и проч. При сравнительно небольшой разницѣ между температурою предохраняемаго предмета и окружающей среды, этой предосторожности оказывалось достаточно, но при разницѣ въ 270 градусовъ (температура атмосфернаго воздуха -15° , а температура твердаго водорода -258°) никакіе войлоки и мѣха не помогутъ. Не поможетъ даже и охлаждающая смѣсь, если ею окружить сосудъ съ водородомъ, потому что разница между температурами все-таки будетъ равняться ($180^{\circ}-258^{\circ}$ и -80°).

Для того чтобы помочь горю, профес. Дьюаръ изобрѣлъ приборъ, въ которомъ твердые и жидкіе газы сохраняются гораздо долѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ.

Приборъ этотъ состоитъ изъ стекляннаго сосуда съ двойными стѣнками, пространство между которыми абсолютно пусто (Торричеллиева пустота). Стекло, какъ извѣстно, представляетъ собою плохой проводникъ тепла, а пустота и совсѣмъ его не проводитъ. Но помимо прямого прикосновенія, тепло распространяется еще и путемъ излученія. Для того, чтобы помѣшать ему проникнуть въ сосудъ этимъ путемъ, внутренняя поверхность стѣнокъ пустого пространства дѣлается зеркальною, то-есть отражающей всякаго рода лучистую энергію. Задуманный на основаніи теоретическихъ соображеній, приборъ этотъ вполне оправдалъ возложенныя на него надежды: водородъ въ немъ сохраняется въ тридцать разъ дольше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ помѣщеніи, а жидкій воздухъ даже безконечно, особенно если сосудъ сдѣлать двойнымъ и окружить его охлаждающей смѣсью.

Благодаря прибору Дьюара, такимъ образомъ, опыты надъ матеріей, частички которой находятся въ абсолютномъ покоѣ, стали возможными, при чемъ до настоящаго времени они успѣли привести къ слѣдующимъ результатамъ.

Электропроводимость чистыхъ металловъ, при пониженіи температуры, такъ быстро увеличивается, что при абсолютномъ нулѣ, надо думать, металлы совсѣмъ перестаютъ оказывать сопротивленіе гальваническому току. Изъ этого можно было бы заключить, пожалуй, что тепловая вибрація матеріальныхъ частичекъ мѣшаетъ вибраціи электрической, если бы всѣ тѣла при охлажденіи относились къ электричеству такъ же, какъ металлы, но на дѣлѣ этого нѣтъ. Электропроводимость металлическихъ сплавовъ, напримѣръ, при охлажденіи не мѣняется, а электропроводимость угля даже сильно падаетъ. Съ объясненіемъ этихъ фактовъ приходится, стало быть, подождать до тѣхъ поръ,

пока дальнѣйшіе опыты не снабдят насъ новыми данными.

Еще болѣе необъяснимыми оказываются магнитныя явленія при низкихъ температурахъ. Начать съ того, что разные наблюдатели получили противорѣчивые результаты при изслѣдованіи этихъ явленій. Въ общемъ, однако жъ, по мнѣнію профессора Дьюара, сила магнита, охлажденнаго до температуры жидкаго воздуха, послѣ ряда первоначальныхъ колебаній постепенно возрастаетъ. Нѣкоторые вещества, не обладающія магнитной силою при обыкновенной температурѣ, будучи охлаждены, начинаютъ проявлять ее. Къ числу такихъ веществъ принадлежитъ, между прочимъ, кислородъ. Если охладить жидкій воздухъ почти до замерзанія, то кислородъ можетъ быть удаленъ изъ него магнитомъ, такъ что въ остаткѣ получится одинъ азотъ, въ видѣ желеобразной массы. Все это не поддается объясненію, конечно.

Немногимъ яснѣе для насъ оказываются и свѣтотѣныя явленія въ сильно охлажденныхъ тѣлахъ. Во-первыхъ, многія изъ этихъ тѣлъ при охлажденіи до 180° теряютъ свой первоначальный цвѣтъ: красныя становятся желтыми, а желтыя—бѣлыми. Во-вторыхъ, большинство органическихъ веществъ—желатина, целлюлоза, парафинъ, слоновая кость, рогъ, резина, алкоголь, глицеринъ, бумага, кожа, губка, черепаха, льняныя ткани, будучи освѣщены электричествомъ, начинаютъ фосфоресцировать, при этомъ охлажденіи, синеватымъ или зеленоватымъ свѣтомъ, иногда очень сильнымъ. Чистая вода фосфоресцируетъ слабо, а грязная горитъ чрезвычайно ярко. Наоборотъ, матѣйшій слѣдъ примѣси, въ особенности іода, совсемъ уничтожаетъ свѣченіе алкоголя. Вообще цвѣтные предметы фосфоресцируютъ слабѣе безцвѣтныхъ: яичный желтокъ—слабѣе бѣлка. Молоко фосфоресцируетъ гораздо сильнѣе воды, а бѣлые цвѣты и скорлупа яйца горятъ яркимъ свѣтомъ. Но самыми замѣчательными въ этомъ отношеніи веществами, по словамъ профессора Дьюара, являются платиноцианиды и кетонныя соединенія. Будучи охлаждены до 180° и затѣмъ постепенно согрѣваясь, они горятъ и свѣтятъ, какъ лампа. Какъ объяснить всѣ эти явленія? Перемена цвѣта при охлажденіи еще можетъ быть объяснена уменьшеніемъ поглощающей способности въ тѣлѣ, которое сталъ болѣе компактнымъ (недаромъ такое тѣло начинаетъ отражать все болѣе и болѣе лучей, входящихъ въ составъ бѣлаго цвѣта) или даже прямо отсутствіемъ интерференціи между волнами тѣла и свѣта. Но что сказать о фосфоресценціи? Профессоръ Дьюаръ полагаетъ, что она зависитъ отъ свѣтового колебанія частичекъ, ставшаго возможнымъ по прекращеніи колебаній тепловыхъ, но та-

кое объясненіе только еще болѣе запутывается вопросомъ.

Менѣе загадочными являются другіе результаты сильнаго охлажденія различныхъ тѣлъ, напримѣръ, увеличеніе ихъ твердости, силы сцепленія и уменьшеніе, почти полное исчезновеніе химической активности.

Сопротивленіе желѣзной проволоки излому, напримѣръ, почти удваивается при температурѣ 180°. Спираль изъ свинцовой проволоки, которая, при обыкновенной температурѣ, можетъ быть выпрямлена въсомъ въ одинъ унцъ, при охлажденіи до 182° выдерживаетъ не выпрямляясь въсѣ въ два фунта и выбрируетъ при этомъ какъ стальная. Свинцовый колокольчикъ, при такомъ охлажденіи, даетъ ясный звукъ. Желѣзные, свинцовые и оловянные шары, будучи брошены съ высоты, начинаютъ подскакивать значительно сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, и проч.

Что касается химической дѣятельности, то при температурѣ жидкаго водорода (237°) почти никакія химическія реакціи не имѣютъ мѣста, чего и слѣдовало ожидать въ виду невозможности близкаго соприкосновенія между атомами различныхъ тѣлъ, слишкѣмъ крѣпко держащимися, въ каждомъ изъ этихъ тѣлъ, другъ за друга.

Съ жидкими газами, однако же, удалось произвести нѣсколько весьма эффектныхъ химическихъ опытовъ. Такъ, Ольшевскій сжимаетъ въ жидкомъ кислородѣ куски дерева и желѣза, при чемъ они горѣли яркимъ пламенемъ. А у Дьюара струя газообразнаго водорода горѣла въ жидкомъ кислородѣ, давая въ результатъ, конечно, воду, которая тутъ же поднималась вверхъ въ видѣ снѣга. Газъ, горящій въ жидкости и дающій снѣговой дымъ!

Вообще состояніе матеріи при низкихъ температурахъ представляетъ собою далеко еще не исчерпанное поле для изслѣдованій. Всѣ извѣстные газы теперь уже превращены въ жидкость, но абсолютный нуль температуры, при которомъ тепловыя vibraціи совершенно прекращаются, все еще не достигнутъ. Нуль этотъ, какъ выше сказано, лежитъ на 272° ниже точки замерзанія воды. Жидкій водородъ, кипящій въ пустомъ пространствѣ, даетъ 258°. До нуля недостаетъ только 14°. Это очень немного, но въдѣ и Нансенъ немного не дохалъ до сѣвернаго полюса. Рано или поздно человѣкъ достигнетъ, разумѣется, обихъ этихъ цѣлей, но какими путями—теперь этого даже и предвидѣть невозможно.

Что же, однако, можемъ мы надѣяться встрѣтить при абсолютномъ нулѣ температуры на этомъ сѣверномъ полюсѣ физиковъ? Положительнаго отвѣта на такой вопросъ не можетъ быть, конечно, но съ болѣе или менѣе степенью вѣроят-

ности можно предсказать, что при 272° всѣ тѣла будутъ твердыми; что плотность ихъ достигнетъ максимума; что всякая химическая работа прекратится, и всѣ химическія соединенія останутся неизмѣнными; что, напротивъ, физическія качества тѣлъ, ихъ цвѣтъ, кристаллическое строеніе и проч. измѣнятся до неузнаваемости.

Что касается предположеній метафизическихъ, такъ сказать, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, то, что при нулѣ температуры исчезнетъ даже сила сцепленія и всѣ тѣла превратятся въ мельчайшую, атомическую пыль, оказались, очевидно, невѣрными, но зато другія не могутъ быть окончательно отвергнуты.

Кто знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, не приобрететъ ли, или, лучше сказать, не выкажетъ ли какихъ-нибудь новыхъ, совершенно намъ неизвѣстныхъ свойствъ матерія, вполне успокоившаяся отъ тепловыхъ вибрацій? Можетъ быть, она дѣйствительно приметъ не твердый, не жидкій, не газообразный, а какой-нибудь совсѣмъ намъ незнакомый видъ? Можетъ быть, она проявитъ себя чѣмъ-нибудь, чѣмъ при обыкновенной температурѣ никогда не проявляла. Недаромъ она уже при 180° даетъ необычныя свѣтотѣныя и магнитныя явленія.

Одно только можно сказать съ полнотой, что она не исчезнетъ, какъ нѣкоторые предполагали.

Изъ научныхъ новостей.

Чистая наука. — Роль микробовъ въ образованіи каменнаго угля. — Температура внутри земли. — Качающаяся скала. — Золото въ растеніяхъ. — Пшеница изъ египетскихъ пирамидъ. — Высота полета птицъ. — Вредна ли ворона для земледѣлія? — Древне-римскія чернила. — Реставрація старыхъ картинъ.

Всѣми истинными культуры благами цивилизаціи, житейскими благами мы обязаны чистой наукѣ, плоды которой непрерывно зрѣютъ въ тишинѣ кабинетовъ ученыхъ и ихъ лабораторій. Нельзя поручиться ни за какое самое отвлеченное, повидимому, открытіе, имѣющее чисто теоретическій интересъ или кажущееся на первыхъ порахъ любопытною забавою, что оно со временемъ не станетъ основой какого-либо практическаго предприятия, не перейдетъ въ дополненное или немного измѣненное видѣ въ житейскій обиходъ. Исторія науки, исторія культуры насчитываютъ уже не мало такихъ примѣровъ утилизациі отвлеченной работы мозга разсчетливою индустріей. Отвлеченные дифференціалы и интегралы помогли людямъ возводить удивительныя постройки изъ желѣза, перекрывать рѣки мостами, заливать улицы яркимъ свѣтомъ электричества. И чистая наука приноситъ крупныя плоды при святомъ служеніи ей, безкорыстномъ отношеніи къ ней. Дѣло практиковъ — воспользоваться ея плодами; ученый трудится въ области науки ради науки, какъ истинные величайшіе мастера кисти, прославленные исторіей, отдавались живописи ради искусства. Только такое отношеніе къ чистой наукѣ можетъ обезпечить ея ростъ, обуславливающий успѣхи и науки прикладной, ибо при такомъ отношеніи возможно всестороннее изслѣдованіе того или иного вопроса; корыстью же предметъ разсматривается только съ одной, очень узкой, стороны, которая именно можетъ и

не оправдать стяжательныхъ вожделѣній, «Не знаешь — гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь», и житейская выгода сама открывается, торжникамъ же не мѣсто въ храмѣ.

Высокая роль чистой науки, ея вліяніе на прогрессъ цивилизаціи поняты и оценены такимъ практичнымъ народомъ, какъ американцы. Сребряя милліарды, они щедро дарятъ науку первоклассными учрежденіями, обсерваторіями, лабораторіями, университетами, библіотеками; они холятъ и воспитываютъ ее какъ нѣжнаго, любимого ребенка, составляющаго ихъ гордость и озаряющаго лучезарнымъ взоромъ своихъ невинныхъ глазъ сѣрые дѣловые будни, посвященные машинной суетолокѣ и наколачиванію долларовъ. Истиннымъ выразителемъ такихъ взглядовъ явился американскій профессоръ Ниферъ, который въ своей рѣчи въ заведеніи Академіи наукъ Сентъ-Луи сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Если исторія послѣдняго вѣка чему-нибудь и учитъ насъ — такъ это практической или коммерческой цѣнности изслѣдованій чистой науки. Это изъ трудовъ такого рода непосредственно происходятъ всѣ великіе успѣхи. И если когда-нибудь народъ забудетъ источники, изъ котораго вытекаютъ эти великія дѣла, и позволитъ инженеру вытѣснить ученаго, этотъ народъ направится по пути къ цивилизаціи китайцевъ»...

* * *

Науки по мѣрѣ своего развитія поддерживаютъ другъ друга взаимными займами фактовъ и выводовъ. Съ нѣкоторой

парадоксальностью можно даже сказать, что наука, какъ и государство, тѣмъ болѣе богата, чѣмъ болѣе задожена. Особенно геологія, прогрессируя въ послѣдніе полвѣка, сдѣлала много займовъ у зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, химіи, астрономіи и т. д. Нужно полагать, что ея такія спекуляціи были удачны, и она стала богатой, ибо она щедро платитъ своимъ благодѣтельницамъ и ссужаетъ въ свою очередь другія группы наукъ, какъ гидрологію, горнопромышленность, агрокультуру и т. п. Недавно новый заемъ обогатилъ геологическую исторію минеральнаго топлива, — особенно каменнаго угля, — одною изъ внушительныхъ и интереснѣйшихъ главъ, — новою главою преимущественно химическаго и микробиологическаго характера.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большіи успѣхъ встрѣтила теорія Файо о геологическомъ образованіи каменноугольныхъ бассейновъ. Эта теорія, основанная на опытахъ образованія осадочныхъ породъ, позволила автору доказать, что каменноугольные бассейны наполнялись притокомъ проточной воды, изливавшейся въ озера и глубокія устья рѣкъ. За этимъ геологическимъ этапомъ слѣдуетъ палеонтологическій, изслѣдованный многими учеными, въ томъ числѣ Рено и Бертраномъ, которые опредѣлили растительные элементы, входящіе въ составъ каждаго ископаемаго топлива и придающие ему особенный характеръ.

Въ послѣдніе годы Рено особенно освѣтитъ замѣчательную роль микробовъ въ образованіи минеральнаго топлива. Безпрерывно работая онъ надъ этимъ вопросомъ болѣе двадцати лѣтъ и недавно закончилъ свой капитальный научный трудъ по этому предмету. Не легкая эта задача — найти ископаемыхъ (!) микробовъ, существовавшихъ въ геологическія времена — за миліоны лѣтъ до насъ, тѣ микроскопически мельчайшіе организмы безъ кожи, безъ костей, которые, перерабатывая растительныя вещества, дали намъ каменный уголь, антрацитъ и другое подобное топливо. Изученіе микробовъ и въ живомъ видѣ представляетъ столько трудностей! Какіе гигантскіе лѣса, сколько растений, сколько животныхъ, какая богатая флора и фауна исчезли безвозвратно послѣ геологической эпохи, и вотъ теперь современному ученому предстоитъ задача доискаться слѣдовъ микроорганизмовъ, дѣйствовавшихъ въ той первобытной природѣ! Техника такого изслѣдованія проста, хотя и трудна. Берутъ маленькіе кусочки угля, въ которыхъ чутье наблюдателя угадываетъ присутствіе батальоновъ бактерій, и obtачиваютъ ихъ на наждачномъ точильномъ камнѣ такимъ образомъ, чтобы получились безконечно тонкія и, слѣдовательно, прозрачныя пластинки. Эти

пластинки изслѣдуются подъ микроскопомъ, гдѣ можно изучать мельчайшія детали ихъ строенія. На нихъ среди растительныхъ остатковъ замѣчаются маленькія круглыя или яйцевидныя тѣла: это — микробы, какъ на это указываютъ ихъ четкообразное расположение мѣстами и другія особенности, извѣстныя по даннымъ микробиологіи. Неопытный глазъ ничего этого не замѣтитъ, и необходимъ долгій практическій навыкъ для того, чтобы видѣть невидимое въ микроскопѣ.

Извѣстно, что лигнитомъ или бурымъ углемъ называется ископаемый уголь, ясно обнаруживающій свое растительное происхождение древесной черной массой, хорошо сохранившимися сѣменами и т. п. Изученіе микробовъ, нѣкогда жившихъ въ этихъ деревьяхъ, приводитъ къ заключенію, что лигниты образовались въ неглубокихъ, болотистыхъ, стоячихъ водахъ; при этомъ же, рядомъ съ ними найдены остатки инфузорій (впервые въ ископаемомъ видѣ), которые уже не оставляютъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Въ основномъ веществѣ лигнитовъ бактеріи находятся въ пазилліи, но ихъ ничтожный діаметръ (около четырехъ десятитысячныхъ частей милліметра) дѣлаетъ ихъ крайне трудно замѣтными, хотя онѣ все-таки гораздо болѣе явственны, чѣмъ многіе иные растительные остатки.

Изъ изслѣдованій Рено выходитъ, что слѣдуетъ оставить принятую до сихъ поръ вездѣ гипотезу вытеканія смолы въ разлагающихся растенияхъ — для объясненія образованія каменнаго угля. Его доводы основываются на отсутствіи слѣдовъ смолы снаружи или въ самихъ остаткахъ, на невозможности ихъ пропитыванія, если бы они были влажными, и на отсутствіи доказательствъ тепловыхъ процессовъ въ сосѣднихъ горныхъ породахъ. Угольные галыки, встрѣчаемыя въ самомъ углѣ, показываютъ, что для образованія его не требовалось очень значительнаго времени, разъ онъ достигъ извѣстной степени св. его состава, если бы даже причины перестали дѣйствовать; онъ не могъ бы продолжати развиваться, даже если бы позже появились первоначальныя причины; разъ каменный уголь достаточно укрытъ и защищенъ отъ вліянія воздуха — его составъ остается прежній. Такое же замѣчаніе по отношенію къ лигнитамъ показываетъ, что это ископаемое топливо не произошло отъ каменнаго угля не потому, чтобы время для его превращенія было недостаточнымъ, но потому, что вначалѣ условія среды и организмовъ, опредѣляющихъ его развитіе, были иными. Рено допускаетъ двѣ явственныхъ фазы въ образованіи каменнаго угля: первая заключается въ себѣ химическія реакціи

которые привели растительное вещество въ состояние каменнаго угля или антрацита; вторая содержитъ причины, обуславливающія появленіе нынѣшнихъ физическихъ свойствъ минеральнаго топлива. Эти свойства должны быть приписаны сжатію и постепенному высушиванію въ пронизываемой средѣ. Что касается химическихъ реакцій, то слѣдуетъ отнести ихъ происхожденіе къ присутствію микробовъ, разсѣянныхъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ угляхъ.

Существованіе прибрежныхъ каменноугольныхъ болотъ,—т. е., вблизи центровъ каменноугольныхъ отложеній, представляется весьма вѣроятнымъ при микроскопическомъ изслѣдованіи минеральнаго топлива. Однако, изъ этого не слѣдовало бы заключать о полномъ сходствѣ болотъ древнихъ съ новыми, ибо растенія въ тѣхъ и другихъ не одинаковы, и микробы въ каменноугольныхъ болотахъ кажутся болѣе разнообразными. Эти приморскія болота, колебеліи каменнаго угля, эти неглубокіе пруды были разсѣяны въ областяхъ многочисленныхъ дельтъ, въ устьяхъ рѣкъ и рѣчекъ, воды которыхъ наносили значительно больше отложеній, чѣмъ въ наши дни. Берега были низки и влажны, теплая и насыщенная парами атмосфера способствовала необычайно могучей растительности съ быстрымъ ростомъ покрывать все пространство и питать торфяные болота и пруды. Подвергнутыя въ массахъ воды незначительной глубины продолжительному вымачиванію, мертвыя растенія мало-по-малу разлагались; одни совершенно исчезали, другія, захваченныя микробами, частью сохранялись; растительные органы сохраняли короткое время свою форму почти въ прежнихъ размѣрахъ, вполнѣ утрачивая значительную часть своихъ составныхъ элементовъ. Въ этихъ условіяхъ тѣ дельты, въ которыхъ происходили медленныя и послѣдовательныя осѣданія и возвышенія почвы, могли покрыться наслоеніями каменнаго угля и глины и сохранить мѣстами нѣкоторое количество водяныхъ растеній, болѣе или менѣе цѣлыхъ и укоренившихся. Въ другихъ болѣе многочисленныхъ, случаяхъ дельты, оставаясь неподвижными, были болѣе или менѣе размыты, очищены въ половодья, а пруды, лагуны, трясины частью освобождались въ каждое наводненіе отъ собравшихъ въ нихъ растеній уже на различныхъ ступеняхъ трансформаций. Сложныя условія среды; континентальныя и прибрежныя болота, давшія въ древнія эпохи угли аналогичныя углямъ русскимъ или каменнымъ; значительныя измѣненія климата, какія совершались съ теченіемъ лѣтовъ и обуславливали глубокія измѣненія въ растительности и въ мірѣ микробовъ,—вотъ, по мнѣнію Рено, главныя причины различій

преобразованія растеній въ различные виды ископаемаго топлива. Ходъ явленія—точно такой же, какой наблюдается въ наше время въ торфяникахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, результатомъ работы бактерій является исчезновеніе водорода и кислорода угля, такъ что остается лишь углеродъ, болѣе или менѣе нечистый.

Вліяніе микробовъ, размножавшихся въ каменноугольныхъ болотахъ, выражалось броженіемъ, частичнымъ разложеніемъ растеній и, по послѣднему анализу, утратой ими водорода и кислорода и прогрессивнымъ обогащеніемъ углеродомъ растительныхъ веществъ, скопившихся подъ водой. Эта фаза даетъ возможность понять процессъ превращенія растеній въ каменный уголь, лигнитъ ит. п.—процессъ, который до сихъ поръ не могли объяснить. Нельзя ли сравнить такое микробное броженіе геологическихъ періодовъ съ тѣмъ, какое изслѣдуется теперь?—Можно ли,—спрашиваетъ Лембергъ,—сравнивать производство спирта съ образованіемъ каменнаго угля и находить въ этомъ послѣднемъ процессѣ, исполненномъ силами природы,—съ фазами вымачиванія, жизни аэробныхъ и анаэробныхъ микробовъ, выдѣленіями газа и, наконецъ, обогащеніемъ главныхъ веществъ углеродомъ,—явленія, воспроизводимыя ежедневно въ промышленности? И Лембергъ находитъ полную аналогію между тѣмъ и другимъ.

Перенесемся мыслью въ каменноугольную эпоху и представимъ себѣ скопленіе растеній, напоенныхъ растительнымъ сокомъ, сваленныхъ надѣ воднаго бассейна. Благодаря особымъ климатическимъ условіямъ, въ эту эпоху не было времени года, и эта растительная масса, конечно, содержитъ въ себѣ въ изобиліи плоды и сѣмена въ состояніи зрѣлости и, слѣдовательно, діастазы, или растворимые ферменты. Продолжительность растительной жизни, обнаруживаемая изученіемъ той флоры, постоянство температуры въ тепломъ и влажномъ воздухѣ достаточно объясняютъ обиліе ферментовъ, или бродительныхъ началъ, всѣхъ сортовъ и ихъ равномерное распределеніе въ массахъ сваленныхъ въ беспорядкѣ растеній. Въ подобной средѣ, слегка подкисленной, дѣйствіе ферментовъ на растительную клѣтчатку должно было быть очень энергичнымъ; оно превратило ее въ студень, привело растенія въ состояніе слизи. Этотъ періодъ превращенія можетъ быть названъ періодомъ вымачиванія. Такія условія были въ высшей степени благоприятны для развитія живыхъ ферментовъ. Въ началѣ скопленія растительной массы дѣйствіе этихъ ферментовъ продолжалось благодаря содержащемуся въ водѣ воздуху, и они вели тогда, слѣдовательно, аэробное существованіе, но воз-

духъ, насыщавшій воду, унесенный съ собою растеніями, не замедлить исчезнуть совсѣмъ или замѣститься углекислою. Среда, лишенная воздуха, стала анаэробной. Живые ферменты, т. е. микробы, размножившіеся въ массѣ, были вынуждены для успѣшной борьбы съ удушьемъ жить на счетъ растительной кѣтчатки, которая сдѣлалась усвояемою благодаря діастазамъ. Дѣйствіе ихъ въ концѣ концовъ разложило гидраты углерода на углекислый и рудничный газы, частью выдѣлившіеся или собравшіеся въ нѣкоторыхъ пунктахъ и въ углеводородныхъ соединеніяхъ. Это броженіе привело къ обогащенію массы углеродомъ и къ потерѣ ея кислорода и водорода. Итакъ, конечнымъ результатомъ явился водоуглеродный продуктъ, изъ котораго долженъ быть образоваться каменный уголь. Позже существованіе микробовъ стало само по себѣ невозможнымъ въ слѣдствіе обилія углеродистыхъ соединеній. Среда сдѣлалась, такъ сказать, антисептической, и тогда броженіе прекратилось. Чѣмъ болѣе выдѣлялся газъ при броженіи, тѣмъ болѣе обогащалось ископаемое топливо углеродомъ. Пропорція этого элемента въ нѣкоторыхъ каменныхъ угляхъ достигаетъ своей наибольшей величины—до 95 процентовъ. Если родъ растеній игралъ значительную роль въ составѣ ископаемаго топлива, то и дѣйствіе ферментовъ было одинаково важнымъ; равнодѣйствующая этихъ двухъ условій привела къ разнообразію ископаемаго топлива въ видѣ торфовъ, лигнитовъ, каменнаго угля, антрацита.

Замѣчаютъ ли въ производствѣ спирта тѣ же различныя фазы эволюціи растительныхъ веществъ при образованіи каменнаго угля, о какихъ мы только-что говорили? По мнѣнію Лемьера, на этотъ вопросъ смѣло можно отвѣчать утвердительно. Содержащіе крахмалъ вещества, употребляемые какъ основные продукты при производствѣ спирта, соответствуютъ наиболѣе измѣняемымъ при образованіи каменнаго угля частямъ растеній. И въ томъ и въ другомъ случаяхъ процессъ начинается прежде всего съ обработки главныхъ веществъ,—т. е. съ вымачиванія. Діастазъ, или растворимый ферментъ, превращающій ихъ въ глюкозу, есть ячменный или крахмальный діастазъ. Въ перерабатываемомъ веществѣ живой ферментъ, или пивные дрожжи, дѣйствуетъ сначала въ средѣ на воздухѣ (аэробное броженіе), а затѣмъ—въ анаэробной средѣ; онъ дѣйствуетъ на глюкозу и превращаетъ его въ спиртъ и угольную кислоту. Броженіе останавливается, когда уже нѣтъ болѣе глюкозы, когда обиліе алкоголя сдѣлало среду антисептической. Такимъ образомъ выясняется въ главныхъ чертахъ параллелизмъ, столь интересная аналогія, успѣшно проведенная Лемье-

ромъ, между образованіемъ каменнаго угля и производствомъ спирта.

Наука быстро прогрессируетъ. Еще сравнительно недавно не поддѣржали существованія микробовъ, а теперь уже раскрыта ихъ замѣчательная роль въ образованіи минеральнаго топлива за тысячи вѣковъ до насъ. Съ того момента, какъ растенія скрылись подъ водой, ни одинъ внѣшній агентъ не вмѣшивался въ ихъ превращеніе въ минеральное топливо, ибо они принесли съ собою въ ихъ скопленія необходимые элементы для такого превращенія—растворимые ферменты и ферменты живые. Съ истощеніемъ діастазовъ и гибелью микробовъ каждое приготовленное ими минеральное топливо пришло въ абсолютно неизмѣняемое состояніе. Торфъ вѣчно останется торфомъ, лигниты не превратятся въ каменный уголь, каменный уголь не превратится въ антрацитъ. Подъ влияніемъ ферментовъ,—заключаетъ проф. Глазко свое изложеніе теоріи Лемьера, приведенное нами здѣсь,—изъ растительнаго состоянія скопленія растеній перешло въ состояніе минераловъ. Время совершило свою работу и впредь не проявитъ никакого дѣйствія въ этихъ складахъ.

Въ то время какъ метеорологическіе аэростаты и воздушные змѣи успѣшно зондируютъ воздухъ съ цѣлью изученія температуры, барометрическаго давленія и другихъ элементовъ погоды въ верхнихъ слояхъ газовой оболочки нашей планеты и приносятъ оттуда свѣдѣнія о теплѣ, и холодѣ, и вѣтрѣ,—наука устремляетъ свой пылчивый взоръ внизъ, въ нѣдра Земного Шара и измѣряетъ тамъ температуру. При Британской научной ассоціаціи образована особая коммисія для изслѣдованія измѣненій температуры на послѣдовательныхъ глубинахъ земли. Коммисія опубликовала данныя по этому вопросу, полученные въ шахтѣ въ Парн-здравицѣ, около Ратибора, въ Верхней Силезіи. Общая глубина колодца равняется 2.003,34 метрамъ, діаметръ возрастаетъ съ 0,062 метра до 0,069 метра; въ верхней половинѣ колодца вставлена чугунная труба. Наблюденія температуры производились въ пунктахъ черезъ каждые 31 метръ при посредствѣ ртутныхъ термометровъ. Кривая температуры поднимается довольно плавно, и среднее увеличеніе тепла равно 1 градусу по термометру Цельсія на каждые 31,0 метромъ глубины. Сомнительнымъ является только показаніе температуры на 6 метрахъ глубины, гдѣ отмѣчено 12° Cels., тогда какъ по докладу коммисіи тамъ не должно быть болѣе 8°. Въ общемъ же результатъ термометрическихъ наблюденій въ Парн-здравицѣ почти совпадаетъ съ выводомъ изъ наблюденій въ колодцѣ Шладебаха

(недалеко отъ перваго), имѣющаго глубину на 256 метровъ меньше.

* * *

Загадочный геологическій куріозъ представляетъ качающаяся скала около Буэнос-Айреса, въ Аргентинской республикѣ, называемая туземцами: Piedra epobediza. Съ правильною маятника цѣлые вѣка качается тамъ массивнѣйшая каменная глыба, вѣсящая около 21½ тысячъ пудовъ. Правда, эти колебанія почти незамѣтны, но если помѣстить очень близко отъ точки опоры хрупкій предметъ, напримѣръ, бутылку, то колоссальная масса своими систематическими качаніями скоро ее раздавитъ. Предполагаютъ, что это качаніе обусловливается неравномернымъ расширеніемъ камня подъ влияніемъ солнечнаго нагрѣванія.

* * *

Средневѣковые алхимики добивались найти средство дѣлать золото; современная наука искусными руками химіи находитъ золото чуть не вездѣ: и въ морской водѣ въ видѣ химическихъ солей, и въ мельничныхъ жерновахъ, и, наконецъ, уже въ растеніяхъ. Не смотря на то, что золото, какъ оказывается, разсыпано вокругъ насъ, человѣчество, однако, не перестаетъ нуждаться въ немъ, добывая тяжельмъ трудомъ драгоцѣнный металлъ въ глубокихъ рудникахъ изъ золотоносныхъ жилъ, слѣдуя указаніямъ геологівъ, а не химіи. Химическое добываніе золота, разсыпаннаго мельчайшими песчинками въ природѣ, ужасно дорого стоитъ: чтобы добыть такимъ путемъ одинъ граммъ золота (22½ доли), нужно затратить 10.000 франковъ, т. е. золотникъ золота обойдется болѣе чѣмъ въ 15.000 рублей! Такая овчинка совсѣмъ не стоитъ выдѣлки, и подобныя «золотыя копи» имѣютъ чисто научный интересъ,—по крайней мѣрѣ, покажется.

Недавно на страницахъ «Zeitschrift für praktische Geologie» Лунгвицъ высказываетъ научныя теоретическія соображенія о присутствіи золота въ стволахъ растеній. Правда, золота тамъ не много: на тонну (61 пудъ) древесной золы приходится драгоцѣннаго металла на сумму отъ ½ до 5 и не болѣе 6 франковъ, соответственно тому количеству, какое могло быть растворено въ водѣ, питающей корни растенія. Кажется, золото стремится вверхъ, концентрируясь въ части ствола противоположной корню. Золотоносныя земли съ слабымъ содержаніемъ металла могутъ немного истощаться при продолжительномъ дѣйствіи воды. По Лунгвицу, золото, растворенное въ водѣ при ея обмываніи золотоносныхъ залежей, является въ видѣ органическихъ солей. Извѣстно, что немного золота мо-

жетъ раствориться въ соединеніяхъ съ хлористымъ натріемъ, азотнокислыми солями и сѣрной кислотою и что полученное такимъ образомъ хлористое соединеніе золота можетъ соединиться съ извѣстными органическими веществами почвенной воды, но механизмъ этихъ реакцій можетъ быть очень многосложнымъ и его не легко себѣ объяснить. Возможно, что такая реакція увеличивается съ напряженіемъ вегетаціи, такъ что не будетъ совсѣмъ неожиданной дѣйствительная находка золота въ нѣкоторыхъ тропическихъ растеніяхъ. «Золотоносныя деревья» были бы интереснымъ открытіемъ.

* * *

Часто говорилось о проростаніи старыхъ хлѣбныхъ зеренъ, особенно пресловутыхъ зеренъ ишеницы изъ могилъ египетскихъ фараоновъ — зеренъ, просуществовавшихъ 4000—6000 лѣтъ! Хотя ни одно настоящее такое зерно, добытое дѣйствительно изъ области мумій лицами компетентными и заслуживающими довѣрія, не проростало,—тѣмъ не менѣе пущенныя газетами мнѣя о жизнеспособности пяти тысячелѣтнихъ зеренъ прочно удержался въ публикѣ, и это заблужденіе до сихъ поръ имѣетъ многочисленныхъ адептовъ. Недавнія изслѣдованія Эдмона Гаина по этому вопросу вновь подтвердили неспособность хлѣбныхъ зеренъ египетскихъ могилъ къ проростанію; это доказывается не только самымъ фактомъ, что зерна не проросли, но и измѣненіями, какія наблюдаются въ составныхъ частяхъ зерна. Дѣйствительно, ни въ одномъ случаѣ зародышъ не оставался въ связи съ мучнистыми запасами зерна, а, съ другой стороны, въ химическомъ составѣ его произошли глубокія измѣненія: мучнистая часть зерна не претерпѣла, кажется, никакого измѣненія и при живомъ зародышѣ играетъ свою роль, но при отсутствіи такового ни одно зерно не проросло бы, а зародыши зеренъ изъ египетскихъ могилъ совсѣмъ мертвы. Такое состояніе ихъ побудило Гаина искать условія, при какихъ зародышъ претерпѣлъ указанныя измѣненія. Порча могла быть приписана или общей участи всѣхъ живыхъ органическихъ существъ—естественной старости, или же особымъ мѣрамъ, какимъ были подвергнуты зерна на время храненія съ цѣлью воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему развитію. Но тщательныя изслѣдованія относятъ причину измѣненій зародыша скорѣе на долю естественной старости, и, по мнѣнію Гаина, съ этихъ поръ мы владѣемъ способомъ классифицировать зерна злаковъ въ относителъномъ порядкѣ ихъ древности. Извѣстными измѣненіями можно опредѣлить приблизительно возрастъ одного изъ такихъ зе-

рентъ, сравнивая степени потемнѣнія зародыша у него и у другого зерна, возрастъ котораго извѣстенъ.

* *

На какой высотѣ летаютъ птицы? Какіхъ предѣловъ въ вертикальномъ направленіи можетъ достигать полетъ свободныхъ пернатыхъ обитателей атмосферы? Аэронавтика, сильно прогрессирующая въ послѣднее время, и тутъ является на помощь орнитологу, какъ она оказала уже замѣтныя услуги метеорологу и физиологу. Вопросъ, дѣйствительно, рѣшается такимъ путемъ очень просто: самопишущій барометръ, взятый съ собою аэронавтомъ, безпрестанно отмѣчаетъ воздушное давленіе, по которому затѣмъ вычисляется высота; при встрѣчѣ съ птицами, остается только замѣтить точно время или же даже поступать о крышку барографа, для того, чтобы перо вздрогнуло и черкнуло на барограммѣ слѣдъ—для регистраціи времени и высоты (давленія).

Во время одного изъ своихъ поднятій на аэростатѣ Хергезелль (изъ Страссбурга) встрѣтилъ орла на высотѣ 3.000 метровъ, а въ другой разъ—двухъ аистовъ и луна на высотѣ 900 метровъ. 10-го марта 1890 г. аэронавты видѣли жаворонка на тысячѣ метровъ высоты; 18-го іюля 1899 г. два ворона были встрѣчены на высотѣ 1.400 метровъ. Впрочемъ, все это исключенія, такъ какъ обыкновенно птицы встрѣчаются очень рѣдко выше тысячи метровъ, и уже съ 400 метровъ высоты число ихъ уменьшается; большинство пернатыхъ живетъ въ области воздуха, ограниченной 400 метрами высоты. Для изученія полета птицъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, германское орнитологическое общество произвело опыты на воздушныхъ шарахъ: на различныхъ высотахъ отъ 900 до 3.000 метровъ выпускались на свободу изъ лодочки аэростата взятая съ земли птицы—главнымъ образомъ голуби, а въ одномъ случаѣ и коноплянка. Если воздухъ быть чистъ, ясенъ, то птицы устремлялись вертикально къ нижнимъ слоямъ атмосферы; если же, наоборотъ, тучи закрывали нижнюю область воздуха,—то птицы сначала летали болѣе или менѣе долго вокругъ аэростата, а затѣмъ стрѣлою мчались внизъ, какъ только представлялся просвѣтъ въ облакахъ. Вліяніе (затрудняющее) присутствія облаковъ на полетъ голубей уясняется слѣдующимъ опытомъ: утромъ, при облачномъ небѣ, были выпущены на свободу перелетные голуби въ 50 километрахъ отъ ихъ постоянного мѣстопробыванія; лишь черезъ три часа возвратились домой первый голубь, второй—часомъ позже, а остальные—только вечеромъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ въ ясную погоду, и голуби совершили то же путешествіе всего въ 45 мин. (въ среднемъ).

* *

Кстати—о птицахъ. Полезна или вредна для земледѣлія ворона? Для послѣднего разрѣшенія этого вопроса Реригъ изслѣдовалъ содержимое пищеварительнаго канала у 5.148 воронъ всѣхъ трехъ видовъ—*Corvus corone*, *Corvus cornix*, *Corvus frugilegus*. Оказалось, что пшеница входитъ въ очень слабой пропорціи въ воронью пищу—лишь 5,7%, овесъ составляетъ 4,5%, ячмень и рожь—5,5% и 8,2%. Фрукты и овощи составляютъ въ общемъ 70% пищи; тридцать же процентовъ приходится на долю пищи животной—главнымъ образомъ насѣкомыхъ и особенно насѣкомыхъ вредныхъ. Въ результатѣ эти изслѣдованія показываютъ, что вороны не могутъ довольствоваться чисто растительной пищей, которая скоро привела бы ихъ къ смерти. Поэтому вороны не могутъ считаться вредными для земледѣлія.

* *

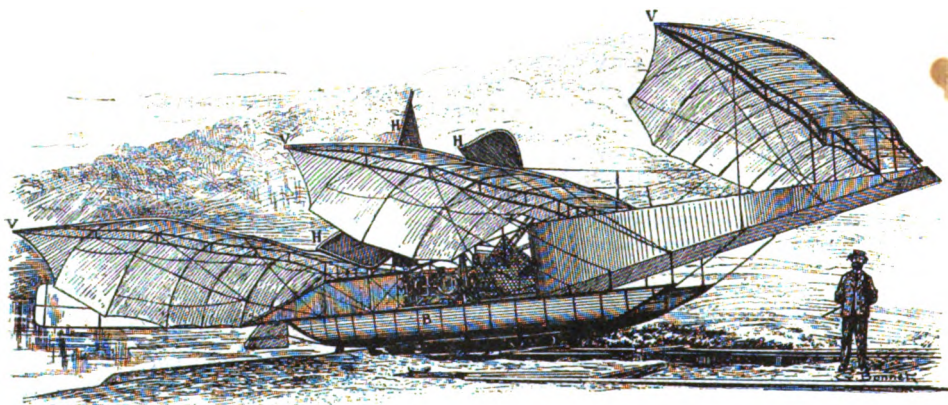
Археологія обогатилась новою находкою—древне-римскими чернилами, докладъ о которыхъ былъ недавно представленъ Парижскому Фармацевтическому обществу химикомъ Лейдье. Въ департаментѣ Котъ-д'Оръ, въ Верто, въ развалинахъ римскаго города Вертилума найденъ былъ какой-то предметъ, состоящій изъ двухъ плотно-пригнанныхъ цилиндровъ желтой бронзы, соединенныхъ одной пластинкою. Верхнее отверстіе цилиндровъ закрыто круглымъ щиткомъ съ дырочкой для введенія стила въ сосудъ. Служилъ ли этотъ предметъ чернильницей или туалетнымъ приборомъ для притираний? Для рѣшенія этого вопроса Лейдье подвергъ анализу черное вещество, оставшееся въ цилиндрахъ. (Смоченное водою, оно оставляло на бумагѣ черный слѣдъ, подобно китайскимъ черниламъ (туши), но не растворялось ни въ водѣ, ни въ алкоголѣ, ни въ эфирѣ, ни въ уксуcѣ, ни въ керосинѣ и т. д. Обработанное поташемъ, это вещество въ обмыливаніи не давало соли, какую можно было бы разложить минеральными кислотами; эти кислоты не осаждали жирныхъ кислотъ, такъ что нельзя было допустить, что найденный предметъ могъ содержать мазь или косметическую краску. Свинца и ртути также не было найдено. Подвергнутое прокаливанію, вещество горѣло, выдѣляя углекислоту и оставляя незначительный остатокъ, содержащій мѣдь, олово, желѣзо, известковыя соли; все это—признаки вещества, состоящаго исключительно изъ углерода. Быть можетъ, найденное вещество состояло изъ свинцовой руды или графита, которые входили въ составъ древнихъ притираний? Быть можетъ, тутъ были сажа или уголь слоновой кости, служавшіе для изготовленія чернилъ? Химія опять дала цѣнныя указанія: Лейдье для разрѣшенія этихъ сомнѣній обратился къ

трудамъ Бертело. Этотъ знаменитый химикъ констатировалъ, что графиты и свинцовая руда въ соединеніи съ азотной кислотой и хлорноватокислой солью поташа переходятъ въ кристаллическое твердое тѣло — графитную кислоту; тогда какъ другія соединенія графита даютъ просто углекислоту безъ осадка. Вещество изъ цилиндровъ древняго Вертилума, изслѣдованное Лейдье, не давало графитной кислоты. Далѣе, количество желѣза въ этомъ веществѣ было слишкомъ незначительно для чернилъ съ органическою солью желѣза (такія чернила были извѣстны въ древности), тѣмъ болѣе, что отсутствіе его въ надлежащемъ объемѣ не могло проис-

ходить отъ смѣшенія съ окружающимъ мусоромъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, загадочное вещество, найденное на днѣ бронзовыхъ сосудовъ, является остатками чернилъ, приготовленныхъ изъ сажки, т. е., аналогичныхъ китайской туши. Формулу состава которой жители Небесной Имперіи ревниво хранятъ въ тайнѣ до сихъ поръ.

* * *

Время есть краски самыхъ яркихъ картинъ, и черняющие холсты великихъ произведеній живописи приводятъ въ отчаяніе знатоковъ и любителей искусства. Хранители музеевъ не перестаютъ изыс-

Воздухоплавательный аппаратъ Кретца. В — лодочки; VV — паруса; М — моторъ, приводящій въ движеніе винтъ Н.

кивать надежныя средства для борьбы съ этимъ неизбежнымъ зломъ, стараясь, по крайней мѣрѣ, отдалить его, если ужъ нельзя совсѣмъ его устранить. Но могучая кисть времени густо лиссируетъ самые эффектные, самые талантливые мазки кисти даже безсмертныхъ мастеровъ. Отчего происходитъ это потемнѣніе картинъ? Уяснимъ себѣ химическій процессъ такого потемнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ составъ масляныхъ красокъ, употребляемыхъ обыкновенно въ живописи, входятъ въ большихъ пропорціяхъ красящія вещества, вырабатываемыя изъ свинца, воздухъ же обитаемыхъ мѣстъ всегда содержитъ въ себѣ сѣрнистый водородъ, который и превращаетъ эти вещества свинцоваго происхожденія въ черный сѣрнистый свинецъ. Отсюда и является тотъ

досадный сѣрый оттѣнокъ, омрачающій на старыхъ картинахъ свѣжій колоритъ. Промываніе такихъ картинъ подкисленною водою превращаетъ черную сѣру, образованную соединеніемъ свинца съ сѣрнистымъ водородомъ, въ бѣлую окись свинца. Не лакированныя картины чистятся водкой, уксусомъ, или, еще лучше, мукой, разведенной въ известковой водѣ. Картины же, густо загрунтованныя, протираются льнянымъ масломъ, при чемъ на нихъ оставляютъ слой масла въ теченіе нѣсколькихъ дней, даже двухъ недѣль, смотря по древности грунтовокъ, возобновляя его отъ времени до времени: затѣмъ наводятъ слой виннаго спирта, который растворяетъ это масло, и послѣ полного осушенія покрываютъ картину лакомъ.

Новости техники.

Воздухоплавательный аппаратъ Кретца (съ иллюстр.). — Двойная матралья на трехколесномъ тандемѣ (съ иллюстр.).

Къ числу воздухоплавательныхъ аппаратовъ, растущихъ въ наше время какъ грибы, прибавился еще одинъ, устраиваемый въ Вѣнѣ нашимъ соотечествен-

никомъ, инженеромъ Кретцемъ (Kretz). Насколько можно судить по краткимъ и поверхностнымъ описаніямъ, полѣщеннымъ въ иностранныхъ журналахъ, аппа-

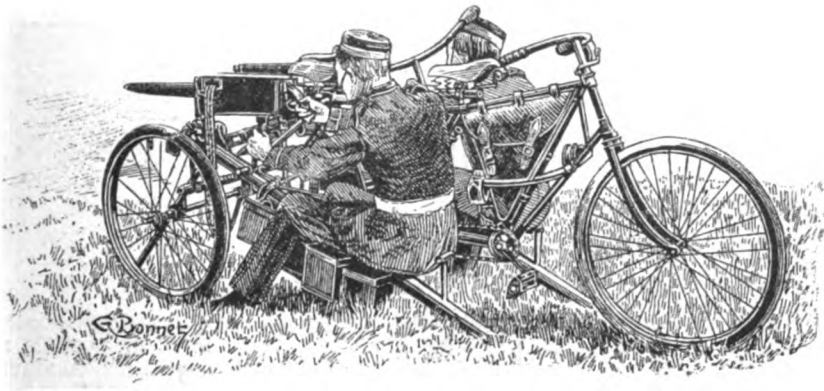
ратъ г. Кретца заслуживаетъ большого вниманія, уже потому, что онъ тяжелѣе воздуха. Къ сожалѣнію, рисунки, и описанія его, помѣщенные въ изданіяхъ которыми мы могли пользоваться, до такой степени несовершенны, что по нимъ трудно судить о сущности изобрѣтенія, и мы ограничимся простой передачей того, что сами о немъ узнали.

Аппаратъ Кретца (рис. на стр. 352) состоитъ изъ двухъ, соединенныхъ другъ съ другомъ лодочекъ на полозьяхъ В, надъ которыми расположенъ рядъ парусовъ V. на-

клонъ которыхъ можетъ быть измѣняемъ. Моторъ М, винтъ Н и два руля: одинъ для горизонтальнаго движенія, а другой змѣй будетъ подниматься веревочкѣ, то есть двигаться противъ вѣтра,—это покажутъ опыты.

* * *

Въ англійской арміи вводятся трехколесные тэндемы, изъ которыхъ каждый снабженъ двумя маленькими метральезами, вмѣщающими всего по 12 килограммовъ, но способными выпускать по шестисотъ пуль въ минуту. Такіе тэндемы (рис. на стр. 353)

Двойная митральеза Максима на трехколесномъ тэндемѣ.

для вертикальнаго—дополняютъ вооруженіе. Передъ поднятіемъ, аппаратъ долженъ быть пущенъ на воду, двигаясь по которой съ постоянно-увеличивающейся скоростью (при помощи воздушнаго винта), онъ «забираетъ» въ свои паруса воздухъ, подъ давленіемъ котораго, наконецъ, и долженъ будетъ взлетѣть кверху—совершенно такъ же, какъ взлетаетъ бумажный змѣй, когда его тянутъ за веревочку. Сколько можно понять изъ описанія, роль веревочки долженъ играть винтъ, а роль самага змѣя—паруса. Идея не дурна, но насколько она выполнима и въ какой мѣрѣ

предназначаются главнымъ образомъ для рекогносцировокъ, при которыхъ маленькимъ рекогносцирующимъ партіямъ приходится иногда защищаться отъ многочисленныхъ непріятельскихъ отрядовъ. Въсь тэндема, со всѣми приспособленіями и съ тысячею запасныхъ патроновъ, веситъ 171 кило. Подготовленіе его къ бою, палъба и обратное приспособленіе къ ѣздѣ займутъ не болѣе 5 минутъ времени, а за это время два человека успѣютъ выпустить въ непріятеля тысячу пуль, что равняется залпу цѣлаго батальона.

Вотъ тутъ и поди—дерись...

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Къ чествованію Аделаиды Ристори.

По поводу торжественнаго празднованія въ Римѣ восьмидесятой годовщины знаменитой итальянской трагической артистки Аделаиды Ристори извѣстный итальянскій артистъ Эрмете Новелли напечаталъ свой отзывъ о Ристори. Это искреннее мнѣніе профессиональнаго артиста о театральной звѣздѣ былого времени, которую Новелли признаетъ величайшей артисткой, когда-либо существовавшей въ Италіи. Оговорившись, что не считаетъ себя достаточно вооруженнымъ литераторомъ, чтобы писать критику, онъ заявляетъ, что ограничится лишь нѣсколькими строками, навѣянными ему только чувствомъ.

Аделаида Ристори родилась въ Чивидальѣ, въ Венеціи, 29-го января 1822 года. Трехмѣсячнымъ ребенкомъ дебютировала она въ колыбельскѣ, имѣя задачей растрогать отцовское сердце въ одномъ старинномъ итальянскомъ фарсѣ. Но, къ сожалѣнію, посреди сцены дебютантка разразилась такимъ ревомъ, что ее пришлось, при хохотѣ публики, поспѣшно унести въ уборную матери. «То были артистическія мои крестины», смѣясь, замѣчаетъ Ристори. Недавно Аделаидѣ Ристори минуло 80 лѣтъ. А между тѣмъ она говоритъ о предметахъ искусства словно современная артистка, слѣдить за всѣми художественными проявленіями мысли; сужденія ея такъ же ясны и здравы, какъ и прежде, у нея все тотъ же свѣтлый, благородный и возвышенный умъ, который поистинѣ можетъ считаться исключительнымъ. При разговорѣ объ искусствѣ глубокіе и до сихъ поръ моло-

дые глаза ея мечутъ отблески пламени, а голосъ, звенящій на подобіе гармоничнаго звука золота, приводившій нѣкогда въ трепетъ и вызывавшій слезы у такой массы людей,—до сихъ поръ звучитъ по-прежнему, очевидно, взволнованный воспоминаніями о многочисленныхъ битвахъ и триумфахъ.

«Я сказалъ, что Ристори была величайшей итальянской артисткой, и мнѣніе это безусловно справедливо. Послѣ нея другія артистки достигали славы или въ трагедіи или въ комедіи. Ристори же, обладавшая прекрасными чертами лица, чудеснымъ голосомъ и высокимъ умомъ, была величественна въ трагедіи, сильна въ страстной драмѣ и великолѣпно комична и проста въ комедіи. Съ высокаго подъема «Меден», «Маріи Антуанетты» и «Макбета» Ристори умѣла нисходить до лукаваго повѣщенія въ «Locandiera» Гольдони. И съ тѣхъ поръ ни единой артисткѣ не удалось передать гольдоніевскихъ тонкости и соли, что такъ легко давалось знаменитой артисткѣ.

«Препрославленная *vegliarda* недавно какъ разъ присутствовала на генеральной репетиціи этой «*Locandiera*», которую мы только-что поставили въ «Театрѣ Goldoni. Если бы вы видѣли, какъ эта благородная женщина учила насъ, умиленныхъ и восхищенныхъ исполнителей, тонкостямъ безсмертнаго нашего комическаго писателя, вы также прослезились бы, какъ и мы. Ей было уже не восемьдесятъ лѣтъ, она снова помолодѣла и голосомъ, жестами, лукавой простотой рѣчи дѣйствительно воплощала типъ Миран-

Аделаида Ристори въ роли лэди Макбетъ.

долины, списанный веселымъ венеціанцемъ съ напудренный дамы XVIII столѣтія.

«Сверхъ того, мы, итальянцы, любимъ Ристори, какъ признательные соотечественники. Она дѣйствительно была первой артисткой, переступившей границы Италіи, первая перенесла она знамя на-

шего искусства на иноземную почву, такимъ образомъ,—въ эпоху, когда слово путешествовать обозначало: подвергаться всевозможнымъ непріятностямъ и опасностямъ, открывъ широкое поле для всемірнаго искусства».

Французы оцѣнили талантъ и значеніе Аделаиды Ристори, которая безъ слезъ

не может вспоминать триумфы своихъ въ Парижѣ. Она была очень довольна, что торжество ея 29-го января отозвалось и въ Парижѣ. Артистическая карьера старѣйшины драматическаго искусства совершалась въ слѣдующей постепенности:

Въ 1833 году, едва ей минуло 11 лѣтъ, Аделаида Ристори вступила уже въ *Conspagnie Mopsalvo*. Въ слѣдующемъ году ей стали поручать роли молодыхъ пажей и молоденькихъ служанокъ. Замѣтивъ необычайныя способности юной своей пансионерки, Монкальво не задумался дать ей разучить роль Франчески ди-Римини, которую она, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, провела въ совершенствѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, молодая артистка, талантъ которой проявлялся все сильнѣе и сильнѣе, вступила въ сардинскую королевскую труппу, одно изъ первыхъ итальянскихъ драматическихъ товариществъ, гдѣ она познакомилась съ знаменитымъ Маркиани, преподававшимъ ей полезные совѣты. Девятнадцать лѣтъ Аделаида Ристори сдѣлалась членомъ труппы Масчерпа (*Mascherpa*), состоявшей на службѣ герцогини Марин-Луизы Пармской. Съ 1846 г. по 1849 г. Аделаида участвовала въ товариществѣ знаменитаго Доменикони. Успѣхи ея все росли, и публика повсюду встрѣчала ея съ восторгомъ. Въ 1849 году, когда французы осаждали Римъ, Ристори находилась въ городѣ. И она покинула сцену, чтобы ухаживать за ранеными. Затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ она не показывалась на сценѣ.

Съ 1855 г. Ристори начала эру артистическихъ своихъ турнѣ, выступивъ сперва въ Парижѣ, гдѣ она дебютировала съ сенсационнымъ успѣхомъ, а затѣмъ была въ Брюсселѣ и Берлинѣ. Въ слѣдующемъ году она снова играла въ Парижѣ съ блестящимъ успѣхомъ въ роли «Мелон» Эрнеста Легуве. Далѣе артистка направилась въ Берлинъ, Варшаву и въ Бельгію. Въ теченіе 1857 и 1858 г. Ристори побывала въ Вѣнѣ, Парижѣ, Англіи, Ирландіи, въ Мадридѣ и въ Бельгii. Въ 1859 году великая артистка послѣдовательно играла въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Триестѣ и во многихъ большихъ городахъ Италіи, Голландіи, Швеціи и Испаніи.

Въ 1860 году Аделаида Ристори, во всемъ блескѣ своей красоты и великолѣпнаго драматическаго таланта, встрѣчалась вездѣ съ большимъ успѣхомъ, въ особенности же въ Португаліи, въ Бельгii, въ Парижѣ и въ С.-Петербургѣ. Въ 1885 году знаменитая артистка завершила циклъ триумфальныхъ своихъ турнѣ, при чемъ каждый изъ этапныхъ ея пунктовъ былъ отмѣченъ побѣдой. Египетъ, Турція, Греція, Сѣверная и Южная Америка, княжества Придунайскія, Данія, Швеція и Норвегія привѣтствовали ее въ самыхъ разнообразныхъ ролляхъ. Слава

ея стала всемірной. Ристори можно было назвать царицей театра.

Знаете ли вы, что Ристори играла по-французски? Въ 1882 году она играла въ Лондонѣ «Макбета» и нѣсколько другихъ ролей изъ своего репертуара по-английски. Въ послѣдній разъ выступала она передъ парижской публикой въ 1884 году въ бенефисномъ спектаклѣ. Въ Нью-Йоркѣ великая артистка на прощаніе съ американцами сыграла въ театрѣ «Тама» роль «Марин Стюартъ», въ которой всегда имѣла такой блестящій успѣхъ, и сыграла ее по-английски въ компаніи съ нѣмецкими актерами. Затѣмъ Аделаида Ристори вернулась въ Италію, рѣшившись, наконецъ, почить на своихъ лаврахъ. Она выступила еще въ одномъ бенефисномъ спектаклѣ въ роли лэди Макбетъ вмѣстѣ съ Эрнесто Росси, затѣмъ въ 1886 году въ театрѣ *Costanzi* въ Римѣ, гдѣ съ удивительнымъ искусствомъ декламировала пятую пѣсню изъ «Ада» Данте.

Послѣдній разъ выступала она на сценѣ въ 1898 году, въ Туринѣ въ театрѣ *Carignano* по случаю національной выставки. Здѣсь снова, посреди неистовыхъ рукоплесканій публики, Ристори прочла пятую пѣсню изъ Дантовскаго шедевра. Вотъ и все. Таковъ формулярный списокъ великой артистки, заключающій въ себѣ цѣлую жизнь, посвященную исключительно на служеніе безсмертному искусству, тому искусству, у котораго нѣтъ отечества и которое, подобно живительному солнцу, принадлежитъ всему человечеству. Вотъ въ чемъ слава Ристори!

Въ началѣ шестидесятихъ годовъ Ристори была не только знаменитой артисткой, но одновременно и связующимъ звеномъ одинаково настроенныхъ людей, въ тонкихъ ея намекахъ и даже въ отбѣнкахъ звучнаго, чистаго ея голоса угадывавшихъ какую-либо вѣсть или надежду. Она была носительницей національнаго искусства и жрицей національной мысли, которой вѣрно служила съ самой ранней юности вплоть до глубокой старости. Она обладала неотразимой обаятельностью, — обаятельностью настоящей италіанки, не какой-нибудь современной нервной героини изъ романовъ д'Аннунціо, а простой домовитой хозяйки, здраво смотрящей на жизнь, не приписывая послѣдней большаго трагизма, чѣмъ въ ней имѣется его на самомъ дѣлѣ; женщиной, знающей цѣну даже и малой копѣйки, снисходительно закрывающей глаза на погрѣшности мужа, съ безавѣтной материнской любовью пекущейся дѣтями, что не помѣшало бы ей, однако, въ случаѣ необходимости, съ радостью пожертвовать ими для родины. За послѣднее десятилѣтіе въ сѣверной Италіи такихъ женщинъ было не мало, хотя, пожалуй, ни одна изъ нихъ до такой степени живо, какъ Ристори, не воплощала темперамента,

характера, образа мыслей и чувствъ итальянскаго народа. Болѣе одаренныя натуры въ душѣ своей носятъ характеръ и, такъ сказать, этический образъ своей родины. Какъ уроженка Фріуля, съ верху Удинскаго замка обозрѣвая обширную тѣсистую равнину, неоднократно, навѣрное, наблюдала она: у ногъ старый городъ съ проназведеніями маэстро Джіованни, крутомъ тѣсно застроенную мѣстность, пестрѣющую домиками и башнями, и поверхъ всего голубое, улыбающееся небо; съ сѣвера и съ востока—бѣлую высокую

няго властителя города произнесла она пламенный призывъ Юдионъ, обращенный къ поработенному европейскому народу, и въ отвѣтъ по залѣ прогудѣлъ такой призывъ о спасеніи, обращенный къ Италіи, что дворъ усмотрѣлъ въ томъ не только предчувствіе, но увѣренность въ близкой свободѣ. Въ Венеціи при обращеніи къ ней за сценой полицейскаго комиссара, по поводу именно этого призыва, Ристори отвѣтила: «Бѣдный вы, несчастный человѣкъ. Вы тутъ родились!» Больше она не сказала ни слова, и комиссаръ

Аделаида Ристори.
(Съ послѣдней фотографіи).

каменную стѣну Альповъ, окаймляющихъ горизонтъ величественно возносящейся линіей вплоть до одного мѣста, гдѣ наблюдается яркое мерцаніе, на подобіе солнечныхъ отблесковъ на водѣ. Тамъ находится море. Съ такой-то картиной въ сердцѣ проходила Аделаида Ристори по итальянскимъ землямъ. Со сцены она осмѣлилась обращаться съ пламенными увѣщаніями, возбуждать равнодушныхъ и вододушевлять слабыхъ. И, такимъ образомъ, народъ чтить ее почти какъ ясновидящую и пророчицу, а тиранны ея боялись. Както въ Парижѣ передъ вдовой послѣд-

замолчать, а на слѣдующій день она должна была покинуть Венецію. Извѣстно, какъ въ Петербургѣ она вербовала сторонниковъ будущности Италіи и отстаивала старанія и планы Кавура передъ княземъ Горчаковымъ; какъ ратовала за Италію въ Парижѣ, привлекая въ свой лагерь парижанъ вѣщиной красотой, блескомъ и разносторонностью своего таланта, а еще того болѣе неотразимой обаятельностью душевной. По словамъ Легуве, у Ристори были необычайно живые и глубокіе глаза, какихъ ни у кого, кромѣ Тальмы и Ма-

либрантъ, не доводилось ему встрѣчать, — мерпавшіе въ благоуханіи дрѣмы, какъ говорится у Виргилія: *Lumina natantia somno*. Глаза эти и посейчасъ свѣтятся на старомъ привѣтливомъ лицѣ бабушки съ той же добротой, кротостью и прозорливостью, какъ и въ былые времена, одушевляя лицо старости дуновеніемъ весны. Подобные глаза даются судьбой лишь глубокимъ знатокамъ человѣческаго сердца; это глаза испытующіе, проникающіе въ чужую душу и сочувствующіе; это—свѣтильники истинно доброй души, которая все понимаетъ и все прощаетъ. Въ этомъ глубокомъ знаніи человѣческаго сердца и заключается главная причина большихъ артистическихъ успѣховъ Ристори. Она сама это понимаетъ, признавая, что лишь тотъ можетъ быть настоящимъ артистомъ, кто умѣетъ расчленять свои роли на составныя части и испытывать настроенія и душевныя бури создавашаго ихъ поэта, словно онъ самъ былъ бы этимъ поэтомъ. Знанію же человѣческой души обязана она самовоспитаніемъ и аккуратностью, которыя помогли ей пройти по-философски жизненный путь бодрой и довольной. Потеря состоянія заставила ее уже въ престарѣломъ возрастѣ снова выступить на сцену. Съ громаднымъ успѣхомъ совершила она свое артистическое турнѣ по Сѣверной и Южной Америкѣ и по Австраліи. Спустя два года, щедро вознагражденная, вернулась Ристори въ Римъ, гдѣ и живетъ понынѣ въ тихомъ семейномъ кругу, среди милыхъ дѣтей и внуковъ. Едва-ли найдется въ Римѣ хотя бы одна школа или какое-либо благотворительное учрежденіе, чѣмъ-либо не обязанное ей. Она была и есть ревностнѣйшая покровительница женскихъ ремесленныхъ школъ, она представляетъ неутомимаго ходатая по интересамъ бывшихъ ея товарищей по призванію; для каждаго бѣдняка открыта ея душа, а главное, щедрая рука. Знатные люди и низшая братія одинаково близки ей. Королева Маргарита зоветъ ее своей любезной подругой, а король счелъ за нужное лично привѣтствовать ее съ восьмидесятымъ днемъ ея рожденія. Въ этотъ день Ристори простерла свою руку помощи не только своимъ бѣднымъ, но и всѣмъ обратившимся въ общественныя благотворительныя учрежденія. Она состоитъ предсѣдательницей «Общества образованія женщинъ» и дѣятельнымъ членомъ національнаго общества «*Dante Alighieri*», учредительницей многихъ школъ, народныхъ кухонь, дѣтскихъ садовъ и воспитательныхъ домовъ. Для всѣхъ жаждущихъ умственной и физической пищи она является заботливой и неутомимой матерью.

Какъ артистка Ристори была яркой звѣздой; ради сцены отказалась она отъ

семейнаго счастья и, благодаря той же сценѣ, снова возсоздала его себѣ. Съ самаго начала новой эры стойко и неуспно боролась она въ Римѣ за просвѣщеніе и благоденствіе народа. И въ день восьмидесятилѣтняго ея рожденія Римъ устроилъ ей торжество, подобающее царицѣ духа. Въ театрѣ «*Valle*» собрались всѣ, имѣющіе въ Италіи какое-либо имя и положеніе. Тамъ были королевскіе министры, дипломаты, ученые, писатели, журналисты, патриціи. Маленькая лужа во второмъ ярусѣ вся была залита бѣлыми розами, спереди на балюстрадѣ висѣлъ лавровый вѣнокъ съ трехцвѣтнымъ бантомъ. Справа и слѣва расположились цвѣтники нарядныхъ дамъ, драгоцѣнности которыхъ спорили съ блескомъ природной ихъ красоты. Когда Аделаида Ристори вошла въ ложу въ сопровожденіи своей семьи, всѣ присутствовавшіе поднялись съ мѣстъ и преклонились передъ артисткой, какъ передъ царицей. Раздался возгласъ: «Да здравствуетъ Аделаида Ристори!». Дамы замахали вѣерами, послышались безконечныя рукоплесканія и радостные крики. Царица праздника выступила впередъ и радостно и умиленно кланялась на всѣ стороны и движеніемъ рукъ выражала свою признательность, наконецъ, стала посылать дамамъ поцѣлуй рукой, не произнося ни слова и тѣмъ не менѣе до такой степени живо и выразительно, словно держала длинную, громкую благодарственную рѣчь. А какъ сіяли ея глаза! Трудно было повѣрить, что это была восьмидесятилѣтняя женщина. На головѣ у нея былъ надѣтъ маленькій бѣлый чепецъ, волосы, не совсѣмъ сѣдые, лобъ почти безъ морщинъ, губы красныя, на свѣжихъ еще ланитахъ — двѣ ямочки, у нея высокая, здоровая фигура, слегка склоненная, — словомъ, это былъ образъ женщины, безпечно наслаждающейся деревенскимъ воздухомъ и солнцемъ, а никакъ не старухи.

Томмазо Сальвини и Виргинія Марини пожелали участвовать въ спектаклѣ, въ честь юбиляріи. Марини играла въ прелестной одноактной пьесѣ Галлина роль здоровой, домовитой старой хозяйки дома, которая образумливаетъ страдающую нервами свою невѣстку и легкомысленнаго сына обдуманнѣмъ и благотворнымъ юморомъ.

Сальвини выступилъ съ декламаціей драматическаго стихотворенія Гоццолетти «Христофоръ Колумбъ», рисующаго конецъ жизни открывателя Новаго Свѣта. Стихотвореніе это дало возможность артисту показать все свое образцовое искусство. Тутъ было все: и грустный шопотъ, и гнѣвные вспыхи, и рыданія, и стenanія, и радостные возгласы, и звуковный скрежетъ и, наконецъ, тихая кончина. Сцена длилась 20 минутъ, и

все легко вздохнули, когда она окончила.

Гораздо болѣе понравился публикѣ Сальвини въ простомъ изложеніи жизнеописанія знаменитой его коллеги, безъ сдобриванія его излишними красками, фразами и эпитетами. «Грехлѣтнимъ ребенкомъ»,—говорилъ Сальвини.—«узрѣла впервые Ристори огни рампъ. Четырехъ лѣтъ она играла въ товариществѣ отца, двѣнадцати—исполнила первую трагическую роль. Едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, она вступила уже членомъ въ сардинскую королевскую театральную компанію. Съ 1841—1845 г. играла въ Парижскомъ придворномъ театрѣ, двадцати восьми лѣтъ вышла замужъ за красиваго, но бѣднаго маркиза Копронекудель-Грилло и покинула сцену; но всего лишь на четыре года, ибо въ 1853 году она снова выступила въ Туринскомъ придворномъ театрѣ, и лишь жизненная нужда и борьба спасли ея талантъ отъ оковъ старыхъ школъ и индивидуализировали ее великой руководящей артисткой».

«На долю Ристори»,—сказалъ совершенно справедливо Сальвини,—«досталось великое счастье играть въ такое время, когда театръ былъ дѣйствительно жизненной школой, когда родители не задумываясь брали съ собой туда дѣтей, зная, что имъ не предложить ничего такого, что могло бы оскорбить строгое чопорное женское чувство и достоинство артистовъ. Къ сожалѣнію, мы пережили это время».

Публика привѣтствовала его при этихъ словахъ, но еще горячѣе посыпались аплодисменты», когда, прославляя въ Ристори артистку,—превыше послѣдней воз-

величить онъ въ ней женщину. И это справедливо. Искусство Ристори забудется, но семейственность ея, любовь къ дѣтямъ, благородство и великодушная гуманность, проявленная въ содѣянныхъ ею дѣлахъ, долго еще будутъ жить, и, пожалуй, для виновницы праздника—сознаніе честно и дѣлательно прожитой жизни утѣшительнѣе воспоминанія объ артистическихъ ея триумфахъ. Это же высказалъ ей и Новелли, въ концѣ представленія выступившій въ качествѣ бѣднаго странствующаго актера въ убогомъ костюмѣ и съ трогательнымъ юморомъ выразившій волновавшія его душу чувства соотвѣтственной его амплуа манерой. Онъ, видите ли, мало что знаетъ о классическомъ репертуарѣ Ристори и объ успѣхахъ ея имѣлъ лишь смутное представленіе, на основаніи разсказовъ сошедшихъ со сцены современниковъ. Зато онъ многое могъ поразсказать объ ея сердечной добротѣ, выражающейся въ неизсякаемыхъ благодареніяхъ, о множествѣ утоленной ею нужды, о материнской ея заботливости о страдающихъ и притѣсняемыхъ ея товарищахъ по призванію, о щедрыхъ ея ручкахъ, которые никогда не нанесли лишняго удара въ рану ближняго, а напротивъ того утѣлили столько душевной муки. При этихъ словахъ, дрогнулъ голосъ стараго комика, и онъ подавилъ на глазахъ настоящую слезу умиленія.

Такимъ образомъ, въ этотъ прекрасный вечеръ чисто человѣческому чувству отданъ былъ огромный перевѣсъ надъ эстетическимъ художественнымъ чувствомъ. И благо, что такъ вышло, ибо присутствовавшіе покинули театръ съ согрѣтымъ сердцемъ и духовной радостью.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ и ЖУРНАЛОВЪ.

Въ Парижскомъ народномъ университетѣ.

Удушливый зной, не смотря на то, что уже около 9-ти часовъ вечера. Мы въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуана. Неясно мерцаютъ тысячи огней площади Бастили, ибо надъ ней клубится густой дымъ отъ локомотивовъ Сентъ-Венсенскаго вокзала, не находящій себѣ выхода въ этой свинцовой атмосферѣ. Поѣзда отъѣзжаютъ, увозя счастливицевъ за предѣлы города. Въ настоящемъ предмѣстьѣ видимъ ветхіе дома, переполненные жильцами, которые тѣснятся въ окнахъ, чтобы хотя чуточку подышать туманнымъ уличнымъ воздухомъ. Окна почти касаются земли, но освѣжиться все-таки не удается. Передъ дверями домовъ сидятъ люди и весело болтаютъ. Надъ одними низкими воротами гордо красуется надпись «Народный университетъ». Самый послѣдній обѣднякъ нашелъ бы зданіе это недостойнымъ для храма народного образованія. Но въ парижскихъ предмѣстьяхъ вообще рѣдко встрѣчаются привѣтливыя квартиры и свѣтлыя, обширныя залы. Стиснутые въ гигантскомъ городѣ, здѣшніе люди умѣютъ довольствоваться самымъ микроскопическимъ мѣстечкомъ. Даже представители лучшаго парижскаго общества утрачиваютъ тутъ все свои претензіи.

Входъ въ университетъ узкій, но стѣны украшены великолѣпными гравюрами съ произведеній итальянскихъ и нидерландскихъ мастеровъ. Далѣе идетъ нѣчто въ родѣ передней, которая почти вся занята простымъ деревяннымъ столомъ, на которомъ лежитъ собраніе дешевыхъ, но цѣнныхъ газетъ или брошюръ. Председательствуетъ тутъ советъ молодой человѣкъ. Это простой рабочий, посвятившій свободные свои часы изученію социальныхъ вопросовъ и учредившій общество, которое имѣетъ цѣлью посредствомъ

публичныхъ чтеній и диспутовъ—содѣйствовать умственному развитію рабочихъ. Пропагандировать онъ свою мысль путемъ имъ самимъ написанной и напечатанной газеты. Онъ обратилъ на себя вниманіе французскихъ корифеевъ ума, которые и помогли осуществленію его плана и стоятъ во главѣ его лекторовъ. Выразительная физіономія Dehermes'a носитъ на себѣ отпечатокъ крайней серьезности. Каждому любезно даетъ онъ требующіяся объясненія. За 50 сантимовъ получается право входа на мѣсяцъ. Аудитория представляетъ небольшую четырехугольную комнату, куда воздухъ проникаетъ сверху черезъ потолокъ. На стѣнахъ висятъ превосходныя гравюры и литографіи и чудесная картина Рембранда «Ученики, идущіе въ Эммаусъ». Тутъ же можно видѣть «Вечернюю молитву» Милле, этого чудеснаго изображителя крестьянъ, сумѣвшаго простыя событія обыденной жизни представить въ спокойномъ величіи, простѣйшій трудъ—въ высокомъ его благородствѣ, а также прекрасныя репродукціи фресковаго живописца Пюви-де-Шавана, закрѣпившаго на своихъ холстахъ идеальныя стремленія человечества.

Французы представляютъ собой старинный культурный народъ, образованный по преимуществу въ эстетическомъ смыслѣ. Самому простому рабочему, и того больше—искусной работницѣ—доступна тайна красоты, которая зиждется на простотѣ и гармоническомъ созвучіи. Самая обыкновенная учительница умѣетъ развити въ своихъ ученикахъ чувство красоты, требуя, чтобы каждый изъ нихъ принесъ что-нибудь для украшенія класса, и путемъ сравненія развиваетъ въ нихъ вкусъ.

Многочисленные слушатели помѣщаются на простыхъ стульяхъ съ узкими сидѣньями. Какихъ только типовъ тутъ нѣтъ! Рабочіе всѣхъ возрастовъ въ традиціонныхъ блузахъ, энергичные, рѣзкіе черты лица и жесты, темные, интеллигентные или фанатически сверкающіе глаза... Работницы — въ гладкихъ передникахъ съ рукавами, запыленные; маленькая, нѣсколько кокетливѣе одѣтая особа съ изящной головкой и, наконецъ, какая-то старая женщина въ грязномъ платьѣ уличныхъ торговкокъ — это газетчица.

Появляется лекторъ. Это Викторъ Шарбоннель, сдѣлавшій себѣ имя воззваніемъ объ учрежденіи религіознаго конгресса, по образцу американскаго, проектировавшагося имъ во время послѣдней выставки. Но мысль его встрѣтила горячій протестъ. Какъ лекторъ, Шарбоннель увлекателенъ. Съ баснословной легкостью владѣть онъ словомъ. Жаль только, что въ силу присущаго ему тщеславія онъ прѣувеличиваетъ собственную свою способность къ продуктивности и значеніе своей страны для остального образованнаго міра. Это мѣшаетъ ему вступить съ послѣднимъ въ умственное взаимодействіе, что необходимо для дальнѣйшаго развитія народа. Шарбоннель безпристрастно перечисляетъ всѣ иноземныя вліянія, плодотворно отразившіяся на идейномъ мірѣ Франціи.

Вслѣдъ за ораторомъ съ крайне живымъ выраженіемъ лица и большимъ жестикюляторомъ является Эженъ Фурнье, — спокойный, серьезный человѣкъ, съ аскетическими чертами лица и глубокими безконечно кроткими глазами. Онъ заботится лишь о содержаніи рѣчи, форма для него не существуетъ. Онъ говоритъ о пониженіи значенія работницъ ихъ работодателями и свѣтуетъ на недостатки солидарности среди женщинъ. Онъ не говоритъ ничего новаго, а произноситъ лишь рядъ давно извѣстныхъ, ужасныхъ истинъ, при чемъ сыплеть фактами. Но отъ этого страстнаго оратора исходитъ цѣлый потокъ безконечнаго состраданія и любви къ ближнему, умиляющій аудиторію. Воздухъ въ маленькой комнатѣ совсѣмъ уже изсякъ, у оратора и слушателей съ лица катится градомъ потъ, всѣ съ трудомъ дышали, и тѣмъ не менѣе тягости, повидимому, никто не испытывалъ. Струившійся потокъ состраданія утоляетъ личное горе каждого. Выходитъ, что для единенія съ ближними въ страданіи и для выраженія благородныхъ стремленій къ беззавѣтной готовности помочь имъ, — требуется не зала большая, а лишь большое теплое сердце. По окончаніи лекціи большинство слушателей направилась въ читальни.

Больше всего посѣщаются социально-научныя и естественно-научныя лекціи.

Въ библіотекѣ, составившейся изъ добротныхъ пожертвованій, находится цѣлый рядъ научныхъ произведеній и даже спеціальныя журналы, въ родѣ «Анналы института Пастера» и «Журналъ для философскаго образованія». Философскіе сочиненія и журналы читаются съ жадностью. Французскій народъ колеблется между отсутствіемъ религіи и мучительной неясной потребностью, и на горячіе вопросы души своей ищетъ отвѣта въ философіи. Больше всего, говорятъ, читается Контъ.

Dehermes мечтаетъ расширить Народный Университетъ въ Народный Домъ, гдѣ бы рабочій могъ получить: дешевую, здоровую пищу, выгодные источники производства, средства образованія и полезныя собесѣдованія. Предполагающееся для того зданіе должно носить гордое названіе «Народнаго Дворца», и всѣ будутъ призваны вложить камень въ его фундаментъ.

Загадка Гамлета.

Не проходитъ года, чтобы не появилось новаго изслѣдованія о Гамлетѣ: каждое вноситъ что-нибудь въ пониманіе этого вѣчнаго типа, но почти всѣ одно-сторонни и стараются подвести весь типъ Гамлета подъ какую-нибудь опредѣленную идею. Профессоръ Вольфъ въ своей статьѣ «Hamlet und kein Ende» пытается сдѣлать критическій обзоръ наиболѣе всѣхъ изъ такихъ изслѣдованій и, взявъ изъ каждого все существенное, соединить въ общую картину. Пользуясь изслѣдованіями Паульсена, Тюрка, Куно Финнера, Гете, Бульштаупта, авторъ отмѣчаетъ слѣдующія, наиболѣе существенныя черты въ характерѣ Гамлета.

Пессимизмъ его не врожденный, а вполне благопріобрѣтенный, оттого онъ такъ остро и проявляется. По природѣ онъ идеалистъ, и только исключительныя событія внезапно погрузили его въ бездну пессимизма. Но пессимизмъ этотъ попалъ на благопріятную почву, благодаря предрасположенію Гамлета къ объективному мышленію. Его пребываніе въ Виттенбергскомъ университетѣ доказываетъ, что онъ хотѣлъ и любить серьезно заниматься; онъ въ началѣ трагедіи даже проситъ короля отпустить его снова въ университетъ. Эта привычка къ объективному мышленію высказывается въ каждомъ разговорѣ и монологѣ Гамлета, и она-то не даетъ ему возможности быстро и рѣшительно дѣйствовать...

И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенія
Влѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло ¹⁾...

¹⁾ Переводъ Н. А. Полевого.

Дѣятельная мысль во всемъ находить поводъ къ сомнѣнію, даже въ словахъ тѣни она начинаетъ сомнѣваться:

Быть можетъ, привидѣнье это было,
Мечта, коварство духа тьмы?
Онъ можетъ въ разныхъ образахъ являться:
Онъ, можетъ быть, влечетъ меня на грѣхъ...

И это не смотря на то, что слова тѣни явились лишь подтвержденіемъ его подозрѣній... Души моей предчувствіе сбылось! Гамлетъ вѣчно ищетъ «самой вѣрной причины», боясь поступить опрометчиво, и въ то же время презираетъ себя за эту свою излишнюю добросовѣстность, и даже обвиняетъ себя въ трусости:

И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой!

Но Гамлетъ не трусъ, хотя храбрость его и не активная, а скорѣе храбрость отчаянія или аффекта. Такая храбрость заставляетъ его защищаться отъ разбойниковъ или убить Полонія, котораго онъ принимаетъ за короля. Выйти изъ себя онъ можетъ лишь внезапно, будучи, такъ сказать, захваченъ врасплохъ; объ этомъ

онъ и предупреждаетъ Лазарта, схватываясь съ нимъ въ могилѣ:

Хоть я не буюнъ и не скоръ не въ мѣру,
Но что-то есть опасное во мнѣ,
Чего тебѣ разумнѣй остеречься.

(переводъ автора).

Отвращеніе Гамлета къ міру и людямъ переходитъ въ равнодушіе къ жизни; къ этому присоединяется апатія, равнодушіе къ страданію и къ дѣйствию:

Умереть,—уснуть, не больше, и окончить
своемъ

Страданья сердца, тысячи мученій—
Наслѣдство тѣла; какъ не пожелать
Такого окончанья!..

Но и этотъ свой отрицательный взглядъ онъ не доводитъ до конца; онъ одинаково не рѣшается ни дѣйствовать, ни бездѣйствовать. Онъ все колеблется и размышляетъ.

По мнѣнію профессора Вольфа, вовсе нечего изслѣдовать загадку Гамлета, ибо никакой загадки и нѣтъ. Гамлетъ вовсе не только типъ, выражающій какую-либо опредѣленную идею или страсть. Гамлетъ—человѣкъ, и въ этомъ вся загадка.

Исключительность таланта Достоевского.—Легенда о великомъ инквизиторѣ.—Комментарій г. Розанова.—Разоблаченіе «клеветы» инквизитора.—Надломленность европейскаго міра.—Славянство, какъ возрождающая стихія.—Щитъ изъ лиризма и его непрочность.—Два слова о Гоголѣ.—Персія и персы въ описаніи г. Ломницкаго.—Характеристика современнаго перса.—Тяготѣніе персовъ къ Россіи.—Балетные костюмы женщинъ.—Самостояющійся кредиторъ.—Живой факель.—Матеріалы къ біографіи И. И. Дмитріева, изданные К. И. Гротомъ.

Исключительная своеобразность таланта Достоевскаго дѣлаетъ очень трудной задачу критики его произведеній. Тутъ во всемъ нужна особенная мѣрка, рассчитанная на чрезвычайную ширь дарованія этого писателя. Быть можетъ, по этой причинѣ при всемъ богатствѣ критической литературы, посвященной этому «жестокому таланту», такъ мало можно найти комментаторовъ, которые вполнѣ бы насъ удовлетворяли. Достоевскаго мало продумать, его надо прочувствовать, переболѣть сердцемъ, перестрадать душой, и только тогда комментаторъ можетъ рассчитывать, что его сужденія представятъ интересъ для читателя. Критическая оцѣнка Достоевскаго будетъ всегда по преимуществу субъективна, и это не можетъ считаться ея недостаткомъ. Она должна быть таковой по особенностямъ его писательской личности. Достоевскій не былъ ни безпристрастнымъ бытописателемъ, ни изобразителемъ общественныхъ теченій, ни Іереміей, бичующимъ пороки современности; если и были попытки въ этомъ направленіи (вспомнимъ «Бѣсы», «Скверный анекдотъ» и др.), то не въ нихъ значеніе этого писателя, не ими онъ обезсмертилъ свое имя и во всякомъ случаѣ

не ими онъ потрясаетъ читателя. Страданія души человѣческой, безпредѣльныя и страшныя, какъ море—вотъ сфера, гдѣ талантъ Достоевскаго чувствовать себя на вольномъ просторѣ, дѣлать гигантскіе взмахи. Чтобы войти въ эту сферу и освоиться съ ней, критику предстоитъ, такъ сказать, открыть настежь и свою душу, воспринять въ себя ту боль и муку, которой проникнута всякая страница этого великаго психолога, и тогда лишь онъ можетъ рассчитывать, что его сужденія будутъ не однимъ только словослагательнымъ упражненіемъ, не интереснымъ для читателя и бесполезнымъ для дѣла.

Г. Розановъ писатель съ живой душой, и критическое изученіе Достоевскаго, чему онъ отдается не только умомъ, но и всѣмъ пыломъ сердца, даетъ ему возможность сказать кое-что и новое, и интересное. Вниманіе свое г. Розановъ остановилъ на извѣстной «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ»¹⁾, которой онъ придаетъ центральное значеніе въ циклѣ про-

¹⁾ В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ, Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе второе. Спб. 1902.

изведеній Достоевскаго: «легенда, по его мнѣнію, составляетъ какъ бы душу всего произведенія (т. е. «Братьевъ Карамазовыхъ»), которое только группируется около нея, какъ варіаціи около своей темы; въ ней схоронена заветная мысль писателя, безъ которой не было бы написана не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его: по крайней мѣрѣ не было бы въ нихъ самыхъ лучшихъ и высочайшихъ мѣстъ».

«Легенда», какъ согласится всякій читатель, есть плодъ какого-то высшаго, исключительнаго вдохновенія. «У каждого почти творца въ сферѣ искусства мы находимъ,—говоритъ г. Розановъ,—одинъ центръ, изрѣдка нѣсколько, но всегда немного, около которыхъ группируются всѣ его созданія: эти послѣднія представляютъ собою какъ бы попытки высказать какую-то мучительную мысль, и когда она, наконецъ, высказывается, появляется созданіе, согрѣтое высшею любовью творца своего и облитое немеркнущимъ свѣтомъ для другихъ, сердце и мысль которыхъ влекутся къ нему съ неудержимою силой. Таковъ былъ у Гёте «Фаустъ», девятая симфонія у Бетховена, Сикстинская Мадонна у Рафаэля». Къ этой же категоріи исключительныхъ созданій творческаго гѣнія авторъ причисляетъ и «Легенду о великомъ инквизиторе».

Разборъ легенды г. Розановъ ведетъ въ порядкѣ рѣчи великаго инквизитора, подробно комментируя каждую мысль ея. Этотъ приѣмъ нельзя назвать удобнымъ: вниманіе п. постоянно должно перепрыгивать съ мыслей инквизитора къ мыслямъ г. Розанова, да при томъ нарушается стройная цѣльность рѣчи инквизитора, имѣющей между прочимъ и ту особенность, что въ ней никакъ нельзя отдѣлять фразы послѣдующей отъ предыдущей. Вообще, намъ кажется, подобный приѣмъ умѣстенъ только въ комментаріяхъ лингвистическаго содержанія, въ литературномъ же и философскомъ комментаріѣ предпочтительнѣе было бы избрать систематическій методъ.

Сдѣлавши подстрочный комментарий легенды, г. Розановъ останавливается на ея общей мысли не столько сознаваемой, сколько ощущаемой. «Самая горячая любовь къ человѣку въ ней сливается съ совершеннымъ къ нему презрѣніемъ, безбрежный скептицизмъ съ пламенной вѣрою, сомнѣніе въ зыбкихъ силахъ человѣка съ твердою вѣрою въ достаточность своихъ силъ для всякаго подвига; наконецъ, замыселъ величайшаго преступленія, какое было совершено когда-либо въ исторіи, съ неизъяснимо высокимъ пониманіемъ праведнаго и святаго. Все въ ней необыкновенно, все чудно. Точно тѣ зыбкіе струи добра и зла, которыя льются и переливаются въ исторіи, сплетая ея мно-

гостложный узоръ, вдругъ соединились, слились между собою, и какъ въ тотъ первый моментъ, когда человѣкъ впервые научился различать ихъ и начать свою исторію, мы снова видимъ ихъ нераздѣльными и такъ же, какъ онъ тогда, поражены ужасомъ и недоумѣніемъ».

Г. Розановъ находитъ силы преодолѣть этотъ ужасъ, разсѣять недоумѣніе. Тонкая, могучая и искусительная діалектика инквизитора, по его мнѣнію, написана клеветой, которую г. Розановъ опровергаетъ со всей силой страстнаго убѣжденія. Инквизиторъ «беретъ самое важное отношеніе человѣка къ Богу и этимъ отношеніемъ измѣряетъ низость и постоянство его паденія. Стоя предъ ликомъ Бога, между нимъ и человѣчествомъ въ его тысячелѣтнихъ судьбахъ, онъ указываетъ на его святой образъ и, показавъ, что даже и надъ нимъ сумѣлъ надругаться человѣкъ, спрашиваетъ о мѣрѣ его истиннаго достоинства». Г. Розановъ утверждаетъ, что фактами временнаго отпаденія человѣка отъ Бога нельзя разрѣшить вопроса о добрѣ или злѣ, заложенномъ, какъ основа, въ его природу. «Кто смѣетъ—горячо восклицаетъ г. Розановъ—взявъ минуты человѣческаго паденія, даже если бы онъ тянулись вѣка, скажемъ яснѣе, прямо отвѣчая на скрытый вопросъ автора: кто можетъ, видя паденіе и низость своего вѣка и негодованіе возводя въ право, сказать клевету на всю человѣческую исторію и отвергнуть, что въ цѣломъ своемъ она есть чудное и высокое проявленіе если не человѣческой мудрости (въ чемъ можно сомнѣваться), то безкорыстнаго стремленія къ истинѣ и безсильнаго желанія о:уществить какую-то правду?».

Эту мысль, что въ основѣ человѣческой природы лежитъ стремленіе именно къ истинѣ и добру, а не ко лжи и злу, авторъ далѣе подробно развиваетъ чисто логическимъ путемъ. Но здѣсь онъ допустилъ одинъ весьма существенный недостатокъ, лишающій его разсужденія полной убѣдительности для читателя. Скажемъ прежде всего, что авторъ все время смѣшиваетъ понятія «истина» и «правда», ставитъ одно на мѣсто другого, хотя это, какъ извѣстно, далеко не одно и то же. Затѣмъ, авторъ приступаетъ къ доказательству первичности истины въ человѣческой природѣ, не опредѣливъ предварительно самаго понятія истины. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ ведетъ споръ о словахъ. Остается невыясненнымъ, какую истину авторъ имѣетъ въ виду: ту ли, которая опредѣляется, какъ соответствие нашего представленія о предметѣ съ сущностью самаго предмета, или ту, о которой Пилатъ спрашивалъ Христа—«что есть истина?» Въ одномъ мѣстѣ авторъ даетъ что-то въ родѣ слабаго намека, говоря, что «между разумомъ человѣка съ

одной стороны и между истинною, какъ вѣчно достигаемымъ объектомъ, съ другой, существуетъ не простое отношеніе, но соотношеніе». Но этотъ наемъ все-таки мало помогаетъ дѣлу, и ограничиться имъ недостаточно.

Возрадо полнѣе авторъ выяснилъ смыслъ легенды въ отношеніи къ исторіи чело-вѣчества. «Христіанское общество,—говоритъ онъ,—бессмертно, неразрушимо—на столько и до тѣхъ поръ, пока и въ какой мѣрѣ оно христіанское. Напротивъ, началами разрушенія проникнута бываетъ всякая жизнь, которая, ставъ однажды христіанскою, потомъ обратилась къ инымъ источникамъ бытія и жизни. Не смотря на внѣшніе успѣхи, при всей наружной мощи, она переполняется вѣліемъ смерти, и это вѣліе непреодолимо налагаетъ свою печать на всякій индивидуальный умъ, на каждую единичную совѣсть. Легенду объ инквизиторѣ, въ отношеніи къ исторіи, можно разсматривать какъ мощное и великое отраженіе этого особеннаго духа. Отсюда вся скорбь ея, отсюда безпрощанный сумракъ, который накладывается она на всю жизнь. Будь она истинною, чело-вѣку невозможно было бы жить, ему оставалось бы, произнесъ этотъ суровый приговоръ надъ собою, только умереть. Да этимъ отчаяніемъ она и кончается. Можно представить себѣ тотъ ужасъ, когда чело-вѣчество, наконецъ, устроившееся во имя высшей истины, вдругъ узнаетъ, что въ основу устроенія его положенъ обманъ и что сдѣлано это потому, что нѣтъ вообще никакой истины, кромѣ той, что спастись все-таки нужно и спастись-ся нечѣмъ».

Въ такомъ именно положеніи находится, по взгляду автора, западно-европейскій міръ, исполняющій наоборотъ заповѣдь Спасителя—«ищите прежде царства Божія, и все остальное приложится вамъ». «Необозримое множество подробностей и отсутствие среди ихъ чего-либо главнаго и связующаго—вотъ характерное различіе европейской жизни, какъ она сложилась за два послѣдніе вѣка. Никакая общія мысль не связываетъ болѣе народовъ, никакое общее чувство не управляетъ ими,—каждый и во всякомъ народѣ трудится толькѣ надъ своимъ особымъ дѣломъ. Отсутствие согласующаго центра въ неумоляющемъ трудѣ, въ вѣчномъ созиданіи частей, которыя никуда не устремляются, есть только наружное послѣдствие этой утраты жизненнаго смысла. Другое и внутреннее его послѣдствие заключается во всеобщемъ и неудержимомъ неслезновеніи интереса къ жизни».

Это правда: на западѣ всѣ жалуются на какую-то душевную пустоту и утомленность, которая, конечно, и происходитъ отъ потери цѣли жизни. Занявшись накопленіемъ матеріальныхъ богатствъ, отдавши этому занятію всѣ силы безъ

остатка, западно-европейскіе народы про-глядѣли ту великую истину, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ чело-вѣкъ. «Отсюда глубокая печаль всей новой поэзіи, смѣняющаяся кощунствомъ или злобою; отсюда особенный характеръ господствующихъ философскихъ идей. Все сумрачное, безотрадное неудержимо влечетъ къ себѣ современное чело-вѣчество, потому что нѣтъ болѣе радости въ его сердцѣ. Спокойствіе стариннаго разсказа, веселость прежней поэзіи, какою бы красотою это ни сопровождалось, не интересуетъ и не привлекаетъ болѣе никого: люди дико сторонятся отъ всего подобнаго, имъ негнѣстима дисгармонія свѣтлыхъ впечатлѣній, идущихъ снаружи, съ отсутствіемъ какого-либо свѣта въ ихъ собственной душѣ».

«Предъ чело-вѣчествомъ возникаетъ та-кимъ образомъ великая задача вернуть вѣру въ сердце, а съ нею радость и веселіе въ жизнь, чтобы благословить Бога, свою судьбу, благословить другъ друга и всякое дѣло рукъ своихъ». Трудно разсчитывать на германскую и романскую расы, чтобы онѣ выполнили эту задачу. Авторъ съ упованіемъ обращается къ славянской народности, которая «въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу. Одинаково чуждая стремленія какъ къ внѣшнему объединенію разнородныхъ элементовъ, такъ и къ безграничному уединенію каждого элемента внутри себя, она исполнена ясности, гармоніи, влеченія къ внутреннему согласованію какъ себя со вѣмъ окружающимъ, такъ и всего окружающаго между собою черезъ себя. Взаимнѣ насильственнаго стремленія романскихъ расъ все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взаимнѣ упорнаго стремленія германскихъ расъ отъединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей, раса славянская входитъ, какъ внутреннее единство, въ самую разнообразную и, повидимому, непримиримую противоположность. Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, и одновременно отвращеніе ко всему хаотичному и сумрачному заставляють ее, безъ какой-либо насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когда-нибудь и другими народами и, вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчиняются ея духу и пойдутъ, утомленные, ей навстрѣчу».

Идя далѣе, мысль г. Розанова встрѣчаетъ твердую опору въ идеѣ православія, которое онъ считаетъ болѣе полнымъ вмѣщеніемъ духа Евангелія, чѣмъ католичество и протестанство. «Когда намъ будутъ указывать на неизъяснимое величіе католицизма, на безбрежность мысли, заложенной въ немъ, которою онъ унитъ

и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней, мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма: на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло, мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христианство, но духъ евангельскій, но то, чему училъ насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ, ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи. Но вотъ предъ вами бѣдная церковь, вокругъ разбѣянные, около нея группирующіеся домики. Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого-то мальчика, Богъ знаетъ откуда приходившаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служитъ всенощную. Посреди церкви, на аналоѣ, лежитъ образъ, и неторопливо тянется къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что уже утеряно всюду, что не приходитъ на помощь и не укрѣпляетъ надежду—вѣра живетъ въ этихъ людяхъ. То сокрошите, безъ котораго неудержимо изсякаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ безсильно жаждущихъ и гибнущихъ, оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ...

Эти теплыя слова, эта колоритно нарисованная картинка на время покоряютъ читателя. Но очарование скоро же разлетается... Какъ жаль, что исторія идетъ не тѣмъ путемъ, какой рисуется человѣку въ прекрасныхъ мечтахъ! Вся приведенная тирада г. Розанова порывъ лиризма, правда, чистаго и высокаго, но только лиризма... Но чтобы сломить холодную, безпощадную логику «великаго инквизитора», для этого не лиризмъ нуженъ. Г. Розановъ довольно удачно представилъ фактическое и логическое обоснованіе мыслей инквизитора, вѣющихъ холодомъ отчаянія и бѣшенствомъ безотраднаго скептицизма, но попытка противопоставить этимъ мыслямъ положительный идеалъ не можетъ быть признана вполне удачной. Пылкости чувства, пожалуй, можно было бы поубавить, но взамѣнъ того далеко не лишне было внести побольше разсудочной убедительности...

Помѣщенные въ той же книжкѣ этюды о Гоголѣ посвящены развитію мысли, высказанной въ разборѣ «легенды», что вся наша новѣйшая литература «явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбой противъ него». Противоположая эту мысль обычному взгляду, по которому вся наша литература исходитъ изъ Гоголя, авторъ аргументируетъ ее тѣмъ, что у всѣхъ новѣйшихъ

писателей, а особенно у Л. Н. Толстого и Достоевскаго, мы повсюду видимъ человеческую душу, какъ скрытаго двигателя и творца всѣхъ видимыхъ фактовъ. У Гоголя же замѣчается «страшный недостатокъ въ его творчествѣ этой самой черты». Онъ былъ гениальный живописецъ внѣшнихъ формъ и изображенію ихъ, къ чему одному быть способенъ, придать какимъ-то волшебствомъ такую жизненность, почти скульптурность, что никто не замѣтилъ, какъ за этими формами ничего въ сущности не скрывается, нѣтъ никакой души, нѣтъ того, кто бы носилъ силу ихъ». Взгляды эти не лишены нѣкоторой проницательности...

Интересъ описанія всякихъ путешествій соизмѣряется тѣмъ, насколько авторъ описанія обладаетъ наблюдательностью, насколько у него развилась зоркость глаза къ тѣмъ мелкимъ особенностямъ быта и нравовъ чужого народа, которые рисуютъ колоритъ его жизни и уясняютъ его типъ. Г. Ломницкій, издавшій недавно объемистую книгу о Персіи и персахъ¹⁾, обладаетъ этимъ качествомъ вполне, благодаря чему его описаніе читается съ удовольствіемъ. Заслуживаетъ прежде всего упоминанія весьма симпатичное отношеніе автора къ этому народу, въ гостяхъ у котораго ему пришлось прожить три года. Насъ коробитъ, когда гость за хлѣбъ-соль хозяевъ начинаетъ отплачивать имъ достаточно извѣстнымъ приемомъ честить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ; то же нехорошее чувство вызвалъ бы у насъ и путешественникъ, если бы его отзывы о видѣнномъ въ чужой странѣ проникнуты были исключительно духомъ мелкаго сплетничества и презрительнаго недоброжелательства. Разсказы г. Ломницкаго о персахъ имѣютъ то пріятное свойство, что авторъ нисколько не скрываетъ ихъ недостатковъ, странностей, даже явныхъ несообразностей, но, при всемъ томъ, мы думаемъ, даже и персы не обидѣлись бы за его слова, такъ какъ въ нихъ все-таки сказывается какое-то теплое, сердечное отношеніе къ этому народу. Единственный классъ, къ которому г. Ломницкій не скрываетъ своихъ антипатій, это мусульманское духовенство, безжалостно эксплуатирующее народъ, разжигющее въ немъ фанатизмъ и вообще дѣйствующее на него растлѣвающимъ образомъ.

Современный персъ—такъ характеризуетъ націю г. Ломницкій—прежде всего торгошъ, и идеалъ его жизни не идетъ дальше выгоднаго торговли. Онъ не знаетъ большаго удовольствія, какъ съ утра до вечера сидѣть въ лавкѣ на коврѣ, под-

¹⁾ Не, сія и персы. Эскизы и очерки С. Ломницкаго (Реджапъ). 1898—1899—1900 г.г. Съ 44 рисунками. Спб. 1902.

жавъ по-восточному ноги и посапывая кальяномъ, блуждаетъ безсмысленнымъ, Богъ вѣсть куда устремленнымъ, взоромъ, въ которомъ вы не найдете ни отблеска воспоминаній прошедшаго, ни искрящейся надежды на будущее. Вглядываясь ближе въ психическую сторону жизни этого народа, вы поневолѣ убѣждаетесь въ томъ, что его лѣнивая мысль словно повисла среди туманныхъ понятій, привитыхъ ему съ дѣтства религіею, преданіями и его древнею культурою. Изученіе Корана замѣнило у него науку, а понятія о нуждахъ государственной и общественной жизни остались для него навсегда неразгаданной загадкой; сложность этихъ вопросовъ еще болѣе подавляетъ его неподвижную мысль и даетъ полный просторъ фантазій, которую въ дѣтствѣ такъ тщательно культивировало въ немъ его гаремное воспитаніе, а впоследствии въ юности объ этомъ позаботилось фанатическое духовенство. Ни науки, ни искусства, ни литературы, за исключеніемъ древнихъ писателей-поэтовъ, въ Персіи почти не существуетъ. О техникахъ и промышленности и говорить нечего. Отсутствие какихъ бы то ни было общественныхъ и духовныхъ интересовъ, крайняя нищета низшихъ классовъ, произволъ, взяточничество, а зачастую и явный грабежъ господствующихъ слоевъ породили въ населеніи страны крайній эгоизмъ и пассивное, безразличное отношеніе ко всему, что не касается рта и кармана. Любовь къ родинѣ въ болѣе обширномъ значеніи этого слова, преданность государственнымъ или общественнымъ интересамъ, умѣнье ставить ихъ выше подкупа, сознание свято-сти долга, чувство справедливости, гуманности и чести индивидуальной или коллективной—все это забыто, затоптано въ грязь мелкихъ житейскихъ интересовъ и попирается на каждомъ шагѣ. Персія не имѣетъ ни закона, ни суда, и единственное право, практикуемое здѣсь съ успѣхомъ—правосильнаго. Никто ничѣмъ не гарантированъ ни въ своей жизни, ни въ имуществѣ: жизнь человека, какъ и все здѣсь, цѣнится на деньги, при чемъ цѣна ея крайне ничтожна: убить—заплатить женті или родственникамъ убитаго, и дѣло кончено.

При такомъ безправіи гражданскій порядокъ сосѣдней Россіи представляется для перса очень привлекательнымъ. «Каждый разъ, когда въ Тавризѣ случаются безпорядки—разсказывалъ г. Ломницкому торгующій въ Персіи русскій купецъ—большая половина городского населенія является къ нашему консулу съ просьбой о принятіи ихъ въ русское подданство». Престижъ русскаго имени стоитъ вообще въ Персіи высоко. Когда по поводу затѣ-вавшейся табачной монополіи начались народныя волненія, заставившія шаха издать декретъ объ отмѣнѣ ея, мунштедты

потребовали, чтобы на декретѣ значилась поручительная подпись русскаго посланника: въ томъ, что данный декретъ не будетъ отмѣненъ. Многихъ усилій потребовалось, чтобы убѣдить мусульманское духовенство, что нашъ посланникъ не согласится ставить въ неловкое положеніе шаха.

Персія—страна куріозовъ. Женщины, напр., носятъ костюмъ, напоминающій одѣяніе нашихъ балеринъ. Этотъ костюмъ, безспорно, недавняго происхожденія. Говорятъ, что видный покойнымъ шахомъ балетъ въ Европѣ произвелъ на него такое впечатлѣніе, что, по возвращеніи въ Тегеранъ, немедленно было отдано приказаніе Эндеруну (женская половина) одѣть балетные костюмы... А вотъ практикуемый въ Персіи способъ взысканія долговъ. «Кредиторъ становится у воротъ дома должника, кричитъ благимъ матомъ на всю улицу, ударяетъ себя дланями въ перси, расцарапываетъ до крови лицо, рветъ на себѣ одежду и истязуетъ себя до тѣхъ поръ, пока не получитъ слѣдуемыхъ денегъ. Иногда эта церемонія продолжается по нѣсколькимъ днямъ». Одинъ персъ, жившій въ какомъ-то изъ-за кавказскихъ городовъ, вздумалъ примѣнить этотъ дикій способъ къ своему должнику, состоявшему на службѣ въ учрежденіи. «Нѣсколько разъ злосчастный персъ являлся въ помѣщеніе учрежденія и пробовалъ, по обычаю своей родины, истязать себя, но каждый разъ былъ уводимъ блюстителемъ порядка въ мѣста прохладныя. Не добившись ничего такимъ путемъ, персъ, въ припадкѣ крайней досады, окуталъ себя съ ногъ до головы рогожей, облилъ керосиномъ и, вбѣжавъ въ переднюю даннаго учрежденія, зажегъ на себѣ окутывавшую его рогожу. «Пусть онъ такъ горитъ на томъ свѣтѣ, какъ я горю здѣсь!»—кричалъ онъ, называя имя виновника своего бѣдствія и катаясь по полу передней. Пока прислуга успѣла потушить этотъ живой факель, несчастный получилъ такіе ожоги, что спустя нѣсколько часовъ умеръ въ ужасающихъ мученіяхъ».

Книжка г. Ломницкаго съ достаточной полнотой описываетъ современную Персію. Авторъ говоритъ о государственномъ строѣ страны, о торговлѣ, войскѣ, путяхъ сообщенія, о персидскомъ духовенствѣ, сектахъ, мистеріяхъ, о положеніи женщины, рисуетъ домашній бытъ, описываетъ дворъ, и т. д. То и дѣло приходится автору указывать, какъ благодаря нашему русскому ротоуѣйству мы теряемъ рынки, которые безъ борьбы занимаютъ англичане, и лишаемъ себя весьма важныхъ торговыхъ выгодъ. Это уже всегда у насъ такъ...

* * *

Подробную биографию Н. И. Дмитриева собирался когда-то написать кн. П. А. Вяземский, да так и не успѣлъ. Другихъ охотниковъ не нашлось, такъ доселѣ мы и не имѣемъ хоть сколько-нибудь обстоятельной биографіи этого писателя. Этотъ недостатокъ отчасти восполняется автобиографіей Дмитриева («Взглядъ на мою жизнь»), но онъ довелъ ее только до 1820 г. (ум. 1837 г.—въ одинъ годъ съ Пушкинымъ). Описание послѣднихъ дней жизни находимъ только у Погодина. Поэтому весьма важное значеніе будутъ имѣть

изданные К. Я. Гротомъ матеріалы, относящіеся ко времени кончины писателя¹⁾. Въ брошюру вошли письма Дмитриева къ кн. Вяземскому и Н. Е. Плюсковой, письма А. Я. Булгакова, кн. П. И. Шаликова, Иванчина-Писарева, Зовскаго и Д. Муромцева къ кн. Вяземскому. Всѣ письма подробно комментированы и подготовлены для научнаго пользованія изданіемъ.

¹⁾ К. Я. Гротъ. Къ биографіи Н. И. Дмитриева. Непозданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины. Спб. 1902.

Библиологъ.

Его муза.

О развитіи преступности въ Германіи.—Дѣло Штериберга.—Скандалные процессы въ Англіи.—О вліяніи алкоголизма на ростъ преступности.—Не сбывшіяся надежды пенитенціарной сѣльно-католической системы.—Положеніе каторжниковъ въ Новой-Каледоніи.—Картинки изъ быта пумейскихъ вольныхъ и невольныхъ жителей.—Оркестръ сѣльно-музыкальнаго общества.

Быстрое увеличеніе преступности — явление—типическое для современныхъ европейскихъ государствъ и можетъ быть объяснено только невыгодными социальными условиями современнаго строя жизни и главное — во питаніи. Изслѣдованіемъ вліянія этихъ условий на состояніе и движеніе преступности занимается криминальная социологія. Средствомъ же для открытія существующей между преступленіемъ и социальною средою зависимости служить уголовная статистика.

Начало имперской уголовной статистики въ Германіи положено въ 1882 г. Всѣ подлежащія и численію дѣла раздѣляются по официальной статистикѣ на четыре группы: а) преступленія противъ государства, общественнаго порядка и религіи, б) преступленія противъ имущества, в) преступленія противъ личности, г) преступленія по должности.

Первое, что бросается въ глаза, это—быстрый ростъ абсолютнаго числа осужденій. За 18 лѣтъ оно поднялось съ 329,968 на 478,138, т. е. на 44,8%. Въ то время какъ приростъ подлежащаго уголовной ответственности населенія составилъ за промежутокъ времени съ 1882 по 1896 г. 15,8%, число осужденій увеличилось въ то же время на 38,9%. Число осужденій растетъ, такимъ образомъ, гораздо быстрее, чѣмъ та часть населенія, изъ которой выходятъ осужденные. Въ 1882 г. приходилось на 100,000 подлежащаго уголовной ответственности населенія 1,040, а въ 1898 г. 1,257 осужденій,—приростъ въ 20,8%.

Число преступленій противъ государства, религіи и общественнаго порядка поднялось съ 1882 г. по 1896 г. на 60%. Еще сильнѣе возрасло число преступленій

противъ правъ личныхъ. Непрерывно увеличиваясь, оно достигло въ 1896 г. колоссальной цифры 194,582. Приростъ противъ 1882 г. равенъ 81%; разница противъ прироста населенія за тотъ же промежутокъ времени 65,2%.

Совершенно иную картину представляетъ движеніе преступленій противъ правъ имущественныхъ. Съ 1882 г. по 1896 г. число ихъ поднялось всего на 5,2%, оставаясь на 10,6% позади прироста населенія. Въ 1882 г. число осужденій за преступленія имущественныя на 61,996 случаевъ превышало число осужденій за преступленія противъ личности. Въ 1896 г. число вторыхъ превосходитъ уже число первыхъ на 11,958. Такое значительное пониженіе числа имущественныхъ преступленій должно быть отнесено на счетъ постепеннаго подъема экономическаго благосостоянія германской націи. Распределеніе имущественныхъ преступленій по различнымъ частямъ имперіи цѣлкомъ подтверждаетъ правильность этого предположенія.

Такъ напр. городъ Берлинъ съ двухмилліоннымъ населеніемъ, сравнительно съ рѣдко заселенными земледѣльческими округами, находящимися на самомъ низкомъ уровнѣ культуры, даетъ, несмотря на чрезвычайную плотность населенія и безчисленное множество представляющихъ здѣсь на каждомъ шагѣ искушеній и соблазновъ, не болѣе 134,6 осужденій вообще и 34,1—за кражу¹⁾. Зато преступленія противъ нравственности кишатъ въ Берлинѣ, какъ и во всякомъ подоб-

¹⁾ «Право» 1901 г. № 49, ст. г. Шатрова: Движеніе преступности въ Германіи съ 1882 г. по 1898 г.

номъ центръ и хотя не всё становится достояніемъ правосудія, но зато, когда послѣднее наложить на нихъ свою руку, то на судъ развертывается такая грандіозная картина людскихъ мерзостей и пороковъ, что становится страшно. Число осужденій за преступленія и проступки противъ нравственности увеличилось въ теченіе короткаго промежутка времени съ 1887 по 1895 г. не менѣе чѣмъ въ два раза (7,000—14,150). Но при этомъ необходимо имѣть еще въ виду особую природу означенныхъ преступленій, въ силу которой, какъ выше сказано, лишь незначительная часть ихъ всплываетъ наружу; громадное большинство этихъ дѣлъ не доходитъ совсѣмъ до свѣдѣнія судебныхъ властей. Къ числу наиболѣе сенсационныхъ дѣлъ въ томъ же Берлинѣ въ прошедшемъ году былъ процессъ миллионера Штернберга, обвинявшагося «въ совершеніи безнравственныхъ дѣйствій съ лицами, не достигшими 14-ти лѣтняго возраста», и осужденнаго.

На свидѣтельскихъ скамьяхъ фигурировали нѣсколько дѣвочекъ старше 14 лѣтъ, сношеній съ которыми подсудимый не отрицаетъ. Всего въ томъ заведеніи, услугами котораго пользовался Штернбергъ, перебывало въ теченіе полугода отъ 40 до 50 дѣвочекъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ. Большинство изъ нихъ пользовался самъ Штернбергъ, лишь не многія достались на долю не обнаруженныхъ еще пока сподвижниковъ миллионера. И все совершалось удивительно просто и откровенно. Массажистка Фишеръ, поставлявшая Штернбергу живой товаръ, помѣщала время отъ времени въ различныхъ берлинскихъ газетахъ объявленія слѣдующаго содержанія: «пріѣзжіи художникъ ищетъ маленькихъ дѣвочекъ для позированія». На объявленія эти стекались изъ разныхъ темныхъ угловъ Берлина маленькія дѣвочки, для которыхъ смыслъ этихъ объявленій былъ гораздо яснѣе, нежели для мѣстной полиціи. Маргаритѣ Фишеръ не приходилось объяснять дѣвочкамъ, какъ онѣ должны «позировать». Громадное большинство являвшихся позировать уже неоднократно позировали передъ другими «художниками».

На судѣ обнаружилась страшная вещь, а именно, что въ Берлинѣ процвѣтаетъ дѣтская проституція, и выяснились интересныя данныя о жилищныхъ условіяхъ Берлина. Данныя эти опять-таки не новы, но очень многимъ они были неизвѣстны. Рѣчь шла на судѣ главнымъ образомъ о такъ называемыхъ Schlafstätten. Это ночлежные углы, сдаваемые отъ себя бѣдными семьями пролетаріевъ, которымъ не по карману дороговизна берлинскихъ квартиръ. Иные дѣлаютъ себѣ источникъ дохода изъ отдачи въ наемъ ночлежныхъ угловъ. Оставляя себѣ половину комнаты, въ которой въ повалку спитъ вся семья,

они остальную часть комнаты сдаютъ на ночь всякимъ пришлецамъ, въ личности которыхъ хозяева, конечно, не могутъ удостовѣриться. Эти ночлежные углы издавна извѣстны, какъ расадники порока и преступленія, но борьба съ ними ни къ чему не приводитъ. Специальныя постановленія объ отдачѣ въ наемъ ночлежныхъ угловъ, касающіяся главнымъ образомъ вопроса о раздѣленіи половъ, фактически не соблюдаются, какъ это явствуетъ изъ берлинской переписи 1885 г., отмѣтившей 1,100 мужчинъ и 1,665 женщинъ; стало бытъ, вмѣстѣ 2,765 ночлежниковъ обоого пола, ночевавшихъ въ однокомнатныхъ помѣщеніяхъ. И малолѣтнія свидѣтельницы, фигурировавшія въ процессѣ Штернберга, всѣ почти съ самаго ранняго дѣтства проводили ночи въ помѣщеніяхъ, отдававшихся подъ ночлежные углы¹⁾.

Но возвратимся къ процессу.

Квартира массажистки Фишеръ, въ которой Штернбергъ устроилъ свою «мастерскую», помѣщалась первоначально не въ центральной, но очень оживленной части города. Впослѣдствіи художникъ перевелъ свою мастерскую въ самую аристократическую часть Берлина на Вильгельмштрассе, вблизи которой расположены находившіяся въ заведеніи Штернберга обширныя коммерческія предпріятія.

— По дорогѣ отъ одного дѣла къ другому Штернбергъ заходилъ ко мнѣ—отдохнуть и поболтать,—разсказывала на судѣ Маргарита Фишеръ, которая бѣжала было въ Америку, но возвратилась послѣ того, какъ ей было обѣщано судомъ свободный пропускъ.

Въ одно печальное утро Фишеръ въ большемъ волненіи вбѣжала въ бюро Штернберга и показала ему статью мѣстной «Morgenpost» съ сенсационнымъ заглавіемъ «Исчезнувшая дѣвочка». Дѣло шло о пропавшей и до сихъ поръ не найденной дѣвочкѣ Фурнасонъ, неоднократно посылавшей квартиру Фишеръ.

Хотя имя Фишеръ и не было названо, но послѣдняя поняла, что наступилъ моментъ расплаты, и естественно явилась къ Штернбергу. Въ свою очередь, Штернбергъ, хотя и «не зная за собою ничего худого», нашелъ тѣмъ не менѣе весьма благоразумнымъ рѣшеніе Фишеръ немедленно удалиться куда-нибудь подальше, откуда бы не могли достать повѣстки нѣмецкихъ прокуроровъ.

Послѣ короткихъ совѣщаній рѣшено было, что Фишеръ уѣдетъ въ Америку, въ сопровожденіи своей «подруги» Вендентъ—въ дѣйствительности горничной у Фишеръ, исполнявшей всякія ея порученія по дѣламъ. Эта Вендентъ судилась вмѣстѣ съ Штернбергомъ и присуждена

¹⁾ «Право», 1901 г., № 1. Ст. г. Шatroва.

къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Не выполнѣ довѣрія Фишеръ и ея подругѣ, боясь, какъ бы онѣ зря не истратили назначенныхъ имъ на путешествіе и на первоначальное прожитіе въ Америкѣ 1,000 марокъ, Штернбергъ поручилъ своему пріятелю Луппу, — третьему подсудимому, — проводить дамъ до Гамбурга и посадить ихъ тамъ на американскій пароходъ. Луппа, организовавшій впоследствии настоящій синдикатъ для защиты Штернберга, соглашается. Фишеръ убѣждается, а въ полицію поступаетъ только черезъ нѣсколько дней послѣ того заявленіе г-жи Фурнасонъ объ исчезновеніи ея маленькой дочери, которая занималась въ послѣднее время позированіемъ передъ художниками. Мѣсть, гдѣ ея дочь позировала, г-жа Фурнасонъ не знаетъ.

Приступая съ такими скудными данными къ слѣдствію, полиція не могла, конечно, сразу напасть на слѣды настоящаго преступника. Сначала подозрѣвали одного дѣйствительнаго художника изъ Франкфурта. Имя Штернберга, адресъ Фишеръ и секретъ позирования сдѣланы извѣстными полиціи изъ анонимаго письма.

Дѣло чуть было не затормозилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что директоръ криминальной полиціи былъ хорошо знакомъ со Штернбергомъ, старался его выгородить, обходилъ распоряженія прокурорскаго надзора, удалялъ отъ слѣдствія подчиненнаго полицейскаго чиновника, въ рукахъ котораго были всѣ нити дѣла и которому всего легче было собрать доказывающія виновность Штернберга улики. На судѣ же выяснилось, что одинъ изъ подчиненныхъ директора криминальной полиціи, комиссаръ Тиель, получилъ изъ бюро Штернберга 7,000 марокъ. Прижатый къ стѣнѣ, вопросомъ предѣлателя, Тиель сознался, что получилъ эти деньги отъ завѣдывающаго дѣлами «синдиката спасенія» Луппы. По договору, заключенному съ Луппой, Тиель долженъ былъ сообщать синдикату о всѣхъ поступающихъ въ полицію свѣдѣніяхъ, касавшихся дѣла, а, главное, стараться компрометтировать враждебныхъ Штернбергу полицейскихъ чиновниковъ передъ высшимъ начальствомъ.

Самъ Штернбергъ не отрицалъ на судѣ того, что онъ неоднократно бывалъ у Фишеръ, что онъ вступалъ тамъ въ сношенія съ дѣвочками, «но лишь послѣ того, какъ узнавалъ отъ нихъ, что имъ уже больше четырнадцати лѣтъ». Но такая защита не подѣйствовала на судъ, который присудилъ Штернберга къ заключенію въ «Zuchthaus». И въ тотъ самый день, какъ состоялся этотъ приговоръ, директоръ берлинской криминальной полиціи ф. Меершейдтъ-Гюлезеймъ скончался отъ тяжкаго нервнаго потрясенія и

тѣмъ ушелъ отъ дисциплинарнаго производства, которое должно было дать подробныя свѣдѣнія о его роли въ дѣлѣ Штернберга.

* * *

Въ Англіи въ прошломъ году происходили сенсационныя процессы надъ стряпчими или солиситорами, о которыхъ сообщаются интересныя подробности въ письмѣ изъ Лондона, напечатанномъ въ журналѣ «Право».

«Недавно окончилось, читаемъ въ вышеупомянутомъ письмѣ, нѣсколько скандальныхъ процессовъ и подложкины нашихъ Solicitors приговорены къ каторжнымъ работамъ за мошенничество. Между осужденными находится бывший президентъ Law Incorporated Society и предсѣдатель дисциплинарнаго комитета камеры солиситоровъ, который изъ бюрократовъ профессиональной этики переходитъ въ стѣны карательнаго дома на 12 лѣтъ... По нашему мнѣнію, драма, которая разыгралась въ центральномъ уголовномъ судѣ, не есть нѣчто эпизодическое, нѣчто патологически случайное; она даже не есть нѣчто уже законченное; передъ нашими глазами лишь на мгновеніе открылся занавѣсъ, чтобы сейчасъ опять все скрыть...

«Solicitor или прежній attorney соответствуетъ по своимъ функціямъ французскому avoué. Это повѣренный, юридическій агентъ частнаго лица. Институтъ этотъ перешелъ въ Англію изъ Нормандіи, но за симъ принялъ у насъ болѣе рѣзкія очертанія. Мы имѣемъ, стало быть, рѣзкую дифференціацію функцій въ адвокатурѣ: съ одной стороны, адвокатъ — barrister at law или counsel, который говоритъ въ судѣ, съ другой — солиситоръ, агентъ клиента... Въ XVIII столѣтіи является тенденція объединить всѣхъ attorneys въ одну корпорацію и поднять значеніе профессіи. Въ 1825 г. по частной инициативѣ основывается Law Institution, который въ 1831 г. получаетъ королевскую хартію, а съ 1860 г. переименовывается въ Law Incorporated Society¹⁾; съ того времени социальное положеніе и званіе солиситора поднялось. Презрѣнный дотошъ attorney становится опытнымъ юристомъ, а съ введеніемъ дешеваго правосудія получаетъ право защищать въ низшихъ судахъ наравнѣ съ барристеромъ. Въ матеріальномъ отношеніи званіе солиситора еще выгоднѣе, такъ

¹⁾ Этотъ институтъ, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ среди англійскихъ юридическихъ обществъ, организуетъ въ 1833 году юридическое образованіе для солиситоровъ, становится въ 1843 г. официальнымъ регистраторомъ для профессіи и въ 1888 г. даже получаетъ дисциплинарную юрисдикцію, хотя солиситоръ не обязанъ быть членомъ корпораціи.

какъ барристеръ получаетъ полномочіе отъ солиситора, зависить нѣкоторымъ образомъ отъ него и не можетъ явиться въ судъ безъ посредничества солиситора (между нимъ и кліентомъ) какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ. Параллельно этимъ переменамъ въ странѣ совершалась экономическая эволюція; кредитная жизнь неимоვნно развилась, и недвижимая собственность все больше мобилизовалась. Между тѣмъ юридическія формы остались во многихъ отношеніяхъ безъ соотвѣствующихъ измѣненій, какъ напримѣръ вся процедура перехода земельной собственности, форма залоговъ этой собственности. Но что насъ здѣсь больше всего интересуетъ,—это, что въ рукахъ солиситоровъ начали скопляться всѣ опекунскія суммы (trusts). Въ виду усложненія юридической жизни опекуны поневолѣ должны были прибѣгать все больше и больше къ «помощи» солиситоровъ, если само завѣщаніе не включало уже солиситора въ число опекуновъ. Подобнымъ же образомъ и большинство «джентльменовъ съ независимыми средствами» (иначе безъ опредѣленныхъ занятій) и вдовы, незамужнія женщины и т. п., желая получить на свои капиталы больше дохода, чѣмъ имъ могли бы дать государственные консолы и другія «вѣрныя» помѣщенія, прибѣгали къ своимъ солиситорамъ въ надеждѣ, что тѣ найдутъ и хорошее помѣщеніе для капиталовъ и, въ случаѣ надобности, сумѣютъ защитить ввѣренныя имъ деньги, если не обнаженными мечемъ юстиціи, то по крайней мѣрѣ всѣмъ «лукавствомъ», котораго публика ищетъ у юриста.

Такимъ образомъ солиситоръ мало-помалу переставалъ быть прежде всего юристомъ и становился финансовымъ агентомъ, чѣмъ-то въ родѣ банкира,—а затѣмъ фактотумомъ при образованіи акціонерныхъ обществъ. Эта трансформация имѣетъ мѣсто у вершины профессіи. Еще печальнѣе обрисовываются переменныя основанія, полицейскіе суды и графскіе суды имѣютъ свой персоналъ юристовъ солиситоровъ, которые всяческими средствами стараются заполучить дѣла. Полицейскіе чины, смотрители тюремъ, писмоводители и т. п. дѣлаются ихъ агентами, и за это каждый получаетъ святуя въ Англіи «комиссію». Все это дѣлается почти публично, на виду всѣхъ; но публика закрываетъ глаза на это. То, что солиситоръ теряетъ на комиссіи, онъ долженъ вернуть другими средствами. Онъ даже начинаетъ вести своего рода азартную игру: онъ беретъ процессы «въ долгъ», уговариваетъ заводить тяжбы и предлагаетъ кредитъ, что уже прямо запрещено закономъ. И вотъ образчики изъ залы суда. У вершины стоитъ Б. Лэкъ, старикъ 62 лѣтъ. Онъ уже сорокъ лѣтъ состоитъ солиситоромъ и занимается въ профессію-

нальной средѣ высокое положеніе. Онъ былъ даже президентомъ Law Incorporated Society, общества, значеніе котораго мы описали. Онъ много лѣтъ былъ предсѣдателемъ дисциплинарнаго комитета корпораціи, а вотъ теперь онъ отвѣчаетъ передъ судомъ за обманъ. Въ іюлѣ 1900 г. дѣла Лэка были уже очень плохи; онъ объявляетъ себя несостоятельнымъ. Пассивъ превышалъ 2 милліона рублей и на основаніи книгъ можно заранѣе предвидѣть, что 1.700,000 рублей, ввѣренныхъ ему кліентами, пропадутъ безслѣдно. Слѣдствіе выяснило, что по крайней мѣрѣ въ 17 случаяхъ Лэкъ нарушилъ нормы уголовного права. Обвиненіе ограничилось только четырьмя случаями. Первый случай: въ 1888 году нѣкій Джефферисъ оставилъ завѣщаніе, на основаніи котораго часть имущества перешла къ Лэку, какъ къ опекуну по завѣщанію, сдѣланному въ пользу сестры, лэди Кольгаретъ. Завѣщаніе имѣло войти въ силу въ 1896 г., и Лэкъ былъ назначенъ душеприказчикомъ. Тѣмъ временемъ лэди Кольгаретъ перенесла право собственности по завѣщанію на свою дочь, а Лэкъ присвоилъ деньги себѣ. Впрочемъ, когда у него требовались мелкія суммы, Лэкъ платилъ, но изъ другихъ опекаемыхъ имъ суммъ; а наконецъ, онъ не могъ продолжать этой манипуляціи. То же самое сдѣлалъ Лэкъ въ опекѣ Эльсъ. Третій случай: молодой офицеръ, Кэвендишъ, уѣзжая въ Индію, ввѣрилъ Лэку 150,000 руб., изъ которыхъ 120,000 руб. пошло на спекуляціи самого Лэка. Наконецъ деньги опеки Гопкинсъ тоже пошли неизвѣстно куда.

«Какъ видите, факты очень простые. Сложность ихъ происходитъ, съ одной стороны, отъ ихъ многочисленности, а съ другой, отъ специальныхъ условій жизни Лэка: кромѣ почетныхъ должностей въ профессіи, подсудимый состоялъ еще директоромъ въ трехъ желѣзнодорожныхъ обществахъ и во многихъ другихъ акціонерныхъ компаніяхъ. По словамъ ликвидатора, Лэкъ уже въ 1888 году былъ въ затруднительномъ положеніи. За 25 лѣтній періодъ ни разу не было составлено порядочнаго отчета или списка помѣщеній, куда вложены были деньги разныхъ опекъ. Между тѣмъ ежегодный доходъ Лэка доходилъ до 700,000 рублей. Результатъ процесса осужденіе Лэка на 12 лѣтъ каторги. Два дня спустя, другой солиситоръ Арнольдъ, дефицитъ котораго простирался до 3½ милліоновъ рублей, былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги.

Гораздо меньшее наказаніе досталось нѣсколькимъ солиситорамъ за мошенничество самаго вульгарнаго типа. Это были все бѣдняки, которые пользовались своей «ловкостью» въ законовѣдѣніи, чтобы за-получить, что можно, какъ можно и гдѣ можно. Такихъ процессовъ ожидается насъ

еще не мало, да и въ прошломъ году мы уже имѣли ихъ въ достаточномъ количествѣ.

* * *

Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, влияющихъ на преступность, надо считать пьянство. На международномъ пенитенциарномъ брюссельскомъ конгрессѣ въ 1900 г. этотъ вопросъ выяснился съ достаточной ясностью. Всѣ докладчики сошлись въ томъ, что одинаково констатировали влияние алкоголизма на преступность, и нѣкоторые изслѣдователи заключаютъ о существованіи постоянной строгой зависимости преступленій отъ пьянства. По словамъ одного изъ докладчиковъ Визельгрена, «въ этой области, повидимому, царить правильность, которая заставляетъ содрогаться при мысли о законахъ нѣкоторымъ образомъ механическихъ, властвующихъ въ такихъ областяхъ, которыя мы предпочитаемъ разсматривать какъ предоставленныя исключительно одной только человѣческой волѣ и свободному произволу каждаго».

Гарнье, главный врачъ больницы при тюремѣ полицейской префектуры въ Парижѣ, авторъ известной книги «La folie à Paris», говоритъ, что большинство преступленій падаетъ на тѣ провинціи, которыя употребляютъ больше спиртныхъ напитковъ.

На основаніи доклада министра юстиціи за 1899 г., во Франціи приходилось пьяницъ 55% изъ общаго числа убійцъ, 57% поджигателей и 90% нанесшихъ тѣлесное поврежденіе.

Въ засѣданіи Société générale des prisons въ 1899 г. Ривьеръ констатировалъ на основаніи официальныхъ данныхъ среди осужденныхъ въ департаментѣ Нижней Сены 72% алкоголиковъ; при чемъ среди осужденныхъ за нищенство ихъ было 70%, а за насилія—90%.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки число пьяницъ среди осужденныхъ достигаетъ, по словамъ Гарнье, до 72%.

Въ Англіи наблюденія показываютъ, что по отдѣльнымъ графствамъ и по отдѣльнымъ центрамъ общественной жизни преступность усиливается тамъ, гдѣ преобладаетъ пьянство. Можно утверждать, по словамъ компетентныхъ людей, что въ Англіи 50% преступленій обусловлено алкоголемъ, въ Шотландіи это число доходитъ даже до 90%, въ Ирландіи отъ 60% до 80%.

Въ такомъ же родѣ всѣ данныя и объ остальныхъ государствахъ, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что алкоголь чуть ли не главный врагъ челоѣчества и несомнѣнно одинъ изъ опаснѣйшихъ.

* * *

Вопросъ о замѣнѣ ссылки въ каторжные работы и на поселеніе въ коло-

ніяхъ тюремнымъ заключеніемъ въ метрополиі рѣшенъ въ принципѣ во Франціи, и существованіе пенитенциарной Нумейской колоніи представляется уже теперь дѣломъ времени. Результаты существовавшей до сихъ поръ пенитенциарной системы не оправдали возлагавшихся на нихъ надежды какъ съ точки зрѣнія исправленія ссыльно-каторжныхъ, такъ и экономической выгоды ихъ труда. Леонъ Монселонъ, авторъ интересной книги: «Le Bagne et la Colonisation pénale en Nouvelle-Calédonie», такъ опредѣляетъ современную каторгу:—«Каторга», говоритъ онъ, «вовсе не имѣетъ той мрачной физіономіи, какая сохранилась въ нашей памяти отъ впечатлѣній, полученныхъ въ Рошфоръ и Тулонъ; нѣтъ болѣе тѣхъ страшныхъ клѣтокъ, отъ которыхъ и по сію пору остались образцы въ Рошфорѣ и въ которыхъ челоѣческое существо превращалось въ дикаго звѣря; нѣтъ болѣе ни побоевъ, ни розогъ, ни криковъ боли и ярости. Самъ каторжникъ пересталъ быть тѣмъ отвратительнымъ предметомъ, при видѣ котораго пугливыя женщины крестились; онъ пользуется опредѣленнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, у него есть привилегіи, права; онъ требуетъ, чтобы ему давали то, что ему опредѣляетъ государство, онъ получаетъ плату, какъ солдатъ... Короче сказать, каторжникъ въ наше время сталъ персоной, государственнымъ пенсионеромъ, совершенно въ томъ родѣ, какъ инвалидъ, которому даютъ ночлегъ, харчи и четыре копѣйки на табакъ, подъ условіемъ, чтобы онъ подметалъ дворъ или чистилъ дорожки въ саду, но съ тою только разницей, что инвалидъ не страшенъ и такъ какъ его можно выгнать за дверь за нарушеніе правилъ, то къ нему очень требовательны, между тѣмъ, какъ каторжникъ опасенъ, и его нельзя отставить отъ должности, а потому ему льстятъ и его откармливаютъ, чтобы обезвредить на сколько можно, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнены всѣ принудительныя мѣры къ труду»...

И въ какой волшебной обстановкѣ происходитъ его жизнь. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ Жанъ Кароль, посѣтившій Каледонскую каторгу и описавшій ее очень обстоятельно... «Но правдѣ сказать», говоритъ онъ, «если бы трудъ каторжника обставленъ былъ тѣми строгостями, какія я ожидалъ увидѣть, то и тогда каледонскій климатъ, самъ по себѣ, свѣтъ бы ихъ на нѣтъ. Подъ этимъ чуднымъ небомъ, гдѣ нищета представляется лишь нравственнымъ зломъ, лишь бы только не голодать (а каторжники получаютъ достаточную пищу), можно обойтись безъ всего, не страдая. Самые избалованные скоро отвыкаютъ отъ всякаго комфорта. Если бы не стыдливость, то можно было бы ходить голыми, какъ кэ-

наки, испытывая животное удовлетворение от этого климата. Солнце Каледонии грѣетъ, но не печетъ. Обвѣваемая теплымъ вѣтеркомъ болотистая почва производитъ нѣсколько москитовъ, но не даетъ лихорадки.

Эта колонія одна изъ рѣдкостныхъ, которая свободна отъ всѣхъ болѣзней, свойственныхъ жаркимъ странамъ. Въ нея постоянно сухой атмосферѣ эпидеміи, занесенныя извнѣ, быстро обезвреживаются. Вода въ ней превосходная. Нигдѣ сонъ не бываетъ такимъ освѣжающимъ, какъ тамъ. Нѣтъ такой усталости, отъ которой не отдохнуль бы послѣ краткаго сна. Если бы не утренняя роса, то можно было бы обходиться безъ крова. Красота дней, чудная мягкости ночей позволяютъ непрерывно поддерживать вентиляцію въ жилищахъ, такъ что самая новая казарма во Франціи—нездоровое мѣсто сравнительно съ лагерными стоянками, въ которыхъ помѣщаются рабочіе-каторжники.

...Послѣдніе лучше, чѣмъ кто-либо знаютъ всю разницу между ихъ положеніемъ и положеніемъ солдатъ въ казармѣ.

— Развѣ вы принимаете насъ за солдатъ, что-ли?—отвѣтилъ однажды одинъ каторжникъ надзирателю, требовавшему отъ него какой-то трудной работы. Отвѣтъ этотъ сталъ легендарнымъ и очень популяренъ въ Новой Каледоніи.

Подобные же и еще болѣе возмутительныя факты происходили и въ Гвианѣ. Монселонъ утверждаетъ со словъ очевидца, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ каенскій гарнизонъ терпѣлъ недостатокъ въ свѣтлыхъ припасахъ, тогда какъ каторжники могли потихоньку продавать свои мясные порціи. Тотъ же авторъ пересказываетъ слѣдующее:—«Разъ случилось, что каенскій муниципалитетъ, замѣтивъ въ нѣкоторыхъ городскихъ кварталахъ такое скопленіе нечистотъ, что оно могло породить сложныя эпидеміи, обратился къ губернатору, чтобы тотъ приказалъ удалить нечистоты рабочимъ изъ каторжниковъ. Губернаторъ обратился натурально къ директору пенитенціарной администраціи и просилъ его распорядиться, чтобы работа эта была исполнена въ тѣ часы дня, когда улицы бываютъ безлюдны, чтобы не лишать населенія возможности подышать чистымъ воздухомъ съ наступленіемъ вечерней прохлады. Директоръ пенитенціарной администраціи справился съ правилами и убѣдился, что они не позволяютъ подвергать каторжниковъ неудобству работать въ жаркіе часы дня. Онъ счелъ своей обязанностью отказаться отпустить своихъ людей на эту работу. Но общественному здоровью грозила опасность, и муниципалитетъ заволновался и сталъ настанавать, а злополучный губернаторъ

вынужденъ былъ послать солдатъ. И вотъ морскіе артиллеристы должны были выполнять работу, неприятную для господъ каторжниковъ, такъ какъ никакія правила не оберегаютъ отъ нея людей свободныхъ и не преступныхъ, словомъ, солдатъ».

Жанъ Кароль такъ описываетъ свои первые шаги въ Новой Каледоніи: «вступивъ въ эту обитель скорбей, я прежде всего спросилъ:—гдѣ же каторжники? Я говорилъ «каторжники», употребляя старое французское слово, вышедшее изъ употребленія, и произносилъ его чуть не шепотомъ».

Кто-то отвѣтилъ мнѣ самымъ развязнымъ образомъ:—Осужденные? Да вы среди нихъ. Вотъ одинъ снесетъ ваппъ багажъ за скромный на-чаекъ. Сейчасъ, въ отелѣ, въ кофейнѣ, у куафера, въ банѣ вамъ будутъ прислуживать эти же твари. Здѣсь каторга вездѣ. Она тѣсно слита съ непроступнымъ населеніемъ: она садится у нашего домашняго очага. И не думайте, чтобы она навязывалась намъ, напротивъ того, мы ищемъ ея милостей. Въ ожиданіи дня, когда придется обходиться безъ нея, мы пока ладимъ съ нею. Она отравляетъ колонію, но оказываетъ намъ тысячу услугъ. Она доставляетъ намъ рабочихъ и прислугу, въ которыхъ мы нуждаемся. Сегодня вечеромъ, если пожелаете послушать музыки, то отправьтесь съ нами въ концертъ, который даетъ ссыльно-музыкальное общество... Вы думали, что каторга ограничена большею или меньшею частію нашего острова и воображали, что преступники здѣсь, какъ и во Франціи, находятся въ рукахъ правосудія и отлучены отъ честныхъ людей? Вы не знаете, что такое пенитенціарная колонія, и понятія не имѣете объ общественныхъ явленіяхъ, свойственныхъ Новой Каледоніи. «Каторжный»—какъ мы говоримъ—подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть какъ отбывшаго срокъ, такъ и осужденнаго, еще отбывающаго наказаніе—намъ здѣсь не представляется въ сенсационномъ освѣщеніи, которое ему придаетъ новизна преступленія. Онъ является только единицей въ административныхъ переселочныхъ кадрахъ или тѣмъ человѣческимъ отбросомъ, который тюремная стража выбрасываетъ на большую дорогу, по уплатѣ его долга обществу. Въ обоихъ случаяхъ это существо, которое вы удалили изъ вашего населенія, составляетъ часть нашего, и самая чувствительная изъ нашихъ дамъ не содрогается при его видѣ. Конечно, въ нѣкоторой степени эти дикіе звѣри обезоружены, и мы это знаемъ; но главное тутъ: привычка. Подумайте! Вѣдь вотъ уже тридцать пять лѣтъ, какъ каторга пребываетъ съ нами или, вѣрнѣе, мы пребываемъ съ нею... И насколько во всемъ

этомъ проявляется несостоятельность предразсудковъ и относительность принциповъ! Во Франціи вы преслѣдуете грабителей, а здѣсь мы вводимъ ихъ въ свои квартиры въ качествѣ слугъ!

Въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ Нумеи главнымъ поваромъ служить отравитель. Каторжникъ М., осужденный безсрочно за то, что удавилъ собственнаго ребенка въ колыбели, служить у одного изъ моихъ знакомыхъ въ должности няньки, и тѣ не нахвоятся его уходомъ за дѣтишками. Специалистъ, который мнѣ бритъ сегодня лицо, орудовалъ въ былое время ножомъ, теперь онъ орудуетъ бритвой, и я каждое утро спокойно подставляю ему свое горло. Онъ опрятенъ, рука у него легкая, и онъ «чисто работаетъ». Письмоводство и счетоводство въ одномъ изъ значительнѣйшихъ изъ здѣшнихъ торговыхъ домовъ ведется осужденнымъ за поддѣлку чужихъ подписей. Въ химической лабораторіи большой горно-заводской компаніи анархистъ, бывшій «пропагандистъ дѣйствіемъ», обращается со взрывчатыми веществами съ предосторожностями ученаго филантропа, въ погонѣ за научнымъ открытіемъ, благотвѣтельнымъ для человѣческаго рода. У насъ кучерская профессія исключительно «каторжная», но это не мѣшаетъ ѣздить въ фіакрахъ. Когда вы поѣдете на сѣверъ острова для осмотра мѣдныхъ рудниковъ, убійца, которому поручено развѣрживать канатъ той корзинки, въ которой спускаются и поднимаются въ рудникъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи вашу жизнь; но не смущайтесь этимъ особенно, иначе надъ вами посмѣются. Я могъ бы умножить эти примѣры, но это завело бы меня слишкомъ далеко. Знайте, что вообще уволенные съ каторги отлично выполняютъ свои обязанности. Каторга, пожалуй, вѣрнѣйшая изъ наемныхъ конторъ. Рѣдко, рѣдко поступаютъ въ нее жалобы отъ ея кліентовъ. Вы широко раскрываете глаза: еще не много, и вы повѣрите въ чудеса, которыми льститъ себя пенитенціарная система ссылки. Не спѣшите и прежде всего не теряйте изъ виду, что при малѣйшей провинности отпущенники каторги лишаются выгодъ своего положенія, которое достается имъ какъ награда за хорошее поведеніе, и снова водворяются въ коллективное каторжное сожителство, т. е. возвращаются къ общей жизни подъ вѣчный надзоръ тюремной стражи, который имъ ненавистенъ. Вотъ и все объясненіе ихъ примѣрнаго поведенія. Да и то еще бываетъ, что послѣ того, какъ они вкрадутся въ довѣріе своихъ нанIMATEлей, они ихъ обкрадываютъ, а въ случаѣ чего и убиваютъ, чтобы добыть средства, необходимыя для побѣга. Съ этими превосходными слугами, точно такъ же, какъ и съ тѣми худыми, какіе у васъ во Франціи, необходимо всегда держать ухо востро...

— А часты ли побѣги?

— Около пятидесяти въ мѣсяцъ, изъ которыхъ одинъ или два увѣнчиваются успѣхомъ... для остальныхъ же исходомъ является пасть акулы.....

— Какъ и во всякомъ людскомъ стадѣ, на каторгѣ должны быть свои шуты гороховые?

— Безъ сомнѣнія. Вы увидите на ней всякіе типы людского паденія: мономановъ, маниаковъ, дикихъ звѣрей и даже кроткихъ кретиновъ. Отъ времени до времени каторга выпускаетъ за дверь уволенныхъ различныхъ категорій, и наши улицы и дороги обогащаются новыми фizioноміями. Мы говоримъ себѣ:—Эй, откуда взялась эта фигура? Но недоумѣніе длится не долго: только тюремный надзоръ могъ образовать такіа жалкія или гадкія существа; онъ отмѣтилъ ихъ такъ же неизгладимо, какъ былыя клейма. Въ числѣ ихъ нѣкоторые становятся скорѣ популярными, благодаря какой-нибудь индивидуальной, чертѣ—какъ, напр., продавецъ овъшей, который знакомъ всѣмъ нумейскимъ хозяйкамъ (до своего осужденія онъ былъ священникомъ и профессоромъ богословія въ большой семинаріи)¹⁾, или же тотъ ссыльный, который записался слугою своей собственной жены, мужественной женщины, добровольно послѣдовавшей за мужемъ изъ Франціи въ Нумею. и который стоитъ теперь во главѣ цвѣтушаго торговаго предпріятія.

— Встрѣчаются ли еще здѣсь кое-кто изъ политическихъ ссыльныхъ?

— Метрополія за исключеніемъ двоихъ или троихъ вернула къ себѣ крупныхъ дѣятелей, и они оставили здѣсь по себѣ добрую память. Небольшое число бывшихъ коммунаровъ второго или третьяго разряда у насъ еще остались. Нѣкоторые изъ нихъ сумѣли занять прекрасное положеніе въ различныхъ отрасляхъ промышленности; но для этого имъ пришлось разстаться съ своими уравнилельными мечтами. Послѣдній изъ покинувшихъ насъ для лучшаго міра былъ трактирщикомъ въ Бурайлѣ и оставилъ по себѣ капиталъ въ восемьдесятъ тысячъ франковъ звонкой монетой.

Самая обширная плантація въ колоніи принадлежитъ бывшему ссыльному. Другіе перебивались кое-какъ, всѣмъ интересуясь, даже мѣстной политикой, которая ничтожна, но ничего не добились. Это безразсудные люди, болтуны. Нѣкоторые по необходимости или изъ бравады основали такіе невѣроятные домашніе очаги, что имъ даже здѣсь удивляются. Эти обломки мятежа 1871 г. отличаются своей особенной фizioноміей, которая составляетъ одну изъ наиболѣе оригинальныхъ каледон-

¹⁾ См. «Н. Ж. И. Л.», февраль: «Изъ лѣтописи преступленій».

скихъ чертъ. Л. С., старинный служака коммуны, основатель постоянный дворъ, подобнаго которому не скоро найдешь. Онъ заявлять клиентамъ, приходившимъ спозаранку откушать:

— Подождите, я сажусь за столъ въ двѣнадцать часовъ. А тѣмъ, которымъ е не вѣлилось помѣщеніе:

— Мой домъ вамъ не по вкусу? А мнѣ ваша физіономія и того меньше. Изъ духа оппозиціи, онъ никогда не хотѣлъ оказать гостепріимство губернатору. Оппозиція правительству и война съ священникомъ любимое занятіе этого стараго коммунара.

День клонился къ концу. Передъ террасой трактира, на которой мы сидѣли между «цвѣтнымъ» судьей и бывшимъ каторжникомъ, ставшимъ владѣльцемъ довольно значительныхъ рудниковъ, проѣзжали въ каретахъ, съ сквернаго вида кучерами, очень нарядныя и большею частію хорошенькія женщины. Проѣхалъ экипажъ губернатора, за нимъ директора пенитенціарной администраціи. Затѣмъ проскакало нѣсколько амазонокъ, кокетничая съ приличными въ высшей степени всадниками. То была восхитительная часть, когда нумейская аристократія совершаетъ ежедневно прогулки—среди феерическаго пейзажа, настоящаго оазиса съ гигантскими бананами, кокосовыми деревьями и большими тропическими цвѣтами. Морской вѣтерокъ, напитанный ароматомъ, этотъ каледонскій благовонный вѣтерокъ, которымъ дышатъ 15,000 каторжниковъ и который, быть можетъ, является самымъ пріятнымъ и здоровымъ дуновеніемъ во всей природѣ, нѣжно обвѣвалъ намъ лицо.

— Удивительно,—сказалъ я своему собесѣднику,—какъ мало походить эта страна на юдоль плача! Безъ сомнѣнія, этотъ лицемѣрный вѣтерокъ уноситъ вдаль на такое разстояніе, откуда эхо не долетаетъ, скрежетъ зубовой, крики ярости и боли, которые несутся изъ вашихъ исправительныхъ учрежденій?

— Вѣдь полагаю же, наконецъ, что не вся каторга собрана въ вашихъ домахъ? Я слышалъ про каторжниковъ, въ одиночномъ заключеніи даже на цѣпи, про дисциплинарные лагеря, про тысячу строгостей, примѣненіе которыхъ не походитъ на существованіе quasi свободнаго осужденнаго, которое вы мнѣ только-что описали. Неужели же, когда я проникну въ замкнутыя ограды каторги, я натолкнусь тамъ на такіе же парадоксальныя картины?

— Вы увидите картины ужасныя, грязныя, смѣшныя, но все онѣ одинаково произведутъ на васъ впечатлѣніе колоссальной нелѣпости.

— Но какъ же законъ 1854 г.?

— Онъ самъ по себѣ не безусловно дуренъ; но такъ какъ примѣненіе его было ввѣрено чиновничьимъ мозгамъ, то его не

замедлили отвлечь отъ настоящаго его предмета, и въ концѣ концовъ въ немъ не осталось почти ничего отъ того духа, въ какомъ онъ былъ задуманъ. Законодатель выразилъ надежду, что осужденные исправятся благодаря труду. Въ этомъ онъ ошибся, такъ какъ было плохо освѣдомленъ на счетъ англійскаго опыта въ Ботани-Бей, и былъ зараженъ фальшивой филантропіей, отголоскомъ романтизма. Падшій человекъ можетъ подняться лишь добровольнымъ, а не принудительнымъ трудомъ. Идеаль каторжниковъ заключается не въ томъ, чтобы подняться въ глазахъ общества посредствомъ труда, а въ томъ, чтобы уклониться отъ обязанности работать, и они столько же стремятся лечь въ больницу, какъ и убѣжать на свободу. Въ больницѣ за вами хорошо ходятъ, и не надо ничего дѣлать. Но, чтобы попасть въ больницу, надо быть признаннымъ больнымъ. И такъ если болѣзнъ сама не приходитъ, то надо ее вызвать или симулировать. На каторгѣ симуляція болѣзней достигаетъ размѣровъ науки. Это даже единственная пенитенціарная наука, какую стоитъ изучать. Она и изучается серьезно морскими и колоніальными врачами, прикомандированными къ различнымъ пенитенціарнымъ заведеніямъ. Одинъ изъ наиболѣе освѣдомленныхъ докторъ Пьерръ сообщаетъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Гвианѣ и въ Новой Каледоніи. Многочисленныя и куріозныя, они уже образуютъ кладезъ ложной патологіи, столь же интересный для профановъ, какъ и для людей науки. Само собой разумѣется, что каторжникъ старается какъ можно меньше повредить себѣ, и только дураки убиваютъ себя. Вообще же симуляторы очень искусны и умѣютъ останавливаться на той границѣ, когда выздоровленіе возможно, но сдѣлано всевозможное для отвода глазъ диагностикѣ. Но когда врачъ прослужитъ нѣкоторое время въ госпиталѣхъ каторги, говоритъ докторъ Пьерръ, то онъ проникнется убѣжденіемъ, что очень много болѣзней у ссыльныхъ, если не большинство ихъ болѣзней, искусственныхъ.

Пожизненный осужденный не колеблясь, калѣчитъ себя, чтобы избавиться отъ ручного труда. Такъ у одного изъ нихъ достало духу, страшно сказать, ослѣпить себя! Другой, хотя и осужденный на срокъ, отрезалъ себѣ три пальца на правой рукѣ. Этому человеку было всего тридцать пять лѣтъ, онъ былъ сильнаго тѣлосложенія, но не хотѣлъ работать по принужденію.

У кого не хватаетъ энергіи стать «инвалидомъ», тотъ довольствуется больницей. Такъ поступаетъ большинство осужденныхъ на срокъ, симулируя болѣзнь.—Они очень сильны въ этомъ, надо сознаться, говоритъ докторъ Пьерръ. Мы часто оши-

баемся и будемъ ошибаться, пока будетъ существовать каторга. Между катараль-ной желтухой и той, которую вызываютъ куря табакъ, пропитанный сначала растительнымъ масломъ, затѣмъ высушеннымъ; между острой диссентеріей и той, которую производятъ впрыскиваніемъ зеренъ *hava serpitans*, трудно постановить различный діагнозъ, если останавливаться только на однихъ чисто внѣшнихъ признакахъ.

Было бы затруднительно и скучно перечислять всѣ способы, какими симулируются различныя болѣзни. Особенно богаты рецепты для производства всевозможныхъ ранъ. Достаточно сказать, что какъ скорбуть, такъ и сифились симулируются. Обнаруженіе симулированной болѣзни влечетъ за собою для пациента послѣ выздоровленія мѣры исключительной строгости. Но это не останавливаетъ симуляторовъ. На каторгѣ живутъ настоящимъ днемъ. Память о страданіяхъ или потребностяхъ завтрашняго дня сглаживается передъ животнымъ побужденіемъ удовлетворить какой-нибудь минутной потребности, въ особенности же инстинкту лѣни. Все это и многое другое неизвѣстно докторамъ по пенитенціарному праву, но вполне знакомо докторамъ медицины, на службѣ у пенитенціарной администраціи. Они изслѣдовали всесторонне сердца и организмы; они насквозь знаютъ патологию и психологию каторги; съ ними бесполезно фантазировать на тему исправленія. Поэтому осужденный, дерзкій или насмѣшливый съ военными надзирателями всѣхъ чиновъ, дрожитъ передъ врачомъ. Онъ для него больше, чѣмъ административный начальникъ. Онъ вѣдаетъ его секреты. Его тоже можно обмануть, но гораздо, однако, труднѣе; простымъ лицемѣріемъ этого не достигнешь. И, понятно, что за это его сильнѣе ненавидятъ. У изголовья больного часто можно наблюдать любопытную борьбу между страхомъ, исполненнымъ ненависти у пациента, и недоумѣріемъ врача, который постоянно насторожѣнъ.

Заклучимъ эти очерки любопытной картинкой «каторжнаго» концерта.

«Я чувствовалъ, говоритъ Жанъ Кароль, странную симпатію къ этимъ неизвѣстнымъ музыкантамъ потому, что наивно воображать, что серьезно-музыкальное общество набирается изъ персонала бюрократии или тюремнаго надзора. Но каково было мое изумленіе, когда, подойдя къ кіоску на Кокосовой площади, — родъ общественнаго сада, куда вся Нумеа стекается дышать вечерней прохладой, — я увидѣлъ, что филармоническая фаланга, которой предоставлено было смягчать нравы колоніи, принадлежала къ «преступному элементу». Программа концерта была напечатана въ газетахъ; она же была

пришпилена булавами къ нѣкоторымъ деревьямъ площади. На выборѣ произведеній отразилась та эпоха, когда старый виртуозъ, распорядившійся репертуаромъ, порвалъ всѣ музыкальныя и инныя связи, чтобы найти примѣненіе своимъ талантамъ безсрочное, подъ опекою пенитенціарной администраціи.

Исполнялись самыя старинныя вещи Обера и Понятовскаго.

— Замѣьте фигуру капельмейстера, сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ. Это бывшій священникъ, меломанъ, авторъ нѣсколькихъ ораторій и множества насилій *in utroque*.

Священникъ, дѣйствительно: онъ сохранилъ нѣсколько профессиональных жестовъ, оправдывая такимъ образомъ даже подъ ливреей каторжника изреченіе: *Tu es sacerdos in aeternum!* Онъ размахивалъ своимъ капельмейстерскимъ жезломъ съ властнымъ видомъ. Глаза его время отъ времени бросали сверкающіе взгляды направо и налѣво; тонкія губы точно были сжаты; старыя руки, когда-то благословлявшія народъ, остались бѣлыми и нѣжными. Послѣ каждой пьесы музыканты садились, прислонялись къ баллюстрадѣ кіоска въ небрежныхъ позахъ отдыхающихъ артистовъ, обмѣнивались улыбками надъ ошибкой товарища, начавшаго раньше времени, посылали скромное *bravo* солисту, который вызвалъ аплодисменты публики. Обыкновенно аудиторія на этихъ концертахъ воздерживается отъ всякаго выраженія одобренія или неодобренія; но бываютъ вечера, когда *brío* перваго корнета *à pistona* торжествуетъ подъ этимъ пренебреженіемъ. Я попалъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ.

По всѣмъ видимостямъ, у г. г. музыкантовъ царствуетъ добровольная дисциплина, черпающая свою силу въ чувствѣ корпоративнаго достоинства. Если двое надзирателей приводятъ ихъ изъ Монравеля въ Нумею и ходятъ дозоромъ вокругъ кіоска во время концерта и уведатъ ихъ обратно въ Монравель между десятью и одиннадцатью часами вечера, то въ этомъ надо видѣть скорѣе привычную церемонію, нежели предосторожность. Какъ предосторожность, это было бы нелѣпостью. Что значили бы эти двое людей передъ сорока каторжниками на дорогѣ вдоль морского берега, въ безлунную ночь... То же самое можно сказать и про всѣхъ военныхъ надзирателей, которымъ поручено сторожить осужденныхъ, работающихъ на дорогахъ или въ рудникахъ. Одинъ надзиратель приходится на тридцать человѣкъ рабочихъ каторжниковъ: въ такихъ условіяхъ покорность послѣднихъ можетъ быть объяснена только ихъ доброй волей и, если между ними не бываетъ возмущенія, то потому, что конвой ихъ больше походитъ на почетъ

ный конвой. Итакъ, бунтовъ не бываетъ или очень рѣдко. Да и къ чему бунтовать, когда можно быть приблизительно довольнымъ своимъ положеніемъ? Побѣги бываютъ, потому что человѣкъ такъ созданъ, что предпочитаетъ голодную свободу сытому рабству; но вотъ и все. Но тѣмъ менѣе насчитывается бѣглецовъ среди музыкантовъ каторги. Да и понятно, что они предпочитаютъ оставаться въ Нумеѣ. Мало-по-малу между артистами и образованнымъ обществомъ, котораго досуги они разнообразятъ, образуется извѣстная связь. Иные изъ музыкантовъ, красивые малые, не равнодушны къ удовольствію періодической выставки на глазахъ у

дамъ извѣстной категоріи; а свобода каторжной жизни на открытомъ воздухѣ настолько велика, что позволяетъ инымъ изъ нихъ, на которыхъ указываютъ какъ на героев *crimes passionnels*, заводить интимное знакомство съ нумеянками, охотницами до сильныхъ ощущений. Наконецъ,—и эта причина должна первенствовать надъ всеми остальными,—есть въ повседневной жизни много профессій безконечно тяжелѣе профессіи, состоящей въ томъ, чтобы заниматься музыкой восемь часовъ въ день, среди цвѣтовъ, и подъ ласковымъ дуновеніемъ благовоннаго вѣтерка.

А. Э.

Экспрессивная фізіономія въ стилѣ новѣйшаго символизма.

и не все себя позволяют, зная, что они не расположены все выносить. Но наследники министров тирании будут тиграми, созданными для того, чтобы терзать, а наши дѣти—глупыми баранами, созданными для растерзания.

О прекрасная нація, пропустила ты моментъ! О несчастная нація, я не могу не плакать надъ твоей судьбою!

Стоитъ высокая гора; одинъ бокъ ея крутъ, а другой прямо обрывистъ, вершина же представляетъ собою равнину, болѣе или менѣе обширную. Нація растущая взбирается по крутому боку; нація созрѣвшая прогуливается по равнинѣ; а нація отжившая свертывается съ обрыва. Мы надъ нимъ и стоимъ.

Я нарисовать передъ вашимъ императорскимъ величествомъ картину величественную, но пагубную. Пусть ваше нѣжное сердце будетъ ею тронута, но не обезкуражено. Понадобились вѣка для того, чтобы приготовить наше паденіе, и это паденіе могло бы быть замедлено мудрыми законами и учрежденіями, если бы они у насъ были. Подумайте, государыня, о томъ, что я вамъ нарисовать картину разрушенія кучи песка, случайно собраннаго обстоятельствами въ одно мѣсто, а вамъ предстоитъ ставить себя памятникъ на скалѣ, связавъ различныя его части желѣзными скрѣпами. Скала выѣтрится, правда, скрѣпы ослабѣютъ, камни разойдутся, и памятникъ рухнетъ со временемъ. Но онъ просуществуетъ сто вѣковъ; сто вѣковъ постоянного счастья, доставленнаго удивительнымъ гениемъ вашего императорскаго величества тридцати милліонамъ народа, развѣ этого мало для вашей великой души?

23) Я продолжаю. Въ царствованіе Людовика Святого, Королевскій Совѣтъ раздѣлился на департаменты.

Этотъ монархъ, часто путешествовавшій, прежде всего считалъ необходимымъ оставлять часть членовъ своего Совѣта дома, для выслушиванія отчетовъ балы и храненія разныхъ коронныхъ актовъ, хартій, законовъ.

24) Удивительно, какое значеніе приобрѣтаютъ иногда пустяки: эти отдѣленные Людовикомъ Святымъ члены Совѣта стали называться хранителями и защитниками основныхъ законовъ націи.

Мѣстопробываніемъ для нихъ былъ назначенъ Тамплъ въ Парижѣ.

дидро.

25) Счетная Палата (Chambre des Comptes) есть первое судебное учрежденіе въ нашей исторіи.

А чему она обязана своимъ существованіемъ? Частымъ путешествіямъ короля. Когда самыя важныя учрежденія основываются по капризу случая, то какъ же имъ не сталкиваться взаимно и не разрушаться? Они вѣдь не суть части одного и того же зданія, задуманнаго талантливымъ архитекторомъ, подбравшимъ камень къ камню. Камни, въ данномъ случаѣ, укладывались сами, безъ плана, порядка и симметріи, при чемъ образовали, конечно, весьма потѣшное зданіе.

И какова же должна быть продолжительность существованія учреждений, возникшихъ по капризу случая? При король-домосѣдѣ, сойдется ли Счетная Палата съ Совѣтомъ, котораго считалась частью? Никонимъ образомъ! Случайное зло держится иногда, въ государствѣ, долѣе преднамѣреннаго. Преднамѣренное зло замѣтно и всѣхъ пугаетъ, а случайное зло можетъ пройти незамѣченнымъ.

Продолжайте, ваше величество, строить ваше зданіе, насколько хватитъ времени и, изъ состраданія къ вашему народу, собственной рукой укажите вашимъ наследникамъ, какъ оно должно быть достраиваемо. Я боюсь, что безъ этого, лѣтъ черезъ двѣсти или триста—если небу будетъ угодно вернуть васъ на землю—вы найдете его выстроеннымъ не по плану и снабженнымъ ненужными пристройками.

«Но кто же мнѣ поручится, что мой наследникъ будетъ сообразоваться съ моими указаніями?»

Его сердце, его умъ, его воспитаніе, ваши совѣты и вашъ примѣръ. Во всякомъ случаѣ, ваше величество сдѣлаете все возможное для счастья вашего народа, какъ вы его понимаете. А остальное—дѣло судьбы.

26) Обязанности балы состояли тогда почти единственно въ полученіи доходовъ и производствѣ расходовъ.

По первоначальной мысли, они не были судьями, а должны были только слѣдить за тѣмъ, чтобы въ ихъ округахъ судъ былъ производимъ кѣмъ слѣдуетъ.

Тогда существовали двѣ формы суда: судъ пэровъ и судъ прюдомовъ или мудрыхъ людей.

Апелляція на судъ пэровъ приносилась въ феодальныя суды, собиравшіяся на каждый данный случай.

Апелляція на судъ прюдомовъ приносилась въ Совѣтъ короля или одного изъ его крупныхъ вассаловъ.

Въ феодальныхъ судахъ дѣло рѣшалось поединкомъ.

Въ Совѣтъ — показаніями свидѣтелей, занимаемымъ Людовикомъ Святымъ изъ римскаго права.

27) Эта послѣдняя процедура показала, что король и крупнымъ вассаламъ болѣе подходящей, и потому ихъ придворные суды были заняты рѣшеніями почти всѣхъ судебныхъ дѣлъ. Бароны и пэры почти не сзывались, потому что судъ ихъ вышелъ изъ употребленія. Такимъ образомъ суды королевскихъ Совѣтовъ, основанныхъ совѣтъ съ другими цѣлями, сдѣлались единственными высшими судебными учрежденіями.

28) Подобно тому, какъ Филиппъ-Августъ, отправляясь въ Святую Землю, поручилъ королевѣ, своей матери, собирать въ Парижѣ, каждые четыре мѣсяца, ассизы, для выслушанія отчетовъ баровъ и жалобъ на нихъ, Людовикъ Святой оставлялъ въ Парижѣ часть своего Совѣта для той же цѣли.

Во время такихъ ассизовъ, Совѣтъ короля судилъ и всѣ дѣла, къ нему поступающія — обычай, который существовалъ очень долго.

Дни засѣданій заранее не назначались, но обыкновенно это было послѣ большихъ праздниковъ. Назывались они днями говоренія, парламентами — названіе, которое придавалось тогда всякому собранію, на которомъ говорили, обсуждали что-либо.

29) Въ два сдустя, эти коммисіи, составлявшіяся ежегодно изъ лицъ, которыхъ королю угодно было назначить, заняли мѣсто, подобное занимаемому Счетными Палатами — стали постоянными государственными учрежденіями, и за ними сохранилось названіе парламентовъ, въ началѣ придававшееся только временному засѣданію.

30) Вотъ откуда взялся Парламентъ, трибуналъ, въ которомъ ваше величество не увидите, конечно, ни одной черты, свойственной учрежденію, предназначенному для защиты народовъ отъ произвола глупаго или злого монарха.

Произошелъ онъ столь же случайно, какъ и другія учрежденія, прерогативы его столь же неопредѣленны, существованіе столь же непрочное.

Палата прошеній (Chambre des requêtes) и Слѣдственная Палата (Chambre des enquêtes)

не входили тогда въ составъ Парламента. Если въ послѣдствіи и даже въ то самое время ихъ объединяли подъ тѣмъ же названіемъ, такъ только потому, что король назначалъ ихъ членовъ въ ассизы.

31) При раздѣленіи Королевскаго Совѣта на департаменты, повѣрка приказовъ короля тоже была раздѣлена между послѣдними.

Счетная Палата повѣряла приказы, касающіеся управленія домѣнами, казной и вообще адресованными къ баровъ.

Если баровъ находили что-нибудь въ этихъ приказахъ неяснымъ, то за объясненіемъ обращались къ членамъ Счетной Палаты, которые, въ свою очередь, справлялись съ мнѣніемъ короля.

Вскорѣ король оставилъ за собою право дѣлать такіе разъясненія, и потому его приказы стали проходить уже не черезъ Счетную Палату, а черезъ канцелярію.

32) Парламентъ, Палата прошеній и Палата слѣдственная должны были провѣрять приказы короля, относящіеся къ суду, каждый по своей части.

Слова провѣрять, провѣрка кажутся очень скромными. Можно думать, что дѣло идетъ о простомъ сличеніи копии приказа съ его оригиналомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ провѣркой называлось сличеніе воли монарха съ законами и здравымъ смысломъ.

Если король желалъ издать приказъ, реформирующий строй государства, то онъ долженъ былъ посоветоваться съ баронами и заручиться ихъ согласіемъ.

33) Бароны, переставъ быть самостоятельными, но входя въ составъ Королевскаго Совѣта, продолжаютъ участвовать въ составленіи приказовъ, имѣющихъ крупное государственное значеніе. Приказы эти провѣряются парламентами или счетными палатами, а когда дѣло идетъ о финансахъ и управленіи домѣнами, то оба эти учрежденія сливались воедино.

Парламентъ, между прочимъ, сталъ входить и въ прямые сношенія съ баровъ и сенешалями, препровождая къ нимъ приказы короля и давая по онымъ разъясненія, тѣмъ болѣе, что всѣ королевскіе чиновники подлежали его судебной юрисдикціи въ дѣлахъ между собою и съ частными лицами.

34) Наконецъ, Cours des Aides, хотя и не вышедшій изъ среды Совѣта, тѣмъ не менѣе долженъ былъ провѣрять приказы, относящіеся къ дѣламъ, которыя подлежали его

вѣдѣнію, то-есть чисто финансовымъ, однако же не тѣмъ, которыми завѣдывала Счетная Палата.

Ни одинъ приказъ не долженъ быть пройти, не будучи провѣреннымъ. Парламентъ и Счетная Палата обязаны были задерживать приказы впредь до провѣрки.

Пмъ даже было вѣнено въ обязанность не только задерживать приказы, но и копировать тѣ изъ нихъ, которые оказывались противными законамъ, не слушая ни словесныхъ, ни письменныхъ внушеній короля на этотъ счетъ.

Приказъ Людовика X, отъ 15-го мая 1315 г., и множество другихъ такихъ же обязываютъ ихъ къ этому во имя долга вѣрно-подданнаго и любви къ самому же королю.

35) Вотъ тѣ перевороты, которые совершились въ нашемъ государственномъ строѣ и затѣмъ, въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, онъ почти не измѣнялся, какъ вдругъ сразу былъ уничтоженъ безъ всякаго сопротивленія, — снесенъ, какъ соломенная крыша старой хижины сносится вѣтромъ.

Но прежде чѣмъ пойду далѣе, я долженъ сдѣлать одно важное замѣчаніе: многіе мудрые короли, какъ мы видѣли, принимали самыя серіозныя мѣры къ тому, чтобы заставить официальныхъ ремонстрантовъ твердо исполнять свои обязанности — тщательно провѣрять приказы и, рискуя неудовольствіемъ монарха, не повиноваться ему, буде приказъ окажется вреднымъ, несогласнымъ съ законамъ. Чтѣ же изъ этого, однако, вышло? Ничего такого, чтѣ должно бы было выйти. Когда король требуетъ такихъ вещей, то ему обыкновенно не повинуются, если только онъ дѣйствіями своими не докажетъ, что въ самомъ дѣлѣ желаетъ, чтобы ему повиновались. А когда же дѣйствія королей это доказывали? Я не знаю. Да если бы и такъ, то развѣ наслѣдники такого короля не могутъ сказать: «Предокъ мой хотѣлъ этого, а я не хочу». Во всякомъ случаѣ ремонстранты желали, чтобы король не могъ никого изъ нихъ смѣнить безъ суда; они считали свои должности пожизненными.

Почему всѣ эти учрежденія не принесли ничего хорошаго? Потому что они были созданы одной только волей короля; потому что передача имъ части общественной власти была плохо закрѣплена; потому что придворный никогда не будетъ стоять за народъ, а останется приверженцемъ короля. Безпо-

лезно было бы распространяться по поводу обстоятельства, достаточно подробно разсмотрѣннаго мною, когда я говорилъ о регистраціи.

36) Раньше у насъ было правленіе чисто монархическое; по крайней мѣрѣ, мы считали его таковымъ. У насъ былъ король, всемогущій въ своей странѣ; между королемъ и народомъ стояла корпорація, облеченная правомъ приостанавливать исполненіе воли короля — если эта воля не провѣрена, то-есть не признана ремонстрантами согласной съ закономъ, то ей не обязательно было повиноваться; законы могли быть провозглашаемы только послѣ провѣрки и регистраціи — весьма важной и непріятной министрамъ формальности.

Вдругъ является ничтожный человѣкъ¹⁾, небогатый, не знатный, не особенно умный, но обладающій лукавствомъ, низостью, двоедушіемъ, мстительностью, ненасытнымъ самолюбіемъ и дерзостью.

Этотъ человѣкъ, обманувшій своего отца, президента Парламента, а потомъ — канцлера, для того, чтобы самому занять эти должности, задумалъ отмстить членамъ той корпораціи, въ которой предѣлательствовалъ, за нѣкоторыя оскорбленія, отъ нихъ полученные. Подобно безразсудному негру, засунувшему руку между жерновами мельницы, онъ не остановился передъ разрушеніемъ всей машины для того, чтобы спасти себя, и, дѣйствительно, сломать эту машину, не столько благодаря своей силѣ, сколько благодаря слабости и глупости своихъ противниковъ.

Онъ убѣдилъ короля въ томъ, что ремонстранты водятъ его на помочахъ.

Онъ далъ королю понять, что контролированіе его священной воли какими-то людьми роняетъ достоинство королевскаго сана.

Онъ напомнилъ ему тѣ случаи, въ которыхъ какая-то смѣшная регистрація стѣсняла и даже совсѣмъ задерживала исполненіе этой священной воли и мудрыхъ предначертаній министерства.

Онъ предложилъ ему стать, наконецъ, настоящимъ королемъ и господиномъ.

Онъ сказалъ ему, что пришло, наконецъ, время для этого.

¹⁾ Рене-Николя-Шарль-Огюстенъ де-Мопу (Maupéou).

Онъ увѣрилъ короля, что все принадлежить ему, какъ потомку перваго короля, завладѣвшаго страной, и что ни у военныхъ, ни у духовенства, ни у судей, ни у народа нѣтъ ничего своего, такъ какъ они все получили въ видѣ концессіи, данной ихъ предкамъ или предшественникамъ предками монарха. Послѣдній является, такимъ образомъ, абсолютнымъ владыкою по отношенію къ первымъ, хотя жилъ гораздо позже ихъ. Тутъ нѣтъ логики, но что за дѣло! Король, которому проповѣдуютъ деспотическіе принципы, не особенно гонится за логикой.

Онъ самыми мрачными красками росписать передъ королемъ корпорацію ремонстрантовъ, и это тѣмъ болѣе удалось ему, что красокъ прибавлять пришлось не много — картина и безъ того была довольно мрачна.

Онъ начинилъ короля жестокими принципами безграничнаго и абсолютнаго самовластия, то-есть подготовилъ абсолютную нищету его подданныхъ и его собственную.

(Оставалось только найти средство сбросить съ себя путы.

Поводъ нашелся: возникло дѣло между королевскимъ намѣстникомъ (*commandant*) одной изъ нашихъ провинцій и однимъ извѣстнымъ судьей.

Намѣстникъ — потомокъ Ришелье¹⁾, былъ деспотъ по натурѣ, превышавшій власть, ему врученную: дѣло характера.

(Судья²⁾) — человѣкъ суровый, непреклонный, строгій, можетъ быть, чрезчуръ ревниво относившійся къ привилегіямъ своего положенія и своей провинціи: тоже дѣло характера.

Споръ между этими личностями былъ конечно не юридически, а призывомъ къ Совѣту короля.

Лукавый человѣкъ весьма резонно намекаетъ намѣстнику, что быть оправданнымъ при помощи призыва, когда дѣло шло объ унижающемъ обвиненіи, не особенно лестно, и уговариваетъ его требовать правильнаго суда.

Привозятся изъ провинціи документы, начинается слѣдствіе, но, по наущенію лукаваго человѣка, это слѣдствіе прекращено

опять-таки амнистіей короля, покрывающей обвиненнаго еще болѣшимъ позоромъ.

Милость, оказываемая раньше приговора, прерываетъ правильное теченіе суда и нарушаетъ справедливость. Простить обвиняемаго значитъ нарушить законъ.

Но приказъ объ амнистіи все-таки слѣдовало зарегистрировать. Лукавый человѣкъ не сомнѣвался, что трибуналъ откажетъ въ регистраціи, а на этомъ-то его и можно поймать.

Въ отвѣтъ на отказъ трибунала, лукавый человѣкъ посылаетъ ему эдиктъ; но, чтобы вызвать ремонстрантовъ на упрямую оппозицію, онъ помѣщаетъ, въ началѣ эдикта, оскорбительное вступленіе, которое могло быть подписано только негодяями. Ремонстранты, конечно, подъ нимъ не подписались, а этого лукавый человѣкъ только и ждалъ, для того чтобы признать ихъ бунтовщиками, лишить должностей и сослать на границы государства, въ такія ужасныя мѣста, что многіе изъ нихъ умерли послѣ долгихъ страданій — бесполезная и опасная жестокость.

Махинаціи лукаваго человѣка никѣмъ изъ пострадавшихъ не были поняты.

Эти пострадавшіе совершили обычную для нихъ ошибку, ту самую, которая всегда ихъ дѣлала ненавистными, то-есть добровольно оставили свои судейскія функціи и тѣмъ наказали своихъ согражданъ, поселивъ въ нихъ недовольство, котораго сами какъ будто и не раздѣляли. Однимъ словомъ, они подожгли одно крыло зданія въ то время, какъ неблагоразумный король поджигалъ другое.

Исторія не научила ихъ, что время все сглаживаетъ и что нужно терпѣливо ждать будущаго.

Они видѣли передъ собою только настоящее. Они забыли, что въ министерствѣ могутъ произойти благоприятныя для нихъ перемѣны, что настроеніе короля можетъ измѣниться, что наслѣдники его могутъ взглянуть на дѣло иначе и проч. Они не согнулись и были вырваны съ корнемъ.

37) Чтобы успокоить встревоженный народъ, сказали, что правосудіе будетъ даваться ему даромъ; а оно стоило дороже, чѣмъ прежде.

Народу сказали, что для устраненія далекихъ поѣздокъ, продолжительнаго отсутствія и громадныхъ тратъ со стороны тяжущихся, центральные трибуналы замѣняются большимъ количествомъ высшихъ судовъ

¹⁾ Эммануиль-Арманъ де-Виньеро (*Vignerot*), герцогъ д'Эгиллонъ.

²⁾ Ля-Шалотэ (*La Chalais*).

(cours souveraines), которые будут служить послѣдней инстанціей для всякаго рода дѣлъ и члены которыхъ будутъ состоять на жалованьи отъ правительства. Такъ и сдѣлали, принявъ на службу всякихъ проходивцевъ, явившихся просить мѣста, и заплативъ имъ за это гроши. Я видѣлъ, какъ всѣ порядочные люди отказывались отъ предлагаемой имъ и весьма почтенной должности судьи.

38) Если бы у лукаваго человѣка была голова на плечахъ, то онъ воспользовался бы случаемъ опять призвать во Францію иезуитовъ съ ихъ многочисленной свитою. Эта идея тѣмъ болѣе должна была улыбаться, что и въ разрушаемыхъ имъ трибуналахъ, какъ онъ зналъ навѣрное, были мѣста, принадлежащія иезуитамъ и занимаемыя подставными лицами.

Въ то время мнѣ пришло въ голову написать ему письмо, подъ заглавіемъ: Проектъ разрушенія монархіи и подписаться именемъ одного достаточно осрамившагося адвоката¹⁾, но я этого не сдѣлалъ по двумъ причинамъ: первая — лукавый человѣкъ могъ въ самомъ дѣлѣ воспользоваться моимъ проектомъ; вторая — честному гражданину глупо рисковать безъ всякой пользы.

39) Для того чтобы утвердить абсолютную власть и закрѣпить наше рабство, во главѣ новыхъ трибуналовъ были поставлены королевскіе интенданты, согласившіеся оказывать эту низкую услугу Двору.

Въ провинціи, интендантъ всегда является сторонникомъ короля и входитъ въ частыя столкновенія съ судьями. Теперь этотъ противовѣсъ былъ отнятъ, и мы сразу перескочили отъ монархіи къ самому чистому деспотизму. Поэтому во Франціи и вышла маленькая книжка²⁾, въ которой доказывается, что дѣятельность вашего величества совершенно противоположна тому, что происходить у насъ; въ то время, какъ вы заботитесь о томъ, чтобы создать гражданъ, у насъ создаютъ рабовъ. Желаю вамъ также скоро и легко осуществить ваши честныя и гуманныя намѣренія, какъ скоро и легко лукавый человѣкъ достигъ осуществленія своихъ жестокихъ, безчестныхъ и несправедливыхъ плановъ.

¹⁾ L'ange (Linguet).

²⁾ Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie, ou Lettre à Mme, dans laquelle on répond aux différents écrits que M. le Chancelier fait distribuer dans Paris. Авторъ брошюры — адвокатъ André Blond.

40) Оставалось три крупныхъ поста, съ которыхъ нельзя согнать тѣхъ людей, которые ихъ занимали.

Постъ канцлера, занимаемый самимъ лукавымъ человѣкомъ.

Постъ генераль-прокурора; постъ перваго президента парижскаго Парламента; постъ полковника швейцарской гвардіи и ветерановъ (Suisse et Grisons).

Для того чтобы не осталось камня на камнѣ отъ стараго зданія, нужно было разрушить и эти остатки фундамента.

Что же дѣлаетъ лукавый человѣкъ? Онъ говоритъ королю: «Государь! Этихъ людей нельзя согнать съ ихъ мѣстъ — такой поступокъ всѣхъ возмутитъ бы. Но если вы не можете согнать людей, то въ вашей волѣ уничтожить самыя должности. Скажите сегодня, что вамъ не нужны ни канцлеръ, ни генераль-прокуроръ, ни первый президентъ; а завтра вы можете передумать и возобновить эти должности, замѣстивъ ихъ кѣмъ вамъ будетъ угодно». Очаровательный человѣкъ этотъ канцлеръ! Онъ на все найдетъ средство. Предложеніе его понравилось и было выполнено.

Въ результатъ — нашъ общественный строй, наше правленіе такъ капитально разрушено, что я не думаю, чтобы всемогущество и безконечная доброта короля, который этого и не подозреваетъ, могли когда-нибудь его возстановить. Всякое довѣріе потеряно: и судья, и чиновникъ знаютъ теперь, что они ничего не значатъ.

Реканитуляціи.

Вотъ отчего, стало быть, зависить судьба большого государства, когда часть его пробить.

Провинціальныя судья доносятъ объ одномъ учрежденіи одного изъ монашескихъ орденовъ¹⁾.

Монаховъ изгоняютъ.

Неудовольствіе изгнанныхъ монаховъ обусловливаетъ пререканія между судьей и администраторомъ провинціи.

Пререканіе это доходитъ до суда.

Король тушитъ дѣло.

Лукaвый министръ вновь его возбуждаетъ.

А въ концѣ концовъ, благодаря этому дѣлу, монархическое управленіе становится деспотическимъ, и нація гибнетъ.

¹⁾ Иезуитскаго.

Я, можетъ быть, не совѣмъ точно объясняю процедуру, при помощи которой лукавый человѣкъ воспользовался ссорою администратора съ судьей, чтобы совѣмъ уничтожить магистратуру, потому что самъ ее не совѣмъ хорошо понимаю.

Я знаю только, что въ дѣлѣ уничтоженія магистратуры и ремонстрантовъ лукавый человѣкъ поступилъ неловко. Вѣсто того, чтобы выставить ихъ бунтовщикамъ передъ королемъ, я бы ихъ выставилъ измѣнниками передъ націей. Данные для этого были. Желалъ бы я знать, что сказала бы нація, если бы лукавый человѣкъ, тысячами самыхъ убѣдительныхъ фактовъ, выставилъ передъ нею низость нашихъ ремонстрантовъ, ихъ подкупность, ихъ бесполезность, способность жертвовать интересами народа и въ концѣ концовъ доказалъ бы необходимость учредить болѣе стойкій барьеръ для монархической власти.

Что касается исторической части дѣла, то я отвѣчаю за ее точность, потому что самъ лично добылъ ее изъ тайныхъ актовъ архива магистратуры. Эти акты когда-нибудь будутъ опубликованы, вѣроятно.

Изложилъ я ее по настоянію г. Нарышкина. Онъ думаетъ, что картина, которая его заинтересовала, можетъ удостоиться вниманія и его государыни. Пронесшівъ, вызвавшія у меня самыя обыкновенныя разсужденія, проходя передъ очами гениальной женщины, обладающей здравымъ смысломъ, яснымъ умомъ, все превосходящею твердостью, честной душой, сознаниемъ долга и вѣрнымъ тактомъ, могутъ стать источниками какой-нибудь великой и глубокой идеи.

Чего не совершитъ эта женщина, когда къ вышеозначеннымъ качествамъ въ ней присоединяются еще и тѣ, которыя увлекаютъ мужчину? Ей стоитъ сказать: «Бросьтесь въ огонь для меня», и каждый бросится. Человѣкъ, не особенно чуткій, увидавъ ее въ кругу внуковъ, счастье которыхъ она подготавливаетъ, давая имъ прекрасное воспитаніе, увидавъ, какъ она ихъ носитъ на рукахъ, ласкаетъ, ободряетъ, можетъ принять ее только за прекрасную мать семейства. Но человѣкъ, думающій и чуткій сразу разглядитъ въ ней великую духовную силу и подумаетъ о ней то, что подумаетъ я.

Вышепредставленная картина доказываетъ, по крайней мѣрѣ, какими громадными преимуществами должна обладать нація,

строющая свою политику по заранѣ обдуманному плану, передъ тою, которая, извѣка въ вѣкъ, устраивается подъ давлениемъ случайныхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ появленіе безсмысленныхъ, глухихъ, противорѣчивыхъ учреждений, современемъ пускающихъ свои корни такъ глубоко, что ихъ уже невозможно и вырвать. Поэтому-то иногда народъ кажется цивилизованнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ остался варварскимъ и не имѣетъ будущаго.

Законы у него есть, но безсвязные. Не смотря на эту безсвязность, съ перваго взгляда незамѣтную, съ ними сообразуются. Время выставляетъ на видъ ихъ нелѣпость и противорѣчивость. Тогда отъ нихъ начинаютъ отклоняться все болѣе и болѣе. Со дня на день, все чаще и чаще, одинъ и тотъ же судъ начинаетъ выносить противорѣчивые приговоры. На законъ перестаютъ обращать вниманіе. Наконецъ, судъ становится открыто лицепріятнымъ, то-есть законы перестаютъ существовать совѣмъ, хотя цитируются чаще, чѣмъ когда-либо.

«Ея императорскому величеству.

«Беру на себя смѣлость представить вашему императорскому величеству свои мечты, для того чтобы вы могли видѣть, какая разнница существуетъ между идеями бѣдняка, занимающагося политикой на своемъ чердакѣ, и тѣми, которыя зарождаются въ умѣ великой монархини. Вотъ вамъ, государыня, образчикъ умственной силы философа, во всемъ ея объемѣ. Улыбнитесь надъ нимъ—эта улыбка будетъ мнѣ достойной и желанной наградою. Могу увѣрить ваше величество, что вѣсь мы не стоимъ большаго. Нѣтъ ничего легче, какъ основать имперію лежа на подушкѣ—все при этомъ идетъ какъ по маслу. Но когда дѣло дойдетъ до выполненія, то это ужъ нѣчто другое. Ваше величество позволили мнѣ говорить, что вамъ случалось прочитывать цѣлыя томы, для того чтобы найти одну полезную для себя строчку. Я не осмѣлюсь расчитывать, чтобы вы потратили на меня четверть часа. Даже и этого было бы слишкомъ много.

«Прошу васъ принять заявленія моего глубочайшаго уваженія и мои нижайшія извиненія.

«Легковѣсность моихъ разсужденій выкупается отчасти исторической вѣрностью фак-

товъ, почерпнутыхъ мною изъ подлинныхъ актовъ.

«Осмѣлюсь ли просить ваше величество приказать снять копію съ этой маленькой рукописи, если она того стоитъ, а оригиналь сжечь?»

..

Русское законодательство столь же древне, какъ и сама царская власть. Еще въ X вѣкѣ былъ составленъ кодексъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ Русской Правды, который и былъ въ ходу почти до времени Алексѣя Михайловича, задумавшаго собрать во-едино какъ всѣ отдѣльныя узаконенія, съ тѣхъ поръ вышедшія, такъ и Судебники царей Іоанна III и Іоанна IV во-едино. Этотъ сводъ, который Петръ Великій тщетно пробовалъ замѣнить своимъ кодексомъ, заимствованнымъ изъ Швеціи, былъ окончательно отмѣненъ лишь при Николаѣ I; но въ теченіе вѣка, прошедшаго между этими двумя царствованіями, два другихъ государя—Екатерина II и Александръ I—пробовали сдѣлать то же, то-есть внести какой-нибудь порядокъ въ хаосъ отдѣльныхъ указовъ, статутовъ и постановленій, не умѣнцавшихся въ сорока пяти томахъ. Сводъ Законовъ, составленный Сперанскимъ, всѣтаки заключаетъ въ себѣ пятнадцать томовъ.

Неудовлетворительное состояніе законодательства не ускользнуло, конечно, отъ вниманія Екатерины, захотѣвшей придать особый блескъ его переработкѣ. Она не только созвала для этой цѣли комиссію, состоявшую изъ представителей самыхъ отдаленныхъ уголковъ ея государства, но собственноручно написала и Наказъ или инструкцію, для которой, какъ сама признается¹⁾, многое заимствовала изъ Духа законовъ Монтес-

кье и Преступленій и наказаній Беккари. Коші Наказа были розданы всѣмъ представителямъ народа и разосланы какъ коронованнымъ лицамъ, такъ и философамъ. Не смотря на то, что «вопросъ о титулованіи» не былъ еще окончательно рѣшенъ, Шуазейль, по желанію Людовика XV, приказалъ напечатать въ Gazette de France хвалебное письмо, написанное Фридрихомъ II Екатерины по поводу Наказа. Тѣмъ не менѣе Екатерина, года два спустя, жаловалась Фальконэ и Вольтеру на то, что Шуазейль не допустилъ публиковать во Франціи этотъ послѣдній. Шуазейль, однако жъ, впаавшій въ немилость съ 1770 года, не могъ быть виновенъ въ такой мелочности. Настоящимъ виновникомъ ея былъ Мопу, противники котораго брали свои доказательства изъ Наказа.

Изъ предначертаній Екатерины, такъ же какъ и изъ множества другихъ, столь же торжественно возвышенныхъ, ничего не вышло. Когда Дидро прибылъ въ Россію, комиссія уже не существовала, но память о ней была еще свѣжа, а основами, положенными въ Наказѣ, философскій умъ легко могъ сообразиться. Поэтому Дидро, въ первыхъ же своихъ бесѣдахъ съ императрицей, высказывалъ искренній восторгъ по поводу этихъ основъ, видя въ нихъ «подчиненіе частныхъ воль общественной» и «преобладаніе демократіи надъ всякимъ другимъ образомъ правленія».

Самъ Дидро никогда не бывалъ въ Англіи, но, со словъ своихъ друзей, Гельвеціяса и Гольбаха, которые тамъ жили, до такой степени восторгался тамошними порядками, что не задумался даже воскликнуть передъ императрицей всероссійской, что единственный воръ, противъ котораго англійскій Парламентъ принужденъ принимать мѣры, есть англійскій король. А нѣсколько строкъ ниже тотъ же Дидро пишетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, что «шоссе во сто футовъ шириною, если бы его внезапно проложить между Калэ и Дувромъ, измѣнивъ мѣстныя условія, уничтожило бы и англійскую конституцію во мгновеніе ока». Опытъ такого рода не былъ еще сдѣланъ, а потому трудно сказать, правъ ли окажется Дидро. Но въ чемъ онъ положительно ошибся, такъ это въ томъ, что будто бы «просвѣщенные націи не возмущаются, а терпятъ». Проживи онъ еще пять лѣтъ, то самъ бы увидѣлъ, что ошибся.

¹⁾ Посылая д'Аламберу экземпляръ Наказа, Екатерина пишетъ: «Изъ него вы увидите, какъ я, для пользы своего народа, ограбила президента Монтескье, не называя его имени. Надѣюсь, что, глядя съ того свѣта на мою работу, онъ проститъ меня во имя того блага, которое должно изъ нея выйти для двадцати милліоновъ людей. Онъ слишкомъ любилъ человечество, чтобы быть формалистомъ. Его книга служить мнѣ молитвенникомъ». Что касается Беккари, то, какъ переводчикъ Наказа на французскій языкъ, швейцарецъ Бальтазаръ, такъ и русскій ученый Зарудный, указываютъ въ Наказѣ цѣлыя тирады, цѣликомъ взятые изъ Преступленій и наказаній.

§ 2.

О комиссіи.

Не знаю, чего мнѣ не достаетъ, чтобы говорить о такомъ предметѣ достойнымъ его образомъ; можетъ быть, головы Монтескьё или вашей. Я не чувствую себя въ силахъ создать планъ. Приходится ограничиваться общими идеями, когда я самъ знаю, что эти идеи суть достояніе обыкновенныхъ, рядовыхъ людей, и придаю значеніе только идеямъ честнымъ, единственнымъ касающимся самаго дѣла.

Та, которая признаетъ своимъ молитвенникомъ Духъ законовъ, въ которомъ деспоты сравниваются съ дикарями, рубящими деревья для того, чтобы удобнѣе рвать съ нихъ плоды, покойно выслушаетъ все, что я осмѣлюсь ей сказать. Моя смѣлость будетъ несомнѣнно наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ моего удивленія передъ ея величіемъ.

Предметомъ этой записки будетъ вопросъ о томъ, какъ дѣлать добро и какъ обезпечить прочность добра, уже сдѣланнаго.

Всякая произвольная власть вредна, если даже носителемъ ея является человѣкъ добрый, твердый, справедливый и просвѣщенный.

Такой деспотъ приучаетъ только любить и уважать деспота вообще, каковъ бы онъ ни былъ.

Онъ лишаетъ націю права разсуждать, хотѣть или не хотѣть, оппозировать хотя бы даже и благу.

Право оппозиціи я считаю естественнымъ, неотъемлемымъ и священнымъ въ человѣческомъ обществѣ.

Деспотъ, будь онъ самымъ лучшимъ изъ людей, управляя по произволу, совершаетъ преступленіе. Это—добрый пастырь, низводящій своихъ подданныхъ на степень животныхъ. Заставляя ихъ отказываться отъ сознанія свободы—сознанія, столь трудно возобновляющагося, если оно разъ потеряно—онъ обезпечиваетъ имъ десять лѣтъ счастья, за которое они заплатятъ цѣлыми вѣками бѣдствій.

Справедливый и просвѣщенный деспотизмъ, продолжающійся два или три царствованія, есть одно изъ самыхъ великихъ бѣдствій, какія только могутъ постигнуть свободную націю. Три такихъ монархини, какъ Елизавета, могли бы довести Англію до рабства, конецъ котораго даже трудно было бы предвидѣть.

Горе народамъ, король которыхъ передастъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство эту непогрѣшимую и опасную политику!

Горе народу, въ которомъ не осталось ни малѣйшаго слѣда свободы! Такой народъ погружается въ сонъ, хотя и пріятный, но смертный.

Какъ въ семьѣ, такъ и въ государствѣ хорошіе отцы, хорошіе правители отдѣляются другъ отъ друга длинными рядами глупыхъ или злыхъ—это несчастная судьба всѣхъ семей и всѣхъ наслѣдственныхъ престоловъ.

Попробуемъ обсудить павасы.

Король можетъ быть просвѣщенъ и добръ, но слабъ; онъ можетъ быть просвѣщенъ и добръ, но лѣнивъ; добръ, но не просвѣщенъ; просвѣщенъ, но золъ.

Значитъ, изъ пяти случаевъ мы найдемъ одинъ только вполне благопріятный,—если монархъ будетъ добръ, просвѣщенъ, трудолюбивъ и твердъ, то ваше величество можете надѣяться на прочность того добра, которое создадите согласно съ вашими великими идеями.

Но если эти качества, взятые даже по одиночкѣ, рѣдко встрѣчаются, то велики ли шансы встрѣтить ихъ соединенными въ одномъ лицѣ!

Созывается вся нація для того, чтобы создать законы; отказаться отъ законодательной власти очень великодушно со стороны монархини. Законы создаются, пишутся и публикуются; они кратки и ясны. Они проникаютъ въ умы народа, благодаря образованію.

Съ теченіемъ времени они проникаютъ собою нравы.

Слѣдять за тѣмъ, чтобы они не измѣнялись подъ рукою комментаторовъ.

Ничто не упущено для того, чтобы сохранить ихъ въ цѣлости и чистотѣ. Этимъ уже много сдѣлано, но не все.

Тотъ, кто развязалъ своимъ наслѣдникамъ руки для совершенія добра, но не связалъ ихъ по отношенію ко злу не сообщилъ имъ секрета, какъ избѣгать неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, тотъ даромъ потерялъ и трудъ и время.

Неужели ваше императорское величество хотите только обезсмертить свое имя? Оно уже и такъ безсмертно. Чѣмъ счастливѣе будутъ ваши подданные подъ вашимъ управленіемъ, тѣмъ болѣе ваши наслѣдники прибавятъ къ вашей славы, если не пойдутъ по

вашимъ слѣдамъ. Но одно изъ качествъ, отличающихъ ваше императорское величество, состоитъ въ томъ, что вы предпочитаете всякому блеску добро, хотя бы оставшееся никому неизвѣстнымъ.

Соблаговолите, поэтому, принять во вниманіе, что законы формальные, записанные, обнародованные, всѣмъ извѣстные и всѣмъ соблюдаемые, суть все же слова, которыя не могутъ сохраниться, если не будутъ воплощены въ какой-либо матеріальной сущности постоянной, неизблемой, вѣчной, и при томъ живой, способной говорить, дѣйствовать, вообще вести себя не такъ, какъ мраморъ, нѣмой и неспособный противостоять влиянію времени.

Что же это за матеріальная сущность, говорящая, дѣйствующая, противящаяся?

Это та же самая ваша коммиссія. Эту самую корпорацію я сдѣлалъ бы постоянной, чтобы она противодѣйствовала грядущей гибели моихъ законовъ и постановлений.

Я сдѣлалъ бы ее хранительницей моей мудрости въ настоящемъ и будущемъ.

Я придаю бы ей форму и составъ, совмѣстимые съ общественнымъ спокойствіемъ.

Имѣя ее своей представительницей, народъ, для собственной выгоды, наполнилъ бы ее людьми наиболѣе честными и просвѣщенными, выборъ которыхъ я предоставилъ бы ему безъ всякихъ стѣсненій.

Незаконныя сдѣлки, ставшія извѣстными, назывались бы исключеніемъ, а крупныя сдѣлки всегда становятся извѣстными.

Провинція одна только имѣетъ право отозвать своего представителя, безъ всякой особой процедуры и безъ всякихъ споровъ.

Министерство не можетъ ни назначать, ни исключать представителей.

Я точно обозначилъ бы ту часть своей власти, которую мнѣ заблагоразсудится уступить созданной мною корпораціи. Это въ высшей степени важно и очень трудно, но не невозможно.

Обозначивъ эту часть, я твердо закрѣпилъ бы ее за корпораціей.

Я потребовалъ бы публичной присяги отъ представителя въ томъ, что онъ выбранъ свободно, а не съ помощью происковъ. Клятвенное преступничество рѣдко даже во Франціи. Присяга есть теперь почти единственный случай, въ которомъ уваженіе къ Богу и людямъ говорить еще съ нѣкоторой силой.

Я всѣми средствами, за себя и за своихъ наслѣдниковъ закрѣпилъ бы уступку своихъ правъ корпораціи.

Я не ссылавъ бы ее для рѣшенія вопросовъ, чуждыхъ предмету ея вѣдѣній, избоязани, чтобы она ими не завладѣла.

Она не должна вмѣшиваться ни въ войну, ни въ политику, ни въ финансы.

Всѣ ея обязанности сводятся къ сохраненію законовъ существующихъ и разсмотрѣнію тѣхъ, которые слѣдуетъ создать или уничтожить.

Я заранее опредѣлилъ бы время ея созыва, а также и продолжительность сессіи, сократить которую никакая власть не могла бы.

Я долженъ, однако же, сказать вашему императорскому величеству, что излишніе налоги, ихъ несправедливое распредѣленіе и насильственный сборъ всегда служили причинами гибели государствъ.

Рѣшенію созданнаго мною трибунала я предложилъ бы всѣ жгучіе вопросы законодательства, которыхъ не взялся бы рѣшить самъ.

Трибуналъ этотъ будетъ, конечно, преданъ вашему императорскому величеству во все продолженіе вашего царствованія.

Я употребилъ бы это время на то, чтобы приучить его къ дѣятельности, постоянно упражняя послѣднюю.

Возрастъ корпораціи измѣряется многообразіемъ и количествомъ ея работы; при моихъ наслѣдникахъ она была бы уже достаточно стара и приобрѣла бы крупное значеніе.

Народъ настолько привыкъ бы къ ней, что позабылъ бы о ея сравнительной молодости.

Рѣдко случается, чтобы общее благо не сталкивалось съ интересами отдѣльныхъ личностей: при посредствѣ этой корпораціи, первое всегда бы торжествовало, при чемъ отвѣтственность передъ послѣдними не падала бы на меня. Какое удивительное средство устранять всякія преніятыя! И при томъ какое вѣрное! Борьба и соревнованіе общей воли съ частными есть главное преимущество демократіи передъ всѣми другими родами правленія.

Ваше императорское величество изволите усмотрѣть, что созданная вами корпорація можетъ войти въ силу только съ теченіемъ

времени и что опасною она можетъ сдѣлаться не раньше, какъ столѣтія черезъ три.

Что, состоя изъ подданныхъ, она всегда будетъ понимать общественные или общественные интересы яснѣе, чѣмъ монархъ;

Что если монархъ существуетъ для народа, а народъ для монарха, то нѣтъ никакой бѣды и въ томъ, что народный трибуналъ очень усилится, особенно когда предметы его вѣдѣнія строго опредѣлены;

Что монархи чаще поступаютъ безразсудно, чѣмъ просвѣщенные (polices) націи;

Что народы чаще бываютъ угнетаемы правителями, чѣмъ правители народами;

Что просвѣщенный и добрый монархъ, снисходящій до разговора со своими подданными, всегда сумѣетъ убѣдить ихъ въ истинѣ, обладаетъ ли онъ таковою или нѣтъ;

Что корпорация гражданъ, въ сущности, есть ничто, если монархъ распоряжается военною силою;

Что монархъ, стоящій во главѣ собранія народныхъ представителей, можетъ справиться съ арміею, а ставъ во главѣ арміи, можетъ справиться съ народными представителями;

Что если англійскій Парламентъ обладаетъ такою политической силою, такъ это потому, что въ Англии нѣтъ національной милиціи (?), ни даже полиціи (maie chaussee?); англичане такъ боятся своего короля, что это единственный вѣрь, противъ котораго они принимаютъ мѣры;

Что если мы безпристрастно обсудимъ толкованія англійскихъ парламентовъ съ королями, то всегда найдемъ, что послѣдніе были неправы, что короли нападали на народную свободу, а парламенты ее защищали;

Что шоссе во сто футовъ шириною, если бы его внезапно проложить между Калѣ и Дувромъ, измѣнивъ мѣстныя условія, уничтожило бы и англійскую конституцію во мгновение ока. При нуждѣ, мы поможемъ англійскому королю сдѣлаться тиранномъ, и тогда претендентъ займетъ его тронъ;

Что, благодаря положенію государства вашего императорскаго величества, ваша палата представителей никогда не сдѣлается опасною;

Что если бы она, въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ, которыхъ невозможно предвидѣть, и сдѣлалась и когда-нибудь таковою,

то это ни въ какомъ случаѣ не повело бы ко вреду имперіи;

Что самыми несчастными государствами являются не тѣ, въ которыхъ власть народа усиливается, а тѣ, въ которыхъ власть монарха становится безграничною;

Что если придется сдѣлать выборъ между монархомъ, чрезчуръ сильнымъ по отношенію къ своему народу и просвѣщенной націей чрезчуръ сильной по отношенію къ своему монарху, то послѣднее изъ этихъ двухъ золъ будетъ наименьшимъ. Просвѣщенные (polices) націи не возмущаются, онѣ терпятъ;

Что гдѣ нѣтъ собственности, тамъ нѣтъ и подданныхъ (sujets?), а гдѣ нѣтъ подданныхъ, тамъ страна бѣдна; но гдѣ власть монарха безгранична, тамъ нѣтъ собственности;

Что если бы было предложено вашему императорскому величеству вдругъ перенести въ Россію англійскую конституцію, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы вы отказались. Будучи свободны дѣлать добро, какое хотите, и связаны по отношенію ко злу, котораго вы и такъ не хотите, что бы вы потеряли? И какія основанія имѣли бы вы пожелать своимъ наслѣдникамъ такой власти, которую они могли бы злоупотреблять?

Что столь мощная корпорация, стоявшая Англии цѣлыхъ потоковъ крови, ничего вамъ не будетъ стоить, да къ несчастію и никогда не достигнетъ того значенія, какое она тамъ имѣетъ; а если бы и достигла, если бы когда-либо стала обладать всѣми выгодами и неудобствами англійскаго Парламента, то это можетъ случиться лишь при самыхъ отдаленныхъ вашихъ потомкахъ, пожалуй, даже при другой династіи;

Что эта корпорация можетъ отвратить бури, связанныя съ малолѣтствомъ монарховъ и регентствами, когда министерства бываютъ слабы и каждый поступаетъ согласно своимъ интересамъ, къ ущербу націи; когда важно имѣть представителя высшей власти ужъ не для того, чтобы возвеличить ее, а для того, чтобы спасти отъ гибели; когда, какъ мы это знаемъ по опыту, безъ законодательной корпорации, могущей противодѣйствовать временнымъ обладателямъ этой власти, государственное зданіе, строившееся вѣками, можетъ быть окончательно разрушено;

Что корпорации такого сорта являются сильными только тогда, когда это нужно, то есть когда монархъ еще въ пеленкахъ;

Что если бы и были тогда сдѣланы какія-либо злоупотребленія, то тѣ изъ нихъ, которыя произведены учрежденіемъ, монархъ легко исправить, а тѣ, которыя произведены отъ его имени его замѣстителями, неисправимы;

Что если законы, врученные одному человеку, превращаются въ игрушку страстей и капризовъ этого человека, то есть совѣтъ перестаютъ существовать, то такое положеніе дѣлъ здѣсь гораздо опаснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кто знаетъ, въ какомъ вѣкѣ Россія вышла бы изъ варварства, если бы опять въ него впадала?

Что Петръ I и Екатерина II суть явленія весьма рѣдкія, и безумно было бы со стороны имперіи разсчитывать на частое повтореніе такой милости неба, что ваше императорское величество должны передать своимъ потомкамъ всѣ блага, которыя можете имъ предоставить; должны позаботиться о предупрежденіи всѣхъ золъ, которыя можете предвидѣть; должны подумать о томъ, что подобнаго вамъ монарха Россія не скоро дождется; что великій князь, вашъ сынъ, скажетъ это такъ же, какъ и я; что вы должны смѣло положить основаніе учрежденіямъ, плоды которыхъ будутъ собраны самымъ отдаленнымъ вашимъ потомствомъ, которое съ удивленіемъ спроситъ: «Кому мы обязаны такими мудрыми постановленіями?», на что получить въ отвѣтъ: «Екатеринѣ Второй»; что имя ваше будетъ произносимо съ восторгомъ; что оно будетъ благословляться; что, будучи великой при жизни, вы останетесь таковою же и въ вѣкахъ грядущихъ; что русскіе повсюду будутъ встрѣчать слѣды вашего царствованія и что вамъ нужно принять одну только предосторожность—чтобы эти драгоценные слѣды никогда не изгладились;

Что то, чего вы не сдѣлаете, потомкамъ вашимъ гораздо труднѣе сдѣлать. потому что къ препятствіямъ, которыя ставятъ вамъ прошедшее, прибавятся еще препятствія, которыя поставятъ имъ будущее, и потому что у нихъ не будетъ ни вашего генія, ни вашей проницательности, ни вашего мужества, ни такой любви къ подданнымъ, ни, можетъ быть, такого довѣрія подданныхъ къ нимъ;

Что если бы французскій Парламентъ былъ тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ ему быть. то онъ существовать бы и до сихъ поръ;

Что онъ самъ содѣйствовалъ своей гибели, измѣнивъ націи и тѣмъ обязанностямъ, которыя были наложены на него королями;

Что какъ бы онъ ни былъ достоинъ презрѣнія, а все же не могъ быть разрушенъ иначе, какъ вмѣстѣ съ общественнымъ порядкомъ;

Что постоянная коммиссія представить собою національную корпорацию, очень полезную, когда она исполняетъ свои обязанности, и безвредную, когда она ихъ не исполняетъ;

Что какова бы она ни была, она если и не сдѣлаетъ большого добра, то во всякомъ случаѣ помѣшаетъ большому злу;

Что въ противоположность нашему Парламенту, регистрировавшему волю монарховъ, надо, чтобы монархъ регистрировалъ представленія коммисіи. Наши представители говорили: «Мы хотимъ того же, чего хочетъ король»: а ваше величество и ваши преемники скажутъ: «мы соглашаемся на то, чего желаетъ нація, высказавшаяся устами представителей»—это большая разница.

Что если просьбы коммисіи будутъ согласны съ общественными нуждами, то онѣ будутъ повторяться впредь до удовлетворенія;

Что цѣлая корпорация, состоящая изъ геросовъ, есть вещь очень рѣдкая, на которую нельзя разсчитывать, но что, во всякомъ случаѣ, если она будетъ хоть сколько-нибудь полезна общему благу, то слѣдуетъ желать, чтобы она существовала и была прочна;

Что безтолковая и безпокойная корпорация стѣснительна лишь временно, такъ какъ быстро заслужитъ презрѣніе, и что во Франціи она его заслужила благодаря тому, что пополнялась не выборами, а денежнымъ подкупомъ.

Что, создавая вышеозначенную корпорацию, ваше величество создадите новое сословіе (Etat), первый или второй классъ почетныхъ гражданъ;

Что этотъ классъ сольется, современемъ, съ дворянствомъ и военнымъ сословіемъ;

Что, желая сохранить за своимъ потомкамъ почетъ, онъ будетъ давать образованіе дѣтямъ, заставить ихъ учиться, путешествовать и станетъ питомникомъ талантливыхъ и нравственныхъ гражданъ;

Что благодаря этому въ странѣ, незамѣтно, образуются тѣ три сословія, которыя

наше величество желаете создать, по примеру Франції;

Что эта корпорація будетъ содѣйствовать прогрессу цивилизаціи; что она, по самой своей природѣ, способна пускать корни во всѣ стороны, какъ это сдѣлалось у насъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ея почтенности и благосостоянія;

Что было бы умѣстно—сколько для того, чтобы фиксировать мѣстопробываніе членовъ, столько и для того, чтобы уменьшить расходы на ихъ содержаніе и содѣйствовать ихъ развитію—было бы умѣстно распределить большую ихъ часть по разнымъ коллегіямъ министерства (?);

Чтобы, изолированные по различнымъ уѣздамъ, они составляли корпорацію только въ комиссіи; если представители народа суть въ то же время и чиновники, то, при малѣйшемъ неудовольствіи, къ качеству представителей, они снимаютъ съ себя чиновничій мундиръ, и государство впадаетъ въ анархію.

Занятые службой и разсѣянные по всей странѣ, они никогда не будутъ бѣдны; если они обогатятся, то станутъ связующимъ звеномъ между низшими классами и высшими — амальгамой, одинаково хорошо сливающейся съ бѣднымъ дворянствомъ и богатой буржуазіей. У насъ нѣтъ еще пока этихъ сословій, но страна будетъ ихъ имѣть и тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше будетъ создана корпорація.

Невозможно, чтобы члены корпораціи представителей, разсѣянные по различнымъ постамъ государственной службы (*différentes fonctions ministérielles*), не были привязаны къ монарху; это вѣрное средство для монарха узнавать нужды націи (*de se faire demander par la nation les choses de bien publique*), не встрѣчать никакихъ препятствій къ ихъ удовлетворенію, быть всегда всѣмъ приятнымъ, и не навлечь на себя ненависти.

Однимъ словомъ, если эта корпорація превратится, современемъ, въ одинъ только фантомъ свободы, то и это хорошо повліяетъ на духъ націи, потому что нужно, чтобы народъ былъ свободенъ (это лучше) или хотя бы только вѣрилъ, что онъ свободенъ; такая вѣра всегда даетъ хорошіе результаты. Такъ создайте же, ваше величество, эту великую дѣйствительность или этотъ великій фантомъ свободы; создайте его въ возможно лучшемъ видѣ, возможно хорошо обставленнымъ, возможно блестящимъ, возможно луч-

шимъ по составу, возможно болѣе уважаемымъ и убѣдитесь поглубже, что ребенка, рождающагося съ четырьмястами тысячами (?) рукъ можно лишь стѣснить, а не спеленать.

О Монтескье! Почему ты не на моемъ мѣстѣ! Какъ бы ты говорилъ! Какъ бы тебѣ отвѣчали! Какъ бы тебя слушали! Какъ бы ты самъ слушалъ!

Заключеніе.

Два принципа я считаю одинаково достойными.

Первый принципъ.

Безъ государственныхъ привилегій образованіе впередъ не подвинется (*Peu d'avantages à l'éducation particuliers sans une base nationale*). Безъ конкурсовъ, даже на самыя важныя должности, нѣтъ ни государственной привилегіи образованію, ни награды за талантъ и добродѣтель, ни возможности отнять у золота его притягательную силу.

Ваше императорское величество возразили на это тѣмъ, что министръ, получившій мѣсто по конкурсу, благодаря своимъ талантамъ и доброму нраву, можетъ не сойтись съ вами по характеру, различію точекъ зрѣнія, взглядовъ и манеры дѣйствовать.

На это возраженіе есть два отвѣта. Первый—два честныхъ и просвѣщенныхъ чело-вѣка, изъ коихъ одинъ подчиненъ другому, всегда кончатъ тѣмъ, что сойдутся, при чемъ взгляды и мнѣнія монарха всегда получаютъ перевѣсъ. Второй—ваше величество имѣете въ виду только свои личныя и временныя затрудненія, а тутъ дѣло идетъ о стойкости и благѣ имперіи, о наградѣ талантамъ и добродѣтели не только во время вашего царствованія, но и при всѣхъ вашихъ преемникахъ, которые часто будутъ имѣть надобность въ твердыхъ и просвѣщенныхъ совѣтникахъ.

Второй принципъ.

Нельзя быть увѣреннымъ въ прочности законовъ государства безъ корпораціи, которая была бы ихъ хранительницей.

Даже при существованіи такой корпораціи, надлежащимъ образомъ устроенной и пополняемой, упроченной и почитаемой, очень трудно поддерживать ихъ дѣйствіе, въ-

время измѣнять и вводить новое, такъ чтобы оно не противорѣчило старому.

Но за невозможнымъ нельзя и гнаться.

Если мы искали, нашли и привели въ дѣйствіе лучшія средства, какія только можетъ подсказать мудрость человѣческая, не претендующая предотвращать случайности, которыми такъ богата судьба, стоящая выше насъ, то мы сдѣлали все, отъ насъ зависящее.

Корпорация, хранительница и блюстительница законовъ, есть лучшее средство для просвѣщенія и подкрѣпленія народнаго духа, безъ чего законы суть лишь слова, абстракціи безъ конкретныхъ тѣлъ, въ которыхъ бы воплощались.

§ 3.

— Посвященіе въ депутаты.

Люди гораздо больше дорожатъ внѣшними церемоніями, чѣмъ сами думаютъ.

Протестанты, уничтоживъ религіозныя церемоніи, съ теченіемъ времени, вытравивъ и самую религію изъ народа, которому всегда будутъ нужны образы и зрѣлища.

Одинъ протестантскій живописецъ говорилъ мнѣ, что всякій разъ, какъ онъ попадаетъ въ храмъ св. Петра въ Римѣ, то становится католикомъ.

Поэтому я желалъ бы, чтобы посвященіе въ депутаты было очень торжественнымъ; чтобы оно сопровождалось присягой на вѣрность своимъ обязанностямъ и клятвеннымъ удостовѣреніемъ законности своего избранія; чтобы эта присяга была въ высшей степени серьезна: чтобы она ежегодно была возобновляема всею корпорацией; чтобы члены этой корпорации имѣли отличающее ихъ одѣяніе; наконецъ, чтобы ваше императорское величество употребили всѣ возможные средства сдѣлать ее уважаемой народомъ и важной въ вашихъ собственныхъ глазахъ.

Люди суть не что иное, какъ старая дѣти, и я самъ поневолѣ становлюсь ребенкомъ, когда мимо моихъ оконъ проходитъ процессія св. Сульпиція.

Толпы людей, одушевленные однимъ чувствомъ, производятъ на меня всегда большое впечатлѣніе.

Какъ человѣкъ, такъ и животное суть лишь чувствующія машины.

§ 4.

Объ идеѣ, можетъ быть систематической, на счетъ приведенія націй къ чувству свободы и къ цивилизованному состоянію.

Я буду кратокъ, потому что чисто систематическія идеи, въ приложеніи къ важнымъ вопросамъ, мнѣ не нравятся.

Если бы мнѣ пришлось цивилизовать дикарей, что бы я сдѣлалъ? Я бы толково работалъ въ ихъ присутствіи, ничего имъ не говоря и не предписывая. Я притворился бы работающимъ только для себя и своей семьи.

Если бы мнѣ пришлось подготовить націю къ свободѣ, что бы я сдѣлалъ? Я поселилъ бы среди нея колонію людей свободныхъ, очень свободныхъ, такихъ, какъ швейцарцы, напимѣръ, которымъ бы сохранилъ бы всѣ ихъ привилегіи, а въ остальномъ положилъ бы на время и на вліяніе примѣра.

Если эти идеи справедливы, то я сказалъ о нихъ достаточно, а если нѣтъ, если онѣ химеричны, то слишкомъ много.

Мало-по-малу мужчины и женщины моего государства примыкали бы къ этой колоніи.

Мало-по-малу драгоцѣнная закваска измѣнила бы всю массу народа, и духъ его сталъ бы общественнымъ.

§ 5.

О комиссіи законовъ, конкурсахъ, учрежденіяхъ и вообще о всякаго рода установленіяхъ и государственныхъ проектахъ (*volontés publiques*) ея императорскаго величества.

Ваше величество весьма мудры. Вы не предпринимаете ничего важнаго, не обдумавъ вашего предпріятія со всѣхъ сторонъ. Вы тверды и, разъ обдумавъ, не останавливаетесь ни передъ какимъ препятствіемъ; что вы не можете опрокинуть силою, то подкапываете, по вашему собственному выраженію. Одно изъ этихъ средствъ всегда должно быть удачнымъ. Именно при ихъ помощи время и природа, никогда не перестающія работать, достигаютъ всѣхъ своихъ цѣлей.

До сихъ поръ, во всѣхъ мемуарахъ, которые я осмѣливался читать и подносить вашему величеству, говорилъ одинъ я. Одинъ я и буду продолжать говорить во всѣхъ послѣдующихъ.

Но здѣсь я являюсь лишь пассивнымъ органомъ разума.

Если созданіе полезныхъ учрежденій дастъ великую славу; если нужно много мужества для того, чтобы побѣдить затрудненія, въ такомъ дѣлѣ встрѣчающіяся; если великодушно предоставить успѣхъ его времени, а плоды — потомству, то тѣмъ болѣе важно поддерживать эти учрежденія въ настоящемъ и закрѣпить ихъ на будущее.

Я мало знаю эту страну, но все же достаточно для того, чтобы видѣть, что народъ не понимаетъ еще вашихъ учреждений, не чувствуетъ всей широты вашихъ благодѣній и не подозреваетъ ихъ вліянія на будущія поколѣнія, а видить только привилегіи, данныя учрежденіямъ (maisons) и ученикамъ, въ нихъ воспитывающимся. Лучше сказать, всякій знаетъ только свою личную выгоду въ настоящемъ, не обращая вниманія на государственныя выгоды въ будущемъ. Это неудобство существовало всегда и во всѣхъ странахъ. Потомки восхищаются и хвалятъ тѣ дѣла, которымъ предки противились и чинили препятствія; почти всѣ великіе люди, ушпая, оплакивали неблагодарность своихъ современниковъ. Ваше величество, принадлежа къ числу такихъ людей, можетъ быть, тоже осуждены проливать такія слезы. Только праху вашему потомство будетъ расточать тѣ благословінія, которыя должны бы были достояніемъ вашей особы. Но вы принадлежите къ числу людей способныхъ удовольствоваться и этимъ отдаленнымъ вознагражденіемъ; ничто не препятствуетъ вамъ и теперь предвкушать его мыслью, переносимой въ будущее.

Для этой цѣли недостаточно создать, надо еще сохранить свое созданіе и упрочить его. Въ качествѣ государыни справедливой, любимой и уважаемой, надо противустоять сомнѣніямъ невѣжества, неумолчному крику предразсудковъ, усиліямъ злой воли, бездѣйствію лѣнства, выходкамъ непостоянства, клеветѣ, злобѣ и зависти. Потому что люди постоянно завидуютъ если не самой государынѣ, то лицамъ, которыхъ она удостаиваетъ своимъ довѣріемъ. Придворные суть звѣри, рвущіе другъ друга у ногъ монарха, и я не думаю, чтобы ваше величество были незнакомы съ этимъ зрѣлищемъ, столь обыкновеннымъ при всѣхъ дворахъ.

Безъ постояннаго упражненія той душевной силы, которая вамъ присуща и которая

должна поддерживаться сознаніемъ творить добро, нельзя создать ничего прочнаго, нельзя имѣть слугъ, усердіе которыхъ не ослабло бы.

Но какъ же лѣчить эту болѣзнь? Когда имѣешь хорошую голову на плечахъ — а я не думаю, чтобы на свѣтѣ нашлась другая, подобная вашей — то слѣдуетъ положить на свою голову, что бы другіе ни говорили. Развѣ ваше величество не знаете себѣ цѣны, не знаете, что даже ваши подданные считаютъ васъ умнѣйшей и просвѣщеннѣйшей женщиной въ имперіи?

Законодатель самъ долженъ уважать свои законы. Учредитель долженъ имѣть одну только цѣль — прямое поддержаніе своихъ учреждений. Если онъ далъ какія-либо права, привилегіи, льготы, заявивъ о нихъ неотъемлемости, то нужно, чтобы онъ этого держался.

И это, говорю я, рѣшительный врагъ всякихъ привилегій и исключеній, которыя считаютъ вообще несправедливыми.

Но нужно, чтобы обѣщаніе, данное монархомъ, и при томъ публично, свято соблюдалось.

Если монархъ собственными руками разрушаетъ свое дѣло, то отъ него можно добиться чего угодно, онъ подвергается всякаго сорта назойливости, ему начинаютъ ставить всевозможныя ловушки.

Такимъ-то путемъ и усиляютъ разрушить все. Учрежденія, связанныя между собою общими интересами, могутъ рухнуть одно за другимъ. На всѣхъ на нихъ сразу нападать не стануть, а поколеблютъ сначала одно, и его паденіе повлечетъ за собою гибель другихъ, такъ что, въ концѣ концовъ, отъ прекраснаго царствованія рѣшительно ничего не останется.

Если ваше императорское величество сдѣлаете вашу комиссію постоянной, то пусть же засѣданія и функціи ея не нарушаются, предѣлы ея вѣдѣнія не суживаются, не расширяются, прерогативы ея не уменьшаются и не увеличиваются, привилегіи не отменяются, почетъ не ослабѣваетъ. Первый импульсъ къ разрушенію всегда очень слабосиленъ. Между корпораціей ослабленной уже и еще не тронутой — большая разница. Плохо, если всѣ знаютъ, что на нее можно нападать не безъ надежды на успѣхъ.

Не слѣдуетъ поощрять такихъ надеждъ въ настоящемъ и еще болѣе не слѣдуетъ допускать дурныя примѣры для будущаго.

Подумайте, ваше величество, что такова естественная наклонность сердца человеческого—откладывать на будущее, отодвигать отъ себя то, что не нами задумано, а впоследствии совсѣмъ забывать о немъ.

Я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы у какого-нибудь министра хватило честности и мужества продолжать дѣло своего предшественника.

Въ моемъ отечествѣ всегда оправдывается поговорка: «такой-то министръ умеръ или смѣщенъ—значить, дѣло, имъ начатое, не будетъ кончено».

Вотъ теперь уже разрушили или продолжаютъ разрушать все, что учреждено г. де-Шуазейлемъ. Я не сужу о томъ, хорошо это или плохо. Я знаю только, что г. де-Грибоваль (Gribeauval), военный инженеръ, котораго такъ часто хвалятъ прусскій король, знатокъ военнаго дѣла, не горюетъ ни о своемъ теперешнемъ бездѣйствіи, ни о потерѣ мѣста ¹⁾, ни о уменьшеніи доходовъ, ни о пенсіи, а только о потерѣ десяти лѣтъ заботы, труда, путешествій, опытовъ и неприятностей разнаго рода, потраченныхъ имъ для того, чтобы поставить нашу артиллерию и корпусъ инженеровъ въ лучшее положеніе. Онъ горюетъ о томъ, что сдѣлать больше вреда, чѣмъ пользы, потому, что нововведенія его не приняты, а старая рутина, между тѣмъ, потеряна. Онъ мнѣ самъ говорилъ съ горькимъ чувствомъ хорошаго военнаго, хорошаго гражданина и прекраснаго человѣка: «Все было плохо, но если бы я могъ предвидѣть, чѣмъ дѣлокончится, то оставилъ бы все въ прежнемъ положеніи».

Умоляю ваше величество обратить вниманіе на этотъ примѣръ, который я могъ бы подкрѣпить сотней другихъ.

Г. де-Морена (Maugeras) предложилъ Бюфону великолѣпнѣйшій планъ, который только можно себя представить: планъ воздвигнуть для естественныхъ наукъ и всѣхъ прикладныхъ къ нимъ искусствъ такое зданіе,

которое было бы достойно своего назначенія. Но Бюфонъ отказался, и когда я спросилъ у него, почему? то онъ отвѣтилъ: «Да потому, что какъ разъ во время постройки г. де-Морена выдать бы въ немилость, а мнѣ съ моею наукою пришлось бы жить на улицѣ. Мы теперь плохо помѣщены, но все же живемъ какъ-нибудь».

Вотъ какъ, государыня, разсуждаютъ теперь при устойчивомъ правительствѣ и въ цивилизованной странѣ! И хорошо дѣлаютъ.

Пусть же ваша собственная власть, еще больше, чѣмъ какая-нибудь другая, не нарушаетъ вашихъ публичныхъ обѣщаній.

Не распатывайте довѣрія въ ваши обѣщанія, а то народъ перестанетъ вамъ вѣрить. Оставьте народное недовѣріе на долю остальныхъ монарховъ, клятвы которыхъ возбуждаютъ только смѣхъ.

Это тѣмъ болѣе важно, что клятва есть единственная гарантія противъ произвола всемогущихъ людей. Со стороны народа достаточно и того, что онъ вѣритъ этимъ клятвамъ.

Если про васъ будутъ говорить, что «Екатерина Вторая исполнила все, что обѣщала», то вы, будучи равной королю прусскому по величію, превзойдете его добротой и вѣрностью.

Только слово королей позволяетъ народамъ спать спокойно.

Нѣкоторые наши налоги (les vingtièmes), продолжительность взиманія которыхъ столько разъ была ограничиваема и вновь расширяема, обезчестили и короля, и министровъ, и судей. Лучше было бы просто сказать: «Этотъ налогъ будетъ вѣчнымъ, не рассчитывайте на его отмену».

Ваши учрежденія единственны, и вы можете ожидать отъ нихъ великаго блага. Поддерживайте, поддерживайте ихъ твердо, и пусть въ ихъ уставахъ, подлежащихъ публикованію, не будетъ ни одного слова, противъ котораго можно бы было протестовать.

Ваше величество, имѣя возможность на всѣ просьбы и домогательства отвѣчать: «Я не хочу», будете такъ милостивы, что отвѣтите: «Я обѣщала, я обѣщала публично и торжественно, хотя и безъ этого мое обѣщаніе было бы не менѣе свято, но обѣщаніе было дано публично, и я не дамъ повода моимъ подданнымъ усомниться въ его исполненіи».

¹⁾ Намекъ на процессъ артиллерійскаго подполковника Белльгарда, обвиненнаго въ томъ, что онъ, по приказанію своего начальника, де-Грибоваля, продалъ забранные ружья. Белльгардъ былъ приговоренъ къ смерти, но смертная казнь была замѣнена для него тюрьмою, а впоследствии, въ 1777 году, Марія-Антуанетта выхлопотала для него полное прощеніе. Грибоваль, лишенный за это мѣста инспектора, вновь поступилъ на службу только при министерствѣ Сень-Жермена.

На этот отвѣтъ, столь честный, прекрасный и рѣдкій, не можетъ быть никакой реплики.

Къ сожалѣнію, я долженъ оговорить исключеніе изъ этихъ принциповъ, столь свойственныхъ вашему сердцу, въ томъ случаѣ, когда сами учрежденія окажутся плохи.

Но поступиться словомъ монарха, для исправленія зла, можно лишь тогда, когда послѣднее слишкомъ велико.

Я составилъ себѣ такое высокое мнѣніе о вашихъ учрежденіяхъ, что былъ бы въ отчаяніи, если бѣ замѣтилъ, что они колеблются или, еще болѣе, что они унижены и разрушены.

Да продлитъ Небо дни вашего величества настолько, чтобы вы могли видѣть драгоценные плоды вашихъ учрежденій!

Ваше царствованіе начинается съ того, до чего длинный рядъ царствованій даже не доходитъ.

На фронтонѣ собора св. Петра въ Римѣ начертано: Спѣсь пятый, верховный первосвященникъ, годъ первый.

Эта простая и прекрасная надпись дѣлать, по моему мнѣнію, еще болѣе къ фронтамъ вашихъ учрежденій: «Екатерина Вторая, императрица всероссійская, первый годъ ея царствованія».

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно сравнивать прекрасное зданіе, построенное изъ камня, съ учрежденіями, способными измѣнить законы, нравы, обычаи, духъ народа, духъ семьи, однимъ словомъ, весь строй жизни громаднаго народа?

Будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ и вѣрны своимъ обѣщаніямъ, ваше величество. Отъ этого зависить ваше величіе въ будущемъ и счастье въ настоящемъ.

Я не сказалъ бы этого тому, кто не обладаетъ вашимъ геміемъ. Есть монархи, которые всегда отступаютъ и хорошо дѣлаютъ. Но я объ одномъ прошу ваше величество—обезпечьте ваши учрежденія капиталами, при томъ такъ, чтобы послѣдніе ни подъ какимъ предлогомъ не могли быть отняты. Безъ этого ваши учрежденія не переживутъ нашего царствованія.

* *

Въ этомъ Дидро ошибся: Смольный монастырь и Воспитательный домъ пережили уже Екатерину больше чѣмъ на столѣтіе, а между тѣмъ никогда ея учрежденія не были

въ такой опасности, какъ при ея наслѣдникѣ, Павлѣ I, о которомъ Дидро говоритъ въ слѣдующемъ мемуарѣ.

§ 6.

О сынѣ ея величества, его высочеству великомъ князю.

Человѣкъ, осмѣливающійся говорить съ гениальной женщиной и такой матерью, какъ ваше величество, о воспитаніи вашего сына, долженъ быть нахаломъ, если не дуракомъ. Я это знаю и приму тотъ изъ этихъ эпитетовъ, который вамъ угодно будетъ мнѣ назначить, а пожалуй и оба, лишь бы только искренняя преданность особѣ вашего величества послужила мнѣ извиненіемъ и спасла отъ презрѣнія.

Великій князь молодъ, и всѣ, имѣвшіе честь входить съ нимъ въ сношенія, хвалятъ, сколько я знаю, его проникательность, его блестящія способности, доброту его сердца и возвышенность чувствъ.

Теперь онъ влюбленъ въ свою супругу, и это вполне основательно.

Онъ хлопочетъ о созданіи наслѣдника трона и хорошо дѣлаетъ.

Онъ уже покончилъ свое образованіе и пересталъ вести жизнь разбѣренную и постоянно занятую. Теперь можно опасаться того, что онъ перейдетъ къ жизни разсѣянной и лѣнливой. Послѣдствія такой жизни были бы печальны какъ для его семейнаго счастья, такъ и для счастья имперіи.

Поэтому я осмѣливаюсь предложить вашему величеству слѣдующее: пусть онъ присутствуетъ при разсмотрѣніи дѣлъ въ различныхъ административныхъ учрежденіяхъ; пусть онъ тамъ будетъ простымъ слушателемъ, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, то-есть до тѣхъ поръ, пока хорошо познакомится съ государственными дѣлами. Вотъ настоящая школа для будущаго монарха, въ его годы. По выходѣ изъ засѣданій, пусть онъ вамъ отдастъ отчетъ во всемъ, что тамъ происходило, и съ своимъ заключеніемъ, которое вы исправите, если оно окажется несправедливымъ.

Такимъ образомъ онъ познакомится съ духомъ и характеромъ, манерой думать, чувствовать и видѣть, со степенью просвѣщенности и талантами лицъ, которыхъ, впоследствии, захочетъ къ себѣ приблизить.

Тѣмъ временемъ я послалъ бы, въ разныя части имперіи, астронома, географа,

ВЪ ЦАРСТВѢ ШАНСОНЕТКИ

РОМАНЪ ИВЕТЫ ГИЛЬБЕРЪ

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПЕРЕВОДЪ В. Н. ПУШКИНОЙ

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИВЕТЫ ГИЛЬБЕРЪ)

Издание редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Парижанинъ-бульварды, будь онъ случайный посьтитель или за-всездатель Эльдорадо, Олимпіи, Скала и Фоли-Бержеръ, не подозре-ваетъ, что помимо Concert Européen Divin Japonais или la Cigale, куда они иногда мимоходомъ заглядываютъ, существуютъ еще и другія заве-денія, въ которыхъ процвѣтаетъ шансонетка. Въ своеобразныхъ квар-талахъ Парижа существуютъ небольшія залы, отдаваемые подъ балы, ужины, свадьбы; кафе и кабаки, помыцающіеся въ подвальныхъ эта-жахъ, юстепримо распахивающіе двери разнымъ дилѣттантамъ, пѣв-цамъ, мастеровымъ, мелкимъ чиновникамъ, ищущимъ хоть какое-нибудь подобіе славы и извѣстности. Отдаленные кварталы полны этими ве-селыми кабаками, усердно посѣщаемыми извѣстнаго сорта публикой, и не одинъ пѣвецъ началъ въ нихъ свою карьеру и впервые вкусилъ сла-дость англосисментовъ, пока поощренія товарищей не побудили его со-всѣмъ промѣнять инструментъ мастерового на радости и разочарованія артистической жизни. Въ Парижъ вѣдь всѣ поютъ—счастливые и несчастные.

Помню, когда я была маленькой дѣвочкой, 28 лѣтъ тому назадъ (стара становилась, матушка!...), мы жили въ одномъ домѣ по сосѣд-ству кафе, куда вечеромъ вся окрестность собиралась пѣть модныя шансонетки подъ аккомпаниментъ м-р Пети, который во время бно ре-нетировалъ и разучивалъ куплеты съ артистами Эльдорадо.

Этотъ м-р Пети былъ важное лицо. Онъ аккомпанировалъ самой Амiати, и самъ пѣлъ очень правильно и просто, великопѣннымъ баритономъ, и я помню, какъ мой отецъ, обожавшій шансонетки, заслушивался имъ, когда онъ пѣлъ: «*le Violoneux*».

Боже мой, какъ это все давно было! Сколько я поработала съ тѣхъ поръ!!! Ужъ не сто лѣтъ ли мнѣ? Кто знаетъ?

Бульваръ *du Temple*... Кафе *Augeol* напротивъ улицы *Saintonge*... Мнѣ тогда только-что минуло восемь лѣтъ, но какъ я живо все помню!.. Большая зала, налѣво рояль, отецъ сидитъ съ двумя друзьями-докторами и слушаетъ съ наслажденіемъ Пети, поющего «*Le Violoneux*» и «*Les Voeufs*» Дюпона.

А м-lle Маргарита Валенъ! Красивая блондинка, съ матовымъ цвѣтомъ лица, свѣтлыми глазами, покоряющими сердца всего квартала отъ *Place de la République* до *Filles du Calvaire*!

Она была бѣлошвейка, которой надоѣла ея работа.

Она пѣла «*La Fille d'Auberge*» глухимъ, полнымъ необъяснимаго очарованія голосомъ. Я слышала, что Пети ей сразу доставилъ мѣсто въ Эльдorado; весь кварталъ ликовалъ по этому случаю. Къ несчастію, симпатіями публики безраздѣльно владѣла Амiати, и Маргарита Валенъ, которая только умѣла ей подражать, должна была отретироваться и ухать въ Россію, идя смерть отъ чахотки похитила ее у ея поклонниковъ... Бѣдная красавица Валенъ!

Около цирка находился другой храмъ шансонетки, куда та же публика собиралась по воскресеньямъ. Никогда я не забуду одного мѣдника, который взбирался на эстраду и скрипѣлъ голосомъ, похожимъ на барабанъ, по которому колотятъ связкою ключей! Вмѣстѣ съ тѣмъ у него была ужасная голова... Японская или китайская химера, съ страшно выпученными глазами, съ громаднымъ расплюснутымъ носомъ, съ черными и волосатыми ноздрями, съ широчайшимъ ртомъ,—однимъ словомъ, такое ужасное лицо, что отецъ, не зная его имени, прозвалъ его Масакро—названіе, которое осталось за нимъ навсегда.

Комично гримасничая, онъ пѣлъ:

J'avais dû mourir

J'avais dû mourir... r.r pour Charlotte.

Помню все это какъ вчера! Боже, какъ онъ былъ противенъ!

Мнѣ гораздо больше нравился парикмахеръ, причесанный à la Рошфоръ, съ рыжимъ холломъ, точно фарфоровымъ лицомъ, потухшими глазками какого-то линючаго голубого цвѣта пастели, размазанной рукавомъ; онъ мнѣ казался верхомъ изящества... И онъ нѣтъ тиролецъ!! А тиронецъ была моя страсть!! Труляляйту! О моя молодость! Лебаси! Кто помнитъ Лебаси?

«Lise, rentrez dans votre mi-i-se-...

Труляляйту! Труляляйту! Труляляйту! И такъ безъ конца. Это было чудесно! Что съ нимъ случилось? Гдѣ Масакро? Гдѣ мой парикмахеръ? Какъ все это далеко!!

Мой парикмахеръ и Масакро не переступили за черту своего квартала. Другіе, болѣе счастливые и талантливые, разсѣялись въ разныя стороны; но сколько остановокъ, сколько труднаго и долгаго пути, пока они добились фигурированія на афишахъ, не говоря уже известнаго, но не совсѣмъ безвѣстнаго театра.

Зато, что за радость, когда немногимъ изъ нихъ удавалось достигнуть своей цѣли, быть принятымъ въ какомъ-нибудь «Grand Concert». Вѣдь это прямая дорога къ счастью, обезпеченная будущность, т. е. открытый путь въ провинцію... Вся Франція, вдоль и поперекъ, у его ногъ, и можетъ быть и за граница! Для этого совсѣмъ не нужно быть очень въ модѣ, достаточно быть изъ Scala, изъ Эльдorado, изъ Фолу-Бержеръ.—это паспортъ, который раскрываетъ все двери.

Много нужно труда и заботъ, чтобы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба въ старости, и то это удается не всегда, даже, можно сказать, довольно рѣдко.

Парижская публика и не подозреваетъ, что монополистъ, котораго она неохотно слушаетъ по вечерамъ и находитъ очень скучнымъ, становится впоследствии звѣздой и любимцемъ громадной толпы въ Ліонѣ, Марсели, Бордо. Легко сказать! Вѣдь парижскій «артистъ», да еще изъ Эльдorado! Этотъ радушный пріемъ въ провинціи оживляетъ энергію и согреваетъ сердца бѣдныхъ артистовъ, замороженныхъ парижанами, которые расточаютъ похвалы и улыбаются исключительно своимъ собственнымъ любимцамъ. Не будь провинціи, можно бы было разочароваться въ своемъ талантѣ!

Милая провинція! Добрые, милые актеры-труженики, развѣзжайте по большимъ дорогамъ, пойте и пожинайте ваши лавры, тамъ, гдѣ на нихъ не скупятся.

Восемьдесятъ шесть департаментовъ вамъ улыбаются. а одинъ будируетъ... Чего жъ тутъ отчаяваться!.. Вспомните, что еще во времена Генриха IV Парижъ стоилъ не больше одной обѣдни. и скажите себѣ, что правы восемьдесятъ шесть департаментовъ—и къ чорту все остальное!

II. I.

Ивета Гильбертъ, авторъ романа «Въ царствѣ шансонетки», знаменитая парижская пѣвица шансонетокъ.

I.

— M-elle Эдме споетъ вамъ «Les Coccinelles!»

Этотъ возгласъ среди гула разговора, шума отодвигаемыхъ стульевъ и звона стакановъ о мраморные столы не произвелъ на публику особеннаго впечатлѣнія.

Не смотря на это, m-elle Эдме появилась въ облакѣ дыма, окутывающаго какъ флеромъ газовые рожки, освѣщающіе залу, взобралась на перевернутый ящикъ, изображающій сцену, и на разбитомъ шанно, прислоненномъ къ эстрадѣ, раздалась первые аккорды романсы Массенэ.

Это происходило въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ улицѣ Julien-Latour, въ подвальномъ помѣщеніи винной лавочки, служащемъ мѣстомъ, гдѣ по праздникамъ собирались члены музыкальнаго общества «Малиновка».

Въ подвалѣ, представляющій собою длинный четырехугольникъ, вела винтовая лѣстница, по которой то и дѣло пныряли вверхъ и внизъ гарсоны и безъ всякаго уваженія къ святому искусству безцеремонно прерывали въ самомъ эффектномъ мѣстѣ монологъ или захватывающую шансонетку громкими возгласами: «пара пива!» или «бутылка бѣлаго!», на что раздраженные меломаны неистово шикали и этимъ еще болѣе увеличивали общій сумбуръ и мѣшали художественному исполненію chef-d'oeuvre'овъ.

Но вѣдь не каждый можетъ понять залу Оперы, и виртуозы, радуясь, что публика имѣетъ возможность оцѣнить ихъ чудные голоса, не были особенно взыскательны за остальное. Не все ли равно, какъ пѣть,—лишь бы пѣть!

Исполнителями были большей частью мелкіе школьники, мастеровые и приказчики; изрѣдка молодая дѣвушка, которая рѣшалась превозмочь свою робость и угощали публику коначными трелями, помѣщавшимися у нихъ въ горлѣ.

Семьи исполнителей присутствовали при ихъ триумфахъ, потягивая скверное вино, ликеры съ водой и оставляя послѣ себя мокрые кружочки на желѣзныхъ столикахъ, рѣдко и такъ мало подвергающихся чисткѣ.

Носегодня—чортъвозьми!—былъ совсѣмъ особенный вечеръ. Развѣшанныя по колоннамъ афиши возвѣщали, что цѣна на все предметы потребления на сегодняшний вечеръ повышена на десять сантимовъ, и что въ концѣ концерта будетъ кружечный сборъ въ пользу товарища, впаваго въ несчастье.

Кромѣ обычныхъ исполнителей даже нѣкоторые артисты главныхъ music hall' ей Парижа согласились принять благосклонное участіе въ этомъ концертѣ. Публика услышитъ несравненнаго комика Турбилона и прелестную Бланшъ Мезанжъ изъ Ambassadeurs!

И эта программа не была только рекламою. Названныя двѣ знаменитости

не обманули и дѣйствительно пріѣхали. Каждый могъ ихъ видѣть неподалеку отъ рояля, за столикомъ отхлебывающими по временамъ изъ кружки съ пивомъ, какъ обыкновенные смертные.

По правдѣ сказать, несравненный комикъ Лурбильтонъ давно уже не являлъ свой гениальный талантъ въ столицѣ, и только скромные провинціальныя кабачки имѣли счастье видѣть его на своихъ подмосткахъ. Что касается до Бланшъ Мезансъ, то единственными слушателями ея были до сихъ поръ пустыя кресла и скамейки въ «Ambassadeurs», что въ сущности было большой несправедливостью, такъ какъ она была въ самомъ дѣлѣ молодая, свѣжая, хорошенькая, крутленькая блондинка и, не будь ея единственного недостатка—пѣнія, она была бы маленькимъ совершенствомъ.

Но какъ внушишь женщинѣ, которая провалилась на сценѣ, что она могла бы имѣть успѣхъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ или въ торговлѣ! Никогда она вамъ не повѣритъ. Ей всегда кажется невозможнымъ шить бѣлье или платье, когда такъ просто корчить изъ себя наивную дурочку на подмосткахъ.

На Бланшъ Мезансъ и Лурбильтона были устремлены сотни взглядовъ, и до ихъ слуха доносился умиленный и благодарный шопотъ толпы.

M-elle Эдме, въ черномъ, соломенномъ канотье на головѣ, объявила пронзительнымъ голосомъ:

— Les cochenilles sont couché—é—es и соскочила съ ящика.

— Бисъ, бисъ!—закричали въ одномъ углу.

— Долой!—послышалось въ другомъ концѣ залы.

Раздались нѣсколько жидкихъ аплодисментовъ и энергичное шиканье.

Аплодировала главнымъ образомъ старая дама, сидящая за столикомъ съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, задумчивоковырявшимъ въ носу. Особа же, такъ непочтительно потребовавшая удаленія m-lle Эдме, была дюжая дѣвица, лѣтъ восемнадцати, съ непокрытой головой, имѣвшая, вѣроятно, какіе-нибудь личные счеты съ артисткой.

Впрочемъ, послѣдняя ничуть не смутилась. Прощивъ что-то сквозь зубы по адресу шансиста, она объявила:

— Я ничего больше не пою! И вернулась подъ крылышко матери и брата, съ которыми тотчасъ же и вступила въ оживленную бесѣду, прерываемую презрительнымъ пожиманіемъ плечъ. Дратся ей было съ ними, что ли?

Но распря, улегшаяся въ этомъ углу, разгорѣлась внезапно въ противоположномъ.

— Нашъ добрый товарищъ Паке пропоетъ!—началъ было режиссеръ.

— Вонъ! Не его очередь!—вдругъ возопилъ неистовый голосъ, и въ эту минуту у эстрады произошло замѣшательство.

Паке, франтъ и сердцеѣдъ, въ короткомъ вестонѣ, высокомъ воротничкѣ и галстухѣ, Лавальеръ, граціозно всталъ, услышавъ свое имя, но чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо и заставила его опять неожиданно опуститься на стулъ.

— Мнѣ теперь пѣть, мнѣ, Флорану, прозванному «Bat d' Af», тутъ надо соблюдать очередь, какъ у кассы, и я не позволю!

И пьяный Флоранъ запѣлъ, не ожидая дальнѣйшаго приглашенія:

V'la l' Bat d' Af qui passe!
Ohé! ceux d'la classe!

Что было громадный дѣтина съ мускулами, похожими на окорока, и режиссеръ безуспѣшно колотилъ по дереву рояля, чтобы заставить его замолчать.

Qui qui rigol' ra,
Quand la classe,
Quand la classe.
Qui qui rigol' ra
Quand la classe partira!

ревѣлъ онъ съ остервенѣніемъ.

Испуганная Бланшъ вскочила на ноги, готовясь бѣжать. Лурбильтонъ сильно струсилъ, но для поддержанія своего мужского достоинства остался сидѣть, хотя весь позеленѣлъ. Эта нѣмая сцена внушила режиссеру счастливую мысль. Такъ какъ Флоранъ опрокидывалъ стулья, увлеченный бѣшеной пантомимой, которой онъ под-

черкивалъ припѣвъ своихъ куплетовъ, то онъ закричалъ ему:

— Смотри, Флоранъ, какъ ты напугалъ дамъ, хорошаго они будутъ мнѣнія о нашей «Малиновкѣ»!

Эти слова режиссера внезапно усмирили захмѣлѣвшаго артиста. Онъ замолчалъ, снялъ фуражку и, подойди къ молодой женщинѣ, проговорилъ:

— Простите! Заткну фонтанъ. Только я не хочу, чтобы Паке пѣлъ! Если онъ запоетъ, я его смажу!

— Ладно, ладно! Паке не будетъ пѣть! (Адись!)

— Я не настаиваю, мнѣ все равно, — смиренно говорилъ Паке, безуспѣшно пытаясь расправить помятый воротникъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, — сказалъ режиссеръ, со вздохомъ облегченія утирая потъ, очередь за Фернандомъ.

Взрывъ аплодисментовъ привѣтствовалъ эти слова. Энтузіазмъ былъ всеобщій, и даже Флоранъ «Bat d'At» ревѣлъ:

— Да, да, — Фернандъ! Фернандъ!

Восторгъ публики былъ такой неподдѣльный и единодушный, что Лурбильона передернуло, и онъ тихо сказалъ Бланшъ:

— Это что-то еще за свѣтило, этотъ Фернандъ?

— Онъ очень милъ, — отвѣтила Бланшъ.

Фернандъ, дѣйствительно, былъ особенный. Онъ появился на крошечной сценѣ и стоялъ высокій и стройный въ непринужденной и естественной позѣ. Молодой брюнетъ, съ небольшими усиками, лихо закрученными надъ красивымъ ртомъ, съ умнымъ выраженіемъ глазъ, граціозными жестами, онъ сразу покорилъ всѣхъ, и въ залѣ, наконецъ, настала полная тишина. Это былъ герой и любимецъ всего квартала. Даже гарсонъ прекратилъ свои варварскіе возгласы и слушалъ, стоя внизу лѣстницы съ салфеткой подъ мышкой и разинутымъ ртомъ.

Лурбильонъ не могъ не сознаться, это этотъ дилеттантъ пѣлъ съ мастерствомъ и вѣрностью интонаціи, которой позавидовали бы и уже завидовали

присутствующіе «профессіональные артисты». Впрочемъ, несравненный комикъ не скрывалъ своихъ мыслей.

— Провалить онъ насъ, этотъ подлецъ! — проворчалъ онъ.

Бланшъ Мезанжъ сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ замолчалъ:

— Не мѣшайте слушать!

Въ самомъ дѣлѣ, слушать Фернанда было просто наслажденіе.

Что онъ пѣлъ? Такъ, пустяки какіе-то: «Petits Pavés, Petits Chagrins», но въ его исполненіи они приобрятали какую-то необыкновенно тонкую прелесть. Его нѣжный и ласкающій голосъ скрадывалъ своими теплыми, полными чувства нотами бѣдность рѣзвы и мелодіи.

Послѣ перваго же романа начались аплодисменты. Самъ Лурбильонъ, высоко поднимая руки, какъ будто восторженно аплодировалъ, но въ сущности его руки, соединяясь, не производили большого шума. Что дѣлать! — у великихъ людей есть свои слабости.

Бланшъ Мезанжъ, напротивъ, открыто и шумно выражала свой энтузіазмъ и въ отвѣтъ на язвительный шопотъ Лурбильона:

— Будетъ! Довольно! Надоѣло! — она, вся красная отъ негодованія, возразила:

— Я предпочитаю слушать его цѣлую ночь, чѣмъ тебя десять минутъ! Мезанжъ была хорошая женщина и очень честная. Я не подразумеваю здѣсь ту честность въ извѣстномъ смыслѣ, предметъ гордости многихъ женщинъ, у которыхъ, впрочемъ, кромѣ этого ничего и нѣтъ, тѣхъ старыхъ дѣвъ, заплѣсневѣвшихъ въ своемъ дѣвствѣ, которыми, по ихъ мнѣнію, это самое дѣвство даетъ право быть злыми, подлыми, даже преступными, и тѣхъ мегеръ, которыя гордятся тѣмъ, что никого не любили и всѣхъ ненавидятъ.

Не говорю о тѣхъ женщинахъ, души которыхъ такъ грубы и вульгарны, что онѣ смотрятъ на актъ любви, какъ на развратъ, а умъ и выраженія такъ грязны, что онѣ видятъ непристойность въ каждомъ самомъ естественномъ движеніи.

И не о тѣхъ бѣдныхъ, честныхъ женщинахъ. Вѣрныхъ до педантичности

своимъ мужьямъ, не изъ чувства влюбленности, а изъ чувства долга, или влѣдствіе отвращенія и ужаса передъ чувственными побужденіями, которыхъ онѣ не раздѣляютъ и не понимаютъ. Ошпаренныя кошки боятся горячей воды..... /

Нѣтъ, Бланшъ Мезанжъ не была честна въ этомъ смыслѣ, но она была вѣрна и неизмѣнна въ дружбѣ.

И довѣрчива!

Конечно, ей бы не присудили «Монтионовскую премію», но и при ея занятіи, въ которомъ флертъ-д-оранжъ не обязательенъ, про нее все-таки говорили: «Она живетъ съ такимъ-то, не тратьте напрасно времени, ничего изъ этого не выйдетъ».

И, дѣйствительно, ничего не выходило. Ее содержалъ «другъ» графъ Дюпон, человѣкъ съ виднымъ положеніемъ и женатый, и она никогда не обманывала его.

Но ея строгую добродѣтель нельзя было поставить ей въ особую заслугу. Толстая и добродушная, она была страшная лѣнтяйка, а тайный романъ требуетъ столько хлопотъ, заботъ, предосторожностей, писемъ!

Нѣтъ, игра не стоила свѣтъ. И такъ Бланшъ Мезанжъ была безупречнаго поведенія. Однако, когда Фернандъ сошелъ со сцены, она смотрѣла на него глазами помутнѣвшими не то отъ утомленія, не то... отъ любви, полными разныхъ сомнѣній и полуобѣщаній.... словомъ, не тѣмъ яснымъ, веселымъ взглядомъ, которымъ она обводила публику въ началѣ концерта.

Въ слѣдъ за Фернандомъ наступала ея очередь. Она взгромоздилась на эстраду, пропѣла свои обычные номера: «*La Puce, Dis-moi où sa m' dérange*» и произвела нѣкоторую сенсацию; ее вызывали, требовали повторенія. Она была вполне счастлива, вѣрила въ свой талантъ и считала этотъ успѣхъ первымъ шагомъ на пути славы.

На самомъ дѣлѣ у нея былъ жидкій, фальшивый голосъ, неясная дикція, но она принадлежала къ труппѣ «*Ambassadeurs*» и дѣлала честь обществу «Малиновки», участвуя въ его концертѣ. «Малиновка» въ благодар-

ность устроила овацію ея добротѣ и хорошенькому личику.

Наступила очередь Лурбильона. Задѣтый заживое успѣхомъ Фернанда, онъ рѣшилъ показать разницу между настоящимъ артистомъ и дилеттантомъ, и такъ какъ въ своемъ многолѣтнемъ странствованіи по всей Франціи онъ набилъ себѣ руку и зналъ, чѣмъ угодить публикѣ, онъ съ бѣшенымъ *entrain* и неподражаемымъ юморомъ откаталъ нѣсколько гривуазныхъ, веселыхъ куплетовъ, и не менѣе Фернанда увлекъ за собою залу, которая орала, топала, безумно хохотала, однимъ словомъ, обнаруживала всѣ симптомы, наблюдаемые въ буйныхъ отдѣленіяхъ сумасшедшихъ домовъ.

Такъ какъ Лурбильонъ обладалъ великодушнымъ сердцемъ, онъ не только тутъ же простилъ Фернанду его успѣхъ, но возымѣлъ желаніе съ нимъ познакомиться; пока, по окончаніи концерта, члены общества «Малиновка» закрывали рояль, платили по счету и складывали ноты, онъ жестомъ, полнымъ снисходительнаго достоинства, поманилъ къ себѣ молодого человѣка.

— Браво, браво, м-г Фернандъ, поздравляю! Пойдемъ наверхъ, выпьемъ по рюмочкѣ. Здѣсь жарко, да и тушатъ огни.

Дѣйствительно, гарсонъ обходилъ залу и тушилъ газовые рожки.

— Съ удовольствіемъ!—произнесъ Фернандъ. Всѣ трое, Бланшъ Мезанжъ, Лурбильонъ и Фернандъ стали подниматься по витой лѣстницѣ.

— Какой у васъ прелестный голосъ!—проговорила Бланшъ, обращившаяся къ Фернанду, слѣдовавшему за ней. Въ полумракѣ лѣстницы обрисовалась передъ молодымъ человѣкомъ ея фигура, свѣтлые волосы, полуоткрытый ротикъ, ослѣпительной бѣлизны зубы и большіе голубые ласковые глаза.

— Чѣмъ вы занимаетесь, молодой человѣкъ?—спросилъ Лурбильонъ, когда они успѣли за столикомъ. Съ вашимъ голосомъ вы могли бы пользоваться громаднымъ успѣхомъ.

— Еще бы!—горячо подтвердила Бланшъ.

Фернандъ улыбнулся ей и поднялъ рюмку:

— За ваше здоровье! Можетъ быть, будь я помоложе и поучись я немного... Но теперь ужъ поздно. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло.

— А какое ваше дѣло?

— О, далеко не артистическое. Я подмастерье портного: крою брюки, пиджаки, жакеты. Если вамъ понадобятся вестонъ...

Бланшъ Мезанжъ сдѣлала гримасу, (очень милую дѣтскую гримасу) и пробормотала, барабани пальцами по столу:

— Жаль!

— Почему жаль?

— Конечно, если васъ удовлетворяетъ подобное занятіе...

Меня удовлетворяетъ? — возмущился разомъ Фернандъ. Развѣ мы, поденные работники, можемъ быть счастливы? Мы всѣ во власти глупаго хозяина, который вымещаетъ на насъ свои неудачи и сокращаетъ намъ жалованье, если, по его же винѣ, число заказовъ уменьшается.

Онъ горячился все больше и больше.

— Небойсь, вы не знаете, что вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы организовали стачку, и могу съ гордостью сказать, что во главѣ ея стоялъ я... Конечно, въ критическую минуту товарищи отъ меня отвернулись, и я съ трудомъ нашелъ себѣ мѣсто. Зато въ другой разъ не полѣзу.

Бланшъ слушала, широко раскрывъ свои голубые глаза. Каковъ!

Вскорѣ пришлось разойтись, такъ какъ лавочку запирали. Фернандъ, не смотря на протесты собесѣдниковъ, заплатилъ по счету. Садясь на извозчика, Бланшъ протянула руку Фернанду, который мягко ее сжалъ, чувствуя приятную дрожь при прикосновеніи къ ея мягкой и душистой ладони.

— Помните мое слово, быть вамъ пѣвцомъ. Подвезти тебя, Лурбильонъ? Садись!

Лурбильонъ, закуривая папироску и глядя съ боку на свою сосѣдку, спросилъ:

— Скажи, захолонуло сердечко? Ты что-то очень смотрѣла на него.

— Отстань, я хочу спать.

Она свернулась комочкомъ въ углу кареты, но не спала. Она мечтала.

II.

Почти на углу бульвара Saint-Denis, недалеко отъ воротъ Людовика Великаго находится «Café de la Chartreuse».

По внѣшнему виду это дѣйствительно кафе, такъ какъ въ немъ есть гарсоны, касса съ кассиршей, столики и даже хозяинъ, но въ сущности это была биржа мелкихъ актеровъ, родъ рынка, гдѣ они себя продавали и гдѣ ихъ покупали.

Вотъ они—я ихъ вижу отсюда—эти веселые комики, эксцентричные танцовщики и танцовщицы, пѣвицы и пѣвцы, которые вечеромъ будутъ забавлять толпу шансонетками, остротами и кривляньемъ и вызывать, можетъ быть, зависть къ своему беззаботному и веселому житью; вотъ они, блѣдные, изможденные, съ усталыми глазами, голодные, холодные и больные, съ отпечаткомъ страданія и горя на лицѣ.

Каждый день они приходятъ въ «Café de la Chartreuse», въ надеждѣ получить ангажементъ, наткнуться на импрессарио, разыскивающего монолога или пѣвицу.

Женщинъ здѣсь также много.

Блѣдныя, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, съ натянутой и застывшей улыбкой на губахъ, накрашенные и напудренные дешевой пудрой, съ подведенными глазами, онѣ тоже ждутъ какого-нибудь антрепренера, къ услугамъ котораго онѣ предлагаютъ остатки своего пропадающаго голоса и уходящей молодости.

Зимой онѣ одѣты въ легкія лѣтнія блузы, а лѣтомъ въ потрепанныя зимнія пальто; но зато волосы всегда подвиты, шляпы неизмѣрныхъ размѣровъ, а уши и руки украшены фальшивыми брилліантами и жемчугами.

Однако жъ, ни экстравагантныя шляпы, ни украшенія, ни косметики не

могутъ скрыть на ихъ лицахъ морщинъ, проведенныхъ горемъ и заботами.

Все же храбрыя попытки скрыть свою нищету и горе есть та симпатичная черта этихъ бѣдныхъ людей, которая заставляетъ любить ихъ и прощать имъ ихъ наивное тщеславіе и слабости, которыми они грѣшатъ.

Пестрая толпа ихъ запруживаетъ тротуаръ, слышенъ смѣхъ, болтовня. Никто изъ нихъ не сознается, что онъ два дня не ѣлъ, а, напротивъ, норовитъ рассказать, что онъ не далѣе, какъ сегодня ночью, былъ на великолѣпномъ ужинѣ въ одномъ изъ лучшихъ кафе, и расскажетъ при этомъ все остроумно, которыя будто бы слышалъ и говорить.

Лурбильтонъ, развалился на трехъ стульяхъ, туловище на одномъ, ноги на другомъ, а руки, закинута за спинку третьяго, пилъ абсентъ, поглядывая на свой стаканъ, сквозь который жизнь представлялась ему въ розовомъ свѣтѣ.

Плохо выбритое, съ синими отливомъ, лицо его постоянно передергивалось всевозможными тиками, придающими ему подвижность обезьяньего лица; онъ былъ одѣтъ въ клѣтчатую гороховую пару, съ громаднымъ яркимъ галстукомъ; на головѣ ухарски на бекрень красовался цилиндръ съ прямыми бортами. Время отъ времени онъ дарилъ скромныхъ слушателей, расположившихся вокругъ, рассказами о своихъ необыкновенныхъ успѣхахъ.

— Вы знаете ли,—говорилъ онъ, обращаясь къ старому, совсѣмъ рамольному господину, который, должно быть, былъ глухъ, такъ какъ слушалъ его съ блаженной улыбкой, не выражая ни малѣйшаго знака одобренія или порицанія, — вы знаете ли, что когда я пою, мертвая тишина въ залѣ, слышно, какъ растетъ трава!—Какъ-то разъ, въ Турѣ, какіе-то мальчишки конечно, я на нихъ не сержусь, должно быть, выпили лишнее, а можетъ быть и не знали, что я пою... Однимъ словомъ, какіе-то молодые люди вздумали разговаривать, когда я

былъ на сценѣ. Публика ихъ чуть не утопила въ Луарѣ.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Вотъ какъ вспыхиваютъ революціи!

Но внезапно, не посмотрѣвъ даже, какое впечатлѣніе произвелъ на апатичнаго старика его рассказъ, онъ вскочилъ на ноги и замахалъ своими длинными руками какому-то молодому человѣку, проходившему по бульвару.

— Фернандъ, Фернандъ!—кричалъ онъ своимъ пронзительнымъ голосомъ, который, по его словамъ, могъ бы доставить ему владычество надъ всеми народами.

Молодой человѣкъ остановился, обернулся и, узнавъ Лурбильтона, улыбнулся и вошелъ въ кафе. Онъ былъ все такой же стройный и изящный, только правая рука у него была на перевязи.

— Это что такое?—спрашивалъ Лурбильтонъ, очищая ему мѣсто рядомъ съ собой.

— Такъ, пустяки; вывихнулъ руку,—отвѣтилъ Фернандъ;—бѣда въ томъ, что я не могу работать: хозяинъ, конечно, прогналъ меня. Когда инструментъ сломанъ, его выкидываютъ за окно, не правда ли? Вотъ и меня выкинули!

Фернандъ говорилъ съ нѣкоторой горечью:—Вы счастливые насъ: вамъ поврежденная рука не мѣшаетъ пѣть, а я черезъ нѣсколько дней околѣю съ голоду. Одной лѣвой рукой не много накормишь.

— Подумаешь, что на Божьемъ свѣтѣ только ножницы и существуютъ!—перебилъ его Лурбильтонъ. Помните, что Мезанжъ и я вамъ говорили мѣсяцъ тому назадъ на концертѣ «Малиновки».

При имени пѣвицы Фернандъ слегка вздрогнулъ. Лѣвой рукой онъ покрутилъ усы, чтобы скрыть набѣжавшую улыбку, и отвѣтилъ:

— Да вы вѣдь шутили.

Но Лурбильтонъ горячился:

— Какія тамъ шутки! Такой голосъ, какъ вашъ, не на каждомъ шагу встрѣчается. Хотите, я буду съ ва-

ми откровененъ. Я, Лурбильтонъ, когда услышалъ васъ, я даже почувствовалъ зависть! Чего вамъ еще болѣе? И онъ засунулъ большіе пальцы въ жилетные карманы. Артистовъ, достойныхъ хоть на минуту возбудить зависть Лурбильтона, немного на Божьемъ свѣтѣ!

Однако, Фернандъ все еще сомнѣвался. Онъ былъ скромненькій, и его дилеттантскіе успѣхи не вскружили ему голову.

Онъ чувствовалъ, что совсѣмъ растерялся бы передъ настоящей публикой, на настоящей сценѣ, въ большой ярко освѣщенной залѣ. Его бы, конечно, освистали, ошпикали, и тогда онъ за себя не отвѣчалъ бы. Единственное, что оставалось бы сдѣлать — всадить себѣ пулю въ лобъ.

Все это онъ откровенно объяснилъ несравненному комику.

— Что за чепуха! — отвѣтилъ тотъ. Свистки, которыми васъ освистываютъ, еще не существуютъ, голубчикъ. Какъ, неужели? — прервалъ себя Лурбильтонъ, быстро вставая и размахивая своей шляпой.

Извозчикъ на резинахъ, позвякивая бубенцами, остановился у «Chat-teuse», и изъ него вышла m-elle Бланшъ Мезанжъ въ свѣтломъ платьѣ и кружевной накидкѣ съ умопомрачительной шляпой на головѣ.

Молодая женщина, не глядя ни на кого и извиняясь на пути, быстро прошла сквозь толпу на тротуарѣ и остановилась у террасы.

Тутъ только она замѣтила шляпу Лурбильтона и его самого и быстро спросила:

— Ты не видалъ Гарригу, композитора?

— Нѣтъ, можетъ быть, онъ внутри.

Она прошла въ кафе, поговорила съ кассиршей и вернулась обратно:

— Идіотъ, еще не пришелъ! Я бы чего-нибудь выпила, голубчикъ.

И она сѣла, постукивая ручкой зонтика о столикъ.

— Эге, Бланшъ... сказалъ Лурбильтонъ, подмигивая глазомъ, что, по его мнѣнію, придавало его лицу чрезвычайно лукавое выраженіе.

— Что такое?

— Ты не здороваешься?

— Съ кѣмъ? А, monsieur Фернандъ, извините! — краснѣя, воскликнула Бланшъ и протянула руку молодому человѣку.

— Сударыня, — пробормоталъ онъ, и они оба замолчали.

Лурбильтонъ помолчалъ, наслаждаясь замѣшательствомъ молодыхъ людей. Затѣмъ вновь заговорилъ:

— Знаешь ли, что я сейчасъ только совѣтовалъ нашему другу?

Бланшъ пожала плечами въ знакъ отрицанія и взглянула на Фернандъ.

— Ахъ, вы ранены? — озабоченно спросила она.

— Вотъ то-то и есть, — продолжалъ Лурбильтонъ. У него вывихнута рука, и хозяинъ его, конечно, прогналъ. Онъ намѣревается умирать съ голоду, а я изъ себя вонъ выхожу, уговаривая его промѣнять свое поганое ремесло на наше.

— О, какъ это было бы мило! — воскликнула Бланшъ, подпрыгивая на стулѣ и хлопая въ ладоши. Вы навѣрно всѣхъ очаруете.

— Неискушайте меня, m-elle Бланшъ.

Въ самомъ дѣлѣ подъ огнемъ голубыхъ глазъ пѣвицы его сопротивленіе быстро таяло.

— Конечно, если бы я могъ, быть въ одной труппѣ съ вами, — проговорилъ онъ, запинаясь.

— Ага, захолонуло, я говорилъ, захолонуло! — неистово завопилъ Лурбильтонъ, хлопая себя по колѣнкамъ и сразу переходя съ Фернандомъ на ты. Плутоватый, маленькій божокъ одолевалъ и болѣе трудныя препятствія, чѣмъ слабая воля мужчины.

— Ура! Выпьемъ, братъ! Теперь ты принадлежишь намъ, Фернандъ.

Бланшъ Мезанжъ молчала, задумчиво опустивъ голову. Лучъ солнца скользнулъ по ея затылку со свѣтлыми завитками. И Фернандъ почувствовалъ, что участь его рѣшена, что онъ отнынѣ «лирическій артистъ».

Бланшъ Мезанжъ, стоя одной ногой на подножкѣ купе, въ послѣдній разъ жала руку Фернандъ. Долгъ, конечно, великая вещь, но какъ под-

часть бываетъ грустно его исполнять; ей такъ не хотѣлось разставаться съ друзьями въ эту минуту.

Лурбильонъ, между тѣмъ, говорилъ Фернанду: — Завтра ровно въ три часа. У тебя другой жанръ, чѣмъ у меня; такъ что къ моей симпатіи къ тебѣ не примѣшиваются никакія личныя соображенія, и я могу лично поставить тебя на новый путь служенія святому искусству.

— Да замолчи, наконецъ! — сказала Бланшъ. Однако жъ его болтовня не была ей особенно тягостна, такъ какъ во время его рѣчи она продолжала держать въ своей рукѣ руку Фернанда.

— Я тебя поведу, — продолжалъ Лурбильонъ, — къ одному знакомому агенту, Премьерди, на Faubourg St. Martin, которого ты изумишь своимъ пѣніемъ и который немедленно, даю свою руку на отвѣченіе, дастъ тебѣ великолѣпное мѣсто.

— Лишь бы попасть въ «Ambassadeurs», — попросилъ Фернандъ.

— Да, да, постарайся въ «Ambassadeurs», — крикнула Бланшъ, отбѣжая.

Лурбильонъ, оставшись одинъ на тротуарѣ, снисходительно и добродушно пробормоталъ:

— Ахъ вы, бестія!

III.

Въ Faubourg St. Martin есть высокое, узкое, подозрительнаго вида строеніе, какъ бы сплющенное сосѣдними домами, съ двумя только окнами по фасаду. Узкая входная дверь открывается на грязный, сырой корридоръ, въ концѣ котораго видна вонючая и темная лѣстница, съ липкими отъ грязи перилами.

На двери въ третьемъ этажѣ прибитъ кусокъ клеенки, на которой бѣлыми буквами написаны два объявленія:

«Путеводная звѣзда концертовъ».

Контора и редація.

«Тихая пристань»

Лирическое агентство.

Изъ этой квартиры раздаются какіе-то странные звуки, разносящіеся по всему дому: то пронзительные женскіе голоса съ завываньемъ, выводящіе пошлыя мелодіи, то мужскіе басы и баритоны, съ пафосомъ распѣвающие оперныя аріи, то звучитъ безтолковая, спотыкающаяся, несносная игра на роялѣ; изрѣдка слышны гнѣвные крики, жалобы и проклятія какихъ-то людей, быстро и неудержимо, очевидно, не всегда по собственной волѣ скатывающихся внизъ по лѣстницѣ, толкаясь на поворотахъ и задѣвая тростью о стѣны.

Но, не смотря на безпокойство, причиняемое всему дому этими квартирантами, консьержъ не тревожитъ ихъ и не протестуетъ, такъ какъ хозяинъ этой квартиры, Премьерди, былъ щедръ и платилъ аккуратно.

Въ самомъ дѣлѣ Премьерди, издатель «Путеводной звѣзды артистовъ», еженедѣльнаго музыкально-художественнаго журнала или директоръ агентства «Тихая пристань», былъ недюжинный человекъ. Раньше онъ былъ извѣстный журналистъ, издатель большой газеты, членъ нѣсколькихъ клубовъ, литераторъ и посѣтитель всѣхъ первыхъ представленій. Но ему не повезло. Онъ былъ уличенъ въ шантажъ и мошенничество и приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на одинъ годъ. Однако, несчастія не сломили его энергіи. Отсидѣвъ свой срокъ, онъ быстро всталъ опять на ноги и создалъ себѣ новое социальное положеніе, объявивъ себя покровителемъ и благодѣтелемъ бѣдныхъ артистовъ, пріискивая имъ мѣста и рекламируя ихъ въ своемъ журналѣ. Дѣло шло недурно, если не считать нѣкоторыхъ шероховатостей, неминуемыхъ во всякомъ большомъ дѣлѣ.

Одна изъ такихъ шероховатостей приключилась какъ разъ въ тотъ день, когда Лурбильонъ и Фернандъ поднимались по лѣстницѣ и входили въ переднюю квартиры г. Премьерди. За перегородкою, отдѣляющей переднюю отъ кабинета директора, слышны были поочередно гнѣвные и гортанные голоса и чья-то тихая, примиряющая и извиняющаяся рѣчь.

— Войдемъ!—сказалъ Лурбильтонъ.

Въ кабинетѣ директора стояли десять арабовъ въ бурнусахъ, со злобными лицами; они стучали загорѣлыми кулачищами по столу и требовали на ломаномъ французскомъ языкѣ чего-то отъ Премьерди, а тотъ, стоя за своимъ письменнымъ столомъ и пугливо озираясь, бормоталъ что-то довольно несвязное.

— А, Бени-бенъ-Мухтары, — проговорилъ Лурбильтонъ.

— Это акробаты, которыхъ Премьерди выписалъ изъ Туниса, — пояснилъ онъ Фернанду. Они прогорѣли въ Парижѣ и по всей вѣроятности требуютъ, чтобы Премьерди отправилъ ихъ обратно на родину. Щекотливая же вещь имѣть съ ними дѣло. Того и гляди пырнуть его.

Дѣйствительно, старшій изъ Бени-бенъ-Мухтаровъ, съ налитыми кровью глазами, потрясалъ кулаками передъ носомъ Премьерди, который весь дрожалъ. Остальные девять Бени-бенъ-Мухтаровъ, возрастомъ отъ 10 до 35 лѣтъ, подчеркивали слова старика энергичными жестами, не предвѣщавшими ничего добраго директору «Тихой пристани». Послѣдній въ эту минуту внутренне раскаивался, конечно, въ томъ, что позволить себѣ удержать часть скуднаго сбора акробатовъ, якобы для того, чтобы отложить для нихъ же эти деньги на обратное путешествіе. Теперь онъ не могъ отдать ни одной копейки.

— Эйрика! — проговорилъ вдругъ какой-то блѣлый молодой человѣкъ, появляясь неожиданно изъ-за портьеры, задрапировывавшей дверь въ глубинѣ комнаты.

— Что именно, говорите скорѣй! — обернулся къ нему Премьерди, вытирая потъ, обильно струившійся у него по лысинѣ.

Молодой человѣкъ этотъ былъ американецъ и носилъ фамилію Смитъ. Онъ подмигнулъ хозяину и, обращаясь къ арабамъ, заносчиво и повелительно, крикнулъ:

— Молчать! Маршъ въ переднюю и ждите, пока васъ позовутъ!

Ошеломленные окрикомъ, арабы послушно отступили и молча построились у дверей.

Между тѣмъ Смитъ началъ доказывать, что слѣдуетъ главнымъ образомъ отдѣлаться отъ трехъ старшихъ, и что поэтому придется имъ дать денегъ на проѣздъ; младшіе же, оставшіеся одни въ Парижѣ, не посмѣютъ очень приставать, да во всякомъ случаѣ съ ними расправа будетъ совсѣмъ не трудна.

— Отлично! — согласился съ нимъ Премьерди, — только, Смитъ голубчикъ, вы вѣдь знаете, что у меня нѣтъ ни гроша.

— Это пустяки! Въ теченіе дня что-нибудь непременно перепадетъ. Да вотъ, посмотрите!

Въ эту минуту входилъ въ кабинетъ высокій, худощавый блондинъ и, ни къ кому собственно не обращаясь, спросилъ, можно ли видѣть г. Премьерди.

Тотъ выступилъ впередъ и назвалъ себя.

— Моя фамилія Клодоміръ, — отрекомендовался молодой человѣкъ, и принадлежу къ труппѣ «Café Européen» и хочу испробовать свои силы въ новомъ для меня жанрѣ. Я создалъ пантомиму и хотѣлъ бы очень, чтобы вы сообщили объ этомъ публикѣ въ нашемъ журналѣ.

— Помѣстить сообщеніе въ «Путевой звѣздѣ», но это невозможно! — воскликнулъ Премьерди. Журналъ переполненъ, и въ немъ не найдется мѣста ни для одной строки.

— Я готовъ заплатить! — говорилъ Клодоміръ.

— Можетъ быть, — перебилъ его Смитъ, обращаясь къ Премьерди, — вы найдете возможнымъ выпустить какую-нибудь статью? Но это будетъ стоить денегъ, — перевелъ онъ глаза на кліента.

— Я заплачу, сколько понадобится, — рѣшительно объявилъ тотъ.

— Смитъ, — сказалъ Премьерди, — пойдите съ Клодоміромъ въ кассу и условьтесь съ нимъ. Я вамъ дѣлаю большое одолженіе, м-г Клодоміръ, — продолжать онъ, — и то только потому, что я считаю своимъ долгомъ поощрять всякія артистическія начинанія.

Смитъ и Клодоміръ исчезли за дверью, и тутъ только Премьерди замѣтилъ Лурбильона и Фернанда.

— Лурбильонъ! Какими судьбами? — воскликнулъ онъ.

— Я пришелъ, — отвѣчалъ Лурбильонъ, — представить вамъ молодого товарища и просить васъ прослушать его. Больше я ничего не скажу. Вы сами увидите, что это за талантъ, и не разъ поблагодарите меня за то, что я васъ съ нимъ познакомилъ.

Премьерди окинулъ Фернанда взглядомъ и коротко спросилъ:

— Комикъ?

— Нѣтъ, лирическій артистъ. У него прелестный голосъ.

— Хорошо, — заключилъ Премьерди, — позвольте, пожалуйста, 20 франковъ.

Лурбильонъ такъ и подскочилъ.

— Какъ, 20 франковъ?

Фернандъ повернулся было уходить, но Лурбильонъ остановилъ его.

— Однако, обдираете вы вашихъ кліентовъ, — проговорилъ онъ, — вынимая изъ кармана 20-ти франковую монету.

— Перестань! — шепнулъ онъ Фернанду, теребившему его за рукавъ, — потомъ поживаеся. Не погибать же тебѣ изъ-за какихъ-то 20 франковъ.

Въ это время Клодоміръ и Смитъ показались въ дверяхъ. Клодоміръ поклонился присутствующимъ и вышелъ въ переднюю, а Смитъ, потирая руки, шепнулъ Премьерди: «заплатилъ за объявление 50 франковъ, да кромѣ того, я его заставилъ подписаться на Путеводную звѣзду за 25 франковъ».

— Но вѣдь этого все-таки мало?

— Идея! — воскликнулъ Смитъ — только я долженъ вамъ въ чемъ-то признаться, вы общайтесь мнѣ, что не будете сердиться.

— Въ чемъ дѣло?

— Дѣло-то въ томъ, что я уже цѣлыхъ два года, какъ не разсылалъ подписчикамъ номеровъ «Путеводной звѣзды».

Премьерди позеленѣлъ отъ злости. Мошенники не любятъ, чтобы ихъ надували.

— Да благодарите Бога и меня, — невозмутимо продолжалъ Смитъ. Вы тутъ ничего не потеряли. Подписчики не протестуютъ.. Они знаютъ, что это навлекло бы на нихъ слишкомъ много хлопотъ. А главное вѣдь то, что всѣ эти номера у меня сохранялись и составляютъ теперь 12 тысячъ кило бумаги. 12 тысячъ кило бумаги! Это деньги, и большіе деньги. Paper is money. Такимъ образомъ путешествіе вашихъ дикарей оплачено. Ну, развѣ я не облагодѣтельствовалъ васъ?

Премьерди не нашелся даже, что отвѣтить. Онъ только безпомощно махнулъ рукой.

Этотъ разговоръ повергъ Фернанда въ нѣкоторое изумленіе, но Лурбильонъ привыкъ ужъ ничему не удивляться, и на него онъ произвелъ мало впечатлѣнія.

Нѣсколько минутъ спустя, пока Смитъ уводилъ умиротворенныхъ Бенибенъ-Мухтаровъ, Фернандъ уже пѣлъ подъ аккомпаниментъ Премьерди, своимъ самымъ сладкимъ голосомъ, лучшіе романсы своего репертуара, и такъ понравился Премьерди, что онъ тутъ же ангажировалъ его въ труппу, гастролирующую въ «Bâteaux-Fleuris» въ Отейлѣ. Черезъ три дня назначенъ былъ его дебютъ.

Положимъ, Фернандъ не попалъ въ «Ambassadeurs», но терпѣніе и трудъ все перетрутъ. По лѣстницѣ славы поднимаются шагъ за шагомъ, ступенька за ступенькой... Рѣдкимъ счастливымъ удастся перешагнуть сразу черезъ нѣсколько ступенекъ, исключая, конечно, тѣхъ, которые катятся съ этой лѣстницы внизъ.

IV.

Набережная праваго берега Сены подъ Отейлемъ не посѣщается аристократической публикой, но она привлекаетъ массу невзыскательнаго люда, для котораго она вполне замѣняетъ пляжи Трувилля и Біаррица.

Запахъ пригорѣлаго прованскаго масла, ароматъ абсента, шумъ отъ вертящихся каруселей, визгъ желѣзныхъ колецъ, на которыхъ висятъ трапеции и качели, звонки на паро-

ходахъ и свистни поясной желѣзной дороги—все это сливается въ какой-невѣроятный калейдоскопъ звуковъ и запаховъ, отъ которыхъ голова идетъ кругомъ.

Главную же приманку составляютъ кафе-концерты. Начиная отъ пристани, тянутся вдоль по берегу небольшія зданія, имѣющія претензію походить на маленькія шале. Въ каждомъ изъ нихъ есть зрительный залъ, со сценой, декорациями и рядомъ креселъ и скамеекъ, на которыхъ ничуть не хуже, чѣмъ въ креслахъ первокласснаго театра, можно апплодировать той банальности, которая въ модѣ въ данную минуту.

Кабачекъ «Bâteaux-Fleuris» занимаетъ между ними первостепенное мѣсто и былъ биткомъ набитъ народомъ въ день дебюта Фернанда.

Онъ трясся какъ въ лихорадкѣ, ожидая за кулисами своей очереди, и сожалѣлъ въ душѣ о томъ, что пустился въ артистическую карьеру и измѣнилъ своему скромному портняжному ремеслу.

Лурбильонъ стоялъ рядомъ съ нимъ и ободрялъ его, какъ могъ, но напрасно. У Фернанда отъ страха потѣли руки въ новыхъ, свѣтлыхъ перчаткахъ.

Динь, динь, динь! прозвучалъ колокольчикъ. Лурбильонъ слегка подтолкнулъ сзади Фернанда; и тотъ очутился передъ звяжущей дырой суфлерской будки и почувствовалъ себя центромъ устремленныхъ на него взглядовъ толпы. Дирижерская палочка поднялась: разъ, два, три, начинайте!

За сценой стояли артисты труппы и, приложивъ уши и глаза къ отверстиямъ, специально вырѣзаннымъ для этого въ декорацияхъ, съ жадностью слѣдили за Фернандомъ. Бѣдный Фернандъ! Съ какимъ восторгомъ была бы принята ими каждая его фальшивая нотка. Но не суждено имъ было испытать эту радость. Послѣ перваго романса публика разразилась апплодисментами, къ которымъ присоединилось изъ-за кулисъ гудящее «браво» Лурбильона.

— Съ ума ты спятилъ, чтоли! — огрызнулся на Лурбильона баритонъ труппы по имени Поласъ...

Успѣхъ дебютанта началъ уже внушать ему нѣкоторыя опасенія за себя. Зависть обыкновенно возбуждаетъ не талантъ, а положеніе и деньги, которыми онъ доставляетъ. Гораздо охотнѣе симпатизируютъ великому артисту, когда онъ бѣденъ, чѣмъ когда онъ богатъ. Напротивъ, есть люди, которые ни за что не похвалятъ артиста, если онъ разбогатѣлъ. Жалкія натуры! Всѣ законы и политическія правила придуманы людьми для огражденія своей безопасности потому, что они не довѣряютъ другъ другу. Сознывая мелочность своей душонки и ничтожность умишка, они создали судей, околотоčnýchъ и жандармовъ.

Фернандъ опять запѣлъ, и снова публики пришла въ неописуемый восторгъ. Успѣхъ дебютанта былъ полный.

Въ числѣ зрителей сидѣла въ пятомъ ряду дама съ лицомъ, закрытымъ вуалью съ большими разводами, не позволяющими ясно различить ея черты. Она неистово хлопала и даже сняла перчатки, чтобы ея апплодисменты раздавались звучнѣе.

Когда Фернандъ вернулся за кулисы, холодность, съ которой его встрѣтили другіе артисты, засвидѣтельствовала ему лучше всякихъ оцѣнокъ со стороны публики, что успѣхъ его былъ дѣйствительно громадный. Зато Лурбильонъ бросился къ нему съ распростертыми объятіями, какъ рѣе noble въ трагедіяхъ, въ большой сценѣ примиренія, а режиссеръ, въ виду все еще не умолкавшаго шума въ залѣ, объявилъ Фернанду, что ему предоставляется второй дополнительный выходъ въ концѣ вечера.

— Браво, браво, браво! Занавѣсъ! — кричали въ залѣ.

Баритонъ Поласъ до сихъ поръ только презрительно усмѣхался, но слова режиссера, повидимому, произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ энергично плюнулъ и бросился къ выходу, чуть не сбивъ съ ногъ Лурбильона и товарища, и бормоча про себя:

— Я тебѣ покажу! Погоди: запоешь ты у меня!

Музыка, повидимому, не всегда смягчаетъ нравы, а Поласъ былъ мясникомъ раньше того, чѣмъ онъ рѣшилъ, что его призваніе—оглашать сладостнымъ пѣніемъ цвѣтущіе берега Сены.

Онъ сохранилъ многочисленныхъ друзей въ своей прежней средѣ, и не смотря на изыскство рѣчи и великосвѣтскій лоскъ, которые онъ приобрѣлъ на сценѣ, все же чувствовалъ себя болѣе свободно въ обществѣ сосѣда мясника, чѣмъ Принца Орлеанскаго, и предпочиталъ образную рѣчь своихъ товарищей пустой болтовнѣ герцогини и графини. Нѣкоторые изъ его друзей занимались неподалеку отъ «Bâteaux-Fleuris» скромнымъ, но выгоднымъ дѣломъ; они содержали небольшие игорные притоны. Другіе, которымъ ихъ красивая вѣншность приносила хорошій доходъ и которые, поэтому, не имѣли опредѣленныхъ занятій, часто прѣзжали въ Отейль по праздникамъ подышать свѣжимъ воздухомъ и повидаться съ друзьями. Поласу пришло въ голову, что они ему отлично пригодятся въ этотъ вечеръ, и онъ пошелъ ихъ разыскивать. Вскорѣ онъ дѣйствительно наткнулся на пьянаго, толстаго дѣтину, Виктора, который въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей лежалъ на травѣ. Они были безъ пиджаковъ и предавались сладостному *far niente*.

Онъ поздоровался съ ними и, подойдя ближе, объяснилъ, что ему надо проучить молокососа, вздумавшаго отбивать у него его заработокъ; да такъ проучить, чтобы у него на всю жизнь пропала охота показывать свои икры на сценѣ, и съ этой цѣлью онъ проситъ всю компанію съ собой въ театръ, пообѣщавъ доставить даровыя мѣста.

Такимъ же образомъ (удивительно, какъ все въ свѣтѣ повторяется!) друзья Прадона подвели интригу, чтобы провалить «Федру» Расина.

Десять минутъ спустя пріятеля Поласа сидѣли рядышкомъ на приставныхъ стульяхъ.

Фернандъ выпелъ, поклонился и былъ привѣтствованъ аплодисментами.

Тогда Викторъ громко произнесъ: «экая толстомордая скотина!» Вслѣдъ за нимъ его сообщники начали свистать и кричать разныя крѣпкія слова по адресу дебютанта. Публика зашикала на нихъ.

— Довольно, молчать, долой этого подлеца!—не унималась партія Поласа.

Публика запротестовала. Болѣе всѣхъ волновалась таинственная дама. Она подняла свою вуаль и бросала молніеносные взгляды на дерзкаго Виктора; замѣтя его вызывающій видъ, она вышла, наконецъ, изъ себя и осыпала его градомъ отборнѣйшихъ ругательствъ. Нашлись и между зрителями охотники, которые схватили за шиворотъ бунтовщиковъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ вытолкали ихъ изъ театра.

Между тѣмъ Фернандъ продолжалъ пѣть. Расправа, учиненная надъ нарушителями тишины, была такъ коротка, что онъ со сцены не разобралъ хорошенько, въ чемъ дѣло, и не видалъ своей хорошенькой и энергичной заступницы. Читатель, конечно, догадался, что это никто иной, какъ Бланшъ Мезанжъ.

Зато Викторъ ее хорошо разсмотрѣлъ и рѣшилъ ей отомстить.

— Поветрясу я изъ нея спѣсъ!—говорилъ онъ, угрожая кулакомъ невидимому врагу.

По окончаніи концерта, Бланшъ, не желая, чтобы Фернандъ зналъ о ея присутствіи, вышла изъ театра одна, но тотчасъ же была окружена толпой мастеровыхъ и подозрительнаго вида женщинъ, осыпавшихъ ее бранью и всякаго рода издѣвательствами.

Бланшъ вертѣлась во всѣ стороны, тщетно пытаясь прорвать образовавшееся вокругъ нея кольцо. Толпа горячилась, слова и жесты принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, какъ вдругъ два желѣзныхъ кулака повалили двухъ изъ блузниковъ, и Бланшъ увидѣла Лурбилона и Фернанда, вступившихъ въ жестокую драку съ ея обидчиками.

Въ первую минуту толпа было отступила, но затѣмъ опомнилась и ринулась на нихъ, такъ что имъ пришлось бы плохо, несмотря на заступничество Бланшъ, усердно колотившей зонтикомъ по головамъ ихъ противниковъ, если бы ея вопли: «Караулъ, караулъ! убиваютъ!» не привлекли на мѣсто драки полицейскихъ, при видѣ которыхъ толпа разсыпалась какъ по мановенію волшебнаго жезла, оставивъ на полѣ битвы двухъ раненыхъ: Виктора, которому Бланшъ зонтикомъ проткнула глазъ, и онъ отъ боли потерять сознание, и Фернанда со сломаннымъ ребромъ.

Виктора отослали въ больницу, и полицейскій сержантъ распорядился было отправить туда же и Фернанда, но Бланшъ энергично запротестовала:

— Ни за что! Позвольте мнѣ взять его къ себѣ.

Лурбильонъ крикнулъ, а полицейскій улынулся.

— Если никто не воспротивится этому, то, конечно, вы можете дѣлать съ нимъ, что вамъ угодно.

Дѣло было улажено.

Бланшъ была въ восторгѣ. Она чувствовала, что этотъ эпизодъ былъ предисловіемъ къ роману, который неминуемо долженъ былъ разыгратъ между нею и Фернандомъ.

Сидя на передней скамеечкѣ въ коляскѣ извозчика, который шагомъ возъ ихъ домой, Лурбильонъ смотрѣлъ на блѣдное лицо Фернанда, который почти безъ чувствъ прислонился къ плечу Бланшъ.

— Это все очень мило, — сказалъ онъ вдругъ, — но что на это скажетъ твой графъ?

Она подумала минуту и отвѣтила:

— Мы съ нимъ разойдемся.

— Но это вѣдь разореніе для тебя, голубушка! — возмутился Лурбильонъ.

— Такъ что жъ такое, — задумчиво произнесла Бланшъ.

V.

Розовый абажуръ лампы бросалъ нѣжную тѣнь на заострившійся профиль Фернанда, который лежалъ въ широкой, мягкой постели, подъ шел-

ковымъ одѣяломъ и на подушкахъ, украшенныхъ кружевами и лентами.

Бланшъ Мезанжъ вошла на цыпочкахъ, въ пеньюарѣ и мягкихъ туфляхъ, съ распущенными волосами. На каминѣ маленькіе часики пробили десять.

Тишина была полная; изъ-за тяжелой драпировки на окнахъ не доносился даже стукъ проѣзжающихъ экипажей.

Мезанжъ сидѣла и смотрѣла на руки Фернанда. Она любила именно такія руки: длинныя, мягкія, съ тонкими пальцами и красивыми, твердыми и блестящими ногтями. Какъ она любила эти руки, какъ она жаждала ихъ ласки! Она угадывала въ нихъ нетерпѣливую робость, медленныя ласки, гибкія и теплыя прикосновенія...

Вѣдь бываютъ руки, созданныя для любви, и ласки чувственныхъ рукъ — это тѣ же поцѣлуи... Бываютъ руки холодныя, веселыя, грустныя, смѣшныя, трагичныя, волосатыя и шершавыя, умныя и глупыя, симпатичныя и антипатичныя, нѣжныя и суровыя, чувственныя и пѣломудренныя, воинственныя и смиренныя, щедрыя, какъ руки на статуѣ Елизаветы Австрійской въ Зальцбургѣ — слабыя и жалкія руки...

Руки имѣютъ такую же необъяснимую силу обаянія, какъ и ротъ. Мезанжъ сидѣла, какъ завороченная, и любовалась ртомъ Фернанда съ тонко очерченными губами, отъявненнымъ маленькими усиками и съ здоровыми, чистыми и крѣпкими зубами.

«У него такіе же красивые зубы, какъ и у меня», — подумала Бланшъ, и ея дремавшая съ нѣкотораго времени чувственность вновь пробудилась, раздражаясь и разгораясь при видѣ этого соблазнительнаго рта.

Фернандъ пошевелинулся и открылъ глаза.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросила молодая женщина, заботливо наклоняясь надъ нимъ.

— О, я отлично выспался, — отвѣтилъ Фернандъ, глядя на нее съ благодарностью, — но мое пробужденіе еще пріятнѣе, такъ какъ я васъ вижу.

Онъ поднесъ къ губамъ руку Бланшъ. Оба замолчали. Тишина нарушалась только тиканьемъ часовъ. Прошла уже недѣля съ тѣхъ поръ, какъ послѣ побоища Фернанда принесли въ квартиру пѣвицы.

Бланшъ не отнимала своей руки и долго просидѣла бы такъ, если бы не раздался легкій стукъ въ дверь.

— Кто тамъ, войдите!

Вошла горничная съ растеряннымъ лицомъ и стараясь скрыть улыбку.

— Чтò случилось? Чтò съ вами? — спросила Бланшъ.

— Барыня, графъ пріѣхалъ.

— Просите. Чего же вы стоите?

— Они просятъ васъ выйти въ гостиную.

Бланшъ наклонилась надъ Фернандомъ и заботливо поправила одѣяло.

— Я сейчасъ вернусь, — сказала она. Лежите смирно, докторъ запретилъ вамъ двигаться.

Графъ сидѣлъ въ широкомъ креслѣ и держалъ передъ собой газету, но лицо его было очень озабочено и разстроено.

При входѣ Бланшъ онъ всталъ. Она была смущена тѣмъ, что должна была огорчить этого милаго, корректнаго и щедраго человѣка, — кто знаетъ, можетъ быть, онъ ее дѣйствительно любилъ, — и не рѣшалась заговорить первая.

— Цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваше письмо, моя дорогая. Вы думаете, что мнѣ легко было узнать, что вы дали пріютъ какому-то молодому человѣку, раненому въ уличной схваткѣ, ухаживаете за нимъ, уступаете ему свою постель... Нашу постель!.. А сами спите на складной кровати. Это все было очень мило, пока вашъ молодецъ былъ боленъ; теперь онъ здоровъ, и ваша доброта принимаетъ другой оттѣнокъ. Я уже не въ томъ возрастѣ, когда могу состязаться съ молодыми соперниками, и потому я рѣшаюсь и надѣюсь, что вы не забудете, что я былъ для васъ вѣрнымъ и любящимъ другомъ...

Но Бланшъ не дала ему продолжать; она разрыдалась и схватила обѣ его руки:

— Простите, простите меня, — говорила она, — вы были такъ добры и нѣжны. Но, право же, я невиновата. Я его люблю и полюбила съ перваго же дня, какъ его увидала, и разъ судьба привела его ко мнѣ, я не могу отказать отъ своего счастья. Я не хотѣла ему отдаться, пока я принадлежала вамъ... Теперь возвращаю вамъ вашу свободу и беру свою назадъ; мнѣ очень тяжело видѣть ваше горе...

(Старикъ подвинулся къ двери:

— Поцѣлуемся въ послѣдній разъ, моя милая Бланшъ... Желаю вамъ счастья; поберегите только вашу молодость, голубушка, она такъ быстро проходить.

Онъ ушелъ, оставивъ пѣвицу, стоящую посреди гостиной, разстроенную, умиленную и шепчущую машинально: «Боже, прости меня!»

Затѣмъ она побѣжала въ спальню и остановилась на порогѣ въ изумленіи. Фернандъ всталъ и одѣвался.

— Чтò съ вами! Вы съ ума сошли! — воскликнула она.

— Нѣтъ, я въ своемъ умѣ и извиняюсь, что я раньше не догадался, чему я васъ подвергаю. Слова вашей горничной мнѣ все разъяснили.

— Чтò за глупости, — закричала она, быстро заперевъ дверь на ключъ. Она силой усадила Фернанда въ кресло и стала его раздѣвать.

— Теперь все улажено, — говорила она взволнованнымъ голосомъ, — теперь для меня вы одни только и существуете на свѣтѣ.

Когда Фернандъ безъ воли и движенія прислонилъ голову къ подушкѣ, Бланшъ въ страстномъ порывѣ всего своего молодого существа припала къ нему и прошептала:

— Попробуй только уйти теперь, когда я могу тебя любить открыто и всей душой!

Быстрымъ движеніемъ она скинула пеньюаръ и туфли и однимъ прыжкомъ очутилась въ постели.

О, женская логика! Пять минутъ назадъ она строго приказывала ему лежать смирно.

.....

Лурбильтонъ прѣѣхалъ однажды завтракать къ Бланшъ весь сіяющій. Съ тѣхъ поръ какъ жизнь пѣвицы приняла другое теченіе, онъ часто заходилъ позавтракать къ своимъ голубкамъ, какъ онъ ихъ называлъ.

Фернандъ выздоравливалъ медленно, нѣжилсѣ и грѣлся въ атмосферѣ любви, окружавшей его, и подъ ея вліяніемъ улечувались тѣ шаткіе принципы ходячей морали, которые въ немъ еще уцѣлѣли.

Въ сущности Мезанжъ и онъ никому не приносили вреда своей любовью. А растаютъ послѣдніе деньги графа, онъ приметсѣ за работу и своимъ голосомъ заработаетъ во сто разъ болѣе того, что Бланшъ теперь истратила на него.

Фернандъ вышелъ изъ народа, слѣдовательно, обладалъ натурой прямолинейной и не сложной. Онъ разсуждалъ, что Мезанжъ дѣлится съ нимъ чѣмъ-то гораздо болѣе драгоценнымъ, милымъ и дорогимъ, чѣмъ презрѣнные деньги. Между тѣмъ ходячая мораль указываетъ, что можно взять у женщины еѣ тѣло, еѣ молодость, красоту, здоровье, даже жизнь подчасъ, можно слиться съ ней душой и тѣломъ, но принять отъ нея золотыя и серебряныя кружечки составляетъ величайшую подлость. Это главный параграфъ строгаго нравственнаго кодекса, созданнаго обществомъ, въ которомъ женщины играютъ адюльтеромъ какъ вѣромъ, а мужчины снисходительно закрываютъ на это глаза. Дѣло въ томъ, что если мужчины рѣшили, что подло принимать деньги женщины, то потому только, что это единственное, что они могли бы не отдать.

Но бывшій подмастерье не сомнѣвался въ своей счастливой звѣздѣ и не особенно удивился, когда Лурбильтонъ крикнулъ ему еще изъ передней:

— Я приношу тебѣ счастье въ карманѣ пиджака! Тетка Лангле хочетъ тебя видѣть. Я про тебя говорилъ и расхваливалъ; завтра она тебя прослушаетъ.

— М-ме Лангле?

— Да, братецъ, директрисса «Cello» и «Colorado», двухъ самыхъ значительныхъ кафе-концертовъ въ Парижѣ. Фернандъ улыбался и молчалъ.

— Ты бы повторилъ нѣсколько романсовъ, голубчикъ мой, — сказала Бланшъ. Мы вѣдь ничего не дѣлали все это время.

— Да развѣ подобный голосъ можетъ испортиться! — воскликнулъ Лурбильтонъ; — кромѣ того, я не знаю, откуда прослышали про твою исторію съ Мезанжъ. Такъ что Лангле ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ, и у нея уже текутъ слюнки.

— Неужели? — спросилъ Фернандъ, покрутивъ усы...

— Вѣрно, вѣрно! — подхватилъ Лурбильтонъ, она любитъ свѣжее мясо.

— На что она похожа?

— Тетка Лангле? На все, что ты хочешь, на кита пророка Іоны, на движущуюся башню. И везетъ ей немовѣрно. Я не думаю, чтобы она была грамотна, но она обладаетъ удивительнымъ даромъ угадывать, что именно нравится публикѣ, схватывать настроеніе минуты. Ты ее удивишь, но и она тебя удивитъ. Берегись только, какъ бы она тебя не проглотила!

На слѣдующій день, въ три часа, Фернандъ, сопровождаемый Лурбильтонъ, который съ нимъ не разставался, предсталъ передъ очіи m-me Лангле.

Она сидѣла за столомъ, заваленнымъ нотами, брошюрами и бумагами, и привѣтствовала Фернанда словами:

— А, это вы и есть жаръ-птица!

Это слетка удивило молодого человека.

Затѣмъ, указывая громадной рукой, покрытой кольцами, на рояль, стоявшій въ углу комнаты, она прибавила:

— Станьте тамъ у комода и начинайте. Вотъ вашъ аккомпаниаторъ.

Пока Фернандъ пѣлъ, она переворачивала какія-то бумаги, перечеркивала что-то большимъ синимъ карандашомъ, однимъ словомъ, продѣлывала обыкновенную уловку директоровъ театровъ: они дѣлаютъ видъ, что всѣмъ не обращаютъ вниманія на

артиста, котораго жаждаютъ имѣть въ своей труппѣ; они думаютъ его сконфузить этимъ и получить его по болѣе дешевой цѣнѣ.

Фернандъ кончилъ. Директрисса подняла голову:

— Если хотите, мы сейчасъ же заключимъ условіе, — сказала она. Потомъ, разглядывая его какъ лошадь въ Татерсалѣ, она проговорила:

— Вы дѣйствительно красивый малый. Ваша Бланшъ Мезанжъ, должно быть, не скучаетъ. А другимъ ничего не перепадаетъ?

Фернандъ покраснѣлъ.

— Итакъ до завтра, — продолжала m-me Лангле, — тогда мы переговоримъ окончательно. До свиданія!

Два дня спустя Фернандъ заключилъ двойной контрактъ, по которому вслѣдствіе его настояній Мезанжъ была принята вмѣстѣ съ нимъ въ труппу.

— Хорошо, хорошо, — говорила m-me Лангле, — только напрасно вы это дѣлаете. Никогда не надо принимать на себя такую обузу, какъ женщина. Всѣхъ женщинъ иногда бываетъ мало, но одна женщина — это всегда слишкомъ много.

VI.

— Два часа! Идетъ репетиція «Обзорѣнія». Пойдемъ въ залу, — и съ этими словами Фернандъ и Мезанжъ, толкнувъ обитую краснымъ войлокомъ дверь, ведущую изъ кафе въ зрительный залъ, очутились въ «Colorado».

Въ залѣ было довольно темно, такъ что глаза не сразу различали предметы. Углы, окутанные черной тѣнью, казались мрачными нимфами; ряды креселъ, покрытыхъ чехлами, представлялись полемъ, занесеннымъ снѣгомъ; спинки креселъ казались небольшими, злобѣщаго вида холмиками.

Сцена была слабо освѣщена, и по ней двигались, жестикулируя и суетясь, силуэты женщинъ и мужчинъ, закутанныхъ въ пальто и кофточки, съ поднятыми воротниками, такъ какъ по сценѣ гулялъ пронизывающій сквознякъ.

Фернандъ и Мезанжъ присѣли на ручки кресла. Они не участвовали въ пьесѣ. Въ полумракѣ, тамъ и сямъ, въ креслахъ, будто призраки, виднѣлись блѣдныя лица. Со всѣхъ сторонъ слышался сдержанный шопотъ и тихій разговоръ. Какая-то дверь съ трескомъ захлопнулась.

— Замолчите же, наконецъ. Ничего не слышно! — закричалъ вдругъ, стуча кулаками по суфлерской будкѣ, толстенькій человѣкъ, сидящій въ оркестрѣ за роялемъ.

— M-elle Бланъ! Вамъ начинать! Гдѣ же она? Куда же она запропастилась, эта дура: m-elle Бланъ! — надрывался онъ. Это былъ дирижеръ оркестра, Берье, музыкантъ, который никогда въ жизни не написалъ ни единой строчки и обязанъ былъ своимъ успѣхомъ тому, что ему удалось убѣдить себя и другихъ, что онъ состоитъ въ близкомъ родствѣ съ какимъ-то академикомъ.

— M-elle Бланъ, m-elle Бланъ!

По сценѣ бѣжали какіе-то люди, преслѣдуемые собственными длинными и безобразными тѣнями. Берье продолжалъ стучать кулакомъ по будкѣ суфлера. Наконецъ, высокая, молодая дѣвушка, не спѣша, вышла изъ-за кулисъ и спокойно сказала:

— Вотъ и я. Что вамъ угодно?

— Скорѣй, ваши куплеты! Вы ихъ знаете?

Берье заигралъ ригурнель.

Молодая дѣвушка широко открыла ротъ и запѣла во все горло:

Я, Эмапинондасъ!...

Берье сразу остановилъ ее:

— Эмапинондасъ, а не Эмапинондасъ.

— Хорошо! — покорно проговорила дѣвушка.

— Начинайте.

Она запѣла:

Я, Эмапинондасъ!

Барье закричалъ:

— Стойте! Повторяйте за мной: Э-па!

— Э-па!

— Ми-нон!

— Ми-нон!

— Дасъ!

Дасъ!

— Эпаминондасъ!

— Эпа-ми-нон-дасъ!

— Отлично, продолжайте теперь!

М-ме Бланъ глубоко вздохнула, улыбнулась и начала:

Я, Эпаминондасъ!

— Издѣваетесь вы надо мной, что ли?—завопилъ Берье, отчаянно хватаясь за голову.

— О нѣтъ, что вы?

— Ну начните еще разъ! Эпаминондасъ!

Актриса снова запѣла:

Я, Эпаминондасъ!

И вдругъ, разрыдавшись, закрыла лицо руками и вытирая слезы рукавомъ, жалобно заговорила:

— Господи, да развѣ я виновата, что не умѣю говорить по-англійски.

И съ этими словами убѣжала за кулисы.

Присутствующіе смѣялись.

Вдругъ изъ глубины литерной ложи раздался рѣзкій голосъ:

— Берье, вы вычеркнете м-ме Бланъ изъ списка труппы.

Говорилъ нѣкто Маріюль, самое значительное лицо въ театрѣ, другъ и зять м-ме Лангле. Ему было 25 лѣтъ. Это былъ красивый малый, вкрадчивый и гибкій, какъ змѣя, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень настойчивый и одаренный удивительно практичнымъ умомъ. М-ме Лангле была обязана почти всецѣло ему все возрастающимъ успѣхомъ своего театра. Никто, какъ онъ, не умѣлъ создать рекламу, заманить публику интересной программой. Онъ, кажется, въ Сахарѣ сумѣлъ бы биткомъ наполнить залъ. Не удивительно, что м-ме Лангле дорожила имъ.

— М-ле Шери Шеронъ, вашъ чередъ!—закричалъ режиссеръ.

— Иду!—отозвалась изъ залы очень хорошенъкая женщина, нарядно одѣтая, съ брилліантами въ ушахъ и на груди. Шери Шеронъ была звѣзда первой величины. Она исполняла большія роли. Газеты ее превозносили. Положимъ, ея подруги увѣряли, будто

она платитъ директорамъ за хорошія роли и журналистамъ за похвалы; но это были только злыя сплетни, доказательствомъ чего служило то обстоятельство, что ее нерѣдко и бранили въ газетахъ.

Во время ея увѣреннаго и блестящаго исполненія, Фернандъ, наклонившись къ Мезанжъ, шепнулъ ей:

— Нечего сказать, хороша ихъ примадонна!

Бланшъ боязливо оглянулась.

— Берегись, она любовница Маріюля.

Въ эту минуту кто-то тронулъ Фернанда за плечо, и знакомый голосъ прошепталъ надъ его ухомъ:

— Пойдемъ, у меня до тебя дѣло.

Это былъ Лурбильонъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ великодушно согласился опять основаться въ столицѣ. Онъ входилъ въ составъ труппы какого-то маленькаго кабачка въ Faubourg St-Martin и отказался отъ гастролей въ провинціи, увѣряя, что ему надоѣли шатанье по гостиницамъ и трактирной ѣдѣ, и что онъ предпочитаетъ ей кухню своихъ друзей Фернанда и Мезанжъ.

Онъ страшно гордился Фернандомъ, и въ лучахъ славы послѣдняго постепенно ступеньки вѣды и отодвигались въ тѣнь Бланшъ Мезанжъ. Она замѣчала это, и сердце ея иногда болѣзненно сжималось.

— Бланшъ, ты позволишь его увезти? Ты насъ найдешь у Циммера,—быстро говорилъ Лурбильонъ, увлекая за собой Фернанда.

Бланшъ осталась одна, и сердце у нея защемило.

— Онъ даже еще не дебютировалъ настоящимъ образомъ, онъ еще ничто, а на меня ужъ никто никакого вниманія не обращаетъ. Гдѣ же справедливость?—подумала она.

VII.

— Ну, братецъ, какую я штуку для тебя придумалъ!—объявилъ Лурбильонъ, увлекая за собой Фернанда. На улицѣ онъ крикнулъ извозчика.

— Къ Циммеру! Скорѣй!

Лурбильонъ взялъ на себя роль руководителя, ангела хранителя и фактотума Фернанда.

— У тебя нѣтъ воображенія,—говорилъ онъ ему,—а у меня его хоть отбавляй. У тебя нѣтъ идей, а моя голова полна ими, ты не знаешь свѣта, въ который ты вступаешь, а я его изучилъ вдоль и поперекъ. Ты меня только слушайся и не сопротивляйся.

Фернандъ обладалъ мягкимъ характеромъ и довольно слабой волей; кромѣ того, восторженные похвалы, которыми осыпалъ его старый актеръ, льстили его самолюбію. Къ тому же онъ былъ радъ, что Лурбильонъ избавлялъ его отъ всякихъ хлопотъ, и онъ охотно вполне отдавалъ себя подъ его руководство.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ Фернандъ.

— Увидишь и останешься доволенъ.

Черезъ нѣсколько минутъ фіакръ остановился у ресторана Циммера. Какъ только они вошли въ залу, Лурбильонъ подвелъ Фернанда къ какому-то господину и проговорилъ:

— Г-нъ Сольнесъ, представляю вамъ моего друга Фернанда, того самого, о которомъ мы съ вами говорили, и которому вы хотите сдѣлать такой пріятный сюрпризъ.

Фернандъ смотрѣлъ на великодушнаго незнакомца, такъ любезно готовившаго ему сюрпризъ. Это былъ гладко выбритый, высокій блондинъ; его лицо, пріятливое и радушное въ данную минуту, вѣроятно, имѣло хитрое, замкнутое и безпокойное выраженіе, какъ только онъ оставался одинъ.

— Сольнесъ, художникъ!—съ паѳосомъ пояснилъ Лурбильонъ;—онъ рисуетъ афиши во всѣхъ большихъ театрахъ и хочетъ для твоего дебюта нарисовать тебѣ программу, понялъ теперь?!

И онъ радостно хлопнулъ Фернанда по плечу.

Какъ! онъ будетъ имѣть собственную афишу! Громадную, разрисованную афишу съ его портретомъ, которая будетъ висѣть на всѣхъ стѣнахъ! По всему Парижу!

— Чортъ возьми!—могъ только пробормотать Фернандъ.

— Да,—говорилъ между тѣмъ Сольнесъ вкрадчивымъ голосомъ,—г. Лурбильонъ говорилъ мнѣ о васъ; впрочемъ, я раньше отъ многихъ слышалъ о васъ (послѣдняя фраза была сказана вскользь, потому что онъ сильно затруднился бы назвать этихъ «многихъ»). Черезъ нѣсколько дней вы прогремите на весь Парижъ, и я буду вамъ искренно благодаренъ, если вы доставите мнѣ возможность первому представить васъ публикѣ. Пользуюсь тѣмъ, что вы еще можете располагать собою, чтобы попросить васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ. Позднѣе, когда вы будете принадлежать всему Парижу, всему міру, придется подолгу ждать отъ васъ аудіенціи.

— Ахъ, что вы, никогда!—запротестовалъ Фернандъ, не помнящій себя отъ радости.

— Да, да, я знаю, такъ всегда говорятъ и даже вполне искренно, но когда волна общаго энтузіазма вынесетъ васъ на вершину славы, тогда...

Сольнесъ говорилъ серьезно, даже съ нѣкоторой грустью, какъ человѣкъ, который позналъ глубину людской неблагодарности и не разъ испыталъ, какъ удача и счастье мѣняютъ лучшихъ людей.

— А какой величины будетъ афиша?—спросилъ Фернандъ, занятый исключительно этой мыслью.

— Вотъ такая!—заоралъ Лурбильонъ, разставляя какъ можно дальше свои длинные руки.

— Больше этого!

— Она, пожалуй, займетъ цѣлую сторону кіоска,—сказалъ Сольнесъ;—кромѣ того ее будутъ разносить и развозить по городу!

У Фернанда голова пошла кругомъ. Однако, онъ сообразилъ, что вѣдь этотъ любезный господинъ не будетъ трудиться для него даромъ, и онъ нерѣшительно спросилъ:

— Но это вѣдь стоитъ очень дорого?

Сольнесъ сдѣлалъ полный достоинства жестъ рукой. Гиппократъ, отклоняя подарки Артаксеркса, навѣрное не былъ болѣе величественъ.

— Нѣтъ, прошу васъ, г. Фернандъ, артисты должны помогать другъ другу. Для меня счастье быть вамъ полезнымъ. Конечно, насчетъ слѣдующихъ выпусковъ вы условитесь съ типографіей. Это до меня не касается. Но лично между мной и вами я не допущу никакихъ денежныхъ счетовъ.

Его лицо выражало такое благородное безкорыстіе, что Фернандъ сразу проникся величайшей благодарностью къ нему и вѣрой въ свою гениальность.

Юрикъ-Карлъ Сольнесъ былъ датчанинъ. Онъ долженъ былъ своимъ трудомъ содержать себя и семью. Однажды сидя въ кафе и разсѣянно слушающая музыку, онъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы самымъ выгоднымъ образомъ примѣнить свой талантъ и вдругъ просвѣтлѣлъ. Глядя на актеровъ, его осянула мысль, что эти наивные и тщеславные люди, падкіе до всякой мишуры и рекламы, съ любовью коллекционирующие бумажныя пальмы, вырѣзки изъ газетъ и скверныя цинкографіи, представляютъ собою самую благодарную почву для всякаго, кто сумѣетъ подмѣтить ихъ слабыя стороны и ловко извлечь для себя выгоду изъ ихъ простодушнаго тщеславія. Самъ Сольнесъ обладалъ для этого всѣми необходимыми условіями. Лѣстивый и вкрадчивый, онъ могъ придать своему лицу выраженіе самаго искренняго умиленія и расточать восторженные похвалы передъ самымъ жалкимъ и бездарнымъ актеромъ, котораго ему нужно было обойти.

Обладая талантомъ каррикатурнымъ, онъ немилосердно уродовалъ на портретахъ своихъ кліентовъ, которые не протестовали и соглашались на все, лишь бы ихъ изображеніе красовалось на стѣнахъ и кіоскахъ. Оригиналы Сольнеса продавались очень дорого. Изрѣдка онъ устраивалъ выставку своихъ произведеній, и не одна уродливая пѣвица или старый актеръ тратили свои послѣдніе гроши ради чести быть изображенными въ каррикатурномъ видѣ на выставочныхъ афишахъ художника.

Итакъ, Фернандъ будетъ имѣть афишу работы самого Сольнеса!

Онъ былъ вѣ себя отъ радости и въ воображеніи видѣлъ уже свою голову, красующуюся на кіоскѣ, свою собственную голову, съ его глазами, ртомъ, съ его носомъ, ушами, съ его бородой (конечно, онъ не сбѣдетъ бороды: онъ вѣдь не какой-нибудь актериска, которому суютъ всякія роли); потому его очень удивила холодность, съ которой приняла его новость Бланшъ Мезанжъ.

Она вошла въ кафе спокойной поступью и немного грустная. Запоздалый лучъ солнца освѣтилъ ея русую головку. Завидѣвъ ее, Фернандъ порывисто вскочилъ, схватилъ ее за обѣ руки и подвелъ къ Сольнесу, говоря:

— Представляю тебѣ г. Сольнеса, великаго художника. Онъ будетъ рисовать для меня афишу.

Бланшъ слегка кивнула головой, сѣла и подозвала гарсона такъ спокойно и безучастно, какъ будто ничего необыкновеннаго не произошло.

Впрочемъ, и Сольнесъ былъ очень сдержанъ. Когда Лурбильонъ назвалъ ея имя, прибавивъ: Изъ «Ambassadeurs», вы, Впрочемъ, конечно, слышали о ней, онъ проговорилъ: «Да, конечно», такимъ голосомъ, который ясно свидѣтельствовалъ, что онъ никогда не слышалъ ея имени.

Спустя очень недолго, Бланшъ объявила, что она голодна, и что дома ихъ ждетъ обѣдъ.

Но, видя, что Фернанду не особенно хотѣлось разставаться съ друзьями, она прибавила довольно кисло:

— Останься, если хочешь, я поѣду одна.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, ѣдемъ вмѣстѣ!

Фернандъ всталъ и горячо пожалъ руку Сольнесу:

— Такъ когда же?

— Пріѣзжайте завтра, не позже двухъ, пока свѣтло. У васъ въ лицѣ есть очень оригинальные штрихи, которые я бы хотѣлъ схватить.

Сольнесъ корректно склонился передъ Бланшъ, которая отвѣтила на его поклонъ тѣмъ же сухимъ и недружелюбнымъ кивкомъ, какимъ она его привѣтствовала.

Лурбильона она не пригласила въ этотъ разъ обѣдать.

Полночь! Часъ преступлений и поцѣлуевъ! Бланшъ и Фернандъ только что легли и враждебно молчали.

Наконецъ, Фернандъ заговорилъ:

— Отчего ты была такъ холодна съ Сольнесомъ?

Мезанжъ демонстративно лежала на спинѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Фернанда, закинувъ руки за голову.

— Я съ нимъ не знакома.

— Но онъ тебя знаетъ!

— На кой чортъ онъ мнѣ нуженъ? Ты вѣдь знаешь, что ты одинъ только и существуешь на свѣтѣ.

— Для тебя, надѣюсь,—вкрадчиво произнесъ Фернандъ и, предчувствуя неминуемую сцену, рѣшилъ взять кратчайшій путь къ ея пресѣченію и обнялъ за талію Бланшъ.

Этотъ искусный маневръ увѣнчался успѣхомъ. Бланшъ вздрогнула и обвила руками шею своего друга.

Все-таки, часъ спустя, въ темнотѣ ночи прозвучала грустная фраза:

— Тебѣ, однако, везетъ! Для тебя рисуютъ афиши!

VIII.

Насталъ, наконецъ великій день, «сенсационныхъ» дебютовъ знаменитаго Фернанда въ «Colorado».

Еще до своего дебюта Фернандъ стараніями другихъ уже сталъ знаменитостью.

Громадная афиша Сольнеса уже цѣлыхъ двѣ недѣли висѣла на всѣхъ кіоскахъ, блистая сочетаніемъ самыхъ яркихъ красокъ палитры художника и являя восхищеннымъ парижанамъ портретъ художника въ натуральную величину.

Фернандъ стоялъ на афишѣ во весь ростъ съ лихозакрученными усами и томными глазами, въ голубомъ фракѣ съ серебряными пуговицами, красиво обрисовывавшемъ его талію, въ малиновыхъ брюкахъ до колѣнъ, такого же цвѣта чулкахъ и лакированныхъ туфляхъ съ пряжками. Кучки народа останавливались цѣлый день передъ афишами и любовались его

изображеніемъ, и не одна кокетка, проѣзжая мимо, задумывалась о красивомъ незнакомцѣ.

Не одні афиши распространяли по городу славу Фернанда. М-ше Лангле, по совѣту Маріоля, щедро платила журналистамъ за помѣщеніе въ газетахъ длинной и трогательной біографіи пѣвца.

«Фернандъ, — гласила газета, — не принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ профессиональныхъ артистовъ, которыми переполнены кафе-шантаны. Онъ — младшій отпрыскъ старинной аристократической семьи, по древности рода не уступающей герцогамъ Монморанси, а по бѣдности Іову, такъ какъ его родители, благодаря превратностямъ судьбы, впали въ нищету. Фернандъ — этотъ псевдонимъ скрываетъ одно изъ самыхъ славныхъ именъ Франціи, — имѣлъ несчастье полюбить богатую дѣвушку высокаго происхожденія и лучезарной красоты.

«Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы дать ея роднымъ поводъ усомниться въ безкорыстїи своей любви, и рѣшилъ сначала самъ добыть себѣ богатство и славу, а потомъ на равныхъ правахъ просить ея руки. Онъ объявилъ, что ѣдетъ въ далекое путешествіе на поиски за Золотымъ Руномъ, и исчезъ, самоотверженно порвавъ всѣ семейныя и общественныя связи».

«Обладая, — рассказывали далѣе газеты, — чуднымъ голосомъ и необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ, онъ на самомъ дѣлѣ рѣшилъ посвятить себя святому искусству и на этомъ тернистомъ пути стяжать себѣ славу и богатство».

Реклама была дѣйствительно мастерски выполнена. Самъ Маріоль ею занялся и вложилъ въ это дѣло всю свою душу, тѣмъ болѣе, что дебютъ Фернанда давалъ ему прекрасный поводъ посбавить спѣси первому сюжету труппы, нѣкому Петрюсу. Такъ какъ онъ имѣлъ громадный успѣхъ и въ продолженіе 8 лѣтъ доставлялъ ежегодно дирекціи 80,000 франковъ, то послѣдняя должна была съ нимъ считаться и оказывать ему нѣкоторое вниманіе, а это ее бѣсило, и Ма-

риоль былъ радъ случаю доказать Петрюсу, что онъ совсѣмъ не такъ необходимъ, и что дирекція не можетъ ему быть вѣчно благодарна и поспешается для него своими интересами. Взошло новое свѣтило, затемнившее всѣ остальные. Отнынѣ въ продолженіе цѣлаго сезона Петрюса будутъ замалчивать, имя его будетъ печататься на афишахъ мелкимъ шрифтомъ, клакъ будутъ даны на этотъ счетъ соответственныя предписанія; онъ будетъ пѣть въ 8½ ч., т. е. въ тѣ злополучные полчаса, когда зала еще пустуетъ, и ему будетъ запрещено пѣть на бисъ, чтобы не растягивать и безъ того длинную программу; режиссеръ и дирижеръ оркестра будутъ съ нимъ сухи и рѣзки... И въ концѣ концовъ ему будетъ поставленъ ультиматумъ: уходить или оставаться на болѣе выгодныхъ для дирекціи условіяхъ.

Несчастный, добродушный Петрюс, конечно, погорюетъ и возмутится... на пять минутъ, а вечеромъ выйдетъ на сцену вновь совсѣмъ счастливый и довольный, такъ какъ имъ только что передъ этимъ изъявлено согласіе на всевозможныя условія, лишь бы остаться на этихъ старыхъ подмосткахъ, которые онъ такъ любитъ, лишь бы не разставаться съ этой суфлерской будкой, передъ которой его икры обдувались ледянымъ сквознякомъ въ продолженіе восьми самыхъ счастливыхъ лѣтъ его жизни. Хотя бы онъ по крайней мѣрѣ разбогатѣлъ вмѣстѣ со своими хозяевами. Онъ самъ считалъ свои требованія громадными, а они между тѣмъ наживали на немъ четыреста процентовъ!! Надо было умѣть считать, любезный другъ, выжать изъ нихъ весь сокъ и учесть заранее всѣ случайности: мошенничество, неблагодарность и т. п. Какъ же это ты такъ, проживъ долгую жизнь, ни чему не научился?... Однако, вернемся ко дню дебюта Фернанда.

Въ этотъ вечеръ залъ былъ самый блестящій. Собралась публика первыхъ представленій. Были шляпы, стоящія дороже тѣхъ женщинъ, которымъ онѣ принадлежали; брилліанты, ради которыхъ была сдѣлана не одна глу-

пость; такіе блестящіе ботинки и цилиндры, что трудно было отличить, ботинки ли шелковые или цилиндры лакированные. Явились даже нѣсколько извѣстныхъ рецензентовъ.

Въ бенуарѣ сидѣли нѣсколько модныхъ кокотокъ, окруженныхъ каждая своей свитой «друзей», и презрительно лорнировали толпу въ партерѣ.

Въ глубинѣ залы, напротивъ сцены, Мариоль стоялъ за послѣднимъ рядомъ креселъ и съ волненіемъ ожидалъ поднятія занавѣса.

Внезапный грохотъ барабановъ и трубъ, симулирующій музыку, возвѣстилъ публикѣ о началѣ представленія. Занавѣсъ взвился, и на ярко освѣщенной сценѣ появился господинъ, одѣтый въ гороховый фракъ, и безучастно воспѣлъ на мотивъ вальса прелести положенія шафера. Шансонетка была верхомъ нелѣпости, но она была послѣдняя новинка и была раскуплена въ количествѣ 50,000 экземпляровъ.

Затѣмъ на сцену вышелъ рыжій дѣтина и изложилъ свои взгляды на франко-русскій союзъ. Онъ началъ свою артистическую карьеру на открытыхъ лѣтнихъ театрахъ, содержатели которыхъ искали главнымъ образомъ настолько могучій голосъ, чтобы онъ могъ покрыть стукъ экипажей, шумъ дождя по желѣзнымъ крышамъ и ревъ пароводныхъ трубъ на Сентъ.

Послѣ того какой-то господинъ талантливо и наглядно изобразилъ физическое и нравственное состояніе пьяницы; затѣмъ вышла очень молодая особа съ голыми руками, ногами и шеей, и ловкимъ движеніемъ скинувъ съ лѣваго плеча минимальныхъ размѣровъ лифъ и обнаруживъ очень хорошенькую, крѣпкую и розовую грудь, объявила подъ веселый аккомпаниментъ оркестра, что она желаетъ «Un petit vieux bien pro-o-pre» и повторила это два раза, что не могла бы сдѣлать, если бъ ей пришла фантазія пожелать «un petit vieux bien sa-a-le», такъ какъ цензура строго слѣдила за тѣмъ, чтобы въ текстѣ шансонетокъ не выражалась какая-либо непристойная подробность.

Однако жъ, довольно законное желаніе юной дѣвицы не встрѣтило особаго сочувствія въ публикѣ, и ее отпустили безъ единого хлопка. Публика, наполнявшая въ этотъ вечеръ театръ, была избалована; она пріѣхала слушать Фернанда, и ужимки второстепенныхъ артистовъ оставляли ее холодной, какъ ледъ.

Однако, она неожиданно и искренно согрѣлась. Улыбки появились на накрашенныхъ губахъ, черные фраки съ бѣлоснѣжными пластронами заволновались. Даже знаменитая красавица Ліанъ де-Немуръ подняла облитыя брилліантами руки и снисходительно захопала. По залѣ пронесся шопотъ одобренія по адресу дебютантки, завоевавшей своимъ хорошенькимъ личикомъ горячую симпатію публики, такъ что послѣдняя простила ей и фальшивыя нотки, и дребезжащій голосокъ.

Бланшъ Мезанжъ, радостная и разгорѣвшаяся отъ волненія и удовольствія, граціозно кланялась и благодарила публику—публику первыхъ представленій!—за оказанный ей приемъ и большой успѣхъ неожиданно, но несомнѣнно выпавшій на ее долю.

Послѣ маленькой овации, устроенной Бланшъ Мезанжъ, публика снова стала сдержанной и холодной. Знаменитый эквилибристъ Томъ Джэкъ безуспѣшно швырялъ во всѣ стороны бутылки, табуретки, пятипудовыя гири и яйца въ смятку; а Шери Шеронъ пропѣла свои номера среди равнодушной и довольно громкой болтовни зрителей.

Ждали съ нетерпѣніемъ Фернанда. Когда колокольчикъ прозвучалъ, объявляя о выходѣ Фернанда, разговоры прекратились, и всѣ повернулись къ сценѣ. Одну изъ ложъ, остававшуюся до этого времени пустой, заняли трое очень корректныхъ и элегантныхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный любовникъ Шери Шеронъ: онъ былъ женатъ и имѣлъ взрослыхъ дѣтей, что не мѣшало ему всюду появляться со своей любовницей. Онъ провожалъ ее на репетиціи, бѣгалъ съ ней къ музыкальнымъ издателямъ,

заботился о ея рекламѣ, за которую щедро платилъ, нанималъ кіоски и стѣны для разрисованныхъ афишъ Шери Шеронъ, платилъ ей учителю дикціи, портному и бранился съ ея парикмахеромъ, когда тотъ запаздывалъ на четверть часа; онъ теперь волновался и въ нервномъ возбужденіи ожидалъ выхода Фернанда. Его успѣхъ могъ отбросить въ тѣнь славу его подруги, если дирекція вздумаетъ сдѣлать изъ него главную приманку для публики. И онъ строилъ планы защиты: умопомрачительные туалеты, новые брилліанты, великолѣпные обѣды журналистамъ и авторамъ и т. д.

Наконецъ, Фернандъ появился!

Онъ былъ одѣтъ, какъ на афишѣ: голубой фракъ съ серебряными пуговицами, красныя, короткія брюки, шелковые чулки и туфли.

— Вотъ прекрасный костюмъ для моего лакея!—громко произнесла Ліанъ.

— Совсѣмъ ливрея Джона,—послышалось въ сосѣдней ложѣ.

Фернандъ слышалъ эти замѣчанія и вдругъ страшно струсилъ.

Палочка дирижера поднялась. Дѣло шло о жизни или смерти, и Фернандъ бросился завоевывать свою славу съ такой же отчаянной храбростію, съ какой императорская гвардія кинулась въ самый пылъ сраженія подъ Ватерлоо.

Фернандъ не забылъ, что онъ былъ любимымъ баритономъ общества «Малиновки», кромѣ того, похвалы Лурбилона и восторженное поклоненіе.

Бланшъ Мезанжъ придала ему такую самоувѣренность, что, надѣясь на тембръ своего голоса и привлекательную внѣшность, онъ не далъ себѣ труда разучить что-нибудь новое и угостилъ публику самыми избитыми шансонетками, которыя входятъ въ репертуаръ всѣхъ уличныхъ мальчишекъ. Онъ разсчитывалъ, что эти шансонетки не знакомы такой изысканной публикѣ, но каково было его удивленіе, когда послѣ перваго же куплета публика хоромъ подхватила припѣвъ, думая, что это была милая шутка со стороны артиста. Однако,

она не разсердилась, и раздались апплодисменты. Ободренный ими, Фернандъ пропѣлъ еще «les Boeufs» и «la Tour St.-Jacques».

Пораженные зрители переглянулись. Настала ужасная минута, одна изъ тѣхъ минутъ, которыя убиваютъ или создаютъ репутацію. Будутъ ли свистать или хлопать?!

Однако, никто не зашикалъ. Этотъ чертовскій голосъ, мягкій, вкрадчивый и нѣжный заколдовалъ всѣхъ. Никто не свистнулъ; всѣ молчали; изъ райка раздались даже два, три хлопка. Нашлись простодушныя сердца, которымъ эта первобытная музыка пришлась по вкусу. Фернандъ не испыталъ скандала, но и не покрылъ себя славой, поклонился и удалялся со сцены, пятясь назадъ, какъ укротитель звѣрей, не очень увѣренный въ послушаніи своихъ животныхъ.

За кулисами, когда исчезли эти равнодушныя, холодныя и враждебныя лица, Фернандъ почувствовалъ глубокую усталость и отвращеніе. Онъ облокотился о стѣну. Его ноги дрожали. Ни вызова! Ни хлопка! Вотъ она—эта добрая, снисходительная публика! Все это фразы, которыя пишутъ въ газетахъ ловкіе и низкопоклонные лжецы!

Вотъ къ чему привели всѣ его надежды, гордость... вся его глупость!—прибавилъ онъ мысленно.

Кругомъ него было пусто. Всѣ были заняты выходомъ слѣдующаго нумера. Только дежурный пожарный въ мѣдной каскѣ былъ свидѣтелемъ этой агоніи глупаго тщеславія.

Фернандъ направился къ своей уборной. У зеркала сидѣла Бланшъ Мезанжъ, которая, завидя его, вскочила со стула и, бросаясь къ нему, радостно говорила:

— Не правда ли, какъ я хорошо пѣла! Какой успѣхъ!

Онъ смотрѣлъ на нее потухшимъ взглядомъ. Въ своей радости не замѣчая его отчаянія, Бланшъ продолжала:

— Два раза вызывали, голубчикъ мой! Видишь, какая я! Два раза!

Онъ все молчалъ.

— Вообрази, какая досада! Ко мнѣ набралась сюда такая масса разныхъ господъ съ цвѣтами: журналисты и какіе-то шикарные молодые люди, затѣмъ товарищи; они такіе милые здѣсь, не то, что въ «Bâteaux-Fleuris». Но за всѣмъ этимъ я не успѣла перелѣзть и пойти въ залу похлопать тебѣ. Ахъ, моя радость, какъ я довольна!

И Бланшъ бросилась его цѣловать. Тутъ только Фернандъ очнулся. Онъ оттолкнулъ Бланшъ и глухимъ голосомъ съ горечью произнесъ:

— Похлопаты!!

— Да, конечно.

— Ты была бы единственная, которая похлопала бы мнѣ!

— Что ты говоришь!—ужаснулась Бланшъ.

— Я говорю то,—съ проснувшейся внезапно яростью заговорилъ Фернандъ,—я говорю то, что лучше было бы, если бы я никогда въ жизни не пѣлъ. Гдѣ Лурбильонъ?

Бланшъ была поражена. Она робко пробормотала:

— Лурбильонъ? Онъ въ залѣ, онъ сейчасъ придетъ!

— Онъ? Какъ же? Впрочемъ, лучше ему не попадаться мнѣ на глаза. Онъ во всемъ виноватъ! Да и ты также!

— Но что такое? Что случилось? Ты съ ума сошелъ!—жалобно говорила Бланшъ. На ея хорошенькихъ глазахъ навернулись двѣ слезы.

— Случилось то,—кричалъ Фернандъ внѣ себя,—что я провалился, и этимъ я обязанъ вамъ двоимъ—Лурбильону и тебѣ! Не будь васъ, я бы, конечно, не пошелъ бы на вашу проклятую сцену ломаться передъ этой проклятой публикой.

— Можновойти?—послышался пріятный голосъ, и кто-то постучалъ въ дверь. Маріоль, красивый и улыбающійся, показался на порогѣ.

— Ахъ m-r Маріоль, я утоплюсь, я пропацій человекъ! И охота вамъ была меня ангажировать!—восклицалъ Фернандъ, рыдая, какъ ребенокъ.

— Любезный другъ,—отвѣтилъ Маріоль,—напротивъ, я очень радъ, что

ангажировать васъ, т. е., поправился онъ, что васъ ангажировала m-me Лангле. Что съ вами? Вы нездоровы!

Фернандъ посмотрѣлъ на него, внѣ себя отъ изумленія.

— Какъ... а мой провалъ сегодня?

— Вашъ провалъ? Какой провалъ? Вы не имѣли того успѣха, котораго мы ожидали. Вотъ и все. Въ другой разъ будетъ удачнѣе. Впрочемъ, вамъ апплодировали.

— Да, но кто?

— Ракъ. Раекъ прочно устанавливаетъ репутацію артиста! Успокойтесь! Я васъ слышалъ и остался очень доволенъ. Дешевой публикѣ вы понравились, а это самое главное! Мы заплатили журналистамъ, которые убѣдятъ въ вашемъ талантѣ остальную публику.

— Какъ вы добры, г. Мариоль!

— Только напрасно вы не послушали моего совѣта. Вамъ надо создать себѣ новый репертуаръ и новый жанръ. Въ писателяхъ и музыкантахъ нѣтъ недостатка. Они вамъ насочинятъ новыхъ шансонетокъ сколько угодно.

Съ этими словами Мариоль откланялся, а Бланшъ подѣбла къ Фернанду:

— Я знаю многихъ писателей, нѣкоторые изъ нихъ удивительно талантливы,—говорила она, помогая Фернанду скидывать фракъ, казавшійся имъ такимъ великолѣпнымъ, когда онъ его надѣвалъ, а теперь превратившійся въ ихъ глазахъ въ ненавистную, смѣшную тряпку.

IX.

Кафе «La Tarentule montmartroise» помѣщался въ узкомъ по фасаду, но глубоко въ зданіи на бульварѣ Rochefouart.

Съ улицы онъ имѣлъ видъ обыкновеннаго кабака, но когда Лурбильонъ ввелъ Фернанда въ залъ, тотъ почувствовалъ благоговѣйный трепетъ, будто онъ входилъ въ храмъ.

Лурбильонъ былъ такъ взволнованъ, огорченъ и разсерженъ неудачей Фернанда въ день его дебюта, что тутъ же твердо рѣшилъ не имѣть съ нимъ больше никакого дѣла и ушелъ съ пу-

бликой, не зайдя даже въ уборную своего протеже.

Но когда, два дня спустя, онъ узналъ, что администрація театра съ своей стороны не осудила Фернанда, онъ помирился съ нимъ мысленно и поѣхалъ къ нему завтракать.

А на другой день уже повезъ въ «Tarentule», гдѣ надѣялся встрѣтить одного знакомаго литератора. Войдя съ Фернандомъ въ первую залу, онъ предложилъ ему посидѣть въ ней немного передъ тѣмъ, какъ войти въ слѣдующую комнату, гдѣ по вечерамъ мѣстные литераторы и музыканты знакомили публику со своими произведеніями.

Усѣвшись за столомъ, они осмотрѣлись вокругъ.

Рядомъ съ маленькой женщиной въ красномъ платьѣ сидѣлъ Лафуаръ, художникъ, пользующійся извѣстностью за свои мѣткія и злыя каррикатуры. Подальше, знаменитый Вилль, творецъ прелестныхъ жанровыхъ à la Watteau картинъ, разговаривалъ съ очень маленькимъ человѣчкомъ, котораго почти не видно было изъ-за стола и ноги котораго болтались на полъ-аршина отъ пола. Съ высоты своего каррикатурнаго роста, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ снизу вверхъ на людей и въ своихъ произведеніяхъ талантливо и мѣтко уродовалъ и деформировалъ ихъ. Его модели становились подъ его кистью какими-то эпилептиками и сумасшедшими.

Этотъ обиженный природой карликъ выливалъ въ своихъ рисункахъ всю свою злобу и желчь, накопившуюся въ его душѣ. Говорили, будто зимой онъ жилъ въ нѣкоторыхъ домахъ, цѣломудренно закрытыхъ для публики днемъ, наблюдая ихъ нравы и состоя другомъ, совѣтчикомъ и повѣреннымъ сердечныхъ драмъ, разыгрывающихся иногда и среди милыхъ, но погибшихъ созданій, гостепріимно раздѣлявшихъ съ нимъ свой кровъ.

Старикъ съ бѣлой бородой въ углу залы—извѣстный граверъ; рядомъ съ нимъ Живри, пианистъ и композиторъ, утопившій свой недюжинный талантъ

въ абсентъ; онъ былъ другомъ Верлена и зналъ его всего наизусть.

Фернандъ и Лурбильонъ, допивъ свои бокалы, перешли въ слѣдующую залу послушать монмартрскихъ пѣвцовъ.

— Посмотри,—произнесъ Лурбильонъ, входя въ залу,—вотъ Гортензія и Полина изъ «Colorado».

Обѣ пѣвички стояли прижавшись другъ къ другу, и у одной изъ нихъ висѣлъ на рукѣ вѣнокъ изъ желтыхъ иммортелей съ надписью: «Памяти моей покойной матери». На удивленный вопросъ Лурбильона, что обозначаетъ этотъ похоронный аксессуаръ, Полина живо отвѣтила:

— Мы были съ Гортензійей на кладбищѣ и хотѣли возложить этотъ вѣнокъ на могилу ея матери, но ворота уже были закрыты, и насъ не пропустили, такъ что намъ пришлось цѣлый день таскать его съ собой... Мы обѣдали въ «Rat Mort», затѣмъ заѣхали на минуту въ «Moulin Rouge», а сейчасъ отправляемся въ театръ. Поѣдемъ туда, а потомъ поужинаемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, спасибо, мы останемся здѣсь—отвѣтили Лурбильонъ и Фернандъ и отошли въ сторону, между тѣмъ, какъ барышни весело уходили, унося съ собой вѣнокъ, который, побывавъ за ночь не въ одномъ кабацкѣ, на слѣдующее утро, помятый и облитый виномъ, будетъ возложенъ ими на могилу покойницы.

Между тѣмъ маленькій человѣчекъ, съ рѣдкими волосами, широкимъ лицомъ и бѣлымъ на глазу, взошелъ на эстраду, на которой стоялъ плохой рояль, и, аккомпанируя себѣ однимъ пальцемъ, пропѣлъ «les Sergots». Успѣхъ былъ чрезвычайный. Кричали, топали, вызывали, но артистъ не появлялся больше. Онъ заработалъ свои пять франковъ, и ему больше ничего не было нужно.

Послѣ него вошелъ астматическій, запыхавшійся господинъ, обдававшій сосѣдей горячимъ дыханіемъ, насыщеннымъ лѣкарственнымъ запахомъ. Вытирая большимъ платкомъ безпрестанно струившійся потъ, онъ съ пафосомъ повѣствовалъ слушателямъ о

своихъ сердечныхъ мукахъ и горькихъ разочарованіяхъ.

Въ эту минуту въ залу входилъ журналистъ-литераторъ, который въ своихъ книгахъ обыкновенно разсказывалъ собственные приключенія. Онъ прославлялъ и любилъ худыхъ и костлявыхъ женщинъ съ едва развитыми формами, съ плоскими грудями и животомъ. Онъ пошелъ прямо къ роялю, за которымъ въ уголку, заслоненномъ ширмой отъ любопытныхъ взглядовъ, полулежалъ на стулѣ блѣдный, какъ полотно, человѣкъ съ рыжей бородой, еще болѣе оттѣнявшей прозрачность и мѣловую бѣлизну кожи. Это было лицо, очень извѣстное въ Монмартрѣ. Всѣ знали, что онъ былъ морфинистъ, и охотно отдѣляли уголокъ въ залѣ, гдѣ онъ бы могъ дѣлать себѣ впрыскиванія морфія, которыя были ему необходимы, какъ воздухъ. Завидя журналиста, онъ съ трудомъ протянулъ ему руку и проговорилъ:

— (Дѣлайте мнѣ одолженіе: отдѣлайте завтра хорошенько въ вашей газетѣ Гортензію. Вообразите, она меня передъ всей залой подняла на смѣхъ: положила мнѣ на голову вѣнокъ изъ иммортелей и, отодвинувъ ширму, крикнула: «Господа, посмотрите на этого «святого мученика!»

На слѣдующій день въ утреннемъ номерѣ газеты журналистъ «отдѣлалъ» Гортензію.

— Уйдемъ!—сказалъ Фернандъ Лурбильону;—мнѣ противно. Поѣдемъ къ Тони-Труану.

Передъ подъѣздомъ мрачнаго дома съ всегда наглухо закрытыми дверями и ставнями, въ которомъ помѣщался кабакъ Тони-Труана, они увидѣли двухъ очень нарядныхъ дамъ, выходящихъ изъ собственнаго экипажа. Онѣ обратились къ Лурбильону и Фернанду съ просьбой взять ихъ подъ свое покровительство при входѣ въ кафе.

— Мы стѣсняемся войти однѣ,—говорили онѣ. Они, конечно, охотно согласились. Толкнувъ дверь, всѣ четверо вошли. При видѣ двухъ женщинъ Труанъ закричалъ:

— Вотъ такъ шкуры! Которому изъ васъ двухъ онѣ принадлежать? Тебѣ что ли, старикъ? Вы что будете пить? Пиво? Эй, гарсонъ, пива!

Привѣтствовавъ такимъ образомъ вновь прибывшихъ, онъ оставилъ ихъ въ покоѣ и, усѣвшись бокомъ на край стола, не обращалъ болѣе на нихъ вниманія. Фернандъ увидѣлъ, что на немъ были высокіе сапоги, фланелевая рубашка и черный бархатный костюмъ, стянутый въ талии большимъ краснымъ шарфомъ, на подобіе тѣхъ, какіе носятъ дебардеры. Черты лица его были пріятны и тонки, не смотря на то, что, по характерной привычкѣ монмартрскихъ гаврошей, нижняя губа отвисла. Откинутые назадъ длинные волосы покрывали высокій, прекрасно очерченный лобъ. Въ общемъ онъ производилъ впечатлѣніе красиваго и сильнаго парня.

— Я вамъ спою,—объявилъ онъ вдругъ. Равняйся! И онъ запѣлъ могучимъ, громовымъ голосомъ, отъ котораго сотрясались стѣны маленькой залы, шагая взадъ и впередъ съ заложенными назадъ руками, той особенной, только ему одному свойственной ритмичной и слегка подпрыгивающей походкой, которой всѣ кафе-шантаннѣ актеры старались подражать, изображая въ «Обозрѣніяхъ» манеры, костюмъ и громадный голосъ этого своеобразнаго парижскаго типа.

Публика бѣшено аплодировала, требуя повторенія, но до его слуха долетѣли слова какой-то дамы, очень порядочной на видъ, которая говорила, что она предпочитаетъ другіе его романсы—болѣе вольнаго содержанія.

— Маркиза проситъ немного порнографіи,—закричалъ онъ, указывая на нее; однако, вмѣсто порнографическаго романса (которыхъ онъ никогда не пѣлъ, потому что обладалъ дѣйствительно тонкимъ артистическимъ чутьемъ) онъ сталъ импровизировать ѣдкую сатиру на присутствующую элегантную молодежь:

Vos mères avaient donc pas de tétons,
Qu'elles ont pas pu vous faire des gueules?..
Allez-donc dire qu' on vous finisse!

Публика была внѣ себя отъ восторга; всѣ эти снобы, отхлестанные злой насмѣшкой автора, неистово аплодировали; женщины, раззадоренныя циничными выраженіями пѣсни, сладострастно поеживались и прижимались къ своимъ кавалерамъ. Тони-Труанъ, ободренный этимъ успѣхомъ, продолжалъ свои импровизаціи и осыпалъ оскорбленіями и издѣвательствомъ эту аристократію, которая горстями сыпала золото въ его кошелькъ.

Фернандъ былъ пораженъ; онъ оглядывалъ залу и удивлялся все болѣе и болѣе. Женщины изъ самаго высшаго общества, герцогини и княгини, маркизы и графини сидѣли, перемѣшавшись съ толпой и не чуждаясь непріятнаго сосѣдства пьяныхъ солдатъ, проституттокъ, горничныхъ и т. п.

— Навѣрно,—наконецъ, заговорилъ Фернандъ,—эти женщины не понимаютъ ничего изъ того, что поется... Не можетъ быть, чтобы порядочнымъ и воспитаннымъ женщинамъ нравилось это... Въдѣ разница между сословіями сказывается въ тонкости вкуса и въ выборѣ развлеченій.

— О,—разсмѣялся Лурбильонъ,—со временемъ революціи у насъ нѣтъ сословій! Всѣ женщины одинаковы; всѣмъ одинаково хочется раззадорить себя; этимъ свѣтскимъ женщинамъ нужна разнузданность рѣчи, которая щекотала бы ихъ чувственность; ихъ мучаетъ потребность побарахтаться въ грязи и, какъ подумаешь, онѣ же намъ импонируютъ. Онѣ ни добрѣе, ни умнѣе, ни лучше насъ; онѣ только лучше одѣты, хорошо воспитаны и образованы, но мы порядочнѣе ихъ... Какъ потвоему, Фернандъ?

— Я думаю,—отвѣчалъ Фернандъ,—что порядочность заключается въ чувствахъ, а не въ покроѣ платья... Долженъ сознаться, что ни моя мать, ни мои сестры не имѣли подобныхъ низменныхъ вкусовъ; правда, онѣ принадлежали къ простому рабочему классу.

Становилось поздно.

— Уйдемъ,—сказалъ Фернандъ,—эти пѣсни для меня не годятся; онѣ

могутъ, очевидно, нравиться только специальной публикѣ.

Въ эту минуту поэтъ Бранкаръ показалося на эстрадѣ.

Это былъ лысый человѣкъ, съ маленькими растрепанными бѣлокурыми усиками. Черный вестонъ съ высокимъ воротомъ, смахивающій на офицерскій мундиръ, плотно обхватывалъ его талию, между тѣмъ какъ длинныя ноги смѣшно болтались въ широкихъ складкахъ клѣтчатыхъ шароваръ. Онъ восхвалялъ красоту своей возлюбленной: ея носъ, глаза, ротъ; но, доходя до болѣе интимныхъ ея прелестей, онъ остановился и объявилъ публикѣ, что предпочитаетъ оставить остальное для себя одного.

Онъ понравился публикѣ не менѣе Тони-Труана.

— Тебѣ это нравится? спросилъ Фернандъ Турбильона, неужели тебѣ весело?

Нѣтъ, — отвѣтилъ Турбильонъ. Тоска. Пойдемъ!

Они встали, но на сценѣ новый артистъ уже смѣнилъ Бранкара. Шумъ, который произвели вставая и уходя Турбильонъ и Фернандъ, возбудилъ негодование публики.

Тише!

— Сидите смирно!

— Невѣжливо уходить среди пьесы!

— Вонъ ихъ!

— Да мы сами жаждемъ уйти, чортъ васъ побери! — злобно огрызнулся Фернандъ.

Наконецъ, они очутились на улицѣ.

— Хочешь послушаться добраго совѣта, — произнесъ Турбильонъ, вдыхая всей грудью свѣжій ночной воздухъ. Не ищи литераторовъ въ Монмартрѣ; здѣсь авторы сами декламируютъ свои произведенія. На твоёмъ мѣстѣ я бы пошелъ къ одному изъ маленькихъ издателей, которыми кишитъ Страсбургскій бульваръ: у нихъ ты навѣрно найдешь припрятаннымъ, забытымъ въ портфель chef d'oeuvre, который ты ищешь.

— Сначала, — возразилъ Фернандъ, — надо мнѣ повидать Грансека. Мариоль мнѣ очень совѣтуетъ къ нему обратиться. Онъ дѣйствительно талантливъ?

Какое тамъ! — отвѣтилъ Турбильонъ, — болванъ, который неписалъ своими стихами столы всѣхъ кафе въ Монмартрѣ. Что жъ, повидайся съ нимъ, если хочешь.

X.

Большая зала въ «Abbaye de Thélème» была залита огнями и кишѣла народомъ. Сюда собиралась вся монмартрская аристократія. Поминутно хлопали пробки отъ шампанскаго, и гарсоны разносили по столикамъ настоящій ужинъ: икру, холодную закуску и т. д.

Въ то время, какъ Фернандъ и Турбильонъ въ сопровожденіи Грансека входили въ залу, ее наполняли такой шумъ, что невозможно было разлышать мотивъ вальса, который играла на роялѣ какая-то совершенно пьяная дѣвица въ костюмѣ циклистки.

Но Грансекъ умѣлъ подчинять себя толпу. Онъ невозмутимо подошелъ къ роялю, деликатно снялъ съ табурета циклистку-меломанку и, посадивъ ее на стулъ, торжественно заоралъ съ пріятной улыбкой на лицѣ:

— Эй вы, глупое стадо, постарайтесь заткнуть глотки: вамъ преподнесутъ такое угощеніе, отъ котораго вы себя всѣ пальчики оближете, если ваши собственные руки вамъ не слишкомъ противны.

Онъ произнесъ эту рѣчь громовымъ голосомъ, заставившимъ всѣхъ притихнуть. Послышались возгласы:

— Это Грансекъ!

— Музыкантъ?

— Ну и глотка же у тебя, братецъ.

— Bravo, Грансекъ, продолжай! Становится интересно.

Грансекъ поставилъ на рояль свой цилиндръ, встряхнулъ свою львиную гриву и продолжалъ:

— Этотъ молодой человѣкъ (кланяясь этому стаду гусей, Фернандъ, ты его скоро начнешь общипывать), этотъ молодой человѣкъ называется Фернандомъ; ему двадцать лѣтъ, и онъ такъ талантливъ, что, не будь я самъ гениаленъ, я былъ бы не прочь обладать его талантомъ.

Раздались смѣлки. Кто-то швырнуть въ Грансека бутылкой изъ подъ шампанскаго. Тотъ подхватилъ ее налету и задудилъ въ горлышко. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Сегодня не до шутокъ; вы будете слушать настоящаго артиста; онъ пишетъ стихи, какъ Викторъ Гюго, и пѣетъ, какъ Жанъ Ремке. Однимъ словомъ, онъ воплощеніе всѣхъ искусствъ.

— И любви также?

— Спросите его самого.

Фернандъ началъ подозрѣвать, что Грансекъ поднимаетъ его на смѣхъ.

Но тотъ протянулъ ему листъ бумаги.

— Ты умѣешь читать ноты? Разбери-ка, и черезъ четверть часа ты имъ споешь три куплета; я это набросать только сегодня. Успокойся, ты увидишь, какъ они завоюютъ отъ восторга!

Когда Фернандъ началъ пѣть, въ залѣ притихли. Эта странная мелодія, со скорбными словами, осмѣивающими нищету и смерть, въ соединеніи съ аккомпаниментомъ, который состоялъ изъ широкихъ, отрывистыхъ аккордовъ, производила жуткое впечатлѣніе.

Аплодировали неистово. Самъ Фернандъ, всѣмъ существомъ прочувствовавшій дикую красоту музыки, весь дрожалъ и по окончаніи пѣсни въ волненіи опустился на стулъ.

Какая-то женщина, сидѣвшая за ближайшимъ къ эстрадѣ столикомъ, выражала свой энтузіазмъ энергичной пантомимой. Ея волосы были выкрашены не въ рыжій, а въ ярко-красный цвѣтъ, и эта огненная шевелюра отбѣняла страшно блѣдное лицо и большіе чудные глаза. Одежда ея представляла странную смѣсь роскоши и неряшества. Бриллианты на рукахъ и разорванный воротъ; великолѣпная шляпа и обтрепанный подолъ. Нельзя было опредѣлить, смѣшна ли она была или красива, очаровательна или отвратительна.

Прибавьте къ этому, что она сидѣла за столомъ совершенно одна въ два часа ночи и тянула изъ рюмки абсентъ.

Манера, съ которой она слушала пѣніе Фернандъ, была также болѣе чѣмъ оригинальна.

Съ первыхъ же нотъ, она припала грудью къ столу и, вытянувъ впередъ руки, осталась недвижима въ этой позѣ, вливъ въ артиста свои громадные, зловѣще прекрасные глаза.

Публика смотрѣла на нее и пересмѣивалась.

Но она не обращала ни на кого ни малѣйшаго вниманія и издавала какіе-то хриплые и мягкіе звуки, какъ кошка, которую гладятъ по шерsti. Когда Фернандъ кончилъ, она выпрямилась, прислонилась къ спинкѣ стула, закурила папиросу и задумалась.

Время между тѣмъ шло. Фернандъ думалъ о томъ, что Мезанжъ должна безпокоиться. Она взяла привычку ждать его у окошка. Лурбильонъ и Фернандъ встали; вдругъ между ними проскользнула, какъ змѣя, рыжая поклонница Фернандъ, прижалась къ нему и, поднявъ къ нему глаза, полные сладострастной мольбы и нѣги, зашептала:

— Прошу васъ завтра въ два часа. Буду васъ ждать. Умоляю васъ, приходите,—шептала она, сунувъ въ руку карточку, и затѣмъ такъ же быстро ускользнула и скрылась изъ виду.

— Ты знаешь эту женщину?—спросилъ на улицѣ Фернандъ у музыканта, разглядывая при свѣтѣ газоваго фонаря карточку, на которой было написано:

Лилитъ Жоселенъ.

30. Бульваръ Клиши.

— Лилиту? Еще бы не знать!

— Чѣмъ она занимается?

— Всѣмъ: музыкой, литературой, скульптурой, развратомъ. Она соединеніе ангела и демона, зла и добра. Можетъ быть, она оригиналь, а можетъ быть, и копія: можетъ быть, она новый типъ, а можетъ быть, повтореніе стараго. Я не знаю, и никто этого не знаетъ!

Какой выводъ слѣдуетъ изъ этого?

— Выводъ тотъ, что если ты ей понравился, иди къ ней. Возьми ее, какъ она тебя возьметъ изъ любо-

пытства, какъ ѣдятъ рѣдкій и вкусный плодъ, какъ пьютъ изъ охъняющаго бокала, но если она не предложитъ тебѣ повторенія, не настаивай. Бѣги тогда отъ нея.

— Она такъ опасна? — улыбнулся Фернандъ.

— Не знаю и не хочу знать. Но она погубила нѣсколькихъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи. Попробуй, ты еще молодъ и вытащишь ноги, когда почувствуешь, что вязнешь въ болотѣ. До свиданія!

Лурбильонъ и Фернандъ продолжали свой путь. Лурбильонъ спросилъ:

— Ты пойдешь?

— Куда?

— Къ этой Лилитъ?

— Если кто-нибудь тебя спроситъ это, ты отвѣтишь, что не знаешь.

— Послушай, голубчикъ, моего совета.

— Ну-съ?

— Не ходи къ ней. Подобныя женщины для тебя опасны. Ты слишкомъ молодъ.

— Вотъ пустяки! — разсмѣялся Фернандъ.

— А Мезанжъ?

— Если ты ей ничего не расскажешь, она, не подозрѣвая ничего, будетъ такъ же счастлива, какъ и теперь!

Тебѣ весело, мнѣ нѣтъ!

Тебя и не приглашали веселиться! Будетъ, братъ, я тебя еще угощу рюмочкой у Пусе и затѣмъ покойной ночи.

Этотъ послѣдній аргументъ заставилъ Лурбильона замолчать.

XI.

На слѣдующій день — ровно въ два часа Фернандъ спрашивалъ у консьержа № 30 на бульварѣ Клиши:

— Здѣсь живетъ м-мъ Жоселенъ?

— Въ пятомъ этажѣ, направо.

Фернандъ сталъ подниматься по лѣстницѣ и достигъ уже второго этажа, какъ его окликнули снизу.

Онъ перевѣсилъ черезъ перила и увидѣлъ консьержа съ письмомъ въ рукѣ.

— Что такое?

— Ваша фамилія Фернандъ?

Да.

Въ такомъ случаѣ сойдите внизъ. Вамъ письмо.

Фернандъ сошелъ.

М-мъ Лилитъ приказала отдать вамъ это письмо передъ тѣмъ, какъ вы къ ней подниметесь.

— Спасибо.

Поднимаясь снова по лѣстницѣ, Фернандъ пробѣжалъ письмо. Оно было написано высокопарнымъ и многообещающимъ слогомъ:

«О мой красавецъ!

«Ты поразительно красивъ! Я не изъ тѣхъ, которыя стараются доказать житейскую мудрость пословицъ. Сказано: «Толцыте и отверзется вамъ!» А я говорю тебѣ, войди, не стуча! Поверни ручку двери, и она откroется!

Твоя Лилитъ».

Однако! Фернандъ почувствовалъ, что вся кровь хлынула ему въ голову, и онъ съ легкостью своихъ двадцати лѣтъ взбѣжалъ по лѣстницѣ. Дѣйствительно, какъ только Фернандъ взялся за ручку двери, она отворилась.

Онъ очутился въ комнатѣ, изображающей, очевидно, мастерскую, задрапированной разными матеріями и освѣщенной большимъ венеціанскимъ окномъ. Въ глубинѣ комнаты, на большомъ турецкомъ диванѣ лежала навзничъ совершенно нагая Лилитъ, вытянувшись во весь ростъ. Бѣлотѣлая и рыжая, съ прозрачной — какъ бы перламутровой кожей, она была ослѣпительно хороша и такъ и просилась на полотно.

Она произнесла, приподнимаясь на локти:

— Закрой дверь на ключъ, моя радость.

И, ставъ на ноги съ горящими глазами и блаженной улыбкой, направилась къ Фернанду, широко раскрывъ слегка приподнятыя руки, такъ что ея гибкія формы обрисовались еще болѣе красивыми линіями. Фернандъ стоялъ у двери, не шевелясь, загни-

нотизированный этимъ чуднымъ видѣніемъ.

— Нравлюсь ли я тебѣ?—говорила она, прижимаясь къ нему и обвивая руками его шею. Затѣмъ она горячо поцѣловала его въ губы и порывисто сказала:

— Сними эту одежду, скинь эти покровы, о мой кумиръ! Они ставятъ условную и стѣснительную преграду между моимъ желаніемъ и твоей красотой!

Фернандъ, шатаясь, какъ пьяный, понесъ ее къ дивану.

Въ этотъ же самый часъ Бланшъ Мезанжъ сидѣла въ своей столовой напротивъ Лурбильона и тревожно спрашивала его:

— Куда онъ такъ слѣшилъ? Ты видѣлъ, онъ едва простился со мной? Впрочемъ, это твоя вина.

— Моя вина? Я тутъ при чемъ?—возмутился Лурбильонъ.

— Ты его все таскаешь съ собой по кабакамъ.

— Было бы лучше, если бы онъ оставался въ моей компаніи...

Бланшъ настожила.

Значитъ, онъ съ другими ведетъ компанію; онъ завязалъ дурныя знакомства? Скажи, навѣрно тутъ замѣшана женщина?

Лурбильонъ спохватился и, мысленно ругая себя за свою оплошность, отвѣтилъ:

— Что ты, что ты! Фернандъ и женщина! Нѣтъ, онъ тебя слишкомъ любить для этого!

Мезанжъ успокоилась, а Лурбильонъ подумалъ про себя:

— Чуть было не заварилъ кашу, старый болванъ; лишь бы Фернандъ вернулся отсюда не въ совѣтъ идиотскомъ видѣ!

Фернандъ вернулся вечеромъ и былъ какъ помѣшанный:

— Что за женщина, что за женщина!—повѣрялъ онъ вечеромъ Лурбильону.

— Колдунья!—ворчалъ тотъ.

Фернандъ въ самомъ дѣлѣ былъ очарованъ. Онъ былъ простодушный и довольно ограниченный малый. Ни-

когда въ самыхъ своихъ смѣлыхъ мечтахъ онъ не могъ предположить существованія подобной женщины, которая все знала, все читала, говорила обо всемъ, очаровывала своимъ умомъ и доводила до изступленія своими ласками.

Это не мѣшало, однако, м-мъ Жоселенъ скрывать подъ своимъ артистическимъ оригинальничаніемъ очень практичный и смѣтливый умъ.

Фернандъ съ простодушной наивностью рассказалъ ей о своемъ ангажементѣ въ «Колорадо» и о своей связи съ Мезанжъ. И Лилишь сообразила, что ей небезвыгодно будетъ привязать къ себѣ покрѣпче этого красиваго малаго. Съ этой цѣлью она рѣшила пустить въ ходъ свой главный маневръ.

Однажды, ровно черезъ недѣлю послѣ перваго свиданія, Фернандъ, войдя въ мастерскую, увидѣлъ вмѣсто нагой и сладострастной куртизанки, очень корректную даму, одѣтую въ строгій англійскій костюмъ. Она ему протянула руку и, указывая на диванъ, сказала:

— Садитесь и не мѣшайте. Я работаю.

Она лѣпила изображеніе какой-то нимфы, свидѣтельствовавшее больше о пылкости ея воображенія, чѣмъ объ ея познаніяхъ въ анатоміи.

Фернанду вовсе не было интересно присутствовать при скульпторскихъ упражненіяхъ своей возлюбленной.

Однако, онъ сѣлъ, въ надеждѣ, что это испытаніе продолжится недолго. Но вскорѣ онъ разочаровался.

— Дорогой мой, — вздохнула Лилишь, все время потихоньку наблюдавшая за нимъ въ зеркалъ, — дорогой мой, я должна серьезно переговорить съ вами.

Она бросила работу, вымыла руки и, опускаясь рядомъ съ нимъ на диванъ, взяла его голову въ обѣ руки, поцѣловала его въ глаза и сказала:

— Моя радость, моя любовь, простимся съ тобой!

— Какъ простимся! — растерянно произнесъ Фернандъ.

— Да,—продолжала она,—я тебя слишкомъ люблю, я не могу примириться съ тѣмъ, что ты принадлежишь не мнѣ одной. Прощай, мой ангелъ, поцѣлуй меня въ послѣдній разъ и уходи...

— Но...

— Пожалуйста, не возражай...

Она закрыла ему ротъ своей теплой рукой. Ея предестинные глаза были полны печали и тоски:

— Приходи, если хочешь, хоть каждый день, въ любой часъ! Я буду всегда счастлива тебя видѣть. Но мы будемъ только друзьями. Ты только подумай, какое это будетъ для меня страданіе...

Она схватила руку молодого чловѣка и положила ее на свою вздымавшуюся грудь.

— Я не могу дѣлить тебя съ ней. Это выше моихъ силъ. Прощай!

Фернандъ безуспѣшно употребляетъ всѣ средства, чтобы заставить ее измѣнить свое рѣшеніе. Она отстраняла его полнымъ отчаяніемъ.

Нѣсколько дней подрядъ Фернандъ приходилъ и все съ тѣмъ же успѣхомъ. Она встрѣчала его ласково, но была неумолима.

Фернандъ погрузился въ самое мрачное отчаяніе; пересталъ ѣсть и пить, не заботился о своихъ будущихъ дебютахъ, ссорился съ Лурбильономъ и съ Бланшъ, сталъ дерзокъ съ журналистами.

Лурбильонъ понималъ, что дѣло плохо. Однажды, когда Фернандъ съ блуждающими глазами и дикимъ видомъ вдругъ сорвался съ мѣста и ушелъ, озабоченный и огорченный—комикъ рѣшилъ, что пора все разсказать Мезанжъ.

ХП.

«Пожалуй, мужчины еще глупѣе женщинъ»,—думала Бланшъ, сидя послѣ ухода Лурбилона съ папирсомъ во рту и жалкой усмѣшкой на губахъ.

Пока Лурбильонъ, театально жестикулируя, рассказывалъ ей о похожденияхъ Фернанда, она изъ самолюбія слушала его, улыбаясь, хотя и силь-

но страдала, уязвленная не столько въ своемъ самолюбіи, сколько въ своей любви къ Фернанду. Она полюбила его всею душой, и ей было невыразимо горько узнать, что онъ измѣнилъ ей такимъ коварнымъ и, главное, глупымъ образомъ.

Она знала эту Коселень. Когда Бланшъ была въ связи со своимъ графомъ, Лилитъ, зная, что онъ не устоитъ передъ просьбой хорошенькой женщины, приходила вымалывать у него субсидію, якобы для найма мастерской. Бланшъ знала, что подъ ея напускной эксцентричностью скрывается холодная и развратная натура, и ей было досадно, что Фернандъ такъ глупо попалъ въ лапы этой шарлатанки. Она слышала и про способы, которыми эта женщина-паукъ улавливала въ свои сѣти мужчинъ. Можно ли было думать, что и ея Фернандъ также поддается очарованію этой «таинственной» женщины, которая разгорячала воображеніе мужчинъ театральной внѣшностью и обстановкой.

Оказывается, что эти красные волосы, накрашенный ротъ, подведенные глаза, это развратное тѣло прельстили Фернанда, какъ и многихъ другихъ!

Неужели онъ ожидалъ любви отъ этой твари? Нѣтъ, онъ въ какомъ-то сладострастномъ бреду искалъ только чувственныхъ наслажденій, и его, можетъ быть, будутъ преслѣдовать воспоминанія о ея ласкахъ, но о любви здѣсь, конечно, и рѣчи не можетъ быть.

Любовь преданная, нѣжная и вмѣстѣ съ тѣмъ материнская,—настоящая любовь живетъ въ сердцѣ у нея, Бланшъ, и эта любовь освѣтитъ поступки обманутой, оскорбленной Мезанжъ. Она ей подскажетъ добрыя и полныя прощенія слова; этотъ глупый Фернандъ могъ беззаботно возвратиться домой... Она скроетъ отъ него свое острое горе, свои страданія и встрѣтитъ его съ такими нѣжными и дружески распростертыми объятіями, что онъ несомнѣнно найдетъ въ нихъ себѣ утѣшеніе. Фернандъ

быть добрѣ многихъ мужчинъ, и онъ ей постоянно это доказывать, любя ее безъ эгоизма и заботясь гораздо болѣе о ея счастіи, чѣмъ о своемъ. Онъ любилъ ее не за то только, что она была нарядна и лестила его мужскому самолюбію и тщеславію.

Для того чтобы сохранить его любовь, ей не пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ ухищреніямъ, которыми поддерживается только пошлая и непрочная любовь. Онъ ее любилъ всегда одинаково, какъ бы она ни была причесана и одѣта, и былъ счастливъ, когда ей было хорошо и пріятно.

Мезанжъ, бывшая до сихъ поръ только предметомъ роскоши для своихъ любовниковъ, которые запрещали ей дѣлать папилютки на ночь и требовали отъ нея тщательныхъ заботъ о своемъ туалетѣ, увидѣла вдругъ, что ее любятъ за ея доброе сердце, тонкія чувства, не какъ игрушку, а какъ женщину.

И какъ она была благодарна за это Фернанду! Она чувствовала, что она для него болѣе, чѣмъ «любовница», которой она привыкла быть, или, можетъ быть, и онъ былъ для нея не тѣмъ, чѣмъ были другіе мужчины... Да, думала Мезанжъ, тихо рыдая, да, онъ не только мой любовникъ, мой мужъ, мой братъ, но и мое дѣтище... слабый и милый ребенокъ, которымъ я должна руководить. Бланшъ, умилненная и полная своей преданной и искренней любовью, отерла слезы, успокоилась, выморкалась и приняла твердое рѣшеніе.

Надо было ему показать, что она не дюжинная женщина... Ни сценъ, ни упрековъ, а полное прощеніе! А затѣмъ за работу! Я ему объясню, что нельзя терять времени въ романахъ съ «фатальными» женщинами, когда надо дѣлать прочную и быструю карьеру. Мезанжъ строила эти планы, сидя передъ туалетомъ и обсыпая пудрой свое заплаканное лицо. Приведя въ порядокъ свои нервы и забравъ себя въ руки, она терпѣливо стала ожидать возвращенія своего коварнаго возлюбленнаго.

XIII.

Фернандъ вернулся въ пять часовъ. Онъ былъ страшно блѣденъ. Лицо его осунулось, и глаза распухли. У него была только-что страшная спена съ Лилитъ.

— Убирайтесь къ вашей цѣвчкѣ, если вы въ любви цѣните только грязныя наслажденія, которыя могутъ вамъ доставлять эти твари,—презрительно сказала высокопоставленная Лилитъ, которая рѣшительно не соглашалась сойти со своего пьедестала.

Фернандъ, готовый разрыдаться, уѣзжалъ безъ шляпы, какъ помѣшанный.

При видѣ красиваго и нѣжнаго лица Бланшъ его взяло раскаяніе, и, рыдая, онъ закрылъ себѣ лицо ея руками и произнесъ:

— Прости меня, дорогая, прости! Если бы ты только знала!

— Но я все знаю, мой милый, и давно тебя простила,—отвѣтила просто Мезанжъ, и, обхвативъ его голову, она поцѣловала грустные и заплаканные глаза кающагося грѣшника.

— О, я знаю, что теперь все кончено. Ты меня болѣе не любишь, ты меня даже не ревнуешь.

— Да если бы я тебя и ревновала, то къ чему мнѣ мучить тебя ревностью теперь, когда ты вернулся ко мнѣ. Потому что я тебя люблю, я и стараюсь, чтобы тебѣ было пріятно дома. Когда блудный сынъ возвратился, для него убили откормленнаго теленка. Кстати у насъ сегодня на ужинъ грудинка съ рисомъ. Да улынись же, разъ я тебѣ говорю, что я все забыла.

Она прибавила серьезно:

— Ты тутъ совсѣмъ не виноватъ. Ты увлекся. Не ты первый—и не ты послѣдній. Поцѣлуй меня, и не будемъ больше думать о всемъ этомъ кошмарѣ.

Фернандъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Мезанжъ. За послѣднее время, подъ ферулой м-мъ Жоселенъ, онъ отвыкъ отъ такой доброты.

— Какъ ты мила!—сказала онъ.

— Не правда ли?..

— О, да!

— Надѣвай шляпу, поѣдемъ куда-нибудь, — предложила Бланшъ. Угощение на твой счетъ.

Фернандъ подскочилъ. Чортъ побери! Онъ вѣдь оставилъ свою шляпу у той, въ чейъ онъ сконфуженно долженъ былъ сознаться Бланшъ.

Но она только весело разсмѣялась:

— Ха-ха, ха! Ты оставилъ у нея шляпу. Это мило! Вотъ вы квиты. Ты заплатилъ ей шляпой за ея увлеченіе тобой.

Фернандъ повеселѣлъ. Мезанжъ продолжала смѣяться:

— Шляпа твоя была совсѣмъ новая, а ея увлеченіе довольно таки потертое, такъ что она должна еще дать тебѣ сдачи.

Они вышли подъ руку, и дорогой Фернандъ сознался, что онъ былъ доведенъ почти до сумасшествія. Онъ сравнилъ мысленно бѣлокुरые волосы Бланшъ съ огненной шевелюрой Лилитъ и безповоротно отдалъ предпочтеніе послѣдней.

На слѣдующій день Бланшъ рѣшила возобновить свою попытку возбудить въ Фернандѣ интересъ къ его артистической дѣятельности и потому обратилась къ нему съ такой рѣчью:

— Какъ ты неблагоразуменъ, Фернандъ. Еще недѣлю тому назадъ Грансекъ принесъ твои романы. Ты сочинитель и музыки и словъ, а между тѣмъ я увѣрена, что ты ихъ совсѣмъ не знаешь.

Бланшъ сказала это безъ всякой ироніи, а Фернандъ вполне серьезно слушалъ ее. Ни тотъ, ни другая не отдавали себѣ отчета въ комичности фразы: «Ты сочинитель словъ и музыки, а между тѣмъ ты ихъ совсѣмъ не знаешь».

— А вѣдь правда! — воскликнулъ Фернандъ, я дѣйствительно забылъ про свои романы: гдѣ они?

Черезъ двѣ недѣли онъ долженъ былъ снова дебютировать, но въ совсѣмъ новомъ амплуа. Отнынѣ онъ становился поэтомъ и музыкантомъ, исполняющимъ свои собственныя произведенія.

Грансекъ по очень сходной цѣнѣ сочинялъ для него слова и музыку.

Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Маріолу. Онъ подаль Фернанду мысль выступить съ новымъ репертуаромъ и объявить себя его авторомъ. Газеты сообщили публикѣ, что первый дебютъ Фернанда не удался только благодаря бѣдности текущаго репертуара; теперь же онъ рѣшилъ познакомить публику съ цѣлымъ рядомъ собственныхъ сочиненій, которыя несомнѣнно произведутъ сенсацию въ артистическомъ мірѣ вслѣдствіе новизны ихъ содержанія и оригинальности мотивовъ.

XIV.

Грансекъ былъ совсѣмъ неизвѣстнымъ писателемъ и музыкантомъ, такъ что издательскія фирмы не принимали его произведеній, и онъ довольствовался тѣмъ, что круглый годъ поставлялъ театральныя пьесы, романы, шансонетки и стихи разнымъ господамъ, которые выдавали ихъ за свои произведенія и платили ему ту плату, которую онъ самъ назначалъ. Должно быть, это было ему выгодно, потому что онъ давно отказался отъ личной славы и превратился въ поставщика литературы для разныхъ бездарностей. Онъ слегка презиралъ своихъ кліентовъ и не безъ нѣкотораго высокомерія принималъ деньги отъ «воронъ» за «павлиньи перья», въ которыхъ они потомъ щеголяли.

Грансекъ съ удовольствіемъ согласился доставить Фернанду шансонетки за умѣренную плату, которую ему предложилъ Маріоль. Но послѣдній выговорилъ въ свою пользу еще одно условіе: такъ какъ Фернандъ въ качествѣ артиста не могъ быть членомъ «Общества Писателей», а Грансекъ не могъ подписывать своего имени подъ произведеніями, которыя Фернандъ будетъ выдавать за свои, то ни тотъ, ни другой не могутъ пользоваться авторскимъ правомъ на нихъ, и, слѣдовательно, это право по справедливости должно принадлежать ему, Маріолу. Этимъ путемъ Фернандъ

покупается съ нимъ и возвратитъ деньги, потраченные на ихъ изданія.

Когда Грансекъ узналъ о требованіяхъ Маріюля, онъ пришелъ въ ярость и ругалъ всякими крѣпкими словами этого «мошенника», который, зарабатывая триста тысячъ франковъ въ годъ, не могъ оставить ему несчастныхъ грошей, которые давали бы ему возможность чаще обѣдать! Этому миллионеру понадобились какіе-то несчастные пятьдесятъ франковъ. Подлецъ! Мерзавецъ! — жестикулировалъ Грансекъ.

Грансекъ былъ лишенъ не только авторскихъ, но и артистическихъ правъ, такъ какъ Фернандъ и Мезанжъ, разучивая и исполняя его куплеты, сами въ концѣ концовъ забывали, кто ихъ авторъ, и это было съ ихъ стороны совершенно безсознательно и дѣлалось какъ-то само собой.

Бланшъ за роулемъ разобрала новыя шансонетки, и Фернандъ началъ ихъ разучивать.

Время отъ времени онъ останавливался, и говорилъ своей аккомпаниаторшѣ:

Какъ хорошо, не правда ли? Какіе хорошие стишки!

— Прелестно! — отвѣчала Бланшъ, восторженно глядя на Фернанда. И оба искренно вѣрили въ правдивость словъ, поставленныхъ въ заголовкѣ: «Слова и музыка Фернанда». Комичнѣе всего было то, что «авторъ» иногда рѣшительно не могъ разобрать словъ, такъ какъ почеркъ Грансека былъ странно неразборчивымъ, и тогда возникали безконечные споры по поводу значенія этихъ таинственныхъ словъ; въ большинствѣ случаевъ Мезанжъ первая разгадывала ихъ тайный смыслъ, такъ какъ она въ школѣ недурно училась и сохранила болѣе или менѣе вѣрные понятія объ орфографіи.

Фернандъ же говорилъ: «Лишь бы хорошо звучало, до остального мнѣ дѣла нѣтъ».

На это Мезанжъ кратко замѣчала:

— Все-таки не мѣшало бы, чтобы фраза имѣла какой-нибудь смыслъ.

— Ты думаешь? — недоумчиво спрашивалъ Фернандъ.

Кромѣ напомниманія объ общемъ смыслѣ пѣсни, молодая женщина указывала Фернанду на разные оттѣнки выраженій и дикцію, до которыхъ знаменитый пѣвецъ безъ нея никогда не додумался бы. Несмотря на свой жидкій, подчасъ фальшивый голосокъ, Мезанжъ обладала артистическимъ чутьемъ, котораго Фернандъ былъ совершенно лишенъ. Вообще, она была гораздо умнѣе и развитѣе своего друга. Она кое-что читала, кое-чему научилась, и ея немногія любовныя интриги доставили ей знакомство съ людьми недюжиннаго ума и образованія, отъ которыхъ она кое-что переняла. Въ результатѣ она развила въ себѣ наблюдательность и привыкла классифицировать и приводить въ порядокъ свои мысли и сужденія, такъ что въ сущности она составляла чистую находку для бывшаго портняжнаго подмастерья, окончившаго школу 11 лѣтъ и презиравшаго вечерніе образовательные курсы. Онъ, напримѣръ, не могъ понять, откуда Бланшъ могла знать значеніе слова «сафическая», встрѣтившагося въ одномъ куплетѣ Грансека.

«Я присутствую при сафической любви», говорилъ поэтъ. Мезанжъ объяснила ему, что этимъ словомъ обозначалась извѣстнаго рода любовь, подобная той, какою любила Сафо, древне-греческая куртизанка, культивировавшая такіе же нравы, какъ и Полина изъ «Colorado».

Однако, Фернанду казалось подозрительно, что Мезанжъ понимала значеніе такихъ мало-извѣстныхъ словъ.

— Сафо, сафическая любовь, — повторялъ онъ; — откуда ты знаешь подобныя слова?

Мезанжъ возмущилась: «Ты, кажется, думаешь, что я тоже принадлежу къ послѣдовательницамъ Сафо!»

— Кто знаетъ, можетъ быть, ты къ нимъ и принадлежала, — нерѣшительно замѣтилъ Фернандъ.

Тутъ Мезанжъ, оскорбленная и взбѣшенная, разразилась рыданіями. Но Фернандъ уже раскаялся въ своей грубости, нѣжно обнималъ ее и поцѣлуями осушалъ ея слезы.

XV.

Фернандъ дебютировалъ опять и этотъ разъ съ громаднымъ успѣхомъ. Залу наполнила та же публика, что и въ первый разъ: тѣ же кокетки, снобы, журналисты, тетка Лангле, Лурбильонъ. Маріоль осыпала его аплодисментами и утомили безконечными вызовами. Фернандъ вступилъ на путь славы и богатства. Отнынѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, можетъ быть, мѣсяцевъ, даже годовъ, Фернандъ будетъ осаждаемъ журналистами и интервьюерами. Какіе-то господа будутъ старательно записывать въ его уборной и редактировать отвѣты на ихъ нелѣпыя вопросы, которые онъ небрежно процѣдитъ сквозъ зубы. Въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ его имя будетъ красоваться на объявленіяхъ о подтяжкахъ и галстукахъ; появится новый ликеръ «Фернандъ», духи «Фернандъ».

Фернандъ завоевалъ Парижъ, этотъ самый остроумный городъ въ мірѣ! Парижъ вознесъ этого невѣжественнаго и бездарнаго актеричку, отплевоченнаго какой-то маленькой незначительной Бланшъ Мезанжъ; Парижъ, составляющій цѣль всѣхъ усилій и стремленій, Парижъ веселящійся, работающій, Парижъ, артистическій, весь Парижъ, однимъ словомъ, у его ногъ. Онъ его властелинъ, идолъ и парь!

Когда онъ освободится отъ связывающаго его контракта, милліоны людей во всѣхъ странахъ міра, въ Америкѣ, Англіи, Германіи, Австріи будутъ преклоняться передъ его талантомъ и превозносить его до небесъ. Какъ бы завистники ни старались унижить и замолчать его успѣхъ, они не могутъ измѣнить существующаго факта. Какъ будетъ ему приятно читать полемику, которая возгорится изъ-за него, разные идиотскіе толки о немъ; какъ будетъ смѣшно пробѣгать безчисленные ругательныя анонимныя письма, самыя вѣрные показатели успѣха, и слушать рассказы объ артистическихъ причудахъ и капризахъ, которые ему будутъ приписывать.

Радость его удваивалась при мысли о томъ, сколько денегъ, роскоши и удовольствій доставитъ ему его слава. Какое счастье, возвращаясь домой, выкладывать изъ кармановъ всевозможные подарки для милой дорогой Мезанжъ.

Правда, многіе будутъ находить его успѣхъ преувеличеннымъ, нѣкоторые журналисты будутъ его ругать, товарищи не будутъ вѣрить въ прочность его успѣха.... Все-таки, тысячи людей побеспокоили себя, чтобы послушать его пѣніе... Масса народа старается попасть къ тому часу, когда онъ поетъ... За обѣдомъ недоѣдаютъ сладкое, чтобы не опоздать; аристократы торопятъ лакея, чтобы скорѣе подавали карету; женщины надѣваютъ великолѣпныя туалеты и покрываютъ себя брилліантами.... Кучера погоняютъ лошадей, чтобы поспѣть во-время; за недѣлю до представленія покупаются билеты, и знакомые стовариваются между собой, чтобы въ извѣстный день ѣхать вмѣстѣ въ театръ; тысячи рабочихъ прекращаютъ раніе свою работу!

Мезанжъ разодѣта какъ герцогиня, и когда постѣ представленія публика будетъ вызывать его, Фернандъ, заключая ее въ свои объятія, спроситъ ее: «Ты слышишь?... Счастлива ли ты?»

Когда онъ предложитъ ей тотъ же вопросъ въ этотъ вечеръ, — она отвѣтитъ:

— Конечно, я безконечно счастлива!

Но она не говорила всего, что думала. Какое-то неопредѣленное чувство, какая-то горечь поднималась со дна ея души. Нѣтъ, Мезанжъ не была счастлива.

XVI.

Лурбильонъ превратился въ настоящаго джентльмена. Его пиджакъ поражалъ своимъ изящнымъ покроемъ. Наконецъ-то старый комикъ нашелъ себѣ занятіе по душѣ, ничего не дѣлать и много суетиться. Онъ цѣлый день рыскалъ по городу и на самомъ дѣлѣ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и энергіей служилъ интересамъ Фернандъ. Онъ больше журнальной рекламы

способствовалъ распространенію извѣстности Фернанда. Цѣлый день бѣгая по всѣмъ кафе и ресторанамъ города, онъ краснорѣчиво и горячо восхвалялъ талантъ своего друга и привлекалъ этимъ путемъ не мало публики на его представленія.

Кромѣ того, онъ сумѣлъ доставить ему добавочный заработокъ: благодаря его стараніямъ, Фернанда часто приглашали пѣть на вечерахъ аристократическихъ домовъ.

Однажды онъ былъ приглашенъ даже на большой официальный раутъ у министра земледѣлія. Лурбильонъ возлагалъ большія надежды на этотъ вечеръ. Онъ лелѣялъ честолюбивую мечту: кто знаетъ? Можетъ быть, министръ замѣтитъ, что петлица фрака Фернанда еще не украшена лиловой ленточкой академическихъ пальмъ!

Спусти нѣсколько дней послѣ успѣшнаго дебюта Фернанда, Лурбильонъ предупредилъ его, что къ нему собирается представитель извѣстной издательской фирмы, Плюве.

Визитъ Плюве имѣлъ большое значеніе. Онъ рѣдко беспокоилъ свою особу и дѣлалъ первый шагъ только въ томъ случаѣ, если репутація артиста была дѣйствительно прочна и заслужена: всѣ остальные у него занескивали.

Въ пять часовъ онъ позвонилъ у двери квартиры Вланишъ, у которой Фернандъ все еще продолжалъ жить.

Плюве былъ небольшого роста, лѣтъ около сорока. Онъ былъ блѣденъ, худъ и вообще имѣлъ какой-то линючій видъ, будто его долго мочили въ водѣ. Волосы его были жидкіе, грязнаго бѣлокурого цвѣта. На видъ онъ былъ глупъ, а на самомъ дѣлѣ былъ очень себѣ на умѣ и, будучи очень богатъ, притворялся бѣднякомъ. Въ немъ соединялись самыя противоположныя качества. Онъ былъ страшно скупъ, но это не мѣшало ему иногда въ порывѣ великодушія покупать за высокую цѣну куплеты, которые потомъ валялись въ его складахъ. Онъ иногда покупалъ музыку въ явный убытокъ себѣ, для того только, чтобы

насолить конкуренту. Вообще Плюве былъ странный человѣкъ.

Полный и неожиданный успѣхъ, кружить самыя крѣпкія головы. Фернандъ, голова котораго не отличалась крѣпостью, не избѣжалъ общей участи; на примѣръ, онъ искренно воображалъ себя авторомъ своихъ куплетовъ. Лгать обыкновенно начинаютъ другимъ и въ концѣ концовъ лгутъ самому себѣ; обманываютъ свою совѣсть подобно тому, какъ обманываютъ женщину, которую продолжаютъ любить.

Плюве нашелъ артиста сидящимъ за роялемъ, Фернандъ не сумѣлъ бы наиграть однимъ пальцемъ «Чижика», но онъ воображалъ, что это должно производить впечатлѣніе на посѣтителя, если онъ застанетъ его за столь артистическимъ занятіемъ.

Плюве все это понималъ прекрасно.

— Ты хочешь мнѣ пылъ въ глаза пустить—подумалъ онъ,—но напрасно. Ты столько же знаешь музыку, сколько я санскритскій языкъ. Интересно узнать, самъ ли ты пишешь слова своихъ пѣсенъ?

Онъ узналъ это довольно скоро.

— Конечно,—началъ онъ,—мнѣ нечего дѣлать вамъ комплименты; всѣ газеты полны заслуженныхъ вами похвалъ.

Фернандъ принялъ скромный видъ и глупо улыбался.

— Пресса,—зашротестовалъ онъ,—преувеличиваетъ мой талантъ и мой успѣхъ.

— Да нѣтъ; совсѣмъ наоборотъ. Не говорите этого, по крайней мѣрѣ, мнѣ, «прондохъ» Плюве, какъ называютъ меня мои милые кліенты.

— Повѣрьте...

— Приступимъ къ дѣлу. Вамъ, вѣроятно, деньги не нужны?

— Нѣ, не совсѣмъ понимаю...

— Я такъ думаю, потому что со времени вашего дебюта вы еще не пробовали предложить мнѣ свой товаръ.

— Мой товаръ? — спросилъ Фернандъ, ровно ничего не понимая.

— Простите, ваши произведенія,—съ улыбкой поправился Плюве. Мы,

маленькіе люди, иногда непочтительно выражаемся.

— Что вамъ въ сущности угодно?

— Купить вашъ репертуаръ.

— Я совершенный новичекъ въ подобнаго рода операціяхъ,—бормочатъ Фернандъ.

— Я понимаю въ нихъ толкъ, вмѣшался Лурбильонъ. Для распространенія твоихъ произведеній необходимо ихъ издать.

— Совершенно вѣрно,—согласился Плювье. Теперь поговоримъ о гонорарѣ. Сколько вы хотите?

— Я сейчасъ не могу ничего сказать. Дайте мнѣ подумать,—отвѣчалъ Фернандъ.

— О, нѣтъ, если бы я вамъ дать время на размышленіе, вы потребуете отъ меня милліоны, а у меня ихъ нѣтъ. Я хотѣлъ бы рѣшить этотъ вопросъ сейчасъ же.

— Но...

— Вотъ вамъ мои соображенія. Я рассчитываю, что вы будете пользоваться успѣхомъ еще три года.

— Что?

— Я полагаю, что ваши успѣхъ не продержится болѣе трехъ лѣтъ, и въ этотъ періодъ времени надо извлечь изъ него наибольшую выгоду.

Фернандъ начала разбирать досада.

— Я вѣдь очень молодъ,—проговорилъ онъ.

— Я это знаю и увѣренъ, что черезъ три года вы разовьете вашъ талантъ и приобретете большой опытъ, но Парижу къ тому времени вы уже надобдите. Не забывайте, что публика—это ребенокъ, и препротивный ребенокъ—сегодня онъ улыбается, а завтра будетъ при видѣ васъ хныкать.

— Это не утѣшительно,—вздыхнулъ Фернандъ.

— Плювье хитеръ,—засмѣялся Лурбильонъ,—онъ не хочетъ связывать себя съ тобой на вѣки.

— Вы правы, многоуважаемый комикъ. Никто изъ издателей не вступать еще съ вами въ соглашеніе?

— Нѣтъ.

— Да, мои коллеги—большіе олухи. Они не понимаютъ, что въ настоящую минуту ваши куплеты будутъ расхо-

диться какъ булки. Мы и такъ потеряли много времени. Я былъ боленъ и жилъ въ деревнѣ. Потому только я такъ поздно и явился къ вамъ.

У Фернандъ разболѣлась голова отъ болтовни этого маленькаго человѣка, который вертѣлся передъ нимъ, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Сколько шансонетокъ вы написали до сихъ поръ?—спросилъ Плювье.

Плювье подумалъ нѣкоторое время, припоминая заглавія.

— Приблизительно около дюжины.

— Прекрасно. Всѣ онѣ должны поступить въ продажу черезъ два дня.

— Но это невозможно,—неувѣренно заговорилъ Лурбильонъ, надо вѣдь нарисовать обложку, выгравировать ноты на доскахъ, и т. д.

Старый актеръ былъ радъ случаю показать свои техническія познанія. Своими замѣчаніями онъ удивлялъ Фернандъ и доказывать ему, что умѣетъ отстаивать его интересы. Онъ, очевидно, намѣревался серьезно торговаться съ Плювье.

Издатель сухо возразилъ ему:

— Черезъ два дня ваши двѣнадцать пѣсенокъ будутъ выставлены въ витринахъ всѣхъ книгопродавцевъ. Иллюстраціи будутъ сдѣланы хорошими артистами. Положитесь въ этомъ на меня—и не такіе фокусы мы дѣлали. Что касается до матеріальной стороны вопроса, то вотъ что я вамъ предлагаю. Вотъ письменное условіе, по которому вы обязываетесь отдавать мнѣ ваши произведенія въ продолженіе трехъ лѣтъ. Ваша цѣна?

— Я не знаю... я думаю...

— Я вовсе не намѣренъ пользоваться вашей неопытностью въ этомъ дѣлѣ, и съ этой цѣлью мы прибавимъ параграфъ, который дастъ вамъ право нарушить контрактъ со мной, если вы найдете другого издателя, который предложитъ вамъ въ послѣдствіи болѣешую сумму. Вы согласны?

Плювье говорилъ съ увѣренностью и рѣшительностью генералиссимуса. Онъ походилъ на Наполеона, диктующаго своему штабу планъ сраженія. Фернандъ находилъ предлагаемыя ему условія очень выгодными для себя,

но все-таки взглянуть на Лурбильона, который, за спиной Плюве, утвердительно кивалъ головой.

Чѣмъ онъ рисковалъ?

Конечно, пустяками! Только тѣмъ, что его обдерутъ какъ сидорову козу. Плюве былъ очень ловокъ. Онъ умѣлъ писать договоры, которые, казалось, имѣли въ виду исключительно интересы авторовъ, но въ эти условія помѣщался обыкновенно незначительный съ виду параграфъ, который позволялъ Плюве отказаться отъ своего слова и нарушить контрактъ во всякое время.

Онъ вынулъ изъ кармана два листа бумаги, на которыхъ были уже наклеены гербовыя марки, и прочелъ Фернанду всѣ параграфы, которые обязывали его платить автору весьма значительное вознагражденіе. Фернанду показалось при этомъ, что на него сыпался золотой дождь.

Онъ былъ совсѣмъ сконфуженъ щедростью издателя. Тотъ просто грабилъ самого себя въ его пользу. Въ условія была предусмтрѣна особая премія послѣ продажи первыхъ 10 тысячъ экземпляровъ, другая премія послѣ продажи 100 тысячъ экземпляровъ, проценты отъ продажи и проч. и проч.

— И кромѣ этого,—говорилъ Плюве—право нарушить договоръ со мной, если вамъ представится болѣе выгодное помѣщеніе вашихъ произведеній.

Но надо было подписать условіе сейчасъ же. Безъ этого нельзя было приняться за работу, а время не терпитъ.

Однако, Фернандъ колебался. Ужъ очень былъ щедръ этотъ Плюве,—не попасться бы въ просакъ!

Тотъ сразу отгадалъ его мысли.

— Вы принимаете меня за сумасшедшаго. Не правда ли, или думаете, что я хочу васъ обмануть? Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я желаю сдѣлать хорошую аферу и увѣренъ, что въ данномъ случаѣ сдѣлаю ее. Никто не сумѣетъ извлечь такъ много выгоды изъ вашего таланта, какъ я. Я честно предлагаю вамъ подѣлиться моими барышами. Я не желаю вашей благодарности: я наживу очень много

денегъ и уступаю вамъ только незначительную ихъ часть. Вотъ и все.

Эта благородная откровенность окончательно разсѣла всѣ сомнѣнія Фернанда, и онъ тутъ же подписалъ условіе.

XVII.

Фернандъ преобразился въ собственныхъ глазахъ въ другого человѣка. Вслѣдствіе какого-то необъяснимаго миража, онъ видѣлъ въ своемъ зеркалѣ изображеніе какого-то другого Фернанда, величественнаго и торжественнаго, на котораго были устремлены взгляды всего міра! Онъ Викторъ Гюго! Пастёръ! Наполеонъ! Безспорно, девятнадцатый вѣкъ богатъ великими людьми!

Теперь у Фернанда былъ уже собственный отель. Такое извѣстное лицо, какъ онъ, не могло жить въ обыкновенной квартирѣ. При отелѣ былъ, конечно, садъ. Такъ какъ тутъ же была конюшня и каретный сарай, то, очевидно, необходимы были лошади и карета. Фернандъ завелъ себѣ даже высокій шарабанъ и рысака, которымъ онъ самъ правилъ настолько неумѣло, что Бланшъ каждый разъ умирала отъ страха, не безъ основанія ожидая каждую минуту несчастія.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщался биллиардъ. Фернандъ заказалъ шары изъ настоящей слоновой кости, а не изъ рога риносероса. У него въ домѣ все должно было быть перваго сорта.

При такой роскоши деньги быстро таяли. Фернандъ былъ гостеприименъ и хлѣбосоль; въ Парижѣ «*rique-assiette*» овы» сколько угодно, и поэтому его домъ былъ всегда полонъ самаго разнообразнаго люда, такъ что онъ могъ питать иллюзію, что составляетъ центръ особаго артистическаго и литературнаго мірка. Кто-кто у него не перебывалъ!

Журналисты, авторы, дѣльцы, изобрѣтатели, но главный контингентъ его знакомства составляли льстецы и перомыжники.

Мелкіе репортеры при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ помѣщали въ газетахъ интервью съ вели-

кимъ артистомъ и описывали его домъ, его обстановку и образъ жизни. Такъ какъ они получали только по 2 су за строчку, то эти сообщенія появлялись часто и были очень подробны.

Фернандъ былъ мужчина, поэтому его успѣхъ не возбуждалъ зависти пріятельницъ этихъ господъ, такъ, что отзывы, помѣщаемые ими въ газетахъ, хотя не заключали искреннихъ похвалъ, но зато не были злы и ядовиты. Не то было бы, если бы дѣло шло о женщинахъ. Тутъ непременно оказалось бы вліяніе завистливыхъ конкурентокъ, такъ какъ репортерамъ трудно было бы устоять передъ настойчивыми просьбами своихъ возлюбленныхъ.

Фернандъ давалъ деньги не жадія всякому, кто преклонялся передъ его талантомъ. Одинъ фабрикантъ ваксы былъ имъ щедро награжденъ за то, что помѣстилъ на жестянкахъ съ ваксой его портретъ съ надписью: «Прелестнѣйшему въ мірѣ голосу».

Афиши, брошюры, статуэтки, всевозможныя модныя бездѣлушки воспроизводили Фернанда во всѣхъ видахъ, но ему всего этого было мало. Много лѣтъ тому назадъ, Петръсъ, пѣвецъ, конечно, не столь гениальный, какъ онъ, но составившій себѣ очень почтенную артистическую репутацію, воспѣлъ въ своихъ куплетахъ генерала Буланже и буланжизмъ и не мало способствовалъ популяризациі героя и распространенію этого политическаго движенія. Фернандъ жаждалъ вплести еще этотъ листикъ въ лавровый вѣнокъ своей славы и тайнѣ былъ озабоченъ тѣмъ, кому бы изъ политическихъ дѣятелей ему предложить содѣйствіе своего таланта и популярности, какое бы политическое теченіе муссировать и распространять? Деруледу? Принцу Орлеанскому? Жюлю Герену?

Лавры Петръса положительно не давали ему спать. Кто знаетъ, не онъ ли, Фернандъ, и есть столь давно ожидаемый спаситель своей родины? Это очень возможно, ибо онъ уже теперь самый популярный человѣкъ во Франціи.

Помимо этой заботы, Фернанду отлично жилось. Унизительное сознаніе, что онъ не свергъ еще правительства, не лишало его ни аппетита, ни сна.

Однажды аташе какого-то посольства, покупавшій ложу для одного пріѣзжаго принца, встрѣтилъ Фернанда, когда тотъ выходилъ послѣ репетиціи, и попросилъ его сказать директору, чтобы оркестръ не игралъ національнаго гимна въ честь его принца, такъ какъ тотъ желаетъ сохранить строгое инкогнито.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Фернандъ, но только съ однимъ условіемъ.

— Какимъ?

— Чтобы не играли «Марсельезы», когда я буду у васъ.

Однажды, будучи представленъ одному очень извѣстному и почтенному публицисту и академику, онъ, желая сказать ему что-нибудь очень лестное и пріятное, сдѣлалъ ему слѣдующій комплиментъ:

— Я знаю ваши заслуги и вашу всеобщую извѣстность. Вы, такъ сказать, Фернандъ журналистики.

Вскорѣ случилось событіе, преисполнившее его радостью и гордостью, такъ какъ оно давало газетамъ поводъ лишний разъ заговорить о немъ.

Въ одно прекрасное утро Бланшъ сконфуженно и робко — никогда не знаешь, какъ мужчина приметъ подобное извѣстіе — объявила Фернанду, что совокупность разныхъ симптомовъ заставляетъ ее предполагать, что она беременна.

Напрасно Бланшъ конфузилась. Фернандъ оказался въ восторгѣ отъ этого извѣстія. Онъ обнялъ ее и воскликнулъ:

— Какъ было бы жаль, если бы я умеръ, не оставивъ потомства. И потомъ съ жаромъ прибавилъ:

— Въ такомъ случаѣ я на тебѣ женюсь.

Мезанжъ была такъ поражена, что смотрѣла нѣкоторое время на него широко открытыми глазами и когда опомнилась, то разразилась такими рыданиями, перешедшими въ истерическій припадокъ, что Фернандъ едва успѣлъ

ее поддержать рукою, и долго успокаивать и ласкать, пока она, наконецъ, не пришла въ нормальное состояніе.

Бракъ! Настоящій законный бракъ съ маромъ и священникомъ, съ обмѣномъ настоящихъ обручальныхъ колецъ! Соединеніе на вѣки съ любимымъ человѣкомъ! Буржуазный бракъ—это мечта каждой актрисы, какъ великой, такъ и маленькой, эта тихая пристань, въ которую стараются попасть столько тревожныхъ барокъ, уставшихъ отъ волненій и бурь открытаго моря! И она достигла этой пристани, она, Бланшъ Мезанжъ, бывшая третьестепенная пѣвчиха на подмосткахъ мелкихъ кафе-шантановъ!

— Милый мой, дорогой мой!—рыдала она. Фернандъ улыбался снисходительно и съ достоинствомъ, какъ король, возвышающій до себя пастушку; однако, въ глубинѣ души онъ былъ искренно тронутъ и умиленъ.

— Ты увидишь, какъ все это шикарно выйдетъ! Наши портреты будутъ помѣщены въ иллюстрированныхъ журналахъ,—говорилъ онъ Мезанжъ. А та спрашивала съ безпокойствомъ:

— И мой также—не правда ли?

— Еще бы!

Дѣйствительно, все было очень «шикарно». Гражданскій бракъ въ мэріи былъ совершенъ въ присутствіи только самыхъ интимныхъ друзей. Свидѣтелями со стороны Мезанжъ были великій Петрюсъ и знаменитый Шарленъ; со стороны жениха—Маріоль и Лурбильонъ; къ счастью, ни у того, ни у другого изъ новобрачныхъ не было родителей, такъ что элегантная корректность кортежа не была нарушена никакимъ диссономъ. Мэръ произнесъ краткую рѣчь о супружескихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ артистовъ и о привилегіяхъ ихъ талантовъ. Затѣмъ былъ поданъ завтракъ.

Мезанжъ старалась казаться покойной, съ тѣхъ поръ, какъ она произнесла въ мэріи торжественное «да», ее охватило необъяснимое волненіе, и она съ нетерпѣніемъ ждала окончанія завтрака, чтобы остаться наединѣ съ Фернандомъ. У нея явилась потреб-

ность высказать ему новыя и неожиданныя чувства, которыя волновали ее въ настоящую минуту. Наконецъ, приглашенные удалились, и супруги остались одни.

Вернувшись домой Бланшъ сказала: — Какъ странно, что эта маленькая церемонія такъ меня взволновала. Во мнѣ проснулось чувство долга, о которомъ, странно сказать, я раньше никогда не думала! Завтра послѣ вѣнчанія мы будемъ мужемъ и женой, развѣ тебя это не волнуетъ? Меня это совсѣмъ разстроило; все это мнѣ представляется такимъ важнымъ и серьезнымъ: подумай, вѣдь это на всю жизнь! Какое счастье! У насъ будетъ толстый красивый малышъ! Послѣ церкви я сниму совсѣмъ корсетъ, чтобы ему удобнѣе было расти.

Вечеромъ за обѣдомъ, манера, съ которой Мезанжъ разливала супъ и отдавала приказанія лакею, ясно говорила, что она была «мадамъ Фернандъ», а не Мезанжъ изъ «Ambassadeurs». Въ ея манерѣ держать себя явились достоинство и корректность очень любящей жены, которая безъ всякой аффектаціи желаетъ дѣлать «честь» своему «мужу» и заслужить по праву названіе замужней женщины, избранницы и законной жены любимаго человѣка.

Сердце будетъ покойно до конца жизни! Настанетъ жизнь полная любви, общихъ интересовъ, общихъ радостей и общихъ горестей! Фернандъ будетъ гордиться ею; конечно, она будетъ примѣрная жена и мать. Пока она занята была этими думами за обѣдомъ, Фернандъ, со своей стороны, думалъ о томъ, что вѣнчаніе будетъ происходить завтра въ церкви Saint-Laurent...

— Какъ подумаешь, —заговорила Бланшъ,—сколько есть несчастныхъ супруговъ, а какъ мы будемъ счастливы съ тобой! Мы будемъ вмѣстѣ думать, вмѣстѣ работать, вмѣстѣ путешествовать; одинаковость нашего съ тобой ремесла будетъ способствовать нашему сближенію и поможетъ намъ не разставаться, такъ какъ, подписывая контракты, ты всегда настаива-

ешь, чтобы и я была включена въ нихъ. Я нахожу, что самое прочное основаніе для счастья это постоянная совмѣстная жизнь; когда очень любишь, то даже самая короткая разлука представляется какъ бы подобіемъ смерти. Надо, чтобы жизнь другъ безъ друга даже въ теченіе только нѣсколькихъ дней казалась невозможной. Это кажется пустяками, между тѣмъ это очень важно. Надо обезпечить себя въ будущемъ отъ взаимнаго равнодушія, которое убиваетъ любовь.

— Нѣкоторые люди, отвѣчалъ Фернандъ, — увѣряють, что постоянное tête-à-tête губитъ любовь.

Что ты! возмущилась Мезанжъ, — это говорятъ люди, которые не умѣють любить. Ты думаешь, что великій мужчина умѣетъ любить? Откуда столько дурныхъ любовниковъ и дурныхъ мужей? Это даръ, искусство, такое же трудное, какъ и всякое другое; всѣ имъ занимаются, но очень мало въ немъ артистовъ. Какая это тонкая наука! Половина людей лучше умѣють заботиться о своихъ деньгахъ, чѣмъ о своемъ счастьи; ты, я думаю, не мало знаешь семействъ, которыя тщательнѣе выбираютъ своихъ кассировъ, чѣмъ своихъ зятяевъ.

— Оттого-то, — говорила Мезанжъ, — когда другъ друга любишь, надо жить другъ для друга, надо думать только объ этомъ, а радость доставлять другому; счастье дѣлаетъ людей сильными и снисходительными. Я это испытала съ тѣхъ поръ, какъ люблю тебя, — прибавила она, улыбаясь. Завоеваніе счастья — то же, что завоеваніе богатства. Надо его страстно желать и работать, чтобы его достигъ; тотъ, кто жаждетъ счастья, всегда его достигнетъ.

— Ты уже слишкомъ заходишь, моя дорогая. Въ моей семьѣ были хорошія, любящія женщины, которыя были прямо мученицы въ семейной жизни, не смотря на то, что свято исполняли свой долгъ.

— Очень возможно, — возразила Мезанжъ, — значитъ, онѣ плохо сдѣлали свой выборъ. Да и выбирали ли онѣ?

Онѣ просто «дали свое согласіе». Отъ плохого выбора и происходитъ все это.

— Все это очень трудные вопросы, моя дорогая. Что касается насъ съ тобой, мы увидимъ...

— Ты увидишь, — сказала молодая женщина, — ты увидишь, что мы будемъ все больше и больше любить другъ друга, потому что ты хороший человекъ, а я хорошая женщина, не правда ли?

— Да, милая, хорошая Бланшъ, — проговорилъ онъ, вынимая папироску изъ рта и цѣлуя ее со слезами на глазахъ, — да, ты хорошая женщина, и мы крѣпко будемъ любить другъ друга!

Поговоривъ еще немного, они встали изъ-за стола. Фернандъ предложилъ идти спать, чтобы на завтра быть свѣжими и бодрыми; кромѣ того, такъ рѣдко выпадалъ свободный вечеръ безъ концерта, безъ гостей... И они живо раздѣлись и легли спать. Фернандъ скоро заснулъ. Мезанжъ долго лежала съ открытыми глазами, взволнованная и тревожная. «Въ твоихъ рукахъ счастье человека, — говорила она самой себѣ, — и ты должна быть на высотѣ своей задачи»...

На слѣдующее утро Фернандъ и Мезанжъ получили много писемъ. Вдругъ Фернандъ, который въ продолженіе десяти минутъ читалъ и перечитывалъ одно письмо, крѣпко выругался.

— Читай, Мезанжъ!

Анонимное письмо гласило:

«Дорогой Фернандъ».

Въ этотъ праздничный день я хочу отъ имени цѣлой группы поклонниковъ вашего великаго таланта принести вамъ женѣ поздравленія съ той ея ловкостью, съ которой она сумѣла женить на себѣ человека, зарабатывающаго сто тысячъ въ годъ, хотя она объ этомъ и не думала въ то время, когда онъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ... Мы считали ее только хорошенькой пѣвичкой, но оказывается, что ея беззастѣнчивость и ловкій женскій расчетъ помогли ей сдѣлать очень выгодную аферу. Она изъ нищей дурочки сдѣлается теперь богатой женщиной. А между тѣмъ, когда носятъ имя Фер-

нанда, то слѣдовало бы жениться только на богатой; тогда, по крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, что въ васъ оцѣнили не одинъ только туго набитый кошелекъ. Такимъ образомъ и въ жизни, вы оказались такимъ же крупнымъ дуракомъ, какимъ являетесь на сценѣ!»

Слѣдовала подпись, написанная въ высшей степени неразборчиво.

Читая это письмо, Мезанжъ недоумывала. Кто могъ оказаться настолько подлымъ и глупымъ, чтобы писать имъ подобныя вещи?

— У насъ будетъ много завистниковъ, — сказала она спокойно. Мы еще не разъ будемъ получать подобныя письма и смѣяться надъ ними. Давай ихъ коллекционировать, чтобы знать, сколько ихъ наберется къ концу года. Все-таки, — продолжала Мезанжъ, вставая и начиная одѣваться, — меня возмущаетъ, что требуется героизмъ, чтобы жениться на богатой или выйти замужъ за богатаго, потому что въ обществѣ непременно заподозрять васъ въ самомъ низкомъ и подломъ расчетѣ.

— Двѣ трети человечества дѣйствительно думаютъ и дѣйствуютъ подло, — сказалъ Фернандъ, — нельзя требовать, чтобы остальная треть была сильнѣе нихъ. Но такое доброе, хорошее, любящее и умное существо, какъ ты. Мезанжъ, имѣетъ полное право требовать обезпеченности взаимнѣе тѣхъ сокровищъ любви и преданности, которыми оно приноситъ! Развѣ возможно иначе покататься съ тобой? Настоящая глубокая и сильная любовь не останавливается передъ полнымъ кошелекомъ, какъ и не проходитъ съ презрѣніемъ мимо пустого. Если есть деньги — тѣмъ лучше; если ихъ нѣтъ — тѣмъ хуже! Когда женщина и мужчина любятъ другъ друга, тогда все равно, кому изъ нихъ принадлежитъ кошелекъ.

Мезанжъ, счастливая его любовью къ ней и радуясь тому, что онъ обнаруживалъ такія тонкія чувства, взяла его руку и благоговѣнно поцѣловала ее.

— Будемъ мы хорошими людьми, — произнесла она, — и предоставимъ подлецамъ клеветать на наше счастье.

Вѣдь имъ, все равно, никогда не достать до него. Не правда ли? Она замѣтила, однако, что было уже 10 часовъ, и что надо было спѣшить.

Свадьба назначена была въ двѣнадцать.

XVIII.

Въ церкви св. Лаврентія зрѣлище было великолѣпное.

Цѣлую недѣлю театральныя газеты ежедневно писали о предстоящемъ бракѣ чуднаго тенора Фернандо, обладателя «прекраснѣйшаго въ мірѣ голоса», съ «хорошенькой дивой Бланшъ Мезанжъ изъ «Colorado». Разныя интимныя подробности, ловко замаскированные, возбуждали цѣлую недѣлю любопытство читателей, такъ что, когда въ двѣнадцать часовъ свадебный поѣздъ подѣзжалъ къ церкви, улица была запружена толпой любопытныхъ и зѣвакъ.

Изъ первой кареты вышла Бланшъ Мезанжъ въ свѣтлоглубомъ платьѣ. Ея главный шаферъ Петръ велъ ее подъ руку. Не успѣла она еще выйти на паперть, какъ раздались дружелюбныя привѣтствія и крики: «браво!»

Какой-то голосъ запѣлъ: «En revenant de la Revue», и толпа подхватила хоромъ.

Изъ второй кареты торжественно выгружалась толстая и величественная м-ме Лангле подъ руку съ Фернандомъ. Въ изобиліи украшенная бѣлыми перьями и драгоценностями, она повергла толпу въ нѣмое удивленіе; только одинъ телеграфистъ, который уже цѣлый часъ съ пачкой депешъ въ сумкѣ прождалъ у церкви, произнесъ:

— Чтобъ ей лопнуть! У нея всего помногу.

Фернандъ, затянутый въ изящный сѣрый скортукъ, привѣтливый и красивый, произвелъ на толпу самое выгодное впечатлѣніе.

— Шикарный женихъ!

— Пріятной ночи!

— Онъ не похожъ на актера!

— Онъ писатель, милая!

— Не скучай, голубчикъ, сегодня вечеромъ!

Затѣмъ продефилировали передъ зрителями къ ихъ великому удовольствію всѣ звѣзды концертовъ, music'hall'ей, Эденовъ и Олимпій Парижа, съ выбритыми лицами и синими подбородками, съ пальто demi-saison, корректно перекинутыми черезъ руку.

— Ой, батюшки, задавить! — раздался чей-то звонкій голосъ.

Дѣйствительно, приближалось нѣчто ужасное, громадное, колоссальное, гигантскій мѣшокъ съ жиромъ, вверху котораго видѣлась хорошенькая, маленькая женская головка съ прелестными золотистыми волосами.

Мѣшокъ съ жиромъ подвигался, выпятивъ животъ, вслѣдствіе чего юбка спереди высоко поднималась отъ полу, что придавало этой дамѣ видъ беременной по крайней мѣрѣ пятьюдесятью ребятами.

При видѣ ея слышались насмѣшливые возгласы. Тогда пѣвица, чтобы позабавить толпу, быстро вткнула въ плечи свою маленькую головку, украшенную громаднымъ страусовымъ перомъ, и такимъ образомъ казалось, что шляпа ея была посажена на золотистый апельсинъ, въ свою очередь прикрѣпленный къ тыквѣ невѣроятныхъ размѣровъ.

— Браво, толстушка Клошъ, браво! — кричала толпа, пришедшая въ восторгъ отъ этой комичной выходки пѣвицы.

Она принадлежала къ еврейской семьѣ, члены которой всѣ подвизались на разныхъ сценахъ, подъ различными псевдонимами. Заней шелъ ея братъ, жиденькій брюнетъ. Онъ изображалъ на сценѣ разныхъ женщинъ, пользующихся извѣстностью, и появлялся всегда напудреннымъ и накрашеннымъ, въ декольтированномъ платьѣ, такъ что онъ нерѣдко получалъ отъ мужчинъ, принимавшихъ его за женщину, цвѣты и записочки, въ которыхъ восхвалялась красота его бюста и соблазнительность ямокъ на спинѣ. Семья Клошъ очень гордилась имъ.

Такъ какъ на этотъ разъ онъ былъ въ мужскомъ костюмѣ, то его никто не узналъ. Онъ въ эту минуту дорого бы далъ, чтобы быть дѣйствительно жен-

щиной, чтобы подобно его сестрѣ услышать отъ публики веселое и добродушное привѣтствіе.

Онъ былъ занятъ этими мыслями, когда неимоვნно высокій худой человекъ дружески потрепалъ его по плечу.

Это былъ Прюненъ, только-что вернувшійся изъ артистическаго турнэ по Америкѣ; онъ былъ другомъ Фернанда и Мезанжъ и пріѣхалъ ихъ поздравить. При видѣ его, кучка уличныхъ мальчишекъ, стоявшихъ поодаль, завизжала отъ восторга:

— Это что за общипанная птица

— Ай, цапля!

— Пеликанъ!

— Онъ застегиваетъ ботинки, не нагибаясь.

— Покажи намъ фокусъ, Прюненъ!

Прюненъ покорно скрестилъ руки на груди и забарабанилъ пальцами по своимъ лопаткамъ. Толпа захохотала.

— Какъ поживаетъ твоя жена? — спросилъ его Клошъ.

— Ничего, по маленьку.

— Ты все еще ее цѣлуешь вечеромъ передъ своимъ выходомъ на сцену?

— Да.

Прюненъ и Клошъ смѣшались съ толпой приглашенныхъ.

— Вотъ и Шарленъ! Въ сутанѣ онъ бы походилъ на деревенскаго кюре. Господи, какъ онъ толстѣ!

— Клодись! Зачѣмъ ты укралъ у Луны ея профиль?

— Это его жена, эта хорошенькая блондинка?

— Недурна.

— Смотри, Анна Бито! Въ кружевномъ платьѣ! Какая красавица!

Дефиле артистовъ продолжался: Маргеритъ Дюклоръ!

У нея были черные волосы, черные глаза, черныя брови и рѣсницы; одѣта она была вся въ черномъ, и въ этой мрачной рамкѣ какъ-то зловѣще выдѣлялось блѣдное, какъ смерть, и сильно напудренное лицо, съ ярко-красной полоской рта. Вотъ Вилла — классическій пѣвецъ, худой и нервный; платье на немъ болтается, какъ на скелетѣ, глаза налиты кровью. Уличная публика встрѣчаетъ его апплодисментами.

Говорятъ, что у него больше таланта, чѣмъ у Фернанда.

— Только онъ не платитъ журналистамъ,—замѣчаетъ кто-то въ толпѣ.

— Стелеръ, смотрите, Стелеръ! Шляпа-то! Это диванъ, а не шляпа!

Въ толпѣ захохотали, и кто-то запѣлъ припѣвъ, который она повторяла каждый вечеръ:

P'stt, p'stt... écoutez-moi donc!

— Идіоты!—огрызнулась Стелеръ и прошла въ церковь, гдѣ усердно стала молиться, чтобы Господь послалъ ей какъ можно болѣе выгодныхъ ухаживателей.

Затѣмъ прошли еще нѣсколько рядныхъ и красивыхъ женщинъ. Ихъ лица были сильно накрашены и напудрены, глаза искусственно блестя, а губы были неестественно красны, но всѣ эти попытки скрыть надвигающуюся старость были тщетны, такъ какъ яркій дневной свѣтъ безжалостно освѣщалъ морщины и дряблую кожу.

Органъ торжественно заигралъ свадебный маршъ, и, вслѣдъ за приглашенными, толпа хлынула въ церковь и въ одну минуту переполнила ее. Какое успѣхъ!—думалъ Фернандъ, окидывая взглядомъ массу публики.

— Полный сборъ,—разсѣянно прошепталъ онъ Мезанжъ.

Эта праздная и легкомысленная толпа, не стѣсняясь святостью мѣста, наполнила церковь гуломъ оживленныхъ и довольно громкихъ разговоровъ, смѣшавшихся въ одинъ общій шумъ съ пѣніемъ, музыкой и возгласами священника.

По окончаніи церемоніи, Фернандъ и Бланшъ, стоя на порогѣ церкви, освѣщенные ярко блестящимъ солнцемъ, окруженные нарядной, красивой и привѣтливой толпой, испытывали чувство глубокой радости и умиленія. Все имъ улыбалось: небо, солнце, люди, погода. Фернандъ прошепталъ, нѣжно прижимая къ себѣ руки жены:

— Какой счастливый день!

День былъ дѣйствительно счастливый для тебя, бѣдный Фернандъ! Запомни его хорошенько, постарайся запечатлѣть его на вѣки въ своемъ моз-

гу и въ сердцѣ, чтобы онъ навсегда остался для тебя чуднымъ и сладкимъ воспоминаніемъ. Въ этотъ день твое счастье достигло своего апогея; онъ—кульминаціонный пунктъ твоей удачи.

XIX.

Прошло уже цѣлыхъ три года, какъ тетка Лангле, слѣдуя совѣту Маріоля, не жалѣла средствъ, чтобы какъ можно шумнѣе и какъ можно шире распространить извѣстность Фернанда. Старожилы театра не помнили, чтобы когда-нибудь дирекція заботилась такъ усердно о какомъ-нибудь даже очень талантливомъ пѣвцѣ, и приписывали это привилегированное положеніе, которымъ пользовался Фернандъ, необыкновенно горячей симпатіи къ нему самой m-me Лангле. Правда, каждый вечеръ театръ былъ настолько переполненъ зрителями, что многимъ приходилось отказываться за недостаткомъ мѣстъ. Публика бѣшено апплодировала пѣвцу, и оваціямъ ему не было конца. Всѣ остальные номера спектакля ставились ни во что, и зрители, въ нетерпѣливомъ ожиданіи выхода Фернанда, не обращали никакого вниманія на остальныхъ исполнителей. Удивительнѣе всего было то, что товарищи Фернанда, какъ женщины, такъ и мужчины, находили это вполне естественнымъ и не обижались равнодушіемъ къ нимъ публики.

Грансекъ каждый вечеръ присутствовалъ на представленіи. Сидя въ углу съ папироской въ зубахъ, онъ наслаждался своими стихами, своей музыкой! Вѣдь онъ писалъ эти прелестныя рѣшмы, вѣдь это его мозгъ, пропитанный алкоголемъ, родилъ эту легкую и звучную, пѣнящуюся, какъ шампанское, музыку. Онъ былъ такъ доволенъ собой, что три мѣсяца не былъ пьянъ. Онъ, конечно, сознавалъ свой талантъ, но никогда не думалъ, что можетъ написать такіе *chef-d'œuvre's*. И подумавъ, что, обладая такимъ талантомъ, онъ остался все тѣмъ же несчастнымъ бѣднякомъ, шуткомъ и посмѣшищемъ посѣтителей монмартрскихъ кабачковъ. Нѣтъ, довольно голодовки! Онъ, узнавъ себѣ цѣну, вступитъ на новую дорогу.

Однако, на его несчастье, однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ стараго товарища, по прозвищу «Маркизь», съ которымъ онъ давно не видѣлся. Тотъ осыпалъ его упреками за то, что онъ забываетъ старыхъ друзей, но музыкантъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Уйди, я обновился, я сталъ со-всѣмъ другимъ человѣкомъ. Не показывайся мнѣ на глаза!

— Ты пьянъ, что ли? — спросилъ его товарищъ.

— Маркизь, ты ошибаешься—я не пьянъ, ибо уже цѣлыхъ три дня не бралъ ни капли въ ротъ.

— Оттого-то ты и говоришь глупости!

— Ошибаешься; я просто обновился и вступаю на новый путь. Отнынѣ я всѣмъ вамъ не товарищъ, и прежніе друзья и собутыльники для меня не существуютъ. Смотри на меня, Маркизь, ты видишь предъ собой человѣка, принявшаго твердое рѣшеніе работать и не пить.

— Я съ грустью смотрю на несчастнаго человѣка, который идетъ на вѣрную гибель,—мрачно сказалъ Маркизь. Жизнь—это рѣдкое растеніе, требующее частой поливки. Если ты не будешь исполнять этого закона природы, Грансекъ, ты вступишь въ отчаяніе. Вѣрь мнѣ: все суета, кромѣ счастья выпить съ хорошимъ человѣкомъ. Итакъ выпьемъ!

Они выпили, и такъ усердно, что ночью очутились въ полицейскомъ участкѣ арестованными за буйство и нарушеніе общественной тишины.

Грансекъ съ этого дня навсегда утѣпилъ въ винѣ всѣ свои добрыя намѣренія. Судьба сторожитъ наше счастье, какъ убійца свою жертву.

XX.

— А я вамъ говорю, что самъ авторъ всегда отвратительно исполняетъ свои произведенія! — говоритъ совершенно охмѣлѣвшій Грансекъ, въ два часа ночи, въ «Rat Mort», усердно жестикулируя своими длинными руками передъ носомъ своихъ слушателей.

Небольшая, но теплая компанія засѣдала вокругъ стола, потягивая абсентъ.

— Однако, въ монмартрскихъ кафе очень многіе исполнители прекрасно поютъ свои собственные куплеты, — возразилъ кто-то.

— Да кто говоритъ о монмартрскихъ куплетахъ; развѣ это музыка, развѣ это стихи? Тамъ все краденое—и мысли, и рѣмы, и мотивы!

— Ну, прекрасно,—упорствовалъ собесѣдникъ,—если вы не признаете монмартрской поэзіи, оставимъ ее въ сторонѣ. Но есть вѣдь и другіе театры, гдѣ авторы знакомятъ публику со своими произведеніями въ собственномъ прекрасномъ исполненіи. Напримѣръ, Фернандъ изъ «Colorado»!

Грансекъ осушилъ свою рюмку, пожалъ плечами и расхохотался:

— Ха, ха, ха, Фернандъ!

— Ну, да, Фернандъ! Найдите мнѣ другого профессиональнаго актера, который бы сумѣлъ такъ талантливо пропѣть пансонетку собственнаго сочиненія!

Присутствующіе горячо присоединились къ мнѣнію говорящаго. Тотъ прибавилъ:

— Къ тому же, его сочиненія и оригинальны, и красивы!

Грансекъ былъ раздосадованъ. Всякое противорѣчіе и безъ того его раздражало. Будъ онъ трезвъ, онъ бы промолчалъ и не продолжалъ бы спора, потому что условія, на которыхъ онъ писалъ для Фернанда его пѣсни, были очень для него выгодны и приносили ему хорошій доходъ. Къ несчастью, онъ выпилъ лишнее, и потому, забывшіеся, закричалъ:

— Фернандъ! Фернандъ! Господи, что вы за болваны! О народъ, тебя обманываютъ, и ты этого заслуживаешь!

Вынувъ изъ кармана сложенную бумагу, онъ развернулъ ее и продолжалъ:

— Милостивые государи! Вотъ послѣднее произведеніе поэта-музыканта Фернанда! Оно называется «Коварные глаза» и было исполнено въ первый разъ двѣ недѣли тому назадъ въ «Colorado» самимъ авторомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что почеркъ, которымъ написаны слова и

ноты этой шансонетки, поразительно напоминаютъ почеркъ Грансека, вашего покорнаго слуги. Смотрите сами!

Манускриптъ «Коварныхъ глазъ» обошелъ всѣхъ присутствующихъ, и всѣ должны были признать, что дѣйствительно онъ написанъ былъ характернымъ почеркомъ Грансека.

— Въ такомъ случаѣ—Фернандъ...

— Фернандъ только мелкій, ничтожный актеришка. Если бы онъ былъ авторомъ этихъ пѣсенъ, онъ бы ихъ отвратительно пѣлъ! Я правъ, какъ всегда!

Плотина прорвалась. Грансекъ, уступая тщеславному чувству, рассказалъ все: какъ онъ встрѣтилъ Фернанда, четыре года тому назадъ, послѣ его неудачнаго дебюта, какъ ему пришла мысль выдвинуть его, создать и показать Парижу, какъ диковинку автора-пѣвца. Кончивъ свой рассказъ, онъ попросилъ своихъ слушателей держать все сказанное имъ въ секретѣ.

Тѣ, конечно, обѣщали молчать.

У сосѣдняго столика ужиналъ какой-то молодой человекъ, который внимательно слушалъ рассказъ Грансена. Онъ даже изрѣдка заносилъ что-то въ свою записную книжку. Черезъ часъ Грансекъ всталъ, распрощался съ товарищами и, шатаясь, вышелъ изъ ресторана.

Два дня спустя во всѣхъ газетахъ явилась слѣдующая замѣтка:

«Знаете ли вы—кто настоящій Фернандъ изъ «Colorado», модный поэтъ-композиторъ? Единственный подлинный и дѣйствительный, достойный восторженныхъ похвалъ авторъ «Feuilles Sèches», «Dernier Baiser» «Mort jolie» и многихъ другихъ прелестныхъ и граціозныхъ шансонетокъ называется Грансекомъ и никогда не покидаетъ высотъ Монмартра.

«Кто же въ такомъ случаѣ тотъ высокій брюнетъ, съ заorno закрученными усами, который каждый вечеръ, ужъ нѣсколько лѣтъ сряду, угощаетъ насъ этимъ сенсационнымъ репертуаромъ, выдавая его за свое собственное произведение?»

«Это тайна!»

Мезанжъ, вставшая въ этотъ день раньше Фернанда, первая прочла въ газетѣ эти ядовитыя строки. Она побѣжала будить мужа и, сунувъ газету въ руки, сказала:

— Читай скорѣй. Какіе подлецы!

Она пересмотрѣла остальные газеты и во всѣхъ нихъ нашла перепечатанными тѣ же строки. Фернандъ покраснѣлъ отъ злости. Онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Вотъ негодяй!

Внезапно его осянула мысль.

— Конечно, это могъ сдѣлать только самъ Грансекъ! Мерзавецъ, подлецъ!—не совѣтую ему попасться мнѣ на глаза!

Въ эту минуту кто-то позвонилъ, и черезъ нѣсколько мгновений Грансекъ показался на порогѣ комнаты.

— Мой милый Фернандъ,—началъ онъ. Но Фернандъ сѣлъ на постель и, стуча кулаками по подушкѣ, злобно кричалъ:

— А, вотъ и вы! Вы пришли во время. Объясните мнѣ, что значать эти замѣтки?

И онъ потрясалъ въ воздухѣ газетой.

Грансекъ имѣлъ сильно сконфуженный видъ. Онъ съ грустью тряхнулъ своими длинными волосами и, запинаясь, заговорилъ:

— Любезный другъ... я вамъ сейчасъ объясню... Я...

— Значить, это вы рассказывали про наши дѣла журналистамъ!

Бланшъ съ негодованіемъ смотрѣла на несчастнаго музыканта. Тотъ запротестовалъ:

— Я ничего не рассказывалъ журналистамъ! Я не знаю, какъ это случилось?

— Но все-таки вы рассказали кому-нибудь въ чемъ дѣло? Зачѣмъ? Вѣдь это просто глупо! Вамъ должно быть надоѣло зарабатывать много денегъ?

— Я ничего не понимаю, какъ это случилось,—защищался Грансекъ. Правда, виноватъ, я рассказывалъ какъ-то про наше дѣло, но при этомъ были только мои друзья.

— Когда вы пьяны, тогда всё вамъ друзья. Вы вѣдь были пьяны,—сухо сказала Бланшъ.

Эти обидныя слова задѣли Грансека за живое, и онъ отвѣтилъ не безъ достоинства:

— Во всякомъ случаѣ это смягчающее мою вину обстоятельство. Тѣмъ лучше для васъ, сударыня, если вы были всегда добродѣтельны. У меня же есть пороки, и я въ нихъ смиренно сознаюсь.

И онъ продолжалъ, обращаясь къ Фернанду:

— Послушайте, я очень передъ вами виноватъ, но я могу все поправить. Я напишу вамъ письмо, въ которомъ я самъ отрекусь отъ моей глупой болтовни третьяго дня. Это все, что я могу сдѣлать.

Но Фернандъ былъ внѣ себя отъ негодованія:

— Убирайтесь вы прочь!—кричалъ онъ,—съ вашими письмами! На что они мнѣ нужны. Все-таки остается тотъ фактъ, что вы меня предали самымъ подлымъ образомъ, въ благодарность за то, что я васъ вытащилъ изъ нищеты и грязи!

Грансекъ при этихъ словахъ встрепенулся. Это уже переходило всё границы.

— Позвольте, любезнѣйшій!—заговорилъ онъ, полный негодованія:—я не знаю, вытащили ли вы меня изъ нищеты и грязи, но я твердо помню, что я васъ вытащилъ изъ ничтожества. Человѣкомъ вы сдѣлались благодаря только мнѣ. Вы дѣйствительно дали мнѣ возможность заработать немного денегъ, а вы сочли когда-нибудь, сколько вы ихъ заработали благодаря моимъ произведеніямъ? Теперь кончено! Предоставляю васъ самому себѣ, мое почтеніе! Желаю вамъ таланта и успѣха!

Съ этими словами Грансекъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта.

Мезанжъ и Фернандъ съ ужасомъ переглянулись.

Первая заговорила молодая женщина:

— Теперь онъ всюду разстрезвонитъ про это.

Въ этотъ вечеръ зала «Colorado» была доверху такъ полна, что послѣ девяти часовъ достать билетъ нельзя было уже ни за какія деньги.

— У меня даже не осталось приставной скамеечки,—радостно говорила запоздавшимъ кассирша.

Въ уборной — Фернандъ, разстроенный и нервный, разговаривать съ Маріолемъ.

— Что это за исторія?

— Этотъ мерзавецъ Грансекъ разболталъ все!

— Вамъ слѣдовало сначала разузнать, какой онъ человѣкъ и можно ли на него положиться,—прошипѣлъ Маріоль, и потомъ ужъ вести съ нимъ дѣла и впутывать меня въ нихъ. Эта исторія можетъ намъ страшно повредить...

— Но главнымъ образомъ она вредитъ мнѣ!—возмущился Фернандъ.

— Нѣтъ, извините,—возразилъ Маріоль. Чтобы вамъ никто не мѣшалъ, я отставилъ отъ первыхъ ролей нашихъ двухъ лучшихъ сюжетовъ, Петрюса и Шери Шеронъ, и вы понимаете, въ какое положеніе вы насъ теперь ставите...

— Посмотримъ, чѣмъ это все кончится. Скоро вамъ выходить. Держите себя съ тактомъ,—посоветовалъ онъ, уходя.

Держать себя съ тактомъ! Черезъ какую пытку онъ долженъ былъ пройти, когда всё его товарищи, едва удерживаясь отъ смѣха, продефилировали передъ нимъ, и одинъ за другимъ сочувственно пожимали ему руку.

Наконецъ, настала очередь Фернанда. Онъ вышелъ, поклонился и сталъ пѣть. Когда онъ кончилъ первый романсъ, вся зала захопала.

«Слава Богу, напрасно я трусилъ! Все идетъ прекрасно!»—думалъ онъ, кланяясь на всѣ стороны; какъ вдругъ въ глубинѣ залы раздался возгласъ:

— Автора!

Черезъ мгновеніе сверху, снизу, изъ партера, изъ ложъ, изъ райка раздались крики:

— Автора, автора, автора!

Фернандъ почувствовалъ, что подъ его ногами колеблется. Однако, онъ все еще надѣялся, что его пре-

стижъ—престижъ самаго популярнаго челоѣка во Франціи—спасетъ его, и онъ пальцемъ ткнулъ себя въ грудь, указывая публикѣ на себя.

Тогда зала заволновалась.

— Неправда, неправда, — кричали всѣ, и раздался пронзительный свистъ и шиканье. Фернандъ, смущенный и испуганный, отступилъ на шагъ. Въ глазахъ у него помутилось. Въ вискахъ стучало. Онъ зашатался.

— Занавѣсъ! — закричалъ режиссеръ, и занавѣсъ, медленно опускаясь, отдѣлилъ его отъ страшной сумятицы въ залѣ и положилъ конецъ его пыткамъ.

Съ того вечера разнесся слухъ, что Грансекъ нахвасталъ, объявляя себя единственнымъ поставщикомъ произведеній Фернанду. Такихъ оказалось десять, двѣнадцать, двадцать!.. Разные субъекты, сидя по кабачкамъ за рюмками абсента, намекали съ таинственнымъ видомъ, что не одинъ Грансекъ способствовалъ успѣху Фернанда...

Этимъ означенные субъекты достигли того, что множество легковѣрныхъ пѣвцовъ начали скупать у нѣкоторыхъ изъ нихъ всевозможныя нелѣпыя пѣсни и стихи, воображая, что если они «работали» для Фернанда, а тотъ имѣлъ успѣхъ, то, значитъ, ихъ произведенія были дѣйствительно хороши.

XXI.

На слѣдующее утро Фернандъ получилъ письмо отъ Маріоля.

«Многоуважаемый г. Фернандъ!

«Послѣ вчерашняго происшествія, дирекція «Colorado», опасаясь, что подобные скандалы повторятся и на слѣдующихъ представленіяхъ, рѣшила предложить вамъ взять временный отпускъ. Кстати сезонъ скоро кончается. Мы полагаемъ, что благоразумно было бы дать публикѣ время забыть этотъ инцидентъ, иначе вы рискуете сильно скомпрометтировать вашу артистическую репутацію.

«Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ

А. Маріоль».

Фернандъ немедленно же отвѣтилъ слѣдующее:

«Многоуважаемый г. Маріоль!

«Отъ всей души благодаренъ вамъ за то, что вы предупредили мое желаніе просить у васъ отпускъ. Дѣйствительно, мое здоровье распаталось и требуетъ продолжительнаго лѣченія. Срокъ моему контракту съ вами истекаетъ какъ разъ нынѣшней весной, и я не намѣреваюсь его возобновлять, такъ какъ со всѣхъ сторонъ получаю болѣе выгодныя предложенія. Прошу васъ сообщить м-ме Лангле о принятомъ мною рѣшеніи.

«Примите увѣреніе въ совершенной моей преданности

Фернандъ».

Фернандъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда отправилъ эту записку, въ которой нашла исходъ его злоба на подлецовъ, отвернувшихся отъ него въ эту критическую минуту.

Однако, положеніе его было скверное, и онъ былъ въ отчаяніи. Что-то скажетъ Парижъ и что-то подумаютъ о немъ вообще?

Мезанжъ утѣшала его, увѣряя, что Парижъ слишкомъ занятъ своими дѣлами, чтобы думать о скандалѣ, который осмѣлилась устроить ему кучка какихъ-то бездѣльниковъ и идиотовъ.

— Самые великіе артисты бывали ошканы, — говорила она, — и ни одинъ изъ нихъ еще не умеръ отъ этого.

Фернандъ недовѣрчиво качалъ головой.

— Однако, вѣдь у меня все основано на обманѣ! Странно, что это только сегодня мнѣ представляется такъ ясно, а вчера я почти не сознавалъ этого. Кажется, Бланшъ, я разыгралъ большого дурака?

— Ты? — съ жаромъ запротестовала Бланшъ — совсѣмъ нѣтъ! Неужели ты въ самомъ дѣлѣ сомнѣваешься, что ты сумѣлъ бы сочинять не хуже этого пьянаго шаромыжника Грансека?

— Ну пошла!!! Онъ поэтъ, а я...

— Ты? Ты можешь стать такимъ же поэтомъ, какъ онъ, если только захочешь! Развѣ тѣ стихи, которые

ты мнѣ написалъ въ самомъ началѣ нашей любви, хуже стиховъ Грансека?

— Какіе стихи?

Ты ихъ забылъ, но я ихъ хорошо помню и даже ихъ сохранила.

Она вышла и вскорѣ вернулась съ листомъ бумаги въ рукѣ, который она съ гордостью вручила Фернанду:

— Прочти ихъ вслухъ,—попросила она,—я ихъ такъ любила.

Фернандъ прочелъ куплеты. Въ самомъ дѣлѣ они были недурны.

— Видишь!—воскликнула Бланшъ,—я тебѣ говорю, что мы съ тобой заткнемъ за поясъ всѣхъ Грансековъ!

— Ну, а музыка? Я ужъ совсѣмъ не умѣю писать музыку.

— А я умѣю. Я когда-то проходила солфеджіо. Ты мнѣ будешь напѣвать мелодіи, а я буду писать ноты подѣ твою диктовку.

Затѣмъ они начали придумывать, какъ бы имъ прилично прожить до осени. Положеніе ихъ было далеко не блестящее. Фернандъ тратилъ деньги, не считая, и не отложивъ ни копѣйки. Лурбильонъ, призванный на семейный совѣтъ, указалъ имъ на самый, по его мнѣнію, благоразумный образъ дѣйствія.

— Дѣти мои,—говорилъ онъ,—вы проиграли: надо расплачиваться. Продайте карету, лошадей, отель и наймите квартиру въ недорогомъ кварталѣ. Лакеевъ и приглашенныхъ гоните въ шею. Будетъ имъ ѣсть и пить на вашъ счетъ. Оставьте приборъ только для меня, потому что я вашъ старый другъ и много разъ говорилъ вамъ, что вы зарываетесь и что пора остановиться,—но кто же слушаетъ стариковъ?

Лурбильонъ былъ правъ. Въ продолженіе трехлѣтняго апофеоза Фернанда, онъ не разъ совѣтовалъ ему не увлекаться, но тотъ, витая въ облакахъ, не слушалъ его, а Мезанжъ, загнипнотизированная успѣхами своего возлюбленнаго Фернанда, такъ же потеряла чувство мѣры.

Намѣреніе Фернанда снова выступить съ собственными произведеніями не было одобрено Лурбильономъ.

— Затѣмъ мѣнять свое ремесло?—ворчалъ онъ. Хорошій теноръ въ сто

разъ лучше плохого поэта. Ты опять надѣлаешь глупостей.

Но Фернандъ его не слушалъ, и купилъ «Правила стихосложенія», ходилъ по спальнѣ изъ угла въ уголъ и подбиралъ рѣшмы.

Ликвидация отеля, конюшни и обстановки дала сумму, вполне обеспечивающую Фернанда и Мезанжъ года на два. Они взяли квартиру въ 2.000 франковъ на бульварѣ Poissonnière, въ четвертомъ этажѣ, распустили всѣхъ людей, оставивъ только кухарку и горничную; рѣшено было, что Мезанжъ не возьметъ ангажементъ, такъ какъ будущій гражданинъ, котораго она собиралась подарить Франціи, уже замѣтно округляетъ ея талію.

За всѣмъ этимъ незамѣтно насталъ конецъ августа. Фернандъ получилъ въ одно прекрасное утро письмо отъ братьевъ Изело, директоровъ двухъ большихъ кафе-концертовъ, «Lucetiana» и «Adelphia», въ которомъ они просили его зайти къ нимъ.

Когда Фернандъ къ нимъ явился, они прежде всего спросили, не связанъ ли онъ какимъ-нибудь договоромъ съ «Colorado», и, получивъ отрицательный отвѣтъ, предложили ему заключить съ ними контрактъ на 30 вечеровъ, съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ успѣха договоръ будетъ возобновленъ.

Матеріальныя условія были гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ «Colorado»: ему давали 800 франковъ за вечеръ.

Фернандъ былъ въ восторгѣ и принялся разучивать свой новый репертуаръ.

Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Журналисты увѣряли, что публика забыла непріятный весенній инцидентъ. Затѣмъ онъ понялъ теперь, когда его голова пришла въ нормальное состояніе, что главный его козырь—его голосъ; онъ и рѣшилъ изрѣдка только пѣть романсы собственнаго сочиненія, составляя свой репертуаръ главнымъ образомъ изъ шансонетокъ модныхъ авторовъ.

Все-таки его нѣсколько покорибила манера, съ которой за нѣсколько дней

до дебюта братья Изело приняли его сообщеніе, что онъ намѣревается въ числѣ другихъ номеровъ исполнить нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій.

Оба брата одновременно пожали плечами и, поднявъ брови, спросили:

— Нѣтъ, это старо! Кто вамъ фабрикуетъ теперь ваши произведенія?

Фернандъ возмущился.

— Господа, увѣряю васъ, что теперь я единственный и подлинный авторъ моихъ сочиненій.

— Конечно, конечно, — согласился Изело старшій, — впрочемъ, это подробность, которая насъ не касается. Но увѣрены ли вы въ томъ, что на этотъ разъ никто ничего не разболтаетъ?

— Да некому и нечего болтать, я повторяю...

— Ладно, ладно, это ужъ ваше дѣло, — прервалъ его Изело junior.

Фернандъ вышелъ отъ нихъ взбѣшенный.

Шансонетки, вышедшія изъ-подъ его пера и которыя онъ намѣревался представить на судъ публики, были дѣйствительно недурны, такъ что его раздраженіе противъ этихъ скептиковъ было вполне основательно.

Театральный сезонъ въ «Adelphia» открывался 1-го октября.

Въ газетахъ появились объявленія о дебютѣ Фернанда въ этомъ театрѣ, а на афишахъ его имя было напечатано громадными буквами. Лурбиль-онъ очень былъ озабоченъ. Въ день представленія онъ попросилъ у Фернанда денегъ.

— На что тебѣ?

— По моему мнѣнію, необходимо составить клаку. Надѣйся на Бога, а самъ не плошай.

Когда вечеромъ Фернандъ вышелъ на сцену, онъ былъ встрѣченъ взрывомъ аплодисментовъ.

Онъ пропѣлъ сначала три шансонетки извѣстныхъ авторовъ. Его красивый голосъ увлекъ слушателей, и ему дружно аплодировали. Передъ тѣмъ, какъ пѣть четвертый романсъ, Фернандъ объявилъ:

— «Feu de paille», слова и музыка моего сочиненія.

По залѣ пронесся негромкій гулъ, и кто-то сказалъ въ партерѣ:

— Ну, опять старая исторія.

Раздались насмѣшки. Но вскорѣ порядокъ возстановился, публика слушала внимательно и нашла, что романсъ недуренъ, но и что нахальство пѣвца безпримѣрно.

Когда онъ кончилъ, послышалось нѣсколько хлопковъ, подхваченныхъ было клакерами. Но публика на нихъ зашикала.

Удивительное дѣло! Большая часть зрителей или забыла, или вовсе не знала исторіи Фернанда. Никогда онъ не пѣвалъ такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ, и, конечно, вполне заслужилъ одобреніе публики. Между тѣмъ успѣхъ его былъ самый незначительный. Приходится вѣрить, что въ жизни человѣка настанетъ такой моментъ, когда фортуна отъ него отворачивается.

По истеченіи мѣсяца контрактъ Фернанда съ братьями Изело не былъ возобновленъ.

XXII.

— Отстань, убирайся вонъ! Меня раздражаетъ, когда ты вертишься тутъ и ничего не дѣлаешь. Ступай въ свой кабакъ. Тебѣ только тамъ и хорошо!

— Отлично, сейчасъ уйду! Нечего тебѣ бѣситься! До свиданія!

Фернандъ вышелъ въ переднюю и, одѣваясь, крикнулъ оттуда:

— Если меня не будетъ дома къ обѣду, не жди меня. Такая жизнь становится просто невыносимой!

Отношенія супруговъ испортились за послѣднее время. Фернандъ былъ удрученъ и раздраженъ неудачей своихъ дебютовъ въ театрѣ «Adelphia», а кроткая и веселая Бланшъ была просто неузнаваема. Ее раздражало, что за время своей беременности она породнилась, талія ея изуродовалась, и походка сдѣлалась тяжелой. Она стала сварливая и сердитая, такъ что каждый день между мужемъ и женой происходили бурныя сцены, кончавшіяся обыкновенно потоками слезъ

съ одной стороны и раскаяніемъ съ другой.

— Я не виновата, честное слово! Я не могу удержаться, — рыдала Мезанжъ на плечѣ у Фернандъ.

— И это называется интереснымъ положеніемъ, — философствовалъ Лур-бильтонъ.

Фернандъ, наскучившій вѣчными спенами и попреками, старался какъ можно меньше бывать дома и проводилъ дни, сидя въ кафе за рюмкой абсента, возвращался домой только къ обѣду, иногда подъ хмѣлькомъ и, во всякомъ случаѣ, въ очень возбужденномъ состояніи. Это подавало поводъ къ новымъ ссорамъ, возникавшимъ обыкновенно изъ-за каждаго пустяка.

Фернандъ хлопнулъ дверью и сбѣжалъ съ лѣстницы. Ему захотѣлось уйти подальше отъ своей жены, отъ этой адской жизни, отъ самого себя. Онъ рѣшилъ сдѣлать длинную прогулку, чтобы утомить себя и затѣмъ крѣпко заснуть. Онъ шелъ по улицамъ, наклонивъ голову и занятый тяжелыми мыслями, какъ вдругъ на поворотѣ на кого-то наткнулся и, поднявъ глаза, увидѣлъ передъ собой своего стариннаго товарища Галигана.

— Какъ я радъ тебя видѣть! — воскликнулъ Фернандъ, — сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Давненько не видались, — отвѣчалъ Галиганъ.

Этотъ Галиганъ былъ также подмастерьемъ у того же портного, у котораго Фернандъ служилъ въ свое время, и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ и организаторовъ стачекъ. Постоянно читая революціонныя брошюры, онъ проникся социалистическими убѣжденіями и, какъ онъ теперь рассказывать Фернанду, бросилъ портняжное ремесло и всецѣло отдался социальному движению.

— Я, братецъ, — говорилъ онъ, — сталъ, что называется, опаснымъ членомъ общества. Я сталъ пугаломъ для него и апостоломъ для тѣхъ, кого это гнилое общество безсовѣстно эксплоа-

тируетъ. Я хожу по городамъ и селамъ и проповѣдую войну противъ богатыхъ и сильныхъ, борьбу съ притѣснителями и вѣрю, что мои слова принесутъ въ свое время плоды. Зайдемъ въ кабачекъ и поболтаемъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Фернандъ.

Галиганъ былъ высокій, широкоплечій малый, съ толстымъ и добродушнымъ лицомъ и маленькими, хитрыми, черными глазками. Онъ носилъ длинные волосы и широкополую, мягкую фетровую шляпу.

Сидя за кружкой пива въ ближайшемъ кабацкѣ, Галиганъ вдругъ ударилъ себя по лбу.

— Да ты, Фернандъ, можешь оказать громадную услугу нашему дѣлу! Сегодня вечеромъ мы устраиваемъ въ «Народномъ домѣ» большой, семейный, такъ сказать, вечеръ, въ пользу нашего революціоннаго кружка. Одинъ изъ нашихъ прочтетъ сообщеніе, затѣмъ будетъ пѣніе, музыка и т. д. Входъ 30 сантимовъ. Дѣти и женщины не платятъ. Вотъ было бы хорошо, если бъ ты намъ пропѣлъ что-нибудь.

Сегодня?

— Да. Конечно, мы не можемъ заплатить тебѣ 800 франковъ, но подумай только, какое удовольствіе ты имъ доставишь и какая честь для нихъ, если у нихъ будетъ пѣть знаменитый Фернандъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ Фернандъ. Онъ былъ и доволенъ и тронутъ тѣмъ, что его прежніе товарищи вѣрили еще въ его талантъ и популярность, и рѣшилъ пѣть много и хорошо.

— Пойдемъ обѣдать, — продолжалъ Галиганъ; — тутъ есть неподалеку извозничій трактиръ, гдѣ подаютъ великолѣпное рагу. Ты небось отвыкъ отъ подобной кухни, и тебѣ пріятно будетъ тряхнуть стариной.

— Какъ бы я хотѣлъ вернуться къ этой старины! — отвѣчалъ Фернандъ. Въ самомъ дѣлѣ, при видѣ этого веселаго, здороваго душой и тѣломъ малюга, оставшагося пролетаріемъ и не измѣнившаго своимъ первоначальнымъ убѣжденіямъ, горькія мысли и

чувства поднимались со дна его души. Что онъ, Фернандъ, представляетъ изъ себя? Актера, шута, въ продолженіе двухъ, трехъ сезоновъ забавлявшаго праздную толпу, а теперь выброшенная ею за бортъ, какъ надобная игрушка. Онъ не принесъ никакой пользы обществу, не послужилъ великой идеѣ прогресса и коснѣя въ сытомъ довольствѣ, отрекся отъ прежнихъ боговъ и забылъ про угнетенныхъ и несчастныхъ, которымъ раньше мечталъ посвятить всѣ свои силы.

Назначеніе человѣка не заключается въ томъ, чтобы жениться на своей любовницѣ, забеременѣвшей отъ него, быть хорошимъ мужемъ и отцомъ, и, украсивъ лицо и губы, въ нелѣпыхъ костюмахъ распѣвать передъ толпой зѣвакъ гривуазныя шансонетки.

Между тѣмъ, въ продолженіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, Фернандъ не зналъ другихъ интересовъ и другихъ заботъ. Ему ясно представилось то время, когда онъ, будучи бѣднымъ и ничтожнымъ подмастерьемъ, горячо проповѣдывалъ принципы свободы и равенства, и онъ ясно сознавалъ теперь свое нравственное паденіе и позоръ своего настоящаго сытаго эгоизма.

Галиганъ и Фернандъ отправились вечеромъ въ театръ. «Народный домъ» представлялъ изъ себя большой сарай; налѣво у входа помѣщался буфетъ съ цинковымъ прилавкомъ, стульями и столиками. Напротивъ входа была дверь, ведущая въ театръ. Это была большая, выбѣленная известкой зала, въ концѣ которой возвышалась эстрада. По стѣнамъ были развѣшаны красныя флаги, составлявшіе единственное украшеніе залы.

Когда Галиганъ и Фернандъ пріѣхали, публики собралось уже много, и облака дыма наполняли залу.

На сценѣ стоялъ столъ съ двумя свѣчами и стаканомъ воды. Какой-то господинъ говорилъ рѣчь, энергично и рѣзко жестикулируя и прохаживаясь по сценѣ.

— Это русскій, Карикинъ,— сообщилъ шопотомъ Галиганъ своему товарищу.

Ораторъ говорилъ звонкимъ голосомъ, достигавшимъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ залы. Его рѣчь часто прерывалась восклицаніями:

— Да здравствуетъ коммуна!

— Да здравствуетъ социализмъ!

— Браво!

Карикинъ продолжалъ:

— Исторія, политическая экономія, наконецъ, просто здравый смыслъ.

— Долой Жореса! Да здравствуетъ Жоресъ!—раздались возгласы съ разныхъ сторонъ, и поднявшійся шумъ заглушилъ голосъ оратора...

Однако, прежде чѣмъ сойти съ эстрады, Карикину удалось выразить ироническое пожеланіе, чтобы присутствующіе стали когда-нибудь сытыми, богатыми и счастливыми буржуа. Публика неистово захолопала. Нѣсколько голосовъ заплѣли:

Dansons la carmagnole
Vive le son, vive le son,
Dansons la carmagnole
Vive le son du canon!!

— Типпе!—зашикали въ залѣ.

Карикинъ сошелъ съ эстрады и среди бурныхъ аплодисментовъ и криковъ восторга сѣлъ на скамейку, на которой предупредительно потѣснились, чтобы дать ему мѣсто.

Затѣмъ началось музыкальное отдѣленіе вечера. На сценѣ появилась женщина, немолодая, но сохранившая слѣды красоты, съ большими страдальческими глазами и чудными зубами. Это была Зюльма Поретъ, отставная дива изъ «Bouffes de Nord». Она хриплымъ голосомъ, страстно и съ необыкновенной силой выраженія пропѣла революционную пѣсню: «La Revanche des Gueux».

Послѣ нея вышелъ худой и блѣдный господинъ, который съ мрачнымъ видомъ декламировалъ стихи своего сочиненія. Въ нихъ онъ жаловался, плакалъ надъ собой и надъ другими и слезно просилъ состраданія къ себѣ, такъ какъ и онъ, какъ многіе другіе, испыталъ весь ужасъ безпріютныхъ ночей подъ дождемъ и на морозѣ; голодный, простаивалъ часами передъ окнами гастрономическихъ магазиновъ и со злобой въ

сердцѣ мечтавъ объ удовольствіи побить, искалѣчить этихъ сытыхъ, эгоистичныхъ буржуа, сидящихъ за вкуснымъ обѣдомъ въ задней комнатѣ лавки.

Ему дружно аплодировали. Послѣ него на эстрадѣ смѣнилось еще нѣсколько артистовъ, и пока они пѣли и декламировали, худенькія дѣвочки-подростки безшумно проскальзывали между скамейками и продавали публичкѣ билеты лотереи-томбола.

— Товарищи! — завопилъ вдругъ Галиганъ, — между нами сейчасъ находится извѣстный Фернандъ изъ «Colorado» и «Adelphia» и любезно предлагаетъ спѣть намъ нѣсколько романсовъ.

— Браво, браво!

— Гдѣ онъ?

— На эстраду его!

Публика заволновалась. Одни поднимались на цыпочки, чтобы увидѣть артиста, другіе оборачивались, ища его глазами, женщины всѣ встали съ мѣстъ, нѣкоторыя даже взгромоздились на стулья, чтобы лучше видѣть. Фернандъ съ трудомъ протискался къ эстрадѣ.

Когда онъ спѣлъ двѣ, три шансонетки, публика устроила ему настоящую овацію: топали, кричали, стучали палками.

— Бисъ, бисъ!

— Браво!

Фернандъ спѣлъ еще нѣсколько романсовъ. Онъ, который раньше ни за какія деньги не прибавилъ бы ни одной пѣсни къ объявленной программѣ, здѣсь, передъ этими простыми слушателями, пѣлъ безъ конца, съ увлеченіемъ, какъ никогда не пѣвалъ передъ избранной публикой во дни его самой громкой извѣстности. Его окрыляла мысль, что онъ поетъ для народа, для своихъ братьевъ.

Однако, жара становилась невыносимой: табачный дымъ, клубами стоявшій въ залѣ, щекоталъ ему горло, и онъ попросилъ дать ему отдохнуть четверть часа, общая по истеченіи ихъ опять пѣть сколько угодно.

Задвигались стулья, скамейки, и публика направилась къ буфету.

Въ это время какой-то маленькій, лысый, почтенныхъ лѣтъ господинъ, съ нервнымъ лицомъ и выразительными глазами подошелъ къ Фернанду и сказалъ ему:

— Какъ это любезно съ вашей стороны, что вы согласились принять участіе въ нашемъ концертѣ, и въ особенности, что въ вашъ репертуаръ включили пѣсню Потье: «Ce que dit le pain»... Какъ-то странно, что у насъ поетъ любимецъ и баловень буржуазіи и аристократіи. Навѣрно, завтра нѣкоторыя газеты бросятъ въ васъ камнемъ и обвинятъ васъ въ неблагодарности къ тѣмъ, которымъ вы обязаны вашимъ успѣхомъ и богатствомъ. Вы развѣ не боитесь, что вашъ поступокъ истолкуютъ вамъ во вредъ?

— Какъ! — возмущился Фернандъ, — неужели потому, что я сытъ, я долженъ забывать моихъ бѣднымъ братьевъ, потому что я богатъ, долженъ отворачиваться отъ неимущихъ; развѣ нельзя разбогатѣть и остаться порядочнымъ человѣкомъ?

— Это довольно трудно! — съ язвительной усмѣшкой отвѣчалъ собесѣдникъ. Правда, что артисты не занимаются политикой. Я вотъ читаю въ газетахъ, что вы поете то у Дрюмона, то у Франкмасоновъ, то у Дешанеля, однимъ словомъ, у представителей самыхъ противоположныхъ политическихъ партій?

— Да, — согласился Фернандъ, — каждый артистъ рабъ публики; нѣкоторые дома мы посѣщаемъ очень неохотно, но вѣдь это наше ремесло, и не имѣемъ права въ немъ отказывать кому бы то ни было.

— А куда вы охотно прѣхали? — спросилъ старичекъ.

— Сюда? Еще бы! Сегодня я счастливъ. Я счастливъ тѣмъ, что чувствую, что ваши интересы не чужды и мнѣ, что я не совсѣмъ испортился, и что, отдавшись отъ народа, изъ среды котораго я вышелъ, я все-таки не теряю съ нимъ связи, и что меня такъ же, какъ и прежде, волнуютъ великія идеи свободы и равенства.

Между тѣмъ въ залѣ поднялся гулъ. Со всѣхъ сторонъ слышались возгласы:

— «L'Internationale, l'Internationale!»

И, наконецъ, вся публика, охваченная патріотическимъ волненіемъ, громко потребовала этого гимна Потье, составляющій марсельезу пролетаріата. Фернандъ вскочилъ на эстраду и вдохновенно запѣлъ:

Debout! les damnés de la terre!
Debout, les forçats de la faim!
La raison tonne en son cratère,
C'est l'éruption de la fin!
Du passé faisons table rase.
Foule esclave, debout! debout!
Le monde va changer de base.
Nous ne sommes rien! Soyons tout!

C'est la lutte finale!
Groupons-nous, et demain
L'Internationale
Sera le genre humain!

Припѣвъ, съ увлеченіемъ подхваченный всей публикой, придавалъ пѣснѣ какой-то дикій, стихійный характеръ. По залу пронесся цѣлый ураганъ энтузіазма. Публика не кричала, а ревѣла:

- Да здравствуетъ Фернандъ!
- Спасибо, спасибо!
- До свиданія!

Фернандъ въ сопровожденіи Галигана пробрался къ выходу и по пути жалъ протянутыя со всѣхъ сторонъ руки. Галиганъ, прощаясь съ нимъ у выхода, сказалъ:

— Большое тебѣ спасибо, братъ!

— Не за что. Помни, что я всегда къ твоимъ услугамъ.

— Спасибо, спасибо!

Фернандъ взялъ извозчика и, сидя въ глубинѣ кареты, все еще напѣвалъ про себя:

C'est la lutte finale!
Groupons-nous, et demain
L'Internationale
Sera le genre humain!

Однако, его энтузіазмъ скоро упалъ, и онъ подумалъ о самомъ себѣ, ежась отъ холода въ эту свѣжую декабрьскую ночь:

— Какъ бы мнѣ выпутаться поскорѣе!

XXIII.

Событіе, ожидаемое въ семьѣ Фернанды, совершилось въ назначенный срокъ. Родился толстый мальчикъ, нормального вѣса и весь красивый, будто онъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ страшно волновался, съ нетерпѣніемъ ожидая своего появленія на свѣтъ.

Хотя онъ былъ лысый, беззубый и сморщенный, какъ восьмидесятилѣтній старецъ въ миниатюрѣ, Фернандъ находилъ его красавцемъ, и сердце его наполнилось гордостью, когда тотъ издалъ первый слабый крикъ.

— Каковъ голосъ!—обратился онъ къ Лурбильону, который съ искреннимъ восхищеніемъ отвѣтилъ:

— Молодчина!

Молодчина, какъ всѣ молодцы его возраста, былъ врученъ кормилицѣ, съ которой онъ, казаясь, давно былъ знакомъ, такъ какъ немедленно бросился къ ея груди и самымъ безцеремоннымъ образомъ при всѣхъ засосалъ ее.

Фернандъ не отходилъ отъ колыбели. Онъ восхищался не только голосомъ ребенка, но и его живостью и тонкостью ума. Не поздоровилось бы тому, кто позволилъ бы себѣ усомниться въ этомъ: каждая гримаса, каждое движеніе ребенка истолковывалось имъ, какъ проявленіе твердой воли и необыкновеннаго ума.

Лурбильонъ безусловно во всемъ съ нимъ соглашался. Онъ превратился въ дядю и въ няньку мальчика. Онъ носилъ его по комнатамъ, укачивалъ и даже вдохновенно декламировалъ ему монологи! Къ сожалѣнію, его старанія пропадали даромъ, такъ какъ еще ни въ чемъ не замѣчалось, чтобы молодчина проявлялъ особую любовь къ театру.

Съ рожденіемъ ребенка между супругами возстановились миръ и согласіе. Лежа въ постели, блѣдная и изнуренная, Бланшъ слабымъ пожатіемъ руки и благодарнымъ взглядомъ попросила у мужа прощенія за всѣ причиненныя ему неприємности, и въ эту счастливую минуту, конечно, все

было прощено и забыто. Бланшъ не подурнѣла, а наоборотъ похорошѣла послѣ родовъ, и когда она встала и увидѣла, что талія ея не расширилась, и лифъ не требуютъ передѣлки, то душевное равновѣсіе ея вполне возстановилось.

Черезъ мѣсяцъ были назначены крестины. Мезанжъ попросила Шери Шеронъ изъ «Софого» быть крестной матерью, и та очень любезно согласилась, не смотря на то, что ея поступокъ могъ навлечь на нее гнѣвъ директоровъ Маріюля и Лангле! Но ей до нихъ не было никакого дѣла, такъ какъ она занимала прочное и самостоятельное положеніе.

Крестнымъ отцомъ былъ, конечно, Лурбильонъ. Онъ не задумался бы послать своихъ секундантовъ всякому, кто осмѣлился бы претендовать на эту роль.

Главное было устроено; оставалось только назначить день, закупить драже и разослать приглашенія. Мезанжъ приняла на себя эти хлопоты. Рѣшено было совершить церемонію въ церкви St. Laurent, чтобы тотъ же священникъ, который благословилъ ихъ бракъ, совершилъ бы и обрядъ крещенія надъ ребенкомъ. Лурбильонъ, носившій, по его словамъ, «вмѣстѣ съ герцогомъ Шартрскимъ», имя Роберта, потребовалъ, чтобы мальчика назвали тѣмъ же именемъ. Крестины были назначены на 2-е февраля.

Въ этотъ день Мезанжъ и Фернанду пришлось испытать одно очень непріятное разочарованіе. Они пригласили на крестины, также какъ и за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на свадьбу, всѣхъ своихъ друзей, товарищей и знакомыхъ. Но въ этотъ разъ большая часть приглашенныхъ не явилась, подъ предлогомъ репетицій, болѣзни и т. п. Очевидно, ими пренебрегали. Бланшъ даже расплакалась отъ негодованія и досады; такъ что въ концѣ концовъ въ церковь отправились только родители, крестные отецъ и мать и кормилица съ ребенкомъ.

— Куда же мы дѣнемъ драже?—созвдохомъ спрашивала Мезанжъ.

Шери Шеронъ разсмѣялась:

— Сами съѣдимъ въ самомъ лучшемъ видѣ.

Выходя изъ церкви, Фернандъ невольно сравнивалъ этотъ день съ днемъ своей свадьбы. Тогда сіяло веселое апрѣльское солнце, деревья распускались; онъ былъ богатъ, знаменитъ и любимъ всѣми. Теперь же сѣрыя тучи покрывали небо, было холодно, самъ онъ безъ дѣла, всѣми забытъ съ перспективой бѣдности въ ближайшемъ будущемъ. И такая полная метаморфоза совершилась всего въ какіе-нибудь одиннадцать мѣсяцевъ!

Возвратясь домой, онъ далъ волю своему раздраженію.

— Я знаю, — говорилъ онъ опечаленному Лурбильону, — я знаю, чѣмъ бы я могъ заставить ихъ ползать у моихъ ногъ, какъ псовъ, надъ которыми хозяинъ держитъ кнутъ. Если бъ я былъ директоромъ театра, они, небось, обили бы всѣ мои пороги! Всѣ, слышишь, Лурбильонъ, всѣ до единого пришли бы кланяться у меня ангажемента! Если бъ я могъ только стать директоромъ театра! А въ сущности, почему бы этому не бывать?

— Въ самомъ дѣлѣ, почему бы тебѣ и не быть директоромъ, — согласился Лурбильонъ.

— Да, потому, что у меня нѣтъ для этого необходимаго капитала. У меня осталось всего какихъ-нибудь двадцать тысячъ франковъ. Если бъ я могъ найти капиталиста, который могъ бы ссудить извѣстную сумму, о, тогда другой разговоръ!

— Это можно устроить.

— Нѣтъ ужъ, избавь, я хлопотать не буду; мнѣ всѣ эти господа надоели до смерти.

Лурбильонъ промолчалъ. Двѣ недѣли спустя, Фернандъ вошелъ въ дѣтскую и засталъ жену въ оживленной бесѣдѣ съ Шери Шеронъ.

Послѣдняя, здороваясь съ нимъ, сказала вдругъ:

— Правда ли, что говорилъ мнѣ Лурбильонъ. Вы хотѣли бы имѣть собственный театръ?

— Лурбильонъ—фантазеръ!—отвѣтилъ, смѣясь, Фернандъ. Дайте мнѣ денегъ, я, конечно, завтра же открою театръ!

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ дѣло стало? Заказывайте декорации...

— Я васъ не понимаю...

— Говорю вамъ, открывайте завтра театръ—деньги на это найдены.

— Ха-ха-ха! Вотъ это недурно!

— Даже очень недурно!

— Вы это серьезно?—спросилъ Фернандъ,—или только шутите?

— Конечно, серьезно.

— Вы нашли мнѣ товарища съ капиталомъ?

— Нашла... И даже мнѣ нечего было долго искать. Онъ самъ былъ у меня.

— Итакъ, это...

— Онъ самый!—звонко разсмѣялась Шери.

Ни для кого не составляло секрета, что Шери Шеронъ уже нѣсколько лѣтъ жила съ очень богатымъ фабрикантомъ, Оскаромъ Гриндо. Онъ искренно привязался къ своей красивой и эффектной любовницѣ, не жалѣлъ на нее денегъ и поставилъ ей *train de maison* на очень широкую ногу, такъ какъ у нея же онъ давалъ и свои дѣловые обѣды. Это прочное и определенное положеніе и позволяло Шери Шеронъ неособенно церемониться съ Мариолемъ и m-me Лангле.

— Вотъ какъ было дѣло,—разсказывала Шери. Я сказала Оскару: «Мнѣ надоѣло надрывать себѣ горло на чужихъ сценахъ, и я бы хотѣла пѣть въ театрѣ, гдѣ я была бы хозяйкой. Къ этому представляется теперь случай». Хотя Оскаръ давно уже ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ, но все-таки онъ попросилъ разъясненія. Я и рассказала ему, что у меня есть одинъ товарищъ, по имени Фернандъ (онъ, впрочемъ, васъ слышалъ, и вы ему очень нравитесь), который желалъ бы стать во главѣ какого-нибудь театра, что онъ хочетъ помѣстить въ это дѣло весь свой собственный капиталъ, но что этого еще мало, и что мнѣ было бы очень пріятно добавить нуж-

ную сумму (изъ денегъ Оскара, конечно); что такимъ образомъ я была бы совладѣлицей предпріятія и членомъ дирекціи. Само собой разумѣется, что послѣднее только номинально, для отвода глазъ, потому что то, что Оскаръ для меня сдѣлаетъ, онъ не подумалъ бы сдѣлать для васъ. Вы, конечно, будете полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ. Если дѣло пойдетъ хорошо—тѣмъ лучше, если оно пойдетъ худо—тѣмъ хуже. Деньги все равно не мои. Только вы должны меня очень рекламировать и сдѣлать первымъ сюжетомъ труппы, а то Оскаръ можетъ догадаться.

Она закружилась по комнатѣ, поцѣловала Мезанжъ и, уходя, сказала Фернанду:

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ, вы завтракаете у меня съ Оскаромъ. До свиданія, до завтра!

Шери Шеронъ жила недалеко отъ парка Монсо въ великолѣпномъ трехъ-этажномъ отелѣ. Когда Фернандъ позвонилъ, то дверь ему открылъ лакей въ чулкахъ и короткихъ брюкахъ и молча провелъ посѣтителя въ гостиную.

Гостиная была раздѣлена чѣмъ-то въ родѣ мавританскаго портика на двѣ неровныя части; меблировка ея была очень смѣшанная, но каждая вещь была настоящимъ *chef d'oeuvre* своего особаго стиля, такъ что вся комната представляла изъ себя маленький музей.

Шери Шеронъ вошла почти тотчасъ же въ красномъ атласномъ пеньюарѣ съ черными кружевами, въ сопровожденіи весьма корректнаго господина въ сюртукѣ. Фернандъ былъ тотчасъ же представленъ ему.

— Представляю тебѣ Фернанда, моего товарища изъ «Colorado», о которомъ я тебѣ говорила.

Затѣмъ, обращаясь къ Фернанду:

— Г. Оскаръ Гриндо.

Гриндо протянулъ руку Фернанду и любезно сказалъ:

— Очень радъ съ вами познакомиться; кажется, я единственный человѣкъ въ Парижѣ, который не былъ еще знакомъ съ вами, но я все-таки

васъ давно знаю и цѣню очень высоко.

Оскарю Гриндо было на видъ около пятидесяти лѣтъ; это былъ толстый господинъ съ довольно вульгарнымъ лицомъ и черными волосами и глазами, пронизательное выраженіе которыхъ нѣсколько смягчалось добродушной улыбкой пріятнаго, но чувственного рта. Повидимому, онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, умѣющаго тратить деньги широко, но не выходя изъ своего бюджета.

— Мы поговоримъ лучше за завтракомъ,—продолжалъ онъ. Можно сидѣться, Шери?

— Пойдемъ, завтракъ поданъ!

Гриндо предложилъ свою руку хозяйкѣ, и Фернандъ вслѣдъ за ними прошелъ въ столовую.

У буфета стоялъ безупречный метръ д'отель. Фернандъ, хотя и старался показать, что онъ привыкъ ко всякой роскоши и что его ничѣмъ не удивишь, былъ пораженъ. И у него бывали лакеи, но такого метръ д'отеля онъ еще не видывалъ. Шери Шеронъ ни въ чемъ себѣ, очевидно, не отказывала.

Разговоръ вначалѣ былъ самый банальный. Наконецъ, Гриндо перешелъ къ дѣлу.

— Я отдаю сто тысячъ франковъ въ распоряженіе m-lle Шери Шеронъ,—обратился онъ къ Фернанду—она желаетъ вступить съ вами въ товарищество. Какъ великъ вашъ собственный капиталъ?

— Двадцать тысячъ франковъ,—отвѣтилъ Фернандъ,—сконфуженный скромностью названной суммы.

Но Гриндо невозмутимо продолжалъ:

— Вы вкладываете въ предприятие, кромѣ капитала, вашъ талантъ, вашъ опытъ, ваше артистическое имя и тотъ громадный трудъ, котораго требуетъ управленіе большимъ театромъ.

— Конечно, я положу всѣ свои силы въ это дѣло.

— Вотъ и прекрасно! Завтра я пришло къ вамъ своего нотаріуса, съ которымъ вы обсудите всѣ второстепенные вопросы и уставъ товарище-

ства, которое вы основываете. А теперь довольно о дѣлахъ. Позвольте налить вамъ такайскаго. Я не позволяю людямъ до него касаться и всегда самъ его наливаю.

XXIV.

«Въ будущую субботу, 26-го сентября, открывается «Новый театръ», въ заново отдѣланномъ, кокетливомъ помѣщеніи на Faubourg Poissonnière; программа объявлена самая блестящая и разнообразная. Труппа, во главѣ которой находится директоръ театра, извѣстный пѣвецъ Фернандъ, состоитъ изъ лучшихъ силъ Парижа. Мы увѣрены, что «Новый театръ» будетъ любимымъ кафе-концертомъ всего веселящагося Парижа».

Эта тенденціозная замѣтка, появившаяся одновременно во всѣхъ газетахъ, была написана самимъ Фернандомъ, который съ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ ее во всѣхъ попадавшихъ ему подъ руку нумерахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ, пять мѣсяцевъ тому назадъ, онъ получилъ отъ Шери Шеронъ деньги, онъ работалъ не покладая рукъ надъ созиданіемъ своего театра, и эти нѣсколько довольно банальныхъ строкъ казались ему той горой, съ вершины которой Моисей смотрѣлъ на обѣтованную землю.

Наконецъ-то приближался великій день! Сколько потребовалось заботъ, хлопотъ и труда!

Оказалось, что труднѣе всего было нанять помѣщеніе. Надо было, чтобы мѣсто было центральное, улица модная и чтобы домъ былъ достаточно на виду. Ему пришло въ голову, что помѣщеніе бывшаго «Альказара» вполне отвѣчало даннымъ условіямъ. Съ нѣкоторыхъ поръ оно пустовало, и вѣроятно, его не трудно будетъ привести въ надлежащій видъ.

Цѣна, которую потребовалъ отъ него владѣлецъ дома, сначала ужаснула Фернанда. Шестьдесятъ пять тысячъ франковъ въ годъ—вѣдь это болѣе половины всего капитала! Но онъ рассудилъ, что будетъ платить

не сразу, а по четвертямъ года, и согласился на эти условия, тѣмъ болѣе, что хозяинъ уступилъ ему пять тысячъ франковъ, и они сошлись на шестидесяти тысячахъ.

Тотчасъ же было приступлено къ ремонту. Фернандъ желалъ, чтобы театръ былъ готовъ къ началу сезона. Штукатуры, плотники, столяры, обойщики работали день и ночь, такъ что въ срединѣ іюля новый директоръ уже сидѣлъ передъ своимъ директорскимъ столомъ, на директорскомъ креслѣ и въ директорскомъ кабинетѣ.

Бѣдный Фернандъ! Въ первый же день, который онъ провелъ въ этомъ святилищѣ, онъ ясно отдалъ себѣ отчетъ во всемъ своемъ величии и жестомъ, достойнымъ Цезаря, нажималъ кнопку электрическаго звонка, чтобы позвать курьера. Радостное сознаніе, что онъ снова играетъ роль и представляетъ собой извѣстную величину, было такъ велико, что онъ забылъ, что прежде онъ жаждалъ обладать директорской властью лишь для того, чтобы унизить и отомстить всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, отвернувшимся отъ него въ несчастіи.

Отнынѣ они всѣ могли приходить къ нему, когда имъ угодно, и онъ, довольный случаемъ показаться во всемъ своемъ величии, приметъ ихъ всѣхъ съ распростертыми объятіями. Они съ своей стороны не преминули такъ именно и поступить, и толпой начали обивать порогъ его директорскаго кабинета. Если бы Фернандъ еще жаждалъ насладиться униженіемъ своихъ товарищей, онъ былъ бы вполне удовлетворенъ.

— Знаешь, голубчикъ, ты не сердись на меня за то, что я не былъ на крестинахъ твоего мальчика. Я былъ совершенно боленъ и не выходилъ.

— Ты вѣдь знаешь этого подлеца Маріоля. Вѣдь ему ничего не стоитъ влѣпить 20 франковъ штрафа за пропущенную репетицію, а такъ какъ тетка Лангле не больно щедра на жалованье, то 20-ю франками меньше это довольно значительная брешь въ бюджетѣ.

— Да, конечно,—ну что объ этомъ говорить,—соглашался Фернандъ.

Дамы пускали въ ходъ другую тактику. Онѣ съ кокетливыми ужимками спрашивали его:

— Дайте мнѣ вашъ адресъ, Фернандъ. Мнѣ такъ хочется послать игрушку вашему ангелочку; его зовутъ вѣдь Робертомъ—не правда ли?

— Я приду непременно познакомиться съ вашимъ херувимчикомъ. А что Мезанжъ? Я надѣюсь, что она не совѣмъ меня забыла.

Однимъ словомъ, любезностямъ этихъ господъ не было конца.

Распространился слухъ, что новый театръ открывается на огромный капиталъ. Поговаривали даже о цѣломъ милліонѣ. Лурбильонъ, какъ всегда проводившій дни и ночи во всевозможныхъ кафе, не мало способствовалъ распространенію этой легенды. Когда его спрашивали, стараясь узнать правду, онъ невозмутимо отвѣчалъ, затягиваясь папиромъ:

— Точной цифры я не знаю; я видѣлъ ее мелькомъ на условіи, когда Фернандъ подписывалъ его у нотариуса, но я не успѣлъ ее разобрать; помню только, что что-то много было нулей!

Такимъ образомъ весь театральный міръ волновался и чувствовалъ, что въ новомъ театрѣ можно будетъ сдѣлать карьеру.

Какимъ бы олимпійцемъ ни держалъ себя Фернандъ, онъ все-таки былъ только слабый человѣкъ. Онъ не сумѣлъ устоять противъ натиска всѣхъ посредственностей, требовавшихъ отъ него ангажемента, и принялъ многихъ изъ нихъ въ свою труппу. Кромѣ того, журналисты навязали ему своихъ возлюбленныхъ, которыя большей частью ничего не стоили, какъ пѣвицы, и онъ, желая сдѣлать имъ удовольствіе, и надѣясь на взаимную услугу отъ нихъ въ видѣ рекламы, прибавилъ еще и этотъ балластъ къ своей труппѣ, значительноотягощавшій его бюджетъ, такъ какъ требованія этихъ дамъ совѣмъ не соотвѣтствовали ихъ артистическимъ достоинствамъ.

Но хуже всего то, что Шери Шеронъ, общавшая ни во что не вѣшпиваться, приняла самое живое и дееспотическое участіе въ вопросѣ объ ангажементѣ женщинъ. Фернандъ, желая поднять очень посредственный уровень артистическихъ силъ своего театра, вступилъ въ переговоры съ дивой «Cologado» — Анной Бито; та осталась очень довольна выгодными условіями, предложенными ей Фернандомъ, и очень не прочь была насолить м-ме Лангле, которая ужъ нѣсколько лѣтъ эксплуатировала ее немилосердно, все обѣщая прибавку жалованья; въ виду всего этого, переходъ ея въ «Новый театръ» былъ почти рѣшенъ. Но когда объ этомъ узнала Шери Шеронъ, она энергично и рѣшительно запротестовала.

— Если эта женщина будетъ здѣсь, я сейчасъ же уйду, — а я сомнѣваюсь, чтобы она могла вамъ оказать тѣ же услуги, какія я вамъ оказываю.

Напрасно несчастный директоръ объяснялъ ей, что ему необходимо имѣть въ труппѣ нѣсколько хорошихъ сюжетовъ. Шери Шеронъ возразила:

— А я на что? — и любезно, но не совсѣмъ убѣжденно прибавила:

— А вы?

Въ дѣйствительности она страшно боялась конкуренціи, такъ что въ концѣ концовъ Анна Бито осталась въ «Cologado».

Другой египетской казнью, отъ которой Фернандъ не сумѣлъ уберечь себя, были ежедневныя просьбы артистовъ о выдачѣ имъ авансовъ, необходимыхъ будто бы на сооруженіе новыхъ костюмовъ, на уплату кое-какихъ долговъ и т. п.

— Понимаешь, голубчикъ, если бы ты былъ такая же дрянъ, какъ всѣ директора, никто у тебя ничего и не спрашивалъ бы. Но ты милый человекъ и богатъ, какъ Крезъ...

Фернандъ размятчался обыкновенно отъ такихъ словъ просителя и не могъ ему ни въ чемъ отказать. Мало-помалу въ его кассѣ голубые кредитные билетки замѣнялись бѣлыми росписками, которыя изображали довольно крупныя суммы, но не замѣняли ихъ собою.

Наконецъ, такъ или иначе, приближался день открытія. Шли репетиціи. Лурбильонъ былъ назначенъ режиссеромъ и жаловался на то, что ему приходится вдалбливать все этимъ дуракамъ, называющимъ себя артистами и не умѣющимъ даже ходить по сценѣ.

Фернандъ отправился съ визитами къ журналистамъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ взаимныхъ услугъ за принятіе въ труппу ихъ любовницъ, и просилъ ихъ порекламирровать его въ газетахъ.

Но тѣ холодно отвѣтили:

— Мы были бы очень рады вамъ услужить, но, къ сожалѣнію, наша газета помѣщаетъ лишь рекламу тѣхъ театровъ, съ которыми заключено условіе. Поговорите съ редакторомъ. Можетъ быть, онъ что-нибудь придумаетъ.

Это турнѣ по редакціямъ опустошило значительно кассу Фернанда и заставило его окончательно утратить всѣ его юношескія иллюзіи о безкорыстіи людей. Зато, пресса единогласно и дружно объявила въ очень лестныхъ выраженіяхъ объ открытіи «Новаго театра». Но каждая газета прислала въ театръ своего корреспондента, требуя для него даровое кресло; когда кассиръ отказывалъ, то самый мелкій репортершишка приходилъ къ Фернанду на квартиру и дерзко требовалъ отъ него билета, угрожая въ противномъ случаѣ скандаломъ.

— Никогда эти негодяи не приходятъ, когда мало публики, а именно тогда, когда каждое платное мѣсто драгоцѣнно! — ворчала кассирша.

Иногда въ тѣхъ же газетахъ, которыя помѣщали дорого стоящую рекламу, на первой страницѣ являлась длинная статья, до основанія разрушающая зданіе, которое Фернандъ съ такимъ стараніемъ сооружалъ на четвертой. И главное, ничѣмъ нельзя было оградить себя отъ подобныхъ выходовъ.

Фернандъ съ ужасомъ рассчитывалъ, что ему приходится раздавать каждый вечеръ даровыхъ мѣстъ по крайней мѣрѣ на 200 франковъ, а вѣдь двѣсти

франковъ составляютъ шесть тысячъ въ мѣсяцъ и шестьдесятъ тысячъ въ годъ.

Все это было крайне возмутительно. Онъ справился въ другихъ театрахъ, не подвергаются ли они также такой эксплоатации, и оказалось, что всюду происходило то же самое; онъ не могъ надивиться тѣмъ исторіямъ, которыя ему рассказывали при этомъ про нѣкоторыхъ редакторовъ.

Однако, дѣлать было нечего, — борьба съ ними была невозможна.

Первый мѣсяцъ все шло прекрасно.

Хотя ни артисты, ни программа представленія не представляли собою ничего необыкновеннаго, все-таки «Новый театръ» былъ не хуже другихъ. Имя Фернанда также вліяло на сборъ, хотя и не наполняло до верху залу, какъ это бывало прежде. Публику просто занимало побывать въ новомъ кафе-концертѣ.

Въ продолженіе сезона никакое яркое событіе не ознаменовало его жизни. Сборъ бывалъ всегда средній. Не было ни очень полной, ни очень пустой залы. Вторая четверть платы за наемъ театра была аккуратно заплачена владѣльцу. Въ концѣ сезона оказалось, однако, что были сведены только концы съ концами.

Мезанжъ, Фернандъ и маленькій Робертъ провели это лѣто на берегу моря.

XXV.

Наступило начало второго сезона.

Однажды, когда Фернандъ пришелъ въ правленіе, ему подали карточку, на которой стояло: «Мадамъ Бонарьенъ, Брюссель». Мадамъ Бонарьенъ? Не мать ли это, или не жена ли извѣстнаго брюссельскаго журналиста, котораго всѣ боялись какъ огня за его рѣзкіе критическіе отзывы? Фернандъ принялъ m-me Бонарьенъ, оказавшуюся матерью журналиста, самымъ любезнымъ образомъ изъ уваженія къ заслугамъ ея сына. У нея была очень симпатичная наружность, умное и тонкое лицо, красивый ротъ съ прекрасно сохранившимися зубами; вообще отъ всей ея особы вѣяло ка-

кой-то тщательной и нарядной аккуратностью, сильно подкупающей въ ея пользу.

— Вы можете оказать мнѣ большую услугу, г. Фернандъ, — начала она, — я знаю, что вы добры и умны и поэтому поймете меня.

— Я васъ слушаю.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — продолжала она. Мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ, хотя я и кажусь моложе. До семидесяти лѣтъ я работала, не покладая рукъ, день и ночь, чтобы содержать себя и сына. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я овдовѣла; я осталась вдовой двадцати трехъ лѣтъ, съ ребенкомъ на рукахъ; я была богата и разорилась. Однимъ словомъ, вся моя жизнь — это долгая и тяжелая борьба за существованіе меня самой и моего сына. Я работала цѣлыя ночи напролетъ, чтобы заплатить за его ученіе. Я ему доставляла всевозможныя занятія, ставила его на разныя дороги, и всюду онъ потерпѣлъ неудачу. Онъ пробовалъ писать для театра, никто не принималъ ни одной его пьесы! Онъ написалъ тысячи страницъ романовъ, и ни одинъ издатель не нашелъ возможнымъ помѣстить его произведенія. Онъ пробовалъ учиться музыкѣ и бросилъ, потому что оказалось, что ничего не понимаетъ въ ней.

Наконецъ, нѣсколько разъ друзья помѣщали его къ богатымъ негоціантамъ, принимавшимъ его изъ уваженія ко мнѣ, но два мѣсяца спустя, мнѣ отсылали его назадъ, говоря, что они нашли его рѣшительно ни къ чему неспособнымъ. А я, между тѣмъ, все работала и работала... Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, въ 52 года, ему пришла мысль заняться журналистикой. Я уже къ тому времени такъ устала, такъ была стара, что ужъ не интересовалась болѣе его занятіями, напередъ зная, что они окончатся неудачей. Однажды онъ былъ на оперномъ спектаклѣ и вернулся изъ театра совсѣмъ очарованный. Какой-то дерижеръ изъ Мюнхена провелъ оперу Вагнера съ такимъ талантомъ, что весь театръ пришелъ въ восторгъ. Мой сынъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого исполненія

написалъ шесть страницъ самыхъ восторженныхъ похвалъ музыканту и понесъ свою рукопись въ редакцію самой распространенной газеты, увѣренный въ томъ, что его статья будетъ принята, такъ какъ онъ за нее ничего не просилъ. Редакторъ его вызвалъ къ себѣ и сказалъ ему слѣдующее:

— Милостивый государь, вы мнѣ принесли вашу рукопись, которая написана недурно. Но если бы вы знали, какъ легко восторгаться настоящимъ талантомъ и писать о немъ. Подобныя писанія, конечно, производятъ извѣстное впечатлѣніе на публику, но не потрясаютъ ее, и во всякомъ случаѣ не придають оригинальности и не выдѣляютъ изъ общей массы ни газету, которая ихъ помѣщаетъ, ни ихъ автора.

— Что же нужно, по вашему мнѣнію, чтобы выдѣлиться изъ общаго уровня?—спросилъ мой сынъ.

— Надо создать себѣ особую «спеціальность», — отвѣтилъ редакторъ. Прежде всего надо умѣть быть смѣлымъ, и въ этомъ весь секретъ. Напримѣръ, вамъ страшно нравится талантъ г. Х, а вы раскритикуйте его въ лоскъ, уничтожьте его такъ же искренно, какъ вы его возвеличили, разгромите его въ вашей статьѣ, надѣвайтесь надъ нимъ. Въ этомъ публика непременно усмотритъ великій умъ... Попробуйте послѣдовать моему совѣту и приходите тогда ко мнѣ.

— Но вѣдь трудно писать наперекоръ своимъ убѣжденіямъ,—возразилъ мой сынъ.

— Это дѣло привычки.

— Однимъ словомъ, съ тѣхъ поръ сынъ мой создалъ себѣ спеціальность. Онъ ругаетъ и критикуетъ всѣхъ и вся. Но онъ дошелъ до того, что теперь не могъ бы написать двухъ словъ правды о комъ-нибудь. Онъ принципиально все критикуетъ—и этимъ зарабатываетъ большія деньги.

— Но,—воскликнулъ Фернандъ,—вашъ сынъ какъ будто не особенно честно поступаетъ!

— Ничуть не бывало,—кратко возразила старушка. Я сохранила все свое вліяніе на него, и я руковожу имъ.

Напримѣръ, я не позволяю ему атаковать тѣхъ, кто пользуется большимъ успѣхомъ, любимцевъ публики. Это ни къ чему не повело бы, и онъ прослылъ бы за дурака. Онъ пишетъ только отѣхъ, звѣзда которыхъ блѣднѣетъ и закатывается, и о тѣхъ, которые борются съ равнодушіемъ публики.

— Однимъ словомъ, вы добываете умирающихъ. Это недурно и свидѣтельствуешь о высокихъ качествахъ вашей души!

— О, пожалуйста не пронизируйте! Мой сынъ попробовалъ всѣ занятія, во всѣхъ онъ потерпѣлъ неудачу, и ни къ чему другому онъ не способенъ. Конечно, это несчастье—имѣть только одинъ талантъ, приносящій вредъ ближнему. Благодарите Бога, что Онъ вамъ даровалъ большой умъ, который позволяетъ вамъ быть добрымъ и любимымъ всѣми; благодарите Его еще болѣе, если Онъ одарилъ васъ нѣсколькими талантами; у моего же сына только одинъ талантъ — быть злымъ. Если бы онъ обладалъ еще другими способностями, онъ, можетъ быть, былъ бы совершенствомъ, теперь же онъ только—лучшій изъ сыновей... Для него-то я и хочу просить васъ оказать мнѣ большую услугу, г. Фернандъ. У васъ столько друзей... Устройте, чтобы его приняли сотрудникомъ въ какую-нибудь парижскую газету. У васъ въ Парижѣ вѣдь нѣтъ такихъ специалистовъ.

— Напротивъ, у насъ ихъ сколько угодно! — воскликнулъ Фернандъ, — только они не пользуются извѣстностью г. Бонарьена. Большею частью, это мало извѣстные писателишки, бродящіе по задворкамъ журналистики, подслушивающіе, шпионажующіе и сплетничающіе, способные только на сочиненіе пошлыхъ, ядовитыхъ статейъ, по большей части анонимныхъ и служащихъ орудіемъ чужой злобы и мести и написанныхъ въ тиши кабинета безъ риска какой бы то ни было ответственности за ихъ подлѣя, а иногда просто глупыя выходки.

— О, вы ошибаетесь!—прервала его m-me Бонарьенъ,—мой сынъ говоритъ дурно про всѣхъ и про все, только по-

тому, что критиковать вообще легче, чѣмъ хвалить, и потому что это ему доставляетъ извѣстность и деньги. Между тѣмъ ваши парижскіе специалисты, очевидно, руководятся только присущею имъ злобой. Они завидуютъ тѣмъ, которые приобрѣли извѣстность, между тѣмъ какъ они сами остались въ тѣни, и въ особенности тѣмъ, кто разбогатѣлъ. Это уже просто низкая зависть!.. Дѣятельность моего сына совершенно иная. Тутъ есть отгѣнокъ, который надо умѣть отличать... При томъ жизнь не такая ужъ серіозная вещь, чтобы нужно было особенно разбираться въ томъ злѣ, которое причиняешь своими поступками.

Съ этими далеко не христіанскими словами, она вручила Фернанду спенарій «современной и сатирической» фееріи.

— Если вы не хотите доставить моему сыну сотрудничество въ какой-нибудь газетѣ,—сказала она,—то не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ этой рукописью и поставить на сцену: «*Les trois cheveux de Cadet Rousselle*», если вы найдете эту пьесу подходящей для вашего театра?

— Недобросовѣстность и нахальство теперь въ большомъ ходу,—сказалъ, смѣясь, Фернандъ,—и я увѣренъ, что г. Бонарьенъ отлично отдѣлалъ своихъ современниковъ; я прочту его сатирическую феерію и сообщу вамъ свой отвѣтъ.

Старушка поклонилась и вышла такъ же неспѣшно и спокойно, какъ и вошла.

Фернандъ прочелъ рукопись, и его охватила неопишуемая радость. Старушка принесла ему то, чего онъ такъ давно жаждалъ! Эта пьеса выдержитъ свободно сто представленій и будетъ дѣлать ежедневно полный сборъ. Вотъ это называется удачей!

XXVI.

Сезонъ начался очень благопріятно. Небольшое «обозрѣніе» какого-то молодого автора, которое Фернандъ принялъ и поставилъ съ нѣкоторой тревогой въ сердцѣ, имѣло большой успѣхъ

въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Весь Парижъ сбѣгался его посмотреть. Затѣмъ также неожиданно пьеса перестала нравиться, и нѣсколько вечеровъ къ ряду артисты исполняли ее передъ пустой залой.

Но Фернанда это не тревожило. Онъ возлагалъ огромныя надежды на новую феерію Бонарьена, въ которой онъ самъ игралъ роль обманутаго любовника, казавшуюся ему великолѣпной.

Для постановки этой фееріи дирекція не останавливалась ни передъ какими затратами. Были заказаны великолѣпные костюмы и декораціи. Расходы были громадныя, и Фернандъ сознавалъ, что если «*Les trois cheveux de Cadet Rousselle*» провалятся, то ему остается только запереть лавочку. Но, объявляя онъ всѣмъ и каждому, пьеса не могла не имѣть самаго шумнаго успѣха.

Тѣмъ не менѣе, она провалилась безповоротно. Фернандъ считалъ эту феерію-буфъ верхомъ остроумія и веселаго задора, но зрители съ самаго начала неужержимо вѣвали, и еще до окончанія перваго акта третья часть публики ушла. Актъ было три, и ради нихъ было упразднено концертное отдѣленіе. Когда занавѣсъ спустился послѣ втораго акта, въ залѣ раздался голоса:

— Нельзя ли обойтись безъ третьяго акта?

Фернанду сдѣлалось ясно, что для его театра настала критическая минута. Газеты, обыкновенно столь скупыя на похвалы, на нѣсколькихъ столбцахъ разбранили въ пухъ и прахъ новую феерію: «этотъ литературный грѣхъ ограниченнаго человѣка», какъ онъ ее называли.

Въ томъ же номерѣ, гдѣ такъ безжалостно разрушалась репутація «Новаго театра», была помѣщена замѣтка, извѣщавшая, что пѣвица Жилеттъ Норберъ, которая была при смерти больна, понемногу поправляется, и что ее видѣли уже въ Bois de Boulogne. Слѣдовали затѣмъ по адресу Жилеттъ пожеланія скорѣйшаго выздоровленія и появленія ея на сценѣ.

— Что, если бы я попросилъ ее пѣть у меня,—подумалъ Фернандъ. Можетъ быть, она спасетъ меня.

Фернандъ тутъ же написалъ Жилеттѣ письмо, прося ее принять его на слѣдующій день. Это была послѣдняя соломинка, за которую онъ хватался.

Жилеттѣ Норберъ получила письмо Фернанда въ одиннадцать часовъ утра на слѣдующій день.

— Если докторъ позволитъ,—сказала она сидѣлкѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ не отходившей отъ нея ни днемъ, ни ночью,—я встану сегодня на два часа. Пока приодѣньте меня, я жду къ себѣ сегодня одного товарища.

Сидѣлка занялась ея туалетомъ; тѣмъ временемъ пришелъ докторъ и позволилъ ей встать до обѣда. Жилеттѣ обрадовалась, какъ ребенокъ: «Черезъ двѣ недѣли я вамъ протанцую гавотъ»,—объявила она доктору.

— А пока, возьмите ваши костыли и пройдите по комнатамъ...

Задыхаясь и обливаясь потомъ, она сѣла въ кресло, положивъ рядомъ съ собой костыли. Лицо ея исхудало и было величиною съ кулачекъ, но свѣтилось радостной надеждой. «Дайте мнѣ гребенку»,—попросила она сидѣлку; та придвинула къ ней столъ, загроможденный щетками, шпильками и ручными зеркалами, и Жилеттѣ, въ первый разъ за нѣсколько мѣсяцевъ, постаралась причесаться къ лицу. Когда она расчесывала волосы, ей попались два сѣдыхъ волоса. «Уже!»—вздохнула она, вырывая ихъ; она принялась перебирать въ памяти всѣ фазисы, которые испытали ея волосы, столько разъ мѣнявшіе свой цвѣтъ въ зависимости отъ обстоятельствъ ея разнообразной жизни.

Когда она была подросткомъ, волосы ея были темно-русого цвѣта, жиденькіе, короткіе; смѣшная косичка болталась на затылкѣ, не достигая даже половины спины. Чтобы создать себѣ иллюзію длинной косы, она вплетала въ нее фальшивые волосы своей матери и привязывала къ ней

длинную ленту... Затѣмъ ей вспомнились ея волосы въ трудное время, когда она приглаживала ихъ кое-какъ, наскоро, чтобы не терять драгоценнаго времени для бѣготни съ картонками по парижскимъ улицамъ. Въ это время она еще была то, что называется «благоразумной дѣвушкой». Она причесывалась совершенно гладко, безъ малѣйшей завивки или чолки, и ея плоскіе волосы ложились рамкой вокругъ невиннаго, анемичнаго личика, единственную красоту котораго составляли большіе, умные глазенки и тонко очерченный ротъ съ крѣпкими и здоровыми зубками.

Скромную прическу того времени покрывала потрепанная грошова шляпка, и по вечерамъ голова ея успокаивалась на жесткихъ подушкахъ. Она выросла и выровнялась въ высокую и стройную дѣвицу. Ея волосы въ это время были не такъ уже тщательно приглажены и больше блестѣли, но все-таки прическа ея была очень скромная. Она сама держала себя такъ прилично и строго, что походила на чопорную англійскую миссъ; все же она болѣе занималась своими волосами, мыла ихъ особеннымъ растворомъ и смачивала о-де-колономъ.

Вслѣдъ за этимъ наступило хорошее время. Она опредѣлилась *essayeuse*—ой въ большой модный магазинъ. Главная приказчица имѣла прелестные волосы съ краснымъ отливомъ, которые приводили въ восторгъ Жилеттѣ, и она не мало приложила старанія, чтобы и ея волосы приняли такой же красивый блескъ. Какъ ей было памятно это время! Она копила деньги, чтобы купить себѣ приличное платье; придя въ магазинъ она мѣняла его на черное атласное, которое дѣвицы-манекены получали отъ хозяевъ и обязаны были носить въ магазинѣ. Хозяева были безсердечные и холодные люди, думавшіе только о наживѣ; она помнитъ, какъ однажды, въ іюлѣ мѣсяцѣ, она въ продолженіе двухъ часовъ показывала на своей граціозной фигуркѣ мѣховую шубу какому-то американскому комиссіонеру, прѣхав-

шему закупать модели, и въ концѣ концовъ, изнемогая отъ жары и усталости, упала на полъ безъ чувствъ.

Она тогда уже поддвигала себѣ волосы на затылкѣ и пудрила лицо. Приказчики за ней ухаживали, и она весело смѣялась съ ними, держала себя свободне, не жеманясь, но и не допуская никакихъ вольностей.

Вскорѣ умеръ ея отецъ, ея здоровье расшаталось, она устала и не въ состояніи была стоять цѣлый день на ногахъ; въ концѣ концовъ она бросила свой магазинъ и принялась искать другое занятіе.

Не попробовать ли театра? И она занялась приведеніемъ своихъ волосъ въ такой видъ, который соотвѣтствовалъ этому новому занятію. Припомощи разныхъ косметическихъ средствъ темно-русые волосы ея приняли золотистый, бѣлокурый цвѣтъ. Онъ уже ничѣмъ не напоминалъ теперь англійскую миссъ. Наступилъ періодъ полный надеждъ и разочарованій, и благо-разумная головка ея закружилась.

Завитая и причесанная по модѣ, она ужъ потеряла свое прежнее, немного грустное выраженіе лица, а пудра и накрашенные губки придаютъ ей болѣе жизни и дѣланнаго веселья. Въ движеніяхъ она сдѣлалась граціознѣе и кокетливѣе, но ея волосы теряли все болѣе и болѣе свой натуральный цвѣтъ, и все болѣе и болѣе рѣдѣли, а сердце изнемогло въ борьбѣ съ суровой жизнью. Сколько она выстрадала, сколько она выплакала въ періодъ этихъ «желтыхъ волосъ»! Въ этотъ же періодъ она приняла непоколебимое намѣреніе въ теченіе двухъ лѣтъ выйти въ люди и достичь благосостоянія. Она работаетъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ; ея настойчивость удивляла и даже трогала ея товарищей. Когда счастье улыбнулось ей, ея энергія удвоилась; мало-по-малу волосы ея становятся изъ бѣлокурыхъ ярко-красными, торжествующими. Какъ далеко то время, когда они рѣдкими прядями плотно облегли ея головку! Шелковистые, блестящіе и пышные, искусно причесанные, они украшаютъ ея маленькую головку и придаютъ ей

особенную, ей одной свойственную оригинальность. Этими рыжими волосами отмѣчается періодъ ея успѣха, славы и богатства; они были какъ бы вывѣской для ея счастья, завоеваннаго трудомъ и терпѣніемъ.

И вдругъ внезапно нагрянула болѣзнь. Проходятъ недѣли, полныя страданій, она лежитъ приговоренная къ смерти; какъ-то однажды она попросила зеркало и увидѣла въ немъ свои прежніе темно-русые и жидкіе волосы!... Они вернулись, напоминая ей ея прежнюю бѣдность! Что это такое? Предостереженіе, или признакъ приближающагося конца?

Она плачетъ и тихо молится и такъ же тихо и медленно возвращается къ жизни. И вотъ теперь, чувствуя свое выздоровленіе, она сѣла въ кресло и стала причесываться передъ зеркаломъ..... При видѣ двухъ сѣдыхъ волосъ она печально задумалась. Что обозначаютъ эти двѣ серебряныя нити? Явились ли онѣ только вслѣдствіе пережитыхъ страданій, или служатъ предвозвѣстниками новой фазы жизни?

Но ея энергія и любовь къ жизни такъ велики, что она отгоняетъ далеко отъ себя эти мрачныя мысли и возбужденно строитъ планы, проекты; у нея является полная увѣренность въ быстромъ выздоровленіи и дальнѣйшемъ счастьи; сіяющая и помолодѣвшая, она подымается съ кресла со словами: «Поживемъ—увидимъ. Я хочу жить и быть счастливой и достигну этого». *Revera donna!*

Въ четыре часа Фернандъ вошелъ въ гостиную Жилеттъ, которая ожидала его лежа на диванѣ.

— Голубчикъ, это не возможно!—были ея первыя слова, которыми она встрѣтила вошедшаго Фернанда. Я никуда не могу. Я только еле начинаю вставать! Вы просите невозможнаго.

— Вы вѣдь выѣзжали уже въ Bois de Boulogne.

— Неправда, это газетная утка! Я едва передвигаю ноги.

Фернандъ вышелъ отъ Жилеттъ въ полномъ отчаяніи. Что теперь дѣлать?

Настойчиво продолжать дѣло было бы сумасшествіемъ или низостью.

Черезъ день всѣ артисты собрались въ кабинетъ директора, и Фернандъ разъяснилъ имъ свое положеніе.

Въ кассѣ оставалось денегъ, сколько нужно было для выплаты имъ жалованья за текущій мѣсяцъ и за слѣдующій въ видѣ неустойки.

Эти добрые люди видѣли, что Фернандъ говоритъ имъ грустную правду, и никто изъ нихъ не протестовалъ. Фернандъ хотѣлъ было приступить къ расплатѣ, когда Шери Шеронъ, до тѣхъ поръ молчавшая, подошла къ нему и тихо сказала:

— Чтѣ съ вами, Фернандъ, вы съ ума сошли! Если вопросъ только въ деньгахъ, то Гриндо васъ выручитъ! За это я вамъ ручаюсь.

Но Фернандъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, моя милая, не надо. Я былъ до сихъ поръ глупцомъ, но во все не желаю сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ. Я уже достаточно стоилъ денегъ и вамъ, и Гриндо. И потомъ у меня руки опустились окончательно, и я чувствую, что больше уже не поднимусь.

На Фернанда жалко было смотреть. Лицо его осунулось, глаза потухли, губы тряслись. Онъ походилъ на утопающаго, который не имѣетъ даже силъ позвать на помощь.

Но Шери Шеронъ была безжалостна. Возбѣшенная, она кричала такъ, что всѣ могли слышать:

— Да вы уже теперь поступаете безчестно! Попробуйте опять придти кланчить у меня денегъ,—вы увидите, какъ вы будете приняты.

И она ушла, хлопнувъ дверью и высокомерно отказавшись отъ слѣдующаго ей вознагражденія.

Двѣ слезы неудержимо покатились по щекамъ Фернанда. Актеры стояли передъ нимъ сконфуженные, не зная, что сказать.

— Пожалуйте за мной,—съ трудомъ проговорилъ Фернандъ, направляясь въ контору.

Послѣ ликвидаціи у него осталось всего-на-всего семьдесятъ два франка и двадцать сантимовъ.

XXVII.

Въ своемъ несчастіи Фернандъ держался на людяхъ съ большимъ достоинствомъ. Въ домашней же обстановкѣ онъ скидывалъ съ себя маску, проклиналъ судьбу и винилъ всѣхъ и вся въ своей неудачѣ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и горько жаловался на свою жизнь. Въ порывѣ раздраженія, онъ произнесъ жестокую и глубоко несправедливую фразу:

— Ахъ, если бы я былъ одинъ!

Бѣдный Фернандъ! Если бы онъ былъ одинъ, паденіе его было бы еще болѣе быстрое и непоправимое. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые кажутся сильными, потому что по своей природѣ они грубы и властны, но на самомъ дѣлѣ малѣйшее препятствіе способно сломить ихъ энергію.

Зато жена его съ сильной и спокойной душой пошла навстрѣчу несчастію. Она, какъ настоящая любящая женщина, рѣшилась мужественно бороться за свое счастье.

Ея счастье заключалось въ мужѣ, безголосомъ неудачникѣ, и въ блѣдномъ и болѣзненномъ ребенкѣ. Ея нравственная сила и энергія только и поддерживали существованіе этихъ двухъ слабыхъ существъ. Она ни передъ чѣмъ не останавливалась: бѣгала по театрамъ, пріискивая ангажементъ своему мужу, выслушивая дерзость и злыя насмѣшки.

Бланшъ заложила всѣ свои драгоценности. Между тѣмъ Фернандъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ «Chartreuse» и рассказывалъ товарищамъ невѣроятныя исторіи, которыя они выслушивали снисходительно только потому, что Фернандъ платилъ за ихъ абсентъ изъ денегъ, съ такимъ трудомъ сколачиваемыхъ его женой. Мало-по-малу бѣлье и платье были отнесены въ ломбардъ. Надвигалась настоящая нищета.

Неожиданно, счастье еще разъ имъ улыбнулось. Имъ, конечно, пришлось перемѣнить квартиру, и они наняли за 500 франковъ очень скромное помещеніе въ улицѣ Château-d'Eau, гла-

вное и единственное достоинство котораго была его дешевизна.

Въ томъ же домѣ помѣщалась небольшая библіотека, которую держала толстая женщина, носившая фамилію Евдокіи Рушу. Это была очень добрая и хорошая женщина. Она была вся какая-то круглая: съ круглой головой, съ круглыми глазами, обширнымъ бюстомъ и необъятной величины кругомъ. Она занималась самыми разнообразными коммерческими предприятиями. Она торговала канцелярскими принадлежностями, отдавала на прокатъ книги, продавала ноты шансонетокъ и съ нѣкоторыхъ поръ даже сама ихъ издавала.

Только въ Парижѣ встрѣчаются подобные типы. М-ше Рушу была вдовой мясника и, обладая, конечно, самыми элементарными понятіями о грамматикѣ и орфографіи, избрала профессію, болѣе всего требующую познаній именно въ этой области.

Она читала все, что ей попадалось подъ руку: философскія, историческія, медицинскія сочиненія, психологическіе романы, сенсационные фельетоны, рассказы о страшныхъ убійствахъ—все интересовало м-ше Рушу, и она по цѣлымъ днямъ сидѣла въ своей библіотекѣ, старательно разбирая почти по складамъ книги самаго разнообразнаго содержанія.

Безспорно, не было во Франціи ни одной женщины, болѣе ея прочитавшей книгъ и менѣе ея ихъ понявшей. Всѣ свѣдѣнія, которыя она почерпала изъ своего чтенія, скользили по ней, какъ вода по ватерпруфу.

Однако, одно чтеніе не заполняло ея жизнь: М-ше Рушу горячо интересовалась лошадинымъ спортомъ. Читая ежедневно въ «Jockey» и «Paris-Sport» отчеты о скачкахъ и бѣгахъ и слѣдя за игрой на тотализаторѣ, она рѣшила испытать и свое счастье и съ тѣхъ поръ аккуратно проигрывала довольно значительныя суммы.

Кромѣ всего этого она издавала музыку.

Вотъ какъ это случилось. Однажды какой-то молодой человекъ влетѣлъ,

какъ ураганъ, въ ея лавочку и объявилъ:

— Милостивая государыня, я сочинилъ настоящій chef-d'oeuvre!

— А-а!

— Вы, кажется, сомнѣваетесь, м-ше Рушу?

— Я? нисколько!—сказала она, вычитавъ передъ этимъ изъ какой-то книги, что мономанамъ отнюдь не слѣдуетъ противорѣчить.

— Вы сомнѣваетесь, потому, что не слыхали моего сочиненія. Я вамъ его съиграю. Онъ увлечетъ ее за собою въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояло старое, разбитое пианино. Это орудіе пытки принадлежало дочери м-ше Рушу, обучавшейся въ консерваторіи.

— Слушайте!

Онъ съ увлеченіемъ съигралъ ей маршъ, который смѣло можно было бы принять за попури изъ сочиненій Вагнера и Верди. М-ше Рушу, неясно припоминая, что она гдѣ-то это слышала, подпѣвала ему въ полголоса.

— Это прелестно и будетъ имѣть громадный успѣхъ,—сказала она наивно, когда музыкантъ, разгромивъ несчастное пианино, скрестилъ на груди свои могучія, но не особенно чистыя руки и вопросительно взглянулъ на нее.

— Я вамъ продамъ эту музыку.

— Но... зачѣмъ же мнѣ; я не издаю музыки,—растерянно попробовала протестовать м-ше Рушу.

— Это ничего не значитъ. Если бы вы были издательницею, я бы къ вамъ не пришелъ, потому что вы бы меня надули самымъ безсовѣстнымъ образомъ и предложили бы мнѣ 50 франковъ за романсъ, который принесъ бы вамъ десять тысячъ франковъ. Мнѣ необходимы сейчасъ двѣсти франковъ, такъ какъ судебный приставъ ждетъ моего возвращенія домой, чтобы описать мое имущество. Милая, прелестная, дорогая м-ше Рушу, вы и меня этимъ спасете, и сами несомнѣнно разбогатеете.

Доброе сердце м-ше Рушу было тронуто, и она не могла устоять про-

тивъ просьбы молодого человѣка, давъ ему займообразно двѣсти франковъ. Черезъ недѣлю извѣстный кафе-шантанный пѣвецъ Паулусъ пѣлъ «le Trómbone sentimentale». Публика неистовствовала отъ восторга; комиссіонеры стали являться къ м-ше Рушу и спрашивать у нея новую шансонетку; тогда она рѣшилась ее издать и нашла на этомъ довольно значительныя деньги. Съ тѣхъ поръ цѣлая армія литераторовъ и музыкантовъ начала осаждать ее, предлагая ей свои произведенія, отвергнутыя всѣми другими издателями; она бралась ихъ издавать, но они не раскупались, такъ что мало-по-малу новое дѣло стало приносить ей одни убытки; но хотя она видѣла, что многіе изъ ея кліентовъ обманывали и эксплуатировали ее, она, тѣмъ не менѣе, не рѣшалась ликвидировать окончательно этого дѣла въ виду того, что ей все-таки удавалось иногда оказать услугу и помочь какому-нибудь талантливому и честному бѣдняку. Таковымъ былъ, между прочимъ, нѣкто Грибуль, недюжинный талантъ котораго, къ несчастью, расцвѣталъ и давалъ плоды только послѣ обильной выпивки. Однажды, нуждаясь дозарѣзу въ деньгахъ, онъ набросалъ въ какомъ-то кабацѣ шесть стихотвореній. Тутъ же случился музыкантъ, пользующійся довольно громкой извѣстностью; онъ сочинилъ къ нимъ музыку и отнесъ всѣ шесть романсовъ къ м-ше Рушу. Та противилась сначала, но потомъ, какъ всегда, разжалобилась и купила романсы за довольно крупную сумму. Ее соблазнило въ особенности имя музыканта. Онъ былъ органистомъ въ одной изъ самыхъ аристократическихъ церквей Парижа. Ея дочь консерваторка вернулась вечеромъ домой и стала разбирать новое приобрѣтеніе, и о ужасъ! Она съиграла шесть разъ подъ рядъ марсельезу! Никто еще никогда такъ нагло не обманулъ м-ше Рушу! И подумать, что съ ней поступило такъ неблагоприятно почти духовное лицо! Съ тѣхъ поръ она стала ярой вольтерьянкой и сторонницей антиклерикализма.

Теперь она рѣшила во что бы то ни стало избавиться отъ своего издательства.

Бланшъ Мезанжъ, которая не могла уже покупать новыхъ нотъ, брала ихъ иногда на прокатъ у м-ше Рушу. Обѣ женщины какъ-то разговорились и рассказали другъ другу свои горести. М-ше Рушу помнила Фернанда еще въ то время, когда его успѣхъ достигъ своего апогея; Мезанжъ нравилась ей своей изящной внѣшностью и бодростью, съ которой она выносила всѣ невзгоды. Инцидентъ съ марсельезой внушилъ ей хорошую мысль: очевидно, ее обманывали, потому что знали ее за невѣжественную и добрую женщину, которая не могла устоять противъ убѣдительныхъ просьбъ и слезъ своихъ кліентовъ; между тѣмъ Фернандъ самъ былъ поэтомъ и музыкантомъ, и ему, конечно, не посмѣютъ подсунуть національный гимнъ вмѣсто новаго музыкальнаго произведенія. Кромѣ того, она этимъ способомъ могла деликатно, не оскорбляя ихъ самолюбія, помочь этимъ милымъ людямъ выбраться на дорогу.

Однажды, когда Фернандъ зашелъ къ ней взять почитать газету, м-ше Рушу вступила съ нимъ въ разговоръ о его планахъ относительно будущаго.

— Мнѣ обѣщали въ скоромъ времени очень выгодный ангажементъ, — солгалъ Фернандъ, краснѣя до ушей.

М-ше Рушу не повѣрила ему. Она знала черезъ Мезанжъ, что они находились въ безысходной нищетѣ.

— Охота вамъ обманывать старуху, — отвѣтила она. Я знаю ваши обстоятельства, обожаю вашего мальченку и хотѣла бы заслужить и вашу симпатію. И тутъ же она предложила ему взять на себя веденіе ея издательскаго дѣла.

— Меня обманываютъ каждый день самымъ безсовѣстнымъ образомъ, я не умѣю отказывать, и скоро они, проклятые писатели и музыканты, меня совсѣмъ разорятъ. Вы же сумѣете, конечно, благодаря вашимъ техническимъ познаніямъ, разбираться въ

предлагаемомъ товарѣ и извлечь барыши изъ тѣхъ немногихъ хорошихъ вещей, которыя находятся у меня въ складѣ. Этимъ вы мнѣ окажете большую услугу, а сами, можетъ быть, выпутаетесь изъ вашего затруднительнаго положенія.

Мысль эта понравилась Фернанду. Его тронула главнымъ образомъ тонкая деликатность, съ которой это предложеніе было ему сдѣлано.

— Откуда же я возьму денегъ?

— Мнѣ денегъ не надо; я не продаю предпріятіе, а дарю его. Если вамъ повезетъ, вы найдете возможность поквитаться со мной.

— Все это прекрасно относительно того, что уже издано, а на какой же капиталъ я буду покупать и издавать новыя вещи?

— Я подумала и объ этомъ. Меня безсовѣстно надули на-дняхъ, зато я выиграла очень большую сумму на скачкахъ. Я навѣрно проиграю эти деньги. Вы очень одолжите меня, если возьмете ихъ и пустите въ оборотъ.

Это все было сказано такъ просто, что Фернандъ не могъ удержаться, чтобы не расцѣловать m-me Рушу.

— Вотъ это — настоящая доброта! вотъ это дѣйствительно добрая женщина! — всхлипывалъ онъ. Однако, если дѣло не пойдетъ? Вѣдь все можетъ быть?

— Тогда мы утѣшимся тѣмъ, что я потеряла бы вдвое столько, покупая марсельезы и тому подобныя новинки. Черезъ недѣлю Фернандъ былъ уже издателемъ.

XXVIII.

Продажа шансонетокъ шла недурно. Хотя она могла бы пойти лучше, если бы Фернандъ могъ самъ сочинить нѣсколько сенсационныхъ романсовъ, какъ въ былое время. Но теперь изъ его попытокъ ничего не выходило.

Онъ изрѣдка пѣвалъ въ артистическихъ салонахъ; ему платили хорошо, но извѣстность его отъ этого не росла. Затѣмъ онъ выступалъ во второстепенныхъ кабачкахъ Монмартра. Въ общемъ дѣла его были въ очень не блестящемъ положеніи.

Бланшъ Мезанжъ утѣшала Фернанда, какъ могла.

Большую часть времени отнимало у него счетоводство. Бывшій «Флорентійскій пѣвецъ» толстѣлъ и превращался въ мелкаго буржуа, единственной мечтой котораго было успѣшное веденіе своихъ дѣлъ.

Ему не удалось издать какую-нибудь очень сенсационную вещь изъ тѣхъ, которыя обогащаютъ издателей въ одинъ годъ, но все-таки онъ съ гордостью могъ констатировать къ концу года, что расходъ съ приходомъ почти сходилъ. Для полной точности баланса не хватало только трехъ тысячъ франковъ, употребленныхъ въ дѣло, но общество «Корка хлѣба», покровительствующее издателямъ и композиторамъ, должно было выдать ему эту сумму въ видѣ ссуды въ началѣ слѣдующаго триместра.

Онъ издалъ 40 романсовъ и рассчитывалъ, что за вычетомъ суммъ, слѣдуемыхъ авторамъ за ихъ права, на его долю выпадетъ не менѣе пяти тысячъ франковъ. Но тутъ его ожидало разочарованіе.

Ему предстояли крупныя платежи; какъ разъ наканунѣ срока общество «Корка хлѣба» извѣстило его, что въ новый уставъ общества включенъ параграфъ, который гласитъ, что каждый новый издатель можетъ быть принятъ въ члены общества только по изданіи имъ пятидесяти музыкальныхъ сочиненій.

Ударъ былъ неожиданный. У Фернанда мелькнула даже мысль о самоубійствѣ. И въ самомъ дѣлѣ—что ему оставалось дѣлать? Онъ будетъ считать себя обезчещеннымъ, если не исполнитъ подписанныхъ имъ договоровъ.

Это было по меньшей мѣрѣ смѣшно со стороны бывшего социалиста, который десять лѣтъ тому назадъ считалъ, что совершаетъ чуть не геройскій поступокъ, не платя поставщикамъ, рестораторамъ и сапожникамъ, которыхъ его неаккуратность могла разорить, или поставить въ затруднительное положеніе.

Разореніе его было, однако, неминуемо. Кто-то посовѣтовалъ ему продать свои изданія.

— Кому?

— Конечно, Дрюлому.

— Этой дряни?—никогда!

— У этой дряни всегда есть свободныя деньги, и онъ одинъ можетъ вывести тебя изъ затрудненія.

Мезанжъ находила, что надо мужественно ожидать судебной ликвидаціи. Они никого не ограбили и не обманули; авторы всѣ получили свое. Приходилось ждать только нѣсколькимъ поставщикамъ, которые были настолько богаты, что свободно могли обойтись пока безъ этихъ денегъ, составляющихъ въ сущности не затраченный ими капиталъ, а только проценты на него.

Фернандъ разсердился не на шутку. Какъ! Объявить себя несостоятельнымъ! При одной мысли объ этомъ онъ выходилъ изъ себя. Лучше просто ликвидировать все дѣло, тѣмъ болѣе, что теперь онъ ясно видѣлъ, что у него нѣтъ коммерческой жилки. Всѣ его обманывали и эксплуатировали. Лучше вернуться опять къ артистической дѣятельности.

Въ сущности онъ соскучился по театру, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ совсѣмъ потерялъ свой прежній хорошій голосъ. Такимъ образомъ два соображенія заставляли его рѣшиться ликвидировать дѣла: спасеніе своей коммерческой чести и желаніе снова вернуться на подмостки.

— Ты сдѣлаешь двойную глупость,—дружески сказалъ ему Лурбильонъ, котораго позвали на семейный совѣтъ. Ты женатъ и имѣешь ребенка, поэтому ты не имѣешь права думать только о себѣ. Твои кредиторы, если даже и не согласятся подождать, что совсѣмъ нефриводно, все-таки не могутъ тебя сейчасъ же описать и продать. Эта процедура требуетъ времени. Ты съ ними какъ ни будь поладишь, а пока издашь еще десять романсовъ и тогда вступишь въ члены общества «Корка хлѣба».

— Это все прекрасно на словахъ, только пока я добьюсь того, чтобы

стать членомъ этого самаго общества, первые романсы, которые составляютъ мой капиталъ, перестанутъ нравиться публикѣ и не будутъ приносить мнѣ ни гроша.

— Что ты тамъ рассказываешь! Деньги, внесенныя тобой въ общество, составляютъ твою собственность, и общество должно будетъ дать тебѣ въ нихъ отчетъ.

— Ты такъ думаешь! Знай же, что «Корка хлѣба» никогда и ни передъ кѣмъ не отсчитывается.

— Я очень хорошо понимаю, что, не принявъ тебя въ число своихъ членовъ, они, конечно, не могутъ выдать твоей доли капитала, но присвоить себѣ эту долю послѣ того, какъ ты будешь принять—это было бы чортъ знаетъ что такое!

— Ну, однако, что же слѣдуетъ дѣлать потвоему?

— Конечно, въ настоящее время, ничего нельзя сдѣлать. Но если бы всѣ заинтересованныя въ этомъ лица вздумали протестовать сообща противъ подобнаго образа дѣйствій, то, конечно, они добились бы своего.

— Не подлежитъ сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что всѣ начинающіе композиторы и всѣ издатели-неудачники до такой степени соперничаютъ между собой и ненавидятъ другъ друга, что добиться того, чтобы они стали дѣйствовать заодно—совершенно невозможно; это очень хорошо извѣстно главному агенту общества, этому ловкому малому Лупиару, и поэтому-то онъ и платитъ только тогда, когда его возьмутъ за горло.

— И все это извѣстно наверху и терпится...

— Въ этомъ-то и дѣло, что наверху объ этомъ мало заботятся.

— А между тѣмъ, кавалось бы, стоило этимъ заняться, такъ какъ такимъ путемъ цѣлыя милліоны похищаются у бѣдняковъ!

Во всей этой діатрибѣ неудачнаго издателя было много преувеличенія, но была также извѣстная доля правды.

Фернандъ рѣшилъ отправиться къ Дрюлому, не смотря на то, что этотъ Дрюломъ внушалъ ему отвращеніе.

Дрюломъ, «лирический» агентъ и издатель музыки, занималъ въ улицѣ Paradis Poissonnière большую квартиру во второмъ этажѣ собственнаго дома.

Это былъ не совсѣмъ обыкновенный человѣкъ. Онъ учился въ Горномъ институтѣ, но былъ выгнанъ оттуда за то, что укралъ у товарищей какія-то бездѣлушки: часы, книги или что-то въ этомъ родѣ. Судьба его привела въ какой-то кафе-шантанъ, гдѣ онъ получилъ амплу комика. Тамъ онъ сразу сумѣлъ устроиться. Такъ какъ его жалованіе было чрезвычайно скромно, онъ рѣшилъ его приумножить и съ этой цѣлью давалъ деньги взаймы своимъ товарищамъ и при этомъ бралъ ростовщическіе проценты. При помощи этихъ операцій онъ сколотилъ себѣ маленькій капиталъ и рѣшилъ пустить его въ оборотъ. Его успѣхъ, какъ пѣвца, былъ ничтожный, и это уязвляло его самолюбіе, такъ что онъ рѣшилъ совсѣмъ бросить артистическую карьеру и превратился въ лирическаго агента и издателя. Сначала онъ самъ писалъ романсы, и они выходили не хуже многихъ другихъ, но онъ не гнался за славой.

Онъ началъ поставлять въ разные театры третьестепенныхъ пѣвицъ съ хрипыми голосами, но обладающихъ другими ресурсами, и приватными контрактами обязывалъ ихъ пѣть только собственныя его сочиненія. Конечно, кромѣ того, онъ забиралъ большую часть ихъ жалованья, но все это ему казалось, крайней мѣрѣ, законнымъ и добropорядочнымъ. Но однажды ему пришла мысль помѣстить въ газеты объявленіе о томъ, что онъ ищетъ молодыхъ дѣвицъ съ небольшимъ голосомъ, готовящихся къ лирической карьерѣ. Онѣ начали являться къ нему цѣлыми толпами. Въ двѣ недѣли онъ ихъ обучалъ и разсылалъ затѣмъ по провинціальнымъ городамъ, большей частью туда, гдѣ былъ расположенъ какой-нибудь полкъ. Нѣкоторые изъ этихъ импровизированныхъ артистокъ не было и пятнадцати лѣтъ отъ роду, а подчасъ это были такіе лакомые кусочки, что, при видѣ ихъ, онъ самъ облизывался.

У него были наклонности и вкусы турецкаго паши, а всѣ эти дѣвочки такъ охотно имъ потворствовали. Вѣдь нужно было чѣмъ-нибудь жить! Впрочемъ, не всегда нужда приводила ихъ къ нему. Иногда ихъ побуждало тщеславное желаніе показываться публикѣ на подмосткахъ, или надежда составить себѣ этимъ способомъ карьеру.

У Дрюлома была отвратительная наружность: онъ походилъ на разстриженнаго священника. Порочность его натуры проглядывала у него, такъ сказать, черезъ всѣ поры. Его тонкія и блѣдныя губы, низкій и очень покатый лобъ, лысая голова, однимъ словомъ, всѣ черты его лица были отталкивающія. И этого-то человѣка больше всѣхъ наслаждался любовью женщины! Невинныя дѣвушки отдавались ему ради полученія ангажемента въ какомъ-нибудь провинціальномъ захолустномъ театрѣ, сцена котораго очень часто служила многимъ изъ нихъ преддверіемъ ближайшаго публичнаго дома.

Неудавшійся инженеръ беззащитно торговалъ живымъ товаромъ. Всѣ это знали, и никто не протестовалъ. Полиція закрывала на это глаза. Ходили даже слухи, что Дрюломъ самъ состоялъ на службѣ въ сыскной полиціи.

Когда Фернандъ вошелъ къ Дрюлому, его встрѣтила очень почтеннаго вида пожилая дама въ кружевномъ чепцѣ и локонахъ.

— Вамъ что угодно? — обратилась она къ вошедшему.

— Мнѣ надо по дѣлу видѣть г. Дрюлома.

— Г. Дрюломъ очень занятъ; не могу ли я его замѣнить?

— Я хочу продать свое издательское предпріятіе,—проговорилъ Фернандъ, немного подавленный величественными манерами своей собесѣдницы.

— Какъ ваша фамилія?

— Фернандъ, пѣвецъ.

— Я васъ знаю, впрочемъ; только по слухамъ,—сказала она, опуская глаза и давая понять, что она, конечно, никогда не посягаетъ кафе-шантаны.

Я доложу г. Дрюлому. Онъ васъ на-вѣрно приметъ.

Она вышла и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, попросила Фернанда въ кабинетъ.

Это была великолѣпная комната, богато меблированная въ строгомъ стилѣ. Письменный столъ, чистѣйшій Louis XVI, былъ отдѣланъ бронзой тонкой чеканки; кресла были удобны и солидны; библиотечный шкафъ наполнялъ современные изданія, выбранныя умно и со вкусомъ. На каминѣ высились монументальные часы такого же строго выдержаннаго стиля.

Дрюломъ былъ, конечно, мерзавецъ, но въ интеллектуальномъ отношеніи онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ товарищей по профессіи. Онъ зналъ, что рамка и обстановка имѣютъ громадное вліяніе на людей. Въ этомъ кабинетѣ онъ убѣждалъ молоденькихъ дѣвицъ пойти на сцену, а когда бывалъ въ надлежащемъ строеніи,—то и въ его спальню.

Онъ встрѣтилъ посѣтителя съ протянутой рукой.

— Какъ я радъ! Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете. Мадамъ X сказала мнѣ въ двухъ словахъ, что вамъ отъ меня угодно, и я очень радъ вамъ служить. Мы вѣдь съ вами собратья!

Фернанда покорило. Онъ—собрать этой гадины!

— Я хочу, или, скорѣе, я вынужденъ продать свои изданія. Не угодно ли вамъ ихъ купить?

— Съ удовольствіемъ. У васъ есть нѣкоторыя недурныя вещицы изъ тѣхъ, которыя принадлежать вашему собственному перу,—прибавилъ онъ съ двусмысленной улыбкой. Если ваши требованія не очень велики, мы съ вами легко сойдемся. Сколько у васъ изданныхъ романсовъ?

— Сорокъ.

— Давно они появились?

— Три мѣсяца тому назадъ.

— Вы бросаете уже ваше дѣло?

— Да, общество не принимаетъ меня въ свои члены.

— Ахъ, да! У нихъ тамъ новый уставъ. Отчего же вамъ не издать

еще десять романсовъ—и тогда все устроится.

— У меня нѣтъ денегъ,—отвѣтилъ Фернандъ, да если бы онѣ у меня и были, я все равно бросилъ бы это предпріятіе; мнѣ оно надоѣло и доставляетъ слишкомъ много хлопотъ; я не созданъ для подобнаго занятія.

— Сколько же вы хотите?

— Десять тысячъ.

— Однако, для человѣка, не созданнаго для коммерческихъ дѣлъ, вы достаточно дѣловиты.

— Изданія мнѣ стоили этихъ денегъ.

— Это еще не резонъ. Я вамъ дамъ пять тысячъ и то только изъ уваженія къ вамъ.

— Вы меня принимаете...

— Напротивъ, я вамъ благодарствую. Завтра мы подпишемъ бумаги. Но такъ какъ я знаю, что бываетъ время, когда и двадцать четыре часа дороги, то я вамъ сейчасъ могу отдать ваши деньги, а вы распишитесь въ ихъ полученіи. И знаете, я не требую благодарности: выходя отсюда, вы можете всѣмъ говорить, что я отъявленный негодяй, для меня это совершенно безразлично.

Фернандъ молча и нервно подписалъ росписку. Ему скорѣе хотѣлось покончить это дѣло. Спрятавъ деньги, онъ сухо поклонился и хотѣлъ уже уходить, когда Дрюломъ остановилъ его.

— Что же вы будете дѣлать теперь?

— Пѣть.

— Гдѣ?

— Не знаю еще! Поищу!

— Вамъ это будетъ трудно. Хотите сдѣлать турнѣ въ провинціи? Для васъ это будетъ отдыхомъ. Вы видите, какъ я добръ,—я ангажирую васъ на три мѣсяца; васъ и вашу жену, Мезанжъ.

— На какихъ условіяхъ?

— Восемьсотъ франковъ въ мѣсяцъ обоимъ, чтобы ни тому, ни другому не было обидно.

Онъ проговорилъ это весело и добродушно, но его лицо преступника все не гармонировало съ его ласковыми приемами.

Фернандъ не торговался, потому что сильно обрадовался неожиданному предложенію. Онъ ушелъ отъ Дрюлома

веселый и бодрый и думалъ о томъ, что не всегда такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

Между тѣмъ Дрюломъ потиралъ руки отъ восторга. Онъ сдѣлалъ прекрасную аферу и въ то же время сыгралъ роль благодѣтеля. Это ему часто удавалось. Онъ никогда не зѣвалъ и держалъ ухо востро!

XXIX.

Прежде всего Фернандъ и Мезанжъ отправились въ Руанъ.

Фернандъ пѣлъ, все такъ же прекрасно фразирова и не детонируя, но теперь его голосъ едва былъ слышенъ далѣе рампы, а въ концѣ залы его почти совсѣмъ не было слышно, такъ что жители Руана, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе парижскаго пѣвца, сразу въ немъ разочаровались.

Бланшъ, повидимому, должна была, какъ всегда, остаться въ тѣни; это была ея обыкновенная участь въ концертахъ. Но тутъ случилось наоборотъ: она не увлекла залу своимъ талантомъ, зато красота ея произвела пѣлую сенсацию. Ей было тогда около тридцати пяти лѣтъ, и это была пора самаго пышнаго расцвѣта ея красоты. Каждый вечеръ вся молодежь Руана собиралась въ театрѣ и восторженно аплодировала Мезанжъ. Этотъ энтузіазмъ пріятно щекоталъ самолюбіе Бланшъ, которая никогда еще не имѣла подобнаго успѣха.

Но для Фернанда, который съ трудомъ вызывалъ нѣсколько лѣнивыхъ хлопковъ, успѣхъ жены былъ настоящей пыткой. Онъ переживалъ тѣ же чувства, которые волновали Мезанжъ, когда публика устраивала оваціи своему любимцу, а она оставалась совершенно незамѣченной. Каждому свой чередъ! Но Фернандъ становился вслѣдствіе этого несправедливымъ, потому что меньше любилъ, чѣмъ Мезанжъ, и былъ очень избалованъ. Онъ считалъ себя обиженнымъ и находилъ, что Мезанжъ ставитъ его въ смѣшное положеніе. Возникали сцены, во время которыхъ онъ съ горечью жаловался на судьбу, а Бланшъ отвѣчала ему высокомерно.

— Ты заставляешь меня играть довольно дурацкую роль,—говорилъ онъ, а она возражала:

— Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать?

— Эти болваны, которые увиваются вокругъ тебя и посылаютъ тебѣ цвѣты и конфеты, считаютъ меня, должно быть, снисходительнымъ мужемъ.

Мезанжъ выходила изъ себя.

— Ты всегда говоришь глупости. Развѣ я виновата, что имѣю успѣхъ?

— Конечно, ты тутъ ни при чемъ. Но хорошъ, однако, твой успѣхъ! Неужели ты воображаешь, что они аплодируютъ твоему голосу!

Ссоры заходили иногда очень далеко. Ночью супруги мирились, но на слѣдующій день, только-что зажитали рампу, и публика встрѣчала аплодисментами Мезанжъ,—какъ Фернандъ снова приходилъ въ бѣшенство. Когда наступала его очередь, онъ пѣлъ желчныя пѣсни своего сочиненія, которыя онъ написалъ во время дню для своихъ друзей-соціалистовъ. Онъ не входилъ въ программу вечера и не нравились публикѣ, которая считала, что заплатила деньги, чтобы повеселиться и развлечься, а не выслушивать революціонныя, озлобленныя обличенія. Иногда по этому поводу даже происходили скандалы.

— Долой его!

— Надоѣлъ!

Раекъ же радостно вопилъ:

— Да здравствуетъ социализмъ! Долой аристократовъ!

— Вонъ анархиста!—ревѣлъ партеръ.

Директоръ долженъ былъ вмѣшаться и запретить Фернанду подобный репертуаръ. Результатомъ этого было то, что Фернанда и Мезанжъ не пригласили въ Руанъ на слѣдующій сезонъ.

Съ тѣхъ поръ для супруговъ началась беспокойная жизнь; постоянные разъѣзды изъ города въ городъ, слезы, однимъ словомъ, медленное еще, но вѣрное паденіе. Частыя примиренія въ спальнѣ послѣ ссоръ за кулисами дали плачевные результаты. Мезанжъ родила близнецовъ, и утратила съ того

времени и свой свѣжій цвѣтъ лица и свою тонкую талію.

Близнецы не долго прожили. Они умерли въ Ліонѣ, ихъ похоронили рядомъ на кладбищѣ, и ихъ могилки были, конечно, заброшены навсегда.

Съ каждымъ днемъ характеръ Фернанда все болѣе и болѣе портился. Въ провинціи ему хорошо платили, но его голову волновали непереваренные какъ слѣдуетъ политическіе и социальные вопросы. Однажды въ Лілль образовалась стачка рабочихъ; Фернандъ впутался въ это дѣло и былъ арестованъ въ то время, когда онъ шелъ впереди толпы съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ.

Маленькій Робертъ, который раньше находился на воспитаніи въ какой-то деревнѣ, сопровождалъ теперь всюду своихъ родителей; Мезанжъ, взявъ его за руку, привела его къ генералу, командовавшему отрядомъ, вызваннымъ для подавленія волненія, и при помощи только этого маневра добилась освобожденія своего мужа.

Однажды зимой въ Пероннѣ, гдѣ они находились уже три мѣсяца, Фернандъ получилъ вдругъ письмо, написанное невѣрнымъ и слабымъ почеркомъ:

«Дорогой Фернандъ!

«Если ты и Мезанжъ хотите еще заставить меня въ живыхъ, то пріѣзжайте сейчасъ же. Я умираю. Цѣлую васъ.

Вашъ старый другъ
Лурбильтонъ».

— Нельзя его оставить!—воскликнулъ Фернандъ.

— Конечно, нѣтъ. Бѣдный Лурбильтонъ!—отвѣтила Бланшъ.

Въ тотъ же вечеръ, они отправились въ Парижъ.

XXX.

Было 12-е декабря. День только-что занимался, и утро было страшно холодное.

Дежурный коридорный въ меблированныхъ комнатахъ St.-Vincent, въ улицѣ St.-Vincent, на Монмартрѣ, еще спалъ, лежа одѣтый на складной кро-

вати, поставленной для него въ конторѣ, когда вдругъ изъ коридора кто-то застучалъ кулакомъ въ засаженный переплетъ стеклянной двери.

— Кто тамъ?—закричалъ коридорный, вскакивая съ постели и машинально протягивая руку къ спичкамъ. Онъ ворчалъ, шатаясь на ногахъ съ просонокъ и дрожа отъ холода, и съ мутными отъ сна глазами безтолково тыкалъ спичкой въ огарокъ свѣчки.

— Кто тамъ?—еще разъ повторилъ онъ.

— Это я, Газелентъ.

— Подождите, сейчасъ открою. Что случилось? Щелкнулъ замокъ, и на порогъ комнаты появился дежурный лакей; лицо его фантастически освѣщалось колеблющимся пламенемъ свѣчки, которая дрожала въ его озябшей рукѣ; зубы стучали отъ холода.

— Случилось то, что мой № 37, кажется, умираетъ. Онъ съ полночи все хрипитъ, не переставая; я стучалъ ему въ стѣну, но никакого отвѣта не получилъ.

— Вотъ такъ оказія! Этого еще не хватало! Хозяинъ будетъ доволенъ, нечего сказать!

— Вамъ слѣдовало бы подняться въ № 37, а я не могу, у меня есть дѣло.

Коридорный пожалъ плечами:

— Нѣтъ ужъ, избавьте! Пусть подождетъ. Сейчасъ станетъ свѣтать.

— Ну, я свое дѣло сдѣлалъ и предупредилъ васъ. Откройте дверь, пожалуйста!

Коридорный потянулъ шнурокъ, и въ открытую въ коридоръ дверь ворвался снѣжный вихрь.

— Бррр... въ такую погоду и идти за докторомъ! Нѣтъ, я лучше посплю еще немного,—разсудилъ коридорный.

Онъ вернулся въ контору, легъ на постель и потушилъ свѣчу.

Однако, въ половинѣ восьмого, когда стало совсѣмъ свѣтать, онъ рѣшилъ пойти наверхъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Какъ разъ въ это время Газелентъ, окончивъ мести тротуаръ, возвратился въ контору, и они стали вмѣстѣ подниматься по грязной и воюющей лѣстницѣ гостиницы.

— Вы думаете, что старичекъ изъ № 37 кончается? — спросилъ коридорный.

Газеленъ отвѣчалъ:

— Я полагаю. Вотъ уже цѣлую недѣлю, какъ онъ не выходитъ изъ дому и, должно быть, ничего не ѣлъ все это время, такъ какъ у него, бѣдняги, повидимому, нѣтъ ни гроша.

— Чтò подѣлаешь! Жилъ, пока хватало на жизнь, а теперь видно приходится помирать.

— А если бы вы знали, какой онъ гордецъ! Третьяго дня я вошелъ къ нему; его трясла лихорадка, и по глазамъ было видно, что онъ ничего не ѣлъ. Я его спросилъ, не нужно ли ему чего-нибудь? — «Я, говорить, не выхожу, такъ будьте любезны, опустите это письмо въ ящикъ», и суетъ мнѣ конвертъ и три су на марку. Я не хотѣлъ ихъ брать, потому что чувствовалъ, что это его послѣднія деньги; тогда онъ говоритъ: «Чтò вы, чтò вы, развѣ я нищій. У меня есть и лишнія деньги...»

— А кому было адресовано письмо?

— Какому-то Аманду или Фернанду, лирическому пѣвцу.

— Въ Парижѣ?

— Нѣтъ, адресовано въ провинцію, не помню ужъ только въ какой городъ.

Они поднялись на самый верхъ и остановились передъ дверью въ концѣ темнаго, узкаго и вонючаго коридора.

— Вы слышите? — шопотомъ спросилъ Газеленъ.

— Да, онъ какъ будто разговариваетъ, — такъ же тихо отвѣчалъ коридорный.

Въ самомъ дѣлѣ раздававшійся изъ-за двери хрипъ иногда прерывался обрывками фразъ, восклицаній и даже смѣхомъ. Затѣмъ хрипъ снова возобновлялся.

— Можетъ быть, ему лучше, — неуверенно сказалъ Газеленъ.

Дверь была заперта на ключъ извнутри, и такъ какъ на стукъ отвѣта не послѣдовало, то коридорный отверъ дверь имѣвшимся у него вторымъ ключемъ и вошелъ въ нумеръ, сопровождаемый Газеленомъ.

Комната представляла крайне нечальный видъ. Это была мансарда, освѣщенная маленькимъ оконцемъ, занесеннымъ почти до половины снѣгомъ, такъ что свѣтъ едва проникалъ въ помещеніе. Полъ состоялъ изъ досокъ, разошедшихся во многихъ мѣстахъ. Досчатая перегородка, замѣняющая стѣны, были покрыты плѣсенью и остатками обоевъ, отставшими отъ стѣнъ вслѣдствіе сырости и висѣвшими большими лоскутами. Обстановка состояла изъ стула, проломаннаго сундука и рукомойника съ отбитымъ верхомъ.

Въ глубинѣ комнаты стояла желѣзная кровать, на которой лежалъ умирающій старикъ Лурбильонъ.

Онъ лежалъ на спинѣ съ головою, покоившеюся на подушкѣ безъ наволочки; широко раскрытые глаза его были устремлены на потолокъ, руки были вытянуты во всю длину, и онъ скоро и безпокойно бормоталъ какія-то безсвязныя слова. Онъ былъ страшно худъ. Проваленный беззубый ротъ и впалыя щеки, казалось, еще болѣе заостряли тонкій и прозрачный носъ. Колѣни и большіе пальцы ногъ обрисовывались подъ ветхою простыней, которая, казалось, покрывала уже мертвое тѣло.

Коридорный и Газеленъ остановились на порогѣ.

— Ну, чтò, — пробасилъ вдругъ сзади нихъ громкій и грубый голосъ, можно ли еще перенести его куда-нибудь?

Это былъ хозяинъ меблированныхъ комнатъ, Крампаръ. Онъ посмотрѣлъ на своего жильца и съ сердцемъ пожалъ плечами; но затѣмъ вымолвилъ, хотя и грубо, но такимъ голосомъ, въ которомъ все-таки слышалось доброе сердце:

— Бѣдный старикъ; лучше пускай его помираетъ здѣсь, а то куда его тащить въ больницу въ такую адскую погоду! Огюсть, иди за докторомъ!

Огюсть заворчалъ:

— Зачѣмъ еще доктора?...

— Какъ зачѣмъ?

— Никакой докторъ здѣсь не по-
можетъ!

— Онъ при послѣднемъ издыханіи,—
подтвердилъ и Газеленъ.

— Я приведу доктора, когда онъ
умретъ, а теперь не надо,—рѣшилъ
Огюсть, довольный тѣмъ, что ему не
надо выходить на улицу въ такую
скверную погоду.

Лурбильонъ лежалъ неподвижно и
примолкъ, но хрипѣніе продолжалось.

— Господа,—вдругъ сказалъ Крам-
паръ, если вамъ нравится это слушать,
оставайтесь, а я ухажу. И онъ на-
правился къ двери, а за нимъ послѣ-
довали и остальные.

Лурбильонъ остался умирать въ оди-
ночествѣ. Вотъ уже пѣлыхъ пять лѣтъ,
какъ онъ жилъ въ этомъ гарни по-
слѣдняго разряда и по мѣрѣ того, какъ
его положеніе ухудшалось, и онъ все
ниже и ниже спускался по ступень-
камъ общественной лѣстницы, онъ под-
нимался все выше и выше по лѣстни-
цѣ вонючаго притона, который пред-
ставляли изъ себя эти мебелирован-
ныя комнаты.

Сначала, когда Лурбильона еще не
покидало его хорошее расположение
духа, не смотря на то, что его сильно
огорчало и озабочивало постепенное
и глупое разореніе Фернанда и Ме-
занжъ, онъ нанималъ лучшую комна-
ту въ гостиницѣ. Онъ еще сохра-
нялъ въ это время свои прежнія зна-
комства, и ему удавалось иногда пѣть
въ какомъ-нибудь пригородномъ ка-
бачкѣ, гдѣ онъ всегда находилъ то-
варища, который угощалъ его по ве-
черамъ въ «Café Français»; онъ имѣлъ
еще тогда широкій кредитъ въ раз-
ныхъ трактирахъ, гдѣ хозяева любили
его за его добродушный нравъ, вѣч-
ное балагурство и безчисленныя воспо-
минанія и рассказы, которыми онъ
улаживалъ слушателей, пересыпая свои
рассказы безконечными прибаутками.

Это было въ то время, когда Фер-
надъ и Мезанжъ работали хотя и въ
провинціи, но у солидныхъ импресарио
и въ большихъ городахъ: Ліонѣ, Бор-
до, Марсели, Тулузѣ и т. п. и не
забывали стараго друга, присылая ему
каждый мѣсяцъ нѣкоторую сумму, ко-

торую онъ немедленно съ радостью бѣ-
жалъ получать на почтѣ.

Время, однако, проходило. Супруги
Фернадъ пѣли теперь только во
второстепенныхъ городахъ, и все рѣ-
же и рѣже появлялись въ Парижѣ.
Лурбильонъ сталъ получать все рѣже
денежныя субсидіи, которыя, наконецъ,
и вовсе прекратились. Жизнь стано-
вилась тяжелѣе, и Лурбильонъ нанялъ
комнату подешевле.

Но и за нее все-таки надо было
платить. Лурбильонъ употреблялъ всѣ
усилія, чтобы добыть себѣ заработокъ,
но они не приводили ни къ какимъ ре-
зультатамъ; онъ появлялся въ «Cha-
grteuse» и умолялъ позволить ему пѣть
хоть днемъ за 40 и даже за двадцать
су. Но при видѣ сгорбленнаго, беззу-
баго и лысаго старика антрепренеры
отвѣчали ему отказомъ. Черезъ нѣ-
сколько мѣсяцевъ, Крампаръ, не по-
лучая платы за комнату, предложилъ
несчастному комику или совсѣмъ вы-
ѣхать, или же занять эту отвратитель-
ную и вонючую мансарду подъ № 37;
Лурбильонъ долженъ былъ, конечно, со-
гласиться на послѣднее.

Но такъ какъ и за этотъ уголъ
также надо было платить и кромѣ
того хотъ изрѣдка ѣсть, то Лурбиль-
ону ничего не оставалось болѣе, какъ
присоединиться къ миллиону тѣхъ не-
счастливыхъ, которые въ помятыхъ шля-
пахъ, въ лохмотьяхъ и дырявыхъ са-
погахъ, наравнѣ съ шарманщиками и
акробатами, останавливаются передъ
террасами кафе и охрипшимъ ' не
то отъ алкоголя, не то отъ чахотки
голосомъ, озираясь по сторонамъ—не
идетъ ли полицейскій,—поютъ какую-
нибудь пѣсенку, дающую имъ право
обойти съ протянутой тарелочкой по-
сѣтителей кафе.

Подобно многимъ другимъ нищимъ
и бродягамъ, онъ за 10 сантимовъ
ужиналъ въ «Halles» жидкимъ супомъ
и завтракалъ подъ воротами казармъ
остатками солдатской ѣды.

Тѣмъ временемъ безжалостно на-
двигалась старость. Ноги отказывались
поддерживать его больное тѣло, и въ
одинъ прекрасный день онъ слегъ,
чтобы больше не встать. Въ карманѣ

у него оставалось всего 15 сантимовъ, и на нихъ-то онъ отправилъ письмо Фернанду. Это было его послѣднее дѣйствіе, которое онъ произвелъ до совершенной потери сознанія.

Лурбильонъ лежалъ одинъ на своемъ грязномъ ложѣ въ полутъмѣ душной каморки, занесенной снѣгомъ, съ голоднымъ желудкомъ и въ лихорадочномъ бреду; у него начиналась агонія.

Вдругъ хрипѣніе разомъ прекратилось. Онъ явственно и громко проговорилъ:

— Ребятюшки, дайте мнѣ мою бритву! Не могу же я пѣть при царѣ, не брившись цѣлую недѣлю.

Худой, какъ у скелета, рукой онъ провелъ себѣ по щекамъ, дѣйствительно обросшимъ волосами, и раздраженнымъ голосомъ продолжалъ:

— Мезанжъ, дорогая, дайте мнѣ бритву! Вы понимаете, тутъ рѣшается вопросъ всей моей будущности. Если я понравлюсь царю, онъ возьметъ меня съ собой въ Россію. Да здравствуетъ веселье и картофели! Буду кататься на тройкахъ! Но мнѣ надо подбриться: я весь обросъ бородой.

Онъ запѣлъ: «Oh, mon Fernand, tous les biens de la terre»..... и остановился. Раздалось снова хрипѣніе, затѣмъ онъ закричалъ:

— Этотъ парикъ?! Да, да, да, этотъ самый, черный. Онъ ко мнѣ очень идетъ. Румяна? Гдѣ мои румяна? Лурбильонъ? Да это я. А? Моя очередь! Хорошо, хорошо, иду! Господинъ дирижеръ, пожалуйста, ригурнель....

Снова хрипѣніе и опять:

— Не правда ли, какъ я хорошо пою сегодня? Какая масса публики!

Онъ сѣлъ на постель, вытянулъ впередъ руки и съ улыбкой на синихъ губахъ похлопалъ нѣсколько разъ въ ладоши, а затѣмъ продолжалъ:

— Какъ вы любезны! Благодарю васъ! Но я больше ничего не знаю. Это была послѣдняя... послѣдняя... Ахъ!

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя пѣсенка его была спѣта. Его туловище конвульсивно вытянулось и затѣмъ откинулось назадъ. Затылкомъ онъ уда-

рился о желѣзо кровати, которая задрожала отъ этого толчка.

Руки протянулись вдоль туловища, нижняя челюсть вдругъ отвисла, и ротъ остался открытымъ; широко раскрытые глаза сдѣлались стеклянными; жизнь прекратилась.

Около шести часовъ вечера пріѣхали Фернандъ и Мезанжъ. Получивъ письмо Лурбильона, они сѣли въ первый поѣздъ, не слушая ни строгихъ увѣщаній импрессаріо, ни угрожающей телеграммы, полученной ими отъ парижскаго лирическаго агента, и теперь, выходя изъ фіакра, съ безпокойствомъ освѣдомлялись у Огюста о Лурбильонѣ.

Это въ № 37. Поднимитесь на самый верхъ. Къ сожалѣнію, я не могу васъ проводить, — отвѣтилъ Огюстъ, давая имъ свѣчу.

О, какъ ужасенъ этотъ грязный уголъ и въ немъ этотъ трупъ съ широко разинутымъ ртомъ! Фернандъ и Бланшъ заплакали и съ благоговѣніемъ закрыли ему глаза.

Передъ этимъ трупомъ почившаго друга горькія мысли о себѣ и своей участи наполнили ихъ душу. Мезанжъ тихо сказала:

— У него, по крайней мѣрѣ, нашелся кто-нибудь, кто закрылъ ему глаза, у насъ же?..

Фернандъ, полный тоски и горя, повторилъ за ней:

— У насъ же?

XXXI.

На слѣдующій день, очень рано утромъ, подъ мокрымъ снѣгомъ, падавшимъ безостановочно съ грязнаго неба на грязную мостовую, жалкая и нищенская погребальная процессія тронулась отъ гостиницы St.-Vincent по направленію къ кладбищу St. Ouen.

За гробомъ шли только Мезанжъ и Фернандъ. Кучеръ, желавшій поскорѣе освободиться отъ скучной обязанности, не находилъ нужнымъ везти размѣреннымъ шагомъ какого-то нищаго, вслѣдствіе чего, два послѣднихъ друга усопшаго, шлепая по грязи, были вынуждены временами почти бѣжать за

его гробомъ, такъ что, несмотря на холодъ, потъ градомъ катился по ихъ и безъ того мокрымъ отъ слезъ лицамъ.

Одни ли были Фернандъ и Мезанжъ? Нѣтъ, они не были совсѣмъ одни. Еще одинъ другъ провожалъ Лурбильона до мѣста его послѣдняго успокоенія, и онъ весь взъерошенный и злой лежалъ на рукахъ у Бланшъ.

Это былъ котъ «Топка», поведение котораго было лучше и приличнѣе поведения многихъ людей.

«Топка» былъ черныи котъ съ короткой шерстью, на высокихъ лапкахъ и несомнѣнно принадлежалъ къ уличной аристократіи. Спина его, мѣстами покрытая лысынами, была расцарапана, и онъ хромалъ на одну ногу—что свидѣтельствовало о его пылкомъ темпераментѣ, нерѣдко вовлекавшемъ его въ отчаянную битву съ болѣе счастливыми соперниками на крышахъ парижскихъ домовъ.

Ужъ много лѣтъ онъ жилъ съ Лурбильономъ, дѣлившимъ съ нимъ свое помѣщеніе, постель и обѣдъ, и отлучался отъ своего хозяина только въ тѣ минуты, когда демонъ сладострастія обуревалъ его немощную плоть.

Тогда блестя глазами и шевеля усами, онъ уходилъ черезъ окно и возвращался черезъ нѣсколько времени весь въ крови, похудѣвшій и голодный, но обогащенный новыми сладостными воспоминаніями.

Есть ограниченные люди, никогда не наблюдавшіе за животными, которые увѣряютъ, что кошки не способны привязаться къ кому бы то ни было и не могутъ быть благодарными. Между тѣмъ, вотъ что сдѣлалъ «Топка» въ тотъ самый день, когда Лурбильонъ отдалъ Богу свою душу.

«Топка» передъ этимъ пропадалъ цѣлую недѣлю. На этотъ разъ онъ искалъ, очевидно, не столько любви, сколько чего-нибудь поѣсть, такъ какъ Лурбильонъ умиралъ съ голоду, и потому «Топкѣ» дома пожить было нечѣмъ. Спустя около часу послѣ приѣзда Фернанда и Мезанжъ, когда они грустно сидѣли при свѣтѣ одинокой свѣчи у холоднющаго трупа, вдругъ за окномъ послышалось какое-то настойчивое ца-

рапанье по стеклу, какъ будто кто-то старался ногтями оттрести слѣгъ, навалившійся на подоконникъ; поднявъ глаза къ окну, Мезанжъ увидѣла за стекломъ двѣ лапки и два зеленыхъ блестящихъ глаза: это «Топка» возвращался домой.

Какъ только Бланшъ открыла окно, онъ однимъ прыжкомъ очутился на полу и съ минуту сидѣлъ неподвижно, какъ бы изумленный необыкновеннымъ присутствіемъ незнакомыхъ людей—и вообще чѣмъ-то необычнымъ въ атмосферѣ и во всей обстановкѣ комнаты.

Но, увидѣвъ на постели неподвижный профиль своего хозяина и сообразивъ, что присутствующіе посторонніе люди не опасны, онъ вскочилъ на грудь Лурбильону и, нѣжно мурлыкая, потрепалъ его нѣсколько разъ по щекѣ своей бархатной лапкой.

Всю ночь онъ просидѣлъ около трупа; изрѣдка онъ съ безпокойствомъ становился на всѣ четыре лапки, потягивался, горбя свою гибкую спину, и внимательно нюхалъ носъ Лурбильона, потираясь о него головой. Передъ тѣмъ какъ опять улечься, онъ подозрительно смотрѣлъ на Фернанда и Мезанжъ, этихъ двухъ незнакомцевъ, такъ безцеремонно расположившихся тутъ. Ему подмѣнили его хозяина, который до сихъ поръ всегда такъ дружелюбно принималъ его ласки, а теперь такъ холодно, что самому «Топкѣ» стало холодно.

— Оставь его въ покоѣ,—сказала Мезанжъ Фернанду,—онъ не мѣшаетъ.

Утромъ, когда пришелъ докторъ засвидѣтельствовать смерть, потревоженный «Топка» недовольно заворчалъ и спрятался подъ постель; но когда явились люди изъ бюро похоронныхъ процессій въ своихъ черныхъ кожаныхъ шляпахъ и черной одеждѣ и стали укладывать тѣло въ гробъ, онъ, какъ бѣшенный, началъ бѣгать по комнатѣ, бросаться во всѣ углы съ какимъ-то хриплымъ мяуканьемъ, похожимъ на рыданія.

— Возьмите вашего проклятаго кота!—сказалъ одинъ изъ нихъ. Бланшъ съ трудомъ поймала бѣднаго «Топку» и

крѣпко прижала его къ своей груди. Онъ лежалъ смирно на ея рукахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и жалобно мяукая.

Когда гробъ былъ заколоченъ, онъ легъ рядомъ съ нимъ и принялся лизать дерево языкомъ.

Въ виду всего этого, Мезанжъ рѣшила взять его съ собой на кладбище.

Погребеніе Лурбильона продолжалось очень недолго. Такъ какъ похороны были гражданскіе, то службы никакой не было. «Разъ, два, опускай осторожно!», — и гробъ опустили въ яму, вытащили изъ подъ него веревку, забросали землей, и нѣсколько протянутыхъ рукъ безмолвно попросили на чай. Затѣмъ, когда колесница отѣхала, колыхаясь по лужамъ и выбоинамъ мостовой, Фернандъ и Мезанжъ остались у свѣжей могилы одни, какъ въ пустынь.

Мокрый снѣгъ продолжалъ медленно падать. Ноги увязали въ скользкомъ, глинистомъ грунтѣ. Мезанжъ въ промокшей насквозь шляпѣ стояла, судорожно рыдая. А Фернандъ, дрожа въ своемъ легкомъ пальто и лѣтнемъ костюмѣ, думалъ, что тутъ, между этихъ четырехъ досокъ, лежитъ добрый, хороший оптимистъ, который былъ причиною всего счастья и несчастья жизни Фернанда. Лурбильонъ вѣдь убѣдилъ скромнаго рабочаго избрать столь непрочную артистическую карьеру! Благодарить ли его за это, или проклинать? Фернандъ припомнилъ всю свою жизнь. Прошлое было такъ блестяще, а настоящее такъ безцвѣтно. Каково-то будетъ будущее? Молодость прошла, энергія притупилась, и надежды разрушились! Нѣтъ, Лурбильонъ не игралъ въ моей жизни роли добраго генія, и не совѣтчикъ обыкновенно расплачивается за свои совѣты, а тѣ, кто имъ слѣдуютъ. Но онъ все прощалъ ему отъ глубины души. Какой прокъ отъ жалобъ и слезъ!

— Пойдемъ, Бланшъ, — сказали онъ кротко. Она взяла его подъ руку. «Топка» заснулъ подъ ея пелеринкой.

— Что бы тамъ ни было, — говоритъ какъ бы про себя Фернандъ, — мы хоть зарабатываемъ настолько, чтобы быть сытыми.

— Завтра надо пойти къ Дрюлому, — сказала въ отвѣтъ Бланшъ, — и просить его послать насъ сейчасъ же куда-нибудь. Наше путешествіе изъ Перонна и вѣнокъ для Лурбильона поглотили всѣ наши сбереженія: у насъ не осталось ни гроша.

— Конечно, завтра мы къ нему пойдемъ, моя дорогая, и я увѣренъ, что мы тотчасъ же выгодно устроимся.

— Дай-то Богъ! — возразила Бланшъ. Фернандъ пожалъ плечами. Онъ становился раздражительнымъ и нервнымъ, и малѣйшее противорѣчіе казалось ему оскорбленіемъ.

Когда Фернандъ и Мезанжъ вошли къ Дрюлому, онъ давалъ урокъ пѣнія и декламации своимъ ученицамъ. Зрѣлище было не лишено оригинальности. По стѣнѣ комнаты сидѣло на стульяхъ, скрестя руки на кожаныхъ портфеляхъ, десятка полтора дѣвицъ, повидимому, принадлежащихъ къ бѣдному сословію, но одѣтыхъ съ претензіями на шикъ; всѣ онѣ были какъ бы загипнотизированы звуками рояля, съ помощью котораго Дрюломъ вдалбливалъ въ каждую изъ нихъ поочередно тѣ пѣсни, которыя онѣ должны были потомъ распѣвать во всѣхъ углахъ Франціи.

У другой стѣны стояли трое молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 17 до 20 лѣтъ. У всѣхъ троихъ были черные волосы, обильно намазанные помадой, при помощи которой они лежали, аккуратно подстриженные и зачесанные на лобъ, почти до самыхъ бровей.

Ярко-красные галстуки своей крикливой нотой дополняли вульгарность облика.

Гнусящими голосами они усердно повторяли какіе-то куплеты, главная трудность которыхъ заключалась въ жестахъ, такъ какъ «жанръ» этихъ трехъ молодыхъ артистовъ состоялъ въ томъ, что они всѣ трое пѣли въ унисонъ, одинаково жестикулируя одновременно, то-есть всѣ вмѣстѣ поднимая руки и ноги, дѣлая однѣ и тѣ же гримасы.

Дрюломъ долбилъ съ ними уже пѣлыхъ полчаса 24 такта припѣва, ко-

торые они пѣли, выдѣлывая при этомъ свои па съ совершенно своеобразной граціей. Ихъ рты съ плохими зубами и мягкими губами выпускали слова, не давая себѣ труда ихъ ясно произносить: это была какая-то смѣсь непонятныхъ словъ, хриплыхъ звуковъ, вульгарныхъ гримасъ, размахиванія руками съ четырехугольными, грязными ногтями, и подниманія громадныхъ, тяжелыхъ ногъ. Вечеромъ они надѣвали бѣлыя перчатки и лакированныя ботинки, одинаковые костюмы сиреневаго цвѣта, цилиндры и съ одинаковыми тросточками въ рукахъ, улыбаясь, выходили на сцену, напояженные, накрашенные и напудренные и пѣли одинаково жестикуюлируя:

*Nous sommes les petits Chéris,
Petits Chéris, petits Chéris
De la vill' de Paris.*

И затѣмъ уходили со сцены подъ звуки танцевальной музыки, кланяясь публикѣ отрывистымъ и ритмичнымъ жестомъ.

Дрюломъ обрѣлъ ихъ въ какомъ-то трактирѣ: двое младшихъ служили за прилавками, а третій мылъ стаканы и бутылки; этотъ послѣдній, познакомившись съ Дрюломъ, самъ пошелъ къ нему въ ученіе и рекомендовалъ ему своихъ товарщицъ, а Дрюломъ въ 15 дней выработалъ изъ нихъ тотъ заманчивый номеръ программы, на которомъ впоследствии они зарабатывали въ провинціи до 900 франковъ въ мѣсяцъ.

Конечно, это ремесло было гораздо легче и выгоднѣе перемыванія бутылокъ.

Тридцать франковъ за вечеръ. Дрюломъ, право, удивительно щедръ!

Послѣ тріо насталъ чередъ дамъ. Онѣ встали съ мѣстъ и окружили рояль: всѣ онѣ пѣли романсы.

Дрюломъ начать:

*Au bois de Meudon,
Un jour avec Blaise...*

Онѣ отбивалъ тактъ огромной тростью, которой колотилъ по полу, и скандируемый этимъ способомъ ритмъ музыки помогать дѣвицамъ запоми-

нать мелодію, которую иначе имъ никакъ не подъ силу было бы выучить.

Ни у одной изъ дамъ не было рояля, и ни одна изъ нихъ не знала ни одной ноты и не имѣла понятія о самыхъ элементарныхъ музыкальных правилахъ. Въ продолженіе двухъ недѣль имъ каждый день безчисленное число разъ повторыли мелодію, и когда онѣ выучивали ее, наконецъ, то считались созрѣвшими для сцены.

Между ними въ этотъ день находилась одна молодая дѣвушка, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ.

Однажды она разсматривала объявленія о различныхъ предложеніяхъ труда, наклеенныя на окнахъ молочной въ улицѣ du Temple, какъ вдругъ къ ней подошелъ какой-то господинъ, который давно уже стоялъ тутъ же поодаль и пристально разсматривалъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, то и дѣло заходившихъ въ магазинъ за спринками о предлагаемыхъ мѣстахъ.

Господинъ далъ ей перейти улицу и, затѣмъ подойдя къ ней, тронулъ ее за плечо и спросилъ, сколько она хочетъ зарабатывать въ день?

— Два франка, какъ всегда.

— Я предлагаю вамъ 5 франковъ.

— А что я должна дѣлать?

— Пѣть въ кафе-шантанѣ.

— Но, — застѣнчиво сказала дѣвица, — я не сумѣю...

— Я васъ научу.

— Я не посмѣю, мнѣ будетъ слишкомъ страшно...

— Попробуйте, мое дитя, и вы увидите, какъ это просто... И затѣмъ, подумайте, вѣдь это составляетъ сто пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ для начала, а затѣмъ вы, конечно, будете получать триста франковъ... пятьсотъ! Я вамъ предлагаю сдѣлаться «артисткой».

— Я подумаю...

Она ушла, вся взволнованная, читая и перечитывая карточку, которую господинъ сунулъ ей въ ея маленькія ручки. На ней стояло:

А. Дрюломъ.

Лирическій агентъ большихъ театровъ Парижа, Марселя, Бордо и Брюсселя.

14, ул. Paradis-Poissonnière.

Два дня спустя, она явилась къ Дрюлому.

Черезъ мѣсяцъ она знала уже четыре романа. Дрюломъ вполне отечески констатировалъ, что у нея были очень стройныя ножки и избралъ для нихъ костюмъ и жанръ, который въ самомъ выгодномъ свѣтѣ представлялъ ея молодость и красоту. Она должна была являться на эстрадѣ съ голыми руками, голой грудью, голыми ногами, однимъ словомъ, покрывая только то, что совѣтъ нельзя было показать публикѣ.

Дрюломъ продалъ ей первый ея костюмъ за цѣну, равняющуюся ея шестимѣсячному жалованью!

Но такъ какъ онъ былъ добрый человѣкъ, то позволилъ ей уплачивать ему за это по 75 франковъ въ мѣсяцъ... такъ, что ей оставалось 75 франковъ на квартиру, содержаніе, стирку бѣлья и прочее.

Этого ей, конечно, было очень мало, и она думала было протестовать, но оказалось, что она подписала какую-то бумагу, и потому ей оставалось только поприжаться шесть мѣсяцевъ, а тамъ... а тамъ костюмъ ея придется въ негодность, и ей нужно будетъ сдѣлать новый.

Она пошла къ портнихѣ, которая исполняла заказы Дрюлома, и спросила ее, не согласится ли она спать въ случаѣ надобности костюма за гораздо меньшую плату.

— Я вамъ сошью такой же за двѣсти франковъ, — отвѣтила портниха, зная, въ чемъ дѣло.

— Двѣсти франковъ! Отчего же онъ стоитъ мнѣ девятьсотъ?

— Не знаю, — я продала его г. Дрюлому за двѣсти франковъ.

Тогда она все поняла.

Дрюломъ брать барыши на всемъ и на всѣхъ. Но бѣдная дѣвушка подумала, что для того, чтобы заплатить ему скорѣе и отдѣлаться отъ него, ей можетъ быть, удастся какимъ-нибудь инымъ путемъ увеличить свои доходы...

Она будетъ актрисой, будетъ такой хорошенькой въ этой туникѣ изъ ярко краснаго шелка, усыпаннаго блестящими... Она молода... Что жъ дѣлать?

Не она первая, не она будетъ и послѣдняя!

Дрюломъ отправилъ ее въ маленький провинціальный городокъ, гдѣ несчастная дѣвушка стала жертвой перваго встрѣтившагося ей господина и отдалась безъ любви, безъ удовольствія, исключительно потому только, что ей невозможно было пить, ѣсть и одѣваться на два съ половиной франка въ день.

Храмъ любви былъ обязанъ Дрюлому многими своими жрицами.

При входѣ Мезанжъ и Фернанда, Дрюломъ всталъ, не изъ уваженія, а отъ злости.

Онъ былъ страшно золъ, и, не успѣли вошедшіе открыть рта, какъ онъ осыпалъ ихъ самой отборной руганью:

— А, пришли, наконецъ! Нечего сказать, хорошую кашу вы заварили!

— Извините, — заговорилъ было Фернандъ, — я бы желалъ...

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашими извиненіями и съ вашими желаніями!

Дрюломъ, опираясь лѣвой рукой на рояль и потрясая правымъ кулакомъ въ воздухъ, продолжалъ:

— А! Вы думаете, что вы можете издѣваться надъ директоромъ? Пописать параграфы вашего ангажемента; уѣзжать утромъ, когда вечеромъ вы должны работать, и затѣмъ ставить всѣхъ въ глупое положеніе изъ за какихъ то не существующихъ причинъ!

— Но... — заговорила Мезанжъ.

— Поговорите, поговорите и вы, моя прелесть! Да знаете ли вы, что у васъ таланту столько же, сколько у этой стѣны. Я изъ милости, слышите ли, изъ милости, держалъ васъ даже тогда, когда вы были беременны... Кстати, какъ поживаютъ ваши прошлогодні близнецы?

— Вы знаете, что они умерли, — мрачно отвѣтила Мезанжъ.

Но этими грустными воспоминаніями трудно было смутить Дрюлома, все болѣе и болѣе приходившаго въ азартъ:

— Во всякомъ случаѣ, теперь все кончено! Можете, если хотите, поми-

рать съ голоду, но я вамъ больше помогать не буду.

Онъ скрестилъ руки на груди.

— Васъ освистали въ Турѣ, васъ освистали въ Бордо, васъ освистали въ Байоннѣ! Васъ не возможно болѣе посылать въ большіе города. А вы еще осмѣливаетесь не исполнять подписанныхъ вами условий. Умирающій другъ! Скажите пожалуйста! Не онъ ли вамъ дастъ денегъ, не правда ли? И не я также; довольно и того, что вы получили.

Фернандъ сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ:

— Послушайте, милостивый государь, вы злоупотребляете моимъ терпѣніемъ.

— Я? Ха-ха-ха, — это недурно!

— А это также недурно? Какъ вы находите? И съ этими словами Фернандъ влѣпилъ ему звонкую пощечину. Фернандъ сталъ въ позицію, готовясь отпарировать ударъ Дрюлома, но такъ какъ тотъ только потиралъ себѣ щеку, то онъ счелъ своимъ долгомъ холодно произнести:

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Но я не къ вашимъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Дрюломъ, продолжая тереть щеку. Онъ граціозно направился къ двери, открылъ ее настежь и произнесъ:

— Послѣ того, что произошло, г. Фернандъ, я надѣюсь, что не увижу васъ болѣе никогда.

Фернандъ и Мезанжъ вышли.

Обломила еще одна вѣтка, за которую они цѣплялись.

XXXII.

Фернандъ и Мезанжъ сломали себѣ шею, и крылья у нихъ были подрѣзаны. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, они пытались получить ангажементъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ театрѣ. Но всѣ агенты и слышать не хотѣли о нихъ.

— Какъ же! Нашли дураковъ! — говорили они; — чтобы въ одинъ прекрасный вечеръ, когда сборъ общается быть полнымъ, — а вашъ и слѣдъ простылъ! Нѣтъ, вы себя достаточно показали у Дрюлома.

Пробовали ѣздить въ Мантъ и въ Куломмье, на вечерніе и дневные концерты, и вернулись въ «Chartreuse», этому послѣднему якорю спасенія всѣхъ неудачниковъ. Они оставили квартиру и перешли въ одну комнату, продавая изъ нея постепенно мебель, оказывавшуюся излишнею; наконецъ, когда послѣдняя постель была продана, они рѣшили поселиться въ гарни.

У нихъ было одно утѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ большая обуза, но они благословляли Бога за нее, такъ какъ это составляло ихъ единственную радость въ жизни, — это были ихъ сынокъ Робертъ, «наслѣдникъ», какъ называлъ его отецъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда улыбка появлялась у него на лицѣ.

Робертъ подросталъ, среди постоянныхъ путешествій, безсонныхъ ночей и безпокойныхъ дней, какъ слабое и хилое растение.

Блѣдный, худенькій и болѣзненный мальчикъ, который частенько цѣлый день питался однимъ бутербродомъ съ ветчиной, взятымъ въ трактирѣ, и не подозревалъ, что въ раннемъ дѣтствѣ онъ, весь въ кружевахъ, лежалъ на рукахъ нарядной кормилицы.

Робертъ былъ брюнетъ, какъ и отецъ, но у него были голубые глаза и нѣжный ротъ матери. Глаза были глубокіе, лихорадочные и блестящіе, окаймленные черной полоской. Будучи еще совсемъ крошечнымъ, почти не умѣя говорить, онъ самъ выучился играть на игрушечной скрипкѣ, которую подарилъ ему его крестный отецъ, Лурбильонъ. Это было въ то время, когда тучи собирались надъ головами его родителей, и онъ уже рѣдко получалъ отъ нихъ подарки. Эта скрипка была послѣднею улыбкою счастья въ жизни маленькаго Роберта; поэтому онъ особенно любилъ ее, и одаренный отъ природы замѣчательными музыкальными способностями, ухитрился достигать на ней удивительной для его лѣтъ виртуозности.

Пяти лѣтъ, этотъ маленькій артистъ съ длинными кудрями и не по годамъ выразительными глазами, въ которыхъ свѣтился преждевременно развитый

умъ, читаль съ листа концерты и сонаты Бетховена и Мендельсона.

Фернандъ и Мезанжъ, отправляясь на трудный и скудный заработокъ по провинціальнымъ городкамъ, брали съ собой ребенка-артиста, который очень часто своимъ дѣтскимъ смычкомъ возбуждалъ энтузіазмъ.

Робертъ обожалъ свою мать; онъ ее любилъ страстно и ревниво. Иногда, когда Мезанжъ, озабоченная и грустная, забывала поцѣловать его, укладывая спать, онъ тихо плакалъ всю ночь, подавляя въ своей груди рыданія, чтобы не разбудить родителей, а на утро вставалъ блѣдный и изнеможенный отъ слезъ и пережитого горя.

Онъ обладалъ такой тонкой чувствительностью, что благоговѣнно складывалъ руки въ то время, когда отецъ его пѣлъ и самъ цѣлый день безъ устали занимался музыкой. У него были очень оригинальныя понятія о музыкѣ: такъ, онъ находилъ, что нѣкоторые мотивы издають особый ароматъ.

— Не правда ли, папа, — говорилъ онъ, — пасторальная симфонія пахнетъ фіалкой?

Зачатый и рожденный въ счастливое и беззаботное время, онъ родился здоровымъ, крѣпкимъ и круглымъ; но его здоровье быстро пошатнулось отъ постоянныхъ лишеній и скитальческой жизни. Плохо питаясь скверной трактирной ѣдой, постоянно переѣзжая съ мѣста на мѣсто, ложась поздно, отправляясь душной и нездоровой атмосферой кулисъ, онъ, такъ сказать, старился, а не росъ. Онъ былъ блѣденъ до прозрачности и, со своей грустной улыбкой и расширенными зрачками, походилъ на маленькаго взрослого чело-вѣка, испытывающаго всякое горе и ничему болѣе не удивлявшагося.

— Ахъ, если бы тебя у насъ не было... произнесъ однажды Фернандъ, сидя вечеромъ въ горькомъ отчаяніи на скамейкѣ въ какомъ-то скверѣ.

— Что бы вы сдѣлали, если бы меня не было? — спросилъ Робертъ.

Ему было тогда семь лѣтъ.

— Тогда я и мама лишили бы себя жизни. Больше намъ ничего не оставалось бы дѣлать.

Тогда ребенокъ обнялъ отца и тихо сказалъ:

— Я знаю, папа, что мы всѣ трое очень несчастливы. Я не буду вамъ мѣшать, если вы захотите умереть, но только съ условіемъ, что вы меня убьете раньше, не правда ли?

Роберту было десять лѣтъ, когда какой-то агентъ, отыскивавшій сюжеты для своей труппы, гастролирующей въ кабакахъ самаго послѣдняго разбора, посѣщаемыхъ только солдатами и чернорабочими, услышалъ, какъ онъ, по выраженію агента, «объяснялся со своей скрипкой».

И тутъ же онъ ангажировалъ всю семью: отца, мать и сына за 15 франковъ въ день. Фернандъ согласился, и Роберту, въ свою очередь, предстояло зарабатывать свой хлѣбъ.

XXXIII.

Кафе Жаннъ д'Аркъ въ Компьени, маленькомъ городѣ, гдѣ стоитъ гарнизонъ, превращался по вечерамъ изъ обыкновеннаго трактира въ кафе-шантанъ.

Эта метаморфоза совершалась съ помощью стараго рояля и эстрады, поставленной между дверьми, ведущими въ кухню и въ ватеръ-клозетъ.

Какъ только зажигали газъ, на эстраду входили и садились рядомъ на соломенные стулья три или четыре пѣвицы съ голыми руками и декольтированныя, насколько это позволяло приличіе, такъ какъ французскій солдатъ любить свѣжее мясо.

Часовъ въ шесть зала быстро начинала наполняться: попарно, втроемъ и цѣлыми компаніями входили пѣхотинцы и кавалеристы въ каскахъ и кепи, гремя саблями и шашками. Рядовые, унтеръ-офицеры и капралы располагались на потертыхъ кожаныхъ скамейкахъ и требовали себѣ пить и ѣсть.

До тѣхъ поръ, пока аккомпаниаторъ, лысый и несчастный горбунъ, не возвѣщалъ о началѣ концерта нѣсколькими аккордами на скверномъ роялѣ, публика громко разговаривала, пересыпая рѣчь крѣпкими словами, сли-

вающимися въ общій гуль съ бряпаньемъ оружія, звономъ посуды и шумомъ отодвигаемыхъ стульевъ. Густые клубы табачнаго дыма разстилались надъ головами и окутывали сброй дымкой всѣхъ присутствующихъ.

— Ну что, землячекъ, скоро и домой!

— Черезъ восемьдесятъ пять дней!

— Ишь ты, чтобъ тебя розорвало!

а мнѣ еще цѣлый годъ торчать въ этой проклятой дырѣ!

Фернандъ, Мезанжъ и Робертъ поступили въ кафе Жаннъ д'Аркъ на двухнедѣльный гастроль.

Давно уже Фернандъ не носилъ усовъ, и гладко выбритый, какъ это подобаетъ мелкому актеру, исполнялъ самыя разнообразныя роли въ третьестепенныхъ кабачкахъ. Какъ далеко было то время, когда у него былъ собственный репертуаръ! Большей частью онъ выходилъ на сцену въ потертомъ солдатскомъ вестонѣ, короткихъ панталонахъ, бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ и въ проломленномъ кепи и въ назиданіе доблестной французской арміи изображалъ передъ нею глупое недоумѣніе и нелѣпыя выходки новобранца. Нѣсколько рюмочекъ абсента болѣе или менѣе помогали ему переносить съ терпѣніемъ это унижающее существованіе.

Труппа Жаннъ д'Аркъ состояла изъ гривуазной пѣвицы Мезанжъ; эксцентричной танцовщицы Лулу, подымавшей ноги выше головы, не смотря на обнаруживаемыя передъ публикой юбки очень сомнительной чистоты, и тѣмъ не менѣе разжигавшей самыя пылкія страсти въ нетребовательныхъ сердцахъ присутствующихъ; изъ пѣвицы патріотическихъ романсовъ, Антонины, дѣвицы необъятной толщины, и изъ комика-буффъ Фернанда. Маленькій Робертъ исполнялъ между двумя номерами соло на скрипкѣ. Всѣ они получали одинаково по 5 франковъ въ день на своихъ харчахъ.

Горбатый піанистъ съ размаху опустилъ руки на пожелтѣвшія клавиши, и рояль издалъ жалостные, дребезжащіе звуки. Величественная Антонина, брюнетка съ матовыми и жирными черными волосами, встала и подвину-

лась къ рампѣ. Руки ея походили на окорока, лицо оканчивалось тремя подбородками, а неимоверныхъ размѣровъ груди, дрожавшія, какъ желе, едва сдерживались низко вырѣзаннымъ лифомъ изъ краснаго плюша.

Она запѣла низкимъ хриплымъ голосомъ, походившимъ на звуки контрабаса:

*Les turcos, les turcos sont de bons enfants!
Mais il faut pas qu'on les gêne!...*

Кавалеристы, отбивая тактъ, стучали саблями по полу, а пѣхотинцы ритмично ударяли стаканами по мраморнымъ столикамъ.

По окончаніи пѣсни. Антонина сошла съ подмостковъ и начала съ тарелкой въ рукѣ обходить присутствующихъ, протискиваясь между стульевъ и царапая свои обнаженные, толстыя руки объ эполеты, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ ее попутно то щипали, то щекотали и провожали циничными замѣчаніями и предложеніями. Она одинаково невозмутимо принимала мѣдяки и выслушивала непристойности, такъ что въ концѣ концовъ трудно было рѣшить, къ чему именно относилось ея машинальное и усталое «мерси»,—къ получаемымъ деньгамъ или къ оскорбленіямъ.

Между тѣмъ, на сценѣ, худая, длинная Лулу съ желтой шеей и тонкими икрами корчилась въ какомъ-то эпилептическомъ и разнузданномъ танцѣ, высоко поднимая ноги, обтянутыя въ тѣлеснаго цвѣта трико.

Энтузіазмъ былъ всеобщій.

— Выше, выше!

— Подыми еще выше!

— Ишь, бестія!

Какой-то драгунскій трубачъ громовымъ голосомъ запѣлъ непристойную пѣсню, героиней которой была маркизантка; публика подхватила хоромъ, а Лулу, не переставая плясать, поощряла ихъ циничными взглядами и жестами.

— Bravo, bravo! Публика аплодировала, топала ногами и стучала посудой. Гамъ былъ невѣроятный.

Лулу собрала больше денегъ, чѣмъ Антонина. У присутствующихъ глаза

блестѣли, щеки разгорѣлись и серебряныя монеты въ изобиліи сыпались на тарелку, которой танцовщица потрясала передъ разгоряченными виномъ воинственными носами.

Настала очередь Мезанжъ. Бѣдная Бланшъ!

Талія ея расширилась, голубые глаза полиняли и помутнѣли, а въ бѣлокурыхъ волосахъ такъ много было серебряныхъ нитей, что пришлось ихъ выкрасить въ рыжій цвѣтъ. Она старалась улыбаться поблекшимъ ртомъ и казаться веселой; при всемъ этомъ, она при вечернемъ освѣщеніи все еще сохраняла нѣкоторую долю своей прежней красоты и очарованія, выражавшагося преимущественно въ кроткомъ и нѣжномъ выраженіи лица, и поэтому ей болѣе всѣхъ другихъ приходилось защищаться отъ грубыхъ прикосновеній ея поклонниковъ. Всѣ унтеръ-офицеры были влюблены въ нее! Бѣдная Мезанжъ!

Она, какъ всегда, проѣла свои гривуазные романы и стала обходить съ тарелочкой полупьяную публику. Когда она проходила мимо одного столика, какой-то сержантъ положилъ два франка на тарелку и, схвативъ ее за руку, повелительно прошепталъ:

— Я тебя жду сегодня послѣ концерта у выхода!

— Но...

— Нечего тамъ разговаривать! Слышала, что я тебѣ сказалъ!

Онъ отпустилъ ея руку и крикнулъ:

— Гарсонъ, пива!

Бѣдная Мезанжъ! Въ это время Фернандъ, держа платокъ въ рукахъ, въ своемъ смѣшномъ вестонѣ и красныхъ брюкахъ, изображалъ горе новобранца, нашедшаго крысу въ своемъ суфѣ. Слушатели катились со смѣху, глядя на его кривлянье. Да! Какъ трудно иногда бываетъ добыть себѣ кусокъ даже такого черствого хлѣба!

Часовая стрѣлка приближалась къ девяти. Въ залѣ вдругъ все задвигалось. Со всѣхъ сторонъ солдаты вставали, пристегивая сабли и пашки, и поправляя мундиры. Черезъ минуту зала на половину опустѣла, такъ какъ въ девять часовъ всѣ простые рядо-

вые должны были быть въ кавармахъ.

Только унтеръ-офицеры, свободные до часу ночи, оставались на своихъ мѣстахъ. Развѣлся каждый на двухъ стульяхъ, съ трубками въ зубахъ, они съ наглыми выраженіями лицъ, казалось, считали себя высшими существами, для которыхъ не существуютъ законы, ибо ими руководствуется только глупое стадо обыкновенныхъ людей.

Антонина, Лулу, маленькій Робертъ, Мезанжъ и Фернандъ выступали еще по два раза передъ публикой. Нѣсколько штатскихъ послѣ ухода солдатъ рѣшились войти въ кабачекъ. Сынъ помощника мэра, одинъ изъ самыхъ щедрыхъ представителей мѣстной золотой молодежи, предложилъ даже бокалъ шампанскаго очаровательно Лулу, своими дикими прыжками окончательно завоевавшей его сердце.

Но каждый разъ, когда Мезанжъ появлялась на подмосткахъ, кучка сержантовъ и унтеръ-офицеровъ, занимавшихъ одинъ уголъ залы, неистово и преувеличенно аплодировали ей.

— Бисъ, бисъ!

— Еще!

Фернандъ, раздраженный, спросилъ, наконецъ, Бланшъ:

— Чего они расходились, эти болваны?

— Такъ. Пожалуйста не обращай на нихъ вниманія, — смущенно отозвалась Мезанжъ.

Поведеніе Фернанда озабочивало ее. Онъ, вѣроятно, опять выпилъ, да это и простительно при той жизни, которую они ведутъ.

Въ одиннадцать часовъ концертъ закончился послѣдней пошлостью, пропѣтой Фернандомъ. Хозяинъ, толстый и лысый старичекъ, принялся тушить газовые рожки, а гарсоны считали полученные имъ на чай. Сынъ помощника мэра ушелъ со своими друзьями; за нимъ послѣдовали и унтеръ-офицеры, задѣвая саблями за стулья и колонны.

Хозяинъ вытащилъ изъ одного изъ ящичковъ кассы большой мѣшокъ съ пятифранковыми монетами и принялся расплачиваться съ «артистами», со-

бравшимися вокругъ него. Вдругъ дверь кафе съ шумомъ отворилась.

— Ну, что жъ Мезанжъ! Долго ли я тебя буду ждать?

Сержантъ, давшій ей 2 франка, высокій блондинъ съ длинными усами, совершенно пьяный стоялъ на порогѣ.

Фернандъ подскочилъ.

— Что вы сказали?

Онъ кинулся было къ двери, но хозяинъ быстро выскочилъ изъ-за конторки и остановилъ его за руку.

Движеніе Фернанда было, однако, такъ многозначительно, что сержантъ закричалъ:

— А, такъ вотъ кто твой любовникъ! Отдай мнѣ по крайней мѣрѣ мои два франка!

Мезанжъ поблѣднѣла. Двѣ женщины захихикали.

Впрочемъ, нѣтъ, можешь оставить ихъ при себѣ: отдай ихъ твоему любовнику.

Стеклянная дверь захлопнулась. Фернандъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Онъ смотрѣлъ на Мезанжъ дикими глазами и бормоталъ:

— Что это значитъ? Погоди, я его, подлеца..... И онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ.

Хозяинъ его успокаивалъ:

— Послушайте, вы съ ума сошли! Вы затѣете такую исторію, что вамъ не расхлебать ее. Этотъ сержантъ весь гарнизонъ подниметъ на ноги! Конечно, мадемуазель Мезанжъ ваша подруга, но вѣдь вы не вѣнчаны. Вѣдь никто еще не умеръ отъ этого.

— Къ сожалѣнію, это не такъ,—холодно отвѣтилъ Фернандъ, и Мезанжъ моя законная жена.

— А!

Старичекъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ. Онъ развелъ руками, какъ бы снимая съ себя отвѣтственность за все случившееся, и объявилъ:

— Въ такомъ случаѣ, разбирайтесь сами. Охота вамъ заниматься этимъ дѣломъ при такихъ обстоятельствахъ.

На улицѣ, возвращаясь домой, Фернандъ и Мезанжъ упорно молчали. Сзади нихъ семенилъ ножками маленькій Робертъ, держа скрипку подъ мыш-

кою, усталый и напуганный. Керосиновые фонари потухли.

Была темная, сырая ночь.

Когда они вошли въ комнату, Фернандъ поставилъ свѣчку на столъ, а Мезанжъ опустилась на проваленный диванъ, служившій постелью Роберту.

— Я надѣюсь, что теперь ты объяснишь мнѣ, что это за исторія.

— Никакой здѣсь исторіи нѣтъ, Фернандъ, клянусь тебѣ!

— Разсказывай, такъ я тебѣ и повѣрю!

Мезанжъ скрестила руки на груди и быстро заговорила:

— Клянусь тебѣ, слышишь ли, клянусь тебѣ головою Роберта! Чѣмъ я виновата, что это грубое животное подумало, что я такая же, какъ и всѣ прочія въ подобныхъ трактирахъ, которыхъ можно купить за два франка: только свистни, и онъ прибѣгутъ. Я его совсѣмъ не знаю и никогда не видала до сегодняшняго вечера. Очевидно, это самая обыкновенная вещь здѣсь! Мы дотого низко пали, что каждый считаетъ себя въ правѣ плюнуть мнѣ въ лицо и еще сердиться, если я не сочту это за честь для себя!

Фернандъ поникъ головой и ничего не отвѣтилъ. Онъ видѣлъ, что несчастная женщина говорила правду, а все-таки ему почему-то хотѣлось броситься на нее и задушить ее. Онъ глубоко вздохнулъ и молча сталъ раздѣваться. Только бы забыться и спать, спать безъ конца!

Усталость его одолевала, а потому гнѣвъ его скоро прошелъ; онъ легъ и сталъ думать: «Къ чему это все! Развѣ такой гороховый шутъ, въ какого онъ превратился, можетъ позволить себѣ роскошь ревновать, или защищать свою честь?»

Глаза его закрылись, онъ сталъ дремать, на лбу у него образовалась страдательная складка, и губы его почти безсознательно шептали:

— Конечно, никто еще отъ того не умиралъ.

Мезанжъ все еще сидѣла безъ движенія на диванѣ, скрестивъ руки на колѣняхъ, съ глазами, устремленными куда-то въ пространство. Вдругъ, она

ощутила поцѣлуй на своей щекѣ. Маленькій Робертъ напомнилъ ей о себѣ. Она страстно прижала его къ сердцу.

— Сейчасъ, голубчикъ, я уступлю тебѣ мѣсто, тебѣ пора спать.

Ребенокъ отвѣчалъ:

Нѣтъ, мама, я не хочу спать, если ты сама не спишь.

Я—другое дѣло, мой ангелъ, у меня есть горе.

— Мама, давай погорюемъ вмѣстѣ! Я тебѣ не помѣшаю.

Онъ приникъ головой къ ея плечу, и Мезанжъ, держа его въ своихъ объятіяхъ и заливаясь слезами, просидѣла съ нимъ до зари.

XXXV.

А время все шло!

Въ жаркій іюльскій день по пыльному и довольно крутому подъему большой дороги шли трое людей, обливаясь потомъ, изнемогая отъ жары и постоянно спотыкаясь отъ усталости.

Это были мужчина, несшій старый чемоданъ, женщина съ большимъ узломъ и мальчикъ со скрипкой подъ мышкой.

— Я совѣмъ изнемогаю, — объявила вдругъ женщина, опускаясь на землю.

Виноградныя плантаціи тянулись по обѣимъ сторонамъ, и ни малѣйшее дуновение вѣтерка не колыхало ихъ пожелтѣвшую листву.

— Ну, подбодрись; недалеко теперь. Посмотри, дома уже виднѣются. А тамъ насъ ждетъ рюмочка, — съ притворной веселостью говорилъ мужчина. У него было бритое лицо, съ грустнымъ выраженіемъ; на головѣ была надѣта старая и грязная шляпа.

Женщина тяжело вздохнула и хотѣла было подняться, когда мальчикъ, страшно поблѣднѣвъ, вдругъ также опустился на пыльную дорогу и, хватаясь за сердце, громко вскрикнулъ:

— Мама!

Мать и отецъ кинулись къ нему. Но ребенокъ уже открылъ глаза, и щеки его покрылись легкимъ румянцемъ.

— Ничего, прошло, у меня заболѣло сердце, но теперь все прошло.

Съ этими словами онъ улыbnулся родителямъ и храбро всталъ на ноги.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ. Онъ поднялъ свою скрипку и бодро зашагалъ впередъ.

Черезъ четверть часа это тріо вошло въ село. По обѣимъ сторонамъ главной улицы тянулись два ряда низкихъ домовъ съ черепичными кровлями.

— Надо теперь отыскать постоянный дворъ тетки Коленъ, — сказала женщина, поправляя развѣшшіеся волосы и вытирая лицо.

Мужчина также отдувался и отиралъ потъ, сидя на своемъ чемоданѣ.

— Ну, это не трудно будетъ отыскать, — сказалъ онъ успокоительно. Въ такой дырѣ не можетъ быть болѣе одного постоянного двора. Тамъ же обыкновенно помѣщается и табачная лавочка, такъ что его также нельзя не замѣтить, какъ и носъ на лицѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, они тотчасъ же нашли постоянный дворъ. Въ томъ же домѣ была лавочка, гдѣ продавались, какъ гласила вывѣска, вина, ликеры, табакъ, мануфактурные и всякіе другіе товары.

За прилавкомъ стояла толстая и дряблая женщина и, отвѣщая клиенту полъ-фунта макаронъ, старалась пальцемъ незамѣтно измѣнить слишкомъ вѣрное показаніе своихъ вѣсовъ. Она подняла на вошедшихъ быстрые, черные глаза, окинула ихъ взглядомъ и сказала:

— Вы актеры, пришедшіе на праздникъ?

— Да, сударыня.

— Сейчасъ вамъ покажутъ залу. Она наверху, во дворѣ. Постарайтесь въ ней устроиться получше. Если вы хотите чего-нибудь выпить, то пройдите сюда.

Она открыла стеклянную дверь въ глубинѣ лавки. «Актеры» вошли въ большую квадратную комнату, наполненную криками, пѣніемъ, густымъ дымомъ и запахомъ кислой капусты.

Тутъ собралась вся мѣстная молодежь, развалившаяся на скамейкахъ вокругъ трехъ длинныхъ деревянныхъ столовъ. На столахъ стояли въ без-

порядкѣ бутылки вина, кружки пива и рюмки ликера.

Горничная, темная брюнетка съ лукавыми глазами, шныряла по комнатѣ среди грубыхъ и циничныхъ заигрываній толпы, и было ясно, что она болѣе заботилась о сохраненіи въ цѣлости посуды, чѣмъ объ огражденіи своей добродѣтели. Изрѣдка только, когда щипки становились слишкомъ безцеремонными, она ударомъ дюжого кулака осаживала нахала.

— Мари, пива!

— Мари, блага вина!

— Абсенту!

Молодые люди веселились отъ души.

— За твое здоровье! За твое!

Они не боялись выпивки и слыли за славныхъ малыхъ, умѣвшихъ и любившихъ пить.

Трое путешественниковъ пристѣли на краешкѣ скамейки въ концѣ стола. Сначала водворилось было молчаніе, но потомъ снова разразился потокъ грубыхъ и непристойныхъ словъ, увеличившійся еще болѣе при появленіи приличной женщины. Это что за бабенка, смахивающій на парижанку. Погоди! Мы тебя...

Длинный молодой человекъ въ фуражкѣ и высокихъ сапогахъ, украшенный эффектнымъ ярко-краснымъ галстукомъ, поднялся съ мѣста и выразительными жестами затянулъ самую циничную и отвратительную солдатскую пѣсню.

Присутствующіе яростно захлопали. Вотъ ловко придумалъ! Чего она въ самомъ дѣлѣ, эта парижанка! Всѣ пьяныя, красныя, потныя лица, дышащія ненавистью и злорадствомъ, повернулись къ незнакомцамъ:

— Что, небось, не нравится?

— Фернандъ, уйдемъ, ради Бога! — шептала Бланишъ. Она едва удерживалась отъ рыданій. Что они сдѣлали этимъ людямъ? Къ чему эта безцѣльная жестокость, это грубое безпричинное издѣвательство? Робертъ, съ взволнованнымъ лицомъ, затыкалъ себѣ уши своими маленькими кулачками. Фернандъ позеленѣлъ отъ злости.

Но въ эту минуту Мари сжалилась надъ ними и, подойдя, тихо сказала:

— Я васъ поведу въ большую залу; вы будете тамъ играть сегодня вечеромъ. Сегодня праздникъ, и поэтому они всѣ пьяны, вы ужъ извините ихъ, пожалуйста. Я вамъ подамъ ѣсть наверхъ.

Фернандъ, Мезанжъ и Робертъ встали. Публика проводила ихъ дикими воплями и пѣніемъ:

Tu t'en vas et tu nous quittes!
Tu nous quittes et tu t'en vas!

Затѣмъ позвали хозяйку, чтобы навести справки:

— Эй, мадамъ Коленъ!

— Пойдите сюда!

— На пару словъ!

— Кто эти люди?

Въ сущности ими все-таки овладѣло нѣкоторое безпокойство. Вдругъ эти парижане—какіе-нибудь буржуа, которые пріѣхали нанять дачу и которыхъ можно будетъ эксплуатировать. Напрасно они съ ними такъ обошлись!

Когда же толстая мадамъ Коленъ объяснила, кто они, то поднялся цѣлый ураганъ веселыхъ криковъ и смѣха:

— Значить, попали въ точку!

— Актеры!

— Акробаты!

— Нечего съ ними церемониться!

Старый крестьянинъ съ отвислой губой плюнулъ и сказалъ:

— Чего ужъ хуже ихъ!

— Нищѣ бездѣльники!

— А съ толстой бабенкой мы еще поговоримъ сегодня вечеромъ,—объявилъ запѣвало, гордясь успѣхомъ своей пѣсни.

— Руки коротки!

Молодежь зашпорилась, и нѣкоторые стали держать пари.

— Что жъ тутъ труднаго! На то подобныя женщины и существуютъ, чтобы разговаривать со всѣми, кто этого желаетъ,—рѣшилъ хромой портной, Пишуа, самая умная голова въ околоткѣ.

Между тѣмъ Фернандъ и Мезанжъ устраивали сцену. Они поставили четыре бочки, на которыя настлали восемь досокъ. Къ одной изъ бочекъ былъ приставленъ стулъ, съ помощью

котораго взбирались на подмости. Робертъ сидѣлъ въ углу и дѣтскимъ почеркомъ выводилъ: «За входъ, 25 сантимовъ». Эта вывѣска должна была висѣть у входной двери.

Мадамъ Коленъ устроила эту большую залу, довольно обширную, въ помѣщеніи стараго чердака, совершенно обособленномъ отъ главнаго корпуса. Проникали въ эту залу посредствомъ наружной приставной лѣстницы. Дѣвушки и женщины, поднимаясь по ней, показывали свои икры парнямъ, къ великому ихъ удовольствію. Не всегда въ деревнѣ можно доставить себѣ подобное развлеченіе!

Занавѣсъ представлялъ старый кусокъ матеріи, раздвигавшейся на кольцахъ. Снизу доносились крики, смѣхъ, ругательства пьяной компаніи.

— Пожалуй, мы наберѣмъ франковъ двадцать,—сказалъ Фернандъ, присаживаясь отдохнуть; тутъ свободно можно помѣстить до 80 человѣкъ.

Онъ сильно закаплялся. Затѣмъ продолжалъ:

— Къ счастью, публика, вѣроятно, не особенно требовательная, а то съ моимъ бронхитомъ трудно кому-нибудь угодить.

Онъ говорилъ надтреснутымъ и хриплымъ голосомъ. Мезанжъ грустно сказала:

— Я ихъ боюсь. Они такіе злые!

— Ну, что тамъ! Опрокинь въ себя рюмочку абсенту, чистаго, безъ воды, это тебя подбодритъ. Робертъ, и ты, небось, не откажешься отъ своей рюмочки?

— Да, папа,—отвѣтилъ ребенокъ,—отъ этого дѣлается такъ тепло.

Вотъ до чего они дошли!

Часамъ къ восьми зала стала наполняться. Разодѣтые парни, дѣвки вскарабкались по лѣстницѣ и, шумя накрахмаленными юбками и топая сапогами, заняли мѣста на скамейкахъ, разставленныхъ рядами напротивъ сцены.

Не смотря на свое бахвальство, парни все-таки немного сробѣли передъ величіемъ краснаго занавѣса, скрывающаго отъ нихъ «сцену». Всякая,

даже самая банальная таинственность впечатлѣній дѣйствуетъ на простые натуры. Пять су за входъ была не Богъ знаетъ какая сумма, и поэтому все село собралось поглазѣть на представленіе.

Публика кое-какъ размѣстилась, топанье тяжелыхъ сапогъ прекратилось, разговоры смолкли и зрители устремили глаза на занавѣсъ, ожидая его поднятія, какъ вдругъ раздался страшный, нечеловѣческій, раздирающій душу вопль; въ ту же минуту занавѣсъ раздвинулся, и зрители увидѣли актрису съ искаженнымъ лицомъ, стоящую на кольняхъ передъ ребенкомъ, распростертымъ на полу, между тѣмъ какъ актеръ соскочилъ, какъ сумасшедшій въ зрительную залу и бѣгалъ по ней, крича:

— Помогите, помогите!

Вотъ что случилось.

Въ ту минуту, какъ Фернандъ, осыпавшись, все ли готово, собирался раздвинуть занавѣсъ, Робертъ, только что вынувшій скрипку изъ футляра, глубоко вздохнулъ, выпустилъ инструментъ и повалился навзничь на полъ. Мезанжъ бросилась къ нему. Онъ былъ недвижимъ и лежалъ съ раскинутыми руками и устремленными въ одну точку глазами. Тогда-то Бланшъ и испустила свой страшный крикъ, а Фернандъ бросился въ публику.

Смятеніе и безпорядокъ были неописуемы. Всѣ повскакали съ мѣстъ; одни взобрались на скамейки, другіе бросились къ двери. Женщины плакали. Фернандъ кричалъ: «Доктора! доктора!». Но никто ему не умѣлъ толково отвѣтить. Мадамъ Коленъ, наконецъ, остановила его на порогѣ.

— Какой тамъ докторъ! Во всемъ околоткѣ нѣтъ ни одного!

Фернандъ, какъ потерянный, вернулся на эстраду. Онъ взялъ сына на руки и спустился съ нимъ по приставной лѣстницѣ.

— Нѣтъ ли у васъ по крайней мѣрѣ кровати? Скорѣй, постель!

Мезанжъ въ открытомъ платьѣ съ голыми руками, ничего не видя и не слыша, носилась, какъ помѣшанная,

по комнатамъ, натываясь на людей, опрокидывая стулья и столы.

— У меня нѣтъ постели!—кричала хозяйка, — понимаете, теперь вѣдь праздникъ, и все переполнено!

— Но, въ такомъ случаѣ...—задыхаясь, говорилъ Фернандъ.

— Въ такомъ случаѣ вотъ чтò! Положите его сюда; ему здѣсь не хуже будетъ, чѣмъ въ постели. Это обморокъ. Онъ сейчасъ очнется.

Она указала на старый потертый и полинялый биллиардъ, надъ которымъ она великодушно зажгла газовый рожокъ.

Фернандъ положилъ на него Роберта. Кругомъ стояли крестьяне, ошеломленные, пристыженные и напуганные. Мезанжъ, кидавшаяся изъ угла въ уголъ, подошла, наконецъ, къ биллиарду и всѣмъ тѣломъ навалилась на него рядомъ съ этимъ маленькимъ тѣломъ, продолжавшимъ оставаться неподвижнымъ. Онъ вѣдь долженъ очнуться, не правда ли?

— Робертъ, моя радость, мое сокровище, послушай меня, чтò я тебѣ скажу... Робертъ!

И она покрывала поцѣлуями его безжизненное личико. Фернандъ растиралъ въ своихъ рукахъ его тонкіе

и холодные пальчики. Ничего! Они посмотрѣли другъ на друга. Глаза Мезанжъ постепенно все болѣе и болѣе расширялись и наполнялись все увеличивающимся ужасомъ. Вдругъ она зашаталась и измѣнившимся голосомъ, напоминавшимъ голосъ маленькой дѣвочки, хрипло произнесла:

— Да неужели... Да неужели онъ умеръ?

Въ эту минуту Фернандъ упалъ на колѣни и прислонилъ голову къ борту биллиарда; онъ уже нѣсколько минутъ тому назадъ замѣтилъ, что пульсъ пересталъ биться въ худенькой ручкѣ сына.

Тогда и Мезанжъ, наконецъ, все поняла. Она вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Вся публика, мало-по-малу, какъ бы пристыженная, начала тихонько расходиться, пробираясь по стѣнкѣ къ выходу. Газовый рожокъ еще мерцалъ надъ маленькимъ покойникомъ, слабо освѣщая углы этой мрачной залы. Внѣ ея царила ночная тишина полей. Гдѣ-то очень далеко залаяла собака. Фернандъ вперилъ глаза въ пространство и ни о чемъ ровно не думалъ.

Фернандъ и Мезанжъ все еще живы.

к о н е ц ъ .

постоянно. Повели мы ее вечеромъ и дорогой купили пряникъ. Она все время прыгала и смѣялась, держа отца за руку.

Рома слухала, заставъ дыханіе. Ей казалось, что она вновь переживаетъ давно позабытое прошлое.

— Квартирка булочника оказалась обставленной бѣдно, но чисто. Хозяйская дѣвочка сидѣла на полу, играя игрушечной посудой; не успѣли мы опомниться, какъ дѣти уже подружились между собою, и между ними началась такая бѣготня, такой крикъ, что приятно было смотрѣть. Доктора это очень обрадовало.

— Вы добрый человѣкъ, — сказали онъ булочнику, — но и она у меня хорошая дѣвочка. Надѣюсь, что она не будетъ вамъ въ тягость.

— Богъ дастъ — все обойдется, — сказали булочникъ, — вы попадете въ триумвиры, какъ Мадзини, и когда республика будетъ провозглашена, пришлете за ребенкомъ. да и за мною тоже.

— Замѣтивъ, что докторъ не слушаетъ, я шепнулъ ему, что надо уходить незамѣтнымъ образомъ, что мы и сдѣлали.

Руки Ромы дрожали, а на глазахъ появились слезы.

— Дома намъ показалось очень пусто. Одна только старая кукла валялась на полу. Эта кукла заставила доктора расшакаться. Онъ хотѣлъ было увезти ее съ собою, на память; но рѣшилъ отнести опять дѣвочкѣ.

Рома откровенно плакала.

— Для этого мы въ тотъ же вечеръ вернулись къ булочнику. Дѣти уже спали, и докторъ, послѣ мучительнаго колебанія, отказался идти взглянуть на свою дочь въ послѣдній разъ. Уходя, онъ отдалъ булочнику куклу и сказалъ при этомъ:

— Отдайте ей, когда проснется; это, можетъ быть, утѣшитъ ее, бѣдную.

Наступила пауза, во время которой снуржи донесли протяжное пѣніе. Хоръ дѣтей и монахинь, въ церкви Тринита дель Монти, пѣлъ *Ora pro nobis*.

— Я больше не буду работать сегодня, — сказала Рома, — свѣта мало, а мои глаза...

— Значитъ, послѣ завтра, — сказала Росси, вставая.

— А вы въ самомъ дѣлѣ пойдете сегодня въ оперу?

— Да, непременно, — отвѣчала Росси, пристально посмотрѣвъ на Рому.

ВЪЧНЫЙ ГОРОДЪ.

Рома прекрасно поняла, что это значитъ — онъ согрѣшилъ противъ нея и хочетъ загладить свой грѣхъ. Не рѣшаясь взглянуть ему прямо въ глаза, она стала покрывать бюстъ мокрымъ холстомъ, а Росси въ это время ушелъ.

Рома удалилась въ свою спальню и легла ничкомъ на кровать. Хоръ женскихъ голосовъ продолжалъ пѣть *Ora pro nobis*...

Когда Рома встала, то борьба въ ея душѣ была уже кончена. Трупъ ненависти, которую она долгіе годы носила въ своемъ сердцѣ, былъ похороненъ. Его уже не существовало. Монастырскій колоколъ пробилъ часъ, и этотъ часъ былъ первымъ въ ея новой жизни.

Послѣ обѣда она написала слѣдующій отвѣтъ на вчерашнее письмо барона:

«Дорогой баронъ. Я предчувствую, что нахожусь еще не на совсѣмъ вѣрномъ пути, и очень жалѣю, что вы успѣли дать Мингелли порученіе. Неужели первые министры назначаютъ людей на должности по одному слову своихъ воспитанницъ, родственницъ и вообще дамъ? Не лучше ли было бы навести сначала справки? Знаете ли вы, за что Мингелли былъ выгнанъ изъ Лондона? Секретарь посольства слишкомъ важная птица для того, чтобы его можно было выгнать ни за что ни про что. А мнѣ вотъ теперь кажется, что лицо у него мрачное, отталкивающее, ность — орлиный, а глаза — лисьи.

«Что касается Д. Р., то я ошиблась, думая, что онъ меня узнаетъ. Повидимому, онъ меня совсѣмъ не знаетъ и заговорилъ о моемъ отцѣ вполнѣ случайно. Во всякомъ случаѣ я убѣждена, что не слѣдуетъ натравливать на него Мингелли. Предоставьте его одной мнѣ.

Ваша Рома».

Р. S. Княгиня Пентефрій и ея прекрасный Юсифъ пригласили меня сегодня въ оперу. Д. Р. также приглашенъ и появится вмѣстѣ со мною въ публикѣ!

«Я дѣлю бюстъ царя Давида. При ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ далеко не такъ красивъ, какъ это кажется съ перваго взгляда».

IV.

Вечеромъ маленькая княгиня заѣхала за Ромой, и онѣ вмѣстѣ отправились въ оперу въ великолѣпной англійской каретѣ. Театръ уже былъ полонъ, и оркестръ игралъ увер-

тюру. Зрители двигались взадъ и впередъ по проходѣмъ, подходили другъ къ другу, перекидывались летучими фразами, шептались, смѣялись—вся атмосфера казалась наэлектризованной. Донъ Камилло, расчесанный и надушенный, ждалъ уже дамъ при входѣ въ ложу, и когда онѣ, раздѣвшись съ его помощью, заняли свои мѣста у барьера, то въ партерѣ произошло замѣтное движение, что очень понравилось княгинѣ, тотчасъ же взявшейся за бинокль.

— Все уже полно!—сказала она,—и всѣ смотрѣли на нашу ложу! Вотъ чтò значитъ имѣть въ своей компаніи самую красивую и желанную дѣвушку въ Римѣ! Нечего сказать—сенсация. А чтò еще будетъ, когда явится вашъ знаменитый другъ!

Давидъ Росси какъ разъ въ эту минуту и появился. Княгиня встрѣтила его даже черезчуръ радушно.

— Какъ я рада! Какая честь! Джи-Джи, позвольте мнѣ васъ познакомиться: достопрочтенный Росси, донъ Камилло Луджи Мурелли.

Рома взглянула на него и осталась довольна—простой сюртукъ, ничѣмъ не отличающійся отъ сотни другихъ, но вся фигура полна достоинства; онъ взглянулъ на Рому и тоже остался доволенъ—простое бѣлое платье съ букетомъ фіалокъ на плечѣ, двѣ нитки жемчуга на шеѣ и красота, красота неслыханная; княгиня взглянула на нихъ обоихъ, и глазки ея заблестѣли.

— Неужели никогда прежде здѣсь не бывали, синьоръ Росси? Тогда позвольте мнѣ быть вашей чичероне. Садитесь здѣсь, между Ромой и мною. Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны оставаться сзади! Не бойтесь же вы, что на васъ будутъ смотрѣть—привыкли, вѣроятно, къ этому.

Росси, безъ дальнѣйшихъ споровъ, занялъ то мѣсто, которое ему указали, и волненіе въ театрѣ усилилось—всѣ стали перешептываться, улыбаться, а иногда даже и смѣяться довольно громко.

Росси вынесъ все это не сморгнувъ. Онъ точно будто за тѣмъ только и явился, чтобы исправить свою ошибку и пострадать за нее.

Рома, страшно сконфуженная, опустила голову, но княгиня зато говорила не умолкая.

— Вонъ тѣ двѣ длинныя ложи, по бокамъ сцены, называются Баркаччіями. Лѣвая предназначена для офицеровъ, какъ видите, а

правая—для статскихъ мужчинъ, безъ дамъ. Ложи перваго яруса занимаются обыкновенно высшимъ обществомъ Рима, ложи второго яруса предназначены главнымъ образомъ для дипломатическаго корпуса, а въ стульяхъ садятся люди разнаго сорта—политическіе дѣятели, литераторы, даже купцы, если достаточно богаты для этого.

— А верхніе ярусы?—спросилъ Росси.

— Ну тамъ,—небрежно произнесла княгиня,—тамъ садятся ремесленники, должно быть, а также студенты.

— А въ галлерей?

— Да тоже, я думаю, студенты. Затѣмъ, кланяясь кому-то внизу, княгиня прибавила: Джи-джи, вонъ я тамъ вижу Лю-Лю. Не забудьте пригласить его на ужинъ... Всѣ римскіе красавцы собрались сюда сегодня, синьоръ Росси, и теперь дѣлаютъ визиты по ложамъ знакомыхъ дамъ.

Княгиня опять съ кѣмъ-то раскланялась внизу и сказала:

— Рома, а вонъ графъ Коріоланъ... Мы его зовемъ первой шпагой Италіи, синьоръ Росси. Онъ имѣлъ тридцать три дуэли—какъ разъ число лѣтъ Спасителя...

Рѣчь княгини была прервана рѣзкимъ стукомъ режиссера, послѣ чего лампы въ залѣ сразу потухли, и занавѣсъ поднялся, но шумъ въ театрѣ, особенно въ верхнихъ ярусахъ, долго еще не успокаивался, такъ какъ всѣ продолжали разговаривать въ полъ-голоса.

Когда первый актъ кончился, то едва ли кто-нибудь могъ бы рассказать, чтò такое происходило на сценѣ, развѣ только въ общихъ словахъ, то-есть, что Сампсонъ любилъ Далилу, а вожди филистимлянъ уговаривали послѣднюю предать его. Студенты, на галлерей, отличающіеся острыми бородами, весело перекрикивались другъ съ другомъ и переговаривались жестами. Въ партерѣ всѣ ходили и разговаривали, въ ложахъ хлопали дверьми. Молодой красавецъ Лю-Лю пришелъ въ ложу княгини, при чемъ тотчасъ же началась бойкая болтовня и хохотъ. Давидъ Росси сидѣлъ молча, и Рома, наконецъ, сказала ему:

— Боюсь, что наша компанія кажется вамъ плохо воспитанной.

— Да, признаюсь, въ Транстевере, Уайтченелъ и Бауэри люди ведутъ себя прилично.

Въ это время донъ Камилло воскликнулъ:

— Прекрасная идея сдѣлать Сампсона героемъ оперы! Совсѣмъ въ духъ времени! У насъ теперь все приняло большіе размѣры — націи, государства, войны — все рѣшительно. Самъ пана имѣлъ это въ виду, задумывая свою Священную Римскую имперію. Она вѣдь должна быть всесвѣтною, разумѣется, союзомъ всего человѣчества, ни болѣе, ни менѣе. Воля ваша, а меня огорчаетъ это стремленіе ко всему крупному. Недостаетъ только, чтобы мы стали увлекаться крупными женщинами-великаншами, — прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на маленькую княгиню.

Эффектъ этой рѣчи потерялся, однако же, благодаря инциденту, обратившему на себя всеобщее вниманіе — появленію перваго министра, встрѣченнаго легкими аплодисментами, послѣ чего публика стала перешептываться и чаще прежняго смотрѣть на ложу княгини.

Второй актъ оказался драматичнѣе перваго, такъ какъ заключалъ въ себѣ всѣ военные подвиги Сампсона. По опущеніи занавѣса, военный министръ, генераль Морра, вошелъ въ ложу княгини.

— Что, генераль, берете уроки военного ремесла у Сампсона, перебившаго цѣлую армию ослиной челюстью? — спросилъ донъ Камилло.

— Да, недурно бы было заручиться нѣсколькими тысячами такихъ молодцовъ, — отвѣчалъ генераль, — а самого Сампсона я охотно бы принялъ въ министерство.

— Я думаю, важъ и безъ того не мало достается отъ газетъ, предсказывающихъ, что милитаризмъ самъ себя погубитъ, подобно нашему другу, Сампсону, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

— Въ наше время милитаризмъ, кажется, не одинъ приговоренъ къ гибели, — замѣтилъ генераль. О, далеко не одинъ! Въ предстоящемъ тысячелѣтіи не будетъ ни оперы, ни баловъ, ни художествъ — ничего не будетъ! Эти распорядители грядущаго совсѣмъ безжалостны; они хотятъ намъ оставить только по клочку земли въ Аркадіи и по коровкѣ.

— Охъ, уже и не говорите! — сказала княгиня, смѣясь. Мнѣ заранѣе страшно становилось. Непремѣнно поставлю большую свѣчу августинской Мадоннѣ, чтобы она сохранила насъ отъ такой печальной участи.

— Можете почивать покойно, все это пройдетъ, — сказалъ генераль, вставая. Затѣмъ онъ взглянулъ на Рому и шепнулъ

княгинѣ: ваша прекрасная гостя что-то плохо смотреть сегодня.

— Отъ любви страдаютъ, но не умираютъ, — отвѣчала княгиня также шопотомъ.

— Вы хотите сказать...

Княгиня приложила вѣеръ къ губамъ и разсмѣялась.

Давидъ Росси сидѣлъ молча, и Рома сгорала отъ стыда за его неловкое положеніе. Будучи способенъ раздавить этихъ мошекъ, потѣшавшихся на его счетъ, онъ, очевидно, молчаніемъ испугалъ свою вину передъ нею.

Вообще Ромѣ было не по себѣ. Присутствіе Росси въ ложѣ, вмѣстѣ съ нею, составляло для нея триумфъ, не триумфъ этотъ ее не радовалъ.

Третій актъ, въ которомъ Далила соблазнила Сампсона, прошелъ очень весело.

— Охъ, ужъ эти маленькія, розовенькія, мякovieкія созданыица! — сказалъ донъ Камилло. Съ любымъ гигантомъ онѣ дѣлаютъ, что хотятъ. Говорите послѣ этого о правахъ женщинъ! Онѣ сами законы дѣлаютъ. Собственно говоря, за каждымъ министромъ стоитъ женщина. Министръ внутреннихъ дѣлъ — донна Далила, министръ финансовъ...

— Джи-Джи! — едва могла выговорить отъ смѣха княгиня.

Баронъ, объдавшій у короля, явился въ ложу княгини, съ лентой черезъ плечо, съ крестами, звѣздами, вообще въ полномъ парадѣ. Онъ вѣжливо раскланялся съ Росси, фамиліарно поздоровался съ дономъ Камилло, поцѣловалъ ручку княгини и предложилъ Ромѣ пройти по коридору, такъ какъ ей видимо было очень жарко.

— Я вижу, мое дитя, что вы прекрасно начали кампанію. Великолѣпная идея — привести его сюда! Теперь всѣ говорятъ, что рѣчь его не могла быть направлена противъ васъ, и онъ, значитъ, даромъ надсаживалъ свое горло.

— Получили вы мои письма? — пробормотала Рома.

— Получилъ, будьте покойны. Я хоть и не пророкъ, а могу предсказать вамъ полную побѣду. Счастливая мысль также относительно этого Мингелли! Прямо вдохновеніе! Вы спрашивали, что онъ такое натворилъ въ Лондонѣ — подлогъ, моя дорогая.

— Такъ, стало быть, это очень серьезно?

— Для секретаря посольства — да, но для полицейскаго агента...

Баронъ презрительно разсмѣялся, такъ что Рому отъ этого смѣха передернуло.

— Ну что жь, онъ открылъ что-нибудь? — спросила она.

— Нѣтъ еще, но уже напасть на слѣдъ. Почти уже доказано, что вашъ царь Давидъ — особа, которую законъ давно уже желалъ бы заполучить.

Рука Рому задрожала подъ рукой барона, но молодая дѣвушка сдѣлала видъ, что поправляетъ свое платье, на которое наступила при поворотѣ по коридору.

— Недостаетъ нѣкоторыхъ подробностей; за ними-то Мингелли и уѣхалъ въ Лондонъ.

— Въ Лондонъ? Что-нибудь касающееся моего отца?

— Весьма возможно. Вотъ увидимъ. Но музыка уже началась, ступайте въ ложу. Вы удивительны, моя дорогая! Зло, которое онъ вамъ сдѣлалъ, уже поправлено, и половина вашей задачи рѣшена. Нечего сказать — хороши мы дипломаты! Всѣмъ намъ надо поучиться у молодой дѣвушки! Досвиданья!

Во весь слѣдующій актъ Рома какъ будто чувствовала давленіе руки барона на свою и очень покраснѣла при словахъ княгини:

— Всѣ на насъ смотреть, моя дорогая! Вотъ что значитъ быть самой замѣтной дѣвушкой въ Римѣ.

Затѣмъ она почувствовала, что Росси оперся на спинку ея стула, и вкормъ услышала его мягкій голосъ.

— Свѣтъ бѣгетъ прямо вамъ въ глаза, донна Рома; не хотите ли помѣняться со мной мѣстами?

Пока эта перемѣна происходила, сопровождаемая обычной толкотней и передвиженіемъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ ложѣ, Рома слышала, какъ кто-то сказалъ около:

— Бѣдняжка! Онъ таки, кажется, порядочно вторился.

— И при томъ безнадежно; — прибавилъ кто-то другой.

Какъ прошелъ послѣдній актъ, какъ потому Рома вышла изъ ложи подъ руку съ Росси, она почти не помнила, такъ какъ готова была упасть отъ стыда и горя.

Англійская карета подкатила къ подъѣзду, и всѣ четверо уѣхали въ нее.

— Въ Грандъ-Отель! — крикнуть донъ Камилло кучеру, а затѣмъ бросился на свое мѣсто, разсмѣялся и зашѣлъ: «И передъ

смертью онъ убилъ больше людей, чѣмъ за всю свою жизнь... и судить онъ Израиль въ теченіе двадцати лѣтъ».

V.

Холодный вѣтеръ со стороны Кампаньи нагналъ облака тумана на римскія улицы и проскальзывалъ сквозь затворенныя дверцы кареты, но въ ресторанъ было тепло, свѣтло и уютно. Пройдя черезъ первый залъ съ зеркальнымъ потолкомъ, мимо посѣтителей, курившихъ сигаретки и потягивавшихъ кофе, вся компанія очутилась во второмъ залѣ, блѣломъ съ золотомъ и тоже украшенномъ зеркалами. При яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ, за маленькими отдѣльными столиками, сидѣли группы людей, количество которыхъ постоянно прибывало.

Дамы, въ осыпанныхъ брилліантами туалетахъ, съ мѣховыми накидками на открытыхъ плечахъ, то и дѣло входили въ сопровожденіи въ высшей степени элегантныхъ кавалеровъ. При входѣ каждой отдѣльной группы, между сидѣщими уже происходило легкое движеніе — знакомые раскланивались, а незнакомые шептались другъ съ другомъ. Всѣ разсматривали другъ друга въ лорнеты; мужчины болтали, женщины смѣялись, и за каждымъ столомъ велась какая-то полудѣтская бесѣда.

Затѣмъ началась ужинъ, наполнились рюмки и стаканы, заблестѣли глаза, рѣчь стала громче, выраженія — рѣзче, вся атмосфера ресторана дышала людскими страстями.

Рома сидѣла противъ княгини. Она была еще задумчива и сконфужена, но когда надъ этимъ стали подсмѣиваться, то сразу сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы казаться веселой и счастливой. Давидъ Росси, сидѣвшій слѣва отъ нея, попрежнему былъ молчаливъ и имѣлъ видъ челоуѣка, продѣлывавшаго наложенную на него эпитимію.

Это было тотчасъ же замѣчено дономъ Камилло, сидѣвшимъ съ другой стороны Рому, и повело къ разнымъ маленькимъ сценамъ.

— Хорошее здѣсь общество, синьоръ Росси, не такъ ли? — сказалъ донъ Камилло, — всегда можно встрѣтить множество хорошенькихъ женщинъ.

— И красивыхъ молодыхъ людей, пови-
димому, — отвѣчалъ Росси.

Красавецъ, котораго звали Лю-Лю, былъ дѣйствительно здѣсь. Подойдя съ сигарой и

чашкой кофе къ дону Камилло, онъ проговорить потихоньку:

— И почему это министр не подкупить его? Въдь теперь очень легко подкупать прессу.

— Онъ сдѣлаетъ лучше, — отвѣчалъ Жи-Джи. — Онъ его отвлечетъ отъ оппозиціи предложеніемъ...

— Мѣста?

— Нѣтъ, женщины, — отвѣчалъ Камилло шопотомъ, но такъ, что Рома могла слышать.

Ей было стыдно. Все, что унижало Давида Росси, унижало и ее вмѣстѣ съ нимъ, такъ что она готова была провалиться сквозь землю.

Но самъ Росси, повидимому, ничего не замѣчалъ. Молчаливость не мѣшала ему казаться покойнымъ, веселымъ, простымъ и вѣжливымъ.

Какъ разъ рядомъ съ нимъ, за другимъ столикомъ, сидѣла жена одного королевскаго флигель-адъютанта и говорила постоянно о королѣ. По ее словамъ, король каждое утро, въ десять часовъ, катался верхомъ съ однимъ изъ флигель-адъютантовъ, которые дежурили по недѣлѣ въ мѣсяцъ.

Рома прислушивалась къ каждому слову, сказанному Росси, но слышала и разговоръ, вполголоса происходившій справа.

— Собирается быть новымъ Кола ди Ринци, не правда ли? — сказалъ Лю-лю.

— Новымъ Христомъ, — отвѣчалъ донъ Камилло. Онъ ищетъ терноваго вѣнца и проситъ распять его во имя человечества. Посмотрите! Онъ разговариваетъ съ баронессой, но въ сущности витаетъ гдѣ-то за облаками.

— Откуда онъ взялся, желалъ бы я знать, — сказалъ Лю-Лю, на что донъ Камилло отвѣчалъ жестомъ, показывающимъ, какъ играютъ на аккордеонѣ.

— Мадамъ де Тро говоритъ, что отецъ его былъ управляющимъ у князя Петролеумъ, такъ что онъ выросъ во дворцѣ. — сказала княгиня.

— Не могу повѣрить, — сказалъ донъ Камилло, — я думаю, что ему, до сего дня, никогда не приходилось даже ужинать въ порядочномъ ресторанѣ.

— А вотъ я сейчасъ его спрошу! Послушайте, это будетъ очень забавно, — сказала княгиня. Достопочтенный синьоръ Росси!

— Что прикажете, княгиня?

— Прекрасное здѣсь помещеніе, не правда ли?

— Прекрасное!

— Вы никогда здѣсь прежде не бывали, я думаю?

— О, нѣтъ, княгиня! Когда я только-что вернулся въ Италію, восемь лѣтъ тому назадъ, то больше мѣсяца служилъ здѣсь лакеемъ, — отвѣчалъ Росси, покойно и пристально глядя на свою собесѣдницу.

Блеставшіе глаза княгини погасли, а Жи-Джи и Лю-Лю принуждены были опустить головы.

Рома сама не знала, что она чувствуетъ — униженіе, стыдъ или гордость, гордость силой и смѣлостью Росси...

Холодный туманъ Кампаньи проникалъ до костей, когда всѣ вышли на улицу.

— Подайте, Христа ради! — протыгивая холодную, влажную руку, воскликнула маленькая, сгорбленная старушка, стоявшая подъ портикомъ. Пусть я умру безъ покаянія, если со вчерашняго утра съѣла хоть кусокъ хлѣба... Господь васъ благословить, дитя мое, и Его Святая Матерь и всѣ Святые угодники!

На улицахъ было пусто, и шумъ колесъ гулко раздавался между высокими каменными стѣнами домовъ. Часть былъ поздній, и электрическіе фонари, на Віа-Націонале, гасли одинъ за другимъ, оставляя улицу во тьмѣ, лишь изрѣдка прерываемой газовыми рожками, едва мелькавшими, въ туманѣ, желтымъ свѣтомъ, подобно топазу въ агатовой брошкѣ.

У дверей своего дома Рома простилась съ княгиней. Росси вышелъ изъ экипажа вмѣстѣ съ нею и, когда карета отъѣхала, Рома сказала ему:

— Приходите завтра пораньше. Я еще не начинала, собственно говоря, работать какъ слѣдуетъ.

Она была точно въ лихорадкѣ и хотѣла тотчасъ же лечь спать, но, проходя черезъ гостиную, услышала голосъ тетки.

— Это вы, Рома?

Волей-неволей приходилось войти къ ней въ комнату.

Передъ алтарикомъ горѣла красная лампадка. Старуха была въ ночномъ капотѣ, обшитомъ кружевами, но не спала. Глаза ея блестѣли, а губы тряслись.

— Наконецъ-то! Присядьте. Мнѣ нужно съ вами поговорить. Наталина! Ахъ ты, Гос-

поди, она уже спитъ. Наталина! Подайте мнѣ коньякъ. Вонъ, онъ тамъ, на туалетѣ.

Выпивъ глоточекъ коньяку и утершись платкомъ, она начала:

— Я вамъ удивляюсь, Рома! Кажется, вы не глупая дѣвушка! Чтѣ? Развѣ вы не видите, чтѣ эта женщина съ вами дѣлаетъ?.. Какая женщина? Конечно, княгиня! Приглашаетъ васъ къ себѣ въ ложу вмѣстѣ съ этимъ господиномъ. Точно на выставку! Она его ненавидитъ, но дѣлаетъ это просто изъ желанія унижить васъ. Неужели вы думаете, что барону это будетъ приятно? Страшнѣйшій его врагъ, и вдругъ въ оперѣ, вмѣстѣ съ вами! Наталина! Уберите коньякъ! Я чувствую себя совершенно разбитой!.. Наталина!

— Вы ошибаетесь, тетя, баронъ былъ въ нашей ложѣ, и онъ вполнѣ меня оправдываетъ.

— Ну, вотъ еще! Говорите вы мнѣ! Изъ того, что онъ умный человѣкъ и уважаетъ самого себя, вы выводите, что ему все равно. Я-то его знаю. Я давно его знаю. Онъ, и будучи маленькимъ, никогда не плакалъ. Онъ слишкомъ гордъ для того, чтобы признать себя обиженнымъ. Вотъ теперь, какъ бы вы ни оскорбляли его, онъ этого ни за чтѣ не покажетъ. Но я-то его знаю и должна сказать, что съ вашей стороны это—черная неблагодарность! Да и неприлично и неблагоугодно! Если вы не думаете о себѣ,—продолжала старуха слабымъ голосомъ,—то подумали бы хоть обо мнѣ. Чтѣ бы съ вами ни случилось—вы молоды; а я стара, прикована къ постели, чтѣ же со мною будетъ, если баронъ обидится? Вѣдь доходы съ имѣнія вашего отца еще въ его рукахъ; онъ каждую минуту можетъ выгнать насъ на улицу, и чтѣ же тогда со мною будетъ, я васъ спрашиваю?

Рома задышалась отъ избытка впечатлѣній, полученныхъ въ этотъ день; сердце у нея кипѣло, всякая сдержанность исчезла.

— Такъ, значитъ, весь вашъ протестъ во имя нравственности сводится только къ этому? — сказала она. Баронъ вамъ необходимъ, вы не можете безъ него существовать и потому ожидаете, что я буду продавать себя ради вашихъ нуждъ?

— Ахъ, Рома! Чтѣ это вы говорите! Не стыдно ли...

— Не стыдно ли вамъ? Вы толкаете меня въ объятія барона, не заботясь о послѣдствіяхъ, лишь бы приличія были соблюдены.

— Неблагодарная вы дѣвченка!

— Да вы сами старались убить во мнѣ всякое чувство добра и зла, внушая, что положеніе въ свѣтѣ, титулы, богатство, власть, какою бы цѣною они ни были оплачены, суть главное въ жизни. Вы сами готовы были грызться за нихъ, какъ собака за кости!

— А! понимаю! Вы добиваетесь моей смерти! Ну, чтѣ жъ... Наталина! Наталина! Гдѣ моя...

— Скажу больше: вы вооружили меня противъ отца. Пользуясь тѣмъ, что я не помню его, вы мнѣ внушили, что онъ былъ себялюбивый, тщеславный и сухой человѣкъ, бросившій своего ребенка. А отецъ мой, какъ я теперь знаю, совсѣмъ былъ не таковъ.

— Кто же это вамъ сказалъ, сударыня?

— Кто бы ни сказалъ, да знаю. Отецъ мой былъ святой и великій человѣкъ, мученикъ и любилъ меня всѣмъ сердцемъ.

— Охъ, моя голова! оже мой, какъ болитъ... Ужъ именно мученикъ! Старый социалистъ, республиканецъ, анархистъ, бунтовщикъ!

— Ну, ужъ не вамъ судить о его политическихъ убѣжденіяхъ. Онъ былъ мой отецъ—этого довольно. Вы не имѣете права заставлять меня думать о немъ дурно, какъ бы сами къ нему ни относились.

Въ эту минуту Рома была величественно-прекрасна. Съ головой, откинутой назадъ, и глазами, бросающими молніи, стояла она, протянувъ впередъ руку.

— Вы меня положительно любить хотите! Коньяку!.. Наталина!..

Но Рома уже ушла.

Передъ тѣмъ какъ лечь спать, она написала барону слѣдующее:

«Вы, несомнѣнно, ошибаетесь. Зачѣмъ тратить время, посылая Мингелли въ Лондонъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Негодяй ничего тамъ не найдетъ, а если и найдетъ, то нельзя ему будетъ повѣрить. Остановите его сейчасъ же, если хотите спасти время, казенныя деньги и ваше собственное достоинство. Остановите его! Остановите его! Остановите его!»

«Р. С. Чтобы показать, до какой степени заблуждается вашъ хваленый сыщикъ, скажу вамъ, что Д. Р. признался сегодня, что былъ лакеемъ въ Грандъ-Отелѣ!»

VI.

На слѣдующее утро Давидъ Росси пришелъ пораньше.

— Ну, вотъ, теперь мы примемся за работу понастоящему,— сказала Рома,— я теперь окончательно овладѣла идеей.

Она рѣшила сдѣлать изъ Росси не Іоанна, вѣжнаго и любимого ученика Іисуса Христа, а Петра—этого твердаго, убѣжденнаго, преданнаго, но самостоятельнаго, опибавагоса, но тѣмъ не менѣ великаго Апостола. «Ты еси Петръ и на семъ камнѣ Я построю свою Церковь».

— Пожалуйста, сидите, какъ прежде... Глаза немножко кверху. Вотъ такъ!.. Боюсь, что вамъ было вчера скучно...

— Въ театрѣ? Нѣтъ. я былъ очень заинтересованъ и не столько пьесой, сколько зрителями.

— Зрителями?

— Да. Если Італія не хочетъ оставаться простымъ музеемъ рѣдкостей, школой пѣвцовъ и танцоровъ, *cavalieri servente* Европы, держащимся за юбки другихъ націй, то она должна отбросить нѣкоторыя свои иллюзіи. Ни громадная армія, ни широкое развитіе искусствъ не прекратятъ безпорядка въ той странѣ, въ которой правящіе классы смѣются и забавляются, когда народъ голодаетъ. Італія должна прежде всего преобразоваться нравственно, и она это сдѣлаетъ, если только есть на свѣтѣ справедливость. Я не художникъ, какъ видите... А какъ вы сдѣлались скульпторомъ?

— О, я училась въ парижскихъ студіяхъ, когда была тамъ въ школѣ.

— Но вѣдь вы родились въ Лондонѣ?

— Да.

— Почему же вы пріѣхали въ Римъ?

— Да какъ же, вѣдь я италянка по происхожденію. И зовутъ меня, какъ видите, Рома.

— Знавать я одну Рому много лѣтъ тому назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Другую Рому?—голось ея дрожало нѣсколько.

— Это была дочка того друга, о которомъ я вамъ говорилъ.

— Какъ интересно!.. Нѣтъ, пожалуйста, смотрите въ окно. Благодарю васъ.

Рома боялась, что онъ замѣтитъ ея волненіе, но лицо его не выражало ничего особеннаго.

— Ей было семь лѣтъ, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ.

— Очень уже давно, вы говорите?

— Семнадцать лѣтъ тому назадъ,

— Такъ она тогда, стало быть, ровесница...

— Когда я въ первый разъ ее увидѣлъ, въ одной рубашонкѣ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, ей было три года.

Рома усмѣхнулась, но сама замѣтила, что смѣхъ ея вышелъ фальшивъ.

— Помню, какъ она лепетала молитву: «Отте насъ изиси нинибеси».

На этотъ разъ, подражая дѣтскому лепету, усмѣхнулся Росси. Затѣмъ оба, взглянувъ другъ на друга, откровенно разсмѣялись, но тотчасъ же стали опять серьезными.

— Вы, можетъ быть, не повѣрите, а вѣдь я точно будто прозрѣлъ именно съ этой минуты и тогда же почувствовалъ свое призваніе.

— Неужели?

— Право. Десять лѣтъ спустя, будучи въ Америкѣ и перечитывая великую Книгу, обновившую міръ, я вдругъ вспомнилъ лепеть Ромы: «да пойдетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко нинибеси и на земь!».

— Такъ, значитъ, это она.

— Это она ответственна за все, что я дѣлаю и что со мною дѣлаютъ; она—руководящая звѣзда въ моей жизни и главный стимулъ моей дѣятельности!

Росси опять повторилъ дѣтскимъ лепетомъ слова молитвы Господней и опять разсмѣялся, но Рома, на этотъ разъ, не могла ему вторить. И это тотъ человѣкъ, котораго она собралась предавать! Ромѣ казалось, что она съ завязанными глазами подошла къ краю пропасти, и теперь кто-то сорвалъ новязку съ ея глазъ, хотя, можетъ быть, уже и поздно.

Нѣкоторое время затѣмъ она молча работала, не будучи въ состояніи говорить. Молчаніе продолжалось такъ долго, что стало неловкимъ, но, къ счастью, выручилъ Феличе, пришедшій доложить, что завтракъ готовъ.

— Не останетесь ли вы?—спросила Рома,—я сегодня въ духѣ работать, и этимъ надо пользоваться.

— Съ удовольствіемъ.

Тетушка къ завтраку не вышла, и только голось ея, безпрестанно призывавшій Натальну, доносился изъ спальни.

Будучи занята своими мыслями, Рома почти ничего не фля.

Узналъ ли онъ ее? Навѣрно, узналъ, не можетъ быть иначе; тонъ его голоса и каждое слово это доказываютъ. Такъ почему же онъ не скажетъ этого прямо? Потому что ждетъ собственнаго ея признанія, должно быть. Онъ ей открылся, должна же и она открыться въ свою очередь. Почему же она этого не дѣлаетъ? Потому что она запуталась въ сѣтяхъ того общества, въ которомъ живетъ; потому что ей стыдно признаться въ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ она теперь сошлась съ нимъ; а главное—потому, что ей страшно обнаружить тайну его жизни, тайну, влекущую его къ тюрьмѣ, а можетъ быть и къ смерти.

Давидъ Леоне умеръ! Открыть секретъ, скрытый за этими словами, считать его открытымъ, хотя бы только между ними одними, казалось Ромѣ чѣмъ-то въ родѣ нарушенія тайны исповѣди.

Но все равно! Она должна это сдѣлать! Она должна слѣдовать указаніямъ своей совѣсти и инстинкта! Она должна признать родственную связь свою съ благороднѣйшимъ изъ людей, которые когда-либо умирали за свободу, и Давидъ Росси долженъ открыто довѣрить свою тайну дочери своего приемнаго отца, которая, конечно, никогда ему не измѣнитъ.

Дойдя до этого заключенія, Рома почувствовала, что стоитъ на прямомъ пути, но близость рѣшительнаго объясненія дѣлала ее страшно нервной и заставляла дрожать всѣмъ своимъ существомъ. Въ то время, когда они вернулись въ студию, мимо оконъ, по направленію къ Пинчіо, проходилъ полкъ солдатъ съ музыкой.

— Ахъ, счастливое дѣтство! — сказалъ Росси, — все мнѣ о немъ напоминаетъ! Я помню, когда ей было шесть лѣтъ...

— Ромѣ?

— Да. Войска вотъ такъ же возвращались со счастливой кампаніи, и покойный докторъ повелъ насъ съ ней смотрѣть иллюминацію. Пришли мы на большую площадь съ фонтанами и высокой колонной по срединѣ, въ родѣ площади св. Петра.

— Да, я знаю, Трафальгаръ-Скверъ!

— Именно. Сплошная толпа переполняла площадь, но мы нашли себѣ мѣстечко на ступеняхъ церкви...

— Да, я помню, — церкви св. Мартина. Видите, я знаю Лондонъ.

— Войска вступили въ городъ съ ближайшей желѣзнодорожной станціи...

— Чарингъ-Кросской, не правда ли?

— Да, и они маршировали подъ звуки «Британскихъ Гренадеровъ», при крикахъ стотысячной толпы. Когда появился ихъ предводитель, то посреди площади вспыхнулъ рядъ электрическихъ фонарей, какъ бы ореоломъ окружавшихъ статую великаго англичанина, много лѣтъ тому назадъ погибшаго за то дѣло, которое было теперь выиграно.

— Гордона! — вскричала Рома, забываясь все болѣе и болѣе.

— Видишь, душечка? — сказалъ докторъ Ромѣ, а она спросила: — это Богъ, папа? Я уже былъ тогда большой мальчикъ и стоялъ рядомъ съ ними. Она этого никогда не забудетъ, Давидъ, — сказалъ мнѣ докторъ.

— И она не забыла... то-есть не могла забыть, я хочу сказать... А вы мнѣ не скажали, чтѣ же съ нею потомъ случилось?

Вотъ сейчасъ, сейчасъ Рома признается... но еще одну минуточку — слишкомъ пріятно играть въ такую прозрачную двусмысленность.

— Она умерла, — отвѣчалъ Росси, опустивъ голову. Инструментъ выпалъ изъ рукъ Ромы.

— Пробывъ пять лѣтъ въ Америкѣ, послѣ того какъ полиція выгнала меня изъ Лондона, я опять вернулся въ Англію и первымъ дѣломъ отправился въ будочную на Сохо-Скверъ.

Рома слушала, затанувъ дыханіе. Росси смотрѣлъ въ окно.

— Хозяинъ былъ тотъ же, дочка его выросла, а Ромы я не нашелъ.

На глазахъ Ромы появились слезы.

— Мнѣ сказали, что она ушла, пропала — цѣлую недѣлю и затѣмъ... трупъ ея былъ найденъ въ рѣкѣ.

Рома какъ будто окаменѣла.

— Меня проводили на могилу въ Кенсалъ-Гринъ, ту, въ которой была похоронена ея мать. Подъ эпитафіей на памятникѣ послѣдней находилась надпись «Посвященъ также памяти Ромы Розелли, утонувшей въ Темзѣ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду».

«Не сегодня, не сегодня», — думала Рома, кровь въ жилахъ которой почти остановилась.

— Ну, до свиданія, я долженъ идти, — сказалъ Росси, вставая.

Рома пришла въ себя и заговорила о постороннихъ вопросахъ. Когда онъ опять явится? Наверно сказать нельзя — скоро открывается парламентская сессія, и онъ будетъ очень занятъ. Но онъ дастъ ей знать.

Рома, съ жалкой улыбкой, протянула ему руку, и онъ нѣжно пожать ее. Колокола собора, звонившіе въ эту минуту Ave Maria, не могли заглушить біенія ихъ сердецъ, хотя каждый изъ нихъ въ отдѣльности не смѣлъ еще признаться самому себѣ, что такъ же ясно слышитъ отвѣтный звукъ въ сердцѣ другого, какъ тотъ молитвенный звонъ, который доносится съ колокольной собора.

Когда Росси ушелъ, Рома отправилась наверхъ, гдѣ встрѣтила Наталину съ двумя письмами. Одно изъ нихъ отправлялось на почту, отъ тетюшки къ барону, а другое, отъ барона къ Ромѣ, было только-что получено.

Сѣвъ къ окну, изъ котораго видно было множество экипажей, такъ же, какъ и массы народа — мужчинъ, женщинъ, дѣтей съ корзинками въ яркихъ нарядахъ — возвращавшихся съ Пинчіо, Рома прочла слѣдующія строки:

«Дрожащая Рома. Тысячу благодарностей за свѣдѣнія относительно Грандъ-Отеля. Мы уже навели тамъ справки и узнали, что Давидъ Росси, служившій тамъ лакеемъ, имѣлъ рекомендацію отъ итальянскаго булочника въ Сохо. Мингелли уже въ Лондонѣ, и я послать ему это свѣдѣніе. Онъ теперь ловить рыбку въ чужихъ водахъ, и я увѣренъ, что вы спорадически узнаете, что онъ выловитъ. Я тоже жду, но надо пока притамиться. Вашъ врагъ быть смиренъ за эти дни; очевидно, въ его уже обуздали. Вотъ все-то они таковы, эти энергичные господа, создатели революцій, — ужасные любители чашу забвенія изъ рукъ хорошенькой женщины. Царь Давидъ? Да, Давидъ и Соломонъ, отецъ и сынъ въ одномъ лицѣ. Желать бы я знать, кто былъ его отецъ? Ну, да мы скоро узнаемъ это.

«Но что случилось съ вашимъ почеркомъ, дорогая Рома? Онъ такъ испортился, что я едва разбираю ваши письма. Искренно любящій Б.»

VII.

«Дорогой опекунъ. Но я вовсе не хочу, вовсе не хочу, вовсе не хочу! Я совершенно не желаю знать о томъ, что дѣлаетъ Мингелли въ Лондонѣ! Я знаю, что что бы онъ ни сказалъ, свое ли или со словъ булочника въ Сохо, все это будетъ вздоръ! Я ни единому слову его не повѣрю. А что касается синьора Росси, то я вполне увѣрена, что онъ меня не узнаетъ. Онъ думаетъ, что дочь моего отца умерла, и даже рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ тѣло Ромы Розелли было вынуто изъ Темзы (около того времени, когда вы взяли меня изъ Лондона) и похоронено. Онъ даже видѣлъ могилу и памятникъ! Кто-то тутъ кого-то зачѣмъ-то надулъ. Желала бы я знать, кто и зачѣмъ? Ваша Р. В.»

Написавъ это письмо тотчасъ же по уходе Росси, Рома отдала его Бруно, съ приказаніемъ тотчасъ же опустить въ ящикъ.

— Такъ, та-акъ! — сказалъ себѣ Бруно, взглянувъ на адресъ.

На слѣдующее утро Рома одѣлась весьма тщательно, а когда Росси не явился, то она увѣрила себя, что очень рада этому, — слишкомъ скоро пошли объясненія, надо одуматься и поуспокоиться.

Цѣлый день она проработала надъ бюстомъ. Моделировать по памяти, вспоминая выраженіе лица и пробуя воспроизвести его, было для нея новымъ удовольствіемъ. Самое трудное дѣло состояло въ томъ, чтобы уловить одно какое-нибудь выраженіе среди множества, приходившихъ на память, весьма впечатлительную, какъ у всякаго артиста.

На слѣдующій день опять Рома приготовилась встрѣтить Росси, а онъ опять не пришелъ. Ну, ничего! Это дастъ ей время приготовиться къ дальнѣйшему веденію разговоровъ. Много вѣдь еще необъясненнаго, особенно по отношенію къ его собственному дѣтству и вообще жизни. А какъ близко, иногда, подходили они къ окончательному разъясненію всего прошлаго! Какъ онъ вдругъ повернулся, когда сказалъ ей это! Какъ взглянулъ, когда сказалъ то!

Узнать ли онъ ее, въ самомъ дѣлѣ? Ну, конечно, узнаетъ! Онъ съ перваго взгляда узналъ ее, а иначе и не сталъ бы сближаться, не отдался бы въ ея руки. А какъ, все-таки, пріятно сознавать, что онъ вѣритъ въ нее!

Да нѣтъ, впрочемъ! Не могъ онъ ее узнать! Вѣдь онъ же увѣренъ, что Рома Розелли умерла. Но зачѣмъ же тогда онъ ввѣрилъ ей свой-то собственный секретъ? Положимъ, она знаетъ зачѣмъ... Догадывается по крайней мѣрѣ. Это зачѣмъ... потому что... съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи...

Но объ этомъ не слѣдуетъ думать. Это ужъ слишкомъ было бы... хотя почему же и нѣтъ?

На слѣдующій день Росси опять не пришелъ, и Рома начала беспокоиться. Равнодушенъ онъ къ ней чтѣ ли? Неужели всѣ ея мечты разлетаются, какъ дымъ? Не хотѣлось бы говорить съ Бруно, а нужно...

Бруно сумраченъ; пристально работаетъ и отвѣчаетъ сквозъ зубы.

— Скоро начинаются засѣданія Парламента,—говоритъ онъ,—поэтому у вождя партіи слишкомъ много работы, знаете ли.

— Попросите его зайти завтра. Скажите, что мнѣ нуженъ еще сеансъ, одинъ только сеансъ.

— Хорошо, скажу,—отвѣчалъ Бруно, не поднимая головы.

Но Росси не пришелъ и на другой день, а Бруно повторялъ все одно и то же:

— Слишкомъ занятъ своей республикой; времени нѣтъ.

Рѣзкость Бруно не оскорбляла Рому, потому что ей было не до того. Она начала оправдывать отсутствіе Давида Росси. Зачѣмъ онъ придетъ, въ самый дѣлъ? У него работа, работа важная для всего человѣчества, станеть ли же онъ тратить время на разговоры съ лѣнтяйкой, дилеттанткой?

— Онъ обо мнѣ теперь и не думаетъ,—съ грустью признавалась Рома передъ самой собою.

Дня черезъ три еще, когда Давидъ Росси опять не явился, грусть эта превратилась въ отчаяніе. Теперь ясно, что онъ намѣренъ избѣгать Рому. Самая атмосфера, которая ее окружаетъ, должна быть противна ему.

— Онъ никогда больше не придетъ,—думала Рома, и съ этой мыслью вся вселенная потряса для нея свою цѣну.

Спала она вообще плохо за послѣднее время, а потому, чтобы устать передъ сномъ, отправилась ночью гулять при лунномъ свѣтѣ, вдоль ограды монастыря. Дойдя до воротъ Инчю, гдѣ дорога расширяется въ круглую площадку, посрединѣ которой растетъ группа деревьевъ съ фонтаномъ передъ ни-

ми, Рома остановилась. Ночь была тихая и свѣтлая. Подъ деревьями, гдѣ стояла Рома, было однако жъ совсѣмъ темно сначала. Ни одинъ звукъ не долеталъ сюда, кромѣ тихаго журчанья фонтана, но скоро, на тропинкѣ, ведущей отсюда къ Пьяцца ди Спання, послышались шаги.

Это былъ Давидъ Росси. Онъ прошелъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ Рому, не замѣтивъ ее. Она хотѣла его окликнуть, но не могла: голоса не хватило. На минутку остановившись у стѣны, обращенной къ городу, онъ направился по той же дорогѣ, по которой пришла Рома. Неужели?.. Рома не смѣла дать воли своему воображенію, но начинавшая застывать кровь ея сразу горячей волной залила все лицо молодой дѣвушки и заставила дрожать ея члены. Подождавъ, чтобы Росси отошелъ нѣсколько, она направилась по его слѣдамъ.

Вѣрно! Онъ остановился около монастыря и смотрѣлъ на ея окно! Въ одномъ изъ нихъ виденъ свѣтъ, и Росси не сводитъ глазъ съ этого свѣта. Постоявъ нѣсколько времени, онъ направился къ лѣстницѣ и сталъ медленно сходить по ступенькамъ, останавливаясь и оглядываясь на ея домъ. Еще разъ Рома хотѣла позвать его, но голоса опять не хватило. Еще минута, и онъ скрылся за домами... Часы на церкви пробили полночь.

Вернувшись домой и взглянувъ на себя въ зеркало, Рома залюбовалась своимъ лицомъ; оно было какъ въ огнѣ, и глаза блестѣли таинственнымъ свѣтомъ. Эту ночь она совсѣмъ не спала; сердце ея радостно и музыкально билось, а луна и звѣзды пѣли въ ковѣнную пѣснь любви.

— Ахъ, если бы только знать навѣрное!—думала она.

На утро пришлось опять взяться за Бруно. Онъ попрежнему былъ несообщителенъ и не поднималъ своей косматой головы отъ мрама.

— Сказать по правдѣ, донна Рома,—говорилъ онъ,—человѣку, работающему для общества, лучше не обзаводиться семьей. А синьоръ Росси именно такой человѣкъ.

— Неужели? Развѣ онъ такой человѣкъ? Но я все-таки не понимаю—вѣдь нельзя же не имѣть ни отца, ни матери.

— По крайней мѣрѣ можно не обзаводиться женой. Синьоръ Росси думаетъ, что общественный дѣятель есть въ своемъ родѣ

священникъ, отказавшійся отъ роду и племени. Тѣмъ просторнѣе для другихъ.

— Такъ поэтому-то...

— Поэтому-то онъ и не вступаетъ на путь соблазна, какъ говорится.

— Вы думаете, что онъ...

— Я думаю, что онъ именно поэтому избѣгаетъ женщинъ.

— Онъ ему, можетъ быть, противны. Вѣдь есть же такіе люди...

— Это ему-то онъ противны? Да синьоръ Росси считаетъ ихъ ангелами небесными. Онъ всегда предпочтетъ одну женщину сотнѣ тысячъ мужчинъ!

Ахъ, милый остолопъ! Онъ уже поналъ въ ловушку и расскажетъ теперь все, что Ромъ такъ хочется знать. Лукаво прищуривъ глазки, она сказала съ поддѣльной беззаботностью:

— Такъ-то такъ, но можетъ быть онъ еще не встрѣтилъ этой одной женщины, Бруно.

— Можетъ быть, нѣтъ, а можетъ быть, да, кто его знаетъ,—сказалъ Бруно, старательно тюкая молоточкомъ по мрамору, отъ котораго во всѣ стороны отлетали кусочки.

— Да ужъ вы-то бы знали, Бруно, если бы что-нибудь было.

— Можетъ, и зналъ бы, а можетъ, и нѣтъ,—отвѣчалъ Бруно, а затѣмъ, почесавъ свою мудрую голову, прибавилъ:— въ любовныхъ дѣлахъ побѣждаетъ тотъ, кто за ними не гоняется.

— Это онъ такъ говоритъ, Бруно?

— Да, и онъ. Разъ ваша бабушка его отчитывала, что почему онъ не женится; великое, говоритъ, дѣло имѣть сердце, которое бы дѣлило наше горе и нашу радость.

— Ну, что жъ онъ?

— Женская любовь, говоритъ, самое великое дѣло на землѣ, только я, говоритъ, сейчасъ же уйду, если заинтересуюсь кѣмъ-нибудь.

— Неужели такъ и сказалъ?

— Сейчасъ провалиться,—сказалъ.

— Такъ что вы думаете...

— Такъ что я думаю, что, будь я женщиной, такъ пересталъ бы и думать о немъ.

— Такое прямодушіе съ вашей стороны очень похвально, Бруно.

— Можетъ, и не похвально, но ужъ что сказано, то сказано.

Бруно имѣлъ видъ человѣка, одержавшаго нравственную побѣду, и у Ромы, глаза

которой блистали радостью, явилось желаніе охватить его глупую, честную, косматую голову и цѣловать ее безъ конца.

Поздно вечеромъ въ этотъ день она сидѣла въ своемъ будуарѣ и писала письмо. Лампа стояла съ лѣвой стороны отъ нея и отбрасывала тѣнь ея фигуры вправо, на занавѣсъ окна, выходившаго къ монастырю. Повременамъ Рома взглядывала на эту тѣнь и лукаво улыбалась при видѣ рѣзкой ея определенности, благодаря которой всякій, смотрящій на окно снаружи, сразу узналъ бы знакомый силуэтъ. Поймавъ себя на этомъ неблагоразумномъ занятіи, Рома покраснѣла и принялась торопливо донисывать письмо.

Но и письмо тоже не отличалось благоразуміемъ. Оно было безъ подписи и безъ адреса, а стало быть и не предназначено для почты. Вотъ что она писала въ этомъ письмѣ:

«Приходите ко мнѣ! Почему вы не приходите! Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ. Я должна исповѣдываться передъ вами, и вы будете поражены моей исповѣдью. Вы считаете одну дѣвушку умершей, а она жива и такъ близка къ вамъ. Какъ мнѣ открыть вамъ это? Сыграть или спѣть что-нибудь? Не спѣть ли «Британскихъ Гренадеровъ», наприимѣръ? Поймете ли вы, что это значить, или я должна сказать яснѣе? Я должна васъ видѣть и если вы ко мнѣ не придете, то я приду къ вамъ. Можетъ быть, вы не хотите болѣе приходите ко мнѣ? Ну, такъ пусть мы встрѣтимся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, за городомъ, наприимѣръ, гдѣ мы могли бы быть одни. Не правда ли, невозможное письмо? Ахъ, если бъ вы мнѣ написали такъ же! Напишите!»

Подождавъ полночи, Рома легла спать, а письмо положила въ обычный ящикъ для любовной почты—подъ подушку. «Проснусь ночью», думала она—«и услышу, какъ шуршитъ бумага, а тогда»...

Все это было очень мило, очень пріятно, но совершенно по-дѣтски. Поймавъ себя еще разъ на такомъ ребячествѣ, Рома опять покраснѣла и закрылась съ головой одѣяломъ.

На другой день утромъ пріѣхала княгиня Беллини съ дономъ Камилло.

— Вотъ вамъ Джи-Джи!—вскричала она, только-что войдя въ комнату. Онъ приглашаетъ насъ завтра на испытаніе охотничьихъ

собакъ въ Кампаньѣ. Поѣдемте, если хотите. А можетъ быть и синьоръ Росси...

— Да, если только онъ умѣетъ ѣздить верхомъ и найдетъ для этого свободную минутку.

— Именно, — сказалъ донъ Камилло. Должность пророка имѣетъ свою дурную сторону — ее трудно согласить съ собственными удобствами. Ходятъ слухи, что нашъ знаменитый депутатъ, за послѣднее время, разошелся немножко съ своей партией и съзываетъ теперь митингъ, для того, чтобы объявить свою хартію и символъ вѣры не имѣющими никакого значенія. А все-таки прокатиться за городъ будетъ не вредно даже для такого великаго политика, и если прикажете, то я...

— Ну, ужъ предоставьте это Ромѣ, а сами позаботьтесь объ остальномъ, — сказала княгиня. Мы, вѣдь, душечка, къ вамъ на минутку. По дорогѣ въ засѣданіе этого скучнаго общества «Трудъ и милосердіе». Знаете? На Корсо? Покровительство бѣднымъ дѣвушкамъ, кажется, или что-то въ родъ этого. Но прежде надо зайти къ тетюшкѣ. Джи-Джи, что же вы?

Черезъ нѣсколько минутъ Рома готова была выйти изъ дома. Шудель прыгалъ и лаялъ, надѣясь, что его возьмутъ съ собою.

— Прикажете карету, вчеленца?

— Нѣтъ, сегодня не нужно, благодарю васъ! Тише, «Блэкъ», пошелъ прочь! Подержите его, Феличе!

Въ снѣгахъ швейцаръ подаль ей письмо съ печатью министра, но она положила его въ карманъ, не читая. Только уже помѣстившись въ купэ, которое она наняла на улицѣ и приказавъ кучеру вести ее на Пьяцца Навона, Рома стала читать письмо барона.

Когда княгиня и донъ Камилло вышли изъ комнаты тетюшки, то Рому уже не застали. Только одинъ «Блэкъ» визжалъ и царапался въ дверь.

— Куда же это она дѣвалась? И какъ скоро! Бѣдная собака очень недовольна, что ее не взяли. Вѣдь это она, кажется, бѣгала за депутатомъ-то?

— Она. Ее зовутъ «Блэкъ». Я подержу его, Феличе, пока вы откроете дверь. Ну, «Блэкъ», «Блэкъ», добрая собака!.. Ахъ, разбойникъ, вырвался!

— «Блэкъ»! «Блэкъ»! Назадъ!

— Не стоитъ, Феличе, онъ ужъ теперь далеко, да и не пропадетъ.

Сходя съ лѣстницы, княгиня шепнула своему кавалеру:

— Вотъ если сегодня «Блэкъ» вернется со своей хозяйкой, такъ мы будемъ знать, куда она ѣдила.

Тѣмъ временемъ Рома читала слѣдующее:

«Дорогая моя. Я уѣзжалъ изъ Рима на нѣсколько дней и потому не отвѣчалъ на ваше очаровательное письмо. Пожалуйста, не беспокойтесь о пустякахъ. Если откроемъ что-нибудь вѣрное, то тѣмъ лучше. Р. Р. умерла. слава Богу, и не станеть вамъ поперекъ дороги. Но если докторъ Розелли не знаетъ Давида Росси, то почему же Давидъ Росси знаетъ такъ много о докторѣ Розелли? Это опять ключъ къ секрету. Еще разъ спасибо. Тысячу разъ спасибо!

«Изъ Лондона нѣтъ еще никакихъ вѣстей, и хотя я не претендую на предвидѣніе, а все же увѣренъ, что мы стоимъ на настоящемъ пути.

«Завтра у меня обѣдъ, моя дорогая, и я былъ бы вамъ очень обязанъ, если бы вы позволили мнѣ взять на время Феличе. Будутъ: ваша княгиня Пентефрій, вашъ донъ Іосифъ Прекрасный, вашъ графъ Синьорина, нашъ сенаторъ Томъ-Титъ и — повѣрите ли? — ваша мадамъ де-Тро! Я вамъ ни въ чемъ не отказываю, какъ видите, но положительно чувствую себя несчастнымъ, что единственный лучъ свѣта во всемъ Римѣ не освѣтитъ на этотъ разъ мрачныхъ залъ моего дома!

«Какъ умно съ вашей стороны пустить ниль въ глаза даже самой тетюшкѣ! Какъ мы удивимъ вскорѣ всѣхъ этихъ горячихъ пророковъ въ пиджакахъ! До свиданія».

«Бонелли».

Когда экипажъ повернулъ на Пьяцца Навона, Рома разорвала это письмо на мелкіе клочки и выбросила ихъ изъ окна.

VIII.

Когда Рома, предшествуемая старымъ гаррибальдийцемъ, поднималась на лѣстницу квартиры Давида Росси, то до нея издали уже долеталъ громовой голосъ Бруно.

— Любите того, кто васъ любитъ, синьоръ, и не бросайте его! Вотъ моя философія. Что ты на это скажешь, Джузеппе-Мадзини-Гаррибальди? Посмотрите-ка на него, синьоръ Росси! Республиканецъ, демократъ, социа-

листь и бунтовщики! Аккуратно разъ въ день опрокидываетъ правительство своей семьи—смѣщаетъ и короля и королеву! Ловите, дядя Давидъ! Разъ, два, три!

Крики, смѣхъ, бѣготня, испуганный женскій голосъ. Затѣмъ вдругъ полное молчаніе и шепотъ гаррибальдийца: «Она опять пришла, синьоръ».

— Донна Рома?

— Да, она.

— Войдите! — сказалъ Давидъ Росси, и она увидѣла его чрезъ открытую дверь—онъ стоялъ среди комнаты, съ барахтавшимся мальчикомъ на рукахъ. Спустивъ мальчика на полъ, онъ сказалъ ему:

— Бѣги къ тетѣ и поцѣлуй у ней ручку.

Но мальчикъ стоялъ въ нерѣшимости, и Рома, войдя въ комнату, сама нагнулась и поцѣловала его.

— Какой молодецъ! Его зовутъ Джузеппе, не правда ли! А сколько ему лѣтъ? Шесть? Скажите, пожалуйста! Я вѣдь его, кажется, уже видѣла, синьора Рокко?.. Да? Онъ былъ тутъ въ прошлый разъ? Кажется, былъ. Какъ глупо съ моей стороны забыть объ этомъ! Ахъ, да, я даже припоминаю—онъ былъ въ одной рубашкѣ и спалъ. Еще синьоръ Росси держалъ его на рукахъ.

Сердце матери, конечно, было тотчасъ же побѣждено.

— А вы любите дѣтей, донна Рома?

— Какъ же ихъ не любить!

— Не любя дѣтей, нельзя быть порядочной женщиной, — сказала Елена.

— А все-таки какъ странно, — сказала Рома, — я прежде совсѣмъ дѣтей не замѣчала, а теперь, какъ-то сразу, почти ихъ однихъ только и вижу.

Во время этого разговора, Бруно, вспоминая, что онъ не исполнилъ еще порученія Ромы—не отдать письма на почту—вышелъ потихоньку изъ комнаты и сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ.

— Поди сюда, Джузеппе, — сказала Елена, но мальчикъ, усѣвшій освоиться съ Ромой, не отходилъ отъ нея.

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте его! — сказала Рома, — я зашла только на минутку. Дѣло въ томъ, — продолжала она, обращаясь къ Росси, — что завтра будетъ травля собакъ въ Кампани, и донъ Камилло приглашаетъ васъ, если вы любите ѣздить верхомъ и...

— А вы будете?

— О, да, вмѣстѣ съ княгиней. Но вѣдь не проѣздимъ же мы цѣлый день за собаками, а потому, оттуда...

— Я непременно буду.

— Прекрасно! Я за этимъ только и явилась. Значить...

Рома сдѣлала видъ, что уходитъ, но Росси сказалъ:

— Погодите немножко! Ужъ разъ вы здѣсь, то я вамъ намѣренъ показать кое-что.

— Мнѣ?

— Да. Поидеите сюда.

Потѣловавъ мальчика, Рома постѣдовала за Росси въ гостиную.

— Одну минутку! — сказалъ онъ, скрываясь за дверью спальни.

Вернулся Росси почти тотчасъ же, держа въ рукахъ нѣчто завернутое въ носовой платокъ. При развертываніи платокъ упалъ на полъ, и Рома съ перваго взгляда увидала на немъ свой шифръ.

— Кажется, это вашъ платокъ, — проормоталъ сконфуженный Давидъ, — вы его уронили, когда были здѣсь прошлый разъ... Я долженъ бы былъ возвратить...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Это не мой платокъ... Вы ошибаетесь... — сказала Рома, сконфузившись еще болѣе, хотя сердце ея прыгало отъ радости.

Росси поднялъ платокъ, положить его въ боковой карманъ и протянулъ Ромѣ картину, которая была въ немъ завернута.

— Мы такъ много говорили о моемъ другѣ, докторѣ Розелли, что вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ видѣть его портретъ.

— Его портретъ? Неужели у васъ есть его портретъ?

— Вотъ онъ, — сказалъ Росси, подавая ей фотографію, обыкновенно висѣвшую у его кровати.

Рома почти вырвала изъ его рукъ эту фотографію и стала пристально въ нее всматриваться, при чемъ губы ея дрожали, а на щекахъ выступили слезы. Постѣдовало продолжительное молчаніе, послѣ чего Рома, едва успѣвъ справиться со своимъ волненіемъ, сказала:

— Это, стало быть, отецъ маленькой Ромы?

— Да, онъ.

— Портретъ похожъ?

— Очень.

— Прекрасное лицо! Весьма почтенное! Такимъ онъ и былъ въ тотъ день... на Кенсаль-Гринскомъ кладбищѣ?

— Какъ разъ такимъ.

— И когда относилъ куклу назадъ въ Сохо?

— Да.

Не будучи въ состояніи побороть свое волненіе, Рома поднесла портретъ къ губамъ и поцѣловала его. Затѣмъ, переводя духъ и глядя на Росси сквозь радостныя слезы, прибавила:

— Это потому, что онъ былъ вашъ другъ... и... и любилъ мою тезку.

Давидъ Росси не отвѣчалъ. Но когда молчаніе стало очень продолжительнымъ, то Рома прибавила съ нервнымъ смѣхомъ:

— Хотя она не заслуживала счастья имѣть такого отца. Такіе отцы рѣдки, а она...

— Да вѣдь она была еще ребенкомъ!

— И все-таки, имѣя такого отца...

— Не забудьте, что ей было всего семь лѣтъ отъ роду.

— Хотя бы! Не будь она себялюбива... Вѣдь она была же себялюбива, синьоръ Росси?

— Не обижайте мою Рому!

Глаза послѣдней блеснули, щеки покрылись густымъ румянцемъ, а нервы были натянуты до такой степени, что ей хотѣлось бы тотчасъ же открыться Давиду, но почему-то она сдѣлать этого не посмѣла.

— Простите,—сказала она тихимъ голосомъ,—вамъ, конечно, лучше знать. Можеть быть, много лѣтъ спустя, когда она узнала, каковъ былъ ея отецъ... То-есть, если бы она была жива... Не договоривъ фразы, Рома опустила глаза и замолчала.

— Я хотѣлъ предложить этотъ портретъ вамъ,—сказалъ Росси.

— Мнѣ?

— Вѣдь вамъ хотѣлось бы имѣть его?

— Больше, чѣмъ что-либо на свѣтѣ!.. Но и для васъ онъ тоже дорогъ?

— Дороже всего, что имѣю.

— Какъ же вы мнѣ его отдаете?

— Вы—единственный человекъ на свѣтѣ, которому я могу его отдать.

Ромѣ трудно было сдерживаться долѣе, поэтому она упала въ кресло и стала, рыдая, цѣловать портретъ.

Росси съ доброй улыбкой смотрѣлъ на нее. Еще немного, и между ними состоялось бы

полное объясненіе, но въ это время, сквозь щель двери, просунулась кудрявая головка мальчика.

— Не просите меня войти,—потому что я не собираюсь!

— Если бы я была большимъ кавалеромъ, то я вошла бы,—сказала Рома, понявъ мальчика инстинктомъ матери, таящимся въ каждой дѣвушкѣ.

— Ну такъ чтожь, и я войду,—сказалъ Джузеппе съ сіяющимъ лицомъ.

— Bravo! Здѣсь есть рояль!—вскричала Рома, вскочивъ съ кресла и садясь къ инструменту.

— Что тебѣ сыграть, Джузеппе?

Мальчику было все равно, лишь бы только играли; поэтому Рома взяла нѣсколько аккордовъ и притворилась, что думаетъ. Продѣлавъ эту маленькую сцену притворства, она ударила по клавишамъ и заиграла то, что хотѣла.

Это былъ гимнъ «Британскихъ Гренадеровъ». Она даже пропѣла нѣсколько куплетовъ этого гимна, на англійскомъ языкѣ и произносила слова по-дѣтски.

Мальчикъ тотчасъ же схватилъ темпъ и сталъ маршировать подъ музыку. Давидъ Росси стоялъ повернувшись лицомъ къ камину, но Рома, взглянувъ случайно въ его сторону, замѣтила, что онъ смотритъ на нее въ зеркало. При этомъ, чтобы не разрыдаться истерически, она перестала пѣть и захохотала.

Какъ разъ въ эту минуту дверь съ шумомъ распахнулась, и «Блэкъ» влетѣлъ въ комнату. Слѣдомъ за нимъ шла Елена.

— Царапается въ дверь, хоть ты что хочешь!—сказала она;—я думала—онъ съ вами.

— Это онъ въ гости пришелъ къ синьору Росси,—сказала Рома и затѣмъ, обращаясь къ послѣднему, прибавила:—вы совсѣмъ похитили у меня сердце моей собаки.

— Вотъ я то же скажу про мальчика,—замѣтила Елена.

— Да вѣдь Джузеппе идетъ въ солдаты, кажется?

— Нѣтъ, онъ хочетъ быть швейцаромъ.

— И прекрасно! Я его потомъ возьму къ себѣ,—сказала Рома.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ, а Елена подумала: «И что врутъ про нее—какъ, право, не стыдно».

Огонь въ каминѣ погасаль, сумерки сгустились.

— Подать огня, синьоръ?—спросила Елена.

— Только не для меня,—сказала Рома,— я сейчасъ уйду.

Но она не ушла и тогда, когда мать съ сыномъ вышли изъ комнаты. По мѣрѣ постоянно усиливавшейся темноты, Давидъ и Рома безсознательно придвигались ближе другъ къ другу и покойно разговаривали. Желаніе высказаться боролось въ сердцѣ Ромы съ удовольствіемъ сохранить тайну. Но подъ конецъ она не выдержала.

— Я много думала отой исторіи, которую вамъ рассказывали въ Лондонѣ,—начала она.

— То-есть о смерти и похоронахъ Ромы. Вамъ никогда не приходило въ голову, что это можетъ быть неправда?

— Никогда!

— Можетъ быть, кому-нибудь нужно было распространить слухъ о ея смерти, тогда какъ она жива?

— Да кому же это нужно? Кому какое дѣло до дочери бѣднаго доктора, который потомъ умеръ на Эльбѣ?

— Такъ вы, значитъ, только въ послѣдствіи узнали, что онъ былъ князь?

— Я узналъ это только въ день вашего перваго визита сюда.

— А объ его дочеряхъ вы ничего не слыхали?

— Одинъ только разъ и въ тотъ же самый день. У меня былъ одинъ господанъ изъ Лондона, пользующійся худой славой...

— Какъ его зовутъ?

— Карло Мингелли.

— Ну что жъ онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, что Рома Розелли не умерла... а пожалуй, еще хуже—попала въ руки дурного человѣка, который пользуется ею для дурныхъ цѣлей.

— И вы... и вы повѣрили этому?

— Ни одному слову не повѣрилъ! Я называлъ Мингелли лжецомъ и вытолкалъ его вонъ.

— Такъ вы... вы, стало быть, думаете... что если она жива...

— Если моя Рома жива, то она должна быть хорошей дѣвушкой.

Все существо Ромы было потрясено не то великой радостью, не то великимъ горемъ. Вѣра ея въ чистоту душила ее. Она не могла говорить и не смѣла признаться.

— Не согласитесь ли вы звать меня Ромой, въ память вашего стараго друга?—сказала она прерывающимся голосомъ, послѣ минутнаго молчанія...

Рома окончательно пришла въ себя, только вернувшись домой, въ комнату тетки.

Графиня разрушила ея очарованіе своими слезами, вздохами и совѣтами.

— Я только хочу предохранить васъ, Рома, отъ ударовъ судьбы. Помните, что вы—невеста барона. А этотъ маньякъ не долго протянетъ. Все, что вы говорите о разбитыхъ сердцахъ и прочее,—можно поправить постомъ и молитвою. Господь милостивъ! Но, пожалуйста, не боритесь съ обществомъ! Оно никогда не прощаетъ тому, кто нарушилъ добрыя, старая приличія. И хорошо дѣлаетъ!

Передъ обѣдомъ Рома написала министру отвѣтъ:

«Дорогой баронъ Бонелли! Но говорила ли я вамъ, что Мингелли ничего не откроетъ? Я теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, увѣрена, что мы во всемъ ошибаемся. Послушайте моего совѣта—бросьте это дѣло! Бросьте его! Бросьте его! Я, по крайней мѣрѣ, бросаю! Ваша

Рома Волонна».

«Желаю успѣха обѣду! Феличе послала. Онъ передастъ вамъ это письмо. Р. В.»

IX.

Настало прекраснѣйшее зимнее утро въ Римѣ. Солнце сіяло, прохладный, неподвижный воздухъ былъ напоенъ благоуханіями травъ и цвѣтовъ. За воротами, ведущими къ Via Appia—старой Аппіевой дорогѣ—группы держали покрытыхъ попонами лошадей, а охотники, въ красныхъ костюмахъ, бѣлыхъ брюкахъ и высокихъ сапогахъ, медленно ѣхали къ мѣсту, предназначенному для травли. Тутъ же тянулась цѣпь экипажей, переполненныхъ дамами; изъ нихъ инны были въ амазонкахъ, а по краямъ дороги стояли нищія, въ большинствѣ больные или изуродованные. Въ попутныхъ селеніяхъ встрѣчались грушны дѣтей, собравшихся взглянуть на процессію.

Американскій и англійскій посланники ѣхали верхами, сзади великолѣннаго экипажа, кучеръ и лакей котораго были въ красныхъ съ золотомъ ливреяхъ.

— Глядя на эту сцену, кто бы подумать, что городъ волнуется отъ всеобщаго недовольства?—сказалъ англичанинъ.

— Римъ?—отвѣчалъ американецъ, аристократическій индифферентизмъ мѣшаетъ ему замѣчать роковыя перемѣны, совершающіяся не только гдѣ-либо въ мірѣ, но и въ немъ самомъ. Вотъ эти поля, напримѣръ, кому они принадлежатъ? Номинально—старой римской знати, а на самомъ дѣлѣ—купцамъ изъ Кампаньи, которые разбогатѣли, снимая ихъ въ аренду у князей и сдавая отъ себя бѣднякамъ.

— А какъ же поживаютъ сами князья-то?

— Да плохо. Они уже потеряли всякое политическое значеніе; государство съ ними не считается.

— Они, повидимому, не идутъ ни въ армию, ни во флотъ.

— Чѣмъ же они занимаются?

— Лкбовью, ухаживаньемъ! Главное ихъ занятіе состоитъ въ торговлѣ своими древними титулами, которые они отдаютъ за наши новыя, американскія и англійскія богатства. А мы имъ въ этомъ помогаемъ! Мистрессъ Хирамъ Пауэръ постоянно вертится около нихъ со своей дочерью и долларами. Она и теперь здѣсь, мы ее истрѣтимъ гдѣ-нибудь.—Американецъ махнулъ рукою по направленію къ экипажамъ.—Оставивъ своего супруга, какого-нибудь президента Свертлиливой компаніи, сверлить дыры въ Америкѣ, она здѣсь, въ Грандъ-Отелѣ, откармливаетъ итальянскихъ прощатыгъ, ухаживающихъ за рукою и сердцемъ ея дочки; ухаживающихъ безъ унаженія, безъ искренности, безъ энтузіазма, а только съ расчетомъ возродить на американскія деньги старую римскую жизнь, съ ея прежними интригами, пороками, преступленіями, только на почвѣ современной цивилизаціи.

— А что же, тѣмъ временемъ, дѣлаетъ итальянскій народъ?

— А итальянскій народъ, тѣмъ временемъ, какъ и англійскій, и германскій, и всякій другой, въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще сохранились привилегированные классы, мало-по-малу, громадной волной, поднимается для того, чтобы выбросить эти обломки стараго порядка вонъ изъ новой жизни.

— И эта народная волна олицетворяется людьми, подобными нашему другу Росси?—

спросилъ англичанинъ, заглядывая въ экипажъ, ѣхавшій впереди.

— Пожалуй, если у него хватитъ выдержки. Для начала, онъ выставилъ крупную идею! Свобода взамѣнъ авторитета! Человѣчество взамѣнъ государства! Вотъ какъ я его понимаю, дорогой сэръ, и помоему это наиболѣе революціонная идея изъ всѣхъ, народившихся со времени первыхъ христіанъ, которые собирались въ катакомбахъ. У тѣхъ тоже была великая идея: Цезарь или Христосъ—кому первенствовать? Теперь Цезарь и Христосъ слились, чтобы царствовать совмѣстно.

— А гдѣ же Тарпейская скала политики нашего друга Росси?

— Вонъ тамъ,—отвѣчалъ американецъ, понизивъ голосъ, махнувъ головой впередъ и похлопывая себя хлыстикомъ по сапогу.

— Донна Рома?

— Двѣ недѣли тому назадъ мы слышали его рѣчь о красныхъ съ золотомъ ливреяхъ, а теперь—посмотрите-ка—онъ самъ ѣдетъ въ экипажѣ съ такими ливреями.

— Вы полагаете, что изъ этого нельзя сдѣлать никакого другаго вывода?

— Да вѣдь это вѣчная исторія съ вождями революцій,—сказалъ американецъ, покачивая головою.—всѣ они Сампсоны по силѣ и Сампсоны по слабости.

— Я не могу согласиться съ вашимъ заключеніемъ, генераль, —сказалъ англичанинъ,—и продолжаю ѣздить въ донну Рому.

— Здравствуйте, генераль Поттеръ!—крикнулъ веселый голосокъ изъ передняго экипажа.

Это была сама Рома. Она сидѣла рядомъ съ маленькой княгиней, а на передней скамейкѣ помѣщался Давидъ Росси. Рома была очень оживлена и казалась красивѣе обыкновеннаго въ своей амазонкѣ.

Посланники подѣхали къ дверцамъ экипажа. Послѣдовали представленія и взаимныя привѣтствія. Рома тотчасъ же завязала съ американцемъ веселую болтовню.

— Не выдавъ насъ въ красномъ костюмѣ, генераль, я и не думала, что вы такой молоденькій.

— Ахъ, шалунья! Какъ не стыдно смѣяться надъ моими сѣдинами!

Весело разговаривая, проѣхали они по древней дорогѣ, съ кучами камней и развалинами гробницъ по сторонамъ.

На мѣстѣ травли стояла уже громадная толпа зрителей, по преимуществу иностранцевъ въ кэбахъ, каретахъ и запряженныхъ четвернями omnibusахъ главныхъ отелей.

Распорядитель травли, окруженный нетерпѣливо лающими собаками, былъ уже готовъ приступить къ дѣлу. Холмистая мѣстность, залитая солнечнымъ свѣтомъ, пестрѣла афишерами въ синихъ костюмахъ, охотниками — въ красныхъ, дамами — въ черныхъ, жокеями въ разноцвѣтныхъ курткахъ. Лаи собакъ, ржаніе лошадей, говоръ разноязычной толпы дополняли картину.

Донъ Камилло съ лошадью ждалъ уже свою компанію. Всѣ сейчасъ же сѣли на сѣдла. Подъ Ромой была покойная гнѣдая кобыла, съ чудными, задумчивыми и добрыми глазами. Генераль Поттеръ помогъ молодой дѣвушкѣ стать въ стремя. Подобравъ поводья, она шагомъ тронулась по высокой травѣ.

— Что случилось съ вашей пріятельницей, княгиня? — сказалъ американецъ, — всегда она прекрасна, а сегодня это уже что-то изъ ряда вонъ выходящее.

— Она подобна Уиндифъ, нашедшей свою душу. — замѣтилъ англичанинъ.

— Любовь и кашель не скроешь, господа. — сказала княгиня, смѣясь и подмигивая на Росси.

— Вы хотите сказать...

— Тсъ!

Тѣмъ временемъ Росси, одѣтый въ обыкновенный костюмъ, подходилъ къ лошади, которая для него была заготовлена — высокому, сильному жеребцу съ дикими глазами и раздувающимися ноздрями. Грузъ — англичанинъ, державшій эту лошадь, съ сомнѣніемъ поглядывалъ на всадника, а вокругъ собралась даже цѣлая кучка любопытныхъ, чтобы посмотреть, чѣмъ кончится попытка сѣсть на такого звѣря.

Ко всеобщему изумленію, однако жъ, Росси, захвативъ поводъ, легко вспрыгнулъ на сѣдло и тотчасъ же подѣхалъ къ Ромѣ.

Прозвучалъ рогъ, свора собакъ залилась дружнымъ лаемъ, и начало бѣшеной скачки было положено.

Охотникамъ прежде всего предстояло перепрыгнуть черезъ невысокій заборъ, что всѣ благополучно и выполнили, за исключеніемъ Давида Росси, лошадь котораго заупрямилась. Онъ потрепалъ ее по шеѣ и попробовалъ еще разъ заставить слушаться, но не

тутъ-то было. Третья попытка тоже не удалась.

Въ это время зрители, наблюдавшіе борьбу человѣка съ лошадью, ясно увидали, что Росси держитъ въ рукахъ одинъ только поводъ, а другой оторвался.

— Ну, счастливъ онъ будетъ, если дешево отдѣлается, — замѣтилъ кто-то.

— И отчего онъ невытянетъ ее хлыстомъ хорошенько? — сказали другой.

Но Росси только похлопывалъ лошадь по шеѣ, направляясь, шагомъ, къ препятствію. Затѣмъ онъ быстро нагнулся впередъ, поймалъ оборванный поводъ и тотчасъ же ударилъ лошадь рукою по носу. Она захрапѣла, встала на дыбы и прыгнула. Минуту спустя она уже покойно шла по другую сторону забора.

Рома, смертельно блѣдная, вмѣстѣ съ генераломъ Поттеромъ наблюдала за этой сценой; а когда все благополучно кончилось, то американецъ повернулся къ ней и сказалъ:

— Я знавалъ только одного человѣка, который могъ продѣлать такую штуку, донна Рома!

— Кто же это такой? — едва могла проговорить Рома.

— Генеральный папа, когда онъ служилъ въ гвардію.

— А молодецъ! Мастеръ ѣздить! — замѣтилъ донъ Камилло.

— Это, должно быть, въ крови! Врожденное! — сказалъ англійскій посланникъ.

Перемѣнивъ уздечку, Давидъ Росси подѣхалъ къ нимъ.

— Надо съ дѣтства быть наѣзникомъ, чтобы такъ управлять лошадью, мистеръ Росси, — прибавилъ сэръ Эвелингъ.

— Да, — отвѣчалъ Росси, — я два года былъ конюхомъ въ Нью-Йоркѣ, ваше превосходительство.

Въ эту минуту распорядитель охоты далъ знакъ, что лисица вынуждена; собаки рванулись впередъ, хлысты свистнули, и вся орава людей и животныхъ бѣшено ринулась слѣдомъ за нею.

Часа два спустя, несчастный звѣрокъ былъ затравленъ и убитъ. Голову и хвостъ у него отрѣзали, а остальное отдали собакамъ. Постѣдовалъ легкій завтракъ, появились откуда-то бутылки, запынилось вино. послышались тосты, и травля кончилась. Всѣ стали разѣзжаться по домамъ.

Рома и Давидъ Росси ѣхали рядомъ, а княгиня со своимъ кавалеромъ—на нѣсколь-
ко шаговъ сзади.

— Рома!—крикнула княгиня,—вотъ бы
теперь хорошо въ галопъ!

— Не правда ли?—отвѣчала Рома, пу-
скааясь въ карьеръ вмѣстѣ съ Росси.

— Миръ имъ! Хорошенькая парочка!—
сказала княгиня, смѣясь и не мѣняя аллюра.

— Поѣдьте-ка домой! Она, какъ и Ун-
дина, не вернется уже болѣе.

X.

Тѣмъ временемъ Рома, съ сильно бьющим-
ся сердцемъ, мчалась между развалинами
водопроводовъ и гробницъ Кампаньи. Сзади
нея раздавался стукъ копытъ лошади Рос-
си. Рома и не оглядываясь знала, кто за нею
слѣдуетъ, но вскорѣ сильный жеребецъ до-
гнать гнѣдную кобылу, и обѣ лошади пошли
рядомъ. Это случилось мили за двѣ отъ того
мѣста, гдѣ происходила травля, и далеко въ
сторонѣ отъ обычнаго пути охотниковъ. Сдер-
жавъ лошадей, разгоряченные ѣздой спут-
ники взглянули другъ на друга и улыбну-
лись.

— Чтò жъ. поѣдьте ужъ теперь впередъ
и вернемся черезъ англійское кладбище, —
сказала Рома.

— Хорошо, —отвѣчалъ Росси.

— Однако, уже половина третьяго, —ска-
зала Рома, взглянувъ на свои часы, —и
мнѣ ужасно хочется ѣсть.

— Еще бы! — воскликнулъ Росси, и оба
опять разсмѣялись. Здѣсь гдѣ-то близко есть
маленькая остерія. Росси бывать въ ней
мальчикомъ. Тамъ можно пообѣдать зеленой
фасолью и макаронами.

— Какъ тутъ хорошо! — сказала Рома,
дѣлая видъ, что смотритъ вокругъ.

— Прекрасно! — отвѣчалъ Росси, и еще
разъ оба разсмѣялись.

Снѣжная вершина Монте-Дженаріо блестя-
ла издали ослепительнымъ свѣтомъ; до сабин-
скихъ холмовъ, съ Тиволи и Палестрины, —
казалось — рукой подать, до такой степени
ясны были ихъ очертанія. Видъ былъ дѣй-
ствительно прекрасный, но Рома и Росси не
видали его, собственно говоря — ихъ окру-
жало золотое облако чувства, мѣшавшее
видѣть что-либо кромѣ другъ друга.

Скоро показался маленький домикъ, скры-
тый въ группѣ эвкалиптовъ, изъ-за кото-

рыхъ вился легкій дымокъ. Это была осте-
рія — наполовину ферма, наполовину трак-
тиръ. Застѣнчивый юноша принялъ лоша-
дей у Ромы и ея спутника; злодѣйскаго ви-
да старикъ раскланялся съ ними передъ
входомъ, а старушка, съ испуганнымъ, смор-
щеннымъ лицомъ, подала имъ карту блодъ.

Молодые люди все находили смѣшнымъ и
эту карту, засаленную отъ долгаго употре-
бленія, и непривычныя блюда, въ ней запи-
санныя, и цѣны, которыя казались чере-
зчуръ дешевыми.

Заказывая обѣдъ, Рома смотрѣла на кар-
ту вмѣстѣ съ Росси.

— Макароны — три центезими порція! Бра-
во! Форель — четыре центезими! По деньгамъ
ли это намъ? Ну ужъ чтò дѣлать, кутить
такъ кутить! Пусть будетъ форель. Ягне-
нокъ — полъ-лиры! Хотя и дорого, а придет-
ся взять двухъ ягнятъ! То-есть я хотѣлъ
сказать: двѣ порціи.

И хохотъ, хохотъ безъ конца.

Пока обѣдъ приготовлялся, молодые люди
вышли побродить между эвкалиптами и на-
пали на прекрасную долину, обсаженную
деревьями и усеянную цвѣтами.

— Настоящій карнавалъ! — воскликнула
Рома, — хотя бы кто-нибудь догадался бро-
сить цвѣтокъ.

Росси сорвалъ горсть фіалокъ и высыпалъ
ихъ ей на голову.

— Когда я былъ мальчикомъ, такъ здѣсь
обыкновенно происходили дуэли, — ска-
зала онъ.

— Какъ дико! Такое прекрасное мѣстеч-
ко! Здѣсь бы дочери Фараона найти Моисея
въ корзинкѣ!

— Или Адаму въ первый разъ встрѣтить-
ся съ Евой.

Оба взглянули другъ на друга и улыбу-
лись.

— Вотъ, я думаю, онъ удивился! За кого
онъ ее принялъ? — сказала Рома.

— За ангела, опустившагося на землю
при лунномъ свѣтѣ и позабывшаго утромъ
вернуться на небо.

— Неправда! Онъ тотчасъ же узналъ, что
это женщина!

— Да еще единственная для него.

— Такъ вѣдь и онъ былъ для нея един-
ственнымъ.

Обѣдъ представлялъ собою одно сплошное
удовольствие. Всѣ его недостатки приводили
молодыхъ людей въ восторгъ. Столъ былъ

накрыть на террасѣ, оплетенной виноградо- домъ; сквозь голыя стебли видѣлся задній дворъ фермы, съ его коровниками и хлѣвами, но Рома не промѣняла бы этого вида ни на какой другой.

— Ахъ, какъ хорошо! — восклицала она, — хлѣва въ ракурсѣ! Опять хохотъ, заразив- шій и старуху, которая теперь совсѣмъ осмѣ- лилась и называла Рому «сестрицей».

Для того чтобы не обижать ее, Рома за- говорила по-английски.

— Почтенная дама, — сказала она.

— Хороша удивительно! — подхватилъ Росси.

— Старикъ, должно быть, боится, чтобы ее не похитили.

Росси засмѣялся, старуха — тоже, и скоро всѣ трое валялись со смѣху.

Обѣдъ былъ плохъ, плохо приготовленъ и плохо поданъ, но это ничему не мѣшало.

— Всего одна вилка? — спросилъ Росси.

— Зато лучшая. Не просите другой — по- дадутъ грязную.

Вдругъ Рома, бросивъ вилку и ножикъ, воскликнула:

— Боже мой! Я совсѣмъ позабыла!

— Чтò вы позабыли?

— Что я сегодня цѣлый день должна быть маленькой Ромой!

— Да вы и такъ ею были.

— Не можетъ быть! Тогда вы звали бы меня по имени.

— Сейчасъ же начну дѣлать это, если и вы тоже будете звать меня по имени.

— Ну, ужъ это не хорошо, — замѣтила Рома, покраснѣвъ и блестя глазами.

Внизу, въ виноградникѣ, дѣвочка, работав- шая около апельсинныхъ деревьевъ, шла сторженнѣе — вѣчто въ родѣ колыбельной пѣсни, въ которой мать предсказываетъ сы- ну, что если онъ и уйдетъ когда-нибудь изъ отчужда дома, то опять въ него вернется; что какъ бы ни было великолѣпно его новое жи- лище, какъ бы ни любили его прекрасныя дамы, а старый, родной очагъ и ноцѣлуй ста- рухи-матери все-таки будутъ для него дороже.

Прислушавшись къ этой пѣсенкѣ, моло- дые люди замолчали, а на глазахъ Ромы по- казались слезы.

Затѣмъ обѣдъ былъ конченъ, и злодѣй- скаго вида старикъ явился со счетомъ.

— Давно вы здѣсь живете, хозяинъ? — спросилъ Росси.

— Очень давно, эччеленца.

— Вы вѣдь родомъ изъ Чіочіаріи?

— Да, оттуда, — сказала удивленный ста- рикъ, — я тогда былъ очень бѣденъ и про- живать въ пещерахъ Монте-Парюли.

— Но вы знали средство отъ филлоксе- ры и, когда прежній хозяинъ умеръ, то вы женились на его дочери и стали сами хозяи- номъ.

— Ангелика! Поди сюда! Вотъ тутъ го- сподинъ все про насъ знаетъ! — вскричалъ старикъ, а затѣмъ, почесывая голову, при- бавилъ: — Вы, можетъ быть, эччеленца, тотъ самый молодой господинъ, который жилъ съ отцомъ въ графскомъ домѣ, здѣсь, на горѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ?

Давидъ Росси, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, сказалъ:

— А не помните ли вы бѣднаго мальчи- ка, который жилъ у васъ въ то время?

— Никакого мальчика у насъ никогда не жило, эччеленца.

— Какъ же не жило, онъ былъ къ вамъ присланъ изъ Санто-Спирито и на сто лиръ, которыя вамъ за него потомъ заплатили, вы ремонтировали ферму.

— Если вы, эччеленца, служите въ Воспи- тательномъ домѣ, такъ скажите имъ такъ, какъ я уже говорилъ священнику, который прѣзжалъ ко мнѣ раньше, что никакого мальчика я оттуда не бралъ и никакихъ де- негъ за него ни откуда не получалъ.

— Вы, стало быть, его не помните?

— Совсѣмъ не помню.

— И вы тоже? — обратился Росси къ ста- рухѣ.

Та поколебалась было, но строгій взглядъ мужа заставилъ ее опомниться.

— Не помню, эччеленца.

Давидъ Росси вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ получите по счету. Съ прибавкой. До свиданья!

Застѣнчивый юноша подвелъ лошадей, и всадники приготовились садиться.

— Давно ли вы здѣсь живете? — спросила Рома юношу, съ жалостью глядя на него.

— Десять лѣтъ, эччеленца.

Ему, оказывается, было двѣнадцать лѣтъ, а родители его давно уже умерли.

— Бѣдный мальчикъ, — сказала Рома и, прежде чѣмъ Росси успѣлъ вмѣшаться, вы- сыпала ему въ руку все содержимое своего кошелька.

Бѣдучи легкой рысцой, спутники долгое время молчали. Солнце склонилось къ запа-

ду, и отъ встрѣчныхъ предметовъ ложились на дорогу длинныя тѣни. Вдали, Кампанья была закутана легкой дымкой тумана, а на травѣ уже появились капли росы. Ничто не нарушало тишины, царствовавшей въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Кромѣ блеянія овецъ, большими стадами пасшихся на травѣ, да лая собакъ и крика пастуховъ, пѣвшихъ и верховыхъ. Кое-гдѣ попадались крытыя соломой, бѣдныя хижины, съ группами измороженныхъ лихорадкою людей, сидѣвшихъ вокругъ костра, или грязныя кабачки и придорожныя деревянныя кресты съ распятымъ или образомъ Мадонны въ маленькомъ, стеклянномъ киотѣ.

Всадники перешли съ рыси на шагъ.

— Вотъ вы тутъ и выросли? — спросила Рома.

— Тутъ.

— Эти-то люди и продали васъ въ рабство за сто лиръ?

— Они и продали.

— Вы могли бы ихъ погубить однимъ словомъ и не сдѣлали этого!

— Зачѣмъ? Да и не они первые меня обидѣли.

— Да, конечно, вашъ отецъ первый долженъ отвѣчать за все. Не чувствуете ли вы иногда къ нему ненависти за все то, что онъ заставилъ васъ выстрадать?

— Я былъ спасенъ отъ этого несчастія тѣмъ же святымъ человѣкомъ, который спасъ меня и отъ многого другого, — отвѣчалъ Росси, опустивъ голову. «Не пытайся узнать, кто былъ твоимъ отцомъ, Давидъ», сказалъ онъ, «и если ты когда-нибудь съ нимъ встрѣтись, то не воздавай зломъ за зло и вообще не мети за себя никому. Мало-по-малу люди научатся цѣнить тебя за твои собственныя достоинства, а не за то, что ты сынъ своего отца. Можетъ быть, твой отецъ — дурной человѣкъ, а можетъ быть, и мѣтъ. Предоставь рѣшить Богу».

— Ужасно, должно быть, дурно думать о своемъ отцѣ, не правда ли? — спросила Рома, но Росси не отвѣтилъ.

— А, впрочемъ, кто знаетъ? — можетъ быть, вы когда-нибудь убѣдитесь, что вашъ отецъ заслуживалъ и любви и жалости.

— Можетъ быть!

Доѣхали до другого домика, расположеннаго среди группы эвкалиптовыхъ деревьевъ. Это былъ маленькій трапистскій монастырькъ Трэ-Фонтанэ. Оставивъ лошадей у при-

вратника, молодые люди вошли на внутренний дворъ и заглянули въ окно библиотеки, въ которой блѣднолицый юноша сидѣлъ, молча уткнувшись въ книгу. Вообще молчаніе царствовало въ обители, посвященной молчанію. Отъ библиотеки Рома и Росси перешли къ капеллѣ, гдѣ въ полномъ молчаніи шла всенощная. Ни единого звука, только колокольчикъ звякаетъ по временамъ... Но мѣстныя птицы не давали, должно быть, обѣта молчанія — соловьи такъ и заливались въ вѣтвяхъ сѣрыхъ деревьевъ.

Увидали колокольню — потребовалось влѣзть и на нее. Влѣзли на самый верхъ, подъ крышу. Съ этой высоты весь міръ казался объятъмъ молчаніемъ. Точно море, затихшее послѣ страшной бури — развалины водопроводовъ и гробницъ походили на обломки разбитыхъ кораблей, а Римъ, видный въ отдаленіи, поднимался изъ пурпуроваго тумана, какъ одинокій полузатопленный островъ, на которомъ куполъ собора св. Петра напоминалъ одну большую арку, оставшуюся отъ какого-то громаднаго зданія.

Молчаніе, окружавшее колокольню, было присуще всякой святынѣ и до такой степени захватывало, что даже никогда не умирающій паганизмъ замолчалъ въ сердцахъ двухъ людей, стоявшихъ подъ крышею.

Рома стояла склонившись на парапетъ, а Росси — сзади нея. Какъ вдругъ она страшно разрыдалась.

— Чтѣ съ вами? — спросилъ Давидъ, но вопросъ его остался безъ отвѣта.

Мало-по-малу Рома успокоилась, мигнула глаза, назвала себя сумасшедшей и засмѣялась, но говоритъ долго еще не могла, а только старалась освѣжиться, то смѣясь, то всхлиывая.

— Это изъ-за мальчика въ остеріи, — проговорила она, наконецъ. — его личико напомнило мнѣ одну сцену, которую я сожѣмъ было позабыла. Затѣмъ, отвернувшись въ сторону, она прерывающимся голосомъ разсказала Росси такую исторію:

— Это было въ Лондонѣ. Мой отецъ поднималъ на улицѣ маленькаго итальянскаго мальчика, почти замерзавшаго со своей бѣлкой и аккордеономъ. На немъ была надѣта только старенькая плисовая курточка: это зимой-то, во время мороза! Пальцы его уже не гнулись, и онъ упалъ въ обморокъ, какъ только попалъ въ теплую комнату. Немного погодя онъ пришелъ въ себя и сталъ огля-

дываться вокругъ, какъ бы ища чего-то. Онъ искать бѣлки, какъ постѣ оказалось, а она, бѣдняжка, замерзла. Но мальчикъ не выпускалъ изъ рукъ ея трупа, со слезами на глазахъ прижималъ его къ себѣ и даже вскопился, какъ бы собираясь бѣжать. Но онъ былъ слишкомъ слабъ для этого, и мой отецъ старался успокоить и уложить его опять на диванъ. Тутъ я его въ первый разъ и увидела. А вотъ теперь, глядя на мальчика въ остеріи, я подумала... подумала, что, можетъ быть, и онъ также... что старый другъ моего дѣтства, можетъ быть...

Проговоривъ послѣднія слова почти шопотомъ, Рома опять зарыдала.

— Рома! — раздался нѣжный голосъ надъ ея головою.

— Давидъ!

Глаза ихъ встрѣтились, руки соединились, и души, такъ долго хранившія тайну, стояли теперь открытыми другъ для друга.

— Давно ли вы это знаете? — спросила она.

— Съ того вечера, когда вы въ первый разъ были у меня. А вы?

— Съ той минуты, какъ услышала вашъ голосъ. Она вздрогнула и улыбнулась.

Когда они оставили домъ молчанія, тихая радость наполняла ихъ души — великое чудо сближенія двухъ сердецъ, такъ далеко отстоявшихъ другъ отъ друга, свершилось.

Солнце, между тѣмъ, заходило за церквами и башнями Рима, заслоняемое громаднымъ, чернымъ куполомъ св. Петра. Земля цвѣла и благоухала, а небо казалось вылитымъ изъ чистаго золота.

Молодые люди бѣжали молча, изрѣдка взглядывая другъ на друга и улыбаясь. Только мѣрное позвякиваніе сѣделъ нарушало тишину.

Солнце зашло, наконецъ, и звонъ колоколовъ возвѣстилъ Ave Maria. Всадники приостановили лошадей и наклонили головы, а затѣмъ поѣхали шагомъ, но скоро должны были прибавить ходу, такъ какъ становилось холодно. Рома, склонившись на луку, казалась гордой и счастливой.

У воротъ св. Павла грумы уже ждали ихъ. Отдавъ лошадей, молодые люди сѣли въ карету. Когда они достигли площади Тринитадель Монти, ламповщикъ уже зажигалъ фонари на ступеняхъ лѣстницы, и Рома сказала тихимъ голосомъ:

— Не приходите сегодня... Только не сегодня.

Она хотѣла быть одна.

XI.

Феличе встрѣтилъ Рому у дверей ея квартиры и болѣе чѣмъ обыкновенно могильнымъ тономъ заявилъ, что графиня желаетъ видѣть ее тотчасъ же по прїѣздѣ. Не снимая амазонки, Рома пошла къ тетускѣ.

Старуха лежала, обложенная подушками, и Наталина суетилась вокругъ нея. Не смотря, однако жъ, на обстановку умирающаго человѣка, глаза тетуски блестя, а губы были сжаты, и она, не взирая на присутствіе прислуги, тотчасъ же наоросилась на племянницу.

— Вамъ угодно было меня видѣть, тетя?

— Желала ли я васъ видѣть, сударыня? — отвѣчала тетуска ироническимъ фальцетомъ, — конечно, я желала васъ видѣть, хотя вы разбили мое сердце, и я даже сожалѣю, что вообще мнѣ приходится встрѣчаться съ вами.

— Что же я такое сдѣлала?

Радостный видъ Ромы только подстрекать старуху.

— Что вы сдѣлали!.. Боже мой!.. Наталина, подайте соль!

— Наталина, — сказала Рома покойно, — выньте мои инструменты и если Бруно уже ушелъ, то зажгите лампы и затопите каминъ.

Старуха обмахнулась кружевнымъ платочкомъ и продолжала:

— Вчера я думала, что вы перемѣните свое поведение, такъ какъ вы показались мнѣ такой скромной и покорной. Но что же я узнаю? Вы и ко мнѣ-то явились прямо изъ квартиры холостого мужчины! Это такъ, сударыня, это такъ! Не вздумайте запыраться!

— Да я и не думаю запыраться.

— Пресвятая Дѣва! Она и не думаетъ запыраться! Такъ, стало быть, вы признаетесь въ этомъ?

— Признаюсь.

— Madonna mia! Она признается! Такъ, можетъ быть, у васъ было назначено свиданіе?

— Нѣтъ, я пришла безъ всякаго предварительнаго уговора.

— Святые угодники! Она уже находится въ такихъ отношеніяхъ съ мужчиной, что ходить къ нему, даже не предупреждая объ этомъ! Можетъ быть, вы были съ нимъ наединѣ, сударыня?

— Да, мы были совсѣмъ одни.

Старушка, близкая къ обмороку, набожно взглянула на свой алтарикъ и сказала:

— Боже мой! Благородная дѣвица! И безъ горничной! Хоть бы была замужняя женщина!

Не желая терять самообладанія, Рома двинулась къ двери, но старуха не унималась.

— Да еще съ какимъ субъектомъ!— продолжала она,— хоть бы былъ дворянинъ, а то какой-то лицежръ, обманщикъ. потихоня...

— Тетушка Бетси,— сказала Рома,— я очень сожалѣю, что мнѣ приходится быть съ вами иногда рѣзкой. не потому, чтобы я была не права, а потому, что вы—слабая больная женщина. Не вызывайте же меня на рѣзкости! Я вчера была у синьора Росси и, если это — преступленіе, то я одна въ немъ виновата.

— Вотъ какъ! — зашипѣла старуха,— она, видите ли, была у синьора Росси! А знаете ли, сударыня, какъ свѣтъ назоветъ васъ, когда узнаетъ о такомъ поступкѣ? Онъ васъ назоветъ шлюхой! Слышите ли? Безстыдной шлюхой!

Рома вспыхнула, но овладѣла собою и взялась за ручку двери.

— А онъ узнаетъ объ этомъ, не беспокойтеся! — кричала графиня,— вчера за обѣдомъ ни о чемъ другомъ и не говорили! Феличе все слышалъ. Эта женщина, княгиня, нарочно выпустила собаку, чтобы узнать, куда вы ходите. Съ кѣмъ «Влэкъ» вернулся домой, Феличе? — Съ донной Ромой, ваше сіятельство. — Ну, значитъ, ясно, гдѣ была донна Рома! Уфъ! Меня морозъ по кожѣ подираетъ, когда я слышу объ этомъ! Ахъ, голова пополамъ раскалывается... Гдѣ коньякъ?

Рома, сильно разсерженная, все-таки старалась говорить покойно.

— Да мнѣ все равно, — сказала она, — что мнѣ за дѣло до мнѣнія людей, о нравственности которыхъ я сама не высокаго мнѣнія.

— Скажите, пожалуйста! — воскликнула старуха, сморщивъ свое лицо въ насмѣшливую гримасу. — я положительно не думала, что вы такъ... просты. Поймите, сударыня, что это мнѣніе не одной только княгини Беллини, а что и баронъ Бонелли такъ думаетъ. Онъ долженъ беречь свое достоинство и когда онъ будетъ настолько свободенъ, чтобы жениться, то, конечно, не женится на дѣвушкѣ, репутація которой замарана. Неужели вы не замѣчаете, къ чему клонитъ эта женщина? Нельзя же быть такой простофи-

лей, чтобы играть ей въ руку. Вы, съ этимъ Росси, упустите министра.

— Что жъ за бѣда, тетушка Бетси,— отвѣчала Рома. Я теперь перемѣнила свое настроеніе и думаю, что быть покупаемой и продаваемой, какъ какой-нибудь товаръ, еще не Богъ вѣсть какое счастье.

Старуха, выпрямившаяся во время предыдущей рѣчи, вновь откинулась на подушки.

— Вы меня убьете! — вскричала она,— кто васъ выучилъ такимъ глупостямъ? Богъ видитъ, что я сдѣлала для васъ все, что могла! Я пробовала внушить вамъ ваши обязанности по отношенію къ барону и къ обществу. А все это произошло оттого, что мы допустили въ свой домъ анархистовъ! Вы, конечно, не можете отстать отъ нихъ! Это у васъ въ крови! Вашъ отецъ еще прежде васъ...

Дрожащая съ головы до ногъ Рома вдругъ повернулась и вышла изъ комнаты, при чемъ столкнулась съ Наталиной и Феличе, которые подслушивали у дверей.

При настоящихъ обстоятельствахъ, однако же, даже этотъ бурный инцидентъ не надолго возмущилъ радостное настроеніе Ромы; когда она, послѣ обѣда, ушла въ свою студию и заперлась тамъ, то забыла весь міръ— все окружающее потеряло для нея значеніе. Вспоминая о гнѣвѣ тетушки, она думала: «отецъ и не то еще терпѣлъ изъ-за меня». Вспоминая объ интригахъ княгини, она говорила себѣ, что онъ низки и грязны. Вообще она какъ бы уединилась отъ всего міра, завернувшись въ золотое облако, въ которомъ, кромѣ нея, было мѣсто только еще для одного человека.

Снявъ мокрое покрывало съ бюста, она стала всматриваться въ свою работу. При свѣтѣ той зари, которая загорѣлась въ ея душѣ, работа эта показалась ей ничтожной и недостойной оригинала, слабой и невѣрной съ него копией.

Бодро усѣвшись за работу, Рома скоро придала бюсту другой видъ. Это уже былъ не Петръ—ученикъ, апостолъ, а самъ Учитель. Слишкомъ смѣло! Пожалуй дерзко! Но что ей до того, она не боится.

Время летѣло незамѣтно для Ромы. Она работала съ лихорадочной поспѣшностью и такъ легко, какъ никогда прежде. Иногда она отходила отъ бюста на нѣсколько шаговъ и смотрѣла на него издали, а потомъ опять садилась за работу. Горячая кровь

прилила къ ея лицу и какъ молоткомъ стучала въ голову. Едва дыша и попеременно улыбаясь, Рома работала безъ устали.

А пока она работала, воображеніе ея дѣлало свое дѣло. Минута за минутой представляла она себѣ весь тотъ достопамятный день; вспомнила каждое слово, всякую мелочь, всякій оттѣнокъ въ выраженіи. Все казалось такимъ чудеснымъ. Фіалки, которыми обсыпала ее Росси, были любимыми ея цвѣтами. Можетъ быть, и онъ также предпочитаетъ ихъ всѣмъ прочимъ? Какъ странно!.. Тѣнь неудовольствія пробѣжала по его лицу, когда Рома прочтася съ нимъ у дверей своего дома. Развѣ онъ хотѣлъ бы войти? Это напугиваетъ, почему-то, бѣшеную скачку по Кампаньи, когда чувствуешь, что кто-то скачетъ зади... Но ей нужно было остаться одной, для того чтобы тѣмъ болѣе быть вмѣстѣ съ нимъ. Станный парадоксъ! Прятаться, убѣгать отъ кого-нибудь, для того чтобы быть къ нему все ближе и ближе!.. Какъ все это внезапно случилось! Неужели исполняется вѣчная ея мечта о человѣкѣ—хорошемъ и справедливомъ человѣкѣ—который возьметъ бы ее за руку, при вхождѣ въ жизнь, и повлечетъ бы все выше и выше?..

Настала ночь, и старый папскій Римъ—Вѣчный городъ, вновь какъ бы воскресъ на время. Пустынные улицы, черныя тѣни, три фонаря на Ватиканскихъ лѣзвяхъ, громадный куполъ храма, золотыя звѣздочки, серебряная луна и звонъ колокола, отбивающій часы...

Наконецъ, Рома замѣтила струйку свѣта, проникавшаго въ студию чрезъ щель опущенныхъ занавѣсей. Она подошла къ окну и открыла его, впустивъ въ комнату, вмѣстѣ со свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, и ароматъ апельсина, росшихъ внизу. День уже занимался надъ спящимъ городомъ, и въ монастырѣ звонили къ утру, хотя на улицахъ было еще темно.

Рома вернулась опять къ бюсту, но за работу не принялась, а стала ходить по комнатѣ, лишь прѣдъна взглядывая на свое произведеніе. О, какъ она была счастлива, счастлива!

Мало-по-малу, въ городѣ началось движеніе. Загромыхали кэбы, зазвонили конки, закричали уличные разносчики—проснулся новый Римъ, Римъ королевскій

Кто-то поетъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Это, вѣрно, Бруно идетъ на работу. При видѣ

зажженныхъ лампъ, тогда какъ солнце свѣтитъ въ окно, онъ страшно удивляется.

— Всю ночь проработали, донна Рома?

— Кажется, что такъ, Бруно. А теперь иду спать.

Ей хотѣлось подождать Бруно къ своей работѣ и сказать ему:

— Смотрите! Я это сдѣлала, потому что я—великій артистъ! Но нѣтъ! Рано еще, рано...

Закрывъ бюстъ мокрой тряпкой, она стала запираеть на ключъ и свое отдѣленіе студии, когда наверху раздался звонокъ. Это былъ почтальонъ, и Наталини, съ головой, покрытой папильотками, подала Ромѣ нѣсколько писемъ.

Одно изъ нихъ было отъ мэра, съ благодарностью за устройство Мингелли, другое—отъ домохозяина, съ благодарностью за переводъ въ Парижъ; третье—отъ модистки, благодарившей за приглашеніе, полученное отъ министра. При видѣ этихъ писемъ Ромѣ стало стыдно. Они внесли съ собою атмосферу ея обыденной жизни и напомнили о томъ нечистомъ вліяніи, которое она имѣла даже на дѣла государственныхъ.

Было еще и четвертое письмо—отъ самаго министра. Рома взяла его въ руки прежде всѣхъ, но прочла послѣднимъ. Да еще читать ли? Нѣтъ, надо прочесть!

«Дорогое дитя. Теперь ужъ нельзя бросить дѣла, это было бы глупо и малодушно. Да и нельзя, опять таки—всѣ уже знаютъ, что мы его начали. Подумайте, что въ одну прекрасную минуту весь Римъ будетъ хохотать надъ нами! Донна Рома попала въ собственные сѣти! Мадмуазель Манонъ Леско заперлась въ своей паутинѣ! Это будетъ жестоко и несправедливо, но это будетъ! А какъ станутъ хохотать пророки въ пиджакахъ!

«Есть, наконецъ, новости, и успѣхъ дѣла обезпеченъ. Мингелли, Гранъ-Отель, справки въ Лондонѣ, все вообще привело насъ къ важному открытію. Приготовьтесь удивиться: Давидъ Росси вовсе не Давидъ Росси, а приговоренный преступникъ, не имѣющій права жить въ Италіи! Скажу больше—онъ вообще не имѣетъ права жить!

«Итакъ, вы отмыщены! Этотъ человѣкъ оскорбилъ и унижилъ васъ. Онъ оскорбилъ также и меня. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы лишить меня портфеля и да-

же воспользовался для этого моей частной жизнью. Вы взяли наказать его за эту дерзость и уничтожить эффект произнесенной имъ рѣчи. Вамъ это удалось! Вы отомстили за насъ обоихъ! Честь вамъ и слава! Вы неподражаемы! Ну, а теперь ужъ позвольте намъ затянуть узелъ покрѣпче... Позвольте ухватить его поплотнѣе и продолжать, какъ начали...»

У Ромы въ глазахъ потемнѣло; буквы письма запрыгали передъ нею, и конвертъ

выпалъ изъ ея рукъ. Почти потерявъ сознание, она сѣла къ окну и долго смотрѣла на освѣщенный солнцемъ городъ, который, на этотъ разъ, показался ей мрачнымъ и холоднымъ. Затѣмъ она вдругъ встала; лицо ея было блѣдно и рѣшительно.

— Нѣтъ, я не хочу продолжать, какъ начали,—думала она. Я не хочу выдавать его! Я его спасу! Онъ обидѣлъ, унижилъ меня, онъ былъ моимъ врагомъ, но... но я люблю его! Я люблю его!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Давидъ Росси.

I.

Давидъ Росси сидѣлъ въ своей спальнѣ за составленіемъ передовой статьи для завтрашняго нумера газеты. Лампа подъ большимъ абажуромъ освѣщала бюро, а вся остальная часть комнаты тонула во мракѣ. Было поздно, весь домъ спалъ.

На послѣзавтра правительство созвало парламентъ. Копія тронной рѣчи были конфиденціально разосланы вождамъ партій и газетамъ. Въ качествѣ редактора «Восхода», Росси писалъ двусмысленную статью, предписываемую этикетомъ въ такихъ случаяхъ.

«Публика не будетъ удивлена, если встрѣтитъ въ тронной рѣчи...»

Дверь тихо отворилась; Бруно, въ рубашкѣ и туфляхъ, на цыпочкахъ вошелъ въ комнату. Онъ принесъ большой фіолетовый пакетъ съ монограммой и положилъ его на бюро. Это было письмо отъ Ромы.

«Дорогой Давидъ Росси. Безъ всякаго повода я прождала васъ сегодня цѣлый день, потому что мнѣ нужно передать вамъ нѣчто очень важное. Не зайдете ли вы завтра? Зная, какъ вы заняты, я не рѣшилась бы просить васъ зайти, если бы не имѣла очень важнаго и неотложнаго дѣла. Писать о немъ неловко и небезопасно; я даже не знаю, какъ передать вамъ его на словахъ. Понимаете ли вы положеніе друга, обязаннаго открыть нѣчто и не могущаго рѣшиться на это именно

потому, что онъ—другъ? Вотъ я теперь захожусь именно въ такомъ положеніи, да еще усмотрѣннымъ нѣкоторыми личными соображеніями. Но вы мнѣ сами поможете. Поэтому приходите непременно. Такъ вотъ, наконецъ! Я васъ прошу противъ собственнаго желанія. Поймите изъ этого, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ буду ждать. Въ попыткахъ».

«Рома В.».

«Р. S. Какой день провели мы въ Кампани! Я иногда закрываю глаза и переношусь въ эту поѣздку, какъ въ блаженный сонъ, готовый исчезнуть. Не вѣрите, что все это было. Подумайте только! Вы и я вновь вошли въ жизнь другъ друга, какъ два подземные ручья, слившіеся, наконецъ, на поверхности земли, при свѣтѣ солнца! Какъ хорошо! Какъ одинока была я, не смотря на шумную и людную обстановку! Какъ мнѣ хотѣлось имѣть взрослаго брата! Примите меня въ сестры, и я буду вполне счастлива».

«Р. S. № 2. Я открываю конвертъ, чтобы спросить: неужели вы простите мнѣ тѣ униженія, которыя изъ-за меня вытерпѣли? Вѣдь я васъ выставляла передъ ними, и изъ-за чего? Чтобы смыть обиду, которая не заслуживала вниманія. Мнѣ самой себя стыд-

но. Стыдно также и за людей, которые меня окружали. Я вамъ уже говорила, что они жестоки, безжалостны, но они хуже — они безсердечны, безчувственны. А какъ смѣло выдержали вы ихъ намеки и оскорбленія! Я плачу, думая объ этомъ, и если бы была хорошей католичкой, то пошла бы исповѣдаться и попросила бы наложить на себя эпитимию. Да я уже и исповѣдуюсь передъ вами: приходите и наложите эпитимию».

«Р. S. № 3. Только-что получила доказательство, до какой степени революционеромъ былъ мой отецъ. Въ ту минуту, какъ я поставила его портретъ въ своемъ будуарѣ, анархія возникла со всѣхъ сторонъ. Всѣ мои другіе портреты, также какъ и весь мой звѣринецъ — чучело тигра, чучело волка и львиная шкура съ дивана тотчасъ же возмутились. Часы съ Мефистофелемъ, подарокъ барона на рожденіе, вели себя особенно буйно. Чтобы возстановить порядокъ, я всѣхъ ихъ выгнала къ тетюшкѣ въ комнату. Тамъ они были встрѣчены слезами сожалѣнія и проклятіями неблагодарности бывшаго владыцы. Когда вы ко мнѣ придете, то увидите, что я теперь живу въ обстановкѣ монастырской кельи. Вотъ, чтѣ вы сдѣлали разсказами о моемъ отцѣ и матери, объ ихъ святой и благородной бѣдности».

«Приходите пораньше. Не говорите, что не можете, и не рассказывайте про короля, парламентъ и прочіе пустяки. Вы должны придти! Я вамъ приказываю! Если вы не придете, то я буду думать, что тутъ замѣшана женщина, которая васъ не пускаетъ».

«Серьезно, у меня есть планъ спасти васъ отъ одной бѣды и устроить все похорошему. Но пока это мой секретъ, и я его не выдамъ. Но когда я думаю о немъ и обо всемъ, чтѣ можетъ изъ него выйти, то говорю самой себѣ: Рома, дитя мое, вы, въ концѣ концовъ, все-таки удивительная женщина, и всемирная история, безъ сомнѣнія, пошла бы совсѣмъ, совсѣмъ другимъ путемъ, если бъ васъ не было на свѣтѣ».

«Но все зависитъ отъ вашего ко мнѣ прихода. Поэтому будьте павильной, приходите непременно».

«Р. В.».

Это было первое письмо, полученное Давидомъ отъ Ромы, и, читая его, Росси какъ бы слышалъ голосъ молодой дѣвушки и видѣлъ ея большіе ясные, синіе глаза. Полубезсознательно онъ поднесъ письмо къ гу-

бамъ и поцѣловалъ. Но тотчасъ же и сконфузился немножко, замѣтивъ, что Бруно слѣдитъ за нимъ.

Этотъ честный малый стоялъ въ тѣни и передвигалъ стулья, стараясь надѣлать шума и обратить на себя вниманіе. По выраженію его лица, Росси заключилъ, что Бруно собирается о чемъ-то поговорить.

— Ничего больше не прикажете, синьоръ?

— Ничего, Бруно. Вотъ передайте это Франческѣ, чтобы она отдала мальчику изъ редакціи, когда онъ придетъ, и ложитесь спать. Елена уже легла?

— Только-что, синьоръ.

— Ну, а Жозефъ, конечно, давно уже спитъ?

— Да уже часа три, какъ легъ.

— Пусть высыпается. Я васъ не задерживаю, Бруно.

— Вамъ, значитъ, ничего больше не нужно?

Давидъ Росси всталъ и медленно прошелся по комнатѣ.

— А вы, кажется, хотите сказать мнѣ что-то?

— Да, синьоръ, признаться — хотѣлось бы поговорить.

— Въ чемъ же дѣло?

Бруно почесалъ голову, какъ бы ища вдохновенія, и взглянулъ на письмо, лежавшее на бюро.

— Да вотъ по поводу этого, синьоръ. По конверту я узналъ, отъ кого оно.

— Ну и чтѣ жъ?

Бруно замаялся, а потомъ громкимъ, басовымъ шопотомъ заявилъ:

— Признаться сказать, синьоръ, люди уже болтать начали.

— Чтѣ жъ они говорятъ?

— Чтѣ говорятъ?.. Да я ужъ одного потчивалъ сегодня. Онъ былъ пьянъ, но, вѣдь, чтѣ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, а на языкѣ-то хорошаго мало...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, они говорятъ, что вы не ладно съ народомъ поступаете?

— Чѣмъ такъ?

— Оно вѣдь и на правду похоже. Вы сами виноваты. Когда вы провозгласили республику, такъ народъ вамъ повѣрилъ. А теперь вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ вы ничего не дѣлаете.

Росси, наклонивъ голову, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Подождите, я имъ говорю,—продолжалъ Бруно,—тише ѣдешь—дальше будешь. Оно такъ, конечно, но правительство, синьоръ, скоро ѣдетъ. Сорокъ тысячъ человекъ вызвано въ Римъ, чтобы сдерживать народъ, и когда хлѣбный налогъ будетъ введенъ, то Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Умирать-то вѣдь все одно, что отъ голода, что отъ пули.

Давидъ Росси молчалъ. Не слыша реплики, Бруно сталъ повторяться.

— Народъ вамъ вѣрилъ, синьоръ, а вы ужъ цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлаете... рѣшительно ничего... цѣлый мѣсяцъ.

— Какъ же народъ объясняетъ мое ничегонеделаніе?

— Какъ объясняетъ? Да вамъ говорятъ, что коли солнце во глаза, то сраженіе проиграно. Такъ и говорятъ. А ужъ какое солнце, это вы сами знаете. Завтра вечеромъ первое собраніе Комитета, вы его собрали, синьоръ, а говорятъ, что вы-то и не придете. Гдѣ же вы будете? У дурной женщины?

— Бруно!—воскликнулъ Росси строгимъ голосомъ,—какое право вы имѣете говорить такимъ образомъ?

Бруно струсился, но, тѣмъ не менѣе, съ большимъ жаромъ продолжалъ:

— Какое право? Право друга, синьоръ, который не можетъ хладнокровно смотрѣть, какъ васъ водятъ за носъ! Да, синьоръ, водятъ за носъ! Это самое настоящее выраженіе! Тутъ цѣлый разговоръ! Хотятъ погубить народъ, воспользовавшись слабостью его вожда! Бабу вамъ подъ ноги подбросили! Это старинный приемъ. Вы не знаете римской пословицы: «Мужчина огонь,—а женщина труть; приходитъ чортъ и сталкиваетъ ихъ вмѣстѣ»?

Давидъ Росси стоитъ передъ Бруно, которому видимо неловко, хотя онъ и пробуетъ горько разсѣяться.

— Я знаю, что говорю, синьоръ. Тутъ первый министръ всему дѣлу голова. Его всякій разъ извѣщаютъ о вашемъ посѣщеніи донны Ромы. Они всякій день переписываются, и я самъ кладу письма въ ящикъ. Она вѣдь живетъ на его счетъ. Кареты, лошади, слуги—все его. Да и чѣмъ бы она могла заработать это? Скульптурой что ли?

Бруно даже вспотѣлъ и продолжалъ чувствовать себя неловко, но попрежнему горько улыбался.

— Она васъ надуваетъ, синьоръ. Это ясно, какъ день. Вы ее задѣли въ вашей рѣчи на юбилей... ее и стараго вампира... Вотъ она теперь и расплачивается за обоимъ.

— Ну, довольно, Бруно!

— Весь Римъ это знаетъ, и всѣ надъ вами смѣются.

— Я вѣдь ужъ сказать вамъ: довольно! Ступайте спать!

— Ну да, разумѣется! У сердца свои зоны, и другихъ оно слушать не хочетъ!

— Ступайте спать, я вамъ говорю!—прикрикнулъ Росси.

Бруно замолчалъ, какъ всегда дѣлалъ, когда видѣлъ, что Давидъ въ самомъ дѣлѣ сердится.

— Мало вамъ, что вы же своей болтовней заставили меня ни за что, ни про что обидѣть женщину?

— Это я васъ заставилъ?

— Вы!

— Скажите, пожалуйста!

— Я вамъ говорю, что вы! Если бы не ваши сплетни, я бы никогда ее не затронулъ, потому что совсѣмъ ее не зналъ и даже не видывалъ.

— Такъ вѣдь она и заслуживаетъ того, что вы объ ней сказали.

— Не единого упрека не заслужила! Все это ваши сплетни!

Бруно скорчился, какъ отъ боли, но глаза его засверкали.

— Ну что жъ! Ругайтесь, коли хотите, я ужъ привыкъ къ этому. Только не заходите очень далеко, синьоръ Давидъ Росси!

— Такъ не заходите же и вы слишкомъ далеко съ вашей клеветой и подозрѣніями!

— Подозрѣніями? Пречистая Дѣва Марія! Это, повашему, подозрѣніе, что она выставила васъ на потѣху своимъ друзьямъ? Хорошо подозрѣніе, могу сказать!

И Бруно, позабывшись, расхохотался во все горло.

— Продолжайте, продолжайте, это какъ разъ по васъ,—сказалъ Росси.

— Что такое по мнѣ?

— Бѣсъ ея хлѣбъ и клеветать на нее.

— Вы лжете, Давидъ Росси, и сами это знаете! Я имъ свой собственный хлѣбъ. Мой трудъ принадлежитъ мнѣ, и я продаю его тому, кому онъ нуженъ! Но совѣсть моя принадлежитъ Богу, и она не продажна.

Блѣдное и сердитое лицо Росси сразу смягчилось.

— Я быть не правъ, Бруно,—сказалъ онъ,—и прошу васъ простить меня.

Свирѣпый блескъ глазъ гиганта тоже погасъ мгновенно.

— И вы такъ говорите, синьоръ? Постѣ того какъ я васъ оскорбилъ?

Росси протянулъ руку, и Бруно схватился за нее (бѣими).

— Я не имѣлъ права сердиться на васъ, Бруно, но вы все-таки ошибаетесь относительно донны Ромы. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, ужасно, жестоко ошибаетесь!

— Такъ вы думаете, что она хорошая женщина?

— Я это знаю и если когда-нибудь говорить иначе, то стыжусь своихъ словъ и беру ихъ назадъ.

— Прекрасно! Если бъ я могъ только повѣрить вамъ, синьоръ. Но вѣдь я знаю ее скоро уже два года.

— А я знаю ее двадцать лѣтъ.

На лицѣ Бруно выразилось удивленіе.

— Сказать вамъ, кто она такая? Она—дочь моего стараго друга, жившаго въ Англіи.

— Который умеръ на Эльбѣ?

— Того самаго.

— Который васъ призрѣлъ и воспиталъ, когда вы были мальчикомъ?

— Ну да.

— Такъ онъ, значитъ, былъ князь Волонна?

— Да, и меня обманули, когда сказали, что дочь его умерла.

Бруно помолчалъ немножко и затѣмъ воскликнулъ:

— Почему же вы меня не убили, синьоръ, когда я сказалъ, что она васъ обманываетъ? Простите меня ради Бога!

— Охотно прощаю, Бруно, отъ ея имени.

Бруно повернулся, чтобы выйти изъ комнаты. Когда онъ отворилъ дверь въ гостиную, то лучъ свѣта упалъ на фонографъ, стоявшій на роялѣ.

— Вотъ эта штука вамъ все и объяснила, синьоръ?—спросилъ Бруно.

Росси кивнулъ головой.

— Все на цилиндрѣ написано?

Росси опять кивнулъ, прибавивъ:

— Это—предсмертныя слова моего друга. Онъ говоритъ, гдѣ его дочь, какія опасности ее окружаютъ, и проситъ спасти ее.

Бруно вновь вернулся въ спальню.

— Можетъ быть, это-то васъ и привело... туда?—спросилъ онъ.

— Да, это.

— И для того чтобы выполнить просьбу старика, вы позволили этой сволочи оскорблять васъ и смѣяться надъ вами?

— Да.

Собачьи глаза Бруно чуть ли не затуманились слезами.

— Забудьте, что я вамъ говорилъ про ваши посѣщенія донны Ромы, синьоръ.

Росси сѣлъ на стулъ и взялъ въ руки перо.

— Нѣтъ, не забуду. Не хочу забывать,—сказалъ онъ,—я къ ней больше не пойду.

— Значитъ, вы уже исполнили завѣщаніе старика?

— Богъ знаетъ! Я сдѣлалъ, что могъ. Во всякомъ случаѣ это ужъ кончено.

— Что же, вы хотите прервать всякое знакомство?

Росси молчалъ.

— Зачѣмъ же это, если она—дочь вашего стараго друга?

— Развѣ вы забыли, Бруно, что я вамъ говорилъ въ тотъ день, когда она была здѣсь въ первый разъ? Что если я когда-нибудь заинтересуюсь женщиной, то сейчасъ же отдаюсь отъ нея.

— Да зачѣмъ же... если она хорошая дѣвушка?

— Помните вы посѣщеніе Карло Мингелли?

— Помню, синьоръ.

— Онъ желалъ вмѣшаться свои личныя дѣла въ дѣло общественное, и я его вытолкнулъ вонъ.

— Ну?

— Ну, если бъ я сдѣлалъ еще шагъ дальше, то самъ очутился бы въ томъ же положеніи.

Бруно помолчалъ съ минутку, а затѣмъ сказалъ почувствованнымъ тономъ:

— Понимаю! Помогите вамъ Богъ, синьоръ Росси! Вы хотите идти по тяжелому пути и въ одиночку.

Росси вздохнулъ и приготовился писать.

— Покойной ночи, Бруно. Завтра я буду на собраніи Комитета.

— Покойной ночи! — сказалъ гигантъ и вышелъ, вытирая украдкой глаза.

II.

Уже подь самое утро, когда весь городъ спалъ, Росси доканчивалъ слѣдующее письмо къ Ромѣ:

«Дорогая Рома. Вамъ не въ чемъ себя упрекать по поводу вашего отношенія къ моему дѣлу или попыткамъ что-нибудь сдѣлать. Всѣ онѣ были необходимы и если бы наказаніе было во сто разъ ужаснѣе, я бы все-таки отъ нихъ не отказался. Помимо вашего желанія, у меня былъ еще одинъ мотивъ—тайный, такъ что, будь я католикомъ, такъ я тоже пошелъ бы исповѣдываться, хотя и не гонимая за епитимію. Повидимому, все теперь благополучно кончилось—вы достигли своего, а я тоже въ нѣкоторой степени достигъ, чего желалъ, и потому наши сношенія должны окончиться.

«Дѣло мое—какъ вы справедливо говорите,—ждетъ меня. Скоро я долженъ буду поупи погрузиться въ общественныя дѣла, которыя отнимутъ у меня все время. Но было бы не честно съ моей стороны и не соответствовало бы моимъ чувствамъ, если бы я сталъ васъ увѣрять, что въ этомъ лежитъ единственная причина предстоящаго разрыва между нами. Есть тутъ и еще одно обстоятельство, которое я, къ сожалѣнію, не могу разъяснить вамъ такъ откровенно, какъ бы хотѣлъ. На почтѣ мои письма всегда прочитываются, а черезъ слугъ переслать нельзя, потому что ни на кого изъ нихъ положиться невозможно, и я, ради васъ, долженъ быть остороженъ.

«Но правдѣ сказать, наша дружба не можетъ продолжаться, потому что я люблю одну особу, въ которой вы принимаете большое участіе, а между тѣмъ препятствія, возникшія между мной и этой особой, рѣшительно неустраимы. Этого одного для меня достаточно, чтобы мы съ вами, во имя чести, никогда больше не встрѣчались. Каждый мой визитъ къ вамъ кажется мнѣ преступленіемъ и приводитъ къ необходимости отказаться отъ этихъ визитовъ навсегда.

«Еще разъ отъ души благодарю васъ за тѣ блаженные часы, которые мы провели вмѣстѣ. Не ваша вина въ томъ, что я принужденъ стараться позабыть ихъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы мы не могли отъ времени переписываться. Продолжайте смотрѣть на меня, какъ на брата, и не забудьте обо мнѣ

въ минуту нужды или несчастія. Будьте увѣрены, что я явлюсь по первому призыву.

«Даже и теперь, когда дѣло идетъ не о васъ, а обо мнѣ, я едва могъ противустоять желанію повидаться съ вами.

«Важное дѣло, о которомъ вы говорите, касается, вѣроятно, моихъ отношеній къ властямъ, но для человѣка, проведшаго всю жизнь на краю пропасти, ничто не страшно, и я прошу васъ не беспокоиться обо мнѣ. Что бы мнѣ ни угрожало, все это будетъ только частью той атмосферы опасностей, которою я окруженъ постоянно—ледникомъ, по которому я постоянно хожу. Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ сегодня—не все ли равно? Прощайте, Господь съ вами, вашъ Д.»

III.

Утромъ на другой день въ гостиниѣ квартиры Росси происходилъ совершенный разгромъ. Гаррибальдеецъ и его глухая жена передвигали всю мебель въ коридоры и чуланы, а Елена съ Юзефомъ таскали стулья изъ спальни и кухни, разставляя ихъ рядами посреди комнатъ. Когда они кончили, то гостиная была готова для засѣданія Комитета дирекціи.

Часовъ въ восемь вечера Комитетъ этотъ собрался. Человѣкъ тридцать разныхъ національностей и въ разныхъ костюмахъ. Одни одѣты хорошо, другіе—плохо; одни похожи на членовъ Парламента, журналистовъ, адвокатовъ, профессоровъ, а другіе—на кузнецовъ и сапожниковъ.

Бруно принималъ ихъ безъ сюртука и жилетки, съ плохой сигарой во рту, какъ бы сознавая серіозность настроенія, но пробуя отнестись къ нему полегче, пошутливѣе:

— Добрый вечеръ, синьоръ! Холодненько, не правда ли? Достопочтенный Росси сейчасъ явится. Только-что получилъ тронную рѣчь и раздѣливаетъ ее подъ орѣхъ къ завтраму! Здорово работаетъ, могу сказать! Да вѣдь иначе и нельзя: кто самъ не горитъ, тотъ никого и зажечь не можетъ, знаете ли... А! Здорово, сынокъ! Откуда стащилъ такую рясу? Изъ монастыря что ли? Берегись, братъ! Ряса еще не дѣлаетъ монаха. Вотъ достопочтенный Росси никогда не чувствуетъ холода; онъ и теперь не велѣлъ топить каминъ. Вотъ настоящій-то монахъ, хоть и безъ рясы! Какъ быть—дѣло его такое. Ге-

нераль долженъ быть невзыскательный солдатъ.

Усилия Бруно развеселить компанію были, однако жъ, тщетны. Посѣтители входили молча, даже, пожалуй, сурово, и безучастно поглядывали другъ на друга или на портреты, висѣвшіе по стѣнамъ. Мѣстами образовались небольшія группы людей, шептавшихся о чемъ-то между собою. Когда кто-нибудь кашлялъ или чихалъ, то въ комнатѣ сразу воцарялось абсолютное молчаніе. Атмосфера, очевидно, была пропитана электричествомъ.

Самъ Бруно умолкъ, наконецъ, отложилъ сигару въ сторону, напялилъ скюртку и началъ вытирать потъ со лба. Въ эту минуту дверь спальни отворилась, и вошелъ Давидъ Росси.

Покойно и самоувѣренно обошелъ онъ комнату, здороваясь съ посѣтителями. Последніе отвѣчали ему холодно, даже иногда высокомерно и казались недовольными. Нѣкоторые сердито смотрѣли на Росси, а иные старались избѣгать его взгляда. Занявъ председательское мѣсто, онъ пригласилъ всѣхъ садиться.

Сначала былъ прочтенъ отчетъ обо всемъ, что произошло со времени послѣдняго засѣданія. Прочелъ его секретарь — Лунджи Конти, тотъ самый маленькій, крѣпко сбитый человѣчекъ, съ нервнымъ лицомъ, толстой шеей и пискливымъ голоскомъ, который читалъ прокламацію въ день юбилея. Чтеніе скоро окончилось. «Символь вѣры и хартія», составленные президентомъ, были приняты безъ всякихъ измѣненій, разосланы по всей странѣ и вызвали сочувствіе во всей Европѣ; подписка увеличилась въдесятеро.

— Вотъ и все, что я имѣлъ сообщить, — сказалъ Конти, съ шумомъ захлопывая книгу протоколовъ, — а теперь, — продолжалъ онъ какимъ-то враждебнымъ тономъ, — Комитетъ ждетъ отъ своего президента объясненій. Когда мы организовались, то намъ было обѣщано, что Всемирная Республика не останется въ области мечтаній: что мы будемъ слѣдить за парламентами, обсуждать различныя мѣры, защищать невинныхъ, добиваться правосудія для угнетенныхъ, составлять законы, болѣе согласные съ требованіями совѣсти, но вотъ теперь прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, и мы ничего не сдѣлали. Можетъ быть, президентъ объяснить намъ почему?

Секретарь сѣлъ при всеобщемъ одобреніи. Всталъ Давидъ Росси, и все опять смолкло.

— Милостивые государи, — сказалъ онъ, — прежде чѣмъ идти дальше, нужно расчистить путь. Въ отчетѣ сказано, что наше воззваніе было сочувственно встрѣчено всей Европой и что подписка въ пользу нашей интернаціональной ассоціаціи увеличилась въдесятеро. Намъ нужно убѣдиться, что это всеобщее сочувствіе зависитъ не отъ какого-нибудь недоразумѣнія. Я не былъ бы честнымъ человѣкомъ, если бы рѣшился воспользоваться чѣмъ-нибудь имѣніемъ или чѣмъ-нибудь деньгами, не устранивъ всякой возможности ошибиться на этотъ счетъ. А потому я написалъ нѣчто, долженствующее устранить всякія сомнѣнія, и намѣреваюсь напечатать это для всеобщаго свѣдѣнія.

Давидъ вынулъ изъ кармана продолговатую записную книжку и сталъ читать среди всеобщаго молчанія:

«Чего въ нашей хартіи не подразумевается?».

«Въ ней не подразумевается, чтобы весь строй современнаго общества былъ пороченъ и никуда не годенъ».

«Въ ней не подразумевается, чтобы мы намѣревались, при помощи какого-нибудь насилія, уничтожить монархіи, арміи, національныя границы, частную собственность или индивидуальную свободу».

«Въ ней не подразумевается, чтобы мы желали уничтожить городъ, книги, газеты, университеты и правительства».

«Въ ней не подразумевается, чтобы мы мечтали исправить нравственное зло съ помощью возврата отъ цивилизаціи къ варварству».

«Въ ней не подразумевается, чтобы мы считали всю шестидесяти-лѣтнюю жизнь человѣчества одной сплошной ошибкой».

Въ ней не подразумевается, чтобы мы не вѣрили, что во все это время Богъ правитъ міромъ и велъ его ко двору».

Молчаніе было прервано ропотомъ неудовольствія. Росси опустилъ книжку, поднялъ голову и сказалъ:

— Это необходимо было выяснитъ ради нашихъ друзей, изъ которыхъ многіе, по видимому, предполагаютъ, что мы намѣрены создать новое небо и новую землю. А теперь пойдемъ дальше.

Росси вновь сталъ читать по книжкѣ среди вновь водворившагося холоднаго молчанія.

«Что въ нашей хартіи подразумѣвается?».

«Въ ней подразумѣвается, что есть Богъ, правящій міромъ ко благу и истинѣ».

«Что порядокъ естественнымъ образомъ возникаетъ изъ хаоса, гармонія—изъ разногласія, единство—изъ раздѣленія, миръ—изъ борьбы».

«Что всѣ случайности ведутъ вселенную къ добру».

«Что въ должное время, благодаря дѣйствию естественныхъ законовъ, все остающееся въ мірѣ зло само собою исчезнетъ».

«Что границы между государствами сотрутся».

«Что война станетъ невыполнимой».

«Что частное владѣніе землею сдѣлается невозможнымъ».

«Что индивидуальное обладаніе капиталами будетъ невыгодно».

«Что всякому произволу настанетъ конецъ».

«Что люди, безъ различія національностей, будутъ относиться другъ къ другу, какъ братья».

«Что всѣ они будутъ имѣть хлѣбъ насущный».

«Что рано или поздно все подчинится естественнымъ законамъ, потому что они суть выраженіе Божьей воли, Божьей правды, а Богъ есть благо и любовь».

Опять молчаніе было прервано ропотомъ, и опять Росси поднялъ голову.

— Это необходимо было выяснитъ ради нашихъ враговъ, господа, — сказалъ онъ, — чтобы всѣ видѣли, что мы стремимся не къ революціи, а къ естественной эволюціи. А если они скажутъ намъ на это, что въ такомъ случаѣ наша ассоціація не имѣетъ цѣли и есть лишь простая фраза, то мы покажемъ имъ, что она имѣетъ и практическое значеніе.

Росси опять сталъ читать по книжкѣ:

«Какимъ же образомъ будемъ мы содѣйствовать осуществленію желаній, высказанныхъ въ нашей хартіи?»

Чтеніемъ Молитвы Господней».

«Протестомъ противъ нарушенія принциповъ, въ ней выставленныхъ».

«Протестомъ противъ всякой войны».

«Протестомъ противъ призыва въ ряды арміи».

«Протестомъ противъ всякаго рода присяги».

«Протестомъ противъ законовъ, отдающихъ въ частную собственность землю, которая принадлежитъ всѣмъ».

«Наконецъ — страданіями, которые будутъ навлечены на насъ всѣми этими протестами».

Ропотъ сталъ громче, чѣмъ прежде, но Росси продолжалъ говорить, не обращая на него вниманія.

— Таковозначеніе нашей хартіи, господа, — сказалъ онъ покойнымъ, но твердымъ голосомъ, — и намъ нужно выяснитъ его, для того чтобы и друзья и враги наши знали, что мы хотимъ демократіи, а не деомонархіи — аркадіи, если хотите, а не анархіи. А если насъ спросятъ, когда же Всемирная Республика осуществится, то мы отвѣтимъ, что тогда, когда міръ готовъ будетъ принять ее. По мѣрѣ готовности той или другой страны, наши идеи овладѣютъ умами правящихъ въ ней классовъ...

Не смотря на насмѣшливыя восклицанія и презрительный смѣхъ аудиторіи, Росси продолжалъ говорить.

— Въ республикѣ міра, господа, — сказалъ онъ, — Римъ имѣетъ заранѣе предназначенное для него мѣсто. Это — Вѣчный городъ. Онъ обладаетъ таинственнымъ безсмертіемъ. Другіе города разрушаются, когда миссія ихъ выполнена, а Римъ одинъ стоитъ незыблемо, переживая вѣка и народы. Когда-то онъ былъ столицей языческой республики. Республика пала, и онъ сталъ столицей Имперіи. Пала Имперія — онъ сдѣлался столицей Христіанства. Теперь онъ находится въ переходномъ состояніи и служитъ столицей Итальянскаго королевства. Судьба предназначила его быть столицей Всемирной Республики — мѣстомъ собранія всемірныхъ конгрессовъ.

Едва Росси успѣлъ сѣсть, какъ большинство членовъ Комитета вскочили на ноги.

— Слово принадлежитъ Луиджи Ковти, — сказалъ Давидъ, и маленький секретарь, съ блѣднымъ, передергивающимся отъ волненія лицомъ, началъ:

— Теперь мы знаемъ, — сказалъ онъ, — почему мы цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлали. Это потому, какъ говоритъ нашъ президентъ, что и дѣлать было нечего. Со времени послѣдняго нашего собранія, онъ успѣлъ до такой степени затуманить нашу цѣль,

что она теперь почти совѣмъ сгелась. Тогда намъ говорили, что если правительство нарушаетъ права человѣка, то обязанность этого человѣка состоитъ въ томъ, чтобы низвергнуть правительство. А теперь намъ говорятъ, что естественный законъ самъ все сдѣлаетъ. Но если такъ, то зачѣмъ же мы собрались? Какая цѣль напой ассоціаціи? Чего мы ворчимъ противъ налога на хлѣбъ? Зачѣмъ мы собираемъ народъ въ Колизей? А если не такъ, то для чего президентъ выдерживаетъ у насъ почву пзъ подъ ногъ, для чего лишаетъ нашу ассоціацію всякой цѣли?

— Для чего? — сказалъ ораторъ, — очень понятно для чего! Онъ служить и нашимъ, и вашимъ. Онъ пробуетъ и спастись вмѣстѣ съ зайцемъ, и догонять вмѣстѣ съ собаками. Онъ хочетъ согласить интересы народа съ интересами эксплуататоровъ. Было время, когда никто ясный его не видалъ недостатковъ нашего общественного строя и развратности нашего правительства; а теперь у него завелись новые друзья; онъ продалъ право первородства за чечевичную похлебку, промѣнявъ и насъ, и наше дѣло на дворцы, на князей, на театры, охоты, красныя ливреи!

— Потипше! будемъ благоразумны, — сказалъ третій ораторъ, хотя и самъ былъ страшно взволнованъ. Это былъ нѣкій Мальятеста, членъ Парламента и сторонникъ Росси.

— Посмотримъ, что мы потеряли въ этотъ мѣсяцъ, когда ничего не было сдѣлано. Завтра, въ тронной рѣчи, будетъ предложено ограниченіе свободы печати, права ассоціацій и народныхъ собраній. Въ виду эффекта, произведеннаго нашей хартіей, мы могли ожидать всего этого и, въ течение мѣсяца, могли бы подготовиться къ отпору. Но мы не подготовились; каковы же будутъ результаты? Страна — въ рукахъ правительства, и, благодаря отсутствію нашего президента, первый министръ можетъ дѣлать, что ему угодно.

— Отступничество! — закричалъ опять Луиджи, лицо котораго теперь горѣло, какъ въ огнѣ, — почему не говорить прямо? Моментъ потерянъ потому, что нашъ президентъ струсилъ дѣла. А почему онъ струсилъ? Потому, что онъ честный человѣкъ и не желаетъ злоупотреблять чѣмъ бы то ни было именемъ и чѣмъ бы то ни было деньгами. Разъ цѣль дѣйствія недостаточно выяснена?

Какъ бы не такъ! Я вамъ скажу почему! Потому, что онъ попалъ въ лапы къ женщины! А кто такая эта женщина? Да вотъ та самая, которую онъ мѣсяцъ тому назадъ называлъ кислотой, разъѣдающей правительство — любовница перваго министра! Чтѣ? Видно, правда глаза колетъ? Такъ вамъ и надо! Подавитесь ею, коли не проглотите!

Страсти разгорѣлись до невозможности. Всѣ вскочили на ноги; Бруно, отъ дверей, бросился въ середину комнаты; шумъ начался невѣроятный, и сквозь этотъ шумъ слышался инклинный голосокъ Луиджи, выкрикивавшій:

— Я правду говорю! Меня не испугаешь! Не такоескій!

Одинъ Давидъ Росси сидѣлъ молча. Наконецъ всталъ и онъ — единственный человѣкъ, сохранившій полное спокойствіе.

— Братья! — проговорилъ онъ медленно, — когда человѣкъ рѣшился работать на пользу общую, то онъ долженъ избѣгать личныхъ ссоръ. Я оставляю безъ отвѣта нанесенныя мнѣ оскорбленія.

— Ну, конечно! — воскликнулъ Луиджи, побѣдоносно оглядываясь вокругъ и смѣясь рѣзкимъ презрительнымъ смѣхомъ.

— Но, — спокойно продолжалъ Росси, — я не могу допустить оскорбленій по адресу честной и чистой во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушки.

Луиджи и многіе другіе опять захохотали.

— Я говорю, — продолжалъ Росси твердымъ голосомъ, — что не позволю оскорблять честную дѣвушку и заявляю человѣку, который сдѣлалъ это, что онъ не что иное, какъ пошлый клеветникъ.

— Лжешы! — вскричалъ было Луиджи, но тутъ случилось нѣчто необыкновенное.

Бруно, который стоялъ по другую сторону стола, издалъ какое-то неопредѣленное восклицаніе и, прежде, чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться, перегнулся черезъ столъ, схватилъ Луиджи за плечи, поднялъ его и съ размаху бросилъ на полъ.

Тогда, среди всеобщаго оцѣнѣнія, послышался сердитый голосъ Росси, приказывающій Бруно убраться вонъ.

Какъ мальчикъ, котораго только-что выскли, Бруно поспѣшно выкатился изъ комнаты, а Росси, задыхаясь отъ волненія, поспѣшилъ поднять лежавшаго секретаря.

— Мнѣ стыдно за Бруно,—сказать онъ.—
будьте увѣрены, что ему это не пройдетъ
даромъ.

— Оставьте его въ покоѣ, синьоръ,—ска-
зать Лунджи, кладя въ карманъ ножъ, ко-
торый онъ было собирался пустить въ дѣло,
я самъ виноватъ. Прошу у васъ прощенія.

Вообще сцена въ одну минуту совершен-
но измѣнилась. Не только Лунджи, но и всѣ
присутствующіе, окруживъ Росси, напере-
рывъ стремились пожать его руку.

— Отложимъ засѣданіе до тѣхъ поръ,
пока успокоимся,—сказать Давидъ. Хоро-
шими бы мы были вождами въ новомъ,
братски и мирно настроенномъ обществѣ,
если бы начали съ драки. Ступайте, съ Бо-
гомъ, по домамъ, господа!

Всѣ молча вышли изъ комнаты, а Росси
вернулся въ спальню. Черезъ нѣсколько ми-
нутъ въ дверь этой спальни кто-то тихо по-
стучался.

— Кто тамъ?

Вошла Елена съ письмомъ.

— Что мнѣ дѣлать съ Бруно?—сказала
она,—онъ легъ на постель и не говоритъ
ни слова.

— Онъ надѣлалъ глупостей, и я прину-
жденъ былъ сдѣлать ему выговоръ.

— Бѣдный Бруно! Онъ готовъ отдать за
васъ свою жизнь, синьоръ, и, какъ собака,
залаетъ даже на короля, а когда вы ему
пригрозите, то подожметъ хвостъ и стано-
вится ужасно жалокъ.

— Передайте ему, что мнѣ тоже его очень
жалъ и что все теперь прошло.

Елена вышла изъ комнаты, и Росси толь-
ко-что собрался разрѣзать кинжаломъ кон-
вертъ, какъ глухая жена гаррибальдийца
принесла ему на подносъ дымящееся блюдо
спигетти.

— Вы сегодня не обѣдали, сынокъ,—
сказала она,—такъ вотъ хоть поужинайте.
Выбросьте-ка книги да письма изъ головы и
подумайте о желудкѣ. Книгами вѣдь сытъ
не будешь. Вретъ тотъ, кто такъ говоритъ.
Книги не для христіанъ писаны. Бросьте ихъ,
сынокъ... Вы говорите: не голодны? Вотъ то-
то жены у васъ нѣтъ! Будь я чуточку помо-
ложе, такъ вы бы у меня захотѣли кушать...
Ну, хоть изъ милости, съѣшьте кусочекъ! Вотъ
такъ вотъ! На здоровье! Доброй ночи!

IV.

Письмо было отъ Ромы.

«Дорогой Давидъ. Ваше письмо повергло
меня въ изумленіе и страшно встревожило.
Я цѣлый день не могла приняться за работу
и, какъ ни уговаривалъ меня «Блэкъ» пойти
съ нимъ погулять—я не согласилась.

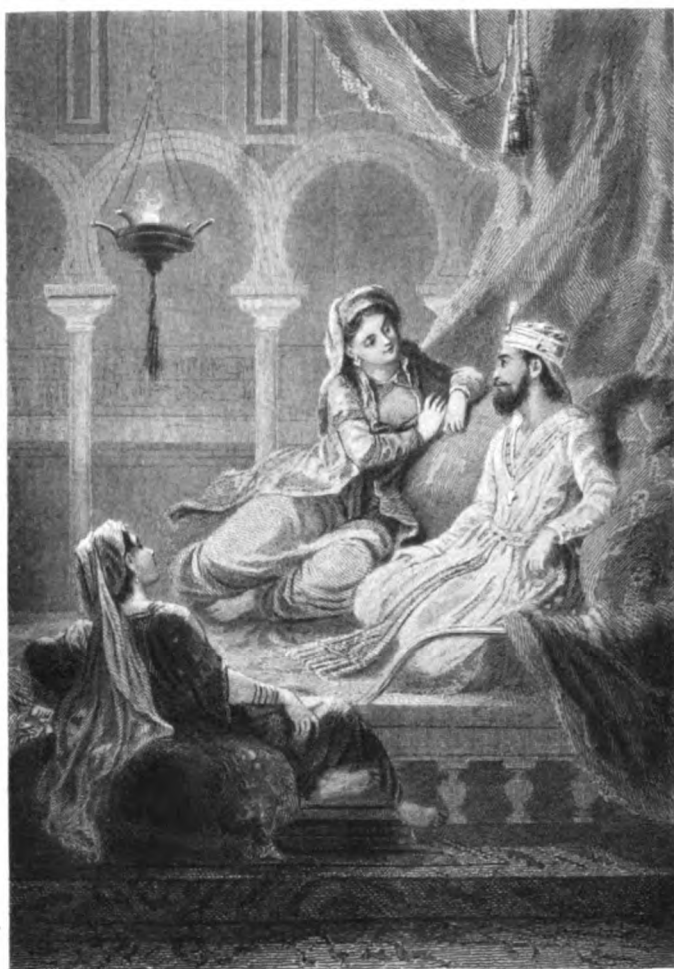
«Да неужели же наши сношенія должны
быть прерваны? Не можетъ же быть, чтобы
навсегда! Если такъ, то я глазъ не осушу,
вмѣсто того чтобы воскреснуть къ новой
жизни, какъ надѣялась.

«Вы такъ неопредѣленно выражаетесь, что
я ничего не поняла. Если намъ нельзя пере-
писываться по почтѣ, если вы моего Ф. счи-
таете своимъ врагомъ, а вашего Б. моимъ,
то тѣмъ болѣе необходимо придти вамъ са-
мимъ и переговорить со мною лично. Прихо-
дите теперь же. Пожалуйста, приходите! Въ
такомъ важномъ дѣлѣ, сестра, надѣюсь, мо-
жете командовать.

«Въ качествѣ сестры я, можетъ быть, дол-
жна еще радоваться тому, что вы говорите.
Ну, пожалуй, я радуюсь! Но будучи дочерью
Евы, имѣю же я право быть любопытной.
Вы говорите, что я знаю ту даму, о которой
идетъ рѣчь, и даже очень ею интересуюсь—
кто же она такая? Знаетъ ли она, что вы ее
любите? Красива ли она? Напишите хоть
заглавныя буквы ея имени. Ну, хоть одну
только—остальное я угадаю. А такъ, оста-
ваться въ полной неизвѣстности, положи-
тельно не согласна.

«Вы говорите, что препятствія рѣшитель-
но непреодолимы. Это было бы ужасно. Но
вѣдь вы, можетъ быть, преувеличиваете не-
преодолимость. Какія такія могутъ быть
препятствія? Настоящая женщина всегда
будетъ способна или переждать, или обо-
йти, или разрушить ихъ. А, можетъ быть,
тутъ замѣшаны—страшно вымолвить—двѣ
женщины, изъ которыхъ къ одной тянется чув-
ство, а къ другой—долгъ? Въ такомъ слу-
чаѣ рекомендую вамъ хорошенько подумать
прежде, чѣмъ рѣшиться на что-либо: долгъ—
ужасный тиранъ, онъ загубилъ болѣе жиз-
ней, чѣмъ сама любовь.

«Видите, какъ я стараюсь за мою неиз-
вѣстную сестру! Надѣюсь, это очень мило съ
моей стороны, имѣя въ виду, что я даже не
знаю, кто она такая и понравится ли мнѣ.
Но почему бы не позволить мнѣ помочь вамъ?
Приходите сейчасъ же и поговоримъ.

II. Шахразада въ первую ночь начала разсказъ.

его небрежно всякому! И не опасайся недостатка въ золотѣ: я буду его пополнять! И ты будешь давать горсть золота всякому, кто только къ тебѣ приблизится. И прими увѣренный видъ и не бойся ничего! И тебѣ поможетъ Аллахъ, который создалъ тебя такимъ красавцемъ, и я, такъ какъ я люблю тебя! Впрочемъ, все, что произойдетъ, произойдетъ по волѣ и могуществу Всевышняго Аллаха! И съ этими словами джинъ исчезъ.

Тогда Гассанъ Бадреддинъ, изъ Басры, выслушавъ эти слова эфрита, сказалъ себѣ:—Что можетъ означать все это? И о какой это услугѣ говорить мнѣ этотъ удивительный эфритъ? Но, не останавливаясь болѣе на подобныхъ вопросахъ, онъ пошелъ и зажегъ свою свѣчу, которая потухла, о свѣчу одного изъ приглашенныхъ и подошелъ къ гаммаму въ ту самую минуту, когда горбунъ, принявъ свою ванну и одѣтый во все новое, сядился на лошадь.

Тогда Гассанъ Бадреддинъ, изъ Басры, смѣшался съ толпою и, пробираясь тутъ и тамъ, очутился во главѣ шествія, рядомъ съ горбуномъ. И тогда красота Гассана явилась всеѣмъ во всемъ ея дивномъ блескѣ. Ибо Гассанъ былъ въ томъ самомъ роскошномъ платьѣ, въ которомъ онъ ходилъ въ Басрѣ: на головѣ у него былъ тарбушъ, обернутый въ великолѣпный шелковый тюрбанъ, вышитый золотомъ и серебромъ, и свернутый по модѣ, принятой въ Басрѣ; и его верхнее платье было заткано шелкомъ, съ примѣсю золотыхъ нитей. И все это еще болѣе возвышало его величественный видъ и его красоту.

И каждый разъ, какъ какая-нибудь пѣвица или танцовщица отдѣлялась во время шествія отъ группы музыкантовъ, игравшихъ на разныхъ инструментахъ, и приближалась къ нему, передъ самимъ горбуномъ, Гассанъ Бадреддинъ опускалъ руку въ карманъ и вынималъ ее оттуда полной золота, и разбрасывалъ это золото вокругъ себя цѣлыми пригоршнями, и клалъ цѣлыя пригоршни золота на тамбуръ съ бубенчиками молодой танцовщицы или молодой пѣвицы, и такъ каждый разъ; и все это онъ дѣлалъ съ несравненнымъ изяществомъ и граціей.

И тогда всѣ женщины такъ же, какъ и вся толпа, пришли въ полное изумленіе и были очарованы его красотой и пріятнымъ обращеніемъ.

И вотъ шествіе приблизилось къ дворцу. И тогда дворцовые служители отгѣснили толпу и не дозволили войти никому, кромѣ музыкантовъ и группы танцовщицъ и пѣвицъ, шедшихъ позади горбуна. И больше рѣшительно никому.

Тогда пѣвицы и танцовщицы единодушно обратились къ дворцовымъ служителямъ и сказали имъ:—Клянемся Аллахомъ! Вы имѣете полное основаніе не пускать мужчинъ въ гаремъ вмѣстѣ съ нами для присутствованія при одѣваніи новобрачной! Но мы отказываемся совершенно, мы тоже, войти, если вы не позволите войти вмѣстѣ съ нами этому молодому человѣку, который осыпалъ насъ своими щедротами! И мы отказываемся принимать участіе въ свадебномъ торжествѣ, если на немъ не будетъ присутствовать этотъ молодой человѣкъ, нашъ другъ! И женщины насильно овладѣли Гассаномъ и ввели его съ собою въ гаремъ, на середину большой залы собраний. И такимъ образомъ, онъ былъ единственный мужчина, допущенный въ гаремъ, вопреки желанію горбуна, который не могъ помѣшать этому. И въ залѣ празднествъ собрались всѣ дамы, жены эмировъ, визирей и служащихъ при дворцѣ. Всѣ эти дамы расположились двумя рядами, и каждая держала въ рукѣ большую свѣчу; и лица у всѣхъ были закрыты вуалями изъ бѣлаго шелка, въ виду присутствія двухъ мужчинъ. И вотъ Гассанъ и горбунъ-новобрачный прошли между двумя вереницами женщинъ и поднялись на возвышеніе и сѣли, пройдя между этими двумя рядами, которые

тянулись отъ залы собраний и до самой брачной комнаты, откуда вскорѣ должна была выйти для присутствованія на свадьбѣ новобрачная.

И при видѣ Гассана Бадреддина, при видѣ его красоты, его прелести, его лица, блиставшаго, какъ вновь народившаяся луна, женщины пришли въ волненіе, дыханіе у нихъ остановилось, и онѣ чувствовали, что теряютъ разумъ. И каждая изъ нихъ горѣла желаніемъ обнять этого дивнаго юношу и броситься на его грудь, и остаться связанной съ нимъ въ теченіе года, или мѣсяца или хоть одного часа, или по крайней мѣрѣ столько времени, сколько нужно для того, чтобы получить хоть одну его ласку, и почувствовать его прикосновеніе.

И вотъ всѣ эти женщины не въ силахъ были сдерживать себя долѣе и сразу открыли свои лица, приподнявъ свои вуали! И всѣ онѣ показывали себя безъ всякой сдержанности, совершенно забывая о присутствіи горбуна! И всѣ онѣ старались подойти къ Гассану Бадреддину, чтобы поближе имъ полюбоваться и сказать ему слово любви или по крайней мѣрѣ сдѣлать ему знакъ глазомъ, чтобы онъ могъ видѣть, въ чемъ заключается ихъ желаніе. Между тѣмъ, танцовщицы и пѣвицы усиливали еще болѣе это впечатлѣніе, рассказывая о щедрости Гассана и побуждая этихъ дамъ еще болѣе ухаживать за нимъ. И дамы говорили:—Аллахъ! Аллахъ! Вотъ это такъ молодой человекъ! Вотъ этотъ достойнъ спать съ Сеттъ-эль-Госнѣ! Они созданы другъ для друга! Но что за противный горбунъ, и какъ не истребить его Аллахъ!

И вотъ въ то время, когда дамы въ залѣ продолжали восхвалять Гассана и посылать проклятіе горбуну, пѣвицы ударили вдругъ въ свои тамбурины, и двери брачной комнаты открылись, и новобрачная вышла въ залу въ сопровожденіи евнуховъ и прислужницъ, прекраснѣе луны во время полнолунія.

Сеттъ-эль-Госнѣ, дочь визиря Шамзеддина, шла среди женщинъ, и она блистала, какъ гурія, и всѣ остальные рядомъ съ нею казались только сопутствующими свѣтилами и окружали ее, точно звѣзды луну, выходящую изъ облака. И она была надушена амброю, мускусомъ и розою; и волосы у нея были убраны и блистали подъ шелкомъ, который ихъ прикрывалъ; и плечи дивно обрисовывались подъ роскошными одеждами, которыя ихъ прикрывали. И она дѣйствительно была одѣта по-царски; и между прочимъ на ней было одѣяніе, все вышитое червоннымъ золотомъ, и на его ткани были изображены фигуры звѣрей и птицъ; но это было только верхнее одѣяніе; что же касается другихъ, нижнихъ одѣяній, то одинъ только Аллахъ былъ бы въ состояніи повѣять и оцѣнить ихъ стоимость! И на шеѣ у нея было ожерелье, которое могло стоить кто знаетъ сколько тысячъ динаріевъ! Каждый камень, изъ которыхъ оно состояло, представлялъ такую рѣдкость, подобной которой не видѣлъ ни одинъ изъ смертныхъ, будь то даже самъ царь!

Однимъ словомъ, Сеттъ-эль-Госнѣ, новобрачная, была такъ хороша, какъ полная луна въ свой четырнадцатый день!

Что же касается Гассана Бадреддина, изъ Басры, то онъ продолжалъ сидѣть, восхищая всѣхъ присутствующихъ дамъ. И вотъ въ его сторону направилась новобрачная. Она подошла къ возвышенію, граціозно покачиваясь направо и налево. И тогда конюхъ-горбунъ поднялся и поспѣшилъ къ ней, чтобы обнять ее. Но она съ ужасомъ оттолкнула его и быстро отвернулась и въ тотъ же мигъ очутилась передъ прекраснымъ Гассаномъ. И подумать только, что это былъ ея двоюродный братъ, и что она этого не знала, и онъ тоже!

При видѣ всего этого, всѣ присутствующія женщины засмѣялись, въ особенности, когда юная новобрачная остановилась передъ прекраснымъ

Гассаномъ, къ которому она тотчасъ же воспылала страстью, и вскричала, протянувъ руки къ небу:—Аллахумма! сдѣлай, чтобы этотъ прекрасный юноша былъ моимъ супругомъ! И избавь меня отъ этого горбатаго конюха!

Тогда Гассанъ Бадреддинъ, какъ ему приказывалъ джинъ, опустилъ руку въ карманъ и вынулъ ее полной золота; и онъ бросалъ золото горстями прислужницамъ Сеттъ-эль-Госнъ и танцовщицамъ, и пѣвицамъ, и онъ восклицали:—Ахъ! Если бы ты могъ обладать новобрачной! И Бадреддинъ любезно улыбался на всѣ ихъ пожеланія и на ихъ похвалы.

Что же касается горбуна, то онъ оставался все время одинъ, безобразный, какъ обезьяна. И всѣ окружили Сеттъ-эль-Госнъ и прекраснаго Гассана, не обращая вниманія на отвратительнаго горбуна, который сидѣлъ, покинутый всѣми, возбуждая смѣхъ и презрѣнїе. И всякая, случайно приближаясь къ нему, или проходя мимо него, тушила свою свѣчу, чтобы посмѣяться надъ нимъ. И онъ все время оставался одинъ, и злился, и выходилъ изъ себя. И всѣ женщины издѣвались надъ нимъ, проходя мимо, и отпускали безцеремонныя шутки. И одна говорила ему:—Обезьяна! Ты можешь обойтись какъ-нибудь безъ жены! И другая говорила ему:—Посмотри! Куда ты годишься въ сравненіи съ нашимъ прекраснымъ господиномъ! И третьи говорили:—Онъ могъ однимъ ударомъ забросить тебя въ твою конюшню! И всѣ смѣялись.

Что же касается новобрачной, то она семь разъ подрядъ, и каждый разъ одѣтая иначе, обходила кругомъ залу, въ сопровожденіи всѣхъ дамъ; и она останавливалась послѣ каждаго круга передъ Гассаномъ Бадреддиномъ. И каждое новое платье на ней было еще прекраснѣе предыдущаго, и каждое убранство безконечно превосходило прежнее. И все время, пока новобрачная медленно, шагъ за шагомъ, подвигалась впередъ, играющія на инструментахъ дѣлали чудеса, и пѣвицы пѣли любовныя пѣсни, все болѣе страстныя и возбуждающія, и танцовщицы, ударяя въ тамбурины съ бубенчиками, танцовали какъ птички! И каждый разъ Гассанъ Бадреддинъ, изъ Басры, не забывалъ бросать золото горстями, разсыпая его по всей залѣ; и всѣ женщины тѣснились, чтобы сколько-нибудь получить золота и коснуться руки юноши. И вотъ, охваченныя всеобщимъ веселіемъ, возбужденныя звуками музыки и опьяненныя пѣніемъ, онъ разыгрывали любовныя пантомимы передъ глазами Гассана, который сидѣлъ и улыбался! И горбунъ, сильно раздосадованный, долженъ былъ смотрѣть на все это! И досада его увеличивалась все болѣе и болѣе, такъ какъ женщины, отходя отъ Гассана, подходили къ нему и дѣлали, издѣваясь надъ нимъ, непристойныя жесты и шутили надъ нимъ. И всѣ окружающія смѣялись.

По окончаніи седьмого круга, свадьба закончилась, такъ какъ уже прошла значительная часть ночи. И играющія на инструментахъ перестали играть на нихъ, танцовщицы и пѣвицы остановились и, вмѣстѣ со всѣми дамами, проходили передъ Гассаномъ, одинъ дѣлая его руки, другія—касаясь полы его платья; и всѣ уходили, оглядываясь въ послѣдній разъ на Гассана и какъ бы говоря ему, чтобы онъ оставался здѣсь. И вотъ, наконецъ, дѣйствительно, въ залѣ не осталось никого, кромѣ Гассана, горбуна и новобрачной съ ея прислужницами. И тогда прислужницы увели новобрачную въ уборную комнату и снимали съ одежды одну за другою, каждый разъ говоря:—Во имя Аллаха!—чтобы оградить ее отъ дурнаго глаза. И потомъ онъ удалились, оставивъ ее одну съ ея старой кормилицей, которая, прежде чѣмъ провести ее въ брачную комнату, должна была подождать, чтобы туда прошелъ первый новобрачный-горбунъ.

И тогда горбунъ всталъ со своего мѣста и, увидя, что Гассанъ все еще сидитъ попрежнему, сказалъ ему очень сухо:—По истиннѣ, о господинъ, ты сдѣлалъ намъ величайшую честь своимъ присутствіемъ и осыпалъ насъ своими щедротами этой ночью. Но теперь чего же ждешь ты? Развѣ ты не

собираешься уходить, прежде чѣмъ тебя прогонять? Тогда Гассанъ, который въ общемъ не считалъ справедливымъ оставаться здѣсь болѣе, сказалъ, поднимаясь:—Во имя Аллаха! И онъ поднялся и вышелъ. Но лишь только онъ вышелъ изъ дверей залы, какъ увидѣлъ джина, который приблизился къ нему и сказалъ:—Куда же ты уходишь, Бадреддинъ? Подожди здѣсь и хорошенько слушайся меня и исполни мои указанія. Горбунъ скоро войдетъ въ кабинетъ удобствъ; и я пойду туда же и задержу его тамъ! Ты же, замѣтивъ это, ступай тотчасъ же въ брачную комнату и, когда войдешь къ новобрачной, скажи ей:—Это я настоящій твой мужъ! Султанъ и твой отецъ воспользовались этой хитростью, чтобы отвратить отъ тебя дурной глазъ завистливыхъ людей! Чтѣ же касается конюха, то это самый жалкій изъ нашихъ конюховъ; и, чтобы вознаградить его за это, для него приготовленъ на конюшнѣ хорошій горшокъ простокваши, чтобы онъ могъ подкрѣпиться за наше здоровье! Потомъ ты возьмешь ее безъ страха и колебаній и снимешь съ нея вуаль, и сдѣлаешь то, чтѣ сдѣлаешь! И джинъ исчезъ.

И горбунъ, дѣйствительно, вышелъ въ кабинетъ удобствъ, чтобы облегчиться передъ тѣмъ, какъ войти къ новобрачной, и присѣлъ на мраморъ. И вотъ, въ это самое время, джинъ принялъ видъ большой крысы и вышелъ изъ отверстія кабинета удобствъ и началъ, подражая крысѣ, издавать звукъ:—Зикъ! Зикъ! И горбунъ захлопалъ руками, чтобы отогнать крысу и говорилъ:—Гешъ! Гешъ! Тогда крыса начала увеличиваться и превратилась въ большого кота, съ страшными свѣтящимися глазами, который началъ громко мяукать. И пока горбунъ сидѣлъ, котъ увеличивался и превратился въ большую собаку, которая лаяла:—Гавъ! Гавъ! И тогда горбунъ перепугался и закричалъ:—Пошла прочь, подлая! Тогда собака начала увеличиваться и надуваться и превратилась въ осла, который заревѣлъ по направленію къ горбуну:—Гакъ! ги-гакъ! И тогда горбунъ исполнился ужаса, и почувствовалъ, что у него сильнѣйшій поносъ, и началъ кричать громкимъ голосомъ:—Помогите, помогите, живущіе въ этомъ домѣ! Тогда, изъ опасенія, чтобы горбунъ не ушелъ отсюда, оселъ увеличился еще болѣе и превратился въ громаднаго буйвола, который совершенно загородилъ собою дверь кабинета удобствъ, и буйволъ, на этотъ разъ, заговорилъ уже человѣческимъ голосомъ и сказалъ:—Горе тебѣ, дрянной горбунъ! самый вонючій изъ всѣхъ конюховъ! При этихъ словахъ горбунъ почувствовалъ холодъ смерти и потерялъ сознание, и упалъ на полъ, полураздѣтый, и челоюсти его стучали одна о другую, и отъ ужаса онъ не могъ открыть рта. Тогда буйволъ закричалъ ему:—О презрѣнный горбунъ! Развѣ ты не могъ найти себѣ другой женщины, кромѣ моей повелительницы? Но горбунъ, полный ужаса, не могъ произнести ни слова. И джинъ сказалъ ему:—Отвѣчай же мнѣ, или я заставлю тебя поглотить твои собственныя нечистоты! Тогда горбунъ, при этой страшной угрозѣ, могъ только сказать:—Ради Аллаха! Это не моя вина! Меня принудили къ этому! И во всякомъ случаѣ, о могучій повелитель буйволовъ, могъ ли я предвидѣть, что у молодой дѣвушки есть любовникъ среди буйволовъ! Но, клянусь тебѣ, я уже передумалъ и прошу прощенія у Аллаха и у тебя! Тогда джинъ сказалъ ему:—Клянись именемъ Аллаха, что ты будешь повиноваться моимъ приказаніямъ! И горбунъ поспѣшилъ дать клятву. Тогда джинъ сказалъ ему:—Ты долженъ оставаться здѣсь всю ночь, пока не взойдетъ солнце! И только тогда можешь ты выйти отсюда! Но ты не долженъ говорить никому ни слова обо всемъ этомъ, иначе я разобью твою голову на тысячу кусковъ! И никогда нога твоя не должна быть ни въ этомъ дворцѣ, ни въ гаремѣ! Иначе, повторяю, я размозжу твою голову и упрячу тебя въ яму съ нечистотами! Потомъ онъ прибавилъ:—Впрочемъ, я самъ придамъ тебѣ положеніе, которое я предпочитаю тебѣ мнѣять до самаго разсвѣта! И тогда буйволъ схватилъ своими

зубами конюха за ноги и втиснулъ его головою впередъ въ отверстіе надъ ямой кабинета удобствъ и снаружи оставилъ только его ноги. И онъ еще разъ повторилъ ему: —Смотри же, до утра не смѣй и пошевелиться! И вслѣдъ затѣмъ онъ исчезъ.

Вотъ что было съ горбуномъ.

Что касается Гассана Бадреддина, изъ Басры, то онъ предоставилъ поле сраженія горбуну и эфриту и пробрался черезъ внутренніе покои дворца прямо въ брачную комнату, и успѣлъ тамъ въ отдаленномъ углу. И не успѣлъ онъ сѣсть, какъ въ комнату вошла новобрачная, поддерживаемая своей старой кормилицей, которая остановилась у дверей, въ то время какъ Сеттъ-эль-Госнъ вошла одна въ комнату. И, полагая, что въ комнатѣ сидитъ горбунъ, старуха сказала ему: —Встань, о доблестный герой, и возьми свою жену, и дѣйствуй на славу! И да будетъ Аллахъ съ вами, о дѣти мои! Проговоривъ эти слова, она удалилась.

И отъ тоски въ груди новобрачной Сеттъ-эль-Госнъ замерло сердце, и она сказала себѣ: —Нѣтъ! Лучше отдаться смерти, чѣмъ этому безобразному конюху-горбуну! Но не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ узнала прелестнаго Гассана! Тогда изъ груди ея вырвался крикъ счастья, и она сказала: —О желанный, какъ это мило, что ты ждалъ меня все это время! И неужели ты одинъ тутъ? Какое счастье! И знаешь, я думала сначала, видя тебя все время рядомъ съ этимъ противнымъ горбуномъ, что вы оба условились владѣть мною. И Бадреддинъ отвѣчалъ: —О повелительница моя, какъ можешь ты говорить это! Какъ смѣетъ этотъ горбунъ прикасаться къ тебѣ! И какъ могли мы условиться насчетъ тебя? Тогда Сеттъ-эль-Госнъ спросила: —Но, наконецъ, кто же изъ васъ двоихъ мой мужъ—ты или онъ? И Гассанъ отвѣчалъ ей: —Конечно я, о госпожа моя! Вся эта шутка съ горбуномъ была придумана, чтобы забавить насъ и чтобы отвратить отъ тебя дурной глазъ, такъ какъ всѣ женщины, живущія во дворцѣ, говорятъ о твоей несравненной красотѣ. И отецъ твой нанялъ этого горбуна, чтобы онъ служилъ отводомъ дурному глазу, и далъ ему десять динаріевъ, и теперь, онъ, вѣроятно, собирается очистить въ конюшнѣ за наше здоровье цѣлый горшокъ простокваши.

При этихъ словахъ Сеттъ-эль-Госнъ обрадовалась до высшаго предѣла радости, и она пріятно улыбнулась и потомъ еще пріятнѣе разсмѣялась и, не въ состояніи долѣе сдерживать себя, воскликнула: —Ради Аллаха, дорогой мой, возьми меня! Возьми меня! Прижми къ своей груди! И такъ какъ Сеттъ-эль-Госнъ сняла уже съ себя нижнія одежды, то оставалась теперь только въ одной верхней, кромѣ которой на ней не было ничего. И со словами: —Прижми меня къ своей груди!—она приподняла свою одежду, и онъ увидѣлъ всю прелесть ея тѣла. И при видѣ этого тѣла гуріи онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе! И онъ началъ раздѣваться и сбросилъ съ себя широкія шальвары съ безчисленными складками; и онъ вынулъ кошелькъ съ тысячею динаріевъ, отсчитанныхъ ему евреемъ изъ Басры, и положилъ на диванъ, подъ шальвары; потомъ онъ снялъ свой красивый тюрбанъ и положилъ его на стулъ, и надѣлъ на голову ночной тюрбанъ, который былъ приготовленъ для горбуна; и на немъ не осталось ничего, кромѣ тонкой рубашки изъ шелковой кисеи, вышитой золотомъ, и нижнихъ шальваръ изъ голубого шелка, стянутыхъ у талии шнуркомъ съ золотыми кистями.

И Бадреддинъ бросился къ Сеттъ-эль-Госнъ, тянувшейся къ нему всѣмъ существомъ, и они обнялись и слились въ тѣсномъ объятіи. И онъ наслаждался ея юными прелестями и лишилъ ее невинности, и безъ сомнѣнія съ этой ночи Сеттъ-эль-Госнъ понесла, какъ это ты и самъ увидишь изъ последующаго, о эмиръ правовѣрныхъ!

И Бадреддинъ долго ласкалъ Сеттъ-эль-Госнѣ, и потомъ онъ легъ рядомъ съ нею, и осторожно положилъ свою руку подъ ея голову, и Сеттъ-эль-Госнѣ тоже обвила его своими руками, и оба они лежали, крѣпко обнявшись, и прежде чѣмъ ими овладѣлъ сонъ, произнесли слѣдующіе стихи:

О, не страшись, и пусть твое копые
Предметъ любви пронзаетъ торжествуя.
Откинь совѣтъ завистника ты злого,
Твоей любви не можетъ онъ помочь,
Аллахъ не создалъ зрѣлища прекраснѣй,
Чѣмъ два влюбленныхъ, что на ложѣ страсти
Въ объятіи тѣсномъ радостно слились,
Взгляни на нихъ, когда, прильнувъ другъ къ другу,
Благословенья полные лежатъ,
И кисти рукъ имъ служатъ изголовьемъ!
Когда услышишь безсердечный свѣтъ,
Что двѣ души слились въ единой страсти,
Онъ ихъ желѣзомъ жаждетъ разлучить!
Ты жъ, проходи! Когда по волѣ рока
Ты красоту встрѣчаешь на пути,
Люби ее, любить ты долженъ,
И съ нею жить, и только съ ней одной!

Вотъ что случилось съ Гассаномъ Бадреддиномъ и Сеттъ-Эль-Госнѣ, дочерью его дяди.

Что же касается джина, то онъ отыскалъ джинью, свою подругу, и они отправились полюбоваться молодыми людьми, которые спали обнявшись. И джинъ сказалъ джиньѣ, своей подругѣ:—Ну, что, сестра, развѣ я не былъ правъ? Потомъ онъ прибавилъ:—Теперь твоя очередь нести этого юношу и доставить его на то самое мѣсто, съ котораго мы взяли его—на кладбище въ Басрѣ, въ усыпальницу его отца Нуреддина! И поспѣши сдѣлать это, и я помогу тебѣ, потому что приближается утро, и не слѣдуетъ, чтобы его застали здѣсь! Тогда джинья взяла молодого Гассана и взвалила его себѣ на плечи, и онъ остался, какъ былъ, въ одной только рубашкѣ, потому что нижнія шальвары у него спустились во время его возни съ Сеттъ-эль-Госнѣ. И джинья улетѣла съ нимъ, а рядомъ съ нею летѣлъ джинъ. И вотъ, во время этого полета, джинъ предался разнымъ похотливымъ мыслямъ относительно своей подруги и вздумалъ изнасиловать ее въ то время, какъ она летѣла со своей прекрасной ношей. И джинья не противилась бы его желанію, но она боялась уронить прекраснаго Гассана. Впрочемъ, Аллахъ всемилостивый послалъ противъ эфрита своихъ ангеловъ, и они направили на него падучую звѣзду, которая сожгла его. И такимъ образомъ, джинья и Гассанъ избавились отъ эфрита, который, вѣроятно, погубилъ бы обоихъ, потому что эфриты ужасны въ своихъ проявленіяхъ любви! И джинья спустилась на землю, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ сброшенъ эфритъ.

И въ книгѣ судебъ было написано, что мѣсто, на которое джинья опуститъ юнаго Гассана Бадреддина, не будучи въ силахъ одна нести его дальше, будетъ у самаго города Дамаска, въ странѣ Шамъ¹). И вотъ эфрита принесла Гассана къ однимъ изъ воротъ города Дамаска и осторожно положила его на землю, и затѣмъ улетѣла.

На разсвѣтѣ, когда открылись городскія ворота, всѣ выходившіе изъ нихъ люди были крайне поражены, увидя красиваго юношу, спавшаго на землѣ въ одной рубашкѣ, безъ нижнихъ шальваръ, въ ночномъ колпакѣ вмѣсто тюрбана на головѣ! И одни изъ нихъ сказали, глядя на него:—Вѣроятно, этотъ юноша долгое время былъ лишенъ сна, если онъ могъ погрузиться въ такой глубокій сонъ! А другіе сказали:—О Аллахъ, Аллахъ! Ка-

¹ Сирія.

Потомъ визирь еще разъ прочиталъ со вниманіемъ завѣщаніе брата и нашелъ въ немъ всю исторію Нуреддина и сына его, Гассана. И онъ былъ крайне изумленъ всѣмъ этимъ, особенно, когда онъ удостовѣрилъ и сопоставилъ числа, данныя его братомъ, съ числами своего бракосочетанія въ Каирѣ и рожденія дочери Сеттъ-эль-Госнъ. И онъ отмѣтилъ полное совпаденіе этихъ чиселъ.

И онъ пришелъ въ такое изумленіе, что поспѣшилъ къ султану и разсказать ему всю эту исторію и показалъ всѣ документы. И султанъ также изумился до предѣловъ изумленія и приказалъ придворнымъ лѣтописцамъ записать эту удивительную исторію и отдать ее на храненіе въ архивы.

Что касается визиря Шамзеддина, то онъ вернулся къ своей дочери и началъ ждать возвращенія своего племянника, молодого Гассана Бадреддина. Но онъ убѣдился, что Гассанъ Бадреддинъ исчезъ, и неизвѣстно куда. И, не понимая причины его исчезновенія, онъ сказалъ себѣ: —Клянусь Аллахомъ, это самое необычайное происшествіе! Поистинѣ, никто не испытать подобнаго...

Дойдя до этого мѣста въ своемъ повѣствованіи, Шахразада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла, не желая утомлять долѣе султана Шахріара, царя острововъ Индіи и Китая.

Но когда наступила

двадцать третья ночь,

она сказала:

— Мнѣ довелось слышать, о счастливый царь, что Джіафаръ-аль-Бармаки, визирь царя Гарунъ-аль-Рашида, продолжалъ въ такихъ выраженіяхъ свой разсказъ:

— Когда визирь Шамзеддинъ убѣдился, что племянникъ его, Гассанъ Бадреддинъ исчезъ, онъ сказалъ себѣ: —Благоразумно будетъ—ибо все бытіе на землѣ состоитъ изъ жизни и смерти—если и приму теперь же всѣ мѣры, чтобы племянникъ мой Гассанъ могъ увидѣть этотъ домъ въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ оставилъ его! И вотъ визирь Шамзеддинъ взялъ чернильницу и тростникъ и листъ бумаги и записалъ предметъ за предметомъ, все въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно стояло въ его домѣ: «Такой-шкафъ стоитъ тамъ-то; такая-то занавѣсъ находится тамъ-то...» и такъ далѣе. И когда онъ кончилъ, онъ запечаталъ эту записку, прочитавъ ее своей дочери Сеттъ-эль-Госнъ, и со всѣми предосторожностями заперъ ее въ шкафъ съ документами. Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ тюбанъ, колпакъ, шальвары, платье и кошелькъ, связалъ все это въ узелъ и заботливо спряталъ его въ надежное мѣсто.

Что касается Сеттъ-эль-Госнъ, дочери визиря, то она, дѣйствительно, забеременѣла послѣ своей первой брачной ночи и, по истеченіи девяти мѣсяцевъ, произвела на свѣтъ мальчика, прекраснаго, какъ луна, и совершенно походившаго на отца: такого же красиваго, и такого же обаятельнаго, и такого же совершеннаго! И при его появленіи женщины обмыли его и зачернили ему глаза сажей, потомъ отрѣзали пуповину и передали его на попеченіе нянекъ и кормилицы. И за его удивительную красоту его назвали Аджибъ¹.

Когда прекрасный Аджибъ достигъ—день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ—возраста семи лѣтъ, визирь Шамзеддинъ, его предокъ, отправилъ его въ школу очень извѣстнаго учителя, который общалъ визирю заботиться о его внукѣ. И каждый день маленькій Аджибъ, въ сопрово-

¹ Т. е. чудесный.

жденіи негра Саида, добраго евнуха его отца, отправлялся въ школу, и къ обѣду и вечеромъ онъ возвращался домой. И въ теченіе пяти лѣтъ мальчикъ посѣщалъ эту школу, пока ему не исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Но въ это время маленькій Аджибъ сдѣлался ненавистенъ всѣмъ другимъ дѣтямъ, своимъ школьнымъ товарищамъ, которыхъ онъ постоянно билъ и бранилъ, говоря при этомъ: — Кто изъ васъ можетъ сравниться со мною? Я сынъ визиря Египта! Наконецъ, всѣ школьники сговорились и пожаловались школьному учителю на дурное обращеніе Аджиба. И вотъ школьный учитель, который уже успѣлъ убѣдиться, что наставленія не дѣйствуютъ на сына визиря, но не рѣшался исключить его изъ школы изъ почтенія къ визирю, его дѣду, выслушалъ жалобу дѣтей и сказалъ имъ: — Я научу васъ, что нужно сказать Аджибу, чтобы онъ не возвращался больше въ нашу школу. Завтра, во время отдыха, окружите Аджиба и говорите другъ другу: — Мы придумали очень забавную игру! Но въ ней можетъ принять участіе только тотъ, кто громко произнесетъ имя своего отца и своей матери! Тотъ же, кто не можетъ сдѣлать этого, будетъ признанъ незаконнымъ сыномъ и не можетъ играть съ нами!

И вотъ утромъ, какъ только Аджибъ явился въ школу, дѣти окружили Аджиба, и одинъ изъ нихъ, какъ было раньше условлено между ними, воскликнулъ: — Да, это чудесная игра! Но въ ней можетъ принять участіе только тотъ, кто назоветъ имя своего отца и своей матери! Ну, начинайте теперь по очереди! И онъ подмигнулъ имъ глазами.

Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ мальчиковъ и сказалъ: — Меня зовутъ Набихъ! Мать мою зовутъ Набиха! А отца — Изеддинъ! Потомъ выступилъ другой и сказалъ: — Меня зовутъ Нагибъ! А мать мою зовутъ Гамилла. А отца — Мустафа! Потомъ выступили третій и четвертый и сказали то же самое. И когда пришла очередь Аджиба, онъ произнесъ высокомерно: — Я Аджибъ! А моя мать — Сеттъ-эль-Госнъ! А отецъ мой — Шамзединъ, визирь Египта!

Тогда всѣ дѣти закричали: — Нѣтъ, клянемся Аллахомъ, визирь не твой отецъ! И маленький Аджибъ воскликнулъ съ гнѣвомъ: — Да сразитъ васъ Аллахъ! Визирь поистинѣ мой отецъ! Но дѣти стали хихикать и хлопать въ ладоши и, повернувшись къ нему спиною, закричали: — Убирайся! Ты не знаешь имени своего отца! Шамзединъ не отецъ тебѣ, а дѣду! Онъ отецъ твоей матери! И ты не можешь играть съ нами! И дѣти разбѣжались, заливаясь смѣхомъ.

Тогда Аджибъ почувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ былъ разрыдаться. Но школьный учитель подошелъ къ нему и сказалъ: — Какъ, Аджибъ, неужели же ты не знаешь, что визирь не отецъ твой, а дѣду, отецъ твоей матери (сеттъ-эль-Госнъ)? Что же касается твоего отца, то ни ты, ни мы, и никто вообще не знаетъ, кто онъ. Ибо султанъ выдалъ замужъ Сеттъ-эль-Госнъ за конюха-горбуна, но конюхъ не могъ спать съ Сеттъ-эль-Госнъ, потому что въ ночь его свадьбы — такъ говоритъ весь городъ со словъ горбуна — джины заперли его, конюха, и овладѣли Сеттъ-эль-Госнъ. И горбунъ рассказывалъ удивительныя вещи о буйволахъ и ослахъ и другихъ подобныхъ существахъ. Итакъ, знай, что имя твоего отца неизвѣстно никому! Смири же свое сердце передъ Аллахомъ и твоими товарищами, которые относятся къ тебѣ, какъ къ незаконнорожденному. И, впрочемъ, ты, Аджибъ, находишься въ томъ же положеніи, какъ дитя, купленное на рынкѣ и не знающее имени своего отца. Повторяю тебѣ, знай, что визирь Шамзединъ — твой дѣду, а отецъ твой неизвѣстенъ никому. И советую тебѣ смирить твою гордость.

Услыхавъ слова школьнаго учителя, маленький Аджибъ побѣждалъ къ своей матери Сеттъ-эль-Госнъ, и рыданія такъ душили его, что онъ долгое время не могъ произнести ни слова. И мать принялась утѣшать его, и, при

видѣ его печали, сердце ея сжалось отъ тоски, и она сказала ему: — Дитя мое, объясни твоей матери причину твоего горя! И она осыпала его ласками и поцѣлуями. Тогда маленькій Аджибъ сказалъ ей: — Скажи мнѣ, о мать моя, кто мой отецъ? И Сеттъ-эль-Госнѣ, пораженная этимъ вопросомъ, отвѣчала: — Какъ? Развѣ ты не знаешь, что отецъ твой — визирь Египта? Но Аджибъ сказалъ ей со слезами: — О, нѣтъ, визирь не мой отецъ! Не скрывай правды отъ меня! Я знаю, визирь твой отецъ, а не мой! Нѣтъ, нѣтъ, ты должна сказать мнѣ всю правду или я сейчасъ же убью себя этимъ кинжаломъ!

И маленький Аджибъ повторилъ матери слова школьнаго учителя.

Тогда, при этомъ напомниманіи о ея мужѣ и двоюродномъ братѣ, красавица Сеттъ-эль-Госнѣ вспомнила о своей свадебной ночи и объ удивительной красотѣ и о всѣхъ совершенствахъ прекраснаго Гассана Бадреддина изъ Басры! И при этомъ воспоминаніи она заплакала отъ волненія и среди слезъ и вздоховъ прошептала слѣдующіе стихи:

Во мнѣ зажегъ онъ страстное желанье
И самъ ушелъ далеко отъ меня,
И удался вовсе изъ жилища!
Мой бѣдный разумъ возвратится вновь.
Лишь въ свѣтлый часъ, когда вернется милый!
А я все жду! Утраченъ мирный сонъ,
И истощилось все мое терпѣнье!
Меня онъ бросилъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезъ
Весь мой покой, и счастье улетѣло!
Лишилась я покоя съ той поры!
Меня онъ бросилъ. Слезы глазъ моихъ
Его уходя оплакиваютъ вѣчно:
Онъ текутъ, и ихъ ручьи давно бы
Наполнили глубокія моря!
Когда лишь день одинъ мое желанье
Меня къ нему всецѣльно не влечетъ
И не трепещетъ сердце страстной мукой,
Тотчасъ же образъ милаго встаетъ
Передо мной, передъ душой моею,
И я вдвойнѣ томлюсь и вспоминаю,
И я вдвойнѣ желаю и люблю!
Всегда лишь онъ; его любимый образъ
Меня встрѣчаетъ съ утренней зарей!
И такъ всегда! Въ душѣ моей нѣтъ мѣста
Другимъ мечтаньямъ и любви другой!

И послѣ этихъ словъ она заплакала, и Аджибъ, видя, что мать плачетъ, началъ плакать и самъ. И вотъ въ то время, какъ мать и сынъ отдавались слезамъ, визирь Шамзеддинъ услышалъ крики и плачъ и вошелъ къ нимъ. И при видѣ своихъ плачущихъ дѣтей, онъ встревожился, и сердце его наполнилось горечью, и онъ сказалъ имъ: — Дѣти мои, изъ-за чего это вы плачете? Тогда Сеттъ-эль-Госнѣ рассказала ему все, что произошло у маленькаго Аджиба съ другими дѣтьми въ школѣ. И визирь, слушая ее, вспомнилъ всѣ минувшія несчастія, пронесшіяся надъ нимъ, и онъ подумалъ о своемъ братѣ Нуреддинѣ, и о своемъ племянникѣ Гассанѣ Бадреддинѣ, и, наконецъ, о маленькомъ Аджибѣ, и при этихъ воспоминаніяхъ онъ не могъ удержаться отъ слезъ и горько заплакалъ. И вотъ, въ совершенномъ отчаяніи, онъ предсталъ передъ султаномъ, и передалъ ему всю исторію, и сказалъ ему, что такое положеніе нестерпимо для его имени и для имени его дѣтей, и просилъ у него разрѣшенія отправиться черезъ страну Леванта въ городъ Басру, гдѣ онъ надѣялся найти своего племянника Гассана Бадреддина. И еще просилъ онъ султана написать ему грамоты, которыя онъ могъ бы взять съ собою, и по которымъ ему дозволено было бы во всѣхъ странахъ, черезъ которыя онъ будетъ проѣзжать, производить разслѣдованія,

необходимыя для отысканія и возвращенія его племянника. И потомъ онъ горько заплакалъ. И султанъ былъ растроганъ въ своемъ сердцѣ и написалъ необходимыя грамоты для всѣхъ странъ и областей. Тогда визирь очень обрадовался и возсылалъ султану множество благодарностей, и восхвалялъ его великодушіе, и простерся передъ нимъ и поцѣловалъ землю между его рукъ; затѣмъ онъ взялъ отпускъ и вышелъ. И тотчасъ же онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія для своего отъѣзда; потомъ онъ взялъ съ собою свою дочь Сеттъ-эль-Госнъ и маленькаго Аджиба и отправился въ путь.

И ѣхали они много дней, не останавливаясь, по направленію къ Дамаску, и, наконецъ, въ полной безопасности прибыли въ Дамаскъ. И они остановились у самыхъ воротъ, на Мейданъ-эль-Гасба¹, и раскинули здѣсь свои палатки, чтобы отдохнуть два дня, прежде чѣмъ продолжать свой путь. И они нашли, что Дамаскъ дивный городъ, изобилующій деревьями и проточной водой, и что онъ городъ, достойно воспѣтый поэтомъ въ стихахъ:

Одинъ я день и ночь провелъ въ Дамаскѣ.
Дамаскъ! Далъ клятву тотъ, кѣмъ созданъ онъ.
Что не создастъ такого чуда больше!
Любовно ночь его крылами кроетъ,
А утро даритъ сладостную свѣжесть
Садовъ тѣнистыхъ; чистая роса,
Что осыпаетъ листья и деревья,
То не роса, а жемчугъ, что дробится
Подъ дуновеньемъ нѣжнымъ вѣтерка!
Вездѣ природы видно проявленье:
Щебечетъ птичка утреннюю пѣснь,
Ручей бѣгущій—чистая страничка,
Гдѣ подъ диктовку пташки вѣтерокъ
Капризно пишетъ, а изъ бѣлыхъ тучекъ
Летятъ, дробясь, капли дождевыя,
Какъ будто буквъ блестящія ряды!

И люди, сопровождавшіе визиря, не преминули посѣтить городъ и его базары, чтобы купить кое-что изъ нужныхъ вещей и продать кое-что привезенное ими изъ Египта; и они не преминули взять ванны въ знаменитыхъ гаммамахъ и сходить въ мечеть Бани-Омміахъ², расположенную въ самомъ центрѣ города и не имѣющую себѣ равной во всемъ мірѣ.

Что же касается Аджиба, то и онъ тоже, сопровождаемый добрымъ внукомъ Саидомъ, пошелъ развлечься въ городъ. И внуку шелъ нѣсколько позади его и держалъ въ рукѣ дубину, которой можно было бы убить верблюда; ибо онъ зналъ репутацію обитателей Дамаска и желалъ при помощи этой дубины помѣшать имъ приближаться къ хорошенькому Аджибу, его господину. И дѣйствительно, онъ не ошибся; ибо лишь только въ городѣ показался Аджибъ, жители Дамаска тотчасъ же замѣтили, сколько въ немъ граціи и очарованія, и увидѣли, что онъ нѣжиѣ сѣвернаго вѣтерка, слаще свѣжей воды во время жажды, пріятнѣе здоровья во время избавленія отъ болѣзни; и вотъ всѣ люди на улицѣ изъ домовъ и изъ лавокъ начали сбѣгаться позади Аджиба и внука, и они все время слѣдовали безотлучно за Аджибомъ, не взирая на огромную дубину внука; и иные бѣжали скорѣе другихъ и опережали Аджиба и садились на землю на его пути, чтобы лучше и подольше насмотрѣться на него. Наконецъ, по волѣ рока, Аджибъ и внуку очутились передъ лавкой пирожника и, желая избавиться отъ этой нескромной толпы, остановились.

И эта лавка была какъ разъ лавка Гассана Бадреддина, отца Аджиба. Старый пирожникъ, названный отецъ Гассана, умеръ, и Гассанъ наслѣдо-

¹ Площадь, посыпанная гравіемъ.

² Бани-Омміахъ или Омміады—династія калифовъ въ Дамаскѣ.

валъ его лавку. И въ этотъ день Гассанъ собирался готовить одно восхитительное блюдо изъ зеренъ граната и другихъ сладкихъ и вкусныхъ вещей. И вотъ, при видѣ входящихъ въ его лавку Аджиба и его раба, Гассанъ былъ очарованъ красотою маленькаго Аджиба, и не только очарованъ, но даже потрясенъ, и сердце его наполнилось какимъ-то божественнымъ и необыкновеннымъ чувствомъ, и, охваченный любовью, онъ воскликнулъ:— О юный господинъ мой, ты, который пришелъ покорить мое сердце и который овладѣлъ уже всѣмъ сокровеннымъ моимъ существомъ, ты, къ которому влекутъ всѣ мои чувства до глубины моей внутренности, не сдѣлаешь ли ты мнѣ такую честь, не войдешь ли въ мою лавку? И не можешь ли ты мнѣ сдѣлать удовольствіе—отвѣдать моихъ сластей, хотя бы изъ состраданія ко мнѣ? И при этихъ словахъ глаза Гассана наполнились противъ его воли слезами, и онъ заплакалъ, вспомнивъ все свое прошлое и сравнивая прежнее свое положеніе съ настоящимъ своимъ жребіемъ.

Когда Аджибъ услышалъ слова своего отца, сердце его смягчилось, и онъ повернулся къ своему рабу и сказалъ ему:—Саидъ! Этотъ пирожникъ тронулъ мое сердце, и мнѣ кажется вѣроятнымъ, что онъ оставилъ гдѣ-нибудь вдали своего ребенка, и что я напоминаю ему этого ребенка. Войдемъ же къ нему, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, и отвѣдаемъ того, что онъ предлагаетъ намъ. И если мы будемъ сострадательны къ его несчастію, вѣроятно, и Аллахъ смилостивится надъ нами и пошлетъ намъ успѣхъ въ нашихъ поискахъ!

И на эти слова Аджиба евнухъ вскричалъ: — Ради Аллаха, господинъ мой, это невозможно! О! Ни въ какомъ случаѣ! Неприлично сыну визиря входить въ лавку пирожника на базарѣ и тѣмъ болѣе кушать, какъ хочешь ты, публично! Ахъ! Нѣтъ! Впрочемъ, если ты боишься этихъ негодяевъ въ этой толпѣ, которая слѣдуетъ за тобою, и ради этого желаешь войти въ эту лавку, то я самъ могу прогнать всѣхъ ихъ и оградить тебя отъ нихъ при помощи этой хорошей палки! Но входить въ лавку! Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

При этихъ словахъ евнуха пирожникъ Гассанъ Бадреддинъ очень разсердился, и онъ обратился къ евнуху съ глазами полными слезъ и съ мокрыми щеками и сказалъ ему: — Какой вельможа! Почему это ты не желаешь принять во мнѣ участіе и сдѣлать мнѣ удовольствіе войти въ мою лавку? О ты, черный, какъ каштанъ, снаружи, и такой же бѣлый, какъ и онъ, внутри! О ты, котораго восхваляли всѣ наши поэты въ дивныхъ стихахъ, я могу открыть тебѣ тайну, какъ сдѣлаться тебѣ такимъ же бѣлымъ снаружи, какъ и внутри! Тогда честный евнухъ разсмѣялся и вскричалъ: — Въ самомъ дѣлѣ? Въ самомъ дѣлѣ? Ты можешь? И какъ же это? Ради Аллаха! Скажи же мнѣ это поскорѣе! И тогда Гассанъ Бадреддинъ произнесъ слѣдующіе удивительные стихи въ честь евнуховъ:

Его манеръ пріятная мягкость
И благородство всей его осанки
И вѣжливость изящная его —
Давно его превознесли надъ всѣми
Хранителями во дворцахъ царей!
Какой примѣрный онъ слуга въ гаремѣ!
И такъ онъ милъ, что ангелы съ небесъ
Къ нему нисходятъ, чтобъ служить покорно!

Эти стихи по истинѣ были такъ прекрасны и такъ хорошо и кстати произнесены, что евнухъ былъ тронутъ и въ то же время чрезвычайно польщенъ; и, взявъ за руку Аджиба, онъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ лавку пирожника.

Тогда Гассанъ Бадреддинъ обрадовался до высшаго предѣла радости и совершилъ въ честь ихъ множество тѣлодвиженій. Потомъ онъ взялъ са-

мую красивую изъ своихъ фарфоровыхъ чашъ и наполнилъ ее зернами граната, приправленными сахаромъ и очищенными миндалями, и надушенными пріятно и въ самую мѣру; и потомъ онъ поднесъ имъ эту чашу на самомъ роскошномъ изъ своихъ мѣдныхъ подносовъ чеканной работы и съ наѣчками. И видя, что они ѣдятъ съ знаками удовольствія, онъ сказалъ имъ: — По истинѣ, какая честь для меня! И какое счастье! И пусть это будетъ вамъ въ удовольствіе и усладить ваши желудки!

И маленькій Аджибъ послѣ первыхъ же глотковъ не упустилъ изъ виду пригласить пирожника сѣсть, говоря ему: — Ты можешь остаться съ нами и ѣсть вмѣстѣ съ нами! И Аллахъ вознаградитъ насъ и дастъ намъ успѣхъ въ нашихъ поискахъ! Тогда Гассанъ Бадреддинъ сказалъ ему: — Какъ, мое дитя! Ты еще такъ юнъ и уже понесъ утрату чего-то дорогого? И Аджибъ отвѣчалъ ему: — Да, добрый человѣкъ, мое сердце уже испытано и обожжено отсутствіемъ одного дорогого человѣка! И этотъ человѣкъ не кто иной, какъ мой собственный отецъ! И мой дѣдъ, и я, оба мы выѣхали изъ своей земли, чтобы обойти, отыскивая его, всѣ страны. И маленький Аджибъ при этомъ воспоминаніи заплакалъ, и Бадреддинъ не могъ остаться безучастнымъ къ его слезамъ и заплакалъ тоже. И даже евнухъ началъ сочувственно качать головой. Но все это не помѣшало имъ оказать честь зернамъ граната, надушеннымъ и приправленнымъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. И они ѣли до насыщенія, настолько это было вкусно.

Но когда прошло нѣкоторое время, Гассанъ не могъ ихъ долѣе удерживать; и евнухъ увелъ Аджиба, и они пошли обратно, направляясь къ палаткамъ визиря.

Но лишь только ушелъ Аджибъ, Гассанъ Бадреддинъ почувствовалъ, что вмѣстѣ съ нимъ удалась и его душа, и, не будучи въ силахъ противиться желанію послѣдовать за нимъ, онъ поспѣшно заперъ свою лавку и, нисколько не подозрѣвая, что Аджибъ его сынъ, вышелъ и ускорилъ свои шаги, слѣдуя за нимъ; и онъ настигъ ихъ раньше, чѣмъ они успѣли выйти изъ большихъ воротъ Дамаска.

Тогда евнухъ замѣтилъ, что пирожникъ слѣдуетъ за ними, и обернулся къ нему и сказалъ: — Зачѣмъ это ты слѣдуешь за нами, пирожникъ? И Бадреддинъ отвѣтилъ: — Да просто потому, что у меня маленькое дѣло за городомъ, и я хотѣлъ присоединиться къ вамъ двоимъ, чтобы сдѣлать этотъ путь сообща, а затѣмъ я вернусь обратно. И къ тому же уходъ вашъ вырвалъ у меня душу изъ тѣла.

При этихъ словахъ евнухъ очень разсердился и закричалъ: — По истинѣ эта чаша стоитъ намъ очень дорого! Чтѣ за несчастная чаша! Этотъ пирожникъ хочетъ теперь испортить наше пищевареніе! И вотъ онъ теперь идетъ по нашимъ слѣдамъ, съ одного мѣста на другое! Тогда Аджибъ повернулся и увидѣлъ пирожника; и онъ сильно покраснѣлъ и пробормotalъ: — Сандъ, перестань! Дорога Аллаха открыта для всѣхъ мусульманъ! Потомъ онъ прибавилъ: — Если онъ не перестанетъ слѣдовать за нами до самихъ палатокъ, тогда мы увидимъ, что онъ дѣйствительно слѣдуетъ за мною, и мы можемъ тогда прогнать его! И послѣ этого Аджибъ опустилъ свою голову и продолжалъ свой путь, и евнухъ шелъ за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ позади.

Чтѣ же касается Гассана, то онъ продолжалъ слѣдовать за ними до самаго Мейдана-эль-Гасба, гдѣ были разбиты ихъ палатки. Тогда Аджибъ и евнухъ оглянулись и увидѣли его въ нѣсколькихъ шагахъ позади себя. И Аджибъ на этотъ разъ разсердился тоже и побоялся, что евнухъ расскажетъ обо всемъ дѣду: какъ Аджибъ вошелъ въ лавку пирожника, и какъ въ свою очередь пирожникъ слѣдовалъ за Аджибомъ! И при этой мысли, которая ужаснула его, онъ поднялъ камень и посмотрѣлъ на Гассана, который стоялъ неподвижно, созерцая его съ страннымъ блескомъ въ глазахъ.

И Аджибъ, думая, что этотъ огонь въ его глазахъ — огонь двусмысленный, разсердился еще болѣе и изо всей силы бросилъ въ него камнемъ, и жестоко поразилъ Гассана въ лобъ. И послѣ этого Аджибъ и евнухъ поторопились къ палаткамъ. Гассанъ же Бадреддинъ упалъ на землю безъ чувствъ и весь залился кровью. Но, къ счастью, онъ скоро пришелъ въ себя и отанивовилъ кровь, и оторвалъ лоскутъ отъ ткани своего тюбана, и перевязалъ лобъ. Потомъ онъ принялся журить себя и такъ сказалъ самому себѣ:— По истинѣ, такъ и слѣдовало за мою оплошность! Я поступилъ легкомысленно, заперевъ лавку, и неприлично слѣдуя за этимъ прекраснымъ мальчикомъ и давъ ему поводъ думать, что я слѣдую съ двусмысленными намѣреніями! И потомъ онъ вернулся въ городъ и снова отперъ свою лавку и принялся за приготовленіе пирожныхъ и продавалъ ихъ, думая съ печалью о своей бѣдной матери въ Басрѣ, которая учила его, когда онъ былъ ребенкомъ, приемамъ кондитерскаго искусства, и онъ заплакалъ и, чтобы утѣшиться, произнесъ слѣдующій стихъ:

Не жди ты справедливости отъ Рока:
Разочарованъ будешь горько ты!
Вѣдь справедливость Року неизвѣстна!

Что касается визиря Шамзеддина, дяди пирожника Гассана Бадреддина, то послѣ трехдневнаго отдыха въ Дамаскѣ онъ велѣлъ снять лагерь на Мейданѣ и, направляясь къ Басрѣ, держалъ путь на Гомсъ, Гаму и Алеппъ. И вездѣ онъ производилъ свои розыски, надѣясь найти Гассана. Изъ Алеппа онъ отпавился въ Мардинъ, оттуда въ Моссулъ и въ Діарбекиръ, и, наконецъ, прибылъ въ Басру.

И послѣ кратковременнаго отдыха онъ послѣшилъ представиться султану Басры, который принялъ его очень милостиво и любезно освѣдомился о цѣли его пріѣзда въ Басру. И Шамзеддинъ разсказалъ ему всю исторію и сообщилъ ему, что онъ родной братъ его бывшаго визиря Нуреддина. И, услышавъ имя Нуреддина, султанъ сказалъ:— Да будетъ съ нимъ милость Аллаха! И потомъ добавилъ:— Да, другъ мой, Нуреддинъ былъ дѣйствительно моимъ визиремъ, и я очень любилъ его, и онъ, дѣйствительно, умеръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ! И послѣ него, дѣйствительно, остался сынъ, Гассанъ Бадреддинъ, который былъ моимъ любимцемъ и который внезапно исчезъ. И съ тѣхъ поръ мы ничего не слышали о немъ. Но тутъ въ Басрѣ живетъ его мать, жена твоего брата Нуреддина, дочь моего стараго визиря, предшественника Нуреддина!

Узнавъ объ этомъ, Шамзеддинъ исполнился радости и сказалъ султану!— О царь, мнѣ хотѣлось бы видѣть мою невѣстку! И султанъ далъ ему свое разрѣшеніе на это.

И Шамзеддинъ отправился къ дому своего покойнаго брата Нуреддина, освѣдомившись о томъ, гдѣ находится этотъ домъ, и онъ не переставалъ думать о своемъ братѣ Нуреддинѣ, который умеръ вдали отъ него, скорбя о томъ, что не могъ обнять своего брата передъ смертью! И когда онъ прибылъ къ дому брата, онъ горько заплакалъ и произнесъ слѣдующія двѣ строфы:

О, если бъ могъ вернуться я въ жилище
Ночей минувшихъ! Если бы я могъ
Пощловать его родныя стѣны!
Но не любовь къ тѣмъ стѣнамъ дорогимъ
Мое такъ сердце больно поразила,
А лишь любовь къ тому, кто въ нихъ живетъ!

И онъ вошелъ черезъ большія ворота въ обширный дворъ, въ глубинѣ котораго возвышался прекрасный домъ. Входная дверь этого дома была на-

тысяча и одна ночь. 10

стоящимъ чудомъ—вся изъ гранита, оживленнаго мраморами всевозможныхъ цвѣтовъ. И на этой двери, на великолѣпномъ мраморѣ, онъ увидѣлъ имя Нуреддина, вырѣзанное золотыми буквами. Тогда онъ поклонился и поцѣловалъ это имя и предался печали и слезамъ, и произнесъ слѣдующія строфы:

Когда восходитъ утромъ рано солнце,
Я о тебѣ спѣшу его спросить,
И каждый вечеръ молнии блестящей
И предлагаю этотъ же вопросъ!
Когда я сплю.— да, если даже сплю—
Желанья жало, тяжкій гнетъ желанья.
Желанія зубчатая пила
Меня терзають, не даютъ покоя!
И никогда не жалуюсь я.
О нѣжный другъ, не удлинняй разлуки!
Мое разбилось сердце на куски,
Разбилось отъ тягости разлуки!
Какъ будетъ счастливъ несравненный день,
День благодатный нашего свиданья!
Но не подумай, что наполнить могъ
Я безъ тебя свой умъ иной любовью:
Нѣтъ мѣста въ сердцѣ для второй любви!

Потомъ онъ вошелъ въ домъ и прошелъ черезъ всѣ покои и, наконецъ, дошелъ до комнаты удаленной отъ другихъ, въ которой жила его невѣстка, мать Гассана Бадреддина изъ Басры.

Съ тѣхъ поръ, какъ скрылся сынъ ея Гассанъ Бадреддинъ, она удалась въ эту комнату, проводя дни и ночи въ слезахъ и рыданіяхъ. И посерединѣ комнаты она воздвигла маленькое сооруженіе на подобіе храма, изображавшее могилу ея бѣднаго дитяти, котораго она считала умершимъ. И тутъ она проводила всѣ дни и ночи въ слезахъ и молитвѣ, и когда печаль доводила ее до изнуренія, она склоняла голову на могилу сына и засыпала.

Когда Шамзеддинъ подошелъ къ двери этой комнаты, онъ услышалъ голосъ своей невѣстки, и этотъ печальный голосъ произносилъ слѣдующіе стихи:

Тебя Аллахомъ я молю, гробница,
Скажи, исчезла ль друга красота
И совершенства всѣ его безслѣдно?
Ужель на вѣкъ померкъ отрадный блескъ
Такой красоты?.. Скажи мнѣ, о гробница:
Вѣдь ты не садъ волшебныхъ наслажденій,
Вѣдь ты не неба лучезарный сводъ,—
Такъ отчего жъ во тьмѣ твоей я вижу
Какъ вѣтвь цвѣтеть, и какъ блеститъ луна?..

Тогда визирь Шамзеддинъ вошелъ въ комнату и съ глубочайшимъ почтеніемъ поклонился своей невѣсткѣ. И онъ сообщилъ ей, что онъ братъ Нуреддина, ея мужа, и рассказалъ ей всю исторію: какъ сынъ ея Гассанъ проспалъ ночь съ его дочерью Сеттъ-эль-Госнѣ, и какъ онъ на другой день исчезъ, и какъ Сеттъ-эль-Госнѣ съ этой самой ночи забеременѣла и родила Аджиба. Потомъ онъ добавилъ:—Аджибъ тутъ со мною! И ты должна считать его своимъ сыномъ, потому что онъ рожденъ моею дочерью отъ твоего сына!

И вдова Нуреддина сидѣвшая все время безучастно, какъ женщина, вполне отдавшаяся своей печали и уже отказавшаяся отъ свѣта, при вѣсти, что сынъ ея живъ и что внукъ ея тутъ же и что передъ нею ея зять Шамзеддинъ, визирь Египта, быстро вскочила съ мѣста и бросилась къ ногамъ визиря и принялась цѣловать у него ноги и въ честь его произнесла слѣдующія двѣ строфы:

Осыпь дарами ты того, кто нынѣ
Мнѣ эту вѣсть счастливую принесъ.
Вѣдь онъ принесъ мнѣ лучшее извѣстiе
Изъ всѣхъ, какія слышалъ въ жизни я!
И если онъ подарокъ взять захочетъ,
Свое я сердце подарю ему,
Истерзанное тягостной разлукой!

И визирь послалъ за Аджибомъ, который не замедлил явиться. Тогда бабушка поднялась съ мѣста и бросилась къ нему на шею, заливаясь слезами. И Шамзеддинъ сказалъ ей: О мать, поистинѣ, теперь не время предаваться слезамъ, ибо ты должна собраться въ путь и отправиться съ нами въ Египетъ! И да соединитъ насъ всѣхъ Аллахъ съ Гассаномъ, твоимъ сыномъ и моимъ племянникомъ! И бабушка Аджиба отвѣчала:—Слушаю и повинуюсь! И она тотчасъ же поднялась и собрала всѣ необходимыя для отъѣзда вещи и съѣстные припасы и взяла всѣхъ своихъ слугъ и собралась въ дорогу.

И визирь Шамзеддинъ отправился къ султану Басры, чтобы проститься съ нимъ. И султанъ одарилъ его гостинцами и послалъ множество подарковъ его повелителю, египетскому султану. Потомъ Шамзеддинъ двинулся въ путь съ обѣими дамами и Аджибомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты.

И онѣ ѣхали, не останавливаясь, пока не вернулись въ Дамаскъ. И тутъ, на площади Канунъ, они разбили свои палатки. И визирь сказалъ:—Мы пробудемъ въ Дамаскѣ цѣлую недѣлю, чтобы имѣть время накупить гостинцевъ и подарковъ, достойныхъ египетскаго султана.

И вотъ, въ то время, когда визирь всецѣло былъ занятъ переговорами съ богатыми купцами, которые явились къ палаткамъ, предлагая свои товары, Аджибъ сказалъ евнуху:—Баба Саидъ, мнѣ хотѣлось бы развлечься немного. Пойдемъ въ городъ на базаръ и узнаемъ тамъ всѣ новости, а также, чтó сталося съ тѣмъ пирожникомъ, который угощалъ насъ сластями и которому мы чуть не пробили голову камнемъ въ отплату за его гостепріимство. По истинѣ, мы отплатили ему зломъ за добро. И евнухъ отвѣчалъ:—Слушаю и повинуюсь!

И Аджибъ вышелъ въ сопровожденіи евнуха изъ палатокъ, и онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ по слѣпому инстинкту, подталкиваемый безсознательной любовью сына къ отцу. И, придя въ городъ, они ходили по базарамъ, пока не очутились передъ кондитерской. Это было какъ разъ въ тотъ часъ, когда правовѣрные отправлялись въ мечеть Бани-Омйахъ на молитву азры.

Въ эту самую минуту Гассанъ Бадреддинъ приготовлялъ въ своей лавкѣ то восхитительное пирожное, которымъ онъ угощалъ ихъ и въ тотъ разъ: зерна граната, приправленные миндалями, обсахаренныя и надушенныя въ самую мѣру. И Аджибъ могъ хорошо рассмотреть пирожника, и увидѣлъ на его лбу слѣды отъ удара камнемъ, который онъ бросилъ въ него. Тогда сердце его исполнилось умиленія, и онъ сказалъ:—Миръ съ тобою, о пирожникъ! Меня привело сюда желаніе узнать что-нибудь о тебѣ. Развѣ ты не узнаешь меня? И какъ только Гассанъ увидѣлъ мальчика, онъ почувствовалъ, какъ будто все внутри его перевернулось, и сердце его забилося неровными ударами, и голова склонилась къ землѣ, какъ бы собираясь упасть, и языкъ его прилипъ къ гортани, и онъ не могъ произнести ни одного слова. Наконецъ, онъ поднялъ голову и взглянулъ на него со смиреніемъ и покорностью, и произнесъ слѣдующія строфы:

Упрековъ рой возлюбленному я
 Готовъ былъ сдѣлать, но едва увидѣлъ
 Его черты, какъ все я позабылъ
 И управлять не могъ я ни глазами,
 Ни языкомъ! Я могъ лишь замолчать
 И предъ его достойнымъ, гордымъ видомъ
 Свои я взоры молча опустилъ.
 Свои я чувства затаить рѣшился,
 Но быть не въ силахъ притворяться я.
 Страницъ десятки исписалъ я раньше
 Упреками, но, увидавъ его,
 Не могъ прочесть ни одного я слова.

Потомъ онъ добавилъ:—О мои господа, благоволите войти въ мою лавку, и будьте снисходительны, и отвѣдайте этого блюда! Ибо, клянусь Аллахомъ, о юноша, что съ перваго раза, какъ только я увидѣлъ тебя, сердце мое устремилось къ тебѣ! И я сожалѣю о томъ, что послѣдовалъ за тобою: это по истинѣ было безуміемъ! Но Аджибъ отвѣчалъ ему:—Клянусь Аллахомъ, ты опасный другъ! Изъ-за пирожнаго, которымъ ты угостилъ насъ, ты чуть-было не погубилъ насъ! И теперь я не войду къ тебѣ и не попробую твоего пирожнаго, пока ты не поклянешься намъ, что не выйдешь отсюда и не послѣдуешь за нами! Если же ты не дашь намъ этой клятвы, то никогда наша нога не вступитъ болѣе сюда: ибо знай, что мы собираемся провести цѣлую недѣлю въ Дамаскѣ, чтобы закупить подарковъ для египетскаго султана! Тогда Гассанъ Бадреддинъ воскликнулъ:—Клянусь въ этомъ передъ вами обоими! Тогда Аджибъ и евнухъ вошли въ лавку, и Бадреддинъ предложилъ имъ фарфоровую чашу, наполненную восхитительнымъ блюдомъ изъ зеренъ граната. И Аджибъ сказалъ ему:—Сядишь и кушай съ нами! И, быть можетъ, Аллахъ увѣнчаетъ успѣхомъ наши розыски! И Гассанъ исполнился радости и сѣлъ противъ нихъ. Но все это время онъ не могъ оторвать глазъ отъ Аджиба, и смотрѣлъ онъ на него съ такимъ упорствомъ, что Аджибъ, наконецъ, смутился и сказалъ:—Клянусь Аллахомъ, ты тяжелый и непріятный возлюбленный, о добрый человѣкъ! Я уже раньше упрекнулъ тебя въ этомъ! Перестань же разсматривать меня съ такимъ упорствомъ и пожирай меня глазами! На эти слова Бадреддинъ отвѣчалъ слѣдующими строфами:

Глубоко въ сердцѣ отъ тебя скрываю
 Одну я тайну, мысль одну свою,
 Что передать словами не могу я!
 О ты, предъ кѣмъ въ смущеніи луна
 Спѣшитъ сокрыться, гордое свѣтило;
 Предъ кѣмъ блѣднѣетъ алая заря,
 Внемли, внемли мнѣ, образъ лучезарный!
 Тебѣ безмолвно поклоняюсь я,
 Сосудъ избранный, и мои молитвы
 Все горячѣй, прекраснѣй съ каждымъ днемъ!
 И вотъ теперь я таю, весь пылая!
 Клянусь тебѣ, мой рай—въ твоихъ чертахъ!
 И я умру отъ этой страстной жажды;
 Твои лишь губы могутъ утолить
 Такую жажду; освѣжить ты можешь
 Ея мученья—медомъ устъ своихъ!

Послѣ этихъ строфъ онъ произнесъ еще другія, столь же прекрасныя, но въ другомъ духѣ и уже обращаясь къ евнуху. Потомъ, когда гости насытились, Гассанъ поспѣшилъ принести имъ все необходимое для омовенія рукъ; и онъ подаль имъ хорошенкій мѣдный рукомойникъ и полилъ имъ на руки душистой воды, и обтеръ имъ руки красивымъ утиральникомъ изъ яркой шелковой матеріи, висѣвшимъ у его пояса. Потомъ онъ окропилъ ихъ

розовой водой, которую онъ приберегалъ для торжественныхъ случаевъ, на самой верхней полкѣ въ своей лавкѣ. Но этимъ не ограничилась его заботливость. Онъ вышелъ на минуту изъ лавки и вернулся съ двумя кувшинами, наполненными сорбетомъ изъ розовой воды съ мускусомъ, и подаль каждому изъ нихъ по кувшину и сказалъ имъ:—Благоволите выпить это! Вы довершите этимъ ваше снисхожденіе! Тогда Аджибъ взялъ кувшинъ и сталъ пить изъ него и потомъ передалъ его евнуху, который также отпилъ изъ него и потомъ снова передалъ кувшинъ Аджибу, и такъ они чередовались, пока не напились такъ, какъ никогда въ жизни. Послѣ этого они поблагодарили пирожника и поспѣшили уйти, чтобы поспѣть въ станъ до захода солнца.

И, придя въ станъ, Аджибъ поспѣшилъ поцѣловать руку у своей бабушки и у своей матери Сеттъ-эль-Госнѣ. И бабушка поцѣловала его и вспомнила о своемъ сынѣ Гассанѣ Бадреддинѣ и долго плакала и вздыхала и, наконецъ, произнесла слѣдующія двѣ строфы:

Когда бы я не вѣрила, что снова
Всѣхъ разлученныхъ соединитъ судьба.
Я бъ никогда надѣяться не смѣла,
Когда ушелъ ты—видѣть вновь тебя!
И поклялась я, что не зародится
Во мнѣ любви иная, чѣмъ къ тебѣ.
И быть Аллахъ свидѣтель этой клятвы.
Онъ знаетъ тайны всѣхъ людскихъ сердецъ!

Потомъ она сказала Аджибу:—Дитя мое, скажи, гдѣ ты гулялъ сегодня? Онъ отвѣчалъ:—Я былъ на базарѣ Дамаска. И она сказала:—Тогда ты, вѣроятно, очень голоденъ! И она встала и принесла ему фарфоровую чашку, наполненную столь прославленной смѣсью изъ зеренъ граната съ сахаромъ и миндалемъ, тѣмъ восхитительнымъ блюдомъ, въ которомъ она была очень искусна и которому она обучила своего сына Бадреддина, когда онъ былъ еще ребенкомъ, въ Басрѣ. Она сказала также и рабу Саиду:—Ты можешь ѣсть это вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ Аджибомъ! Но евнухъ подумалъ: Клянусь Аллахомъ, у меня по истинѣ нѣтъ никакого аппетита! И я не могъ бы проглотить ни одного кусочка! Однако, онъ сѣлъ рядомъ съ Аджибомъ.

Что касается Аджиба, то и его желудокъ былъ переполненъ всѣми тѣми вещами, которыя онъ ѣлъ и пилъ у пирожника. Однако, онъ взялъ кусочекъ и попробовалъ его, но онъ не въ состояніи былъ проглотить его, дотога онъ былъ пресыщенъ. И ему показалось, что пирожное недостаточно сладко; но, разумѣется, это было невѣрно: онъ просто былъ сытъ по-горло. И вотъ, дѣлая гримасу отвращенія, онъ сказалъ своей бабушкѣ:—Право, оно невкусно, бабушка! Тогда бабушка разсердилась и сказала:—Какъ, дитя мое, ты осмѣливаешься утверждать, что я плохо готовлю? Неужели же ты не знаешь, что во всемъ мірѣ нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться со мною въ искусствѣ приготовленія пирожныхъ и сластей—кромѣ развѣ Гассана Бадреддина, моего сына и твоего отца, который, впрочемъ, научился у меня этому искусству. Но Аджибъ отвѣчалъ ей:—Клянусь Аллахомъ, бабушка, твоему блюду не достаетъ чего-то; въ немъ, кажется, мало сахара. И вообще это совсѣмъ не то! Ахъ, если бы ты только знала, бабушка! Мы только-что познакомились на базарѣ—признаюсь тебѣ въ этомъ, но не выдавай насъ дѣдушкѣ и мамашѣ—съ пирожникомъ, который угостилъ насъ тѣмъ же блюдомъ. Но... ахъ, одинъ аромат его радовалъ сердце! А что касается его вкуса, то ручаюсь тебѣ, что оно возбуждало бы аппетитъ даже въ томъ, кто страдаетъ расстройствомъ пище-

варенія! По истинѣ, бабушка, твое издѣліе нельзя сравнить съ тѣмъ, нѣтъ, никоимъ образомъ!

При этихъ словахъ бабушка исполнилась негодованія и, окинувъ свнуха сердитымъ взглядомъ, сказала ему...

Но, дойдя до этого мѣста въ своемъ разсказѣ, Шахразада увидѣла приближеніе утра и скромно умолкла.

Тогда сестра ея, юная Доньязада, сказала ей:—(О сестра, какъ пріятны и нѣжны твои слова, и какой прелестный, занимательный разсказъ!

И Шахразада улыбнулась и сказала:—Да, сестра, но что это въ сравненіи съ тѣмъ, что я расскажу вамъ слѣдующей ночью, если только по милости Аллаха и доброй волѣ царя я останусь въ живыхъ!

И царь сказалъ въ душѣ своей:—Клинусь Аллахомъ, я не убью ее, пока не услышу продолженія ея разсказа! И я долженъ признать, что это поистинѣ удивительный и необыкновенный разсказъ!

Потомъ царь Шахріаръ и Шахразада провели остатокъ ночи въ тѣсномъ объятіи, наслаждаясь любовью до наступленія утра.

И когда наступило утро, царь Шахріаръ отправился въ засѣданіе совѣта, и диванъ былъ наполненъ визирями, придворными и тѣлохранителями. И царь исправлялъ правосудіе, и назначалъ на должности, и смѣщалъ съ нихъ, и подписывалъ приказы и занимался текущими дѣлами, и такъ до самаго конца дня. Потомъ Диванъ закрылся, и царь вернулся во дворецъ. И когда наступила

двадцать четвертая ночь,

онъ пришелъ къ Шахразадѣ, и когда онъ побылъ съ нею, юная Доньязада поднялась съ ковра и сказала Шахразадѣ:

— О сестра, прошу тебя, Расскажи намъ конецъ восхитительнаго разсказа о прекрасномъ Гассанѣ Бадреддинѣ и женѣ его, дочери его дяди Шамзединна! И вотъ на какихъ словахъ ты остановилась вчера: «Тогда бабушка бросила на свнуха Саида сердитый взглядъ и сказала ему...» Что же она сказала ему?

И Шахразада улыбнулась сестрѣ и сказала ей:—Да, конечно, всѣмъ сердцемъ и всей душой согласна досказать этотъ разсказъ, но не раньше, чѣмъ получу на то разрѣшеніе отъ этого благороднаго царя!

Тогда царь, который ждалъ съ нетерпѣніемъ конца разсказа, сказалъ Шахразадѣ:—Ты можешь продолжать!

И она сказала:

— Я слыхала, о счастливый царь, что бабушка Аджиба разсердилась и бросила на свнуха недовольный взглядъ и сказала ему:—О горе, неужели же ты развратилъ этого мальчика? Какъ осмѣлился ты ввести его въ лавку поваровъ и пирожниковъ? При этихъ словахъ бабушки Аджиба свнухъ испугался и поспѣшилъ отклонить это обвиненіе, говоря:—Мы не входили въ эту лавку, мы только прошли мимо нея. Но упрямый Аджибъ воскликнулъ:—Клянусь Аллахомъ, мы вошли въ лавку и ѣли тамъ пирожныя! И онъ добавилъ съ лукавой улыбкой:—И повторяю тебѣ, бабушка, они были гораздо лучше тѣхъ, которыми ты угостила насъ!

Тогда бабушка окончательно вышла изъ себя и отправилась ворча къ своему зятю визирю, которому не преминула передать о великомъ проступкѣ подлеца-свнуха. И она такъ сильно возстановила визиря противъ Саида, что Шамзединъ, который отъ природы былъ очень вспыльчивъ и постоянно кричать на своихъ людей, тотчасъ же отправился со своей не-

вѣсткой въ ту палатку, гдѣ находились Аджибъ и евнухъ. И визирь закричалъ:—Саидъ, входилъ ты или не входилъ съ Аджибомъ въ лавку пирожника? И евнухъ, дрожавшій отъ страха, отвѣчалъ визирю:—Нѣтъ, мы не входили въ лавку! Но лукавый Аджибъ воскликнулъ:—О, конечно, входили! А что касается того, что мы ѣли тамъ, то—ха-ха, бабушка!.. все это было такъ вкусно, что мы наѣлись по-горло, и потомъ пили восхитительный сорбетъ! О Аллахъ, какой вкусный сорбетъ! И славный пирожникъ не пожалѣлъ сахару, какъ наша бабушка! Тогда гнѣвъ визиря удвоился, и онъ повторилъ тотъ же вопросъ евнуху, но евнухъ стоялъ на своемъ. Тогда визирь сказалъ ему:—Саидъ, ты безсовѣстный лгунъ! И у тебя хватаетъ смѣлости уличать во лжи этого ребенка, который несомнѣнно говоритъ правду. Впрочемъ, я согласенъ повѣрить тебѣ, если ты съѣшь все содержимое этой чаши, приготовленной моею невѣсткой. Тогда у меня будетъ доказательство того, что ты не ѣлъ ничего.

И Саидъ, не смотря на то, что желудокъ его былъ переполненъ благодаря гостепріимству Гассана Бадреддина, согласился подвергнуться этому испытанію. И онъ присѣлъ передъ чашей и смѣло принялся за нее. Но при первомъ же глоткѣ онъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ былъ сытъ по-горло; и онъ выплюнулъ взятый кусочекъ, ибо не могъ проглотить его. Но онъ поторопился сказать, что наканунѣ, въ палаткѣ вмѣстѣ съ другими рабами, онъ такъ сильно наѣлся, что у него сдѣлалось расстройство желудка. Но визирь тотчасъ же сообразилъ, что евнухъ дѣйствительно былъ въ этотъ день у пирожника. И онъ приказалъ рабамъ разложить его на землѣ и бросился на него и началъ наносить ему тяжкіе удары изо всѣхъ своихъ силъ. Тогда евнухъ, началъ молить о пощадѣ, все время продолжая кричать:—О повелитель мой, это отъ вчерашняго у меня расстроеное желудокъ! И такъ какъ визирь почувствовалъ себя утомленнымъ отъ этихъ ударовъ, онъ остановился и сказалъ Саиду:—Ну! теперь говори правду!—Тогда евнухъ сознался и сказалъ:—Хорошо, о повелитель мой, вотъ въ чемъ истина! Мы дѣйствительно вошли въ лавку пирожника, на базарѣ. И никогда въ моей жизни я не ѣлъ такого прекраснаго пирожнаго! И какъ я несчастенъ, что послѣ него я вынужденъ былъ отвѣдать этого противнаго блюда! О Аллахъ, какъ оно противно!

И визирь громко разсмѣялся, позабавленный словами Саида, но бабушка не могла долѣе сдерживать своей досады и, возмущенная до глубины души, воскликнула:—Ахъ, наглый лгунъ! Вѣдь все это сочинено имъ! Хорошо, иди же теперь и принеси намъ это чудесное блюдо твоего пирожника! Да, разрѣшаю тебѣ взять фарфоровую чашу и принести намъ эту необыкновенную смѣсь! И вотъ, когда ты принесешь ее, мы сравнимъ, по крайней мѣрѣ, работу твоего пирожника съ моею! И пусть зять мой будетъ судьей! И евнухъ отвѣтилъ:—Да, конечно! Тогда бабушка дала евнуху полдинарія и фарфоровую чашу. И евнухъ отправился и пришелъ въ лавку и сказалъ пирожнику:—Слушай, мы только-что держали пари на твое блюдо съ людьми нашего дома, которые тоже приготовили блюдо изъ зеренъ граната. И вотъ я пришелъ купить у тебя этой смѣси на полдинарія. И постарайся хорошенько приготовить ее, приложивъ все свое искусство, не то меня опять угодятъ палочными ударами, какъ это было сейчасъ. Увѣряю тебя, я точно весь разбью! Тогда Гассанъ Бадреддинъ разсмѣялся и сказалъ:—Не бойся ничего! Нѣтъ на свѣтѣ никого, кто могъ бы приготовить эту смѣсь такъ, какъ я—кромѣ моей матери, впрочемъ. Но моя мать теперь въ далекихъ краяхъ!..

Потомъ Бадреддинъ наполнилъ чашу невольника, тщательно приготовивъ свою смѣсь, къ которой прибавилъ еще немного мускуса и розовой воды. И евнухъ взялъ у него чашку и поспѣшилъ возвратиться къ палат-

камъ. И бабушка Аджиба выхватила у него чашу, чтобы попробовать ея содержимое и убѣдиться, дѣйствительно ли оно такъ превосходно по вкусу и аромату. Но какъ только она поднесла его къ своимъ губамъ, она испустила громкій крикъ и упала... Она узнала руку своего сына Гассана!

Тогда визирь и всѣ окружающіе пришли въ крайнее изумленіе и брызнули розовой воды въ лицо бабушки, которая черезъ часъ пришла въ себя. И она сказала:—Клянусь Аллахомъ, приготовившій это блюдо—не кто иной, какъ сынъ мой Гассанъ Бадреддинъ! Я увѣрена въ этомъ! Только я одна умѣю готовить его такимъ образомъ, и я научила этому сына моего Гассана!

При этихъ словахъ визирь исполнился радости и нетерпѣнія увидѣть поскорѣе своего племянника Гассана и воскликнулъ: — О, наконецъ-то, Аллахъ Всевышній соединить насъ съ нимъ! И онъ тотчасъ же созвалъ своихъ слугъ и предался размысленію и, наконецъ, сказалъ имъ:—Выберите изъ среды своей двадцать человѣкъ, и пусть эти двадцать человѣкъ немедленно отправятся въ лавку пирожника Гассана, извѣстнаго на базарѣ подъ именемъ Гассана изъ Басры, и разрушите эту лавку съ крыши до основанія! А пирожнику свяжите руки матеріей его тюбана и приведите его сюда. Но смотрите хорошенько, не причиняйте ему ни малѣйшаго вреда! И отправляйтесь поскорѣе!

И визирь самъ вскочилъ на лошадь, захвативъ съ собою письма египетскаго султана и отправился въ Даръ-эль-Саламъ, гдѣ жилъ правитель, замѣщавшій въ Дамаскѣ египетскаго султана, своего повелителя. И, прибывъ въ Даръ-эль-Саламъ, визирь представилъ правителю письма египетскаго султана, и правитель поднялся съ мѣста и поцѣловалъ эти письма и приложилъ ихъ съ благоговѣніемъ къ своей головѣ. Потомъ онъ обратился къ визирю и сказалъ ему:—Приказывай! Кого же хочешь ты взять въ Дамаскѣ? И визирь отвѣчалъ ему:—Только пирожника, торгующаго на базарѣ! И правитель сказалъ:—О, нѣтъ ничего легче этого! И онъ приказалъ своей стражѣ отправиться на помощь людямъ визиря. Тогда визирь простился съ правителемъ и вернулся въ свои палатки.

Что касается Гассана Бадреддина, то онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ вдругъ передъ собою толпу людей, вооруженныхъ палками, лопатами и топорами. И всѣ они ворвались въ лавку и сбросили на полъ всѣ пирожныя и всѣ сласти, и разрушили до основанія всю лавку; потомъ они схватили ошеломленнаго Гассана и связали его матеріей его тюбана, не произнося ни слова. И несчастный Гассанъ подумалъ въ душѣ:—О Аллахъ, Аллахъ! Вѣроятно, всему причиной это блюдо изъ зеренъ гранатовъ! Какъ знать, что они могли найти въ немъ!

И вотъ Гассана Бадреддина привели въ палатку визиря. И Гассанъ залился слезами и воскликнулъ: —О государь, скажи, въ чемъ мое преступленіе? И визирь спросилъ его:—Это ты изготовилъ блюдо изъ зеренъ граната? Онъ отвѣчалъ:—Да, государь! Неужели же нашлось въ этомъ блюдѣ что-нибудь такое, за что мнѣ могутъ отрубить голову? И визирь отвѣчалъ строгимъ голосомъ:—Отрубить тебѣ голову? Ну, это было бы слишкомъ слабое наказаніе! Ожидай худшаго! Вотъ увидишь!

Что касается обѣихъ дамъ, то визирь просилъ ихъ не вмѣшиваться въ его дѣйствія, ибо не хотѣлъ ничего говорить имъ до пріѣзда въ Каиръ.

И вотъ онъ позвалъ своихъ юныхъ невольниковъ и сказалъ имъ:—Приведите сюда одного изъ нашихъ верблюдовъ и принесите большой деревянный ящикъ. И невольники исполнили это повелѣніе. И по знаку визиря, они схватили запуганнаго Гассана и посадили его въ ящикъ и закрыли ящикъ крышкой и ввязали его на спину верблюда. Потомъ, по приказанію визиря, были собраны палатки, и всѣ двинулись въ обратный путь.

И шли они весь день до наступленія ночи. И къ ночи они остановились, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться, и выпустили Гассана на минутку, чтобы накормить его, и потомъ опять заключили въ ящикъ и продолжали путь. И отъ времени до времени они останавливались и тогда выпускали на минутку Гассана, и каждый разъ визирь спрашивалъ у него:—Это ты, дѣйствительно ты, изготовилъ то блюдо изъ гранатовъ? И запуганный Гассанъ неизмѣнно отвѣчалъ:—Да, государь! И визирь каждый разъ приказывалъ послѣ такого вопроса:—Свяжите этого человѣка и посадите его обратно въ ящикъ.

И вотъ шли они такимъ образомъ, пока не прибыли въ Каиръ. Но раньше, чѣмъ войти въ городъ, остановились въ предмѣстьи Зайданіяхъ, и визирь приказалъ выпустить Гассана изъ ящика и привести къ нему. И тогда онъ сказалъ:—Поскорѣ приведите сюда плотника! И когда привели плотника, визирь сказалъ ему:—Сними мѣрку съ этого человѣка, его длину и ширину, и сооруди немедленно по этой мѣркѣ позорный столбъ, и прикрѣпи этотъ позорный столбъ къ телѣгѣ, запряженной парой буйволовъ! Тогда Гассанъ воскликнулъ съ ужасомъ:—О государь, что же ты хочешь сдѣлать со мною? И визирь отвѣчалъ:—Пригвоздить тебя къ позорному столбу и ввести тебя въ такомъ видѣ въ городъ, на посмѣшище всѣмъ жителямъ! И Гассанъ спросилъ:—Но за какое же преступленіе заслужилъ я подобное наказаніе? Тогда визирь Шамзеддинъ сказалъ:—За небрежность, съ которой ты приготовилъ блюдо изъ зеренъ граната. Ты недостаточно положилъ въ него пряностей и благовоній! При этихъ словахъ Гассанъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:—О Аллахъ, и это все? Такъ вотъ за что ты подвергнулъ меня столь утомительному путешествію, и за весь день только одинъ разъ далъ мнѣ поѣсть, и теперь хочешь пригвоздить меня къ этому позорному столбу? И визирь отвѣчалъ серіознымъ тономъ:—Да, разумѣется, именно за то, что въ твоемъ блюдѣ было недостаточно приправъ!

Тогда Гассанъ Бадреддинъ дошелъ до предѣловъ изумленія и поднялъ руки къ небу и впалъ въ глубокое раздумье. И визирь спросилъ у него:—О чемъ размышляешь ты? И онъ отвѣтилъ:—О государь, о пустякахъ! Я просто думаю о тѣхъ безумцахъ, начальникомъ которыхъ ты, вѣроятно, состоишь! Потому что, не будь ты первый изъ безумцевъ на свѣтѣ, развѣ могъ бы ты поступить такимъ образомъ со мной изъ-за того только, что въ моемъ пирожномъ одной щепоткой больше или меньше благовоній? И визирь сказалъ ему:—Но развѣ я не долженъ предупредить повтореніе этой ошибки? А для этого не оставалось другаго средства! И Гассанъ Бадреддинъ сказалъ ему:—Во всякомъ случаѣ, твое отношеніе ко мнѣ составляетъ болѣе тяжкое преступленіе! И ты долженъ былъ бы прежде всего наказать самого себя! Тогда визирь воскликнулъ:—О, безъ сомнѣнія, ты заслужилъ этотъ крестъ!.

Во время этого разговора плотникъ продолжать изготовлять древо пытки и отъ времени до времени бросалъ украдкой взглядъ на Гассана, какъ бы говоря ему: О, да, ты заслужилъ этотъ крестъ!

Между тѣмъ наступила ночь; и слуги, по приказанію визиря, схватили Гассана и снова посадили его въ ящикъ, и визирь крикнулъ ему:—Завтра же ты будешь распятъ! Потомъ онъ подождалъ нѣсколько часовъ, пока Гассанъ не уснулъ крѣпкимъ сномъ, и тогда повелѣлъ взвалить ящикъ на спину верблюда и отдалъ приказъ двинуться въ путь. И шли они, не останавливаясь, до тѣхъ поръ, пока не прибыли въ Каиръ, въ домъ визиря Шамзеддина.

И только тутъ визирь рѣшилъ сказать всю правду своей дочери и своей невѣсткѣ. И онъ сказалъ Сетгъ-эль-Госнъ:—Хвала Аллаху, по милости котораго намъ удалось найти твоего мужа Гассана Бадреддина! Онъ тутъ съ нами! Иди же, дочь моя, и будь счастлива! И позаботься о томъ, чтобы мебель и ковры во всемъ домѣ и въ твоей брачной комнатѣ были на томъ

самомъ мѣстѣ, на которомъ они находились въ ту ночь! И Сеттъ-эль-Госнѣ, не смотря на то, что была на вершинѣ блаженства, тотчасъ же сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія, и служанки ея дружно принялись за работу и зажгли всѣ свѣтильники. И визирь сказалъ имъ:—Я помогу вамъ возстановить все попрежнему! И онъ пошелъ къ своему шкафу и вынулъ оттуда бумагу, на которой онъ сдѣлалъ опись всей мебели и всѣхъ предметовъ съ точнымъ указаніемъ мѣста, гдѣ они находились тогда. И онъ сталъ читать вслухъ эту опись, и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждая вещь находилась на прежнемъ мѣстѣ. И все было приведено въ такой порядокъ, что самый внимательный наблюдатель могъ бы вообразить, что онъ вновь присутствуетъ на свадебномъ пирѣ прекрасной Сеттъ-эль-Госнѣ и горбатаго конюха.

Потомъ визирь собственноручно разложилъ на прежнія мѣста вещи Гассана Бадреддина: его тюбанъ на стулѣ, его ночныя шальвары—на смятую постель, его верхнія шальвары и кафтанъ—ни дивану, а подъ ними—кошелекъ съ тысячею золотыми динаріями и роспиской еврея; а письмо, завернутое въ воценный холстъ, онъ попрежнему зашилъ между феской и матеріей тюбана.

Потомъ онъ велѣлъ своей дочери одѣться точь-въ-точь какъ къ ту первую ночь и пойти въ брачную комнату и приготовиться къ посѣщенію своего мужа и двоюроднаго брата, Гассана Бадреддина, и когда онъ войдетъ, сказать ему:—О, какъ ты замѣшкался въ кабинетѣ удобствъ! Молю тебя именемъ Аллаха, если ты нездоровъ, не скрывай этого отъ меня! Развѣ я не твоя вещь и не твоя раба? И онъ еще совѣтовалъ ей, хотя Сеттъ-эль-Госнѣ совсѣмъ не нуждалась въ его наставленіяхъ быть какъ можно нѣжнѣе съ двоюроднымъ братомъ и устроить ему пріятную ночь, не пренебрегая милыми разговорами и хорошими стихами поэтовъ.

Потомъ визирь записалъ у себя число этого счастливаго дня и направился къ той комнатѣ, въ которой помѣщался ящикъ со спящимъ Гассаномъ. И онъ повелѣлъ вытащить его, соннаго, изъ ящика, и развязалъ ему ноги, и раздѣлъ его, и надѣлъ ему только одну тонкую рубашку и ночной колпакъ, какъ въ ночь его свадьбы. Послѣ этого визирь быстро скрылся, отворивъ всѣ двери, которыя вели въ брачную комнату, и оставилъ Гассана одного.

И Гассанъ скоро проснулся и остолбенѣлъ, увидѣвъ себя почти голымъ въ этомъ великолѣпно освѣщенномъ коридорѣ, который казался ему очень знакомымъ. И онъ сказалъ самому себѣ:—Ну, разберись-ка теперь, молодецъ, находишься ли ты въ глубокомъ снѣ или все это происходитъ на яву?

Но послѣ первыхъ минутъ изумленія онъ рѣшился встать и сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію одной изъ дверей, выходившей въ коридоръ. И вдругъ у него остановилось дыханіе: онъ сразу узналъ залу, въ которой происходило незабвенное торжество—въ честь его, Гассана, и въ ущербъ горбуну! И черезъ открытую дверь, выходившую изъ залы въ брачную комнату, онъ увидѣлъ на стулѣ—свой тюбанъ, а на диванѣ—свои шальвары и кафтанъ! Тогда потъ выступилъ у него на лбу, и онъ отеръ его своей рукой. И онъ сказалъ себѣ:—А! А! Проснулся я? или сплю? Цохъ! Цохъ! Не сошелъ ли я съ ума? Однако, онъ продолжалъ идти впередъ, но такъ, что одной ногой дѣлалъ шагъ впередъ, а другою—шагъ назадъ, не осмѣливаясь проникнуть дальше и все время отирая со лба холодный потъ. Наконецъ, онъ воскликнулъ:—О, клянусь Аллахомъ! Не можетъ быть никакого сомнѣнія! Это не сонъ! И вѣдь я дѣйствительно сидѣлъ въ ящикѣ со связанными ногами! Нѣтъ, нѣтъ, это не сонъ! И, говоря это, онъ дошелъ до дверей брачной комнаты и осторожно заглянулъ въ нее.

И тогда изъ глубины постели, закрытой голубой шелковой драпировкой, Сеттъ-эль-Госнѣ, лежавшая во всей своей нагой красѣ, приподняла

края драпировки и сказала ему:—О дорогой господинъ мой! Какъ ты замѣшался въ этомъ кабинетѣ удобствъ! О, иди скорѣе сюда, ко мнѣ!

При этихъ словахъ бѣдный Гассанъ захохоталъ, какъ потребитель гашиша или опія, и закричалъ:—Гу! Ги! Гу! Какой удивительный сонъ! Какой несообразный сонъ! Потомъ онъ продолжалъ подвигаться впередъ, какъ будто ступая по змѣямъ, съ безчисленными предосторожностями, одной рукой приподнимая край рубахи, а другой ощупывая воздухъ, какъ слѣпой или пьяница.

Потомъ, не будучи долѣе въ силахъ подавить свою душевную тревогу, онъ сѣлъ на коверъ и погрузился въ глубокое раздумье, дѣлая руками знаки крайняго недоумѣнія, какъ человѣкъ помѣшанный. Однако жъ, онъ видѣлъ возлѣ себя свои шальвары, такія же, какія были тогда, широкія и въ правильныхъ складкахъ, свой тюрбанъ изъ Басры, свое верхнее платье, и подъ нимъ—шнурки кошелька, которые свѣшивались внизъ!

И Сеттъ-эль-Госнъ вновь заговорила изъ глубины постели и сказала ему:—Что же ты, мой милый! Я вижу тебя въ сильномъ смущеніи, ты даже дрожишь. Ахъ! ты не былъ такимъ вначалѣ! Развѣ нечаянно.....?

Тогда Бадреддинъ, все продолжая сидѣть на коврѣ и держась обѣими руками за свой лобъ, принялся хохотать, какъ сумасшедшій, и, наконецъ, сказалъ:—Ха! Ха! Ты говоришь, что я не такой, какъ, вначалѣ! Какъ вначалѣ! Но, клянусь Аллахомъ, что съ той ночи прошли уже годы и годы! Ха! Ха!

Тогда Сеттъ-эль-Госнъ сказала ему:—О мой милый, успокойся! Именемъ Аллаха умоляю тебя! Успокойся! Я говорю о той ночи, которую ты пришелъ провести въ моихъ объятіяхъ, о той, въ которую ты покрывалъ меня своими ласками! Милый мой! Ты только вышелъ въ кабинетъ удобствъ. И ты цѣлый часъ замѣшался тамъ! О! Я вижу, ты нездоровъ! Приди же ко мнѣ, я согрѣю тебя, приди, мой милый, приди, мое сердце, мои глаза!

Но Бадреддинъ продолжалъ хохотать, какъ сумасшедшій, и потомъ сказалъ ей:—Можетъ ли это быть правда! Впрочемъ!.. Можетъ быть, я дѣйствительно заснулъ въ кабинетѣ удобствъ, и тамъ, оставаясь въ полномъ покоѣ, выдалъ такой непріятный сонъ! Потомъ онъ прибавилъ:—О, да! Очень непріятный! Вообрази только, мнѣ снилось, что я былъ нѣчто въ родѣ повара или пирожника въ городѣ Дамаскѣ, въ Сиріи, очень далеко отсюда! Да! И что я двѣнадцать лѣтъ провелъ тамъ за этимъ занятіемъ! И мнѣ снился мальчикъ благороднаго происхожденія, сопровождаемый евнухомъ! И у меня случились съ ними такія и такія происшествія.... И бѣдный Гассанъ почувствовалъ, что у него выступилъ на лбу потъ, и отеръ его, но въ этотъ моментъ онъ ощутилъ шрамъ отъ удара камнемъ и опять принялся кричать:—Нѣтъ! нѣтъ! Вотъ шрамъ отъ удара камнемъ, брошеннымъ этимъ мальчикомъ! Нечего сказать, это уже слишкомъ! Потомъ онъ немного подумалъ и прибавилъ:—Или нѣтъ! Это было дѣйствительно сонъ! Этотъ ударъ, можетъ быть, просто ударъ, который я получилъ во время забавъ съ тобою, Сеттъ-эль-Госнъ! Потомъ онъ сказалъ:—Я расскажу тебѣ продолженіе моего сна. Въ этомъ городѣ Дамаскѣ я очутился однажды утромъ—не знаю, какимъ образомъ—въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ: на мнѣ была одна рубашка и ночной колпакъ! Колпакъ горбуна! И жители города кругомъ! И я не зналъ, что они хотятъ отъ меня! И я получилъ въ наслѣдство лавку кондитера, добраго старика!... Ну, да! Ну, да! Это не было сонъ! И я приготавливалъ блюдо изъ зеренъ граната, и имъ показало, что въ немъ слишкомъ мало ароматовъ!... И вотъ тогда!... Полно!... Могло ли все это быть во снѣ! И развѣ это не было въ дѣйствительности?...

Тогда Сеттъ-эль-Госнъ вскричала:—Мой милый, по истинѣ, какой ты видѣлъ странный сонъ! Пожалуйста, расскажи мнѣ его подробнѣе.

И Гассанъ Бадреддинъ, не переставая восклицать, разсказаль Сеттъ-эль-Госнъ всю исторію, свой сонъ или дѣйствительность—отъ начала и до конца. Потомъ онъ прибавилъ: — И сказать только, что я долженъ былъ быть распятъ! И я былъ бы уже распятъ, если бы только сонъ не прервался во-время. Аллахъ! Я еще весь въ поту отъ этого ящика!

И Сеттъ-эль-Госнъ спросила его: — Но за что же хотѣли тебя распятъ? И онъ отвѣчалъ ей: — Ну, конечно, за то, что я положилъ слишкомъ мало ароматовъ въ блюдо изъ зеренъ граната! Да! И меня уже ждалъ ужасный позорный столбъ вмѣстѣ съ тѣлою, которую тащила пара нильскихъ быковъ! Но, наконецъ, благодареніе Аллаху, все это оказалось не болѣе, какъ сонъ, ибо по истинѣ потеря кондитерской, разрушенной, какъ эта, отъ крыши и до основанія, очень бы меня огорчила!

Тогда Сеттъ-эль-Госнъ, не будучи въ силахъ долѣе сдерживаться, вскочила изъ постели и бросилась на шею къ Гассану Бадреддину и прижала его къ своей груди, обнимая его и покрывая его поцѣлуями. Но онъ не смѣлъ даже пошевелиться. И вдругъ онъ воскликнулъ: — Нѣтъ, Нѣтъ! Все это только сонъ! Аллахъ! Гдѣ я? На яву ли все это?!

И бѣдный Гассанъ, нѣжно перенесенный на рукахъ Сеттъ-эль-Госнъ на ложе, погрузился въ тяжелый сонъ, и въ то время, какъ Сеттъ-эль-Госнъ бодрствовала надъ нимъ, онъ продолжалъ бормотать сквозь сонъ то слова:— Это сонъ!—то слова:—Нѣтъ! Это на яву!

Къ утру душа и мысли Гассана Бадреддина успокоились, и, проснувшись, онъ нашелъ себя въ объятіяхъ Сеттъ-эль-Госнъ и увидѣлъ возлѣ нея, въ ногахъ постели, своего дядю, визиря Шамзеддина, который тотчасъ же пожелалъ ему мира. И Бадреддинъ сказалъ ему: — Но, ради Аллаха, скажи, развѣ ты не тотъ самый, который приказалъ связать мнѣ руки и разрушить мою кондитерскую? И все это по причинѣ недостаточнаго количества ароматовъ въ блюдѣ изъ гранатовыхъ зеренъ?

Тогда визирь Шамзеддинъ, не находя болѣе основаній молчать обо всемъ этомъ, сказалъ ему:

— О дитя мое, знай, что ты Гассанъ Бадреддинъ, мой племянникъ, сынъ моего покойнаго брата Нуреддина, визиря Басры! И самъ я страдалъ отъ такого обращенія съ тобой, къ которому долженъ былъ прибѣгнуть для доказательства твоей подлинности и для того, чтобы убѣдиться, что это ты и есть тотъ самый, который взошелъ на ложе моей дочери въ первый день ея брака. И это доказательство я получилъ, увидѣвъ, что ты узнаешь (ибо я спрятался позади тебя) этотъ домъ, и эту обстановку, и свой тюбанъ и шальвары и кошелекъ, и въ довершеніе всего—росписку въ кошелекѣ и письмо, спрятанное въ тюбанѣ и содержащее въ себѣ наставленія твоего отца Нуреддина! Прости меня, дитя мое! Ибо я не имѣлъ въ рукахъ иного средства узнать тебя, я, который до этого никогда не видѣлъ тебя, такъ какъ ты родился въ Басрѣ! Ахъ, дитя мое! Все это произошло вслѣдствіе незначительной размовки, случившейся въ самомъ началѣ между твоимъ отцомъ, моимъ братомъ Нурединомъ, и мною, твоимъ дядей!

И визирь разсказаль ему всю исторію и потомъ прибавилъ: — О дитя мое! Что же касается твоей матери, то я привезъ ее въ Басру, и ты можешь видѣть ее, и также твоего сына Аджиба—плодъ первой ночи твоего брака съ его матерью!

И первымъ вошелъ послѣ этого Аджибъ, который бросился теперь на шею къ своему отцу, безъ прежнихъ опасеній, и Бадреддинъ въ восторгѣ произнесъ:

Когда ушелъ ты, сталъ я плакать горько
И долго плакать. И не въ силахъ были
Мои глаза сдержать потоки слезъ.

И клятву дать, что если вновѣ Аллахъ
 Соединитъ томящихся влюбленныхъ,
 Не будетъ мѣста на моихъ устахъ
 Словамъ упрека о былой разлукѣ!
 Вдругъ на меня обрушилося счастье
 И такъ неожиданно, и въ такомъ блаженствѣ
 Я утопалъ, что въ радости своей
 Потoki слезъ я проливалъ невольнo!
 Поклялся Рокъ моимъ врагомъ быть вѣчно,
 Причиною страданій и скорбей,
 А я, о Рокъ, о Время, я разрушилъ
 Такую клятву! Это богохульство!
 Но счастье честно выплатило долгъ
 И мнѣ свое сдержало обѣщанье.
 Мой другъ вернулся! Встань же, чтобъ спѣшить
 Навстрѣчу другу, что приноситъ счастье,
 И подними своей одежды полы,
 Чтобы ему какъ слѣдуетъ служить!

Лишь только окончилъ онъ эти стихи, какъ бабушка Аджиба, мать самого Бадреддина, вошла, рыдая, къ нимъ и упала на руки сына, потерявъ отъ радости сознание.

И послѣ многихъ изліяній, среди слезъ радости, они рассказали другъ другу свои исторіи, и свои невзгоды, и всѣ свои страданія.

И потомъ всѣ возблагодарили Аллаха за то, что онъ, наконецъ, соединилъ ихъ всѣхъ здоровыми и невредимыми, и снова начали свою жизнь въ счастья и полномъ блаженствѣ, и въ чистыхъ наслажденіяхъ, и все это продолжалось до конца ихъ дней, которые были очень многочисленны, и они оставили много дѣтей, которыя всѣ были прекрасны, какъ луна и солнце.

И такова была, о счастливый царь,—сказала Шахразада царю Шахріару,—удивительная исторія, которую визирь Джіафаръ-аль-Бармаки разсказалъ калифу Гаруну-аль-Рашиду, эмиру правотѣрныхъ въ городѣ Багдадѣ!

Да! Вотъ это и есть исторія приключеній визиря Шамзеддина, его брата визиря Нуреддина и Гассана Бадреддина, сына Нуреддина!

И калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ не преминулъ сказать: — Клянусь Аллахомъ, все это удивительно и необыкновенно! И въ своемъ удовольствіи онъ не только въ благодарность за нее отдалъ визирю Джіафару негра Ригана, но даже приблизилъ къ себѣ молодого человѣка, мужа зарѣзанной женщины, въ разсказѣ о трѣхъ яблокахъ, и, чтобы утѣшить его въ потерѣ столь несправедливо убитой жены, онъ далъ ему въ наложницы одну изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и далъ ему богатое жалованье, и приблизилъ къ себѣ, какъ ближайшаго друга и застольника. Потомъ онъ приказалъ придворнымъ своимъ писцамъ записать всю эту необыкновенную исторію самымъ лучшимъ почеркомъ и старательно запереть въ ящикъ съ бумагами для сохраненія ея въ назиданіе дѣтямъ ихъ дѣтей.

— Но,—продолжала прекрасная и скромная Шахразада, обращаясь къ царю Шахріару, султану острововъ Индіи и Китая,—не думай, о счастливый царь, что эта исторія такъ же удивительна, какъ та, которую я приготовилась разсказать тебѣ, если только ты не испытываешь утомленія! И царь Шахріаръ сказалъ ей:—Что же это за исторія? И Шахразада отвѣчала:—Она еще несравненно болѣе достойна удивленія, чѣмъ всѣ предшествующія! И Шахріаръ сказалъ ей:—А какъ же называется эта исторія? И она отвѣчала:

— Это разсказъ о Портномъ, о Горбунѣ, о Еврей, о Христіанинѣ и о Царюльникѣ въ Багдадѣ!

И царь Шахріаръ отвѣчалъ: — Конечно, ты можешь разсказать ее!

Разсказъ о томъ, что случилось съ горбуномъ у портного, у врача-еврея, у поставщика двора султана и у купца-христіанина, и ихъ приключенія, разсказанныя ими самими.

Тогда Шахразада начала разсказывать царю Шахриару слѣдующее:

— До меня дошло, о счастливый царь, что въ древности, много лѣтъ и вѣковъ тому назадъ, въ одномъ изъ городовъ Китая жилъ человѣкъ, по ремеслу портной, совершенно довольный своимъ положеніемъ. Онъ любилъ развлеченія и удовольствія, и имѣлъ привычку, время отъ времени, выходить со своей женой прогуляться и порадовать глаза видомъ улицъ и садовъ. И вотъ однажды оба они вышли, чтобы провести весь день внѣ своего дома, и когда наступилъ вечеръ, они направились къ себѣ домой, и на своемъ пути встрѣтили горбуна такой смѣшной наружности, что одинъ видъ его могъ бы разогнать всякую меланхолію и возбудить смѣхъ у самаго опечаленнаго человѣка и разсѣять всѣ горести и заботы. И вотъ портной и его жена приблизились къ горбуну, и ихъ такъ позабавили его шутки, что они пригласили его пойти вмѣстѣ съ ними въ ихъ домъ и быть ихъ гостемъ въ эту ночь. И горбунъ поспѣшилъ дать на это приглашеніе утвердительный отвѣтъ, и присоединился къ нимъ, и пришелъ вмѣстѣ съ ними въ ихъ домъ. И тогда портной оставилъ на нѣкоторое время горбуна, чтобы пойти на базаръ и, прежде чѣмъ купцы успѣютъ закрыть свои лавки, купить кое-чего въ честь своего гостя. И онъ купилъ жареной рыбы, свѣжаго хлѣба, лимоновъ и большой кусокъ халавы¹ для десерта. Потомъ онъ возвратился къ себѣ и разложилъ все это передъ горбуномъ, и всѣ принялись за ѣду.

И въ то время, какъ они весело закусывали, жена портного взяла пальцами большой кусокъ рыбы и, желая пошутить, положила его въ ротъ горбуну и зажала его губы рукою, чтобы помѣшать ему выбросить этотъ кусокъ обратно, и сказала ему:—Клянусь Аллахомъ, ты долженъ однимъ глоткомъ, безъ всякой остановки, проглотить этотъ кусокъ, иначе я не отпущу тебя.

И горбунъ пытался съ большимъ усиліемъ сдѣлать это и кончилъ тѣмъ, что проглотилъ этотъ кусокъ. Но, къ несчастію для него, въ этомъ кускѣ, по волѣ рока, оказалась толстая кость: она проникла въ его горло, и онъ умеръ въ ту же минуту.

На этомъ мѣстѣ своего разсказа Шахразада, дочь визиря, замѣтила приближеніе утра и, скромная по обыкновенію, остановилась, не желая дальнѣйшимъ продолженіемъ его злоупотреблять даннымъ ей разрѣшеніемъ.

Тогда сестра ея, юная Доньязада, сказала ей:—О сестра моя, какъ пріятны и сладостны и полны свѣжести твои слова! И Шахразада отвѣчала:—Но что скажешь ты въ слѣдующую ночь, сестра, о продолженіи, если только я останусь жива и если на то будетъ благосклонное соизволеніе царя, исполненнаго всевозможныхъ достоинствъ!

¹ Халава—халва, бѣлое тѣсто изъ сезамоваго масла, сахару, орѣховъ и т. д., предается въ формѣ большихъ полусферическихкихъ хлѣбовъ.

И царь Шахріаръ сказалъ въ свой душѣ:—Клянусь Аллахомъ! Я не убью ея, пока не услышу окончанія этой необыкновенной исторіи!

И потомъ царь Шахріаръ заключилъ Шахразаду въ свои объятія, и они провели остатокъ ночи въ тѣсномъ объятіи, пока не наступилъ день. Тогда царь всталъ и вышелъ въ залу правосудія. И тотчасъ же вошелъ туда визирь, и вошли также эмиры, и приближенные и тѣлохранители, и Диванъ наполнился народомъ. И царь принялся за дѣла правленія, и приводилъ въ порядокъ дѣла, и назначалъ однихъ, и смѣщалъ другихъ, и заканчивалъ давнишнія тяжбы, и занять былъ всѣмъ этимъ, пока не наступилъ конецъ дня. И Диванъ окончился, и царь вернулся въ свои покои, и направился къ Шахразадѣ.

И когда наступила

двадцать пятая ночь,

Доньязада сказала Шахразадѣ:— () сестра моя, расскажи намъ, пожалуйста, продолженіе исторіи о горбунѣ съ портнымъ и его женой! И она отвѣчала:—Отъ всего сердца и даже сочту своимъ долгомъ! Но я не знаю, согласится ли на это царь! Тогда царь поспѣшилъ сказать:—Ты можешь говорить! И Шахразада сказала:

— До меня дошло, о счастливый царь, что портной, лишь только онъ увидѣлъ горбуна мертвымъ, вскричалъ:—На все воля Аллаха, всевышняго, всеильнаго! Какое несчастье! Нужно же было этому бѣдному человѣку придти умереть отъ нашихъ рукъ! Но жена его закричала:—Оставь эти размышленія! Развѣ ты не знаешь стиховъ поэта:

Зачѣмъ, душа моя, ты хочешь въ глубь проникнуть
Вопросовъ нерѣшимыхъ для ума?
Зачѣмъ ты думаешь о томъ, что лишь страданье
Тебѣ приноситъ, горе доставляетъ
И до безумья можетъ довести тебя?
Какъ можешь не бояться ты огня,
Къ которому безстрашно такъ подходишь, —
Не забывая, что, подходя къ огню,
Легко и самъ ты можешь загорѣться!

Тогда мужъ сказалъ ей:—Что мнѣ остается дѣлать? И она отвѣчала:—Вставай! Мы вдвоемъ вынесемъ тѣло; и мы прикроемъ его шелковымъ платкомъ и понесемъ, и ты пойдешь позади меня, и я впереди, и все должно быть сдѣлано въ эту же ночь! И по всѣмъ улицамъ ты долженъ кричать громкимъ голосомъ: «Это мое дитя! И вотъ это его мать! И мы ищемъ врача, который могъ бы его излѣчить! Нѣтъ ли здѣсь врача?»

Лишь только портной услышалъ эти слова, онъ всталъ, взялъ горбуна на руки и, предшествуемый женою, вышелъ изъ дому. И жена, идя возлѣ него, не переставала вопить:—О бѣдное дитя мое! Говори же! Скажи, что у тебя болитъ! Ахъ! Эта проклятая оспа! На какой части тѣла показалась у него сыпь? И, слыша эти слова, каждый изъ проходившихъ мимо говорилъ себѣ: Это отецъ и мать! Они несутъ своего ребенка, заболѣвшаго оспой! И всѣ спѣшили отойти отъ нихъ.

Что же касается портного и его жены, то они продолжали свой путь, всюду освѣдомляясь о мѣстожительствѣ врача, пока, наконецъ, имъ не указали на дверь врача-еврея. Тогда они начали стучаться въ двери, и на ихъ стукъ вышла негрятанка и открыла двери, и увидѣла человѣка, который держалъ на своихъ рукахъ ребенка, и также мать этого ребенка. И мать сказала ей:—Съ нами ребенокъ, и мы желаемъ показать его врачу. Возьми эти деньги,

четверть динарія, и отдай въ задатокъ твоему господину, и попроси его сойти посмотриѣть нашего ребенка, который очень боленъ.

Тогда служанка поднялась опять; и тотчасъ же жена портного переступила порогъ дома и заставила войти съ собой мужа и сказала ему:—Живо, клади сюда тѣло горбуна! И поспѣшимъ какъ можно скорѣй убраться отсюда. И портной поставилъ тѣло горбуна на одну изъ ступеней лѣстницы, прислонивъ его къ стѣнкѣ, и поторопился выйти, сопровождаемый своей женою.

Что же касается негритянки, то она вошла къ врачу-еврею, своему хозяину, и сказала ему:—Внизу больной, и съ нимъ женщина и мужчина, которые дали для тебя четверть динарія, чтобы ты прописалъ этому больному какое-нибудь лѣкарство. Когда врачъ увидѣлъ четверть динарія, онъ обрадовался и поспѣшно вскочилъ и, въ своей поспѣшности, спускаясь внизъ, не сообразилъ взять съ собой свѣтильникъ. И такимъ образомъ онъ споткнулся ногою о горбуна и упалъ. И въ крайнемъ испугѣ онъ увидѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ катится внизъ какой-то человѣкъ, и онъ поспѣшилъ его изслѣдовать и убѣдился въ томъ, что онъ мертвъ, и подумалъ, что онъ самъ былъ причиной его смерти. Тогда онъ вскричалъ:—Господи! Ахъ! Богъ возмездія! Клянусь десятью святыми заповѣдями! И онъ продолжалъ призывать Гаруна¹, Юпаху сына Нуна², и другихъ. И онъ сказалъ:—И вотъ я споткнулся о больного, и по моей винѣ онъ скатился до самаго низа лѣстницы! И какъ я теперь могу выйти изъ моего дома съ мертвымъ человѣкомъ? Однако, въ концѣ концовъ онъ взялъ его и вынесъ во дворъ дома, а потомъ онъ повидался со своей женой и открылъ ей все случившееся. И жена его пришла въ ужасъ и вскричала:—Ахъ! нѣтъ! Только не сюда! (Скорѣй убраться отсюда! Если онъ останется здѣсь до восхода солнца, мы погибнемъ безъ всякаго сомнѣнія. Пойдемъ оба и вынесемъ его на террасу нашего дома и бросимъ въ домъ нашего сосѣда, мусульманина. Ты самъ знаешь, что нашъ сосѣдъ поставщикъ кухни султана и что домъ его наводненъ крысами, кошками и собаками, которыя спускаются къ нему по террасѣ и производятъ у него опустошеніе и поѣдаютъ у него различные припасы—мясо, сало и муку. И, конечно, эти животныя не преминутъ также съѣсть тѣло этого покойника, а такимъ образомъ онъ исчезнетъ.

Тогда врачъ-еврей и его жена взяли горбуна и подняли его на свою террасу, и осторожно спустили тѣло въ домъ поставщика, и прислонили его къ стѣнѣ кухни. Послѣ этого они спокойно возвратились къ себѣ.

И вотъ, черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ горбунъ былъ прислоненъ къ стѣнѣ кухни поставщика, который въ это время находился въ отсутствіи, поставщикъ возвратился домой, открылъ двери, зажегъ свѣчу и вошелъ. И вотъ онъ увидѣлъ сына Адама, который стоялъ въ углу у стѣны кухни. И поставщикъ, крайне изумленный, вскричалъ:—Это чтѣ такое? Клянусь Аллахомъ! Теперь я вижу, что обычный похититель моихъ припасовъ—человѣкъ, а никакъ не животное! Вотъ кто воруетъ мясо и сало, которое я, однако, запираю отъ кошекъ и собакъ! Теперь-то я вижу, что было бы совершенно бесполезно избить, какъ я думалъ сдѣлать, собакъ и кошекъ во всемъ околоткѣ, разъ этотъ малый забирается сюда по террасѣ! И при этомъ поставщикъ схватилъ огромную дубину, подбѣжалъ къ человѣку и неистово ударилъ его и повергъ его на землю и началъ наносить ему удары въ грудь. Но такъ какъ человѣкъ не шевелился, то поставщикъ увидѣлъ, что онъ мертвъ. Тогда онъ впалъ въ отчаяніе и сказалъ:—На все воля Аллаха, всевышняго, всемогущаго! Потомъ онъ очень перепугался и сказалъ:—Да будетъ проклято это масло и сало, и мясо, и эта ночь! Нужно же такое несчастье—убить этого человѣка, который остался на моихъ рукахъ! Потомъ онъ разсмотрѣлъ его

¹ Ааронъ ² Иисусъ Навинъ.

болѣе внимательно и увидѣлъ, что это горбунъ. И онъ сказалъ:—И недовольно было тебѣ оставаться просто горбуномъ? Но ты захотѣлъ еще быть воромъ и воровать мясо и сало изъ моихъ припасовъ! О Господь покровитель, огради меня покровомъ твоего всемогущества! И послѣ этого, такъ какъ ночь подходила къ концу, онъ взвалилъ горбуна на плечи, вышелъ изъ своего дома и пошелъ впередъ, пока не приблизился къ рынку. Тогда онъ остановился, прислонилъ горбуна къ углу одной лавочки на поворотѣ улицы, оставилъ его здѣсь и самъ ушелъ.

Немного спустя послѣ того, какъ здѣсь былъ оставленъ горбунъ, мимо этого мѣста проходилъ одинъ христіанинъ. Это былъ маклеръ султана. Въ этотъ вечеръ онъ былъ пьянъ и въ такомъ состояніи шелъ теперь въ гаммамъ принять ванну. И его опьяненіе побуждало его дѣлать различныя странныя вещи и говорило ему:—Ну, и пускай! Ты имѣешь доступъ къ самому Мессіи! И онъ шелъ, дѣлая зигзаги и спотыкаясь, и, наконецъ, очутился лицомъ къ лицу съ горбуномъ, не замѣчая его. Въ этотъ моментъ онъ повернулся къ горбуну и остановился возлѣ него за своей нуждой. И тутъ онъ неожиданно увидѣлъ горбуна прямо передъ собою, у стѣны. И при видѣ этого стоящаго неподвижно человѣка, онъ вообразилъ, что это воръ, тотъ самый, который укралъ у него тюрбанъ только-что вечеромъ; ибо дѣйствительно голова маклера-христіанина была непокрыта. Тогда христіанинъ поступилъ къ этому человѣку и изо всей силы ударилъ его по затылку, и повалилъ его на землю. Потомъ онъ испустилъ громкій крикъ, призывая базарнаго сторожа. И онъ бросился на горбуна и осыпалъ его сильными ударами въ неистовствѣ своего опьяненія, и уже принялся душить его, сжимая его шею обѣими руками. Въ эту минуту приблизился базарный сторожъ и увидѣлъ христіанина, который держалъ подъ собою повергнутаго мусульманина и билъ его и готовъ уже былъ задушить его. И сторожъ вскричалъ:—Оставь этого человѣка и встань! И христіанинъ поднялся.

Тогда сторожъ приблизился къ горбуну-мусульманину, распростертому на землѣ, и изслѣдовалъ его, и увидѣлъ, что онъ мертвъ. И онъ вскричалъ опять:—О! Еще никогда не видалъ я, чтобы христіанинъ осмѣлился коснуться мусульманина и убить его! И послѣ этого сторожъ схватилъ христіанина, связалъ у него руки позади его спины и привелъ въ домъ вали. И христіанинъ вопилъ и причиталъ:— О Мессія! О Дѣва! Какъ я могъ убить этого человѣка! И какъ это онъ скоро умеръ отъ одного только удара кулакомъ! Прошло теперь опьяненіе, и вотъ его послѣдствіе!

И доставленные въ домъ вали христіанинъ и мертвый горбунъ были заперты на всю ночь до утра, пока не проснулся вали. И вали допросилъ христіанина, который не могъ отрицать того, что было доложено базарнымъ сторожемъ. И вали не могъ поступить иначе, какъ приговорить къ смерти христіанина, который убилъ мусульманина. И онъ приказалъ палачу, исполнителю приговоровъ, прокричать по всему городу осужденіе къ смерти маклера христіанина. Потомъ онъ приказалъ поставить висѣлицу и подвести подъ нее приговореннаго. И тогда пришелъ палачъ, приготовилъ веревку, сдѣлалъ изъ нея подвижную петлю, накинулъ ее на шею маклера и собрался уже поднять его, какъ вдругъ поставщикъ султана прорвался сквозь собравшуюся толпу и проложилъ себѣ путь до самаго христіанина, стоявшаго подъ висѣлицей, и закричалъ палачу:— Остановись! Это я убилъ того человѣка! Тогда вали сказалъ ему:—А почему ты убилъ его? И онъ отвѣчалъ:—Вотъ какъ было дѣло! Этой ночью, войдя въ свой домъ, я увидѣлъ человѣка, который забрался ко мнѣ, спустившись по террасѣ, для того, чтобы воровать мои припасы. И я ударилъ его въ грудь палкой и тотчасъ же увидѣлъ, что онъ упалъ и умеръ. Тогда я взвалилъ его на свои плечи и пошелъ на рынокъ и оставилъ его стоймя у одной изъ лавокъ, въ такомъ-то мѣстѣ, на такой-то улицѣ! О, я несчастный! И вотъ теперь я чуть не сдѣлался при-

чиной смерти этого христіанина, послѣ того какъ я убилъ уже мусульманина! Поэтому-то повѣсить слѣдуетъ меня!

Когда вали услышалъ эти слова поставщика, онъ приказалъ отпустить христіанина и сказалъ палачу: — Повѣсь тотчасъ же этого человѣка, который пришелъ и сознался во всемъ собственными устами!

Тогда палачъ взялъ веревку, которую сначала одѣлъ на шею христіанину, и обернувшись ею шею поставщика, и подвелъ его подъ висѣлицу и проготовился уже вздернуть его на воздухъ, какъ вдругъ въ эту минуту врачъ-еврей растолкалъ толпу и закричалъ палачу: — Остановись! Не дѣлай этого! Это я одинъ убилъ его! Потомъ онъ разсказалъ случившееся: — Въ самомъ дѣлѣ, знайте всѣ, что этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ искать у меня совѣта, въ надеждѣ, что я излѣчу его. И когда я спускался по лѣстницѣ, чтобы осмотрѣть его, такъ какъ была ночь, я толкнулъ его ногою: тогда онъ скатился до самаго низа лѣстницы и умеръ. И поэтому убилъ его не поставщикъ, а единственно только я!

Тогда вали приговорилъ къ смерти врача-еврея. И палачъ снялъ веревку съ шеи поставщика и надѣлъ ее на шею врача-еврея и собрался уже было исполнить приговоръ надъ врачомъ, какъ вдругъ показался портной, который протолкался сквозь толпу и сказалъ палачу: — О, остановись! Это я убилъ его! Вотъ какъ было дѣло! Вчера я провелъ день, гуляя, и возвращался къ вечеру домой. И вотъ я встрѣтилъ этого горбуна, который былъ пьянъ и очень веселъ, и держалъ въ рукѣ бубенъ съ погремушками и, ударяя въ него, пѣлъ отъ всего сердца и что-то очень веселое. Тогда я подошелъ къ нему, чтобы посмотреть на него и развлечься, и онъ доставилъ мнѣ такое удовольствіе, что я пригласилъ его къ себѣ въ домъ. И между прочимъ я купилъ рыбы, и моя жена, когда мы сѣли поѣсть, взяла кусокъ рыбы, положила его на кусокъ хлѣба и всунула въ ротъ горбуну; и этотъ кусокъ задушилъ горбуна, который тутъ же умеръ. Тогда я и моя жена взяли его и принесли въ домъ врача-еврея. И тогда сошла внизъ негрятка и отперла намъ двери; и я сказалъ ей: — Скажи моему господину, что у дверей находится женщина и мужчина, которые принесли больного. Пусть онъ сойдетъ посмотреть его и прописать какое-нибудь лѣкарство! И я далъ этой негряткѣ четверть динарія для ея господина. Тогда она поспѣшила подняться, и я поставилъ стоймя горбуна къ стѣнѣ на лѣстницѣ, и потомъ я и моя жена удалились какъ можно скорѣе. Въ это время врачъ-еврей сходилъ, чтобы посмотреть больного; но онъ наткнулся на тѣло горбуна, который упалъ съ лѣстницы, и еврей подумалъ, что это онъ убилъ его!

И портной повернулся въ сторону врача-еврея и сказалъ ему: — Ну, что, развѣ не правда? И тотъ отвѣчалъ: — Да, это правда! Тогда портной повернулся къ вали и сказалъ ему: — Поэтому слѣдуетъ отпустить этого еврея и повѣсить меня, только меня!

При этихъ словахъ портного вали чрезвычайно изумился и сказалъ: — Поистинѣ эта исторія съ горбуномъ заслуживаетъ внесенія въ лѣтописи и книги! И потомъ онъ приказалъ палачу отпустить еврея и повѣсить портного, который сознался въ своей винѣ. Тогда палачъ подвелъ портного къ висѣлицѣ, надѣлъ ему на шею веревку и сказалъ: — Это — въ послѣдній разъ! И теперь я не обвиняю его ни на кого другого! И онъ схватилъ веревку.

Вотъ что было съ этими людьми.

Что же касается горбуна, то говорятъ, что онъ былъ любимымъ шуткомъ султана, и султанъ не могъ провести безъ него ни одного часа. И вотъ горбунъ, послѣ того, какъ онъ напился пьянымъ, въ эту ночь скрылся изъ дворца и находился въ отсутствіи всю ночь; и на другой день утромъ, когда султанъ позвалъ его, къ нему пришли и сообщили эту новость и сказали: — Государь, вали доносятъ тебѣ, что горбунъ мертвъ и что убійца его сейчасъ

будетъ повѣшенъ. И дѣйствительно, вали уже велѣлъ подвести убійцу къ висѣлицѣ, и палачъ уже готовъ былъ казнить его, какъ вдругъ явился какой-то другой человѣкъ, потомъ третій, и каждый изъ нихъ говорилъ:—Это я одинъ убилъ горбуна! И каждый изъ нихъ разсказалъ вали подробности этого убійства.

Когда султанъ услышалъ эти слова, онъ не могъ слушать далѣе и закричалъ, и позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, и сказалъ ему:—Ступай скорѣй и бѣги къ вали и скажи ему, чтобы онъ тотчасъ же привелъ всѣхъ ко мнѣ!

И приближенный спустился и подошелъ къ висѣлицѣ въ ту самую минуту, когда палачъ уже готовился казнить портного. И придворный закричалъ:—Остановись! Потомъ онъ сказалъ вали, что вся эта исторія съ горбуномъ доведена до ушей царя. И онъ увелъ вали, и увелъ также портного, и врача-еврея, и маклера-христіанина, и поставщика, и приказалъ принести тѣло горбуна, и отправился со всѣми ими къ царю.

Когда вали предсталъ между руками царя, онъ поклонился и поцѣловалъ землю, и разсказалъ царю всю эту исторію, со всѣми подробностями, отъ начала и до конца. Но, мнѣ кажется, незначѣмъ повторять ее!

И царь, услышавъ эту исторію, сильно удивился и очень развеселился. Потомъ онъ приказалъ придворнымъ писцамъ записать ее золотыми чернилами. И въ заключеніе онъ спросилъ у всѣхъ присутствующихъ:—Слышать ли когда-нибудь кто-нибудь изъ васъ исторію, которая можетъ сравниться съ этой?

Тогда маклеръ-христіанинъ поднялся, поцѣловалъ землю между руками царя и сказалъ:—О царь вѣковъ и временъ, я знаю исторію гораздо болѣе удивительную, чѣмъ наше приключеніе съ горбуномъ! Если позволишь, я разскажу тебѣ ее, ибо она несравненно болѣе чудесна и необычайна и болѣе забавна, чѣмъ исторія этого горбуна!

И царь сказалъ ему:—Хорошо! Разсказывай, посмотримъ, что у тебя тамъ такое!

Тогда маклеръ-христіанинъ началъ такими словами:

Разсказъ маклера-христіанина.

— Знай, о царь временъ, что я прибылъ въ эту страну ради торговыхъ дѣлъ. Я иноземецъ, котораго судьба привела въ твое царство. Я рожденъ въ городѣ Каирѣ, и я коптъ¹ между другими коптами. И въ Каирѣ же я получилъ свое воспитаніе, и тамъ же отецъ мой былъ маклеромъ до меня.

Когда умеръ мой отецъ, я достигъ уже возраста мужа; и я занялъ его мѣсто маклера, принявъ во вниманіе, что у меня были всевозможныя дарованія для этого занятія, къ которому мы, копты, имѣемъ особенную склонность.

И вотъ, въ одно утро среди другихъ, я сидѣлъ у воротъ кагана торговцевъ сѣменемъ, и я увидалъ, что мимо ѣдетъ какой-то молодой человѣкъ, самый красивый, какого только мнѣ приходилось видѣть, одѣтый въ самыя роскошныя одежды, верхомъ на ослѣ, на которомъ было великолѣпное красное сѣдло. И когда этотъ молодой человѣкъ увидѣлъ меня, онъ поклонился мнѣ, и я тоже, и изъ уваженія къ нему я поднялся. Тогда онъ вытащилъ платокъ, въ которомъ было завернуто небольшое количество сезамоваго сѣ-

¹ Коптъ—египетскій христіанинъ.

мѣни для образца, и сказалъ мнѣ:—Сколько стоитъ ардебъ этого сорта сезамоваго сѣмени? И я отвѣчалъ:—Это стоитъ по крайней мѣрѣ сто драхмъ! И онъ сказалъ мнѣ:—Въ такомъ случаѣ возьми съ собою людей, которые мѣрятъ сѣмя, и иди прямо въ каганъ Аль-Гауали, въ околоткѣ Бабъ-аль-Насръ: тамъ ты найдешь меня. Потомъ онъ оставилъ меня и удалился, передавъ мнѣ платокъ, въ которомъ былъ образецъ сезамоваго сѣмени.

Тогда я сталъ обходить торговцевъ, покупающихъ сѣмя, и показывалъ имъ образецъ, который я оцѣнилъ въ сто драхмъ. И торговцы оцѣнили его въ сто двадцать драхмъ за ардебъ. Тогда я обрадовался и взялъ съ собою четырехъ мѣрщиковъ, и пошелъ отыскивать молодого человѣка, который дѣйствительно дожидался меня въ каганѣ. Лишь только онъ увидаль меня, онъ подошелъ ко мнѣ и провелъ меня къ амбару, въ которомъ находилось сѣмя, и мѣрщики наполнили мѣпки и начали мѣрять сѣмя, котораго оказалось до пятидесяти мѣръ, считая на ардебы. И молодой человѣкъ сказалъ мнѣ:—Ты получишь на свою долю куртажъ въ десять драхмъ съ каждаго ардеба, проданнаго за сто драхмъ. Но ты получишь и для меня всѣ деньги и старательнобережешь ихъ до тѣхъ поръ, пока я ихъ не потребую отъ тебя. И такъ какъ вся стоимость достигаетъ пяти тысячъ драхмъ, ты удержишь въ свою пользу пятьсотъ драхмъ и для меня останется четыре тысячи пятьсотъ драхмъ. Что же касается меня, то лишь только я окончу свои дѣла, я приду и потребую у тебя эти деньги. Тогда я отвѣчалъ ему:—Да будетъ по твоему желанію! И послѣ этого поцѣловалъ у него руки и удалился.

И въ этотъ день я, такимъ образомъ, заработалъ тысячу драхмъ куртажа, пятьсотъ отъ продавца и пятьсотъ отъ покупателей, и я получилъ такимъ образомъ двадцать на сто, какъ это принято у египетскихъ маклеровъ.

Что касается молодого человѣка, то въ концѣ мѣсяца онъ пришелъ, чтобы повидаться со мною, и сказалъ мнѣ:—Гдѣ мои драхмы? И я тогда же отвѣчалъ ему:—Въ твоёмъ распоряженіи, о господинъ! Вотъ здѣсь онѣ приготовлены въ этомъ мѣшкѣ. Но онъ сказалъ мнѣ:—Подержи ихъ еще у себя нѣкоторое время, пока я не приду опять потребовать ихъ. И онъ ушелъ, и опять былъ въ отсутствіи цѣлый мѣсяцъ, и возвратился, и сказалъ мнѣ:—Гдѣ мои драхмы? Тогда я всталъ и поклонился ему, и сказалъ:—Онѣ въ твоёмъ распоряженіи. Вотъ онѣ! Потомъ я сказалъ ему: Не пожелаешь ли ты теперь сдѣлать честь моему дому, согласившись зайти въ него откупить кусочекъ чего-нибудь вмѣстѣ со мною! Но онъ отказался и сказалъ:—Что касается денегъ, то прощу тебя подержать ихъ, пока я не возвращусь опять потребовать ихъ отъ тебя послѣ того, какъ я окончу нѣкоторыя весьма нужные дѣла. И послѣ этого онъ удалился. Я и заботливо спрятавъ деньги, которые принадлежали ему, и началъ дожидаться его возвращенія. И въ концѣ мѣсяца онъ пришелъ и сказалъ мнѣ:—Въ этотъ вечеръ я приду опять потребовать деньги! Тогда я взялъ деньги и держалъ ихъ наготовѣ; и я прождалъ до ночи, и потомъ прождалъ другіе дни, но онъ вернулся только черезъ мѣсяцъ, въ то время, какъ я говорилъ себѣ:—Какъ этотъ юноша полонъ довѣрія! Во всей моей жизни, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ маклеромъ на каганахъ и базарахъ, я не видѣлъ подобнаго довѣрія. И онъ опять пришелъ ко мнѣ и, какъ всегда, онъ былъ верхомъ на ослѣ и въ роскошныхъ одеждахъ, и онъ былъ хорошъ, какъ полная луна, и лицо его сіяло и было свѣжо, какъ будто онъ только-что вышелъ изъ гаммама, и его лобъ и розовыя щеки были, какъ блестящій цвѣтокъ, и у уголка его губъ была черная родинка, какъ будто капелька черной амбры, и онъ былъ подобенъ тому, о которомъ говоритъ поэтъ:

Свершая кругъ движенія своего,
 Луна блестящая вдругъ съ солнцемъ повстрѣчалась;
 И оба полнымъ блескомъ засіяли
 Они красой своею лучезарной.
 Какъ солнце и луна была чета влюбленныхъ;
 И кто взиралъ на нихъ, могъ ими любоваться,
 Любить ихъ всей душой и счастья имъ желать.
 Ихъ образы такъ чудны и прекрасны,
 Что душу каждого плѣнить собой могли бъ.
 Итакъ пусть вѣчная Аллаху будетъ слава,
 Который чудеса такія совершаетъ.

Когда я увидѣлъ его, я поцѣловалъ у него руки и призвалъ на него всѣ благословенія Аллаха и сказалъ ему:—О господинъ мой, надѣюсь, что на этотъ разъ ты потребуешь свои деньги! И онъ отвѣчалъ мнѣ:—Потерпи еще немножко, когда я окончу свои дѣла, я приду опять спросить у тебя мои деньги. И послѣ этого онъ повернулся ко мнѣ спиною и удалился. И я подумалъ, что онъ опять будетъ долго отсутствовать, и я взялъ деньги и отдалъ ихъ въ ростъ изъ двадцати на сто, какъ это принято въ нашей странѣ, и такимъ образомъ получилъ хорошій барышъ въ свою пользу. И я сказалъ въ моей душѣ:—Клянусь Аллахомъ! Когда онъ возвратится, я упрошу его принять мое приглашеніе и угощу его съ большой щедростью, такъ какъ его деньги принесли мнѣ большой доходъ.

Такимъ образомъ истекъ годъ, и въ концѣ его онъ явился опять; и онъ былъ одѣтъ въ одежды еще болѣе роскошныя, чѣмъ прежнія, и, какъ всегда, сидѣлъ на ослѣ бѣлой породы.

Тогда я началъ съ жаромъ умолять его пойти со мною въ домъ и благосклонно согласиться быть моимъ гостемъ. И онъ отвѣчалъ мнѣ:—Хорошо, я согласенъ, но съ условіемъ, что ты не вычтешь издержекъ изъ тѣхъ денегъ, которыя принадлежатъ мнѣ и находятся у тебя! И онъ засмѣялся. И я тоже. И я сказалъ ему:—О, да, конечно, отъ всего сердца! И я провелъ его въ мой домъ и пригласилъ его сѣсть; и сбѣгалъ на базаръ купить всевозможной ѣды и напитковъ, и прочаго, и разложилъ все это между его руками на скатерти и пригласилъ его начать, говоря:—Во имя Аллаха! Тогда онъ приблизился къ приготовленнымъ яствамъ и протянулъ свою лѣвую руку и началъ кушать этой лѣвой рукой. Тогда я былъ чрезвычайно пораженъ и не зналъ, что объ этомъ подумать. И когда мы откушали, онъ умылъ эту лѣвую руку, не помогая себѣ въ этомъ правой; и я подаль ему салфетку, чтобы онъ обтеръ ее; и потомъ мы сѣли бесѣдовать.

Тогда я сказалъ ему:—О господинъ мой, пожалуйста, облегчи мнѣ тяжесть, которая гнететъ меня, и печаль, которая разстраиваетъ меня! Почему ты ѣлъ лѣвой рукой? Не было ли у тебя случайно какого-либо прискорбнаго несчастія съ твоей правой рукой? На эти слова молодой человѣкъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующими строфами.

Не спрашивай меня о всѣхъ моихъ страданіяхъ,
 О тяжкихъ мукахъ, душу истерзавшихъ,
 Они—свидѣтели безсилія моего.
 Не спрашивай меня о счастья моемъ,
 Я счастливъ былъ, но было то давно.
 Все измѣнилось съ той поры счастливой,
 И неизбежному противопоставить нужно мудрость.

И потомъ онъ вынулъ свою правую руку изъ рукава своей верхней одежды: и я увидѣлъ, что эта рука у него отрѣзана, ибо на предплечьѣ не было кисти. И я крайне удивился. Но онъ сказалъ мнѣ:—Не удивляйся этому! И равнымъ образомъ не думай болѣе, что я, пренебрегая уваженіемъ къ тебѣ, ѣлъ лѣвой рукою; ибо ты самъ теперь видишь, что это я дѣлалъ

только потому, что у меня отрѣзана моя правая рука. И причина этого весьма необыкновенна! Тогда я спросить у него:

— Что же это за причина? И онъ сказалъ мнѣ:

— Знай, что я изъ Багдада. Мой отецъ былъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ и значительныхъ лицъ въ городѣ. И еще задолго до того, какъ я достигъ возраста мужа, я слышалъ у моего отца рассказы о странахъ Египта отъ путешественниковъ, паломниковъ и купцовъ. И я запоминалъ всѣ эти рассказы, въ тайнѣ повторяя ихъ себѣ, и такъ продолжалось, пока не умеръ мой отецъ. И тогда я взялъ всѣ богатства, какія только я могъ собрать, и много денегъ, и купилъ большое количество товаровъ—багдадскихъ и мосульскихъ тканей, и также много другихъ товаровъ, цѣнныхъ и наилучшаго качества; и я уложилъ все это въ тюки и выѣхалъ изъ Багдада. И такъ какъ у Аллаха было написано, что я долженъ прибыть здоровымъ и невредимымъ къ мѣсту своего назначенія, то я и не замедлилъ пріѣхать въ этотъ городъ Каиръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и твой городъ.

Послѣ этихъ словъ молодой человѣкъ заплакалъ и произнесъ слѣдующіе стихи:

Нерѣдко глазъ, лишенный отъ рожденья,
Умѣетъ избѣжать паденія въ ту пропасть,
Въ которую и зрячій попадаетъ.
Безумецъ часто не промолвитъ слова,
Которое и мудрецу бы гибель принесло.
Какъ часто правотѣрный терпитъ нищету,
И въ счастіи живетъ безумный нечестивецъ.
Итакъ, пусть смертный помнитъ о своемъ безсиліи,
Надъ міромъ всѣмъ царить одна судьба!

И по окончаніи этихъ стиховъ онъ такимъ образомъ продолжалъ свой рассказъ:

— И я въѣхалъ въ Каиръ и направился къ кагану Серуръ, и развязалъ мои тюки, и разгрузилъ верблюдовъ, и сложилъ мои товары въ помѣщеніе, которое я позаботился нанять. Послѣ этого я далъ немного денегъ моему слугѣ, чтобы онъ купилъ намъ что-нибудь поѣсть; въ заключеніе я немного соснулъ и, по своему пробужденіи, пошелъ пройтись по направленію къ Байнъ-аль-Кассрейнъ¹; потомъ я вернулся въ каганъ Серуръ, гдѣ и провель ночь.

Когда я проснулся утромъ, я развязалъ одинъ тюкъ съ тканями и сказалъ въ своей душѣ:—Я понесу эти ткани на базаръ и посмотрю, какъ идутъ тамъ дѣла. И я взвалилъ ткани на плечи одного изъ моихъ молодыхъ слугъ, и пошелъ съ нимъ на базаръ и прибылъ къ главному мѣсту торговыхъ сдѣлокъ, большому зданію, окруженному портиками, всевозможными лавками и фонтанами; тутъ, какъ ты самъ знаешь, находятся обыкновенно маклеры; и это мѣсто называется: Кайссаріатъ² Гергессъ.

Лишь только я появился, всѣ маклеры, которые уже были предупреждены о моемъ приходѣ, окружили меня, и я передалъ имъ ткани, и они отпировались во всѣ стороны предлагать мои ткани главнѣйшимъ торговцамъ базара. Но они тотчасъ же возвратились и сказали мнѣ, что цѣны, которыя предлагаютъ за мои товары, не покрываютъ ни моихъ издержекъ на покупку ихъ, ни расходовъ по доставкѣ ихъ изъ Багдада въ Каиръ. И въ то время, какъ я не зналъ, что мнѣ дѣлать, главный шейкъ маклеровъ сказалъ мнѣ:—Я знаю средство, къ которому ты долженъ прибѣгнуть, чтобы получить какой-нибудь барышъ: это просто сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ всѣ торговцы.

¹ Байнъ-аль-Кассрейнъ—означаетъ между двумя дворцами. Это та часть главной улицы Каира, которая лежитъ между двумя дворцами калифа.

² Кайссаріатъ означаетъ главный базаръ.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы продать по мелочамъ твои товары лавочникамъ, и при томъ на опредѣленные сроки, въ присутствіи свидѣтелей, и за подписями твоими и ихъ, и при посредничествѣ мѣняль. И послѣ этого, ты въ каждый четвергъ и въ каждый понедѣльникъ будешь требовать отъ нихъ деньги, которыя будутъ выручены ими. И такимъ образомъ каждая драхма принесетъ тебѣ двѣ драхмы и даже болѣе. Кромѣ того, у тебя въ это время будетъ достаточно досуга, чтобы хорошенько познакомиться съ Каиромъ и подивиться на Нилъ, который протекаетъ черезъ него.

Когда я услышалъ эти слова, я сказалъ:—Что по истинѣ блестящая мысль! И послѣ этого я взялъ съ собою маклеровъ и глашатаевъ въ каганъ Серуръ и отдалъ имъ все свои товары, которые они отнесли въ Кайсариатъ. И я продалъ ихъ по мелочамъ купцамъ, послѣ того, какъ съ той и другой стороны были подписаны договорныя статьи въ присутствіи свидѣтелей и при посредничествѣ мѣняль Кайсариата.

Сдѣлавъ все это, я возвратился въ свой каганъ и спокойно зажилъ, не отказывая себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ и не щадя средствъ. Каждое утро я роскошно завтракалъ, съ чашей вина на скатерти. И у меня всегда было хорошее мясо ягненка и всѣхъ сортовъ сласти и варенья. И такъ продолжалось, пока не истекъ мѣсяцъ и не наступилъ срокъ, съ котораго я долженъ былъ правильно получать свой постоянный доходъ. И дѣйствительно, начиная съ первой же недѣли этого мѣсяца я началъ требовать свои деньги; каждый четвергъ и каждый понедѣльникъ я шелъ и усаживался въ лавкѣ одного изъ купцовъ, моихъ должниковъ; и мѣняла и публичные писцы обходили всѣхъ купцовъ, требовали мои деньги и приносили ихъ мнѣ.

И я имѣлъ обыкновеніе приходить и усаживаться такимъ образомъ то въ одной лавкѣ, то въ другой. И вотъ въ одно утро я вышелъ изъ гаммама, гдѣ я принималъ ванну, и затѣмъ отдохнулъ, и позавтракалъ цыпленкомъ и выпилъ нѣсколько кубковъ вина, и затѣмъ умылъ руки, и надушился разными ароматическими эссенціями, и пошелъ къ Кайсариату Гергесъ, и ушелъ въ лавкѣ одного торговца тканями, по имени Бадреддинъ-аль-Бостани. Когда онъ увидѣлъ меня, онъ встрѣтилъ меня очень радушно и почтительно, и мы начали разговаривать, и такъ продолжалось около часа.

И вотъ, въ то время какъ мы бесѣдовали, мы увидѣли, какъ подошла женщина, закутанная въ большое покрывало изъ голубого шелка, и она вошла въ лавку купить тканей и сѣла на скамеечку рядомъ со мной. И повязка, которая была у нея на головѣ и слегка прикрывала ея лицо, немного отодвинулась въ сторону и пропускала такимъ образомъ нѣжнѣйшее благоуханіе. И я потерялъ всякій разсудокъ отъ ея красоты и ея прелестей, лишь только она откинула свое покрывало, и я увидѣлъ черные зрачки ея глазъ! И она присѣла и привѣтствовала Бадреддина, который тоже отвѣтилъ ей пожеланіемъ мира, и всталъ передъ нею, и вступилъ съ нею въ разговоръ, показывая ей различныя ткани. И я, слушая этотъ голосъ, сладостный и полный очарованія, тотчасъ же почувствовалъ, какъ въ моемъ сердцѣ укрѣпляется любовь.

Когда она разсмотрѣла различныя ткани и не нашла ихъ достаточно красивыми, она сказала Бадреддину:—Нѣтъ ли у тебя случайно куска бѣлаго шелка, затканнаго нитками изъ чистаго золота? Мнѣ надо сдѣлать себѣ платье. И Бадреддинъ пошелъ въ глубину своей лавки, открылъ маленькій шкафъ и изъ подъ многихъ другихъ кусковъ тканей вытащилъ кусокъ бѣлаго шелка, затканнаго золотыми нитями, и принесъ его, и онъ очень понравился дамѣ. И она нашла, что онъ какъ разъ соотвѣтствовалъ ея желанію, и сказала купцу:—Такъ какъ у меня нѣтъ съ собою денегъ,

ты можешь, я думаю, какъ обыкновенно, отдать его мнѣ сейчасъ же, и я, придя домой, пришлою тебѣ его стоимость. Но купецъ сказалъ ей:—На этотъ разъ я не могу этого сдѣлать, о госпожа моя, ибо эта ткань не моя, а принадлежитъ этому купцу, котораго ты видишь, и я обязался разсчитаться съ нимъ именно сегодня. Тогда она очень разсердилась и сказала:—Какое несчастіе! Развѣ ты забылъ, что я постоянно покупаю у тебя самыя дорогія ткани и дала тебѣ возможность заработать гораздо болѣе, чѣмъ ты могъ бы ожидать? И развѣ ты забылъ, что я никогда не откладываю уплату денегъ? И онъ отвѣчалъ ей:—Совершенно вѣрно! Ты права, о госпожа моя! Но сегодня мои обязательства вынуждаютъ меня требовать деньги немедленно. Когда она услышала эти слова, она схватила кусокъ ткани и швырнула ему въ грудь и сказала ему:—Всѣ вы одинаковы въ этой проклятой корпораціи! Вы никому не можете оказать почтеніе! И послѣ этого она пришла въ большой гнѣвъ и повернулась къ нему спиною, чтобы выйти изъ лавки.

И я почувствовалъ, что моя душа уходитъ вмѣстѣ съ нею, и я поспѣшно поднялся и, стоя, сказалъ ей:—О госпожа моя, сдѣлай милость! Окажи мнѣ такую любезность, повернись немного въ мою сторону и великодушно обрати назадъ твои шаги! Тогда она повернула свое лицо въ мою сторону, и возвратилась назадъ, и сказала мнѣ:—Я согласна опять войти въ эту лавку, единственно только для тебя! И она вошла въ лавку и сѣла противъ меня. Тогда я сказалъ Бадреддину:—Сколько стоитъ тебѣ самому этотъ кусокъ? И онъ отвѣчалъ мнѣ:—Тысячу сто драхмъ! Тогда я сказалъ ему:—Хорошо! Я даю тебѣ кромѣ этого еще сто драхмъ барыша. Дай мнѣ бумагу, чтобы я могъ выдать тебѣ расписку. И я взялъ у него кусокъ шелка, затканнаго золотомъ, и въ замѣнъ его выдалъ ему расписку, потомъ я передалъ кусокъ шелка дамѣ и сказалъ ей:—Возьми его! И теперь ты можешь идти безъ всякаго безпокойства относительно уплаты за него, ты заплатишь мнѣ, когда только пожелаешь. Для этого тебѣ только стоитъ прійти и поискать меня когда-нибудь утромъ на базарѣ, гдѣ я бываю всегда, сидя то въ одной лавкѣ, то въ другой. И даже, если ты пожелаешь благосклонно сдѣлать мнѣ честь принять этотъ кусокъ отъ меня, какъ знакъ моего почтенія къ тебѣ, онъ принадлежитъ тебѣ! Тогда она отвѣчала мнѣ:—Да воздастъ тебѣ Аллахъ всѣми своими милостями! О, если бы ты могъ обладать всѣми богатствами, которыя находятся въ моемъ владѣніи, сдѣлавшись моимъ господиномъ и вѣнцомъ на моей головѣ! Ахъ! Если бы Аллахъ соблаговолилъ услышать мое желаніе! Тогда я отвѣчалъ ей:—О госпожа моя, прими же этотъ кусокъ шелка! И онъ не будетъ единственнымъ! И я прошу тебя, окажи мнѣ такую милость, покажи мнѣ твое лицо, которое скрыто отъ меня! Тогда она отбросила легкую ткань, которая закрывала у нея нижнюю часть лица и которая не позволяла видѣть ничего, кромѣ глазъ.

Когда я увидѣлъ ея лицо, я пришелъ въ крайнее волненіе, и любовь въ моемъ сердцѣ укрѣпилась, и разсудокъ мой помутился. Но она поспѣшила опустить свое покрывало, взяла кусокъ ткани и сказала мнѣ:—О господинъ мой, я хотѣла бы, чтобы наша разлука не была слишкомъ продолжительна, иначе я умру отъ тоски! И послѣ этого она удалилась, и я остался одинъ съ купцомъ, на базарѣ, до конца дня.

И вотъ я оставался въ такомъ состояніи, какъ будто я потерялъ свой разсудокъ и свои чувства, во власти безумія отъ этой неожиданной страсти. И сила этого чувства заставила меня отважиться спросить у купца о личности этой дамы. И передъ тѣмъ какъ подняться уходить, я сказалъ ему:—Знаешь ли ты, кто эта дама? И онъ сказалъ мнѣ:—Да, конечно. Это очень богатая дама. Отецъ ея былъ знаменитый эмиръ, который умеръ и оставилъ ей много имущества и денегъ.

Тогда я попросилъ у купца разрѣшенія удалиться и ушелъ, и возвратился въ каганъ Серуръ, гдѣ я жилъ. И мои служители приготовили мнѣ поѣсть, но я думалъ о ней и не могъ ни до чего прикоснуться, и я легъ спать, но сонъ не приходилъ ко мнѣ, и такъ я провелъ всю ночь, бодрствуя до утра.

И тогда я всталъ и одѣлся въ платье, еще болѣе красивое, чѣмъ то, которое было на мнѣ наканунѣ, и я выпилъ кубокъ вина и слегка закусилъ и направился къ лавкѣ купца, и я привѣтствовалъ его и усѣлся на привычное мѣсто. Лишь только я присѣлъ, я увидѣлъ молодую дѣвушку, и ее сопровождалъ рабъ. Она вошла и сѣла, и поклонилась мнѣ, не пожелавъ Бадреддину мира. И пріятнымъ голосомъ, несравненно выговаривая слова, и съ удивительной мягкостью она сказала мнѣ:—Пошли кого-нибудь со мною, чтобы взять тысячу двѣсти драхмъ, въ уплату за кусокъ шелка.

И я отвѣчалъ ей:—Дѣло не спѣшное. Къ чему такая поспѣшность? И она сказала мнѣ:—Какъ ты великодушенъ! Неужели же я должна ввести тебя въ убытки? Потому она сама вложила мнѣ въ руку деньги за матерію. И мы принялись бесѣдовать, и вдругъ я набрался смѣлости и объяснилъ ей знаками всю глубину моей любви къ ней. И она тотчасъ же поняла, что я пламенно желаю вступить въ союзъ съ нею. Тогда она поднялась съ мѣста и быстро удалилась, но для соблюденія приличія сказала мнѣ, однако, нѣсколько словъ на прощаніе. И я не въ силахъ былъ болѣе сдерживать себя и вышелъ изъ лавки, и сердце мое стремилось къ ней съ такой силой, что я пошелъ вслѣдъ за нею, оставаясь на почтительномъ разстояніи, пока мы не вышли изъ черты базара. И вдругъ я потерялъ ее изъ виду, но скорѣй я увидѣлъ другую молодую дѣвушку, которой я не зналъ и не могъ видѣть, потому что лицо ея было закрыто покрываломъ. И она сказала мнѣ:—О господинъ мой, иди къ моей госпожѣ, которая желаетъ поговорить съ тобою! И я былъ крайне удивленъ и сказалъ ей:—Но вѣдь меня никто здѣсь не знаетъ! И молодая дѣвушка сказала мнѣ:—О, какъ скоро ты забываешь! Развѣ ты не узнаешь служанку, которая только-что была на рынкѣ съ молодой дамой, въ лавкѣ такого-то купца? Тогда я послѣдовалъ за нею, и на углу улицы Мѣнялъ увидѣлъ ея госпожу. И, замѣтивъ меня, она быстро направилась ко мнѣ и подошла и сказала:—О милый мой, знай, что ты овладѣлъ всѣми моими мыслями и наполнилъ любовью мое сердце. И съ той минуты, какъ я увидала тебя, я не знаю сна и не могу ни ѣсть, ни пить! И я отвѣчалъ ей:—И я также! Но мое счастье такъ безмѣрно, что я не могу жаловаться. И она сказала мнѣ:—О дорогой мой, скажи, должна ли я придти къ тебѣ или ты придешь въ мой домъ? И я сказалъ ей:—Я чужестранецъ, и живу въ каганѣ, гдѣ слишкомъ много бываетъ разныхъ посѣтителей, о госпожа моя! И потому, если ты доверишься моей дружбѣ и окажешь мнѣ честь допустить меня въ свой домъ, счастье мое будетъ безгранично! И она отвѣчала мнѣ:—Разумѣется! Но сегодня я не могу принять тебя, потому что эта ночь — ночь пятницы... Но завтра, послѣ полуденной молитвы, садись на твоего осла и спроси, гдѣ находится кварталъ Габаніатъ; и когда ты приѣдешь въ этотъ кварталъ, узнай, гдѣ домъ Бараката, бывшаго правителя, извѣстнаго подъ именемъ Аби-Шама. Я живу въ этомъ домѣ. И непременно приходи, потому что я буду ждать тебя.

И я исполнился радости, и послѣ этого мы разстались. И я вернулся въ каганъ Серуръ, гдѣ я жилъ, и провелъ всю ночь, не смыкая глазъ. Но на разсвѣтѣ я поспѣшилъ встать и переодѣлся и надушился самыми нѣжными духами и взялъ съ собой пятьдесятъ золотыхъ динаріевъ, которые я завернулъ въ платокъ. И я вышелъ изъ кагана Серуръ и направился къ мѣсту, которое носитъ названіе Бабъ-Зауйлатъ; тамъ я нанялъ осла и ска-

заль погонщику:—Поѣдемъ въ кварталъ Габаніатъ! И онъ тотчасъ же от-правился со мною; и мы пріѣхали въ улицу Дарбъ-аль-Монкари; и я сказа-заль погонщику:— Узнай въ этой улицѣ, гдѣ домъ накиба ¹⁾ Аби-Шама. И погонщикъ пошелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся и сказалъ мнѣ:— Ты можешь сойти съ осла. И я сошелъ съ осла и сказалъ ему:—Иди впе-реди меня, чтобы я зналъ, куда идти! И онъ довезъ меня до самаго дома, и я сказалъ ему:—Завтра утромъ ты вернешься сюда за мною и проводишь меня обратно въ мой каганъ. И погонщикъ отвѣчалъ мнѣ:— Я въ твоёмъ распоряженіи! Тогда я далъ ему четверть динарія, и онъ взялъ его и под-несъ къ своимъ губамъ и потомъ къ своему лбу, желая выказать мнѣ свою благодарность, и удалился.

Тогда я постучалъ въ двери дома. И мнѣ отворили двери двѣ дѣвочки, двѣ молоденькія дѣвственницы, груди которыхъ держались еще совершенно прямо и были бѣлы и округлы, какъ двѣ луны. И онѣ сказали мнѣ:— Войди, о господинъ! Наша госпожа ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ. И пылъ ея страсти къ тебѣ отнялъ у нея сонъ, и она всю ночь не смыкаетъ глазъ. И я вошелъ во дворъ и увидѣлъ великолѣпное зданіе, въ которомъ было семь дверей. И весь фасадъ его былъ украшенъ окнами, выходившими въ большой садъ. И въ этомъ саду были фруктовые деревья всѣхъ сортовъ и всѣхъ цвѣтовъ; и онъ обильно орошался проточной водой; и всюду слы-шался говоръ птицъ. Чтò касается самаго дома, то онъ былъ весь изъ бѣ-лаго мрамора, такъ отполированного, что каждый могъ видѣть въ немъ свое изображение; и всѣ потолки внутреннихъ покоевъ были покрыты золотомъ; и вокругъ всего дома всюду были надписи и рисунки разныхъ формъ; и все въ этомъ домѣ очаровывало глазъ. И весь дворъ былъ вымощенъ мраморомъ высокой цѣнности и всевозможныхъ цвѣтовъ. И по серединѣ большой залы былъ водоемъ изъ бѣлаго мрамора, усаженный жемчугомъ и драгоценными камнями; и весь полъ былъ устланъ дорогими коврами, и всѣ стѣны были увѣшаны тканями всѣмъ цвѣтовъ; и вокругъ стѣнъ стояли широкіе диваны.

И не успѣлъ я войти и присѣсть...

Но, дойдя до этого мѣста, Шахразада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла.

А когда наступила

двадцать шестая ночь

Она сказала:

— До меня дошло, о счастливый царь, что купецъ продолжалъ такими словами свой разсказъ копту-маклеру изъ Каира, который въ свою очередь пересказывалъ ее султану, царившему въ этомъ городѣ Китая:

И я увидѣлъ, что ко мнѣ приближается молодая дѣвушка, вся убран-ная жемчугомъ и драгоценными камнями, и лицо ея сіяло, и глаза были подведены чернью. И она улыбнулась мнѣ, и привлекла меня къ себѣ, и прижала къ своей груди. Потомъ она прильнула губами къ моимъ губамъ и начала сосать мой языкъ; и я тоже. И она сказала мнѣ:— Неужели я вижу тебя на яву, неужели это не сонъ? И я отвѣчалъ ей:— Я рабъ твой. И она сказала:— О какой благословенный день! Какое счастье! Клянусь Аллахомъ, я не живу болѣе и не нахожу больше удовольствія въ ѣдѣ и питьѣ! И отвѣчалъ ей:— И я тоже! Потомъ мы принялись бесѣдовать, и я былъ совершенно смущенъ этимъ пріемомъ и сидѣлъ съ опущенной головой.

Черезъ нѣсколько минутъ накрыли скатерть, и намъ были поданы са-мыя изысканныя блюда: разныя жаркія, фаршированные цыплята и все-

¹ Накибъ — правитель области.

возможныя пирожныя. И мы ѣли до насыщенія, и она сама клала мнѣ куски въ ротъ и каждый разъ приглашала меня ѣсть самыми убѣдительными словами. Потомъ мнѣ подали кувшинъ и мѣдный тазъ; и я умылъ руки, и она такъ же, и послѣ этого мы надушились розовой водой съ мускусомъ; и мы сѣли опять и занялись бесѣдой. И она произнесла слѣдующія двѣ строфы:

Когда бъ я раньше знала о твоёмъ приходѣ,
Взаимнѣ ковра для ногъ твоихъ постлала бъ
Кровь сердца своего и бархатъ глазъ своихъ;
На ложе свѣжестъ щекъ своихъ бы подостлала
Я, путникъ, для тебя,—тебя же самого
Съ восторгомъ на свои рѣсницы уложила бъ.

И она начала рассказывать мнѣ о всѣхъ своихъ страданіяхъ, и я сдѣлалъ то же; и все это повело къ тому, что я еще болѣе влюбился въ нее. Потомъ мы отдались забавамъ и играмъ, и мы обнимали другъ друга, и расточали другъ другу тысячи ласкъ до самаго наступленія ночи. И когда наступила ночь, слуги принесли намъ обильный ужинъ, и мы пили и ѣли до полуночи. Потомъ мы легли спать и слились въ тѣсномъ объятіи и оставались такъ до самаго утра. И никогда въ моей жизни не было у меня такой ночи, какъ эта ночь!

На другое утро я всталъ и тихонько подсунулъ подъ подушку кошелекъ, въ которомъ было пятьдесятъ золотыхъ, и простился съ молодой дѣвушкой и собрался уйти. Но она заплакала и сказала мнѣ:—(О господинъ мой, когда же я опять увижу твое прекрасное лицо? И я сказалъ ей:—Я возвращусь сюда сегодня вечеромъ.

И когда я вышелъ изъ дому, я увидѣлъ у воротъ осла, на которомъ я пріѣхалъ наканунѣ; и возлѣ него былъ также и погонщикъ, который дожидался меня. И я сѣлъ на осла и прибылъ въ каганъ Серуръ; и тутъ я сошелъ съ осла и далъ ползолотого динарія погонщику и сказалъ ему:—Возвращайся сюда сегодня вечеромъ, передъ заходомъ солнца. И онъ отвѣчалъ мнѣ:— Твои приказанія для меня законъ! И тогда я пришелъ въ каганъ и позавтракалъ; затѣмъ я отправился собирать деньги со своихъ должниковъ, за проданные имъ товары; и когда я получилъ деньги, я возвратился къ себѣ. И я велѣлъ зажарить ягненка и закупить сластей и позвать носильщика, которому далъ адресъ и описаніе дома молодой дѣвушки, и заплатилъ ему за доставку и велѣлъ отнестивсе это къ ней. И я продолжалъ заниматься своими дѣлами до вечера; и тогда пришелъ за мной погонщикъ, и я взялъ пятьдесятъ золотыхъ динаріевъ и завернулъ ихъ въ платокъ и отправился къ молодой дѣвушкѣ.

И когда я вступилъ въ ея домъ, я увидѣлъ, что все въ немъ блеститъ чистотой, и полъ въ немъ вымытъ, и вся посуда на кухнѣ вычищена, и всѣ свѣтильники и фонари зажжены, и блюда приготовлены, и напитки и вина разлиты въ сосуды. И, увидѣвъ меня, молодая дѣвушка бросилась въ мои объятія и принялась ласкать меня и сказала мнѣ:—О, какъ я ждала тебя! Послѣ этого мы начали ѣсть и ѣли до насыщенія. И послѣ этого слуги убрали скатерть и принесли напитки. И мы пили не переставая и грызли миндаль, и орѣхи, и фишанки до полуночи. И послѣ этого мы легли и лежали до утра. И тогда я всталъ и передалъ ей по обыкновенію пятьдесятъ золотыхъ динаріевъ и вышелъ. И у воротъ я нашелъ осла и сѣлъ на него и отправился въ каганъ и уснулъ тамъ. И вечеромъ я всталъ и велѣлъ приготовить обѣдъ; и я самъ приготовилъ блюдо изъ риса на маслѣ, которое я приправилъ орѣхами и миндалемъ; потомъ блюдо жареныхъ земляныхъ грушъ и еще много другихъ вещей. Потомъ я купилъ фруктовъ и разныхъ сортовъ миндалю и много цвѣтовъ и все это послалъ туда. И я

взялъ съ собою въ платкѣ пятьдесятъ золотыхъ динаріевъ и вышелъ изъ кагана. И я сѣлъ на того же осла и пріѣхалъ къ дому молодой дѣвушки и вошелъ въ домъ. И мы сѣли ѣсть и пить и потомъ обнимались до самаго утра. И когда я всталъ, я сунулъ ей платокъ и вернулся по обыкновенію въ свой каганъ.

И все это не прекращалось, и я, наконецъ, совершенно, разорился и у меня не осталось не только ни одного динарія, но даже ни одной драхмы. И я не зналъ, что дѣлать, и въ душѣ я думалъ, что все это дѣло дьявола. И я произнесъ слѣдующія строфы:

Довольно счастьемъ на одно мгновеніе
Покинуть богача, лишитъ его богатства,—
И тотчасъ меркнетъ блескъ его и слава,
Какъ солнце яркое, къ закату приближаясь.
И если съ той поры людей покинуть онъ,
То среди нихъ о немъ исчезнетъ быстро память;
А если къ людямъ вновь захочетъ возвратиться,
То счастье не подаритъ ужъ его улыбкой.
Стыдиться будетъ онъ по улицѣ пройти
И въ одиночествѣ онъ выплачетъ всѣ слезы.
Аллахъ! Клянусь тебѣ—не можетъ человѣкъ
Ждать ничего отъ всѣхъ своихъ друзей;
Отецъ и мать отъ сына отвернутся,
Лишь только нищета его рукой коснется.

И я не зналъ, что мнѣ дѣлать, и предавшись всецѣло моимъ печальнымъ мыслямъ, я вышелъ изъ кагана, чтобы пройти немного, и пришелъ на площадь Байнъ-алъ-Касрайнъ, у самыхъ воротъ Зауйлата. И тутъ я нашелъ большое стеченіе людей, и толпа наполняла всю площадь, потому что это былъ праздникъ и базарный день. И я смѣшался съ толпой и по волѣ рока увидѣлъ возлѣ себя хорошо одѣтаго всадника. По случаю большой тѣсноты я, противъ моей воли, былъ прижатъ къ нему, и рука моя приплась какъ разъ противъ его кармана и коснулась его; и я почувствовалъ, что въ этомъ карманѣ лежитъ маленькій круглый свертокъ, и быстро просунулъ руку въ карманъ и вытащилъ изъ него свертокъ, но не настолько ловко, чтобы онъ не могъ почувствовать это или замѣтить движеніе моей руки. И тогда всадникъ, чувствуя, что карманъ его сразу сдѣлался легче, положилъ руку въ карманъ и увидѣлъ, что тамъ уже нѣтъ свертка. И тогда онъ въ гнѣвѣ повернулся ко мнѣ и замахнулся своей булавой и силой ударилъ меня по головѣ: и я упалъ на землю, и тотчасъ же меня окружила большая толпа людей, и нѣкоторые изъ нихъ остановили всадника и, держа за уѣзду его лошадь, говорили ему:—Не хорошо пользоваться давкой и бить беззащитнаго человѣка! Но всадникъ воскликнулъ имъ:—Знайте всѣ вы, что этотъ человѣкъ—воръ! При этихъ словахъ я очнулся отъ обморока, въ которомъ находился, и услышалъ, какъ въ толпѣ говорили:—Нѣтъ, не можетъ быть! Такой красивый и знатный юноша не можетъ воровать! И вотъ въ толпѣ завязался споръ о томъ, укралъ я или не укралъ, и возраженія и объясненія такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ, и въ концѣ концовъ потокъ людей захватилъ и увлекъ меня съ собой, и я, вѣроятно, успѣлъ бы скрыться отъ бдительности всадника, который не хотѣлъ выпустить меня, если бы по волѣ рока какъ разъ въ это время не появились вали и стража, которые прошли черезъ ворота Зауйлата и подошли къ толпѣ, тѣснившейся вокругъ насъ. И вали спросилъ:—Что здѣсь случилось? И всадникъ отвѣчалъ ему:—Клянусь Аллахомъ, о эмиръ, этотъ человѣкъ—воръ! У меня былъ въ карманѣ голубой кошелекъ, и въ немъ двадцать золотыхъ динаріевъ, и онъ нашелъ возможнымъ посреди этой давки похитить его у меня. И вали спросилъ у него:—Есть ли у тебя свидѣтель, который видѣлъ это? И всадникъ отвѣчалъ:—

Нѣтъ! Тогда вали подозвалъ мокадема, начальника полиціи, и сказалъ ему:—Возьми этого человѣка и обыщи его! Тогда мокадемъ схватилъ меня, ибо Аллахъ отвернулся отъ меня, и снялъ съ меня всю одежду и нашелъ на мнѣ кошелекъ, который былъ, дѣйствительно, изъ голубого шелка. И вали взялъ кошелекъ и сосчиталъ деньги и нашелъ, что немѣ двадцать золотыхъ динаріевъ, какъ и заявилъ ему всадникъ.

Тогда вали, разсердившись, позвалъ своихъ стражей и людей, сопровождавшихъ его, и сказалъ имъ:—Подведите ко мнѣ этого молодого человѣка! Тогда меня подвели къ нему, и онъ сказалъ мнѣ:—Молодой человѣкъ, ты долженъ сказать правду. Скажи, признаешь ли ты, что этотъ кошелекъ украденъ тобою? Тогда, смущенный всѣмъ этимъ, я поникъ головой и подумалъ въ своей душѣ:—Если я скажу: это не я!—мнѣ не повѣрятъ, потому что нашли на мнѣ кошелекъ. Если же я скажу:—да, это я укралъ его! я самъ предамъ себя въ ихъ руки. Но, наконецъ, я рѣшился признаться во всемъ и сказалъ:—Да, это я укралъ его!

Когда вали услышалъ эти слова, онъ крайне удивился и призвалъ свидѣтелей и заставилъ меня повторить въ ихъ присутствіи эти слова. И вся эта сцена происходила у Бабъ-Зауйлата.

Тогда вали приказалъ своему палачу отрубить мнѣ руку. И палачъ отрубилъ мнѣ правую руку. И при видѣ этого, всадникъ сжалился надо мною и ходатайствовалъ передъ вали, чтобы онъ не лишалъ меня другой руки. И вали согласился на эту милость и удалился. И люди, стоявшіе тутъ, сжалились надо мною и дали мнѣ выпить стаканъ вина, чтобы я подкрѣпился, потому что я потерялъ много крови и былъ очень слабъ. Что касается всадника, то онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ кошелекъ и вложилъ его въ мою руку и сказалъ мнѣ:—Ты юноша благороднаго происхожденія, и ремесло вора не прилично для тебя, мой другъ. И я принялъ кошелекъ и проговорилъ слѣдующіе стихи:

Тебѣ, изъ смертныхъ лучшій, я клянусь Аллахомъ —
Грабителемъ и воромъ не былъ въ жизни я.
И что же? Съ высоты побѣдной колесницы
Меня низвергнула жестокая судьба.
И вотъ въ пучину бѣды съ тѣхъ поръ я погрузился,
Съ тѣхъ поръ терпѣть труды, заботы, нищету.
Но не виновенъ я во всѣхъ своихъ страданьяхъ:
Когда я былъ царемъ, десницею своею
Господь въ меня пустилъ стрѣлою молносною,—
И тотчасъ же вѣнецъ съ главы моей упалъ.

И всадникъ оставилъ меня и уѣхалъ, заставивъ меня принять кошелекъ. И я также удалился оттуда и перевязалъ себѣ обрубленную руку платкомъ и спряталъ ее въ рукавъ моего платья. И лицо мое было очень блѣдно, и я былъ очень опечаленъ всѣмъ случившимся со мною.

И, не соображая хорошенько, куда я иду, я направился въ сторону дома моей возлюбленной. И, придя къ ней, я бросился на кровать, совершенно обезсиленный. И, молодая дѣвушка, видя мою блѣдность и изнуреніе, сказала мнѣ:—Скажи, что съ тобою? И почему такъ измѣнился цвѣтъ твоего лица, и почему оно такъ блѣдно? И я отвѣчалъ ей:—У меня болитъ голова, и я не совсѣмъ здоровъ. При этихъ словахъ она очень опечалилась и сказала мнѣ:—О господинъ мой, не отягчай моего сердца! Присядь, умоляю тебя, и поверни ко мнѣ свое лицо и скажи мнѣ, что случилось сегодня съ тобою. Потому что я читаю многое на твоёмъ лицѣ! И я отвѣчалъ ей:—Умоляю тебя, избавь меня отъ необходимости отвѣчать на твои вопросы! Тогда она заплакала и сказала мнѣ:—Ахъ, теперь я прекрасно вижу, что мнѣ нечего больше давать тебѣ и что ты пресыщенъ моими ласками и что

я надѣла тебѣ, потому что ты совѣмъ не такой со мною, какъ обыкновенно. И она залилась обильными слезами, и слезы ея прерывались вздохами, и время отъ времени она останавливалась и повторяла свои вопросы, на которые я не отвѣчалъ ей, и такъ продолжалось до самой ночи. И когда наступила ночь, намъ принесли ужинъ и подали, по обыкновенію, разные блюда. Но я отказался отъ ѣды, потому что стыдился брать пищу лѣвой рукой и боялся, чтобы она не спросила меня, почему я не ѣмъ правой рукой. И я сказалъ ей:—Мнѣ совѣмъ не хочется ѣсть. Тогда она сказала мнѣ:—Видишь, я была права. Скажи, что приключилось сегодня съ тобою, и чѣмъ ты такъ огорченъ и разстроенъ, и почему твое сердце и душа въ печали? И тогда я, наконецъ, сказалъ ей:—Сейчасъ я расскажу тебѣ все, но постепенно и осторожно. При этихъ словахъ она сказала мнѣ болѣе веселымъ тономъ, протягивая мнѣ кубокъ съ виномъ:—Ну, другъ мой, изгони изъ своей души печальныя мысли! Вотъ это разсѣетъ твою тоску. Выпей же этого вина, и потомъ ты расскажешь мнѣ, въ чемъ твое горе! И я отвѣчалъ ей:—Если ты непременно желаешь этого, тогда поднеси этотъ кубокъ своими руками къ моимъ устамъ! И она поднесла этотъ кубокъ къ моимъ устамъ и наклонила его и заставила меня выпить изъ него. Потомъ она снова наполнила его и протянула мнѣ. Тогда я сдѣлалъ усиліе надъ собою и протянулъ лѣвую руку и взялъ у нея кубокъ. Но я не могъ сдержать слезъ и произнесъ слѣдующія строфы:

Всевышній Богъ въ своей десницѣ держитъ
Судьбу насъ всѣхъ. По своему желанью
Глухимъ, слѣпымъ, безумнымъ и несчастнымъ
Онъ можетъ сдѣлать каждаго изъ насъ.
Съ такой же легкостью, какъ волосы мы рвемъ,
У насъ Всевышній можетъ вырвать разумъ.
И Онъ же этотъ разумъ намъ даетъ,
Чтобъ мы могли познать свои ошибки.

Проговоривъ эти стихи, я зарыдалъ отъ глубины моей души. И при видѣ моихъ слезъ, она не могла болѣе сдерживать себя и обвила мою голову своими руками и воскликнула въ порывѣ отчаянія:—О, умоляю тебя, скажи мнѣ, наконецъ, причину твоихъ слезъ! Ты прожогъ мое сердце! И скажи мнѣ, почему ты взялъ у меня кубокъ лѣвой рукой? Тогда я отвѣчалъ ей:—У меня на правой рукѣ нарывъ. И она сказала мнѣ:—Покажи мнѣ этотъ нарывъ; я открою его, и тебѣ станетъ легче. И я отвѣчалъ ей:—Теперь не время для подобной операціи. И не настаивай больше, потому что я твердо рѣшилъ не развязывать повязки на моей рукѣ! И съ этими словами я допилъ вино изъ кубка, и она опять наполнила его и подала его мнѣ, и я каждый разъ осушалъ его, пока мною не овладѣло ошьяненіе. Тогда я прилегъ на томъ же мѣстѣ и уснулъ.

И она воспользовалась моимъ сномъ и развязала платокъ, которымъ была перевязана моя рука, и увидѣла, что у меня нѣтъ больше руки. И она принялась обыскивать меня и нашла въ моемъ карманѣ голубой кошелекъ съ двадцатью золотыми. И при видѣ моего несчастія она впала въ отчаяніе, и горю ея не было предѣловъ, и сердце ея было объято печалью, равной которой еще не бывало на свѣтѣ.

Когда на другой день я пробудился отъ своего сна, я увидѣлъ, что она успѣла уже приготовить мнѣ завтракъ, передо мною лежали на тарелкѣ четыре цыпленка и стоялъ куринный бульонъ и прекрасное вино. И она угощала меня всѣмъ этимъ. И я ѣлъ и пилъ; и потомъ я хотѣлъ проститься съ нею и удалиться. Но она остановила меня и сказала мнѣ:—Куда же ты спѣшишь? И я сказалъ:—Я хочу пойти куда-нибудь, чтобы развлечься и разогнать заботы и горести, которыя удручаютъ меня и терзаютъ мое

сердце. И она сказала мнѣ:—О, не уходи! Останься здѣсь со мною! Тогда я сѣлъ, и она долго смотрѣла на меня и сказала мнѣ:—Другъ мой, что за причина твоего безумія? Твоя любовь ко мнѣ, я вижу, лишила тебя разсудка и заставила тебя изтратить на меня всѣ твои деньги. И къ тому же я догадываюсь, что ты изъ-за меня лишился своей правой руки. Но я клянусь тебѣ—и призываю Аллаха въ свидѣтели—что я никогда больше не разстанусь съ тобою и не отпущу тебя отъ себя! И ты увидишь, что я говорю правду! И я хочу даже вступить съ тобою въ законный бракъ!

И встѣдъ затѣмъ она послала за свидѣтелями, и когда они пришли, она сказала имъ: Будьте свидѣтелями моего брака съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Вы напишете нашъ брачный договоръ и засвидѣтельствуете, что я получила отъ него брачный выкупъ.

И свидѣтели написали нашъ брачный договоръ, и она сказала имъ:—Беру васъ всѣхъ свидѣтелями въ томъ, что всѣ богатства, которыя принадлежатъ мнѣ и которыя вы видите тутъ въ этомъ сундукѣ, и все, что есть у меня, съ этой минуты переходить въ собственность этого молодого человѣка. И свидѣтели удостовѣрили это и записали ея заявленіе и также мое согласіе принять все это и, получивъ условленное вознагражденіе, удалились.

Тогда молодая дѣвушка взяла меня за руку и подвела меня къ шкафу и отперла его и указала мнѣ на большой сундукъ, который стоялъ въ немъ. И она отперла этотъ сундукъ и сказала мнѣ:—Все это—твоя собственность; это—то, что я въ разное время получила отъ тебя. И знай, что каждый разъ, когда ты передавалъ мнѣ платочекъ съ пятьюдесятью золотыми динаріями, я заботливо прятала его въ этотъ сундукъ. И вотъ теперь прими обратно твое имущество. Аллахъ сохранилъ тебѣ его и такъ записалъ объ этомъ въ книгѣ твоей судьбы. И вотъ сегодня Аллахъ оказываетъ тебѣ свое покровительство, и я избрана для того, чтобы исполнилось написанное Имъ. Но все-таки, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты изъ за меня лишился своей правой руки. И по истинѣ я не могу воздать тебѣ въ той мѣрѣ, въ какой этого требуетъ твоя преданность мнѣ и моя любовь къ тебѣ; и даже если бы я пожертвовала для тебя своей душой, этого было бы недостаточно, и ты не былъ бы вполне вознагражденъ. Потомъ она добавила:—Теперь вступи во владѣніе своимъ имуществомъ! И я подчинился ея желанію и купилъ новый сундукъ и спряталъ въ него одно за другимъ все, что было въ сундукѣ молодой дѣвушки; и я получилъ обратно всѣ тѣ деньги, которыя я давалъ ей, и сердце мое исполнилось радости, и печаль моя разсѣялась.

И я всталъ и прижалъ ее къ своей груди, и потомъ мы сѣли рядомъ и начали весело пить. И она продолжала говорить мнѣ самыя нѣжныя и милыя слова и извинялась, что такъ мало можетъ сдѣлать для меня въ сравненіи съ тѣмъ, что я сдѣлалъ для нея. Потомъ, желая довершить свои благодѣянія, она поднялась и записала на мое имя всѣ свои богатыя одежды и драгоценности, и принадлежавшіе ей дома и участки земли, и на все это выдала мнѣ удостовѣреніе, скрѣпленное собственной ея рукою и въ присутствіи свидѣтелей.

И въ эту ночь, вопреки всѣмъ забавамъ, которымъ мы предавались, она заснула, сильно опечаленная, повторяя, что она одна причина моего несчастія, которое я разсказалъ ей во всѣхъ подробностяхъ.

И съ этого дня она не переставала грустить и горевать обо мнѣ, и въ концѣ мѣсяца, проведеннаго въ такой тоскѣ, она отъ изнуренія слегла, и съ каждымъ днемъ силы ея слабѣли и по прошествіи пятидесяти дней она испустила духъ и переселилась въ другой міръ.

И я приготовилъ все необходимое для похоронъ и самъ предать ее землѣ и исполнилъ всѣ обряды, которые совершаются въ заключеніе похо-

ронъ; и я не пожалѣлъ для этого никакихъ денегъ. И послѣ этого я вернулся съ кладбища и вошелъ въ домъ и пересмотрѣлъ все, что получилъ отъ нея въ даръ и въ наслѣдство. И я убѣдился, что она, дѣйствительно, оставила мнѣ много имущества, движимаго и недвижимаго и, между прочимъ, большіе магазины, наполненные сезамовымъ сѣменемъ. И вотъ это-то сѣмя я и поручилъ тебѣ продать для меня, о господинъ, и ты соблагородилъ принять за него то скудное вознагражденіе, которое значительно ниже твоихъ заслугъ.

Что касается до моихъ отлучекъ, которыя, быть можетъ, удивляли тебя, то онѣ объясняются тѣмъ, что я былъ вынужденъ привести въ извѣстность все имущество, завѣщанное мнѣ женой, и только теперь я нѣсколько справился со своими денежными дѣлами.

И вотъ я прошу тебя не отказываться отъ вознагражденія, которое я хочу предложить тебѣ, который оказалъ мнѣ гостепріимство и раздѣлил со мною свой столъ. И ты поистинѣ обяжешь меня, принявъ отъ меня всѣ деньги, которыя ты хранилъ у себя и которыя ты выручилъ отъ продажи сезамоваго сѣмени.

Такова моя исторія, и вотъ почему я теперь всегда ѣмъ лѣвой рукой!

Тогда, о могущественный царь, я сказалъ молодому человѣку:—По истинѣ ты осыпаешь меня своими благодѣяніями и милостями! И онъ отвѣчалъ мнѣ:—Это пустяки! А теперь, о господинъ маклеръ, не отправишься ли ты со мною въ мой родной городъ Багдадъ? Я только-что сдѣлалъ большія закупки товаровъ въ Александріи и въ Каирѣ и рассчитываю продать ихъ съ большою прибылью въ Багдадѣ. Хочешь ли ты быть моимъ товарищемъ въ моемъ пути и соучастникомъ въ моихъ прибыляхъ? И я отвѣчалъ ему:—Твое желаніе для меня равносильно приказанію! Потомъ я назначилъ ему срокъ нашего отъѣзда въ концѣ того же мѣсяца.

И въ теченіе этого времени я занялся продажей моего имущества, стараясь выручить за все надлежащія деньги, и на эти деньги я накупилъ разныхъ товаровъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ въ его родной городъ Багдадъ, а оттуда мы съ большимъ барышемъ и разными товарами прибыли въ эту страну, которая есть твое царство, о царь вѣковъ!

Что касается молодого человѣка, то онъ не замедлилъ распродать тутъ свои товары и уѣхалъ въ Египетъ, и я собирался въ скоромъ времени присоединиться къ нему. Но вотъ въ эту ночь у меня было это зласчастное приключеніе съ горбуномъ, которое объясняется моимъ незнаніемъ этихъ мѣстъ, потому что я чужестранецъ, путешествующій съ торговыми цѣлями.

И такова, о царь вѣковъ, моя исторія, которую я считаю болѣе удивительной, чѣмъ приключеніе съ горбуномъ!

Но царь сказалъ:—О, нѣтъ! Я не нахожу этого! Она не настолько удивительна, твоя исторія, о маклеръ! И я сейчасъ же прикажу повѣсить васъ всѣхъ, чтобы наказать васъ за преступленіе, совершенное надъ особой моего шута, этого бѣднаго горбуна, котораго вы убили!

Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Шахразада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла.

А когда наступила

двадцать седьмая ночь,

Она сказала:

— До меня дошло, о счастливый царь, что когда царь Китая сказалъ:—Я прикажу повѣсить васъ всѣхъ!—поставщикъ выступилъ впередъ и распростерся передъ царемъ и сказалъ ему:—Если ты разрѣшишь мнѣ, о царь вѣковъ, я разскажу тебѣ исторію, которая приключилась со мною на этихъ

дняхъ, болѣе удивительную и болѣе чудесную, чѣмъ это приключеніе съ горбуномъ. И если ты признаешь это, выслушавъ мой разсказъ, то, быть можетъ, ты помилуешь насъ всѣхъ! И царь Китая сказалъ: — Хорошо! Я согласенъ выслушать твою исторію! Тогда поставщикъ началъ такъ:

Разсказъ поставщика двора султана.

— Знай, о царь вѣковъ и временъ, что прошедшей ночью я былъ приглашенъ на свадебный пиръ, на которомъ было много ученыхъ законовѣдовъ и мужей, изучившихъ тексты Священной Книги. И когда чтеніе Корана было окончено, разостлали скатерть и поставили кушанья и принесли все, что нужно было для пира. И вотъ, между прочимъ, на скатерти стояло кушанье съ чеснокомъ, называемое розбайя, которое такъ славится у насъ и такъ вкусно, если только рисъ хорошо проваренъ и чеснокъ и другія ароматическія приправы положены въ мѣру. И тогда всѣ мы, приглашенные, принялись ѣсть съ большимъ аппетитомъ, и только одинъ изъ насъ совершенно отказался отвѣдать этого кушанья — розбайи. И когда всѣ мы, приглашенные, начали убѣждать его взять хотя одинъ глоточекъ, онъ поклялся, что этого не сдѣлаетъ никогда. Тогда мы удвоили наши настоянія, но онъ сказалъ намъ: — Умоляю васъ, не настаивайте на этомъ! И безъ того уже испыталъ много горя потому только, что имѣлъ несчастіе отвѣдать его. И онъ прочиталъ намъ слѣдующую строфу:

Если стараго друга ты другомъ считать не желаешь,
И, избѣгая его, время на хитрости тратишь, —
Хитрости брось и бѣги отъ него поскорѣе.

Тогда мы не настаивали болѣе, но мы спросили у него: — Ради Аллаха! Объясни намъ, по какой причинѣ ты не можешь ѣсть этой чудесной розбайи? И онъ отвѣчалъ: — Я поклялся не прикасаться къ розбайѣ, пока не вымою рукъ сорокъ разъ подрядъ содой, сорокъ разъ поташомъ и сорокъ разъ мыломъ, а всего сто двадцать разъ. Тогда хозяинъ дома приказалъ своимъ слугамъ принести немедленно воды и всѣ тѣ вещи, которыя перечислилъ приглашенный. И когда все было подано, приглашенный принялся мыть руки и вымылъ ихъ въ точности столько разъ, сколько раньше упомянулъ; потомъ онъ вернулся на свое мѣсто, но какъ бы противъ желанія, и протянулъ руку къ блюду, изъ котораго всѣ мы ѣли, и съ дрожью и нерѣшительно принялся ѣсть розбайю. И мы очень удивились этому; но наше удивленіе еще возрасло, когда мы взглянули на его руку и увидѣли, что на ней не хватаетъ большого пальца и что на ней только четыре пальца. И приглашенный ѣлъ только четырьмя пальцами. Тогда мы сказали: — Именемъ Аллаха, умоляемъ тебя, скажи, какимъ образомъ ты лишился большого пальца? Или это недостатокъ, которымъ ты надѣленъ отъ рожденія и который посланъ тебѣ Аллахомъ? Или ты сдѣлался жертвой несчастнаго случая? И онъ отвѣчалъ намъ: — Братья мои, вы видѣли далеко не все! Я лишился не одного большого пальца, но обоихъ, потому что у меня нѣтъ большого пальца и на лѣвой рукѣ. И кромѣ того у меня только по четыре пальца и на каждой ногѣ. Впрочемъ, вы можете сами убѣдиться въ этомъ! И онъ показалъ намъ свою лѣвую руку и обнажилъ обѣ ноги, и мы, дѣйствительно, убѣдились, что у него только по четыре пальца на каждой ногѣ. Тогда наше изумленіе увеличилось еще болѣе, и мы сказали ему: — Наше нетерпѣніе достигло крайней степени, и мы желаемъ

узнать, какимъ образомъ ты лишился четырехъ пальцевъ и почему ты долженъ былъ умыть твои руки сто двадцать разъ кряду. Тогда онъ разсказалъ намъ слѣдующее:

— Знайте, о всѣ вы, что отецъ мой былъ изъ богатыхъ купцовъ, и онъ былъ самый крупный изъ богатыхъ купцовъ города Багдада во времена царствованія калифа Гарунъ-аль-Рашида. И мой отецъ былъ большой любитель хорошихъ винъ и разныхъ увеселеній, и особенно любилъ онъ музыку нашихъ струнныхъ инструментовъ: ауда и кануна. И вотъ, когда онъ умеръ, послѣ него не осталось ничего, потому что онъ растратилъ все свое состояніе. Но, не смотря на это, такъ какъ онъ все-таки былъ мой отецъ, я устроилъ ему торжественныя похороны, подобавшія его сану, и я горевалъ о немъ днемъ и ночью. И послѣ этого я отправился осмотрѣть лавку, которая принадлежала отцу, и отперъ ее, и не нашелъ въ ней ничего, что имѣло бы хоть какую-нибудь стоимость; наоборотъ, я даже убѣдился, что отецъ оставилъ мнѣ только большіе долги. И я отправился къ кредиторамъ моего отца и упросилъ ихъ потерпѣть, и успокоилъ ихъ, насколько могъ. Потомъ я принялся за дѣла, и покупалъ, и продавалъ, и уплачивалъ долги недѣля за недѣлей, смотря по доходамъ. И я продолжалъ поступать такъ, пока не уплатилъ всѣхъ долговъ и не увеличилъ пущенныхъ первоначально въ оборотъ денегъ.

И вотъ однажды, когда я сидѣлъ въ моей лавкѣ, я увидѣлъ молодую дѣвушку, и никогда во всей моей жизни я не видѣлъ ничего прекраснѣе ея. На ней было великолѣпное платье, и сидѣла она на мулѣ. И передъ нею шелъ евнухъ, а за нею шелъ другой евнухъ. И она остановила у самого рынка своего мула и сошла съ него и пошла къ лавкамъ на базарѣ, сопровождаемая однимъ изъ евнуховъ. И евнухъ сказалъ ей:—О госпожа моя, умоляю тебя, не ходи такимъ образомъ по базару, и не показывайся прохожимъ! Ты навлечешь на насъ большія неприятности. Уйдемъ лучше отсюда! И евнухъ пытался остановить ее. Но она не обращала никакого вниманія на его слова и начала разглядывать всѣ лавки на базарѣ, одну за другой; и она не видѣла ни одной лавки, которая была бы такъ хорошо содержима и такъ красива, какъ моя. И тогда она, въ сопровожденіи евнуха, направилась въ мою сторону и вошла въ мою лавку и сѣла и пожелала мнѣ мира. И никогда въ жизни я не слыхалъ такого нѣжнаго голоса и такихъ чарующихъ словъ. И она открыла свое лицо. И я взглянулъ на нее, и уже одинъ только видъ ея повергъ меня въ неописанное волненіе и остановилъ удары моего сердца. И я не могъ оторвать моихъ глазъ отъ ея лица и произнести слѣдующія двѣ строфы:

Скажи красавицѣ, скажи ей, полной нѣги,
Такой же, какъ и голубя крыло,
Скажи ей, что теперь среди всѣхъ мукъ моихъ
(Смерть для меня была бы только счастьемъ.
Скажи ей, чтобъ ко мнѣ она была добрей,—
Вѣдь мой покой нарушила она,
И я готовъ на все, лишь съ ней въ любви бы слитъ я.

Когда она услышала мои стихи, она отвѣчала мнѣ слѣдующими стихами:

Моя душа полна любви къ тебѣ.
И сердце ужъ другихъ любить не можетъ.
А если взоръ мой и встрѣчалъ красавца,
То радостью душа не наполнялась.
Я поклялась, что никогда не вырву
Изъ сердца своего любовь мою къ тебѣ,
И вотъ теперь я вся полна печали,
Отъ мукъ любви страдаю я теперь.

Страданій чашу выпивши до дна,
И въ ней нашла любовь и съ нею счастье.
О милый, прикоснись устами къ этой чашѣ,
На днѣ которой я любовь нашла.

Потомъ она сказала мнѣ:—О молодой купецъ, не можешь ли ты показать намъ какія-нибудь красивыя ткани? И я сказалъ ей:—О госпожа моя, рабъ твой—бѣдный купецъ, у котораго нѣтъ ничего достойнаго тебя! Соболаговоли же подождать немного. Еще очень рано, и не всѣ купцы на базарѣ открыли свои лавки. И я не замедлю отправиться къ нимъ и куплю у нихъ для тебя самыхъ дорогихъ тканей. Потомъ я вступилъ въ разговоръ съ нею, и я утонулъ въ морѣ своей любви къ ней и погибъ въ безуміи страсти, которую она внушила мнѣ. Но когда другіе купцы открыли свои лавки, я всталъ и отправился закупить все то, что она заказала мнѣ. И все, что я взялъ для нея на свой счетъ, составило сумму въ пять тысячъ драхмъ. И я передалъ всѣ покупки ея рабу, и она вышла съ нимъ и направилась къ противоположному концу базара, гдѣ ждалъ ее съ муломъ другой рабъ. Но она не потребовала у меня никакого счета и не упомянула даже о деньгахъ, которыя она осталась должна мнѣ и которыя я обязался уплатить торговцамъ. И она даже не сказала мнѣ, кто она и гдѣ она живетъ. И я съ своей стороны стѣснялся заговорить съ нею объ этомъ и общалъ купцамъ уплатить имъ пять тысячъ драхмъ къ концу недѣли, потому что надѣялся, что молодая дѣвушка вернется и принесетъ эти деньги. И я вернулся къ себѣ, опьяненный любовью. И мнѣ принесли обѣдъ, но я почти ничего не ѣлъ, потому что всѣ мысли мои были скованы воспоминаніемъ о красотѣ этой молодой дѣвушки и о всѣхъ ея прелестяхъ. И когда я легъ спать, я не могъ заснуть отъ волненія.

И въ такомъ состояніи я провелъ цѣлую недѣлю, въ концѣ которой купцы явились ко мнѣ требовать денегъ. Но такъ какъ я еще ничего не получилъ отъ молодой дѣвушки и не имѣлъ никакихъ извѣстій о ней, то я попросилъ купцовъ подождать еще недѣлю. И они согласились на это. И, дѣйствительно, къ концу недѣли, рано утромъ, она пріѣхала на своемъ мулѣ и въ сопровожденіи одного слуги и двухъ евнуховъ. И она поклонилась мнѣ и сказала:—О господинъ мой, извини, что мы до сихъ поръ не уплатили тебѣ денегъ! Но вотъ онѣ! Позови же мѣнялу, чтобы провѣрить золотыя монеты и сосчитать ихъ. И я позвалъ мѣнялу, и одинъ изъ евнуховъ передалъ ему деньги, и онъ сосчиталъ ихъ и удостовѣрилъ качество золота. И я взялъ деньги и началъ бесѣдовать съ молодой дѣвушкой, пока другіе купцы на базарѣ не открыли своихъ лавокъ. Тогда она сказала мнѣ:—Мнѣ нужно еще того-то и того-то; иди и закупи все это для меня. И я купилъ въ лавкахъ на свой собственный счетъ все то, что она потребовала, и передалъ ей купленные вещи. И она взяла ихъ и удалилась, не говоря мнѣ ни слова о деньгахъ, которыя она осталась должна мнѣ. И когда она удалась, я раскаялся въ томъ, что поступилъ такимъ образомъ и съ такимъ довѣріемъ, потому что я заплатилъ за нее тысячу золотыхъ динаріевъ. И когда она скрылась изъ моихъ глазъ, я сказалъ себѣ:—Не понимаю я этой страсти и этой дружбы, которыя она выказываетъ мнѣ! И она принесла мнѣ четыреста динаріевъ! И если это будетъ продолжаться, то я доведу до несостоятельности и гибели не только себя, но и многихъ другихъ. И, конечно, всѣ эти обманутые купцы нападутъ на одного только меня! И я очень боюсь, что эта женщина просто ловкая обманщица, и что она старается отуманить меня своей красотой и своимъ обаяніемъ, пользуясь тѣмъ, что я бѣдный купецъ, не имѣющій ни связей, ни поддержки въ свѣтѣ, и что она издѣвается надо мною за моей спиной. И я не спросилъ даже у нея, гдѣ она живетъ!

И я провелъ цѣлый мѣсяцъ въ тоскѣ и тяжелыхъ мысляхъ, и въ концѣ мѣсяца купцы пришли требовать своихъ денегъ, и съ такой настойчивостью требовали ихъ, что я былъ вынужденъ, чтобы успокоить ихъ, дать имъ обѣщаніе, что я согласенъ продать все,— мою лавку и всѣ товары, находившіеся въ ней, и домъ мой, и все мое имущество. И я былъ близокъ къ разоренію. И вотъ, когда я сидѣлъ, озабоченный всѣми этими печальными мыслями, я вдругъ увидѣлъ ее въ самомъ концѣ базара. И она вошла въ ворота базара и направилась въ мою сторону. И когда я увидѣлъ ее, я почувствовалъ, что всѣ заботы мои и подозрѣнія разсѣялись, и я забылъ о томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ я былъ во все время ея отсутствія. И она подошла ко мнѣ и заговорила со мною своимъ прелестнымъ голосомъ, плѣняя слухъ мой тѣми очаровательными словами, которыя она умѣла говорить. Потомъ она сказала мнѣ:—Принеси вѣсы и взвѣшай деньги, которыя я принесла тебѣ! И она, дѣйствительно, отдала мнѣ все, что мнѣ слѣдовало, и даже сверхъ этого, въ вознагражденіе за покупки, которыя я сдѣлалъ для нея.

Потомъ она присѣла рядомъ со мною и заговорила со мною съ полной свободой и непринужденностью. И я чуть не умеръ отъ радости и счастья. И, наконецъ, она сказала мнѣ:—Ты холостъ или женатъ? И я сказалъ ей:—О, нѣтъ, я не знаю ни одной женщины! И, говоря это, я заплакалъ. Тогда она сказала мнѣ:—Почему же ты плачешь? И я отвѣчалъ:—Потому что мнѣ пришла въ голову одна мысль. Потомъ я увлекъ слугу въ глубину лавки и подаль ему нѣсколько золотыхъ динаріевъ и попросилъ его взять на себя посредничество между мною и ею по этому дѣлу. При этихъ словахъ онъ улыбнулся и сказалъ мнѣ:—Знай же, что и она влюблена въ тебя; и даже больше, чѣмъ ты въ нее! И ей совѣмъ не нужны были эти ткани, и купила она ихъ только ради того, чтобы имѣть возможность поговорить съ тобой и выразить тебѣ свою любовь. И ты можешь свободно говорить съ нею и сказать ей все, что пожелаешь, и она навѣрное не разсердится и не остановитъ тебя.

Но въ эту минуту, молодая дѣвушка, собираясь уходить и прощаясь со мною, замѣтила, что я протягиваю золотыя монеты слугѣ, который сопровождалъ ее. Тогда она вернулась въ лавку и сѣла и улыбнулась мнѣ. И я сказалъ ей:—Не откажи своему слугѣ въ милости, о которой онъ будетъ просить тебя, и прости ему заранѣе то, что онъ хочетъ сказать тебѣ! И я сказалъ ей все, что у меня было на душѣ, и я видѣлъ, что мои слова были пріятны ей. И она отвѣчала мнѣ очень ласково и сказала мнѣ:—Вотъ этотъ слуга принесетъ тебѣ отвѣтъ на твою просьбу, и передастъ тебѣ мои приказанія! И ты исполнишь въ точности все, что онъ тебѣ скажетъ. Вслѣдъ за тѣмъ она встала и удалилась.

Тогда я отнесъ деньги купцамъ и возвратилъ имъ деньги за товары и вознагражденіе, которое слѣдовало имъ. Что же касается меня самого, то я не только не воспользовался никакой прибылью, но даже впалъ въ печаль, потому что не получалъ никакихъ вѣстей отъ молодой дѣвушки. И съ той минуты, какъ она скрылась изъ моихъ глазъ, я совѣмъ лишился сна. Но когда прошло еще нѣсколько дней, ко мнѣ явился ея слуга, и я принялъ его съ подобающимъ радушіемъ и спросилъ его, какъ поживаетъ его госпожа. И онъ сказалъ мнѣ: Она была нездорова всѣ эти дни. Тогда я сказалъ ему:—Не можешь ли ты сообщить мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія о ней? И онъ сказалъ:—Эта молодая дѣвушка воспитана нашей повелительницей Зобейдой, любимой женой Гарунъ-аль-Рашида, и теперь постоянно находится при ней. И госпожа наша Зобейда любитъ ее, какъ свою родную дочь, и ни въ чемъ не отказываетъ ей. И вотъ однажды молодая дѣвушка сказала своей госпожѣ:—Мнѣ хотѣлось бы прогуляться по городу и потомъ возвратиться во дворецъ! И она получила разрѣшеніе выйти изъ дому. И съ этого дня она постоянно

ходила въ городъ и возвращалась во дворецъ, и приобрѣла большой навѣкъ въ покупкахъ, и взяла на себя закупку всего, что требуется нашей госпожѣ Зобейдѣ. И вотъ тогда она увидѣла тебя, и она рассказала о тебѣ нашей госпожѣ и просила ее выдать ее замужъ за тебя. И госпожа наша Зобейда сказала ей: Я не могу исполнить твоей просьбы, пока не увижу этого молодого человѣка. И если я увижу, что онъ достоинъ тебя, то я согласна выдать тебя за него! И вотъ я пришелъ сказать тебѣ, что мы рѣшили провѣсти тебя тайкомъ во дворецъ. И если это удастся намъ и никто не узнаетъ объ этомъ, то можешь быть увѣренъ, что получишь въ жены эту молодую дѣвушку; если же дѣло будетъ раскрыто, то тебѣ, разумѣется, отрубятъ голову. Согласенъ ли ты на это? Я отвѣчалъ: Конечно, согласенъ! Дай мнѣ только самыя обстоятельныя указанія, что мнѣ надо дѣлать. Тогда слуга сказалъ мнѣ: Когда наступитъ ночь, отправляйся къ мечети, которую госпожа наша Зобейда выстроила на берегу Тигра; войди въ эту мечеть и сотвори свою молитву и подожди тамъ! И я отвѣчалъ:—Повинуюсь, люблю и почитаю!

И когда наступилъ вечеръ, я отправился къ мечети, и вошелъ въ нее, и погрузился въ молитву, и провелъ тамъ всю ночь. И на разсвѣтѣ я увидалъ невольниковъ, которые на лодкѣ подѣхали къ берегу; и они внесли въ мечеть пустые сундуки, потомъ направились обратно къ своей лодкѣ. Но одинъ изъ нихъ остался въ мечети, и я пристально взглянулъ на него и увидѣлъ, что это тотъ слуга, который служилъ намъ посредникомъ. И черезъ нѣсколько минутъ вошла въ мечеть моя подруга, приближенная Сеттъ-Зобейды. И когда она приблизилась ко мнѣ, я подѣхалъ къ ней и поцѣловалъ ее; и она также поцѣловала меня. И мы присѣли на минутку, чтобы поговорить, и она сообщила мнѣ свое рѣшеніе. Потомъ она взяла меня и посадила въ одинъ изъ сундуковъ и заперла меня въ немъ на ключъ; и не успѣлъ я обдумать своего положенія, какъ очутился во дворцѣ султана. И тутъ меня высвободили изъ сундука и принесли мнѣ одежды и много другихъ вещей, и все это стоило не менѣе пятидесяти тысячъ драхмъ. Потомъ я увидѣлъ двадцать бѣлыхъ невольницъ, и онѣ были прекрасно сложены и всѣ еще дѣвственницы. И посреди нихъ находилась Сеттъ-Зобейда, которая почти не въ состояніи была двинуться съ мѣста, потому что на ней было множество драгоценностей и богатыхъ нарядовъ. И когда она приблизилась ко мнѣ, всѣ прислужницы ея выстроились передъ нею въ два ряда, и я подошелъ и поцѣловалъ землю между руками ея. Тогда она знакомъ приказала мнѣ сѣсть, и я сѣлъ между руками ея. Тогда она начала разспрашивать меня о моихъ дѣлахъ и о моихъ родныхъ и о моемъ происхожденіи. И я отвѣчалъ на всѣ ея вопросы. И она обрадовалась моимъ отвѣтамъ и сказала:—Уаллахъ! Теперь я вижу, что я не напрасно заботилась о воспитаніи этой молодой дѣвушки, потому что нашла для нея такого мужа! Потомъ она сказала мнѣ:—Знай, что эту дѣвушку, нашу служанку, мы считаемъ наравнѣ съ дѣтьми нашей крови. И она будетъ тебѣ нѣжной и покорной женой передъ Аллахомъ и тобою! И я поклонился ей и поцѣловалъ землю у ногъ ея и выразилъ согласіе жениться на ея прислужницѣ.

Тогда она пригласила меня пребыть во дворцѣ десять дней. И я провелъ въ ея дворцѣ десять дней, и все это время не видѣлъ молодой дѣвушки и не зналъ даже, что съ нею. И во время завтраковъ и обѣдовъ мнѣ прислуживали другія молодые служанки Зобейды.

Въ концѣ срока, назначеннаго для свадебныхъ приготовленій, Сеттъ-Зобейда обратилась къ эмиру правовѣрныхъ съ просьбой разрѣшить ей выдать замужъ свою прислужницу, и онъ далъ ей свое разрѣшеніе и подарилъ молодой дѣвушкѣ десять тысячъ золотыхъ динаріевъ. Тогда Сеттъ-Зобейда послала за кади и за свидѣтелями, и они составили брачный дого-

воръ. Потомъ начался пиръ. И были тутъ всякія сласти и всѣ блюда, предписываемыя обычаемъ; и всѣ ѣли и пили, и всему городу раздавали кушанья на тарелочкахъ. И пиръ этотъ длился десять дней. И только послѣ этого молодую женщину повели въ гаммамъ, по установленному обычаю.

И въ это время разостлали скатерть для меня и моихъ гостей и принесли для насъ самыя изысканныя блюда, и между ними, среди жареныхъ цыплятъ, и разнаго рода печеній, и восхитительныхъ фаршей и конфектъ, надушенныхъ мускусомъ и розовой водой, стояло блюдо розбайи, способное свести съ ума самого благоразумнаго и самого положительнаго изъ людей. И лишь только я сѣлъ передъ скатертью, я не могъ—клянусь Аллахомъ!—воздержаться и набросился на эту розбайю и наѣлся ею досыта. Потомъ я вытеръ руки, но позабылъ умытъ ихъ...

Послѣ этого я всталъ и оставался неподвиженъ до наступленія ночи. И когда надвинулась ночь, зажгли свѣтильники и выпустили пѣвицъ и музыкантшъ и принялись наряжать новобрачную, и каждый разъ на ней были другіе наряды; и каждый разъ, когда она въ новомъ нарядѣ обходила залу, каждый изъ приглашенныхъ клалъ золотую монету на поднось, который несли за нею по обычаю. И весь дворецъ былъ наполненъ толпой приглашенныхъ, и такъ продолжалось до самаго конца ночи. И, наконецъ, я вошелъ въ брачную комнату, и ко мнѣ привели новобрачную, и прислужницы сняли съ нея всѣ одежды и удалились.

И когда я увидѣлъ ее совершенно нагой, и мы остались одни на нашемъ ложѣ, я схватилъ ее въ свои объятія, и я еще не могъ вѣрить тому, что она, дѣйствительно, принадлежитъ мнѣ. Но въ эту минуту она ощутила запахъ отъ моей руки, которой я ѣлъ розбайю, и лишь только она почувствовала этотъ запахъ, она испустила громкій крикъ. И на этотъ крикъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались прислужницы, въ то время, какъ я дрожалъ отъ волненія и не понималъ причины всего этого. И прислужницы сказали:—О сестра наша, что случилось съ тобою? И она отвѣчала имъ:—О, избавьте меня поскорѣй отъ этого глупаго человѣка, котораго я считала благовоспитаннымъ! И я сказалъ ей:—И въ чемъ же видишь ты мою глупость или безуміе? И она сказала:—О безумный! Какъ могъ ты ѣсть розбайю и не умытъ послѣ этого твоихъ рукъ! И теперь я, клянусь Аллахомъ, не желаю больше тебя потому, что считаю тебя безразсуднымъ, а твой поступокъ дурнымъ и преступнымъ! И при этихъ словахъ она схватила палку лежавшую возлѣ нея, и принялась наносить мнѣ имъ удары по спинѣ и бедрамъ, и такъ жестоко и въ такомъ количествѣ, что я лишился сознанія. Тогда она остановилась и сказала прислужницамъ:—Возьмите его и отведите его къ правителю города, и пусть ему отрубятъ ту руку, которой онъ ѣлъ розбайю и которую не умылъ послѣ этого. Но при этихъ словахъ я пришелъ въ себя и воскликнулъ:—Нѣтъ приѣзжница и силы внѣ Аллаха Всемогущаго! О, неужели же я долженъ лишиться руки только изъ-за того, что ѣлъ этой рукой розбайю и потомъ не умылъ ея? И было ли на свѣтѣ что-либо подобное этому? Тогда прислужницы заступились за меня передъ нею и сказали ей:—О сестра наша, не наказывай его на этотъ разъ за его проступокъ! Умоляемъ тебя, прости его! Тогда она сказала:—Хорошо, я на этотъ разъ не лишу его руки, но все-таки я должна отрѣзать у него какія-нибудь изъ его конечностей. Потомъ она выпла и оставила меня одного.

И вотъ я оставался одинъ въ теченіе десяти дней и все это время не видалъ ея. И по истеченіи этихъ десяти дней она пришла ко мнѣ и сказала мнѣ:—О, ты съ лицомъ чернымъ, какъ ночь¹! Неужели же я такъ мало

¹ Очень употребительное выраженіе; оно означаетъ, что кто-нибудь не блисталъ въ исполненіи какого-либо дѣйствія. Наоборотъ, когда говорятъ—какое бѣлое у тебя лицо, это означаетъ, что тотъ сдѣлалъ свое дѣло блестяще и въ честь себя.

значу въ твоихъ глазахъ, что ты могъ ѣсть розбайю и не умыть послѣ этого своихъ рукъ! Потомъ она позвала своихъ служанокъ и сказала имъ:—Свяжите ему руки и ноги! И мнѣ связали руки и ноги. Тогда она взяла хорошо отточенную бритву и отрѣзала мнѣ большіе пальцы на рукахъ и на ногахъ. И вотъ причина того, о вы, присутствующіе тутъ, что у меня нѣтъ большихъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ.

Что касается меня, то я лишился сознанія. Тогда она посыпала мои раны порошкомъ ароматическаго растенія, и кровь тотчасъ же остановилась, и я подумалъ въ глубинѣ моей души и потомъ повторилъ вслухъ:—Если мнѣ когда-нибудь придется ѣсть розбайю, то обязуюсь умыть послѣ этого руки сорокъ разъ поташомъ, сорокъ разъ содой и сорокъ разъ мыломъ! Услыхавъ эти слова, она заставила меня поклясться въ томъ, что я сдержу это обѣщаніе и никогда не буду ѣсть розбайи, не исполнивъ въ точности моего обязательства.

И вотъ, когда всѣ вы, собравшіеся тутъ, настойчиво убѣждали меня поѣсть этого блюда розбайи, я измѣнился въ лицѣ и пожелтѣлъ и сказалъ въ душѣ:—Вотъ эта самая розбайя была причиной того, что я лишился моихъ большихъ пальцевъ! И когда вы потребовали, чтобы я отвѣдалъ ее, я долженъ былъ, чтобы не измѣнить моей клятвѣ, сдѣлать то, что я сдѣлалъ!

Тогда я, о царь вѣковъ,—продолжалъ поставщикъ, который разсказывать эту исторію—тогда я сказалъ молодому багдадскому купцу, въ то время, какъ всѣ присутствующіе внимали намъ:—Но что же было дальше съ тобою и твоей женою? И онъ сказалъ:

—Когда я произнесъ передъ нею мою клятву, сердце ея смягчилось ко мнѣ, и она простила меня. И тогда я взялъ ее и легъ спать съ нею. И мы долгое время прожили такимъ образомъ вмѣстѣ. И вотъ однажды она сказала мнѣ:—Ты долженъ знать, что никто во дворцѣ калифа не знаетъ о случившемся между мною и тобою! И никто до тебя не могъ проникнуть въ этотъ дворецъ. И тебѣ удалось это только благодаря милости нашей госпожи Зобейды. Вслѣдъ затѣмъ она вручила мнѣ пятьдесятъ тысячъ золотыхъ динаріевъ и сказала мнѣ:—Возьми эти деньги и купи для насъ большой и красивый домъ, чтобы мы могли жить въ немъ вмѣстѣ.

И я вышелъ и купилъ великолѣпный большой домъ. Потомъ я перенесъ въ него всѣ богатства моей жены и всѣ подарки, полученные ею, и всѣ драгоцѣнности, и дорогія ткани, и великолѣпную мебель, и разныя другія вещи. И я размѣстилъ все это въ домѣ, который я приобрѣлъ для насъ. И мы поселились въ немъ и жили очень счастливо.

Но черезъ годъ, по волѣ Аллаха, жена моя умерла. И я не взялъ другой жены и пожелалъ странствовать. И тогда я продалъ все мое имущество и уѣхалъ изъ Багдада; и я взялъ съ собой всѣ свои деньги и странствовалъ по разнымъ землямъ, пока не прибылъ въ этотъ городъ.

И такова, о царь временъ,—продолжалъ поставщикъ,—исторія, разсказанная мнѣ молодымъ купцомъ изъ Багдада. И всѣ мы, приглашенные, продолжали ѣсть и пить, и потомъ всѣ разошлись по своимъ домамъ.

И вотъ, когда я вышелъ оттуда, со мною приключилась эта непріятность съ горбуномъ. И случилось то, что случилось!

И такова моя исторія! И я убѣжденъ въ томъ, что она еще болѣе удивительна, чѣмъ приключеніе съ горбуномъ!

Уассаламъ! ¹

Тогда царь Китая сказалъ:—Ты ошибаешься! Твоя исторія далеко не такъ необычайна, какъ приключеніе съ горбуномъ; наоборотъ, приключеніе

¹ Формула, произносимая при прощаніи и уходѣ; означаетъ: да будетъ миръ съ тобою!

съ горбуномъ гораздо болѣе достойно удивленія, чѣмъ все это. И теперь ужъ медлить нечего: я прикажу распять всѣхъ васъ до послѣдняго!

Но въ эту минуту выступилъ впередъ еврей-врачъ и поцѣловалъ землю между руками царя и сказалъ:—О, царь временъ, теперь я разскажу тебѣ исторію, безъ сомнѣнія, болѣе достойную удивленія, чѣмъ все, что ты слышалъ здѣсь и даже болѣе удивительную, чѣмъ приключеніе съ горбуномъ!

И царь Китая сказалъ ему:—Ну, выкладывай все скорѣе, потому что я не могу болѣе ждать!

И врачъ-еврей сказалъ:

Разсказъ врача-еврея.

— Исторія, которую я разскажу тебѣ, о царь вѣковъ, составляетъ самое удивительное событіе въ моей жизни, и случилась она въ дни моей юности!

Я изучалъ въ то время врачебное искусство и науки въ городѣ Дамаскѣ. И когда я вполнѣ изучилъ свою искусство, я началъ заниматься практикой и зарабатывать ею свой хлѣбъ.

И вотъ однажды, въ одинъ день среди другихъ дней, ко мнѣ пришелъ рабъ изъ дома правителя Дамаска и пригласилъ меня послѣдовать за нимъ; и онъ повелъ меня въ домъ правителя. И тутъ, по срединѣ большой залы, я увидѣлъ ложе изъ мрамора съ золотыми украшеніями, и на этомъ ложѣ лежалъ больной. Это былъ юноша несравненной красоты, подобную которой трудно было встрѣтить среди людей того времени. И я сталъ у его изголовья и пожелалъ ему здоровья и скорого исцѣленія. Но въ отвѣтъ на это онъ сдѣлалъ лишь какіе-то знаки глазами. И я сказалъ ему:—О господинъ мой, дай мнѣ свою руку! Тогда онъ протянулъ мнѣ свою лѣвую руку, что чрезвычайно удивило меня; и я сказалъ себѣ:—Аллахъ! Какая удивительная вещь! Вотъ юноша, который, кажется, благовоспитанъ и занимаетъ высокое положеніе. И при всемъ томъ онъ крайне неучтивъ! Поистинѣ, это странно! Однако, это не помѣшало мнѣ пощупать пульсъ больного и прописать ему рецептъ. И съ этого дня я продолжалъ навѣщать его въ теченіе десяти дней, къ концу которыхъ къ нему стали возвращаться силы, и онъ могъ уже встать. Тогда я предписалъ ему пойти въ гаммамъ и принять ванну, и послѣ этого вернуться домой и отдохнуть.

И правитель Дамаска, желая выразить мнѣ свою благодарность, подарилъ мнѣ богатую почетную одежду и назначилъ меня врачомъ при своей особѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ врачомъ дамасской больницы. Что касается молодого человѣка, который во все время своей болѣзни продолжалъ протягивать мнѣ лѣвую руку, то однажды онъ попросилъ меня проводить его въ гаммамъ, который приготовили въ этотъ день для него, не допуская туда никого изъ постороннихъ посѣтителей. И когда мы пришли въ гаммамъ, то слуги подошли къ молодому человѣку и помогли ему раздѣться и взяли его одежду и принесли ему новую. И когда молодой человѣкъ остался голымъ, я увидѣлъ, что у него нѣтъ правой руки. При видѣ этого я былъ чрезвычайно удивленъ и огорченъ, и мое удивленіе еще возросло, когда я увидѣлъ на всемъ его тѣлѣ слѣды отъ ударовъ розгами. Тогда молодой человѣкъ обернулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ:—О врачъ вѣка, не удивляйся нисколько тому, что видишь меня въ такомъ состояніи, потому что я рѣшился сообщить тебѣ причину моего несчастія, и ты услышишь совершенно необычайную исторію. Но я не могу приступить къ этому, пока мы не выйдемъ изъ гаммама.

И когда мы вышли изъ гаммама и пришли домой, мы присѣли, имѣя въ виду отдохнуть и потомъ приступить къ ѣдѣ и разговорамъ. И молодой

человѣкъ сказалъ мнѣ:—Не предпочитаешь ли ты подняться въ верхнюю залу? И я сказалъ ему:—Да, конечно! Тогда онъ приказалъ слугамъ зажечь намъ на вертелѣ ягненка и подать его затѣмъ наверхъ, куда поднялись и мы. И рабы не замедлили принести намъ зажареннаго ягненка и разныхъ фруктовъ. И мы принялись ѣсть, и онъ все время ѣлъ лѣвой рукой. Тогда я сказалъ ему:—Теперь расскажи мнѣ эту исторію! И онъ отвѣчалъ мнѣ:—О врачъ вѣка, я сейчасъ расскажу ее тебѣ. Итакъ, слушай.

— Знай, что я родомъ изъ города Моссула, гдѣ семья моя принадлежитъ къ самымъ знатымъ въ городѣ. Мой отецъ былъ однимъ изъ десяти дѣтей, которыхъ дѣдъ мой оставилъ послѣ себя, и онъ былъ старшій между братьями; и мой отецъ, и всѣ мои дяди ко времени смерти дѣда были уже женаты. Но только онъ одинъ имѣлъ ребенка—и это былъ я; что же касается его братьевъ, то ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. И потому я росъ, окруженный любовью моихъ дядей, которые не чаяли души во мнѣ и радовались, глядя на меня.

Однажды, когда я былъ съ моимъ отцомъ въ Моссульской мечети, чтобы сотворить молитву пятницы, я увидѣлъ, что по окончаніи молитвы всѣ вышли изъ мечети, и въ ней остались только мой отецъ и мои дяди, которые также были тамъ. И всѣ они ушли на большую циновку, и я сѣлъ съ ними. И они вступили въ собесѣдованіе, и разговоръ перешелъ на путешествія и на разныя чудеса далекихъ странъ и большихъ городовъ. Но больше всего говорили о городѣ Каирѣ и объ Египтѣ. И дяди мои стали передавать удивительные рассказы путешественниковъ, которые говорили, что нѣтъ на свѣтѣ страны прекраснѣе Египта, и нѣтъ рѣки болѣе чудесной, чѣмъ рѣка Нилъ. И вотъ почему поэты воспѣваютъ Египетъ и его Нилъ, и поэты имѣли право воскликнуть:

И именемъ тебя Аллаха заклинаю
Сказать родному Нилу моему.
Что утолить Евфратъ не въ силахъ жажды.
Которая измучила меня.

И вотъ дяди мои принялись перечислять всѣ чудеса Египта и его рѣки, и съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, что когда они умолкли и разошлись, я остался совершенно потрясенный слышаннымъ; и душа моя не могла болѣе оторваться отъ всего того, что рассказывали они объ этой чудесной странѣ. И когда я возвратился домой, я не могъ заснуть всю ночь, и потерялъ аппетитъ и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить.

И вотъ черезъ нѣсколько дней я узналъ, что дяди мои готовятся отбыть въ Египетъ, и я началъ умолять моего отца, чтобы онъ отпустилъ меня съ ними, и я такъ горько плакалъ, что онъ, наконецъ, согласился и даже купилъ мнѣ разныхъ товаровъ, чтобы я могъ торговать ими. Однако, онъ просилъ моихъ дядей не брать меня въ Египетъ, а оставить меня въ Дамаскѣ, гдѣ я долженъ былъ сбыть всѣ мои товары. И я простился съ отцомъ и присоединился къ моимъ дядямъ, и мы всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Моссула.

И ѣхали мы такимъ образомъ до Алеппа, гдѣ мы остановились на нѣсколько дней, а оттуда отправились по дорогѣ въ Дамаскъ, и скорѣй прибыли въ этотъ городъ.

И мы увидѣли, что этотъ городъ, Дамаскъ, былъ мѣстомъ совершенно укрытымъ посреди садовъ, и проточныхъ водъ и деревьевъ, и изобилуетъ множествомъ плодовъ и птицъ. И это былъ настоящій рай, полный отрады, но чего въ немъ было болѣе всего—это плодовъ превосходнаго вкуса и всевозможныхъ видовъ.

Мы устроились въ одномъ изъ кагановъ; и мои дяди оставались въ Дамаскѣ, пока они не распродали всѣхъ своихъ товаровъ, привезенныхъ изъ Моссула, и не накупили товаровъ дамасскихъ для торговли ими въ Каирѣ; и они продали также и мои товары, и такъ выгодно, что каждая драхма стоимости моихъ товаровъ принесла мнѣ пять драхмъ серебра. И я очень этому обрадовался. И послѣ этого мои дяди оставили меня одного въ Дамаскѣ и продолжали свой путь по направленію къ Египту.

И же остался въ Дамаскѣ и нанялъ для себя великолѣпный домъ, и никакой языкъ не могъ бы перечислить всѣхъ его прелестей. И я платилъ за него два золотыхъ динарія въ мѣсяцъ. Но это еще далеко не все. Я началъ широко тратить деньги и удовлетворялъ всѣмъ моимъ прихотямъ и не отказывалъ себѣ въ самыхъ изысканныхъ блюдахъ и напиткахъ. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не изстратилъ всѣхъ денегъ, которыя были у меня.

И вотъ однажды, когда я присѣлъ у дверей моего дома, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, ко мнѣ подошла молодая дѣвушка очень богато одѣтая и превосходившая своимъ изяществомъ все, что мнѣ приходилось видѣть въ жизни. И я вскочилъ съ мѣста и пригласилъ ее почтить мой домъ своимъ присутствіемъ. И она не заставила долго просить себя и любезно согласилась и вошла въ мой домъ. Тогда я заперъ за нами дверь и въ восторгѣ схватилъ ее и перенесъ на своихъ рукахъ въ большую залу. Тамъ она сбросила свою чадру и показалась мнѣ во всей своей красѣ. И я былъ такъ очарованъ ея прелестями, что влюбился въ нее до безумія.

И я тотчасъ же побѣжалъ за скатертью и уставилъ ее самыми сытными блюдами и самыми отборными плодами и всѣмъ тѣмъ, что повелѣвалъ мнѣ мой долгъ для такого случая. И мы начали ѣсть и потомъ забавлялись и послѣ этого приняли пить, пока, наконецъ, не опьянѣли совершенно. И тогда я взялъ ее и легъ съ нею, и ночь, которую я провелъ съ нею до самаго утра, безъ сомнѣнія, лучшая въ моей жизни. И я захотѣлъ выказать свою щедрость и предложилъ ей утромъ десять золотыхъ динаріевъ. Но она отказалась отъ нихъ и поклялась, что никогда не приметъ отъ меня чего бы то ни было. Потомъ она сказала мнѣ:—Впрочемъ, знай, милый мой, что черезъ три дня, при наступленіи сумерекъ, я опять приду къ тебѣ, и ты долженъ ждать меня. И такъ какъ я сама напрашиваюсь къ тебѣ, то я не хочу вводить тебя въ расходы. Вотъ возьми эти деньги и приготовь намъ угощеніе такое же, какъ было теперь. И съ этими словами она протянула мнѣ десять золотыхъ динаріевъ и заставила меня принять ихъ; и потомъ она простилась со мною и удалилась, унося съ собою весь мой разумъ. И черезъ три дня, какъ она обѣщала мнѣ, она опять пришла ко мнѣ; и на этотъ разъ она была одѣта еще богаче и лучше прежняго, и человѣческій языкъ не можетъ выразить красоту тканей ея одежды, затканыхъ золотомъ и шелками. Съ своей стороны я приготовилъ все, что было нужно, и по истинѣ не пожалѣлъ ничего. И мы принялись ѣсть и пить, какъ въ тотъ разъ, и потомъ мы легли вмѣстѣ и такъ продолжалось до самаго утра. И она обѣщала мнѣ, что она возвратится опять черезъ три дня. И дѣйствительно она исполнила свое обѣщаніе, и я съ своей стороны принялъ ее со всѣми почестями, которыя слѣдовало ей оказывать. Тогда она сказала мнѣ:—О дорогой господинъ мой, скажи, находишь ли ты меня красивой? И я отвѣчалъ:—О да, конечно, клянусь Аллахомъ! И она сказала мнѣ:—Въ такомъ случаѣ я могу попросить у тебя позволенія привести сюда съ собою молодую дѣвушку, которая еще красивѣе и моложе меня, и она позабавится съ нами, и мы можемъ посмѣяться и повеселиться всѣ вмѣстѣ. И знай, что она сама просила меня взять ее съ собою, чтобы мы могли всѣ трое отдаться играмъ и забавамъ. И я съ большимъ удоволь-

ствиемъ далъ свое согласіе, и на этотъ разъ она дала мнѣ двадцать золотыхъ динаріевъ и просила меня приготовить все, какъ слѣдуетъ, чтобы достойно принять ее и другую молодую дѣвушку, ея подругу. Потомъ она простилась со мною и удалилась.

И вотъ на четвертый день я по обыкновенію занялся приготовленіями и не щадилъ денегъ, заботясь лишь о томъ, чтобы достойно встрѣтить новую гостью. И какъ только зашло солнце, я увидѣлъ мою подругу въ сопровожденіи другой молодой женщины, закутанной въ большое покрывало. И онѣ вошли и сѣли. И я, охваченный радостью, всталъ и зажегъ свѣильники и предоставилъ себя въ распоряженіе молодыхъ дѣвушекъ. Тогда онѣ сняли съ себя свои покрывала, и я могъ рассмотреть новую молодую дѣвушку. О Аллахъ, Аллахъ! Она была, какъ луна во время полнолунія; и я подумалъ про себя, что она гораздо красивѣе всего, что мои глаза видѣли до этой минуты! И я началъ суетиться и прислуживать имъ и принесть подносы, уставленные кушаньями и напитками; и онѣ начали ѣсть и пить, а я между тѣмъ обнималъ новую молодую женщину и наполнялъ виномъ ея кубокъ, и пилъ съ нею. Но это возбудило ревность первой молодой дѣвушки, хотя она и старалась не показывать этого и даже сказала мнѣ: — Аллахъ свидѣтель, эта молодая женщина по истинѣ очаровательна! И развѣ ты не находишь, что она гораздо красивѣе меня? И я отвѣчалъ простодушно: — Да, дѣйствительно, это вѣрно! Тогда она сказала мнѣ: — Ну, такъ возьми ее и ложись съ нею! Я буду очень рада этому. Я отвѣчалъ ей: — Повинуюсь твоимъ приказаніямъ и буду хранить ихъ въ моей головѣ и въ моихъ глазахъ! Тогда она поднялась и сама приготовила намъ постель и уложила насъ. И я прижалъ къ себѣ свою новую подругу и обладалъ ею до самаго утра.

Но когда я на другой день проснулся, я увидѣлъ, что рука моя вся въ крови; и я подумалъ, что еще продолжаю грезить, и началъ протирать глаза, чтобы провѣрить себя; и я убѣдился, что это не сонъ. И такъ какъ было уже совсѣмъ свѣтло, я хотѣлъ разбудить молодую дѣвушку, которая еще спала, и тихонько прикоснулся къ ея головѣ. Но въ тотъ же мигъ голова ея отдѣлилась отъ туловища и скатилась на полъ.

Ревность первой молодой дѣвушки сдѣлала свое дѣло!

И, не зная, что предпринять, я цѣлый часъ предавался размысленію; потомъ я рѣшилъ встать, раздѣться и выкопать яму въ той самой залѣ, въ которой мы находились. И я долженъ былъ для этого поднять мраморныя плиты и потомъ началъ копать землю и сдѣлалъ довольно большую яму, въ которую тотчасъ же опустилъ тѣло молодой дѣвушки; потомъ я засыпалъ эту яму землею и положилъ мраморныя плиты на прежнее мѣсто и привелъ все въ прежній видъ.

Сдѣлавъ все это, я одѣлся, взялъ всѣ оставшіяся у меня деньги и вышелъ и отправился къ хозяину моего дома и уплатилъ ему наемныя деньги за цѣлый годъ впередъ и при этомъ сказалъ ему: — Я сейчасъ же долженъ отправиться въ Египетъ, гдѣ ожидаютъ меня братья моего отца. И послѣ этого я уѣхалъ.

Когда я прибылъ въ Каиръ, я засталъ тамъ моихъ дядей, и они очень обрадовались, увидѣвъ меня, и спросили о причинѣ моего пріѣзда въ Египетъ. И я отвѣчалъ имъ: — У меня было сильное желаніе повидаться съ вами, и я боялся, что въ Дамаскѣ я растрачу всѣ свои деньги. Тогда они пригласили меня поселиться у нихъ, и я принялъ ихъ приглашеніе. И я оставался съ ними цѣлый годъ. И я развлекался и ѣлъ и пилъ и осматривалъ достопримѣчательности города и любовался Ниломъ и веселился всѣми способами. Но, къ несчастію, къ концу года, дяди мои распродали всѣ свои товары и выручили всѣ свои деньги и стали подумывать о возвращеніи въ Моссулъ. Но я не хотѣлъ сопутствовать имъ и скрылся, чтобы избѣжать

ихъ. И они уѣхали безъ меня, говоря:—Вѣроятно, онъ уѣхалъ въ Дамаскъ раньше насъ, чтобы приготовить для насъ квартиру, потому что онъ хорошо знаетъ этотъ городъ.

Послѣ ихъ отъѣзда я опять началъ тратить и проѣдать деньги и провелъ такимъ образомъ въ Каирѣ еще три года; и каждый годъ я аккуратно посылалъ наемную плату владѣльцу моего дома въ Дамаскъ. И въ концѣ этихъ трехъ лѣтъ, у меня уже осталось денегъ не болѣе того, сколько нужно было на дорогу, и такъ какъ я томился скукой и бездѣліемъ, то я и рѣшилъ вернуться въ Дамаскъ.

И вотъ я уѣхалъ и прибылъ въ Дамаскъ; и я пришелъ въ мой домъ, и у порога его я былъ радостно встрѣченъ владѣльцемъ дома, который привѣтствовалъ меня и передалъ мнѣ ключи отъ моего дома и показалъ мнѣ, что замокъ, запечатанный моей печатью, оставался нетронутымъ. И я вошелъ въ домъ и увидѣлъ, что всѣ вещи, дѣйствительно, находились на тѣхъ же мѣстахъ, на какихъ были оставлены мною.

И прежде всего я принялся мыть полъ, чтобы уничтожить всякіе слѣды крови молодой женщины, убитой своей ревнивой подругой; и тогда только я успокоился и направился къ постели, чтобы отдохнуть отъ усталости. Но когда я приподнялъ подушку, желая поправить ее, я увидѣлъ подъ нею золотое ожерелье, и на немъ — три ряда превосходныхъ жемчужинъ. Это было ожерелье молодой женщины, и она положила его подъ подушку въ то время, когда мы предавались забавамъ. И при этомъ воспоминаніи я залился горькими слезами, оплакивая смерть этой молодой дѣвушки. Потомъ я взялъ ожерелье и заботливо спряталъ его подъ подкладку моей одежды.

И вотъ, отдохнувъ три дня въ моемъ домѣ, я вздумалъ отправиться на базаръ, рассчитывая отыскать какія-нибудь занятія или встрѣтить кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ. Но въ книгѣ судебъ было предначертано, что я поддамся искушенію Шейтана, ибо судьба каждаго живущаго должна свершиться. И, дѣйствительно, у меня вдругъ явилось желаніе избавиться отъ золотого ожерелья, украшеннаго жемчугомъ, и продать его на базарѣ. И вотъ я досталъ его изъ подъ подкладки моей одежды и показалъ его одному изъ наиболѣе извѣстныхъ маклеровъ на базарѣ. И маклеръ пригласилъ меня посидѣть въ его лавочкѣ, и когда наступилъ самый разгаръ дѣлъ на базарѣ, онъ взялъ у меня ожерелье и отправился предложить его купцамъ и своимъ кліентамъ, а меня попросилъ подождать до его возвращенія. И черезъ часъ онъ возвратился и сказалъ мнѣ: — Я думалъ, что это ожерелье изъ чистаго золота и настоящаго жемчуга, и что оно стоитъ не менѣе тысячи динаріевъ. Но я ошибся. Оно поддѣльное. И сдѣлано оно на подобіе издѣлій франковъ, которые умѣютъ поддѣлывать золото и жемчугъ и драгоценные камни. И покупатели на базарѣ даютъ мнѣ за него только тысячу драхмъ вмѣсто тысячи динаріевъ.

Тогда я сказалъ ему: — Да, дѣйствительно, ты правъ. Это ожерелье поддѣльное. Я заказалъ его только для того, чтобы пошутиться надъ одной женщиной, которой я подарилъ его. И по удивительной прихоти судьбы эта женщина умерла и завѣщала его моей женѣ. И вотъ мы рѣшили продать его по какой угодно цѣнѣ! Возьми же его и продай по той цѣнѣ, о которой ты говорилъ мнѣ, и принеси мнѣ эту тысячу драхмъ!

Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Шахрезада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла.

А когда наступила

двадцать восьмая ночь,

она продолжала:

— Мнѣ довелось слышать, о счастливый царь, что врачъ-еврей продолжалъ свой рассказъ такими словами:

Когда молодой человѣкъ сказалъ маклеру: — Ты можешь продать это ожерелье за тысячу драхмъ, маклеръ понялъ, что молодой человѣкъ не знаетъ цѣны ожерелью, и рѣшилъ, что онъ укралъ или нашелъ его, и что необходимо разъяснить это дѣло. И вотъ онъ взялъ ожерелье и понесъ его къ главному маклеру базара, который взялъ у него ожерелье и отправился къ городскому вали, и сказалъ ему: — Вотъ это ожерелье было украдено у меня! И теперь мы нашли вора. Это молодой человѣкъ, одѣтый, какъ сыновья купцовъ, и онъ находится тамъ-то, у такого-то маклера.

И вотъ, въ то время, какъ я ждалъ возвращенія маклера, который долженъ былъ принести мнѣ деньги, я увидѣлъ себя окруженнымъ стражей, и меня схватили и повели силой къ вали. И вали началъ допрашивать меня относительно ожерелья, и я рассказалъ ему ту же исторію, которую я рассказалъ маклеру. Тогда вали засмѣялся и сказалъ мнѣ: — Вотъ я покажу тебѣ настоящую цѣну этого ожерелья! И онъ сдѣлалъ знакъ своимъ людямъ, которые схватили меня и сняли съ меня мою одежду и осыпали меня ударами розогъ и палокъ, пока все тѣло мое не покрылось кровавыми рубцами. Тогда я, изнемогая отъ боли, воскликнулъ: — Я скажу всю правду! Да, я укралъ это ожерелье у главнаго маклера! И я рѣшилъ въ душѣ, что все-таки лучше признать это, чѣмъ рассказать ужасную исторію убійства молодой дѣвушки въ моемъ домѣ. Ибо я не сомнѣвался въ томъ, что меня приговорили бы къ смерти и умертвили бы такимъ же точно способомъ, въ искупленіе этого убійства.

Но какъ только я сознался въ этой кражѣ, меня схватили, и мнѣ отрѣзали кисть правой руки въ наказаніе за кражу, и потомъ опустили мою руку въ кипящее масло, чтобы прижечь рану. И я отъ боли лишился чувствъ. И мнѣ дали выпить чего-то, и я пришелъ въ себя. Тогда я взялъ отрѣзанную руку и вернулся въ свой домъ.

Когда я прибылъ въ мой домъ, владѣлецъ его, который уже узналъ о случившемся, встрѣтилъ меня со словами: — Съ той минуты, какъ ты сознался въ томъ, что ты виновенъ въ воровствѣ и другихъ недозволительныхъ поступкахъ, я не могу скрывать тебя въ моемъ домѣ. Бери же свои вещи и ищи себѣ другое жилище! И я отвѣчалъ ему: — О господинъ мой, прошу тебя, дай мнѣ два или три дня сроку, чтобы я имѣлъ время найти себѣ другое мѣсто жительства! И онъ сказалъ мнѣ: — Хорошо, я даю тебѣ этотъ срокъ! После этого онъ оставилъ меня и вышелъ.

Что же касается меня, то я бросился на землю и заплакалъ и такъ говорилъ самъ себѣ: — Какъ могу я возвратиться теперь въ Моссулъ, мою страну, и встрѣтиться со своими родными съ этой отрѣзанной рукой! И мои родные не повѣрятъ мнѣ, когда я буду говорить имъ, что я невиновенъ! И такъ, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ предать себя волѣ Аллаха, который одинъ только можетъ дать мнѣ средства для моего спасенія!

Наконецъ, боль и печаль, которыя не прекращались у меня, довели меня до болѣзни, и я не могъ пойти искать себѣ другой домъ. И вотъ, когда я лежалъ такъ уже третій день, я увидѣлъ, что мой домъ вдругъ наполнился людьми верховнаго правителя Дамаска, и что ко мнѣ приближается владѣлецъ дома и главный маклеръ. И владѣлецъ дома сказалъ мнѣ: — Я долженъ сказать тебѣ, что вали увѣдомилъ правителя о кражѣ этого ожерелья. И теперь обнаружилось, что это ожерелье принадлежало въ дѣйствительности не главному маклеру, но самому правителю или одной изъ его дочерей, и что оно исчезло вотъ уже три года тому назадъ! И теперь эти люди пришли, чтобы взять тебя!

При этихъ словахъ начали дрожать всѣ мои суставы и всѣ члены, и я подумалъ:—Ну, теперь не можетъ быть никакой надежды; меня, конечно, предадутъ смерти. Лучше ужъ я расскажу правителю всю правду. И онъ одинъ пусть будетъ судьей моей жизни и смерти! И меня уже схватили и связали и представили, съ цѣпью на шеѣ, передъ правителемъ, и оставили меня между его рукъ, меня и главного маклера. И правитель сказалъ своимъ людямъ, указывая на меня:—Этотъ молодой человѣкъ, котораго вы привели, не воръ, и его рука отрѣзана несправедливо, я увѣренъ въ этомъ! Что же касается этого главного маклера, то онъ обманщикъ и ложный обвинитель! Возьмите же его и бросьте въ тюрьму! Послѣ этого правитель сказалъ главному маклеру:—Ты долженъ немедленно же вознаградить этого молодого человѣка за его отрѣзанную руку, иначе я тебя повѣшу и конфискую все твое состояніе и всѣ твои богатства, о маклеръ проклятія! И онъ закричалъ, обращаясь къ стражѣ: — Уберите его долой съ моихъ глазъ, и уходите всѣ отсюда! И тогда въ залѣ не осталось никого, кромѣ правителя и меня. Но на моей шеѣ уже не было желѣзнаго ошейника, и мои руки были развязаны.

И вотъ, когда мы остались одни, правитель посмотрѣлъ на меня съ большимъ состраданіемъ и сказалъ мнѣ: — Душа моя, ты можешь теперь говорить со мною совершенно искренно и передать мнѣ всю правду безъ всякой утайки. Расскажи же мнѣ, какъ это ожерелье попало въ твои руки. И я отвѣчалъ:—О господинъ мой и повелитель, я скажу тебѣ всю правду! И я рассказалъ ему все, что произошло у меня съ первой дѣвушкой, и какъ она сама нашла для меня и привела ко мнѣ вторую дѣвушку, и какъ, наконецъ, охваченная ревностью, она убила свою подругу. И я рассказалъ ему все это во всѣхъ подробностяхъ.

И, слушая мои слова, правитель отъ скорби и печали склонилъ свою голову на грудь, и закрылъ платкомъ свое лицо, и долгое время плакалъ. Потомъ онъ приблизился ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

— Знай, о дитя мое, что первая молодая дѣвушка—моя родная дочь. Съ самаго дѣтства она предавалась разврату, и по этой причинѣ я держалъ ее въ большой строгости. И лишь только возмужала она, я поспѣшилъ отдать ее въ замужество, и съ этой цѣлью я послалъ ее въ Каиръ, къ ея дядѣ, моему брату, чтобы онъ соединилъ ее съ однимъ изъ моихъ племянниковъ, ея двоюродныхъ братьевъ. Но она не преминула воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Египтѣ, чтобы перенять отъ египтянъ всѣ ихъ пороки, всю ихъ испорченность и всѣ виды разврата. И ты самъ знаешь, такъ какъ ты былъ въ Египтѣ, какъ искусны въ распутствѣ женщины этой страны. Имъ уже не достаточно мужчинъ, и онѣ влюбляются и сходятся одна съ другою, и онѣ пьянствуютъ и губятъ себя. И вотъ, лишь только она вернулась сюда, она познакомилась съ тобою, и отдалась тебѣ, и была у тебя четыре раза подрядъ.

Но это уже не удовлетворяло ея, и такъ какъ она уже успѣла развратить мою вторую дочь, ея сестру, и заставила ее страстно полюбить себя, ей было не трудно убѣдить сестру прійти къ тебѣ, послѣ того, какъ она рассказала ей все, что она дѣлала съ тобою. И моя вторая доча попросила у меня разрѣшенія пойти вмѣстѣ съ сестрою на базаръ, и я пѣзволить ей это. И случилось то, что случилось! И вотъ, когда моя старшая дочь возвратилась безъ своей сестры, я спросилъ у нея, гдѣ ея сестра. Она не отвѣтила мнѣ и только плакала, и, наконецъ, вся въ слезахъ, сказала:—Я потеряла ее на базарѣ, и я совершенно не знаю, что стало съ нею! Вотъ что сказала она мнѣ. Но вскорѣ она открылась своей матери и, наконецъ, рассказала ей всю исторію, и смерть ея сестры, убитой собственной ея рукою въ твоемъ домѣ. И съ этихъ поръ она постоянно въ слезахъ и

не перестаетъ повторять днемъ и ночью: — Я должна плакать до самой смерти! Что же касается твоихъ словъ, о дитя мое, то они еще болѣе утвердили меня въ томъ, что это произошло въ дѣйствительности, и я убѣдился, что все рассказанное тобою—правда. Ты видишь теперь, сынъ мой, какъ я несчастенъ! И у меня есть одно желаніе и одна просьба къ тебѣ, и ты, надѣюсь, не откажешь мнѣ въ ней. Я горячо желаю сдѣлать тебя членомъ своей семьи и дать тебѣ въ жены мою третью дочь; она молодая дѣвушка скромная, чистая и невинная, и не имѣетъ ни одного изъ пороковъ своей сестры. И я не потребую у тебя за нее никакого выкупа; наоборотъ, я самъ щедро вознагражу тебя, и ты останешься у меня, въ моемъ домѣ, и будешь у меня на правахъ родного сына!

Тогда я отвѣчалъ ему:—Да будетъ по твоему желанію, о господинъ мой! Но не сейчасъ, такъ я какъ узналъ недавно, что мой отецъ умеръ, и я желалъ бы прежде послать кого-нибудь принять его наслѣдство.

И тогда правитель послать гонца въ Моссуль, мой родной городъ, чтобы отъ моего имени принять наслѣдство, оставленное моимъ отцомъ. И я дѣйствительно вступилъ въ бракъ съ дочерью правителя; и съ тѣхъ поръ наша жизнь полна радости и счастья.

И ты самъ, о врачъ, можешь убѣдиться собственными своими глазами, какъ меня любятъ и почитаютъ въ этомъ домѣ. И ты не поставишь мнѣ въ вину ту неутивость, которую я показывать по отношенію къ тебѣ во время моей болѣзни, подавая тебѣ лѣвую руку, такъ какъ правая моя рука отрѣзана!

Что же касается меня,—продолжалъ врачъ-еврей,—то я былъ крайне удивленъ всею этою исторіей, и я поздравилъ молодого человѣка съ тѣмъ, что онъ благополучно вышелъ изъ этого приключенія. И онъ осыпалъ меня подарками, и три дня удерживалъ меня возлѣ себя во дворцѣ, и потомъ отослать меня нагруженнымъ сокровищами и богатствами.

И вотъ я отправился странствовать по свѣту, чтобы еще болѣе усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ. И такимъ образомъ я прибылъ въ твое царствѣ, о могущественный и великодушный царь! И въ послѣднюю ночь у меня случилось это происшествіе, очень непріятное, съ горбуномъ! И такова моя исторія!

Тогда царь Китая сказалъ:—Эта исторія поистинѣ очень занимательна! Но ты заблуждаешься, о врачъ! Она не настолько изумительна, и не настолько достойна удивленія, какъ это приключеніе съ горбуномъ. И мнѣ не оселется ничего болѣе, какъ повѣсить всѣхъ васъ четверыхъ, и главнымъ образомъ этого злосчастнаго портного, который и есть причина и начало всего преступленія!

Притихъ словахъ портной выступилъ между рукъ царя Китая и сказалъ: О преславный царь, прежде чѣмъ повѣсить насъ, позволь говорить такъ и мнѣ, и я расскажу тебѣ исторію, которая одна содержитъ въ себѣ гордо болѣе необыкновеннаго, чѣмъ всѣ эти исторіи, взятая вмѣстѣ, и преводить своими чудесами даже исторію самого горбуна!

Царь Китая сказалъ ему:—Если это правда, я прощаю всѣхъ васъ! Но горбѣ, если ты мнѣ расскажешь исторію менѣе интересную и лишенную чего-нибудь поразительнаго. Потому что я не задумаюсь посадить васъ на колъ, тебя и трехъ твоихъ товарищей, и всѣ вы будете мало-по-малу проткнуты отъ низа и до самого верха!

Тогда портной сказалъ:

Разсказъ портного.

Знай, о царь временъ, что до моего приключенія съ горбуномъ я былъ приглашенъ въ одинъ домъ, гдѣ былъ пиръ въ честь главныхъ членовъ цеховъ нашего города: портныхъ, сапожниковъ, торговцевъ тканями, цирюльниковъ, плотниковъ и другихъ.

Это было рано утромъ. И съ самаго утра мы сѣли въ кругъ, чтобы приступить къ первому блюду, и ждали только хозяина дома, когда онъ вошелъ въ сопровожденіи молодого человѣка, красиваго, стройнаго и пріятнаго, одѣтаго по модѣ, принятой въ Багдадѣ. И онъ былъ такъ красивъ, какъ только можно было желать этого, и такъ хорошо одѣтъ, какъ только можно вообразить. Но этотъ юноша сильно хромалъ. И вотъ, когда онъ подошелъ къ намъ, онъ пожелалъ намъ мира, и всѣ мы встали, чтобы отдать ему его поклонъ. Потомъ мы снова усѣлись, и онъ собирался сѣсть съ нами, какъ вдругъ мы замѣтили, что онъ измѣнился въ лицѣ и попятился назадъ, собираясь удалиться. Тогда всѣ мы вмѣстѣ съ хозяиномъ дома приложили всѣ наши усилія, чтобы удержать его, и хозяинъ дома началъ убѣждать и просить его и сказалъ ему:—По истинѣ, мы не понимаемъ, что случилось. И мы просимъ тебя, объясни намъ, по крайней мѣрѣ, что заславляетъ тебя бѣжать отъ насъ!

И юноша сказалъ ему:—Именемъ Аллаха, о господинъ, умоляю тебя, не удерживай меня, ибо здѣсь, между твоими приглашенными, находится человѣкъ, присутствіе котораго вынуждаетъ меня удалиться. И этотъ человѣкъ—тотъ цирюльникъ, который сидитъ здѣсь вмѣстѣ съ другими!

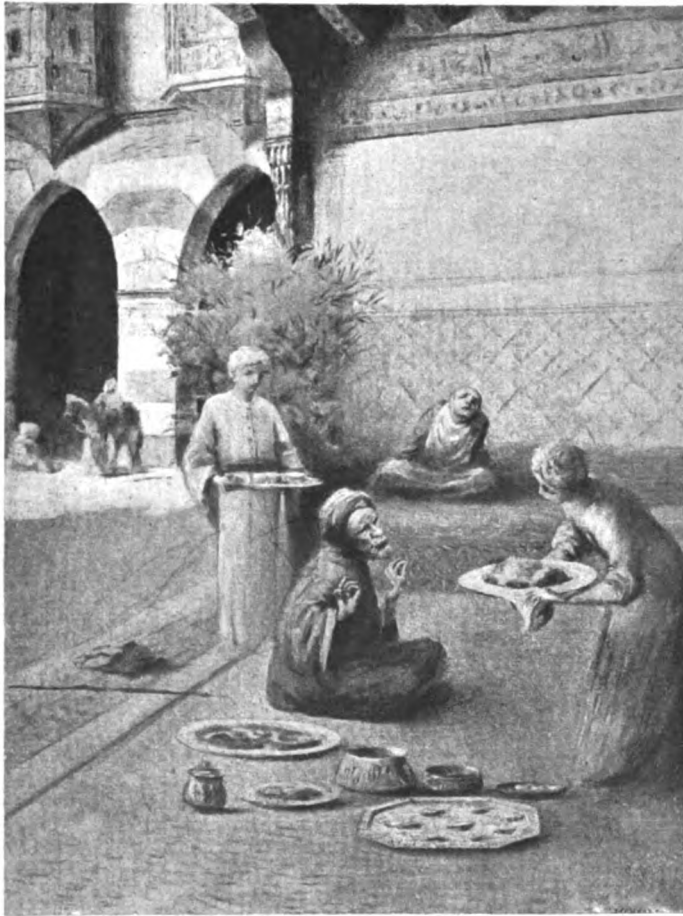
При этихъ словахъ хозяинъ дома чрезвычайно удивился и сказалъ намъ:—Какимъ образомъ присутствіе этого цирюльника могло смутить этого юношу, только-что прибывшаго изъ Багдада? Тогда всѣ мы, приглашенные, обратились къ молодому человѣку и сказали ему:—Умоляемъ тебя, расскажи намъ причину твоего отвращенія къ этому цирюльнику? И онъ отвѣчалъ намъ:—О господа, этотъ цирюльникъ съ лицомъ, какъ бы покрытымъ смолою, и съ душою изъ горной смолы, былъ причиной удивительнаго приключенія, случившагося со мною въ Багдадѣ, моемъ городѣ, и онъ, этотъ проклятый цирюльникъ, былъ также причиной моей хромоты. И я поклялся, что никогда не буду жить въ томъ городѣ, гдѣ живетъ этотъ цирюльникъ, и никогда не присяду къ тому мѣсту, у котораго онъ сидитъ. И вотъ что заставило меня бросить Багдадъ, мой родной городъ, и пріѣхать въ эту отдаленную страну. И я опять нахожу его тутъ! И потому я долженъ удалиться, и сегодня вечеромъ я уже буду далеко за предѣлами этого города и избавлюсь отъ вида этого человѣка, который былъ причиной моего несчастія.

Слушая эти слова, цирюльникъ пожелтѣлъ въ лицѣ и опустил глаза и не произнесъ ни слова. Тогда мы всѣ начали убѣждать молодого человѣка, и такъ долго убѣждали его, пока онъ не согласился рассказать намъ свою исторію:

Разсказъ хромотаго юноши о приключеніи его съ цирюльникомъ

(переданный съ его словъ портнымъ).

-- Знайте, о вы, здѣсь присутствующіе, что я родился отъ отца, который былъ однимъ изъ главныхъ купцовъ Багдада и что, по волѣ Аллаха, у отца моего не было другихъ дѣтей кромѣ меня. Отецъ мой, хотя и былъ человѣкъ богатый и всѣми въ городѣ почитаемый, велъ дома жизнь тихую,

... И оставивъ большую часть моей головы небритой, цирюльникъ присѣлъ на полъ и сталъ перебирать находившіяся въ ящикѣ благо-
вонія и эссенціи, ладанъ, мускусъ, амбру и кусочки дерева алоэ; и онъ
нюхалъ одно за другимъ такъ степенно и медленно, что моя душа отъ
нетерпѣнія едва не разсталась съ тѣломъ.

(Рассказъ портиго).

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ II

(АПРѢЛЬ — МАЙ — ЮНЬ 1902 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

(Годъ шестой. — Т. XX-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1902 г. по 31-е декабря 1902 г.) 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р., за границу 8 р.; полугодовая 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 3 р., за границу 5 р. За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній 28 к., иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній 50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 1 до 2 ч. по полудни). Телефонъ 2327.

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений, редакция не принимаетъ на себя отвѣтственности.

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ:

Картины В. Орловскаго.

На веленовой бумагѣ. Цѣна 2 руб., пересылка 50 коп.

Картины Г. Семирадскаго.

На слоновой бумагѣ. Цѣна 2 руб. 50 коп., пересылка—50 коп.

НАШИ ХУДОЖНИКИ

(живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія.

Биографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній. Въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. Въ двухъ томахъ.

Болѣе 750 фототипическихъ и автотипическихъ снимковъ. Въ изданіи «Наши художники» помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности 757 художниковъ.

Цѣна за оба тома 17 руб., съ пересылкой 18 руб. Отдѣльно первый томъ (А—К) 10 руб., съ пересылкой—11 руб.; 2 томъ (Л—Я)—12 руб., съ пересылкой—13 руб. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы» цѣна за оба тома—12 руб., съ пересылкой—13 руб.

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССИИ

въ картинахъ В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

16 фотогравюръ съ описаніемъ ихъ самимъ художникомъ (въ форматѣ изданій О. И. Булгакова «Мейсонъ»; «Альма Тадема»; «Кнаусъ» и «Менцель»).

Цѣна 4 руб., съ пересылкой—4 руб. 50 коп. За экземпляръ въ изящномъ переплетѣ добавляется 75 коп. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресующихся въ редакцію его, уступка 10% съ 4 руб. и пересылка бесплатно. Съ начоженнымъ платежемъ не высылается.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. II.

АПРѢЛЬ 1902 г.

№ 4.

СОДЕРЖАНИЕ. СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ:

	СТРАН.		СТРАН.
I. Христосъ. (Лиліенкрона). Стихотвореніе Корнѣя Михайленко. (Съ вин.).	1	X. Жены Гейнца Арнольда. Романъ Тон фонъ-Ромъ. Съ рис. Каспари. (Съ нѣмецкаго перевода Е. В. Кившенко). (Гл. I и II).	38
II. Чего хочетъ современная живопись. (Т. Рихарда Мутера. (Съ вин.).	2	XI. В. А. Жуковский и его переводы. (Къ его юбилею). (Съ его портретомъ). М. Н. Мазаева	45
III. Погоня за планетой. Ст. проф. Джорджа Форбса. (Съ 8 илл.).	6	XII. Св. жены у гроба Господня. Съ картины Ванъ Эйка	50
IV. Весна. (На мотивъ Арманъ д'Артоа). Стихотвореніе И. Гриневской.	12	XIII. Торговое нашествіе американцевъ на Европу. Франка Вандерлиппъ. (Съ 2 вин.).	51
V. Калифорнскій рассказъ. Марка Твена. (Съ вин.).	13	XIV. Поэты мысли (Фридрихъ Нитцше). (IV гл.). А. М. Бобрищевъ-Пушкина. (Съ вин.).	60
VI. Неразумныя дѣвы. (Съ вин. и 3 рис.).	17	XV. Разговоры объ искусствѣ, В. М. Гента. (Съ виньетк.).	65
VII. На нивѣ. Набросокъ изъ Галицкой народной жизни Захарія Костенко. (Переводъ съ украинскаго—автора).	21	XVI. Изъ дѣйствительной жизни. Рассказы Конанъ Дойля. (Съ иллюстраціями). (III. Дѣло объ убійствѣ госпожи Эмслей). (Съ 8 илл.).	69
VIII. Признаки обновленія. (Изъ беллетристическихъ отраженій польской современности). К. Е. Храмовича	26	XVII. Призраки ночи. (Ризаля). Стихотвореніе К. Михайленко. (Съ испанскаго).	76
IX. Любовь и смерть. (Р. Киплингъ). Стихотвореніе Е. М. Студенской.	32	XVIII. О паукахъ. (Съ 11 илл.).	77

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА.

25 статей и замѣтокъ съ иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 82). 81—140

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Въ переводѣ прозой П. И. Вейнберга. Съ новѣйшими иллюстраціями	49— 64
Плутархъ XIX вѣка. (Новый томъ). Знаменитые люди XIX вѣка въ біографіяхъ и портретахъ. Вып. IV-й: Эмиль Дю-Буа-Реймондъ (съ портр.), Александръ Дюма-Отецъ (съ портр.), Людвигъ Кошутъ (съ портр.), Адольфъ Вастіанъ (съ портр.), Вильгельмъ Рентгенъ (съ портр.), Августъ Стриндбергъ (съ портр.), Робертъ Гамерлингъ (съ портр.), Альфредъ Нобель (съ портр.).	49— 64
Представители человечества. Сочиненіе Эмерсона. (Съ портретомъ автора).	1— 16
Дидро и Екатерина II. Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро. Съ подстрочнымъ текстомъ и примѣчаніями Мориса Турнѣ. Въ переводѣ К. К. Толстого	49— 64
Post-Scriptum моей жизни. Посмертное произведеніе Виктора Гюго. Съ французскаго.	33— 48

НОВѢЙШІЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАССКАЗЫ.

Погоня. Повѣсть Марка Твена. (Съ англійскаго. Въ 2-хъ частяхъ.	1— 32
Вѣчный городъ. Романъ Холль Кэйна (Hall Caine). Съ англійскаго перевода К. К. Толстого.	97—128
Маленькіе рассказы. Фильмеръ. Уэльса. — Записки деревенскаго врача. Анатоля Франса. (Съ французскаго Е. В.).	1— 16

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тысяча и Одна Ночь. Арабскіе рассказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ, съ пояснительными примѣчаніями и репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда. Выпускъ IV-й: Рассказы 28—38 ночей. Съ 2 рисунками на отдѣльномъ листѣ	193—256
--	---------

Доволено цензурою 29 марта 1902 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ө. И. Булгаковъ.**

ВЕНЕРА и АПОЛЛОНЪ

ВЪ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЪ.

(два исконныхъ идеала красоты женской и мужской).

40 фотографуръ in-folio. Съ наилучшихъ произведеній 35 знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи Возрожденія. Пояснительный текстъ съ описаніемъ картинъ и скульптурныхъ произведеній и съ біографіями ихъ авторовъ напечатанъ отдѣльной книгой со множествомъ виньетокъ.

Цѣна 18 руб.; съ пересылкой—20 руб.; цѣна изящной папки—2 руб., съ пересылкой—2 руб. 50 коп.

Подписчики «Новаго Журнала Иностранной Литературы» пользуются уступкой 10% съ 18 руб.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ

и его произведенія (60-лѣтіе художественной славы).

(Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4).

Цѣна—6 руб., съ пересылкой—6 руб. 50 коп.: за изящную папку добавляется 50 коп., а за роскошный переплетъ—1 руб. 50 коп. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресуемыхъ непосредственно въ редакцію его, уступка 10%, а для иногороднихъ пересылка бесплатно. Съ налогомъ платѣжъ не высылается.

Музыка въ XIX вѣкѣ

ВОКАЛЬНАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ.

40 музыкальныхъ пьесъ, избранныхъ подъ наблюденіемъ профессоровъ С.-Петербургской консерваторіи: фортепіанной музыки—С. А. Малоземовой и пѣнія—Н. А. Ирецкой. Съ очеркомъ исторіи музыки XIX вѣка. Съ портретами 35 знаменитыхъ композиторовъ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.; за изящный переплетъ добавляется 75 коп.

НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

для дѣтей средняго и старшаго возраста З. Н. Булгаковой и В. А. Даниловой.

Съ рисунками А. Д. Кившенко, Е. Я. Крыжицкаго, О. Ө. Штейна и др.
Цѣна 1 руб., въ папкѣ—1 руб. 25 коп.; въ роскошномъ переплетѣ—1 руб. 60 коп.; пересылка—25 коп.

Одобрено учеными комитетами М-ва Народн. Просв. и Вѣдомства Императрицы Маріи для ученическихъ и народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ

Эдуарда Лабулэ.

Первый полный переводъ съ франц. Е. Г. Бартеновой, М. Л. Лихтенштадтъ и С. С. Миримановой.

Цѣна 1 руб. 75 коп., пересылка—35 коп.

Адресоваться: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9, Редакція «Новаго Журнала Иностранной Литературы».

АПРѢЛЬ.

ХРИСТОСЪ.

(Датлова-фонъ-Лилленкрана).

Онъ—воплощённая любовь
И проливаетъ вѣчно кровь
За мѣръ здосчастный весь:
Среди предѣловъ, чуждыхъ намъ,
Онъ въ небесахъ далекихъ—тамъ
Страдаетъ, какъ и здѣсь!
Гдѣ бы ни попрали Божества
Завѣтъ живыхъ существъ,—
Готовъ изъ-вѣка-въ-вѣкъ,
Дать на распятіе себя
Для искупленья ихъ, любя,
Самъ Богочеловѣкъ:
Такъ воскресаетъ вѣчно вновь
Святая чистая любовь!

Корнѣй Михайленко.

Тѣтъ десять тому назадъ было очень легко отвѣтить на этотъ вопросъ. Тогда на всѣхъ выставкахъ пульсировала новая свѣжая жизнь нашего времени. Послѣ того, какъ три поколѣнія художниковъ упражнялись подъ началомъ старыхъ мастеровъ, была, наконецъ, разрушена эта власть галлерейныхъ тоновъ и приемовъ, свобода для живыхъ была отвоевана отъ великихъ покойниковъ, и созданъ новый стиль для новыхъ предметовъ и понятій. Слѣдовательно, искусство означало тогда прославление прекраснаго настоящаго. Если же въ видѣ исключенія пробуждались какія-нибудь метафизическія потребности, то и такимъ сюжетамъ придавались натуралистическія формы. Въ наши дни за этимъ прославленіемъ дѣйствительности послѣдовало отклоненіе отъ настоящаго. Изъ сѣрой, будничной жизни мечты начали уноситься въ далекую страну красоты. Греція и прежній міръ романтизма вновь становятся обѣтованной землею, излюбленной родиной души художника. Даже при трактовкѣ реальныхъ сюжетовъ замѣтна эта перемѣна художественнаго маршрута. Прежде современная картина желала быть только простой передачей дѣйствительности. Сегодня она приближается къ религиознымъ картинамъ. Посредствомъ возврата къ формъ

триптиха и къ стройнымъ монументальнымъ линіямъ стремятся достигнуть библейски-торжественнаго дѣйствія. Пейзажи были прежде только снимками съ какой-нибудь частицы природы, находящейся подъ вліяніемъ извѣстнаго освѣщенія. Теперь же пейзажъ выказываетъ менѣе стремленія отражать дѣйствительный міръ, а скорѣе желаетъ отдалить, скрыть отъ насъ этотъ міръ. Теперь всѣхъ вводятъ въ священные рощи и веселыя равнины, гдѣ царствуетъ міръ первыхъ дней творенія. Посреди этой допотопной, доисторической дѣйственной природы отдыхаютъ люди, которые не принадлежатъ нашему времени, да и вообще ни къ какому времени или эпохѣ; они просто воплощеніе настроенія, такъ сказать, «жесты» пейзажа. Портреты прежде хотѣли быть только моментальными снимками и стремились поймать, подмѣтить мимолетныя душевныя или тѣлесныя движенія. Теперь изображаютъ людей въ неподвижныхъ, какъ-бы застывшихъ позахъ, избирая для этого или господствовавшее въ искусствѣ эпохи Кватрочентистовъ профильное положеніе, или же хорошо извѣстное попроизведеніямъ византийскаго искусства фасовое положеніе, придающее этимъ портретамъ торжественное одеревѣніе.

Самыя разнообразныя объясненія и названія придумывались для этих наступивших переменъ въ искусствѣ. Сперва заговорили о неопацизмѣ или неоромантизмѣ, и въ этомъ была доля истины. Импрессионизмъ оставлялъ неудовлетворенными нѣкоторыя душевныя потребности. Онъ думалъ вмѣстѣ съ Курбэ, что фантазія—ложь, и только видимая, осязаемая дѣйствительность единственно вѣрная муза. Документальнымъ сюжетамъ соответствовали и документальныя краски. Одинъ писалъ дневной свѣтъ, другой—искусственное освѣщеніе, третій передавалъ туманность сумерекъ. Но вѣдь божествами нашего времени являются солнце и луна, электричество и газъ. И развѣ наша внутренняя жизнь только иллюстрированная газета, развѣ нѣтъ формъ и красокъ болѣе возвышенныхъ и лучезарныхъ, чѣмъ тѣ, которыя намъ показываетъ повседневная жизнь? Импрессионисты не отвѣтили на эти вопросы, и вотъ почему ихъ картины не вносили удовольствія желанія тѣхъ, которые не хотѣли довольствоваться только передачей того, что доступно глазу, а жаждали иной возвышающейся надъ природою красоты.

Такая самоувѣренная и явившаяся плодомъ высокой культуры красота заключается въ произведеніяхъ старинныхъ мастеровъ. Импрессионизмъ, снявъ съ себя давящее иго этихъ знаменитыхъ предшественниковъ, гордился тѣмъ, что вмѣсто мертвыхъ повтореній породить новое, живое, самостоятельное искусство. Но совсѣмъ иное,—копировать ли «старыхъ», или тонко повнимающимъ и чувствующимъ любителемъ ходить по ихъ роскошнымъ садамъ. Не можемъ же мы надѣть на себя наглазники, чтобы не видѣть пропалаго. Вѣдь тысячи поколѣній художниковъ были до насъ. Черезъ посредство искусства воспринимаетъ мы жизнь. Вслѣдъ за самостоятельными творцами непременно слѣдуютъ производители, работа которыхъ не есть чистое творчество, а какъ бы эстетическое смакованіе, наслажденіе предшествовавшего стараго искусства. Это-то именно хотѣло обозначить и выразить слово «decadence», которое на-ряду съ обозначеніемъ неоромантизмъ пошло въ ходъ.

Но слово «decadence» какъ-бы вызываетъ представленіе или знаніе, что вслѣдъ за успешной тратой силъ послѣдовало внезапное бездѣйтельное утомленіе, даже истощеніе

силъ. Подобная дряхлость, однако, чужда нашей эпохѣ. Настоящій расцвѣтъ художественной промышленности, выдающееся положеніе, занимаемое теперь графическимъ искусствомъ, быстрое развитіе фресковой живописи и живописи по стеклу показываютъ, сколько новыхъ молодыхъ отпрысковъ пустило искусство, какъ много новой молодой жизни въ немъ зарождается. Все это показываетъ также, съ какой сознательной определенной силой и пониманіемъ цѣлей обратилось современное искусство къ задачамъ, которыхъ искусство предшествовавшего времени еще и не затрогивало. Тогда какъ-бы главнымъ центромъ, къ которому направлялись всѣ усилія художниковъ, было искусство для искусства, или вѣрнѣе, господствовала одна мольбертная живопись. Безвкусное новое или безцѣльное подражаніе старому царило въ художественной промышленности. Надо было вывести картину, т. е. мольбертную живопись изъ ея исключительности и дать ей достойное окружающее—само помѣщеніе должно было превратиться въ пропозитивное искусства. Это было только начало, за которыми послѣдовало слѣдующее дальнѣйшее. Художникъ завладеваетъ и сценой и модой. Уже не рядомъ съ жизнью будетъ идти искусство, а проникнетъ въ самую жизнь.

Графическое искусство даетъ то, чего не даетъ импрессионизмъ, который только заноситъ на холстъ вышнія явленія жизни. Онъ совсѣмъ забылъ или не принималъ во вниманіе душу съ ея страстными мечтами, съ ея боязнями и тревогами. Теперь искусство нищетъ и старается какъ бы отлить въ форму, отчеканить способъ выраженія для новыхъ ощущеній и чувствъ, которыя принесъ съ собою новый вѣкъ. И эта задача, какъ это бывало и прежде, выпала главнымъ образомъ на долю графическаго искусства, а не живописи. Импрессионизмъ освободилъ это искусство отъ барщины, которую оно долго несло, сдѣлало его самостоятельнымъ и способнымъ слѣдовать и повиноваться каждому штриху, каждому нажиму руки художника. И оно отплачиваетъ за это той пионерной службой, которую теперь несетъ. Всѣ выпускаемые современной душой лучи преломляются ярче, красочнѣе въ этой призмѣ, самое причудливое, самое мрачное принимаетъ формы въ этомъ искусствѣ, самыя сокровенныя, самыя тайныя волненія улавливаются имъ.

Возродившаяся деятельность въ области фресковой живописи и живописи по стеклу пробудила сознание и понимание общности всѣхъ искусствъ и представленіе о совокупномъ произведеніи искусства. Раньше архитектура и живопись шли отдѣльно другъ отъ друга и совершенно разными путями. XIX вѣкъ, такъ гордившійся своими настоящими стильными воспроизведеніями старинныхъ зданій, создалъ пугало какого-то декоративнаго искусства, которое, не обращая никакого вниманія на стиль зданія, переносило стиль живописи на фрески и окна. Настоящему времени стало только извѣстно— во Франціи и Англіи прежде всего— что языкъ линій и формъ извѣстнаго зданія опредѣляетъ и стиль картинъ. И въ Пантеонѣ и готическихъ церквахъ зародился въ фрескахъ этотъ новый языкъ красокъ и линій и, если онъ, покинувъ стѣны зданій, овладѣлъ и мольбертной живописью, то самъ импрессионизмъ подготовилъ и вызвалъ такую реакцію потому, что въ своемъ стремленіи передавать атмосферическія вліянія онъ отрекся отъ очертаній и контуровъ. «Священная красота линій» была ему чужда. Занятый своими свѣтовыми проблемами, импрессионизмъ не чувствовалъ особеннаго пристрастія къ чистой, спокойной краскѣ. Вотъ въ эту сторону и должно было направиться обратное движеніе: линія и спокойная красочная плоскость требовали и добились своихъ правъ.

Если прежде освѣщеніе опредѣляло краску, то теперь она подчиняется декоративнымъ цѣлямъ. Правда перестала быть камергономъ, теперь главное заключается въ гармоніи, въ свободномъ, симфоническомъ образованіи красочныхъ цѣнностей. И теперь къ музыкѣ линій прислушиваются съ такимъ же увлеченіемъ и восторгомъ, какъ прежде слѣдили за капризами освѣщенія— къ музыкѣ тѣхъ линій, какія обнаруживаетъ стиль готическихъ соборовъ. Теперь любятъ сіяніе святыхъ, которое, подобно зубчатому, лучеобразному вѣнцу, окружаетъ головы, волнистые женскіе волосы, развѣивающіяся лошадиныя гривы, ленты— завязки у шляпъ, обрамляющія причудливыми извилистыми линіями лица; линіи, перпендикулярно вырастающія изъ

нейзажа; стройныя прямыя свѣчи; лебедей съ вытянутыми неподвижными шеями, узкія, высокія, готическія зданія; скалы отвѣсно подымающіяся; злаки, фантастическія вьющіяся растенія и причудливыя сплетенія вѣтвистыхъ деревьевъ. Травы на лугахъ даютъ поводъ или мотивы для отвѣсно-подымающихся линій, морскія волны— для выпуклыхъ, спиральныхъ. Котловины, долины, извилистые заливы бороздятъ теперь причудливыми изогнутыми линіями землю. Толстыя отчетливыя линіи, точнѣе свинцовое обрамленіе стеколъ въ готическихъ окнахъ вырисовываютъ теперь очертанія, контуры образовъ. Даже дамскія моды повинуются и подражаютъ новому стилю искусства, потому что корсетъ Сильфиды, скрадывающій совершенно бедра, врядъ ли бы появился безъ росписныхъ оконъ Бёрнъ-Джонса. Стройныя эфебоподобныя дамы, появившіяся теперь въ нашей жизни, и прямолинейныя, тонкостволыя деревья на фрескахъ Пюли де Шаванна суть дѣти одного и того же періода вкуса.

Не заключается ли извѣстнаго рода манерность въ томъ, чтобы перенести безъ дальнѣйшаго разсужденія, какъ это дѣлаютъ теперь, въ мольбертную живопись стиль, пропешедшій отъ извѣстныхъ архитектурныхъ условій? Не скрываетъ ли въ себѣ направление, такъ сознательно насилующее природу, какъ наше современное, большую опасность? Уже теперь причудливая линія часто переходитъ въ механическій и подчасъ нелѣпый завитокъ, а прочувствованная краска въ грубый, рѣзкій разматевокъ. За этимъ искусствомъ, перерабатывающимъ искусственно природу, навѣрно скоро послѣдуетъ опять натурализація искусства. Но въ этихъ-то превращеніяхъ и измѣненіяхъ и заключается сущность исторіи искусствъ. Властелинъ или рабъ— вотъ вѣчно мѣняющееся отношеніе художника. И задача историка заключается не въ томъ, чтобы чувствовать себя или изображать изъ себя главнаго опекуна духа времени. Для него могутъ только служить мѣриломъ или руководствомъ слова Спиннозы: «Non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere» (Не смѣйся, не печалься и даже не отвращайся, а понимай).

ПОГОНЯ ЗА ПЛАНЕТОЮ.

ПРОФЕССОРА Джорджа Форбса.

(Отыскиваніе новой планеты такъ же увлекательно, какъ отыскиваніе клада. Последнее бывало основано на толкованіи знаковъ, поставленныхъ на какомъ-нибудь планѣ, или іероглифѣ. Основаніе для разысканія новой планеты носить тотъ же характеръ, и мы хотимъ сдѣлать попытку объяснить его понятнымъ языкомъ).

Большинство видимыхъ нами звѣздъ неподвижны относительно другъ друга. Но планеты Солнечной системы измѣняютъ свое положеніе относительно остальныхъ звѣздъ. Изученіе доказало, что онѣ всѣ вращаются вокругъ Солнца, какъ дѣйствительнаго центра, неизмѣнно находясь на одномъ и томъ же отъ него разстояніи (среднемъ).

Планеты Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ были извѣстны древ-

нимъ. Въ 1781 году Гершель, разсматривая въ телескопъ нѣкоторыя мелкія звѣзды, открылъ планету Уранъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ нѣмецкій астрономъ Боде вывелъ для планетныхъ разстояній законъ прогрессіи, указывавшій на то, что между Марсомъ и Юпитеромъ недостаетъ одной планеты.

Приводимую здѣсь таблицю доказывается этотъ законъ:

Меркурій.	Венера.	Земля.	Марсъ.	Недост. планета.	Юпитеръ.	Сатурнъ.	Уранъ.
4	4	4	4	4	4	4	4
0	3	6	12	24	48	96	192
4	7	10	16	28	52	100	196

Найдено, что, складывая обѣ цифры, получается очень точное разстояніе каждой планеты отъ Солнца. Разстояніе Юпитера

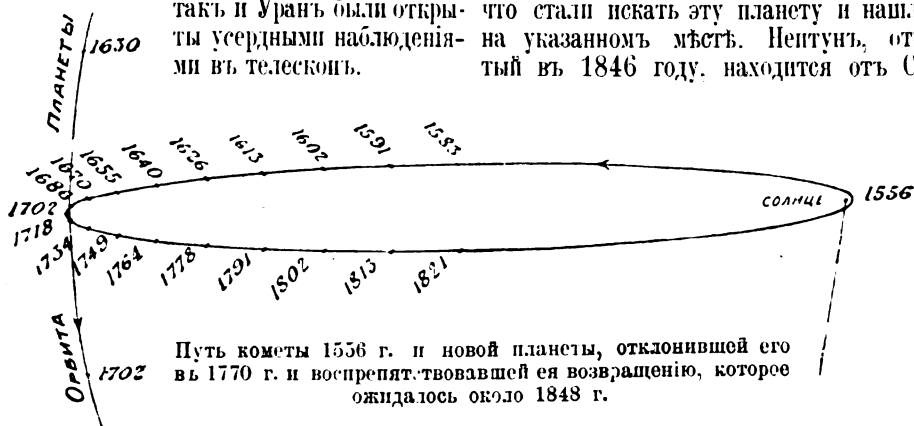
въ 5,2 разъ больше, чѣмъ разстояніе Земли; разстояніе Сатурна въ дѣйствительности въ 9,5 разъ больше, а Урана въ 19,2 разъ.

Благодаря этому эмпирическому правилу, астрономы были убеждены въ существованіи неизвѣстной планеты, которая должна была находиться на разстояніи въ 2,8 раза больше отъ Солнца, чѣмъ Земля. 1-го января 1801 года такую планету открылъ Пиацци; онъ замѣтилъ, что звѣзда, которую наблюдалъ Воластонъ, исчезла съ указаннаго мѣста, и, отыскивая ее, нашелъ другую, ежедневно мѣняющую свое мѣсто. Дальнѣйшія наблюденія привели къ открытію, на томъ же приблизительно разстояніи отъ Солнца, сотенъ подобныхъ мелкихъ планетъ, и съ каждымъ годомъ число ихъ растетъ. Онѣ называются астероидами или малыми планетами.

Предположеніе Боде относительно разстоянія отъ Солнца не много помогло въ дѣлѣ открытія этихъ планетъ, и мы можемъ сказать, что какъ астероиды, такъ и Уранъ были открыты усердными наблюденіями въ телескопъ.

и планету часто видѣли впереди или позади назначеннаго ей мѣста. Къ 1820 году ошибки умножились до такой степени, что явилось подозрѣніе въ существованіи неизвѣстной въ Солнечной системѣ планеты, которая своимъ притяженіемъ отклоняетъ Уранъ отъ его пути. Слѣдовательно, задача заключалась въ томъ, чтобы узнать величину и положеніе планеты, которая движется по орбитѣ, подвергается притяженію Солнца, и вліяніе которой на Уранъ во всякое данное время могло объяснить разницу между предсказаннымъ и наблюдаемымъ положеніемъ этой планеты.

Адамъ и Леверрье оба, независимо другъ отъ друга, открыли такимъ путемъ, благодаря самымъ труднымъ вычисленіямъ, новую планету Нептунъ. Они также нашли астрономовъ съ телескопами, настолько довѣрившихъ ихъ математическимъ знаніямъ, что стали искать эту планету и нашли ее на указанномъ мѣстѣ. Нептунъ, открытый въ 1846 году, находится отъ Солн-

Последняя, по времени открытія, большая планета—Нептунъ, и способы ея открытія были совершенно иные. Ея положеніе было определено чрезвычайно точно посредствомъ вычисленій. Разсказъ объ этомъ повторялся много разъ, а между тѣмъ онъ остается одною изъ прекраснѣйшихъ астрономическихъ повѣстей. Открытіе Нептуна произошло слѣдующимъ образомъ: послѣ многочисленныхъ наблюденій надъ Ураномъ астрономы вычислили и предсказали его будущія положенія на основаніи предположенія, что эта планета въ своемъ движеніи послушна притяженію Солнца (назначившаго ей определенную эллиптическую кривую, близкую къ кругу) и небольшимъ отклоненіямъ отъ притяженія уже извѣстныхъ планетъ. Но оказалось, что вычисленія не оправдывались наблюденіями,

на въ тридцать почти разъ далѣе, чѣмъ Земля.

Открытіе Нептуна—единственное, къ которому была приложена чистая математика. Но не слѣдуетъ думать, что такія знанія всегда необходимы для того, чтобы узнать разстояніе и даже приблизительное положеніе новой планеты. Уранъ является слабою поддержкою такой теоріи. Но если вы призовете на помощь цѣлую серію кометъ, которыя, подобно сыщикамъ Конана Дойля, исчезаютъ изъ вида, пробѣгаютъ за предѣлами Солнечной системы тысячи миллионныхъ миль, а затѣмъ возвращаются, появляются вновь и рассказываютъ вамъ, что онѣ видѣли, то легко сдѣлать выводы, какъ вы узнаете, если захотите потратить нѣсколько секундъ на изученіе языка кометъ, этихъ полезныхъ,

термѣливыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей. вѣстниковъ и сыщиковъ.

Кометы — блестящія звѣзды, крупныя экземпляры которыхъ имѣютъ густыя свѣтящіеся хвосты; иногда онѣ видимы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или недѣль между звѣздами, а затѣмъ исчезаютъ, продолжая свой невидимый путь, который астрономы могутъ вычислить и нанести на карту по наблюденіямъ, произведеннымъ въ продолженіе того короткаго періода, когда эти кометы видимы, и по извѣстнымъ законамъ тяготѣнія.

Большія кометы, съ блестящими хвостами, — ужасъ всѣхъ вѣковъ для суевѣрныхъ людей. — немногочисленны. Ихъ насчитывается, самое большее, съ полдюжины въ столѣтіе. Но ежегодно открываются телескопическія кометы, невидимыя для невооруженнаго глаза, и за послѣднее время была примѣнена фотографія съ цѣлью опредѣлить ихъ положеніе среди звѣздъ.

Планеты движутся, образуя приблизительно кругъ, въ центрѣ котораго находится Солнце.

Кометы же движутся по длинной эллиптической кривой, и Солнце находится около одного изъ концовъ этого эллипса. Онѣ невидимы до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ Солнцу на такое приблизительно разстояніе, на какомъ находится Земля и, чѣмъ ближе онѣ къ Солнцу, тѣмъ великолѣпнѣе ихъ блескъ. Но самое ихъ дальнее разстояніе отъ Солнца можетъ быть такъ велико, что, появившись на нѣкоторое время, онѣ могутъ уйти, какъ большинство изъ нихъ и дѣлаетъ, въ безконечное пространство, изъ котораго пришли, и больше никогда уже не быть видимыми.

Вѣроятно, есть множество невидимыхъ кометъ, обращающихся вокругъ Солнца и никогда не подходящихъ къ нему достаточно близко, чтобы стать свѣтящимися. Во всякое время такая комета можетъ быть отклонена отъ своего пути одною изъ планетъ такъ, что, при слѣдующемъ своемъ приближеніи къ Солнцу, она можетъ быть настолько близка къ нему, что будетъ свѣтиться и станетъ видимою кометою. Мы знаемъ, что въ

дѣствительности это часто случалось. Такимъ же образомъ кометы, которыя были видимы и должны были возвратиться, были настолько отклонены отъ своего пути какою-нибудь планетою, что, при слѣдующемъ своемъ приближеніи къ Солнцу, были слишкомъ далеки отъ него, чтобы свѣтиться, и такимъ образомъ ихъ никогда уже больше не наблюдали.

Теперь, желая узнать, какимъ образомъ можно пользоваться кометами, какъ изыскателями, нужно знать, на какое разстояніе онѣ отходятъ отъ Солнца. Съ этою цѣлью я прилагаю списокъ всѣхъ кометъ, самое большое разстояніе отъ Солнца которыхъ

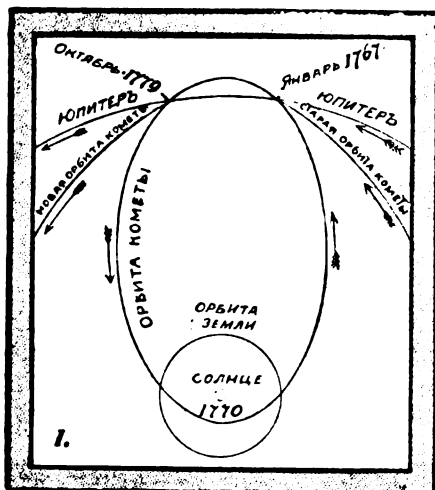
Комета 5-го мая 1901 г.

менѣе чѣмъ въ сорокъ разъ больше разстоянія Земли отъ Солнца ¹⁾.

Принявъ за единицу разстояніе Земли отъ Солнца, разстояніе кометъ будетъ, 4,1, 4,8 (5,0, 5,3, 5,5, 5,5, 5,6, 5,7, 5,7, 5,7, 6,0, 6,2) 7,8, (9,4, 11,0,) 17,0, 27,0, (32,0, 34,3, 34,0, 34,5, 35,0, 35,4).

Тутъ можно замѣтить группу кометъ, находящихся отъ Солнца на одинаковомъ разстояніи съ Юпитеромъ (5,2), двѣ на одною

¹⁾ Этотъ списокъ былъ составленъ другимъ лицомъ. Если бы орбиты кометъ были выбраны авторомъ этой статьи, то его могли бы заподозрѣть въ подтасовкѣ ради подтвержденія своихъ взглядовъ.

I.

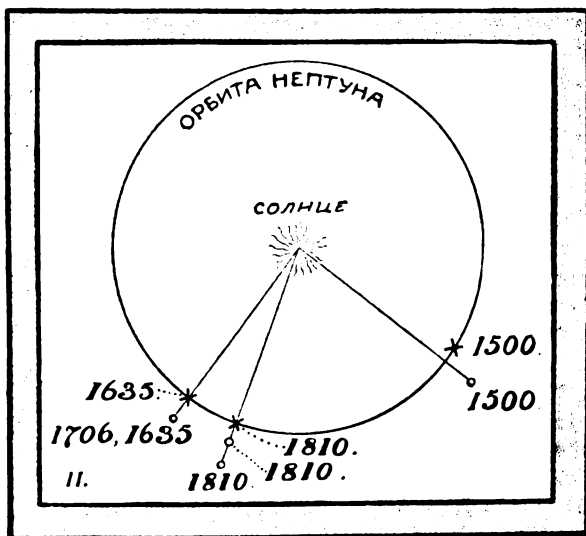
Орбита кометы Лекселя (1770 г.).
Указано дѣйствіе Юпитера на нее.

II.

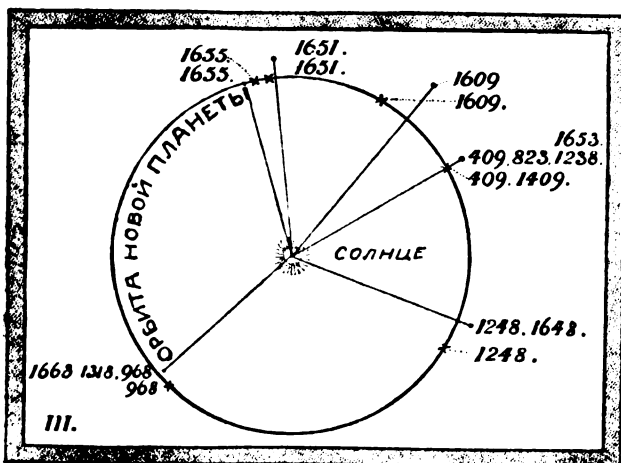
Планета Нептунъ, если предположить, что она неизвѣстна; положеніе ея показано крестиками въ обозначенныя даты. Кометы обозначены кружками въ тѣ же даты.

III.

Положеніе новой планеты обозначено въ указанныя даты. Кометы обозначены кружками въ тѣ же указанныя даты.

II.

III.

разстояніи съ Сатурномъ (10,0), одну приблизительно на такомъ же разстояніи, какъ Уранъ (19,0) и цѣлую серію находящихся немногимъ далѣе Нептуна (30,0).

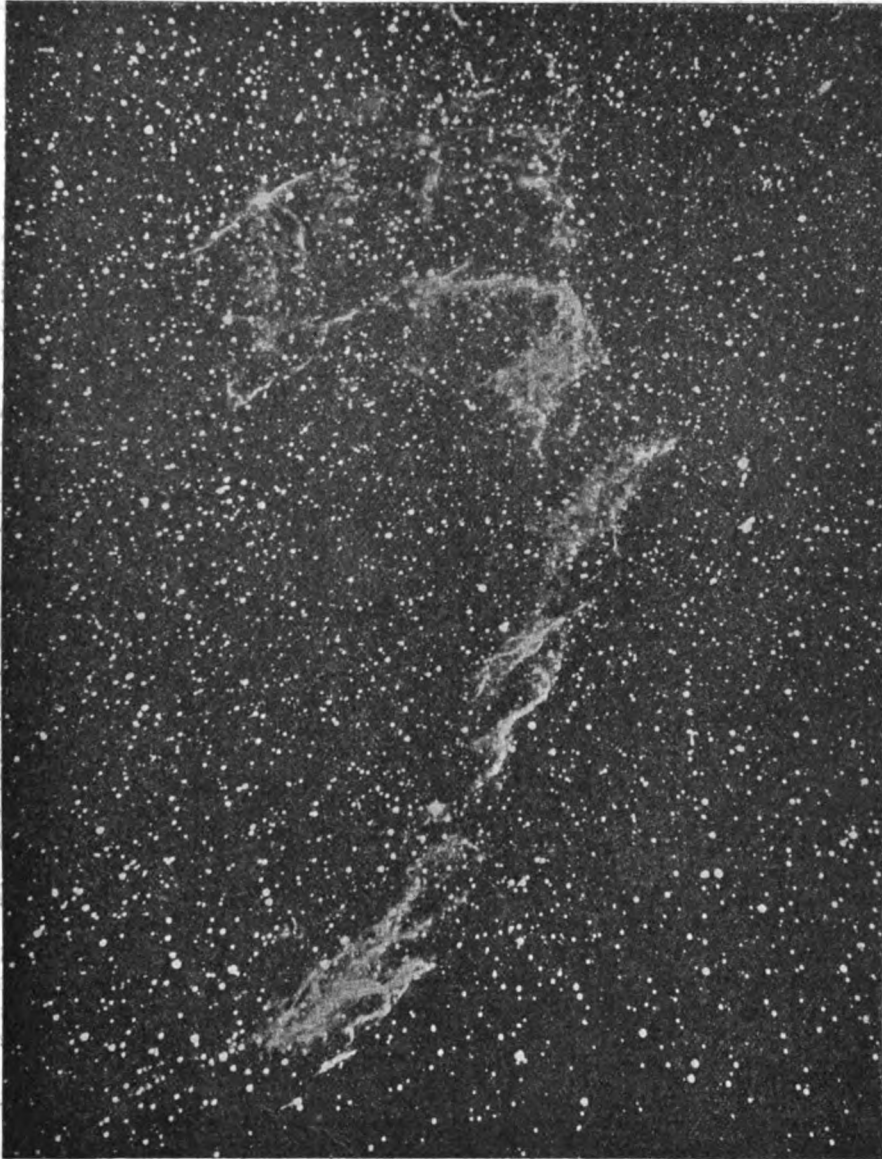
Если изъ этого мы выведемъ заключеніе, что тутъ есть соотношеніе, то мы будемъ согласны съ нѣкоторыми астрономами, которые составили теоріи объ орбитахъ кометъ и представили доказательства тому, что самое большое ихъ разстояніе отъ Солнца оказывается такое же, какъ разстояніе планетъ.

Теперь, продолжая списокъ кометъ, находящихся за орбитой Нептуна, получаемъ слѣдующія разстоянія: 49, 65, 75, (97, 100, 108, 110, 111, 111, 124), 181, 285, 304 и больше. Тутъ замѣтна очень опредѣ-

ленная группировка, заставляющая думать, что должна существовать большая планета, находящаяся во сто разъ далѣе отъ Солнца, чѣмъ Земля. Такой планетѣ потребовалось бы около тысячи лѣтъ, чтобы завершить свое обращеніе, и она находилась бы на разстояніи 9.200.000.000 миль отъ Солнца. Мы пришли къ такому заключенію на основаніи простыхъ фактовъ и цифръ. Когда кометы приближаются къ Солнцу, то

по какой-то причинѣ начинаютъ свѣтить и, благодаря ихъ сравнительной близости къ Землѣ, онѣ становятся видимыми на нѣсколь- ко недѣль. Тогда астрономы могутъ нанести

Оказывается, что эти разстоянія группиру- ются вмѣстѣ съ планетами, одна изъ группъ говоритъ намъ, что существуетъ неизвѣст- ная планета, находящаяся далеко за предѣ-

Звѣзды, сфотографированныя въ Дарамонѣ, въ обсерваторіи, гдѣ отыскивается новая планета при помощи фотографіи.

на карту ихъ путь, послушный притяженію Солнца, и опредѣлить дальнѣйшее разстояніе, съ какого онѣ появились, когда были невидимыми и на какое онѣ уйдутъ, исчезая.

лами извѣстной нынѣ части Солнечной системы. Языкъ кометъ - изыскательницъ. Прежде, чѣмъ прійти къ какому-нибудь за-

ключенію относительно новой планеты, о которой рассказываютъ намъ кометы, не лишне поучиться языку кометъ, и отъ нихъ мы узнаемъ, гдѣ находятся Юпитеръ и Нептунъ, не прибѣгая къ наблюденіямъ надъ мѣстопохожденіемъ этихъ планетъ.

1. Какъ найти Юпитеръ. На страницѣ 223 *Mécanique Céleste* Лапласа мы читаемъ, что комета Лекселя появлялась только однажды—въ 1770 году, и что она двигалась по орбитѣ, показанной въ діаграммѣ вмѣстѣ съ числами, въ какія она доходила до извѣстныхъ точекъ. Мы видимъ, что она обходила вокругъ Солнца въ продолженіе $5\frac{2}{3}$ лѣтъ и, кромѣ того, что она была видна въ 1770 году, ей слѣдовало быть видимой по крайней мѣрѣ въ 1765 г., въ такое время, когда положеніе Земли и Солнца допускало это. Слѣдовательно, до 1765 года она должна была двигаться по пути, который не приближалъ ее настолько къ Солнцу, чтобы она могла свѣтить, а между 1765 г. и 1770 г. какая-нибудь планета должна была пройти близко отъ нея и отклонила ея движеніе настолько, что она стала видна. Кромѣ того, эта близость планеты и кометы должна была имѣть мѣсто около 1767 года, когда комета находилась около самаго дальняго своего пункта отъ Солнца, когда оно движется медленно и легче подвергается дѣйствію притягиванія планеты.

Затѣмъ комета должна была еще свѣтить въ 1775 году, но въ то время Солнце находилось между нею и Землею, а потому ее не видно было. Но, если бы она продолжала идти по той же орбитѣ, то была бы снова видна въ 1781 году. Но она не была видна, и мы можемъ быть увѣрены, что планета снова находилась близъ нея, незадолго до 1781 г. Если въ оба эти года отклоненія комета находилась около своего самаго дальняго пункта отъ Солнца, то существуетъ законъ, опредѣляющій періодъ обращенія планеты на такомъ разстояніи и если, слѣдя этому закону, мы станемъ прикладывать различныя разстоянія планеты отъ Солнца, то найдемъ, что планета, находящаяся въ 5,2 разъ дальше отъ Солнца, чѣмъ Земля, совершитъ свое обращеніе въ 11,8 лѣтъ и будетъ находиться въ непосредственной близости къ кометѣ въ январѣ 1767 г. и въ октябрѣ 1779. Это даетъ намъ два положенія планеты и скорость ея движенія, которая мы ищемъ. Такимъ путемъ всякій

астрономъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка (предполагая, что ему не извѣстно о существованіи Юпитера) могъ бы, изучивъ комету Лекселя, направить свой телескопъ прямо на 1° и найти неизвѣстную ему планету Юпитеръ.

2. Какъ найти Нептунъ. Теперь, открывъ Юпитеръ по даннымъ доставленнымъ кометою, попробуемъ найти Нептунъ, и тутъ мы воспользуемся тѣмъ, что напечатано по этому предмету. Выше мы указали на шесть кометъ, которыя Нептунъ сдѣлалъ видимыми въ солнечной системѣ благодаря какому-то взаимному дѣйствію, когда онѣ находились на самомъ дальнемъ своемъ разстояніи отъ Солнца. Четыре изъ нихъ занимали это дальнее положеніе въ такіе промежутки, что планета, движущаяся со скоростью, соответствующею такому разстоянію отъ Солнца, занимала бы около того же времени тѣ же самыя положенія, какія занимали кометы. Это показано на діаграммѣ и въ 1880 г. было опубликовано, что, при такой скорости, планета должна была находиться въ томъ году на 45° долготы. Въ дѣйствительности же планета находилась на 48° . Это изумительно близкое совпаденіе въ цифрахъ —, принявъ въ соображеніе всѣ условія, — очень возможно, что такое совпаденіе болѣе близкое, чѣмъ могли ожидать. Все-таки оно внушаетъ намъ вѣру въ методъ, которымъ мы и воспользуемся, чтобы найти мѣсто новой планеты за орбитою Нептуна. Я думаю, что новая планета называется Викторією, но, конечно, чтобы дать ей это имя, надо прежде увидѣть ее.

3. Какъ найти новую планету. Для того, чтобы найти планету Викторію, я поступилъ точно такимъ же путемъ, какимъ мы выслѣдили Нептуна. Прилагаю совершенно однородную діаграмму, на которой показаны числа и положеніе кометъ и планеты.

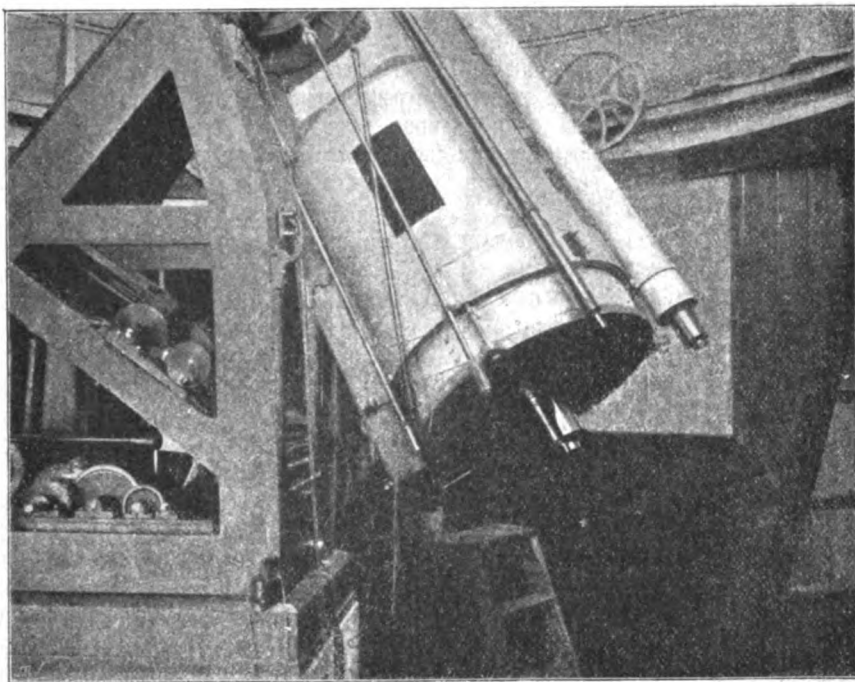
Для того, чтобы положеніе планеты совпало съ положеніемъ кометъ, мы должны предположить, что большая комета 1861 года была видна около 1446, 1031 и 616 годовъ. Крайне замѣчательно, что я нашелъ свѣдѣнія о кометахъ во всѣхъ этихъ годахъ и какъ разъ въ той части неба, въ какой слѣдовало ихъ ожидать, если они были предшествующими появленіями кометы 1861 года.

Съ 1880 года діаграмма была исправлена, но я счетъ лучшимъ не измѣнять ее для

этой статьи, въ которой мы имѣемъ дѣло только съ общимъ методомъ, и тѣмъ болѣе не было надобности ее измѣнять, что послѣднія направленія не измѣняютъ предсказаннаго мѣстонахожденія планеты.

Смотря на диаграмму, поражаешься точностью, съ какою положеніе и числа четырехъ изъ семи кометъ совпадаютъ съ положеніемъ въ тѣ числа однообразно движущейся планеты, между тѣмъ какъ двѣ другія находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ планеты въ тѣ же числа, но въ проти-

вѣсткѣ въ подтвержденія такого положенія, опредѣленнаго для планеты. Можно было бы предположить, что она вліяетъ на обращеніе Нептуна точно такъ же, какъ Нептунъ вліяетъ на Уранъ. Но со времени открытія Нептуна онъ не находился еще въ той части своей орбиты, которая указала бы на такое вліяніе. Оно будетъ очень замѣтно черезъ тридцать лѣтъ. Но вліяніе на Уранъ очень ясно, хотя и невелико, благодаря большому разстоянію между этими двумя планетами.

Обсерваторія въ Дарамонтѣ. Часовой механизмъ, приводящій въ движеніе телескопъ вслѣдъ за звѣздами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока производится фотографированіе.

воположныхъ направленіяхъ,—одна впереди, другая позади. Такимъ образомъ положеніе и скорость движенія планеты, взятая изъ четырехъ близкихъ соотношеній, совпадаютъ съ шестью изъ семи кометъ, принадлежащихъ планетѣ Викторіи. Это даетъ намъ надежду, что мы опредѣлимъ довольно точно мѣстонахожденіе планеты.

Дѣлая измѣренія на диаграммѣ, мы находимъ, что новая планета Викторія проходитъ 1° въ три года и что въ 1880 году она находилась на 174° долготы. У насъ нѣтъ

Однако же есть другое замѣчательное подтвержденіе мѣстонахожденія новой планеты. Оно заключается въ кометѣ, имѣющей періодъ въ триста лѣтъ, движеніе которой было отклонено точно такъ же, какъ движеніе кометы Лекселя было отклонено Юпитеромъ. Комету 1556 года астрономы наблюдали очень хорошо, начертали ея путь и нашли, что этотъ путь тотъ же, какой былъ найденъ для одной старѣйшей кометы 1264 года. Астрономы полагали вообще, что это одна и та же комета, и съ увѣренностью

ожидали ея возвращенія между 1840 и 1850 годами. Но за это десятилѣтіе не наблюдалось ни одной кометы, которая бы шла по той же орбитѣ, а потому астрономы отказались отъ своего предположенія, что комета 1556 года та самая, которая видна была въ 1264 году. Теперь мы можемъ воспроизвести здѣсь начерченную въ 1556 году Фабриціусомъ карту, которая была затеряна въ продолженіе трехъ-сотъ лѣтъ и найдена въ половинѣ прошлаго столѣтія. По этой картѣ былъ вычисленъ путь кометы. Если вы посмотрите на діаграмму, показывающую предполагаемый путь кометы 1556 года и предполагаемая положенія планеты, то увидите, что онѣ обѣ занимали ближайшее другъ къ другу положеніе на своихъ орбитахъ около 1700 года, когда планета такъ отклонила путь кометы, что, когда снова увидѣли ея орбиту, то ее не могли признать за орбиту кометы 1556 года. А потому все-таки возможно, что комета 1264 года и комета 1556 года одна и та же; но это возможно только въ такомъ случаѣ, если существуетъ новая планета.

Слѣдуетъ сказать, что и при самомъ тѣсномъ сближеніи разстояніе между планетою и кометою все-таки очень велико, потому что онѣ не находятся на одной плоскости.

Но влияніе сказывалось въ продолженіе приблизительно двухъ-сотъ лѣтъ, и ничтожное увеличеніе быстроты движенія кометы настолько увеличило бы ея ближайшее разстояніе отъ Солнца, что она не могла бы быть видимой.

Я пытался указать въ общихъ чертахъ на нѣкоторые познанія, какія мы можемъ

приобрѣсти, изучая языкъ кометъ. Это не очень трудный языкъ, далеко не такой трудный, какъ русскій, и стоитъ его изучить, потому что языкъ кометъ можетъ сообщить намъ еще очень много свѣдѣній.

Все, что можно сказать о новой планетѣ, это то, что она находится приблизительно въ сто разъ дальше отъ Солнца, чѣмъ Земля, что обращеніе ея вокругъ Солнца совершается въ продолженіе тысячи, приблизительно, лѣтъ и что въ настоящее время она находится вѣроятно на 180° долготы. Но весьма возможно, что ошибки въ этихъ опредѣленіяхъ очень велики.

Истина можетъ быть узнана только путемъ отыскиванія планеты посредствомъ фотографированія. Если сдѣлать снимки въ промежуткѣ одного года, всѣ неподвижныя звѣзды сохраняютъ свое относительное другъ къ другу положеніе, планета окажется передвинувшейся на треть градуса.

Такое изслѣдованіе ведется въ настоящее время Вильсономъ въ его обсерваторіи въ Дарамонѣ, — въ Ирландіи. Съ годъ тому назадъ я имѣлъ великое удовольствіе помогать ему при первыхъ фотографическихъ снимкахъ, и какое будетъ для всѣхъ насъ наслажденіе, если ему удастся прибавить еще одну планету къ Солнечной системѣ. Онѣ имѣетъ прекрасный телескопъ съ рефлекторомъ; его часовой механизмъ, посредствомъ котораго телескопъ движется встѣдъ за обращеніемъ звѣздъ, регулируется электрическимъ контрольнымъ аппаратомъ Говарда Груббе. Здѣсь приложенъ снимокъ звѣздъ, снятый при помощи этого телескопа (см. настр. 9), при чемъ вся группа занимаетъ пространство равное только величинѣ Луны.

ВЕСНА.

(на мотивъ армянъ д'Амтла).

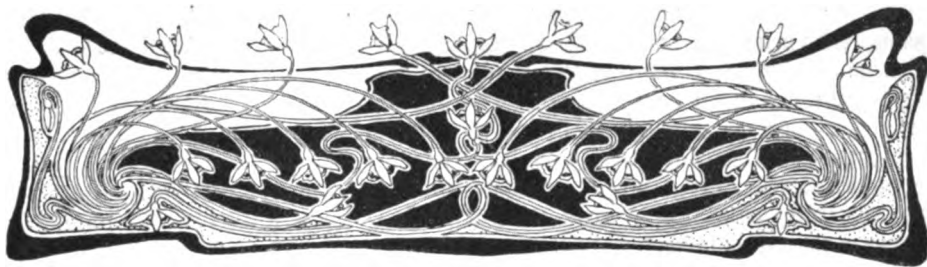
Покровъ откинулъ бѣлоснѣжный
Съ земли оттаявшей апрѣль.
Пастушья тихая свирѣль
Зоветъ стада на лугъ прибрежный,
Рѣка воспрянула отъ сна,
Смолой, фіалками пахнуло,
Ушла зима, за ней вспорхнула
Опять красавица-весна.

На стеблѣ юномъ, вѣтромъ гнется
Чуть распустившійся цвѣтокъ,
Надъ нимъ игриво мотылекъ,
Сверкая крыльями, несется.

А вотъ и птичка: «Жизнь красна!»
Поетъ на вѣточкѣ пѣвунья,
Гнѣздо связываетъ хлопотунья;
Любовь приноситъ ей весна.

Какъ въ хлопьяхъ падаваго снѣга,
Въ цвѣтахъ вся яблоня стоитъ...
Лазурью садъ нѣмой залитъ.
Царятъ вокругъ покой и нѣга.
Заря вечерняя ясна...
Природа точно думу колить...
Душа въ смятеніи робко молить:
«Ты улыбнись и мнѣ, весна!»

И. Гриневская.

КАЛИФОРНСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Марка Твэна.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, я занимался золотонискательствомъ около Теттл-тауна и цѣлый день бродилъ съ киркой и ручнымъ вашгердомъ, то тамъ, то тутъ промывая горсточку земли, постоянно ожидая встрѣтить богатую жилу и постоянно обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ. Мѣстность была прекрасная — холмистая, лѣсистая, богатая цвѣтами и когда-то очень населенная, но населеніе давно уже разсѣялось, такъ что этотъ земной рай представлялъ теперь собой пустыню. Люди ушли изъ него потому, что не нашли золота. Одно мѣсто, на которомъ прежде стоялъ цвѣтущій городокъ, съ банками, газетами, пожарными общинами, маромъ и ольдерманами, теперь представляло собою торфяное болото, безъ малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья. Это было недалеко отъ Теттл-тауна, въ окрестностяхъ котораго, вдоль дорогъ, встрѣчались еще прехорошенькіе коттеджи, уютные и чистенькіе, до такой степени заросшіе дикимъ виноградникомъ вперемежку съ ползучими розами, что окна и двери ихъ не открывались и даже не были видны — признакъ, что коттеджи эти давно уже были покинуты обитателями, разорившимися и бѣжавшими.

Тамъ и сямъ, въ разстояніи получаса пути другъ отъ друга, можно было наткнуться на уединенныя, полуразвалившіяся хижины, настроенныя первыми пионерами золотонискательства, предшественниками тѣхъ, которые строили коттеджи. Иныя изъ этихъ хиженокъ были даже обитаемы, и въ такихъ случаяхъ можно было поручиться, что обитатель въ такой хижинѣ именно тотъ самый

пионеръ, который ее строилъ. Кромѣ того, можно было поручиться, что онъ въ былые годы разбогатѣлъ здѣсь, собирався вернуться въ Штаты, но не сдѣлалъ этого во-время, а потомъ опять разорился и порѣшилъ остаться на мѣстѣ, прервавъ всякія сношенія съ родными и друзьями, которые давно считаютъ его умершимъ. Въ тѣ времена по Калифорніи было разсѣяно множество такихъ живыхъ мертвецовъ — заѣденныхъ гордостью неудачниковъ, посѣдѣвшихъ и состарѣвшихся къ сорока годамъ, мучившихся безплодными сожалѣніями о даромъ потраченной жизни и еще болѣе безплодной злобой на людей и обстоятельства, которыя по мѣшали имъ жить.

Пустынная это была сторона! При роскошной растительности, ни единого звука, кромѣ стрекотанія наѣкомыхъ! Ни людей, ни животныхъ — ничего бодрящаго духъ и заставляющаго радоваться жизни!

Вотъ потому-то я и возрадовался, когда въ одинъ прекрасный полдень увидать передъ собою живое человѣческое существо. Это существо былъ мужчина, лѣтъ сорока пяти отъ роду, и стоялъ онъ у воротъ одного изъ тѣхъ заросшихъ розами коттеджей, о которыхъ я говорилъ выше. Этотъ коттеджъ не казался, однако жъ, брошеннымъ; въ немъ, видимо, жили, за нимъ ухаживали. Небольшой, но богатый цвѣтами садикъ передъ фасадомъ содержался въ полномъ порядкѣ. По обычаю страны, меня пригласили зайти и быть какъ дома.

И какъ пріятно было очутиться въ такомъ мѣстѣ послѣ нѣсколькихъ недѣль ко-

чеванія по хижинамъ пионеровъ, съ ихъ грязными полами, полнымъ отсутствіемъ постелей, картинками изъ иллюстрацій по стѣнамъ, оловянной посудой, ветчиной, бобами и чернымъ кофе. Тамъ—суровое, безрадостное, чисто матеріалистическое существованіе, даже, пожалуй, прозябаніе, а здѣсь—хотя и скромная, но выработанная, полная жизнь, удовлетворяющая не только самымъ примитивнымъ потребностямъ, но и такимъ—духовнымъ, эстетическимъ, присутствіе которыхъ въ душѣ особенно живо чувствуется послѣ продолжительнаго, по отношенію къ нимъ, голоданія. Я никакъ не думалъ, чтобы старенькій коврикъ могъ мнѣ доставить такое удовольствіе или чтобы обои на стѣнахъ, простенькія литографіи въ рамкахъ, лампы съ абажурами, буковые стулья, книги, раковинки, вазочки и тому подобные пустяки, которыхъ не замѣчаешь, когда они есть, могли настолько уладить мою душу. Удовольствіе, должно быть, такъ ярко выразилось на моемъ лицѣ, что хозяинъ мой сразу его замѣтилъ и, не ожидая вопроса, поспѣшилъ отвѣтить.

— Это все ея работа. — сказалъ онъ съ нѣжностью, — все сама убрала. И затѣмъ окинулъ комнату взглядомъ, полнымъ восторженнаго обожанія. Одинъ изъ тонкихъ японскимъ платочковъ, которыми дамы драпируютъ зеркала и картины, оказался сдвинутымъ съ мѣста. Хозяинъ мой тотчасъ же это замѣтилъ и поспѣшилъ исправить, что произвелъ весьма тщательно, но нѣсколько разъ отходя на средину комнаты, чтобы видѣть эффектъ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

Она всегда сама это дѣлаетъ. Кажется, будто все въ порядкѣ, а между тѣмъ чего-нибудь недостаетъ. Только тогда замѣтишь, когда сдѣлаешь. Это все равно, какъ ребенка причисывать — кажется, совсѣмъ готово, а придетъ мать и непременно еще что-нибудь прибавитъ; именно то, чего не хватало. Я такъ часто видѣлъ, какъ она ухаживаетъ за этими вещами, что и самъ могу сдѣлать то же въ то же такъ же, но я не знаю... закона. Не знаю, почему нужно такъ, а не иначе. А она знаетъ. Она знаетъ и какъ и почему; а я только знаю какъ.

Онъ провелъ меня въ спальню, гдѣ можно было умыться. Спальня была такая, какихъ я нѣсколько лѣтъ уже не видывалъ: стеганное одѣяло, бѣлая подушки, коверъ на полу, обои, картины, туалетъ съ зеркаломъ, подушечкой для булавокъ и разными туа-

летными вещами: въ углу — рукомыльникъ, съ настоящими китайскими, фарфоровыми принадлежностями, мыломъ и болѣе тѣмъ дюжиной полотенецъ, такихъ чистыхъ, что пользоваться ими было бы профанаціей со стороны такого непривычнаго къ этому человека, какъ я. Эта мысль опять, должно быть, отразилась на моемъ лицѣ, потому что хозяинъ поспѣшилъ отвѣтить на нее.

— Все ея работа—она все сама дѣлаетъ. Каждый пустякъ. Здѣсь нѣтъ ничего, что бы не было сдѣлано ея руками. Вы, можете быть, подумаете... Ну, да ужъ что тутъ толковать!

Тѣмъ временемъ я вытеръ руки и сталъ разглядывать подробности обстановки, съ такимъ удовольствіемъ, какого можно ожидать лишь отъ человека, перенесеннаго въ новое мѣсто, въ которомъ все ему кажется прекраснымъ. Тогда же я какимъ-то непостижимымъ образомъ почувствовалъ, что въ этой комнатѣ есть гдѣ-нибудь что-нибудь такое, на чемъ я долженъ остановить свое вниманіе, чтобы доставить удовольствіе хозяйини. Мнѣ даже казалось, что онъ старается руководить моими поисками, взглядывая по тому направленію, гдѣ слѣдовало искать. Нѣсколько разъ я ошибался, какъ это видно было по выраженію его глазъ, но, наконецъ, попалъ — хозяинъ мой потерялъ руки, разсмѣялся счастливымъ смѣхомъ и воскликнулъ:

— Вотъ именно! Нашли-таки! Я знаю, что вы найдете. Это ея портретъ.

Подойдя къ орѣховой полочкѣ на одной изъ стѣнъ, я замѣтилъ на ней дагерротипный портретъ въ рамкѣ. На немъ было изображено прелестнѣйшее дѣвичье личико—я такого никогда не видывалъ. Хозяинъ былъ, повидимому, въ восторгѣ отъ моего восхищенія.

— Девятнадцать лѣтъ исполнилось въ послѣдній день рожденія, — сказалъ онъ, ставя портретъ на мѣсто, — и это былъ какъ разъ день нашей свадьбы. Когда вы ее увидите... Ну, да ужъ взгляните только на нее!

— Гдѣ же она теперь? Когда она вернется?

— О, ея теперь дома нѣтъ. Она уѣхала повидаться со своими. Они живутъ въ сорока или пятидесяти миляхъ отсюда. Уже двѣ недѣли, какъ уѣхала.

— Когда же вы ее ждете?

— Сегодня среда, ну, такъ она придетъ въ субботу, вечеромъ, часамъ къ девяти, вѣроятно.

Я невольно вздохнулъ и сказалъ съ грустью:

— Какъ жаль! Мнѣ придется уйти къ тому времени.

Какъ уйти? Зачѣмъ вамъ уходить? Оставайтесь! А то она будетъ очень огорчена.

Она будетъ огорчена! Это прелестное созданіе! Если бы она сама мнѣ это сказала, то я тогда едва-ли былъ бы больше тронутъ. Мнѣ до такой степени захотѣлось ее видѣть, что я даже испугался и сказалъ самому себѣ: «Сейчасъ же уйду отсюда, а то, пожалуй, съ ума сойдеши».

— Она, видите ли, любитъ, чтобы у насъ гостили, — продолжать хозяйинъ, — особенно если человѣкъ вотъ въ родѣ васъ, который много знаетъ, много видѣлъ и съ которымъ можно поговорить. Это ей большое удовольствіе доставляетъ. Потому что сама-то она все знаетъ и обо всемъ можетъ разговаривать — щебечетъ, какъ птичка. А какія она книги читаетъ, такъ вы удивитесь. Оставайтесь, куда вамъ спѣшить, она была бы такъ довольна!

• Благодаря внутренней борьбѣ, во мнѣ происходившей, я едва слышалъ его слова и даже не замѣтилъ, какъ онъ взялъ опять портретъ съ полки и поднесъ его къ моему лицу и сказать.

— Вотъ посмѣйте-ка сказать ей въ лицо, что не останетесь, анъ и не посмѣете!

Я дѣйствительно не посмѣлъ и рискнулъ остаться. Этотъ вечеръ мы провели куря трубки и разговаривая о разныхъ вещахъ, но главное — объ ней. Давно не проводить я времени такъ пріятно и покойно. Съ такой же пріятностью наступилъ и прошель четвергъ. Вечеркомъ зашелъ къ намъ громаднаго роста пионеръ — одинъ изъ живыхъ покойниковъ, обитавшій въ хижинѣ, мѣли за три. Поздоровавшись самымъ сердечнымъ образомъ, онъ сказалъ:

— А я зашелъ только справиться о маленькой барынѣ — когда она вернется? Есть какія-нибудь вѣсти?

— Какъ же, какъ же — письмомъ! Хотите я вамъ прочту, Томъ?

— Чтожь, пожалуй, Генри, прочтите, если можно.

Доставъ изъ сумки письмо, Генри предупредилъ насъ, что пропуститъ нѣкоторыя особенно интимныя фразы, и затѣмъ сталъ читать. Письмо оказалось очаровательнѣйшимъ образкомъ женской эпистолярной литературы, а въ постскриптумѣ содержало

поклоны и Тому, и Джо, и Чарли, и многимъ другимъ сосѣдямъ.

Покончивъ читать, Генри взглянулъ на Тома и воскликнулъ:

— Опять! Примите-ка руки и дайте мнѣ посмотрѣть на ваши глаза! Такъ и есть! Вы всякій разъ плачете, когда я читаю ей письма. Надо будетъ написать ей объ этомъ.

— Ахъ, нѣтъ, не пишете, Генри. Я становлюсь старъ, знаете ли, и малѣйшее волненіе или разочарованіе уже вызываетъ у меня слезы. Я думалъ, что она сама пріѣхала, а оказывается, что только еще письмо.

— Да, съ чего жъ вы взяли, что она могла сама пріѣхать? Вѣдь всѣ, кажется, знаютъ, что она пріѣдетъ въ субботу!

— И то въ субботу! Какъ это я позабылъ! Что такое со мной дѣлается, — все забываю. Ну, конечно, я знаю это! Все для нея готово, разумѣется? Такъ, такъ! Ну, я теперь пойду. А когда она пріѣдетъ, такъ пошлите за мной, старина.

Въ пятницу вечеромъ пришелъ другой пионеръ-ветеранъ и сказалъ, что ребята хотятъ приготовить ей на завтра веселую встрѣчу, да боятся, не слишкомъ ли она устанетъ съ дороги.

— Устанетъ? Это она-то устанетъ? Вотъ потѣха! Вы-то, Джо, лучше другихъ должны знать, что она готова шесть недѣль не спать ради любого изъ васъ!

Когда Джо узналъ, что есть письмо, то непремѣнно захотѣлъ его прочитать и тоже расплакался, и тоже объяснилъ эту слабость своей старостью.

— Очень ужъ соскучились мы безъ нея, — прибавилъ онъ, уходя.

Въ субботу вечеромъ я поймалъ себя на томъ, что безпрестанно посматриваю на часы. Генри тоже это замѣтилъ и сказалъ мнѣ:

— Развѣ вы думаете, что она можетъ пріѣхать такъ рано?

Я слегка сконфузился, но счелъ долгомъ улыбнуться и сказать, что такая ужъ у меня привычка — безпрестанно смотрѣть на часы, когда я чего-нибудь жду. Генри, очевидно, не удовлетворился моимъ объясненіемъ и съ этой минуты почувствовать какую-то неловкость. Раза четыре онъ водилъ меня на такое мѣсто, съ котораго дорога видна была на далекое разстояніе, и подолгу стоялъ тамъ, присматриваясь, не увидитъ ли экипажъ своей жены. Иногда онъ говорилъ:

— Однако, я начинаю безпокоиться. Я знаю, что раньше девяти часовъ она не мо-

жеть приѣхать, а все-таки... у меня есть какое-то предчувствіе. Не случилось ли чего-нибудь съ нею? Какъ вы думаете, не могло съ нею чего-нибудь случиться?

И, въ такихъ случаяхъ, начинать смѣяться надъ его ребяческими предчувствіями и, наконецъ, когда онъ повторилъ свои слова чуть ли не въ десятый разъ, я вышелъ изъ терѣвня и наговорилъ ему грубостей. Это подѣйствовало на него до такой степени угнетающимъ образомъ, онъ смотрѣлъ такимъ несчастнымъ, что я устыдился своей ненужной жестокости и былъ очень радъ появленію Чарли, третьяго пионера, который тотчасъ же потребовалъ чтенія письма и заговорилъ о приготовленіяхъ къ приему хозяйки. Вообще, онъ говорилъ не переставая, видимо съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе Генри и успокоить его.

— Не случилось ли съ ней что-нибудь? Экая чепуха, Генри! Чтѣ же съ ней можетъ случиться? Кажется, можно быть покойнымъ. Вѣдь въ письмѣ-то чтѣ сказано? Сказано, что она здорова, не такъ ли? И что она придетъ къ девяти часамъ? Вѣрно? Такъ развѣ она можетъ не сдержать своего слова? Вѣдь знаете же вы, что этого никогда не бывало. Чего же вы боитесь? Повѣрьте, что ровно въ девять часовъ она будетъ тутъ. Не станемъ лучше тратить времени на пустые разговоры, пойдемте приготовимъ все для нея.

Скоро явились и Томъ, и Джонъ; затѣмъ всѣ принялись украшать домъ цвѣтами. Незадолго до девяти часовъ рудоконь заявили, что такъ какъ они захватили съ собою инструменты, то можно теперь же начать музыку, а ребята и дѣвцы подойдутъ тѣмъ временемъ. Тріо—скрипка, бубенъ и кларнетъ—тотчасъ же составилось. Музыканты усѣлись рядомъ и стали отбивать тактъ своими неуклюжими сапогами.

Стрѣлка часовъ показывала безъ пяти минутъ девять. Генри стоялъ у дверей и смотрѣлъ на дорогу, видимо страшно взволнованный. Его уже нѣсколько разъ заставляли выйти за здоровье и благополучное прибытіе жены, а теперь Томъ опять воскликнулъ:

— Ну-те-ка еще разокъ! Сейчасъ она придетъ!

Джо принесъ на подносѣ стаканы и сталь всѣхъ подчивать. Я протянулъ было руку къ одному стакану, но Джо пробормоталъ сквозь зубы:

— Не трогайте этого, возьмите другой!

Я послушался. Генри подали послѣднюю.

Едва онъ успѣлъ проглотить питье, какъ часы начали бить. Прослушавъ бой до конца, Генри страшно поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Мнѣ, со страху, что-то дурно стало. Помогите-ка, ребята, лечь.

Генри положили на софу, при чемъ онъ тотчасъ же задремалъ, хотя и продолжалъ говорить сквозь сонъ:

— Приѣхали, кажется? Я слышу стукъ копытъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала одинъ изъ ветерановъ, крича прямо ему въ ухо,—это Джими Парритъ приѣхалъ; онъ говоритъ, что у нихъ лошадь захромала, такъ что раньше чѣмъ черезъ полчаса не дотащутся.

— Ну, слава Богу, что ничего не случилось.

Не успѣвъ договорить этой фразы, Генри спалъ уже крѣпкимъ сномъ. Пріятели въ одно мгновеніе его раздѣли, перенесли въ спальню, въ которой я мылъ руки, завернули въ одеяло и, затворивъ за собою дверь, вернулись ко мнѣ, но тотчасъ же, повидимому, приготовились уходить.

— Пожалуйста не ходите, господа,—сказалъ я,—она вѣдь меня не знаетъ. Я не здѣшній.

Рудоконь переглянулись, и Джо сказалъ:

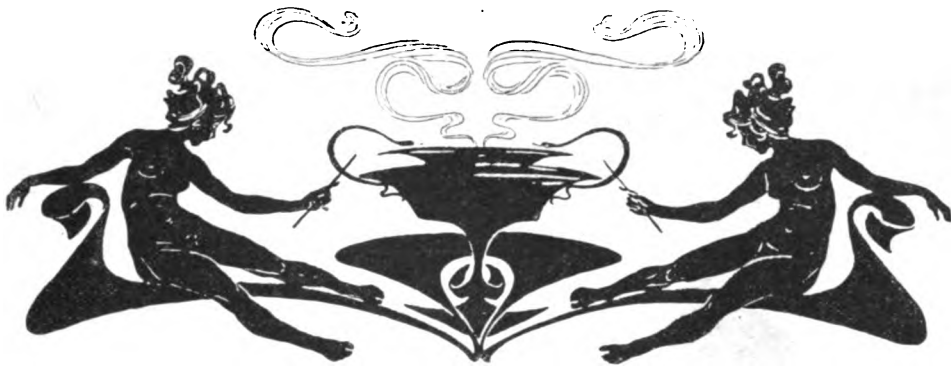
— Она? Она бѣдняжка, уже лѣтъ девятнадцать, какъ умерла.

— Умерла!

— А, пожалуй, еще хуже что-нибудь. Она, видите ли, черезъ полгода послѣ свадьбы поѣхала навѣстить своихъ родственниковъ, а на возвратномъ пути, въ субботу, была захвачена индѣйцами и съ тѣхъ поръ пропала безъ вѣсти.

— А ояъ, стало быть, съ ума сошелъ отъ этого?

— Да, почти что такъ. Но ему дѣлается худо только въ это время года. Мы его тогда и навѣщаемъ, подбадриваемъ, справляемся объ ней, читаемъ все одно и то же письмо, а въ субботу собираемся всѣ, украшаемъ комнаты цвѣтами, а въ концѣ концовъ усыпляемъ его, чтобы не умеръ съ горя или окончательно не помѣшался. Все это мы дѣлаемъ уже девятнадцать лѣтъ. Сначала насъ было двадцать семь человекъ, не считая женщинъ, а теперь вотъ трое остались. Прочіе всѣ умерли или разѣхались. Вотъ онъ теперь высижится и цѣлый годъ будетъ покоенъ, а дня за три до годовщины ея смерти опять начнетъ колотворить, и намъ опять придется продѣлывать все то же. Ну, да и стоила же она того, бѣдняжка, надо признаться!

НЕРАЗУМНЫЯ ДѢВЫ.

Мы привыкли смотрѣть на американскую женщину, какъ на образецъ женщины самостоятельной, независимой — женщины эмансипированной, какъ на типъ, достойный подражания. Допуская полную основательность такого мнѣнія, несправедливо было бы, однако, закрывать глаза на обратную сторону медали, которая въ данномъ случаѣ выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ ярче положительные данныя. За послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса, указывающіе на отрицательныя явленія въ жизни американской женщины даже средняго круга, не говоря уже о высшемъ, гдѣ само богатство дѣйствуетъ развращающимъ образомъ. Недавно мы приводили статью объ американскихъ студенткахъ¹⁾; теперь ознакомимся съ другимъ типомъ американской женщины.

Въ «Century» помѣщена статья «Our foolish virgins». Авторъ ея Эліотъ Грегорі — американецъ, что придаетъ особенную цѣну его словамъ, проводитъ мысль, что въ Америкѣ сталъ преобладающимъ типъ дѣвушекъ, которыхъ — особенно по ихъ отношенію къ семьѣ — можно подраздѣлить на двѣ категории: одѣ считаютъ себя призванными быть преобразовательницами въ домѣ своихъ родителей и вести его по своему усмотрѣнію; другія его признаютъ только какъ извѣстнаго рода пристанище. Въ сущности такое

положеніе вещей является естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ усилій, какія дѣлались въ Америкѣ на пути женской эмансипаціи; какъ и во всякомъ дѣлѣ, и тутъ, на-ряду съ благими результатами, выступили и нежелательныя явленія. Стремленія къ свободѣ, независимости и самостоятельности, не управляемая разумною волею, искоренили понятіе о долгѣ, объ обязанностяхъ и повели къ извѣстной распущенности. За послѣднія двадцать лѣтъ родители озабочены только тѣмъ, чтобы предоставить какъ можно больше свободы своимъ дочерямъ. Съ семнадцати лѣтъ дѣвушка считается взрослой, заводитъ свои знакомства; у нея свои собственные приемные дни, на которыхъ родители никогда не появляются; она одна ходитъ и въ театры и всюду, однимъ словомъ, пользуется полной свободой. Ничто не должно стѣснять ея, и ему въ угоду приносится все. Мало мальски обезпеченные родители считаютъ своимъ долгомъ отплатить дочку въ Европу: это должно расширить ея умственный горизонтъ и, такъ сказать, довершить ея развитіе. Она и развивается. Набравшись новыхъ впечатлѣній и мыслей, съ новымъ запасомъ знаній и свѣдѣній, она возвращается домой и энергично принимается проводить въ жизнь свои убѣжденія. Домашній бытъ подвергается крутой реформѣ. Если родители жили въ деревнѣ, они непремѣнно перевозятся въ городъ: духовные интересы дочки требуютъ соответственной обстановки, она можетъ жить только въ центрѣ умственной и обще-

¹⁾ См. «Новый Журн. Ин. Лит.», 1901 г. № 10.

ственной дѣятельности; передъ такимъ аргументомъ падаютъ, конечно, всякіе доводы, и родители покорно укладываютъ пожитки и перебираются въ городъ. Тутъ, начиная съ обстановки, многое подвергается преобразованію. Ошеломленный отецъ съ ужасомъ слы-

шать, что любимое его домашнее платье нигдѣ не годится, а галстукъ отнынѣ онъ будетъ носить такого-то цвѣта и завязывать такимъ-то узломъ! Знакомые матери подвергаются строгой переоцѣнкѣ, и мать по выбору дочери составляетъ кругъ ихъ... Домашняя жизнь направлена; но этимъ не ограничивается жажда дѣятельности молодой дѣвушки: ей необходимъ еще какой-нибудь интересъ въ жизни, какое-нибудь серьезное дѣло, и она не успокоится, пока не найдетъ его, искренно убѣжденная въ его полезности и необходимости. До чего доходитъ безсознательность, чтобы не сказать больше, — этихъ дѣвицъ, намъ наглядно доказываетъ авторъ статьи въ «Century». Онъ приводитъ въ примѣръ дѣвушку, которая завела питомникъ мосекъ, съ цѣлю добиться извѣстной масти ихъ. Она занялась исправленіемъ оплошности американцевъ, которыхъ серьезно упрекала въ томъ, что они дали погибнуть этой масти собакъ, тогда какъ въ Англіи онѣ красуются во всей своей славіи...

Другой типъ дѣвушки не менѣе распространенъ въ Америкѣ и представляетъ не менѣе безотрадное явленіе. Это дѣвушка, думающая исключительно о томъ, чтобы занять себя, убитъ свое время и при томъ непременно внѣ дома. Домъ и какія-либо обязанности по нему для нея не существуютъ. Она неизбѣжно занимается какимъ-нибудь искусствомъ и съ утра уходитъ въ студию, чтобы часами сидѣть тамъ и создавать какіе-нибудь изящные, никому не нужные предметы. Или же она утро проводитъ въ клубѣ, читая или занимаясь чѣмъ-нибудь; завтракаетъ она по большей части тоже тамъ; послѣ завтрака она переодѣвается и идетъ съ визитами, по магазинамъ, по выставкамъ — и такъ до обѣда; послѣ обѣда она или отправляется въ театръ или, въ обществѣ сверстницъ, предается карточной игрѣ. Въ Америкѣ не рѣдкость встрѣтить цѣлый цвѣтникъ барышень, даже самыхъ юныхъ, которыя вечера проводятъ за карточнымъ столомъ, употребляя всѣ свои умственные силы на то, чтобы сдѣлать удачный ходъ и превзойти другъ друга въ этомъ искусствѣ. Играютъ при этомъ обыкновенно на деньги, и надо замѣтить, что не всегда участвующими въ игру руководить одна страсть: не рѣдкость встрѣтить барышню, которая играетъ не столько для препровождения времени, сколько для того, чтобы обыграть подругъ

Въ ожиданіи пріѣзда гостей.

и пополнить свой кошелекъ... И все это считается явленіемъ вполне обычнымъ, и никому не приходится въ голову назвать это безнравственнымъ!

Авторъ статьи замѣчаетъ, что англійская и французская дѣвушка поставлена иначе. Она уже въ силу обычая несетъ извѣстныя обязанности и является какъ-бы помощницей матери, исполняя такимъ образомъ и передъ обществомъ извѣстный долгъ. Въ Америкѣ же видимъ совершенно обратное: тамъ и въ семьѣ, и въ обществѣ всякій знаетъ только свое *я*, стремится къ личной независимости, и это, при отсутствіи прочныхъ нравственныхъ устоевъ, и ведетъ къ распространенію такихъ типовъ, о которыхъ мы говорили. Тутъ надо замѣтить, что это грустное явленіе не ограничивается одними обезпеченными классами, а распространяется на всѣ слои общества, какъ заразная болѣзнь. безпощадно перебирая одного за другимъ. Бѣдная дѣвушка тянется за богатой, слѣпое чувство подражательности убиваетъ въ ней всякую сознательность, и положеніе дѣлъ становится еще непригляднѣе. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить дѣвушку изъ небогатой семьи, которая все свое время убиваетъ на ничтогонебѣданіе, воображая себя, конечно, очень занятой. Она съ утра исчезаетъ изъ дому, фланируетъ передъ витринами, изучая новѣйшія моды; идетъ съ подругою къ модному художнику полюбоваться какой-нибудь картиной; настало время завтрака — она отправляется въ ресторанъ. Бываетъ и такъ, что она старается пойти туда, гдѣ, по ея разсчетамъ, она можетъ встрѣтить знакомыхъ. И тутъ разыгрывается маленькая комедія. Найдя знакомыхъ, она, якобы дожидая родственницу, мило болтаетъ, пока ее наконецъ не пригласятъ завтракать. Портмоне свое она, конечно, забыла дома, въ чемъ признается съ прелестной, конфузливой улыбкой.... Но о такихъ пустякахъ, само-собой разумѣется, не стоитъ говорить, за нее, конечно, заплатятъ! Эти даровые завтраки нисколько не задѣваютъ ея самолюбія, и она со спокойнымъ духомъ возвращается домой, чтобы смѣнить платье и веселой и изящной отправиться съ визитами. Если же ей случится остаться дома, она занимается какимъ-нибудь искусствомъ или разыгрываетъ на роялѣ какую-нибудь сонату. А мать въ это время занимается

прозой жизни: убираетъ домъ, стряпаетъ обѣдъ, зашиваетъ и передѣлываетъ платья и бѣлье своей дочки; отецъ же до поздняго

Идетъ на обѣдъ.

вечера коршится надъ работой, тяжелымъ трудомъ добывая доллары. Ему надо платить за все, надо платить между прочимъ и за театръ, куда дочку его влечетъ благородная страсть къ искусству, и гдѣ она съ наряднымъ пестрымъ роємъ подружку отдастъ

дань поклонения какому-нибудь кумиру - артисту....

Еще особую разно-

ради него она готова принести всѣхъ и все въ жертву, готова идти на самоистязаніе, оказывать чудеса нравственной и физической выдержки! Когда она, наконецъ, достигнетъ своей цѣли: сдѣлается чемпиономъ какого-нибудь спорта, въ родѣ игры въ гольфъ, она наверху блаженства: газеты говорятъ о ней, съ нею дѣлаютъ фотографическіе снимки, которые красуются на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ отеляхъ, и т. д., всякій мальчишка знаетъ и повторяетъ ея имя — она увѣнчана славой...

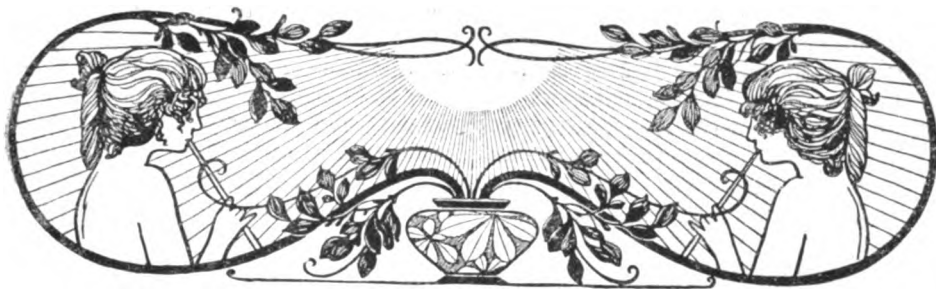
Эліотъ Грегори высказываетъ опасенія, что его статья вызоветъ интѣръ и, быть можетъ, заставитъ пострадать книжку «Century», которую американская дѣвица въ принадлежность возмущенія можетъ швырнуть о полъ. Но это его не смущаетъ. Онъ, напротивъ, храбро совѣтуетъ американкѣ принять къ свѣдѣнію всѣ тѣ недостатки, которые онъ указалъ, начать съ ними борьбу и, побѣ-

Въ гостяхъ.

видность представляетъ женщина спорта — типъ, который все больше распространяется въ Америкѣ. Спортъ — цѣль ея жизни, ему посвящены всѣ ея интересы, все ея время, всѣ ея силы, въ его для нея ничто не существуетъ. И она стоитъ на высотѣ своего положенія: она не пренебрегаетъ ни одной подробностью, не опускаетъ ни одной мелочи, чтобы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ;

дивя ихъ, стать идеаломъ женщины. Надо надѣяться, что американская дѣвушка сумѣетъ взглянуть правдѣ прямо въ глаза, измѣнить нежелательное направление и, опираясь на всѣ тѣ положительныя данныя, которая въ ней есть, ставетъ эмансипированной женщиной въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

НА НИВѢ.

НАБРОСОКЪ ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ **Захарія Костенко**¹⁾.

(Переводъ съ украинскаго — автора).

I.

За большимъ сосновымъ лѣсомъ, невдалекѣ отъ шоссеиной дороги, прилегая однимъ концомъ къ довольно широкой рѣчкѣ, раскинулись пахатныя поля. Чернѣютъ на солнцѣ ровно проведенныя борозды, зелеными лентами тянутся частыя межи, отдѣляющія крестьянскія нивы одну отъ другой. Поле, вспаханное подъ озими, уже лежитъ чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ и за это время успѣло покрыться разной быстро растущей зеленью.

Но вотъ выѣхалъ одинъ пахарь съ длинно-зубыми бородами и глубоко-врывающимся раломъ. Прошли по нивѣ бороны, врѣзалось

въ борозды рало—перевернули землю и похоронили всякую свѣжую растительность. Потомъ выѣхалъ другой, третій, четвертый. и, мало-по-малу, буровато-зеленыя нивы сдѣлались черными; только близъ самой шоссеиной дороги сѣрѣла, въ родѣ заплата, одна клинообразная десятина дѣда Остапа Перины. Давно уже собирался онъ приступить къ обработкѣ своей десятины, давно у него уже налажены были бороны и рало, только другія работы не позволяли ему никакъ за это взяться. Да и подлинно! Самъ — одинъ дѣдъ Перина, всего и помощи, что двѣнад-

¹⁾ Братія нашихъ украинцевъ — населяющіе двѣ провинціи въ Австріи (Галицію и Буковину) русины, народъ удивительно стойкій и живучій, среди окружающихъ ихъ или прямо враждебныхъ, или равнодушныхъ къ нимъ племенъ—поляковъ, нѣмцевъ, венгерцевъ, румынъ, армянъ и евреевъ, сумѣли посегодня отстоять свои національность и религію (православную). Не смотря на отчаянно суровыя условія экономическаго быта, на ужасающую бѣдность, этотъ народъ-мужичокъ неустанно развиваетъ свою культуру, добиваясь блестящихъ успѣховъ въ разныхъ ея отрасляхъ.

Трудно, напр., себѣ представить болѣе симпатичную журналистику въ прогрессивно-народолюбивомъ духѣ, чѣмъ галицко-украинская, безкорыстно преданная интересамъ трудящихся массъ и бодро защищающая ихъ всегда противъ эксплуататоровъ и людей несправедливости.

Русины, въ настоящій моментъ, основательно могутъ гордиться двумя именами беллетристовъ-художниковъ, пользующихся европейской извѣстностью, и которые по талантности и симпатичному направленію стоятъ нисколько не ниже нашихъ Ан. Чехова и М. Горькаго. Мы говоримъ объ Иванѣ Франко и Стефаникѣ.

Вышеприведенный новый набросокъ изъ галицкой народной жизни, ярко характеризующій крестьянскую нужду, принадлежитъ перу одного изъ самыхъ юныхъ послѣдователей Франка и Стефаника, вышедшаго изъ деревенской среды способнаго самоучки, и представляетъ тѣмъ болѣе интересъ, что переведенъ самимъ авторомъ, который одинаково-свободно владѣетъ роднымъ украинскимъ языкомъ и на досугъ изученнымъ имъ—русскимъ. Въ ближайшемъ будущемъ мы рассчитываемъ ознакомить читателей съ новыми выдающимися вещами въ прозѣ крупныхъ галицкихъ писателей въ переводахъ Захарія Костенко.

Примѣч. редакціи.

цатилѣтній Гнатко—его внучекъ. То на сѣнокосѣ прошло слишкомъ много времени, то опять — жатва, какъ ни-на-есть, а старику справиться не легко. Но вотъ, однажды передъ вечеромъ подмазалъ дѣдъ возокъ, положилъ туда рало и двѣ бороны, сунулъ также кое-что изъ харчей и одежды, запрегъ лошадь,—на другую уѣхалъ верхомъ Гнатко,—и, напутствуемые добрыми пожеланіями бабушки, они вдвоемъ отправились на ниву, которая отъ ихъ покосившейся хаты лежала на значительномъ разстояніи. За околицею широкій лѣсъ скоро принялъ ихъ въ свои объятія. Высокія, стройныя, уже не молодыя сосны, соединяясь своими вершинами, прикрывали небо. Заходящее солнце, пробиваясь косыми лучами межъ прямыхъ стволовъ, придавало имъ золотистую окраску. Было тихо. Не колыхалъ вѣтеръ вѣтвями; не шевелились и не дрожали зеленныя иглы. Только доносилось откуда-то карканье ворона, да, уѣхавши на придорожной соснѣ и вилая хвостомъ, кукушка громко выкрикивала свое «ку-ку!» Постукивая носомъ по старымъ сучьямъ, дятель оглашалъ лѣсъ также какимъ-то страннымъ звукомъ: кли, кгли-и-и! Перина все чаще и чаще бодрилась свою лошаденку понукиваніями, окриками, подергиваніями возжей, да ударами кнута, прикрѣпленнаго къ толстому кнуту-вищу. Гнатко сидѣлъ на «Гнѣдкѣ», держась одной рукою за его растрѣпанную гриву. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на чирикавшихъ воробьевъ, которые летали и кружились около душиловатыхъ деревьевъ, залѣзая въ дупла и выглядывая оттуда, какъ изъ недоступной крѣпости. Возъ подвигался впередъ и впередъ, громыхая на тяжелой песчаной дорогѣ. Солнце совсѣмъ уже закатилось, когда Перина съ внукомъ выѣхали изъ лѣсу. Передъ ними открылось широкое, зеленое поле съ кустами густо растущихъ будяковъ, кустами полыни, съ чернوبелемъ и большими шарообразными «перекати-полями». По полю то тамъ, то здѣсь бродили лошади, волы, а ихъ хозяева, съ накинутыми на-опашъ свитками, стояли, какъ изваяніе, любясь своимъ, на волѣ пасущимся, скотомъ. Со всего поля подымался прозрачный туманъ и постепенно окутывалъ собою предметы, выдѣлявшіеся на ровномъ пространствѣ.

— Какъ бы намъ скорѣе доѣхать, Гнатко? — обратился дѣдъ къ мальчику, набра-

сывая себѣ на плечи худенькую свитку:— «майбо», еще съ версту осталось?

— Да, «дѣдуно», оно лучше бы скорѣе доѣхать, а то и коней не успѣемъ попутать въ темнотѣ.

— То не большая бѣда попутать коней, а вотъ «пашу» для нихъ хорошую найти, это, дѣйствительно, труднѣе будетъ,—сказалъ Перина, махнувши кнутомъ въ воздухъ.

Скоро они начали спускаться съ небольшой горки, и передъ ними вдали показалась рѣчка, вся повитая сѣдымъ туманомъ, поднимавшимся выше и выше, и который, казалось, скоро долженъ слиться съ небомъ...

Перина своротилъ въ сторону по узкой дорогѣ, проложенной надъ канавкою, отдѣляющей помѣщичью землю отъ крестьянской. Они проѣхали еще немного, и, наконецъ, дѣдъ, сдерживая лошадь, протянулъ: — Тиру-у-у!

Гнатко мигомъ соскочилъ съ «Гнѣдка», снялъ висѣвшее у него же на шеѣ «пучо» и сталъ связывать лошади переднія ноги.

— Нѣтъ, Гнатко, мы ихъ лучше сутаемъ «до-купы», а то, въ одиночку, онѣ могутъ перейти канаву и надѣлать пану «шкѣды». Лучше я ихъ утрюмъ совсѣмъ распутою и «повартую».

— А гдѣ я буду спать, «дѣдуно»?—спросилъ Гнатко, придерживая одной рукою «Гнѣдка», который нагибалъ свою молодую красивую шею и щипалъ траву.

— Да на возку—или, нѣтъ, лучше подъ возкомъ мы будемъ спать вмѣстѣ, я постелею соломы да свитку, а кожухами укроемся и будемъ спать по-пански, — совсѣмъ такъ по пански, когда постелемъ соломы и свитку, а кожухами укроемся!

Гнатко заглянулъ подъ возокъ, и ему представилось, какъ тамъ будетъ хорошо лежать, точно въ настоящемъ куренѣ, и можно будетъ смотрѣть сквозь «щабли» на звѣздное небо. А хорошо тамъ, на небѣ! Онъ залюбовался небомъ, откуда множество звѣздъ, слегка подернутыхъ туманной дымкою, ласково взирали на него, на «дѣдуна», на коней и на возокъ. Голубые глазки мальчугана загорѣлись какимъ-то радостнымъ огнемъ, отражая отрадное настроеніе его дѣтской души. Скоро дѣдъ встревожилъ лошадей, отогналъ ихъ на нѣсколько шаговъ отъ возка; потомъ, снявъ солому, взятую изъ-дому, разостлалъ ее подъ возкомъ, при-

крылъ сверху свитою и кинулъ на эту постель большой козухъ, говоря внуку:

— Вотъ — это тебѣ, «хлопче», а я въ этомъ маломъ останусь; вѣдь, ночь теплая, и смѣрзнуть мы не должны!...

Гнатко кувиркомъ кинулся на постель, покатился по ней, перевернулся нѣсколько разъ и, потомъ, обращаясь къ Перинѣ, задалъ вопросъ:

— А «вечерять» будемъ, «дѣдуню»?

— Вечерять? — переспросилъ старикъ. Да какъ хочешь, — ну давай и «повечеряемъ!» Возьми «торбу»: вонъ она привязана къ «щаблю»!

Гнатко отцѣпилъ «торбу» и передалъ ее дѣду. Тотъ вынулъ изъ нея цѣлый хлѣбъ, съ порядочнымъ кускомъ сала, досталъ изъ кармана складной ножикъ, отрубалъ нѣсколько ломтей хлѣба, также два куска сала, и, помѣстившись на «панской» постели, они принялись за ужинъ. Закусивши и помолвившись, дѣдъ убралъ «торбу», потомъ взглянулъ на лошадей, и оба приготовились спать, крѣпче кутаясь въ свои козухи. Гнатко улегся сначала бокомъ и совсѣмъ закрылъ глаза, но скоро перевернулся на спину и сталъ разсматривать небо. Черезъ рѣдкіе, большіе «щабли», какъ и предполагалъ Гнатко, его можно было отлично видѣть. Все усыянное частыми звѣздами, слегка подернутое прозрачной дымкою, оно напоминало огромный шатеръ съ прорѣзанными въ синемъ холстѣ его отверстіями. Иногда звѣзды мигали въ глазахъ Гнатка и какъ будто бы скользяли по небу, а одна сорвалась и быстрою стрѣлою умчалась, Богъ-вѣсть куда, оставивъ послѣ себя на одно мгновение, подобный золотой ниткѣ, яркій слѣдъ.

— Чтѣ съ ней сдѣлалось? — подумалъ Гнатко. И отчего это она такъ быстро шмыгнула? Нужно спросить «дѣдуню». Гнатко повернулся къ старику, но тотъ, примостившись лицомъ къ колесу, тихо дышалъ. Хлопцу показалось, что онъ заснулъ, и не хотѣлось напрасно его тревожить.

— Добре, — подумалъ Гнатко, — я еще и завтра успѣю спросить, а теперь пусть «дѣдуня» отдыхаетъ: достаточно натомился сегодня!

Но Перинѣ вовсе не спалось. Какъ только онъ улегся на свою «панскую» постель, думы, тяжелыя думы, поднимаясь въ его головѣ безъ всякаго порядка и очереди, не дали ему покою.

«Сколько уже прожилъ на Божьемъ свѣтѣ, а радости немного мнѣ выпадало, — думалъ дѣдъ: — вѣчныя заботы, вѣчныя хлопоты, гоньба за кускомъ насущнаго хлѣба никогда не позволяли передохнуть свободнѣе, хоть на одинъ часокъ разнять усталыя руки... Есть люди: имъ хорошо живется! У меня жъ, видно, уже доля такая, то «ни хаты — ни покрывки». Дѣтей моихъ Господь прибралъ, и остался я одинъ съ этимъ внукомъ, которому также, Боже мой, какъ плохо приходится: ни яснаго дня, ни солнца!.. А хлопцевъ умныя! Вышелъ бы изъ него человекъ, если бы... Если бы не нынѣшнія времена трудныя... Какъ ни-на-есть, прежде лучше было! Хоть скотину можно было на хорошую «пашу» выгнать, а теперь такіа стѣсненія — и-и-и, — не доведи, Господи! Просто, дѣваться некуда. Тѣснота, тѣснота клятая! Скотину съ глазъ не спускай: чуть шагъ ступила не на своей землѣ, сейчасъ ее загонять къ пану, и плати «выкупъ», сколько самъ назначить, а цѣна, цѣна-то какая! Вѣдь меньше пяти коронъ не сдерутъ! Развѣ, если только на пустырѣ заняли, — отдать корону! Кажется, легко вымолвить «корона», а сколько труда нужно, чтобы получить эту корону! Вѣдь въ коронѣ сто сотокъ, а каждая эта сотка стоитъ многихъ канель крови и пота, пока ее добудешь! Голодный, безъ стдыха работаешь ради этой сотки, но придется бѣда, неси ихъ пану цѣлую сотню, за то, что кони или волю сдѣлали нѣсколько шаговъ по его землѣ...

«Да, да, жите!.. Пашешь свою ниву, сѣешь на ней — собираешь, а въ концѣ-концовъ ѣсть нечего! И какая этому причина? (Очень просто: — сама нива больше требуетъ трудовъ, чѣмъ даетъ «корысти». Получишь эту «корысть», сунешь туды-сюды: гляди, — и грошика уже и не осталось!

«Чтѣ подѣлать! Работы нѣтъ, а хотя и попадется, такъ не про меня, старика, если тамъ молодые, «могутни и дужи», проливаютъ потъ за безцѣнокъ, — сколько вздумается заплатить ихъ хозяину. Живую руну, какъ я, на такую работу и не наймутъ: — гдѣ же мнѣ тягаться съ молодыми!»

Въ это время Гнатко перевернулся на другой бокъ и кашлянулъ.

— А ты еще, хлопчику, не спишь? — спросилъ Перина, подымаясь на локоть.

— Нѣтъ, «дѣдуню», я думалъ, что вы заснули: хотѣлось спросить васъ про одну

«цікавую зорьку» — взяла да быстро-быстро, точно кинуць ее кто сильно, покатылася; только сьдзь за ней остался такой золотой, ясный-ясный.

— Да это знаешь, Гнатко, челоуѣкъ умерь на землѣ, и воть его «зѡря», чѣд свѣтила ему цѣлую жизнь, взяла да и «погасла», — какъ только онъ умерь!

— Значить, «дѣдуню», у каждаго челоуѣка есть своя «зѡря?»

— Есть, есть, «любой», и у меня, и у тебя она есть, — и у каждаго челоуѣка! Гнатко ничего больше не спрашывалъ, а только устремилъ глаза на звѣздное небо, вѣроятно, желая отыскать свою «зѡрю», но звѣздочекъ было такъ много, что мальчикъ никакъ не могъ угадать, которая тамъ изъ нихъ именнѣе его?

— Вотъ, Господи, какъ-то заснуть нельзя, и чѣд это значитъ? — проговорилъ вполголоса дѣдъ. — нужно убрать подалѣе отъ канавы лошадокъ, а то, «бачь», все тянется къ ней, чѣд добраго, могутъ и на другой бокъ перебраться, тогда завтра и плати пять коронъ. Охъ, короны, короны какія вы теперь трудныя стали!.. Дѣдъ зѣвнулъ и поднялся, чтобы пригнать ближе къ возу своихъ коней. Гнатко все смотрѣлъ на небо; наконецъ, глаза его тихо сомкнулись, и сладкій сонъ объялъ хлопца. И грѣзилось ему, будто настаетъ утро, будто дѣдъ запрягаетъ лошадей въ рало, передаетъ ему ручку отъ него и показываетъ, какъ эту ручку надо держать; вотъ они уже на противоположномъ концѣ нивы, поднимаютъ рало, заворачиваютъ лошадей и идутъ обратно. Дѣдъ покрикиваетъ на коней; и они ходятъ много, много разъ взадъ и впередъ по нивѣ, переваливая кусокъ все шире и шире... Потомъ дѣдъ его куда-то исчезаетъ, хлопца пщеть его и не можетъ найти. Наконецъ, Гнатку чудится, будто онъ нашелъ дѣда лежащимъ на мокрой землѣ. Старикъ улыбается внуку и проситъ лечь возлѣ себя, но ему не хочется...

Перина пригнать ближе къ возу коней, легъ снова на своеобразную постель и закрылъ глаза... Еще одна-двѣ мысли мелькнули у него въ головѣ, разрослись, смѣшались, и дѣдъ заснулъ, подложивши кулакъ подъ голову...

II.

Ночь развернула свой темный пологъ надъ дремлющими полями. Звѣзды бросали холодный свѣтъ съ таинственныхъ высотъ. Всю

равнину окутывалъ легкій, прозрачный туманъ. Свѣжій, живительный воздухъ былъ пропитанъ влажностью. Въ полумгнѣ надъ землею пронзительно кричала ночная птица. Порой цѣлыя стаи куликовъ съ обычнымъ тюлюканьемъ проносились надъ отдохнувшими людьми. Подъ возомъ хранилъ дѣдъ, а подлѣ него, подѣтки свернувшись въ клубокъ, спалъ и Гнатко. Ихъ лошади тутъ же пощипывали жидкую траву, фыркая и подвигая впередъ свои спутанные ноги. Туманъ сгустился, и, казалось, земля сливается съ небомъ, представляя собою одно мутное пространство безъ конца и края. Только далеко, разложенный подъ лѣсомъ, большой костеръ пылалъ кровавымъ пламенемъ, изрѣдка подымавшимся высоко въ туманъ, и бросалъ во все стороны свои яркіе, темнокрасные языки. Оттуда же доносилась въ нѣсколько голосовъ заунывная украинская пѣсня, оглашая окрестность своими тягучими звуками, разлетающимися и замирающими гдѣ-то въ отдаленныхъ концахъ необозримаго поля...

Когда Перина проснулся, уже разсвѣтало. Онъ медленно поднялся на ноги и глазами сталъ искать своихъ лошадей. Туманъ былъ еще настолько густъ, что, на разстояніи пятинадцати шаговъ, ничего нельзя было увидѣть. Дѣдъ скорыми шагами бросился къ канавѣ, желая убѣдиться, не зашли ли его кони на помѣщичью землю? Онъ съ трудомъ перебрался черезъ канаву и сразу замѣтилъ чернѣвшіе невдалекѣ силуэты обѣихъ лошадокъ, которыя, дѣйствительно, приближались къ коннѣ панской гречихи. Сильно забилось у дѣда сердце, и онъ, тяжело дыша, пустился бѣжать къ нимъ. Повидимому, кони сейчасъ лишь залѣзли въ запретныя мѣста, такъ какъ одна изъ нихъ, уже на глазахъ бѣжавшаго дѣда, вытащила снопъ и начала тормозить его въ зубахъ. Перина быстро отогналъ лошадей въ сторону и хотѣлъ было засунуть снопъ обратно, какъ вдругъ возлѣ него раздался топотъ, и старикъ увидѣлъ панскаго эконома, верхомъ, который стрѣлою несся къ его конямъ. Дѣдъ, выронивъ изъ руки снопъ, тоже поспѣшилъ къ своимъ лошадямъ. Экономъ со всего размаху хватилъ обѣихъ нѣсколько разъ нагайкою, такъ что онѣ пархнулись въ сторону, но, запутавшись ногами, стали головою другъ къ другу. Перина успѣлъ поймать «Гнѣдка», обхватить его руками за шею и, повернув-

шнсь къ эконому, хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— Помилуйте, пане! Ей-Богу, онѣ «шкоды» не сдѣлали!.. Только, только-что перешли... Я слѣдомъ за ними!..

— Чтѣ!—заоралъ эконоомъ,—и опять и изо всей силы ударилъ плѣткою по лошадымъ. Кони снова шарахнулись въ сторону, такъ что «Гнѣдка» подхватилъ съ земли дѣда, который его не выпустилъ.

— Отстань!—зиревѣтъ эконоомъ въ неистовствѣ, хлеща безъ перерыва, куда пошло нагайкой.

— «Батечку, голубычкѣ, соколыку мій ясный!» Ей-Богу, они «только»-что... Будь добродѣтелемъ, будь...—упрашивалъ дѣдъ,—повиснувъ на шеѣ своего милаго «Гнѣдка».

— Э, чтѣ болтаты! Прочь отойди! Убирайся! Животныя топтались на одномъ мѣстѣ, корчась подъ ударами. У Перины совсѣмъ захватило дыханіе, но онъ не выпускалъ коня изъ рукъ.

— Эге-ге, старая собака, такъ ты вотъ какъ! Еще сопротивляться будешь?! Постои, я тебѣ!...—и эконоомъ соскочилъ съ лошади.

Что-то острое, безконечно мучительное кольнуло дѣда въ сердце. Сознаніе своей невинности, своей глубокой обиды, грубое невниманіе къ его просьбѣ—все это какимъ-то ядомъ разлилось по вѣтвямъ его жиламъ, и онъ еще крѣпче стиснулъ шею животнаго, собираясь защищать «Гнѣдка» до послѣдней минуты.

Эконоомъ, держа одной рукою за уздечку своего коня, другою хлесталъ по колѣнямъ дѣдовымъ лошадокъ. Онѣ подпрыгивали, кидаясь изъ стороны въ сторону, толкали старика своими мордами, били ногами, но онъ словно приросъ къ нимъ.

Видя это, эконоомъ подошелъ къ дѣду, поправилъ на головѣ шляпу о двухъ козырькахъ, и грозно крикнулъ:

— Пусти, несъ старый! Не-то я тебя... я тебя... Отстань!

У дѣда истошилось терпѣніе; онъ тяжело дышалъ и пыхтѣлъ; казалось, огромный камень придавилъ ему трудъ и не позволялъ вдохнуть воздуха.

Перина собралъ свои послѣднія силы, и у него вырвалось:

— Нѣ! не пуцуй!.. Хотя убей, а не пуцуй! «Дуже» обидно! «Годи»!...—закончилъ онъ свою фразу и прямо привикъ лицомъ къ шеѣ животнаго.

— Къ дьяволу!—выходилъ изъ себя эконоомъ, замахиваясь плеткою на дѣда.

— Нѣ! Не хочѣ! Такъ не можно: «багато» будетъ!—однотонно бормоталъ дѣдъ, даже не глядя на эконома. Озвѣрѣвшій наемникъ подскочилъ отъ злости.

Раздался короткій свистъ въ воздухѣ, и нагайка страшнымъ ударомъ полоснула Перину по лицу. Помутилось въ глазахъ у дѣда... Застыла на мгновеніе вся кровь въ жилахъ, но руки остались какъ прикованы къ лошади. Кинулся эконоомъ, хотѣлъ расцѣпить ихъ, но Перина, не помня себя, впился зубами, которыхъ у него не много уже было спереди, въ руку обидчику... Тотъ, позеленѣвъ отъ боли, отдернулъ въ испугъ руку вмѣстѣ съ зубами, уже не крѣпко державшимися въ старческомъ рту. Вслѣдъ за этимъ, какъ только могъ, сколько хватило силъ, началъ онъ наносить дѣду удары нагайкою куда пошло.

— Богъ тебя покараетъ! «Царыця Небесна тебѣ отилатить!»—прозвучали слова беззащитнаго бѣдняка и глухо замерли въ утреннемъ туманѣ...

Когда безжалостная рука перестала подниматься, Перина безъ шапки со включенными волосами, съ окровавленнымъ лицомъ и съ закрытыми глазами все еще висѣлъ на шеѣ «Гнѣдка», точно прикованный. Эконоомъ снова кинулся расцѣпить его руки, но въ это мгновеніе «путо» невыдержало, разорвалось, и лошади скочили въ разные стороны. Руки старика отъ слабости сами разнялись, и онъ безжизненно свалился на землю, сильно помятый «Гнѣдкомъ». Какъ вихрь вскочилъ эконоомъ на своего коня, занявъ убѣжавшихъ мужичиныхъ лошадокъ и, подгоняя ихъ, быстро понесся по ровному полю...

Уже солнце освѣтило зеленые верхушки сосенъ. Туманъ разсѣялся, клубясь прозрачной дымкою только надъ одной рѣчкой. Жаворонки вились въ воздухѣ со своими пѣнями. Роса блестѣла, искрясь на свѣжей травѣ. То здѣсь, то тамъ раздавалось ржаніе коней и ревъ воловъ. Пронеслись большимъ трехугольникомъ журавли. По шоссеиной дорогѣ тянулись возы и еврейскія балагулы, но дѣдъ Перина все лежалъ въ одномъ и томъ же положеніи: безъ шапки, съ закрытыми глазами, съ окровавленнымъ лицомъ, растянувшись на землѣ, а надъ нимъ въ слезахъ стоялъ его внучекъ Гнатко...

Онъ нашелъ дѣда!

ПРИЗНАКИ ОБНОВЛЕНИЯ.

(Изъ беллетристическихъ отраженій польской современности).

Первыя пробы начинающаго беллетриста, не смотря на неизбѣжныя техническія несовершенства, бывають въ большинствѣ случаевъ все-таки интересны со стороны богатства и новизны содержащагося въ нихъ бытового матеріала. Мы охотно миримся съ неловкостью формы, съ громоздкостью и угловатостью архитектуры, съ наивною фабулы произведенія; все это выкупается интересомъ тѣхъ новыхъ наблюденій, которыя удалось автору сдѣлать въ безбрежномъ морѣ людскихъ отношеній, а главное—неподдѣльною свѣжестью чувствъ, которыми вѣсть всегда отъ первыхъ пробъ пера. Говоря такъ, мы, конечно, имѣемъ въ виду такія произведенія, въ которыхъ при всѣхъ виѣшнихъ недостаткахъ чувствуется искра таланта; въ гораздо большей пропорціи среди произведеній начинающихъ авторовъ попадаются издѣлія ремесленническаго характера, въ которыхъ напрасно стали бы мы искать мысли и чувства, но о такихъ произведеніяхъ и рѣчи поднимать не стоитъ.

Повѣсть *Podniebie*, принадлежащая перу начинающаго польскаго беллетриста Эдуарда Пашковскаго ¹⁾, представляетъ интересъ не только потому, что въ ней авторъ обнаружилъ задатки хорошаго дарованія. Она заслуживаетъ вниманія еще и потому, что авторъ пытается здѣсь обрисовать нѣкоторыя новѣйшія теченія польской общественной жизни и выводить на сцену типы, сложившіеся въ самое послѣднее время. Авторъ, повидимому, хочетъ стать въ ряды беллетристовъ, уловляющихъ вѣянія времени.

¹⁾ Edward Paszkowski. *Podniebie*. Z. kroniki czwartego piętra. Lwów. 1901.

Въ добрый часъ! Судя по первому опыту, автору доступенъ довольно широкій горизонтъ наблюденій, а уже одно это много значитъ.

Центральной фигурой своей повѣсти авторъ хотѣлъ сдѣлать молодого шляхтича Стефана Дашовскаго, но вышло маленькое недоразумѣніе: желая нарисовать идеальный типъ, авторъ съ излишнимъ усердіемъ возвеличилъ своего героя и поставилъ его на такую высоту, на которой стоятъ только монументы, а не живые люди. Вышла, словомъ, довольно блѣдная фигура, и вниманіе читателя, находя мало интереса въ этомъ человѣкѣ, вмѣщающемъ по волѣ автора такъ много достоинствъ, отвлекается къ живымъ людямъ, у которыхъ поменьше благороднаго блеска, но побольше правды.

Беллетристъ вводитъ насъ въ тѣсно-сплоченную семью сотрудниковъ газеты «*Ruch*». Всѣ они—славные, что называется, ребята, живущіе на подобіе птицъ небесныхъ, мало заботящіеся о постоянномъ крѣвѣ и житейскомъ достаткѣ и, если вѣрять автору, душой преданные своему изданію и тѣмъ принципамъ, которые оно проводитъ. Что собственно за изданіе представляетъ изъ себя «*Ruch*», подъ какимъ флагомъ оно плыветъ, какого рода пищу преподносятъ читателямъ—изъ повѣсти не удастся выяснитъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ «*Ruch*» а—Вѣрушъ—говоритъ объ этомъ изданіи въ слѣдующемъ тонѣ: «какимъ способомъ мы еще держимся съ этимъ «*Ruch*»'омъ, я и самъ понять не могу. На насъ ополчаются со всѣхъ сторонъ, взысканія сыплются одно за другимъ, а мы, можете себѣ представить, то-есть собственно Янекъ (такъ назы-

вакуют сотрудники редактора Пацлавского), сами же помогаемъ. Янекъ, увлекшись иногда чортъ знаетъ чѣмъ, помѣщаетъ статьи въ такой формѣ, что любой болванъ сумѣетъ сдѣлать изъ нея орудіе въ свою пользу. Горжущаго выкурили, потому что онъ началъ играть въ космополитическую дудку, а первый понавѣсившій осель изъ Собачьей Вульки кропаетъ корреспонденціи въ такомъ духѣ, что ни одинъ изъ насъ не согласился бы съ нею, и все-таки она благополучно проходитъ. И только чрезъ недосмотръ. Хлещутъ какого-нибудь дурака, а «Ruch» рубцы получаетъ... Въ карманѣ, естественное дѣло, пустота». Когда собесѣдникъ пробуетъ выразить сожалѣніе, что дѣла идутъ такъ плохо, Вѣрушъ энергически протестуетъ. Совсе не плохо! Есть много вѣры, не чувствуется запаха рубля. «Подумайте только, вѣдь всѣ сотрудники—бѣдняки, сохнутъ съ голоду, почти гибнутъ и все-таки тащатъ этотъ «Ruch» на своихъ плечахъ. При этомъ возьмите во вниманіе еще и то, что все это—талантливѣйшіе въ Варшавѣ люди, каждое изданіе приняло бы ихъ съ распростертыми объятіями и вымазало бы имъ рты саломъ по уши. Очень легко говорить обществу непріятныя истины съ полной мощной и сытымъ брюхомъ... Но вы взгляните на нихъ и не дѣлайте вывода, что дѣла идутъ плохо, потому что рискуете сказать глупости». При этомъ Вѣрушъ фанатически преданъ той мысли, что «Ruch» оказываетъ громаднѣйшее вліяніе на общественную мысль, а когда ему возражаютъ, что болѣе чѣмъ ограниченное число подписчиковъ едва-ли позволяетъ мечтать о такой крушннй роли изданія, Вѣрушъ замѣчаетъ: «сила наша не въ числѣ подписчиковъ, даже не въ числѣ прочитанныхъ кѣмъ-либо экземпляровъ «Ruch»'а. Развѣ вы не видите, какъ наши принципы съ каждымъ годомъ все болѣе втискиваются въ столбцы прессы, какъ эта бестія проникается духомъ демократизма. Вы думаете, быть можетъ, что это происходитъ благодаря вліянію печатаемыхъ вами филиппикъ? Глупости!.. «Ruch» очень много сдѣлалъ, но совершенно другимъ способомъ... Мы все время выкапывали и теперь выкапываемъ новыя силы, «Ruch» никогда не прибѣгалъ къ помощи существующихъ газетныхъ силъ, потому что самая честная изъ этихъ силъ уже развращена, не можетъ имѣть той независимости и искренности въ провозглашеніи своихъ мнѣній,

которые при нашихъ условіяхъ необходимы... Вотъ мы и разыскиваемъ новыя силы и такая сила у насъ работаетъ... Работаетъ годъ, работаетъ другой, а потомъ эту силу начинаетъ донимать грѣшная плоть, которой хочется къ хлѣбу маслица, а къ мясу—лакомства. Этого у насъ трудно найти. Маслица Млечко не признаетъ... Тогда эта сила тихонько тащится въ другую редакцію... Но — во-первыхъ: она стыдится своего отступничества и то и дѣло оглядывается на насъ; во-вторыхъ: рыбка попалась на крючокъ, нѣсколько лѣтъ работы въ «Ruch»'ѣ оставили въ мозгу такого субъекта неизгладимыя слѣды, которые дѣлаютъ изъ него пионера нашихъ мыслей»...

Все это очень пріятно слышать. Не можетъ быть спору, что беллетристъ описываетъ вещи, въ Варшавѣ всѣмъ хорошо знакомыя. Остается констатировать, что это бодрое молодое теченіе дѣйствительно начинается просачиваться въ польскую прессу и понемногу начинаетъ оздоравливать ее. Чего же лучше, если это оздоровленіе совершается на почвѣ демократическихъ началъ, о которыхъ въ Польшѣ такъ долго не было ни слуху, ни духу?

Не менѣе интересно и пріятно отмѣтить, что люди, несущіе на своихъ плечахъ «Ruch», вышли изъ среды старой шляхты. Шляхтичъ въ роли проповѣдника демократическихъ принциповъ—явленіе въ высшей степени рѣдкое, а когда оно пріобрѣтаетъ массовый характеръ, то становится даже знаменательнымъ. Такъ думаемъ не только мы, но того же мнѣнія держится и графъ Илличъ, шляхтичъ стараго закала, котораго судьба случайно столкнула съ кружкомъ молодежи изъ «Ruch»'а. Это вообще одна изъ лучшихъ фигуръ повѣсти по законченности и цѣльности своей. Илличъ вѣрилъ въ мощность славянской расы и гениальность польской шляхты и часто любилъ говорить, что изъ кнѣзского сока дѣлается сладкое вино. Онъ вѣчно брюзжалъ, вѣчно жаловался, но вѣрилъ въ будущее, вѣрилъ въ себя и въ людей. Никогда никому не позволилъ себя обмануть, потому что вмѣстѣ съ вѣрой у него соединялась удивительная осторожность и зоркость, почти подозрительность. Въ то время, когда иные разорялись, онъ ухитрился еще увеличить свое состояніе.

Вотъ этого-то Иллича не совѣтъ пріятное дѣло привело въ редакцію «Ruch»'а: ему

предстояло вызвать на дуэль одного из сотрудников за оскорбление своего родственника. Изъ послѣдующихъ объясненій Шляхтичъ съ нескрываемымъ удивленіемъ узнаетъ, что въ числѣ присутствующихъ сотрудниковъ есть не мало представителей знакомыхъ ему старыхъ шляхетскихъ фамилій. При прощаніи онъ со свойственнымъ ему прямодушіемъ высказываетъ вслухъ свое удивленіе, что въ редакціи, ведущей противъ шляхты довольно острую борьбу, такъ много есть шляхетскаго элемента, и заканчиваетъ рѣчь слѣдующимъ образомъ:

— Эго, сударь мой, удивительно и знаменательно. Вашей газеты, правду сказать, я совсѣмъ не знаю, но вполне увѣренъ, что она, сударь мой, въ своемъ родѣ выдающаяся вещь. Шляхтичъ польскій, сударь мой, это такой дьяволъ, что если онъ за что нибудь возьмется съ сердцемъ и душой, то всѣхъ, сударь мой, превзойдетъ въ этомъ. Это, сударь мой, чрезвычайно гениальная раса, эта самая польская шляхта. Она, сударь мой, все можетъ сдѣлать, если захочетъ, все...

Душой редакціоннаго кружка является Вѣрушъ,— тотъ самый, который такъ своеобразно оцѣниваетъ общественную роль своего дѣтища. Оказывается, что въ существѣ дѣла онъ довольно справедливо признаетъ за «Ruch»'омъ морально-воспитательное значеніе для начинающихъ авторовъ. Онъ забылъ только сказать, что источникомъ этихъ согрѣвающихъ и просвѣщающихъ лучей является онъ самъ. Это мы узнаемъ изъ одушевленнаго разсказа одного изъ дѣйствующихъ лицъ, обязаннаго Вѣрушу своимъ развитіемъ, даже всѣмъ складомъ своей личности.— Старая это исторія— говоритъ этотъ господинъ Дашовскому,— работа Вѣруша... Вѣрушъ!... Отдаете ли вы себѣ отчетъ, сколько въ каждомъ изъ васъ есть этой работы Вѣруша, его мыслей, брошенныхъ когда-то на самое дно нашего самосознанія? Могучій умъ, святая, кристально чистая душа, сердце, настроенное въ столь высокомъ тонѣ, что никто изъ насъ не въ состояніи оцѣнить его!... Старая это исторія!... Не разъ цѣлыми часами я лежалъ на его грязной постели, а онъ шагаль на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженей своей конурки и говорилъ... Онъ говорилъ, а я лежалъ и пытался какое-то высшее блаженство. Старые горизонты летѣли къ чор-

ту, предъ очами рисовались новыя перспективы, раскрывался чудный свѣтъ, я просто захлебывался въ этой небывалой свѣжести воздуха, который этотъ человекъ вливалъ мнѣ въ грудь... И онъ такъ же говорилъ съ каждымъ, онъ не признаетъ столь ограниченной интеллигентности, съ которой онъ считалъ бы несообразнымъ подѣлиться содержаніемъ своей души...

Только-что переданный монологъ очень близко напоминаетъ разсказъ Лежнева о Покорскомъ въ «Рудинѣ». Конечно, содержаніе этихъ бесѣдъ, должно быть, значительно измѣнилось (гегелянцевъ теперь и сыскать трудно), но результатъ ихъ, очевидно, одинъ и тотъ же, и Вѣрушу принадлежитъ та же миссія эжигать священный огонь въ груди молодежи, что и Покорскому.

И по характеру они близко подходятъ другъ къ другу. Вѣруша г. Пашковскій рисуетъ идеалистомъ чистѣйшей воды. «Этотъ критикъ, психологъ, поэтъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ современныхъ умовъ ютился гдѣ-то на вышкѣ безъ всякой надежды, чтобы средства когда-нибудь позволили ему поселиться хотя этажемъ ниже и надѣтъ незаплатанный сюртукъ». Работа въ «Ruch»'ѣ, какъ мы знаемъ, не давала маслица къ хлѣбу, и Вѣрушъ отдавался ей съ увлеченіемъ совершенно безкорыстнымъ, поддерживая свое скудное существованіе переводами.

Въ нѣсколько другомъ вкусѣ, но такую же свѣтлую фигуру представляетъ собой докторъ Прондковский, связанный тѣсно съ тѣмъ же кружкомъ. Онъ почти ничего не говоритъ, но много дѣлаетъ, съ утра до вечера заглядывая въ тѣ дыры, гдѣ обитаетъ самая страшная нищета. Пріятели начинаютъ опасаться, что такъ онъ скоро уходитъ себя, и просятъ Дашовскаго взять его съ собой въ деревню отдохнуть, при чемъ одинъ изъ нихъ характеризуетъ этого столь рѣдкаго по нынѣшнимъ временамъ эскулана слѣдующимъ образомъ:

— Это совершенно исключительный человекъ. Языкомъ не мелетъ, а свою линію ведетъ и какъ ведетъ! Онъ, можетъ быть, одинъ только вноситъ настоящую жизнь въ наши благотворительныя учрежденія. Черезъ его посредство хотя нѣкоторая частица щедротъ нашей псевдо-филантропіи достигается до дѣйствительной бѣдности. Лѣнитъ, даетъ совѣты, спасаетъ, вылавливаетъ такіе экзотическіе экземпляры городской нищеты, о которой нашъ

раздушенный благотворительный спорт не читывал даже въ повѣстяхъ. Жаль, если такой человекъ преждевременно надорветъ свои силы...

Прондковский—не единственный представитель кружка, отдающій свои силы непосредственно общественной дѣятельности. Такую же готовность проявляютъ еще трое, замышляющіе ѣхать въ Бразилію для оказанія всякой помощи польской крестьянской эмиграціи. Эта поездка служить предметомъ постоянныхъ дебатовъ, выясняющихъ кое-какія подробности аграрныхъ отношеній въ современной Польшѣ. Наибольшимъ авторитетомъ въ этихъ спорахъ пользуется голосъ Бржозовскаго, который думалъ быть врачомъ, но потомъ бросилъ медицину, жилъ уроками и составлялъ популярныя книжки для народа. Происходя изъ народа, отлично зная сельскій бытъ, Бржозовскій смотрѣлъ на вещи прямо и совершенно не раздѣлялъ идеализма Вѣруша.

Когда Дашовскій замѣчаетъ, что затѣваемая поездка въ Бразилію не рациональна, такъ какъ и на родинѣ рукъ мало, и что лучше было бы приложить усилія у себя, чтобы облегчить положеніе деревни, Бржозовскій машетъ рукой. Онъ не согласенъ, чтобы можно было что-нибудь сдѣлать для облегченія деревни именно въ настоящее время, когда землевладѣльцы начинаютъ превращаться въ селъско-хозяйственныхъ промышленниковъ и когда отношеніе ихъ къ крестьянамъ все болѣе приближается къ типу отношеній фабриканта къ рабочей силѣ. Вислѣдствіи, конечно, все это испрaвится и войдетъ въ желательную колею, но это будетъ не скоро и будетъ сдѣлано руками уже послѣдующихъ поколѣній. Теперь же онъ, Бржозовскій, не намѣренъ сидѣть сложа руки и ждать у моря погоды; онъ хочетъ попопробовать, не удастся ли помочь хоть тѣмъ несчастнымъ голышамъ, которые переплываютъ за океанъ и тамъ гибнутъ. Ихъ тысячи, это дѣло принимаетъ широкія рамки. Интересно отмѣтить, что Бржозовскій смотритъ на шляхту нѣсколько иначе, чѣмъ графъ Плинчъ. Онъ держится мнѣнія, что шляхта не въ силахъ облегчить положеніе деревни, хотя бы и хотѣла этого. «Вѣдь вотъ вы изъ той же касты—обращаетъ онъ къ Дашовскому—и при томъ не изъ худшихъ. Что же вы, спрошу васъ, успѣли сдѣлать? Ничего... И ничего не сдѣлаете, ничего не

въ состояніи будете сдѣлать, потому, что очень ужъ заманчиво пахнетъ для васъ прошлое, такъ называемое доброе старое время,—потому что очень много въ васъ есть кастоваго эгоизма и лѣни»...

Справедливость требуетъ сказать, что ниспизмизмъ Бржозовскаго не вполне основателенъ, а въ частности по отношенію къ Дашовскому Бржозовскій оказался лжепророкомъ. Если вѣрить беллетристу, Дашовскій принадлежитъ къ числу тѣхъ «хорошихъ уродовъ», какъ говорила гончаровская бабушка, въ душѣ которыхъ отсутствуетъ эгоизмъ. Пріѣхавши въ свое родовое помѣстье, онъ попросилъ своего управляющаго, взятаго по рекомендаціи хорошо знакомаго намъ Вѣруша, дать полный и безпристрастный отчетъ, какъ обстоятъ дѣла въ крестьянскомъ мірѣ. Управляющій нарисовалъ ужасающую картину, которая производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что онъ все время говорить дѣловымъ, сухимъ тономъ.

— Вы хотите знать правду?—начинаетъ управляющій. Плохо... Многолюдство, нужда, невѣжество, а вмѣстѣ съ этимъ — кулачество, пьянство, деморализація, преступность, въ области которой первое мѣсто занимаетъ повсемѣстное воровство. Населеніе увеличилось, а земли не прибавилось. На хозяйскомъ грунтѣ, гдѣ въ эпоху освобожденія крестьянъ стояла одна хата, тамъ теперь стоитъ три хаты. Тѣснота, грязь, ссоры, а такъ какъ въ ближайшемъ мѣстечкѣ обыкновенно свилъ себѣ гнѣздо подпольный адвокатъ-жидокъ, то процессы идутъ непрерывно, и на нихъ это голодное и глупое стадо окончательно разоряется... Вы понятія не имѣете о томъ безотрадномъ невѣществѣ, которое окончательно давитъ этихъ бѣдняковъ... Вчера я повстрѣчался на вокзалѣ съ возвращающимся изъ судебной палаты Семеновъ Грабаремъ; онъ проигралъ процессъ, котораго и не могъ выиграть никакимъ образомъ, задолжалъ по-уши, а заставить и не думаетъ... Поддразниваемый Гольдфарбомъ изъ Бубнова, онъ твердитъ, что за сенатомъ еще «святѣйшій синодъ», а въ слѣдующей инстанціи — апелляція «къ тремъ королямъ»... Вы представляете себѣ, что это значитъ?.. Тройственный союзъ является источникомъ доходовъ для Гольдфарбовъ изъ Бубнова!.. Грабарь за кусокъ земли готовъ жену свою продать, а Гольдфарбъ за пару рублей смастерить ему просьбу о чужой землѣ

къ тройственному союзу средней Европы... Все это крайне печально... Въ хатѣ тѣсно-та, грязь, ѣдятъ плохо; семейныя отношенія мерзки, деморализація возрастаетъ съ каждымъ днемъ... А народъ хорошій, сердечный, въ основѣ даже благородный... Плохо, милостивый государь, невозможно глупо и, если хотите, грустно... Смотря, кто какъ на это смотритъ... Говорить о патриархальномъ родовомъ началѣ въ крестьянствѣ—абсурдъ! Это совершенно похоже на то, какъ если бы бонна, на глазахъ у которой дерутся дѣти, сидѣла бы себѣ спокойно и утѣшалась: какъ я добра, какъ я добросовѣстно выполняю обязанности; рубашки на дѣтяхъ чистыя, булочки изъ ихъ кармановъ я не забираю... Это глупое сравненіе, но вы меня не понимаете. Плохо дѣло, до отвратительности плохо!..

Выслушавъ этотъ разсказъ и освѣдомившись о цифрѣ чистаго дохода, приносящаго имѣніемъ, Дашовскій даетъ распоряженіе, чтобы изъ пяти тысячъ Мясцовскій (управляющій) высылалъ ему полторы, а остальными распоряжался по усмотрѣнію для улучшенія быта крестьянъ. Становится очень досадно, когда подумаешь, что о такихъ распоряженіяхъ приходится читать только въ романахъ, а въ жизни подобныхъ примѣровъ что-то не слышать. Беллетристы, впрочемъ, говорятъ обо всемъ этомъ очень увѣренно и въ концѣ повѣсти приводятъ даже письмо Мясцовскаго къ своему патрону съ отчетомъ, откуда узнаемъ, что ему покамѣстъ удалось добиться выселенія подпольнаго адвоката Гольдфарба изъ Бубнова. Чтò жъ, и это недурно. Даже и то хорошо, что теперешніе шляхтичи оставляютъ въ своихъ имѣніяхъ управляющими Мясцовскихъ, у которыхъ есть кусочекъ человѣческаго сердца. Деревнѣ будетъ легче жить съ такими людьми.

Предстоящій отъѣздъ въ Бразилію трехъ лицъ изъ кружка «Ruch» даетъ поводъ автору ввести читателя ближе въ кругъ отношеній, существующихъ между членами этой литературной семьи. Хотя это временная разлука, но друзья побаиваются, чтобы кружокъ не распался при столь значительной убыли, и стараются тѣснѣе сплотить остающихся. Мы узнаемъ это изъ бесѣды Олецкаго съ Бяleckомъ. Бялекъ—художникъ, отправляющійся въ Бразилію, даетъ рядъ наставленій своему близкому другу, вмѣстѣ съ которымъ онъ жилъ въ послѣднее время у Дашовскаго. Олецкій—начинающій драматургъ, пьеса котора-

го только-что напумѣла, мнѣйшій и безпутнѣйшій человѣкъ. Друзья дразнятъ его Гауптманомъ. У Дашовскаго онъ поселился по той простой причинѣ, что ему отказали на прежней квартирѣ за неплатежъ денегъ. Сцена начинается тѣмъ, что Олецкій, въ виду приближающагося отъѣзда друга, тоже собирается переселиться и укладываетъ въ сундучокъ свои немногочисленные пожитки.

«Олецкій старается увѣрить себя, что онъ—свинья, такъ какъ уже второй мѣсяцъ пользуется чужимъ помѣщеніемъ, и потому постановилъ еще сегодня съѣхать; въ существѣ дѣла, однако, источникомъ собачьяго настроенія является приближающійся отъѣздъ Бялека въ Америку, такъ какъ Олецкій любитъ Бялека, хотя не хочетъ признаться въ этомъ, и потому старается сорвать злость на какой-нибудь посторонней причинѣ».

Бялекъ у окна заканчиваетъ какую-то картину.

Долгое время господствуетъ молчаніе, а когда Бялекъ съ Олецкимъ находятся вмѣстѣ и молчатъ, то такая тишина предвѣщаетъ обыкновенно бурю.

— Гауптманъ! — отзывается, наконецъ, Бялекъ.

— Обезьяна! — отвѣчаетъ Олецкій.

И снова молчаніе.

— Къ чему это ты свое богатство разшвырялъ по всему полу? — спрашиваетъ Бялекъ.

— Я съѣзжаю.

— Кто это билъ тебѣ въ башку? Пустяки говоришь, почтеннѣйшій...

— Билъ или не билъ, а я съѣзжаю. Довольно ужъ съ меня, неси его возьми!

— Не съѣдешь, покамѣстъ я не уѣду.

— А вотъ нарочно сегодня же переѣду на Иерусалимскую, и дѣ Кроняжъ найдетъ мнѣ отличную конурку.

Бялекъ пожимаетъ плечами и равнодушно растираетъ краски, а потомъ, закуривши папироску, отходитъ отъ картины и начинаетъ ее разсматривать.

— Гауптманъ! — отзывается онъ снова.

— Оставь, Бялекъ!

— Рада бы душа въ рай, да лѣнь на землѣ держитъ! — усмѣхается Бялекъ.

— Перестань! — повторяетъ Олецкій.

— Не перестану. Если я говорю тебѣ — Гауптманъ, это значитъ, что тебѣ предстоитъ быть Гауптманомъ, и что ты былъ

бы имъ, если бъ не шельмовская лѣность, которая обѣими лапами держитъ тебя за чубъ.

— Не хочу вовсе быть Гауптманомъ, потому что не могу имъ быть, — угрюмымъ голосомъ защищался Олецкій.

— Молчи и слушай. Я уѣзжаю.

— Ну, и поѣзжай къ бѣсу!

— Уѣзжаю не менѣе какъ на годъ...

— Хотя бы и на триста лѣтъ...

— Глушій! Береги Огія. Поселись вмѣстѣ съ нимъ и береги, чтобы парень не свихнулся.

— Да зачѣмъ же мнѣ беречь Огія, когда онъ уѣзжаетъ въ провинцію? Тоже сказать...

— Ему не слѣдуетъ уѣзжать, — продолжаетъ Бялекъ. Не для того мы десять лѣтъ жались въ кучку, чтобы теперь, когда достигаемъ плодовъ, нашъ умъ и совѣсть лезть къ нечистому. Огію еще раненько уѣзжать. Если выбросить молодого щенка преждевременно на улицу, онъ непременно опаршивѣетъ. У Огія нѣтъ еще соответственной силы. Понимаешь?

— Все равно и здѣсь опаршивѣетъ, — говорить Олецкій. Съ бабами возится, и онъ его заѣдаетъ...

— Береги его! — продолжаетъ рисовать Бялекъ.

— Никакъ невозможно! У Огія-шельмы есть еще душокъ невинности, а бабы любятъ это, смакуютъ съ наслажденіемъ. И чѣмъ больше псорчена баба, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ она смакуетъ это. Такой человекъ покою ей не даетъ. А ты вѣдь самъ по опыту знаешь, что бальзаковскія дамы наиболѣе опасны для такихъ поросенковъ, какъ Огій. Страхъ, сколько вреда онъ намъ приносятся, — сокрушенно вздыхаетъ Олецкій.

— Поселись вмѣстѣ съ нимъ и береги его, — повторяетъ Бялекъ.

Олецкій минуту смотритъ на Бялека, потомъ быстро соскакиваетъ съ дивана, толкаетъ ногой сундучокъ и обозленнымъ голосомъ говоритъ:

— Шарлатанъ и лжецъ!

— Мебели не надо портить, — спокойно замѣчаетъ Бялекъ.

Олецкій весь красный грозно морщитъ брови.

— И къ чему это ты, Бялекъ, плетешь басню объ Огіѣ, когда ты въ немъ вполне увѣренъ? Ты думаешь — Огій талантливъ, Огій разсудителенъ, Огій трудолюбивый парень, только къ женскому полу слабость

имѣетъ... Если Олецкій поселится съ Огіемъ и будетъ остерегать его отъ женщинъ, то Огій, въ свою очередь, будетъ заохочивать его къ работѣ, будетъ вѣдѣствовать на него примѣромъ и такъ далѣе... Просто, одна подлость, какъ этотъ Бялекъ лжетъ!

— Ты поселишься съ Огіемъ, — продолжаетъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ Бялекъ.

— Никогда!

— А я тебѣ говорю, ты поселишься съ нимъ, потому что ты любишь Огія, Огій любить тебя, вы оба съ Огіемъ любите меня, а всѣ мы, сколько насъ есть въ кучкѣ, любимъ... Вѣдь ты знаешь, что мы любимъ!.. Satis...

Кружку «Ruch» угрожаетъ опасность еще и съ другой стороны. Группа богачей купила львовское изданіе «Swit» и закладываетъ сѣти, желая переманить къ себѣ талантливую молодежь изъ «Ruch»'а. Мотивы выставлены самые благовидные. «Вы посмотрите, что у насъ дѣлается, — говоритъ одинъ изъ этихъ богачей. Вѣруешь вѣчно терпѣть голодъ и не можешь ничего создать, потому что его ростовщики душатъ, Олецкій могъ бы писать прекрасныя драмы, а вмѣсто того теперь кропаетъ жалкую газетную стряпню, младшій Блоцкій — безспорный талантъ, а вотъ увидите, что наши «Figaro» поглотятъ его безъ остатка, потому что парень вмѣсто того, чтобы работать надъ собой, принужденъ работать на себя, средствъ нѣтъ, чтобы выбиться, и онъ погибнетъ, если не придетъ къ нему на помощь».

Задачи этого новаго изданія вырисовываются съ большою определенностью, чѣмъ мы видѣли относительно «Ruch»'а. Графъ Лятальскій — одинъ изъ собственниковъ «Swit»'а — говоритъ такъ: «Я вашего всеобщаго равенства не боюсь, да и правнукъ мой не будетъ имѣть нужды бояться; съ другой, однако, стороны свѣтъ на одномъ мѣстѣ не стоитъ, а мы до сихъ поръ дремали, когда все шло впередъ. Это — фактъ, и я считаю его для насъ, для аристократіи, вреднымъ... У насъ есть выработанный вѣками опытъ, дипломатическая проницательность, чувство мѣры, элементъ холодной разсудительности, которой всегда не хватаетъ толпѣ... По моему мнѣнію, мы не имѣемъ права держать мертвымъ такой капиталъ; вмѣсто того, чтобы стонать и жаловаться, намъ слѣдуетъ захватить возжи въ свои руки, тѣмъ болѣе, что у насъ есть и матеріальныя средства и влія-

ние довольно значительное. Всѣмъ этимъ нужно воспользоваться и снова занять соотвѣствующее нашимъ традиціямъ положеніе». Другой собственникъ поетъ еще лучше: «Мы хотимъ привлечь къ работѣ такія сферы, которыя имѣютъ въ рукахъ могущественное оружіе — матеріальныя средства, употребляемыя теперь въ высшей степени непроизводительно. вмѣстѣ съ тѣмъ мы желаемъ создать такой органъ, который давалъ бы возможность настоящимъ талантамъ развиваться, независимо отъ газетной тѣлѣжки, которая ихъ гнететъ теперь и извращаетъ».

Беллетристъ опускаетъ занавѣсъ раньше, чѣмъ «Swit» родился, и что выйдетъ изъ этого изданія — покажетъ не извѣстно.

Подмѣченный авторомъ Rodniebie признаки поворота польской общественной жизни заслуживаютъ полнаго вниманія. Есть намеки на то, что въ польской націи открывается родникъ демократическаго настроенія, интеллигенція начинаетъ обращать взоры на народъ, которому живетъ такъ плохо. Даже аристократія начинаетъ пробуждаться, сбрасывать свою величавую неподвижность, хочеть смѣшаться съ толпой. «Въ душу ихъ закрадывается какая-то тревога; это совѣсть начинаетъ въ нихъ просыпаться» — такъ характеризуетъ одно изъ дѣйствующихъ

лицъ это настроеніе аристократіи. Конечно, на ея сторонѣ сила денегъ и могущество власти, и если она пожелаетъ принять участіе въ созидательной общественной работѣ, то это участіе можетъ быть и плодотворнымъ, и значительнымъ. Но не ей будетъ принадлежать главнѣйшая заслуга, если когда-нибудь настанетъ полное обновленіе началъ, характеризующихъ польскую общственность. Первый толчокъ данъ не изъ пышныхъ палаццо, а изъ бѣдныхъ чердачковыхъ, гдѣ ютятся Вѣруши и Прондковскіе. Даже систематическій голодъ не заглушаетъ въ нихъ живой любви къ страдающему брату. Авторъ устами Дашовскаго признаетъ, что «этотъ кружокъ молодыхъ работниковъ во всякомъ случаѣ успѣлъ уже достигнуть весьма важныхъ результатовъ и что горсть этихъ силъ, производительно работающихъ на общественномъ поприщѣ, все болѣе разрастается и тихо, безъ кричащей рекламы распространяетъ свои мнѣнія и принципы въ средѣ общества». Къ сожалѣнію, мы не можемъ раздѣлять такого оптимизма: если вспомнить, какъ крѣпко проникнула старая шляхетская закваска во всѣ поры польскаго общественнаго организма, то слѣдуетъ признать, что этой горсти предстоитъ еще очень долгій и тернистый путь, пока удастся достигнуть настоящихъ результатовъ.

К. Храчевичъ.

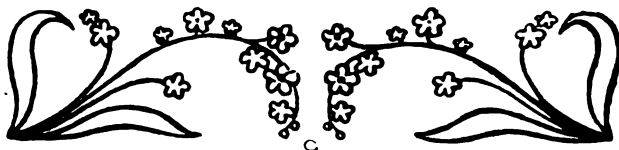
ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

(Р. Киплинга).

Въ тавернѣ «Жизнь» сошлись однажды
Любовь и Смерть, прервавъ свой бой;
Вина велѣли дать, и каждый
Колчанъ на землю сбросилъ свой.
Но, пиръ окончивъ, увидали,
Что распознать не могутъ стрѣлы:
Въ травѣ густой онѣ лежали,
Гдѣ чьи — никто не разсмотрѣлъ.
Какія подъ руку попались,
Схватили оба вионыхъ, —

И Смерть съ Любовью сочетались
Съ тѣхъ поръ у каждого въ рукахъ.
Въ колчанѣ Смерти много скрытыхъ
Любовныхъ стрѣлъ (сердечныхъ ранъ!),
Отъ стрѣлъ же Смерти ядовитыхъ
Любви ломается колчанъ.
Но врядъ ли Смерть съ Любовью знаютъ,
Спуская тучи стрѣлъ своихъ,
Что стариковъ своихъ онѣ влюбляютъ
И убиваютъ молодыхъ!

Е. М. Студенская.

ЖЕНЫ ГЕЙНЦА АРНОЛЬДА.

РОМАНЪ ТЕИ ФОНЪ-РОМЪ.

(съ рисунками Каспари) (съ нѣмецкаго переводъ Е. В. Кившенко).

I.

Женщина-докторъ и мужчина-докторъ.

Лиза Квандтъ сидѣла за своимъ удобнымъ большимъ письменнымъ столомъ и заканчивала статью для газеты «Моргенцейтунгъ». Яркое весеннее солнце заглянуло въ окно, согрѣло своимъ мягкимъ теплымъ свѣтомъ ландыши и другіе цвѣты, въ изобиліи украшавшіе комнату, и придавало золотистый блескъ бѣлокурнымъ, гладко зачесаннымъ волосамъ владѣтельницы этихъ цвѣтовъ. Раздался звонокъ. Лиза быстро подняла голову, взглянула на часы. Половина двѣнадцатаго. Она нехотѣя встала, оглядѣла свое домашнее платье, ниспадавшее мягкими свободными складками, и тщательно вытерла чернильное пятно на третьемъ пальцѣ правой руки.

— Господинъ докторъ Арнольдъ, — доложила служанка.

— Простите.

Гейнцъ Арнольдъ поклонился молодой дѣвушкѣ вѣжливо, но разсѣянно: его глаза искали кого-то въ комнатѣ.

— Не будете ли вы такъ добры сказать мнѣ, дома ли вашъ отецъ. — обратился онъ, наконецъ, къ Лизѣ. — я былъ бы ему весьма благодаренъ, если бы онъ меня...

— Мой отецъ, спросила удивленно Лиза, что же вамъ угодно?

— Я пришелъ по поводу послѣдней воскресной статьи въ «Моргенцейтунгъ» о буддистахъ-аскетахъ; вашъ отецъ развилъ въ ней такія интересныя теоріи съ точки зрѣнія медицины, что я пришелъ узнать у него нѣкоторыя...

— О, докторъ, я боюсь, что вы требуете слишкомъ многого. Мнѣ очень лестно слышать, что статьи, хотя и тщательно составленныя, но чисто теоретическія, обратили на себя ваше вниманіе, да еще съ научной точки зрѣнія. Я все же должна еще разъ подчеркнуть, что это только теоретическія разсужденія. Я никогда не была въ Индіи и заимствовала матеріалъ для этихъ статей изъ книгъ.

— Я, признаюсь, предпочелъ бы говорить о такихъ вопросахъ съ господиномъ докторомъ Квандтъ, такъ какъ нахожу, что данная тема нѣсколько, ну, какъ бы вамъ сказать, нѣсколько щекотливаго свойства, и о ней неособенно-то удобно разговаривать съ молодой дѣвицей.

Лиза разсмѣялась и продолжала хохотать до тѣхъ поръ, пока молодой докторъ не сказалъ довольно рѣзкимъ тономъ:

— Право, не понимаю, что могло вызывать такую веселость, я не вижу ничего смѣшного въ моихъ словахъ.

— Милый докторъ, прошу васъ не обижайтесь, но это въ самомъ дѣлѣ такъ комично, вѣдь, право же, не существуетъ никакого господина доктора Квандтъ, и щекотливыя статьи написаны мной.

Прошло двѣ-три минуты прежде, чѣмъ Арнольдъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло; онъ вообще не отличался способностью быстро соображать и схватывать.

— Мнѣ кажется, вы просто надо мной потѣшаетесь, — сказалъ онъ, надѣясь, что она опять засмѣется.

Но теперь она оставалась совершенно серьезной.

— Нѣтъ, это совершенная правда, — продолжала она, — я выдержала экзаменъ въ Цюрихѣ, и я докторъ философіи, а буддизмъ, т. е. вообще религія индійцевъ, мой любимый конекъ. Мой отецъ давно умеръ, моя мать... Но, право, не могу вамъ сказать, гдѣ она находится въ данное время, она вѣдь сотрудничаетъ во многихъ газетахъ, которыя посылаютъ ее, какъ корреспондентку, путешествовать по всему земному шару. Можетъ быть, вы слышали, это она три года тому назадъ совершила знаменитую кругосвѣтную поѣздку, о которой такъ много писали и говорили.

— А, вотъ какъ! — нашелся только сказать Арнольдъ.

Онъ былъ пораженъ, онъ пришелъ сюда, въ надеждѣ узнать много новаго и получить отвѣтъ на занимающіе его вопросы: онъ былъ молодъ и не стыдился еще спрашивать и учиться. Да, но только у женщины, а тутъ передъ нимъ сидѣла красивая молодая дѣвушка. Неужели онъ, мужчина, станетъ чему-нибудь учиться у женщины. Смѣшно, — даже больше — глупо. Но какъ выйти изъ этого глупаго положенія?

— Не будете ли вы такъ добры назвать мнѣ источники, откуда вы черпали матеріалъ для вашихъ статей?

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Но мнѣ бы пришлось вамъ назвать почти всю древнюю индійскую литературу, кромѣ того, множество китайскихъ переработокъ буддистскихъ легендъ. Въ моихъ статьяхъ всѣ заключенія выведены на основаніи всей этой литературы. Не укажете ли вы мнѣ, которая именно изъ высказанныхъ мною теорій васъ больше всего интересуетъ, и я къ вашимъ услугамъ, и охотно разъясню вамъ, что вы желаете знать.

Оказалось, однако, что доктору Арнольду надо было куда-то спѣшить, онъ что-то пробормotalъ о какомъ-то засѣданіи и о томъ, какъ онъ сожалѣетъ, что не можетъ сейчасъ же воспользоваться ея любезностью, но что когда-нибудь постѣ и такъ далѣе... Поспѣшно прощаясь съ Лизой, онъ мысленно давалъ себѣ слово никогда не переступать больше порога квартиры этой современной дамы.

Право, было огъ чего краснѣть — конечно, за эту молодую дѣвушку.

Лиза грустно улыбнулась, когда закрылась дверь за этимъ поспѣшителемъ. Для нея уже не было ничего новаго въ этомъ возмущеніи мужчинъ противъ женщины, осмѣлившейся пріобрѣсти тѣ знанія, которыя считались только имъ одними доступными. И она прекрасно знала, что тѣмъ самымъ она какъ-бы поставила себя внѣ обществъ: какъ мужчинъ, такъ и женщинъ не хотѣли ее признавать за свою. Въ такіе одинокіе часы размышленія она съ грустью думала о томъ, что быть женщиной значитъ быть въ глазахъ почти всѣхъ какимъ-то низшимъ сортомъ человѣчества, и что мужчины, отказывающіе ей въ правѣ стоять съ ними на одномъ умственномъ уровнѣ, перестали даже видѣть въ ней «женщину». Но Лиза была красива, и она это сознавала, и кромѣ того она была въ полномъ смыслѣ слова женщиной. Съ тѣхъ поръ какъ она окончила университетъ и сдала экзаменъ, у ней было довольно свободнаго времени для размышленія, и она сознала и поняла, въ чемъ заключается все несчастіе женской патуры — въ потребности имѣть другого близкаго человѣка, который бы ее какъ бы дополнялъ. Красивый докторъ не подозрѣвалъ, что и философскіи могутъ влюбляться.

Гейнцъ Арнольдъ медленно возвращался домой. Онъ жилъ у матери и почти не выезжалъ изъ своего родного города. Окончивъ медицинскій факультетъ, онъ по протекціи одного родственника получилъ мѣсто военнаго врача въ одномъ изъ полковъ, стоящихъ въ томъ городѣ, гдѣ они жили, и мать ему отдала гостиную для пріема больныхъ. Не могла же она въ самомъ дѣлѣ согласиться, чтобы ея любимецъ подвергался неудобствамъ меблированныхъ комнатъ. Арнольдъ никогда до этого дня и не думалъ, что могъ бы иначе устроиться, но сегодня въ первый разъ поймалъ себя на этой мысли: право, теперь было бы такъ пріятно посидѣть въ совершенномъ одиночествѣ и пораздумать о только-что слышанномъ и видѣнномъ.

Его младшая сестра, Анна-Марія, которая готовилась сдавать экзаменъ на учительницу, открыла ему дверь.

— Ну, наконецъ-то, Гейнцъ, мы умираемъ съ голоду, вѣдь сейчасъ уже половина второго. Густель чуть не плачетъ о перева-

ренномъ картофелѣ. И маіоръ уже давно она была премило одѣта, да и вообще у ней пришла.

— Неужели тебѣ задержать такъ долго этотъ докторъ Квандтъ?—спросила недовольнымъ тономъ госпожа Арнольдъ, когда вся семья сидѣла за испорченнымъ обѣдомъ. Мать пытливо взглянула на сына, а затѣмъ обратилась къ старшей дочери.

Маіоръ, старый холостякъ того же полка, въ которомъ Арнольдъ былъ докторомъ, обѣдать у нихъ разъ въ недѣлю, и Августа, старшая сестра, бывала въ отчаяніи, если обѣдъ, присматривать за которымъ входило въ ея обязанности, почему-либо не подавался въ этотъ день во-время, и поэтому являлся на столъ въ пережаренномъ и переваренномъ видѣ.

— Да, т.-е. собственно говоря, нѣтъ, — Гейнцъ не любитъ прибѣгать ко лжи даже въ затруднительныя минуты, — я вмѣсто стараго ученаго засталъ молодую даму.

— Его дочь?

— Эга дама и была авторъ этихъ интересныхъ статей.

— Какъ, я вѣдь полагала, что рѣчь идетъ о какихъ-то медицинскихъ вопросахъ?

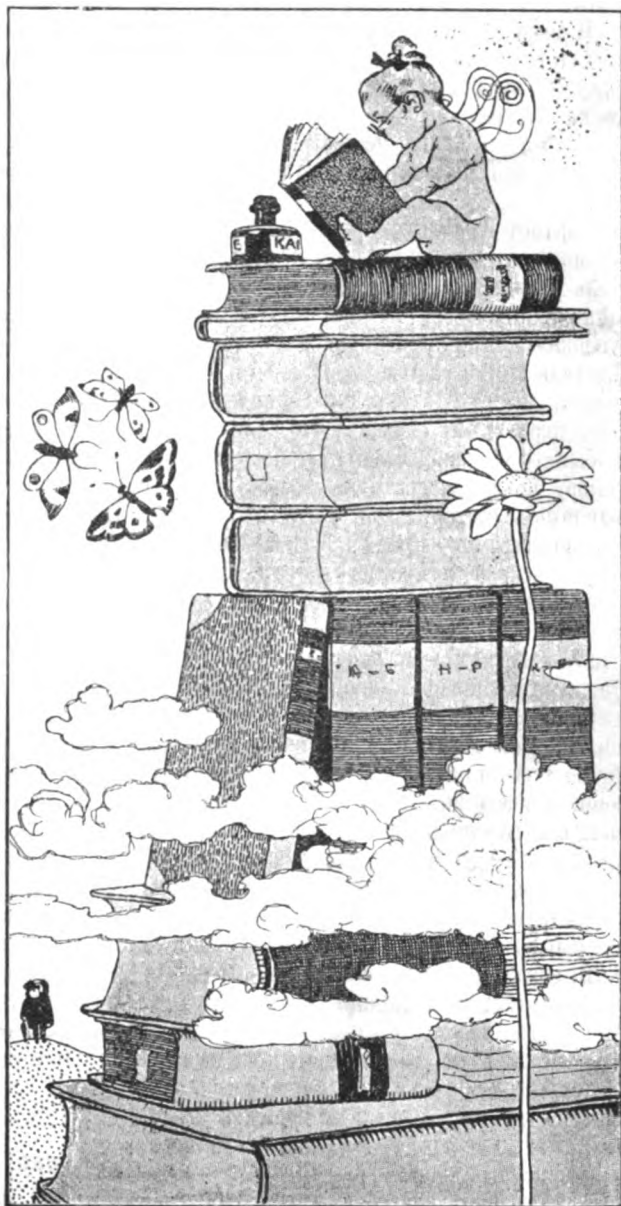
— О, такъ, значитъ, женщина врачъ! — воскликнула Анна-Марія, а есть ли у ней практика?

— Фрейлейнъ Квандтъ — докторъ философіи, — пояснилъ Гейнцъ, — я, конечно, былъ очень удивленъ. Миѣ вѣдь казалось, что въ этихъ статьяхъ было много интересныхъ и даже цѣнныхъ свѣдѣній, которыя не доступны пониманію молодой дѣвушки.

— Молодая дѣвушка, — переспросила Августа, давно уже пережившая періодъ первой молодости, должно быть, такая цюрихская студентка, стриженная и въ невозможномъ костюмѣ?

— Ошибаешься, милый другъ, у ней прекрасные бѣлоскурые, густые, длинные волосы,

— Право. Густель, послѣ твоего сегодняшняго плохого обѣда я серьезно начинаю думать, что тебѣ, пожалуй, было бы полезно изучать какія-нибудь науки, чѣмъ заниматься хозяйствомъ, потому что такой высохшій

картофель и соленый салат не могла бы ты подать даже самому терпеливому и невзыскательному мужу, не правда ли, майоръ?

— Что вы, помилуйте, все прекрасно, могу ли я попросить еще этого вкуснаго салата?

И добрый майоръ, желая угодить Августѣ, съѣлъ весь салатъ, а Гейнцъ, видя это, сейчасъ же предложилъ ему принять чайную ложку натра.

— А то я, право, не знаю, будете ли вы въ состояніи постѣть этого мнѣ аккомпанировать.

Докторъ Арнольдъ прекрасно игралъ на скрипкѣ, а толстый майоръ, страстный любитель музыки, съ величайшимъ наслажденіемъ аккомпанировалъ ему, но такъ какъ онъ увлекался и никогда не держалъ такта, то Густель всегда сидѣла подлѣ него и въ полголоса считала. Но сегодня Гейнцу не хотѣлось играть; онъ сказалъ, что долженъ еще побывать у одной пациентки, и посоветовалъ майору пока проиграть въ четыре руки съ одной изъ сестеръ только-что полученную новую увертюру. Придя въ свой кабинетъ, онъ отыскалъ воскресный номеръ «Моргенцейтунга» и принялся вновь перечитывать статью. Странная вещь, статья о буддистахъ-аскетахъ не казалась ему уже теперь такой выдающейся и значительной. И тѣ логическіе доводы, которые ему такъ понравились, показались ему неясными, какъ-бы притянутыми за волосы, никого не убѣждающими доводами. А потомъ это питимное описаніе гаремной жизни, всѣ эти пороки, весь этотъ развратъ, вызвавшіе у буддистскихъ князей такое отвращеніе къ жизни, описаніе аскетическаго самобичеванія, чтобы избавиться отъ «пожирающаго пламени пяти страстей», и основанные на этомъ советы питаться кореньями и водой, потому что «сотни вкусно приправленныхъ яствъ, подаваемыхъ во дворцахъ, только горючій матеріалъ для легко воспламеняемыхъ плотскихъ страстей». Арнольдъ покачалъ головой. Какъ, и это вышло изъ-подъ пера, управляемаго женскою рукой! Ясные красивые глаза Лизы, ея гибкая стройная фигура предстали передъ нимъ; нехорошія мысли пробудились въ немъ — повидимому, эта молодая особа приобрѣла довольно таки странныя познанія — собственнымъ опытомъ что ли?

Музыка не кленлась сегодня. Толстый майоръ сталъ рассказывать разныя новости и

между прочимъ сказать, что онъ встрѣтитъ госпожу докторшу Квандтъ у ректора университета.

— Если она такъ же умна, какъ хороша, — добавилъ онъ восторженно, — то бѣда студентамъ, не уберечь имъ своихъ сердецъ.

— Какъ такъ? — спросилъ Арнольдъ.

А Густель обижено отвернулась, мысленно желая, чтобы всѣ красавицы всего свѣта куда-нибудь провалились.

— Да развѣ вы не знаете, — отвѣтилъ майоръ, — ректоръ мнѣ сообщилъ, что, вѣроятно, очень скоро послѣдуетъ ея назначеніе приватъ-доцентомъ.

— Не можетъ быть! — удивился Арнольдъ, — женщина въ нашемъ университетѣ.

— Да, это будетъ первый примѣръ, и все-му причиной наша знаменитая «Моргенцейтунгъ». Эта молодая дама тамъ сотрудничаетъ, и редакторъ очень дорожитъ ея сотрудничествомъ, а вѣдь, какъ вамъ извѣстно, редакторъ и издатель этой газеты фонъ-Шильманъ всемогущъ и всемогущъ, ну, вотъ поэтому...

— А, вотъ какъ! Такъ вы предполагаете, что тутъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не предполагаю. Фрейлейнъ Квандтъ выше такихъ предположеній, ея репутація безупречна. Но Шильманъ мнѣ сказалъ, что это такая свѣтлая голова, которую необходимо удержатъ при нашемъ университетѣ.

— Еще бы, при такой-то красотѣ! — колко замѣтила Густель.

— О, да, она очень хороша, — подтвердилъ, ничего не подозревая, добродушный майоръ.

— Да, да очень хороша, — сказали задумчиво Арнольдъ, и это очень жаль. Женщина должна быть или красива, или умна, оба качества вмѣстѣ ни къ чему не пригодны, ну, скажите-ка на милость, что станетъ дѣлать мужъ съ подобнымъ феноменомъ?

II.

Первая лекція и вегетаріанскій обѣдъ.

Первая лекція Лизы Квандтъ была настоящимъ событіемъ. Обширная аудитория была биткомъ набита. Профессора, у которыхъ молодость и красота этого женскаго философа вызывали раньше только презрительное пожиманіе плечами, присутствовали

лись теперь съ удивленіемъ и удовольствіемъ къ серьезнымъ и яснымъ словамъ, къ короткимъ, сжатымъ и продуманнымъ фразамъ. Быть можетъ, не все было ново, но логическая связь и выводы, глубокое пониманіе основной идеи, соединенное съ мастерскимъ умѣніемъ владѣть и распоряжаться научнымъ матеріаломъ, убѣждали и увлекали всѣхъ слушателей. Студенты, порѣшившіе до начала лекціи во что бы то ни стало «высадить» изъ университета эту особу женскаго пола и уже шумно подготавливавшіеся къ предстоящему скандалу, примолкли и съ удивленіемъ прислушивались къ ея восторженной рѣчи, напрасно ища, къ чему бы можно было придаться или что осмѣять. Сдержанная, умная и интересно составленная, плавно и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо сказанная рѣчь обескуражила ихъ, а красивые ясные глаза лекторши покорили не одно слишкомъ легко воспламеняющееся сердце. И когда она закончила, раздались такіе оглушительные аплодисменты и восторженные крики, что профессора съ удивленіемъ переглянулись между собой. Докторъ Арнольдъ тоже присутствовалъ на этой лекціи и теперь шелъ въ глубокомъ раздумьѣ домой. Да, эта женщина обладаетъ тѣмъ, чего ему не хватаетъ, яснымъ самосознаніемъ и твердымъ определеннымъ пониманіемъ своихъ силъ и знаній. Онъ былъ мужчина, да, но ему часто хотѣлось большаго, чѣмъ онъ въ дѣйствительности могъ дать или сдѣлать. И поэтому онъ легко и часто отчаявался въ самомъ себѣ, падалъ духомъ и терялъ ту небольшую частицу энергіи, которой обладать. Правда, ему негдѣ было научиться самостоятельно поступать, думать и чувствовать—всегда дома—маменькинъ сыночекъ, дразнили его часто товарищи.

Мать поджидала его.

— Милый Гейнцъ, ты, кажется, совсѣмъ забылъ о твоёмъ визитѣ къ тайному совѣтнику Валентину, часъ тому назадъ онъ присылалъ за тобой.

— Ахъ, да что тамъ, онъ здоровъ,—прервать ее Арнольдъ,—зачѣмъ мнѣ къ нему ходить каждый день?

— Не забывай, сынъ мой, что онъ можетъ быть тебѣ очень полезенъ; если бы ты былъ умнѣе, ты убѣдилъ бы его въ томъ, что его воображаемая болѣзнь сердца дѣйствительно существуетъ, п...

— И сталъ бы затѣмъ хвастаться блестящимъ излѣченіемъ, не такъ ли? Нѣтъ, слуга покорный, охотнѣе всего прописалъ бы я ему, какъ мы это дѣлаемъ съ солдатами, притворяющимися больными, двѣ ложки кастороваго масла, а затѣмъ на хлѣбъ и на воду. Вѣдь я еще не забылъ, какъ больно высѣкла ты меня за ложь.

— Ахъ, Гейнцъ, практическая мудрость и правда не родственницы другъ другу.

— Но надо полагать, что и не антиподы. Ты, впрочемъ, плохо выбрала время меня соблазнять практической мудростью. Я пришелъ прямо изъ атмосферы добродѣтельнаго, презирающаго свѣтъ и его козни чистаго буддизма.

— Ахъ, вотъ что, ну, какъ говорила эта дама?

— Безукоризненно! Необычайно хорошо и умно. Она такая индивидуальная личность, которой можно прямо-таки завидовать; она вѣрнѣе въ то, что говоритъ, и это придаетъ ея удивительно умной рѣчи особенное обаяніе.

— А не думаешь ли ты, что это обаяніе исходитъ только отъ ея наружности?

Гейнцъ подумалъ:

— Можетъ быть, но все же я рѣдко слыхалъ, чтобы кто-нибудь гогорилъ такъ ясно, определенно и выразительно.

— Кого любить дьяволъ, тому придаетъ онъ и красивый обликъ,—строго произнесла госпожа Арнольдъ.

Сынъ, смѣясь, обнялъ ее:

— Ну, ну, матушка, вѣдь и ты же была красивой дѣвушкой когда-то.

— Но я никому не читала лекцій...

— Исключая твоего мужа, не такъ ли? и онъ, смѣясь, поцѣловалъ ее. Ну, а теперь я пойду къ тайному совѣтнику, не ждите меня съ обѣдомъ, я потомъ зайду въ казино.

Она дружески кивнула ему и съ гордостью поглядѣла ему вслѣдъ. Право, это былъ очень красивый молодой человѣкъ, и мундиръ очень шелъ къ нему. Будь у него только немного больше самоувѣренности, онъ слишкомъ мягкій, неувѣренный, ну, да это поправимо, если только жена его будетъ красивой, обожающей его женщиной. Ничто не возвышаетъ мужчину въ собственныхъ его глазахъ, какъ обладаніе и въ нѣкоторомъ родѣ господство надъ любимымъ существомъ.

Молодой врачъ посѣтилъ своего воображаемаго больного, посоветовалъ ему, желая понравиться его женѣ, провести нѣсколько недѣль на берегу моря въ Сильтѣ, а затѣмъ направилъ свои шаги къ дому, гдѣ жила Лиза Квандтъ. Она сама открыла ему дверь и отвѣтила на его вопросъ, не помѣшаетъ ли онъ, веселымъ и радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ какъ я вегетарианка, то посылаю мою служанку обѣдать рядомъ, вѣдь такая трудящаяся дѣвушка должна ѣсть то, къ чему привыкла. Думаю, что и вы врядъ ли согласитесь раздѣлить со мной мой скудный обѣдъ?

Арнольдъ улыбнулся, въ ея непринужденности было что-то такое свѣжее, безыскусственное. Онъ невольно подумалъ, какъ-бы себя чувствовали, застанъ ихъ кто-нибудь посторонній. Густель и его мать въ этомъ положеніи за такимъ примитивнымъ и жалкимъ обѣдомъ.

— Если я васъ не слишкомъ обижу ѣдой. — сказалъ онъ, садясь, — то, право, я съ удовольствіемъ попробую всѣхъ кушаний.

— Какъ это хорошо! — воскликнула радостно Лиза, — вотъ вамъ тарелка, а тамъ возьмите себѣ вилку и ножъ, вы попали на удачный обѣдъ; овсяный супъ былъ очень вкусенъ, но, увы, его ужъ нѣтъ больше, зато артишоки прекрасны, а картофельные крокеты очень нѣжны и вкусны. Если вы мнѣ поможете, то вы избавите меня отъ необходимости ѣсть это завтра подогрѣтымъ, и вы не можете себѣ представить, какъ я буду этому рада.

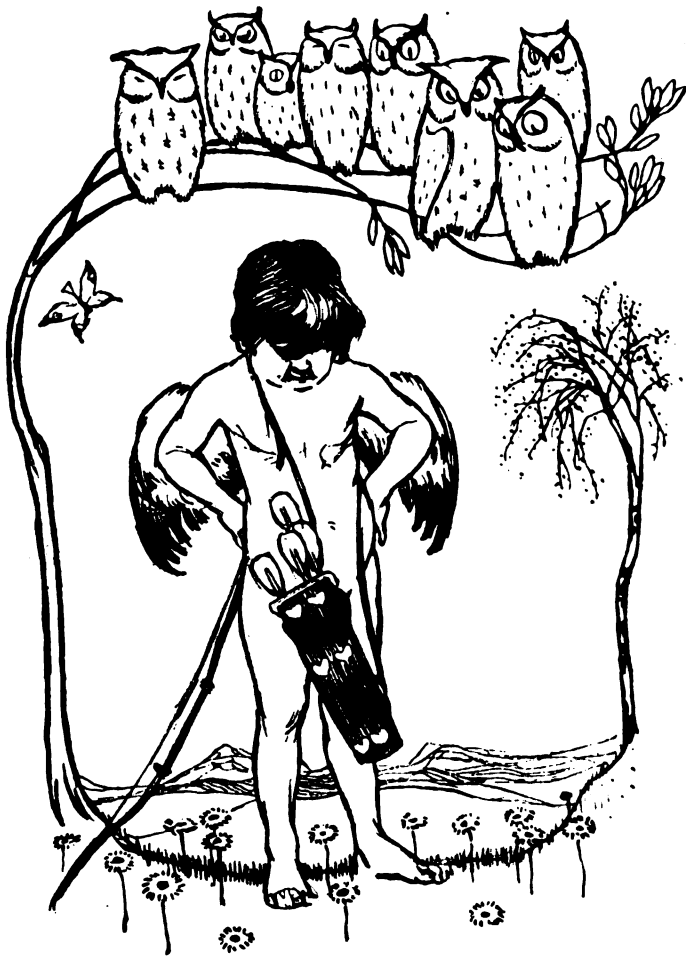
Ея привѣтливость напомнила ему Анну-Марію, его любимую сестру, и онъ

— Можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что ѣшаете, но послѣ моего увѣренія, что ваше посѣщеніе меня только радуетъ, вы, быть можетъ, согласитесь послѣдовать за мной въ столовую и позволите мнѣ докончить мой обѣдъ.

Нѣсколько смущенный, послѣдовалъ онъ за ней. Она сѣла на свое мѣсто передъ красиво, опрятно накрытымъ столомъ и непринужденно объяснила:

почувствовать себя совѣмъ, какъ дома, и все казалось ему такимъ вкуснымъ, хорошимъ. А когда къ десерту, состоявшему изъ фруктовъ и англійскаго кака, Лиза вынула изъ буфета бутылку нѣмецкаго шампанскаго, онъ разсмѣялся невольно. Она торжественно поставила передъ нимъ начатую бутылку:

— Какъ видите, и вино можно найти у меня. А если вы меня никому не выдадите, то я, такъ и быть, сознаюсь вамъ, что я от-

купирила эту бутылку сегодня утром для того, чтобы набраться храбрости перед лекцией, потому что меня разбирал страх, ну, а шампанское отлично помогло мнѣ.

— Вы неподобно прочли вашу лекцію, — сказать онъ убѣжденнымъ тономъ и съ нескрываемымъ восхищеніемъ взглянуть на нее, хотя внутренно больше радовался этому признанію въ ея слабости, чѣмъ восторгался ея лекціей: — я пришелъ съ тѣмъ, чтобы выразить вамъ мое удивленіе по этому поводу. а не изъ желанія отнять у васъ часть вашего обѣда.

— Если бѣ вы знали, какъ это меня радуетъ, и то и другое, то-есть, что вы находите мою лекцію хорошей, а больше всего то, что вы опять пришли. Вѣдь въ тотъ день, когда вы сдѣлали поразившее васъ открытіе, что я тотъ самый докторъ Кивандгъ, котораго вы искали, ваше лицо приняло такой серьезный, разочарованный видъ, что меня это даже нѣсколько огорчило. Хотя я и проникла во все тайны буддизма, но не раздѣляю этихъ воззрѣній. Моя энергія, моя жизненная сила бодры и жизнеспособны, и я еще ожидаю отъ жизни безконечно многого, точно ребенокъ отъ снѣжки. и поэтому мнѣ больно, когда люди, которымъ я нравлюсь, какъ женщина, бѣгутъ отъ меня — самостоятельной философии. Ну, а я сама никакъ не могу отдѣлаться одно отъ другого.

«Философка». Непріятное чувство, уже разъ испытанное Арнольдомъ при его первомъ посѣщеніи, опять появилось и нѣсколько охладило его. Онъ только молча приподнять стаканъ съ шампанскимъ.

Служанка вернулась и остановилась въ изумленіи на порогѣ.

— Принесите кофе, Грета, въ мой рабочий кабинетъ.

— Но, право, я не смѣю вамъ долше надѣбдаться своимъ присутствіемъ, я и такъ засидѣлся, — сказалъ, подымаясь, Арнольдъ.

— Нѣтъ. пѣтъ, выйдите только чашку кофе. Если бѣ вы знали, какое пріятное чувство для меня высказать кому-нибудь мою радость по поводу моей удачной лекціи и именно сегодня не сидѣть одинокой и безмолвной въ моихъ четырехъ стѣнахъ. Да, впрочемъ, вы и не подозреваете значенія сегодняшняго дня для меня, вѣдь для васъ, мужчинъ, право существованія и труда есть уже врожденное право, и вы не можете по-

нять, путемъ какой ожесточенной борьбы мы, женщины, должны отвоевывать это пр

— Ну, повидимому, ожесточенная борьба не слишкомъ-то утомила васъ, и мнѣ кажется, что жизненные буря прошли безслѣдно для васъ, — разсмѣялся Арнольдъ. Право мужчинъ на трудъ всегда довольно таки проблематично, и мнѣ думается, что красивая женщина проходить свой жизненный путь легче самаго трудолюбиваго мужчины.

— Красивая женщина, да, но именно только, какъ «женщина», — отвѣтила Лиза. горько улыбаясь, — но вы забываете, что именно красота осложняетъ и затрудняетъ женщинъ путь къ труду.

Она встала и пошла въ сосѣдную комнату. Арнольдъ послѣдовать за ней, любуясь ея стройной гибкой фигурой.

— Но позвольте, — началъ онъ опять, — да развѣ надъ мужчинами не властвуетъ всегда прекрасный полъ? Что же будетъ съ нами, несчастными, если намъ придется преклоняться передъ женскимъ умомъ, какъ мы преклоняемся передъ ея красотой. Неужели мы должны быть поработены и во всехъ отношеніяхъ, и во всехъ областяхъ?

Лиза насмѣшливо взглянула на него.

— А, вотъ вы какъ заговорили, господинъ Арнольдъ, ну, такъ вотъ что я вамъ отвѣчу: вы мечтаете о «господствѣ» и «подчиненіи» и называете это любовью. Но дѣйствительное слияніе двухъ душъ не знаетъ и не признаетъ такихъ словъ. Соедините два огня, и вы увидите, что только одно общее пламя подымется къверху, а не будетъ горѣть отдѣльно одно отъ другого. Когда же мужчина говоритъ о любви, о бракѣ, то знаетъ ли, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ и что допускаетъ — ярко горящую лампу и рядомъ съ ней маленькую, едва теплящуюся лампадку. Последняя, конечно, очень мила и даже пріятна, но можно и безъ нея обойтись, тогда какъ ярко горящая лампа въ сравненіи съ ней — мировое освѣщеніе, необходимое каждому...

— Вы, кажется, позабыли о газѣ.

— Да, да, смѣйтесь пожалуйста. Лично я вѣдь, слава Богу, въ такомъ положеніи, что могу свѣтить и безъ того, чтобы занимать у кого-нибудь масла.

— О, я увѣренъ, что вы всегда могли бы свѣтить — и безъ масла.

Лиза кокетливо улыбаясь, это его смутило и разсердило, онъ быстро продолжалъ:

— Въ общемъ же, мнѣ кажется, вы слишкомъ идеально думаете и должно быть сильно прониклись буддистскимъ ученіемъ объ умереніи страстей. Ну, а мужская любовь не можетъ довольствоваться однимъ душевнымъ сліяніемъ или сродствомъ душъ.

— Полагаю, что и женская любовь не довольствуется однимъ этимъ, иначе наступилъ бы конецъ человечеству. Слѣдовало бы только немного измѣнить скалу душевныхъ чувствъ мужскимъ, т.-е. придать ей больше отгѣнковъ. А то вѣдь въ ней теперь допущается только два цвѣта — черный и бѣлый, то-есть, давать и брать. Обыкновенно беретъ мужчина, беретъ и беретъ, и полагаетъ, что вполне вознаграждаетъ женщину уже тѣмъ, что милостиво беретъ...

— Да, но вѣдь блаженіе давать, чѣмъ брать, говоритъ нѣмецкая поговорка, — перебилъ ее Арнольдъ, — и женщина становится богаче, счастливей тѣмъ, что даетъ.

— Очень красивая фраза, вы только позабыли одно, о, самую незначительную бездѣлицу: цѣнность даваемого пригнужается, она становится въ глазахъ берущаго все меньше, незначительнѣе, пока, наконецъ, теряетъ для него и всякую цѣну. Вотъ почему такъ много несчастныхъ браковъ — въ началѣ любовная весна, а затѣмъ быстро сердечная зима. До тѣхъ поръ, пока женщина не займетъ своего постоянного мѣста рядомъ съ мужчиной, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться эта борьба половъ. Только, когда душа, то-есть дѣйствительная и настоящая цѣнность женщины, будетъ цѣниться совершенно наравнѣ съ ея физическими преимуществами, только тогда будутъ счастливые браки, тѣ идеальные браки, которыми не нужны будутъ ни законъ, ни обряды для того, чтобы сдѣлаться прочными и неразрывными.

— Ну, скажите мнѣ, ради Бога, — воскликнулъ Арнольдъ, — кто въ состояніи думать о душѣ въ тотъ моментъ, когда его волнуютъ страсти!..

Онъ смущенно замолчалъ. Какъ, неужели онъ, благовоспитанный молодой человекъ, могъ такъ забыть. Забыть, что говорить съ женщиной, нѣтъ, даже съ молодой дѣвушкой. Право, не показалось ли ему, что онъ говоритъ съ хорошимъ товарищемъ, а не съ этой красивой философкой. Онъ сильно покраснѣлъ, и опять непріятное чувство зашевелилось въ его груди. А развѣ то не-

принужденное спокойствіе, съ какимъ Лиза разговаривала о любви съ нимъ, не было оскорбительно для него, красиваго молодого человека? Молодая дѣвушка прекрасно понимала, о чемъ онъ раздумывалъ. Рано предоставленная самой себѣ и брошенная среди чужихъ людей, которые не считали нужнымъ окружать какимъ-то мистическимъ покровомъ тайны жизни, такъ тщательно скрываемыя отъ дѣвушекъ, развивающихся подъ крыломъ матери, Лиза спокойно и просто относилась къ жизни, ей было чужды фальшивый стыдъ, и она даже не подозрѣвала, что дрянные и развратные люди могутъ придать ея спокойному отношенію къ такимъ вопросамъ совсѣмъ иное значеніе.

Грета принесла кофе.

— Должна ли я вамъ сказать, что вы думаете въ данную минуту, — сказала Лиза, передавая гостю сахарницу. Вы съ такой грустью смотрите на меня; вамъ, повидимому, жаль, что такая, ну, скажу красивая женщина, какъ бы созданная, по вашему мнѣнію, для того, чтобы составить счастье мужа, вышла изъ своей обычной сферы. Въмѣсто того, чтобы мечтать при лунѣ и безъ дѣла, безъ самостоятельной мысли сидѣть и ждать «прекраснѣйшаго изъ всѣхъ», эта женщина вдругъ сама беретъ въ руки свою судьбу и говоритъ: смотрите, какъ я живу и какая я есть, вы, властелины міра, и тотъ, кто желаетъ дѣлится со мной мою жизнь, долженъ быть, какъ мужчина, такимъ же, какая я, какъ женщина.

Онъ постарался скрыть свое смущеніе и отдѣлаться общей фразой:

— Ну, такъ вы просто исключеніе; обыкновенно женщина не создана для борьбы и труда, ея тѣло слишкомъ слабо и невыносливо...

— Какъ, и это говорите вы, докторъ, а я на это отвѣчу вамъ очень простымъ замѣчаніемъ: кто изъ мужчинъ былъ бы въ состояніи вынести всѣ трудности и муки материнства? Слабы и невыносливы! Да, это можно развѣ только сказать о женщинахъ, съ которыми обращаются, какъ съ предметами роскоши ихъ мужья и собственники. Но и то попробуйте даже такую женщину окунуть въ бурныя волны дѣйствительной жизни, и вы увидите, какъ она выучится плавать сильно умѣло. Ну, а наша прама-теръ Ева, взявшая на себя инициативу, тогда какъ Адамъ испуганно отступилъ передъ

познаи́емъ добра и зла, не трудилась ли мужчины, чтобы она была совѣтъ сво-
она потомъ вмѣстѣ съ нимъ, да, на-ряду съ бодной.

нимъ, въ потъ лица своего. Подумайте так-
же о женахъ первыхъ пионеровъ во вновь
открытыхъ странахъ: онѣ исполняли поле-
вые и домашнія работы и при этомъ произ-
водили на свѣтъ здоровое и сильное потом-

Лиза улыбнулась.

— Это только такъ кажется и, быть мо-
жетъ, многими такъ понимается. Впрочемъ,
такое предположеніе необходимо такимъ жен-
щинамъ, которымъ судьба встѣдствіе какихъ-

ство. Вспомните женщинъ-героинь въ древ-
нихъ сказаніяхъ, женщинъ-ученыхъ въ
прошлыхъ столѣтіяхъ, и что же—ни одна
изъ нихъ не утратила женственности.

— Но вѣдь женская эмансипація не до-
вольствуется тѣмъ, что женщина займетъ
мѣсто рядомъ съ мужчиной, нѣтъ, она до-
бивается того, чтобы подлѣ нея не было

нибудь причинъ не дать мужей, для того,
чтобы онѣ не чувствовали себя несчастны-
ми. Радуюсь и гордясь своей самостоятель-
ностью, такая женщина не превращается
въ озлобленную старую дѣву, и, право же,
я вамъ скажу, до тѣхъ поръ, пока совре-
менные условія брака будутъ существовать,
женщинъ лучше оставаться одной.

— Какъ, значитъ, и вы лично противни-ца брака и любви?

— Бракъ въ настоящей формѣ и при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ въ низшихъ классахъ превращаетъ женщину въ какое-то вьючное животное безъ всякихъ правъ, а въ высшихъ классахъ позволяетъ женщинамъ играть роль трутней безъ всякихъ обязанностей — да, конечно. Отрицать же любовь было бы просто нелѣпно. Природнымъ побужденіямъ подчиняется каждый человѣкъ. Вѣдь удовлетворяемъ же мы такія потребности, какъ голодъ, жажда, усталость. Счастливы, конечно, тотъ, кто, подобно Буддѣ, отрекся отъ всѣхъ «пяти страстей», но для этого надо жить въ пустынѣ...

— Мнѣ было бы очень интересно послушать, какъ вы представляете себѣ любовь безъ брака, — перебилъ ее насмѣшливымъ тономъ Арнольдъ, — ужъ не социалистка ли вы и сторонница свободной любви?

Ясные глаза Лизы спокойно выдержали его насмѣшливые взгляды:

— Я, конечно, могла бы отвѣтить вамъ на это пѣзбитой фразой, что любовь всегда свободна; я могла бы также доказать вамъ, что человѣкъ умѣетъ сдерживать свои физическія побужденія и, живя нормальной жизнью, питаясь здоровой простой пищей, можетъ прекрасно сдерживать и владѣть своими любовными побужденіями, но я не хочу съ вами полемизировать. Вы становитесь слишкомъ ѣдкимъ, вы не можете забыть, что я случайно красивая дѣвушка, и не хотите поэтому признавать во мнѣ, или смотрѣть на меня, какъ на равнаго вамъ товарища.

— Такъ смотрѣть на васъ я не могу, — отвѣтилъ онъ раздраженно, — вы слишкомъ красивы, чтобы съ вами обращаться, какъ съ мужчиной.

— А, вотъ что! Но какъ должна я это принять: за комплиментъ, или за грубость? Неужели вы не можете оставить въ сторонѣ мою наружность и видѣть во мнѣ только человѣка равнаго вамъ по знаніямъ? По вашему мнѣнію, мнѣ слѣдовало бы безвкусно одѣваться, стричь волосы, однимъ словомъ, быть безобразной, отталкивающей, если хочу, чтобы меня принимали въ серіозъ? Ну, а я должна вамъ признаться, что совсѣмъ не желаю быть некрасивой или отталкивающей, — и она при этомъ задорно улыбнулась, и

эта улыбка только усилила раздраженіе Арнольда.

— Скажите-ка мнѣ откровенно, что доставляетъ вамъ больше удовольствія, — злобно спросилъ онъ, — кокетничать вашимъ умомъ или вашимъ тѣломъ?

Лиза встала и принялась молча прибирать книги на столѣ. Онъ понялъ, что оскорбилъ ее, и это доставило ему удовольствіе. Какъ смѣла эта молодая особа говорить о такихъ вещахъ, да еще съ такимъ самообладаніемъ, спокойствіемъ и непринужденностью съ нимъ — мужчиной! Охотѣе всего довелъ бы онъ ее до слезъ. Но Лиза уже овладѣла собой. Его грубость огорчила ее: она предполагала въ немъ больше выдержки, больше такта.

— Зачѣмъ вы меня обвиняете въ тщеславіи и кокетствѣ? — спросила она почти дружески, — развѣ этотъ чисто женскій недостатокъ такое ужъ преступленіе? И чего же, наконецъ, желаете вы, мужчины, отъ насъ? Неужели красивая женщина должна быть только красивой, и только некрасивая имѣть право быть умной? Зачѣмъ испортили вы мнѣ мое хорошее настроеніе? Я была такъ довольна сегодня.

Арнольдъ почувствовать себя польщеннымъ: значитъ, она кокетничала съ нимъ, ну, а вѣдь все же лѣзть нравиться такой красивой и выдающейся женщиной.

— Простите меня, — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, — не могу васъ увѣрить, что чувствуюсь невольно раздраженъ, когда слышшишь изъ вашихъ устъ такія разсудительныя холодныя фразы на самую жгучую тему.

— Господи! редакторъ Гермесъ, — доложила служанка. Арнольдъ быстро всталъ и взялся за панталонъ.

— Какъ, неужели такъ поздно?

— Да, три часа, а всѣ близкіе знакомые знаютъ, что я всегда дома отъ трехъ до шести, а отъ двухъ до трехъ я обыкновенно гуляю.

Вошедшій гость окинулъ удивленнымъ взглядомъ молодого доктора.

— Какъ, у васъ уже гость, докторхенъ? Значитъ, я не первый приношу вамъ поздравленія и пожеланія — это совсѣмъ противъ обыкновенія.

— Я не имѣлъ чести знать распредѣленія дневныхъ часовъ госпожи Квандтъ, — сухо замѣтилъ Арнольдъ. Этотъ господинъ позволялъ себѣ говорить такимъ фамплярнымъ

тономъ, да и вообще какъ могла молодая дѣвушка одна принимать визиты мужчинъ, это ему ужъ совсѣмъ не нравилось.

— Позвольте васъ представить, — сказала Лиза: — господинъ редакторъ Гермесъ — докторъ Арнольдъ. Ну, любезный другъ, довольны ли вы мной?

— Очень и очень, но я боюсь, что вы скоро выскользнете у насъ изъ рукъ, докторхенъ. Всѣ газеты, всѣ журналы будутъ доискиваться вашихъ статей.

— Ахъ, если бъ эти ваши слова оказались хорошимъ пророчествомъ! — весело воскликнула Лиза, — я должна признаться, что нѣсколько нуждаюсь въ презрѣнномъ металлѣ.

— Какъ, неужели? Но, если вы слѣдуете тому, что только-что проповѣдывали намъ съ канедры, то вѣдь вы же должны были бы довольствоваться желтой рясой нищенствующаго аскета-буддиста. Хотя сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ одѣяніи имѣли бы такой же успѣхъ, какъ вотъ въ этомъ элегантномъ и прелестномъ туалетѣ.

— Какъ, и вы тоже? Только-что передъ вашимъ приходомъ обвинялъ меня докторъ Арнольдъ въ кокетствѣ. Нѣтъ, я вижу, что мнѣ придется энергично запротестовать противъ посященія вами моихъ лекцій, а то вы, чего добраго, отыщете во мнѣ еще болѣе некрасивыя качества, если я буду продолжать развивать въ нихъ теоріи, которыя казались бы вамъ совершенно искренними и умѣстными, произноси ихъ какой-нибудь уродъ въ женской юбкѣ. Нечего сказать, хороши вы, представители науки!

— А вы — настоящая женщина, прекрасно сознающая свою силу и пользующаяся ею, чтобы кружить намъ головы.

— Что же въ этомъ такого преступнаго? Какъ вы на это смотрите, докторъ Арнольдъ?

— Могу ли я узнать, не имѣетъ ли господинъ редакторъ намѣренія воспользоваться нашимъ разговоромъ, какъ интервью — для своей газеты.

— Господинъ докторъ!

— Напрасно стараетесь вы разсердить меня, — грустно сказала Лиза, — это вамъ не удастся, я сегодня такая довольная и счастливая, что принишу ваше дурное расположение духа и всѣ ваши выходы просто дѣйствію моего скуднаго и плохого обѣда.

Арнольдъ смутился и сталъ поспѣшно прощаться:

— Мнѣ пора: прошу провѣстить меня. До свиданія!

Послѣ его ухода нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Лиза сидѣла у письменнаго стола и нервно играла разнѣрнымъ ножомъ, а Гермесъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Скажите, давно вы знакомы съ этимъ господиномъ? — спросилъ онъ, наконецъ, фамильярнымъ тономъ стараго друга.

— Я сегодня вижу его второй разъ.

— Онъ еще храбро борется и защищается.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Милый мой докторхенъ, вы прекрасно понимаете меня: этотъ молодой человекъ вамъ нравится, и вы этого не скрываете отъ него. Я вѣдь знаю ваши теоріи о любви, ну съ; такъ вотъ вамъ кажется, что вы встрѣтили въ немъ родственную вамъ душу, близнеца, такъ сказать, вапелъ души, не такъ ли?

— Вы такъ думаете — ну, а онъ?

— Онъ пока возмущенъ вашими свободными воззрѣніями и еще болѣе возмущенъ тѣмъ, что вы ихъ прямо высказываете, но такъ какъ онъ не можетъ найти убѣдительныхъ доводовъ, разбивающихъ ваши воззрѣнія, то прибѣгаетъ къ единственной защитѣ, которую мужчина находитъ противъ красивой женщины — онъ становится грубъ.

— И вы думаете, что это мнѣ нравится?

Гермесъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Милый другъ, вы, не смотря на ваше званіе приватъ-доцента, прежде всего человекъ, и я боюсь, какъ бы вы не заплатились за ваше умственное превосходство сердечнымъ пораженіемъ.

— О, повѣрьте, каждый куетъ самъ свою судьбу. Лучше скажите-ка мнѣ, что нужно вашему патрону отъ меня: онъ прислать сказать, что завтра утромъ будетъ у меня.

— Онъ желаетъ приобрести право печатать первымъ всѣ ваши настоящіе и будущіе труды.

— Вотъ какъ! Неужели онъ такъ увѣренъ во мнѣ и возлагаетъ на меня такія надежды?

— Похоже на то. Но предупреждаю васъ, не подписывайте никакого контракта, не показавъ его предварительно мнѣ.

— Почему это?

— Во-первыхъ, потому, что нашъ старикъ умѣетъ такъ соблюдать свои выгоды въ ущербъ другимъ, а вѣдь вы въ дѣлахъ практическихъ настоящій ребенокъ; во-вторыхъ, вы должны хорошо обсудить всѣ пункты

контракта, чтобы при изданіи вашихъ большихъ трудовъ или же въ случаѣ замужества и прекращенія вашей ученой дѣятельности вы могли бы отказаться отъ контракта безъ ущерба для себя.

— Хорошо, но то, что вы говорите о мужествахъ, нелѣпость, я ненавижу бракъ.

— Теоретически—вѣрю. Но скажите мнѣ, что вы думаете дѣлать съ красавцемъ-докторомъ? Конечно же выйти за него замужъ.

— Никогда!—рѣшительно отвѣтила Лиза. —моя любовь умретъ, если я наложу на себя такіе узы.

— А, значитъ, вы его уже любите! Быстро, чортъ возьми, очень быстро, о докторхенъ!

— Перестаньте, не дразните меня, я, право и сама еще ничего не знаю. Лучше объясните-ка мнѣ подробнѣе предложеніе Шильмана.

— Ну, такъ вотъ, что я вамъ посоветую: выговорите себѣ за право изданія определенную и не слишкомъ скромную сумму, да кромѣ того выговорите себѣ отдѣльную плату за каждую статью. Дайте ему говорить, сколько его душѣ угодно, но скажите, что вамъ нужно по крайней мѣрѣ три дня, чтобы обдумать его предложеніе. А тамъ мы съ вами обсудимъ и рѣшимъ.

— Какъ вы добры и какъ вы заботитесь обо мнѣ, я не нахожу словъ васъ благодарить. Чего вы только не сдѣлали для меня. Вѣдь безъ вашей поддержки я бы сдѣла съ

моимъ докторскимъ дипломомъ, и должна была бы считать себя счастливой, если бы мнѣ предложили ренетировать испорченныхъ и тупоголовыхъ дѣтей.

— Ну, ну, докторхенъ, не увлекайтесь, вы и безъ моей помощи проложили бы себѣ дорогу. Правда, это бы нѣсколько затянулось, и, чего добраго, вашъ молодой задоръ и отвага нѣсколько поохладились бы.

— Да, а вы мнѣ ихъ сохранили по всей силѣ. О, я не могу забыть, что именно вы приняли мою первую теософистскую статью, несмотря на то, что издатель не хотѣлъ слышать о ней; вы же посоветовали мнѣ заняться болѣе буддистскими легендами и древне-индійской литературой, а не затрогивать особенно вопросы другихъ религій, чтобы не возстановить противъ себя обитателей нашего набожнаго города. Вы же представили меня и ректору университета, ну, какъ мнѣ не благодарить васъ!

— Оставьте этотъ вздоръ, докторхенъ, не возносите меня очень до небесъ, а то я могу себѣ Богъ вѣсть, что вообразить, и чего добраго, приступить къ такимъ объясненіямъ, которые, быть можетъ, будутъ вамъ не совсѣмъ пріятны.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы для этого слишкомъ разсудительны и благоразумны. другъ мой. Знаете что, останемся всегда друзьями, да? Всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, общайтесь это мнѣ такъ же, какъ я вамъ общаю.

Онъ молча кивнулъ головой и пожалъ ей протянутую руку.

(Продолженіе будетъ).

Наша эпоха является переживаніемъ исторіи русской литературы. Юбилей Грибоѣдова, два юбилея Пушкина, юбилей Гоголя и, наконецъ, юбилей Жуковскаго—здѣсь почти вся наша литература за первую половину XIX вѣка, если не считать принадлежащими къ этому періоду тѣхъ художниковъ русскаго слова, дѣятельность которыхъ развилась полнѣе во второй половинѣ столѣтія. Удачно или неудачно празднуемъ мы память отцовъ нашей литературы—но во всякомъ случаѣ эти юбилеи имѣютъ огромное значеніе, оживляя съ одной стороны въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ такъ легко и крѣпко забываемое прошлое родной поэзіи, а съ другой—едва ли не впервые открывая широкій доступъ къ этому животворному источнику всему русскому народу. Небезполезнымъ является при этомъ и пересмотръ тѣхъ взглядовъ на извѣстныхъ литературныхъ явленій, которые восприняты нами по традиціи или установлены историками литературы.

Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій... Вотъ преемственность литературнаго первородства, какою она представлялась современникамъ, и противъ такой послѣдователь-

ности въ расположеніи именъ можно не спорить. Но, конечно, ни къ одному изъ этихъ, хотя и крупныхъ именъ русской литературы мы не придадимъ теперь титула «великій», какимъ ихъ награждали при жизни. И если Державинъ смутно проявлялъ черты чисто національнаго генія, если Карамзинъ произвелъ революцію въ нашемъ литературномъ языкѣ, то заслуги Жуковскаго несомнѣнно скромнѣе. Послѣ юбилеевъ Пушкина и Гоголя, которые должны бы быть всенародными празднествами, юбилей Жуковскаго можетъ быть лишь данью уваженія къ памяти одного изъ второстепенныхъ представителей русскаго слова.

Жуковскій былъ другомъ и въ извѣстномъ отношеніи защитникомъ и Пушкина, и Гоголя. Онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ народнаго таланта, былъ очевидцемъ всей ихъ литературной дѣятельности и славы, самъ восхищался ихъ твореніями и перепечатывалъ ихъ обоимъ. Но тѣмъ не менѣе геніальные выразители пробудившагося національнаго самосознанія не оказали никакого вліянія на характеръ творчества Жуковскаго. Онъ, скончавшійся въ ту пору, когда въ русской литературѣ возобладали русская шко-

ла, до конца дней своих оставался таким же романтикомъ, какимъ выступилъ на литературное поприще, чуждый русской жизни и русскому духу, не смотря на попытки проникнуться послѣднимъ въ своихъ псевдонимныхъ балладахъ.

На долю Жуковского, какъ поэта, была особая задача, почетная и важная, результаты которой сказываются до нашихъ дней. Современники цѣнили его какъ автора «Людмилы», «Вадима», «Двѣнадцати снящихъ дѣвъ». Если первое изъ этихъ произведений, проникнутыхъ сентиментальнымъ романтизмомъ, мы выучиваемъ по обязанности въ школѣ, то остальные мы вовсе не стараемся вызвать изъ области заобвѣнія. Для насъ остался Жуковский лишь какъ своеобразный переводчикъ произведеній западной и восточной музы. Оригинальность техники Жуковского заключается въ томъ, что онъ никогда не стремился къ буквальной точности перевода съ подлинникомъ; онъ не только не соблюдалъ числа стиховъ, порядка словъ и мыслей оригинала, но даже весьма часто опускалъ отдѣльные мѣста или вставлялъ отъ себя цѣлыя строфы; при этомъ не рѣдко нарушался размѣръ стиха или же проза перелагалась въ стихи. Это было уже не переводъ, а претвореніе. Но въѣсть съ тѣмъ русскій поэтъ настолько проникался духомъ чуждаго произведенія, что никакая внѣшняя близость перевода не можетъ замѣнить этого внутренняго сродства его переложеній съ подлинниками.

Русская литература до Жуковского питалась преимущественно крохами со стола французской кухни. При этомъ, однако, не заботились о переводахъ французскихъ классиковъ, а лишь старались подражать имъ. Жуковский тоже сбивался на этотъ путь, желая непременно создать русскую балладу, но инстинктивно и не безъ постороннихъ вліяній вышелъ на вѣрную дорогу и сталъ, по выраженію Бѣлинскаго, Колумбомъ для образованнаго русскаго общества, открывъ ему дотошъ совершенно 'невѣдомая англійскую и нѣмецкую литературу. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ онъ переводилъ: Шиллера, Гете, Уланда, Бюргера, Зейдлица, Маттисона, Клопштока, Ламотъ-Фукс; изъ англійскихъ — Грея, Соути, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Томаса Мура. Эти переводы и составляютъ славу Жуковского, гораздо болѣе прочную, чѣмъ его собственные меланхолическія и патристическія пьесы и позднѣйшія

крупныя произведенія: переводъ «Одиссеи» и переложенія изъ индійскаго и персидскаго эпосовъ: «Наль и Дамаянти» и «Рустемъ и Зорабъ». Какъ многіе таланты, Жуковский не сознавалъ, въ чемъ его назначеніе и въ чемъ его заслуга. Правда, онъ писалъ Гоголю: «У меня все почти чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое». Но это обстоятельство видимо тяготило его: одно время онъ задумывалъ написать оригинальную эпическую поэмѣ «Владимиръ», переводъ «Одиссеи» прямо предпринялъ съ цѣлью создать себѣ «вѣчный памятникъ» и, наконецъ, предъ смертью думалъ прославить себя «Вѣчнымъ жидомъ». Поэтъ, очевидно, и не думалъ, что памятникъ — если и не вѣчный, то все же долговременный — имъ уже воздвигнуть себѣ — въ переводахъ балладъ Шиллера. Дѣйствительно, это самый законченный, самый безукорызненный трудъ Жуковского: это не переводы изъ Шиллера, а Шиллеръ на русскомъ языкѣ. И мы настолько тѣсно связываемъ въ этомъ случаѣ творчество нѣмецкаго и русскаго поэтовъ, что новый переводъ Шиллеровыхъ балладъ до сихъ поръ едва ли возможенъ. Баллады «Кубокъ», «Перчатка», «Пивовы журавли», «Жалоба Цереры», «Торжество побѣдителей» и др. намъ уже трудно будетъ воспринять не въ той формѣ, въ какой онѣ отлились у Жуковского.

«Жизнь и поэзія — одно». Если разумѣть подъ этимъ крылатымъ выраженіемъ Жуковского, что въ жизни поэта и его творчества должно необходимо существовать соотношение, то едва ли въ немъ самомъ наблюдается такая полная гармонія. Биографія Жуковского не чужда драматическихъ завязокъ, но онъ никогда, къ благополучію поэта, не разрѣшался въ настоящую драму. Самое появленіе его на свѣтъ — отъ чужеземки-рабыни, угрождавшей прихоти помѣщика — казалось бы, сулило полту безрадостное дѣтство, а на самомъ дѣлѣ оно было семейнымъ праздникомъ и вызвало примиреніе Маріи Григорьевны Буниной какъ съ провинившимся мужемъ, такъ и съ его наложницей. Любовь Жуковского къ своей племянницѣ (дочери сводной сестры) носила всѣ элементы драмы, а между тѣмъ у поэта она породила лишь нескончаемый рядъ элегій. Пассивный, мягкій, «прекраснодушный», онъ, чтобы добыть

свое счастье, не проявилъ и тѣмъ той энергій, съ какою дѣйствовать въ подобномъ же положеніи Герцень, не смотря на то, что всѣ окружающіе, кромѣ Е. А. Протасовой, были на его сторонѣ, не исключая и ригориста благословилъ Марью Андреевну на бракъ ея съ профессоромъ Мойеръ, довольствуясь вмѣсто любви обѣщанною ему дружбой. Наконецъ, заноздалый бракъ Жуковского, не смотря на огромную разницу въ лѣтахъ су-

В. А. Жуковскій.

Филарета, который далъ свое соизволеніе на бракъ поэта съ племянницей. Достаточно было упрямого сопротивленія одного лица, чтобы Жуковскій отступилъ и примирился съ своимъ жребіемъ. Мало того, онъ самъ уруговъ (ему было 58, а невестѣ 18), свершился и протекалъ вполне безмятежно. Напрасно было бы искать въ данномъ случаѣ чего-либо похожаго на романъ Мазены и Маріи. Жуковскій и здѣсь остался пас-

сивнымъ: счастье, говоритъ онъ, — «подшло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше»... И онъ ознаменовалъ это счастье тѣмъ, что въ первый годъ суиужества перевелъ изъ Гримма сказки «Объ Пванѣ царевичѣ» и «Котъ въ сапогахъ». Едва ли можно найти болѣе скромную поэтическую дань юному Гименю!

Литературное поприще Жуковского, можно сказать, было безоблачно, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ придирокъ къ нему цензуры, которая онъ всегда бы могъ побороть, приложивъ лишь къ тому небольшое стараніе. Вся его литературная дѣятельность протекала подъ покровительствомъ и поощреніемъ, нерѣдко даже побужденіемъ, Высочайшихъ особъ. Онъ всю жизнь былъ какъ бы officialнымъ poëta laureatus, причемъ внушалъ къ себѣ въ придворномъ кругу не только интересъ, но и искреннее уваженіе. Было бы несправедливымъ утверждать, что Жуковский домогался проникнуть ко двору и занять тамъ свое почетное положеніе. Напротивъ, и тутъ все произошло какъ бы само собою, помимо его, причемъ въ этомъ случаѣ играла роль не одна пассивность характера, но и деликатность поэта, никогда о себѣ не просившаго. А между тѣмъ благосклонное вниманіе двора дало Жуковскому и матеріальную обезпеченность. Ему не долго пришлось перебиваться помощью родныхъ и литературною работою: сперва за патріотическія стихотворенія, а затѣмъ какъ наставникъ Высочайшихъ особъ онъ получилъ постоянный пенсіонъ, все увеличивавшійся и дававшій ему возможность жить вполне безбѣдно. Быть можетъ, отсутствіе необходимости бороться съ матеріальной нуждой еще болѣе усилило природную мягкость и податливость поэта.

Азиатская кровь турчанки-матери поэта ни въ чемъ не сказалась на его характерѣ. Полуосточное происхожденіе отразилось лишь на его наружности, какъ свидѣтельствуется современникъ: «сидя въ турецкомъ халатѣ на диванѣ съ поджатыми подъ себя ногами, покуривая табакъ изъ длиннаго чубука съ янтарнымъ мундштукомъ, онъ походилъ на турецкаго пашу, къ чему много способствовало сложеніе его головы и нѣсколько желтоватое лицо его. Широкій, короткій черепъ, съ высокимъ лбомъ, прямой профиль, квадратный окладъ лица, не очень большіе, но быстрые глаза, тучное тѣлосложеніе, на-

клонность къ нѣгѣ, басовой голосъ, вотъ признаки, обнаруживавшіе турецкую кровь Жуковского». И только. Душевный складъ поэта образовался видимо подъ другими влияніями, и едва ли не главнѣйшую роль между ними играли воспитательныя. Не даромъ симпатіи Жуковского предпочтительно остановились на Шиллерѣ, а не на Гёте. Ему чуждо было пантеистическое мировоззрѣніе послѣдняго, онъ былъ далекъ также и отъ философскаго гуманизма; нашъ поэтъ былъ просто человѣколюбецъ и примиряющійся со всѣмъ оптимистъ. «Все въ жизни къ прекрасному средство». Его не смущали страданія человѣчества, не смущалъ «Weltschmerz», потому что онъ глубоко вѣрилъ въ «очарованное тамъ». Но вездѣ, гдѣ была нужна исключительная помощь ближнему, Жуковский оказывался дѣятельнымъ и стряхивалъ съ себя обычную апатію. Онъ способствовалъ освобожденію изъ крѣпости Никитенки, устроилъ выкупъ Шевченки, хлопоталъ о ссыльномъ поэтѣ Мещерскомъ, ходатайствовалъ за Пушкина и т. д. Уже будучи женатымъ и въ ожиданіи собственной семьи, онъ весь свой наличный капиталъ (болѣе 100 т. р.) раздѣлилъ между племянниками. Людей, служившихъ у него, онъ, какъ только получилъ къ тому возможность, выкупилъ и отпустилъ на волю. Лучшимъ отраженіемъ высокихъ душевныхъ качествъ Жуковского служить гуманное царствованіе его воспитанника императора Александра II. И слѣдуетъ признать, что Жуковскому мы прежде всего обязаны 19-мъ февраля. Нельзя не вспомнить его прекрасныхъ пророческихъ стиховъ при рожденіи Царя-Освободителя:

«Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человекъ!
Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
Для блага всѣмъ—свое позабывать,
Лишь въ голосъ Отчества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила Царей великихъ Внуку.»

Съ мягкостью души у Жуковского соединялась, какъ мы уже указали, и безмятежность. Въ немъ все было уравновѣшено, и ничто не вызывало на борьбу. Какъ гражданинъ, онъ не былъ способенъ къ воиствующему патріотизму и даже въ войну 12-10 года скромно пребывалъ въ канцеляріи Кутузова. «Пѣсни въ станѣ русскихъ вои-

новья — единственный плод — несомненно риторический — его ополчившейся на врага музы. В мирное время муза его не выходила из круга чистой поэзии, да и по другим источникам не видно, чтобы его волновали вопросы гражданского обихода. Он и здесь, как во всем, был идеализирующим оптимистом. Еще категоричнее Жуковский в области религии. В то время как Гоголь переговаривал в сомнѣніяхъ и исканіяхъ, Жуковский не испытывалъ никакой тревоги: «Все, говоритъ онъ, — что церковь дала намъ одинъ разъ навсегда, то мы должны принять безусловно вѣрою, тоже одинъ разъ навсегда. Вѣ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться, ему принадлежитъ только указанія церкви примѣнять къ практической жизни». На такой базѣ онъ строитъ своеобразный оптимистическій фатализмъ: «Земля не рай, человѣкъ не ангель. — но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это лучшее само собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее — не человѣкъ своею силою производить его, но время, покорное одному промыслу... Здесь Жуковский, по видимому, граничитъ уже съ протестантскимъ взглядомъ на предопредѣленіе и, несомнѣнно склонный къ пѣтизму, которымъ онъ заразился подъ вліяніемъ своей жены въ Германіи, Жуковский подъ тѣмъ же настрѣеніемъ создаетъ «Канитана Боша», «Выборъ креста», «Агасфера» и т. п. Наряду съ этимъ въ поэтѣ уживалась реальная вѣра въ привидѣнія.

Изъ религиозно-моральныхъ воззрѣній слагалось отношеніе Жуковского къ поэтической дѣятельности. «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», говоритъ онъ на склонѣ жизни. А вотъ что онъ требовалъ отъ поэта, едва лишь вступивъ на поприще литературы: «Поэтъ долженъ усиловать воображеніе не со вредомъ разсудку; онъ долженъ давать остроумію пищу, но не на счетъ добродѣтелей общественныхъ; онъ долженъ живописать любовь, не дѣлая привлекательными ни чувственности, ни сладострастія... Искусство требуетъ отъ поэта, чтобы онъ не оскорблялъ непосредственно чувства моральнаго, чтобы онъ не противорѣчилъ морально — изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой...» Мало того: «Стихотворецъ никогда не долженъ перестать быть

человѣкомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества, сыномъ отечества, не долженъ пренебрегать должностей, соединенныхъ съ этими отношеніями. Всякій читатель, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка — и горе поэту, если одобреніе судьи не будетъ для него столь важно, какъ и одобреніе критика!» Нужно признать, что Жуковский строго слѣдовалъ высказанному имъ моральному требованію, и въ стихахъ его не встрѣтишь не только непристойности, но и сколько-нибудь вольной шутки. Но при всемъ томъ изложенная имъ программа настолько обща, что пригодна для всякой дѣятельности, а не исключительно поэтической. Болѣе ясныхъ и опредѣленныхъ требованій къ поэзии Жуковский не предъявлялъ, почему его собственные оригинальныя стихотворенія такъ вялы и безцвѣтны и не идутъ дальше лирическихъ изліяній о непрочности земного счастья. Если бы Жуковский ограничился этою областію творчества, то мы, вѣроятно, были бы лишены права чествовать его юбилей.

Какъ ни странно, для насъ значеніе Жуковского вырастаетъ съ того именно времени, когда онъ сталъ близокъ ко двору. И ранѣе Жуковский сдѣлать не много прекрасныхъ переводовъ, особенно въ періодъ знакомства съ дерптскими профессорами, но систематически переводы изъ Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля, Соути стали появляться съ 1817 года, когда онъ былъ призванъ учителемъ русскаго языка къ будущій императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, при чемъ эти переводы и были сдѣланы по желанію царственной ученицы, печатаемая въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ «для немногихъ». Внестѣдствіи переводы дѣлались Жуковскимъ даже по ея выбору, какъ, напримеръ, переводъ «Ундины». Съ переводомъ за границу Жуковский отсталъ отъ англійскихъ романтиковъ и то писалъ поэтическія повѣсти въ стихахъ, то переводилъ крупныя эпическія вѣщи. «Наль и Ламантинъ» и особенно «Рустемъ и Зорабъ» въ сущности даже не переводы, а свободныя переложенія нѣмецкаго перевода этихъ поэмъ, сдѣланнаго тоже очень вольно Рюккертомъ. Конечно, при такихъ условіяхъ трудно было бы сохранить даже и духъ оригиналовъ, да Жуковский, видимо, и не старался объ этомъ, почему герои обѣихъ поэмъ являются настоящими романтиками. Не легко было

Жуковскому, не зная греческаго языка, овладѣть и своеобразной рѣчью Гомера. Не смотря на его стремление въ данномъ случаѣ приблизиться возможно точнѣ къ нѣмецкому построчному переводу и не смотря на его довольство своимъ переводомъ, «Одиссея» Жуковского не передаетъ въ такой степени гомеровскій духъ, какъ «Иліада» Гнѣдича.

Въ языкѣ Жуковского нѣтъ ничего оригинальнаго: онъ не создалъ своего языка, какъ Пушкинъ и Гоголь; начавъ свою дѣятельность въ эпоху Карамзина, онъ и остался вѣрнымъ карамзинистомъ, избѣгая славянизмы, но скупо вводя въ свой обиходъ новыя слова. Гораздо больше сдѣлалъ Жуковский въ развитіи стихотворной техники. Онъ переступилъ границы дозволеннаго старинной пѣнкой, перевелъ впервые пятистопнымъ ямбомъ бѣлыми стихами «Орлеанскую дѣву», не боялся употреблять однѣ

мужскія рифмы и вообще всегда искалъ въ размѣрѣ соотвѣтствія съ характеромъ произведенія; въ этомъ отношеніи всегда классическими примѣрами останутся «Шильонскій замокъ» и «Абадонна». Для своихъ стихотворныхъ повѣстей Жуковский облюбовалъ гексаметръ, въ которомъ видѣлъ отличіе отъ классическаго гексаметра, называя его «сказочнымъ». И дѣйствительно, написанныя этимъ размѣромъ стихотворенія Жуковского приближаются къ кадансированной прозѣ.

Дѣлая своимъ лишь чужое, Жуковский естественно не могъ создать школы пѣйныхъ своихъ послѣдователей; но, несомнѣнно, онъ вызвалъ появленіе цѣлой плеяды русскихъ поэтовъ-переводчиковъ, изъ которыхъ, однако, весьма немногіе способны проникаться въ такой степени духомъ чуждыхъ образцовъ.

М. Мазаевъ.

Святѣя жены у гроба Господня. (Съ картины Ванъ-Эйка).

I.

Въ нью-йоркскомъ журналѣ «Scrappers Magazine» печатается подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ рядъ очень интересныхъ статей. Они принадлежатъ перу Франка А. Вандерлипа, бывшаго товарища министра финансовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, предпринявшаго въ прошломъ году путешествіе по Европѣ въ цѣляхъ ознакомленія съ положеніемъ промышленности въ Старомъ свѣтѣ и изученія взаимной борьбы европейскихъ государствъ за обладаніе мировымъ рынкомъ. Изслѣдованіе г. Вандерлипа имѣетъ особенный интересъ для насъ, русскихъ, уже по одному тому, что въ немъ довольно значительное мѣсто отведено Россіи.

Авторъ изслѣдованія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года видѣлся съ министромъ финансовъ С. Ю. Витте, передачею бесѣды съ которымъ онъ и начинаетъ свою статью.

«Англія вынесла тяжкій ударъ, нанесенный ей войной въ Трансвааль, но она все еще богатѣйшая страна въ свѣтѣ; Франція же перестала держаться инициативы и удовлетворяется воспоминаніемъ своихъ прежнихъ подвиговъ¹⁾; Германія проявляетъ величай-

шую энергію и инициативу въ Европѣ, но она идетъ слишкомъ быстро. Америка заключаетъ въ себѣ нп съ чѣмъ не сравнимую комбинацію естественныхъ средствъ и инициативы, и въ будущемъ совершить еще великія дѣла». Вотъ отзывъ преимуществъ и недостатковъ разныхъ націй по отношенію къ мировой промышленной борьбѣ, высказанный русскимъ министромъ финансовъ г. Витте, говоритъ Франкъ А. Вандерлипъ.

«О нынѣшнемъ русскомъ министрѣ финансовъ мы слышали много, но самъ онъ высказывается рѣдко. По мнѣнію многихъ, онъ первый государственный дѣятель въ Европѣ. Онъ направляетъ политику могущественнѣйшаго государства Европы, заботливо слѣдитъ за измѣненіями финансовыхъ теченій и близко ознакомленъ съ коммерческимъ и промышленнымъ движеніемъ.

«Онъ говоритъ со мной въ своемъ кабинетѣ, въ зданіи министерства финансовъ въ Петербургѣ. «Америка особенно счастлива тѣмъ,—продолжалъ онъ.—что у нея нѣтъ большихъ военныхъ издержекъ. Милитаризмъ — это кошмаръ, а случается и гибель, для каждого

¹⁾ Въ № 9 «Вѣстника финансовъ» появилось официальное разъясненіе нѣкоторыхъ неточностей, съ которыми передана въ статьѣ бесѣда съ С. Ю. Витте. Неточности эти,—читаемъ въ упомянутомъ разъясненіи,—произ-

шли отъ того, что С. Ю. Витте давалъ ответы на французскомъ языкѣ, которые затѣмъ переводились г. Вандерлипу на англійскій. Такія неточности между прочимъ относятся и къ передачѣ словъ С. Ю. Витте, относя-

министра финансовъ въ Европѣ. Промышленный кризисъ существуетъ не въ одной Россіи. Болѣе или менѣе онъ проявляется во всей Европѣ. Многія предпріятія находились въ зависимости отъ англійскихъ капиталовъ. Война Англіи въ Трансваалѣ принудила ее взять свои капиталы изъ обращенія, и отливъ ихъ повлиялъ на всѣ отрасли промышленности въ Европѣ. Люди, которые вели дѣло при прямой или косвенной поддержкѣ капиталовъ, взятыхъ займами у Англіи, принуждены были иначе устроить свои финансовыя дѣла, и многимъ изъ нихъ пришлось уменьшить свои обороты. Пониженіе кредита и изытіе капитала вызвали угнетеніе въ промышленномъ мірѣ, которое распространилось далеко. Не одна Англія потратила большія средства на военныя дѣйствія. Всѣ державы въ прошломъ году издержали значительныя суммы на войну въ Китаѣ. Займы двинулись въ этомъ направлении, и опять нѣкоторые капиталы, изытые изъ промышленныхъ оборотовъ, разстроили дѣла промышленниковъ. Въ Россіи, кромѣ того, были и другія затрудненія. Правительство въ прошломъ году строило менѣе желѣзныхъ дорогъ, нежели въ какое-либо другое время въ теченіе послѣдняго

десятилѣтія. А такъ какъ правительство — главный заказчикъ всего, что нужно для желѣзныхъ дорогъ, то естественно, что появилось угнетеніе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, соприкасающихся съ постройкою желѣзнодорожныхъ путей. Были у насъ и промышленныя предпріятія, организованныя на непрочномъ финансовомъ базисѣ. Но по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ этихъ специальныхъ причинъ угнетенія промышленности, онѣ дѣйствуютъ слабѣе, и я полагаю, что промышленный кризисъ со временемъ прекратится».

Россія нуждается въ капиталахъ, подобно тому, какъ Сахара жаждетъ воды. Вѣроятно, ни одинъ человекъ въ Европѣ не желаетъ настолько, насколько г. Витте, чтобы повсей землѣ царствовалъ миръ, такъ какъ единственное благо, которое привлекаетъ его — это малая норма процентовъ и рынокъ, жадно раскупающій облигаціи.

Я видѣлся не съ однимъ г. Витте, но со всѣми европейскими министрами финансовъ во время путешествія моего по Европѣ съ цѣлью узнать мнѣніе европейцевъ касательно подъема промышленной производительности въ Америкѣ.

Когда, въ 1897 году, мы продали товару за границу болѣе чѣмъ на 1.000.000.000 долларовъ, мы обрадовались тому, что такъ широко шагаемъ по мировымъ рынкамъ. Въ официальныхъ отчетахъ цифры, обозначавшія цѣнность вывезеннаго товара, постоянно возрастали, а въ теченіе настоящаго года вывозъ нашъ за границу достигъ цѣнности въ 1.500.000.000 долларовъ. Значеніе этой цифры еще повысится, если вспомнимъ, что въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1886 до 1896 г. въ среднемъ мы вывозили товару за границу лишь на 825.000.000 долларовъ. А ввозъ нашъ ежегодно не превышалъ въ среднемъ 800.000.000 долларовъ, и эта цифра мало повысилась и теперь. Тотъ фактъ, что нашъ вывозъ чрезвычайно развивался, а ввозъ сравнительно падалъ, и далъ въ результатѣ въ теченіе послѣднихъ пяти—шести лѣтъ выгодный для насъ громадный торговый балансъ, поразившій весь міръ. Въ послѣднія 6 лѣтъ мы продали за границу сырья и мануфактурныхъ продуктовъ на 2.000.000.000 долларовъ, болѣе, чѣмъ употребили на закупки наши за границей; а съ основанія Соединенныхъ Штатовъ до 1896 года нашъ торговый балансъ далъ чистаго остатка бо-

щихся къ характеристикѣ Франціи. «Если бы русскому министру финансовъ, — говорится въ разъясненіи, — пришлось высказать, не прибѣгая къ переводчику, свое мнѣніе объ экономической роли Франціи въ области международной конкуренціи, онъ, конечно, не сталъ бы смотрѣть на дѣло съ одной только стороны и не впалъ бы въ банальный пессимизмъ. Съ промышленной точки зрѣнія, сказалъ бы онъ, Франція менѣе богата природными ресурсами, чѣмъ Германія; у нея не хватаетъ угля» и т. п. «Но то выдающееся мѣсто, которое Франція занимаетъ на мировомъ рынкѣ, не смотря на сравнительную бѣдность своихъ нѣдръ и огромные размѣры обложенія, лишаетъ основанія всѣ обвиненія французовъ въ апатіи и недостаткѣ энергіи и инициативы, и, наоборотъ, служитъ доказательствомъ постоянной и высокоразвитой способности ихъ извлекать все возможное изъ имѣющихся ресурсовъ. Необыкновенное богатство ея почвы, безконечное разнообразіе ея культуръ, мягкость ея климата, огромная вывозная торговля, которую она ведетъ у себя дома, продавая иностранцамъ на мѣстѣ и по розничнымъ цѣнамъ товары, которые она не могла бы продавать имъ у нихъ же по оптовымъ цѣнамъ, доходы, которые она извлекаетъ изъ помѣщенія капиталовъ за границей... можетъ въ достаточной мѣрѣ служить вознагражденіемъ Франціи за слабое развитіе ея внѣшней торговли».

лѣе, чѣмъ на 383.000.000 долларовъ. Къ тому же до 1896 года мы вывозили лишь пищевые продукты и сырье. Европа служила мастерскою. Теперь нето: съ каждымъ годомъ усиливается нашъ вывозъ мануфактурныхъ продуктовъ, и въ послѣдніе два — три года овъ достигъ такихъ цифръ, что по этому поводу разнеслась народная молва, будто американцы совершаютъ нашествіе на европейскій промышленный міръ.

До 1897 года мы вывозили мануфактурныхъ продуктовъ въ среднемъ ежегодно на сумму 163.000.000 долларовъ. Въ 1898 г. мы вывели мануфактурныхъ произведеній за границу на сумму въ 290.000.000 долларовъ, въ 1899 году — на 339.000.000 и въ 1901 году — на 434.000.000 долларовъ.

По мѣрѣ усиленія вывоза нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ быстро падалъ ввозъ этихъ же продуктовъ. Наши производители мануфактурнаго товара не только вторглись на чужеземные рынки и появились въ видѣ новыхъ конкурентовъ на самомъ порогѣ своихъ соперниковъ, но вдобавокъ къ тому они отняли у нихъ обширнѣйшій иноземный рынокъ ихъ — Соединенные Штаты. Въ послѣднія шесть лѣтъ мы производили сами многое изъ того, что прежде покупали за границей. Главнымъ образомъ усилился вывозъ желѣза и стали; появилась у насъ также изобрѣтательность по производству машинъ. Безспорно и то, что Америка обладаетъ большими преимуществами по этой отрасли промышленности: ея желѣзная руда и каменный уголь не имѣютъ себѣ соперниковъ; на этомъ-то прочномъ базисѣ обосновала она свою дѣятельность. Такимъ образомъ Америка стала самымъ крупнымъ производителемъ желѣза и стали.

Американскіе локомотивы, бѣгающіе по американскимъ рельсамъ, посвистываютъ, проносясь мимо пирамидъ и пересѣкая обширныя сибирскія степи. Они переносятъ индусовъ-пилигримовъ со всѣхъ частей ихъ имперіи къ священнымъ водамъ Ганга. Три года тому назадъ въ Великобританіи былъ только одинъ американскій локомотивъ; въ настоящее время на всѣхъ важныхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ тащатъ поѣзда американскіе локомотивы. Американскій локомотивъ успѣшно вторгся и во Францію. Манчжурская желѣзная дорога, представляющая начало всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій Вос-

тока, купила рельсы и подвижной составъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Американскіе мосты пересѣкаютъ рѣки на всѣхъ материкахъ. Американскіе подъемные краны работаютъ на многихъ иноземныхъ молахъ. Гдѣ только есть обширныя, засѣянные хлѣбомъ поля, мы найдемъ американскія машины для сбора урожая. На всякомъ значительномъ мировомъ рынкѣ лучшая рекомендація для орудій представляетъ марка — «американское издѣліе» («made in America»).

Мы были издавна главными производителями хлопка. Теперь мы становимся и главными производителями тканей. Американскія хлопчатобумажныя ткани вторглись на рынки всѣхъ странъ. Вы ихъ найдете въ Манчестерѣ, на берегахъ Африки и въ лавкахъ туземцевъ Востока. Въ Палестинѣ пекутъ хлѣбъ изъ муки, смолотой въ Миннеаполисѣ. Американскія вѣтряныя мельницы работаютъ въ странѣ, лежащей на востокѣ отъ Іордана, и въ странѣ Башанъ. Фонографы наши говорятъ на всѣхъ языкахъ. Американскія машины для набора шрифта употребляются иноземными газетами, а при помощи нашихъ аренометровъ сводятъ счета десятки націй. Америка изготовляетъ швейныя машины на весь міръ. Наши велосипеды вездѣ признаются образцовыми. Наши пишущія машины пролагаютъ себѣ путь всюду, гдѣ есть письменность. Во всѣхъ примѣненіяхъ электричества мы стали первыми производителями въ мірѣ. Во многихъ европейскіхъ городахъ американскія динамо-машины освѣщаютъ улицы и приводятъ въ движеніе поѣзда городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Многія изъ машинъ, предназначенныхъ доставлять запасъ электричества лондонскимъ конкамъ, строятся въ настоящее время въ Питсбургѣ; американскія подковы полюбили всей Европѣ. Иноземные фабриканты торопятся ввозить наши машины, чтобы имъ было легче конкурировать съ нашими фабриками. На дальнемъ Востокѣ, въ столицѣ Кореи, недавно открыта была съ шумною музыкой и при развѣвающихъ знаменахъ электрическая желѣзная дорога, построенная изъ американскаго матеріала инженеромъ, родомъ изъ Санъ-Франциско, и теперь она дѣйствуетъ подъ руководствомъ американскихъ машинистовъ. Америка посылаетъ свой уголь въ Нью-Кэстль, хлопокъ въ Манчестеръ, ножевой товаръ — въ Шеффилдъ, картофель — въ Ирландію, шампанскія вина — во Францію, карманные часы —

въ Швейцарію, «рейнское» вино - въ Германію¹⁾).

Извѣстный экономистъ Берлина высказалъ мнѣ такую мысль: «Два или три поколѣнія тому назадъ были семейства въ Америкѣ, которыя въ промышленномъ отношеніи ни отъ кого не зависѣли. Не только они сами производили нужную для нихъ пищу, но въ самой семьѣ и пряли, и ткали, и занимались всѣми необходимыми ремеслами. Въ настоящее время такое независимое положеніе немислимо вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ, развитія фабрикъ и специализаціи промышленности. То, что произошло съ семьей сто лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время происходитъ съ націями. Специализація продолжала усиливаться; сосредоточеніе производства и кредитъ привели къ тому, что мелкій фабрикантъ не въ состояніи конкурировать съ крупнымъ, подобно тому, какъ ручной станокъ и прялка были не въ состояніи конкурировать съ фабрикой. Усовершенствованные и скорые способы сообщенія между отдаленными частями міра, удешевленіе транспорта, болѣе обширныя свѣдѣнія относительно продуктовъ и потребностей каждой страны вызвали взаимную зависимость націй, настолько же значительную, какъ и зависимость одного класса промышленныхъ рабочихъ отъ другого. Эта международная зависимость, эта необходимость для каждой страны все болѣе и болѣе покупать и продавать на иноземныхъ рынкахъ принуждаетъ каждую націю волей-неволей участвовать въ международной промышленной борьбѣ. Кто хочетъ предсказать будущее націй, долженъ изучить сравнительное положеніе ихъ по отношенію къ развитію промышленности».

«Теперь исторія становится повѣствованіемъ о развитіи промышленности среди той или другой націй,—продолжалъ берлинскій экономистъ. Сила націй измѣряется ея богатствомъ, ея значеніемъ на пути мірового прогресса, опредѣляемымъ ея относительнымъ торговымъ положеніемъ. Исторію нѣкогда будутъ писать на основаніи конторскихъ книгъ, записей балансовъ и промышленныхъ статистическихъ свѣдѣній, и цифры эти будутъ выражать результаты промышленныхъ завоеваній или поражений. Ны-

нѣшнія желѣзныя обложки и бездымный порохъ и при веденіи войны во многихъ случаяхъ устраняютъ элементъ личной храбрости, который замѣняется въ наше время техническимъ искусствомъ и умѣньемъ ловко выполнять его требованія. Многія изъ качествъ, при помощи которыхъ выигрываютъ великія промышленныя битвы, въ настоящее время могутъ дать положительные результаты и во время военныхъ походовъ. Торгово-промышленные интересы, въ обширномъ значеніи этого слова, были дѣйствительной цѣлью половины военныхъ предприятий послѣдняго десятилѣтія. Эта точка зрѣнія можетъ показаться очень узкой и прозаичной, но я полагаю, что сравнительное изученіе преісъ-курантовъ разныхъ націй, анализъ ихъ торговыхъ балансовъ, разумѣніе статистическихъ данныхъ касательно ихъ отношенія къ производству и потребленію—вотъ данныя, которыя теперь требуются, чтобы предсказать историческое будущее какой-либо націи».

Два явленія должно имѣть въ виду, если мы хотимъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему Америка захватила міровые рынки. Первое—это то, что развилась наша собственная промышленность, вслѣдствіе чего и произошло это завоеваніе. Если наши фабрики будутъ настолько велики, что, удовлетворивъ наши собственные потребности, будутъ высылать за границу значительный избытокъ и при томъ столь дешевый, что онъ станетъ однимъ изъ важѣйшихъ факторовъ на міровыхъ рынкахъ, то мы можемъ разсчитывать на такое промышленное развитіе, о какомъ мы до сихъ поръ и не мечтали. Второе явленіе—это то влияніе, какое наше завоеваніе иноземныхъ рынковъ произвело на другія націи міра. Если большая доля мануфактурныхъ продуктовъ всего міра будетъ изготовляться въ Америкѣ, то меньшая доля ихъ будетъ изготовляться въ другихъ странахъ. Предъ воображеніемъ восторженныхъ наблюденій нашей внѣшней торговли рисуется уже картина того времени, когда нашъ вывозъ настолько усилится, а ввозъ настолько уменьшится, что мы въ состояніи будемъ изготовлять все, что намъ нужно, и кромѣ того большую часть того, что требуется остальному міру; однако, эта картина не представляется, вѣроятно, ни нашего дѣйствительнаго будущаго, ни даже желаемаго результата

¹⁾ Америка посылаетъ въ Европу даже свои свѣжіе фрукты.

нашей дѣятельности. Конечно, не можемъ же мы продавать остальной части міра значительный избытокъ пищевыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ статей, не покупая у нея ничего взамѣнъ. Статистическія свѣдѣнія указываютъ, что за послѣдніе два или три года мы продавали Европѣ ежегодно на 600.000.000 долларовъ болѣе, чѣмъ покупали. Европа не заплатила за это золотомъ. Въ теченіе шести лѣтъ у насъ накопился по балансу внѣшней торговли излишекъ въ 2.744.000.000; между тѣмъ мы получили чистаго остатка по балансу, оплаченнаго золотомъ, лишь 132.000.000.

Вотъ финансовая загадка: какъ остальные государства заплатятъ намъ свой прежній долгъ и какъ будутъ они платить намъ въ будущемъ? Если вѣрить статистическимъ свѣдѣніямъ, то всѣ остальные государства настолько задолжали намъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, что мы должны закончить счеты съ ними. А на самомъ дѣлѣ, судя по состоянію международныхъ финансовъ, едва-ли мы можемъ располагать большими средствами на мировыхъ денежныхъ рынкахъ: нашимъ банкірамъ не предоставленъ чрезвычайный кредитъ по отношенію къ своимъ иноземнымъ корреспондентамъ. Нѣтъ такого накопленія фондовъ, изъ котораго мы могли бы черпать по желанію; даже нѣтъ показательства касательно того, не оплачена ли уже значительная часть этого баланса. Но какимъ образомъ она могла быть уплачена? Это приходится объяснять съ очень неудовлетворительными данными въ рукахъ. Если же мы вздумаемъ предсказать, какъ этотъ долгъ будетъ оплачиваться въ будущемъ, то это поведетъ насъ къ очень интереснымъ размысленіямъ по поводу финансовыхъ условій.

По правительственнымъ отчетамъ оказывается, что мы продавали Европѣ круглымъ числомъ на 600.000.000 долларовъ въ годъ болѣе той суммы, на какую мы закупили у нея товара; но мы можемъ быть увѣрены, что цифра продажи на самомъ дѣлѣ гораздо ниже. Работа выполнена основательно, но невозможно вывести точный международный торговый балансъ, если цифры на одной изъ сторонъ счетной книги указываются тѣмъ, кто ввозитъ товаръ, такъ какъ послѣдніе имѣютъ сильное побужденіе къ тому, чтобы ввозъ оцѣнить ниже. Я не могу предугадать, на какой процентъ нашъ ввозъ оцѣнятъ

ниже, но, при рѣшеніи этой задачи, я могу предположить, что этотъ процентъ значителенъ. Есть еще статьи очень важныя, не записанныя въ нашихъ таможенныхъ статистическихъ записяхъ. Наши туристы, путешествуя по Европѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, тратятъ 100.000.000 долларовъ въ годъ. За фрахтъ платимъ мы владельцамъ иноземныхъ пароходныхъ линій, можетъ быть, болѣе 75.000.000. Кромѣ того, благоденствующіе эмигранты, переселившіеся къ намъ изъ Европы, посылаютъ домой множество небольшихъ суммъ. И что всего важнѣе, американцы въ послѣднее время купили въ Европѣ на значительную сумму нашихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ. Если взять сумму этихъ всѣхъ уплатъ, произведенныхъ нами Европѣ за послѣднія десять лѣтъ, то получится громадная цифра. Этотъ выкупъ нашихъ государственныхъ бумагъ не можетъ длиться безконечно; вѣроятно, онъ уже и прекратился, такъ какъ извѣстно, что въ Европѣ теперь осталось уже мало американскихъ цѣнностей. Если и далѣе нашъ вывозъ будетъ ежегодно превышать нашъ ввозъ на 600.000.000 долларовъ, то, за иззятіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ суммъ, Европа останется у насъ въ долгу на сумму баланса въ 300 или 400 милліоновъ. Какимъ образомъ будетъ оплаченъ этотъ балансъ? Очевидно, Европа не можетъ выплатить его золотомъ; ясно и то, что мы и не желали бы, чтобы она выплатила намъ этотъ долгъ подобнымъ образомъ. Замѣчательнѣйшіе изъ европейскихъ финансистовъ полагаютъ, что Америка рано или поздно приметъ дѣятельное участіе и на европейскихъ денежныхъ рынкахъ. Дѣла по международному помѣщенію капиталовъ примутъ въ будущемъ совершенно иной оборотъ: не англійскіе или германскіе синдикаты будутъ помѣщать свои капиталы въ Америкѣ, а американскіе синдикаты станутъ важнымъ факторомъ на аренѣ заграничнаго помѣщенія капиталовъ. Низкая норма процентовъ, господствующая въ Америкѣ уже нѣсколько лѣтъ, обратила на себя общее вниманіе. Полагаютъ, что Нью-Йоркъ станетъ современнымъ самымъ дешевымъ денежнымъ рынкомъ въ мірѣ. Интересны повышенія рыночныхъ цѣнъ на цѣнные государственныя бумаги. Оцѣнка бумагъ, дающихъ высокіе проценты, изумила Европу. Процентныя бумаги Соединенныхъ Штатовъ, дающія лишь 2%,

на рынкахъ оцѣнивались по курсу 110; бумаги Германской имперіи, дающія 3⁰/₀— по 88, англійскія консоли, дающія 2,75⁰/₀,— по 93; русскіе металлическіе билеты, дающіе 4⁰/₀,— по 96; правительственныя итальянскія цѣнныя бумаги продавались по такимъ цѣнамъ, что давали покупателю болѣе 4⁰/₀.

Американскія правительственныя бумаги не обложены пошлинами; но, что еще важнѣе, онѣ имѣютъ специальную цѣнность для американскихъ національныхъ банковъ. Послѣдніе, обладая этими бумагами, могутъ войти въ денежныя сношенія съ государственнымъ казначействомъ Соединенныхъ Штатовъ и получать отъ него ссуды подъ залогъ этихъ бумагъ; или же могутъ принимать общественныя вклады, представивъ въ видѣ обезпеченія эти бумаги: потому рыночная цѣна нашихъ правительственныхъ бумагъ, особенно двухпроцентныхъ, не можетъ служить мѣриломъ того, какіе проценты желаютъ получать капиталисты. Однако, тотъ фактъ, что сумма, превышающая 500.000.000 долларовъ нашихъ правительственныхъ бумагъ, употребляется лишь для помѣщенія капиталовъ, хотя рыночныя цѣны этихъ бумагъ даютъ владѣтелю ихъ менѣе 1,75⁰/₀, конечно, указываетъ на то, что наше правительство пользуется гораздо большимъ кредитомъ, нежели правительства другихъ націй. Есть другія доказательства тому, что Соединенные Штаты становятся лучшимъ рынкомъ въ мірѣ для промышленныхъ гарантированныхъ бумагъ, дающихъ высокій процентъ. Первоклассныя желѣзнодорожныя облигаціи, какъ на примѣръ облигаціи Пенсильванской желѣзной дороги или Нью-Йорской центральной, продаются за такую цѣну, что владѣльцы пользуются такими же низкими процентами, какъ и владѣльцы облигацій англійскихъ желѣзныхъ дорогъ; а на материкѣ Европы наиболѣе цѣнныя гарантированныя бумаги разныхъ компаній продаются по цѣнамъ, которыя даютъ болѣе высокій процентъ владѣльцу, нежели наши лучшія гарантированныя бумаги.

Всѣмъ признано, что Соединенные Штаты, можетъ быть, достигнуть промышленной гегемоніи по міровой торговлѣ. Однако, слѣдуетъ помнить, что путь нашъ къ міровой торговой гегемоніи представляетъ и извѣстныя препятствія, и мы находемся далеко еще отъ цѣли. Изучая текущія статистическія свѣдѣнія касательно вывоза нашихъ ману-

фактурныхъ продуктовъ, мы убѣдимся въ этомъ. Быстрое усиленіе вывоза въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ теперь приостановилось, и за послѣдній отчетный годъ видимъ пониженіе вывоза. Это пониженіе можетъ быть отнесено къ тому факту, что грузы, отправляемые на судахъ въ Порто-Рико, Гавай и на Филиппинскіе острова, уже не считаются вывозомъ за границу; тѣмъ не менѣе, очевидно, что торжественное шествіе американскихъ мануфактурныхъ продуктовъ приостановилось. Важной причиною тому служатъ самыя успѣхи наши. Серіозно пошатнулось благоденствіе многихъ иноземныхъ мануфактуръ, вслѣдствіе нашей успѣшной конкуренціи съ ними. Угнетеніе иноземной промышленности отразилось въ пониженіи зарботковъ, въ уменьшеніи покупокъ и пониженіи уровня цѣнъ на товаръ, а все это повлияло не только на иноземныя мануфактуры, но и на наши.

Касательно вѣтшней торговли намъ слѣдовало бы поучиться у нѣмцевъ. Они сильны въ двухъ отношеніяхъ: прекрасно образованы, какъ техники, но въ этомъ отношеніи, можетъ быть, наши техники равны имъ, и если въ чемъ мы слабы, а они сильны, такъ это въ томъ, что представители ихъ фирмъ за границей получили коммерческое воспитаніе и специально принорованы къ своей профессіи. Мы съ трудомъ изучаемъ иностранныя языки; мы слишкомъ заняты своими домашними дѣлами, чтобы пользоваться всякимъ случаемъ къ изученію ихъ; вслѣдствіе этого, мы посылаемъ въ Европу представителей своихъ фирмъ, не говорящихъ на языкъ той страны, гдѣ имъ приходится вести торговые дѣла. Если бы не распространенъ былъ всюду англійскій языкъ, то ихъ положеніе было бы еще хуже. Случается, что представители нашихъ фирмъ имѣютъ лишь очень смутное понятіе о коммерческой географіи Европы.

Какъ также, что мы уже не играемъ первостепенной роли, какъ научные изслѣдователи по приложенію науки къ специально-промышленнымъ дѣламъ. Многими изъ замѣчательнѣйшихъ открытій послѣднихъ лѣтъ по промышленной химіи, электричеству и другимъ отраслямъ наукъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ промышленности, мы обязаны иноземцамъ. Каждый изъ насъ при этомъ вспомнитъ о лучахъ Х и о беспроволочномъ телеграфѣ; но, кромѣ того,

есть еще множество важныхъ открытій, чрезвычайно цѣнныхъ при промышленныхъ операціяхъ, за пользованіе которыми мы должны платить иностраннымъ изобрѣтателямъ, имѣющимъ привилегіи. Правительство Соединенныхъ Штатовъ принуждено платить изобрѣтателю-иѣмцу, имѣющему привилегію, за пользованіе открытымъ имъ одинъ или два года тому назадъ болѣе дешевымъ, нежели употребляющіеся прежде, способомъ утонченія золота посредствомъ электролиза. Вотъ еще условія, вредно вліяющія на нашу промышленность и на нашу внѣшнюю торговлю. Мы получили большіе барыши вслѣдствіе нашей способности къ спеціализаціи: мы приняли опредѣленные шаблоны при изготовленіи машинъ; это даетъ намъ возможность изготовить множество машинъ по очень дешевой цѣнѣ. Держась крѣпко за эту норму, мы упускаемъ изъ виду предубѣжденія иностранцевъ. Мы могли бы сдѣлать нѣкоторыя уступки этимъ предубѣжденіямъ и тѣмъ самымъ вызвать значительную распродажу нашихъ издѣлій; но наши фабриканты отказываются отъ подобныхъ уступокъ.

Важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію нашей внѣшней торговли, вѣроятно, послужитъ то же самое, обо что сокрушилась и англійская промышленность, а именно—все усиливающееся въ настоящее время въ рабочихъ союзахъ стремленіе регулировать дѣла работодателей не только по отношенію къ рабочей платѣ и къ числу рабочихъ часовъ, но также и относительно того, какую сумму труда можно дозволить рабочему выполнить; послѣднее и послужило къ упадку англійской промышленности¹⁾. Однако, мы пользуемся также и многими преимуществами. Всѣмъ признано, что наши естественныя богатства во многихъ важныхъ отношеніяхъ несравнимы ни съ чѣмъ подобнымъ. Мы полагаемъ, что нашъ средній рабочій превосходитъ такого же рабочаго другихъ странъ. Вѣрнѣе, что наша форма правленія представляетъ прочнѣйшую основу для развитія національнаго благоденствія. Разныя отрасли нашей промышленности скорѣе поддерживаются, нежели стѣсняются нашей федеральной системой взиманія пошлинъ.

Дѣловой человѣкъ въ Америкѣ, если даже его операціи очень скромны, имѣетъ деньги

на текущемъ счету въ банкѣ. Онъ платитъ по счетамъ чеками. Если онъ хочетъ расширить свои операціи, онъ занимаетъ не деньги, а заручается кредитомъ въ банкѣ.

Невѣроятно, насколько мало развито это дѣло въ другихъ странахъ. Въ Италіи на чекъ банка смотрятъ съ недовѣріемъ. Торговцы, ведущіе дѣла на небольшіе капиталы, не берутъ чека въ уплату, и ни у кого изъ нихъ нѣтъ денегъ на текущемъ счету въ банкѣ. Что еще удивительнѣе—въ Парижѣ почти то же самое. Одинъ изъ чиновниковъ французскаго банка разсказалъ мнѣ слѣдующее: «если торговецъ, торгующій въ розницу, занимаетъ опредѣленную сумму въ банкѣ, то это происходитъ не такъ, какъ у васъ. въ Америкѣ,—говорилъ онъ;—у васъ этотъ заемъ лишь приписывается къ его балансу въ банковскихъ книгахъ; у насъ же купецъ получаетъ займы деньги и уноситъ ихъ. Вѣроятно, у него нѣтъ денегъ на текущемъ счету въ банкѣ. Онъ не пишетъ чековъ. У васъ онъ платитъ свой заемъ наличными. Двѣсти человѣкъ ежегодно выходятъ изъ французскаго банка для взиманія уплатъ по займамъ, которымъ вышелъ срокъ. Случаются ежемѣсячно такіе дни, когда необходимо выслать 400 артельщиковъ, а 1-го и 15-го каждаго мѣсяца отправляется по 600 артельщиковъ».

Въ Вѣнѣ разсказывали мнѣ нѣчто смѣшное и невѣроятное, хотя это суцая правда, такъ какъ разсказывали люди, достойные довѣрія. Австрійское правительство купило телефонную линію у англійской компаніи. (Тѣдовало уплатить 1.000.000 гульденовъ. Чиновникъ придворнаго вѣдомства, должность котораго соответствуетъ должности нашего секретаря по внутреннимъ дѣламъ, долженъ былъ произвести эту уплату. Представитель англійской компаніи пожелалъ получить лишь переводъ этой суммы на австро-венгерскій государственный банкъ. Чиновникъ выразилъ сожалѣніе, что не было прецедента такого способа уплаты. Деньги правительства лежали именно въ этомъ самомъ банкѣ; чиновникъ велѣлъ ихъ принести къ себѣ въ присутствіе, отсчиталъ ихъ англичанину, который тотчасъ же понесъ ихъ въ тотъ же банкъ обратно, гдѣ ихъ еще разъ пересчитали и положили опять въ тотъ же самый подвалъ со сводами, откуда онѣ были принесены часть тому назадъ.

¹⁾ Хороша, значитъ, хваленая «цивилизація» и ея промышленный «прогрессъ»!

Банковые методы производства денежных операций, существующие в континентальной Европѣ, очень затруднительны и отнимают много времени; здѣсь пользуются кредитомъ самымъ примитивнымъ образомъ. Это настолько же задерживаетъ развитие промышленности континентальной Европы, какъ и упорное пользованіе ею устарѣвшими машинами и способами изготовленія мануфактурныхъ издѣлій, которые уже давно оставлены нами, потому что они медлительны и требуютъ многихъ издержекъ.

Важный факторъ, усиливающий развитие американской промышленности — это бесспорное превосходство нашей системы передвиженія. Если мы представимъ себѣ картину нашихъ роскошныхъ поѣздовъ съ ихъ громадными локомотивами и, что еще важнѣе, если вспомнимъ, каковы наши шаблонные товарные вагоны, вмѣщающіе 50 тоннъ груза (болѣе 2.500 пуд.), то европейцы покажутся намъ лишь дилеттантами въ изученіи способовъ передвиженія; ихъ игрушечные товарные вагоны, небольшие локомотивы и медленно дѣйствующая администрація никогда не могутъ стать рядомъ съ нашими. Можетъ быть, не совсѣмъ справедливо будетъ сравнивать среднюю цифру издержекъ по торговому фрахту за каждую тонну и милю въ Америкѣ и въ Европѣ, такъ какъ среднее разстояніе пути гораздо короче въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ, а конечныя издержки пути — тѣ же, какова бы ни была его длина. Однако, вотъ эти среднія цифры желѣзнодорожнаго товарнаго тарифа: средняя цѣна за каждую тонну и милю на всѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ для всякихъ грузовъ составляетъ менѣе ³/₄ цента. Если возьмемъ статистическія свѣдѣнія, касающіяся лишь восточныхъ вѣтвей желѣзныхъ дорогъ, то эта цифра падаетъ даже до ¹/₂ цента за каждую тонну и милю. Въ Великобританіи эта цифра равняется 2,4 цента, во Франціи — 2,2, въ Германіи — 1,6 и въ Россіи — 2,4 ¹).

Въ финляндскомъ городѣ Або я встрѣтилъ одного американца, который оказался пред-

ставителемъ обширнаго паровозо-строительнаго завода. Онъ разсказалъ мнѣ, что объѣхалъ всю Европу отъ Испаніи до Россіи. Ему удалось продать многіе изъ своихъ локомотивовъ, не смотря на то, что съ нимъ конкурировали не только мѣстные заводчики, но и заводчики Великобританіи и Германіи, которые до сихъ поръ преобладали по этой отрасли торговли. Я просилъ его объяснить мнѣ, какимъ образомъ ему удалось втерѣться на эти рынки и выгодно продать свои локомотивы, не смотря на таможенныя пошлины, не смотря на то, что приходится перевозить локомотивы на разстояніи отъ четырехъ до пяти тысячъ миль, и не смотря на тотъ фактъ, что у него на заводѣ платятъ рабочимъ въ среднемъ въ два или въ три раза больше, чѣмъ платятъ его конкуренты.

«Наши успѣхи на этой аренѣ, — сказалъ онъ, — зависятъ главнымъ образомъ отъ того, что мы изготовляемъ локомотивы извѣстнаго шаблона. Мы создали такой типъ локомотива, который даетъ наибольшее количество производительной работы сравнительно съ другими системами, и изготовляемъ большое количество такихъ локомотивовъ, продавая ихъ по такой цѣнѣ, по какой не могутъ продавать европейскіе заводчики. Наши машины, сберегающія трудъ, вознаграждаютъ насъ за высокую заработную плату, которую мы даемъ нашимъ рабочимъ. Англійскіе и германскіе фабриканты строятъ локомотивы по указанію механиковъ и инженеровъ. Они не могутъ принять нашей системы нормальныхъ шаблоновъ, потому что они лишены того обширнаго, однороднаго рынка, которымъ пользуются наши фабрики на протяженіи всей Америки».

Есть еще обстоятельство, задерживающее развитіе промышленности въ Европѣ. Европа тратитъ ежегодно на войско и на флотъ 1.380.000.000 долларовъ. Теперь наша армія еще находится почти что на военномъ положеніи, однако, мы израсходовали на нее за послѣдній годъ лишь 205.000.000. Такія значительныя издержки на войско и флотъ очень тягостны для Европы, но, что еще важнѣе, войско и флотъ Европы отвлекаютъ отъ промышленныхъ занятій 4.000.000 человекъ.

Въ заключеніе передамъ мою бесѣду съ однимъ нѣмцемъ, который считается замѣчательнѣйшимъ европейскимъ финансистомъ. Я высказалъ ему мысль, что, если неболь-

¹) По упомянутому разъясненію «Вѣстника финансовъ», величина тарифа для Россіи указана г. Виндерлипомъ совершенно ошибочно: въ дѣйствительности она на 100 процентовъ слишкомъ менѣе. Такимъ образомъ, по дешевизитъ тарифа Россію превосходятъ лишь одни Соединенные Штаты.

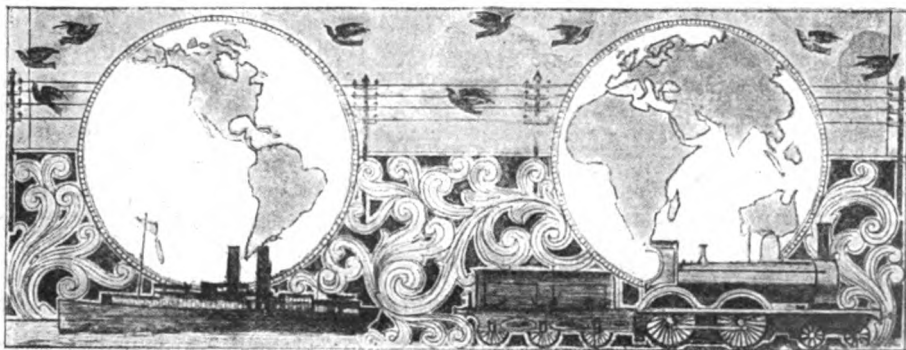
шая война въ Трансваалѣ при современныхъ условіяхъ стоила такъ дорого и такъ дурно повліяла на промышленность и торговлю Европы, то великая война становится невозможной. «Вы неправы», — сказалъ онъ. — Возьмемъ для примѣра Россію, — возразить я; предположимъ, что она начнетъ великую войну; откуда возьметъ она денегъ? «Издержки войны, пока она будетъ происходить въ самой Россіи, — отвѣчалъ онъ, — будутъ весьма незначительны. Финансовое состояніе государства вовсе не обусловливаетъ собою необходимости заключать ли миръ, или вести войну». Я перевелъ разговоръ на Америку и спросилъ его, каково будетъ будущее Америки, если постоянно ежегодный вывозъ ея будетъ превышать ввозъ на 600.000.000? «Этого не могу я сказать, — отвѣчалъ онъ, — но что-нибудь непредвидѣнное случится».

«Въ настоящее время. — продолжалъ онъ. — въ Европѣ 4.000.000 солдатъ, лучшая часть ея молодежи; эти люди не только отрлекаются отъ производительнаго труда, но Европа еще тратитъ 6.000.000.000 на содержаніе ихъ. Этихъ 6 милліардовъ не хватаетъ на ихъ содержаніе. Вотъ это обстоятельство съ прибавкой къ нему потери на производительномъ трудѣ затрудняетъ коммерческій классъ Европы: въ этомъ отношеніи вы пользуетесь большими преимуществами. По своей торговлѣ вы превосходите насъ, но если намъ придется помѣряться съ вами на войнѣ, то этотъ милитаризмъ, обременяющій Европу, дастъ себя знать, и, можетъ быть, мы одолѣемъ васъ». Я спросилъ, нѣтъ ли въ Европѣ стремленія въ пользу уменьшенія вооруженныхъ силъ? «Нѣтъ, —

отвѣчалъ онъ. — Франція и Англія взаимно ненавидятъ другъ друга; Франція и Германія — также; Россія и Германія — тоже самое. Надежды на уменьшеніе количества вооруженныхъ силъ, поэтому, не имѣется. Англія надѣялась стовориться съ Россіей, но это оказалось невозможнымъ. Также Франція и Германія никакъ не могутъ помириться. Германія уже не боится Франціи. Мы побили ее сперва на полѣ сраженія, потомъ побили ее и какъ коммерческаго конкурента. Въ коммерческомъ отношеніи мы заняли довольно сильную позицію относительно Франціи. Послѣ войны мы заключили съ ней договоръ, въ силу котораго мы имѣемъ тѣ же права, какъ и наиболѣе благоприятствуемая нація».

Я спросилъ его, что онъ думаетъ о сліяніи американскихъ компаній въ одну по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, какъ, напримѣръ, по выдѣлкѣ стали. Онъ отвѣтилъ на это, что сильная власть бываетъ и полезна и вредна, смотря по тому, кто облеченъ такою властью. Если обладаетъ сильною властью хорошій человѣкъ, то это наилучшій порядокъ вещей; если же этотъ человѣкъ дурной, то такой порядокъ вещей — наихудшій. «Кто же будетъ контролировать нашихъ довѣренныхъ? вотъ въ чемъ заключается вся суть вопроса. Мы будемъ наблюдать съ большимъ интересомъ, какъ у васъ пойдутъ эти громады комбинаціи», заключилъ онъ.

Такъ вотъ что дѣлаетъ Европа: она слѣдитъ съ живѣйшимъ интересомъ за ходомъ нашихъ дѣлъ, такъ какъ послѣдній опредѣляетъ наше будущее положеніе въ міровой промышленной борьбѣ.

IV¹⁾.

Создавая свое главное художественное произведение «Такъ говорилъ Заратустра», олицетворяя въ живомъ образѣ этого пророка міросозерцаніе свое, Ницше вполне отдавался во власть своей изложенной выше теоріи творчества. Вотъ какъ описываетъ онъ состояніе въ періодъ вдохновенія.

«Der Begriff Offenbarung in dem Sinne, dass plötzlich, mit unsäglicher Sicherheit und Feinheit, Etwas sichtbar, hörbar wird, Etwas, das einen im Tiefsten erschüttert und umwirft, beschreibt einfach den Thatbestand. Man hört,—man sucht nicht, man nimmt,—man fragt nicht, wer da giebt; wie ein Blitz leuchtet ein Gedanke auf, mit Nothwendigkeit, in der Form ohne Zögern,—ich habe nie eine Wahl gehabt. (Z. 482).

«Dies ist meine Erfahrung von Inspiration; ich zweifle nicht, dass man Jahrtausende zurückgehen muss, um Jemanden zu finden, der mir sagen darf: «es ist auch die meine». (Z. 483).

Дѣйствительный характеръ этого состоянія очень ясно передается понятіемъ «откровенія» въ томъ смыслѣ, что внезапно, съ несказанной отчетливостью и тонкостью нѣчто становится видимымъ, слышимымъ, нѣчто такое, что глубоко взволновать, потрясаетъ человѣка: онъ слышитъ, не ищетъ, беретъ, не спрашиваетъ, кто далъ; какъ молнія вспыхиваетъ данная мысль съ необходимостью, въ готовой формѣ безъ малѣйшей проволоочки—мнѣ ни разу не пришлось выбирать (Z. 482).

Вотъ мой опытъ вдохновенія; я не сомнѣваюсь, что надо оглянуться за тысячелѣтія, чтобы найти человѣка, который бы смѣлъ сказать: «и мой опытъ таковъ же».

Описывая такъ моменты своего вдохновенія, Ницше ясно даетъ понять, что употребленное имъ слово Offenbarung—откровеніе—должно обозначать необычайное просвѣтленіе, должно выразить внезапно заполнившую его особо высокую прозорливость: онъ является не просто поэтомъ, какъ другіе, а вѣстителемъ изъ «сердца міра» необычайно важныхъ истинъ, которыя открываются людьми разъ въ тысячелѣтія.

Здѣсь важно упомянуть, что приведенныя только-что слова записаны имъ въ своей автобіографіи осенью 1888 года, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до первыхъ чиселъ января 1889 года, когда его уже окончательно сразила долго сдерживаемая гигантской силой воли психическая неизлѣчимая болѣзнь; тѣмъ не менѣе, самоинициальное въ значительной мѣрѣ восклицаніе о томъ, что онъ единственный представитель такого вдохновенія, не является бредовой идеей: идея эта, не встрѣчаемая въ другихъ мѣстахъ и потому ничего насильственного въ психіатрическомъ смыслѣ собою не представляющая, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ заносчива, какъ это кажется съ перваго взгляда; сбиваетъ нѣсколько повышенный тонъ, естественный у человѣка, крайне возбужденнаго, работающаго безъ передышки съ дѣтства до 44 лѣтъ при нескрываемой ненависти окружающихъ дѣятелей на той же философско-литературной почвѣ.

Если же взять въ расчетъ письма его къ сестрѣ, гдѣ онъ говоритъ о почти благого-

¹⁾ См. «Новый Журн. Ин. Лит.», №№ 1, 2 и 3 1902 г.

вѣльномъ настроеніи въ моментъ творчества, о слезахъ, которыми оканчивались эти моменты возбужденія, то ясно станетъ, что дѣйствительно не легко найти въ исторіи примѣръ такого же напряженнаго состоянія души, такого повышеннаго тона, не мѣшавшаго, однако, пластичности мыслей и чарующей прелести и величію стилия: въ эстетической области одинокій Нитцше достигъ необычайной высоты, можетъ быть именно благодаря напряженному, больному одиночеству; большая и правомѣрная гордость слышится въ его описаніи творчества въ періодъ созданія «Заратустры», но нѣтъ никакихъ основаній заподозрить хотя бы на минуту самообожествленія, бреда величія; противъ такого предположенія говорить не только вся совокупность содержанія «Заратустры», но и выдержанная на всемъ протяжении этой длинной вещи цѣлостность (не монотонная) формы, вообще исполненной чувства мѣры, а также рядъ отдѣльных мѣстъ тутъ же съ рѣзкой самокритикой, какъ мы увидимъ ниже. Последняя, очевидно, ничего общаго не имѣетъ съ бредомъ величія божественнаго или сверхчеловѣческаго оттока.

Увлеченіе всегда увлеченіе, и важно только, чтобы человѣкъ, овладѣвая имъ въ свою очередь, все-таки въ концѣ концовъ стоялъ выше стихійнаго порыва, и тогда онъ естественно остается на свойственной ему высотѣ, куда напѣвляющій зритель не можетъ подняться; этимъ и объясняется, что въ дѣйствительно художественномъ произведеніи всегда наблюдается таинственная глубина, неисчерпаемая для критика, а не только для зрителя или слушателя.

Это особенно вѣрно по отношенію къ Нитцше. Самое большое, если при помощи самого поэта ученикъ Заратустры на минуту заглянетъ въ міръ идей, открываемый ему нашимъ поэтомъ мысли. Каждый философъ, по рѣзкому замѣчанію Нитцше, долженъ уметь надъ собой смѣяться и тогда онъ въ правѣ смѣяться надъ всѣми другими: вотъ примѣръ самоанализа и самооцѣнки:

Въ главѣ «Von den Dichtern» горько провозгласивъ надъ поэтическими увлеченіями вообще и безплемъ творчества поэтовъ, Нитцше говоритъ и о себѣ въ образѣ Заратустры.

«Doch was sagte dir einst Zarathustra? Das die Dichter zuviel lügen?—Aber auch Zarathustra ist ein Dichter. Glaubst du

nur, dass er hier die Wahrheit redete? Warum glaubst du das?» Der Jünger antwortete: «ich glaube an Zarathustra». Aber Zarathustra schüttelte den Kopf und lächelte. Das Glauben macht mich nicht selig, sagte er, zumal nicht der Glaube an mich.

Aber gesetzt, dass Jemand allen Ernstes sagte, die Dichter lügen zuviel: sohat er Recht,—wir lügen zuviel.

Wir wissen auch zu wenig und sind schlechte Lerner: so müssen wir schon lügen. (Z. 185—187).

Но что же однажды сказалъ тебѣ Заратустра? Что поэты слишкомъ много лгутъ?—Но и Заратустра—поэтъ.

Вѣришь ли ты, что сказать онъ правду? Почему ты вѣришь ему?

Ученикъ отвѣчалъ «я вѣрю въ Заратустру». Но Заратустра покачалъ головой и улыбнулся.

«Вѣра не спасаетъ меня», сказалъ онъ, «а вѣра въ меня всего меньше».

Но положимъ, что кто-нибудь сказалъ бы серьезно, что поэты слишкомъ много лгутъ: онъ былъ бы правъ.—мы лжемъ слишкомъ много.

Мы знаемъ слишкомъ мало и дурно учимся: потому намъ и необходимо лгать.

Въ чемъ же состоитъ эта ложь поэтовъ, чѣмъ объясняется ся необходимость, чтобы не сказать необходимость.

Wahrlich, immer zieht es uns hinan— nämlich zum Reich der Wolken: auf diese setzen wir unsre bunten Bälge und heissen sie dann Götter und Übermenschen:—Sind sie doch gerade leicht genug für diese Stühle?—alle diese Götter und Übermenschen.

Ach, wie bin ich all des Unsulänglichen müde, das durchaus Ereigniss sein soll! Ach, wie bin ich der Dichter müde (Z. 188).

Понятно, насъ влечетъ всегда вверхъ въ царство облаковъ: туда помѣщаемъ мы наши пестрые мечты и называемъ ихъ своими богами и сверхчеловѣками.

Но достаточно легки они для этихъ сѣдаловъ, всѣ эти боги и сверхчеловѣки.

Ахъ, какъ усталъ я отъ всего недостижимаго, что непременно хочетъ стать событіемъ! Ахъ, какъ усталъ я отъ поэтовъ! (Z. 188).

И не самообичиваніе увлекшагося человѣка— это спокойное самообличеніе, а искреннее воспроизведеніе прошлаго. Сколько драматизма въ этихъ красивыхъ строфахъ pro domo sua, здѣсь сказывается съ особой силой глубокое разочарованіе въ человѣческомъ творествѣ, рѣзко выраженъ скептицизмъ, направленный на работу всего человѣчества не только въ области мысли, но и въ области поэтического творчества, последняго

приблѣжна человѣка, по мысли Нитцше, проповѣдника нитици даже въ дѣлѣ науки.

Искренность этого отрывка почти зачеркивала дѣятельность самого Нитцше — сознательно для него; не только шиллеровскій міръ свѣтлыхъ образовъ Поэты, Мора, гётевскій Фаустъ и шекспировскій Гамлетъ являются намъ легковѣсными свѣтло-туманными призраками, рядомъ съ исчезнувшимъ Олимпомъ и не дороже его; но и сверхчеловѣка, ради котораго живетъ Нитцше — не обинуясь, называетъ онъ мечтой, какъ бы впередъ развѣнчивая призракъ, воплощенія котораго онъ жаждетъ всѣмъ существомъ, ради котораго живетъ и работаетъ.

И вотъ почему это случилось съ Нитцше, какъ, впрочемъ, и со всѣми, только онъ себя не обманываетъ и не обольщается призраками.

Ach, ich warf wohl mein Netz in ihre Meere und wollt gute Fische fangen; aber immer zog ich eines alten Gottes Kopf herauf.

So gab dem Hungrigen das Meer einen Stein. Und sie selber mögen wohl aus dem Meere stammen.

Gewiss, man findet Perlen in ihnen: um so ähnlicher sind sie selber harten Schalhieren. Und statt der Seele fand ich oft bei ihnen gesalzenen Schleim.

Sie lernten vom Meere auch noch seine Eitelkeit: ist nicht das Meer der Pfau der Pfauen? Noch vor dem hässlichsten aller Büffel rollt es seinen Schweif hin, nimmer wird es seines Spitzenfächers von Silber und Seide müde.

Trutzig blickt der Büffel dazu, dem Sande nahe in seiner Seele, näher noch dem Dickicht, am nächsten aber dem Sumpfe. Was ist ihm Schönheit und Meer und Pfauen — Zierath! Dieses Gleichniss sage ich den Dichtern (Z. 189).

Ахъ, закидывать и я сеть мою въ море ихъ (поштовъ), чтобъ поймать тамъ хорошую рыбу, но постоянно вытаскивать я только голову древняго идола. Такъ море дало камень голодающему. И имъ тоже кажется, что прокопчили они пѣзу моря.

Несомнѣнно, попадаются у нихъ и перлы; но это дѣлаетъ ихъ еще больше похожими на твердыя раковины. И часто вмѣсто души находить я у нихъ соленую тину.

У моря позанимствовались они тщеславіе свое: но не есть ли море навѣннъ пѣзу навѣннъ? Даже передъ безобразнѣйшимъ пѣзу буйволовъ распускаетъ оно хвостъ свой и никогда не устаетъ играть своимъ вѣвромъ пѣзу кружевъ, шелку и серебра.

Глѣвно смотритъ буйволъ, но дунѣ своей близкій къ песку, еще болѣе близкій

къ чащѣ и стремящийся болѣе всего къ болоту. Что ему красота, и море, и убранство навѣнн! Вотъ эту пригугу говорю поэтамъ.

И это говорить онъ поэтамъ, den Dichtern, къ которымъ только-что самъ причислитъ Заратустру.

Не трудно повѣрить Нитцше, столько несомнѣнно переживавшему въ эпоху созданія Заратустры, когда онъ отыщется, какъ я уже упоминалъ, что писалъ «Заратустру» обливаясь слезами; несомнѣнно, что бывали слезы отчаянія, но и бывали слезы восторга въ моменты, когда волнующій новый, чарующій образъ послѣ долгихъ мукъ созрѣвъ, вдругъ радостный выходилъ на свѣтъ. Есть прелестное четверостишіе его, относящееся къ данному настроенію.

Wahrheiten die noch kein Lachen vergüllet hat,

Grüne, herbe, ungeduldige Wahrheiten
Sitzen um mich herum.

Правды, которыя ни одна улыбка еще не позолотила, зеленныя, рѣзкія, нетерпѣливыя правды сидятъ вокругъ меня.

Да, творя Заратустру, открывая человѣчеству на тысячелѣтіе впередъ новыя истины, онъ видѣлъ ихъ живыми сидѣвшими вокругъ него — эти зеленныя, терпкія, нетерпѣливыя истины, которыхъ никто еще не захотѣлъ полюбить, взлѣтѣть, взрости.

Заканчивая эту главу, необходимо ознакомиться со стилемъ Нитцше; для этой цѣли пока достаточно нѣсколькихъ цитатъ изъ Заратустры; само собою выяснится тогда, до какой степени Нитцше, художникъ и мыслитель, — властелинъ въ этой области. Недаромъ Риль пишетъ про него, что Нитцше противопоставилъ натурализму въ языкѣ стиль и вновь показать, что такое стиль въ языкѣ.

При этомъ невольно вспоминается безсмертное изреченіе Бюффона: что стиль — это самъ человѣкъ.

Едва ли къ кому другому болѣе приложимы эти слова, столь справедливыя, наиримѣръ, по отношенію къ Виктору Гюго, къ Канту и многимъ другимъ. Чѣмъ къ Нитцше; можно, кажется, не зная ничего о его жизни, по его Заратустрѣ, именно на основаніи стиля, рассказать, что за человѣкъ авторъ и даже описать его духовную природу. Возьмемъ, наиримѣръ, такой отрывокъ: Заратустра говорить о томъ, что за предѣлами міра есть другой міръ, куда рвется порою иные люди, что люди всегда сочиняютъ, и что эта по-

требность сочинять другой міръ вытекаетъ изъ роковыхъ трагическихъ условий жизни.

Leiden war's und Unvermögen das schuf alle Hinterwelten; und jener kurze Wahnsinn des Glücks, den nur der Leidendste erfährt.

Müdigkeit, die mit Einem Sprunge zum Letzten will, mit einem Todessprunge, eine arme unwissende Müdigkeit die nicht einmal mehr wollen will: die schuf alle Götter und Hinterwelten. Glaubt es mir, meine Brüder! Der Leib war's, der an der Erde verzweifelte, der hörte den Bauch des Seins zu sich reden. Und da wollte er mit dem Kopfe durch die letzten Wände, und nicht nur mit dem Kopfe—hinüber zu jener Welt. (Z. 42).

Горемъ и безсилемъ созданы всѣ нныя міры, и тѣмъ короткимъ безуміемъ счастья, которое испытываетъ только страдающій больше всѣхъ.

Усталость, желающая однимъ скачкомъ достигнуть всего, бѣдная усталость невѣдѣнія, не желающая больше хотѣть: ею созданы всѣ боги и всѣ нныя міры.

Вѣрьте мнѣ, братья мои! Тѣло, отчаявшееся въ землѣ,—ощупывало пальцами огдыленного духа послѣднія стѣны.

Вѣрьте мнѣ, братья мои! Тѣло, отчаявшееся въ землѣ,—слышало, какъ говорили нѣдра бытія.

И вотъ захотѣло оно проникнуть головою сквозь послѣднія стѣны, и не только головою,— и перейти въ другой міръ.

Да не одной головой стремился и Нитцше въ другой міръ будущаго—здѣсь же на землѣ, но въ «другомъ обществѣ», отдѣленномъ отъ здѣшняго «хорошаго» пропастью, подвижническимъ самосовершенствованіемъ; этому послѣднему отдавался онъ не головою только, а всегда тѣломъ, всѣмъ могучимъ духомъ своимъ. Есть у него дивное стихотвореніе, говоря нашей терминологіей.—стихотвореніе въ прозѣ бюблерскаго стиля; называется оно «Das Nachtlied» и сочинено имъ въ Римѣ въ Palazzo del Quirinale, высоко надъ Piazza Barberini въ Loggia, изъ окна которой видѣнь былъ весь Римъ, а внизу подъ окномъ журчалъ фонтанъ. Здѣсь, по выраженію Нитцше, создана эта «самая одинокая изъ одинокихъ пѣснь».

«Jenes einsame Lied». Um diese Zeit ging immer eine Melodie von unsäglicher Schwermüth um mich herum, deren Refrain ich in den Worten wiederfand «todt vor Unsterblichkeit».

Около этого времени вокругъ меня носилась постоянно мелодія несказанной грусти полная, припѣвъ которой я обрѣтъ въ словахъ: «умирающій отъ безсмертія».

Вотъ эта тоскующая пѣснь въ трехъ отрывкахъ:

Nacht ist es: nun reden lauter alte springenden Brunnen. Und auch meine Seele ist ein springender Brunnen.

Nacht ist es: nun erst erwachen alle Lieder der Liebenden. Und auch meine Seele ist das Lied eines Liebenden.

Ein Ungestilltes, Unstillbares ist in mir: das will laut werden. Eine Begierde nach Liebe ist in mir, die redet selber die Sprache der Liebe.

Licht bin ich: ach, dass ich Nacht wäre! Aber diess ist meine Einsamkeit, dass ich von Licht umgürtet bin.

Ach, dass ich dunkel wäre und nächtig! Wie wollte ich an den Brüsten des Lichts saugen!

Und euch selber wollte ich noch segnen, ihr kleinen Funkelsterne und Leuchtwürmer droben und selig sein ob eurer Licht-Geschenke. (Z. 153).

Ночь: громче говорятъ теперь всѣ бьющіе ключи. И моя душа тоже бьющій ключъ.

Ночь: теперь только пробуждаются пѣсни влюбленныхъ. И моя душа тоже пѣснь влюбленного.

Что-то неспокойное и неукротимое есть во мнѣ: оно хочетъ говорить. Во мнѣ есть жажда любви, которая сама говоритъ языкомъ любви.

Я—свѣтъ: ахъ, если бы быть мнѣ ночью! Но въ томъ и одиночество мое, что опоясанъ я свѣтомъ. Ахъ, если бы была я темною ночью! Какъ бы хотѣлъ я насытиться отъ сосцевъ свѣта!

И даже васъ благословилъ бы я, мерцающія звѣздочки, свѣтящіеся червячки!—и самъ бы быть счастливъ свѣтомъ, что дарите вы.

Oh, ihr erst seid es, ihr Dunklen, ihr Nächtigen, die ihr Wärme schafft aus Leuchtendem. Oh, ihr erst trinkt euch Milch und Labsaal aus des Lichtes Eutern! Ach! Eis ist um mich, meine Hand verbrennt sich an Eisigem! Ach! Durst ist in mir, der schmachtet nach eurem Durste!

Nacht ist es: ach, dass ich Licht sein muss! Und Durst nach Nächtigem! Und Einsamkeit!

Nacht ist es: nun erwachen alle Lieder der Liebenden. Und auch meine Seele ist das Lied eines Liebenden.

Also sang Sarathustra (Z. 155).

О, это только вы, темныя ночи, извлекаете теплоту свою изъ всего, что свѣтитъ! О, это вы пьете млеко и уладу у сосцевъ свѣта!

Ахъ, ледъ вокругъ меня, я обжигаю свои руки о ледяное! Ахъ, жажда во мнѣ, панычающая по вашей жадѣ!

Ночь: ахъ, зачѣмъ мнѣ надо быть свѣтомъ! И каждой ночи. И одиночествомъ!

Ночь: теперь пробуждаются пѣсни влюбленныхъ. И моя душа тоже пѣснь влюбленного.

Такъ пѣлъ Заратустра.

Еще трогательнѣй по своему идиллическому характеру стихотвореніе *Das Tanzlied*, «Пѣснь пляска», развивающее философскую мысль меланхолическаго оттѣнка.

Lasst vom Tanze nicht ab, ihr lieblichen Mädchen! Kein Spielverderber kam zu euch mit bösem Blick, kein Mädchen—Feind.

Gottes Fürsprecher bin ich vor dem Teufel: der aber ist der Geist der Schwere. Wie sollte ich, ihr Leichten, göttlichen Tänzen feind sein? Oder Mädchen-Füssen mit schönen Knöcheln?

Wohl bin ich ein Wald und eine Nacht dunkler Bäume: doch wer sich vor meinem Dunkel nicht scheut, der findet auch Rosenhänge unter meinen Cypressen.

Und auch den kleinen Gott findet er wohl, der den Mädchen der liebste ist: neben dem Brunnen liegt er, still, mit geschlossenen Augen.

Wahrlich, am hellen Tage schliefer mir ein, der Tagedieb! Haschte er wohl zu viel nach Schmetterlingen? Zürnt mir nicht! ihr schönen Tanzenden, wenn ich den kleinen Gott ein Wenigzüchtige! Schreien wird er wohl und weinen, — aber zum Lachen ist er noch im Weinen! (Z. 156—157).

Не бросаѣте пляски, милыя дѣвушки! Къ вамъ подошлетъ не противникъ радо-

сти со злымъ взглядомъ, не врагъ дѣвушекъ.

И защитникъ нашъ передъ дьяволомъ, вѣдь это онъ духъ тяжести. Какъ бы могъ я, вы, быстроногая, быть врагомъ божественныхъ танцевъ? Или дѣвичьихъ ногъ съ красивыми маленькими лодыжками?

Правда, я тѣсъ, и во мнѣ царитъ ночь темныхъ деревьевъ; но кто не испугается мрака моего, найдетъ подъ моими кинариками и куши розы.

Найдетъ онъ и маленькаго бога, любимца дѣвушекъ; у колодца лежитъ онъ тихо, съ закрытыми глазами.

Поистинѣ, среди бѣла дня уснуть онъ, дѣннвецъ! Вѣрно, снѣшкомъ много гонялся онъ за бабочками? Не сердитесь на меня, красивыя плясуньи, если я поучу немного маленькаго божка; и кричать будетъ онъ и плакать.—но онъ—сама радость, даже когда плачетъ!

Вотъ образцы стиля Нитцше и прозаическаго и того стихотворнаго особаго характера, который ближе всего подходитъ къ библейскому, величественно-трогательному размѣру и тону.

Переходя къ стихотвореніямъ Нитцше, сложившимся въ формы, болѣе намъ знакомыя, мы и тутъ найдемъ тотъ же стиль, особенно въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ философскаго содержания.

Для этихъ послѣднихъ Нитцше возсоздалъ особую своеобразную форму, которая въ слабой степени еще, но все-таки была уже намѣчена ранѣе въ философскихъ стихотвореніяхъ Гёте и въ *Nordsee* Гейне.

А. М. Вобрищевъ-Пушкинъ.

(Продолженіе будетъ).

РАЗГОВОРЫ ОБЪ ИСКУССТВѢ, В. М. ГЕНТА ¹⁾.

Выясните себѣ прежде всего форму вашего сюжета, вашей композиціи въ цѣломъ, набросайте ее въ общихъ чертахъ на холстѣ или бумагѣ, а затѣмъ вы можете себѣ сдѣлать удовольствіе выписывать детали и мелочи. Сначала изобразите остовъ вашего корабля, затѣмъ мачты, а тамъ, если вы желаете, можете и флагъ изобразить.

Никогда не пытайтесь писать голову съ носа, или къ носу приписать голову. Я знаю, что дубъ выросъ изъ жолудя, но жолудь скрываетъ дубъ въ себѣ. Придайте куколкѣ крылья, и у васъ будетъ бабочка. Придавъ формѣ яйца голову и лапы, вы, пожалуй, можете изобразить цыпленка, но вы не можете передать или изобразить цыпленка горстью перьевъ. Греческіе скульпторы не дольше нашего работали надъ волосами ихъ лошадей, а между тѣмъ какая разница между ихъ работой и нашей. Во всякомъ случаѣ берегайте къ концу этотъ родъ выписки волосъ; если же вы случайно позабудете ихъ выписать, то, повѣрьте, что ваши друзья сейчасъ же обратятъ ваше вниманіе на это. (Отсутствіе одной рѣсницы или одной пуговицы никогда не проходитъ незамѣченнымъ другими, поэтому заботьтесь всегда заканчивать или выполнять самое важное въ вашемъ эскизѣ, т. е. правильныя соотношенія и пропорціи изображаемыхъ предметовъ, потому что, если вы въ этомъ сдѣлаете ошибку, то, чего добраго, она-то ускользнетъ отъ

глазъ критиковъ, и ваша работа останется на вѣчныя времена никуда негодной. Однимъ словомъ, дѣлайте это совершенно такъ, какъ дѣлаетъ это природа—сперва тѣло, а затѣмъ уже складки одежды и никогда не пытайтесь передать движенія птицы, послѣ того, какъ вы уже выписали всѣ ея перья. Если вы начнете падать духомъ отъ мысли, что вы слишкомъ медленно подвигаетесь впередъ, то попробуйте послѣ одного года или двухъ ученія на скрипкѣ сыграть на ней соло. Если же кто-нибудь не понимающій ничего въ этомъ дѣлѣ доведетъ васъ своей критикой до унынія или отчаянія, тогда спросите себя, какую цѣнность представляетъ для васъ мнѣніе этого критика.

Не будете ли вы такъ добры указать мнѣ на ошибки въ моей работѣ, просите вы. Ошибки? Да вѣдь человѣкъ не перестаетъ ошибаться до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ къ чему-нибудь стремиться. Мой советъ вамъ—продолжайте ошибаться, но идите впередъ подобно раку, который подвигается впередъ тѣмъ, что онъ пятится задомъ. Вамъ нужно имѣть не одинъ холстъ въ запасѣ, а сорокъ или пятьдесятъ; имѣть запасъ холста такъ же необходимо, какъ имѣть перчатки.

Всѣ мои головы такъ походятъ на обезьянъ, что я боюсь сдѣлаться дарвинисткой, говорите вы. Но я полагаю, что вы были ею всегда. Я долго считалъ это понятіе исход-

¹⁾ См. «Нов. Жур. Ин. Лит.» январь, февраль и мартъ 1902 г.

ной точкой, по теперь я начинаю почти вѣрить, что нѣкоторые изъ насъ возвращаются обратно къ обезьянному царству, положительно часть человечества удаляется отъ него, другая же вновь приближается къ нему. Я написалъ этотъ маленький эскизъ въ двадцать минутъ; когда я его здѣсь выставилъ, я подумалъ: первый встрѣчный, взглянувъ на него, непременно скажетъ:—а, да онъ попробовалъ написать эскизъ à la Коро. Нѣтъ, я не пытался писать какъ Коро или какъ кто бы то ни было, но когда я смотрю на природу, я думаю о Миллѣ, Коро, Делакруа, а иногда и о Добиньи.

Вашъ рисунокъ неясенъ, вы должны, такъ сказать, укрѣпить его нѣсколькими линіями, которыя дадутъ возможность головѣ выдѣлиться отъ фона. Проведите опредѣленный контуръ вокругъ подбородка, вы можете потомъ, когда вы закончите все окружающее подбородокъ, стереть его, если онъ вамъ не будетъ нравиться, но безъ него вы не напишете вѣрнаго подбородка. Ваша работа не производитъ впечатлѣнія на разстояніи, она схожа съ натурой, когда вы стоите вплотную передъ ней, но вѣдь она должна производить впечатлѣніе жизни уже тогда, какъ вы только-что входите въ комнату. Вы не можете буквально передать природу, но вы должны твердо опредѣлить и передать то впечатлѣніе, которое вы хотите изобразить. Когда Паоло Веронезе писалъ свои картины, онъ заранѣе знаетъ, гдѣ онъ будутъ висѣть. Нѣкоторыя были длинной съ эту комнату, т. е. около сорока футовъ, поглядите-ка на эти картины вблизи, и вы, быть можетъ, найдете въ нихъ ошибки, но могу васъ увѣрить, онъ прекрасно знаетъ, что онъ дѣлалъ и на какое разстояніе долженъ былъ рассчитывать. Можетъ быть, вы скажете: «въ нихъ слишкомъ много того или этого», но онъ насъ, послѣдующихъ художниковъ, научилъ тому, какъ могутъ быть достигаемы опредѣленные эффекты въ живописи. Не относитесь никогда съ недоувѣріемъ къ успѣху людей, имѣвшихъ успѣхъ и которые твердо знали, чего они хотѣли и чего добивались.

Паоло Веронезе останется всегда великимъ художникомъ, и до тѣхъ поръ, пока мы его не превзойдемъ, мы должны предполагать, что онъ работалъ именно такъ, какъ слѣдовало. То же самое можно сказать и о Микелѣ Анджело, даже тогда, если вы найдете, что его мускулы походятъ на опухоль или

на нарость, или что онъ утрируетъ однѣ части тѣла въ ущербъ другимъ, но я могу васъ увѣрить, что ни онъ, ни Веронезе не провели ни одной черточки, которая не была бы нужна. Вы должны смотрѣть картины тамъ, гдѣ онѣ висятъ; о нихъ нельзя правильно судить по фотографическимъ снимкамъ; вы знаете, что на фотографіи красное кажется чернымъ, и такимъ образомъ вамъ будетъ казаться темнымъ то, что совсѣмъ не должно производить впечатлѣніе темнаго. Паоло Веронезе сказалъ: «Искусство—соглашеніе, условность, а поэтому искусство не можетъ быть усваиваемо и перенимаемо буквально даже еще менѣе, чѣмъ поэзія». Типичнѣе исходилъ изъ той же основной идеи. Но инымъ образомъ, говорите вы. Ну, пожалуйста, вѣдь его имя начинается съ буквой Т, а не В, не такъ ли, должна же быть уже изъ-за этого разница. Когда онъ находилъ, что его работа не производитъ впечатлѣнія на извѣстномъ опредѣленномъ разстояніи, тогда онъ прекрасно знаетъ, какъ пособить этому горю, но онъ доходилъ до этого своимъ путемъ, а Паоло Веронезе—своимъ. Когда я смотрю на произведенія Леонардо да-Винчи, я дѣйствительно часто думаю: вотъ это я бы иначе передать, а то бы иначе изобразилъ, но онъ самъ прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ, когда такъ работаетъ, а не иначе. Мы вѣримъ въ старыхъ мастеровъ, потому, что мы можемъ облегчить нашу работу, присматриваясь къ ихъ этюдамъ и изучая ихъ произведенія. И почему бы не дѣлать этого, вѣдь, вотъ, напримѣръ, Паоло Веронезе каждой своей картиной даетъ намъ какъ бы резюме того, что есть художественное произведеніе, Веласкецъ писалъ руки двумя штрихами кисти; когда вы стоите вплотную передъ ними, вамъ можетъ показаться, что всѣ его руки о трехъ пальцахъ, но когда вы смотрите на разстояніи, на которое онъ рассчитаны, эти руки производятъ на васъ впечатлѣніе шедевра законченности.

Я могу совершенно спокойно отвѣтить вамъ «да», когда вы начинаете восхищаться менѣе значительными художниками, потому что вижу, что мое противорѣчіе будетъ вамъ неприятно, но вы можете думать обо мнѣ, что хотите, я вамъ все же скажу слѣдующее: я убѣжденъ, что у васъ пока нѣтъ даже самаго малѣйшаго понятія о томъ, что такое дѣйствительное, настоящее

искусство. Кромѣ того, хочу вамъ вотъ еще что сказать: вы съ вашими двадцатью годами не имѣете права судить великихъ мастеровъ, которые, быть можетъ, никогда не будутъ имѣть равныхъ себѣ и ужъ навѣрное не будутъ превзойдены никѣмъ. Какъ часто случалось мнѣ осуждать картины, которыя я потомъ находилъ прекрасными, и я хотѣлъ бы обратить на это ваше вниманіе, чтобы и съ вами не случилось того же самаго. Мы должны спросить себя серьезно, не есть ли своеобразность именно то, что намъ кажется недостаткомъ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ.

Мы можемъ изучать произведенія классическихъ художниковъ, но не подражать имъ. Каждый долженъ только пѣть именно свою пѣсню. Подобно Анри Реньо, мы можемъ признавать и восторгаться Микель Анджело, какъ первымъ и величайшимъ художникомъ, и въ то же время чувствовать, что мы не стали бы передавать предметы и дѣйствія его манерой, его образами. Чего-чего только не говорилось о Моисей съ рогами Микель Анджело. По представленію и чувству Микель Анджело Моисей долженъ былъ быть съ рогами. Для того, чтобы изобразить достойно Моисея, надо было, чтобы его образъ не былъ только простымъ изображеніемъ старика съ большой бородой, а именно что-нибудь необычайное, и вотъ намъ слѣдуетъ признавать и допускать эти рога, какъ допускаютъ каждое новое слово, которое придумаетъ поэтъ ради звучности стиха или ради лучшаго созвучія рямъ. Ужъ одинъ тотъ фактъ, что Микель Анджело обыкновенно признается величайшей художественной творческой силой, долженъ былъ бы заставить васъ съ четверть часа пораздумать прежде, чѣмъ вы рѣшитесь высказать ваше мнѣніе о его произведеніяхъ. Нѣчто подобное было и съ соборомъ св. Петра: каждый находилъ, что церковь св. Павла болѣе величественна, пока не прѣхалъ художественный критикъ Орасъ Веллестъ въ Филадельфію и не сказалъ: «Давайте-ка посмотримъ мы на соборъ глазами самого художника, т. е. на разстояніи тридцати миль, въѣдъ этотъ соборъ предназначался служить отличительнымъ признакомъ города, и, смотря на него съ даннаго мѣста, мы видимъ, что онъ отвѣчаетъ цѣли и, значитъ, построенъ именно такъ, какъ это было необходимо».

О, эти великіе мастера, вся ихъ жизнь есть какъ-бы одна сплошная горячая молитва, одно поклоненіе; они жили исключительно только своимъ искусствомъ, и какъ мало знаетъ о нихъ свѣтъ. Кто былъ дѣйствительно знакомъ съ фресками на потолкѣ Сикстинской капеллы до того, какъ фотографическіе снимки съ нихъ поступили въ продажу? Мы должны вѣрить въ высокое значеніе прошлаго, въѣдъ Гомеръ, Шекспиръ, Микель Анджело принадлежать этому прошлому, и не судите о нихъ вы, не имѣющіи на это никакихъ правъ. Нѣтъ причинъ видѣть только въ будущемъ спасеніе, будьте свободны отъ всякихъ предубѣжденій и предразсудковъ для того, чтобы быть въ состояніи дѣйствительно вѣрить во что-нибудь.

Отправляйтесь-ка вы въ Европу, пробудьте тамъ лѣтъ пять, и я готовъ держать пари на тысячу фунтовъ, что затѣмъ вы поставите Мантеньи выше Рябейры, Веласкецъ васъ не поразитъ сразу, вы начнете восторгаться Мурильо, но закончите непременно Веласкецомъ.

Не манерничайте, пробуйте просто работать и все же достигать передачи желаемого; но мнѣ пишите хоть чернилами или залейте чернилами вашу работу, только бы она «говорила»; постунайте подобно Бенвенуто Челлини, который до тѣхъ поръ разрушалъ свои вазы, пока его произведенія не выходили такими, какими онъ именно хотѣлъ ихъ исполнить.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, никто въ Бостонѣ не поглядѣлъ бы на Коро, а еще нѣсколько лѣтъ раньше никто въ цѣлой Европѣ не купилъ бы его произведеній. Всѣ находили, что онъ такой «своеобразный». Но въѣдъ и Христофоръ Колумбъ былъ своеобразенъ, и въ каждомъ піонерѣ есть что-то особенное.

Помоему нѣтъ ни непремѣнно хотѣть создать что-то совершенное; закончите вашу работу и возьмите спокойно въ придачу и всѣ ваши ошибки. Носъ какого-нибудь человека можетъ быть слишкомъ длинный, но онъ принадлежитъ ему, и Богъ сотворилъ его съ такимъ носомъ.

Прежде чѣмъ мы не попытаемся передать какой-нибудь предметъ, мы рѣдко признаемъ его достоинства и качества. Мы всѣ полюбили полъ нашей мастерской съ тѣхъ поръ, какъ мы научились понимать, какъ намъ трудно передать его такимъ, какой онъ

есть въ дѣйствительности. Чѣмъ труднѣе дается вамъ какая-нибудь вещь, тѣмъ больше начинаете вы цѣнить и понимать людей, посвятившихъ всю свою жизнь одной задачѣ.

А Пуссенъ, этотъ милый старикъ, какъ возставали противъ него критики, когда онъ написалъ своего «Моисея, извлекающаго изъ скалы воду». Заказчикъ картины написалъ художнику: «Мнѣ картина не нравится. Это невозможно, чтобы въ одинъ мигъ образовалось цѣлое озеро. Какъ могли вы написать что-либо подобное, это просто тривиально, и я не хочу имѣть этой картины». На это Пуссенъ спокойно отвѣтилъ: «Я представляю себѣ это такъ: если Моисей могъ ударомъ жезла по скалѣ добыть воду, то почему онъ не могъ напастъ именно на такое мѣсто, гдѣ былъ скрытый и сильный источникъ, вѣдь Моисей прекрасно зналъ, что онъ дѣлалъ».

Вѣрите мнѣ, эти старые мастера дорожили своимъ искусствомъ больше, чѣмъ мы съ вами на это способны. Они достигали до всего ошущю или вилавъ. Веласкецу давалось все легче, потому что онъ написалъ десять тысячъ картинъ, да кр мѣ того онъ далъ клятву никогда ничего не писать, не имѣя передъ собой натуры, и онъ держалъ при себѣ наемнаго человѣка, который долженъ былъ всегда быть готовымъ ему позировать.

Лунный свѣтъ, говорите вы. Для того, чтобы произвести впечатлѣніе луннаго свѣта, нѣтъ необходимости предавать каждую деталь, каждую подробность. Лунныя картины выглядятъ иногда такъ, какъ будто художникъ окунулъ сначала холстъ въ чернила, а затѣмъ на половину отспирать.

Вашъ этюдъ похожъ на крайней мѣрѣ на «одинъ предметъ», а не на шестьдесятъ, и это уже преимущество. Факты ничего не имѣютъ общаго съ поэзіей и изящными искусствами. Фактъ одинъ самъ по себѣ не создалъ еще Гамлета. Факты не могутъ измѣнить идей.

Китайская заповѣдь: «Люби твоихъ друзей и будь справедливъ къ твоимъ врагамъ» выполнима и имѣетъ будущность, тогда какъ христіанская заповѣдь, не смотря на все ея благородство и возвышенность, въ дѣйствительности почти не выполнима. «Люби твоего врага», не говори этого никогда, но пытайся это сдѣлать.

Коротко и ясно живонись нельзя заключить въ рамки, въ опредѣленные правила и преподать вамъ ихъ; можно только сказать, что живонись состоитъ въ томъ, чтобы пе-

редать то, что вы видите и чувствуете. Въ этомъ наброскѣ заключается больше художественности, чѣмъ въ иныхъ девяносто девяти произведеніяхъ, которыя считаются «законченными», и этого-то не можетъ сдѣлать всякій идиотъ.

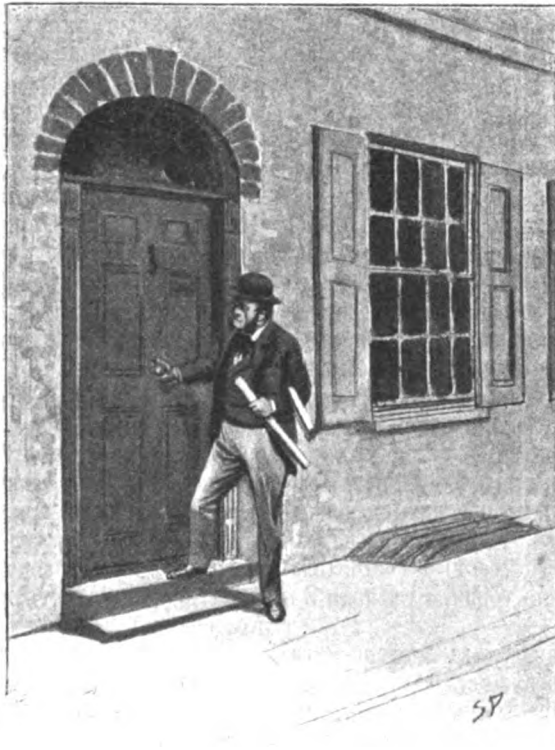
Бываютъ такія кошачьи сны, изъ которыхъ даже въ самые холодные дни искры такъ и сыплются, а можно видѣть многое множество написанныхъ кошекъ, у которыхъ нельзя было бы извлечь даже одной искры.

Никогда не презирайте работу, съ убѣжденіемъ написанную съ натуры. У меня вотъ тутъ есть этюдъ; когда я его принесъ домой, но мнѣ онъ показался ничѣмъ инымъ, какъ только какими-то красочными пятнами: здѣсь зеленое, тамъ красное, дальше еще желтое, но когда этотъ же этюдъ попался мнѣ на глаза черезъ годъ, онъ далъ мнѣ вновь полное впечатлѣніе природы, и вотъ это-то должно намъ давать всѣ наши этюды. Пишите то, что вы видите, и то, что вы чувствуете, пусть это будетъ хоть кошка. Вы не можете спустя много лѣтъ написать какую-нибудь мѣстность только по рисунку, хотя бы самому вѣрному и точному. Если вы утратили поэтическое чувство этой мѣстности, то оно къ вамъ не вернется, и вы не будете въ состояніи хорошо передать эту мѣстность.

Очень часто краски являются какъ бы второстепеннымъ придаткомъ, а иногда рисунокъ лучше живописнаго произведенія и больше заслуживаетъ быть вставленнымъ подъ стекло и въ яму, чѣмъ законченная картина; это истина, которую многие критики преднамѣренно не желаютъ признавать. Вы можете въ вашей работѣ только «сами себя дать или передать»; вы пришли сюда, чтобы научиться, какъ другіе дѣлали то, что вы желаете знать; кто могъ когда-нибудь сдѣлать что-либо, не зная, какъ дѣлалъ это другой до него. Почему мы умѣемъ и можемъ говорить?—Потому что мы слышали, какъ говорили другіе.

Вы хотите это написать сегодня. Ну, что же, пишите, храбро идите впередъ, только не робѣйте; какъ только вы начнете терять мужество, вамъ лучше идти гулять, чѣмъ продолжать работу. Лѣтъ черезъ пять вы скажете, отчего я не дѣлала того, что мнѣ говорили, ну, а теперь вы всѣ молодыя только преисполнены тѣмъ, что вы «сами» хотите дѣлать; это плоды ложнаго образованія.

(Продолженіе будетъ).

Онъ видѣлъ, какъ нѣкто Рауландъ, тоже подрядчикъ, вышелъ изъ одного дома (см. стр. 75).

ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЫ Конанъ Дойля ¹⁾.

III. Дѣло объ убійствѣ госпожи Эмелей.

(Съ иллюстраціями).

Всякое кровавое преступленіе вызываетъ неистовое негодованіе общества, и въ этомъ негодованіи можно подмѣтить стремленіе, (раздѣляемое судьями и присяжными) отстранять или считать неотносящимся къ дѣлу сомнительные факты, толкованіе которыхъ въ пользу подсудимаго считается одною изъ его привилегій. Лордъ Тентерденъ опровергъ теорію сомнительныхъ фактовъ, заявивъ, что присяжные имѣютъ право произнести свой приговоръ на основаніи такихъ доказательствъ, какія они, по совѣсти, считаютъ дѣйствительными. Но, бросивъ взглядъ назадъ и вспоминая, какъ часто въ жизни мы бывали увѣрены въ томъ, что не осуществлялось, и, наоборотъ, какъ часто происходило то, что считалось невозможнымъ, мы чувствуемъ, что если уголов-

¹⁾ См. «Нов. Журн. Иностран. Лит.». №№ 2 и 3.

ный законъ основанъ на такихъ принципахъ, то его самого можно, пожалуй, назвать английскимъ исполномъ-убійцей. Гораздо болѣе мудрости въ правилѣ, гласящемъ, что лучше пусть девяносто девять виновныхъ останутся безнаказанными, чѣмъ пострадаетъ одинъ невинный, а потому, если изъ данныхъ есть одно въ пользу обвиняемаго, то слѣдуетъ вынести ему оправдательный приговоръ. Несомнѣнно, что если бы шотландскій вердиктъ «не доказано», — не обвиняющій и не оправдывающій, былъ допущенъ въ Англии, то этимъ приговоромъ рѣшалось бы много дѣлъ, изъ-за которыхъ англійскій, болѣе суровый законъ, отправилъ людей на эшафотъ. Я думаю, что возможности произнести такой вердиктъ обрадовались бы и судьи и присяжные, вошедшіе въ составъ того засѣданія суда, на которомъ разбирались странныя обстоятельства, сопровождавшія убійство госпожи Эмслей.

Иностранца, попавшаго въ лондонскіе рабочіе кварталы, поражаетъ ихъ монотонность, безконечные ряды однообразныхъ кирпичныхъ домовъ, прерываемые только угловыми трактирами и часовнями, изрѣдка попадающимися между ними. Громадный городъ много обязанъ своимъ ростомъ тому, что между окончаніемъ Крымской войны и 1860 годомъ, одинъ кварталъ за другимъ покрывались этими длинными рядами скромныхъ жилищъ. Много мелкихъ строителей закладывали то, что построили, и, употребивъ полученный такимъ образомъ капиталъ на новыя постройки, которыя въ свою очередь закладывались, воздвигали улицу за улицей и составляли себѣ значительныя состоянія. Между этими ловкими спекулянтами былъ нѣкто Джонъ Эмслей, который, умирая, оставилъ множество домовъ и различныя доходныя статьи своей женѣ Мэри.

Мэри Эмслей, къ этому времени уже старая женщина, слишкомъ долго вела скромный образъ жизни, чтобы по смерти мужа измѣнить его. Она была бездѣтна и всю свою энергію положила на возможно болѣе экономное управленіе своею собственностью и на еженедѣльное взиманіе платы со своихъ бѣдныхъ квартирантовъ. Безобразная, суровая и эксцентричная женщина, она была предметомъ ненависти съ примѣсю любопытства у жителей Гровродъ-Стенней, гдѣ помѣщался домъ, въ которомъ она жила. Ея

владѣнія простирались за Стратфордъ. Бо и Бэтналъ Гринъ и, не смотря на свой возрастъ, она дѣлала длинныя прогулки, собирая и разыскивая деньги, управляя домами и всегда выказывая большую способность что-нибудь выторговать. Желая болѣе съэкономить, она не нанимала постоянного управляющаго, и когда нуждалась въ помощи, то пользовалась случайно подвернувшимися помощниками, между которыми двумъ, — сапожнику Джону Эмсу и штукатуру Джорджу Мюллину, — суждено было сдѣлаться извѣстными публикѣ.

Мэри Эмслей, не смотря на свое богатство, жила совершенно одна и только по субботамъ брала поденницу для уборки своего домика. Она была крайне труслива и осторожна, — свойства, характеризующія людей, которымъ предопредѣлено умереть насильственной смертью, какъ будто въ человѣкѣ скрыта какая-то смутная инстинктивная сила предвидѣнія. Она всегда крайне неохотно открывала дверь и каждаго посѣтителя, подошедшаго къ ея дому, осматривала предварительно изъ окна. По своему состоянію она могла бы позволить себѣ всяческую роскошь, но домикъ былъ маленькій, двухъ-этажный на фундаментѣ, съ запущеннымъ позади него садикомъ; а образъ жизни ея былъ еще скромнѣе, чѣмъ домъ. Странная то была жизнь и самая неестественная въ такомъ пожиломъ возрастѣ.

Въ послѣдній разъ видѣли госпожу Эмслей живою въ понедѣльникъ, 13-го августа 1860 г. Въ семь часовъ вечера этого дня, двое изъ сосѣдей замѣтили ее сидящей у окна своей спальни. На слѣдующее утро, въ началѣ одиннадцатаго, одинъ изъ ея случайныхъ помощниковъ зашелъ къ ней по дѣлу о мѣдныхъ кранахъ, но, сколько ни стучалъ, не могъ добиться, чтобы ему отворили. Въ продолженіе всего вторника нѣсколько другихъ посѣтителей такъ же безуспѣшно стучались въ дверь; въ среду и четвергъ также не замѣтно было никакихъ признаковъ жизни въ домѣ. Казалось бы, что это должно было немедленно вызвать подозрѣніе, но сосѣди такъ привыкли къ эксцентричностямъ вдовы, что не скоро встревожились. Только въ пятницу, сапожникъ Джонъ Эмсъ, убѣдившись, что въ домѣ царствуетъ полное безмолвіе, испугался, подозревая, что тутъ дѣло не чисто. Онъ побѣжалъ къ господину Розу, повѣренному по

дѣламъ госпожи Эмслей, и къ ея дальнему родственнику, — господину Фэту. Они втроемъ, захвативъ еще по дорогѣ полицейскаго чиновника Дилона, подошли къ дому вдовы.

Парадная дверь была заперта, и окна закрыты ставнями, а потому они перелѣзли черезъ садовую стѣну и очутились у задней двери, которую, повидимому, открыли безъ затрудненія. Джонъ Эммсъ шелъ впереди, потому что онъ былъ хорошо знакомъ съ расположеніемъ комнатъ. Въ нижнемъ этажѣ не видно было никакихъ признаковъ старухи. Только скрипъ ихъ сапогъ и шепотъ ихъ собственныхъ голосовъ нарушали безмолвіе. Подумавъ, что, можетъ быть, въ сущности, все обстоитъ благополучно, они съ чувствомъ облегченія поднялись по лѣстницѣ. Не было ничего невѣроятнаго въ томъ, что эксцентричная женщина отправилась куда-нибудь погостить. Когда же они дошли до площадки, то Джонъ Эммсъ вдругъ остановился, и они всѣ увидѣли то, что отняло у нихъ всякую надежду.

Они увидѣли на деревянномъ полу кровавой отпечатокъ человѣческой ноги (см. рис. на стр. 73). Этотъ ужасный слѣдъ имѣлъ направленіе отъ двери, ведущей въ комнату. Дверь эта была заперта неплотно, и полицейскій толкнулъ ее, но что-то лежащее за нею мѣшало ее открыть. Соединенными усиліями они налегли на дверь, и имъ удалось, наконецъ, войти въ комнату. Тутъ лежала несчастная старуха съ распростертыми безжизненными членами; подъ рукою у нея было два куска обоевъ, и еще нѣсколько кусковъ было разбросано за ея головою. Очевидно было, что страшные удары, раздробившіе ей голову, застали ее врасплохъ и сразу лишили чувствъ. Она не испытала ужаса отъ приближенія смерти.

Извѣстіе объ убійствѣ столь извѣстной домовладѣлицы крайне возбудило всѣхъ сосѣдей, и были приложены всяческія старанія къ тому, чтобы найти убійцу. Правительство обѣщало 100 фунтовъ награды за его поимку, затѣмъ очень скоро увеличило эту награду до 300, но безуспѣшно. Тщательный осмотръ дома не далъ никакого ключа къ раскрытію преступленія. Трудно было опредѣлить часть, въ который было совершено убійство; имѣлось основаніе думать, что старухѣ часто случалось не убирать своей постели, а потому тотъ фактъ, что постель была не убрана, не могъ служить доказа-

тельствомъ, что на ней спали. Старуха была въплнѣ одѣта; кромѣ того, трудно предположить, чтобы она рано утромъ занималась обоями. Итакъ, въ общемъ, казалось очевиднымъ, что преступленіе совершено въ понедѣльникъ вечеромъ, послѣ семи часовъ. Ни окна, ни двери не были взломаны; значить, убійца былъ впущенъ самою госпожою Эмслей. Было бы совершенно несообразно съ ея привычками, если бы она впустила къ себѣ въ такой поздній часъ человѣка, котораго бы она не знала, а наличность обоевъ доказывала, что къ ней пришелъ кто-нибудь, съ кѣмъ у нея были дѣла. Во всемъ вышесказанномъ полиція не могла ошибаться. Повидимому, преступленіе принесло немного вы-

Г-жа Мэри Эмслей.

годы виновнику его, такъ какъ единственные деньги, находившіяся въ домѣ, — 48 фунтовъ, были спрятаны въ погребѣ, и все было на мѣстѣ, за исключеніемъ немногихъ малозначительныхъ предметовъ. Публика ожидала нѣсколько недѣль какого-нибудь ареста, а полиція все молчала, хотя и не бездѣйствовала. Наконецъ, сдѣланъ былъ арестъ и удивительно драматическимъ образомъ.

Въ числѣ людей, зарабатывавшихъ небольшія деньги, помогая вдовѣ въ ея дѣлахъ, былъ одинъ почтеннаго вида человѣкъ, по имени Джорджъ Мюллинсъ, лѣтъ пятидесяти, съ прямою спиною, доказывавшею, что онъ когда-то получилъ солдатскую выправку. И дѣйствительно онъ служилъ въ ирланд-

ской полициі, послѣ чего, испробовавъ множество дѣлъ, устроился, наконецъ, шутка-туромъ въ Лондонѣ, въ восточной его части. Онъ и былъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который отправился къ полицейскому сержанту Таннеру и сдѣлалъ ему показаніе, обѣщавшее разрѣшить тайну убійства.

Показаніе Мюллинса гласило, что, подозрѣвая, съ самаго начала, сапожника Эмса, онъ, побуждаемый отчасти любовью къ правосудію, а еще болѣе надеждою на вознагражденіе, принялся за провѣрку своихъ подозрѣній. Триста фунтовъ мерещились ему, и въ своей первой бесѣдѣ съ полиціей онъ сказалъ: «Если мои подозрѣнія оправдаются, то я васъ не забуду» и, намекая на свои прежнія отношенія къ полиціи, прибавилъ: «я вѣдь смышленъ въ этихъ дѣлахъ». Настолько онъ былъ смышленъ, что его отчетъ о томъ, что онъ видѣлъ и сдѣлалъ, далъ полиціи прекрасный ключъ для начала ея дѣйствій.

Оказывалось, что сапожникъ жилъ въ маленькомъ коттеджѣ на краю заброшеннаго кирпичнаго завода. На этомъ полѣ—въ пятидесяти, приблизительно, ярдахъ отъ коттеджа, стоялъ развалившійся сарай. Мюллинсъ, нѣсколько дней тому назадъ, зорко наблюдая за Эмсомъ, замѣтилъ, что послѣдній вынесъ изъ своего коттеджа какой-то свертокъ и спряталъ его въ сарай. «Весьма вѣроятно, говорилъ хитрый Мюллинсъ, что это онъ спряталъ что-нибудь изъ своей добычи отъ воровства». Это предположеніе показалось и полиціи правдоподобнымъ, а потому, на слѣдующее утро, трое полицейскихъ, въ сопровожденіи Мюллинса, пришли въ коттеджъ Эмса и обыскали какъ домъ, такъ и сарай. Но труды ихъ были напрасны,—они ничего не нашли.

Такой результатъ никоимъ образомъ не могъ удовлетворить наблюдательнаго Мюллинса и, горячо упрекая полицейскихъ въ томъ, что они очень небрежно обыскали сарай, онъ убѣдилъ ихъ возобновить обыскъ. Они совершили его подъ наблюденіемъ Мюллинса и на этотъ разъ съ лучшими результатами. За каменною плитою, прислоненною къ внутренней стѣнѣ сарая, они нашли свертокъ очень страннаго вида. Онъ былъ перевязанъ грубою тесьмою, когда же его развернули, то въ немъ оказался другой свертокъ, перевязанный навощеннымъ шнуркомъ. Въ этомъ сверткѣ нашли три чайныхъ ложки, одну столовую и чекъ на имя госпожи

Эмслей, по которому, какъ потомъ выяснилось, ей было уплачено въ день убійства. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что и остальные предметы также принадлежали покойницѣ. Сдѣланное открытіе было, слѣдовательно, чрезвычайно важно, и вся компанія отправилась въ полицейскій участокъ, при чемъ Эмсъ былъ поверженъ въ смущеніе и отчаяніе, а Мюллинсъ преисполнился гордости отъ своей удачи въ качествѣ сыщика-любителя. Но недолго торжествовалъ онъ. Въ полицейскомъ участкѣ инспекторъ заявилъ, что считаетъ его причастнымъ къ смерти госпожи Эмслей.

—Такъ-то меня вознаграждаютъ за доставленные мною свѣдѣнія!—воскликнулъ Мюллинсъ.

—Если вы не виновны, то вамъ не будетъ причинено никакого вреда,—отвѣтилъ инспекторъ, и Мюллинсъ былъ арестованъ.

Такой драматическій оборотъ дѣла сильно возбудилъ общество, и повсюду выражалось крайнее отвращеніе къ человѣку, обвиняемому не только въ хладнокровно совершенномъ убійствѣ, но еще въ обдуманной попыткѣ везти вину на другого, въ расчетѣ получить вознагражденіе. Вскорѣ стало ясно, что, во всякомъ случаѣ, Эмсъ не причастенъ къ убійству, такъ какъ доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ свое *alibi*. Если же Эмсъ невиновенъ, то кто же можетъ быть виновенъ, какъ не человѣкъ, подбросившій украденные предметы въ сарай, а кто же могъ ихъ подбросить, какъ не Мюллинсъ, извѣстившій полицію о томъ, что они находятся тамъ? Дѣло это было предрѣшено обществомъ прежде, чѣмъ обвиняемый явился на скамью подсудимыхъ; улики же, представленныя полиціей, были таковы, что не могли измѣнить общественнаго мнѣнія. Дѣло это разбиралось въ центральномъ уголовномъ судѣ 25-го октября, черезъ десять, приблизительно, недѣль послѣ убійства.

На первый взглядъ улики противъ Мюллинса казались неопровержимыми. При обыскѣ его квартиры тотчасъ послѣ ареста нашли на каминѣ кусочки тесьмы, вполне соответствовавшіе тесьмѣ, которою былъ перевязанъ свертокъ; нашелся также кусокъ сапожнаго вара, которымъ былъ, по видимому, навощенъ шнурокъ внутренняго свертка. Варъ вовсе не употребляется въ специальности Мюллинса, и обвиненіе пришло въ заключенію, что онъ его добылъ для то-

го, чтобы направить подозрѣнія на несчастнаго сапожника. Въ квартирѣ Мюллинса нашли еще штукатурную мотыгу, которая могла служить орудіемъ для нанесенія смертельныхъ ударовъ, а также ложку, вполне походившую на исчезнувшія у госпожи Эмслей. Было также доказано, что госпожа

къ кровавому слѣду на полу, а медицинская экспертиза обнаружила человѣческіе волосы, прилипшіе къ ихъ подошвѣ. Та же экспертиза показала, что и на ручкѣ для карандаша, проданной госпожею Мюллинсѣ, видно кровавое пятно. Поденщица, приходившая по субботамъ, показала, что когда она была

Это былъ кровавой отпечатокъ человѣческой ноги на деревянномъ полу (см. стр. 71).

Мюллинсѣ недавно продала одному сосѣдскому конторщику маленькую золотую ручку для карандаша, а двое свидѣтелей показали подъ присягою, что эта ручка принадлежала госпожѣ Эмслей и находилась у нея въ рукахъ незадолго до ея смерти. Еще нашлась пара сапогъ, по размѣру своему, подходившихъ

у госпожи Эмслей за два дня до убійства, то къ ней пришелъ Мюллинсѣ и принесть нѣсколько кусковъ обоевъ, которые госпожа Эмслей велѣла ему снести на верхъ въ ту комнату, гдѣ произошла трагедія. Между тѣмъ ясно было, что въ тотъ моментъ, когда госпожу Эмслей поразили смертельные уда-

ры, она была занята обсужденіемъ вопроса, касающагося обоевъ, и не естественно ли вывести заключеніе, что нанесть ей эти удары человѣкъ, который принесъ эти обои? Было также показано, что въ этотъ день госпожа Эмслей вручила Мюллинсу какой-то ключъ. Ключъ этотъ оказался на полу въ той самой комнатѣ, въ которой лежало мертвое тѣло, и обвиненіе спрашивало, какъ онъ могъ попасть туда, если его не принесъ съ собою Мюллинсъ.

До сихъ поръ доводы полиціи были очень вѣскими, и она пробовала ихъ еще усилить доказательствами, что Мюллинса видѣли идущимъ совершить преступленіе и возвращающимся послѣ его совершенія. Нѣкто Раймондъ готовъ былъ поклясться, что въ восемь часовъ вечера того дня онъ замѣтилъ его на улицѣ возлѣ дома госпожи Эмслей. На немъ была черная шляпа-котелокъ. Одинъ матросъ показалъ, что видѣлъ его въ Степней-Гринѣ на слѣдующее утро въ началѣ шестого часа. Вниманіе матроса было привлечено нервными движеніями и возбужденнымъ видомъ встрѣченнаго имъ человѣка, а также тѣмъ фактомъ, что карманы его были, видимо, туго набиты. На немъ была коричневая шляпа. Когда матросъ этотъ услышалъ объ убійствѣ, то, по собственному побужденію, далъ свои показанія полиціи и готовъ былъ поклясться, что человѣкъ, котораго онъ видѣлъ, былъ именно Мюллинсъ.

Такъ представлялось дѣло по свидѣтельствамъ противъ обвиняемаго, усиленнымъ еще другими мелкими подозрѣніями. Одно изъ нихъ основывалось на томъ, что когда Мюллинсъ давалъ полиціи свои показанія противъ Эмслей, то сказалъ, что Эмслей былъ, пожалуй, единственный человѣкъ, котораго госпожа Эмслей согласилась бы выпустить къ себѣ въ домъ.

— А вамъ, Мюллинсъ, развѣ она не открыла бы двери?—спросилъ полицейскій.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ. Она бы говорила со мною изъ окна на дворѣ.

Этотъ отвѣтъ, оказавшійся ложнымъ, былъ тяжкою уликою противъ него.

Трудная предстояла задача для мистера Беста, когда онъ всталъ для того, чтобы возражать противъ такого сложнаго и страннаго обвинительнаго акта. Прежде всего онъ старался установить *alibi* для Мюллинса, для чего пригласилъ его дѣтей, показавшихъ, что въ этотъ именно поне-

дѣльникъ отецъ ихъ вернулся особенно рано домой. Но показаніе ихъ было не особенно убѣдительно, и его опровергла прачка, показавшая, что они путаютъ дни. Что же касается до сапога, то адвокатъ указалъ на то, что штукатуры употребляютъ для своей работы человѣческіе волосы и что слѣдствие вняло въ ошибку, опредѣливъ, что это именно тотъ сапогъ, который оставилъ кровавой слѣдъ. Что же касается до кровавыхъ пятенъ на ручкѣ для карандаша, то онъ поставилъ на видъ, что конторщикъ, купивъ ручку, тщательно вычистилъ и отполировалъ ее, такъ что, если на ней видна кровь, то это безусловно не кровь госпожи Эмслей. Онъ также указалъ на разногласіе въ показаніяхъ Раймонда, видѣвшаго подсудимаго въ восемь часовъ вечера въ черной шляпѣ, и матроса, встрѣтившаго его въ шестомъ часу утра — въ коричневой шляпѣ. Если обвиненіе полагаетъ, что подсудимый провелъ ночь въ домѣ убитой женщины, то какимъ образомъ онъ перемѣнилъ шляпу? Слѣдовательно, одинъ изъ свидѣтелей или оба не достойны довѣрія. Кромѣ того, матросъ встрѣтилъ таинственнаго незнакомца въ Степней-Гринѣ, находящемся совершенно не на пути между мѣстомъ убійства и домомъ, въ которомъ жилъ Мюллинсъ. Что же касается до кармановъ, то изъ дома унесено нѣсколько только мелкихъ предметовъ, которые не могли придать карманамъ видъ туго набитыхъ. Ни Раймондъ, ни матросъ не показали, чтобы подсудимый несъ штукатурную мотыгу, которою, какъ предполагается, было совершено убійство.

Затѣмъ адвокатъ вызвалъ двухъ новыхъ и очень важныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ оказались также неожиданными, какъ многое другое въ этомъ дѣлѣ. Госпожа Бернсъ, жившая въ Грохъ-Родѣ, противъ мѣста убійства, готова была показывать подъ присягою, что во вторникъ, въ десять часовъ безъ десяти минутъ утра, т. е. спустя двѣнадцать часовъ послѣ времени, когда, по предположенію полиціи, было совершено убійство, она видѣла, какъ кто-то въ верхней комнатѣ развѣртывалъ куски обоевъ, а также, что правая половина окна была пріотворена. Она, конечно, могла заблуждаться относительно одного изъ этихъ фактовъ, но трудно предположить, чтобы она ошибалась въ обоихъ. Если,

дѣйствительно, кто-нибудь быть въ этой комнатѣ, — госпожа ли Эмслей или ея убійца, это во всякомъ случаѣ доказываетъ, что точка зрѣнія обвиненія совершенно ошибочна.

Другой свидѣтель былъ подрядчикъ Стефенсонъ, показавшій, что во вторникъ утромъ онъ видѣлъ, какъ нѣкто Рауландъ, тоже подрядчикъ, выходилъ изъ одного дома съ кусками обоевъ въ рукѣ (см. рис. на стр. 69). Это было въ началѣ одиннадцатаго часа. Онъ не могъ ручаться, но полагалъ, что Рауландъ выходилъ изъ дома госпожи Эмслей. Онъ очень сѣшиль, когда Стефенсонъ его остановилъ (они были знакомы) и спросилъ его, занимается ли онъ обоими.

— Да развѣ вы этого не знали? — спросилъ Рауландъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Стефенсонъ, — иначе я бы далъ вамъ кое-какую работу.

— О, я рожденъ для этого дѣла, — сказалъ Рауландъ — и пошелъ дальше.

Когда Рауландъ былъ вызванъ въ судъ, то заявилъ, что считаетъ свидѣтельство Стефенсона не исполнѣ заслуживающимъ довѣрія: онъ подтвердилъ дѣйствительность ихъ встрѣчи и разговора, но сказалъ, что это было нѣсколько дней тому назадъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ приглашенъ оклеивать обоими домъ сосѣднѣй съ домомъ госпожи Эмслей, откуда онъ и выходилъ тогда.

Такъ обстояло дѣло, когда председателю пришлось приступить къ трудной задачѣ произнести заключеніе. Онъ очень легко устранилъ нѣкоторыя изъ уликъ, представленныхъ полиціею. Чтѣ же касается до тесьмы, то много существуетъ тесемокъ подобныхъ той, чтѣ нашлась у Мюллинса, и ему даже казалось, что оба куска не исполнѣ одинаковы. Саножный варъ вовсе не рѣдкость, и нельзя въвести обвиненіе на шпукатуръ за то, что у него въ домѣ нашлась шпукатурная мотыга. Также и подошва сапога не такъ точно подходила къ кровавому слѣду, чтобы можно было вывести тутъ какое-нибудь заключеніе. Слабая сторона защиты заключалась въ томъ, что было почти несомнѣннымъ, что именно Мюллинсъ спряталъ вещи въ сарай. Если не онъ совершилъ преступленіе, то почему онъ не даетъ объясненія, какимъ образомъ вещи эти попали въ его руки. Его заключеніе, что госпожа Эмслей не открыла бы

ему двери, хотя было несомнѣнно, что она сдѣлала бы это, также сильно свидѣтельствовало противъ него. Съ другой же стороны, противорѣчивыя показанія матроса и другого человѣка, видѣвшихъ Мюллинса около мѣста убійства, были не очень убѣдительны; также вовсе не убѣдительно инцидентъ съ ключемъ, такъ какъ ключъ могъ быть возвращенъ въ теченіе дня. Въ общемъ, все могло быть объяснено, кромѣ пакета, спрятаннаго въ сараѣ, и это обстоятельство служило такимъ вѣскимъ обвиненіемъ, что оно само по себѣ могло рѣшить дѣло.

Присяжные совѣщались три часа и вынесли обвинительный вердиктъ, съ которымъ согласился и судья. Однако же нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ во время произнесенія приговора, доказывали, что онъ не исполнѣ убѣжденъ въ виновности осужденнаго.

— Если вы еще теперь можете доказать, что вы не виновны, — сказалъ онъ, — то я не сомнѣваюсь въ томъ, что всевозможное вниманіе будетъ приложено ко всякому убѣдительному доказательству, какое вы представите тѣмъ, обязанность которыхъ заботиться о выполненіи закона.

Намекать на возможность невинности подсудимаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приговорить его къ повѣшенію, развѣ это не способно поразить умъ обыкновеннаго человѣка, какъ нѣчто варварское и нелогичное. Правда, что совокупность уликъ противъ Мюллинса была очень сильна и что слѣдствіе доказало, что его предпешествовавшая жизнь дѣлала его личностью подозрительною. Однако же, косвенныя улики, хотя бы онѣ всѣ клонились въ одну сторону, и ничто не выставилось съ другой стороны, должны быть принимаемы крайне осторожно, потому что почти всегда возможно дать имъ другое толкованіе.

Въ этомъ дѣлѣ, допустивъ, что свидѣльскому показанію дѣтей Мюллинса объ его alibi нельзя давать вѣры, и, допустивъ даже, что можно устранить показанія Стефенсона, остается все-таки положительное и абсолютно безпристрастное свидѣтельство госпожи Баренсъ, по которому оказывается, что, если Мюллинсъ и совершилъ преступленіе, то совершенно не такъ, какъ представила это себѣ полиція. Кромѣ того, положительно невѣроятно, чтобы человѣкъ, совершивъ преступленіе около восьми часовъ вечера, оставался въ домѣ цѣлую ночь съ трупомъ

своей жертвы, да еще въ темнотѣ (если бы въ домѣ былъ огонь, то сосѣди непременно замѣтили бы его), чтобы онъ не постарался скрыться, пока темно, а дождался бы для выхода изъ дома яркаго августовскаго утра.

Прочитавъ свидѣтельскія показанія, остался подъ невольнымъ впечатлѣніемъ, что, хотя Мюллинсъ, по всей вѣроятности, и былъ виновенъ, но полиціи не удалось, однако же, возстановить детали преступленія и что правосудіе рисковало выдать въ ошибку, приговоривъ подсудимаго къ смертной казни.

Между юристами возникли тогда продолжительныя пренія о достаточности свидѣтельскихъ показаній, но общество было со-

вершенно удовлетворено, потому что преступленіе было такъ возмутительно, что противъ челоуѣка, котораго обвиняли въ этомъ преступленіи, все были предубѣждены. Мюллинсъ былъ повѣшенъ 19-го ноября, но онъ до конца настаивалъ на своей невинности. Онъ ни разу не пытался выяснить обстоятельства, стоявшія ему жизни, но заявилъ передъ смертью, что считаетъ Эмса не причастнымъ къ убійству. Многие признали это заявленіе за исповѣдь въ томъ, что онъ самъ положилъ въ сарай вещественныя доказательства преступленія. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, не пролившихъ на это дѣло ни малѣйшаго свѣта.

ПРИЗРАКИ НОЧИ.

(Ризалья)¹⁾.

(съ испанскаго).

Жутко: зловѣщая тѣма надвигается,
Близится страшная ночь,—
Сердце мучительной болью сжимается,
Скорби нельзя превозмочь:
Жалко становится доли загубленной,
Юности радостной жалъ
Съ вѣрой завѣтною, грѣзой излюбленной,
Звавшими въ свѣтлую даль!..
Подное счастье суля, улыбалася
Жизнь въ лучезарной дали!
Что отъ поры той волшебной остаюся,
Что же мы сами нашли?
Гибель надеждъ благородныхъ лишь видѣли
Всюду на тяжкихъ путяхъ:
Тѣ, кого мы отъ души ненавидѣли,
Братьевъ повергли во-прахъ...
Мы жъ, съзатаенными гнѣвно проклятыями,
Часто стояли безъ слезъ

Надъ побѣжденными честными братьями,
Въ годы отчаянныхъ грозъ...
Ночи боюсь: вереницей кровавою
Тѣни отважныхъ людей,
Навшихъ за край нашъ манильскій со славою,
Въ памяти встанутъ моей!
Кельи почувдятся мнѣ одиночныя,
Гробы загубленныхъ сплѣ,
Дверп, рѣшетки желѣзныя прочныя
Этихъ тюремныхъ могилъ...
Только покойники въ землю холодную
Мирно ложатся навѣкъ,—
Тамъ же въ цѣпяхъ долю ближнихъ свободную
Душить, какъ звѣрь, челоуѣкъ...
Въ ночь непроглядную, злою картиною
Нравственныхъ мукъ возмущенъ,
Тицетно зову я: снѣдаемъ кручиною
Успокоительный сонъ!

Корнѣй Михайленко.

¹⁾ Молодой врачъ, философъ и поэтъ, подававшій вообще большія надежды по своимъ выдающимся дарованіямъ и рѣдкимъ нравственнымъ качествамъ. За одно литературное участіе въ послѣднемъ филиппинскомъ возстаніи былъ, благодаря проискамъ ненавидѣвшихъ его іезуитовъ, казненъ въ Манилѣ, къ глубочайшему негодованію всего цивилизованнаго міра. Это стихотвореніе взято изъ недавно изданнаго въ Барселонѣ сборника стиховъ Ризалы подъ заглавіемъ «Справедливость». Описывая печальную судьбу бойцовъ-придѣлственниковъ, онъ не предвидѣлъ одинаковой собственной участи. К. М.

Рис. 6. Нора паука въ видѣ трубы.

Рис. 7. Нора въ корѣ дерева.

О ПАУКАХЪ.

Пауки, вообще, принадлежать къ числу насѣкомыхъ замѣчательно умныхъ и хотя живутъ въ одиночку, какъ всѣ хищныя животныя, но не уступаютъ въ разсудительности ни своимъ смертельнымъ врагамъ-пчеламъ, ни муравьямъ. Многие изъ нихъ, съ цѣлью защиты или нападенія, замѣчательно хорошо поддѣлываются подъ каплю росы, съ ея радужными переливами, подъ какой-нибудь цвѣтокъ (при чемъ даже испускаютъ пріятный запахъ), подъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и проч. Всѣ — прекрасные хозяева и педагоги. Всѣ — хитрые охотники и Донъ-Жуаны. Раньше человека изобрѣли они неводъ, паромъ, водолазный колоколъ и воздухоплавательный аппаратъ.

Но есть среди этихъ искусниковъ виды, стоящіе даже на низшей степени развитія — допотопные, такъ сказать, предназначенные, повидимому, къ вымиранію, а между тѣмъ и до сихъ поръ благополучно здравствующие. Сохраненіемъ своимъ они обязаны тому, что тоже раньше человека изобрѣли... двери! Да еще какую — съ пружиной, самозатворяющуюся.

Эта дверь (рис. 1) заграждаетъ, обыкновенно, входъ въ ихъ жилище. Иногда довольно толстая, иногда тонкая, она сдѣлана изъ растительнаго распада, или кусочковъ земли, скрѣпленныхъ паутиной. Однимъ

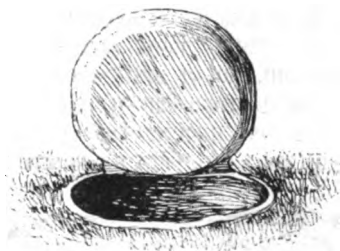

Рис. 1. Поднятая дверь со слѣдами лапокъ паука.

своимъ бокомъ она, тою же паутиной, прикрѣплена къ поверхности земли и при томъ такъ, что упругость паутины заставляетъ ее автоматически закрываться. Для того, чтобы еще больше обезпечить себя отъ нападеній, паучекъ, при видѣ приближающаго-

Рис. 2. Штурмъ крѣпости.

ся врага, не довольствуется тѣмъ, что дверь въ его жилище закрыта, а еще придерживаетъ ее лапками, какъ показано на рис. 2.

Такая дверь ведетъ обыкновенно въ нору, мѣшкообразную (рис. 3), изогнутую въ видѣ полумѣсяца (рис. 4) или неправильную, съ отдѣльными комнатами и боковыми корридорами (рис. 5) длиною, вообще, отъ двухъ до четырнадцати дюймовъ. Не только всѣ наружные выходы изъ этихъ норъ заграждены дверями, но въ иныхъ норахъ есть даже двери внутреннія (рис. 5), при томъ иногда открывающіяся въ двѣ стороны, такъ что могутъ закрывать или

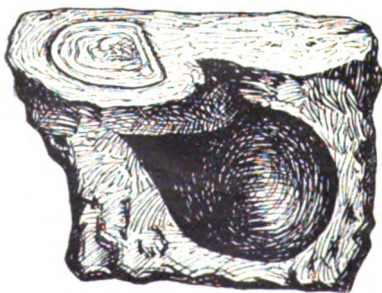

Рис. 3. Мѣшкообразная нора.

мѣшокъ, или боковой корридоръ. Внутренность норъ выстлана обыкновенно ковромъ изъ паутины, а внѣшняя поверхность двери весьма искусно поддѣлывается къ окружающей обстановкѣ. Если дверь пришлась на голой землѣ, то и поверхность ея представляетъ собою голую землю, а если кругомъ растетъ мохъ, или трава, то паучекъ старательно за-

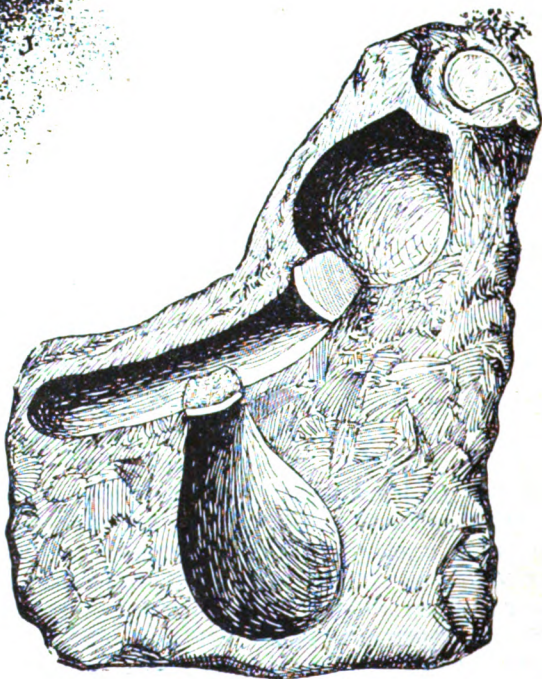

Рис. 5. Нора съ наружными и внутренними дверями.

кидываетъ эту поверхность обрывками травы или мха.

Нельзя не признаться, что всѣ эти предосторожности, для даннаго паучка, необходимы, такъ какъ враговъ у него — нѣсть числа. На первомъ планѣ между ними стоятъ пчелы, не тѣ, которые кормятъ насъ медомъ, а другія, водящіяся въ жаркихъ климатахъ и выкармливающія своихъ личинокъ именно науками, которыхъ онѣ сначала отравляютъ своимъ ядомъ. На каждую личинку требуется отъ двѣнадцати до сорока науковъ! Помимо пчелъ, науками лакомятся насѣкомоядные птицы, жабы, ящерицы и даже большіе прожорливые муравьи. Но, помимо

враговъ, паучки должны охранять свою жизнь и отъ капризовъ погоды --- проливныхъ дождей, затопляющихъ норы, морозовъ, чрезвычайныхъ засухъ и проч.

Не выжили бы они, стало быть, нѣсколькихъ тысячелѣтій, если бы не закупоривали старательно своихъ норъ, да не размножались въ невѣроятномъ количествѣ: въ одномъ коконѣ иногда заключается больше пяти тысячъ яицъ! Изъ этихъ пяти тысячъ молодыхъ животныхъ едва-ли, однако же, доживаетъ до старости одна тысячная часть, такъ какъ остальные погибаютъ жертвою вышеозначенныхъ злослюченій и даже прежде, чѣмъ выйдутъ изъ гнѣзда, бывають съѣдены своими родителями и старшими братьями.

Да чтѣ и за жизнь такому паучку! Недавно онъ принадлежитъ къ донотопному,

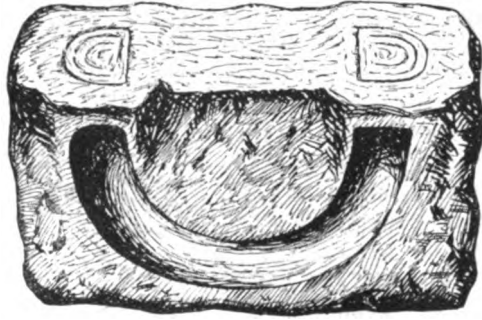

Рис. 4. Нора съ двумя дверьми.

Бразилии, тотъ же самый паучекъ предпочитаетъ продѣлывать себѣ норы не въ землѣ, а въ корѣ деревьевъ (рис. 7). Во всемъ остальномъ устройство этихъ норъ совершенно такое же.

Гораздо дальше, по формѣ тѣла, если не по образу жизни, стоятъ пауки, водящіеся на югѣ Африки. Будучи во всемъ похожи на своихъ алжирскихъ и американскихъ родичей, они отличаются отъ нихъ устройствомъ задней части тѣла, представляющей собою не что иное, какъ пробку, приспособленную къ затыканію норы вмѣсто двери. Пробка эта (рис. 8 и 9) цилиндрическая, въ заднемъ концѣ прямо срѣзанная, состоитъ изъ твердаго и прочнаго хитинового вещества, съ каемоч-

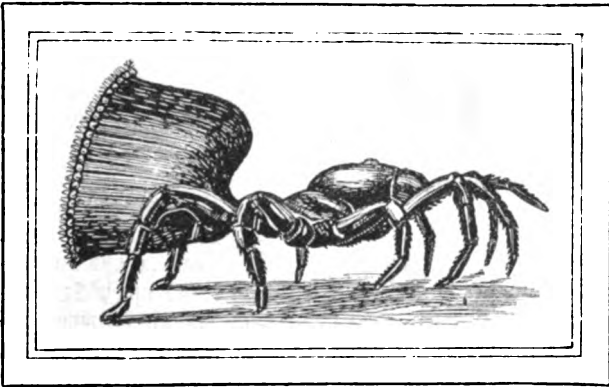

Рис. 8. Видъ пробки сбоку.

ками по краямъ и фигурой какой-то уродливой морды посрединѣ. Владелецъ такого куріознаго приспособленія сидитъ обыкновенно въ норѣ, головой наружу и стережетъ добычу, а при приближеніи враговъ поворачивается задомъ и затыкаетъ входъ въ нору пробкой, которую ничьи зубы не воз-

ближайшимъ родственникомъ этихъ паучковъ, распространенныхъ по всемъ тропическимъ странамъ, является алжирскій паукъ, устраивающій свое жилище, также съ подземной дверью, въ формѣ фабричной трубы, на 4 дюйма возвышающейся надъ почвою (рис. 6, стр. 77). Труба эта дѣлается изъ песчинокъ, склеенныхъ паутиной. Въ

кой по краямъ и фигурой какой-то уродливой морды посрединѣ. Владелецъ такого куріознаго приспособленія сидитъ обыкновенно въ норѣ, головой наружу и стережетъ добычу, а при приближеніи враговъ поворачивается задомъ и затыкаетъ входъ въ нору пробкой, которую ничьи зубы не возмуть.

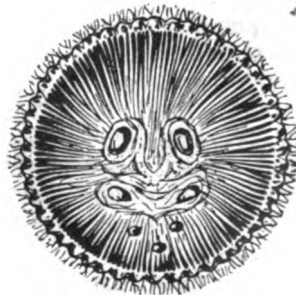

Рис. 9. Видъ пробки сзади.

Разновидность этих пауков, живущая довольно далеко на сѣверѣ (въ Сѣверной Америкѣ и даже въ Англіи), живетъ уже совершенно отшельнической жизнью и устраиваетъ себѣ нору со-всѣмъ безъ оконъ и дверей. Правда, такой жизнью живутъ только самки. Выкопавъ себѣ нору, онѣ закрываются наружное отверстие не дверью, а длинной трубкой изъ паутины, сѣгнутымъ мѣшкомъ на концѣ (рис. 10). Стѣнка этой трубы, при-крепленная къ стеблямъ травы, камнямъ и пр., онѣ потомъ, изънутри, инкрустируютъ песчинками, засовываемыми среди нитей паутины, такъ что снаружи труба становится незамѣтной. Замуровавъ себя такимъ образомъ, самка сидитъ безвыходно дома и питается тѣми неосторожными насекомыми, которые случайно наступятъ на трубу. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе — по паутинному телеграфу — паучекъ бросается къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ добыча, просовываетъ сквозь стѣнки трубы свои вооруженныя когти ланъ, захватывается имъ свою жертву, прогрызаетъ въ трубѣ отверстие,

Рис. 10. Пассивная оборона.

Рис. 11. Флиртъ.

втаскиваетъ добычу въ нору, а отверстие вновь задымываетъ.

Насколько самка этого вида пауковъ найдена затворническими и аскетическими наклонностями, настолько самецъ является бродягой и Донъ-Жуаномъ. Онъ не роетъ себѣ норы, а ищетъ невѣсту, которая приняла бы его «въ домъ».

Отыскавъ такую (уже при одномъ приближеніи къ трубѣ, самецъ чувствуетъ какъ-то, свободна ли самка или нѣтъ), онъ робко постукиваетъ по замурованной двери (рис. 11). Это дѣлается съ тойцѣлю, чтобы узнать, примутъ ли его, потому что войти не спро-саясь было бы рис-

кованно — самки этого вида пауковъ суть дамы весьма капризныя и при томъ обладающія большей физической силой, чѣмъ ихъ кавалеры. По какимъ-то непонятнымъ для насъ признакамъ, самка тотчасъ же узнаетъ, что къ ней стучится не врагъ и не добыча, а женихъ. Если она готова принять его, то сидитъ въ норѣ покойно; тогда онъ прогрызаетъ отверстие въ трубѣ и входитъ... съ тѣмъ чтобы не вернуться больше на свѣтъ Божій, такъ какъ самка, въ большей части случаевъ, съѣдаетъ его по минованіи надобности...

АПРѢЛЬ.

Иллюстрированная
хроника.

На современныя темы.
Изъ прошлаго.
Литературныя новости.
Художественныя новости.
Научная хроника.
Изъ артистическаго міра.
Изъ газетъ и журналовъ.
Ex libris.
Изъ лѣтописи преступленій.

СОДЕРЖАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Задачи Германіи, какъ міровой державы.—Празднованіе столѣтія Виктора Гюго.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Франція и Россія въ 1870 году. (Очеркъ Вельшингера).—Какъ министръ сталъ богомъ въ Египтѣ. (Г. Масперо).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Шекспиръ и Бэконъ. Е. Студенской.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Филиппъ Пасло.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Чудеса современной техники. (Мостостроеніе за послѣднее пятилѣтіе). А. Д. (съ илл.).—Электромагнитная теорія свѣта.—Свѣтъ и звукъ.—Свѣтящіяся бациллы.—Происхожденіе нефти.

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Театръ маріонетокъ въ Нью-Йоркѣ. Фр. Никольса.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

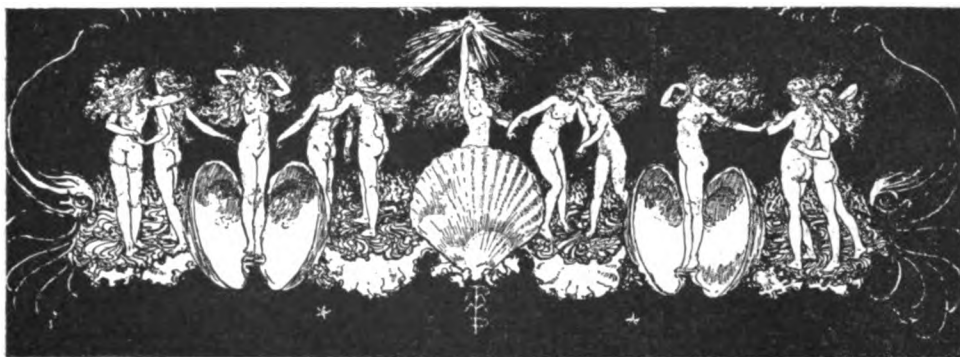
Дѣтство.

EX LIBRIS.

Сложность вопроса о расколѣ.—Характеръ изслѣдованія г. Бобрицева-Пушкина о судѣ и расколѣ.—«Инфра-человѣки».—Типы бродягъ.—Безвредное бродяжничество.—Оскуденіе, какъ факторъ преступности.—Промышленное нищенство и его организація.—Педагогическое нищенство и склады нищенскихъ принадлежностей.—Исторія русской литературы г. Ангелгардта.—Нищенецъ сороковыхъ годовъ.—Историческій смыслъ теоріи субъективизма Штирнера.—Библіотека отечествовѣднія г. Мазаева и ея задачи.—Изслѣдованіе о кустарничествѣ. Библіолога.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Сравнительная преступность мужчинъ и женщинъ.—О дѣтской преступности.—Дѣти — прирожденные бунтовщики.—Неумѣстность свидѣтельскихъ показаній дѣтей на судѣ.—Административная фабрикація Равашолей.—Таинственное убійство во Франціи. А. ?).

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Задачи Германіи, какъ міровой державы.

Мы останавливаемъ здѣсь вниманіе нашихъ читателей на книжкѣ Отто Дельффа подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ¹⁾ не потому, чтобы она сама по себѣ представляла что-либо замѣчательное, а лишь изъ виду того, что изложенныя въ ней идеи являются теперь въ Германіи очень популярными и распространенными. Хотя авторъ этой книжки слишкомъ уже далеко довелъ пресловутый нѣмецкій *Drang nach Osten* (стремленіе на Востокъ), но все же намъ, его соседямъ, небезполезно время отъ времени знакомиться съ тѣмъ, что авторы, подобные Дельффу, (а ихъ не мало), такъ усердно навязываютъ теперь германскому народу.

И утверждаю, — говоритъ Дельффъ, — что Бисмаркъ совершилъ много промаховъ, какъ государственннй дѣятель: въ будущемъ исторія назоветъ его одинаково основателемъ и разрушителемъ германскаго государства. По моему мнѣнію, черезъ нѣкнотрый періодъ времени Германія будетъ раздавлена съ одной стороны внутренними междоусобіями между ультрамонтанами и соціалъ-демократами, а съ другой извнѣ—черезъ нападеніе на нее со стороны Франціи и Россіи. Могушество соціалистовъ и ультрамонтановъ возникло влѣдствіе того, что Бисмаркъ ввелъ общую подачу голосовъ на выборахъ. А это очень рискованный шагъ, такъ какъ подобное узаконеніе отменить уже нельзя. Кромѣ того, Бисмаркъ совершилъ непоправимую ошибку въ томъ, что онъ не сумѣлъ повергнутую въ прахъ Францію сдѣлать безвредной для насъ.

Ему слѣдовало бы установить совершенно инныя условія міра. Онъ долженъ былъ потребовать отъ Франціи уступки всего Эльзаса, Лотарингіи и Бургундіи, выдачи военнаго флота, уступки всѣхъ колоній, срытія всѣхъ французскихъ крѣпостей съ запрещеніемъ возстановленія ихъ въ будущемъ, уменьшенія французской арміи до 100.000 человекъ максимумъ. Кромѣ того онъ долженъ былъ потребовать отъ Франціи, чтобы она уступила Италіи Ниццу, Савойю, Корсику и всю мѣстность, простирающуюся на востокъ отъ Роны, начиная съ Женевы и до устья Роны. Черезъ это Италія стала бы сильнымъ и надежнымъ нашимъ союзникомъ. Тогда мы могли бы заняться своей настоящей задачей—германизацией Востока. Вмѣсто того, Бисмаркъ согласился даже оставить Франціи важную крѣпость Бельфоръ. Теперь не трудно будетъ Франціи, когда ей вздумается,—вторгнуться въ Эльзасъ. Между южной оконечностью Вогезовъ и сѣверной Юры есть широкая долина, называемая *Porta Burgundica*, а я назову ее *Porta Germanica*. Навѣрно, Франція пошлетъ свои полки черезъ эту *Porta Germanica*; черезъ нее вторгнутся французы въ Эльзасъ и пойдутъ на сѣверъ, по направленію къ Страсбургу.

Бисмаркъ никогда не покидалъ Европы, потому и взгляды его европейскіе, а не міровые. Въ настоящее время Германія стремится основывать колоніи. До сихъ поръ европейскія колоніи устраивались въ континента метрополіи. Это происходило влѣдствіе того, что на собственномъ континентѣ способы передвиженія были затруднительны, и потому затрудненія при расселеніи по сушѣ возрастали въ геометрической пропорціи соответственно съ увеличеніемъ разстоянія; если же

¹⁾ Deutschlands Aufgaben als Gross- und Weltmacht. Von Dr. Otto Delffs, Iena. F. Pier-son's Verlag Dresden u. Leipzig.

разселяться за моремъ, то эти затрудненія будутъ возрастать соответственно увеличенію разстоянія лишь въ арифметической пропорціи. Европейскія мореходныя государства распространяли свои колоніи въ томъ направленіи, гдѣ встрѣчалось наименѣе сопротивленія. Такія колоніи процвѣтали лишь въ томъ случаѣ, если вся площадь, годная для поселенія, была занята колонистами, все равно—будетъ это островъ или материкъ. Когда же молодая колонія достигала извѣстной степени развитія, она отпадала отъ метрополіи. Итакъ, во всякомъ случаѣ, прочно ли было существованіе колоніи, или нѣтъ, основаніе колоніи не усиливало могущества метрополіи. Кто съ успѣхомъ и прочно хочетъ устраивать колоніи, тотъ долженъ учредить ихъ на своемъ материкѣ и въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ метрополіей. Если же это невозможно, то слѣдуетъ распространять свои колоніи на томъ же материкѣ, въ мѣстностяхъ, не смежныхъ съ метрополіей; такъ колонизировали Соединенные Штаты Аляску. Если и это невозможно, то слѣдуетъ колонизировать цѣлый материкъ; такъ поступили англичане, распространивъ свои колоніи по всей Австраліи и по всей Африкѣ; такъ впоследствии, можетъ быть, колонизируется Южная Америка Германіей или Италіей. Если государство, полное жизненной силы, ощущало потребность распространить свои поселенія, но не владело морскимъ берегомъ, или развитымъ мореходнымъ флотомъ и если при томъ на его материкѣ мало встрѣчалось сопротивленія къ организаціи колоній, то такое государство устраивало колоніи въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ метрополіей и на томъ же материкѣ; именно такимъ-то государствамъ и предстояла великая будущность. Этимъ путемъ шли Россія, Китай и Соединенные Штаты. Последніе лежали недалеко отъ Европы, ихъ населеніе было слабое, климатъ подобенъ европейскому климату, при томъ при началѣ колонизаціи Соединенныхъ Штатовъ открыта была сила пара, вѣдѣніе всего этого это государство развивалось съ баснословною быстротой. Соединенные Штаты купили Флориду у Испаніи, Луизиану у Франціи, Аляску у Россіи. Съ помощью легкихъ войнъ они отняли у Мексики 1/3 ея территоріи, а у Испаніи—ея послѣднюю колонію. Рано или поздно имъ непременно будутъ принадлежать Канада, Центральная Америка, Западная Индія и Мексика. Тезисъ Монро: «ни одна европейская держава не имѣетъ права основывать въ Америкѣ новыя колоніи» современемъ обратится въ программу: «подданные всѣхъ европейскихъ державъ должны навсегда удалиться изъ Сѣверной Америки»,—а позже: «существованіе монархій въ Америкѣ не допускается!»

Россія пока распространяется на Востоку; но когда она овладѣетъ здѣсь всѣмъ, чѣмъ только можно овладѣть, она непременно станетъ распространяться и на западъ, т. е. станетъ расширять свои европейскія владѣнія. Съ тѣхъ поръ какъ паръ и электричество одолѣли пространство, есть только одна естественная граница, именно—океанъ. Последнее распределение земного шара въ XX столѣтіи будетъ интерконтинентальнымъ. Въ XIX столѣтіи стали сблизжаться эти два понятія—государство и материкъ; въ XX оба понятія сольются въ одно: пять націй будутъ владѣть каждая своимъ материкомъ. Австралія первая окончила это дѣло; Соединенные Штаты послѣдуютъ ея примѣру. Азія и Африка, соединенныя перешейкомъ, въ сущности составляютъ два материка; то же самое можемъ сказать и о Сѣверной и Южной Америкѣ. Лучшее, что могутъ теперь сдѣлать великія европейскія державы—это признать обязательность ученія Монро исключительно въ пользу Сѣверной Америки и заявить, что Южная Америка остается открытой для всѣхъ націй земного шара, за исключеніемъ янки, при чемъ непременно слѣдуетъ оговорить, что Исландія принадлежить къ Европѣ. Последней не слѣдовало бы допускать вмѣшательство западнаго полушарія въ дѣла Восточнаго; она должна была энергически воспрепятствовать тому, чтобы Соединенные Штаты не утвердились на Филиппинскихъ островахъ. Тезису Монро мы должны противопоставить другой тезисъ: «на каждомъ материкѣ господствуетъ одна нація, и каждая нація довольствуется однимъ материкомъ». Однако, занятіе Филиппинскихъ острововъ будетъ лишь временнымъ; рано или поздно этотъ архипелагъ достанется Австраліи, этой девятой великой міровой державѣ. И германцы также, хотя бы и заодно съ голландцами, не долго удержатся въ Новой Гвиней. Въ силу географическихъ условій этотъ островъ долженъ принадлежать Австраліи, такъ какъ каждый материкъ имѣетъ право владѣть островами, лежащими близь его береговъ.

Великая держава Австралія занимаетъ исключительное положеніе: она одна, подобно Англіи и Японіи, не имѣетъ соседей. Однако, замѣтимъ, что англо-саксы не называютъ пятый материкъ Австраліей, но Австрализіей; они причисляютъ къ Австраліи Большіе Зондскіе острова, какъ-то: Борнео, Яву, а также и Филиппинскіе. И рисуютъ пятый материкъ въ такомъ видѣ на своихъ картахъ. Если когда-либо намъ нужна будетъ помощь, Австраліи противъ Россіи или Соединенныхъ Штатовъ, то мы могли бы уступить Австраліи островъ Новую Гвиней. Дальновидная германская міровая политика и теперь уже должна имѣть въ виду про-

грамму распределенія материковъ между великихъ націй. Основная мысль, что каждый материкъ долженъ заключать въ себѣ лишь одно государство или лишь одинъ господствующій народъ, мотивируется тѣмъ, что такое распределеніе странъ земного шара согласно съ законами природы. Раздѣленная на нѣсколько государствъ, Европа не въ состояніи будетъ бороться противъ Сѣверной Америки или противъ Южной, когда каждая изъ нихъ будетъ составлять лишь одно государство; а можетъ быть, придется ей бороться противъ Всеамерики, съ цѣлью добиться права на совмѣстное пользование съ нею тѣми залежами селитры, какія находятся въ Чили. При такомъ государственномъ устройствѣ Америка могла бы не давать остальнымъ націямъ селитры, необходимой и какъ матеріаль, нужный для удобренія почвы, и какъ вещество, входящее въ составъ пороха. Или же Россія, во время войны Германіи съ Соединенными Штатами, могла бы отказаться во ввозѣ изъ нашу страну хлѣба и керосина; или же Соединенные Штаты во время борьбы Германіи съ Россіей или Франціей могли бы не доставлять намъ ни хлѣба, ни хлопка, ни нефти.

Вѣроятно, вскорѣ разовьется тотъ политико-экономическій взглядъ, что, пока мать-земля производитъ въ изобиліи селитру, нефть, соль, уголь и хлѣбъ, всѣ культурныя націи имѣютъ право пользоваться этими естественными продуктами, словомъ, вскорѣ будетъ признанъ принципъ солидарности націй. Азотъ, фосфоръ и калий производятъ чудеса, какъ удобреніе, въ рукахъ сельскаго хозяина. Чили обладаетъ первымъ, Соединенные Штаты—вторымъ, Германія—третьимъ. Въ рудникахъ Штатсфурта заключается громадное количество калия въ формѣ каинита. Дальновидное правительство Германіи должно бы заключить взаимные договоры съ Чили и Соединенными Штатами, въ силу которыхъ ни одинъ изъ трехъ контрагентовъ не имѣлъ бы права отказать другому въ поставкѣ этихъ трехъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ. Главная задача каждой великой цивилизованной націи—самосохраненіе, а послѣднее обеспечено лишь тогда, если всѣ продукты, необходимые для жизни, производятся въ предѣлахъ государства, занимающаго цѣлый материкъ. А такъ какъ въ настоящее время каждое европейское государство заключаетъ въ себѣ лишь нѣкоторые изъ этихъ продуктовъ, то очевидно рано или поздно они сольются въ цѣльяхъ взаимной кооперации.

Жизненность націи обеспечена, если она заселяетъ часть свѣта, вмѣщающую въ себѣ всѣ климаты, какъ, напримѣръ, Америка. Въ сущности Европа и Азія составляютъ лишь одинъ материкъ, который можно бы назвать Евразіей. Европа

слишкомъ мала, чтобы надолго вмѣщать двѣ великія державы. До сихъ поръ здѣсь существовали три лагеря соперничества: романізмъ, германизмъ и славянство. Романскіе народы побѣждены. Германцы и славяне также непременно вступятъ въ борьбу. Но борьба эта уже началась: Финляндія, Либавъ, Дерптъ и Прага тянутъ къ Германіи. Націи, обладающія обширною территоріей, многочис-

Новѣйшія эквилибристическія упражненія
Михеля по части мировой политики.

леннымъ населеніемъ, большими средствами и выдающимися дарованіями, переживутъ остальные. Только тѣ государства прочны, граница которыхъ коротка сравнительно съ величиной страны, и которыя со многихъ сторонъ примыкаютъ къ морю. Ни одна долговѣчная великая держава не представляетъ такихъ границъ, каковы границы Германіи: Богемія врѣзывается клиномъ между сѣверной и южной Германіей. Присоедине-

ние къ Германіи той части Австріи, которая заселена нѣмцами,—самый жизненный вопросъ для Германіи. Наша первая задача заключается въ томъ, чтобы намъ проникнуть къ Средиземному морю, захвативъ Триестъ. Великая держава должна обладать своими рѣками на протяженіи всего ихъ течения, а также и устьями ихъ и морскими берегами, гдѣ по тѣдніе лежать. Германія владѣть вполне лишь одной рѣкой—Везеромъ; не только Рейнгъ, Дунай и Висла, но даже Эльба и Одеръ находятся во владѣніи другихъ государствъ. Габсбурги не вывелили своей естественной миссіи—они не сумѣли германизировать бассейны Дуная. Они измѣнили идею германизма, и потому нѣмцы, подданные Австріи, свободны отъ всякихъ обязательствъ относительно этой династіи. Если же рано или поздно, послѣ смерти Франца-Иосифа, наступитъ разложение Дунайской монархіи, то мы должны быть готовы воспользоваться ея наслѣдіемъ въ Дунайской области. Желательно, чтобы это случилось, пока Россія еще не окрѣпла. Главное затрудненіе будетъ заключаться въ томъ, какъ намъ вознаграждать Итацію: не дать ли ей Мароккскія владѣнія? Истрия и Триеста мы никакъ не можемъ ей предложить. Однако, наши новые подданные не должны быть допущены сразу въ рейхстагъ, до тѣхъ поръ, если они будутъ имѣть своихъ представителей на мѣстныхъ сеймахъ.

Въ то время, какъ Германія займется раскрытіемъ своихъ рѣкъ, она непременно столкнется съ Россіей, такъ какъ послѣдняя идетъ тѣмъ же путемъ. Настоящіе устья русскихъ рѣкъ лежатъ не на берегахъ Чернаго моря, а при Константинополѣ, при Суэцѣ и при Аденѣ. Тутъ только Россія найдетъ доступъ въ океанъ. Девизъ Россіи таковъ: «одно за другимъ, все въ свое время, но подъ конецъ должно добиться всего!» Россія открыла Амуръ и господствуетъ въ Желтомъ морѣ; потомъ, можетъ быть, она будетъ стремиться къ Персидскому заливу. Но подъ конецъ она непременно займетъ свой первый этапъ—Константинополь. Стремленіе Россіи обратить Черное море въ русское озеро открываетъ устья ея большихъ рѣкъ и запираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ устья рѣкъ Германіи. Можемъ ли мы утвердиться въ Малой Азіи, если за проливомъ развѣвается русскій флагъ?

Въ политическомъ отношеніи земной шаръ вращается вокругъ оси, одинъ конецъ которой лежитъ на Панамскомъ перешейкѣ, другой—на Суэцкомъ каналѣ. На этихъ двухъ пунктахъ рѣшатся судьбы Западнаго и Восточнаго полушарія. Германія не можетъ допустить того, чтобы какая-либо великая держава, владѣнія которой смежны съ Суэцкимъ каналомъ, и лежатъ при томъ внутри того же материка, обладала этимъ каналомъ.

Англія не можетъ допустить того же. Итакъ, интересы Англіи тождественны съ нашими. Германія и Англія могли бы допустить, чтобы Франція или Италія владѣла азіатскимъ берегомъ Суэцкаго канала; это было бы владѣніе, смежное съ другою областью ихъ, но экстраконтинентальное; если же Россія будетъ владѣть имъ, то это будетъ владѣніе, смежное съ ея остальными владѣніями, и при томъ интраконтинентальное, — слѣдовательно—позиція непреодолимая. Захвативъ первый этапъ, Россія захватитъ послѣдовательно второй—Суэцъ и третій—Аденъ. Чтобы воспрепятствовать этому, Англія уступитъ намъ Кипръ, а мы обезпечимъ ей владѣніе Египтомъ, вопреки Франціи или Россіи. Когда русская имперія овладѣетъ Чернымъ моремъ, она будетъ стремиться къ тому, чтобы и Балтійское море обратить въ русское озеро и открыть такимъ образомъ Неву и Вислу. Итакъ, Германія утратить и устье Вислы, если не овладѣетъ ея бассейномъ. На Дунаѣ и здѣсь Германія должна избрать меньшее зло для предотвращенія большаго.

Германія слѣдуетъ отклонить Норвегію отъ ея намѣренія отдѣлится отъ Швеціи; сильная единая Скандинавія можетъ стать цѣннымъ нашимъ союзникомъ. Бисмаркъ совѣтовалъ намъ вѣчно дружить съ Россіей, но онъ не могъ предвидѣть, что мы утвердимся въ Китаѣ и въ Малой Азіи; а въ Малой Азіи двѣ великія державы не могутъ властвовать сообща. Если бы Бисмаркъ послушался совета Мольтке, то онъ уничтожилъ бы (!) Россію, какъ великую державу, въ 1871 или 1881 году; но благоприятный моментъ былъ упущенъ. Когда начнется борьба на жизнь и смерть между Англіей и Россіей изъ-за Индіи, настанетъ опять благоприятный для насъ моментъ, и тогда-то нѣмцы должны ударить на Россію.

Семь государствъ окружаютъ Германію. При борьбѣ за существованіе жизненность націй состоитъ въ обратномъ отношеніи къ числу ея сосѣдей. Познаботимся о томъ, чтобы уменьшилось число нашихъ сосѣдей; это послужитъ на пользу и имъ, и намъ. Народъ небольшого самостоятельнаго государства, имѣющій правительство, армию, флотъ, дипломатическій персоналъ, таможенныхъ чиновниковъ, консулатъ, несетъ непосильныя для него тяготы. Таковы государства: Голландія, Бельгія, Данія и Швеція. Данія или Ютландія—вѣдь сѣверная часть Шлезвига? Нидерланды—западная часть Фрисландіи? Данія и Голландія имѣютъ такое же значеніе для Германіи, какъ Флорида и Луизиана для Соединенныхъ Штатовъ. Если бы въ 1861 г., когда нѣкоторые штаты намѣревались отдѣлиться отъ Союза, послѣдній не владѣлъ устьемъ Миссисипи, то результатъ войны,

можетъ быть, быть бы иной. Если придется Германіи вести войну съ морской державой, то послѣдняя, вопреки нейтральной Голландіи, можетъ лишиться насъ подвоза хлѣба по Рейну. Всякой жизненной, великой державѣ должны принадлежать и острова, лежащіе вдоль ея морского берега, потому Датскіе острова должны принадлежать Германіи на томъ же основаніи, какъ и Гельголандъ.

Возникаетъ еще вопросъ: какъ великъ долженъ быть германскій флотъ? Онъ долженъ заключать въ себѣ столько же судовъ, какъ и нашъ торговый флотъ. Армія обеспечиваетъ нашу промышленность и доставляетъ намъ такимъ образомъ средства на содержаніе флота, а флотъ обеспечиваетъ намъ вывозъ и этимъ доставляетъ намъ средства на содержаніе арміи. Если непріятельскій флотъ будетъ блокировать наши берега, то мы лишимся не только подвоза хлѣба, но и того количества хлѣба мѣснаго урожая, который мы собрали бы, если бы надлежащимъ образомъ удобряли землю фосфоромъ, калиемъ и азотомъ: а послѣдній, заключающійся въ селитрѣ, намъ неоткуда будетъ достать, тѣмъ болѣе, что селитра входитъ въ составъ пороха и потому не можетъ быть доставляема даже въ нейтральные порты; потому дальновидному германскому правительству слѣдовало бы при помощи твердаго судоходства устроить національные склады селитры по берегамъ нашихъ рѣкъ, въ особенности, напримѣръ, въ Мангеймѣ; количество селитры въ этихъ складахъ должно хватить хотя на одинъ урожай. Германія должна купить обширныя залежи селитры у правительства Чили, пока ее не предупредили еще въ этомъ дѣлѣ янки. На всемъ земномъ шарѣ нація и правительство янки—самые дальновидные, сознающіе свои цѣли и самые беззащитныя политики. Они вполне сознаютъ свою громадную силу и безсиліе разьединенной Европы и потому непременно вскорѣ обезпечатъ за собою, въ видѣ монополіи, исключительное пользование чилийскими залежами селитры; Европа же, въ полномъ своемъ составѣ, должна бы добиться нейтрализаціи этихъ залежей. Мы должны первые признать тезисъ Монроэ по отношенію ко всей Сѣверной Америкѣ, но настоячиво оговорить свободный доступъ въ Южную. Если Голландія вступить въ германскій союзъ, то мы приобрѣтемъ Суринамъ, который и послужитъ намъ твердой точкой опоры на южномъ материкѣ; тогда-то мы и признаемъ тезисъ Монроэ. Американцы чертятъ Исландію на картахъ въ видѣ острова, принадлежащаго къ Сѣверной Америкѣ. Однако, Исландія имѣетъ важное значеніе для Германіи; если Соединенные Штаты ею овладѣютъ, то туда намъ легко будетъ вторгаться въ

Европу. Мы, европейцы, должны бы открыть новый—шестой материкъ, именно Гренландію, къ которому и слѣдуетъ причислить Исландію. При томъ слѣдуетъ заявить, что въ эту шестую часть свѣта открыть доступъ всемъ націямъ земного шара, кромѣ янки. Англію слѣдуетъ также признать особымъ материкомъ.

Какъ я уже говорилъ, Англія—единственная европейская великая держава, территоріальные интересы которой нигдѣ и никогда не сталкиваются съ нашими. Итакъ, Англія нашъ единственный союзникъ. Великобританія имѣетъ двухъ великихъ опасныхъ соперниковъ въ Азіи и въ Африкѣ: Россію и Францію; эти же державы соперничаютъ и въ Европѣ. Россія и Англія непременно вступятъ въ борьбу изъ-за Индіи; Англія же и Франція,—изъ-за обладанія Африкою. Великобританія такъ же, какъ и мы, имѣетъ высокую миссію—англизировать всѣ народы земного шара. Мы поможемъ Альбиону захватить гегемонію въ Африкѣ, а онъ поможетъ намъ достигъ гегемоніи въ Европѣ. Британцы желали бы уничтожить нашу промышленность при помощи своего флота, но ихъ территоріальные интересы не допускаютъ этого, такъ какъ только при нашей помощи Англія можетъ удержатъ за собою Индію; при томъ, въ будущемъ, ея самый опасный и утѣшный соперникъ по отношенію къ промышленности—американскіе Соединенные Штаты. Великобританія слѣдуетъ, сообщая съ Германіей, бороться противъ преобладанія Соединенныхъ Штатовъ въ промышленномъ мірѣ. Изъ-за Индіи Англія не пожелаетъ повредить нашимъ территоріальнымъ интересамъ, а изъ-за промышленнаго соперничества своего съ Соединенными Штатами не пожелаетъ погубить нашу промышленность. Намъ не слѣдуетъ раздражать Соединенныхъ Штатовъ, у насъ и безъ того много враговъ. Что же касается до тройственного союза, то онъ годится лишь на время. Австрія и Италія не представляютъ естественныхъ союзниковъ нашихъ, въ особенности послѣдняя. Италія стремится обратить Адриатическое море въ италянское озеро, т. е. намѣревается отрѣзать Германію отъ Средиземнаго моря. Борьба наша съ Италіей наступитъ въ скоромъ времени. При томъ, Италія слабѣй и невѣрный союзникъ. Цислейтанды вспоминаютъ о насъ лишь въ моменты нужды; Вѣна ненавидитъ Берлинъ, какъ пруссѣвающаго выскочку, какъ магнитъ для ея собственныхъ альпійскихъ областей; при томъ католическая Австрія ненавидитъ протестантскую Германію. Если мы заключимъ союзъ съ Франціей, то она овладѣетъ всей Африкой и будетъ нашей соперницей въ Европѣ. Но если мы вздумаемъ подружиться съ великаномъ, живущимъ на берегахъ Невы, то это было бы безуміемъ, такъ какъ

чрезъ это мы откормили бы того, который подъ конецъ проглотилъ бы насъ. Три отрасли древнихъ германцевъ: Германія, Соединенные Штаты и Великобританія должны подѣлить между собою всѣ страны земного шара. Но сплошной океанъ, связывающій материкъ, люди не должны дѣлить между собою (напрасно!!); океанъ долженъ быть международнымъ достояніемъ. Германія въ союзѣ съ Соединенными Штатами должна устранить преобладаніе Англіи на морѣ. Она должна нейтрализировать океанъ и интерконтинентальные каналы. Панама, Гибралтаръ, Дарданеллы, Суэцъ и Адень не должны принадлежать въ видѣ монополіи какой-либо отдѣльной націи; это противно законамъ природы.

Итакъ, вотъ программа Германіи: во-первыхъ, въ международномъ отношеніи—нейтрализация суши, водъ и ихъ естественныхъ богатствъ; во-вторыхъ, въ національномъ — довершеніе дѣла, начатаго Лютеромъ и Бисмаркомъ, т. е. германизация Европы и Евразіи.

Теперь поговоримъ о нашихъ задачахъ по отношенію къ внутреннимъ государственнымъ вопросамъ. Колоніи Англіи далеко отстоятъ отъ метрополіи, потому чѣмъ больше у нея колоній, тѣмъ труднѣе ей защищать самое себя. Если же мы будемъ распространять свои колоніи лишь смежно съ нашими владѣніями, то чѣмъ больше у насъ колоній, тѣмъ легче намъ будетъ защищать метрополію. Католическая церковь стала въ Германіи политической силой вслѣдствіе того, что Бисмаркъ ввелъ у насъ общую подачу головъ; при томъ наши католики занимаютъ сплошь обширныя области. Чтобы противодействовать сплоченности католиковъ, слѣдуетъ учреждать школы, армейскіе корпуса, штаты чиновниковъ, гдѣ бы число католиковъ равнялось числу протестантовъ. Что еще хуже,—у насъ много социалистовъ. Программа социалистовъ неестественна, такъ какъ она не соответствуетъ свойствамъ человѣческой природы. Социалисты стремятся изгнать изъ общественной среды эгоизмъ и соревнованіе, а эти два свойства человѣка именно и побуждаютъ его къ дѣятельности. Но образованный человѣкъ не долженъ ограничиваться тѣмъ, чтобы признавать законнымъ лишь собственный эгоизмъ; онъ долженъ признавать законнымъ и эгоизмъ своего ближняго. Соціалистически-организованная Германія, конечно, расширяться не будетъ. Лишь та монархія сильна, гдѣ господствуетъ законная династія; избирательная монархія слаба и непрочна. Всякій шагъ въ демократическомъ направленіи, иначе сказать, всякое ограниченіе власти государя отмѣнить уже нельзя. Англія была настолько глупа, что отняла у своихъ королевъ всякое значеніе; а теперь она видитъ съ ужасомъ,

что ни одна изъ ея великихъ политическихъ партій не рѣшается заставить народъ прибѣгнуть къ единственному средству спасенія отечества, къ признанію обязательной всеобщей воинской повинности, такъ какъ обѣ партіи дрожатъ передъ своими набирателями. Будемъ держаться также нашей славной арміи; тягости, которыя мы несемъ изъ-за ея содержанія, станутъ легче по мѣрѣ расширенія Германіи.

Лишь однородныя націи въ состояніи будутъ удержаться рядомъ съ другими великими націями на одномъ и томъ же континентѣ; преимущественно тѣ, которыя говорятъ на одномъ языкѣ. Поэтому мы должны искоренить не только польскій, французскій и датскій языкъ, но также языкъ вендовъ, Литвы и нижне-нѣмецкій. Мы должны держаться принципа солидарности: въ случаѣ какихъ-либо неизбѣжныхъ бѣдствій, какъ-то: войны, наводненія, градобитія и проч., вся нація должна вознаградить потерпѣвшихъ. Да будетъ нашъ лозунгъ—каждый за всѣхъ и всѣ за каждого!

Предлагаю нѣмцамъ разселиться по всему нашему континенту, но это возможно лишь при сильномъ преобладаніи числа рожденій надъ числомъ смертей. Желательно, чтобы мы устраняли самостоятельныя колоніи, которыя современнымъ слились бы съ метрополіей. Что Соединенные Штаты пытаются совершить въ Сѣверной Америкѣ (такимъ способомъ приобрѣтена имъ Аляска), предпримемъ мы въ Евразіи.

Далѣе манія величія доводитъ нѣмецкаго автора до того, что онъ, повидимому, серьезно начинаетъ говорить о будущемъ заселеніи нѣмцами Сибіри и Закавказья и оттѣсненіи Россіи отъ Балтійскаго и Чернаго морей посредствомъ занятія береговъ ихъ германскими колонистами. Тогда,—говоритъ онъ,—мы можемъ заставить Россію перенести свою столицу въ Москву, гдѣ она, окруженная со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями, и пусть проводитъ жизнь свою въ пріятныхъ мечтаніяхъ. Мы пригласимъ принять участіе въ этой повсемѣстной колонизаціи обездоленныхъ германцевъ всего земного шара, и всѣ народы, которые мы примемъ подъ свою охрану, какъ-то: датчанъ, шведовъ, швейцарцевъ, балтовъ, чеховъ, словенцевъ и хорватовъ.

Автора смущаетъ только, какъ бы населеніе Германіи не пошло по тому пути, по которому оно идетъ теперь во Франціи, нѣкогда также мечтавшей о завоеваніи всей Евразіи. Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—у насъ процентъ рождаемости выше процента смертности: мы должны стремиться къ тому, чтобы этотъ порядокъ вещей не измѣнился. Между тѣмъ на практикѣ женское движеніе сознательно и безсознательно уменьшаетъ

число рождений. Государство, въ которомъ женщины вліяютъ на семью, на законодательство и на правительство, не могутъ устоять противъ мужественныхъ націй, у которыхъ преобладаетъ власть мужчины. Та цивилизованная нація одолеваетъ другія, которая послѣдняя выступаетъ на арену дѣйствія. Юноша варваръ, полный жизненной силы, возстанетъ на Востока и выступитъ на мировую арену. Природа даруетъ ему миссію уничтожить націю, нарушающую законы природы. *Ceterum censeo, Russiam esse delendam*, вотъ тезисъ, который всякій образованный нѣмецъ долженъ знать наизусть, какъ «Отчъ нашъ». И мы должны совершенно уничтожить Россію; мы должны совершенно вычеркнуть Россію изъ числа великихъ державъ! Если мы окажемся слишкомъ близорукими или слишкомъ малодушными, чтобы овладѣть всею Русскою имперіей для себя или въ пользу своихъ союзниковъ, или же, если мы опасаемся, что задача ассимиляціи населенія бассейна Вислы намъ будетъ не подъ силу, то, по крайней мѣрѣ, мы должны потребовать отъ Россіи, чтобы она уступила намъ Сибирь, такъ какъ черезъ это мы получимъ то, въ чемъ нуждаемся, нѣболѣе интраконтинентальную незаселенную область для поселеній, гдѣ климатъ приблизительно такой же, какъ и въ Европѣ. Позже, мы можемъ и совершенно раздавить Россію между двумя нашими буферами. Союзниковъ мы найдемъ и щедро наградимъ ихъ: Венгрія, Румынія, Турція, Скандинавія, Италия, Австралія, Китай и Японія. Существованіе Китая и Японіи въ видѣ сильныхъ государствъ имѣетъ важное значеніе для насъ въ настоящее время, такъ какъ мы можемъ натравить Китай и Японію на Россію и обратно. Но нашъ главный союзникъ это Англія. Славное будущее ожидаетъ насъ на сушѣ, а не на морѣ, т. е. не нужны намъ заморскія, экстраконтинентальныя колоніи, нашъ вывозъ есть только временное палліативное средство. Это лишь переходная стадія. Обратимъ вниманіе на то, что протяженіе обрабатываемыхъ земельныхъ участковъ у насъ все уменьшается не только по отношенію къ цифрѣ населенія, но также и абсолюта: мы утрачиваемъ ежегодно значительныя пространства земельныхъ угодій при проведеніи новыхъ желѣзныхъ дорогъ и встѣдствіе громаднаго расширенія нашихъ безчисленныхъ городовъ. Мы сидимъ на двухъ бочкахъ, наполненныхъ порохомъ, и насвистываемъ мелодію: мы, нѣмцы, ничего не боимся, кромѣ Бога; воздвигаемъ памятники Бисмарку, а между тѣмъ, можетъ быть, уже послѣ завтра великая единая Германія опять распадется. Германія должна расширяться или погибнуть! Въ Европѣ нѣтъ достаточно пространства для двухъ жизненныхъ мировыхъ державъ:

или Германія или Россія захватитъ гегемонію въ Европѣ. Обладанія міромъ заслуживаетъ лучшая изъ обѣихъ державъ, а лучшая держава—мы, такъ какъ мы совершили уже не мало подвиговъ. Германія родина искусствъ, наукъ и изобрѣтеній, и, что еще выше всего того,—реформаций. Германія всегда была неодолимымъ оплотомъ европейской цивилизаціи: гунны, авары, арабы и турки разбили себя головою о германскіе валы. Не будемъ прельщаться Южной Америкой, Африкой или Австраліей! Тутъ противъ насъ климатъ, тезисъ Монроэ, океанъ, отдаленность и опасность смѣшенія съ цвѣтной расой. У насъ достаточно областей для заселенія на нашемъ собственномъ континентѣ въ Евразіи: Венгрія, Россія, Сибирь и Малая Азія. Экстраконтинентальныя колоніи непрочны. Англія, господствующая на морѣ, испытала это на себѣ; Соединенные Штаты, Австралія и Канада отпали отъ нея. Наша настоящая миссія—германизация Европы. Древнія мировыя имперіи распались, потому что онѣ были приобретенны слишкомъ скоро, метрополія была слишкомъ мала, тогдашнія средства сообщенія были недостаточны, и ассимиляція не производилась и даже едва-ли была возможна. Въ настоящее время всѣ условія, нужныя для образованія мировыхъ имперій, налицо. Повторяю, прочна колонизація лишь тамъ, гдѣ заселяется цѣлый континентъ; понятія «государство» и континентъ неудержимо сближаются и «наконецъ», совпадутъ. Австралія первая рѣшила эту задачу; Сѣверная Америка вскорѣ послѣдуетъ ея примѣру. Южная Америка по необходимости также составитъ великую федерацію. Африка станетъ англійскою областью, и мы должны по возможности содѣйствовать этому. Евразія, какъ наибольший и при томъ самый однородный континентъ, конечно, прихрамывая, поплетется зади. Мы можемъ рано или поздно заставить Китай продолжить свою великую стѣну сперва по направлению къ югу, а потомъ на востокъ до самаго моря. Если же дѣло дойдетъ до дѣлежа Китая, то великой китайской стѣной мы оградимъ себя отъ русскаго Китая. Но прежде всего наша внѣшняя политика должна быть постоянно одна и та же, кто бы ни былъ канцлеромъ.

Итакъ, вопросъ въ томъ, сознаемъ ли мы необходимость и въ состояніи ли мы выполнить подвигъ, начатый Лютеромъ и Бисмаркомъ? Достигнемъ ли мы того, что суждено намъ свыше, т. е. будемъ ли мотомъ, или наковальней? Поглотитъ ли Германія другія государства, или будетъ поглощена ими? Мы принуждены поступать такъ, какъ другія державы поступали или собираются поступить. Сплачиваніе и кооперация—вотъ великій лозунгъ нашего времени; уменьшимъ грузъ и увеличимъ плечо рычага; такимъ только обра-

зомъ мы добьемся преобладанія территориальнаго и по количеству населенія, какихъ намъ еще не достаетъ; и тогда только мы заслужимъ уваженіе націй земного шара и достигнемъ самосознанія. Абсолютизмъ оказалъ важную услугу тѣмъ, что сплотилъ отдѣльные племена въ единыя націи. Теперь надо сплотить разныя націи въ сильныя, міровыя имперіи.

Что можно возразить на эти проповѣди всегерманства? Развѣ только то, что у насъ не пишутъ такихъ «сочиненій», а слѣдовательно мы здоровѣе и сильнѣе.

Празднованіе столѣтія В. Гюго въ Парижѣ.

Франція умѣетъ чтить память своихъ великихъ сыновъ, и празднованіе столѣтія Гюго доказало это еще разъ самымъ блестящимъ образомъ. Конечно, много тутъ было показнаго, условнаго, но вѣдь и всѣ такія празднества вещь условная. Во всякомъ случаѣ торжество было самое полное и подъемъ духа несомнѣнный. Справедливо смѣются трезвые нѣмцы, что Парижъ еще задолго до торжества охватила «эпидемія Гюго». Десятками появлялись все новыя сообщенія и воспоминанія, интервью и анекдоты. Многіе изъ болѣе трезвыхъ читателей даже перестали за эти дни читать газеты, заполненные исключительно Гюго, и утѣшались чтеніемъ однихъ юмористическихъ журналовъ!

Интервьюировали академиковъ, интервьюировали артистовъ, и каждый старался сказать что-либо если не новое, то остроумное, а въ худшемъ случаѣ крайне преувеличенное. Артистъ *Comédie Française* Сильвенъ (исполнившій Барбароссу на представленіи *gala*) заявилъ: «Спрашивать меня, что я думаю о Гюго, равносильно тому, какъ если бы меня спросили, что я думаю о Гомерѣ, Эсхилѣ или Шекспирѣ». Другой почитатель сказалъ, что однажды онъ увидѣлъ мелькомъ Гюго у окна за занавѣсью, и что считаетъ это событіе величайшимъ событіемъ въ своей жизни: «Никакой государственной переворотъ, никакая революція, никакая война не можетъ имѣть въ моихъ глазахъ значенія равнаго этой минутѣ». Третій называетъ Гюго—Солнцемъ, четвертый ужъ прямо Вселенной! Надо быть французомъ, чтобы не краснѣя говорить и выступать такія преувеличенія, для которыхъ, однако, у самихъ французовъ есть прекрасное слово *épique*.

Интервьюируютъ даже кухарку Гюго и его куаффера. Кухарка заявила, что Гюго постоянно ссорился со своей женою, что однако противорѣчитъ рассказамъ о семейномъ счастьи (?) Гюго, переданнымъ его внукомъ, извѣстнымъ Жоржемъ Гюго. Но кто безусловно трогателенъ и ве-

ликъ въ своей искренней преданности Гюго, это его старшій другъ, 82 лѣтній Поль Мэрисъ, посвятившій всю жизнь и всѣ силы на изданіе произведеній Гюго (*édition définitive*), завѣдывавшій подпиской на памятникъ Гюго, и даже отказавшійся отъ своихъ доходовъ съ изданія Гюго, чтобы только увеличить подписную сумму и создать памятникъ, достойный его великаго друга.

Въ день торжества 26-го февраля, Парижъ принялъ праздничный видъ. Были закрыты не только школы, суды и министерства, но даже и биржа. Франція чествовала не только великаго поэта, но и великаго гражданина, и потому все празднество носило характеръ національнаго торжества. Еще наканунѣ вечеромъ состоялся парадный спектакль въ Одеонѣ. Давали драматическій отрывокъ Гюго «*L'Épée*» (Шага). Сюжетъ пьесы напоминаетъ «Вильгельма Телля». Юный далматинецъ колеблется поднять оружіе противъ тиранніи, пока его дѣда не постигаетъ тяжелое незаслуженное наказаніе. Тогда онъ рѣшается возстать и принимаетъ мечъ изъ рукъ своего отца, живущаго внѣ законовъ, какъ разбойникъ. Въ уста этого разбойника вложена горячая, но безцѣлная напыщенная рѣчь противъ рабства и тиранніи. Все произведеніе настолько слабо, что даже восторженная учащаяся молодежь (которой были предоставлены всѣ верхи) только очень слабо выразила одобреніе.

На другой день въ 10 часовъ утра состоялось чествованіе Гюго въ Пантеонѣ, гдѣ семнадцать лѣтъ назадъ происходило торжественное погребеніе великаго поэта. Тогда Пантеонъ только-что превратился изъ храма въ усыпальницу великихъ людей и былъ весь задрапированъ черными тканями, для принятія праха поэта. Теперь весь фасадъ зданія былъ украшенъ драпировками изъ зеленовато-голубого бархата, національными флагами и щитами съ вензелемъ Гюго и датами его рожденія и смерти. Внутри зданія тѣ же зеленоватыя драпировки, въ глубинѣ эстрада съ серебряной лирой на голубомъ фонѣ, а посрединѣ, подъ куполомъ бюстъ Гюго на невысокой эстрадѣ. Вокругъ расположены кресла, стулья и трибуны для 4.000 приглашенныхъ. Вообще убранство Пантеона было довольно мизерное, да и трудно было, не испортивъ его строгой красоты, убрать его разными тряпками, щитами, вѣнками и флагами. Ровно въ 10 часовъ прибылъ кортежъ президента. Когда Лубэ занялъ свое мѣсто, Лэйгъ (министръ народнаго просвѣщенія), а за нимъ Галотъ (бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ) произнесли рѣчи. Лэйгъ главнымъ образомъ отъицъ цѣльность натуры и жизни Гюго и указалъ на то, какъ тѣсно жизнь Гюго была связана съ исторіей Франціи, такъ что

Памятникъ Виктору Гюго, работы Барриаса, открытъ 26-го февраля (нов. ст.)
на площади Виктора Гюго въ Парижѣ.

одна безъ другой не можетъ быть исполнѣнъ. Поэтъ—его карьера была непрерывнымъ пожинаемъ лавровъ; гражданинъ—его жизнь была одной долгой борьбой за свободу и право... Проживъ такъ долго, борясь такъ неустанно, вы-

страдавъ такъ много, онъ начерталъ на своемъ философскомъ и политическомъ Евангелии тѣ четыре слова, въ которыхъ для него заключалась вся человѣческая мудрость: свобода, справедливость, согласіе и состраданіе. Рѣчь Ганото является

скорѣе историческимъ обзоромъ, чѣмъ характеристикой Гюго. Да и трудно сказать что-либо новое о великомъ поэтѣ, слава котораго еще при его жизни достигла своего апогея. Затѣмъ оркестръ и хоры исполнили нѣсколько музыкальных нумеровъ, а артисты Comédie Française прочли нѣсколько стихотвореній Гюго. Особенный успѣхъ имѣла трагическая Сегонь-Веберъ и знаменитый Мунъ-Сюлли. Торжество закончилось исполненіемъ оркестромъ и хорами прекраснаго Chant du départ Мэюля.

Въ тотъ же день въ три часа дня на площади, получившей нынѣ названіе «площади Виктора Гюго», состоялось открытіе памятника великому поэту. Торжество въ Пантеонѣ было организовано правительствомъ, торжество на площади Виктора Гюго—городомъ. Отсюда понятно соперничество. Вся площадь была декорирована мачтами съ флагами, гирляндами, электрическими лампочками и свѣтлыми драпировками. Самый памятникъ, противно обычаю, не былъ закрытъ покрываломъ. Вокругъ расположены трибуны, между прочимъ «семейная трибуна», занятая ближайшими родственниками Гюго: его внуки Жоржъ и Жанна (герои его чудныхъ пьесъ *L'art d'être grand père*), жена Жоржа и мужъ Жанны (сынъ знаменитаго невропатолога Шарко) и др. Памятникъ работы скульптора Барриаса и стоитъ около 250.000 франковъ. Знаменитый Родонъ тоже представилъ проектъ памятника, но былъ отвергнутъ, да и немудрено. Ему почему-то пришла фантазія изобразить Гюго полуголымъ, сидящимъ на скалѣ, прислушиваясь къ голосамъ моря. Но зато у Родона Гюго взятъ тѣмъ мощнымъ старцемъ, образъ котораго всѣмъ близокъ, тогда какъ Барриасъ изобразилъ его еще молодымъ, какимъ онъ былъ въ моментъ изгнанія. Поэтъ стоитъ на скалѣ, омываемой волнами, и смотритъ на далекій берегъ родной страны. Цоколь и скала сдѣланы изъ сѣраго вогезскаго гранита, фигура же поэта, также какъ и четыре аллегорическія фигуры (Сатира, Эпопея, Трагедія и Ода), помѣщенные ниже—изъ бронзы. Бронзовые же волны омывають скалу, а въ волнахъ копошится громадный спрутъ, обвившій скалу своими щупальцами. На цоколѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ помѣщены бронзовые барельефы, прославляющіе Гюго какъ поэта, философа, оратора и историка. На скалѣ простая надпись: «Виктору Гюго. 1802—1902».

Церемонія началась исполненіемъ марсельезы и гимна Виктору Гюго, написаннаго Сень-Сансомъ. Потомъ престарѣлый Поль Мерисъ сказалъ рѣчь, вручая памятникъ городу. Ему отвѣчалъ президентъ муниципальнаго совѣта Доссе. Все заканчивается опять Chant du départ, и всѣ расходятся, чтобы пригото-

виться къ последнему вечернему торжеству, спектаклю gala въ Comédie Française. Чешская депутація возложила къ подножію памятника серебряный вѣнокъ. Надо сказать, что кромѣ чеховъ, да греческихъ студентовъ, всѣ другія иностранныя депутаціи блистали своимъ отсутствіемъ. Особенно было обращено вниманіе на отсутствіе русской депутаціи.

Вечеромъ въ Comédie Française давали драматическую трилогію Гюго «Les Burgraves» (Бургграфы). Драма эта не давалась съ 1843 г., когда, не смотря на всѣ старанія поклонниковъ Гюго, она успѣха не имѣла и была снята съ репертуара послѣ 37 представленій. Послѣ возвращенія Гюго изъ изгнанія драму эту пытались возобновить, но натолкнулись на новое препятствіе. Въ драмѣ Гюго императоръ Барбаросса все время мечтаетъ о созданіи «Единой Германіи»; а при тогдашнемъ настроеніи публики послѣ прусской войны, подобныя желанія нельзя было высказывать даже со сцены.

26-го февраля «Бургграфы» шли въ самой блестящей обстановкѣ, при участіи лучшихъ драматическихъ артистовъ, но и тутъ не могли наэлектризовать публику. Пьеса эта слишкомъ ходульная и романтична для сцены; она безусловно выигрываетъ въ чтеніи, когда стусевывается дикость многихъ положеній, и остается сильный энический подъемъ и прекрасные мощные стихи. Во всякомъ случаѣ, теперь «Бургграфы» не могутъ уже возбудить той яростной полемики, которая разгорѣлась изъ-за нихъ въ 1843 году, когда даже критики, признававшіе таланты Гюго, называли его все же «гениемъ-циклопомъ, который видитъ только однимъ глазомъ, да и то помѣщеннымъ посрединѣ лба»; другіе, придираясь къ сценѣ съ фамильными портретами, вспоминали такую же сцену въ «Ернани» и потѣшались надъ «маніей Гюго къ фамильнымъ портретамъ». Самымъ безпристрастнымъ отзывомъ остается милое мнѣніе Альфонса Карра: «Видите ли, Викторъ, писалъ онъ, зачѣмъ вы говорите такія прелестныя вещи людямъ, которые ихъ любятъ и чувствуютъ, зачѣмъ говорите ихъ тамъ, гдѣ другіе люди, съ сердцемъ полнымъ оскорбленій и святотатства, смѣются надъ этимъ. Я читаю это здѣсь, въ тѣни моихъ цвѣтущихъ деревьевъ».

Но однимъ днемъ не окончились празднества въ честь Гюго. На слѣдующій день, 27-го февраля происходило въ Нирро-Паласе оригинальное торжество выбора «народной музы», которая должна была увѣнчать лаврами и цвѣтами бюстъ поэта на площади Вогезовъ, 3-го марта передъ домомъ, гдѣ прежде жилъ Гюго, и гдѣ теперь устраивается музей его имени. Ежегодное избраніе «народной музы» придумалъ и выполняетъ извѣстный композиторъ Густавъ Шарпантье, авторъ оперы

«Луиза», героиней которой именно является бѣдная работница. Коронованіе музы становится большимъ праздникомъ, торжественнымъ днемъ для пролетаріата и низшихъ классовъ. (Между прочимъ тотъ же Шарпантье создалъ *Gœuque de Mini Pinson*, которое доставляетъ ежедневно почти во всѣ театры Парижа даровые билеты для рабочихъ).

Громадный Hippo-Palace былъ съ 8 ч. вечера наполненъ массою народа; во 1) самихъ избирательницъ, затѣмъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ и, наконецъ, студентовъ, вносившихъ не малое оживленіе своими шутливыми замѣчаніями и комментаріями. Избирательницы находились на аренѣ, а за небольшою балюстрадой сидѣли комиссары. Сюда каждая изъ 1000—1500 собравшихся работницъ должна была подходить, давать свое имя, адресъ и означать профессію. Большинство работницъ одѣты очень просто въ черныя накидки и круглыя шляпы. Большинство совѣтъ юныя. Работницы каждой мастерской держатся вмѣстѣ, пропагандируя своихъ кандидатокъ. Одна изъ работницъ проситъ слова и затѣмъ начинаетъ читать рѣчь, явно кѣмъ-то для нея составленную, въ которой сама себя предлагаетъ въ кандидати. Дѣвушка довольно хорошенькая и чрезвычайно элегантная. Ей тотчасъ же отдаютъ предпочтеніе студенты. Но вотъ выступаетъ еще ораторъ, напоминая дамамъ, что теперь, наканунѣ всеобщихъ выборовъ, онѣ должны первыя подать примѣръ дисциплины и честности. Выступаютъ кандидатки, ихъ 45! Каждая получаетъ номеръ, который прикалываетъ себѣ на грудь. Всѣ 45 становятся на столы, чтобы быть у всѣхъ на виду. Затѣмъ всѣ кандидатки дефилируютъ по аренѣ, и выборы начинаются. Когда всѣ билетики упали въ урны, Шарпантье предлагаетъ молодежи потанцевать, пока будутъ разбирать голоса; это вызываетъ взрывъ одобреній, и танцы начинаются. По окончаніи подсчета голосовъ выясняется, что музы избрана кандидатка № 23. Жанна Жираръ, юная типографистка. Это недуренькая, маленькая и худенькая дѣвушка съ большими черными глазами и остренькимъ носикомъ. Одѣта она очень прилично, въ коротенькую жакетку

и кружевное жабо. Тотчасъ же ее окружаютъ, поздравляютъ, фотографируютъ, интервьюируютъ, такъ что бѣдная дѣвушка стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Между тѣмъ, помимо славы, этотъ выборъ приноситъ ей и матеріальную выгоду: знаменитый Пакэнъ дѣлаетъ ей даромъ платье, мебельная фабрика Дюфайель даритъ ей обстановку, ювелиры—драгоценности. По окончаніи выборовъ Шарпантье приглашаетъ музу и ея фрейлины, а также своихъ друзей на пуншъ.

3-го марта на площади Вогезовъ Жанна Жираръ въ бѣломъ платьѣ увѣнчала и осыпала цвѣтами бюстъ поэта, постѣ того, какъ было исполнено музыкальное произведеніе Шарпантье, во славу Гюго. Въ этотъ же день состоялся «банкетъ поэтовъ» въ *Hôtel Continental*. Ихъ было около 200! Нельзя пожаловаться на скудость поэтовъ во Франціи! Здѣсь тоже было много и рѣчей и стиховъ, но также мало было сказано новаго. Всего лучше выразилась какая-то бѣдная старушка утромъ 26-го февраля около Пантеона. Показывая кому-то изъ проходившихъ мимо журналистовъ только-что купленный ею грошовый портретъ Гюго, она сказала съ умиленіемъ: «Не правда ли, онъ похожъ на Господа Бога!» И это было единственное преувеличеніе въ этотъ день, не вызывающее ни протеста, ни даже улыбки, а скорѣе глубокое умиленіе. Кромѣ портретовъ, выбита еще медаль съ изображеніемъ Гюго, сдѣланнымъ Шарпантьемъ по послѣднему портрету поэта. На другой сторонѣ лира, лавровая вѣтвь и надпись: «Воспоминаніе о столѣтіи, 26 февраля 1802—1902». Медаль эта будетъ роздана всѣмъ принимавшимъ официальное участіе въ празднествѣ.

Извѣстный итальянскій писатель Габриэль д'Аннунціо написалъ въ честь Гюго оду, которую самъ и прочелъ въ Капитолѣ. Къ сожалѣнію, ода эта пока имѣется только во французскомъ переводѣ, и потому переводъ ея невозможенъ. Она полна гиперболами и удивительными образами, до которыхъ д'Аннунціо такой охотникъ, и говоритъ сердцу гораздо меньше, чѣмъ безхитроостное восхищеніе старушки: «Онъ похожъ на Господа Бога».

Франція и Россія въ 1870 году.

Очеркъ Генриха Вельшингера.

Графъ Флѣри на основаніи неизданныхъ документовъ, заимствованныхъ изъ бумагъ генерала Флѣри, бывшаго французскаго посланника въ С.-Петербургѣ, даетъ намъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній по вопросу о положеніи Россіи по отношенію къ Франціи во время послѣдней франко-прусской войны.

Вскорѣ послѣ войны много толковали о депешѣ генерала Флѣри отъ 29-го августа 1870 года, адресованной принцу Латуръ Довернь, въ которой генераль будто бы обѣщать Франціи содѣйствіе Россіи. Вотъ дословная передача этой депеши въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ портфель архива министерства иностранныхъ дѣлъ. «Сегодня утромъ, — доноситъ генераль Флѣри, — посланникъ телеграфировать мнѣ: я долго бесѣдовать съ императоромъ Александромъ. Онъ недавно писалъ прусскому королю. Онъ даетъ ему понять, что въ случаѣ, если Франція будетъ окончательно побѣждена, миръ, унижительный для нея, будетъ лишь перемиріемъ, и это перемиріе грозитъ опасностью всѣмъ государствамъ. Король отвѣчать ему: было бы очень трудно заставить Германію отказаться отъ части завоеванныхъ провинцій. Послѣ обмѣна мыслей и энергичнаго протеста съ моей стороны, царь болѣе не настаивать на своемъ мнѣніи. Очевидно, мои рѣчи повлияли на него: и онъ сказалъ съ одушевленіемъ, что раздѣляетъ мое мнѣніе и сумѣетъ, когда настанетъ для того благоприятный моментъ, высказаться гласно въ этомъ смыслѣ, если это окажется нужнымъ. Если я настаиваю на этихъ отѣнкахъ, такъ это лишь для того, чтобы констатировать еще разъ, насколько императоръ Александръ находится подъ вліяніемъ Пруссіи и насколько полезно периодически противодействовать непрерывнымъ усиліямъ графа Бисмарка въ этомъ направленіи».

Эта депеша неоконченная. Это видно теперь, когда графъ Флѣри опубликовать весь ея текстъ. Не хватаетъ въ ней слѣдующихъ словъ: «Резюме нашей бесѣды, полной изліяній и вмѣстѣ съ тѣмъ недоговорокъ, заключается въ томъ, что его величество подтвердитъ доброе расположеніе Россіи къ Франціи, что уже высказывалъ намъ и прежде князь Горчаковъ». Послѣ намека на непрерывное усиліе Бисмарка есть еще 60 строчекъ, которые намъ были неизвѣстны и содержаніе которыхъ я изложу вкратцѣ. Въ нихъ генераль Флѣри констатировать, что «царь, человекъ честный, но слабый и непостоянный». Перейдя къ вопросу о династіи, поднятому самимъ Александромъ, онъ полагалъ, что возможно утверждать, что императоръ Россіи не будетъ поддерживать кандидатуру принца изъ Орлеанскаго дома, но желаетъ такъ же, какъ и самъ Вильгельмъ, чтобы на престолѣ Франціи удержалась императорская династія. Король прусскій опасался устройства республики: «это было бы роковымъ ударомъ для судьбы его будущей имперіи». Царь былъ вполне ознакомленъ съ тѣмъ, что происходило въ Парижѣ: его извѣщали о томъ Тиманевъ, кн. Орловъ и князь Витгенштейнъ. Царя тревожили возбужденіе населенія столицы, смѣлость оппозиціи и слабость большинства. Его также беспокоили сомнѣнія касательно вѣрности и энергіи предводителей войска. Изъ этого Флѣри выводитъ заключеніе, что только при твердомъ правительствѣ можно «сохранить болѣе или менѣе благосклонное и дѣйствительное содѣйствіе Россіи».

Изъ этой депеши было видно, что французскій посланникъ не очень-то надѣялся на вмѣшательство царя. Когда настанетъ на то время, если это окажется необходимымъ Александръ сумѣетъ говорить гласно, но въ душѣ его боролось два чувства: ему

хотѣлось оказать услугу Пруссіи, не обидѣвъ въ то же время Франціи. На самомъ дѣлѣ онъ подавалъ намъ одни надежды. Герцогъ Грамонъ, который передъ легковѣрной комиссіей Законодательнаго Корпуса выставилъ на показъ въ перспективѣ вѣрные и вліятельные союзы, позже, передъ слѣдственной комиссіей, прибѣгалъ къ извиненію, будто бы онъ принужденъ былъ хранить дипломатическое молчаніе, которымъ онъ на самомъ дѣлѣ злоупотреблялъ; или же приводилъ въ оправданіе, что, въ случаѣ бѣды, наилучшія обѣщанія не соблюдаются. А Горчаковъ въ концѣ декабря 1869 года говорилъ генералу Флѣри по поводу того, что царь прислалъ своему дядѣ, королю прусскому, георгіевскій орденъ перваго разряда и по поводу обѣйна телеграммъ между Россіей и Пруссіей, — неприятныхъ для насъ: «Я первый подалъ мысль о заключеніи союза съ Франціей и буду защищать эту политику, пока живъ». Тѣмъ не менѣе, Горчаковъ слѣдовалъ примѣру своего влестителя, т. е. старался не оскорбить Франціи и ласкалъ между тѣмъ Пруссію. Поэтому Флѣри и не скрываетъ своего «инстинктивнаго недоверія» по отношенію къ русскому канцлеру. Однако, онъ тщательно записываетъ все его заявленія.

Однажды въ одной брошюрѣ, надѣлавшей много шуму, именно въ брошюрѣ «Безвыходное политическое положеніе», намечалось на союзъ Россіи съ Франціей. По этому поводу Горчаковъ 23-го марта 1870 года сказалъ Флѣри: «Союзъ» — неправильное выраженіе; дѣло идетъ только о томъ, какъ бы намъ заключить «дружеское соглашеніе», основанное на общихъ интересахъ обѣихъ странъ». Итакъ, слово «соглашеніе» замѣнило слово «союзъ», произнесенное Горчаковымъ въ 1869 г.

Въ іюнѣ 1870 года царь посѣтилъ своего дядю короля Вильгельма въ Эмсѣ; это путешествіе обратило на себя вниманіе Флѣри. Но баронъ Жомини, повѣренный Горчакова, увѣрялъ его, что это шлупривство царя въ Эмсѣ не должно озвучивать его; такъ какъ національное чувство русскихъ высказывается противъ союза съ Германіей.

Между царемъ и прусскимъ королемъ завязались сношенія со времени пражскаго договора. Генераль Мантейфель былъ посланъ въ Петербургъ; онъ весьма искусно выполнилъ свою миссію. Онъ передалъ очень пріятныя увѣренія отъ имени своего двора касательно восточнаго вопроса и заявилъ, что Пруссія не откажется никакой оппозиціи по этому дѣлу. Пересмотръ договора 1856 года носился уже въ воздухѣ. Въ отвѣтъ на эти добрыя рѣчи Россія удостоивала Пруссію, что, въ случаѣ какихъ-либо будущихъ осложненій, Россія будетъ соблюдать благосклонный нейтралитетъ по отношенію

къ Пруссіи. Горчаковъ не упускалъ случая; онъ постоянно разъясняетъ Флѣри, что какъ только дѣло дойдетъ до событій на Востокѣ, французскіе послы или французскіе дипломатические агенты превышали свои полномочія, неправильно понимали намѣренія Наполеона III и подавали повоть къ несогласіямъ или къ недоверію. 6-го іюля 1870 года, когда гогендолтерскій инцидентъ послужилъ первой искрой къ произведенію взрыва, русскій канцлеръ, не стѣсняясь, сказалъ французскому посланнику, что для достиженія искренняго соглашенія Франція должна представить гарантіи своего примирительнаго образа дѣйствій на Востокѣ. Горчаковъ жаловался на то, что Эмиліи Оливье недавно упоминалъ объ униженіи для Россіи договоръ 1855 года, многія статьи котораго уже нарушены какъ державами, подписавшими его, такъ и самой Портой. Сказавъ это, онъ заявилъ, что царь уговаривалъ Берлинъ держаться примирительной политики, при томъ царь выражалъ и сожалѣніе, что Тюльерійскій кабинетъ въ своей нотѣ принялъ слишкомъ грозный тонъ. Все могло бы еще уладиться, но невѣроятныя требованія Грамона испортили все дѣло. Когда извѣстіе о томъ было получено изъ Берлина, царь такъ разнѣвался, что Флѣри опасался, какъ бы не пришлось ему удалиться.

Тогда русское правительство выразило намѣреніе помѣшать намъ и вовлечь въ союзъ съ собою Данію; потомъ оно предупредило насъ, и при томъ, сговорившись предварительно съ Пруссіей, что если Австрія вооружится, то и Россія вооружится; если Австрія нападетъ на Пруссію, то Россія нападетъ на Австрію. Баронъ Жомини высказался очень ясно касательно этого; онъ сказалъ: «если Франція переступитъ эту черту, то непроходимая бездна разверзется между ней и Россіей». Русская нація была настроена въ нашу пользу; но царь, дворъ и министерство были враждебно расположены къ намъ. Герцогъ Грамонъ, разстроенный ходомъ событій, просилъ Флѣри уговорить Россію держаться благосклоннаго нейтралитета по отношенію къ Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалъ ему обѣщать что-либо или брать на себя какія бы то ни было обязательства касательно будущаго.

Итакъ, въ то время какъ Пруссія предоставляла царю свободу дѣйствія на Востокѣ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ ничего не предлагалъ; это пазумляло и огорчало Флѣри, такъ какъ черезъ это ослаблялось его вліяніе.

Впрочемъ, 20-го августа Горчаковъ, бесѣдуя съ нашимъ посланникомъ, утверждалъ, что царь не допуститъ такого посредничества, при которомъ могло случиться, чтобы Франція была унижена, или такое, которое повлекло бы за собою

какое-либо уменьшение ея территории. Однако, не смотря на эти прекрасныя увѣренія, русскій кабинетъ поддерживалъ планы Бисмарка и предоставлялъ Франціи и Пруссіи вести ожесточенную борьбу между собой; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не допускалъ какого бы то ни было вмѣшательства, угрожая Даніи и Австріи, и парализовать вліяніе Европы. Флёрнъ полагалъ, что 4-го сентября лигѣ нейтральныхъ государствъ слѣдовало бы выступить съ предложениемъ о посредничествѣ, потому что позже, изъ опасенія, что ей придется бороться противъ революціи, у нея явится, пожалуй, желаніе присоединиться къ Пруссіи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ Россіи нѣмецкая партія возбуждала царя противъ насъ, напоминая ему о Крымской войнѣ и о ея послѣдствіяхъ, объ агитаціи въ пользу Польши и о покушеніи Березовскаго.

Однако, когда императрица Евгенія просила посредничества, Александръ отвѣчалъ ей: «До сихъ поръ я дѣлалъ и впредь буду дѣлать все, что отъ меня зависитъ, въ видѣ содѣйствія къ достиженію этого результата, заключенія мира, къ которому я стремлюсь отъ всей души». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Горчаковъ говорилъ нашему повѣренному въ дѣлахъ: «Однако, вамъ слѣдуетъ подготовиться къ тому, что отъ насъ потребуются нѣкоторыя жертвы». Тьеръ, миссія котораго въ Европѣ еще памятна всѣмъ намъ, понималъ положеніе дѣлъ, какъ только прибылъ въ С.-Петербургъ. Одно мгновеніе онъ полагалъ, что нейтральныя государства войдутъ въ соглашеніе между собою и заступятся за насъ, и радовался, что такимъ образомъ онъ послужитъ своей родинѣ. Однако, не смотря на благосклонный пріемъ Александра и Горчакова, онъ понималъ, что существуетъ соглашеніе между Россіей и Пруссіей. Тьеръ возвратился въ Парижъ и въ видѣ помощи получилъ лишь возможность вести переговоры. Когда онъ очутился въ Версалѣ лицомъ къ лицу съ Бисмаркомъ, онъ пытался поиграть на той струнѣ, будто онъ ожидаетъ посредничества Россіи; но германскій канцлеръ прервалъ его и сказалъ своимъ секретарямъ: «Принесите мнѣ портфель Россіи». Тьеръ прочелъ письма, заключавшіяся въ этомъ портфелѣ, и не настаивалъ болѣе. Генералъ Флёрнъ полагалъ, что еще возможно будетъ ему поддерживать наши интересы передъ Горчаковымъ и докладывать о своихъ дѣйствіяхъ Наполеону; послѣдній изъ Вильгельмѣе отиѣчалъ ему, что, по его мнѣнію, перемиріе заключить невозможно, но прибавить къ тому нѣсколько строкъ, страннымъ образомъ ослѣпшающихъ, по моему мнѣнію, интриги, происходившія въ Мецѣ: «Базенъ можетъ сыграть эту роль, если нѣкоторыя обстоятельства бу-

дутъ ему благоприятствовать и если ему будутъ давать хорошіе совѣты».

Извѣстно, какую роль сыграть Базенъ, и какова была страшная развязка драмы, разыгравшейся въ Мецѣ. Грустно было видѣть, какую осанку тогда приняла Европа, и какое странное пренебреженіе выказали нѣкоторыя державы по отношенію къ торжественнымъ договорамъ. Италія, которая одно время подавала намъ слабую надежду на ея поддержку, пользовалась теперь нашими бѣдствіями, чтобы безцеремонно освободиться отъ узъ, наложенныхъ на нее сентябрьской конвенціей. Россія съ 18-го ноября заявила объ отменѣ статьи XIV въ освободилась такимъ образомъ отъ этого «теоретическаго принципа, не требующаго немедленнаго примѣненія», какъ она называла эту статью. Извѣстно, что позже произошло на лондонской конференціи. Англія гримасничала, Италія жеманилась, Австрія дулась, Порта улыбалась, Пруссія говорила комплименты, а Россія добилась свободы дѣйствія на Черномъ морѣ. Послѣ заявленій, какія высказывались царемъ и Горчаковымъ генералу Флёрн, Тьеру и маркизу Габріакъ, русскій кабинетъ могъ бы съ октября 1870 года добиться созванія конгресса, который пересмотрѣлъ бы парижскій договоръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы возможность Франціи съ пользою похлопотать за себя передъ державами. Тогда Александръ на депешу императора Вильгельма I, который сообщалъ ему о подписи предварительныхъ условій мира, объ уступкѣ Франціей Эльзаса и германской Лотарингіи и о контрибуціи въ 5 миллиардовъ, не отвѣтилъ бы словами: «Я раздѣляю вашу радость... Я счастливъ тѣмъ, что могъ доказать вамъ свою симпатію, какъ преданный другъ».

Одного слова въ нашу пользу было бы достаточно. Бисмаркъ въ своихъ признаніяхъ заявляетъ это. Онъ одного только и опасался, именно вмѣшательства въ дѣло нейтральныхъ государствъ. Онъ ожидать этого ежеминутно, и эта докучная мысль навѣвала на него бурные сны. Лондонская конференція могла бы быть конгрессомъ. Бисмаркъ придавать ей болѣе скромную роль: онъ устроилъ конференцію. Онъ употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы помѣшать Жюль Фавру присутствовать на ней, и онъ достигъ этого при помощи содѣйствія однихъ и слабости другихъ. Слова Бейста осуществились: «Настанетъ день», говоритъ онъ, «когда передъ судомъ исторіи часть отвѣтственности за это падаетъ на нейтральныя государства, если они равнодушно будутъ взирать на опасность для нихъ самихъ тѣхъ неслыханныхъ бѣдствій, картину которыхъ представили ихъ взорамъ!» Горчаковъ добился отъ Бисмарка уступки, которой онъ могъ достигнуть безъ всякой интриги отъ

собрания уполномоченныхъ всей Европы, и при томъ имѣлъ бы славу оказать Франціи обѣщанныя имъ услуги. Однако, нѣсколько позже русскій канцлеръ проарѣлъ и отказался присоединиться къ послѣднимъ проявленіямъ ярости германскаго канцлера, который порѣшилъ раздавить осмѣлившуюся возродиться Францію. Какъ повелитель его, такъ и онъ самъ, сознали, что Россія совершила промахъ, не вмѣшавшись въ дѣло въ 1870 году и допустить его зайти такъ далеко. Денеша отъ 10-го мая, которою заявлялось Европѣ о сохраненіи мира, не смотря на усилія Бисмарка нарушить миръ, изгладила память о жалкой депешѣ 27-го февраля 1871 года. Она указывала на то, что въпослѣдствіи будетъ заключенъ союзъ Франціи съ Россіей, и дѣйствительно послѣдующія событія и неуклонное стремленіе къ тому обѣихъ націй привели къ благополучному заключенію этого союза и теперь уже прочно утвердили его.

Какъ министръ сталъ богомъ въ Египтѣ.

Г. Масперо.

Въ половинѣ XV столѣтія до Р. Хр., во время царствованія Тутмосиса III, у какого-то писца, незнатнаго рода, жившаго въ городѣ Аерибисѣ, въ дельтѣ, родился сынъ, котораго назвали Аменоее-сомъ. Какими судьбами это дитя, вышедшее изъ темной среды, постепенно достигло самыхъ высокихъ государственныхъ должностей, этого мы не знаемъ. На памятникахъ онъ изображенъ уже старикомъ, пользующимся полнымъ довѣріемъ фараона Аменоееса III. Онъ обладалъ гражданскою и военною властью; выше его стояли лишь фараонъ и члены его дома. Онъ преобразовалъ финансы, разстроенныя безпечностью прежнихъ министровъ; онъ возстановилъ порядокъ въ арміи, увеличилъ флотъ, построилъ нѣсколько храмовъ, наблюдалъ за сооруженіями своего властелина; можетъ быть, онъ-то именно и велѣлъ воздвигнуть въ Фивахъ знаменитые колоссы Мемнона. Онъ такъ расположилъ къ себѣ своего властелина, что послѣдній дозволилъ ему поставить въ святилищѣ Аммона, въ Карнакѣ, свои статуи. Сохранились до нашего времени четыре такихъ статуй, изображающія его въ различныхъ позахъ, и одна изъ нихъ, недавно открытая Легреномъ, представляетъ образцовое произведеніе египетскаго ваянія. Эта статуя изображаетъ его съ лицомъ, обезображеннымъ лѣтами, и подпись на ней указываетъ намъ, какое прекрасное мнѣніе онъ имѣлъ о самомъ себѣ.

«Я пришелъ къ тебѣ, Аммонъ,—говорить онъ,—чтобы молиться тебѣ въ

твоемъ храмѣ, такъ какъ ты властитель всего, что только есть въ поднебесной,—ты богъ людей; всѣ небесныя существа зываютъ къ тебѣ, блестящему богу, и ты слышишь этия призывы, такъ какъ ты—богъ, ни съ чѣмъ несравнимое солнце. Ты даровалъ мнѣ возможность быть изъ числа избранниковъ, поступающихъ по правдѣ; я—праведникъ, такъ какъ не совершаю беззаконій... Я не выгоняю на общественныя работы челоѣка, который живетъ своимъ трудомъ; когда кто-либо является ко мнѣ, я выслушиваю его, я не поддаюсь страстямъ, я не допускаю никакой лжи, при помощи которой возможно было бы отнять имущество у кого-либо. Моя добродѣтель оправдываетъ почести, которыя мнѣ оказываютъ на глазахъ у всѣхъ; ко мнѣ чаще, чѣмъ къ другимъ, обращаются съ просьбой въслѣдствіе того, что я приобрѣлъ громадное состояніе, что и служить свидѣтельствомъ того, что я справедливъ и на старости лѣтъ. Я достигъ 80-ти-лѣтняго возраста, фараонъ благосклоненъ ко мнѣ, и я буду жить до 110 лѣтъ».

Не извѣстно, жилъ ли онъ такъ долго,—вѣроятно, нѣтъ; но потомство стало воздавать ему еще большія почести, нежели тѣ, какія воздавали ему современные фараоны. Въ разныхъ мѣстахъ храма возвышались его статуи, и въ надписяхъ, находившихся на большинствѣ изъ нихъ, восхвалялись его добродѣтели; устные рассказы передавались о немъ. Всѣ обстоательства, вмѣстѣ взятыя, послужили къ тому, что память о немъ сохранилась не только среди жрецовъ и образованныхъ людей, но также и среди черни Оивъ.

Въ тѣ времена магія считалась почтенной наукой; никто не признавался совершеннымъ, если онъ къ своимъ доблестямъ, какъ государственный челоѣкъ или какъ администраторъ, не присоединялъ знанія замѣчательнаго колдуна. Одинъ изъ сыновей Рамзеса II, который былъ регентомъ и правилъ страной со славой цѣлыхъ двадцать лѣтъ, во время второй половины царствованія его отца, былъ бы забытъ почти тотчасъ же послѣ его смерти, если бы онъ не прославился, какъ колдунъ: магикъ Камоисъ спасъ память регента Камоиса, и память о немъ сохранилась до первыхъ вѣковъ Римской имперіи.

Нашъ Аменоеесъ такъ же не подвергся забвенію, благодаря тому, что онъ прославился своими мистическими дарованіями. Оставилъ ли онъ какія-либо сочиненія по магіи? Длинная рукопись по магіи написана на нѣкоторыхъ папирусахъ; переписчики говорятъ, что онъ авторъ этого сочиненія. Для насъ это—чистая галиматья; египтяне находили это сочиненіе очень вліятельнымъ и глубоко уважали предполагаемаго автора его. Не

легко составить такія рѣчи, которыя заставили боговъ подчиниться человѣческой волѣ; а формулы Аменоеса, испытанныя на дѣлѣ, славились тѣмъ, что всегда производили влияние на боговъ. Итакъ, имя Аменоеса попало въ храмовые списки рядомъ съ именами Имфеса, Дидувгора и другихъ прорицателей, которыхъ вдохновлялъ великій Гермесъ.

Аменоесъ сталъ героемъ множества легендъ, распространившихся устно; большинство этихъ легендъ утратилось. Одна легенда сохранилась въ двухъ версияхъ и указываетъ намъ, каковы были и другія легенды.

Манитонъ, народный историкъ, включилъ ее въ свою хронику. Онъ рассказываетъ, что фараонъ Аменоесъ, желая созерцать боговъ лицомъ къ лицу, какъ и его предшественникъ Гаросъ, обратился къ самому знаменитому прорицателю своего времени—Аменоесу, сыну Пааписа. Последний объявилъ ему, что онъ будетъ счастливъ и составитъ счастье Египта, если освободитъ страну отъ нечистыхъ чужеземцевъ, стоявшихъ здѣсь лагеремъ. Фараонъ загналъ этихъ нечистыхъ, числомъ до 80.000, сначала въ каменоломни Тура, потомъ въ развалины Авариса, которыя опустѣли со времени изгнанія пастырей. Такимъ образомъ онъ навлекъ неслыханныя бѣдствія на себя и на свое царство. Прорицатель скрылъ отъ него отчасти волю боговъ: именно то, что несчастные призвать къ себѣ на помощь изгнанныхъ пастырей, и всѣ вмѣстѣ они будутъ занимать Египетъ 13 лѣтъ, послѣ чего будутъ побѣждены фараономъ. Предчувствуя, что осуществленіе этихъ вѣлнй судьбы приближается, прорицатель предупредилъ объ этомъ своего государя письменно и потомъ умертвилъ себя. Все произошло такъ, какъ онъ предсказалъ. Нечистые, соединившись съ пастырями, овладѣли всѣмъ Египтомъ, и фараонъ, нашедшій себѣ убѣжище въ Эіопіи, завоевалъ вновь свое государство лишь черезъ 13 лѣтъ.

Манитонъ присоединилъ этотъ египетскій романъ къ еврейскимъ преданіямъ и связать приключенія Аменоеса, сына Пааписа, съ разсказомъ, заимствованнымъ изъ «Исхода». На греческомъ папирусѣ изъ эпохи Птолемеевъ это пророчество сохранилось въ формѣ, болѣе близкой къ египетскому оригиналу. Тамъ читаемъ, что Аменоесъ былъ горшечникомъ, прославившимся своею мудростью. Однажды, въ минуту пророческаго вдохновенія, онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой предсказывалъ Египту разныя бѣдствія, послѣ чего наступитъ такая эра благоденствія, каковой не было со времени Озириса и Изиды. Это передалъ фараону Аменоесу, онъ пожелалъ услышать эту рѣчь изъ устъ самого прорицателя; последний повторилъ ее въ его присутствіи и паль-

мертвый. Вотъ тѣ данныя, которыя послужили основаніемъ разсказу Манитона; но здѣсь эти данныя еще не связаны съ исторіей евреевъ.

Статуи, воздвигаемыя въ храмахъ въ честь царей или частныхъ лицъ, не признавались египтянами неодушевленными образами, воспроизводящими черты той или другой личности. Они принимали ихъ за живыя тѣла, одаренныя душою, или, по крайней мѣрѣ, двойникомъ души. Въ тотъ моментъ, когда ихъ устанавливали, жрецъ совершалъ богослуженіе, въ силу котораго честица жизни того, кто воздвигалъ ихъ, переходила на нихъ и потомъ уже ихъ не покидала. Онѣ становились пророческими статуями, къ которымъ прибѣгали, чтобы узнать будущее; имъ поклонялись; по значенію своему онѣ подобны были статуямъ боговъ: ихъ личность, если и не становилась богомъ высокаго рода, покидала, однако, ряды людей, чтобы вмѣшаться въ толпу небожителей.

Аменоесъ, сынъ Пааписа, еще при жизни принадлежалъ къ этому разряду высшихъ людей, и онъ хвастается этимъ въ переведенной надписи, какъ преимуществомъ, дарованнымъ лишь ему одному. По мѣрѣ того, какъ протекали вѣка, почести, воздаваемые ему, не только не исчезали, какъ это чаще всего случилось по отношенію къ подобнымъ героямъ, но чрезвычайно усиливались. Не построилъ ли онъ небольшой храмъ въ честь богини Гаторъ, который нынѣ называютъ Деиръ-эль-Медини? Въ Оивахъ Птолемеевъ полагали именно такъ; когда приносили жертвы этой богинѣ и другимъ божествамъ, приносили жертвы и ему. По какимъ причинамъ въ это же время соединили его культъ съ культомъ Фта египтскаго, мы еще не знаемъ; какъ бы то ни было, его культъ перенесли въ храмъ Фта, и онъ тамъ служилъ оракуломъ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ богомъ вполне, и при томъ не меньшимъ изъ всѣхъ тѣхъ боговъ, какимъ поклонялись въ Оивахъ. Какъ Аммонъ, Консу или Меутъ, и онъ имѣетъ два святилища въ своемъ распоряженіи: одно въ Карнакѣ, въ городѣ живыхъ, гдѣ пребывали двойники его души и его живыя статуи; другое—въ Некрополѣ, гдѣ воздавались его божеству погребальныя почести, обыкновенно воздаваемые умершимъ богамъ. Въ первое святилище, лежавшее въ Карнакѣ, ходили выслушивать его предсказания. Жрецы отвѣчали за него, вопросивъ сначала его статуи, и изумленные вѣрныя, при выходѣ изъ храма, непрерывно вырѣзали на наружной недекорированной стѣнѣ какую-либо картину или какую-либо надпись въ честь его, въ знакъ благодарности. Аменоесъ, сынъ Пааписа, имѣетъ своихъ поклонниковъ

такъ же, какъ и Аммонъ, и въ разрушенныхъ Эпвахъ эпохи послѣднихъ Птолемеевъ и первыхъ римскихъ цезарей.

Простой смертный стать богомъ. Это рѣдкое приключеніе даже и для министра. Во всей древней египетской исторіи мы встрѣчаемъ еще лишь двѣ личности, съ которыми, повидимому, произошло то же самое. Примеръ Аменоеса доказываетъ, что египтяне полагали, будто люди могутъ создавать боговъ. Фараоны—дѣло другое; по мнѣнію египтянъ, фараоны вовсе не настоящіе люди; они—воплотившіеся боги, непосредственные потомки Гора, Ра или Аммона; когда они умирали, то не люди становились богами, но, по естественному теченію вещей, фараоны воспринимали опять свое первоначальное божественное естество. Что же касается Аменоеса, сына Паалиса, или какой-либо другой личности, не происшедшей изъ царской крови, то тутъ происходило нѣчто другое. Индивидуумъ, превращавшійся въ божество, былъ настоящий человѣкъ; онъ не былъ потомкомъ какого-либо божества: изъ обыкновенной души приходилось образовать божественную душу, и это превращеніе не легко объяснить. Однако, оно можетъ быть выведено изъ понятій египтянъ касательно человѣка и его потомковъ, съ одной стороны, и касательно боговъ и ихъ свойствъ,—съ другой. Человѣкъ не имѣетъ права на безсмертіе; частица, переживающая смерть его тѣла,—назовемъ ее душою, или двойникомъ ея,—сохраняется, по мнѣнію египтянъ, лишь подъ условіемъ, если ее будутъ постоянно питать и поддерживать. Если поклоненіе потомства поддержитъ ее, то моментъ ея уничтоженія можетъ быть отсроченъ до безконечности. Сами египетскіе боги—лишь высшіе люди: ихъ матерія тоньше, ихъ добродѣтели сильнѣе, ихъ ощущенія живѣе и ихъ существованіе продолжительнѣе, но они подвергаются человѣческимъ немощамъ, болѣзнямъ, старости и смерти. Аммонъ, Ра и Фта умерли; Озирисъ умеръ; но всѣ они возвращены были къ сознательной жизни магическими заговорами пережившихъ ихъ боговъ; если только будутъ приносить имъ обыкновенныя

жертвы, то они будутъ жить изъ вѣка въ вѣкъ.

Итакъ, по природѣ нѣтъ различія между людьми и богами: возможно настолько усовершенствовать элементы человѣческой души, что они станутъ тождественными съ элементами души божества. Египтяне знали, что посредствомъ формулъ и магіи люди могли повелѣвать богами и навязывать имъ волю созданныхъ ими людей. Предполагимъ, что двойникъ одного изъ такихъ колдуновъ перешелъ въ другую жизнь и тамъ сохранилъ обладаніе своей наукою: какъ на землѣ, такъ и въ Гадесѣ онъ принудитъ боговъ повиноваться ему и сумѣетъ, если захочетъ, проявить людямъ свое могущество съ такою властью, что она, по ихъ мнѣнію, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ власти боговъ. Если потомство учредить въ честь его столь обильныя жертвоприношенія, что его существованіе будетъ столь же обезпечено, какъ и существованіе боговъ, то между послѣдними и имъ будетъ одно лишь различіе по происхожденію; такимъ образомъ люди и создавали новаго бога.

Вотъ что случилось съ Аменоесомъ, сыномъ Паалиса. Его магія давала ему превосходство надъ богами, вслѣдствіе чего онъ могъ при ихъ посредничествѣ совершать всѣ тѣ чудеса, которыя не совершались сами. Фараонъ Аменоесъ III, воздвигнувъ въ его честь многочисленныя статуи въ Карнакскомъ храмѣ и учредивъ культъ въ честь ихъ, обезпечить ему средства необходимыя для того, чтобы не уничтожился онъ и послѣ тѣлесной смерти. Потому и могъ онъ проявлять свои дары—пророческій и благотворительный—еще долго послѣ того, какъ исчезъ съ лица земли. Обильныя жертвоприношенія, приносимыя ему народомъ, увеличивали его богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали его могущество и также давали ему все большее и большее число шансовъ на то, чтобы жить вѣчно. Онъ готовился быть богомъ при помощи своей науки и посредствомъ посвященія ему статуй еще при жизни: благочестивое уваженіе къ нему его поклонниковъ постепенно довершило его дѣло, и, наконецъ, онъ сталъ богомъ вполнѣ.

Шекспиръ и Бэконъ.

Знаменитое «дѣло Бэкона противъ Шекспира», подвергшее такой неожиданной и радикальной критикѣ автора гениальныхъ трагедій, служить только лишнимъ доказательствомъ того, какъ трудно истинно-научной критикѣ бороться съ ея фантастической соименницей. Вотъ уже около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые было выражено сомнѣніе въ томъ, что Шекспиръ—дѣйствительный авторъ знаменитыхъ трагедій, и до сихъ поръ еще ученымъ приходится считаться съ послѣдователями этой фантастической теоріи, зародившейся впервые въ больномъ мозгу американки Деліи Бэконъ. Дама это (окончившая свои дни въ сумасшедшемъ домѣ) была безспорно большимъ знатокомъ литературы XVI и XVII в.в., и въ 1856 г. издала свою «Разгаданную философію Шекспировскихъ драмъ», гдѣ доказывала, что авторомъ былъ никто иной, какъ великій Бэконъ Веруламскій. Она увѣряла, что тайна эта содержится въ архивахъ Елизаветинскаго клуба и погребена въ Стратфордѣ, въ могилѣ Шекспира. Эта энергичная дама пыталась даже темной ночью съ фонаремъ въ рукахъ «потревожить прахъ» великаго поэта, но ей, къ счастью, помѣшать подосѣвшій во-время псаломщикъ. Очень возможно, что совпаденіе ея имени съ именемъ великаго англійскаго философа играло не малую роль въ созданіи ея теоріи. Какъ бы то ни было, но брошенный ею камень и до сихъ поръ не перестаетъ давать новые круги, и число бэконіанцевъ (какъ называютъ себя сторонники этой теоріи) если не растетъ, то и не уменьшается. Между прочимъ Гладстонъ считалъ этотъ споръ вполне серьезнымъ, хотя и не становился опредѣленно на ту или другую сторону. Изъ другихъ бэконіанцевъ можно назвать профессора Хольмса (въ Америкѣ), затѣмъ Моргана,

Эдвина Рида и, наконецъ, Игнатіуса Доннелли съ его «Великой криптограммой». Ниже будутъ подробнѣе разобраны наиболѣе серьезные изъ бэконіанскихъ доводовъ, здѣсь же нельзя не остановиться на этой странной страсти нѣкоторыхъ изъ бэконіанцевъ искать въ текстѣ Шекспира какихъ-то криптограммъ и таинныхъ шифровъ. Появившееся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ сочиненіе одной американки теософки миссисъ Галлопъ является самымъ совершеннымъ и законченнымъ произведеніемъ такого рода. Миссисъ Галлопъ обратила особое вниманіе на то мѣсто трактата Бэкона «Объ умноженіи наукъ», гдѣ онъ говоритъ о секретной перепискѣ, и ей пришла блестящая мысль примѣнить описанный имъ методъ къ Шекспировскимъ пьесамъ, написаннымъ, по ея твердому убѣжденію, самимъ же Бэкономъ. Методъ, описанный Бэкономъ, сводится къ слѣдующему: всѣ буквы азбуки изображаются при помощи различныхъ комбинацій двухъ какихъ-либо буквъ, допустимъ *a* и *v*. Такимъ образомъ:

A = a a a a

B = a a a v

V = a a a v a

G = a a a v v

И = a a v a a

И = a a v a a

Ѣ = v a v v a

и т. д. вся азбука. Въ печати же *a* будетъ обозначать любая буква обыкновеннаго шрифта, *v*—любая буква курсива. Тогда наприимѣръ слѣдующимъ образомъ написанная фраза:

возвращайся тихо домой.

будетъ въ переводѣ на указанную азбуку изображена такъ:

aaaa vavva aavv avaaa,

или б ъ и, т. е. смыслъ можетъ быть прямо обратный тому, что написано.

Этимъ-то шифромъ, утверждаетъ миссисъ Галлопъ, пользовался Бэконъ въ своихъ (шекспировскихъ) трагедіяхъ. Основаніемъ для этого утвержденія служить то, что дѣйствительно во многихъ изданіяхъ XVI и XVII в. шрифтъ поражаетъ своей пестротой и неровностью. Вооружившись Бэконовскимъ шифромъ, миссисъ Галлопъ вычитала въ Шекспирѣ самыя удивительныя вещи. Напр. въ оглавленіи перваго изданія она дешифрируетъ слѣдующее: «Королева Елизавета—моя истинная мать, и я законный наслѣдникъ трона. Разберите шифръ моихъ книгъ, и вы узнаете великія тайны; всякая изъ этихъ тайнъ, будучи высказана открыто, повергла бы въ опасность мою жизнь. Бэконъ». Идя далѣе, миссисъ Галлопъ открыла, что Бэконъ былъ авторомъ всѣхъ пьесъ, напечатанныхъ подъ именами Марлоу, Грина, Пила и Шекспира; что во Франціи онъ влюбился въ Маргариту Наваррскую, которая отвѣчала взаимностью и просила у Генриха IV развода; что эта несчастная любовь послужила поводомъ къ темой для «Ромео и Джульетты», и т. д. и т. д. Не говоря уже о всей несообразности этого вымысла, миссисъ Галлопъ, какъ доказалъ одинъ изъ критиковъ, прямо грѣшитъ противъ истины, ибо или приписываетъ совершенно несуществующія въ текстѣ буквы, или произвольно называетъ буквы одного и того же шрифта то а, то в.

Но весь ея вымыселъ не стоить бы ни малѣйшаго упоминанія, если бы по поводу ея книги не разгорѣлась въ Англіи яростная полемика, не поднялся опять «бэконіанскій вопросъ». Въ «Pall Mall Magazine» появилась статья Джорджа Стронэка, снова приводящая уже устарѣлые «бэконіанскіе» доводы. Нѣкоторые изъ нихъ не лишены интереса, какъ типичные аргументы псевдо-научной критики, а нѣкоторые наивны и куріозны до крайности. Напримѣръ, авторъ помѣстилъ почти en regard—портреты Бэкона и Шекспира, точно предлагая читателямъ сравнить эти двѣ головы и сказать, на чьей сторонѣ должно быть предпочтеніе. Между тѣмъ извѣстно, что до насъ не дошло ни одного достовѣрнаго портрета Шекспира. Далѣе приводятся подписи Шекспира и Бэкона, при чемъ авторъ пытается доказать, что Шекспиръ былъ едва-ли грамотенъ, забывая, что дошедшія до насъ подписи сдѣланы Шекспиромъ на его завѣщаніи, и что поэтому врядъ-ли можно удивляться неровности и дрожанію его почерка. Что же касается различнаго написанія—Shakespeare и Shakspeare, то и оно объясняется вовсе не безграмотностью Шекспира, а разницей въ произношеніи лондонскомъ (Shakespeare) и стратфордскомъ (Shakspeare).

Обычное возраженіе бэконіанцевъ, что бѣдный, необразованный актеръ не могъ быть авторомъ пьесъ, гдѣ выражено такое удивительное знаніе законовъ, теологіи, медицины, ботаники, музыки, философіи, искусства и т. п., что имъ долженъ быть быть человекъ универсально образованный, какимъ является Бэконъ—возраженіе это несетъ свое опроверженіе въ самомъ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы авторомъ былъ современный ученый, то вмѣстѣ со своими знаніями онъ бы роковымъ образомъ внесъ въ свои драмы и всѣ современные ему заблужденія науки. Между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ у Шекспира: его описанія такъ свѣжи и непосредственны, такъ очевидно лишены всякаго догматическаго оттѣнка, что ясно, что они взяты прямо изъ опыта, что они—продуктъ личной наблюдательности. Таковы, напримѣръ, всѣ его описанія дѣйствія ядовъ; такова набросанная имъ система кровообращенія, ничего общаго не имѣющая съ современными ему теоріями. Нельзя предположить, чтобы умъ могъ быть столь всеобъемлющимъ и, главное, столь свободнымъ отъ современныхъ ему заблужденій науки; но геній можетъ быть и всеобъемлющимъ и самостоятельнымъ, и гениальная наблюдательность можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ всеобъемлющая ученость. Напримѣръ, Шекспиръ, присматриваясь къ сумасшедшимъ, первый нашель, что ихъ не только не слѣдуетъ содержать на цѣпи (какъ думала тогдашняя медицина, считая ихъ неизлѣчимыми), но слѣдуетъ лѣчить; именно онъ вѣрно подмѣтилъ успокоительное вліяніе музыки (Король Лиръ). Онъ видѣлъ, что между здоровымъ и безумнымъ вовсе ужъ нѣтъ такой разницы, такой рѣзкой грани, какъ считалось въ то время¹⁾.

— Если Шекспиръ не былъ образованъ, то онъ долженъ былъ быть начитанъ, говорятъ бэконіанцы, значитъ, у него была цѣлая бібліотека. Гдѣ же она?

Но, во-первыхъ, въ то время книги еще были такъ сравнительно рѣдки и дороги, что и у дѣйствительныхъ ученыхъ едва-ли могло быть то, что мы теперь называемъ бібліотекой, а во-вторыхъ, самая самостоятельность и самостоятельность взглядовъ Шекспира именно доказываетъ, что

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ, будь Шекспиръ ученымъ, онъ бы не дѣлалъ тѣхъ странныхъ ошибокъ, которыя у него иногда можно замѣтить: напримѣръ, его помѣщеніе Богеміи на берегу моря (въ Зимней сказкѣ). Точно также, предполагать, что авторъ трагедій много долженъ былъ путешествовать, чтобы давать такія свѣжія описанія Италіи, Венеціи и т. п., вовсе не необходимо, какъ это считаютъ бэконіанцы. Богатая фантазія и геній могутъ съ успѣхомъ замѣнить въ этомъ отношеніи личный опытъ.

онъ черпалъ ихъ не изъ книгъ. Будь онъ ученымъ, онъ не былъ бы, вѣроятно, Шекспиромъ!

То, что Шекспиръ никогда не выражалъ своихъ авторскихъ правъ и притязаній, служить для бэконіанцевъ также доказательствомъ того, что онъ и не былъ авторомъ. Но въ то время никакихъ авторскихъ правъ, конечно, не было, и вся доходность пьесы исчерпывалась для Шекспира ея первымъ представленіемъ; вотъ почему онъ въ своемъ завѣщаніи и не упоминаетъ ни словомъ о своихъ ненапечатанныхъ пьесахъ. Предположеніе же, что издатели пользовались его именемъ, чтобы пьеса имѣла болѣйшій успѣхъ, не выдерживаетъ критики, ибо, во-первыхъ, Шекспиръ, значитъ, уже пользовался извѣстностью, какъ драматургъ, если его имя давало успѣхъ драматъ, а во-вторыхъ, почему бы издателямъ было не взять сразу имя Бэкона, если ужъ дѣло шло о громкомъ имени. Что же касается того, что, по свидѣтельству Бенъ Джонсона, Шекспиръ никогда не дѣлалъ помарокъ въ своихъ рукописяхъ, то этому едва-ли можно удивляться; если признать, что всѣ колоссальныя познанія Шекспира восприняты и усвоены имъ лишь силой его гения, то нельзя удивляться тому, что онъ писалъ, какъ бы импровизируя, и что ему не приходилось, да и не хотѣлось исправлять разъ имъ написанное; наконецъ, ему прямо не хватало на это времени, принимая въ соображеніе громадное количество его произведеній, и постоянную потребность въ деньгахъ, еще сильнѣе его подгонявшую. Во всякомъ случаѣ отсутствіе помарокъ вовсе не доказываетъ, что Шекспиръ только копировалъ рукописи Бэкона, какъ хотятъ доказывать бэконіанцы. Точно также считать Бэкона авторомъ потому, что выказанное въ драмахъ знакомство съ языками было немислимо для Шекспира—есть большая натяжка. Шекспиръ, даже по свидѣтельству своего литературнаго врага Бенъ Джонсона, зналъ латынь; греческаго же онъ могъ и не знать, а цитировать Плутарха по англійскому переводу, который былъ сдѣланъ въ это время. Французскій языкъ онъ зналъ несомнѣнно, а италіанскій и испанскій съ большою вѣроятностью, ибо первый языкъ былъ въ модѣ при дворѣ Елизаветы, а второй—при ея предшественницѣ Маріи католичкѣ. Шекспиръ же, вопреки утвержденіямъ бэконіанцевъ, постоянно имѣлъ отношеніе ко двору. Сама Елизавета приходила къ нему на сцену; она же заказала ему «Виндзорскихъ кумушекъ», заинтересовавшись типомъ Фальстафа въ «Генрихѣ IV». Наконецъ, Шекспиръ былъ главнымъ актеромъ въ королевской труппѣ; въ дошедшихъ до насъ спискахъ имя его стоитъ всегда на первыхъ мѣстахъ. Все это давало ему возможность близко ви-

дѣть придворную жизнь и вѣрно изображать ее. Для этого вовсе не нужно было, чтобы авторъ самъ принадлежалъ къ аристократіи, какъ хотятъ увѣрить бэконіанцы. Вѣдь Корнель и Расинъ не должны были быть людьми царской крови, чтобы изображать страданія своихъ принцессъ и царей. Еще неудачнѣе приѣмъ бэконіанцевъ, когда они хотятъ доказать, что Бэконъ былъ поэтъ. Не говоря уже о слабости его литературныхъ опытовъ, противъ Бэкона говоритъ его собственное пониманіе поэзіи. «Бэконъ», говоритъ Куно Фишеръ, «касается драматической поэзіи лишь однимъ общимъ и поверхностнымъ замѣчаніемъ, которое относится не столько къ ней самой, сколько къ театру и его пользѣ; а что до его собственнаго вѣка, то Бэконъ говоритъ о нравственномъ достоинствѣ театра съ большимъ пренебреженіемъ». Лирическую поэзію Бэконъ относилъ къ риторикѣ, а аллегорическую поэзію принимаетъ за высшую степень поэтическаго. Послѣ такого заявленія врядъ-ли возможно заподозрить его въ скрытомъ поэтическомъ гении. Тотъ «тайный трудъ», о которомъ говоритъ Бэконъ въ письмѣ къ Эссексу, и который бэконіанцы считаютъ именно писаніемъ драмъ, всего проще и естественнѣе долженъ быть объясненъ философскими трудами Бэкона, которыми онъ основательно разсчитывалъ приобрести больше славы и почета, чѣмъ своими адвокатскими занятіями.

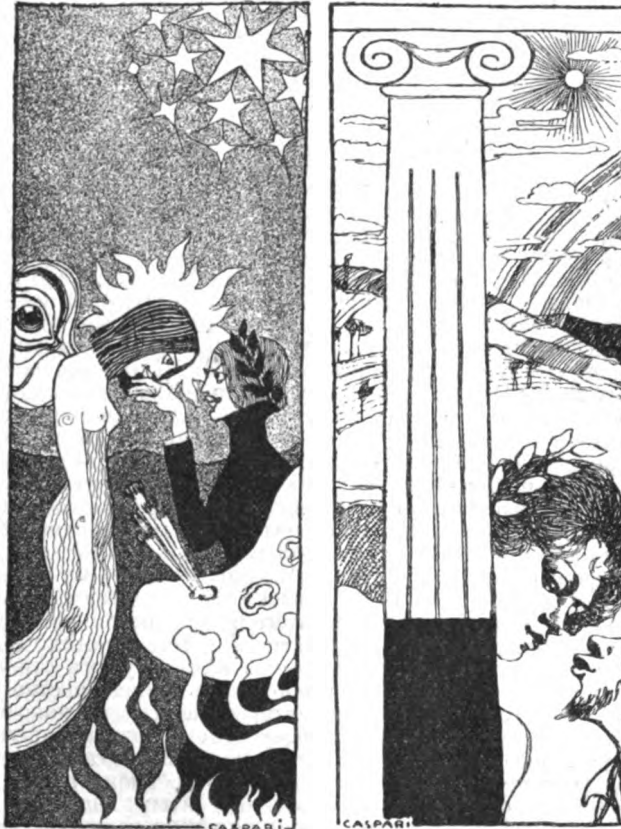
Но всего оригинальнѣе то, какъ просто справляются бэконіанцы съ такимъ, повидимому, неопровержимымъ аргументомъ, какъ показанія современниковъ. «Всѣ четыре свидѣтельства, отождествляющія актера съ авторомъ драмъ», говорятъ они, «исходятъ отъ людей, заинтересованныхъ въ изданіи перваго тома». Совершенно непонятно, однако, почему этимъ людямъ, несомнѣнно знавшимъ лично Шекспира, было выгодно сохранять и послѣ его смерти его тайну. Если не Шекспиръ былъ авторомъ, то почему же Бенъ Джонсонъ, его литературный врагъ, не только не постѣжился объ этомъ заявить, но даже приложилъ къ первому изданію драмъ Шекспира хвалебную оду? А ужъ кто, какъ не Бенъ Джонсонъ могъ лично знать Шекспира, вѣдь Шекспиръ былъ его близкимъ пріятелемъ и даже крестить его дочь. Неужели Бенъ Джонсонъ, который такъ тщательно выставлялъ на видъ то, что Шекспиръ едва знаетъ латынь и вовсе не знаетъ греческаго, могъ бы упустить случай окончательно развѣнчать своего литературнаго врага? Вообще это полное игнорированіе свидѣтельствъ очевидцевъ напоминаетъ ту анекдотическую попытку, которая была кѣмъ-то предпринята, чтобы доказать, что Наполеона не было, что это—народный мифъ.

Остается указать на послѣднее доказательство бэконіанцевъ, а именно на то,

что Бэконъ долженъ былъ скрывать свое авторство, ибо тогда считалось позорнымъ писать на потѣху черни; при этомъ ссылаются на Вальтеръ-Скотта, который тоже вначалѣ скрываетъ свое авторство, боясь, что это повредитъ его чиновной карьерѣ. Но сравненіе (да еще такое поверхностное) не есть доказательство, да вдобавокъ сами факты противорѣчаютъ такому утвержденью, ибо какъ разъ при Елизаветѣ была написана первая классическая трагедія «Gorboduc» лордами Нортонъ и Сэквилемъ, при чемъ этотъ послѣдній былъ даже кузеномъ королевы. И оба автора пользовались громаднымъ успѣхомъ, нисколько не считая этого оскорбительнымъ или унижительнымъ для своего пэрскаго достоинства.

Таковы, въ самыхъ краткихъ чертахъ, основные факты «бэконіанской» теоріи. Не говоря уже о массѣ очевидныхъ натяжекъ и ошибокъ, на которыхъ она построена, теорія эта невѣрна въ самой своей исходной точкѣ. Она ставитъ своей цѣлью доказать, что Бэконъ былъ авторомъ трагедій, не доказавъ предварительно, что Шекспиръ не могъ быть ихъ авторомъ. А между тѣмъ это самое существенное. Если нельзя установить, что Шекспиръ дѣйствительно не писалъ и не могъ написать своихъ трагедій, то смѣшно и «дѣлать его ризы», приписывая его гениальныя произведенія кому-либо изъ болѣе «достойныхъ» писателей.

Е. Студенская.

Символиста. ПОЦѢЛУЙ МУЗЫ Идеалиста.

Венгерское искусство и Филиппъ Ласло (László Fülöp).

Если венгерское искусство и венгерскіе художники вообще еще мало извѣстны въ другихъ странахъ и не оцѣнены до сихъ поръ по достоинству, то въ этомъ виноваты двѣ причины. Первая изъ нихъ та, что венгерское искусство существуетъ сравнительно очень недавно, это чуть ли не самая молодая школа. Правда, въ концѣ XVIII вѣка въ исторіи искусствъ упоминается двухъ выдающихся живописцевъ, родомъ венгерцевъ—Іоаннъ Купецки и Адамъ Мануоки, но оба они учились, жили и работали внѣ своей родины. Купецки умеръ въ Нюрнбергѣ, проживъ до этого болѣе двадцати лѣтъ въ Римѣ, а Мануоки былъ придворнымъ живописцемъ Августа III Саксонскаго и провелъ всю свою жизнь при его дворѣ въ Дрезденѣ. Еще въ началѣ XIX вѣка собственно въ самой Венгріи не было художниковъ, потому что единственные три живописца, заслуживающіе того, чтобы о нихъ говорили, какъ о художникахъ, опять-таки жили и работали въ чужихъ странахъ; одинъ изъ нихъ Кароме Марко, очень хорошій пейзажистъ, былъ профессоромъ и почетнымъ членомъ академіи во Флоренціи, гдѣ провелъ большую часть своей жизни и умеръ въ 1860 году. И въ то время въ Венгріи не было ни художественныхъ школъ, ни художественныхъ обществъ, ни даже галлерей. Только въ 1836 году было положено начало той галлерей, которая теперь называется Национальнымъ музеемъ. Ла-

дисласъ Паркеръ, архіепископъ города Эгера, умирая, завѣщалъ странѣ свою маленькую коллекцію картинъ числомъ около ста девяносто, и это послужило основаніемъ музея. Первая же художественная школа въ Венгріи была основана въ 1845 году итальянскимъ художникомъ Марастони, и эта школа создала венгерское національное искусство. Разныя политическія и социальныя причины долгое время препятствовали его развитію, но съ тѣхъ поръ какъ страна получила извѣстную политическую самостоятельность, искусство стало развиваться и идти впередъ быстрыми шагами. Вторую причину слѣдуетъ искать въ географическомъ положеніи Венгріи: эта страна очень удалена отъ художественныхъ центровъ, чѣмъ и объясняется рѣдкое появленіе произведеній венгерскихъ художниковъ на выставкахъ другихъ странъ, а съ тѣхъ поръ какъ правительство и страна стали интересоваться и покровительствовать искусству и поддерживать художниковъ, эти послѣдніе почти перестали посѣщать Вѣнскую и Мюнхенскую академіи. Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Мюнхенѣ была еще большая колонія молодыхъ венгерскихъ художниковъ, работавшихъ въ мастерскихъ профессоровъ Бенцура, Лиценмейера и Вагнера. Бенцуръ былъ вскорѣ приглашенъ въ Будапештъ занять мѣсто директора только-что преобразовавшейся академіи художествъ, и можно сказать

почти навѣрно, что нѣтъ никакого венгерскаго художника, который бы не учился у одного изъ этихъ трехъ профессоровъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовался большимъ успѣхомъ, особенн въ Парижѣ, венгерецъ Мункаччи, выставившій ежегодно въ Салонѣ свои картины. Одна изъ нихъ очень своеобразная по компоновкѣ и типамъ «Христосъ передъ Пилатомъ» надѣлала много шуму и вызвала довольно ожесточенную полемику между художественными критиками именно своей необычайной еще въ то время

На иностранныхъ выставкахъ, гдѣ среди подавляющей массы картинъ художниковъ другихъ странъ появляются и нѣсколько произведеній венгерскихъ художниковъ, весьма трудно не только изучить, но даже составить себѣ понятіе о венгерскомъ искусствѣ, не говоря уже о томъ, что все лучшее и болѣе характерное остается въ странѣ, такъ какъ правительство старается такими пріобрѣтеніями пополнить все еще бѣдные художественные галереи и музеи страны. Даже послѣдняя всемірная Парижская вы-

Папа Левъ XIII. (Рисунокъ Ласло).

компоновкой. Мункаччи составилъ нѣсколько очень интересныхъ, какъ по сюжету, такъ и по своеобразному колориту, картинъ и стипендію, выдаваемую въ извѣстные промежутки времени за лучшую картину (по опредѣленію жюри) молодому венгерскому художнику. Эта стипендія въ размѣрѣ десяти тысячъ марокъ, раздѣленная на два года, позволяетъ получившему ее посѣтить художественные центры и поработать подъ руководствомъ знаменитыхъ иностранныхъ мастеровъ.

ставка, гдѣ венгерскому искусству было отведено отдѣльное самостоятельное мѣсто, дала только смутное понятіе о немъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ страна стала поддерживать и заботиться о національномъ искусствѣ и поощрять художниковъ, установился обычай посылать за границу для усовершенствованія учениковъ, успѣшно оканчивающихъ Будапештскую академію. Это обычай, который слѣдовало бы ввести во всѣхъ странахъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, такъ какъ ничто такъ не развиваетъ или, вѣрнѣе,

не даетъ созрѣвать молодому таланту, какъ возможность посматрѣть, какъ работаютъ другіе, и познакомиться съ оригинальными произведениями старыхъ мастеровъ.

Одинъ изъ немногихъ венгерскихъ художниковъ, имя котораго пользуется европейской извѣстностью, Филиппъ Ласло. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ на всѣхъ большихъ европейскихъ выставкахъ являются произведенія этого молодого живописца, одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ портретистовъ. Онъ достигъ извѣстности и славы въ такіе годы, когда большинство художниковъ обыкновенно еще работаютъ въ школахъ подъ руководствомъ профессоровъ и не проявляютъ ни своей индивидуальности, ни самостоятельнаго таланта. Ему пришлось съ дѣтскихъ лѣтъ зарабатывать хлѣбъ и бороться противъ воли родителей, не желавшихъ, какъ они говорили, чтобы ихъ сынъ избралъ такую «безхлѣбную» профессію. Ласло родился въ 1865 году въ Будапештѣ, ему такимъ образомъ только тридцать семь лѣтъ, а между тѣмъ какая плодотворная и славная художественная дѣятельность лежитъ уже позади него. Родители помѣстили его сначала въ ремесленную школу, считая, что ремесло лучше прокормитъ, чѣмъ искусство, но учителя обратили вниманіе на выдающіяся способности мальчика и выхлопотали стипендію, позволившую ему поступить уже въ рисовальную школу. Но стипендія была такъ мала, что ему пришлось рисовать на фарфорѣ, ретушировать, раскрашивать фотографіи и расписывать театральныя кулисы, чтобы существовать. Затѣмъ онъ перешелъ въ лучшую художественную школу (Lotzschule), тамъ ежегодно получалъ онъ всѣ высшія награды и преміи и выделялся среди товарищей неутомимой энергіей и быстрыми успѣхами. Въ 1888 году получить онъ казенную стипендію, позволившую ему оставить всѣ подобныя работы и отправиться въ Мюнхенскую академію художествъ, гдѣ онъ и поступилъ въ мастерскую профессора Лиценмейера. Проработавъ тамъ около двухъ лѣтъ, онъ перебрался въ Парижъ, о которомъ онъ уже давно мечталъ, и работалъ тамъ нѣсколько лѣтъ у Бенжамена Констанъ и главнымъ образомъ у Лефебра. Лѣто обыкновенно проводилъ онъ на родинѣ, исполняя тамъ много заказныхъ портретовъ, что позволяло ему запасаться средствами для дальнѣйшаго пребыванія за границей. Первая выставленная имъ въ Мюнхенѣ картина «Королевская пивная» отличалась замѣчательно хорошо подобранными интересными и характерными мюнхенскими типами. Сильное вліяніе его профессора Лиценмейера сказывалось въ ней, какъ въ technikѣ, такъ и въ манерѣ, съ какой написана эта картина. и

казалось, ничто не предвѣщало тотъ индивидуальный и выдающійся талантъ, который онъ затѣмъ выказалъ въ своихъ портретахъ. То же вліяніе профессора чувствовалось и въ нѣсколькихъ жанровыхъ картинкахъ изъ венгерской сельской жизни очень пріятныхъ по колориту, но слабыхъ по рисунку и моделировкѣ и сантиментальныхъ по трактовкѣ. За выставленную имъ въ 1893 году «Старуху рассказывающую сказки» ему была присуждена первая премія общества «Друзей искусства». Затѣмъ послѣдовали цѣлая серия «Гонимовъ» (венгерскіе солдаты) и нѣсколько театральныхъ «Incroyables», но все же въ этихъ произведеніяхъ виденъ уже огромный шагъ впередъ, какъ въ колоритѣ, такъ и въ болѣе самостоятельной technikѣ.

Первый его портретъ «Профессоръ Лиценмейеръ» появился на Мюнхенской выставкѣ въ 1892 году; въ томъ же году написанъ имъ второй портретъ венгерскаго министра юстиціи. Оба эти портрета сразу обнаружили такое знаніе человѣческаго лица, такую наблюдательность и безукоризненную моделировку, что не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Ласло, такъ сказать, рожденъ портретистомъ. По странной случайности публика, восторгавшаяся и раскупавшая слававыя жанровыя картинки этого художника, не оцѣнила его сначала какъ портретиста; только выставленный затѣмъ портретъ болгарскаго митрополита Григорія, написанный по заказу болгарскаго князя, заставилъ и публику признать (какъ то было уже сдѣлано художниками) въ немъ изъ ряда вонъ выходящаго портретиста. Дѣйствительно, въ этомъ произведеніи много данныхъ для того, чтобы признать его автора выдающимся портретистомъ—интересная концепція, прекрасный гармоничный колоритъ, вѣрный рисунокъ, жизненное выраженіе и безукоризненная техника. Получивъ отъ венгерскаго правительства заказъ сдѣлать копию съ портрета князя Ракоччи, написаннаго упомянутымъ выше придворнымъ живописцемъ Мануоки, Ласло ѣдетъ въ Дрезденъ, исполняетъ первую и послѣднюю копию въ своей жизни. Его пребываніе при саксонскомъ дворѣ доставило ему много заказовъ. Затѣмъ начинается блестящій рядъ быстролѣтующихъ одинъ за другимъ портретовъ царствующихъ лицъ, знаменитостей и просто интересныхъ лицъ. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть о портретѣ графини Майлатъ, доставившемъ ему большую золотую медаль, о прелестныхъ дѣтскихъ портретахъ Даніэли и Сабини и въ особенности о замѣчательныхъ портретахъ канцлера князя Гогенлоэ, папы Льва XIII, кардинала Рамполи и самаго популярнаго вождя во время венгерской войны за независимость генерала Гергея.

Портреты Ласло рѣзко отличаются отъ безчисленныхъ и обыкновенныхъ из-

Женскій портретъ. Ласло.

ображений знаменитостей, которые бы-
ло бы вѣрнѣе всего назвать «картин-
ками для нагляднаго обученія и по-
пуляризациі извѣстныхъ лицъ». Прежде
всего въ портретахъ этого художника
нѣтъ ни позировки, ни принужденія,
на замученности. Всѣ люди, проходящіе
передъ глазами зрителей въ обширной
портретной галлерей Ласло, изображены
«сами собой», а не какъ обыкновенно въ
вычурныхъ, неестественныхъ и болѣе или
менѣе натянутыхъ позахъ и съ тѣмъ вы-
раженіемъ *de circonstance*, которое такъ
часто убиваетъ всѣ художественныя до-
стоинства большинства заказныхъ пор-
третовъ. Нѣтъ, портреты Ласло кажутся
такими же живыми, какъ и оригиналы,
съ которыхъ они написаны; онъ дости-
гаетъ этого тѣмъ, что не перестаетъ раз-
говаривать со своими моделями, наблю-
дать за ними, ищетъ и схватываетъ тотъ
поворотъ, то выраженіе, которое бы пере-
давало внутренняго человѣка, а не одну
только ихъ наружность, и пишетъ ихъ
именно въ такіе моменты, когда они,
увлеченные разговоромъ, забываютъ, что
сидятъ передъ художникомъ, что черты
ихъ увѣковѣчиваются и что по принятому
обычаю слѣдуетъ придать этимъ чертамъ
болѣе выгодное для нихъ выраженіе, а
не обычное, натуральное. И манера рабо-
тать Ласло даетъ прекрасные результаты,
подъ влияніемъ интересныхъ разговоровъ
глаза позирующихъ оживляются, ротъ
становится выразительнымъ и приобрета-
етъ особенную мягкость. Главное стрем-
леніе этого художника передать реально
жизненное выраженіе глазъ и рта, и это
ему замѣчательно удается: глаза его пор-
третовъ не нарисованы только или на-
писаны, а дѣйствительно смотрятъ, жи-
вуть; они глубокие, влажные, блестящіе,
въ нихъ какъ бы отражается умъ и душа
позирующаго человѣка, ротъ обыкновен-
но такъ прекрасно моделированъ, такъ
реально написанъ, что, кажется, вотъ сей-
часъ губы откроются, заговорятъ, и въ
этомъ-то заключается главная прелесть,
главное достоинство портретовъ Ласло,
умѣющаго придать даже самому нерас-
полагающему къ себѣ лицу, самому за-
урядному такое характерное выраженіе,
которое невольно притягиваетъ и приковы-
ваетъ вниманіе зрителя. Въ каждомъ
человѣческомъ лицѣ, какое бы оно ни
было некрасивое и обыденное, есть какая-
нибудь черта, какое-нибудь выраженіе,
могущія придать этому лицу красоту, какъ
бы одухотворить его, и одна изъ труд-
нѣйшихъ задачъ портретиста умѣть под-
мѣнить, найти эту черту, это выраженіе,
а Ласло обладаетъ этимъ даромъ въ са-
мой высокой степени. И этотъ-то даръ глав-
нымъ образомъ способствуетъ тому, что,
не смотря на огромное число написанныхъ
имъ портретовъ, въ нихъ не видно ни
однообразной манеры, ни однообразныхъ

пріемовъ, они никогда не шаблонны, не
ремесленны. Этотъ даръ дѣлаетъ то, что
работы Ласло такъ рѣзко отличаются
отъ работъ другихъ портретистовъ. Сто-
итъ только посмотреть на портретъ папы
Льва XIII. Какъ много художниковъ, на-
чиная съ англичанина Шэртрена и кон-
чая Бенжаменъ Констанъ, писали папу и
всегда изображали его, какъ главу римско-
католической церкви, гордаго и властнаго,
какъ честолюбиваго намѣстника Петра
почетнымъ, важнымъ лицомъ, обличаю-
щимъ въ каждой чертѣ, въ каждомъ дви-
женіи глубокое сознаніе своего высокаго
сана. Ласло же, наоборотъ, взглянуть на
папу, какъ на человѣка, на стараго чело-
вѣка, добраго, мягкаго, привѣтливаго, но
дряхлаго и немощнаго, какимъ онъ дѣй-
ствительно выглядылъ, когда, вернувшись
послѣ длинной утомительной церковной
службы въ свои частныя апартаменты въ
Ватиканѣ, позировать художнику. И Ласло
сумѣлъ подмѣтить и выразить ту при-
влекательную добрую улыбку, которая
придаетъ какъ-бы красоту этому блѣд-
ному, почти восковому лицу. Папа Ласло
не «бѣлый фантомъ», о которомъ говоритъ
Зола въ своемъ «Римѣ», не хитрый и
честолюбивый узникъ, какимъ его вы-
ставляютъ свободомыслящіе итальянскія
газеты, а просто старый добрый священ-
никъ, которому судьба вручила верховную
власть. Все вокругъ него и въ немъ самое
блѣдно, сѣро, его блѣдное лицо, безкров-
ныя губы, его нервныя, восковыя руки—все
кромѣ глазъ. Эти глаза живутъ, горятъ,
полны одушевленія и представляютъ та-
кой контрастъ съ мертвенностью всего
окружающаго. Портретъ кардинала Рам-
поли замѣчательенъ по блестящей техни-
кѣ исполненія, но еще болѣе замѣчатель-
енъ по сходству и по вѣрной передачѣ харак-
тера оригинала. Какъ все въ этомъ лицѣ
изящно, пріятно, благовоспитанно и благо-
склонно, все кромѣ слегка прищуреннаго
лѣваго глаза, кромѣ едва замѣтной хит-
рой улыбки на тонкихъ губахъ этого ди-
пломата въ одеждѣ священника.

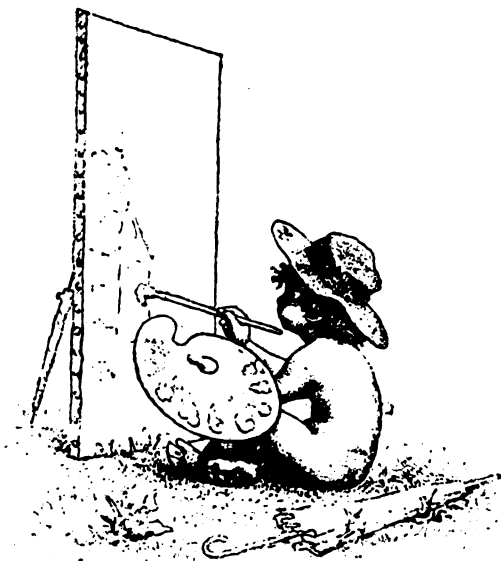
До сихъ поръ самымъ лучшимъ произве-
деніемъ Ласло, такъ сказать, его шедевромъ
считается портретъ канцлера князя Гоген-
лозъ; вотъ что о немъ говоритъ одинъ изъ
извѣстнѣйшихъ французскихъ критиковъ
Дежарденъ (*Desjardins*), разбирая париж-
скій Салонъ: «А теперь слѣдуетъ отвѣсти
особое мѣсто произведенію великаго ма-
стера. Я говорю о портретѣ германскаго
канцлера, написанномъ Ф. Ласло, очень
еще молодымъ венгерскимъ художникомъ.
Это не заказной, торжественный, ниче-
го не говорящій портретъ, это глубоко про-
чувственное, продуманное произведеніе,
въ которомъ видна душа человѣка. Вотъ
дѣйствительно прекрасная живопись, да,
вотъ великое произведеніе искусства».

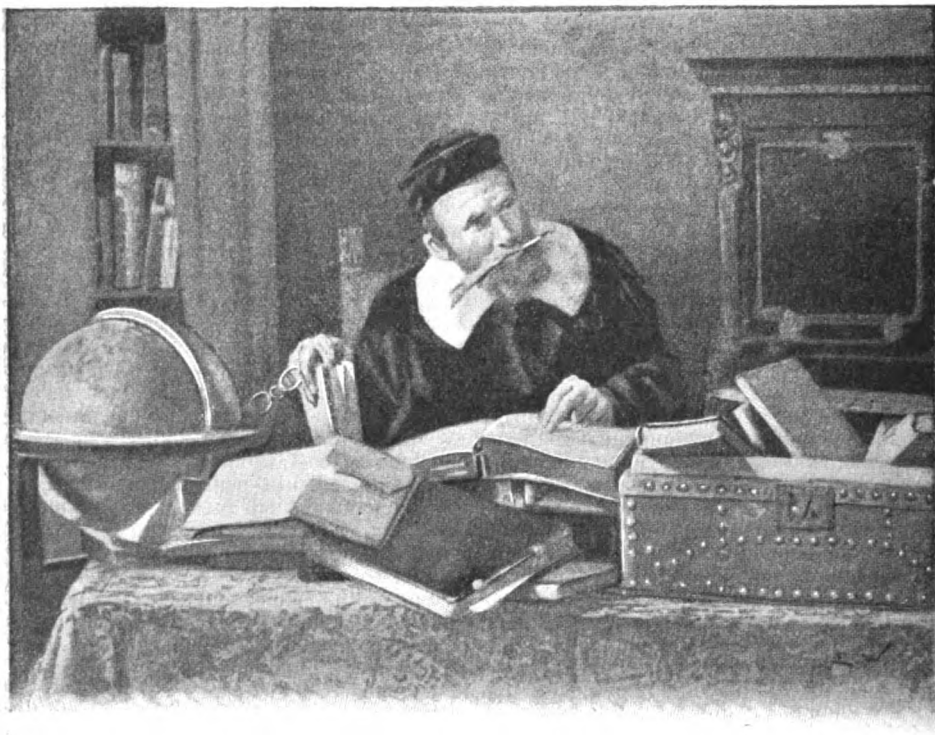
Женскіе портреты Ласло прелестны, въ
нихъ такъ много мягкости, нѣжности,

именно женственности, и рѣдко кому удавалось передать такъ хорошо и правдиво дѣтскія личики и такъ понять дѣтскую душу. Въ этихъ портретахъ такъ же, какъ и въ женскихъ, чувствуется какъ-бы легкое вліяніе одного изъ величайшихъ портретистовъ Англіи Рейнольдса.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ одной характерной особенностяхъ портретовъ Ласло: это та блестящая манера и техника, съ которой онъ трактуетъ руки, и руки его не менѣе живы и характерны, чѣмъ его лица. Всѣ награды, всѣ отличія, начиная отъ *medaille d'honneur* и кончая всѣмъ извѣстными буквами Н. С. (*hors concours*), получены имъ не только на родинѣ, но и на выставкахъ всѣхъ странъ. Его техника и рисункъ, въ началѣ нѣсколько мягкіе и слабые, теперь усовершенствовались; онъ усвоилъ себѣ простую и широкую манеру, прекрасно понимаетъ и чувствуетъ, гдѣ и что слѣдуетъ усилить, подчеркнуть и чѣмъ пожертвовать, пренебречь. Онъ никогда и ни для чего рѣшительно не прибѣгаетъ къ помощи фотографіи. Иногда прежде, чѣмъ начать писать портретъ, онъ набрасываетъ небольшой эскизъ позирующей модели, вотъ и все. Принимаясь за работу, онъ прежде всего рисуетъ лицо и фигуру, а затѣмъ уже красками моделируетъ, выра-

батываетъ формы, ищетъ и добивается сходства и выраженія. Его, собственно говоря, нельзя назвать новымъ современнымъ художникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова примѣняются теперь къ большинству художниковъ, потому что онъ ни импрессионистъ, ни символистъ, ни пуантелистъ; онъ не принадлежитъ ни къ какому опредѣленному классу, группѣ или направленію; это просто свободный отъ всякихъ рутинныхъ пріемовъ художникъ, очень индивидуальный, обладающій характерной, ему только присущей манерой, съ которой онъ и передаетъ натуру такъ, какъ онъ ее видитъ. По его мнѣнію, выраженному въ его собственноручномъ письмѣ къ автору этихъ строкъ, его самая удачная работа, самая серіозная и самая художественная — портретъ жены и дѣтей графа Капписта, русскаго посланника при австро-венгерскомъ дворѣ, недавно оконченный имъ и предназначенный для Вѣнской выставки нынѣшняго года, «а критика и публика, прибавляетъ онъ, признаютъ почему-то самыми удачными моими работами дѣтскій портретъ «Даніэля» и портреты князя Гогенлоз, наследной принцессы гогенцоллернской, митрополита Григорія, папы и кардинала Рамполи».

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Чудеса современной техники.

(Мостостроение за последнее пятилетие).

Съ каждымъ годомъ различныя отрасли техники дѣлають такіе неожиданныя шаги впередъ, что трудно предвидѣть предѣлы этого прогресса. Если бы въ началѣ XIX столѣтія пришлось разсказать о тѣхъ грандіозныхъ сооруженіяхъ, которыя будутъ воздвигаться изъ камня и металла черезъ 100 лѣтъ, въ началѣ XX вѣка, то едва-ли кто-нибудь повѣрилъ бы этимъ разсказамъ.

За послѣдніе годы своеобразная жизнь Америки съ ея чрезвычайно быстро прогрессирующею торговлею и промышленностію все больше и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе Европы. Теперь уже прошло то время, когда американцы ѣздили на материкъ Стараго Свѣта чему-нибудь учиться; напротивъ, теперь уже отцы Европы ѣздятъ посмотрѣть, какъ примѣнили у себя предпримчивые сыновья Новаго Свѣта ихъ открытія и изобрѣтенія.

Особенно пропагандируется въ Америкѣ знаменитый тезисъ «время деньги», который нашелъ обширное примѣненіе не только въ торгово-промышленной и технической жизни Новаго Свѣта, но и въ частной жизни американцевъ. Это стремленіе какъ можно меньше терять времени объясняетъ ту лихорадочную быстроту, съ которой строятъ въ Сѣверной Америкѣ желѣзныя дороги и допускають движеніе поѣздовъ. Въ этомъ отношеніи американцы разсуждаютъ вполне правильно, потому что чѣмъ скорѣе можно будетъ переносить товары и людей изъ одной части государства въ другую, тѣмъ большее оживленіе будетъ царить въ торговлѣ и промышленности.

Громадное значеніе для скорого и удобнаго сообщенія имѣють мосты, особенно въ странахъ обильныхъ большими рѣками, каковы напр. Сѣверо-Американскіе Соеди-

ненные Штаты или наша Россія. Каждый мостъ, какъ служашій для проѣзжей дороги, такъ и желѣзно-дорожный, долженъ удовлетворять, главнымъ образомъ, двумъ требованіямъ: 1) быть удобнымъ для сообщения по самому мосту и 2) не препятствовать движенію судовъ по рѣкѣ. Особое вниманіе американскіе инженеры обратили на второе изъ этихъ требованій, т. е. на удобство для прохождения судовъ по рѣкѣ, такъ какъ находятъ, что передвиженіе товаровъ на судахъ выгоднѣе, нежели перевозка ихъ по желѣзной дорогѣ или какими-либо иными средствами. Американцы додумались до устройства вращающихся мостовъ, принимающихъ, въ разведенномъ состояніи, положеніе перпендикулярное къ своему нормальному направленію. Впервые такой мостъ былъ построенъ черезъ Harlem River въ 1882 г.;

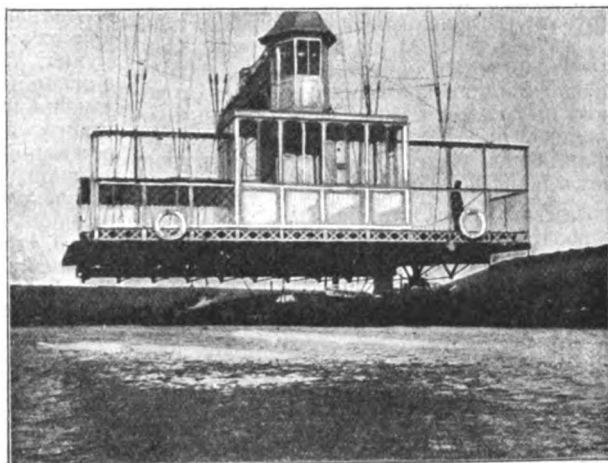
въ настоящее же время почти всѣ большіе американскіе мосты снабжены разводными частями именно этого типа, но эта система стала американцамъ недостаточно удобной; имъ захотѣлось построить мостъ такой конструкции, который, занимая minimum мѣста, разводился бы возможно быстрѣе. Въ Чикаго, Нью-Йоркѣ, Балтиморѣ и Санъ-Франциско нѣсколько разъ объявлялись конкурсы на составленіе проектовъ разводныхъ мостовъ скорой и удобной конструкции. Появились цѣлыя десятки системъ подъемныхъ, раздвижныхъ и вращающихся мостовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, по своему остроумію, система, предложенная въ восьмидесятихъ годахъ, инженеромъ Альфредомъ Скерцеромъ изъ Чикаго.

Мостъ его системы основанъ на принципѣ дѣтской игрушки — Ваньки-встаньки, нижняя часть которой закругляется и заливается свинцомъ, такъ что игрушка стремится всегда занять вертикальное положеніе. Подобно этой игрушкѣ одинъ изъ концовъ моста системы Скерцера дѣлается также закругленнымъ и болѣе массивнымъ, чѣмъ другой, такъ что при наполненіи его какимъ-либо тяжелымъ веществомъ (пескомъ, водой или чаще всего чугуномъ), другой конецъ поднимается вертикально вверхъ, оставляя рѣку свободною для прохода судовъ. Громадное удобство этой системы — это та скорость, съ которой происходитъ подъемъ и опусканіе моста; для этой операціи необходимо всего 10—20 секундъ времени.

Но американцы не игнорируютъ и удобства городского сообщенія. Въ 1900 году они приступили къ постройкѣ новаго Нью-Йоркъ-Бруклинскаго моста, который

долженъ быть открытъ для движенія лѣтомъ текущаго года. Въ 1872 году былъ оконченъ постройкой первый висячій Нью-Йоркскій мостъ, соединившій городъ съ Бруклиномъ. Но для усиленнаго Нью-Йоркскаго движенія этотъ мостъ оказался недостаточнымъ, и въ 1900 году американцы приступили къ сооруженію новаго гиганта, дѣйствительно могущаго служить образцомъ тѣхъ чудесъ, которыя совершаетъ современная техника.

Длина новаго Нью-Йоркъ-Бруклинскаго моста достигаетъ слишкомъ 2 версты, т. е. въ полтора раза длиннѣе стараго Бруклинскаго моста. Новый мостъ, подобно старому Бруклинскому, сооружается по висячей системѣ, при чемъ канаты изготовлены исключительно изъ лучшей литой стали. Этотъ новый колоссъ будетъ вмѣщать: 6 рельсовыхъ путей для дви-

Подвижная площадка моста въ Руанѣ.

женія различныхъ трамваевъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ; 2 пути для экипажей; 2 для велосипедистовъ и 3 дороги для движенія пѣшеходовъ; при этомъ, движеніе будетъ происходить одновременно въ 3 ярусахъ. Грандіозные быки, — счетомъ 4, поддерживающіе самые канаты моста, также построены исключительно изъ литой стали. Самое нижнее изъ проѣзжихъ полотнъ моста такъ высоко поднято надъ уровнемъ воды, что даже грандіознѣйшія военныя и торговыя суда безпрепятственно будутъ проходить подъ нимъ.

Но едва-ли не еще болѣе интересъ представляетъ мостъ, сооружаемый американскою же фирмою черезъ заливъ Тихаго океана въ городѣ Сидней въ Австраліи. Для составленія проектовъ этого моста былъ объявленъ конкурсъ, привлечшій участниковъ со всѣхъ концовъ свѣта. Достойными премій были признаны проекты: англичанина инженера «Curtwell» а

изъ Лондона и 2 проекта, представленные Нюрнбергскимъ машино-строительнымъ обществомъ изъ Германіи. Самая постройка послѣдняго моста оказалась столь сложнымъ на практикѣ дѣломъ, что, не смотря на ассигновку 35 милліоновъ рублей, за исполненіе моста въ натурѣ рѣшились взяться только американцы.

Въ принципѣ система Сиднейскаго моста почти не отличается отъ моста, сооружаемаго американцами между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ. Главная разница заключается въ громадной высотѣ 1-го моста надъ уровнемъ воды. Опорныя башни, поддерживающія главные канаты моста, достигаютъ высоты 64 сажени, т. е. онѣ на 5 сажень выше Исаакиевскаго собора въ Петербургѣ; каждый изъ двухъ канатовъ, на которыхъ виситъ мостъ, имѣетъ поперечное сѣченіе равное, по площади, 9 квадратнымъ метрамъ; каждый изъ этихъ канатовъ состоитъ изъ 120 другихъ маленькихъ вставленныхъ только въ общую направляющую раму. Слѣдовательно, въ планѣ разрѣзъ каната представляетъ собой квадратъ со стороною въ 2 сажени. Нижнее изъ двухъ проѣзжихъ полотенъ моста находится на грандіозной высотѣ 30 сажень надъ уровнемъ воды во время прилива.

Замѣчательно, при этомъ, то, что самый городъ Сидней расположенъ всего на 10—15 сажень выше уровня моря, т. е. мостъ при уклонѣ въ 0,05 сходитъ на одну высоту съ городомъ только на очень большомъ разстояніи отъ берега. Большую часть самаго города мостъ проходитъ выше домовъ, и подыматься на мостъ приходится въ особо устроенныхъ элеваторахъ. Впрочемъ, всѣ эти затрудненія были побѣждены строителями моста сравнительно легко. Главное неудобство, которое пришлось преодолѣть при постройкѣ, заключалось въ громадной глубинѣ залива, такъ что одинъ изъ кессоновъ новаго моста пришлось опускать на 25 сажень ниже поверхности воды. Какъ извѣстно, большая глубина служитъ однимъ изъ главныхъ препятствій для постройки постоянного моста черезъ Босфоръ въ Константинополь и давно уже проектируемаго моста черезъ проливъ Па-де-Калэ между Франціей и Англіей. Впрочемъ, постройка послѣдняго моста при современномъ положеніи техники почти немислима; мѣстами глубина Па-де-Калэ достигаетъ 120—150 сажень и едва-ли удастся изобрѣсти въ скоромъ времени такіе приборы, которые позволятъ людямъ безнаказанно опускаться на такую громадную глубину; работать при давленіи 1,5 атмосферы, выше нормальнаго, невозможно.

Но не одни американцы изощряютъ свои способности и умѣніе въ постройкѣ грандіозныхъ мостовыхъ сооружений. За

послѣдніе годы и французское мостостроительство дало чрезвычайно интересные образцы того, какъ при низкихъ берегахъ рѣки можно все же построить такой мостъ, который не будетъ препятствовать ни движенію судовъ по рѣкѣ, ни переправѣ черезъ мостъ. Мы говоримъ о трехъ мостахъ-паромахъ съ передвижными площадками, сооруженныхъ французами черезъ Сену въ Руанѣ, въ Бизертѣ черезъ заливъ Средиземнаго моря, и, наконецъ, въ Испаніи черезъ рѣку Нервионъ. Въ строгомъ смыслѣ слова три вышеупомянутыхъ сооружения даже не могутъ быть названы мостами. Это—воздушные паромы, передвижаемые съ одного берега на другой электрическою силой или какимъ-либо другимъ двигателемъ.

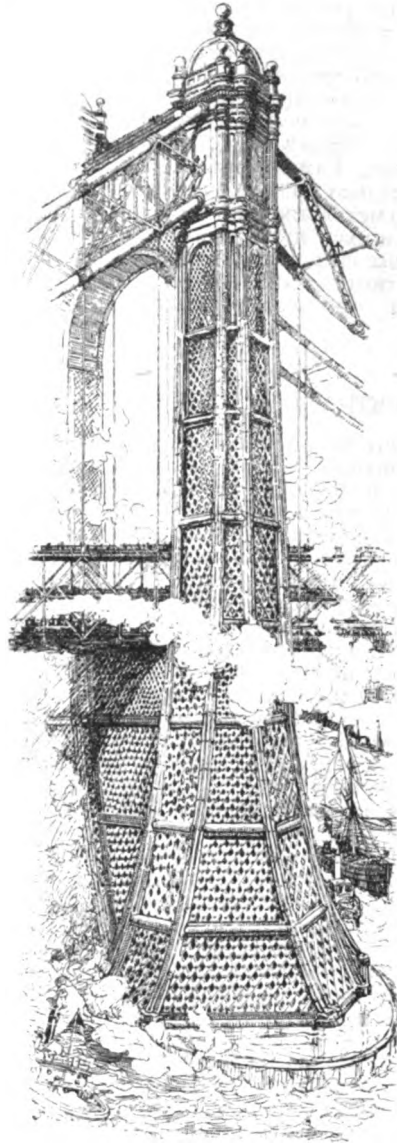
Повидимому, французамъ самое удобное было соорудить въ Руанѣ обыкновенный низко расположенный арочный мостъ съ разводной частью; но это показалось не достаточно удобнымъ, какъ вслѣдствіе низкихъ береговъ Сены въ чертѣ города Руана, такъ и вслѣдствіе оживленнаго движенія судовъ въ мѣстѣ, близко расположенномъ отъ устья рѣки. Тогда городъ Руанъ рѣшилъ построить воздушный паромъ по образцу уже сооруженнаго въ военной гавани Алжира—Бизертѣ. Самый мостъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: на обоихъ берегахъ рѣки, другъ противъ друга, строятся двѣ совершенно самостоятельныхъ башни, каждая высотой въ 30 сажень. Внизу башни не соединяются ничѣмъ, наверху же между ними переброшена легкая ферма, укрѣпленная еще стальными канатами. По нижнему поясу этой фермы на рельсахъ, помощью электрическаго мотора, движется вагонъ съ прикрѣпленными къ нему 20-ю стальными канатами, концы которыхъ свѣшиваются внизъ и почти достигаютъ уровня воды. Къ концамъ этихъ канатовъ и прикрѣпляется небольшая площадка, которая, слѣдовательно, при движеніи верхняго вагончика по фермѣ, переносится съ одного берега на другой. На практикѣ мостъ подобнаго устройства оказался очень удобнымъ и вполне удовлетворяющимъ мѣстнымъ условіямъ. Мостъ въ Бизертѣ, построенный на 5 лѣтъ раньше Руанскаго, оказался не столь удобнымъ, такъ какъ въ немъ площадка приводилась въ движеніе не электричествомъ, а паромъ, и передача силы происходила посредствомъ весьма скоро портящихся пеньковыхъ канатовъ, только въ послѣдствіи замѣненныхъ цѣплями Гагля, а затѣмъ проволочными стальными канатами. Пролетъ моста въ Бизертѣ = 44 сажени, а площадка имѣетъ продолговатую форму, размѣрами 2×5 сажень. Скорость движенія площадки достигаетъ едва 0,5 metr. въ секунду. Каждая изъ боковыхъ башенъ укрѣплена 6-ю проволочными канатами.

Руанский мостъ, имѣвшій такого предшественника, какъ Бизертскій, оказался значительно удачнѣе исполненнымъ и по видимому очень цѣлесообразнымъ для мѣстныхъ условій, такъ какъ именно въ 1896 г. (годъ начала постройки моста) возникъ вопросъ объ углубленіи Сены до 28 футовъ для впуска въ нее океанскихъ пароходовъ: очевидно, что постройка простаго моста, при такихъ условіяхъ, сильно сѣснила бы судоходство. Разстояніе между обѣими башнями 72 сажени. Площадка приводится въ движеніе посредствомъ электричества, но, въ противоположность Бизертскому мосту, моторъ помѣщается не на верхней фермѣ моста, а на самой площадкѣ (см. рис. на стр. 111); этимъ значительно упрощается управленіе движеніемъ, и является возможность прекратить его моментально, въ случаѣ могущаго произойти несчастія. Скорость движенія Руанскаго моста больше, чѣмъ въ Бизертѣ, и колеблется отъ 1 до 2 метр. въ секунду. Нѣкоторое неудобство при управленіи площадкой вызываетъ въ значительной степени развивающаяся инерція, могущая вызвать ударъ площадки о береговой устой. Форма площадки квадратная, довольно большихъ размѣровъ (5×5 сажени); поддерживающіе канаты дѣлятъ площадку на 3 части: 2 крайнихъ и 1 среднюю. Средняя часть предназначена для повозокъ и omnibusesъ, а 2 крайнихъ, укрѣпленные на кронштейнахъ, для публики. Максимальная вмѣстимость площадки—20 повозокъ и 200 человекъ. Площадка подвѣшена на 20 стальныхъ кабеляхъ, собранныхъ въ нѣсколько отдѣльныхъ пучковъ; концы каждаго изъ пучковъ прикрѣплены не къ верху площадки, а къ ея низу, чѣмъ достигается значительно большая безопасность. Поперечное сѣченіе каждаго изъ кабелей=180 t. t.

Не смотря на большіе размѣры сооруженія, постройка моста стоила всего 1.200.000 рублей. Относительно дороже всего стоили стальные кабели. Вслѣдствіе нѣкоторой рискованности сооруженія желѣзо не употреблялось вовсе; весь мостъ построенъ изъ стали съ малымъ содержаніемъ хрома и никкеля. Строилъ мостъ инженеръ Арнодэнъ (Arnodin). Знаменитый французскій конструкторъ Эйфель отозвался объ этой системѣ какъ о весьма остроумной вообще и особенно удачно употребленной въ данномъ случаѣ.

Впрочемъ, уже въ настоящее время постройка эта вызвала нареканія. Мостъ соединяетъ Rue Jean Rondeau и Boulevard Ganchaise въ юго-западномъ предмѣстии Руана, весьма оживленной торговой части города. Неудобство движенія посредствомъ подвижной площадки сказалось, во-первыхъ, на omnibusesъ, регулярное движеніе которыхъ часто при-

ходилось задерживать на продолжительное время, а, во-вторыхъ, и на движеніи простыхъ повозокъ, вслѣдствіе чего число одновременно перевозимыхъ на паромѣ экипажей ограничено. Воспользовать-

Пилонъ новаго Бруклинскаго моста построеннаго въ 1901 г.

ся мостомъ для перевозки отдѣльныхъ вагоновъ обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ то предполагалось передъ его постройкой, не удалось, вслѣдствіе неудобствъ при выгрузкѣ и нагрузкѣ громоздкихъ вагоновъ.

Германская техника, вообще, сдѣлавшая большіе успѣхи за послѣдніе годы, и въ дѣлѣ мостостроенія заняла выдающееся мѣсто. Такъ, на только-что оконченномъ каналѣ, соединяющемъ Эльбу съ Дравой, инженеръ Бергеръ изъ Бреславля построилъ нѣсколько мостовъ надъ шлюзами, при чемъ мосты эти поднимаются сами безъ помощи механической силы, вѣсомъ одной только воды, наполняющей шлюзы; достигается это устройствомъ особыхъ поршней, на которые опирается мостъ. Кромѣ того, инженеры: Кройцъ, Сашеръ, Гамилтонъ и др. предложили нѣсколько разнообразныхъ системъ какъ отодвигающихся въ стороны, такъ и вращающихся и поднимающихся мостовъ; однако, мы не остановимся на нихъ подробно, такъ какъ всѣ они далеко не удовлетворяютъ требованіямъ практики.

А. Д.

Электромагнитная теорія свѣта.

Извѣстно, что по знаменитой электромагнитной теоріи свѣта, предложенной англійскимъ физикомъ Максвелломъ, электричество должно распространяться волнами подобными волнамъ свѣтовымъ и тепловымъ и отличающимися отъ нихъ только длиною—значительно большею, такъ что свѣтъ, теплота и электричество суть три вида энергіи совершенно одинаковой сущности. Эта теорія, столь высокого и прекраснаго философскаго значенія (такъ какъ она стремится доказать единство физической силы, надлежащее слѣдствіе единства матеріи), была принята какъ простая гипотеза въ то время, когда она была высказана, и до тѣхъ поръ, когда знаменитый Гертцъ, раздѣляя идеи Максвелла, могъ воспроизвести экспериментальнымъ путемъ электрическія волны, которые распространяются въ воздухѣ по прямой линіи, отражаются, преломляются, могутъ интерферировать,—однимъ словомъ, имѣютъ всѣ свойства свѣтовыхъ волнъ. Открытіе гертцовскихъ волнъ было, слѣдовательно, первымъ и блестящимъ подтвержденіемъ идей Максвелла и съ точки зрѣнія практической жизни имѣло не меньшую важность, такъ какъ позволяло осуществить телеграфъ безъ проводовъ. Оставалось для окончательнаго подтвержденія или отрицанія электромагнитной теоріи свѣта изучить на опытахъ условія распространенія гертцовскихъ волнъ и сравнить полученные при этомъ числовые результаты съ тѣми, какіе устанавливаются теоретически уравненіями Максвелла. Съ этою цѣлью разныя ученые изучали распространеніе гертцовскихъ волнъ въ непроводящихъ средахъ (такимъ, какъ воздухъ) и нашли, что условія этого распространенія были совершенно тѣ же, какія опредѣляютъ Макс-

веллъ, и что именно скорость гертцовскихъ волнъ равна скорости свѣта (300.000 километровъ въ секунду, что вытекало изъ самыхъ идей Максвелла). Но теорія Максвелла представляла и другія уравненія, опредѣляющія распространеніе волнъ въ средахъ хорошо проводящихъ, а это соответствуетъ условіямъ весьма отличнымъ отъ тѣхъ, какія имѣютъ мѣсто при распространеніи въ воздухѣ, ибо тѣла-проводники должны оказывать сильное поглощающее дѣйствіе на гертцовскія волны. Къ экспериментальному изученію этого поглощенія не приступали еще до послѣдняго времени, и только недавно Шарль Нордманнъ, астрономъ Медонской обсерваторіи, предпринялъ это изслѣдованіе. Онъ производилъ опыты съ различными хорошо проводящими жидкостями (какъ обыкновенная серная кислота и различные, болѣе или менѣе густые растворы хлористаго соединенія калия) и изъ полученныхъ результатовъ вывелъ слѣдующій законъ: плотности этихъ различныхъ жидкостей, соответствующія полному поглощенію гертцовскихъ волнъ, то-есть проникаемость этихъ жидкостей для гертцовскихъ волнъ, измѣняются въ томъ же направленіи, какъ и сопротивленіе ихъ; онѣ возрастаютъ медленно, чѣмъ сопротивленія, и скорѣе, чѣмъ ихъ квадратные корни. Если сравнить этотъ законъ, полученный экспериментальнымъ путемъ, съ теоретическимъ закономъ, который можно вывести изъ уравненій Максвелла и Пуанкаре для опредѣленія проводимости въ дѣйствіи сопротивленія, то окажется, что эти два закона одинаковы. Результаты, полученные Нордманномъ, могутъ быть разсматриваемы какъ новое и рѣшительное подтвержденіе электромагнитной теоріи свѣта.

Свѣтъ и звукъ.

(Вольтова дуга въ роли телефона).

Источниками электрическаго освѣщенія служатъ, какъ извѣстно, или лампочки накаливанія—замкнутые стеклянные баллоны, въ торричеллевой пустотѣ которыхъ сіяетъ раскаленная проходящимъ токомъ угольная нить, или дуговые лампы—съ горящей въ воздухѣ вольтовой дугой, образуемой двумя наконечниками угля, расположенными вертикально, одна противъ другой, и накаляющимися разноименными электрическими токами: одинъ уголекъ соединенъ съ положительнымъ электродомъ, другой—съ отрицательнымъ, и непрерывный сноскъ искръ, возникающій между концами углей, даетъ яркую свѣтовую дугу. Питаются тѣ и другія электрическимъ токомъ, вырабатываемымъ динамо-машиною. Въ послѣднее время входило въ обиходъ недавно изобрѣтенная

нѣмецкимъ техникомъ Нернстомъ электрическая лампочка, называющаяся теперь именемъ изобрѣтателя, представляющая собою нѣчто среднее между лампочкою накаливанія и дуговою лампою: въ лампочкѣ Нернста угольная нить, приготовленная особеннымъ образомъ, горитъ въ воздушномъ пространствѣ, не требуя замкнутыхъ баллоновъ, ибо составъ нити противодѣйствуетъ быстрому окисленію ея кислородомъ воздуха; нить свѣтитъ яркимъ бѣлымъ свѣтомъ, подобнымъ свѣту вольтовой дуги, и сгораетъ болѣе, чѣмъ вдвое медленнѣе нити обыкновенной лампочки накаливанія. Яркій, сильный свѣтъ вольтовыхъ дугъ, сіяющій въ дуговыхъ фонаряхъ, озаряетъ улицы и большія помѣщенія, тогда какъ дѣйствіемъ лампочекъ накаливанія обслуживаются значительно меньшія пространства; лампочка Нернста съ успѣхомъ можетъ замѣнять группу обыкновенныхъ лампочекъ накаливанія.

Вольтова дуга часто при горѣніи шипитъ и жужжитъ. Уже давно электротехники замѣтили, что дуговые лампы передаютъ шумъ, происходящій, повидимому, отъ машинъ на станціяхъ. Еще въ 1874 году и дальше Граммъ наблюдалъ, что эти лампы отражаютъ шумъ, производимый треніемъ щетокъ изъ динамо-машинъ. Въ 1898 году д-ръ Симонъ въ Германіи сдѣлалъ надлежащіе опыты со звуками электрической свѣтовой дуги и впервые описалъ подробно это интересное акустическое явленіе. По объясненію д-ра Симона, отъ измѣненій силы тока происходятъ періодическія колебанія температуры дуги, а этими колебаніями температуры обуславливаются соответствующія перемѣны въ плотности окружающей воздушной среды,—чѣмъ и вызывается звукъ. Быстрыми перемѣнами силы тока нарушается спокойное горѣніе дуги, начинающей тогда звучать. Отсюда вытекаетъ возможность передачи звуковъ на разстояніи посредствомъ вольтовой дуги. Если замѣнить изъ системъ телефона обыкновенный звуковой пріемникъ вольтовою дугою, то на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея можно слышать слова, произносимыя на другомъ концѣ телефонной линіи въ другой пріемникъ: дѣло въ томъ, что звуковыми волнами вызываются соответствующія измѣненія сопротивленія, а вмѣстѣ съ этимъ, слѣдовательно, и колебанія силы тока.

Въ послѣднее время звуковыя явленія вольтовой дуги были детально изслѣдованы въ Англіи г-жею Айртонъ и Додделемъ. По изслѣдованіямъ г-жи Айртонъ, есть извѣстная связь между длиною дуги и силою тока, между диаметрами углей дуги и силою тока при одной и той же длинѣ дуги—связь, отражающаяся такъ или иначе на звучаніи дуги при постоянной силѣ тока. Доддель занялся вопро-

сомъ о вліяніи періодическихъ перемѣнъ тока на дугу (особенно на слой газа, окружающій дугу) и о дѣйствіи телефона, въ систему котораго включена вольтова дуга. На шести метрахъ разстоянія отъ дуговой лампы Доддель ясно слышалъ слова, передаваемые дугою и произносимыя изъ сосѣдней комнаты въ микрофонъ.

Но значителенъ дальше пошелъ въ такихъ изслѣдованіяхъ Э. Румеръ, предложившій систему беспроводнаго телефонированія посредствомъ вольтовой дуги. Дуговая лампа съ постояннымъ токомъ издаетъ особенный шумъ, достаточно интенсивный, если вблизи соответствующихъ электрическихъ проводовъ и параллельно проходящему по нимъ току проходить другой токъ, слабый и перемѣнный,—такой, какъ телефонный. Если говорить въ телефонъ, поставленный въ эти условія, то всѣ передаваемые звуки будутъ ясно воспроизводиться дуговою лампою. Въ дѣйствительности, какъ мы уже выше говорили, эти вибраціи соответствуютъ колебаніямъ теплоты и интенсивности свѣта дуги. На почвѣ этихъ опытовъ и наблюденій возникаетъ идея телефонированія безъ проволокъ—такъ сказать, «свѣтового» телефонированія. Въ такомъ телефонѣ аппаратъ пункта отправления соединенъ съ рефлекторомъ, посылающимъ лучи вольтовой дуги въ пунктъ полученія, находящійся на большемъ разстояніи, свободномъ, разумѣется, отъ всякихъ преградъ, которыми свѣтовые лучи могли бы быть задержаны; въ пунктѣ полученія находится параболическое зеркало съ селеновою пластинкою, помѣщенной въ его центрѣ, на пути телефоннаго тока отъ батареи, и съ микрофономъ позади параболическаго зеркала. Селень имѣетъ свойство измѣнять электропроводность подъ вліяніемъ колебаній свѣта. Свѣтовые волны перемѣнной интенсивности, ударяя въ пріемное параболическое зеркало, когда на станціи отправления говорятъ въ микрофонъ,—заставляютъ въ этомъ случаѣ проводимость пластинки селена измѣняться каждое мгновеніе и, слѣдовательно, дѣйствуютъ на токъ воспринимающаго звука телефоннаго аппарата, который такимъ образомъ и воспроизводитъ передаваемый разговоръ.

Этою установкою можно также воспользоваться для полученія и безконечнаго воспроизведенія дешевъ фонографическимъ способомъ. Производитъ это такъ: прежде всего, для записи сообщенія, перемѣщается съ большою скоростью передъ вольтовою дугою или пріемнымъ зеркаломъ лента чувствительной фотографической бумаги, на которой и запечатлѣваются колебанія свѣтовой интенсивности, вызываемыя звуками телефона. Для воспроизведенія соответствующихъ этимъ свѣтовымъ колебаніямъ звуковъ, записанная вышеуказаннымъ способомъ фотогра-

фическая лента должна перемещаться съ тою же скоростью между сконцентрированными световыми лучами и селеновой пластинкою: болѣе или менѣе свѣтлыя или темныя мѣста этой пластинки поглощаютъ нѣкоторое количество перемѣнаго свѣта, обуславливая этимъ соответствующія измѣненія электропроводимости селена и, слѣдовательно, соответствующіе звуки въ микрофонѣ. Такимъ образомъ, сообщенія по телефону безъ проводовъ могутъ быть увѣковѣчены, могутъ быть фотографическимъ путемъ умножаемы въ какомъ угодно числѣ копій; фотографическія ленты съ записанными звуками могутъ быть пересылаемы почтою въ простомъ конвертѣ. Цѣлая армія звуковъ въ простомъ письмѣ! Пѣніе оперныхъ знаменитостей, пересылаемое за семикопѣчную марку въ разныя части свѣта! И при томъ—масса копій! Не говоримъ уже о цѣлой библиотекѣ такихъ фотофонограммъ. Это—серіозная конкуренція нынѣшнему фонографу съ его болѣе или менѣе хрупкими, нѣжными посковыми валиками. Это изобрѣтеніе Э. Румера, конечно, нуждается еще въ усовершенствованіяхъ для введенія въ практическій обиходъ жизни, и Румеръ продолжаетъ трудиться въ этомъ направленіи.

Въ предыдущей замѣткѣ мы указали на связь между электричествомъ, магнетизмомъ и свѣтомъ, раскрывающую тайны единства мірозданія; описанныя здѣсь чудеса вольтовой дуги въ области акустики прибавляютъ къ этой главной трехкопѣнной цѣпи, скрѣпляющей міръ, еще одно маленькое звено, исчезающее въ абсолютной пустотѣ пространства—звукъ...

Свѣтящіяся бациллы.

Фосфоресценція есть свойство нѣкоторыхъ тѣлъ свѣтитъ въ темнотѣ безъ ощутительнаго тепла или горѣнія. Фосфоресценція свойственна какъ тѣламъ инертнымъ, такъ и тѣламъ живымъ. Инертныя тѣла, какъ, напримѣръ, соли уранія и извести, столь хорошо изученныя Беккерелемъ, обязаны своею фосфоресценціею или сильному и скоропреходящему окисляющему дѣйствию или явленію, связанному съ электричествомъ, подобному тому, какое производятъ катодныя лучи, но фосфоресцирующій свѣтъ отклоняется или гаснетъ вблизи сильнаго электромагнита. Такія животныя, какъ наѣдокомыя—свѣтлякъ, или Ивановъ червякъ (*Lamprytis* sp.), издаютъ также свѣтъ, обусловливаемый извѣстнымъ окисленіемъ жировыхъ клѣточекъ, содержащихъ непосредственное азотное начало, которому Филиппсонъ далъ названіе ноктилюцина.

Въ, вѣроятно, видѣніи въ теплые лѣтніе вечера эти прелестные загадочные нѣжные огоньки въ травѣ, матовые фона-

рики, зажженные крошкою-свѣтлякомъ. Свѣтъ этого фонаря можетъ иногда быть полезнымъ и людямъ: президентъ Фламарионовскаго ученаго общества въ Марсели, Гиацинтъ Брюгьеръ отмѣчаетъ такой случай, когда онъ читалъ показаніе своихъ карманныхъ часовъ при свѣтѣ свѣтляка на разстояніи 10 сантиметровъ. Профессоръ Ланглеи доказывалъ, что явленіе фосфоресценціи свѣтляка не связано съ его жизнью, такъ какъ онъ свѣтитъ еще и послѣ своей смерти; этотъ свѣтъ можетъ усиливаться дѣйствіемъ кислорода и гаснетъ въ пустотѣ и углекислотѣ. По мнѣнію Ланглея, свѣщеніе Иванова червяка должно быть приписано медленному горѣнію, и ничто не мѣшаетъ предположенію возможности воспроизвести аналогичный болѣе сильный свѣтъ. Фотометрическія и спектроскопическія изслѣдованія показали, что лучи, испускаемые свѣтлякомъ, болѣе точно ограничены въ свѣтовой части спектра, чѣмъ лучи всякаго другого источника свѣта, и что развитіе теплоты, какимъ сопровождается это явленіе, составляетъ лишь одну четырехсотую часть теплоты газоваго освѣщенія той же интенсивности; эта теплота отъ свѣтляка не достаточна даже, чтобы повысить ртуть въ термометрѣ на одну миллионную долю градуса.

Рыбы и ракообразныя, живущія въ морскихъ безднахъ, излучаютъ также яркій свѣтъ, который служитъ имъ для освѣщенія при преслѣдованіи добычи. Наконецъ, низшія животныя, какъ ноктилюки, или морскія свѣчки, теплыхъ странъ также свѣтятся, заставляя этимъ поверхность моря свѣтитися. Въ одномъ изъ засѣданій Французскаго Астрономическаго общества дебатиrowался однажды вопросъ о причинахъ фосфоресценціи моря, вызванній корреспонденціей А. Шмолья по адресу общества, описывающей наблюдавшіеся эффекты свѣтящагося моря въ лѣтнія ночи, при чемъ авторъ полагалъ, что электричество играетъ большую роль въ этомъ явленіи. По этому поводу профессоръ Фушэ высказалъ мнѣніе, что можетъ существовать нѣсколько видовъ фосфоресценціи, обусловливаемыхъ различными причинами. Что касается этого, онъ замѣтилъ тѣмъ же лѣтомъ (1898 г.) въ устьи Луары, что не только вознужающаяся вода свѣтилась, но что тѣхъ же эффектовъ можно было достигнуть и на пескѣ, растирая его палкою. Наблюдая это явленіе ближе, Фушэ увидѣлъ, что этотъ свѣтъ испускался трупами мелкихъ ракообразныхъ. Поэтому Фушэ думаетъ, что кромѣ свѣта, излучаемаго физиологически нѣкоторыми микроскопическими животными, свѣта, которому Гумбольдтъ приписывалъ фосфоресценцію экваторіальныхъ морей, можетъ проявляться иная фосфоресценція, менѣе яркая, производимая просто медленнымъ окисленіемъ мерт-

вой материн, столь богатой фосфоромъ, какую изобилуетъ немного мутная вода. Это явление было бы аналогично свѣченію начинающихся гнить остатковъ морскихъ рыбъ, ракообразныхъ или моллюсковъ въ темнотѣ. Необходимостью дѣйствія кислорода для такого свѣщенія объяснялось бы, почему на фосфоресцирующемъ морѣ гребешки волнъ всегда болѣе освѣщены. Дви въразилъ на это, что если явление обуславливается лишь разложениемъ морскихъ животныхъ, то оно происходило бы болѣе часто, но Калландро утверждалъ, что въ Гаврѣ оно наблюдается достаточно часто. Къ преніямъ своихъ коллегъ, такихъ же любителей природы, какъ и онъ самъ, Фламмаріонъ добавилъ, что волнение очень усиливаетъ фосфоресценцію. Однажды, въ лѣтній вечеръ, на пляжѣ Порнише онъ перенесъ ведро съ водою въ гостиницу въ 200 метрахъ отъ берега; вода была совѣтъ темна, но, всколыхнувшись, наполнилась блестками, какъ это бываетъ на морѣ при волненіи или за кормой плывущаго корабля. Въ заключеніе Кениссъ сдѣлалъ весьма цѣнное указаніе, вынесенное имъ изъ частыхъ наблюденій фосфоресценціи моря въ А.жирѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ: это свѣщеніе моря было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше электричества было въ воздухѣ. Въ луну онъ могъ наблюдать микроскопическихъ животныхъ, производившихъ свѣщеніе: чаще всего это были ракообразныя, змѣехвостки, кольчатые черви или морскія свѣчки; послѣднія имѣютъ видъ маленькаго шарика отъ трехъ до пяти десятыхъ долей миллиметра съ подвижнымъ придаткомъ: на тѣлѣ можно замѣтить много микроскопическихъ точекъ, сквозь которыя пробивается очень сильный свѣтъ. После этихъ показаній очевидцевъ, взятыхъ нами au hasard для большаго уясненія картины морской фосфоресценціи, продолжаемъ бесѣду объ этомъ явленіи вообще, по статьѣ профессора Эмилія Массы.

Въ растительномъ мірѣ также проявляется фосфоресценція — именно у пластинчатыхъ шляпочныхъ грибовъ (*Agaricini*), изъ которыхъ одинъ видъ, растущій цѣлыми гнѣздами на корняхъ оливковаго дерева, свѣтитъ ночью прекраснымъ бѣлымъ свѣтомъ; опенки (*Agaricus melles*), прорастая въ громадномъ количествѣ осенью у основанія деревьевъ, также испускаютъ свѣтъ.

Для объясненія явленія фосфоресценціи указывали, какъ на причину, на окисленіе или медленное горѣніе и даже на электризованность тѣлъ. Но нельзя ли приписать это явленіе развитію особыхъ бактерий на поверхности фосфоресцирующаго предмета? Въ 1875 году Пфлюгеръ доказывалъ, что излучаемый свѣжею трескою свѣтъ обуславливается дѣятельностью нѣкоторой бактеріи, которую по-

слѣдствіи, въ 1878 г., Контъ открылъ и называлъ *Micrococcus phosphorescens*. Въ 1887 г. Фишеръ и Форестеръ указали на фосфоресцирующихъ бактерій у рыбъ Индійскаго океана и Сѣвернаго моря; эти удивительныя микроскопическія существа были названы *Bacillus phosphorescens*. Но вскорѣ ихъ раздѣлили на два вида, по условіямъ жизни отличающихся одинъ отъ другого. Первый, названный въ микробиологін *Photobacterium*, живетъ въ Сѣверномъ морѣ при температурѣ отъ 5 до 10 градусоѡ; имъ излучается чисто-голубой свѣтъ, и его находятъ на такихъ животныхъ, которыхъ считали до того времени самосвѣтящимися, какъ ракообразныя, инфузоріи, полипы, морскія свѣчки, чѣмъ и обнаруживается вліяніе микроорганизмовъ въ явленіяхъ фосфоресценціи у органическихъ тѣлъ природы. Другой видъ, сохранившій прежнее названіе *Bacillus phosphorescens*, живетъ въ Индійскомъ океанѣ при температурѣ отъ 10 до 30 градусоѡ и издаетъ бѣлый, немного голубоватый свѣтъ. Этими микроорганизмамъ фосфоресцирующая вода обязана своимъ свѣщеніемъ; очищенная фильтромъ Чемберлена вода не издаетъ свѣта. Другой микроорганизмъ — *Bacterium phosphorescens*, выдѣленный Нермесомъ, размножается даже при температурѣ 0°. *Micrococcus phosphorescens* живетъ не только въ нѣдрахъ океановъ, а существуетъ на всѣхъ разлагающихся фосфоресцирующихъ тѣлахъ; безъ всякаго сомнѣнія, ему обязаны фосфоресценціей вышеупомянутые грибы; далѣе, онъ освѣщаль свѣжую треску, заинтересовавшую Пфлюгера въ 1875 г. своимъ свѣщеніемъ, мясо въ мясной лавкѣ, изслѣдованное въ 1877 г. Нюeschомъ, и консервы омара, обратившія на себя вниманіе Банселя и Гуссона.

Фосфоресцирующія бациллы имѣютъ видъ микроскопическихъ, очень короткихъ палочекъ, испускающихъ въ темнотѣ бѣлый, немного зеленоватый свѣтъ, аналогичный свѣтящемуся слѣду, оставаемому зажигательной спичкой, когда мы черкнемъ ею о какой-либо предметъ. Бациллы эти распространяются чрезвычайно легко: такъ, въ одну ночь все мясо въ мясной лавкѣ было залито ими, и если положить маленькую частицу фосфоресцирующаго вещества на кусокъ свѣжаго мяса, онъ быстро станетъ фосфоресцировать. Фосфоресценція выдерживаетъ температуру въ 40°, но на 47° она исчезаетъ. *Bacillus phosphorescens* разрушается гніеніемъ. Воздухъ, повидимому, не необходимъ для жизни этой бациллы, и культуры ея не свѣтятъ при отсутствіи кислорода. Соль, кажется, благоприятствуетъ фосфорическому мерцанію, и на него свѣтъ, повидимому, не очень дѣйствуетъ. Эти явленія изучаются въ наши дни съ большимъ интересомъ. На всеріиной Парижской выставкѣ 1900 года, въ Дворцѣ оптики мож-

но было видѣть во множествѣ культуръ фосфоресцирующей бациллы, свѣтъ которыхъ позволялъ въ темнотѣ читать газету вблизи. Фосфоресцирующей бациллѣ (*Bacillus phosphorescens*) приписываютъ также свѣченіе нормальныхъ и болѣзненныхъ выдѣлений (жидкостей) человѣческаго организма; указывали на фосфоресценцію молока, пота, но эти факты очень рѣдки и мало изучены. Генкель въ 1740 г. сообщалъ объ очень ясномъ фактѣ фосфоресценціи пота у одного субъекта, который много потѣлъ: когда онъ раздѣвался въ темнотѣ, можно было видѣть, какъ по поверхности его тѣла и рубахи пробѣгали во всѣхъ направленіяхъ свѣтяшіеся слѣды, подобно слѣдамъ фосфорныхъ спичекъ, а при свѣтѣ все исчезало, и на кожѣ оставались только маленькія красныя пятна. Nuesck наблюдалъ въ 1885 г. снова этотъ феноменъ у одного швейцарскаго рыбака, но, къ сожалѣнію, мало изучилъ его.

Вообще чѣмъ болѣе обращаютъ вниманія на ту роль, какую играютъ въ природѣ микроорганизмы, тѣмъ болѣе можно приписать имъ явленій, которыя до сихъ поръ не могли быть объяснены прежними данными науки.

Происхожденіе нефти.

Въ разныхъ мѣстахъ нашей планеты находятся подземныя озера той жидкости, практическое примѣненіе которой въ житейскомъ обиходѣ создало колоссальную отрасль промышленности, разрабатывающую богатѣйшіе природные склады освѣтительныхъ матеріаловъ въ видѣ неизсякаемыхъ запасовъ нефти. Въ незапамятные времена какой-то невѣдомый случай открылъ человѣку драгоцѣнное свойство этой подземной жидкости—горѣніе, и съ тѣхъ поръ это масло, энергично извлекаемое человѣчествомъ изъ нѣдра земли, не перестаетъ разгонять мракъ ночи своимъ свѣтомъ, дешевизна котораго побуждаетъ болѣе опасныхъ конкурентовъ нефти—газъ и электричество. Но откуда происходитъ это горное масло? Какъ образовались эти неисчерпаемые подземные бассейны нефти, представляющей собою углеводородное соединеніе, т. е. водородъ и углеродъ? Образовалась ли эта загадочная жидкость отъ разложенія металлическихъ углеродистыхъ соединеній, какъ, повидимому, достаточно указываетъ на это ея химическій составъ? Но геологи не находятъ залежей такихъ металлическихъ углеродистыхъ соединеній вблизи нефтяныхъ озеръ. Такъ же маловероятно является родственная связь нефти и каменнаго угля. Никогда или почти никогда природныя скопленія нефти не встрѣчались по соседству съ каменноугольными залежами. Гейфертъ предложилъ

теорію органическаго происхожденія нефти, и на послѣднемъ международномъ нефтяномъ конгрессѣ проф. Энглеръ изложилъ эту теорію, ярко освѣщенную строгими научными данными. Мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей въ краткихъ словахъ по статьѣ французскаго популяризатора Макса де-Нансути.

Происхожденія нефти нельзя искать въ гекатомбахъ доисторическихъ животныхъ, разложившіеся трупы которыхъ могли бы выдѣлить необходимые въ данномъ случаѣ вещества; по этой гипотезѣ въ составъ нефти входилъ бы азотъ, пиридинъ, пиколинъ, азотныя основанія, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Геологическія изслѣдованія нефтяныхъ залежей заставляютъ думать о происхожденіи нефти изъ морскихъ организмовъ. Особый видъ смолы можетъ быть полученъ лабораторнымъ путемъ изъ мяса рыбъ, которое, будучи зарублено и зажарено, прессуется и дистиллируется въ перегретомъ состояніи. Нѣчто подобное совершалось въ природѣ, когда потопъ наводнилъ раскаленными земныя бездны въ первобытную эпоху.

Океаны покрыты особой органической матеріей, состоящей изъ икры, зародышей рыбъ. Моря бороздятся громадными кочующими стадами рыбъ: акулъ, сельдей, сардинъ и т. д.; эти легіоны проходятъ у береговъ или скрываются въ открытомъ морѣ; незначительная часть ихъ попадаетъ въ сѣти рыбопромышленниковъ и служить пищей человѣку. Но куда дѣвается вся остальная масса рыбы, главная часть этой плавающей арміи? Конечно, умираетъ въ ранней старости и, опускаясь на дно, устилаетъ его своими безчисленными трупами, которые разлагаясь, готовятъ матеріалъ для будущихъ нефтяныхъ залежей. Слѣдуетъ полагать, что изъ рыбъ, обусловливающихъ образованіе нефти, главное мѣсто занимаютъ сельди: еще при жизни естественнымъ образомъ онѣ распространяютъ масло въ водѣ, и заселенная поверхность моря указываетъ рыбакамъ на присутствіе въ этомъ мѣстѣ стай сельдей, которымъ они тотчасъ преграждаютъ дорогу сѣтями. Исходя изъ такой гипотезы происхожденія нефти, химикъ Шайноха считалъ возможнымъ указать на подобное нефтеносное обіазованіе въ Галиціи, гдѣ находились въ сланцахъ несомнѣнные, обильные остатки допотопныхъ сельдей. Онъ высчиталъ, что при такой же пропорціи сельдей въ тѣ отдаленныя времена, какъ и теперь, какъ и то количество, о которомъ даетъ указанія нынѣшняя ловля, напримѣръ, у береговъ Сѣвернаго моря, горное масло Карпатскихъ залежей могло бы образоваться такимъ образомъ въ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что не одиѣ только сельди могли послужить для образованія нефтяныхъ скопленій. Странствующія тучи сельдей сопро-

вождаются бесчисленнымъ множествомъ другихъ рыбъ, мелкихъ и крупныхъ, друзей и враговъ, питающихся ими по пути и слѣдующихъ за путешествіемъ своей живой пищи. Морскія нѣдра кишатъ густыми стаями плавучихъ обитателей разнообразнѣйшихъ видовъ. Процессъ образования нефти можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ.

Громадная стая рыбъ, увлекая съ собою указанное нами выше органическое вещество, покрывающее морскую поверхность, столпились въ концѣ концовъ въ бухтахъ, заливахъ, гдѣ и нагромодились кучи ихъ остововъ и другихъ морскихъ осадковъ, прибитыхъ волнами къ берегамъ. Животныхъ, которые пожирали бы всю эту пададь, не было въ морскихъ глубинахъ,—по крайней мѣрѣ, въ достаточномъ количествѣ, и потому происходило медленное разложение этихъ рыбныхъ залежей подъ сильнымъ давленіемъ прикрывающихъ ихъ слоевъ воды и преобразование въ тягучую маслянистую массу,—процессъ, воспроизводимый современными химиками въ ретортахъ. Предположимъ теперь какой-либо земной катаклизмъ—грандіозное наводнение, потопъ, геологическій переворотъ, измѣненіе конфигураціи береговой линіи, горизонтальнаго профиля и т. п. Стои земли изломались, разорвались, перемѣшались, одни поднялись, другіе опустились,—и море отступило отъ прежнихъ береговъ, покинуло тѣ заливы и бухты, на днѣ которыхъ скрывались рыбныя кладбища, одни рыбныя скопленія остались въ состояніи смолистыхъ напластованій, другія выпаривались, сгушались отъ высокой температуры земныхъ нѣдръ, дистиллировались, образовывали такимъ путемъ озера масла, которыя отдаленными грядущими человеческими поколѣніями будутъ эксплуатированы посредствомъ артезіанскаго буренія или выкачиванія изъ подземныхъ природныхъ резервуаровъ.

Такова въ общихъ чертахъ недавно формулированная гипотеза происхожденія нефти, и она достаточно правдоподобна. Но есть и другая гипотеза,—именно теорія растительнаго происхожденія нефти изъ смолистыхъ веществъ нѣкото-

рыхъ видовъ растений, поглощенныхъ катаклизмами. Эта теорія также можетъ быть поддержана. Нѣкоторые торфы играютъ роль переходной степени между нефтью и каменнымъ углемъ своимъ содержаніемъ смолистыхъ веществъ, достигающимъ до 20 процентовъ. Дюрень указалъ на сходство этихъ веществъ въ торфѣ Бретани и въ нынѣшнихъ растенияхъ, и д-ръ Вольный, специалистъ по этимъ вопросамъ, полагаетъ весьма вѣроятнымъ происхожденіе смолистыхъ веществъ торфа изъ растений, послужившихъ для образования послѣдняго. Но торфяное смолистое вещество можетъ быть превращено химически въ нефть, такъ что теорія растительнаго происхожденія нефти имѣетъ вѣсные аргументы.

Вообще можно заключить, что нефть происходитъ изъ жирныхъ, смолистыхъ остатковъ, животныхъ или растительныхъ или, быть можетъ, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, соответственно мѣстностямъ. Но съ химической точки зрѣнія, при оцѣнкѣ той и другой гипотезы, доводы въ пользу мнѣнія о происхожденіи нефти отъ разложенія рыбъ должны, кажется, одержать верхъ надъ другими соперничающими предположеніями. Определеннаго рѣшенія этого вопроса слѣдуетъ ожидать отъ геологів, которая все болѣе и болѣе совершенствуется въ своихъ данныхъ, становится точнѣе въ своихъ показаніяхъ, все сильнѣе подкрѣпляется фактами. Выше было указано, что однимъ изъ аргументовъ гипотезы происхожденія нефти изъ рыбныхъ скопленій служитъ отсутствіе азота въ ея составѣ, но истина требуетъ указать на исключенія въ этомъ отношеніи,—исключенія, впрочемъ, настолько рѣдкія, что они не могутъ быть приняты серьезно во вниманіе при рѣшеніи вопроса о происхожденіи этой горючей жидкости.

Отъ себя мы можемъ прибавить еще одно интересное указаніе, нѣсколько говорящее, кажется, въ пользу разсмотрѣнной гипотезы образованія нефти изъ разложившагося мяса рыбъ: именно, русская богатѣйшая нефтеносная область на западномъ берегу Каспійскаго моря находится въ близкомъ соосѣдствѣ съ богатѣйшимъ рыбнымъ краемъ Россіи...

Театръ Маріонетокъ въ Нью-Йоркѣ.

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Театръ маріонетокъ въ Нью-Йоркѣ.

Фр. Никольса.

Въ самомъ центрѣ италіанской колоніи въ Нью-Йоркѣ стоитъ, втиснутый между двумя большими домами, маленький театрикъ, въ которомъ неизмѣнно каждый вечеръ воскресаетъ средневѣковое рыцарство.

Этотъ театръ пережилъ свое время. Все вокругъ него носить признаки цивилизаціи двадцатаго вѣка,—кишащіе народомъ тротуары, полисмены, электрическія кареты и прочіе. Онъ же, какъ уцѣлѣвшая между камнями мостовой травка, отказывается уступить мѣсто реализму. Театрикъ этотъ живетъ, какъ воспоминаніе о тѣхъ далекихъ годахъ, когда люди вѣрили въ свои мечи и въ невозможное.

Труппа этого театра заключаетъ въ себѣ болѣе шестидесяти актеровъ; ихъ игра никогда не составляетъ предмета рецензій драматическихъ критиковъ; въ свою очередь и они относятся одинаково равнодушно какъ къ похваламъ, такъ и порицанію. Хотя нельзя сказать, чтобы они работали изъ любви къ искусству, но все-таки они работаютъ ни ради денегъ, ни ради славы. Отсутствіе чувства въ ихъ игрѣ болѣе чѣмъ возмѣщено усердіемъ, съ какимъ они исполняютъ свои роли, но главное они вѣрны антрепренеру. Труппа

эта состоитъ изъ маріонетокъ, приводимыхъ въ дѣйствіе желѣзными прутьями. и мѣсто жительства ея Спрингъ-Стритъ.

Маріонетки ростомъ около трехъ футовъ. У нихъ деревяныя головы, набитый кукольный корпусъ на пружинахъ, и фабрикація ихъ происходитъ въ самомъ театрѣ. Ихъ «директоръ» можетъ болѣе справедливо, чѣмъ какой бы то ни было антрепренеръ, хвастаться тѣмъ, что онъ «дѣлаетъ актеровъ». Лица ихъ вытачиваются, парики прибиваются гвоздями на голову, и все ихъ костюмы моются въ томъ же театрѣ. Давоная въ немъ пьеса не имѣетъ конца: она началась болѣе года тому назадъ, когда театръ впервые появился на Спрингъ-Стритѣ. Директоръ объяснитъ вамъ, что у него есть италіанская книжка, въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ «Семь Паладиновъ». Каждый день онъ изучаетъ одну изъ ея главъ, а затѣмъ, согласно содержанію этой главы, импровизируетъ то, что должны говорить актеры, когда онъ маневрируетъ ими изъ-за сцены. Маріонетки-женщины говорятъ черезъ посредничество Изабеллы, его старшей дочери. Тѣ же dramatic personae появляются на сцену каждый вечеръ, но представленіе всегда разное. Главы треть-

яго тома еще не были играны на Спрингъ-Стритъ, и онѣ всѣ должны быть сыграны прежде, чѣмъ директоръ вернется къ первой главѣ перваго тома и начнетъ сначала.

«Семь Паладиновъ» — коллекція романтическихъ легендъ, окружающихъ дворъ Карла Великаго. Это передѣлка «Пѣсни Роланда», которую Тайльферъ пѣлъ передъ Вильгельмомъ Завоевателемъ въ Гастингскомъ сраженіи и которая, въ той или иной формѣ, является основаніемъ для значительной части произведеній древней европейской литературы. Въ «Семи Паладинахъ» заключается все самобытное направление десятаго вѣка. Тутъ находится Ринальдо Монтобанскій, которымъ такъ восхищался Донъ-Кихотъ, его конь Байаръ и мечъ Фламбергъ. Тутъ волшебникъ Маладжиди и Ганелонъ предатель, Карлъ Великій, Кларисса и самъ золотокудрый Роландъ. Они изображаются безъ всякихъ новѣйшихъ прикрасъ. Въ сущности, пьеса настолько серьезна, ея средневѣковая простота настолько совершенна, что почти кажется, будто Карлъ Великій и его храбрые рыцари устали отъ тысячетѣтнаго ожиданія и переживаютъ свое молодое на Спрингъ-Стритѣ.

Вслѣдствіе того, что маріонетки приводятся въ дѣйствіе сверху, число ихъ жестовъ ограничено. Когда актеръ желаетъ показать зрителямъ, что онъ плачетъ, онъ прикладываетъ руку ко лбу; когда сердится, онъ дергаетъ ногами; когда же онъ хочетъ дѣлать видъ, что усталъ, то прислоняется къ стѣнѣ. Въ одномъ углу театра стоитъ верстакъ, на которомъ выдѣлывается оружіе маріонетокъ. Щиты и шлемы ручной ковки и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно красивы. Достоинство и важность лица обозначается всегда его вооруженіемъ. Если актеръ изображаетъ простаго рыцаря, то его шлемъ изобличаетъ многочисленные удары, полученные имъ на сценѣ и за сценою; если же онъ изображаетъ такого паладина, какъ Ринальдо, то его шитъ всегда новый и никелированный. Есть около дюжины маріонетокъ, изображающихъ турокъ, на которыхъ надо смотрѣть въ духѣ крестовыхъ походовъ. Всѣ мусульмане отчаянно злы; ихъ роль заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы милостиво быть убитыми мечемъ христіанскихъ рыцарей, которые, за исключеніемъ Ганелона, не могутъ дѣлать ничего недостойнаго одобренія, сколько бы они ни убивали и ни грабили.

Маленькая сцена находится на концѣ длиннаго зала. Арка авансцены низко опущена для того, чтобы люди, приходящіе въ дѣйствіе актеровъ, были совершенно скрыты. Плата за входъ отъ пяти до пятнадцати центовъ. Очень немного, сравнительно, мѣсто продается по болѣе высокой цѣнѣ; они состоятъ изъ камыше-

выхъ стульевъ, разставленныхъ въ короткой галлерей, которая величается «ложею». Ежедневно въ восемь часовъ вечера зрители занимаютъ мѣста, которыми заполнена большая часть театра. Всѣ они бѣдны и, по принятой мѣркѣ, невѣжественны. Очень немногіе изъ нихъ грамотны. Они состоятъ изъ тѣхъ италіанцевъ, которые тащатъ тележки съ фруктами и копаютъ подземные ходы. Тутъ есть люди всякихъ возрастовъ, говорящіе на всевозможныхъ нарѣчіяхъ: сѣдовласыя бабушки, которымъ второе поколѣніе захотѣло доставить удовольствіе; дѣти, которыя уже проходятъ третью часть азбуки и умѣютъ говорить по-англійски; пьемонтцы и сицилійцы. Много женщинъ сидятъ съ младенцами на рукахъ, и всѣ мужчины, почти безъ исключенія, курятъ отвратительный табакъ, котораго нигдѣ въ мірѣ нельзя найти кромѣ какъ въ мѣстности между Гаустонъ-Стритъ и Чатамъ-Скверъ. Одинъ запахъ, господствующій надъ всѣми остальными, — запахъ чеснока, связываетъ родственными узами всѣхъ зрителей. Очевидно, этотъ овощъ составляетъ главную часть ужина всѣхъ пришедшихъ, не исключая и младенцевъ. Управление театромъ — дѣло одной семьи. Мужъ и отецъ — директоръ заведенія. При орудованіи маріонетками ему помогаютъ старшій сынъ и дочь. Жена директора продаетъ билеты у входа, а Рафаэль и Елена, — одиннадцати и девяти лѣтъ, исполняютъ обязанности капельдинеровъ. Эти дѣти согласились на мою просьбу допустить меня за сцену и объяснить мнѣ представленіе. Мы прошли черезъ калитку, продѣланную въ рѣшеткѣ, окружающей сцену, а затѣмъ черезъ парусинную дверь на авансцену, и я очутился въ жилищѣ маріонетокъ. Онѣ висѣли у стѣны въ такомъ изобиліи, что закрывали другъ друга. Рафаэль и Елена говорили о нихъ, какъ о существахъ, одаренныхъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ разумомъ.

— Это — азіатскій великанъ, — объясняла Елена, указывая на маріонетку, которая была головою выше всѣхъ остальныхъ. Онъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ турокъ; но Ринальдо убьетъ его не далѣе, какъ черезъ недѣлю.

— А это Ганелонъ, — сказалъ Рафаэль, — мы никогда не моемъ ему лицо, потому, что онъ негодай.

Елена съ благоговѣніемъ рассказывала мнѣ о красотѣ платья Клариссы, изъ-за которой сражались доблестные рыцари.

— Моя мать, — говорила она, — трудилась надъ этимъ платьемъ цѣлую недѣлю. Она говоритъ, что я получу его, когда оно будетъ сношено.

Въ центрѣ сцены декораціи были повѣшены надъ чѣмъ-то въ родѣ перегородки. Позади этой перегородки были устроены узкіе подмостки, на которыхъ стоялъ директоръ, при чемъ видны были только

его голова и плечи. Когда поднялся занавѣсъ, его мускулистая голыя руки блестяли отъ пота. Рафаэль объяснилъ мнѣ, что грубо нарисованныя деревья, повѣшенныя надъ перегородкою, означаютъ «Лѣсъ Скорби».

— Иногда мы испытываемъ огорченія и печали. Мы какъ будто заблудились въ своихъ чувствахъ. Это и есть Лѣсъ Скорби. Трудно это объяснить американцамъ, но итальянцы понимаютъ.

Переваливаясь, выступилъ Мамбрино, держа мечъ передъ своимъ лицомъ. Гулъ въ зрительной залѣ умолкъ, и водворилась тишина, прерываемая по временамъ вздохами. Всѣ женщины вытирали глаза руками, а мужчины вытрясали пепель изъ трубокъ. «Бѣдный Мамбрино!» говорили они. «Выберется ли онъ когда-нибудь?» Лицо директора, которое было невидимо для зрителей, становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ. Было очевидно, что онъ испытывалъ все деревяннее горе Мамбрино. На лицѣ его выражалось отчаяніе, котораго не способна была испытывать марионетка.

Мамбрино выступилъ на середину сцены и разсказалъ, какимъ образомъ онъ былъ разлученъ съ Ринальдо и заблудился въ лѣсу. Онъ сильно отклонился назадъ и сказалъ, что онъ голоденъ, озябъ и истомленъ. Онъ пятаеся дошелъ до картонной скалы и былъ опущенъ на нее, при чемъ заявилъ, что намѣренъ лечь, чтобы умереть въ Лѣсу Скорби. На глазахъ директора навернулись слезы, и незанятою рукою онъ спѣшилъ ихъ вытереть. Большинство женщинъ въ зрительномъ залѣ громко рыдали, мужчины же энергично терли усы.

Затѣмъ на сцену былъ выведенъ колдунъ Маладжиджи. Лицо директора освѣтилось улыбочкою и выразило облегченіе, когда онъ сообщилъ о томъ, что Маладжиджи нашелъ Мамбрино. Онъ задержалъ ноги волшебника и говорилъ за него: «онъ храбрый рыцарь. Я долженъ вывести его изъ Лѣса Скорби. Позову своего господина».

Его господинъ,—чортъ, былъ самымъ популярнымъ актеромъ изъ всей труппы. Онъ былъ вырощенъ на сцену сверху, а не введенъ изъ-за кулисъ. Когда директоръ произнесъ его роль, чортъ оказался достойнымъ полученныхъ имъ аплодисментовъ. Не смотря на его хвостъ и рога, онъ былъ добрый малый, тотчасъ же принявшійся соображать—какъ вывести Мамбрино изъ лѣсу. «Единственное для этого средство,—говорилъ онъ вдумчиво,—чтобы рыцарь постѣдовать за тѣмъ, что онъ больше всего любитъ. Но ему ничего больше не оставалось любить, кромѣ своего коня Байара. «Превосходно,—воскликнулъ чортъ, прыгая отъ радости,—убѣги съ Байаромъ, и Мамбрино пойдетъ вслѣдъ».

Рафаэль и Елена, безъ всякихъ напоминаній со стороны отца, принялись коло-

тить кулачками въ лежавшее безъ употребленія вооруженіе марионетокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сморщивъ губы, издавали уморительные звуки, нѣчто среднее между свистомъ и стономъ.

— Это буря,—объяснилъ мнѣ Рафаэль:—мы изображаемъ громъ и дождь, падающій на деревья.

Буря была поднята съ цѣлью разбудить Мамбрино, котораго директоръ поднялъ со скалы какъ разъ во-время, чтобы онъ могъ увидѣть, какъ волшебникъ уводитъ Байара. Байаръ былъ сдѣланъ изъ бѣлой ваты и имѣлъ фута два въ длину. У него сочлененія были на переднихъ только ногахъ, и онъ былъ значительно меньше волшебника; но это ничему не мѣшало. Зрители любили его. Представленіе дошло до самаго интереснаго мѣста, и зрители были очень возбуждены. Они встали ногами на скамейки и кричали: «Поймай его. Мамбрино! Бѣги за нимъ!» Крупными каплями потъ катился съ лица директора, когда онъ топалъ ногами, чтобы показать, что Байаръ скачетъ. Постѣдній исчезъ вмѣстѣ съ волшебникомъ за кулисами, гдѣ Рафаэль потрепалъ его за хлопчатобумажныя уши.

— Ты добрый конь,—говорилъ онъ, вѣшая его на гвоздь. Тебѣ незачѣмъ утомляться. Мы спасемъ твоего господина.

Мамбрино забылъ всѣ свои горести. Онъ стучалъ мечомъ по щиту и громко звалъ Байара, но тотъ не показывался. Прибравшись черезъ лѣсъ, онъ вдругъ остановился, а дѣти побѣжали въ уголокъ и тамъ стали топать, стучать и орать, какъ индѣйцы.

— Происходить битва,—сказала мнѣ Елена. Мамбрино прислушивается къ ней. Мы изображаемъ битву.

Зрители тоже слушали, затанцъ дыханіе. Они хранили абсолютное молчаніе, и Елена и Рафаэль все громче и громче шумѣли. Между тѣмъ Пзабелла и ея старшій братъ живо снимали марионетки съ крючковъ и клали ихъ въ кучу около отца. Мамбрино принялъ участіе въ сраженіи, которое яростно вели между собою турки и христіане. Одинъ за другимъ бросились турки на Мамбрино. Слышалось бряцаніе мѣди, и врагъ падалъ мертвымъ на сцену. Въ продолженіе трехъ минутъ около двадцати мертвыхъ марионетокъ пали вокругъ Мамбрино. Тутъ физическое упражненіе было слишкомъ сильное для того, чтобы директоръ могъ много говорить, и происходила просто пантомима битвы и побѣды. Когда сраженіе окончилось, Ринальдо, переваливаясь черезъ мертвыя тѣла, подошелъ къ своему товарищу и обнялъ его. Зрители смѣялись, когда спускался занавѣсъ, а дѣти уносили жертвы Мамбрино. Планъ чорта оказался удачнымъ. Храбрый рыцарь выбрался изъ Лѣса Скорби.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ и ЖУРНАЛОВЪ.

XIX-й вѣкъ и народившійся XX-й, под-
вергающіе тонкому и всестороннему ана-
лизу каждое движеніе человѣческой души,
не составили безъ вниманія и дѣтское
сердце и открыли въ немъ особенную,
сложную, полную значенія психологію, о
существованіи которой не подозрѣвали
наши отцы, а тѣмъ болѣе наши дѣды. Въ
прежнее время, да и теперь дѣтство не-
рѣдко называется золотымъ. Художники,
какъ-то: Грѣзъ, Беркенъ, Друа, оставили
намъ портреты свѣжихъ, толстыхъ, ды-
шащихъ здоровьемъ и весельемъ дѣтей,
окруженныхъ голубками, цвѣтами, на фонѣ
голубого неба. Изъ этихъ дѣтей выросли
полные оптимизма и жизнерадостности
люди, которые сохранили самое лучезар-
ное воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ и отро-
чествѣ, не смотря на страшную строгость
дисциплины, розги, голодные и холодные
часы, проведенные въ темныхъ чуланахъ,
всякаго рода наказанія, считавшіяся един-
ственной правильной системой воспита-
нія, не смотря на отсутствіе комфорта и
гигіены въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ вос-
поминаніяхъ стариковъ мы читаемъ уми-
ленные и восторженные строки, благосло-
вляющія это время. На послѣдующихъ
поколѣніяхъ подобный режимъ отразился
болѣе болѣзненно и оставилъ послѣ себя
воспоминанія о дѣтствѣ, омраченномъ не-
справедливостями, суровостью, рутинной,
бросающими подчасъ черную тѣнь на на

веселія, счастливыя минуты. Это-то по-
колѣніе, перенесшее на опытѣ мучитель-
ныя минуты дѣтскаго отчаянія, горя и
сознанія своего безсилія передъ властью
старшихъ, пережившее мучительный про-
цессъ возмужанія ума и сердца при та-
кихъ условіяхъ, и воспользовалось гу-
манитарнымъ и филантропическимъ на-
правленіемъ нынѣшняго вѣка, чтобы обра-
тить особенное вниманіе общества на дѣт-
скій возрастъ и на значеніе правильнаго
развитія его въ физическомъ и нравствен-
номъ отношеніяхъ. Они привлекли вни-
маніе благотворителей и матерей на боль-
ныя, несчастныя созданія, растущія въ
подвалахъ безъ призора, безъ свѣта, почти
безъ одежды и пищи, въ вѣчномъ страхѣ
передъ пьяными колотушками отца и не-
терпѣливыми пинками матери, и которыя,
конечно, не имѣютъ понятія о мало-малы-
ски гигиеничномъ и тщательномъ уходѣ.
Идеальной мечтой филантропа и социаль-
наго реформатора должно быть насту-
пленіе такого времени, когда не будетъ
большесиротъ, не въ собственномъ смыслѣ
отсутствія отца и матери, а въ смыслѣ
той заброшенности, которое выражаетъ
это слово. Дѣйствительно, кто болѣе ну-
ждается въ попеченіи, чѣмъ эти малень-
кія, безпомощныя существа, гибнущія ты-
сячами вслѣдствіе отсутствія любви и за-
боты? Сколько женщинъ живутъ одинокой,
грустной жизнью, лишенной интересовъ

и привязанностей, когда на свѣтъ столько несчастныхъ дѣтей, которыхъ нужно спасти и прирѣть; онѣ бы наполнили этимъ свое существованіе и не дѣлаютъ этого потому, что не подозреваютъ, сколько счастья и пользы для другихъ и для себя заключается въ этомъ трудѣ. Вѣдь ребенокъ становится взрослымъ человекомъ, благодѣтелемъ или бичемъ для общества, источникомъ счастья или горя для множества людей, родоначальникомъ многихъ поколѣній, процвѣтаніе которыхъ зависитъ отъ его нравственного и физическаго здоровья. Это-то здоровье должно быть цѣлью нашихъ заботъ и усилій, и такъ какъ каждый ребенокъ, спасенный отъ нравственнаго или физическаго искаженія, представляетъ громадное благодѣяніе для человечества, то и трудъ этотъ—великое дѣло, какъ ни тяжело и неблагоприятно онъ иногда. Ни одно изданіе не устоитъ противъ дѣйствія времени и непогоды, если не будетъ стоять на прочномъ фундаментѣ, точно также нельзя строить на пескѣ человѣческую жизнь; отъ ея начала зависитъ ея послѣдующее направленіе, такъ что эта работа должна быть начата съ первыхъ дней существованія.

Французы озабочены тѣмъ, что народонаселеніе Франціи не даетъ нормальнаго сжегоднаго прироста, и, въ видахъ пресѣченія зла, они издають разные законы и выдумываютъ налоги на холостыхъ и бездѣтныхъ, но никакія подобныя мѣры не заставятъ рѣшившихся на добровольное безплодіе супруговъ измѣнить свои взгляды. Не полезнѣ ли было бы въ этихъ цѣляхъ относиться съ особымъ почетомъ къ беременнымъ женщинамъ и дѣвушкамъ и устроить для нихъ особыя убѣжища, гдѣ онѣ могли бы въ комфортабельномъ покоѣ прове-ти эти нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы это время избавленія отъ обыденной нищеты, труда и горя являлось бы для нихъ настоящимъ счастливымъ, чтобы онѣ жаждали вернуться въ тѣ же условія. Рядомъ съ этимъ цѣлесообразно было бы сосредоточить всѣ усилія, чтобы спасти отъ гибели множество дѣтскихъ жизней взаимны тѣхъ существованій, которыя эгоизмъ и развращенность не позволяютъ плодотворить. На этомъ пути сдѣлано уже порядочно, много усилій, труда, денегъ положено на это дѣло, и оно привлекаетъ къ себѣ все больше и больше адептовъ, тѣмъ болѣе, что ничто такъ не поглощаетъ, какъ подобная дѣятельность. Мы привязываемся къ собаченкѣ, которую спасли отъ воды; тѣмъ болѣе мы привязываемся къ живому существу, которое спасаемъ отъ болѣзней, отчаянія, тюрьмы, чтобы сдѣлать изъ него здороваго и полезнаго члена общества.

Всѣ люди зависятъ другъ отъ друга. Наказаніе за дурной поступокъ падаетъ почти всегда на голову невиннаго; каждый человекъ, которому не протянешь руку

въ-время, становится источникомъ несчастій для современниковъ и для потомковъ.

Если вагъ сосѣдъ горитъ, то и вагъ домъ находится въ опасности; люди такъ тѣсно переплелись между собой, что отделиться, жить особнякомъ невозможно; такимъ образомъ заботиться о благосостояніи другихъ—значитъ въ сущности заботиться о собственномъ счастьи. Чѣмъ болѣе мы дѣлаемъ добра тѣмъ, которые входятъ въ составъ общества, тѣмъ болѣе мы облегчаемъ жизнь нашимъ близкимъ, и смѣло можно сказать, что мы принесемъ больше пользы нашимъ дѣтямъ, работая надъ физическимъ и нравственнымъ оздоровленіемъ той среды, въ которой имъ суждено жить, чѣмъ заботясь о скопленіи имъ большого состоянія.

Оздоровленіе это должно начинаться съ колыбели—оздоровленіе сперва физическое; оно достигается, какъ извѣстно, путемъ учрежденія яслей, всевозможныхъ пріютовъ, гдѣ дѣти пользуются надлежащимъ уходомъ, живутъ въ чистотѣ, одѣты, накормлены и обучены, и вотъ на нѣсколько лѣтъ избавляются отъ вреднаго вліянія домашней обстановки. Никому не безызвѣстно, что пороки быстро развиваются въ дѣтяхъ. Они охотно мучаютъ животныхъ и притѣсняютъ слабого товарища; какъ только ноги достаточно быстро бѣгаютъ, они начинаютъ воровать; неисчислимо количество дѣвочекъ-подростковъ, готовыхъ за кусокъ ленты или конфету ублажать стараго сатира. Искорененіе этихъ плевелъ представляетъ трудную задачу, которую удается исполнить, пока ребенокъ въ стѣнахъ пріюта; но вотъ онъ достигъ предѣльнаго возраста и долженъ уступить мѣсто другому; возвращается онъ въ тотъ же подвалъ, откуда вышелъ, гдѣ видны забытыя грубыя сцены, циничныя слова и претерпѣваетъ снова колотушки, голодъ и холодъ. Молодая натура, не успѣвшая окрѣпнуть въ хорошемъ направленіи, мало-по-малу развращается, озлобляется; появляются прежніе пороки, и въ результатѣ—скамья подсудимыхъ, а въ лучшемъ случаѣ—разбитая, порочная жизнь деклассированнаго, выбитаго изъ колеи человека. Подобное положеніе дѣла привлекло вниманіе добрыхъ людей, рѣшившихся помочь горю, и по ихъ инициативѣ въ Петербургѣ образовался въ истекшемъ году съѣздъ благотворительныхъ обществъ, поставившій себѣ цѣлью передавать дѣтей изъ одного заведенія въ другое въ извѣстной постепенности, начиная съ яслей и пріютовъ и кончая профессиональными школами и обще-образовательными училищами, выпускающими почти взрослыхъ людей, вооруженныхъ средствами къ добыванію себѣ честнаго куска хлѣба. Конечно, для этой цѣли желательно бы было самое широкое распространеніе профессиональнаго образованія.

Сложность вопроса о расколѣ. — Характеръ изслѣдованія г. Бобринцева-Пушкина о судѣ и расколѣ. — «Инфра-человѣки». — Типы бродягъ. — Безвредное бродяжничество. — Оскуднѣе, какъ факторъ преступности. — Промышленное нищенство и его организація. — Педагоги нищенства и склады нищенскихъ принадлежностей. — Исторія русской литературы г. Энгельгардта. — Нищенство сороковыхъ годовъ. — Историческій смыслъ теоріи субъективизма Штирнера. — Библіотека отечествовѣднія г. Мазеева и ея задачи. — Изслѣдованіе о кустарничествѣ.

Вопросъ о нашемъ сектанствѣ является до такой степени сложнымъ, что даже теоретическое рѣшеніе его въ безобидномъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ смыслѣ представляетъ трудности почти непреодолимые. Не нужно забывать, что онъ тѣсно связанъ съ принципиальнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, а въѣдъ норма этихъ отношеній остается проблемой вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ. Болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ вопросѣ, здѣсь неумѣстно легкомысленное пустословіе или пропитанное злобнымъ ненавистничествомъ «распни его»; болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, здѣсь желательно слышать зрѣло-обдуманнѣйшій голосъ, взвѣшивающій всѣ про и contra, проникнутый духомъ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству и при томъ далекій отъ верхоглядства. Именно такими достоинствами отличается изслѣдованіе А. М. Бобринцева-Пушкина, посвященное весьма важному вопросу объ отношеніи нашего суда къ расколу¹⁾.

Приступая къ обзору общихъ условій борьбы государства и церкви съ расколь-

никами и сектантами, почтенный авторъ заявляетъ, что расколъ по своему безправію поставленъ безконечно ниже не только иностранныхъ исповѣданій, но даже язычниковъ, хотя, съ богословской точки зрѣнія, установившей единовѣріе, расколъ выше инославныхъ исповѣданій. Подобное двойственное отношеніе къ расколу можетъ быть объяснено только съ націоналистической точки зрѣнія. «Расколъ» — говоритъ авторъ словами юриста Рейснера — «отрицаетъ русское народное значеніе за официально признанной государственной вѣрой и, смѣшивая самъ религію и народность, является соперникомъ господствующей вѣры именно въ качествѣ національнаго истинно русскаго древняго благочестія». Вслѣдствіе этого съ расколомъ ведетъ борьбу прежде всего государство, призывающее къ тому же и церковь, которая, «не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ національной окраски и находясь въ полномъ подчиненіи государству, сама становится только орудіемъ въ рукахъ государственной политики, а именно орудіемъ ея націоналистическихъ стремленій».

Подобное положеніе, какъ и слѣдовало ожидать, признается авторомъ совершенно нежелательнымъ. «Въ занимающемъ насъ

¹⁾ А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб., 1902.

вопросъ» — ставить г. Бобринцевъ-Пушкинъ свой основной тезисъ, — «болѣе чѣмъ гдѣ-либо, важно помнить, что у государства есть свои независимые отъ церкви интересы и обязанности, и обратно въ такомъ же положеніи находится и церковь: было бы большою ошибкой и могло бы вызвать очень опасныя послѣдствія — смѣшеніе въ цѣляхъ и въ дѣятельности этихъ самоудовольствующихъ факторовъ». Ни для кого не секретъ, что подобныхъ «большихъ ошибокъ» было сдѣлано уже немало, и г. Бобринцевъ-Пушкинъ подобралъ цѣлый ассортиментъ ихъ (см. интересную вторую главу «средства и приемы борьбы съ отступниками»). Укажемъ одинъ удивительный примѣръ. Въ с. Чаплинку (Кіевской губ.) въ 1873 г. назначенъ былъ для надзора за штундистами и для прекращенія пропаганды полицейскій чиновникъ Поповъ. Вотъ характеристика этого дѣятеля, данная бывшимъ слѣдователемъ Шугаевскимъ: «Я не могъ не выразить своего удивленія относительно такого выбора: представьте себѣ пожилого человека, почти безпрерывно пьянаго, неразвитого, грубаго и самодура, да вдобавокъ еще нечистаго на руку... Съ суровостью началъ онъ преслѣдовать собранія штундистовъ, разгонялъ ихъ, билъ, арестовывалъ кого и на какой срокъ вздумается. Конечно, этимъ онъ не прекратилъ штундистскихъ собраній, а только заставилъ устраивать собранія въ другихъ селахъ или даже въ томъ же селѣ, гдѣ жилъ блюститель порядка, но только поосторожнѣе и поскромнѣе». Дѣятельность подобныхъ «миссіонеровъ» даетъ отрицательные результаты и для церкви и для государства, такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію автора, именно по дѣйствіямъ второстепенныхъ агентовъ народъ судить и осуждать сперва близкую къ нему власть священниковъ и полицейскихъ, затѣмъ губернаторовъ и архіереевъ, а затѣмъ, подымаясь постепенно выше, составлять неблагоприятное мнѣніе и о центральной власти, — совершенно не осведомленный, въ виду такого порядка, или, вѣрнѣе, беспорядка, о томъ, какіе возвышенные принципы исповѣдуетъ высшее правительство. Не забудемъ, что высочайшимъ повелѣніемъ еще отъ 28 ноября 1836 г. не вѣдѣно было разлучать членовъ одного семейства за разномысліе въ вѣрѣ, а въ сводѣ законовъ изд. 1842 г. (т. XIV ст. 60) значилось, что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія свои, а только за проступки по ереси ихъ и за распространеніе ея. Въ общемъ законодательная дѣятельность нашего правительства по отношенію къ расколу является довольно послѣдовательнымъ отраженіемъ принципа объ отдѣленіи интересовъ церкви и государства — какъ по поддержанію ихъ, такъ и по средствамъ достиженія цѣлей и осуществленія этихъ

интересовъ, но, къ сожалѣнію, на практикѣ такая система выдерживалась не всегда строго. Такъ наприм., государство пронуждено было оказывать содѣйствіе духовной власти въ дѣлѣ миссіонерскихъ «вразумленій» и «увѣщаній», при чемъ это иногда переходило желательныя границы (насильственное отвлеченіе увѣщаемыхъ отъ мѣстъ ихъ жительства). Кстати сказать, эта система вразумленій, неумѣло примѣняемая, принесла, по небезосновательному мнѣнію автора, болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ она утвердила расколъ въ его упорствѣ, обосновала ненависть его къ духовенству и недовѣріе къ искренности послѣдняго, а также повлекла противоправительственное направленіе раскольниковъ и сектантовъ.

Какое же положеніе долженъ занять судъ въ области этихъ отношеній церкви и государства къ расколу? Вопросъ этотъ авторъ разрѣшаетъ въ 3 гл. своего изслѣдованія («задача юриста въ дѣлахъ о раскольникахъ-сектантахъ»), приближаясь къ формулировкѣ ея путемъ исключенія, т. е. чрезъ устраненіе всего, чуждаго судейской дѣятельности. Такъ, авторъ опредѣляетъ, что въ задачу юриста отноуд. не входитъ забота о распространеніи православія, что онъ долженъ быть чуждъ всякой тенденціи въ ту или другую сторону и т. д. Автору приходится высказывать эти азбучныя истины въ виду часто раздающихся изъ миссіонерскаго лагеря жалобъ, будто бы суды и прокуроры допускаютъ при разборѣ сектантскихъ дѣлъ послабленія, вредныя для дѣла православія. «Какъ ни грустно сознаться» — замѣчаетъ по этому поводу авторъ — «но скорѣе приходится даже въ настоящее время наблюдать обратныя случаи, въ которыхъ, если можно такъ выразиться, обвинители и суды, напротивъ, въ ущербъ своимъ обязанностямъ, оказывались въ религіозномъ отношеніи plus royalistes que le roi».

Говоря объ отношеніи суда къ сектантству, авторъ не могъ обойти молчаніемъ вопроса о роли экспертизы въ судебно-сектантскихъ дѣлахъ. Экспертиза эта полна глубокихъ ненормальностей, дѣлающихъ судебную роль ея отрицательной. Начать съ того, что «наука сектофѣдіи», на которую должна опираться эта экспертиза, «представляетъ собою нагроможденный въ хаотическомъ безпорядкѣ необработанный историческій и современный матеріалъ, при чемъ матеріалъ этотъ болѣе доступенъ для пользованія только въ сочиненіяхъ полемическаго, очень часто тенденціознаго характера». Что касается доказательствъ, на основаніи которыхъ устанавливается преступность обвиняемыхъ, то въ дѣлахъ о сектантахъ (т. е. не старообрядцахъ) по большей части такимъ доказательствомъ является одно лишь Евангеліе, правда, съ подчеркнутыми мѣстами, но все же Евангеліе,

«которое болѣе чѣмъ странно видѣть въ судебной залѣ, на столѣ вещественныхъ доказательствъ преступлений. Не лучше обстоитъ дѣло и съ свидѣтелями. Это—почти исключительно сотскіе, десятскіе, очень часто къ тому же оскорбленные при арестахъ и, во всякомъ случаѣ, надо думать, не компетентные въ наукѣ сектовѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, они съ рѣшительностью отвѣчаютъ: это было собраніе штундистовъ, и вотъ эти, такіе-то такіе штундисты были нами взяты на молеліи».

Въ виду этой ограниченности доказательствъ въ сектантскихъ дѣлахъ судъ бываетъ вынужденъ ставить приговоръ главнымъ образомъ, если не исключительно, на экспертизѣ. О послѣдней авторъ очень невысокаго мнѣнія. «Богословская экспертиза на судѣ—говоритъ онъ—кромѣ слабости содержанія, страдаетъ и другими недостатками, присущими какъ предмету экспертизы, такъ и личности эксперта; недостаточное знаніе предмета, при его поразительной измѣняемости, слишкомъ естественно, чтобы удивлять: чуть не каждый день можно слышать или читать о народженіи новыхъ сектъ, такъ какъ догматическое суживничество составляетъ характеристическую черту не только простаго русскаго человѣка, но и вообще людей мало развитыхъ философовъ. а тѣмъ болѣе воспитанныхъ на кастовыхъ предразсудкахъ. Необходимо принять въ соображеніе еще слѣдующее: не только такъ называемые профессора сектовѣдѣнія, примѣры односторонности которыхъ мы видѣли, но и эксперты-священники, а тѣмъ болѣе «миссіонеры съ кокардами», являющіеся въ процессѣ несомнѣнно—стороною, заинтересованною въ дѣлѣ... Уже одно то, что всѣ эти эксперты представляются лицами, принадлежащими къ одному общему вѣдомству, лишаетъ ихъ необходимой независимости и не только въ дѣйствіи, но и въ мысли; къ этому присоединяется полный недостатокъ фактическаго матеріала, такъ какъ все чаще и чаще по такъ называемымъ штундистскимъ дѣламъ подсудимые не являлись». Все это лишаетъ экспертизу надлежащаго ея значенія, въ виду чего въ послѣднее время суды и сѣзды почти уже не приглашаютъ экспертовъ.

Въ книгѣ г. Бобринцева-Пушкина содержится богатый подборъ фактовъ, рисующихъ какое-то обидное безправіе сектанства, еще болѣе развивающее его стремленіе къ обособленію. Выводы свои авторъ обосновать съ тою спокойною убѣдительностью, отъ которой разномыслящимъ трудно будетъ отдѣлаться шаблонными фразами, и мы съ удовольствіемъ думаемъ, что изслѣдованіе г. Бобринцева-Пушкина заставитъ серьезно призадуматься представителей воинствующаго миссіонерства.

* *

Питая научное пристрастіе ко всякаго рода отбросамъ человечества, проф. Ковалевскій въ небольшой изящно изданной книжечкѣ знакомитъ читателя съ разнообразными типами нищихъ духовъ¹⁾, которые представляютъ готовую почву для произрастанія всякихъ явленій преступности. Эти, какъ ихъ мѣтко называетъ авторъ, инфра-человѣки, «обладая по вѣщности организаціей человѣческой, по существу не способны и не въ состояніи развивать того количества и того качества жизненной энергіи, которая довѣтъ существу homo sapiens, а потому не могутъ выполнять и того жизненнаго бытія, которое переживаетъ homo sapiens». Авторъ дѣлитъ ихъ на три большихъ группы: бродяги, оскудѣлые и нищие. Бродяжничество очень часто является врожденнымъ и должно быть рассматриваемо, какъ особаго рода меланхолія, въ которой больной, подъ вліяніемъ страшной, безпричинной тоски, не находя себѣ нигдѣ покоя, бѣжитъ, куда и зачѣмъ—самъ не знаетъ. «Его гонитъ тоска, и онъ бѣжитъ безцѣльно и безсознательно. Его бѣгъ есть разряженіе чрезмѣрно накопившейся энергіи, и тѣмъ болѣе онъ бѣжитъ или спѣшно идетъ, тѣмъ ему легче. Такъ онъ можетъ проходить десятки и сотни верстъ, пока не изсякнетъ его тоска». Въ другихъ случаяхъ тоска бываетъ объективирована; такъ, дѣти бѣгутъ изъ школы домой, новобранцы, не останавливаясь передъ тяжелой отвѣтственностью, за тысячи верстъ уходятъ на родину и т. п. Есть затѣмъ особый типъ бродяги-безродника, отличающагося тѣмъ, что онъ нигдѣ не можетъ ужиться. У бродяги этого вида нѣтъ своего излюбленнаго города, мѣстечка, села. «Какая-то невѣдомая сила гонитъ ихъ изъ одного конца обширнаго отечества въ другой, и нигдѣ не могутъ они найти себѣ постояннаго пристанища». Максимъ Горькій нашелъ своихъ героев въ средѣ бродягъ этого именно типа. Далѣе идетъ рядъ типовъ бродягъ, уже менѣе безвредныхъ. Сюда относятся сборщики подаяній на душе-спасительныя дѣла, сдѣлавшіе себѣ изъ этого занятія очень выгодный промыселъ. Богомолы и богомолки, среди которыхъ есть много шарлатановъ и др.

Оскудѣніе финансовое, какъ это вѣсѣмъ хорошо извѣстно, сопровождается оскудѣніемъ и моральнымъ; какое-нибудь внезапно обрушивающееся на человѣка несчастіе, лишающее его средствъ, «отнимаетъ у него все: вѣру въ себя, сознаніе своей личности, надежду на будущее; поселяетъ безнадежность и отчаяніе, парализуетъ силу и энергію». Само собою разумѣется, что оскудѣніе въ первичномъ

¹⁾ П. И. Ковалевскій. «Нищіе духовъ». Изданіе «Русскаго Медицинскаго Вѣстника». Спб. 1902 г.

его видѣ еще не составляет почвы для развитія преступности. Но если оно становится длительнымъ, а тѣмъ болѣе если для человека потеряна надежда выйти изъ такого состоянія, то оскудѣніе можетъ перейти въ разрядъ факторовъ, создающихъ преступность. Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ очень хорошо извѣстное Петербургу бѣдствіе, периодически разоряющее и безъ того небогатое населеніе Гавани. Это бѣдствіе, повторяясь изъ года въ годъ, деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ на душевное настроеніе гаванскихъ бѣдняковъ. Падая духомъ, они все чаще и чаще заглядываютъ въ кабаки и въ концѣ концовъ превращаются въ горькихъ пьяницъ. Обезсиленный матеріально и нравственно, честный труженникъ падаетъ и погибаетъ безвозвратно... Онъ вынужденъ валиться со своей семьей на полу и близко соприкасаться съ другой такой же семьей. Въ этой тѣсотѣ, гдѣ люди спятъ, ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, въ этой невозможной грязи и духотѣ бѣдняку трудно сохранить чистоплотность въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Прежній образъ мыслей его съ каждымъ днемъ измѣняется, какъ измѣняется и онъ самъ. То, чѣмъ раньше онъ такъ дорожилъ, потеряло теперь въ его глазахъ всякую цѣну. Жена, дѣти, все это отодвигается на задній планъ, и ихъ мѣсто занимаетъ кабакъ. Всѣ пьютъ, отчего же и ему не пить? И онъ пьетъ...

Нищихъ авторъ дѣлитъ на три категоріи: нищихъ-бездѣльниковъ, профессиональных нищихъ и калѣкъ. Интересно всею второй видъ нищенства. Какъ оказывается, существуютъ особые преподаватели нищенства и особая наука, какъ и что говорить, какъ одѣться, какъ себя держать, чтобы имѣть наиболѣе жалкій видъ и наиболѣе разжалобить публику; новички нищенства обучаются также нѣкоторымъ видамъ калѣчества, какъ подкапывать глаза, слѣпнуть, имѣть изсохшую руку, хромоту и т. д. Дѣло это вообще поставлено на широкую ногу. «Преподаватель дѣлаетъ указанія, къ кому изъ публики обращаться съ какою просьбою, а также свѣдѣнія о дняхъ пріемовъ и объ адресахъ болѣе щедрыхъ благотворителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ особенные склады нищенскихъ принадлежностей, гдѣ можно достать готовые горбы, деревяшки, плакаты на груди для слѣпыхъ, формы просительныхъ писемъ и надлежащихъ документовъ и т. д.». Иногда нищие крадутъ дѣтей и для вѣщающаго воздѣйствія калѣчатъ ихъ. Вообще нищенство въ огромномъ большинствѣ случаевъ является довольно выгоднымъ промысломъ, и нельзя не раздѣлять мнѣнія французскаго изслѣдователя Поляна, что общественное мнѣніе находится на ложномъ пути, если оно благоприятствуетъ нищимъ. «Стоить только поли-

цейскому задержать на улицѣ женщину съ маленькими дѣтьми, и немедленно толпа беретъ сторону бѣдной женщины. Этой несчастной, которая, можетъ быть, самая ужасная мегера, которая съ грудного возраста приучаетъ своихъ дѣтей ко лжи и обману...

Въ заключение проф. Ковалевскій указываетъ нѣкоторые мѣры борьбы противъ наблюдаемаго всеобщаго обнищанія, порождающаго преступность. Сокращеніе милитаризма, поднятіе производительности земли, устраненіе посредничества между потребителемъ и производителемъ — все это истины безспорныя. Вотъ только относительно мѣръ для борьбы съ пожарами, авторъ, намъ кажется, слишкомъ увлекся, когда говоритъ: «настоящѣе проведение солидныхъ знаній для борьбы съ несчастіемъ должно составлять основу школьнаго образованія. Всѣ буквари и первыя книги для чтенія должны быть наполнены азбучными истинами борьбы съ социальнымъ несчастіемъ и хозяйственными познаніями. Если еще можно сдѣлать уступку автору относительно включенія въ первыя книги для чтенія хозяйственныхъ познаній, то ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться, чтобы основой школьнаго образованія было изученіе мѣръ борьбы съ пожарами. Найдется много кое-чего гораздо поважнѣе пожаровъ, что должно быть поставлено въ основу школьнаго образованія.

Только-что вышедшее изслѣдованіе г. Энгельгардта по исторіи русской литературы ¹⁾ заставляетъ съ одобреніемъ отнестись къ усердному трудолюбію автора, не остановившагося передъ детальнымъ изученіемъ предмета, чрезвычайно широкаго по объему. Вполнѣ справедливо указаніе автора, что у насъ «хорошо изучены только немногіе любимые и прямо геніальные писатели, но черновая работа оцѣнки писателей промежуточныхъ, имѣющихъ только относительное значеніе въ преемственной работѣ надъ литературными формами, не сдѣлана». Г. Энгельгардтъ не отстранилъ отъ себя полезной задачи изученія всѣхъ такихъ второстепенныхъ и третестепенныхъ писателей, «нынѣ забытыхъ и потонувшихъ въ блескѣ свѣтила литературы», и если его трудъ еще и не даетъ возможности «сдва-ли не впервые наглядно обозрѣть литературную эволюцію XIX столѣтія», на что скромно надѣется авторъ, то все же онъ даетъ читателю довольно обильный матеріалъ.

¹⁾ Николай Энгельгардтъ. «Исторія русской литературы XIX столѣтія». Томъ первый. 1800 — 1850 гг. (Критика, романъ, поэзія и драма). Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библиографіи. Спб. 1902 г.

для составленія сужденія о главнѣйшихъ теченіяхъ литературныхъ въ только-что минувшемъ столѣтіи.

Авторъ избралъ методъ хронологическій и ведетъ обзоръ литературы по десятилѣтіямъ. Изложеніе иногда отличается конкретнымъ характеромъ. Очень часто авторъ только ставитъ вопросы, не приступая къ разрѣшенію ихъ (см. напр. стр. 61, гдѣ идетъ рѣчь о романахъ перваго десятилѣтія прошлаго вѣка). Выдающееся достоинство труда — полнота библиографическаго матеріала. Конечно, тутъ возможны будутъ частичныя поправки и дополненія, но объ этомъ и говорить не стоитъ.

Мы разсчитываемъ подробнѣе сказать о трудѣ г. Энгельгардта по выходѣ второго тома, по словамъ автора, уже подготовленнаго къ печати.

* * *

Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка теорія эгоизма нашла проповѣдника въ лицѣ Макса Штирнера — философа, которому замѣчательно не посчастливилось: онъ былъ забытъ въ какихъ-нибудь четыре года и дотакое степени основательно, что біографу его, Джону Маккею, потребовалось десять лѣтъ прилежныхъ изысканій, чтобы «собрать необходимѣйшія біографическія свѣдѣнія и приподнять густую завѣсу забвенія, скрывающую отъ нашихъ глазъ жизнь Штирнера». Изложеніе системы этого философа даетъ г. Саводникъ въ небольшой книжечкѣ¹⁾. Изъ нея мы узнаемъ, что этотъ смѣлый и безпощадный скептикъ, апологетъ эгоизма, былъ въ дѣйствительности мирнымъ, безобиднымъ обывателемъ, преподававшимъ нѣмецкую словесность въ одномъ частномъ берлинскомъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ. Съ своей теоріей Штирнеръ выступилъ въ такое время, когда общество всего менѣе могло увлечься проповѣдью эгоизма. Не забудемъ, что это было въ сороковые годы — эпоху великихъ увлеченій и великихъ ожиданій. «Долгое напряженное состояніе разрѣшилось въ открытую борьбу новыхъ, либеральныхъ идей противъ устарѣлаго государственнаго порядка; борьба эта велась во имя такихъ идеаловъ, какъ свобода, право, равенство, отечество; очевидно, что человекъ, видѣвшій въ этихъ идеалахъ одни только ложныя сущности, призраки, мнимыя величины, не могъ имѣть никакого голоса въ эпоху всеобщаго увлеченія».

Послѣ изложенія системы Штирнера, котораго онъ считаетъ «анти-идеалистомъ по преимуществу», авторъ даетъ критическую ея оцѣнку, указываетъ ея пробѣ-

лы съ онтологической и психологической стороны. Въ возникновеніи этой системы авторъ видитъ нѣкоторую историческую необходимость: она явилась «въ качествѣ крайняго антитеза всей идеалистической философіи, господствовавшей въ Германіи въ теченіе первой половины XIX вѣка». Съ этой стороны г. Саводникъ не отказываетъ ей въ нѣкоторой долѣ значенія. «Штирнеръ», — говоритъ онъ, — «создалъ свою систему чистаго субъективизма не по прихоти личной воли, не по капризу творческаго воображенія, а въ силу нѣкоторой логической необходимости; борясь противъ идеализма, онъ являлся поправкой къ его односторонности, являлся представителемъ противоположныхъ умственныхъ теченій: въ этомъ для насъ заключается истинный смыслъ и интересъ его философскихъ взглядовъ».

Наконецъ, г. Саводникъ ставитъ вопросъ, существуетъ ли прямая зависимость Нитцше отъ его малоизвѣстнаго предшественника? Слѣдуетъ предварительно замѣтить, что сходство идей обоихъ философовъ «достигаетъ иногда въ отдѣльныхъ афоризмахъ буквальнаго тождества». «Тѣмъ страннѣе является», — говоритъ авторъ, — «тотъ фактъ, что Нитцше нигдѣ не называетъ Штирнера, словно этотъ мыслитель остался ему совершенно неизвѣстенъ. Послѣднее предположеніе представляется маловероятнымъ, такъ какъ Нитцше могъ познакомиться съ общей характеристикой философіи Штирнера, напримѣръ, изъ «Исторіи матеріализма» Ланге, которую онъ цитируетъ въ своихъ произведеніяхъ и которая, слѣдовательно, была ему хорошо извѣстна». Тѣмъ не менѣе, мировоззрѣніе Нитцше г. Саводникъ считаетъ совершенно самостоятельнымъ: «ни о какомъ влияніи (на Нитцше) со стороны Штирнера не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ развитіе взглядовъ Нитцше шло своимъ особымъ путемъ и совершалось въ силу своей внутренней необходимости». Молчаніе же Нитцше о Штирнерѣ авторъ объясняетъ тѣмъ, что «Нитцше очень ревниво оберегалъ свои права на полную оригинальность и поэтому считалъ неудобнымъ указывать на философа, съ которымъ у него было такъ много общаго».

Г. Саводникъ — изслѣдователь вдумчивый и серьезный. Его книжка представить интересъ не для однихъ только поклонниковъ Нитцше.

* * *

Поповоду выхода вторымъ изданіемъ извѣстной «Исторіи русской церкви» Е. Е. Голубинскаго г. Харламповичъ съелъ своевременнымъ подвергнуть новому пересмотру вопросъ о томъ, насколько правдивы извѣстія о состояніи просвѣщенія въ древней Руси, сообщаемыя въ «Исторіи рос-

¹⁾ В. Саводникъ. Нитцшеанецъ 40-хъ годовъ. Макс Штирнеръ и его философія эгоизма. М. 1902.

сийской» Татищева¹⁾. Научное состояние этого вопроса слѣдующее. Татищевъ въ своей исторіи даетъ рядъ извѣстій, свидѣтельствующихъ не только о широкомъ распространѣніи грамотности въ домонгольскій періодъ, но и о развитіи средняго образованія, между прочимъ спеціальнаго, духовнаго, а также о классическомъ характерѣ послѣдняго. Значительная доля этихъ извѣстій приходится на такъ называемую Іоакимовскую лѣтопись, использованную Татищевымъ и затѣмъ навсегда исчезнувшую. Уже Шлецеръ заподозрилъ многія мѣста татищевской исторіи въ достовѣрности, а затѣмъ Карамзинъ отвергъ самое существованіе Іоакимовской лѣтописи. Но цѣлый рядъ высокоавторитетныхъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имена митрополитовъ Евгенія и Макарія, Погодина, Соловьева, Куника, Пекарскаго, Бестужева-Рюмина и др., не раздѣляютъ этого мнѣнія объ ученой недобросовѣстности Татищева. Изъ позднѣйшихъ историковъ одинъ лишь профессоръ Голубинскій со всею рѣшительностью отвергаетъ правдивость извѣстій Татищева.

Г. Харламповичъ раздѣляетъ мнѣніе профессора Голубинскаго. Въ небольшой брошюрѣ его приведены нѣкоторыя новыя соображенія по данному вопросу, основанныя на анализѣ недавно открытаго памятника этой эпохи (посланія Климента (смолѣтича къ смоленскому пресвитеру Ёомѣ), а также на разборѣ извѣстій польскихъ хронистовъ по интересующему автору предмету. Брошюра производитъ хорошее впечатлѣніе тщательностью работы и научнымъ спокойствіемъ тона.

* * *

¹⁾ К. В. Харламповичъ. Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ. Львовъ. Изданіе Галицко-Русской Матицы. 1902.

Г. Мазаевъ предпринять весьма полезное изданіе «Библіотеки по отечествовѣдѣнію», имѣющей задачей въ рядѣ отдѣльных выпусковъ дать географическое, статистическое и экономическое обзорѣніе отдѣльных районовъ Россіи, этнографическое описаніе ея народностей и изслѣдованіе современнаго состоянія ея промышленной жизни. Каждый выпускъ (въ размѣрѣ до 10 печатныхъ листовъ) будетъ представлять законченный очеркъ съ указаніемъ литературы предмета. Ближайшее назначеніе библіотеки—дать пособіе для учениковъ средней школы при прохожденіи ими курса отечествовѣдѣнія, только - что введеннаго въ программу средне-учебныхъ заведеній. Мы вполне раздѣляемъ ожиданіе редактора «Библіотеки», что она окажется пригодной также для лицъ, стремящихся восполнить пробѣлы своихъ знаній самообразованіемъ, и будетъ весьма умѣстной въ народныхъ библіотекахъ и библіотекахъ для сельскихъ учителей.

Первый выпускъ «Библіотеки» посвященъ изслѣдованію о кустарныхъ промыслахъ въ нашемъ отечествѣ¹⁾. Очеркъ дастъ довольно обстоятельное изслѣдованіе предмета. Помимо историческаго очерка кустарной промышленности, здѣсь находимъ весьма интересныя свѣдѣнія о Пермскомъ кустарно-промышленномъ банкѣ (с. 83—86) и подсчетъ расходовъ земствъ на поддержку кустарныхъ промысловъ (въ 1900 г.—полъ-милліона рублей). При удовлетворительной внѣшности цѣна книжки (60 коп.) должна быть признана невысокой.

Вибліологъ.

¹⁾ Библіотека по отечествовѣдѣнію подъ редакціей М. Н. Мазаева. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ И. М. Иванова. Спб. 1902.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Сравнительная преступность мужчины и женщины. — О дѣтской преступности. — Дѣти-прирожденные бунтовщики. — Неумѣстность свидѣтельскихъ показаній дѣтей на судѣ. — Административная фабрикація Равашолей. — Тайнственное убійство во Франціи.

Профессоръ судебной медицины въ университетѣ Бордо, Г. Морашъ доказываетъ на основаніи статистическихъ данныхъ меньшую преступность женщинъ, сравнительно съ мужчинами. Если взять, — говоритъ онъ, — любой трехлѣтній срокъ, хотя, напримѣръ, 1889, 1890 и 1891 гг., то мы увидимъ, что за этотъ промежутокъ времени 2.970 мужчинъ были судимы по обвиненію въ очень тяжкихъ преступленіяхъ: убійствахъ, дѣтоубійствахъ, оскорбленіи нравственности, тогда какъ за тотъ же періодъ времени только 745 женщинъ обвинялись въ тѣхъ же преступленіяхъ. Такимъ образомъ преступности женщины составляетъ только $\frac{1}{4}$ сравнительно съ мужской, или, иначе сказать, на 5 преступленій четыре совершаются мужчинами и только одно — женщинами. Больше того: оставляя въ сторонѣ дѣтоубійство, преступленіе, за которое отвѣтственность должна падать и на мужчину, такъ какъ онъ главная причина, зачинщикъ этого преступнаго дѣйствія, изъ числа обвиняемыхъ въ общихъ преступленіяхъ насчитывается только 211 женщинъ противъ 2.954 мужчинъ, то-есть, женщина въ четырнадцать разъ менѣе преступна, нежели мужчина.

Отрицать эти факты невозможно, и потому никто ихъ не отрицаетъ, но ихъ стараются объяснить разными причинами, неслетными для женщины; говорятъ: физическое сложеніе женщины не таково, чтобы оно могло предаваться насилію, которое характеризуетъ большинство преступленій вооруженной рукой: грабежи на большой дорогѣ, кражи со взломомъ и т. д. Утверждаютъ, что если женщина не совершаетъ преступленія физически, то внушаетъ его, пользуясь его

плодами, что нравственно она его виновница, тѣмъ болѣе преступная, что остается въ тѣни и наноситъ ударъ чужими руками, и такимъ образомъ все сводится къ поговоркѣ: «во всякомъ преступленіи ищите женщину». Но если и есть доля правды въ этой поговоркѣ, то лишь то, что надо искать женщину, чтобы добратъ до мужчины, который съ незапамятныхъ временъ совершалъ всякія насилія, какъ и всякія геройства, чтобы завладѣть женщиной или удержать ее за собой. Сказочные герои отправляются розыскивать и выручать незнакомыхъ принцессъ! Злодѣй — тотъ идетъ на убійство, лишь бы добыть наряды для любовницы, потому что это льститъ между прочимъ и его тщеславію. Но какъ принцесса, такъ и подруга убійцы не отвѣтственны ни въ геройствахъ, ни въ злодѣяніяхъ. Большею частью тѣ и другія совершаются безъ вѣдома героини, а новѣйшіе и болѣе реальныя преступники очень часто не только не ублажаютъ своихъ подругъ, а эксплуатируютъ ихъ...

Итальянская школа криминалистовъ признаетъ, что женщина менѣе преступна, нежели мужчина, но даетъ этому довольно оригинальное объясненіе: преступникъ воруетъ и убиваетъ, чтобы доставить себѣ средства жить пригнѣвая, не работая. У женщины, чтобы достичь той же цѣли, есть болѣе простое средство: она торгуетъ собою. Прибавьте, говоритъ эта школа, къ числу преступницъ число проститутокъ, и вы получите цифру, равную съ цифрой, какую даетъ мужская преступность. Но теорія эта нѣсколько парадоксальна и кромѣ того грѣшитъ въ основаніи: если можно узнать число преступныхъ женщинъ, то совершенно не-

возможно даже приблизительно определить число женщин, которые по какой-либо причине эксплуатируют свою привлекательность.

* * *

Не менее интересны данные о преступности, сообщаемые прокурором в Комо, Лино Ферриани. Он прежде всего отвергает, чтобы дети были тѣ особенныя существа: ангелы или автоматы, какими ихъ считаетъ банальное мнѣніе людей, не изучавшихъ всесторонне трудной задачи полного пониманія ребенка и его души. Викторъ Гюго сказать: въ каждомъ человѣкѣ есть ребенокъ, въ каждомъ ребенкѣ есть человѣкъ. Да,—говоритъ Ферриани,—дѣти—тѣ же люди, а вовсе не мифическіе малютки, которыхъ рисуетъ себѣ невѣжественное воображеніе нѣкоторыхъ писателей. Подъ короткой блузой и панталонами скрывается человѣкъ со всѣми человѣческими страстями, тѣмъ болѣе страшными, если онъ аномаленъ, если воспитаніе не обуздало ихъ и ничѣмъ не повліяло на то, что Фулье (Fouillé) называетъ *faculté maitresses*. Имѣя дѣло съ ребенкомъ, никогда не слѣдуетъ забывать, что передъ вами человѣкъ, хотя и въ миниатюрѣ, и слѣдуетъ всегда помнить объ урокъ, преподанномъ великимъ психологомъ: «онъ глядѣлъ на меня исподлобья, какъ мошенникъ разсматриваетъ жертву своего обмана, и при этомъ у него былъ довольный видъ ребенка, который думаетъ, что обманулъ взрослою».

Ребенокъ, по словамъ Ферриани, прирожденный бунтовщикъ, и воспитателю слѣдуетъ считаться съ этимъ свойствомъ. Всѣ дѣти легко бунтуются, и это всего удобнѣе замѣчается во время игры; по мнѣнію одного французскаго психолога, дѣти инстинктивные революционеры въ своихъ играхъ, и надо руководить ими во время игры, а не предоставлять на волю ихъ прихоти, хотя, конечно, это слѣдуетъ дѣлать очень искусно. Кроме причинъ атавизма, наслѣдственныхъ свойствъ и проч., надо также признать, что однимъ изъ поводовъ къ бунту у дѣтей является жажда справедливости. Чуть ребенокъ замѣтитъ, что къ нему несправедливы, онъ возмущается до глубины души и, смотря по характеру, выражаетъ это явно, становится дерзокъ или же затѣиваетъ въ себѣ злобу—и вотъ какъ подготовляются недовольные революционеры и анархисты. Несправедливые учителя и во питатели не подозреваютъ, что они готовятъ Равашолей. Любопытны отвѣты дѣтей на вопросы, предложенные имъ Ферриани: 1) я предпочитаю пощечину несправедливости; 2) въ школѣ всѣ должны быть равны; 3) я ненавижу несправедливость; 4) ударить ребенка—подлость. Счастливъ учитель, что я не

могу отвѣтить ему такимъ же пинкомъ: 5) когда я вырасту, я отомщу за несправедливость, которую я терпѣлъ въ школѣ; 6) я люблю справедливость; 7) я не знаю, что такое справедливость, но знаю, что не переношу несправедливости; 8) мой товарищъ Луи все переноситъ, а я нѣтъ, потому что меня тошнитъ отъ несправедливости; 9) когда я вырасту, я буду революционеромъ; 10) я прихожу въ бѣшенство, когда меня обвиняютъ, а я знаю, что не виноватъ; 11) когда учитель несправедливъ, мнѣ хочется разорвать всѣ книги и послать ученіе къ чорту; 12) когда я вижу, что меня несправедливо обижаютъ, я чувствую себя храбрымъ, какъ левъ.

А вотъ четыре отвѣта отъ дѣтей преступниковъ: 1) Ахъ! Нѣтъ, я не переношу несправедливости; я способенъ «разбить морду» тому, кто ее мнѣ оказываетъ; 2) я малъ, но я вырасту и отомщу за всѣ обиды, которыя мнѣ дѣлаетъ мой большой братъ; 3) меня обижаютъ, я въ правѣ возмутиться и отвѣтить градомъ камней; 4) когда я имѣю дѣло съ несправедливыми, мнѣ хочется взять ружье и застрѣлить ихъ.

Достойны также вниманія отвѣты четырехъ дѣвочекъ; двѣ изъ нихъ изъ зажиточныхъ семей и двѣ изъ бѣдныхъ: 1) я готова лучше умереть, нежели просить прощенія; 2) несправедливость внушаетъ мнѣ желаніе всѣхъ избить; 3) самое большое горе для меня—это видѣть хорошо одѣтую дѣвочку, когда я сама въ лохмотьяхъ; это несправедливо; 4) когда меня обижаютъ, я чувствую въ сердцѣ точно кучу булавокъ, которыя меня колотятъ, и у меня является потребность разбить все, что ни попадется подъ руку; разъ я разбила въ гнѣвъ голову куклы, которую очень любила, а она у меня была одна.

* * *

Но при всей врожденной любви къ справедливости въ дѣтяхъ уживается удивительная лживость. Дѣти лгутъ, какъ дикари, наивно. Уваженіе къ правдѣ добродѣтель, прививаемая цивилизаціей, это качество взрослыхъ людей, благопріобрѣтенное благодѣяніемъ души. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и условіе общественной жизни, необходимость котораго мало понятна неразвитому уму. Ребенокъ охотно повторитъ бы съ древнимъ мудрецомъ, котораго знакомство съ міромъ отучило вѣрить въ точность людскихъ словъ:—Все правда, даже сны. Но эта самая склонность дѣтей къ сочинительству, чтобы выразиться помягче, дѣлаетъ ихъ совершенно непригодными какъ свидѣтелей на судѣ. Дѣти способны сочинять самыя небывалыя исторіи и выдавать ихъ за истину, и одинъ французскій литераторъ рассказываетъ, какъ знакомый ему мальчикъ увѣрилъ свою мать, что гувернантка повезла его кататься въ

каретѣ отца въ Елисейскія поля и что лошади понесли и были остановлены однимъ господиномъ, котораго, однако, протасили довольно далеко. Онъ прибавлять, что гувернантка и кучеръ просили его не рассказывать объ этомъ происшествіи. Мамаша успокоилась, и только случай убѣдилъ ее въ томъ, что все это была одна непостижимая ложь. Ея пріятельница, жившая въ одномъ съ ней домѣ, какъ разъ выѣхала на прогулку въ одно время съ гувернанткой и ребенкомъ; экипажъ ея все время слѣдовалъ за ихъ экипажемъ, и они вмѣстѣ же благополучно возвратились домой. Для чего же сочинить мальчикъ такую драму? Чтобы дать пищу своему воображенію, чтобы заинтересовать собою «большихъ», чтобы заставить себя слушать и жалѣть. И совѣсть нисколько не укоряла его за такую неправду.

Тотъ же литераторъ подслушалъ слѣдующій монологъ знакомой ему дѣвочки:—Здравствуйте, дорогая, какъ поживаете?—Очень грустно.—Вашъ мужъ все еще васъ бьетъ?—Болѣе, чѣмъ когда-либо, дорогая: вчера онъ сломалъ свою трость о мою руку; посмотрите какой у меня синякъ.—Вы слишкомъ добры, что терпите это.—Ах! если бы у меня не было дочери...

«Надо было слышать, какимъ искреннимъ тономъ передавались эти рѣчи. Искренній тонъ этотъ я уже слышалъ въ другомъ мѣстѣ: въ уголовномъ судѣ судили за оскорбленіе нравственности бѣднаго араба изъ Туниса, продавца сластей, который говорилъ только по-арабски, а потому пользовался услугами переводчика. Тринадцать дѣвченокъ были выслушаны не какъ свидѣтели, а «просто для свѣдѣнія». Ихъ оговоръ, точный и согласный, чуть было не погубилъ подеудимаго. Но затѣмъ ввели взрослога свидѣтеля, который оказался къ тому же докторомъ, и его показаніе было такъ убѣдительно, что прокуроръ немедленно отказался отъ обвиненія, и арабъ былъ оправданъ. Но представитъ только себѣ, что доктору что-нибудь помѣшало бы явиться въ засѣданіе суда. И вотъ несчастный торговецъ сластями былъ бы осужденъ на каторгу благодаря полученнымъ «свѣдѣніямъ» отъ лживыхъ дѣвчонокъ.

Не такъ счастливо отдѣлались нѣсколько почтенныхъ бюргеровъ въ Новомъ-Штетинѣ, которые нѣсколько времени тому назадъ были посажены въ тюрьму по обвиненію въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ на основаніи оговора дѣтей одного желѣзнодорожнаго машиниста девяти, десяти и тринадцати лѣтъ. Мать дѣтей была тоже арестована какъ соучастница безобразныхъ оргій, будто бы устраивавшихся въ ея домѣ. И что же? Все это оказалось сказкой. Про одного изъ обвиненныхъ—врача—говорили, что онъ отравилъ маленькую дѣвочку, чтобы скрыть слѣды насилія; трупъ дѣвочки вырыли

изъ могилы, и оказалось, что она умерла отъ тифа. Наконецъ, по истеченіи четырехъ недѣль арестовали тринадцатилѣтняго сына машиниста, и тогда онъ сознался, что всю эту исторію онъ выдумалъ. Тѣмъ временемъ, однако, одинъ изъ арестованныхъ бюргеровъ тяжело заболѣлъ въ тюрьмѣ и умеръ.

И вотъ почему показанія дѣтей въ судѣ, хотя бы только «для свѣдѣнія», не должны были бы допускаться. Необузданная фантазія, какъ мы видимъ, мирится въ дѣтяхъ съ чувствомъ, заставляющимъ ихъ бунтоваться противъ всякой несправедливости.

* *

Ферриани утверждаетъ, что несправедливые учителя воспитываютъ Равашолей, но вотъ любопытный образецъ того, когда бюрократія фабрикуетъ анархистовъ.

Дѣло происходитъ въ одной изъ префектуръ Франціи.

Приставъ приходитъ доложить начальнику канцеляріи префекта, что съ нимъ желаетъ говорить одинъ человѣкъ.

— Кто такой?

Приставъ, вытянувшись въ струнку, отвѣчаетъ довольно хладнокровно:

— Онъ анархистъ; онъ говоритъ, что уже приходитъ сюда.

Начальникъ канцеляріи нашелъ имя этого человѣка занесеннымъ въ полицейскіе списки. То былъ башмачникъ, котораго характеризовали, какъ очень опаснаго человѣка, хотя онъ и не принималъ участія ни въ какой пропагандѣ дѣйствіемъ. Дежурный чиновникъ подаль начальнику канцеляріи официальную депешу, которая извѣщала о прибытіи бродяги. Онъ ночевалъ въ ближайшемъ городкѣ.

— Позовите его!

Приставъ предложить побить за дверью: у человѣка съ собою «цѣльный ворохъ вещей... и котелокъ».

Начальникъ храбро отказался.

Приставъ ввелъ анархиста.

То былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, краснощекій, улыбающійся и чисто одѣтый. Онъ отдалъ честь повоенному. У него на спинѣ былъ солдатскій ранецъ, а поверхъ него свернутое по положенію одѣяло и... дѣйствительно также и котелокъ, онъ объяснилъ причину своего посѣщенія: онъ проситъ льготнаго билета на проѣздъ въ третьемъ классѣ до сосѣдняго департамента и денегъ необходимыхъ для прокормленія себя въ дорогѣ. Спокойно вытащить онъ трубку изъ кармана и кистетъ съ табакомъ:

— Вы позволите покурить, гражданинъ?.. Я продралъ двадцать километровъ: и отдохнуть не грѣхъ.

Начальникъ канцеляріи и не подумалъ запрещать ему. Человѣкъ набилъ трубку и спросилъ:

— Вы, значить, замѣстили собою высокого блондина?

— Моего предшественника!

— Прекрасный человекъ бытъ!

— Очевидно.

— Я его знавалъ. Онъ величалъ меня: дядюшка Равашоль, но я за это не сердился.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ начальникъ, заинтригованный.

Анархистъ продолжалъ:

— Вы недавно въ администраціи?... Это вашъ дебютъ! я вижу... Иначе мы бы уже встрѣтились.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— О! я столько знаю начальниковъ!... Г. Вождье, подпрефектъ въ Пожанъ... Человекъ безподобный, поэтъ, музыкантъ, артистъ...

— Вотъ какъ!

— И г-нъ Лапата, совѣтникъ въ префектурѣ. Бове... неприятный, но не злой малый.

Онъ зажегъ спичку и вздохнулъ, глядя на похоронную процессію Карно на картинѣ.

— Какое несчастіе такой конецъ!.. Я помню, какъ теперь, я читалъ *Petit Journal* и плакалъ... И не я одинъ!..

Начальникъ канцеляріи подумалъ, что передъ нимъ помѣшанный, и хотѣлъ сократить визитъ.

— Въ 1885 г.,—продолжалъ человекъ,—я былъ жандармомъ въ третьемъ легіонѣ... Сначала я думалъ было завести башмачную мастерскую, но когда меня произвели въ сержанты, перешелъ въ жандармерию. Но послѣ пятилѣтней службы вернулся къ прежнему ремеслу. И тогда у меня была мастерская, въ тотъ моментъ, какъ Равашоль...

Начальникъ канцеляріи принялся подписывать бумаги, которыя ему принесъ начальникъ отдѣленія.

— Однажды,—продолжалъ человекъ,—приѣхалъ изъ Парижа депутатъ-соціалистъ и сказалъ рѣчь. Онъ утверждалъ, что рабочіе сами не знаютъ, какъ они несчастны. Что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ все хуже, и богачи всѣхъ съѣдятъ. Рабочіе ревѣли, какъ бараны.

— Ну такъ вотъ, граждане,—говорилъ онъ,—надо сдѣлать революцію, начать забастовку... Избейте капиталистовъ лопатами!.. Небу стало жарко... Я сталъ вопить: да здравствуетъ анархія. Я думалъ, что это всѣмъ понравится... Кричу себѣ, что перемѣнъ никогда никакихъ не дожидешься, что надо все послать къ чорту, да чего ужъ тутъ... самъ не понимаю, что такое было со мной!.. Капли вина во рту не было, а былъ точно пьяный!.. Ору себѣ: да здравствуетъ анархія; долой депутатовъ! Кругомъ меня пошла драка; депутаты выругали меня; кто-то меня ударилъ, я ткнулъ кого-то въ морду; онъ-то былъ полицейскій комиссаръ; онъ вынулъ

шарфъ, меня потащили въ кутузку... На судъ, сколько я ни божился и ни объяснять... дѣло не выгорѣло... Прокуроръ упрекалъ меня за то, что я бывший жандармъ... Въ ту недѣлю взорвали два дома... Меня засадили на шесть мѣсяцевъ... Когда я вышелъ изъ тюрьмы, мнѣ сказали:—Вы анархистъ... ведите себя смирно. Съ тѣхъ поръ за мной учрежденъ надзоръ. Я не могу шагу ступить, чтобы полиція не гналась за мною по пятамъ. Имя мое печатается въ Парижѣ въ газетахъ; меня повсюду рекламируютъ, мнѣ больше изъ этого не выкарабкаться. Дѣлать нечего, я анархистъ.

— Но вѣдь это выходитъ своего рода карьера?

Человекъ не понялъ.

— Когда одно высокопоставленное лицо проѣзжало, меня арестовали, потому что нашли глицеринъ въ моемъ ранцѣ. Оказывается, что это взрывчатое вещество... У меня болѣли ноги... Съ тѣхъ поръ я не употреблялъ больше глицерина: боюсь, какъ бы опять не попасться!.. Я и въ тотъ разъ просидѣлъ двадцать дней въ кутузкѣ...

— Какъ вы живете?

— Я не очень несчастливъ. Работаю тамъ, то сямъ. Полковые сапожники нанимаютъ меня... У меня есть аттестаты отъ полковниковъ. Бѣда только въ томъ, что какъ узнаютъ, что я анархистъ, такъ и не хотятъ больше давать работы. Тогда я иду въ мэрію или въ префектуру и такъ какъ меня боятся—просто невѣроятно, а вотъ же боится!—то даютъ мнѣ денегъ на дорогу... Я получаю три франка и пять франковъ на пропитаніе и пускаюсь въ путь...

— Вы много путешествуете?

— Въ особенности лѣтомъ! Оно пріятнѣе. Иду пѣшкомъ, когда вздумается... Такъ, я это лѣто обошелъ Нормандію; въ Канѣ чинилъ солдатскую обувь. Въ Руанѣ прожилъ два мѣсяца и шилъ охотничьи сумки. Красивый городъ Руанъ... Былъ въ Диеппѣ, чтобы поглядѣть на море, котораго никогда не видалъ. Но разъ утромъ меня призвалъ къ себѣ подпрефектъ и объяснилъ, что я долженъ убираться прочь: парижанамъ страшно мое присутствіе. Я отправился въ департаментъ Марны.

— А теперь куда вы направляетесь? Задумавшись, анархистъ выпустилъ клубъ дыма.

— Мнѣ хотѣлось бы побывать въ Англіи... Консулъ далъ бы мнѣ средства на обратный перѣздъ во Францію... Отправился бы я также и на Югъ, да только... — Что только?

Человекъ выколотилъ золу изъ трубки.

— Мнѣ бы это было полезнѣе для здоровья. Но только меня побеспокоятъ изъ-за милордовъ и русскихъ вельможъ. Мы не можемъ находиться въ однихъ и тѣхъ

же мѣстахъ, понимаете... Могутъ возникнуть дипломатическія осложненія!...

Начальникъ канцеляріи далъ ему пять франковъ и билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Анархистъ вскинулъ ранецъ на спину и, поблагодаривъ, ушелъ.

Съ ранцемъ и свернутымъ одѣяломъ на спинѣ онъ походилъ на солдата на походной ногѣ. Начальникъ дистанціи представилъ себѣ, какъ онъ шагаетъ по большимъ дорогамъ, въ прохладные вечерніе часы. Онъ былъ свободенъ отъ всякихъ заботъ ежедневной жизни и общественныхъ обязанностей. Онъ былъ мирнымъ бродягой, котораго пугаются добрые люди, сѣдя у себя дома по вечерамъ съ запертыми на ключъ дверями.

Начальнику канцеляріи онъ представился какъ бы своего рода чиновникомъ, на обязанности котораго лежало пугать общество.

Годъ тому назадъ во Франціи наступилъ эпилогъ страшнаго и таинственнаго дѣла, совершеннаго еще въ 1898 г., и главные виновники котораго такъ и остались нераскрытыми. Это дѣло поучительно между прочимъ и тѣмъ еще, что показываетъ, въ какія дебри могутъ завести юстицію предвзятая мысли и предубѣжденія у ея чиновъ, заставляющія ихъ закрывать глаза на дѣйствительность и доискиваться вины тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Въ Понсѣ-Ла-Кальмѣ, около Юзеса во Франціи, проживала на уединенной фермѣ г-жа Демаре-де-Вокрозъ съ сыномъ, пятидесяти лѣтъ и служанкой Маріей Лопіе.

Несмотря на преклонный возрастъ (г-жѣ де-Вокрозъ было семьдесятъ восемь лѣтъ), старуха отличалась большою энергіей и сама управляла своимъ хозяйствомъ и всѣми своими дѣлами. Въ конторкѣ, стоявшей въ ея спальнѣ, она хранила деньги, получавшіяся отъ продажи сельскихъ продуктовъ, и распоряжалась доходами съ фермы по своему усмотрѣнію.

Однажды утромъ, сынъ г-жи де-Вокрозъ, войдя къ матери въ спальню, чтобы поздороваться съ нею, нашелъ ее мертвою. Несчастная старуха оказалась задушенной. Ящики въ комодахъ и столахъ были выдвинуты, шкапы раскрыты, и все хранившееся въ нихъ похищено. Опомнившись отъ ужаса при видѣ этого зрѣлища, г-нъ де-Вокрозъ послалъ за мэромъ, за мировымъ судьей, за жандармами. Всѣ сбѣжались и приступили къ допросу молодой служанки. Комната ея находилась рядомъ съ комнатою ея госпожи и даже вела къ ней. Кровать ея отдѣлена была отъ кровати убитой старухи всего лишь тоненькой перегородкой, и тѣмъ не менѣе служанка утверждала, что ничего не видѣла, не слышала.

— Крѣпко ли были заперты всѣ выходныя двери наканунѣ вечеромъ? Да. Но, однако, она созналась, что въ десять часовъ вечера отперла дверь, выходящую во дворъ, объясняя, что ходила мыть корзины для бѣлья, въ виду предстоявшей на завтра стирки.

— Въ такой поздній часъ?

Объясненіе это показалось подозрительнымъ. Жандармы приступили съ неотвязными вопросами къ молодой дѣвушкѣ.

Она кончила тѣмъ, что показала, что въ три часа утра съ ней разговаривала ея хозяйка и что въ это самое время человѣкъ, который былъ, какъ ей кажется, сынъ хозяйки (въ комнатѣ было темно, и она его только слышала, но не видѣла), подошелъ къ ея постели и сказалъ ей: Я пройду въ комнату барыни, если вы про это расскажете, я васъ заставлю солгать. Больше она ничего не знаетъ, потому что тотчасъ же заснула.

Не смотря на странность и неопредѣленность этого отвѣта, немедленно арестовали сына убитой, Фернанда де-Вокрозъ. Онъ съ негодованіемъ протестовалъ, приводилъ аргументы въ свою защиту. Если ставить ни во что то обстоятельство, что онъ пятьдесятъ лѣтъ былъ почтительнѣйшимъ и преданнѣйшимъ сыномъ¹⁾, то самые факты показываютъ всю ложь обвиненія.оборотъ фразы: «я васъ заставлю солгать» представляетъ буквально переводъ съ поговорки, употребительной въ мѣстномъ нарѣчьи, на которомъ де-Вокрозъ не говоритъ, и одно это уже доказываетъ, что Марія Лопіе говоритъ неправду. Но, кромѣ того, обыскъ, произведенный на первыхъ же порахъ, невозможность отыскать драгоценныя вещи, деньги, цѣнные бумаги покойной развѣ не свидѣтельствуютъ въ его пользу? Въ боковомъ карманѣ ручного мѣшка, гдѣ покойница хранила деньги, развѣ не нашли заявленія, подписаннаго де-Вокрозомъ, въ которомъ онъ признался, что одно имѣніе въ 110.000 франковъ, купленное на его имя, принадлежить по закону его матери? Если бы онъ былъ убійцей, неужели же бы онъ не уничтожилъ этого заявленія? Вскрытіе тѣла покойной тоже опровергло показаніе свидѣльницы. Убіиство совершено было не въ три часа утра, какъ она утверждала.

«Покойная, — говорятъ эксперты, — ужинала въ семь часовъ вечера, и состояніе пищи въ желудкѣ неопровержимо пока-

¹⁾ Какъ увидимъ дальше, желаніе обвинить во что бы то ни стало ни въ чемъ неповиннаго сына заводило такъ далеко, что судьи ставили ему въ вину какъ разъ то, что онъ былъ такимъ покорнымъ, безответнымъ сыномъ своей матери.

зываетъ, что убійство совершенно было между десятью часами и полуночью».

Къ несчастію для г. де-Вокрозъ, судебныя чины прониклись мыслью, что имѣютъ дѣло съ «очень хитрымъ преступникомъ». Ихъ смущало, что мебель не была поломана, но отперта ключами покойницы, и они увѣрили себя, что только матеревубійца могъ завладѣть ключами. Забравъ себя въ голову, что материнская опека должна была тяготить пятидесятилѣтняго сына, они считали комедіей всѣ его протесты и видѣли хитрость во всемъ, что могло служить ему оправданіемъ. Они находили, что «рѣчь у него слишкомъ увѣренная, взглядъ слишкомъ спокойный». Короче сказать, онъ не подходилъ къ той идеѣ, какую судебный слѣдователь въ Юзесѣ составилъ себѣ о невинномъ сынѣ, обвиняемомъ въ матеревубійствѣ. Такъ какъ въ его присутствіи Марія Лопіе не смѣла повторять своихъ обвиненій и плакала, поникнувъ головой, то его обвиняли въ томъ, что онъ запугиваетъ бѣдную дѣвушку. Въ сараѣ найдена записка, безграмотно написанная, но въ которой находятся какъ бы намеки на какое-то выгодное дѣльце. И не смотря на безграмотность записки или, лучше сказать, вслѣдствіе безграмотности, ее приписываютъ де-Вокрозу; это, дескать, хитрость съ его стороны, онъ нарочно написать безграмотно, чтобы ввести въ заблужденіе юстицію.

Но что стало съ деньгами и драгоценностями его матери? Дней черезъ десять часть ихъ была найдена. Но не полиція сдѣлала это открытіе. При вѣсти о преступленіи, старшій братъ обвиненнаго, Шарль де-Вокрозъ пріѣхалъ въ Сентъ-Понсъ хоронить мать и узнать, что ему предстоитъ новое дѣло: спасать брата отъ эшафота. На это онъ потратилъ все свое время и состояніе.

Недавно онъ выразился такъ:—«Чтобы защитить нашу честь и отмстить за мать, въ два года мы разорились до тла».

Шарль де-Вокрозъ параллельно съ слѣдствіемъ, какое велъ прокурорскій надзоръ, обвинявшій его брата, предпринялъ другое слѣдствіе въ защиту брата. И скоро его навели на слѣдъ одного бродяги, котораго видѣли наканунѣ убійства въ Сентъ-Понсѣ и который на другой день размѣнялъ въ Сентъ-Назерѣ, небольшой деревушкѣ, расположенной въ четырехъ километрахъ отъ Сентъ-Понса, первый банковый билетъ въ 50 франковъ, новешенькій; этотъ же человекъ сѣлъ въ тотъ же день на поѣздъ желѣзной дороги, отходившій въ Лионъ, и уплатилъ за свое мѣсто второй ассигнаціей въ 50 франковъ. Наконецъ, у него въ рукахъ видѣли золотыя часы на черномъ шнуркѣ. Между тѣмъ сынъ убитой на первыхъ же порахъ объявилъ о пропажѣ золотыхъ часовъ и банковыхъ билетовъ. Но

такое доказательство невинности все еще не удовлетворяло слѣдователя. Онъ продолжалъ вести дѣло по обвиненію де-Вокроза. Бродяги могли, видите ли, украсть драгоценности и деньги, которыя онъ успѣлъ спрятать въ какое-нибудь потайное мѣсто, и въ силу этой гипотезы онъ продержалъ свою жертву еще два мѣсяца въ заточеніи. Но, наконецъ, «по отсутствію всякихъ доказательствъ», де-Вокроза выпустили на свободу такъ же, какъ и Марію Лопіе, которая нѣсколько разъ мѣняла свое показаніе и говорила между прочимъ, что убилъ барыню ея любовникъ, Іоакимъ Одиберъ, служившій на фермѣ поденщикомъ, и котораго она въ ночь убійства впустила къ себѣ, отворивъ для этого съ вечера дверь, запертую бариномъ. Самъ Вокрозъ считалъ Одибера убійцей, но подозрѣнія противъ послѣдняго не оправдались. Марія Лопіе—умершая во время процесса и довольно загадочной смертью—взяла свое показаніе назадъ. Приказъ объ освобожденіи де-Вокроза былъ составленъ скорѣе какъ обвинительный актъ. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого удивительнаго документа:

«..... принимая во вниманіе, что отсутствіе безпорядка въ ящикахъ, гдѣ все было на мѣстѣ, указываетъ на то, что воръ дѣйствовалъ методично и съ увѣренностью, что ему не помѣшаютъ; принимая во вниманіе, что собаки, имѣющія обыкновеніе лаять, въ эту ночь не лаiali; принимая во вниманіе, что мебель не носитъ никакого слѣда взлома, и что трудно постороннему человѣку разобраться въ многочисленныхъ ключахъ, находившихся въ комнатахъ жертвы; принимая во вниманіе, что изъ этого можно заключить, что была не кража, но симуляція кражи, чтобы заставить думать, что преступленіе совершенно постороннимъ человекомъ; принимая во вниманіе, что обвиняемый отличается плохой нравственностью; что онъ по лѣности, слабохарактерности и отсутствію чувства собственного достоинства соглашался оставаться при матери и вести жалкую, рабскую жизнь, подчиняясь всякаго рода трудамъ, какъ-то: стелить постель матери и готовить кушанье, что онъ пошелъ на такое униженіе потому что, какъ онъ говоритъ, онъ могъ ѣсть, пить и курить въволю; принимая во вниманіе, что у него не было никакого личнаго имущества и что онъ зналъ, что мать лишила его по закону наследства¹⁾; принимая во вниманіе, что по причинѣ близорукости и лѣности онъ чувствовалъ себя неспособнымъ страхнуть материнское иго.....

¹⁾ Казалось бы, что одно это обстоятельство уже устраняетъ подозрѣніе въ убійствѣ матери де-Вокрозомъ, вслѣдствіе его полной бессмысленности.

принимая во вниманіе, что все это важныя показанія, невыгодныя для сына; но, принимая во вниманіе, что эти показанія не подкрѣпляются никакимъ матеріальнымъ доказательствомъ, а умъ колеблется признать такое преступленіе, какъ матеревбіиство, и хотѣлось бы, для утвержденія подобной вины, матеріальныхъ доказательствъ или формальныхъ свидѣтельствъ; принимая во вниманіе, что существуютъ сомнѣніе, которое должно идти на пользу обвиняемому и пр.

И вотъ только въ силу этого сомнѣнія де-Вокрозъ былъ выпущенъ на свободу и могъ отнынѣ присоединить свои усилія къ стараніямъ брата доискаться истины.

Но только черезъ годъ, въ августѣ 1899 г. удалось открыть виновнаго или, по крайней мѣрѣ, одного изъ виновныхъ. Шарль де-Вокрозъ простѣдился черезъ всю Францію того бродягу, котораго видѣли на другой день послѣ преступленія. Его нашли въ Пуаси, гдѣ онъ былъ посаженъ на полтора года въ тюрьму за воровство. Бродягу зовутъ Гейтъ, и прокурорскій надзоръ въ Нимѣ отдать его подъ уголовный судъ. Виновность его не подлежить сомнѣнію. Онъ выѣхалъ изъ Парижа за три дня до преступленія и очутился въ Лионѣ черезъ день послѣ преступленія съ руками, полными драгоценностей. Онъ утверждаетъ, что только-что схоронилъ бабушку, и въ числѣ вещей, оставленныхъ ему покойницей, находились какъ разъ... часы на черномъ шнуркѣ, принадлежавшіе г-жѣ де-Вокрозъ.

Многочисленные свидѣтели узнаютъ въ немъ бродягу, котораго они видѣли около Сентъ-Понса, и между его платьемъ найдены жилетъ цѣфта кремъ съ цѣточками, который былъ надѣтъ на немъ, по увѣренію всѣхъ его видѣвшихъ въ тотъ вечеръ, какъ совершенно было убійство.

Гейтъ обвиняется въ соучастіи въ убійствѣ г-жи де Вокрозъ и держитъ себя нахально, пользуясь непостижимой снисходительностью судебныхъ чиновъ, продолжающихъ подозрѣвать нечастнаго сына убитой и обращающихся съ нимъ вовремя судебныхъ преній, на которыя онъ призванъ какъ свидѣтель,—точно онъ самъ подсудимый.

Послѣ призыва 98 свидѣтелей, встаетъ Гейтъ и предсѣдатель напоминаетъ о преступленіи въ Сентъ-Понсѣ. Онъ рассказываетъ, какъ утромъ г-нъ де-Вокрозъ нашелъ отпертой входную дверь, которую заперъ наканунѣ, и какъ, пройдя въ комнату матери, увидѣлъ ее лежащей безъ признаковъ въ жизни на кровати, а ящики всѣ выдвинутыми и драгоценности украденными, и упоминаетъ о бродягѣ, котораго видѣли въ окрестностяхъ на другой день убійства.

Гейтъ перебиваетъ предсѣдателя.

— Прежде чѣмъ отвѣтить на ваши вопросы, г-нъ предсѣдатель, я хочу спросить: на какомъ основаніи я нахожусь здѣсь? Стараются установить мою виновность, то-есть доказать, что я соучастникъ главнаго виновника убійства. Между тѣмъ для того, чтобы быть соучастникомъ, необходимо, чтобы былъ главный виновникъ. Главный виновникъ здѣсь—это де-Вокрозъ (движеніе). Онъ меня не признаетъ своимъ соучастникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ меня не предъявляютъ никакого. Не говорятъ, чей я соучастникъ. Ну такъ какъ же?

И Гейтъ подмигиваетъ, улыбаясь и гордясь тѣмъ, какъ онъ хорошо поставилъ вопросъ.

— Обвиненія, тяготяющія надъ вами, будутъ высказаны вамъ, и вы поочередно отвѣтите на нихъ,—замѣчаетъ предсѣдатель. Поговоримъ сначала о нашемъ прошломъ.

Гейтъ качаетъ головой.

— О! Жизнь моя была полна событій (такъ Гейтъ называетъ безчисленные кражи и мошенничества, совершенныя имъ), и пересказъ былъ бы слишкомъ дологъ (Улыбки).

И тотчасъ же Гейтъ рассказываетъ цѣлый романъ о покражѣ, совершенной имъ въ 1895 г., и которую онъ почему-то считаетъ очень полезной для своей защиты. Въ 1895г.,—говоритъ Гейтъ,—я работалъ въ Лионѣ надъ разборкой зданій послѣ выставки, но трудовая жизнь слишкомъ тяжела. Мнѣ предложили пріятеля выгодное дѣльце. Оно удалось и дало намъ 60.000 франковъ и драгоценности, которыхъ мы припрятали. Подозрѣніи не возникло, жалобы не было заявлено, дотога операція была искусно ведена. Мои оба пріятеля остались въ Лионѣ, гдѣ одинъ на городской службѣ, а другой открытъ торговлю, пользуется почетомъ и уваженіемъ даже со стороны своихъ кліентовъ и сталъ отцомъ семейства (Смѣхъ). Я же вернулся въ Парижъ, гдѣ на эти деньги купилъ товару, чтобы обзавестись лавкой. Послѣ того я захотѣлъ отдать долгъ природѣ и женился.

Три мѣсяца спустя Гейтъ лишился жены, и это несчастіе повлекло его разореніе: общественныя учрежденія такъ вы, что влѣдствіе того, что я потратилъ 60 франковъ на заключеніе свадебнаго контракта, я долженъ былъ уступить родственникамъ своей жены половину своего имущества. Остальная часть пошла на уплату долговъ, потому что я честный человѣкъ. Я могъ совершить кое-какія погрѣшности (Смѣхъ), потому что меня къ этому вынудили обстоятельства. «Можно быть мошенникомъ и воромъ, не переставая быть честнымъ человѣкомъ», вотъ оригинальная тема, которую развиваетъ Гейтъ ко всеобщему увеселенію. Разорившись, онъ сталъ искать работы.

Но его замаранное прошлое отпугивало отъ него нанимателей. Тѣмъ временемъ онъ вторично женился. Жена его заболѣла. Ему нужны были деньги.

— Я снова попался. Что хотите? Законы природы неотразимы. Я взялъ то, что плохо лежало. Меня опять присудили къ полутородаговому тюремному заключенію. Но, увѣряю васъ, господа, что, не смотря на это, нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы больше меня былъ склоненъ къ добру. Общество часто заставляетъ людей прибѣгать къ безчестнымъ средствамъ, которыми имъ претятъ. Если бы въ эту эпоху мнѣ протянули руку помощи, я бы не былъ снова осужденъ, да и въ настоящую минуту я съ ужасомъ думаю о томъ, что буду дѣлать, по выходѣ отсюда. Мое положеніе не блестящее; благодаря кампаніи, веденной противъ меня Вокрозомъ, мое имя извѣстно въ цѣломъ мірѣ. Куда я дѣнусь, чтобы начать честную жизнь. (Движеніе).

Надо признаться, что Гейтъ выбралъ ловкій способъ защищаться. Этимъ способомъ онъ объясняетъ, какимъ образомъ на другой день послѣ убійства онъ могъ продать золото и драгоценныя камни, послать женѣ 50 франковъ, а въ концѣ мѣсяца обзавестись хозяйствомъ. Ненадолго, увы! потому что въ 1899 г. онъ уже былъ безъ гроша и поступилъ гарсономъ въ ресторанъ, откуда вскорѣ былъ отставленъ, а затѣмъ угодилъ на полтора года въ тюрьму. Но какъ ни куріозенъ измышленный имъ романъ, какъ ни ловки его объясненія на первый взглядъ, все это разбивается массою свидѣтельскихъ показаній и его собственными признаніями, которыя онъ неоднократно дѣлалъ приставленнымъ къ нему жандармамъ, хотя затѣмъ бралъ свои признанія обратно, увѣряя, что говорилъ неправду, разсчитывая на то, что ему дадутъ ставку съ женой, и такимъ образомъ онъ увидится съ нею, а видѣться съ нею ему очень хотѣлось.

Послѣ допроса Гейта призванъ былъ Вокрозъ для дачи показаній. И разсказъ то, что уже извѣстно читателямъ. Допросъ свидѣтеля походитъ больше на допросъ подсудимаго. Судебныя чины обращаются съ нимъ презрительно, чѣмъ съ Гейтомъ, обличеннымъ воромъ и преступникомъ. Защитникъ Гейта доходитъ до того, что осмѣливается задать ему вопросъ: не пытались ли вы уже однажды убить свою мать? Предсѣдатель, старающійся сохранять безпристрастіе, увлекается, однако, на столько, что говоритъ ему:—если у васъ есть что-нибудь объявить въ свою защиту, то я вамъ дамъ слово. Наконецъ, адвокатъ де-Вокроза не выдерживаетъ; я думаю,—съ негодованіемъ восклицаетъ онъ,—что явился сюда защитникомъ гражданскаго истца. Я разсчитывалъ быть помощникомъ господина

прокурора, который призванъ обвинять рецидивиста Гейта, а вмѣсто того я одинъ долженъ противиться скандальному зрѣлищу бандита, избывшаго четыре осужденія и обвиняющаго въ убійствѣ, совершенномъ имъ, сына своей жертвы!

— Я долженъ оправдать свое отношеніе,—объявляетъ прокуроръ. Г. де-Вокрозъ навлекъ на себя подозрѣнія въ матеревубійствѣ. Что касается подсудимаго, то до произнесенія приговора онъ долженъ считаться невиновнымъ. Онъ долженъ имѣть возможность защищаться, хотя бы для того, чтобы выяснитъ всѣ факты, отмѣченные судебнымъ слѣдствіемъ.

И съ этою цѣлью, вѣроятно, онъ мучитъ всяческими придирками всѣхъ свидѣтелей, узнающихъ въ Гейтѣ того бродягу, котораго видѣли на другой день послѣ убійства въ окрестностяхъ Сентъ-Понса. Но всѣ свидѣтельскія показанія сводятся къ одному неопровержимому факту: всѣ утверждаютъ, что бродяга и Гейтъ—одно и то же лицо.

Въ концѣ засѣданія является новая улика противъ подсудимаго. Полицейскій агентъ Гоннаръ, производившій слѣдствіе въ Лионѣ, фактически удостовѣряетъ, что Гейтъ прибылъ въ этотъ городъ не 26-го августа, какъ онъ утверждаетъ, а 25-го (убійство совершено было 23-го августа), и такимъ образомъ старательно подготовленное алиби рушится. Вообще послѣ всѣхъ показаній свидѣтелей и другихъ фактовъ, выяснившихся на судѣ, удивительно, какія сомнѣнія могутъ еще оставаться у прокурора. Гейтъ сознался въ преступленіи въ письмѣ къ женѣ и словесно прокурору въ Юзесѣ. Гейта видѣли въ Сентъ-Понсѣ 23-го августа, въ день убійства. Его видѣли въ Лионѣ черезъ день съ драгоцінностей убитой въ рукахъ, и онъ говорилъ тогда, что только что получилъ наслѣдство изъ драгоцінныхъ вещей. Гейтъ выѣхалъ изъ Парижа 21-го августа и вернулся въ него 27-го. Онъ родомъ изъ Сентъ-Понса; знаетъ мѣстность, знаетъ и домъ Вокрозовъ. Гейтъ рецидивистъ, который пять разъ попадался въ воровствѣ, и, кромѣ того, самъ сознается въ такихъ продѣлкахъ, которыя не доходили до свѣдѣнія правосудія. Тѣмъ не менѣе, прокуроръ относится къ нему съ непонятной снисходительностью Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣло откладывается на три мѣсяца, а по истеченіи ихъ, когда оно возобновляется при новой сессіи уголовного суда, декорации мѣняются какъ бы по волшебству.

Въ самомъ началѣ засѣданія, когда прочитанъ былъ обвинительный актъ, прокуроръ, тотъ самый, который велъ дѣло во время предыдущей сессіи до призыва свидѣтелей, всталъ, чтобы «изложить дѣло», а главное, чтобы произнести слѣдующія слова:

— Убийство г-жи де-Вокрозъ повело къ тремъ послѣдовательнымъ слѣдствіямъ: немедленно постѣ совершена убійства уже 25-го августа невинный сынъ жертвы, по оговору служанки, Маріи Лопіе, былъ арестованъ и обвиненъ въ матерубійствѣ. Марія Лопіе была арестована одновременно съ нимъ. Свой оговоръ, отъ котораго она сначала было отказалась, она, къ несчастію, повторила въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и онъ, одинъ какъ будто давая ключъ къ тайнѣ, которую, помимо этого, казалось невозможнымъ ни выяснитъ, ни проникнуть. Отъ этого перваго слѣдствія ничего не осталось въ нашихъ умахъ, кромѣ сожалѣнія, что оно было начато, и сожалѣнія о томъ, что оно было заключено такимъ указомъ объ освобожденіи де-Вокроза изъ-подъ суда, при чемъ законъ не дозволилъ намъ взять обратно мотивы ареста, когда, десять мѣсяцевъ спустя, открытъ былъ настоящій виновный. Этотъ указъ объ освобожденіи опрометчиво предпринять будущее и оставлять г. Фернанда де-Вокрозъ подъ гнетомъ незаслуженныхъ подозрѣній. Это заявленіе, которое я дѣлаю передъ вами, было необходимо. Такъ какъ я не могъ сдѣлать его на первой сессіи, то высшая судебная власть страны потребовала, чтобы это заявленіе предшествовало преніямъ, которыя сейчасъ начнутся, и я съ истиннымъ удовольствіемъ исполню ея волю.

— Сегодня предстанетъ передъ вами Гейтъ. Мнѣ нечего въ настоящую минуту указывать на тяготящіе надъ нимъ обвиненія; но такъ какъ очевидно, что никакой связи, никакого отношенія не могло существовать между Фернандомъ де-Вокрозъ и Гейтомъ, то самый фактъ, что мы судимъ его, долженъ вамъ доказать, какое глубокое убѣжденіе въ невинности перваго питаемъ мы...

Бѣдный Гейтъ! Недаромъ три мѣсяца тому назадъ онъ протестовалъ противъ отсрочки надъ нимъ суда. Онъ совсѣмъ сбился съ толку новымъ отношеніемъ къ нему суда. Онъ лишился своихъ способностей и, предоставленный собственнымъ силамъ, нѣсколько смущенъ, что не мѣшаетъ ему, конечно, отрицать свое участіе въ убійствѣ г-жи де-Вокрозъ. Въ немъ напрасно признаютъ бродягу, котораго видѣли въ Сень-Понсѣ. Но, желая избѣжать прежнихъ ошибокъ въ своей тактикѣ, онъ совершаетъ новыя, еще грубѣйшія. Такъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ выставлялъ alibi, которое было опровергнуто во время преній: онъ рассчитывалъ на безпамятство содержательницы гостиницы въ Лионѣ и утверждалъ, что въ ночь преступленія, 23-го августа 1898 г., онъ ночевалъ у нея. Но содержательница гостиницы, маленькая, дряхлая старушенція не уступала ему на этомъ пунктѣ; она настаивала, что онъ ночевалъ въ ея

гостиницѣ не 23-го, но 22-го августа. Гейтъ вынужденъ былъ отказаться отъ этого alibi. Теперь онъ придумалъ другое: и увѣряетъ, что ночевалъ у друзей, которыхъ не хочетъ скомпрометтировать, потому что они порядочные люди.

— Тѣмъ хуже для васъ! — замѣчаетъ председатель.

Поведеніе послѣдняго тоже не мало удручаетъ подсудимаго. Онъ больше не позволяетъ ему нападать на г. де-Вокроза. Гейтъ въ своихъ отвѣтахъ принялся ругать гражданскаго истца:

— Я долженъ вамъ замѣтить, — сказалъ президентъ, — что въ невинности г. де-Вокроза нѣтъ сомнѣній, и что она окончательно доказана.

— Не для меня, — объявляетъ Гейтъ. Это я невиненъ и, сильный своей невинностью, хочу добиться правосудія. На своей невинности я буду настаивать у подножія эшафота, хотя бы все семейство де-Вокрозъ и его приспѣшники лопнули съ досады (Смѣхъ).

... Въ концѣ допроса Гейта выяснилось новое обстоятельство, показавшее, въ какія дебри можетъ попадать юстиція, если подъ вліяніемъ предвзятыхъ мыслей будетъ руководствоваться странной боязнью открыть всю истину. На первомъ процессѣ одинъ пунктъ оставался до конца невыясненнымъ: кто могъ указать Гейту на «выгодное дѣльце» въ Сень-Понсѣ? Этого никто не зналъ. Всѣ исходили изъ той мысли, что подсудимый десять лѣтъ не возвращался на родину, и на этомъ строили свои заключенія. Со стороны гражданскаго истца указывали на Одибера какъ на союзника подсудимаго. Юстиція, не желавшая устранить отъ Вокроза всѣ подозрѣнія, которыми она оправдывала свою ошибку, старательно избѣгала выясненія этого пункта. Между тѣмъ отвѣтъ находился въ самомъ dossier. Доказательство, что Гейтъ возвращался на родину и совершилъ тамъ нѣсколько преступленій, было занесено въ подлинныхъ документахъ; но о нихъ не сообщили присяжнымъ заседателямъ. Но этотъ разъ прокуроръ нашелъ нужнымъ исправить эту печальную небрежность: — Первые дебаты, заявилъ онъ, — опирались на невѣрномъ фактѣ; говорили, что Гейтъ цѣлыхъ десять лѣтъ не былъ въ Сень-Понсѣ. Но онъ открыто туда не являлся — это правда. Однако, въ 1894 г. былъ осужденъ въ Юзесѣ судомъ исправительной полиціи за три кражи, совершенныя имъ въ своей деревнѣ. (Движеніе).

Гейтъ. — Я былъ осужденъ только какъ сообщникъ. — Прокуроръ. — Совершенно вѣрно. Какъ и въ настоящее время.

На прошлой сессіи тщетно спрашивалось, что дѣлалъ Гейтъ въ промежутки между тюремными заключеніями. Объ его antecedentes знали только то, что ему самому угодно было сказать: онъ былъ

гарсономъ въ ресторанѣ въ Парижѣ; коммерсантомъ, и пр., но видъ этихъ профессій, о которыхъ онъ охотно распространялся, оставался совершенно таинственнымъ его образъ жизни въ 1895 и 1896 гг. Прокуроръ разъяснилъ это теперь.

— Вы жили въ Нимѣ. Вы служили въ кучерахъ, бродячихъ музыкантахъ, базарныхъ торговцахъ; вы посѣщали кабаки «Объединенныхъ друзей» и «Туннель», гдѣ собирались всѣ мѣстные злоумышленники.

— Но я не вижу, какое отношеніе все это имѣетъ къ дѣлу Вокроза!—воскликаетъ Гейтъ и возбуждаетъ смѣхъ въ публикѣ. Гейту больше нравилась процедура на предыдущей сессіи. Онъ жалуется на пристрастіе.

— Надо же быть безпристрастнымъ!—воскликаетъ онъ. Времена перемѣнились,—прибавляетъ меланхоличнымъ тономъ его адвокатъ.

— Согласенъ съ вами!—отвѣчаетъ адвокатъ де-Вокроза. Между прочимъ онъ читаетъ указъ объ освобожденіи своего кліента, подвергшагося восьмидесяти шести дневному тюремному заключенію. Читатели ознакомлены съ выдержками изъ этого неслыханнаго документа, болѣе похожаго на обвинительный актъ, нежели на засвидѣтельствованіе невинности вы-

пускаемаго на свободу узника. По этому поводу адвокатъ Вокроза высказался особенно строго на счетъ судебного слѣдователя въ Юзесѣ, г. Абрама:—Къ тому, кто такъ позоритъ человѣка, котораго другіе судьи должны будутъ реабилитировать; къ тому, кто былъ такъ увѣренъ въ безошибочности своего сужденія, кто такъ полагался на свою совѣсть, чтобы написать такой документъ, я не испытываю ни гнѣва, ни негодованія, а только жалость. Пусть этотъ примѣръ послужитъ всѣмъ урокомъ; пусть онъ предотвратитъ преступное повтореніе такихъ злоупотребленій! (Продолжительное движеніе).

Прокуроръ, послѣ защитительной рѣчи адвоката Вокроза, началъ обвинительную рѣчь противъ Гейта, по прежде всего въ видѣ вступленія снова провозгласилъ невинность де-Вокроза.

Присяжные совѣщались около часа и вынесли утвердительный приговоръ по вопросу о соучастіи въ убійствѣ и воровствѣ и отрицательный по вопросу о предумышленности, допустивъ смягчающія обстоятельства. Судъ приговорилъ Гейта къ двадцатилѣтней каторжной работѣ и вѣчной ссылкѣ за соучастіе въ убійствѣ. Но кто убійца, осталось неоткрытымъ, и дѣло попрежнему окутано таинственностью.

А. Э.

врача, натуралиста, юриста и военного, съ приказаніемъ основательно изучить страну, каждому по своей части. Такимъ образомъ я пригласилъ бы для своего сына товарищей по путешествію, которые показали бы ему на мѣстѣ то, что сами замѣтили.

Безъ этого, такіе товарищи, сами ничего не знающіе, принуждены будутъ сами изучать то, чему должны бы были учить своего ученика, и путешествіе потеряетъ половину своего значенія.

Къ этимъ ученымъ я прибавилъ бы еще филантропа, исключительной обязанностью котораго было бы указывать великому князю несчастныхъ, трогать, смягчать его сердце и проч. и проч. Ему не много было бы дѣла, но вѣдь всегда пріятно имѣть около себя кого-нибудь, кто дѣлалъ бы возвышенныя чувства нашего сердца.

Начальство надъ конвоемъ великаго князя я поручилъ бы одному изъ Орловыхъ, которые всѣ готовы отдать послѣднюю каплю крови за ваше императорское величество и по основательной причинѣ.

По возвращеніи изъ такого громаднаго путешествія, которое можетъ быть предпринято лишь послѣ основательной литературной подготовки, послѣ чтенія всего, что написано и напечатано о цѣломъ государствѣ, я далъ бы великому князю отдыхъ и возможность опять заняться воспроизведеніемъ себя наслѣдниковъ, если только супруга не сопровождала его въ путешествіи.

Вотъ тогда-то, проѣзжая по различнымъ странамъ Европы, онъ въ состояніи будетъ быстро схватить все то, что въ нравахъ, обычаяхъ, законахъ, наукъ и художествъ ихъ населенія окажется приложимымъ къ благо родного народа.

Это второе путешествіе, какъ и первое, должно быть подготовлено чтеніемъ и выборомъ подходящихъ спутниковъ.

Въ двухъ уголкахъ Европы я бы оставилъ его на болѣе долгое время—въ Англіи и въ Италіи. Въ Англіи—изъ-за мудрости и свободы; въ Италіи—изъ-за изящнаго вкуса. Во Франціи слѣдуетъ побыть лишь для того, чтобы сравнить два соперничающихъ народа, изъ коихъ одинъ богатъ кредитомъ (*riche en credit*), а другой—собственностью (*riche en propriétés*). Воздухъ Франціи очень нездоровъ. Парижъ—это такая кокетка, около которой не слѣдуетъ долго оставаться.

дидро.

Поѣздка въ Англію дастъ понятіе о политикѣ; поѣздка въ Голландію—о торговлѣ; поѣздка во Францію—о наукѣ, литературѣ, земледѣліи и хорошемъ вкусѣ; поѣздка въ Италію—объ изящномъ искусствѣ. По поводу послѣдняго нужно войти въ нѣкоторыя подробности.

Бронзовые, мраморные и каменные памятники стоятъ почти вѣчно. Они переживаютъ отдѣльныя царствованія. Въ теченіе вѣковъ они свидѣлствуютъ о хорошемъ или плохомъ вкусѣ монарховъ, ихъ воздвигнувшихъ. Они заставляютъ краснѣть націю; они срамятъ царствованіе; они заставляютъ иностранцевъ иронически улыбаться.

Я желалъ бы, поэтому, чтобы монархи и великіе міра сего имѣли понятіе объ архитектурѣ, скульптурѣ и живописи, но главнымъ образомъ объ архитектурѣ. Плохую картину прячутъ; плохую статую разбираютъ, но съ фасадомъ дворца этого нельзя сдѣлать—дворцы строятся не всякій день.

Къ элементарнымъ понятіямъ объ архитектурѣ, сообщеннымъ компетентными людьми, я прибавилъ бы обзоръ моделей или гравюръ. Въ концѣ концовъ, это изученіе должно быть краткимъ; оно сводится къ понятію о симметріи и о соответствіи между частями и цѣлымъ, о характерѣ стилей, объ украшеніяхъ и проч.

Продѣлавъ все это, великому князю останется только сѣсть рядомъ съ своей августѣйшей матерью и наблюдать за тѣмъ, что она говоритъ и дѣлаетъ, для того чтобы современемъ его народъ, счастливо прожившій при двухъ царствованіяхъ—рѣдкое благословеніе Божіе, ниспосланное Россіи—присоединилъ его памятникъ къ ея памятнику, поставивъ ихъ по обѣимъ сторонамъ монумента Петру I.

Да будетъ такъ! Никто не желаетъ этого такъ сильно и такъ искренно, какъ я.

§ 7.

Объ учрежденіяхъ ея императорскаго величества и о духѣ ея народа.

Я думаю и пишу исключительно для ея императорскаго величества и ей посвящаю мои мысли и писанія, особенно въ нижеслѣдующемъ.

1) Важно, чтобы ея подданные имѣли болѣе точное понятіе о ея учрежденіяхъ. Я знаю многихъ порядочныхъ и образованныхъ

русскихъ, вѣрноподанныхъ ея императорскаго величества, хорошихъ патріотовъ. Ни одинъ изъ нихъ не сознавалъ подлинной цѣнности этихъ учреждений, ни одинъ не выслушивалъ меня безъ удивленія, ни одинъ не понималъ мудрости монархини и выгоды, имѣющихъ произойти отъ нея въ будущемъ. Всѣхъ мнѣ приходилось просвѣщать и наводить на путь истинный. Я сыграть роль апостола, что дѣлаю охотно, когда убѣжденъ въ истинѣ. Исключеніе я могу сдѣлать только для моего товарища по путешествію, г. Нарышкина, хотя онъ возвращался на родину послѣ четырехлѣтняго отсутствія.

Я всѣмъ говорилъ: «Знаете ли вы, что сдѣлано? Рѣшена почти неразрѣшимая задача: дается воспитаніе, хорошее воспитаніе, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ (sans contrainte). Подготавливаютъ женщинъ честныхъ и образованныхъ. Извлекаютъ все возможное изъ природныхъ ихъ способностей, оставляя имъ самимъ работу о приложеніи и развитіи послѣднихъ. Осуществляется одна изъ самыхъ чудесныхъ и полезныхъ химеръ. Учреждена школа, какой нигдѣ не было, нѣтъ и nebudeтъ, и даже невозможно, чтобы такая явилась въ какой-нибудь странѣ Европы. Если это учрежденіе окажется прочнымъ, то не пройдетъ и двадцати лѣтъ, какъ имперіи нельзя узнать будетъ потому, что женщины всюду предписываютъ законы мужчинамъ. Кто бы ни былъ инициаторомъ такого учрежденія, оно во всякомъ случаѣ останется гениально задуманнымъ, и управленіе имъ потребуетъ невѣроятнаго усердія, терпѣнія и настойчивости. Такъ я скажу и у себя дома. Надо мною будутъ сначала смѣяться, а кончатъ ненавистью, но я объ этомъ не забочусь! Главное—надо быть справедливымъ и искреннимъ. Свидѣтельствую объ этомъ передъ вашимъ величествомъ, и да буду я безчестнымъ, если когда-нибудь пережью свое мнѣніе и заговорю иначе. Но вы такъ же, какъ я, знаете, что этого никогда не случится.

Я не знаю, въ какомъ положеніи теперь находится вопросъ о кадетскомъ корпусѣ, но падаю къ ногамъ вашего величества и умоляю сократить на три четверти ожиданіе реформы нравовъ, придавъ этому учрежденію то же совершенство, которымъ отличается женскій институтъ. Эти двѣ силы, дѣйствуя одновременно, дадутъ эффектъ, вчетверо превосходящій дѣйствіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

2) Мнѣ кажется, что ваши подданные страдаютъ однимъ изъ двухъ недостатковъ: или считаютъ свою родину слишкомъ отсталой или смотрятъ на нее какъ на передовую.

Тѣ, которые держатся послѣдняго взгляда, черезчуръ презираютъ остальную Европу; а тѣ, которые держатся перваго,—слишкомъ фанатически ею восторгаются.

Одни никогда не выѣзжали изъ своей страны; другіе—не достаточно долго въ ней жили или не потрудились ее изучить. Тѣ и другіе видятъ только поверхность; одни—Парижа, другіе—Петербурга; одни—вблизи, другіе—издали. Я ихъ всѣхъ очень бы удивить, если бы доказать, что между двумя націями существуетъ та же разница, какъ между сильнымъ, молодымъ дикаремъ и чело-вѣкомъ извѣженнымъ, манернымъ, страдающимъ почти неизлѣчимой болѣзнью.

Когда у меня явится вдохновеніе, то я заставлю генія Франціи говорить объ этомъ Петру Великому, на границѣ страны¹⁾.

3) За исключеніемъ Орловыхъ, мнѣ кажется, я во всѣхъ здѣсь замѣчаю какое-то взаимное недоверіе, какую-то осторожность, противоположную прямотѣ и откровенности, которыя свойственны высоко настроенной, свободной и самоувѣренной душѣ, такой, какая живетъ въ насъ и въ англичанахъ; въ насъ—она поутонченнѣе, въ англичанахъ—погрубѣе. Я не знаю, что именно внушаю вашимъ подданнымъ, но они относятся ко мнѣ иначе, чѣмъ другъ къ другу. Мой характеръ, кажется, внушаетъ имъ довѣріе и увлекаетъ ихъ. Желалъ бы я, чтобы и между собою они были такими же, если только откровенность ихъ величественна, о чемъ не берусь судить.

4) Въ душѣ вашихъ подданныхъ есть какой-то отбѣнокъ паническаго страха—должно быть слѣды длиннаго ряда переворотовъ и продолжительнаго господства и деспотизма. Они точно будто постоянно ждутъ землетрясенія и не вѣрятъ, что земля подъ ними не качается, совершенно какъ жители Лиссабона или Макао, только съ той разницей, что тѣ боятся землетрясеній материальныхъ.

Этотъ недостатокъ меня не пугаетъ. Не можетъ быть, чтобы царствованіе нѣжной, любимой, обожаемой монархини не разсыпало паническаго страха. Но нужно, чтобы она не показала и вида, что заботится объ этомъ.

¹⁾ Ниже Дидро исполняетъ это обѣщаніе.

Малѣйшая аффекція только увеличитъ зло, что бы ни говорила маркиза Тенчино, которая, умирая, раскаявалась въ излишней тонкости, потраченной ею на то, чтобы руководить людьми, такъ какъ они слишкомъ глупы для этого.

Я увѣренъ, что послѣ Лили, по смерти Генриха III и Генриха IV, послѣ Фронды, мы испытывали то же, что испытываютъ теперь русскіе. Я теперь приноминаю, что послѣ извѣстнаго приключенія, наканунѣ Крещенія¹⁾, мы совсѣмъ растерялись, точно будто комета упала на землю.

Твердой и сильной душѣ вашего величества, находящей наслажденіе въ опасностяхъ, это чувство не извѣстно. Да и я самъ не понимаю бы его, если бы не испыталъ; описать же его словами невозможно такъ же, какъ описать боль, которой слушатель никогда не испыталъ.

Во всемъ только-что сказанномъ нѣтъ, можетъ быть, ни одного слова вѣрнаго; я изложилъ лишь рядъ личныхъ, случайныхъ, поверхностныхъ и легкихъ замѣчаній. Но колебаніе въ умахъ навѣрно существуетъ, зависить ли оно отъ нарушенія личныхъ и себялюбивыхъ интересовъ, совершеннаго вашими мудрыми и справедливыми дѣяніями, или отъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ.

§ 8.

О революціяхъ.

Кто пытается производить революціи? Люди, которымъ нечего терять при перемѣнѣ общественнаго порядка; люди, которые могутъ при этомъ выиграть.

Что это за люди? Лица могущественныя по посту, занимаемому ими въ странѣ, и поставленныя въ затруднительное положеніе благодаря разстройству состоянія.

Какъ къ нимъ относиться? Двоимъ образомъ: во-первыхъ — обогащать ихъ; это способъ самый вѣрный, но не особенно мужественный; во-вторыхъ — удалять ихъ, называя на почетные посты.

Мнѣ показалось, что себялюбіе (*personnalité*) — качество, свойственное дикарю — въ значительной степени входитъ въ составъ національнаго характера.

¹⁾ Покушеніе Дамьена (*Damiens*), совершенное 5 января 1757 года. Въ Литературной корреспонденціи Гримма, отъ 15 января того же года, можно видѣть слѣды растерянности, появившейся у философа и его друга.

Дикарь не бываетъ ни отцомъ, ни мужемъ, ни братомъ. Онъ — самъ по себѣ: онъ — дитя природы.

Мнѣ показалось, что семейная связь очень еще слаба и что вообще люди заботятся больше о себѣ, чѣмъ о своихъ семейныхъ. Это одна изъ самыхъ постоянныхъ и важныхъ причинъ революціи. Отцы разоряются, оставляя дѣтямъ только имя и претензіи, съ нимъ связанныя: имя, которое бѣдному челоѣку невозможно поддержать: претензіи, удовольствіенія которыхъ трудно добиться, потому что монархъ иногда упускаетъ ихъ изъ вида. Если душа при этомъ сильна и сердце кипитъ, то какіе планы на будущее можно себѣ составить? Конечно, планы сверженія существующей власти, хороша она или плоха, съ цѣлью созданія новой, хотя бы съ опасностью собственной жизни, лишь бы эта новая хорошо къ намъ отнеслась.

Когда ничего нельзя получить отъ монарха царствующаго, то надо заручиться благодарностью того, который будетъ царствовать.

Важно, поэтому, не допускать знатныя семьи до разоренія. Бѣдность ихъ болѣе опасна, чѣмъ непомѣрное богатство. Бѣдность раздражаетъ, богатство усыпляетъ. Бѣдность смѣла, богатство малодушно.

Нельзя терять знатныхъ, но бѣдныхъ людей, въ особенности около себя. Повторяю: что-нибудь одно — ихъ надо обогащать или удалять.

Чѣмъ можно предотвратить разореніе знатныхъ фамилій? Скромными вкусами въ монархѣ, примѣромъ разумной экономіи, похвалою семейнымъ добродѣтелямъ, благоволеніемъ къ хорошимъ отцамъ, хорошимъ воспитаніемъ дѣтей, презрѣніемъ къ роскоши, гдѣ бы она ни проявлялась, помощью несчастнымъ, да и мало ли еще чѣмъ! Всѣми средствами, поощряющими добродѣтель и наказывающими пороки — лѣнь, игру, обжорство и проч.

Но главное — не допускать знатныхъ фамилій до распада.

Я много думаю о томъ, какая ужасная вещь вѣчно колебаться между неблагодарностью и излишней слабостью. Если вы откажете въ чемъ-нибудь тому, кому всѣмъ обязаны, кто вознесъ васъ на ту высоту, на которой вы стоите — вы неблагодарны. А если вы дадите ему то, что онъ проситъ — вы слабы; вы раздражаете зависть въ цѣ-

ломъ народѣ; вы навлекаете на себя и на своихъ друзей ненависть, послѣдствія которой трудно предвидѣть.

Какъ пріятно, значитъ, быть обязаннымъ людямъ вѣрнымъ, прямодушнымъ, великодушнымъ, честнымъ и твердымъ, каковы, какъ мнѣ кажется, пять братьевъ¹⁾! Позвольте мнѣ, ваше величество, воспользовавшись этимъ случаемъ, поздравить васъ съ прекраснымъ выборомъ, сдѣланнымъ въ такое время, когда приходится брать перваго попавшагося, готоваго пожертвовать собой.

Да сохранить же Небо надолго ихъ для вашего величества и ваше величество для нихъ! Это ваши вѣрные стражи.

§ 9.

О необходимости установить правильное наслѣдованіе трона Россійской Имперіи.

Пока это наслѣдованіе не опредѣлено фундаментальнымъ закономъ;

Пока такой законъ не утвержденъ коллективной волей подданныхъ;

Пока онъ не имѣетъ священнаго и ненарушимаго значенія въ общественномъ мнѣніи;

Мирная жизнь государства не обезпечена.

Надо учредить комиссію для опредѣленія:

Должна ли корона переходить къ первоначальному и при томъ только мальчику или вѣвочкѣ?

Можетъ ли царствующій монархъ возлагать ее, по своему произволу, на голову любого изъ своихъ дѣтей? Какой поводъ къ семейнымъ ссорамъ! Какой поводъ къ революціямъ въ государствѣ! Какой поводъ къ двоедушію и низкому услужничеству! Какой поводъ къ волненіямъ въ народѣ, — въ народѣ, выборъ котораго весьма часто останавливается не на томъ, кого выбралъ монархъ! Какой удобный мотивъ для возстаній!

Не смѣю болѣе настаивать. Предметъ выше моихъ силъ, поэтому я предоставляю его мудрости вашего величества и вашей комиссіи.

Но я предложилъ бы вамъ хорошенько обдумать тотъ случай, когда царствующая династія прекращается. Рѣшая этотъ вопросъ, вы рѣшите, конечно, что только въ такомъ случаѣ распоряженіе короной переходить въ руки народа.

Вотъ что я предложилъ бы на случай прекращенія царствующей династіи:

Корона переходитъ въ распоряженіе постоянной комиссіи;

Составляется конклавъ комиссаровъ...

Но затѣмъ излагать простую мечту? У меня не хватаетъ на это смѣлости.

Я очень часто мечтаю, самъ того не замѣчая, и не могъ мечтать, когда намѣревался.

Я не далеко, пожалуй, и отъ мысли нашего величества сдѣлать корону выборной между дѣтьми монарха, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы выборъ не былъ производимъ отцомъ.

Мнѣ кажется, что народъ, выбирающій черезъ своихъ представителей, скорѣе не ошибется, чѣмъ отецъ.

§ 10.

О третьемъ сословіи (tiers état).

Насколько возможно частному человѣку постичь мысли монарха и простому смертному понять взгляды генія, — я думаю, что ваше величество стремитесь образовать третье сословіе.

Выдѣлите же изъ простаго народа тѣхъ, которымъ дадите образованіе; третье сословіе вездѣ состоитъ изъ людей просвѣщенныхъ.

Развейте, насколько возможно болѣе, систему конкурсовъ.

Берегитесь возводить людей третьяго сословія въ дворянское достоинство.

Вознаграждайте ихъ имуществомъ, стараясь обогатить большія бѣдныя семьи; ничто такъ не ослѣпляетъ и не привязываетъ, какъ выгода и благодѣяніе.

Слѣшите устраивать низшія школы, и пусть законъ заставитъ родителей отдавать туда дѣтей, которыя найдутъ тамъ хлѣбъ.

Для способнѣйшихъ изъ народа образуйте стипендіи въ высшихъ и среднихъ школахъ.

Но главное сдѣлайте комиссію постоянной. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ объ этомъ подробнѣе.

§ 11.

Объ игрѣ монарха¹⁾

Недальновиденъ тотъ монархъ, который допускаетъ крупную игру въ только-что складывающемся государствѣ.

¹⁾ Этотъ листокъ предназначается скорѣе для его высочества великаго князя, чѣмъ ея величества, его матери (Дидро).

¹⁾ Орловы: Григорій, Алексѣй, Федоръ, Иванъ и Владиміръ.

Но самъ монархъ, ведущій крупную игру, при какомъ бы то ни было состояніи государства, есть человекъ безчестный, потому что безчестно вести игру неравную.

Монархъ, при игрѣ, ставить деньги своихъ подданныхъ противъ денегъ своихъ подданныхъ.

Когда подданный проиграть монарху очень крупную сумму, то было бы слишкомъ жестоко сказать ему: продай свое имѣніе.

Монархъ, играя съ подданнымъ, ничѣмъ не рискуетъ, сколько бы онъ ни проигралъ.

А подданный рискуетъ состояніемъ своимъ, своей жены и дѣтей.

Не надо Марли.

§ 12.

Объ искусствахъ и ихъ свободѣ.

Я знаю только четыре ремесла, которыя требуютъ постоянно правительственнаго надзора:

1) Торговля съѣстными припасами; надзоръ за ихъ качествомъ;

2) Надзоръ за правильностью мѣръ и вѣсовъ.

3) Надзоръ за медицинской практикой, хотя въ большихъ городахъ нѣсколько шарлатановъ не были бы бесполезными. Медицина родилась изъ эмпиризма и совершенствуется благодаря ему.

Шарлатаны или вылѣчиваютъ или убиваютъ безнадежныхъ больныхъ.

Есть жизнь здоровая, и жизнь больная, жизнь ребенка, жизнь старика и жизнь человека зрѣлаго возраста. Изъ этихъ пяти жизней государству дорога, сама по себѣ, только одна.

Надзоръ за хирургіей и аптеками.

4) Надзоръ за ремеслами, имѣющими дѣло съ серебромъ и золотомъ. Рабочіе могутъ слишкомъ легко и слишкомъ много воровать, для того чтобы полагаться на ихъ честность.

Всѣ остальные ремесла не слѣдуетъ стѣснять надзоромъ; рано или поздно они урегулируются сами по себѣ (*ils sont châtiés par le décri*).

§ 13.

О комиссіи.

Если члены комиссіи оказались такими невнимательными къ чести, которую имъ сдѣлала государыня, къ благу родной страны и къ исполненію своихъ важныхъ обязанностей, что попросили распустить ихъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ, то нельзя ли помочь

дѣлу, уменьшивъ число представителей народа?

Не могутъ ли послѣдніе постоянно жить въ столицѣ, будучи распределены по разнымъ учрежденіямъ министерствъ?

Не можетъ ли каждый изъ нихъ быть представителемъ нѣсколькихъ провинцій?

Не могутъ ли порученія (воевъ) провинцій быть равномерно распределены между немногимъ числомъ живущихъ въ столицѣ представителей? Я говорю—равномерно, для того чтобы каждый представитель имѣлъ одинаковое число голосовъ и равный вѣсъ въ собраніи.

Не могли ли бы провинціи отзываться или прекращать полномочія своихъ постоянныхъ представителей, если пожелаютъ?

Нельзя ли обязать этихъ представителей, въ затруднительныхъ случаяхъ, совѣтоваться съ провинціями, отъ которыхъ они назначены.

Мнѣ кажется, что тогда не было бы никакихъ затрудненій для прекращенія комиссіи въ постоянную.

Развѣ не могла бы провинція замѣнять, въ нужныхъ случаяхъ, своихъ постоянныхъ представителей, живущихъ въ столицѣ, особыми, на которыхъ и переходили бы всѣ полномочія, до времени ихъ обратнаго отъѣзда?

Почему, наконецъ, не допустить и сбора всѣхъ представителей, если это понадобится, при чемъ постоянные, живущіе въ столицѣ, явятся уполномоченными, каждый одной только провинціи?

Такимъ образомъ комиссія, смотря по обстоятельствамъ состоящая изъ большого или меньшаго количества членовъ, всегда заключала бы въ себѣ одинаковое количество голосовъ.

Признаюсь, что я стою главнымъ образомъ за двѣ идеи: за идею конкурса, обезпечивающаго награду достойнѣйшему, и за идею комиссіи, упрочивающую законы и учрежденія.

Эти двѣ идеи, отсутствіе которыхъ, изъ вѣка въ вѣкъ, приводило націю къ безпорядку, вполне аналогичны тѣмъ, на которыхъ зиждутся всѣ ваши учрежденія.

§ 14.

Наша канцелярія (Greffé).

Канцелярія у насъ есть мѣсто, въ которомъ хранятся украденныя вещи, должен-

ствующія служить уликою преступнику во время его процесса. Процессъ шель, преступника осуждали сообразно его винѣ, но украденное оставалось въ канцеляріи, и потерпѣвшему ничего не возвращали.

Настоящій полиціймейстеръ (lieutenant de police) былъ первымъ, прекратившимъ это мошенничество.

Теперь, какъ только процессъ конченъ, такъ украденныя вещи немедленно возвращаются потерпѣвшему, котораго надежда получить обратно свое имущество побуждаетъ къ преслѣдованію вора. Раньше онъ говорилъ: «Э! не все ли мнѣ равно, у кого останутся мои вещи—у вора въ карманѣ или въ канцеляріи! Чтѣ съвоза ушло; то пропало, не стоитъ и хлопотать». Онъ и не хлопоталъ, не доносилъ на вора, благодаря чему послѣдній оставался безнаказаннымъ.

Мнѣ кажется, что здѣсь, въ вашей полиціи, дѣла идутъ такъ же, какъ въ нашей прежней канцеляріи.

Никто не преслѣдуетъ воровъ, мошенниковъ, грабителей, по затруднительности добиться какого-нибудь результата. Хлопочи, старайся, трать деньги, а мошенникъ все-таки уйдетъ отъ правосудія, и украденныя вещи не будутъ возвращены. Вы не можете себя представить, ваше величество, сколько я слышалъ жалобъ на это, особенно отъ иностранцевъ.

Здѣсь ненавидятъ теперь французовъ, потому что считаютъ ихъ виновниками войнъ. Эта ненависть нисколько меня не удивляетъ такъ же, какъ и обусловленная ею невозможность, для француза, добиться правосудія. Но все-таки чтѣ же общаго между нашимъ министерствомъ и народомъ? Мы не раздѣляемъ настроенія нашего министерства, и я еще разъ осмѣлюсь повторить вашему величеству то, чтѣ говорилъ уже сто разъ: послѣ Россіи, больше всего обожаютъ васъ во Франціи. Имя ваше тамъ постоянно прославляется.

Но если между министерствомъ и народомъ нашимъ нѣтъ ничего общаго, то еще меньше отношенія между ненавистью, которую здѣсь питаютъ къ первому, и частнымъ человекомъ, французомъ, потерпѣвшимъ отъ воровъ.

Правосудіе должно быть оказываемо всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ. Я полагаю, что ваша полиція могла бы быть поставлена на лучшую ногу.

Дѣло идетъ не объ ея главѣ—люди, поставленные во главѣ трибуналовъ такого рода, почти всегда бывають честны,—а о подчиненныхъ, которые почти всегда мошенники, по крайней мѣрѣ, у насъ.

§ 15.

О нашей полиціи.

Г. баронъ Клингштедъ ¹⁾ пріѣзжаетъ въ Парижъ; онъ не совсѣмъ здоровъ и сидитъ нѣсколько дней дома. Г. Хотинскій, вашъ завѣдующій дѣлами, ѣдетъ въ Версаль, и д'Эгильонъ съ перваго же слова задаетъ ему вопросъ: «Скажите пожалуйста, кто такое баронъ Клингштедъ, который пріѣхалъ въ Парижъ тогда-то, остановился тамъ-то и никуда не показывается?»

Недавно одинъ богатый торговецъ пріѣхалъ изъ Ліона въ Парижъ; на заставѣ его арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму; черезъ нѣсколько дней полицейскій чиновникъ вызываетъ его и говоритъ: «Можете дѣлать, чтѣ хотите, вы теперь свободны и въ безопасности: воры, которые слѣдили за вами отъ самаго Ліона, съ цѣлью завладѣть двумястами тысячъ франковъ, лежащими у васъ въ карманѣ, захвачены».

Г. де-Моранжіэ (Morangies) подкупилъ и втянулъ въ свой несчастный процессъ ²⁾ одну женщину изъ Брюсселя. Забывая г. де-Моранжіэ и оставленная безъ всякой помощи, она пріѣхала въ Парижъ и была захвачена на заставѣ.

Украденныя драгоценности находятся и возвращаются законному владѣльцу въ теченіе восьми дней.

Прусскій король, пожелавшій ознакомиться съ сущностью этого таинственнаго трибунала, посылаетъ въ Парижъ эмиссара. Эмиссаръ живетъ тамъ три года, изучаетъ все на мѣстѣ и возвращается. «Ну чтѣ?» спрашиваетъ король, «изучили французскую полицію?»—«Точно такъ, государь, почти изучилъ».—«Чтѣ же это такое?»—«Вѣтъ администраціи, стоющая два милліона франковъ въ годъ».—«Больше мнѣ и знать ничего не нужно».

¹⁾ Русскій дворянинъ, любитель рѣдкихъ монетъ, медалей и эстамповъ.

²⁾ Дѣло о незаконномъ владѣніи капиталами, поднятое г. де-Моранжіэ противъ Верона и Дюжонка. Истецъ дѣло проигралъ, но недавнее на него обвиненіе въ подкупѣ свидѣтелей не подтвердилось.

Если ваше величество предполагаете ввести въ своемъ государствѣ такую же грандіозную ловушку, то нельзя вамъ дать лучшаго о ней понятія ¹⁾.

§ 16.

Объ отправленіи правосудія.

Если правосудіе дается даромъ, то можно ожидать безконечнаго размноженія процессовъ.

Съ другой стороны судья какъ-то непринично получать деньги на подобіе простого ремесленника.

Нельзя ли выбрать чего-нибудь средняго между этими двумя крайностями?

Всякій гражданинъ, несправедливо обвиняющій своего ближняго, можетъ быть разсматриваемъ какъ нарушитель общественнаго спокойствія и, въ качествѣ такового, достоинъ наказанія.

Поэтому пусть тотъ, кто проигралъ процессъ, будетъ приговариваемъ къ штрафу, пропорціональному суммѣ, изъ-за которой возникло дѣло.

Такіе штрафы должны идти въ казну, на уплату жалованья судьямъ и на возмѣщеніе убытковъ несправедливо потерпѣвшаго.

Что касается судебного порядка, то его можно очень упростить.

Дѣла бываютъ двухъ сортовъ: 1) Рѣшаемыя въ одномъ засѣданіи (*des affaires d'audience*); 2) рѣшаемыя подробнымъ слѣдствіемъ (*affaires de rapport*).

Я называю дѣлами, рѣшаемыми въ одномъ засѣданіи, всѣ тѣ, въ которыхъ рѣшеніе можетъ быть постановлено легко и быстро: убить или не убить?

Я называю дѣлами, требующими подробнаго слѣдствія, всѣ тѣ, для обсужденія которыхъ нужно констатировать множество фактовъ, пересмотрѣть и сличить множество документовъ, сообразить множество обстоятельствъ. Такія дѣла должны быть передаваемы судья-докладчику (*rapporteur*).

Если имя докладчика обнаруживается какимъ бы то ни было образомъ, то его отводить. Такъ дѣла дѣлаются въ Амстердамѣ. Тамъ просьба ни прямо, ни косвенно не подается докладчику.

Имя его становится извѣстнымъ только во время засѣданія, за нѣсколько минутъ до произнесенія приговора. Судъ не прекращаетъ засѣданія до тѣхъ поръ, пока не выслушаетъ докладъ и не произнесетъ приговоръ.

Апелляція въ столичный судъ на суды провинціальныя идетъ всегда путемъ доклада и рѣшается баллотировкой.

При этомъ пересылаются всѣ документы, но тяжущимся перетьзжать не дозволяется.

Приговоръ пересылается въ тотъ самый судъ, на который была подана апелляція, и этотъ судъ уже обязанъ объявить его тяжущимся.

А для того, чтобы устранить обиліе апелляцій, проигравшій опять таки платитъ штрафъ.

У насъ, въ Парижѣ, да и во всѣхъ городахъ Франціи есть очень хорошая юрисдикція, такъ называемая консульская; она вѣдаетъ всѣ торговые дѣла.

Судьи—также торговцы. Время ихъ служенія ограничено. Тяжущійся ведетъ дѣло лично, а если обращается къ адвокату, то платять ему десять су (*sol*). Судьи никакого жалованья не получаютъ. Они не оставляютъ засѣданія до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла не кончены, если бы даже для этого пришлось просидѣть двое сутокъ сряду.

Такой трибуналь, въ Парижѣ, произноситъ до двадцати тысячъ приговоровъ въ годъ. Апеллировать на его приговоры можно въ Парламентъ, но тамъ они почти всегда утверждаются. Молодые торговцы обязаны посѣщать этотъ трибуналь, чтобы поучиться судить. Манкировка наказывается штрафомъ въ одинъ пистоль. Судьи, окончившіе службу, являются докладчиками черезчуръ сложныхъ дѣлъ. Эти дѣла могутъ отнять у докладчика до полугода времени, но онъ обязанъ вести ихъ даромъ, ничего не получая даже на канцелярскія принадлежности. Судьи сами не пожелали получать какое бы то ни было вознагражденіе за свой трудъ, въ виду того, что тогда должность ихъ стала бы предметомъ зависти, она бы выпрашивалась и раздавалась по протекціи, какъ бы ничтожно жалованье ни было. Единственный недостатокъ этого трибунала состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ право постановлять окончательные приговоры только въ такомъ случаѣ, когда сумма иска не превышаетъ пятисотъ ливровъ.

¹⁾ Въ половинѣ XVIII вѣка устройство Парижской полиціи было предметомъ зависти для монарховъ всей Европы.

Недавно онъ постановилъ приговоръ достойный Соломона или Санчо Пансо на островѣ Баратаріи. Одно лицо потеряло мѣшокъ съ 1,200 ливрами и заявило въ афишахъ, что заплатить четыре лундора тому, кто найдетъ и возвратитъ потерянное. Мѣшокъ былъ возвращенъ, но въ немъ оказалось только 1,104 ливра, и потому потерявшій отказался платить вознагражденіе, ссылаясь на то, что нашедшій самъ уже вычелъ послѣднее изъ найденной суммы.

Дѣло поступило въ консульскій судъ. Нашедшій говоритъ, что если у него хватило совѣсти вынуть изъ мѣшка четыре лундора, то хватило бы ея оставить у себя и всю сумму. Судья спрашиваетъ у потерявшаго, сколько было въ его мѣшкѣ денегъ?—1,200 ливровъ.—«Значить, это не вашъ мѣшокъ, говоритъ судья, такъ какъ въ немъ только 1,104 ливра», и присуждаетъ оставить находку у нашедшаго до тѣхъ поръ, пока не явится кто-нибудь съ ясными на принадлежность ему мѣшка доказательствами.

И этотъ приговоръ не единственный, въ которомъ консульскій трибуналъ показалъ свою мудрость и принципиальность.

А между тѣмъ почти никто у насъ не знаетъ о существованіи такого прекраснаго и такъ близко къ намъ стоящаго учрежденія.

§ 17.

О разводѣ.

—Я желалъ бы, чтобы ваше величество—если въ вашемъ государствѣ бракъ столь же нерасторжимъ, какъ у насъ—нашли какое-нибудь средство сдѣлать его нерасторжимымъ, безъ всякихъ печальныхъ послѣдствій.

Нерасторжимость брака противна непостоянству, лежащему въ натурѣ человѣка. Меньше чѣмъ черезъ годъ, тѣло женщины, намъ принадлежащей, становится для насъ столь же безразличнымъ, какъ наша собственность.

Домашній миръ нарушенъ, и начинается адъ. Дѣти несчастны и портятся, благодаря разрыву между родителями. Нравы измѣняются къ худшему.

У римлянъ разводъ былъ дозволенъ и не сдѣлался болѣе частымъ.

Легкая возможность развестись заставляетъ супруговъ дѣлать другъ другу уступки. Право развода сдерживаетъ отъ фактическаго

его осуществленія. Разводъ, даваемый свѣтской властью, есть изъятіе брака изъ рукъ церкви.

Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что церковь остается блюстительницей трехъ самыхъ важныхъ фактовъ въ жизни человѣка: рожденія, брака и смерти.

Если я стою за разводъ, то за такой, который позволилъ бы вступленіе во второй бракъ.

Разводъ, обрекающій разведенныхъ супруговъ на безбрачіе, отвратителенъ. Онъ портитъ нравы, толкая мужа и жену въ развратъ. Онъ хуже, въ этомъ отношеніи, чѣмъ полная нерасторжимость брака.

Разводъ уменьшитъ число холостыхъ людей, на которыхъ, въ благоустроенномъ государствѣ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на развратителей по ремеслу. Одна знаменитая куртизанка справедливо говорила: «Я очень важная персона, потому что одна занимаю цѣлыхъ двадцать мужчинъ, а стало быть спасаю честь по крайней мѣрѣ девятнадцати порядочныхъ женщинъ». Это разсужденіе, съ виду смѣшное, раздѣляется, собственно говоря, и полиціей, въ тѣхъ странахъ, гдѣ куртизанки терпимы.

Дѣти не представляютъ затрудненія при разводѣ. Надо, чтобы они принадлежали обществу, которое должно о нихъ заботиться. Въ семьяхъ своихъ родителей, вступившихъ въ новые браки, они были бы очень несчастны. Можетъ быть, самая жизнь ихъ была бы въ опасности—чего не дѣлается изъ-за выгоды?

Главное затрудненіе состоитъ въ томъ—гдѣ найти воспитателей (tuteurs). Если родители часто бываютъ плохими воспитателями, индифферентные гувернеры—еще худшими, то чиновники окажутся хуже и родителей и гувернеровъ.

Лучшими воспитателями, мнѣ кажется, были бы члены вашей комиссіи. Но и на нихъ бы я не очень полагался. Это слишкомъ затруднительный вопросъ въ законодательствѣ, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, удовлетворительное рѣшеніе которыхъ по силамъ только вашему величеству, такъ какъ вы любите упражнять свою принципиальность.

Въ концѣ концовъ, многочисленность разводовъ можетъ быть легко ограничена раздѣломъ состоянія. Если есть на лицо пятеро дѣтей, то состояніе раздѣлится на пять ча-

стей, изъ коихъ три (?) должны принадлежать дѣтямъ.

Этотъ раздѣлъ не дозволить мужу мѣнять жену, а женѣ мужей.

Вообще какъ труденъ этотъ вопросъ! Надо имѣть въ виду, что онъ еще можетъ касаться монарховъ и тѣхъ случаевъ, когда развода просить одна только сторона.

§ 18.

О кодексѣ.

Когда кодексъ будетъ составленъ и утвержденъ комиссией, я приглашу всѣхъ ученыхъ людей въ Европѣ прислать мнѣ свои о немъ отзывы. Какую санкцію это ему придастъ!

Всякій русскій будетъ тогда имѣть право сказать: «Я подчиняюсь законамъ, которые составилъ самъ, и эти законы были подтверждены трибуналомъ всего свѣта!»

VIII.

Политическая экономія.

§ 1.

О ростовщичествѣ.

Что такое ростовщичество или, лучше сказать, законы противъ него?

Это есть исключительная привилегія на торговлю деньгами, даваемая людямъ, достаточно ловкимъ, чтобы избѣгать скандала. А такая ловкость ничего не стоитъ.

Деньги есть товаръ такой же, какъ и все прочее. На деньги можно купить бархату, а за бархатъ можно получить деньги; деньги—представитель товаровъ, а товары—представители денегъ.

Зачѣмъ же подчинять торговлю ими особымъ законамъ?

Чтобы помѣшать дуракамъ разоряться?

Во-первыхъ—сколько ни сочиняй законовъ противъ мотовства и глупости, всѣ они будутъ бесполезны такъ же, какъ законы противъ самоубійства.

Кромѣ того, законы противъ ростовщичества ведутъ къ результатамъ, диаметрально противоположнымъ той цѣли, для которой они создаются. Чѣмъ меньше торговцевъ деньгами, тѣмъ деньги дороже и тѣмъ труднѣе для покупателя.

Если бы деньги продавались въ каждомъ домѣ, то конкуренція между продавцами сбива бы на нихъ цѣну,

А къ чему ведутъ законы? Къ тому, что вмѣсто продажи денегъ, по установленной правительствомъ таксѣ, ростовщикъ продастъ вамъ бархатъ по такой цѣнѣ, какую захочетъ взять, а вы ему тотчасъ же продадите этотъ бархатъ по цѣнѣ, которую онъ захочетъ дать. У насъ это такъ и дѣлается, даже этотъ бархатъ называется спекуляторскимъ (*velours d'affaires*).

Законы ничему, стало быть, не помѣшали, они только ускорили разореніе покупателя. Кромѣ того, они и несправедливы. Развѣ цѣна на деньги не должна колебаться, какъ на всѣ другіе товары, въ зависимости отъ спроса и предложенья?

Колебаясь вообще, развѣ не должна она колебаться и соотвѣтственно личностямъ предлагающаго и спрашивающаго? Развѣ можетъ торговый человѣкъ, деньги котораго постоянно работаютъ, продавать ихъ по той же цѣнѣ, по которой продаетъ богачъ, держащій ихъ въ сундукѣ?

Развѣ рискъ, зависящій отъ личности покупателя, не долженъ быть принимаемъ въ расчетъ торговцемъ?

Законы противъ ростовщичества создаютъ только мошенниковъ и безчестныхъ людей.

Наконецъ, фиксировать цѣну денегъ въ обществѣ мнѣ кажется столь же невозможнымъ, какъ фиксировать цѣну огурцовъ на рынкѣ.

Мнѣ трудно допустить, чтобы въ этихъ принципахъ заключалось что-нибудь невѣрное.

Законы противъ ростовщичества подобны многимъ другимъ, созданнымъ въ минуту какого-нибудь кризиса или катастрофы; въ эти минуты никто не замѣчаетъ, что кризисъ былъ необходимъ и что законы только усугубляютъ его.

Ростовщикъ чаще всего бываетъ закладчикомъ.

Выдача денегъ подъ закладъ до такой степени необходима въ большомъ обществѣ, что у насъ полиція смотритъ на нее сквозь пальцы.

Кромѣ того, законы противъ ростовщичества всегда обходятся тѣмъ, что заемщикъ даетъ росписку въ большей суммѣ, чѣмъ получилъ. Въ такихъ случаяхъ, внѣшній видъ

сдѣлки остается вполне законнымъ, и ростовщикъ, если онъ не дуракъ, всегда избѣгаетъ отвѣтственности.

Російски заемщика проходятъ, обыкновенно, черезъ столько рукъ, что нѣтъ возможности преслѣдовать послѣдняго, кто ихъ представилъ въ судъ.

Все это приводитъ благомыслящихъ людей къ мысли о необходимости заводить ломбарды, которыхъ я бы никогда не завелъ, по причинамъ, кажущимся весьма странными. Что такое ростовщичество, помоему?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія.

§ 2.

О межахъ.

Какъ человѣкъ завладѣваетъ извѣстнымъ пространствомъ нетронутой цѣлины?

При помощи труда. Когда земля принадлежитъ всѣмъ, то положенный въ нее трудъ есть, конечно, единственное законное право на собственность.

Когда человѣкъ пріобрѣлъ это право, то что онъ дѣлаетъ, чтобы сохранить свою собственность отъ сосѣда и отъ животныхъ, съ которыми постоянно воюють? Онъ проводитъ между вокругъ своихъ владѣній или ставить заборъ.

Какъ дѣйствуетъ этотъ заборъ на его чувства, на его духъ, на его воображеніе? Онъ пріучаетъ считать себя, въ своемъ огорода, дома, а внѣ этого огорода—внѣ дома.

Заборъ есть первая граница между твоимъ и моимъ. Мало-по-малу всѣ сосѣди привыкають смотрѣть на него такимъ образомъ. Заборъ или межа становятся, съ теченіемъ времени, уважаемыми, священными.

У римлянъ былъ богъ, Термъ (граница); люди, нарушавшіе границы, подвергались смертной казни.

Межи или границы упоминались во всѣхъ актахъ о продажѣ, дареніи, раздѣлѣ и проч.

Я не хотѣлъ бы видѣть въ Россіи ни заборовъ, ни живыхъ изгородей, потому, что всякое прикрытие почвы обуславливаетъ, въ нѣкоторой степени, развитіе сырости и холода; камни, съ другой стороны, слишкомъ дороги и недостаточно видны, недостаточно отдѣляютъ. Я предпочелъ бы легкія деревянныя изгороди, какъ въ Голландіи, Вест-фаліи и Саксоніи.

Эти изгороди тотчасъ же произвели бы свой первоначальный эффектъ—пріучили бы крестьянина смотрѣть на все пространство, ими отгороженное, какъ на свое. Но, помимо этого первоначальнаго эффекта, онъ произвели бы и другой, болѣе отдаленный, но болѣе важный: онъ навсегда бы устранили всякіе споры между крупными помѣщиками и мелкими землевладѣльцами, которые когда-нибудь да заведутся же на земляхъ, принадлежащихъ первымъ. А это значило бы съ корнемъ вырвать поводъ къ безчисленному количеству процессовъ, отягощающихъ суды всѣхъ благоустроенныхъ націй.

У насъ споръ изъ-за межи между двумя сосѣдями разорять обоихъ. По окончаніи процесса, тянушагося года два, послѣ назначенія судей и посредниковъ, послѣ измѣренія земли, разсмотрѣнія и повѣрки актовъ, оказывается обыкновенно, что тяжущіеся лучше бы сдѣлали, если бы сразу отдали спорный участокъ суду.

Крупные землевладѣльцы, которымъ надоѣла вся эта процедура, завели земельныя росписи (terriers). Съ тѣхъ поръ какъ эти росписи заведены и признаны закономъ, среди принявшихъ ихъ землевладѣльцевъ царствуетъ спокойствіе.

Какъ только возникъ споръ между двумя фермерами, такъ оба идутъ къ помѣщику, развѣртываютъ планъ, вооружаются циркулемъ, мѣряють, и при этомъ иногда оказывается, что истецъ самъ захватилъ землю отвѣтника или что всѣ владѣнія нѣсколько перепутались. Тогда производится повѣрка межи на мѣстѣ, и законное владѣніе восстанавливается.

Размежеваніе земель, можетъ быть, дать хорошій результатъ не сейчасъ же, но монархи должны разсчитывать на долгое время впередъ, потому, что жизнь государства измѣняется вѣками.

Если ваши межи или изгороди просуществоють двѣсти лѣтъ, то потомки, которые пожнутъ плоды вашей мудрости, повсюду находя слѣды вашего объ нихъ попеченія, будутъ благословлять васъ.

Сколько безполезныхъ работъ! Сколько труда, брошеннаго даромъ! Неужели Россія должна оставаться такою, какаю она есть? Ваше величество этого не думаете, а потому и поступите соотвѣтственно и сдѣлайте для будущаго то, что оцѣнятъ лишь ваши потомки.

§ 3.

О фабрикахъ и мануфактурахъ.

«Но, скажете ваше императорское величество, я истратила цѣлый миллионъ, чтобы ихъ имѣть, а результаты не оправдали моихъ ожиданій». Это вотъ почему:

Знали ли страну тѣ, кому вы дали денегъ? Понимали ли они что-нибудь въ дѣлѣ? Были ли они экономны?

У насъ тѣ изъ мануфактуристовъ, которые не жили скромно, всѣ разорились, богатѣть же стали только наученные опытомъ ихъ потомки.

Изъ вашихъ фабрикъ удалась петербургская часовая мастерская. Почему? Потому, что ее вели люди знающіе и скромные.

Затрудненіе почти всегда состоитъ въ томъ, чтобы найти честныхъ людей. А между тѣмъ они есть.

Вотъ вамъ фундаментъ—пятнадцать тысячъ рублей. Въ концѣ года покажите, что вы съ ними сдѣлали? На второй годъ—десять тысячъ; на третій—пять. На четвертомъ году вы должны получать выгоду или вашъ управляющій мошенникъ, если не дуракъ.

А бываетъ и такъ—управляющій проситъ денегъ и долго не можетъ получить ихъ. Наконецъ, ему даютъ частичку, а остальное растрачиваютъ. Фабрикъ денегъ не хватаетъ, и дѣлу конецъ. Это въ порядкѣ вещей.

Здѣсь, на триста рублей, одинъ человѣкъ устроилъ фабрику шелкового газа. Да еще надо знать, какъ были добыты деньги.

Теперь у этого человѣка пятнадцать тысячъ рублей, отъ двадцати до двадцати пяти разныхъ производствъ и цѣлый курятникъ дѣтей. Онъ выдѣлываетъ ткани всѣхъ сортовъ. Онъ ткеть серебряный газъ, въ который вы одѣваетесь. А что могъ сдѣлать одинъ человѣкъ, то могутъ сдѣлать и сотни другихъ.

Развѣ не могъ бы этотъ фабрикантъ быть прямо или косвенно полезнымъ вашему Воспитательному дому?

Я слышалъ, что великій князь любитъ механику. Счастливая склонность, указывающая на большой умъ и на вкусъ къ полезнымъ знаниямъ. Надо снабдить его моделями.

Задаю, сколько могу, вопросовъ, потому, что хочу быть полезнымъ.

§ 4.

О чугуноплавильныхъ или желѣзодѣлательныхъ заводахъ.

Вы берете по восьми копѣекъ пошлины съ пуда желѣза. Налогъ небольшой, но онъ портитъ все дѣло.

Для того чтобы увеличить доходъ казны, заводчиковъ заставляютъ увеличивать производство. Что же изъ этого выходитъ? Желѣза выдѣлывается больше, но оно плохо. Ваше желѣзо пользуется дурной репутацией; его никто не беретъ, предпочитая покупать въ Швецію и Германію.

Другой недостатокъ вашихъ большихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ—очистка (affinage), желѣзо производится плохо. вмѣсто того, чтобы тратить четверть матеріала, вы тратите треть.

Вы плавите крицу чугуна кусочками, тогда какъ мы ее плавимъ или очищаемъ съ конца, понемногу вдвигая въ горнъ.

Поэтому надо имѣть два горна вмѣсто одного.

И, кромѣ того, я думаю, ваши плавильные горны могли бы быть лучше устроены. И все это потому, что ваши мастера не артисты, рутинеры.

Заведите слесарную фабрику. Утилизируйте сами свое желѣзо. Подготовляйте слесарей въ Воспитательномъ домѣ и тѣмъ спасете не менѣе ста тысячъ рублей.

Наконецъ, я узналъ, что у васъ даже нѣтъ литейнаго завода (fonderie). А между тѣмъ какую громадную выгоду принесла бы одна гвоздильная фабрика, если бы она у васъ была! Почти при каждомъ изъ нашихъ чугуноплавильныхъ заводовъ она имѣется.

Вы выдѣлываете предметы и продаете ихъ по дешевой цѣнѣ, а иностранцы привозятъ вамъ ее передѣланной и продаютъ за дорого.

Какой доходъ могли бы дать однѣ желѣзные кровати!

Свинецъ въ листахъ идетъ къ вамъ изъ Англіи, по восьми су за фунтъ.

А мнѣ казалось бы, что вы сами можете его дѣлать, развѣ у васъ есть свой свинецъ: стоитъ только завести фабрики.

§ 5.

О кользѣхъ (суреппицѣхъ) и табакѣ.

Говорятъ, что на Волгѣ, въ окрестностяхъ Саратова, прекрасно могутъ расти табакъ и кольза.

Кто же мѣшает тамошнимъ колоніямъ развить производство того и другого? Отсутствие сбыта и поощренія.

Вотъ еще дѣло для вашего Воспитательнаго дома—пусть фабрикуетъ табакъ въ Москвѣ.

Такая фабрика, на которой будутъ работать четыреста—пятьсотъ дѣтей, дастъ сто процентовъ выгоды.

Надо думать, что это нѣсколько лучше шести процентовъ, которые даетъ въ Россіи капиталъ.

Все это возможно и будетъ когда-нибудь, даже помимо медленнаго, но постояннаго возрастанія третьяго сословія.

§ 6.

О торговцахъ и купцахъ, какъ мѣстныхъ, такъ и иностранныхъ.

Вотъ дерзкая и даже сумасшедшая по своей дерзости идея—но я и не обѣщалъ вашему императорскому величеству быть постоянно въ своемъ умѣ.

Я знаю только, что, будучи приведена въ исполненіе, она надѣлаетъ больше шума и принесетъ больше чести, чѣмъ десять выигранныхъ сраженій.

Я знаю, что она произведетъ невѣроятную и быструю перемѣну въ государствѣ.

Я знаю, что она привлечетъ къ вамъ иностранцевъ изъ всѣхъ странъ Европы.

Я знаю, что меньше чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ она сократитъ ту невѣроятную роскошь, которая развилась здѣсь.

Я знаю, что она ограничитъ издержки людей всѣхъ состояній размѣрами ихъ доходовъ.

Я знаю, что она затруднитъ черезчуръ легкое совершеніе займовъ, одинаково разорительныхъ какъ для того, кто покупаетъ вещь въплату или въсплату дороже, чѣмъ она стоитъ, такъ и для того, кто продаетъ эту вещь, потому что онъ не получитъ денегъ.

Я знаю, что она понизитъ цѣны на всѣ заграничные продукты, на предметы домашняго производства, установитъ цѣны настоящія.

Я знаю, что она приведетъ въ отчаяніе ростовщиковъ, такъ какъ они останутся безъ работы.

Я знаю, что въ тысячѣ случаевъ, когда законъ оказывается безсильнымъ, особенно

противъ могущественныхъ лицъ, она поможетъ этому горю, довольно обыкновенному во всѣхъ странахъ и почти постоянному въ странахъ, управляемыхъ деспотически, въ которыхъ слабый никогда не можетъ бороться съ сильнымъ.

Я знаю, что она установитъ взаимное доверіе, какъ при продажѣ, такъ и при покупкѣ.

Достаточно, я полагаю, выгоды представляетъ моя идея. Досадно будетъ, если она окажется сумасбродной.

Но сумасбродна она или благоразумна, я увѣренъ, что если бы прусскій король увидать въ ея выполненіи выгоду, ужъ не только государственную, а и личную, то онъ не задумался бы ее выполнить. Но перейдемъ къ дѣлу.

Въ нашей странѣ, если какой-нибудь герцогъ далъ заемное письмо и допустилъ его до протеста, то онъ тотчасъ же подвергается личной отвѣтственности (*contrainte par corps*) и, какъ бы ни былъ высоко поставленъ, будетъ арестованъ хотя бы на улицѣ и засажень въ тюрьму, впредь до уплаты долга. Такая строгость здѣсь, кажется, не въ ходу.

Я спрашивалъ у купцовъ, почему они берутъ такъ дорого, даже продавая на наличныя деньги. Я не разъ, а десять разъ задавалъ этотъ вопросъ, и мнѣ всегда они отвѣчали: «Мы продаемъ дорого тѣмъ, которымъ принуждены давать въ долгъ, потому что долговъ здѣсь никто не платитъ. Вліятельныхъ людей невозможно заставить платить. Законъ бесплетенъ передъ ними. Начатые процессы никогда не кончаются. Мы продаемъ дорого тѣмъ, которые платятъ наличными, потому что покрываемъ ихъ деньгами тѣ потери, которыя несемъ на долгахъ».

Я спрашивалъ: «Почему же вы не требуете векселей вмѣсто заемныхъ писемъ?»

Мнѣ отвѣчали: «Нѣ векселя не лучше писемъ. Приди получать по нимъ, тебѣ и скажутъ: а не хочешь ли попробовать палки?»— Но зачѣмъ же вы продаете въ долгъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ назначилъ за товары надлежащую цѣну и заявилъ бы, что въ долгъ не даю. Пусть берутъ въ долгъ у сосѣда, а ко мнѣ приходятъ покупать на наличныя.— «Не знаете вы нашего народа,—отвѣчали мнѣ, смѣясь,—у насъ всѣ готовы заплатить въ десятеро, лишь бы не вынимать денегъ изъ кармана. На наличныя никто покупать не пой-

детъ». И это мнѣ сказать одинъ высокопоставленный господинъ.

Сомнительность уплаты распространяется на все безъ исключенія, иностранцы ли продаютъ мѣстнымъ жителямъ или мѣстные торговцы своимъ соотечественникамъ.

Все это, по своей странности, показалось мнѣ достойнымъ подробнаго изслѣдованія, и я справлялся у людей, которымъ не было никакой выгоды меня обманывать.

Я обращался къ людямъ всѣхъ профессій, всѣхъ національностей, къ торговцамъ разнаго рода—отвѣтъ былъ тотъ же. Всѣ единогласно показывали, что девять розничныхъ продавцовъ изъ десяти разоряются, хотя бы продавали свои товары очень дорого.

Сначала мнѣ пришло въ голову, что лучшимъ средствомъ противъ неуплаты долговъ была бы строгость закона, однаково приложимая къ сильному и слабому. Но это средство дѣйствуетъ чересчуръ медленно, особенно, если законы будутъ приводимы въ исполненіе людьми трусливыми, а зло не ждеть.

Есть три сорта обязательствъ, даваемыхъ ростовщику людьми состоятельными и несостоятельными къ уплатѣ: обязательства людей безчестныхъ, потому что они уже были несостоятельными въ самую минуту подписанія векселя; обязательства людей честныхъ, но сдѣлавшихся несостоятельными въ послѣдствіи; наконецъ—обязательства людей состоятельныхъ, честныхъ или безчестныхъ все равно.

Спрашивается: какъ отразится на этихъ обязательствахъ указъ вашего величества, по которому вы сами обязуетесь уплатить долги всѣхъ состоятельныхъ лицъ, по первому же протесту ихъ векселей, а что касается несостоятельныхъ, то списокъ ихъ повелите ежедневно представлять себѣ и затѣмъ вывѣшивать на углахъ улицъ; для того же, чтобы чиновники не вычеркивали обманнымъ образомъ изъ этого списка нѣкоторыхъ именъ, вы позволите кредиторамъ обращаться прямо къ вамъ. Какой эффектъ произведетъ этотъ указъ, если вы его издадите завтра. Ручаюсь, что послѣ завтра будетъ уплачено долговъ не менѣе, какъ на четыре милліона, а относительно остальныхъ состоятъ болѣе или менѣе солидные соглашенія.

Сумасбродныя идеи тѣмъ лучше, чѣмъ короче изложены: на этомъ я и кончаю изложеніе моей.

§ 7.

О торговыхъ домахъ.

Если бы ханжество, остатки стыда или ригоризмъ нѣкоторыхъ настоятелей не положили предѣла жадности нашихъ монаховъ, то они завладѣли бы торговлей деньгами не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Всякій монастырь превратился бы въ банкирскій домъ.

Ступайте къ босоногимъ люксембургскимъ кармелитамъ, монастыри которыхъ разбросаны по всѣмъ большимъ городамъ Европы, и обратитесь къ вице-прокуратору, отцу Ангелу¹⁾, моему родственнику; скажите ему: «Отецъ Ангель, мнѣ нужно перевести двадцать тысячъ франковъ въ Римъ, Флоренцію, Мадридъ, Лиссабонъ, Марсель и проч. Сколько вы за это возьмете?»—«Столько-то».—«Получайте деньги».—«Получайте билетъ». Съ такимъ билетомъ вы можете явиться куда угодно и получите свои деньги. Пусть ваше величество приложить къ дѣлу это свидѣніе.

Почему бы Россіи не имѣть своихъ торговыхъ домовъ?

Почему бы этимъ домамъ не находиться въ зависимости отъ государственнаго банка (son collègue des finances?)

Почему бы не быть имъ складами русскихъ товаровъ?

Почему бы имъ не завязать сношеній другъ съ другомъ и съ заграничными домами?

Но пусть во главѣ ихъ стоятъ честные люди—это самый затруднительный пунктъ.

Пусть банкиры будутъ смѣняемы по волѣ министерства.

Пусть они пользуются процентами съ дѣла (entreprene dans le profit de la banque).

Пусть живутъ безъ роскоши.

Пусть прочно установятъ взаимный кредитъ другъ другу.

Пусть ихъ векселя ходятъ повсюду наравнѣ съ деньгами.

Пусть торговые дома не перегружаются товарами.

Пусть умѣютъ поддерживать цѣну послѣднихъ.

Ваше императорское величество можете занимать у нихъ, сколько вамъ будетъ угод-

¹⁾ Этотъ отецъ Ангель игралъ роль въ жизни Дидро, какъ видно изъ мемуаровъ г-жи Вандейль.

но, безъ всякихъ процентовъ, такъ какъ они суть только бюстителл вашихъ же денегъ.

Но подданные ваши будутъ платить проценты, которые и пойдутъ въ казну.

Весьма натурально, что русскіе тогда, какъ дома, такъ и за границей, будутъ обращаться къ этимъ банкирамъ, которые, будучи болѣе надежными, чѣмъ всѣ другіе, раздѣлятъ между собою и съ прочими выгоды международной торговли деньгами.

Что такое можетъ выйти изъ этой комбинаціи лѣтъ черезъ десять, я ужъ и не знаю.

Но прежде всего нужны честные люди, и тѣмъ болѣе честные, что они станутъ въ независимое отъ вашего величества положеніе. Это не можетъ, однако же, служить препятствіемъ къ осуществленію проекта.

§ 8.

Объ уставѣ Воспитательнаго дома.

При выходѣ дѣтей изъ дома, имъ дають по одному рублю; но вѣдь они могутъ оставаться недѣлю, двѣ, цѣлый мѣсяцъ безъ работы. На одинъ рубль мѣсяца не проживешь; что же они будутъ дѣлать? Просить милостыню?

Въ моемъ муравейникѣ, когда рабочій (и хорошій рабочій) уходитъ отъ хозяина, то онъ, чаще всего, не находитъ себѣ мѣста дней пятнадцать.

Дѣтямъ надо давать по крайней мѣрѣ по пяти рублей.

Если не обезпечивать этихъ дѣтей, то не слѣдуетъ, мнѣ казалось бы, брать пошлины со спектаклей.

Въ Парижѣ съ нихъ берутъ четверть дохода на бѣдныхъ; но Парижъ есть городъ праздныхъ людей; тамошнее населеніе, подобно населенію древняго Рима, постоянно требуетъ хлѣба и зрѣлищъ. Я не думаю, чтобы то, что годится для Парижа, годилось и для другихъ городовъ. Театръ тамъ есть дѣло моды, народной склонности и политики (police?). Четверть на бѣдныхъ есть монополія духовенства. Церковь смотритъ на комедіантовъ, какъ на отлученныхъ, и преслѣдуетъ ихъ. Хотѣлъ бы я знать, по какому праву на нихъ наложена подать, которую нельзя наложить ни на кого другого?

Развѣ комедіанты, на сценѣ, не приносятъ той же пользы, что и проповѣдникъ на кафедрѣ? Если спектакли хороши, то не надо ихъ угнетать, а если плохи, то не слѣдуетъ

ихъ позволять. Для блага комедіантовъ, народа и самого театра нужно, чтобы цѣна спектаклей была очень низка и чтобы зрителей было какъ можно больше. Со множества зрителей, заплатившихъ дешево, доходъ будетъ больше, чѣмъ съ небольшого ихъ количества, хотя бы платящихъ дорого.

Еще одно словечко о фабрикахъ. Ихъ нужно размножить сколь возможно, особенно тѣ, которыя обрабатываютъ отечественные продукты. И нужно ихъ помѣщать подалѣе.

Въ столицѣ должны жить только куницы, всѣмъ торгующіе и ничего не производящіе.

§ 9.

Идея о сближеніи воспитанія найденышей съ вашимъ институтомъ для дѣвицъ.

Писать и читать. Арифметика. Начала геометріи. Начала механики. Всѣ эти дѣти должны выучиваться какому-нибудь ремеслу или искусству.

Вокругъ ихъ дома—большой дворъ; лавки и мастерскія всѣхъ сортовъ, куда бы они ходили учиться излюбленнымъ мастерствамъ.

У насъ, гдѣ, къ несчастію, есть корпораціи и привилегіи, тотъ, кто воспитанъ найденыша, вступаетъ въ корпорацію, не платя денегъ за членство (maîtrise).

Здѣсь нужно отдавать (céder en propriété?) дѣтей ремесленникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ихъ учили ремеслу; отдавать на опредѣленное время и даже давать за это воспитателямъ какое-нибудь вознагражденіе, напримеръ, освобождать отъ податей (affranchir) того изъ нихъ, который научилъ своему ремеслу тропхъ или четверыхъ дѣтей.

И, ужъ, конечно, освобождать отъ податей самаго ребенка.

§ 10.

Записка о томъ, какъ воспользоваться религіей и сдѣлать ее годной на что-нибудь¹⁾.

Магометане пляшутъ въ своихъ мечетяхъ. Если бы я былъ султаномъ и желать сдѣлать своихъ подданныхъ общительными, то я воспользовался бы этимъ, чтобы заставить плясать сначала однихъ мужчинъ и одѣхъ

¹⁾ Это, какъ уже сказано выше, единственный листокъ, написанный не собственной рукою Дидро. Кто-то подарилъ автографъ Гёте, который его потерялъ. По крайней мѣрѣ, въ Гётевскомъ музеѣ, въ Веймарѣ, его нѣтъ.

женщинъ, а потомъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Благодаря моимъ имамамъ, танцы изъ храмовъ перешли бы, такимъ образомъ, въ дома, потомъ на улицу и, потерявъ религиозное значеніе, стали бы общественнымъ развлеченіемъ.

Я уже говорилъ вашему величеству, что благопристойность (*honnêteté*) народа связана невидимыми нитями съ самыми существенными его свойствами (*qualités essentielles*), которыхъ нельзя внушить черни, не возвысивъ ее предварительно (*inspirer aux conditions basses sans les changer en bien*).

Я признавался вашему величеству, что не знаю средства для этого, но, подумавъ нѣсколько, я остановился на одной сумасбродной мысли. Баня въ Россіи есть обычай почти религиозный. Я бы поручилъ священникамъ проповѣдывать о святости бани. Отъ святости бани, они, вполнѣ естественно, могли бы перейти къ чистотѣ тѣла и платья, которую представили бы какъ дѣло, угодное Богу. Такимъ образомъ, эти священники, мало-по-малу, избавили бы многихъ мужиковъ отъ паразитовъ.

Наши священники, въ Петербургѣ, дѣлали бы то же, что дѣлають журавли и ансты, столь уважаемые въ Амстердамѣ за то, что уничтожаютъ крысъ, мышей и всякихъ водяныхъ наѣдокъ.

У насъ есть монастыри мужскіе и женскіе. Послѣдніе столь же чисты, какъ первыя грязны. Женщины относятся болѣе внимательно къ чистотѣ домашней обстановки. Надо, стало быть, ввести женскую прислугу, а мужчинъ, съ ихъ грязью, отослать на папину. А вѣдь ихъ цѣлыя оравы въ каждомъ домѣ, самомъ обыкновенномъ. Что они дѣлають? Ничего. Мнѣ бы пріятнѣе было видѣть ихъ земледѣльцами и ремесленниками.

§ 11.

О народной любви къ чистотѣ.

Мнѣ кажется, что здѣшній народъ не такъ любить чистоту, какъ въ другихъ странахъ.

Я исключаю дома знатныхъ и богатыхъ людей. Отъ нихъ любовь къ чистотѣ когда-нибудь перейдетъ, конечно, и дальше, но нельзя ли сократить время нужное для такого перехода?

Мнѣ кажется, что любовь къ чистотѣ во многомъ связана съ качествами болѣе важными. Ее внушаетъ свобода народная.

Я и желать бы, поэтому, чтобы ее внушали, даже до изысканности, если не вашимъ мальчикамъ, то вашимъ дѣвочкамъ. Потомъ, живя въ міру, онѣ въ значительной степени растеряють свои хорошія привычки, отчасти — благодаря дурнымъ примѣрамъ, отчасти — благодаря лѣни, которую у насъ побуждаетъ кокетство, а въ Голландіи — страхъ передъ нездоровой мѣстностью.

Порокъ этотъ, я думаю, зависитъ оттого, что мало пользуются услугами женщинъ.

Я всюду вижу только лакеевъ, а лакеи чистоты не понимаютъ.

Да еще и лакеи-то эти взяты, по большинству, отъ сохи.

Я говорю вашему величеству все, что мнѣ приходитъ въ голову. Когда нѣтъ серьезной темы, то я осмѣливаюсь говорить о пустякахъ.

Душа раба унижена, придавлена. Онъ да же и къ своему тѣлу относится невнимательно, такъ какъ самъ себѣ не принадлежитъ. Это — жилецъ, который не бережетъ дома, не ему принадлежащаго.

§ 12.

О роскоши.

Я не знаю, почему этотъ вопросъ такъ странно усложнился въ головахъ мыслителей и писаніяхъ политиковъ и философовъ.

Мелонъ ¹⁾ нападаетъ на роскошь вообще: эконоmisty усиленно его поддерживаютъ. Я думаю, что они не правы; и что роскошь вообще нельзя назвать ни хорошиямъ, ни дурнымъ дѣломъ.

Затѣмъ Вальтеръ написалъ, въ стихотворной формѣ, апологію современной роскоши; стихи его прекрасны, но въ нихъ оправдывается лихорадочный бредъ челоѣка, находящагося въ агоніи. Такой бредъ я не могу считать хорошимъ дѣломъ, хотя, можетъ быть, больной умеръ бы, если бы лихорадочное его состояніе прекратилось.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Вольтера можно найти отрывокъ якобы изъ письма Мелона (*Melon*) къ графинѣ де-Веррю (*Verrue*), въ которомъ онъ, наоборотъ, хвастается тѣмъ, что доказалъ въ своемъ *Essai politique sur le commerce*, насколько хороши и вкусъ, и щедрая трата капиталовъ, необходимыхъ для процвѣтанія промышленности и быстрого оборота товаровъ. Потому-то Ж. Ж. Руссо и называетъ теорію Мелона «ядовитою» (*Reponse à M. Bordes*).

Гельвецій топить свои понятія о роскоши въ такомъ громадномъ количествѣ подробностей, что, мнѣ кажется, они и для него самого не были достаточно ясны.

Между тѣмъ исторія роскоши такими крупными буквами написана на фасадѣ домовъ столицы, что нужно быть слѣпымъ, чтобы не прочесть ее.

Тысячью различныхъ неправыхъ путей, о которыхъ бесполезно говорить, въ средѣ общества создалось невѣроятное неравенство состояній.

Въ этой средѣ образовался центръ изобилія благъ земныхъ, а вокругъ него, на далекое разстояніе, раскинулась нищета.

Благодаря многимъ обязательствамъ, заслуги, добродѣтели, хорошее воспитаніе и образованіе ни въ одномъ государствѣ ничего не даютъ.

А золото даетъ все. Потому-то оно и сдѣлалось теперь богомъ.

Нѣтъ порока, кромѣ бѣдности. Нѣтъ добродѣтели, кромѣ богатства. Надо быть богатымъ или презираемымъ.

Дѣйствительно, богатый человѣкъ можетъ выказывать свое богатство всѣми возможными средствами—безчестныхъ, недовольныхъ не имѣется.

Человѣкъ же бѣдный пользуется всѣми средствами, чтобы скрыть свою бѣдность.

Такимъ образомъ роскошь становится признакомъ дѣйствительнаго немногихъ богатства и маской бѣдности большинства.

Центръ дѣйствительнаго изобилія благъ земныхъ сдѣлался законодателемъ для всѣхъ сословій и состояній.

Онъ вызываетъ соревнованіе въ высшихъ классахъ народа и служитъ примѣромъ для низшихъ.

Вообще всякій народъ можетъ быть символически изображенъ въ видѣ трехъ животныхъ, которыя, желая сохранить извѣстное отношеніе между своими объемами, на перебой другъ передъ другомъ раздуваются, а кончатъ тѣмъ, что лопнутъ всѣ трое.

Я остановлюсь здѣсь для того, чтобы спросить всѣхъ философовъ и политиковъ, не есть ли это вѣрная картина настоящаго положенія дѣлъ? Не думаю, чтобы кто-либо осмѣлился отвѣчать отрицательно.

Но если такъ, то всѣ они видятъ роскошь тамъ, гдѣ ея нѣтъ на самомъ дѣлѣ—въ центрѣ дѣйствительнаго изобилія благъ земныхъ.

«Но вѣдь тамъ-то именно и есть лошади, блестящіе экипажи, статуи, картины, вина изъ всѣхъ странъ свѣта, парки, замки, гоубелены, духи».

Тѣмъ лучше; гдѣ же бы всему этому и быть, какъ не тамъ? Чтѣ же бы иначе богатые люди дѣлали со своимъ золотомъ? Достаточно и того, что расходы ихъ не превышаютъ доходовъ. А вотъ если вы-то, кто бы вы ни были, будучи бѣднѣе ихъ, да станете тянуться за ними, такъ васъ можно назвать сумасшедшими. Эхъ! Предоставьте лучше голоднымъ паразитамъ присасываться къ этимъ развѣвшимся тѣламъ и вытягивать изъ нихъ, капля за каплей, ту кровь, которую сами они вытянули изъ жилъ своихъ согражданъ.

Опьяненіе золотомъ вскружило имъ голову, и это золото потечетъ теперь отъ нихъ скорѣе, чѣмъ притекало. Можно пересчитать многихъ, у которыхъ отъ двадцати-милліоннаго состоянія осталось милліона полтора или два долгу. Тѣмъ лучше; это головокруженіе спасаетъ націю.

Но какое вліяніе роскошь оказываетъ на нравы, на искусства, науки и технику?

Нравы портятся во всѣхъ сословіяхъ: въ центрѣ богатства—благодаря этому самому богатству, родоначальнику пороковъ; въ стоящихъ выше этого центра—благодаря развитію въ нихъ низости; въ низшихъ—благодаря проституціи и недобросовѣстности; во всѣхъ—благодаря неразборчивости въ средствахъ къ обогащенію или къ сокрытію своей бѣдности.

Вотъ въ такомъ-то обществѣ высокопоставленные люди ухаживаютъ за любовницами иностранныхъ государей!

Продавщица изъ лавочки, получающая двѣнадцать су въ день, гуляетъ по Тюльерскому саду въ шелковомъ платьѣ и съ золотыми часами на боку;

Всѣ сословія смѣшиваются въ безумномъ стараніи превзойти другъ друга;

Куртизанки обладаютъ великолѣпными дворцами съ колоннадою¹⁾;

Полиція принуждена вѣтшиться, чтобы не допустить какую-нибудь пѣвицу или тан-

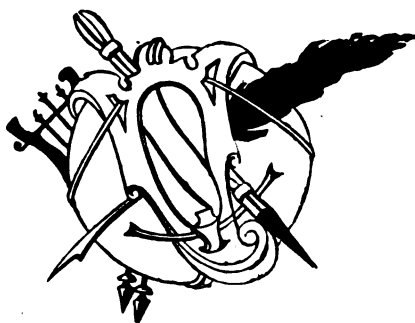
¹⁾ Намекъ на Софи Арну или на Гимаръ, дома которыхъ были выстроены въ греческомъ стилѣ.

ПОГОНЯ

ПОВѢСТЬ **МАРКА ТВЭНА**

СЪ АНГЛІЙСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Издание редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не слѣдуетъ дѣлать ничего дурного, когда на васъ смотреть.

I.

Мѣсто дѣйствія — Вирджинія; время — 1880 годъ. Свадьба. Красивый, но бѣдный молодой человѣкъ женится на богатой молодой дѣвушкѣ, по видимому — по любви, и чуть не увозомъ, такъ какъ вдовый отецъ невесты изъ всѣхъ силъ противился браку.

Женихъ, Яковъ Фуллеръ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, происходитъ изъ старой, но не пользующейся хорошей славой фамилии, не совсѣмъ добровольно эмигрировавшей изъ Седжмура ради выгодъ короля Іоакова — по крайней мѣрѣ, всѣ такъ говорили, одни — съ злорадствомъ, другіе — просто потому, что считали правдою. Красавицѣ - невестѣ девятнадцать лѣтъ. Она — крупная, сильная, романтическая дѣвушка, гордая своимъ происхожденіемъ отъ кавалеровъ и страстно влюбленная въ своего жениха. Ради него она поссорилась съ отцомъ, невозмутимо выслушала угрозы послѣдняго и ушла изъ дома безъ его благословенія, гордясь такимъ доказательствомъ прочности чувства, гнѣздящагося въ ея сердцѣ.

На другое утро послѣ свадьбы ее ожидалъ непредвидѣнный сюрпризъ:

грубо отказавшись отъ всякихъ нѣжностей, супругъ ея повелъ такія рѣчи:

— Садитесь и слушайте — мнѣ нужно сказать вамъ кое-что. Прежде чѣмъ сдѣлать предложеніе, я васъ горячо любилъ. Отказъ вашего отца не могъ оскорбить меня, но того, что онъ вамъ говорилъ обо мнѣ, я простить не могу... Молчите! Я знаю, что онъ говорилъ! Изъ вѣрныхъ источниковъ знаю! Между прочимъ онъ сказалъ, что уже по моему лицу видно, кто я такой: лицемеръ, измѣнникъ, трусъ и звѣрь, которому ни жалость, ни состраданіе недоступны. «Седжмурской породы»; какъ онъ выразился, настоящая каторжная косточка! Другой бы на моемъ мѣстѣ застрѣлилъ его какъ собаку; я и думалъ сдѣлать это, но потомъ мнѣ пришла мысль болѣе счастливая — опозорить его, разбить его сердце, убивать его по частямъ. Какъ же я достигну этого? Дѣйствуя на васъ, его идола! Вотъ вы теперь моя жена... Ну, и увидите, что я съ вами сдѣлаю!

Съ этой минуты, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, молодая женщина принуждена была выносить всѣ униженія,

всѣ обиды, всѣ страданія, какія только изобрѣтательный умъ мужа могъ придумать, за исключеніемъ только страданій физическихъ. Гордость заставляла ее скрывать отъ всѣхъ свое положеніе. По временамъ мужъ самъ рекомендовалъ ей пожаловаться отцу, но она всегда отвѣчала, что только люди «Седжмурской породы» могутъ безжалостно тревожить старика, а что она, разъ сдѣлавшись рабою потомка каторжниковъ, считаетъ своимъ долгомъ терпѣть молча. Мужъ можетъ убить ее, но не согнуть. У «Седжмурской породы» на это силъ не хватить. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, мужъ самъ, повидимому, убѣдился въ справедливости такого мнѣнія.

— Все я съ вами перепробовалъ, остается только одно еще средство...— сказалъ онъ многозначительно.

— Ну что жъ, попробуйте это средство,—съ презрѣніемъ отвѣчала жена.

Поднявшись ночью съ постели, Фуллеръ велѣлъ ей вставать и одѣваться. Она, по обыкновенію, молча повиновалась. Онъ отвелъ ее за полмили отъ дома и привязалъ къ дереву, росшему около дороги; затѣмъ ударилъ по лицу бичемъ и натравилъ на нее своихъ охотничьихъ собакъ. Собаки изорвали на ней все платье и больно покусали. Тогда она отозвала ихъ и сказала:

— Часа черезъ три васъ найдутъ прохожіе и, конечно, разнесутъ вѣсть по всей округѣ. Узнаетъ же вашъ отецъ о томъ, что вамъ пришлось вытерпѣть, слышите? А меня вы больше не увидите. Онъ ушелъ, а она подумала:

«И отъ такого-то человѣка у меня будетъ ребенокъ! Дай Богъ, чтобы это былъ мальчикъ!»

Утромъ фермеры отвязали ее и, конечно, всѣмъ о томъ рассказали. Вся страна поднялась, съ намѣреніемъ линчевать виновника, но его и слѣдъ простылъ. Молодая женщина ушла къ отцу и заперлась вмѣстѣ съ нимъ, такъ что ихъ съ тѣхъ поръ никто не видалъ. Отецъ видимо таялъ, и даже дочь была рада, когда смерть освободила его, наконецъ, отъ невыносимыхъ нравственныхъ страданій.

Она продала свою землю и исчезла.

II.

Въ 1886 году, въ одной изъ маленькихъ деревень Новой Англіи, въ скромномъ домикѣ, поселилась молодая женщина съ пятилѣтнимъ сыномъ. Жили они очень уединенно, никого не принимая. Мясникъ, булочникъ и прочія лица, имѣвшія доступъ ко вновь поселившимся, могли только сообщить, что фамилія дамы—Стильманъ, а сына ея зовутъ Арчи. Откуда они пріѣхали, какова ихъ исторія—никто не зналъ. По выговору, впрочемъ, можно было думать, что они южане. У мальчика не было ни учителей, ни боннъ, ни товарищей по играмъ, онъ цѣлый день проводилъ съ матерью. Она старательно его воспитывала и была довольна результатами.

Однажды Арчи спросилъ:

— А что, мама, я очень отличаюсь отъ другихъ дѣтей?

— Я думаю, что ничѣмъ не отличаешься. А что?

— Да вотъ недавно одинъ мальчикъ спросилъ меня, на улицѣ, не проходилъ ли мимо почтальонъ? Я отвѣчалъ, что да. Тогда онъ спросилъ меня: въ которомъ часу. Я отвѣчалъ, что не знаю, такъ какъ совсѣмъ не видалъ почтальона, а только чувствовалъ его запахъ на тротуарѣ. Тогда мальчикъ назвалъ меня дуракомъ, высунулъ языкъ и убѣжалъ. Почему это онъ такъ сдѣлалъ?

Молодая женщина поблѣднѣла и подумала: «Это у него врожденное—охотничьи собаки сказались!» Затѣмъ прижала его къ своей груди, восклицая: «Самъ Богъ указываетъ намъ путь!» Глаза ея блеснули непримиримой ненавистью, а въ умѣ шла дѣятельная работа.

«Теперь все понятно,—думала она,—сколько разъ я удивлялась тому, что ребенокъ хорошо видитъ въ темнотѣ. Теперь понимаю!».

Посадивъ мальчика на стулъ, она сказала ему:

— Подожди немножко, милый, я сейчасъ приду, и тогда мы погово-

Затѣмъ она пошла въ свою спальню, взяла съ туалета нѣсколько маленькихъ вещицъ и запрятала ихъ по разнымъ мѣстамъ: ножницы положила подъ кровать, щетку для ногтей—подъ шкафъ, а костяной ножичекъ—за рукомойникъ. Вернувшись потомъ къ сыну, она сказала:

— Ахъ, Боже мой! Я забыла взять изъ спальни кое-что,—тутъ она перечислила спрятанныя вещи,—сбѣгайка, дружокъ, принеси ихъ.

Мальчикъ почти тотчасъ же исполнилъ это требованіе.

— Что же, трудно тебѣ было найти ихъ?—спросила мать.

— Нисколько. Я шелъ по твоимъ слѣдамъ.

Во время его отсутствія, мать подошла къ книжному шкафу, вынула двѣ или три книги, открыла каждую изъ нихъ наудачу, провела рукой по открытымъ страницамъ, замѣтила ихъ цифры и поставила книги назадъ. Теперь она сказала мальчику:

— Пока тебя не было, Арчи, я тутъ кое-что дѣлала. Узнай, что именно.

Мальчикъ безъ всякихъ колебаній подошелъ къ шкафу, вынулъ тѣ самыя книги, которыя она вынимала, и раскрылъ ихъ на тѣхъ же самыхъ страницахъ.

Мать взяла его на руки и сказала: — Вотъ теперь я могу отвѣтить на твой вопросъ. Ты дѣйствительно очень отличаешься отъ другихъ дѣтей. Ты можешь видѣть въ темнотѣ, обоняешь то, чего обонять другіе не могутъ, однимъ словомъ—у тебя способности охотничьей собаки. Обладать ими очень полезно и пріятно, только ты никому объ этомъ не говори. Если кто-нибудь узнаетъ, то мальчишки станутъ тебя дразнить. Живя между людьми, надо ничѣмъ не отличаться, если не хочешь, чтобы надъ тобой смѣялись или тебѣ завидовали. Велики и важны твои особенности, но ты объ нихъ, ради меня, никому не проговаривайся.

Мальчикъ понялъ, въ чемъ дѣло, и обѣщалъ исполнить просьбу матери. Весь остальной день она посвятила на обдумываніе разныхъ плановъ, одинъ

другого мрачнѣе и ужаснѣе, но на душу ея эти планы дѣйствовали какъ лучъ яркаго, хотя бы адскаго свѣта. Она была какъ въ лихорадкѣ, не могла ни ѣсть, ни пить, ни читать, ни работать, а только двигалась постоянно, на разные лады испытывая новую открытую способность сына.

«Отецъ его разбилъ мое сердце,—думала она,—столько лѣтъ я ломала себѣ голову, отыскивая средство отмстить ему. Теперь это средство найдено!»

Когда наступилъ вечеръ и стало темно, то она обошла со свѣчкой весь домъ, пряча булавки, шпильки, катушки подъ коврами, въ щеляхъ стѣнъ, въ корзинѣ съ углемъ и проч., а затѣмъ послала мальчика искать ихъ въ темнотѣ, что онъ и сдѣлалъ, не мало гордясь своимъ искусствомъ.

Съ этого дня жизнь получила другое значеніе для молодой женщины.

«Я могу теперь покойно ждать!»—думала она, и потому вновь вернулась къ музыкѣ, пѣнію, рисованію, изученію языковъ—занятіямъ, которыя совсѣмъ было забросила. Опять она стала почти счастлива, опять почувствовала радость жизни. Наблюдая за развитіемъ своего сына, она оставалась довольна имъ, хотя не совсѣмъ: мягкія и нѣжныя стороны его характера развивались сильнѣе, чѣмъ противоположныя. Это было, въ ея глазахъ, недостатокъ. Но она рассчитывала, что привязанность къ матери пересилитъ въ немъ природныя наклонности. Да и кромѣ того, онъ умѣлъ ненавидѣть. Это было хорошо. Только будетъ ли его ненависть такою же стойкой, какъ привязанность? Если нѣтъ, то было бы плохо.

Прошли годы. Арчи сдѣлался красивымъ, благовоспитаннымъ, полнымъ достоинства и атлетически сложенымъ юношей, казавшимся нѣсколько старше своихъ шестнадцати лѣтъ. Въ одинъ прекрасный день, мать сказала ему, что онъ теперь достаточно выросъ и обладаетъ достаточно сложившимся характеромъ, чтобы выслушать ея исторію и сознательно взять на себя выполнение плана, давно уже ею задуман-

наго. Затѣмъ она передала ему тѣ факты изъ своей замужней жизни, которые уже извѣстны читателямъ. Арчи былъ страшно пораженъ и нѣсколько времени просидѣлъ безмолвно, а затѣмъ сказалъ:

— Понимаю; мы южане и по нашей натурѣ не можемъ быть не отмщенными. Я его найду и убью.

— Убьешь? Нѣтъ! Смерть есть успокоеніе, освобожденіе; смерть есть милость. А заслуживаетъ ли онъ отъ насъ милости? Волосокъ съ его головы не долженъ упасть!

— Ты все для меня, мама,—сказалъ Арчи, подумавши,—твоя воля—законъ. Скажи же, что я долженъ дѣлать?

— Ступай и найди его,—сказала мать,—я уже много лѣтъ знаю, гдѣ онъ прячется. Это мнѣ стоило большихъ хлопотъ и много денегъ. Онъ—зажиточный рудокопъ въ Колорадо. Живетъ въ Денверѣ. Его зовутъ Яковъ Фуллеръ. Въ первый разъ произношу это имя съ той проклятой ночи! И подумать, что оно могло бы быть твоимъ, если бы я не постаралась дать тебѣ другое, болѣе честное! Гони его съ насиженнаго мѣста; гони его отовсюду настойчиво и не переставая. Отрави его жизнь; зарази его мистическимъ страхомъ; лиши его всякихъ средствъ и всякой надежды; заставь его желать смерти, сдѣлай изъ него второго Вѣчнаго Жида; пусть онъ не знаетъ ни сна, ни покоя; будь его тѣнью, преслѣдуй его, пока не разобьешь, не разорвешь на клочки его сердце, какъ онъ рвалъ мое и моего отца.

— Исполню, мама.

— Вѣрю, дитя мое. Приготовленія всѣ сдѣланы, все готово! Вотъ тебѣ кредитивы, тратъ не оглядываясь денегъ хватитъ. Тебѣ нужно будетъ переодѣваться, я запасла костюмы. Тебѣ нужно будетъ писать письма, составлять объявленія—я ихъ заранѣе заготовила.

Съ этими словами мать вынула изъ шкафа кипу печатныхъ листочковъ, на которыхъ крупными буквами значилось:

«10.000 долларовъ вознагражденія»

«Есть основаніе предполагать, что здѣсь проживаетъ человекъ, родомъ изъ Восточныхъ Штатовъ, который, въ 1880 году, привязалъ свою жену, ночью, къ дереву, ударилъ ее по лицу хлыстомъ, затравилъ собаками и убѣжалъ съ родины. Родственникъ его жены ищетъ его уже семнадцать лѣтъ. Адресовать (туда-то). Вышеозначенное вознагражденіе будетъ выдано лицу, которое словесно сообщитъ адресъ преступника тѣмъ, кто его ищетъ».

— Когда ты его найдешь,—продолжала мать,—и познакомишься съ его запахомъ, то приклей ночью это объявленіе къ его дому, а потомъ и еще въ разныхъ мѣстахъ по городу. Весь округъ заговоритъ объ этомъ. Тогда ты пошли ему письмо, въ которомъ обозначь короткій срокъ для продажи всего имущества и удаленія изъ города. Такимъ образомъ, перегоняя съ мѣста на мѣсто, мы его разоримъ и измучаемъ, но не сразу, чтобы не повредить здоровью или, отъ чего сохрани Богъ, не убить. Вотъ тебѣ образчикъ письма.

Она вынула еще нѣсколько листковъ, тоже печатныхъ и прочитала одинъ изъ нихъ:

. 18 . . .

«Якову Фуллеру».

«Даю вамъ . . . дней на устройство дѣлъ. Въ теченіе этого времени, то-есть, до . . . часовъ . . . дня мѣсяца, васъ никто не побеспокоитъ. Но затѣмъ вы должны выѣхать отсюда. Если вы не исполните этого требованія, то на всѣхъ стѣнахъ будетъ расклеено объявленіе, съ вашимъ полнымъ именемъ и описаніемъ всѣхъ подробностей совершеннаго вами злодѣянія. Не бойтесь за свою физическую безопасность—никто на нее не посягнетъ. Вы медленно разбили серд-

це и жизнь известнаго вамъ старика, та же участь уготована и для васъ».

— Письмо должно быть безъ подписи. Онъ долженъ получить его раньше, чѣмъ узнаетъ о расклеенномъ объявленіи—какъ только проснется. А то онъ убѣжитъ сломя голову, даже не захвативъ съ собой денегъ.

— Не забуду.

— Эта форма письма понадобится только сначала. А потомъ, когда ты увидишь, что онъ слушается, достаточно будетъ посылать ему коротенькую записочку, въ такомъ, напримеръ, родѣ:

«Убирайтесь. Даю вамъ дней».

— Послушается! Будь увѣренъ!

III.

Извлеченія изъ писемъ къ матери.

Денверъ, апрѣля 8-го, 1897 г.

Нѣсколько дней уже живу въ одной гостиницѣ съ Яковомъ Фуллеромъ. Познакомился съ его запахомъ настолько, что узнаю его среди цѣлой пѣхотной дивизіи. Часто вижу его и слышу его голосъ. Рудники даютъ ему хорошій доходъ, но все-таки онъ не богатъ. Онъ смолоду занимается руднымъ дѣломъ и былъ сначала простымъ рабочимъ. Веселый малый, кажется моложе своихъ сорока трехъ лѣтъ. Больше тридцати шести ему дать нельзя. Въ другой разъ не женился и слыветъ вдовцомъ. Имѣетъ очень много друзей, да и вообще любимъ всѣми. Даже мнѣ очень нравится—должно быть, кровь заговорила. Какъ слѣпы и случайны, по большинству, законы природы. Благодаря имъ, какъ вы, конечно, поймете, задача моя становится труднѣе, такъ что и усердія убавилось наполовину. Но я все-таки доведу ее до конца. Если ненависти убавилось, то долгъ стоитъ передо мною попрежнему. Я уничтожу этого человѣка.

На помощь чувству долга является сознаніе, что человѣкъ, совершившій такое ужасное преступленіе, остается

безнаказаннымъ. Но, должно быть, это послужило ему на пользу, измѣнивъ его характеръ къ лучшему. Онъ—виновникъ преступленія—счастливъ, а ты—невинная жертва—страдаешь. Но будь увѣрена—онъ получитъ свою долю.

Сильверъ-Гельтъ, 19-го мая.

Ночью 3-го апрѣля я расклеилъ объявленіе № 1, а черезъ часъ успѣлъ просунуть подъ дверь его комнаты письмо № 2, назначивъ срокъ выѣзда изъ Денвера на 11 ч. 50 м. вечера, 14-го апрѣля.

Въ ту же ночь, какой-то ловкій репортеръ сорвалъ всѣ мои афиши, такъ что утромъ только одна его газета—самая распространенная—помѣстила на своихъ столбцахъ наше объявленіе, добавивъ къ нему громадную статью о нашемъ врагѣ и даже пообѣщавъ, съ своей стороны, еще тысячу долларовъ за его поимку. Да, здѣшнія газеты умѣютъ дѣлать дѣло!

За завтракомъ я занялъ свое обычное мѣсто—недалеко отъ папа Фуллера, такъ что могъ видѣть и слышать его. Въ столовой было отъ семидесяти пяти до ста человѣкъ, и всѣ говорили о нашемъ дѣлѣ, и всѣ желали, чтобы злодѣй былъ скорѣе найденъ и страна, такъ или иначе, избавлена отъ его присутствія.

Фуллеръ вошелъ съ газетой и моимъ письмомъ въ рукахъ, и мнѣ, признаюсь, тяжело было его видѣть, до такой степени онъ сразу постарѣлъ и осунулся. Веселости и въ поминѣ нѣтъ. И въ этомъ-то настроеніи, подумай, мама, что онъ долженъ былъ выслушать! Онъ слышалъ, какъ ближайшіе его друзья, ему же въ глаза, ругали его въ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ словаря самого Сатаны! Онъ даже принужденъ былъ соглашаться съ оцѣнкой собственнаго его поведенія и одобрять самыя жестокия мѣры расправы съ негодяемъ, о которомъ шлать. Одобреніе это было, однако жъ, очень натянуто, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ. Бѣтъ онъ ничего не могъ и только дѣлалъ видъ, что бѣтъ, а въ концѣ концовъ сказалъ:

— Должно быть, родственник-то несчастной женщины сидит тут же, между нами и слышит, какъ мы отъзываемся о подломъ виновникѣ ея несчастій. Желалъ бы я, чтобы это было такъ.

Ахъ, мама! Жаль было видѣть, какъ Фуллеръ подмигнулъ при этихъ словахъ и боязливо оглянулся вокругъ себя. Дальше онъ не могъ выдержать и ушелъ. Въ тотъ же день онъ сталъ распространять слухи о томъ, что купилъ будто бы новые рудники въ Мексикѣ, желаетъ лично заняться ихъ разработкой и потому продаетъ свое здѣшнее имущество. Разыгралъ онъ свою роль прекрасно; объявилъ, что желалъ бы получить за это имущество сорокъ тысячъ долларовъ, съ разсрочкой уплаты на года, но, въ виду нужды въ наличныхъ деньгахъ, продастъ его пожалуй и за тридцать тысячъ, только безъ разсрочки. Эту сумму ему, конечно, сейчасъ же дали, при чемъ онъ удивилъ покупателя тѣмъ, что, вмѣсто золота или переводовъ на Нью-Йоркъ, потребовалъ уплаты ассигнаціями, объясняя свое требованіе тѣмъ, что человекъ, у котораго онъ покупаетъ рудники, будучи настоящимъ янки, падкимъ на всевозможныя спекуляціи, предпочитаетъ получить капиталъ въ возможно портативномъ видѣ. Это всѣмъ показалось страннымъ, такъ какъ переводы портативны не менѣе ассигнацій, но — поговорили да и перестали. Въ Денверѣ долго ни о чемъ не говорятъ.

Я все это время слѣдилъ за нимъ. Какъ только продажа состоялась и деньги были уплачены 11-го числа, такъ я уже не выпускалъ его изъ виду ни на минуту. Въ эту же ночь, то-есть, собственно говоря, 12-го числа, такъ какъ дѣло было послѣ полуночи, я прослѣдилъ за нимъ до его комнаты (за три двери отъ моей, въ томъ же коридорѣ), пошелъ къ себѣ, переодѣлся рабочимъ, гримировался, взялъ дорожный сакъ съ необходимыми вещами, пріотворилъ свою дверь и сталъ ждать, сидя въ темнотѣ. Полчаса спустя по коридору прошла старушка съ мѣшечкомъ. Я послѣдовалъ

за нею, потому что, благодаря своему чутью, узналъ въ ней Фуллера. Выйдя черезъ задній ходъ изъ гостиницы, онъ повернулъ въ пустынную улицу, а я за нимъ. Пройдя нѣсколько кварталовъ, онъ сѣлъ въ парную каретку, очевидно его поджидавшую, а я, безъ всякаго приглашенія, помѣстился на запяткахъ, и мы поѣхали. Отъѣхавъ миль съ десять отъ города, каретка остановилась у маленькой желѣзнодорожной станціи, Фуллеръ вышелъ, расплатился съ извозчикомъ и сѣлъ, подъ навѣсомъ, на скамеечку, подальше отъ фонаря, а я пошелъ внутрь станціи и сталъ ждать у кассы. Фуллеръ, однако жъ, не взялъ билета, и я тоже. Когда поѣздъ прибылъ, то Фуллеръ вошелъ прямо въ вагонъ, и я также, только съ другого конца. Когда кондукторъ подошелъ къ нему за деньгами, то я, притворившись, что ищу мѣста, подвинулся поближе, чтобы слышать, до какой станціи онъ беретъ билетъ, и потомъ самъ взялъ билетъ до той же станціи, миль на сто къ западу.

Съ этой минуты мы съ нимъ цѣлую недѣлю кружились по желѣзнымъ дорогамъ, мало-по-малу подвигаясь все западнѣе. Изъ старушки онъ превратился въ такого же рабочего, какъ и я, только съ большими накладными усами. Разыгрывалъ онъ эту роль великолѣпно, совсѣмъ о ней не думая, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ былъ когда-то простымъ рабочимъ. Ближайшій другъ не узналъ бы его, да и я узналъ только по запаху.

Въ концѣ концовъ мы остановились здѣсь, въ маленькомъ горномъ поселкѣ, въ Монтонѣ. Онъ занялъ себѣ хибарку, а я остановился на постояломъ дворѣ для рабочихъ—ужасное мѣсто: блохи, грязь, гадость. Онъ ни съ кѣмъ не знакомится и всякій день уходитъ на поиски участка. За четыре недѣли я видѣлъ его только одинъ разъ, но всякую ночь выслѣживаю по запаху и обхожу по слѣдамъ. Когда онъ нанялъ себѣ помѣщеніе, то я сѣзидилъ въ сосѣдній городъ, миль за пятьдесятъ и телеграфировалъ оттуда въ Денверъ, въ гостиницу, прося хранить

мои вещи до востребованія. Здѣсь мнѣ ничего не нужно, кромѣ нѣсколькихъ перемѣнъ бѣлья, которое я съ собою захватилъ.

Сильверъ-Гельтъ, 12-го іюня.

Слухи изъ Денвера сюда не доходятъ, должно быть. Я познакомился почти со всѣми обывателями поселка, и никто изъ нихъ не упоминалъ о нашемъ тамошнемъ приключеніи. При такихъ условіяхъ Фуллеръ можетъ себя чувствовать здѣсь въ безопасности. Онъ занялъ участокъ миляхъ въ двухъ отсюда, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, и усердно работаетъ. Но какъ онъ измѣнился! Весельчакъ и любитель хорошей компаніи, онъ теперь никогда не смѣется и ни съ кѣмъ не сходится. Я нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ — одинокій, потерянный, едва бредетъ. Здѣсь онъ называетъ себя Давидомъ Вильсономъ.

Я увѣренъ, что онъ здѣсь останется до тѣхъ поръ, пока мы его не побеспокоимъ. Если вы непремѣнно хотите, то я его, конечно, прогоню отсюда, хотя не знаю, можетъ ли онъ быть еще несчастливъ. Теперь пока съѣзжу въ Денверъ, отдохну немножко отъ всяческихъ лишеній — поѣмъ хорошенько, выплюсь на хорошей постели, а потомъ заберу свои вещи и начну опять травить папа Фуллера, то бишь — Вильсона.

Денверъ, іюня 19-го.

Здѣсь о немъ всѣ жалѣютъ. Надѣются, что въ Мексикѣ ему будетъ хорошо. Вообще онъ пользуется искреннимъ и всеобщимъ сочувствіемъ. Какъ прикажете, но мнѣ, признаюсь, тоже его жаль. На моемъ мѣстѣ и вы бы пожалѣли. Да, я знаю, вы скажете, что если бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ и носилъ въ своемъ сердцѣ такія же о немъ воспоминанія... Ну, хорошо, сегодня вечеромъ вернусь въ Сильверъ-Гельтъ...

Денверъ, іюня 20-го.

Прости насъ Богъ, матушка, мы преслѣдуемъ совсѣмъ не того человека! Я всю ночь не спалъ! Теперь жду не дожусь утренняго поѣзда.

Вообразите, что этотъ Яковъ Фуллеръ — двоюродный братъ нашего! Какъ мы не подумали, что послѣдній неминуемо долженъ былъ перемѣнить имя послѣ своего варварскаго поступка съ вами! Денверскій Фуллеръ на четыре года моложе нашего. Онъ сюда пріѣхалъ въ 1879 году, молодымъ вдовцомъ, двадцати одного году отъ роду — значить, еще за годъ до вашего замужества. Вчера я говорилъ съ близкими его друзьями, знающими его со дня пріѣзда. Я ничего не сказалъ имъ, но сейчасъ же ѣду, съ тѣмъ, чтобы вернуть его сюда и вознаградить за всѣ потери. Банкетъ устрою — пиръ на весь міръ. «Мальчишество», скажете вы, ну что жъ! Я вѣдь и есть мальчишка, это моя привилегія. Кстати — больше такимъ мальчикомъ не буду.

Сильверъ-Гельтъ, іюля 8-го.

Матушка, онъ исчезъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ! Даже запахъ его уже улетучился. Я слегъ отъ потрясенія и сегодня въ первый разъ всталъ съ постели. Не будь я мальчикомъ — лучше бы переносилъ удары судьбы... Всѣ думаютъ, что онъ уѣхалъ на западъ. Часа черезъ три сажусь въ вагонъ. Самъ еще не знаю, куда поѣду, но сидѣть на мѣстѣ не могу.

Ужъ, конечно, онъ переодѣлся и перемѣнилъ имя, такъ что теперь я могу объѣздить весь земной шаръ и не найти его. Я, признаюсь, того и ожидаю. Вотъ какъ судьба-то нами играетъ, мама — теперь я превращаюсь въ Вѣчнаго Жидѣ! А мы готовили эту роль для другого — потѣха, право!

Подумайте, какія затрудненія я долженъ встрѣтить! А вѣдь если бы можно было помѣстить объявленіе въ газетахъ, такъ все бы уладилось. Я измучился, придумывая такую форму объявленія, которая его бы не испугала: «Если джентльменъ, купившій недавно рудники въ Мексикѣ и продавшій таковые въ Денверѣ, пришлетъ свой адресъ» (кому, мама?), «то ему объявятъ, что все прошлое было ошибкой, попросятъ у него прощенья и вознаградятъ за всѣ потери». Но вѣдь онъ подумаетъ, что это — ловушка! Всякій

бы такъ подумаль. Можетъ быть, прибавить: «теперь стало извѣстно, что онъ не тотъ, котораго искали, а только однофамилецъ»—достаточно ли будетъ этого? Въ Денверѣ, однако, всё поймутъ, о комъ идетъ рѣчь, вспомнятъ объ ассигнаціяхъ и скажутъ: «зачѣмъ же онъ убѣжалъ, если зналъ, что не его ищутъ? Это что-то подозрительно».

Между тѣмъ, если я его не найду, то онъ разорится и погибнетъ отъ одного безпокойства. Вы умнѣе и опытнѣе меня—скажите, что дѣлать?

У меня есть одна ниточка—самая маленькая! Я знаю его почеркъ. Если онъ гдѣ-нибудь пропишетъ свое имя—хотя бы фальшивое—да не очень измѣнить руку, то я его найду.

Санъ-Франциско, іюня 28-го, 1898 г.

Вы уже знаете, какъ старательно я обыскалъ всё Штаты, отъ Колорадо до Тихаго океана, и какъ я чуть было его не поймалъ. Ну, а теперь опять случилось то же самое. Это было здѣсь, вчера. Я напалъ, на улицѣ, на свѣжій его слѣдъ и дошелъ по немъ до дешевенькой гостиницы, но оказалось, что онъ только-что изъ нея уѣхалъ, проживъ десять дней. Я, значитъ, ошибся направлениемъ! Собака бы этого не сдѣлала, а я только по чутью похожъ на собаку, по глупости же—настоящій человекъ.

Въ гостиницѣ мнѣ сказали, что онъ отправился путешествовать, не оставилъ адреса и не сказалъ, куда ѣдетъ; даже испугался, когда у него спросили объ этомъ. Багажа съ нимъ не было—только маленькій ручной чемоданчикъ. Пришелъ и ушелъ пѣшкомъ. «Скупой старичекъ; не особенная потеря для гостиницы». «Старичекъ!» Воображаю, какъ онъ состарился! Принимаю также, почему онъ не остается долго на одномъ мѣстѣ. Росписывается онъ все тѣмъ же именемъ: «Джемсъ Уокеръ», подъ которымъ я чуть было его не поймалъ девять мѣсяцевъ тому назадъ. Не любить, должно быть, мѣнять имена. Почеркъ также не поддѣлывается—я сразу его узналъ.

Выслушавъ всё о немъ подробно, я бросился опять, по слѣду, назадъ и пришелъ... къ пристани! Вообрази, мама, дымъ парохода, на которомъ онъ уѣхалъ, былъ еще виденъ вдаль! Если бы я сразу пошелъ по слѣду въ надлежащемъ направлении, то поспѣлъ бы на этотъ пароходъ, или догналъ бы его недалеко отъ берега. Знаю, по крайней мѣрѣ, куда онъ поѣхалъ—въ Мельбурнъ.

Хопъ-Кэнионъ, Калифорнія, 1900 г. Октября 3.

Вы дѣйствительно имѣете право жаловаться: «по одному письму въ годъ»—слишкомъ мало. Но о чемъ же писать, когда всюду встрѣчаешь однѣ только неудачи? И самъ-то не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій!

Я вамъ писалъ,—какъ это давно было,—что не засталъ уже его въ Мельбурнѣ и нѣсколько мѣсяцевъ гонялся за нимъ по всей Австраліи. Затѣмъ мы переѣхали въ Индію; я почти видѣлъ его въ Бомбей, оттуда, по его слѣдамъ, побывалъ въ Бародѣ, Рауаль-Пинди, Лукновѣ, Лагорѣ, Каунпорѣ, Аллахабадѣ, Калькуттѣ, Мадрастѣ—однимъ словомъ, всюду. Недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, по пыли и по грязи, постоянно сзади него, иногда очень близко, и такимъ образомъ вплоть до Цейлона. А оттуда... но, все равно, не стоить перечислять.

Въ концѣ концовъ, побывали мы съ нимъ въ Калифорніи, поѣхали въ Мексику и затѣмъ опять вернулись въ Калифорнію. Съ перваго января и до настоящаго времени я охочусь за нимъ по этому Штату. Почти увѣренъ, что онъ гдѣ-то недалеко отъ Хопъ-Кэниона. Я прослѣдилъ его на тридцать миль отсюда, а затѣмъ потерялъ слѣдъ. Должно быть, онъ вышелъ изъ вагона гдѣ-нибудь на необычномъ мѣстѣ.

Теперь я отдыхаю, время отъ времени отыскивая потерянный слѣдъ. Я вѣдь страшно усталъ, мама, и временами совсѣмъ теряю энергію. Но здѣшніе рудокопы—славные ребята, и общеніе съ ними сильно ободряетъ меня. Живу здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ,

вмѣстѣ съ нѣкимъ «Самми» Хильеромъ, двадцатипятилѣтнимъ малымъ и единственнымъ сыномъ у матери, подобно мнѣ. Онъ страшно ее любитъ и пишетъ къ ней каждую недѣлю, это ужъ не совсѣмъ помоему (хотя я тебя люблю не меньше). Застѣнчивый юноша, пороку не выдумаетъ, но всѣми любимъ. Веселъ, добръ, деликатенъ, успокоительно дѣйствуетъ на нервы, прекрасный товарищъ. Желалъ бы я, чтобы «Джемсъ Уокеръ» имѣлъ такого. Онъ вѣдь любилъ общество, да и самъ былъ похожъ, по характеру, на моего Самми, когда жилъ въ Денверѣ. Какъ подумаешь, что это я испортилъ ему жизнь!

Сердце у Хильера лучше, чѣмъ у меня да и у кого бы то ни было въ здѣшнемъ поселкѣ, потому что онъ одинъ только друженъ съ Флинтомъ Бѣкнеромъ, черной конкой нашей общины. Зная исторію Флинта, Самми говоритъ, что горе сдѣлало послѣдняго такимъ, каковъ онъ есть, и что нужно быть къ нему снисходительнымъ. Между тѣмъ только очень мягкое сердце можетъ быть способно къ такой снисходительности, если всѣ слухи о характерѣ Флинта справедливы. Одной этой черты достаточно для того, чтобы дать вамъ вѣрное понятіе о моемъ миломъ Самми. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «Флинтъ—мой родственникъ и только со мною исполнѣ откровененъ. Я удивляюсь, какъ онъ живъ до сихъ поръ, хотя гораздо моложе, чѣмъ кажется. Болѣе несчастнаго чело-вѣка свѣтъ не создавалъ. Давнымъ давно онъ потерялъ свой душевный миръ и съ тѣхъ поръ не знаетъ, что такое спокойствіе. Часто говоритъ, что желалъ бы хотъ въ адъ попасть, лишь бы избавиться отъ земныхъ мукъ».

IV.

Настоящій джентльмэнъ
никогда не скажетъ голой
правды въ присутствіи
дамъ.

Теплое, раннее утро, въ первыхъ числахъ октября. Сирень и лозина, позолоченныя осеннимъ солнцемъ, какъ волшебные мостики, перекинутые

чадолюбивой природой для безкры-
лыхъ существъ, обитающихъ на вы-
сокихъ деревьяхъ, точно висятъ между
этими деревьями—лиственницами и
гранатникомъ, высоко вверху распу-
скающими свои вѣтви; одуряющій за-
пахъ безчисленнаго количества разно-
образныхъ цвѣтовъ переполнилъ воз-
духъ; далеко, на совершенно чистомъ
небѣ, рисуется фигура одинокаго ястре-
ба, точно заснуваго на своихъ рас-
простертыхъ крыльяхъ. Тихо и ясно;
миръ Божій царитъ на землѣ.

Время—октябрь 1900 года; мѣсто—
Хопъ-Кэнионъ, серебряный рудникъ
въ долинѣ Эсмеральды, очень высоко
лежащее, уединенное, недавно образо-
вавшееся поселеніе. Обыватели на-
дѣются найти тутъ богатую руду, но
пока еще дѣла идутъ такъ себѣ; че-
резъ годъ или два вопросъ этотъ
окончательно будетъ рѣшенъ. Составъ
населенія—человѣкъ двѣсти рудоко-
повъ, одна бѣлая женщина съ ребен-
комъ, нѣсколько китайцевъ, занимаю-
щихся мытьемъ бѣлья, пять скау-
индѣйскихъ бабъ, и съ дюжину бро-
дичихъ индѣйцевъ, въ измятыхъ проб-
ковыхъ племахъ, костюмахъ изъ кро-
ликовыхъ шкуръ и съ оловянными
ожерельями на шеѣ. Мельницъ еще
нѣтъ, также какъ нѣтъ ни церкви, ни
газеты. Поселокъ существуетъ всего
два года, прославиться еще не успѣлъ
и мало кому извѣстенъ.

По обоимъ берегамъ заросшаго ка-
мышомъ ручья, стѣнами поднимаются
горы въ три тысячи футовъ высотой,
а вдоль этихъ береговъ змѣится посе-
локъ—ряды безъ всякаго порядка
разбросанныхъ хижинъ и шалашей,
на которые солнце свѣтитъ только
разъ въ день, при своемъ прохожде-
ніи черезъ меридіанъ. Поселокъ тя-
нется мили на двѣ, но хижины стоятъ
далеко одна отъ другой. Таверна пред-
ставляетъ собою единственный домъ,
такъ какъ одна лишь построена изъ
сруба. Она занимаетъ центральное по-
ложение и, по вечерамъ, служитъ мѣ-
стомъ сборища для всѣхъ обывателей.
Они тамъ пьютъ, играютъ въ карты,
въ домино и даже на билліардѣ, хотя
сукно послѣдняго все изорвано и

склеено липкимъ пластыремъ; вмѣсто кіевъ служатъ простыя палки, а шары расколоты, трещатъ, когда катятся, и останавливаются вдругъ, а не мало-помалу. Игра на такомъ билліардѣ доведена до первобытной простоты — человѣкъ, съ одного удара положившій шара въ лузу, считается выигравшимъ и имѣетъ право даромъ выпить кружку пива или рюмку водки.

Шалашъ Флинта Бѣкнера былъ самымъ крайнимъ на южномъ концѣ поселка, а его рудный участокъ лежалъ на противоположномъ концѣ, сѣверномъ. Флинтъ ни съ кѣмъ почти не сходитъ; люди, пробовавшіе познакомиться съ нимъ, скоро раскаявались въ этомъ и отставали. Біографіи его никто хорошенько не зналъ, и многіе сомнѣвались въ томъ, чтобы она даже Самми была извѣстна. Самъ Хильеръ, впрочемъ, говорилъ, что ничего не знаетъ, особенно когда его спрашивали мало знакомые люди. Флинтъ жилъ съ англичаниномъ, ярымъ мальчишкой лѣтъ шестнадцати, съ которымъ обращался весьма грубо, какъ наединѣ, такъ и въ публикѣ. Фетлокъ Джонсъ, имя этого мальчика, рассказывалъ, что встрѣтился съ Флинтомъ на работахъ и, не имѣя ни роду, ни племени, ни состоянія, ни опытности, предпочелъ работать на Бѣкнера, изъ-за жалованія, состоявшаго изъ ветчины съ бобами. Больше онъ ничего сообщить не могъ.

Больше мѣсяца уже пробылъ Фетлокъ на такомъ рабскомъ положеніи, и подъ его вялой внѣшностью медленно разгорался огонекъ гнѣва на обиды и униженія, которымъ подвергалъ его хозяинъ. Вялые люди особенно страдаютъ отъ такихъ обидъ, гораздо болѣе, чѣмъ люди мужественные, способные вспылить, дать сдачи и тѣмъ уменьшить свое душевное напряженіе. Добродушнѣйшіе изъ обывателей поселка принимали участіе въ судьбѣ Фетлока и пробовали переманить его отъ Бѣкнера, но мальчикъ боялся и думать объ этомъ. Патъ Райли долго его урезонивалъ, говоря:

— Да бросьте вы этого проклятаго скрагу, переходите ко мнѣ и ни-

чего не бойтесь: я съ нимъ справлюсь.

Мальчикъ, со слезами на глазахъ, благодарилъ, но отказывался, говоря, что «не смѣетъ рискнуть». Онъ боялся, что Флинтъ поймаетъ его когда-нибудь ночью, однако, и тогда... «О, мистеръ Райли, я ужъ и теперь дрожу, при одной мысли объ этомъ!»

Другіе предлагали: «Да бѣгите вы отъ него. Мы васъ спрячемъ и переправимъ какъ-нибудь на берегъ моря». Но всѣ эти предложенія не были приняты. Мальчикъ говорилъ, что Флинтъ его поймаетъ и приведетъ назадъ изъ одного только злорадства.

Въ концѣ концовъ всѣ отступились, а между тѣмъ бѣдствія мальчика стали невыносимы. Кто могъ бы подсмотреть, какъ онъ проводитъ свободное время, тотъ понялъ бы причину его выносливости. Онъ спалъ въ маленькомъ шалашикѣ, рядомъ съ хижиной Флинта, и тамъ, цѣлыми ночами, разжигалъ въ себѣ ненависть къ послѣднему и придумывалъ средства извести его такъ, чтобы самому не попасться. Эти думы были единственной радостью въ его жизни; эти часы были единственные, въ теченіе сутокъ, которыхъ онъ едва могъ дождаться.

Сначала онъ подумалъ объ отравленіи. Но, нѣтъ, это не годится—слѣдователь докопается, откуда былъ полученъ ядъ и кто его получалъ. Затѣмъ ему пришло въ голову застрѣлить Флинта сзади, когда тотъ, по обыкновенію, будетъ возвращаться ночью домой; но кто-нибудь можетъ услышать выстрѣлъ и захватить убійцу на мѣстѣ преступленія. Не лучше ли зарѣзать соннаго? Но если Флинтъ не сразу умретъ, такъ отъ него уже не убѣжишь. Однимъ словомъ, какъ ни прикидывалъ несчастный Фетлокъ, ни одно средство не годилось, потому что каждое изъ нихъ заключало въ себѣ элементъ случайности, возможности попасться, риска, а на рискъ мальчикъ способенъ не былъ.

Зато онъ былъ терпѣливъ, феноменальнотерпѣливъ. «Спѣшить некуда», — думалъ онъ, — «тотъ же случай можетъ явиться на помощь. Стоитъ лишь по-

дождать этого случая, а до тѣхъ поръ терпѣть и стыдъ, и боль, и нужду». Да, когда-нибудь дождется же онъ случая совершить убійство, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, ни малѣйшей руководящей ниточки для слѣдователя, а тогда... О, тогда! Для одной этой минуты стоитъ жить и терпѣть! Пока же слѣдуетъ поддерживать свою репутацію вялости и никому никогда не жаловаться на притѣсненія.

За два дня до вышеупомянутаго октябрьскаго утра, Флинтъ купилъ кое-какіе припасы и съ помощію Фетлока перенесъ ихъ домой. Ящикъ со свѣчами они поставили въ уголокъ; жестяную коробку съ охотничьимъ порохомъ—на ящикъ со свѣчами; боченокъ съ миннымъ порохомъ—подъ кровать Флинта, а большой свертокъ фитиля повѣсили на гвоздь. Изъ этихъ приготовленій Фетлокъ заключилъ, что патронъ его собирается приступить къ взрыванію скалъ порохомъ. Онъ видалъ, какъ это дѣлается, но лично никогда въ такомъ дѣлѣ не участвовалъ.

Заключеніе Фетлока оказалось справедливымъ—въ данное утро оба они съ Флинтомъ отправились въ шахту, захвативъ съ собою сверло, порохъ и фитиль. Шахта теперь достигла восьми футовъ глубины, и спускаться въ нее надо было по коротенькой лѣсенкѣ. Спустившись, они принялись за работу. По приказанію хозяина, Фетлокъ долженъ былъ держать сверло, а Флинтъ колотить по немъ молотомъ. Отдавъ приказаніе, послѣдній и не подумалъ объяснить новичку, какъ слѣдуетъ обращаться со сверломъ, а потому, при первомъ же ударѣ, оно вылетѣло изъ рукъ Фетлока.

— Ахъ ты чортовъ сынъ! Развѣ такъ держать сверло? Подними его! Наставь опять, да держи крѣпче! Я тебя выучу, проклятая собака!

Черезъ часъ сверленіе было кончено.

— Ну, заряжай теперь мину!

Мальчикъ бросился къ пороху.

— Идіотъ!

Тяжелая пощечина бросила Фетлока на землю.

— Вставай, гадина! Не валяться же тебѣ цѣлый день. Сначала заложил фитиль, дурья голова, а теперь сыпь порохъ... Держи, держи, скотина! Что ты полную скважину, что ли, хочешь насыпать? Экая дубина! Ну, замазывай глиной, забивай крѣпче! Стой! Стой! Ахъ ты, рохля! Пошелъ прочь!

Флинтъ принялся забивать мину самъ, все время ругаясь, какъ помѣшанный. Затѣмъ онъ зажегъ фитиль, выскочилъ изъ ямы вмѣстѣ съ мальчикомъ и отбѣжалъ отъ нея ярдовъ за пятьдесятъ. Черезъ нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія, въ шахтѣ раздался взрывъ, и туча камней, вмѣстѣ съ дымомъ, высоко взлетѣла на воздухъ. Немного спустя послышался шумъ обратно падающихъ камней, и затѣмъ все опять стихло.

— Засадить бы тебя туда!—сказалъ хозяинъ.

Вернувшись въ шахту, они очистили ее отъ мусора, просверлили новую скважину и заложили мину.

— Эй ты! Гляди! Сколько ты хочешь издержать фитиля? Развѣ не знаешь, сколько времени онъ горитъ?

— Не знаю, сэръ.

— Онъ не знаетъ! Никогда такого дурака не видывалъ!

Затѣмъ Флинтъ выпрыгнулъ изъ ямы и крикнулъ:

— Ну что же ты, идіотъ? Цѣлый день что ль тамъ сидѣть будешь? Отрѣжь фитиль и зажги его!

— Если позволите, сэръ, я...—началъ было мальчикъ, дрожа.

— Поговори еще! Рѣжь и зажигай! Мальчикъ повиновался.

— Ахъ чтобъ тебя чор-ртъ..! Одно-минутный фитиль! Оставайся же тамъ! Флинтъ схватилъ лѣстницу и бросился бѣжать, оставивъ мальчика въ ямѣ.

— Помогите! Помогите! Спасите!—началъ кричать тотъ, прижавшись къ стѣнѣ такъ плотно, какъ только могъ. Шипѣнье фитиля перепугало его чуть не до потери сознанія. Онъ замолкъ и стоялъ ни живъ, ни мертвъ, ожидая черезъ нѣсколько секундъ быть разорваннымъ въ клочки. Затѣмъ вдругъ на него нашло вдохновеніе. Онъ прыг-

нуль къ фитилю, потушилъ его въ разстояніи одного дюйма до забойки и такимъ образомъ спасся.

Дорого ему, однако же, обошлось это спасеніе. Повалившись на землю, онъ лежалъ на ней совершенно обезсиленный и только бормоталъ про себя:

— Ладно! Самъ научилъ! Теперь знаю, что дѣлать. Стоило только подождать, и средство само найдется!

Минутъ черезъ пять Бѣкнеръ тихонько подкрался къ шахтѣ, заглянулъ въ нее съ безпокойствомъ и сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Затѣмъ онъ опустилъ лѣсенку, и мальчикъ едва смогъ взобраться по ней, въ такомъ ужасномъ видѣ, что тронулъ даже сердце своего угнетателя.

— Ну, хорошо, что такъ обошлось,— сказалъ послѣдній,—впередъ никогда никому не груби. Не разговаривай! А то я разсердился и не помнилъ, что дѣлаю. Простая случайность, конечно. Ишь ты какъ измучился! Довольно на сегодня работать. Ступай домой, поѣшь и отдохни! Чего на свѣтѣ не бываетъ, особенно когда разсердишься.

— Я шибко испугался,— сказалъ мальчикъ,—зато и выучился кой-чему. Ничего—пустяки!

«Скоро утѣшился!—подумалъ Флинтъ по уходѣ мальчика, слѣдя за нимъ глазами. Расскажетъ или нѣтъ?... Пожалуй, еще чортъ его дернетъ разсказать... Жаль, что не рѣзоровало...»

Вернувшись домой, мальчикъ не воспользовался, однако же, свободнымъ временемъ на то, чтобъ отдохнуть. Онъ употребилъ это время на лихорадочно поспѣшную и радостную для него работу. Весь склонъ горы, до самой хижины Флинта, былъ покрытъ густой зарослью различныхъ кустарниковъ. Часть своей работы Фетлокъ выполнилъ въ этой заросли, а часть—въ своемъ шалашѣ. Когда все было готово, онъ сказалъ самому себѣ:

— Если онъ боится, чтобы я не пожаловался на него, то къ завтрашнему дню этотъ страхъ пройдетъ. Онъ увидитъ, что я все такой же кисель, какимъ былъ всегда. А послѣ завтра я съ нимъ покончу, и никто никогда

не узнаетъ, какъ и съ кѣмъ это было сдѣлано. А всего страннѣе то, что онъ самъ же и научилъ меня на свою голову!

V.

Завтрашній день пришелъ и прошелъ.

Настала полночь, черезъ пять минутъ начнется утро. Дѣйствіе происходитъ въ биллиардной комнатѣ таверны. Грубые люди, въ грубой одеждѣ, въ измятыхъ шляпахъ, брюки въ сапоги, иные въ однѣхъ рубашкахъ толпятся около раскаленной желѣзной печки, даромъ ихъ согрѣвающей. Биллиардные шары трещатъ и шелкаютъ другъ объ дружку; другихъ звуковъ—внутри таверны по крайней мѣрѣ—не слышно, а снаружи реветъ буря. Публика скучаетъ и точно ждетъ чего-то. Суровый, широкоплечій рудокопъ среднихъ лѣтъ, съ сѣдѣющими усами и подозрительнымъ взглядомъ, поднимается, вздѣваетъ на руку мотокъ фитиля, собираетъ еще кое-какіе свои пожитки и, ни съ кѣмъ не простясь, уходитъ. Это Флинтъ Бѣкнеръ.

Какъ только дверь за нимъ затворилась, всѣ заговорили.

— Аккуратнѣйшій человѣкъ!—воскликаетъ кузнецъ Джекъ Паркеръ, —хоть часы по немъ повѣрай.

— Это, кажется, единственная его добродѣтель, сколько я знаю,—бормочетъ Питеръ Хэвисъ, рудокопъ.

— Пятно на нашей компаніи,—многозначительно взглядывая на трактирщика, говоритъ Фергюсонъ, повѣренный поставщика припасовъ,—будь я здѣсь хозяиномъ, я бы заставилъ его объясниться или выгналъ вонъ. Трактирщикъ предпочитаетъ не слушать, потому что тотъ, о комъ говорятъ, принадлежитъ къ числу посѣтителей очень выгодныхъ, такъ какъ ежедневно напивается въ тавернѣ допьяна.

— А что, ребята,—спрашиваетъ Хамъ Сэндвичъ, молодой рудокопъ,—угостилъ онъ когда-нибудь хоть кого-нибудь изъ васъ?

— Это онъ-то?—Флинтъ Бѣкнеръ? —Держи карманъ шире!

Эти саркастическія замѣчанія окончились не менѣе саркастическимъ смѣхомъ всей компаніи. Послѣ короткой паузы, рудокопъ Патъ Райли прибавилъ:

— Загадочный человѣкъ! Вотъ и мальчишка у него такой же. Я никакъ не могъ растащить ихъ въ разныя стороны.

— Да и никто этого не можетъ, — сказалъ Хамъ Сэндвичъ, — какъ ихъ растащить, коли они одной породы? Оба какіе-то таинственные. Загадочность нумера перваго отражается и на нумерѣ второмъ. Попробуйте-ка растащить!

— Не легко!

Всѣ это повторили, кромѣ одного человѣка, нѣкоего Петерсона, недавно прибывшаго въ поселокъ. Поднеся всѣмъ по стаканчику виски, онъ спросилъ, не найдется ли среди нихъ и третьяго нумера по отношенію къ загадочности? Всѣ единогласно воскликнули:

— Арчи Стилманъ!

— Развѣ Арчи Стилманъ загадочный человѣкъ? — спросилъ Петерсонъ.

— Стилманъ-то? — повторилъ Фергюсонъ. Да онъ какъ разъ вынырнулъ изъ четвертаго измѣренія!

Фергюсонъ былъ ученый человѣкъ.

Петерсонъ пожелалъ узнать всѣ подробности относительно Арчи Стилмана; каждый изъ присутствующихъ началъ требовать ихъ; всѣ заговорили разомъ, такъ что трактирщикъ принужденъ былъ вмѣшаться и призвать посѣтителей къ порядку. Онъ налилъ имъ водки и посовѣтовалъ Фергюсону взять на себя одного обязанность рассказчика. Фергюсонъ началъ:

— Ну, что жъ мы о немъ знаемъ? Развѣ только то, что онъ не дѣвочка. Пытайте его сколько угодно — ничего не выпытаете; ни откуда онъ, ни чѣмъ онъ занимается, ни — какія его намѣренія, никто не знаетъ. А ужъ что касается его таинственныхъ способностей, такъ объ нихъ и заикнуться нельзя. Попробуйте спросить у него объ этомъ — онъ тотчасъ же пере-

мѣнитъ разговоръ. Можете догадываться, коли хотите, толку все равно не выйдетъ.

— Какія же у него таинственные способности?

— Не то у него зрѣніе какое-то особенное, не то — слухъ, не то это инстинктъ какой-то или колдовство — кто его знаетъ. Попробуйте сейчасъ исчезнуть и спрячьтесь, гдѣ хотите, какъ бы то ни было далеко, онъ пойдетъ прямо туда, гдѣ вы спрятались и ткнетъ въ васъ пальцемъ.

— Не можетъ быть!

— Да, ужъ повѣрьте! Погода ему ни по чемъ, день ли, ночь ли — ничего этого онъ даже не замѣчаетъ.

— Что вы говорите! А при дождѣ, при снѣгѣ, въ полной темнотѣ?

— Говорю же вамъ, что для него это безразлично.

— Ну, а туманъ? Неужли и туманъ ему ни по чемъ?

— Экъ сказали! Туманъ! Для его глазъ тумана не существуетъ.

— Морочить что ли онъ меня, ребята?

— Какой тамъ морочить! Чистая правда! — воскликнули всѣ хоромъ. Продолжайте, Фергюсонъ.

— Вы, сэръ, можете оставить его тутъ, съ ребятами, а сами пойдете въ любой домъ, открыть любую книгу — да, сэръ, любую! Замѣтитъ въ ней какую хотите страницу, а онъ пойдетъ потомъ прямо къ тому самому дому, откроетъ ту самую книгу, на той самой страницѣ и никогда не ошибется!

— Да что онъ, чортъ что ли?

— Многіе изъ насъ такъ думаютъ. Вотъ я вамъ расскажу, что онъ разъ сдѣлалъ. Однажды...

Въ эту минуту снаружи послышался сильный шумъ, дверь чуть не слетѣла съ петель, и въ комнату ворвалась взволнованная толпа людей, подъ предводительствомъ единственной бѣлой обывательницы поселка, которая отчаянно причитала:

— Ребенокъ! Ребенокъ! Я дочку мою потеряла! Ради Бога, скажите, гдѣ Арчи Стилманъ? Мы его никакъ отыскать не можемъ!

— Присядьте, присядьте, мистрессъ Хоганъ, — сказалъ трактирщикъ, — и не горюйте. Часа три тому назадъ онъ вернулся усталый изъ своей обычной гоньбы по слѣдамъ и спросилъ себѣ отдѣльную комнату. Теперь онъ спитъ здѣсь въ верху. Хамъ Сэндвичъ, сбѣгайте-ка да разбудите его; онъ въ № 14.

Черезъ нѣсколько минутъ Арчи былъ уже въ биллиардной и разспрашивалъ у мистрессъ Хоганъ подробности пропажи ребенка.

— Да какія же подробности, миленькій, никакихъ нѣтъ! Я положила ее спать въ семь часовъ вечера, а черезъ часъ вернулась — анъ, ея ужъ и слѣдъ простылъ! Я побѣжала къ вамъ, миленькій, а васъ дома нѣтъ, и вотъ съ тѣхъ поръ мы обѣгали весь поселокъ, все васъ искали. Наконецъ-то, слава Богу, нашли! Теперь вы и дочку мою отыщете, только идемъ скорѣе!

— Ступайте впередъ, сударыня, а я за вами. Сначала къ вамъ, въ вашъ домъ.

Вся компанія повалила за ними, а при выходѣ изъ таверны къ ней присоединилась толпа, ждавшая снаружи — до сотни здоровенныхъ парней, изъ коихъ многіе были съ фонарями. Раздѣлившись на кучки, по три—по четыре человѣка въ рядъ, процессія быстро дошла до хижины мистрессъ Хоганъ.

— Вотъ ея кровать, — сказала послѣдняя, — тутъ она и лежала, а ужъ гдѣ она теперь, миленькіе мои, Богъ вѣстъ!

— Дайте-ка сюда фонарь, — сказалъ Арчи, затѣмъ сталъ на колѣни и притворился, что внимательно разсматриваетъ полъ.

— Видите, вотъ ея слѣды, — продолжалъ онъ черезъ нѣсколько времени, указывая пальцемъ на разныя мѣста пола.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ тоже стали на колѣна, чтобы лучше видѣть, и даже думали, что видятъ нѣчто, но другіе сомнительно покачивали головами и говорили, что на твердыхъ доскахъ едва ли можно

усмотрѣть чьи-либо слѣды, а ужъ особенно дѣтскіе.

Стильманъ, между тѣмъ, вышелъ изъ хижины и, держа фонарь надъ самой землей, повернулъ влѣво.

— Теперь я знаю направление, — сказалъ онъ, — возьмите кто-нибудь фонарь.

Затѣмъ онъ быстро пошелъ впередъ, сопровождаемый чуть не всѣми обывателями поселка. Такъ прошли съ милею. Дойдя до равнины, густо заросшей кустарникомъ, Стильманъ остановился.

— Погодите! — сказалъ онъ, — здѣсь надо осмотрѣться, а то какъ разъ сойдемся со слѣда.

Опять поставилъ онъ фонарь на землю и, осмотрѣвъ ее на разстояніи ярдовъ двадцати, сказалъ:

— Все въ порядкѣ; идемъ дальше!

Съ четверть мили онъ шелъ по кустарникамъ, забирая все вправо; затѣмъ опять осмотрѣлъ землю и повернулъ влѣво. Послѣ нѣсколькихъ такихъ поворотовъ, Арчи остановился и сказалъ:

— Вотъ она здѣсь сидѣла, бѣдняжка, устала, должно быть. Подержите-ка фонарь! Видите мѣсто, гдѣ она сидѣла?

Но на твердомъ, отполированномъ грунтѣ, состоящемъ изъ слюдистаго сланца, никто ничего видѣть не могъ. Несчастливая мать упала, однако жъ, на колѣна и какъ безумная стала цѣловать указанное мѣсто, все время причитая.

— Гдѣ же она, все-таки? — спросилъ кто-то. Тутъ ее видимо нѣтъ.

Арчи опять взялъ фонарь и сталъ осматривать землю. Но и онъ, спустя нѣсколько времени, сталъ въ тупикъ.

— Не понимаю, — сказалъ онъ, — что она здѣсь была — это вѣрно; но она отсюда никуда не уходила — это тоже вѣрно. А между тѣмъ, ея здѣсь нѣтъ! Не понимаю!

Тогда мать пропавшей дѣвочки вновь заголосила:

— Ахъ, Матерь Божія! Ахъ, святые угодники! Ее вѣрно орелъ унесъ! Я никогда больше не увижу моей дѣвочки!

— Подождите горевать! — сказалъ Арчи, — мы ее отыщемъ.

— Да благословить васъ Богъ за эти слова, Арчи Стильманъ! — воскликнула женщина, горячо цѣлуя его руку.

Въ это время Петерсонъ иронически шепнулъ на ухо Фергюсону:

— Забавное представленіе, не правда ли? Не стоило, однако жъ, вести насъ такъ далеко — на всякомъ другомъ мѣстѣ можно бы было продѣлать то же самое.

Фергюсону это очень не понравилось, и онъ довольно рѣзко отвѣтилъ:

— Ужъ не сомнѣваетесь ли вы въ томъ, что дѣвочка здѣсь сидѣла? Вольному — воля, конечно, мы васъ...

— Нашелъ! — воскликнулъ вдругъ Арчи, — смотрите сюда! Какъ это мы не замѣтили — подъ носомъ было, а мы не видали!

Всѣ затѣснились взглянуть на то, на что пальцемъ указывалъ Арчи, но никто ничего не видалъ. Послѣ краткаго молчанія, послышался всеобщій ропотъ.

— Да тутъ ничего нѣтъ, Арчи! — воскликнули въ одинъ голосъ Патъ Райли и Хамъ Сэндвичъ.

— Какъ ничего? Повашему это ничего? — сказалъ Стильманъ, очерчивая пальцемъ какую-то фигуру на землѣ. Не узнаете? Да это же слѣдъ индѣйца Билли! Онъ и унесъ, должно быть, ребенка.

— Слава Богу! — воскликнула мать.

— Возьмите фонарь, я знаю теперь, куда идти, — сказалъ Арчи.

Онъ началъ быстро продираться черезъ кусты, то исчезая среди нихъ,

то снова появляясь. Вся толпа съ трудомъ слѣдовала за нимъ и остановилась только въ десяти шагахъ отъ маленькаго шалашика, устроеннаго изъ вѣтвей и какихъ-то тряпокъ, въ родѣ старыхъ попонъ. Внутри шалашика виденъ былъ свѣтъ.

— Ступайте впередъ, мистриссъ Хоганъ, — сказалъ Арчи, — это ваше право.

Когда занавѣска шалаша была откинута, то всѣ увидѣли, что индѣецъ Билли сидитъ на землѣ, а рядомъ съ нимъ спитъ дѣвочка. Обрадованная мать то бросалась обнимать свою дочку, то цѣловала руки у Арчи, смѣясь и плача, неудержимо болтая по ирландскому обыкновенію и осыпая преувеличенными выраженіями благодарности какъ Стильмана, такъ и индѣйца.

— Я ее нашелъ тутъ часовъ въ десять, — заявилъ послѣдній, — очень устала и спала. Все лицо было мокрое — должно быть, плакала. Я ее привелъ домой и накормилъ, очень была голодна, а потомъ опять заснула.

Въ безконечной своей благодарности, счастливая мать возвела индѣйца на степень «переодѣтаго Ангела Божія».

Надо признаться, однако жъ, что если онъ дѣйствительно принадлежалъ къ такому высокому рангу, то ужъ, конечно, былъ переодѣтъ до неузнаваемости.

Въ половинѣ перваго вся процессія вернулась въ поселокъ, распѣвая веселыя пѣсни, размахивая фонарями и подкрѣпляясь, по дорогѣ, тѣми напитками, которые можно было найдти въ частныхъ жилищахъ. У таверны всѣ опять сошлись и пропировали цѣлую

ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На слѣдующее утро черезъ весь поселокъ электрической искрой проскочило неожиданное извѣстiе: въ тавернѣ остановился въ высшей степени приличный джентльмэнъ, занесшiй въ книгу для пробѣжающихъ всей Америкѣ извѣстное имя:

Шерлокъ Холмсъ.

Новость эта передавалась изъ хижины въ хижину, съ участка на участокъ. Всѣ бросали работу и спѣшили къ тому мѣсту, на которомъ теперь сконцентрировался общiй интересъ. Какой-то рудокопъ, проходя мимо участка Пота Райли, находившагося рядомъ съ участкомъ Флинта Бѣкнера, крикнулъ ему, въ чемъ дѣло. Услышавъ имя Холмса, Фетлокъ Джонсъ вздрогнулъ и пробормоталъ про себя:

— Дядя Шерлокъ!.. Вотъ принесъ чортъ не во-время. Подумавай немножко, онъ однако жъ успокоился. Развѣ я не знаю, что онъ удачно открываетъ только тѣ преступленiя, которыя самъ же заранѣе задумалъ, да нанялъ или подговорилъ кого-нибудь исполнить... А тутъ, сэръ, дѣло будетъ сдѣлано чисто! Не подкопаются! Нѣтъ, сэръ, все уже готово, и слѣдовъ никакихъ не будетъ. Развѣ открыться ему? Да нѣтъ, это было бы слишкомъ рискованно. И безъ его помощи Флинтъ Бѣкнеръ переселится сегодня въ лучший мiръ. Будьте увѣрены! Вотъ только не захотѣлъ бы дядя Шерлокъ поговорить со мною сегодня о домашнихъ дѣлахъ, — продолжалъ Фетлокъ, подумавай немножко. А мнѣ нужно быть къ восьми часамъ дома. Какъ бы мнѣ отъ него отдѣлаться? На этотъ разъ Фетлоку пришлось поломать голову довольно долго, но въ концѣ концовъ онъ сказалъ себѣ: — Пойдемъ мы съ нимъ гулять, а я и брошу его на одну минутку, подъ какимъ-нибудь

предлогомъ. Самое лучшее сбить сыщика со слѣда состоитъ въ томъ, чтобы заставить его самого участвовать въ подготовкѣ дѣла. Я такъ и поступлю — возьму его съ собою.

Тѣмъ временемъ площадка передъ таверной переполнилась обывателями, желавшими хоть однимъ глазкомъ взглянуть на знаменитость. Но знаменитость не показывалась. Никому еще кромѣ Фергюсона, кузнеца Джэка Паркера, да Хама Сэндвича, видѣть ее не удалось. Эти энтузиасты пролѣзли сквозь кладовую таверны на маленькой дворикъ, на который выходили окна комнаты, занимаемой Шерлокомъ, и смотрѣли на него въ щели занавѣсокъ. Сначала послѣднiя были опущены, но потомъ Шерлокъ поднялъ ихъ, къ величайшей радости и даже благоговѣйному страху своихъ почитателей, очутившихся, такимъ образомъ, чуть не лицомъ къ лицу съ необыкновеннымъ человекомъ, наполненнымъ весь мiръ славою своихъ подвиговъ. Вотъ онъ сидитъ! Уже не миѣ, не тѣнь, не легенда, а живое, конкретное существо! Кажется, протяни только палецъ, и можно до него дотронуться!

— Посмотрите на его голову! — шепнулъ Фергюсонъ. Боже милостивый! Вотъ голова!

— Еще бы! — отвѣчалъ кузнецъ, а носъ-то, носъ! А глаза! Интеллектъ — не правда ли? Палата ума!

— Но какъ блѣденъ! — вставилъ Хамъ Сэндвичъ. Это отъ мыслей, вотъ отчего! Нашъ братъ и не знаетъ, что такое мысль!

— Откуда жъ намъ знать, — сказала Фергюсонъ, — у насъ кромѣ ерунды и въ головѣ-то ничего не бываетъ.

— Вы правы, Фергюсонъ. А брови-то, брови какъ сморщены! Это значитъ — онъ теперь погрузился футовъ

на сто въ самую середку какого-нибудь дѣла. Ужъ онъ даромъ не задумается.

— Разумѣется! А вы мотайте себѣ на усъ. Ужъ навѣрное тутъ дѣло идетъ о какомъ-нибудь трупѣ! Не былъ бы онъ такъ важенъ и торжественъ!

— Не иначе! Кому же и думать о трупахъ, какъ не человѣку, который самъ четыре раза умиралъ. На это, сэръ, есть исторія! Три раза умиралъ естественною смертію и одинъ разъ случайной. Говорятъ, отъ него могилы пахнутъ, и онъ...

— Тссъ! (Смотрите, смотрите! Вонъ онъ обхватилъ свой лобъ рукою: большой палецъ на одномъ вискѣ, а указательный на другомъ. Значитъ, ужъ и думать-то не въ могоуту! Вы какъ полагаете? Мысль-то вѣдь тоже въ потъ вогнать можетъ!

— Еще бы!.. А теперь смотреть на небо и крутить усы...

— Глядите-ка — всталъ и точно мотокъ разматывается! Вишь — правой-то рукою вокругъ лѣвой...

— Морщится, это онъ никакъ не можетъ добраться...

— Держи карманъ — не можетъ! Вотъ ужъ онъ улыбается. Словно тигръ какой-нибудь... Это онъ, братцы, должно быть, открылъ, въ чемъ дѣло! Навѣрно открылъ!

— Да-а... не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ того, за кѣмъ онъ теперь слѣдитъ!

Мистеръ Холмсъ сѣлъ къ столу, задомъ къ своимъ почитателямъ, и сталъ писать. Понявъ, что смотрѣть больше не на что, послѣдніе закурили трубочки и расположились потолковать по душѣ.

— Нечего и говорить, ребята, — сказалъ Фергюсонъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, — онъ удивительный человѣкъ! Это по всему видно.

— Совершенно справедливо, — сказалъ Джекъ Паркеръ, — жаль, что его вчера здѣсь не было.

— Да-а! — поддержалъ Фергюсонъ, — вотъ бы мы тогда увидали настоящую научную работу. Интеллектъ, сэръ! Чистый интеллектъ, и ничего больше! Я не думаю, конечно, умалять зна-

ченіе Арчи, но вѣдь его даръ, такъ сказать, животный — особенно тонкое зрѣніе или инстинктъ, и ничего больше. Интеллекта въ немъ нѣтъ. Его съ этимъ человѣкомъ и сравнить нельзя. Хотите ли вы, я вамъ расскажу, что бы онъ сдѣлалъ? Онъ бы подошелъ къ мистрессъ Хоганъ, взглянулъ на нее — только взглянулъ! — и все слѣдствіе было бы кончено! Все бы увидать! Да, сэръ; до малѣйшей подробности! А потомъ сѣлъ бы на кровать, совершенно покойно, и сталъ бы расспрашивать мистрессъ Хоганъ... Вотъ представьте себѣ, хоть, что вы — мистрессъ Хоганъ, я стану спрашивать, а вы отвѣчайте за нее.

— Хорошо; валяйте!

— Пожалуйста, сударыня... Не отвлекайтесь въ стороны. Какого пола ребенокъ?

— Дѣвочка, ваша милость.

— Гм... дѣвочка. Хорошо, очень хорошо! Сколько лѣтъ?

— По шестому годочку, ваша милость!

— Такъ, такъ!.. Маленькая, слабенькая... и двѣ мили. Ну, конечно, устала, сѣла и заснула. Мы ее найдемъ миляхъ въ двухъ отсюда. Зубы?

— Пять, ваша милость, а шестой прорѣзывается.

— Хорошо, хорошо! Очень хорошо... Дѣло въ томъ, ребята, что онъ вѣдь обращаетъ вниманіе на всякіе пустяки, которые для другого ничего бы не значили... Въ чулкахъ, сударыня, въ башмакахъ?

— И въ томъ и въ другомъ, ваша милость.

— Въ прюнелевыхъ или кожаныхъ?

— Въ кожаныхъ, ваша милость, съ ластикомъ.

— Гм! съ ластикомъ... Это усложняетъ дѣло... Но мы все-таки доберемся. Религія?

— Католичка, ваша милость.

— Очень хорошо. Отрѣжьте мнѣ кусочекъ одѣяла, пожалуйста... Благодарю васъ... Да, шерсть съ бумагой. Заграничной работы. Очень хорошо. Теперь кусочекъ какого-нибудь платица... Благодарю васъ... Чистая бумага... Довольно поношено... Такъ, такъ. Пре-

восходно. Будьте добры, передайте мнѣ комочекъ пыли съ пола... Очень, очень обязанъ! Благодарю васъ! Великолѣпно! Великолѣпно! Теперь я знаю, чего держаться!.. Вы видите, ребята, такимъ образомъ онъ соберетъ всѣ слѣды, какіе ему нужны. А что жъ онъ потомъ сдѣлаетъ? Потомъ онъ положить всѣ эти слѣды передъ собою на столъ, сгруппируетъ ихъ какъ слѣдуетъ и начнетъ изучать, бормоча про себя: дѣвочка; шести лѣтъ отъ роду; пять зубовъ и одинъ прорѣзывается; католичка; кожаные съ ластикомъ—чортъ бы побралъ этотъ ластикъ! Ну, и такъ далѣе. Затѣмъ онъ взглянетъ на небо и начнетъ ерошить волосы, приговаривая: «Проклятый ластикъ, однако же, всему мѣшаетъ!» Затѣмъ онъ встанетъ и начнетъ перебирать пальцами—вотъ какъ сейчасъ—а затѣмъ улыбнется—тоже какъ сейчасъ, и, обратясь къ толпѣ, скажетъ: «Верите фонарь и пойдемъ за ребенкомъ къ индѣйцу Билли. Да довольно двоихъ, остальные могутъ ложиться спать. Покойной ночи, сударыня! Покойной ночи, джентльмены!» Поклонится величественно, да и выйдетъ изъ таверны. Вотъ его манера! При томъ единственная научная, вполнѣ интеллектуальная; дѣло конечно въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцать минутъ! Ни толпы, ни шатающія по кустамъ цѣлыми часами, ни шума, ни крика—тихо, чинно, благородно и... скоро! Главное дѣло—скоро!

— Ужъ что и говорить! — сказалъ Хамъ Сэндвичъ. Но какъ вы его прекрасно изучили, Фергюсонъ! И въ книгахъ такъ не опишутъ. Клянусь Богомъ—я точно вижу его передъ собою! Не правда ли, ребята?

— Чего тамъ! Чистая философія!

Фергюсонъ былъ очень польщенъ такимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія насчетъ его талантовъ и сидѣлъ нѣсколько времени молча, смакуя свой триумфъ. Затѣмъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ въ голосъ, проговорилъ:

— Неужели и его создалъ Богъ? (Съ минуту отвѣта не было, но потомъ Хамъ Сэндвичъ почтительно отвѣчалъ:

— Не въ одно время съ нами, я думаю.

II.

Вечеромъ того же дня, часовъ около восьми, два человѣка медленно прогуливались неподалеку отъ хижины Флинта Бѣкнера. Это былъ Шерлокъ Холмсъ со своимъ племянникомъ.

— Подождите-ка здѣсь, дядя, я сбѣгаю на минутку домой,—сказалъ Фетлокъ. Затѣмъ онъ попросилъ у дяди спичекъ и, получивъ ихъ, ушелъ, но почти тотчасъ же вернулся, и прогулка продолжалась попрежнему.

Часамъ къ девяти дядя съ племянникомъ вернулись къ тавернѣ. Проходя сквозь толпу, собиравшуюся въ биллиардной, чтобы взглянуть на великаго человѣка, они были приветствуемы восторженными криками, на которые Холмсъ отвѣчалъ величественнымъ поклономъ, а его племянникъ—слѣдующими словами:

— Дядя Шерлокъ очень занятъ, джентльмены, и просидитъ за работою до полуночи или до часу, но затѣмъ онъ выйдетъ сюда и надѣется, что нѣкоторые изъ васъ не откажутся съ нимъ выпить.

— Клянусь св. Георгомъ—настоящій герцогъ, ребята! — воскликнулъ Фергюсонъ.

— Да здравствуетъ Шерлокъ Холмсъ, величайшій изъ людей! Хипъ, хипъ, хипъ!..

— Ура! Ура! Ура!—рявкнули всѣ присутствующіе.

Отъ этого рева все зданіе задрожало—такъ много души вложили «ребята» въ свое восклицаніе. Наверху дядя обратился къ племяннику съ упрекомъ.

— И на кой шутъ дали вы за меня такое обѣщаніе?

— Вѣдь не хотите же вы потерять популярность, дядя? Если нѣтъ, то не шутите съ рудокопами. Они васъ обожаютъ, но если вы откажетесь выпить съ ними, то они васъ сочтутъ за гордеца. А кромѣ того вы сами говорили, что у васъ хватитъ разсказовъ на цѣлую ночь.

Дядя долженъ былъ признаться, что племянникъ правъ. Правъ онъ былъ и въ томъ соображеніи, которое сдѣ-

лалъ про себя: «Дядя и всѣ прочіе», думалъ онъ, «будутъ свидѣтелями моего alibi, когда оно понадобится».

Часа три они проговорили о домашнихъ дѣлахъ, а потомъ, около полуночи, Фетлокъ вышелъ на улицу и притаился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ таверны. Черезъ пять минутъ изъ нея вышелъ Флинтъ Бекнеръ и даже чуть не задѣлъ Фетлока.

— Попался! — прошепталъ мальчикъ, — прощай, братъ Флинтъ Бекнеръ, прощай навсегда! Ты называлъ мою мать... ну ужъ все равно какъ; теперь мы по квитаемся. Ступай, ступай, другъ! Пройдись въ послѣдній разъ!

Посмотрѣвъ во слѣдъ уходящему Бекнеру, онъ вернулся въ таверну.

«Остается еще часъ», — думалъ онъ, — «ради alibi, проведемъ это время съ ребятами».

Когда Шерлокъ Холмсъ пришелъ въ биллиардную, переполненную его почитателями, то началась преисправная попойка. Всѣ были веселы, счастливы — пѣли, рассказывали анекдоты, такъ что не замѣтили, какъ прошелъ часъ. Въ самомъ разгарѣ веселья, вдругъ вдаль послышался точно выстрѣлъ изъ пушки:

— Бу-умсъ!

Все сразу затихло. Среди всеобщаго молчанія послышались раскаты эхо, понемногу замиравшіе въ горахъ. Тогда вся компанія, какъ бы вдругъ опомнившись, бросилась къ дверямъ.

Гдѣ-то что-то взорвало!

Снаружи, изъ темноты, чей-то голосъ сказалъ:

— Это тамъ, въ самомъ концѣ; я даже огонь видѣлъ.

Вся толпа, вмѣстѣ съ Холмсомъ, Фетлокомъ и Арчи Стильманомъ, бросилась бѣжать по указанному направленію. Милію пробѣжали въ нѣсколько минутъ. Оказалось, что отъ хижины Флинта Бекнера остался только одинъ плотно утоптаннйй земляной полъ — ни стѣнъ, ни крыши, ни мебели, ни самого Флинта. Толпа сейчасъ же разбилась на партіи, которыя отправились обыскивать близъ лежащій кустарникъ, и скоро кто-то вскрикнулъ.

— Вотъ онъ!

Ярдахъ въ пятидесяти отъ бывшей хижины Флинта, дѣйствительно лежала изуродованная и безжизненная масса, въ которой легко было распознать тѣло бывшего владѣльца этой хижины. Фетлокъ, вмѣстѣ съ прочими, побѣжалъ взглянуть на своего угнетателя.

Предварительное дознание было окончено въ четверть часа. Хамъ Сэндвичъ, въ качествѣ старшины присяжныхъ, составилъ приговоръ въ выраженіяхъ, не лишенныхъ литературныхъ достоинствъ, и кончающійся слѣдующимъ остроумнымъ заключеніемъ: — «покойный умеръ по своей собственной неосторожности, а можетъ быть вслѣдствіе злого умысла какого-нибудь лица, или лицъ, неизвѣстныхъ присяжнымъ и не оставившихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ взлетѣвшей на воздухъ хижины покойнаго, да помилуетъ Богъ его душу. Аминь».

Исполнивъ свои обязанности, присяжные присоединились къ толпѣ, центромъ которой, попрежнему, былъ Шерлокъ Холмсъ. Молча и почтительно, рудокопы стояли полукругомъ передъ мѣстомъ только-что совершившейся катастрофы, а необыкновенный человекъ, съ фонаремъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своего племянника, рассказывалъ по самому этому мѣсту. Онъ измѣрялъ тесемкой высоту окружающихъ кустовъ, разстояніе, отдѣляющее бывшія стѣны хижины отъ дороги, и проч., а также подбиралъ разные обломки и обрывки — то кирпичикъ, то кусокъ дерева, и даже взялъ въ одномъ мѣстѣ горсточку земли. Все это онъ внимательно разсматривалъ и откладывалъ въ сторону. Потомъ онъ началъ опредѣлять ручнымъ компасомъ «положеніе» пола хижины, не позабывъ о поправкѣ, въ двѣ секунды, на магнитное отклоненіе. Затѣмъ опредѣлилъ, по хронометру, время, приведя его къ мѣстному; измѣрилъ разстояніе отъ хижины до мѣста, на которомъ лежалъ трупъ; опредѣлилъ температуру по карманному термометру и высоту надъ уров-

немъ моря, по анеронду, тоже оказавшемся въ его карманѣ.

— Дѣло кончено,—сказалъ онъ, наконецъ, величественно кивая головою,—не вернуться ли намъ, джентльмены?

Вся толпа, вслѣдъ за Холмсомъ, повалила къ тавернѣ. Дорогою, джентльмены обмѣнивались замѣчаніями насчетъ необыкновеннаго человѣка и догадками насчетъ причинъ только-что совершившейся трагедіи.

— Какое счастье, что онъ съ нами! Не правда ли, ребята?—сказалъ Фергюсонъ.

— Это будетъ самымъ крупнымъ его дѣломъ,—сказалъ Хамъ Сэндвичъ,—и разнесется по цѣлому свѣту, вотъ помяните мои слова!

— И поселокъ-то нашъ прославится,—замѣтилъ кузнецъ Джекъ Паркеръ,—не такъ ли, Фергюсонъ?

— Да я вотъ какъ вамъ скажу, если ужъ вы хотите знать мое мнѣніе,—отвѣчалъ послѣдній,—вчера я платилъ за Страйтъ-Флюшскій участокъ по два доллара за фунтъ, а завтра не возьму за него и шестнадцати.

— Вѣрно, вѣрно, Фергюсонъ! На нашу долю выпало большое счастье. Видѣли вы, какъ онъ подбиралъ всякую дрянъ? Какой глазъ! Какая опытность! Ужъ онъ ничего не просмотритъ! Нѣтъ, сэръ, за нимъ этого не водится!

— Именно! Пустяки, какъ вы говорите, дрянъ, а для него эта дрянъ все равно, что книга—разверни и читай.

— Да, въ каждомъ обрывочкѣ—тайна; надо только умѣть открыть ее. А ужъ у этого она не вырвется!

— Я теперь не жалѣю, ребята, что его вчера съ нами не было,—ну, что за важность найти заблудившагося ребенка,—а вотъ теперь, сэръ, дѣло-то послѣднее будетъ! Позанозистѣй! Настоящая научная, интеллектуальная работа!

— Да, я думаю, и всѣ мы рады, что такъ случилось, не правда ли, ребята? Этотъ рохля, Арчи, многому бы могъ научиться, если бъ повнимательнѣе отнесся къ систематической, на-

учной работѣ, происходившей сегодня у него подъ носомъ, а онъ, вмѣсто того, шлялся гдѣ-то по кустамъ и ничего не видалъ.

— Вѣрно! Я самъ это замѣтилъ. Ну, да что съ него разыскать? Онъ еще молодъ, поживетъ—узнаетъ.

— А какъ вы думаете, ребята, кто это сдѣлалъ?

Этотъ вопросъ вызвалъ цѣлую серію неудовлетворительныхъ предположеній. На многихъ указывали, какъ на виновниковъ катастрофы, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, принуждены были оправдать ихъ. Только одинъ Самми Хильеръ считался пріятелемъ Флинта Бекнера, а враговъ у него, собственно говоря, не было, такъ какъ никто съ нимъ открыто не ссорился—Флинтъ никого не подпускалъ къ себѣ на такое разстояніе, на которомъ можно бы было серьезно поссориться. Всѣмъ онъ былъ чуждъ, и никому до него дѣла не было. Одно только имя, съ самаго начала, вертѣлось у всѣхъ на языкѣ,—имя Фетлока Джонса,—но оно было произнесено послѣднимъ. Заговорилъ о немъ Патъ Райли.

— Ну, мы о немъ ужъ думали,—отвѣчали ребята;—конечно, у него есть миллионъ причинъ убить Флинта Бекнера, и даже порядочный человѣкъ на его мѣстѣ давно бы это сдѣлалъ. Но вѣдь у него, во-первыхъ, духу не хватило бы, а во-вторыхъ, онъ былъ далеко отъ мѣста происшествія.

— Да, онъ все время былъ вмѣстѣ съ нами, въ биллиардной!—замѣтилъ Патъ.

— И даже задолго до взрыва.

— Больше чѣмъ за часъ. И къ счастью для него, надо признаться, а то бы его перваго заподозрили.

III.

Столовая таверны была уже очищена отъ мебели, только въ одномъ ея концѣ стоялъ простой, шестиногій, сосновый столъ, а на немъ—кресло. На это кресло торжественнѣйшимъ образомъ воссѣлъ Шерлокъ Холмсъ, а остальная публика, набившись въ комнату, какъ сельди въ бочку, осталась

стоять. Глубокая тишина; на табачномъ дымѣ можно топоръ повѣсить.

Необыкновенный человѣкъ началъ съ того, что поднялъ руку и продержалъ ее такимъ образомъ нѣсколько секундъ, какъ бы приглашая публику ко вниманію. Затѣмъ онъ коротко и ясно, въ сжатыхъ выраженіяхъ, задалъ всей публикѣ нѣсколько вопросовъ относительно характера, поведения и привычекъ Флинта Бекнера. Изъ отвѣтовъ на эти вопросы выяснилось, что одинъ только племянникъ необыкновеннаго человѣка могъ имѣть какіе-нибудь счеты съ покойнымъ и желать его смерти. Выслушавъ это показаніе, мистеръ Холмсъ тожно улыбулся и спросилъ свидѣтелей:

— Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ, джентльмены, знаетъ, гдѣ находился Фетлокъ Джонсъ во время взрыва?

— Здѣсь, въ билліардной комнатѣ!— послѣдовалъ единодушный отвѣтъ.

— А!.. Что жъ, онъ только-что пришелъ туда?

— Больше часа передъ тѣмъ былъ уже съ нами.

— Такъ. А сколько, бишь, отсюда до мѣста преступленія?

— Больше мили!

— Такъ. Если это и не полное alibi, то во всякомъ случаѣ...

Взрывъ хохота, перемѣшанный съ возгласами по адресу рудокопа, вы сказавшаго подозрѣніе на Фетлока, прервалъ ироническое замѣчаніе предсѣдателя.

— Попалъ пальцемъ въ небо! И нужно было соваться! Поджигай хвостъ! Виновникъ всеобщаго веселья дѣйствительно поджалъ хвостъ и страшно сконфуженный спрятался за рядами товарищей. А Шерлокъ Холмсъ между тѣмъ формулировалъ заключеніе.

— Теперь,—сказалъ онъ, когда нѣсколько далекое отношеніе Фетлока Джонса къ данному случаю (хохотъ) разъяснилось, приступимъ къ подробному разсмотрѣнію очевидцевъ катастрофы и посмотримъ, что они намъ скажутъ.

Съ этими словами онъ придвинулъ къ себѣ листъ картона, на которомъ въ порядкѣ были разложены вещественныя доказательства. Аудиторія затаила дыханіе.

— Мы въ точности знаемъ длину и ширину мѣста, на которомъ произошла трагедія, — началъ Шерлокъ Холмсъ, знаемъ высоту его надъ уровнемъ моря, температуру и степень влажности воздуха въ данное время,— все это въ высшей степени важно, такъ какъ даетъ намъ возможность съ точностью опредѣлить вліяніе климатическихъ условій на расположеніе духа убійцы (шопотъ удивленія; летучія фразы: «Клянусь Богомъ, молодецъ!»—«Вотъ это—наука» и проч.), а потому можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію вещественныхъ доказательствъ.

— Вотъ здѣсь мы, во-первыхъ, имѣемъ пустой, холщевый мѣшокъ отъ дрови. На что это намъ указываетъ? На то, что преступленіе совершенно не изъ мести, а съ корыстными цѣлями, и что убійца былъ человѣкомъ не особенно интеллигентнымъ, пожалуй, даже простоватымъ. Почему мы дошли до такого убѣжденія? Да потому, что умный и развитой человѣкъ не поставилъ бы себѣ цѣлью обокрасть Бекнера, такъ какъ извѣстно, что у послѣдняго денегъ не было. Но, можетъ быть, преступникъ былъ не изъ числа здѣшнихъ обывателей? Спросимъ у мѣшка. Вотъ я вынимаю изъ него эту вещичку—кусокъ серебро-содержащаго кварца, какъ видите. Разсмотрите его, пожалуйста!.. Передайте сосѣдямъ... А теперь потрудитесь возвратить. Вамъ не безызвѣстно, разумѣется, что такого рода кварцъ находится только въ жилѣ, тянущейся на двѣ мили и предназначенной, по моему глубокому убѣжденію, прославить здѣшнюю мѣстность на весь міръ, а обывателямъ ея дать такое богатство, о которомъ трудно составить себѣ понятіе. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ знаетъ названіе этой жилы?

— Консолидированное, христіанское знаніе и Мэри Анна!—хоромъ отвѣчали присутствующіе.

Затѣмъ раздалось громовое «ура!», и рудокопы, со слезами на глазахъ, стали пожимать другъ другу руки, а Фергюсонъ воскликнулъ:

— Страйтъ-Флюшъ лежитъ какъ разъ на этой жилѣ и стоитъ теперь по сто-пятидесяти долларовъ за футъ, — слышите?

Когда спокойствіе возстановилось, Холмсъ продолжалъ:

— Итакъ, три факта являются окончательно установленными: убійца былъ простакомъ, человѣкъ недалекій; онъ принадлежитъ къ числу здѣшнихъ обывателей; мотивомъ къ преступленію служила корысть, а не личное чувство. Пойдемъ далѣе. Я держу въ рукахъ обрывокъ свѣжеобгорѣвшаго фитиля; что изъ этого слѣдуетъ? Сопоставляя нахожденіе его одновременно съ кварцемъ, я заключаю, что убійца ни кто иной, какъ рудокопъ, и что убійство совершено съ помощью взрыва. А такъ какъ я нашелъ фитиль въ шести футахъ отъ передней стѣны хижины — той, которая выходила на дорогу — то надо думать, что мина была заложена около этой стѣны.

— Теперь я держу въ рукѣ обгорѣвшую шведскую спичку — изъ тѣхъ, которыя зажигаются только при треніи о свою коробку. Я нашелъ ее на дорогѣ, въ 622 футахъ отъ взорванной хижины. Что изъ этого слѣдуетъ? Что мина была зажжена именно оттуда. А дальше что? А дальше то, что зажавшій ее былъ лѣвшя. Какъ я это узналъ? Къ сожалѣнію, не могу вамъ объяснить, джентльмены, какъ я узналъ. Это я узналъ потому, что признаки слишкомъ тонки, и только многолѣтній опытъ и глубокое изученіе даютъ мнѣ возможность подмѣчать ихъ. Но они здѣсь на лицо и являются тѣмъ болѣе удивительными, что, какъ извѣстно изъ исторіи крупныхъ уголовныхъ процессовъ — большинство убійцъ были лѣвшами.

— Вотъ такъ штука! — воскликнулъ Хамсъ Сэндвичъ, громко хлопнувъ рукою по колѣну. Будь я проклятъ, если когда-нибудь думать объ этомъ.

— Кому жъ придется въ голову. Ну ужъ, братъ, отъ этого не отвертись!

Посмотрите-ка на его глаза! — воскликнули другіе.

— Кромѣ того, джентльмены, — продолжалъ Холмсъ, какъ ни далеко стоялъ убійца отъ мѣста взрыва, онъ все-таки не избѣжалъ легкаго поврежденія. Его ушибло этимъ кускомъ дерева, который я держу въ рукахъ. Взгляните — на немъ кровь. Я поднялъ его на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго была зажжена мина.

Проговоривъ этотъ монологъ, Шерлокъ Холмсъ выпрямился, медленно обвелъ взглядомъ собраніе, затѣмъ вдругъ протянулъ руку въ одинъ уголь и воскликнулъ:

— Вотъ убійца!

Томительная пауза; всѣ смотрятъ по указанному направленію...

— Самми Хилеръ! — восклицаетъ вдругъ двадцать голосовъ. Не можетъ быть! Глупости! Онъ? Невозможно!

— Не торопитесь, джентльмены, не торопитесь! Поглядите на него хорошенько! Мнѣ кажется, что у него на лбу парापина!

Хилеръ стоялъ блѣдный, какъ смерть, и готовъ былъ расплакаться. ища сочувствія. Онъ поворачивалъ голову во всѣ стороны и, наконецъ, сложивъ руки какъ на молитву, обратился къ Холмсу.

— Ради Бога! Клянусь честью — я не виноватъ. А парापина на лбу...

— Констэбл! Арестуйте его! — вскричалъ Холмсъ. Я отвѣчаю за послѣдствія!

Констэбл нерѣшительно двинулся впередъ, но подумалъ и остановился.

Въ это время Самми увидалъ въ толпѣ Арчи Стильмана и крикнулъ ему:

— О, Арчи! Спасите меня! Это убьетъ маму! Вы знаете, какъ я раненъ, — скажите имъ, спасите меня!

Стильманъ протолкался впередъ и сказалъ:

— Да я васъ спасу, не бойтесь! Затѣмъ онъ обратился къ всей компаніи: Какъ онъ былъ раненъ, джентльмены, это къ дѣлу не относится, я и такъ докажу вамъ, что онъ къ нему совсѣмъ не причастенъ.

— Спаси васъ Богъ, Арчи! Вотъ истинный другъ!

— Ура для Арчи! Смѣлѣй, парень! Сбей съ нихъ спесь! — гаркнула вся компанія, гордясь, что въ ея средѣ нашлся талантливый и добросовѣстный человѣкъ, который способенъ заткнуть за поясъ пріѣзжую знаменитость. Патріотизмъ и здравый разумъ взяли верхъ надъ идолопоклонствомъ и сразу измѣнили настроеніе аудиторіи.

Подождавъ, чтобы шумъ утихъ, Арчи Стильманъ началъ:

— Пропу Тома Джеффриса стать у однѣхъ дверей, а констебля — у другихъ, и никого не выпускать отсюда.

— Готово! Продолжайте, старина!

— Преступникъ, вѣроятно, здѣсь. Я вамъ его покажу, если окажется, что не ошибся. А теперь расскажу вамъ, какъ произошло дѣло, съ начала до конца. Мотивомъ преступленія была не корысть, а месть. Преступникъ не простодушный человѣкъ, а напротивъ очень хитрый. Онъ не стоялъ въ 622 футахъ отъ взрыва. Онъ не былъ ушибленъ кускомъ дерева. Мина не была заложена у передней стѣны хижины. Найденный мѣшокъ не принадлежитъ преступнику, и этотъ послѣдній вовсе не лѣвшя. За исключеніемъ этихъ всѣ остальные выводы нашего знаменитаго гостя вполне справедливы.

Большинство слушателей улыбались, но знаменитый гость и ухомъ не повелъ, что называется.

— У меня также есть вещественное доказательство, продолжалъ Стильманъ, показывая кусокъ толстой проволоки, при чемъ всѣ вытянули шею, чтобы лучше видѣть, а потомъ я укажу вамъ мѣсто, гдѣ найдутся и другія. Конечъ этой проволоки покрытъ, какъ видите, тонкимъ слоемъ расплавленного стеарина. А вотъ еще наполовину сгорѣвшая свѣча. На ней сдѣланы нарѣзы, въ разстояніи одного дюйма другъ отъ друга. Сейчасъ я вамъ скажу, гдѣ нашелъ эти вещи, а теперь, отложивъ въ сторону всякія разсужденія, догадки, остроумные выводы, однимъ словомъ — весь арсеналъ бутфорскихъ принадлежностей сыскаго ремесла, я вамъ прямо расскажу, какъ все произошло.

Арчи помолчалъ немножко, чтобы сконцентрировать вниманіе слушателей, и затѣмъ продолжалъ:

— Преступнику не легко было выработать планъ дѣйствій. И это вышелъ хорошій планъ, даже гениальный, доказывающій участіе интеллекта весьма сильнаго. Онъ былъ рассчитанъ на устраненіе всякихъ подозрѣній отъ настоящаго виновника убійства. Прежде всего послѣдній взялъ свѣчку, зажегъ ее и опредѣлилъ время, потребное для сгоранія извѣстной ея части. При этомъ онъ нашелъ, что въ теченіе трехъ часовъ сгораетъ четыре дюйма свѣчи. Я вотъ сейчасъ только — здѣсь вверху, пока вы толковали о характерѣ Флинта Бѣкнера — повторилъ этотъ опытъ, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ не больше, какъ въ полчаса. Опредѣливъ на одной свѣчѣ скорость горѣнія, онъ потушилъ ее — вотъ это ея остатокъ, — а размѣтилъ на дюймы другую такую же.

— Затѣмъ онъ вставилъ послѣднюю въ оловянный подсвѣчникъ и, на мѣткѣ, соотвѣтствующей пяти-часовому горѣнію, проткнулъ раскаленной проволокой дыру. Вы видѣли эту проволоку — на ней и теперь сохранился слой застывшего стеарина.

— Съ трудомъ — съ большимъ трудомъ, надо признаться — протаскилъ потомъ преступникъ, сквозь густые кусты, идущіе въ гору отъ владѣній покойнаго Флинта Бѣкнера, пустую кадучку изъ-подъ муки. Помѣстивъ послѣднюю въ самой чащѣ, въ тридцати-пяти футахъ отъ хижины, онъ поставилъ на дно ея свою свѣчку. Затѣмъ отмѣрилъ тридцать пять футовъ фитиля, провернулъ вотъ этимъ буравчикомъ дыру въ стѣнкѣ кадучки, продержавъ сквозь нее фитиль, вставилъ одинъ его конецъ въ свѣчку, а другой проложилъ сквозь кусты къ хижинѣ. Такимъ образомъ одинъ конецъ фитиля оказался погруженнымъ въ боченокъ съ порохомъ, стоявшій подъ кроватью Флинта — я не могу этого доказать, но пари держу, что такъ было, — а другой былъ закрѣпленъ въ свѣчкѣ, рассчитанной на пяти-часовое горѣніе. Если свѣча была зажжена въ

восемь часовъ вчера вечеромъ, то взрывъ долженъ былъ произойти сегодня въ часъ ночи, какъ онъ и произошелъ въ дѣйствительности. Ребята! Кадушка и теперь стоитъ въ кустахъ. На днѣ ея стоитъ подсвѣчникъ съ остатками свѣчи. Въ дырѣ, повернутой буравомъ, сохранился пепель фитиля, а слѣды его идутъ отъ кадушки, внизъ по горѣ, до самой хижины. Я все это видѣлъ своими глазами, часъ или два тому назадъ, когда профессоръ производилъ свои измѣренія и собиралъ ничего не значащія вещественныя доказательства. Если хотите, то и вы сейчасъ можете видѣть все это.

Стильманъ умолкъ. Аудиторія радостно перевела духъ и разразилась привѣтственными криками.

— Ахъ, чортъ бы его побралъ! — воскликнулъ Хамъ Сэндвичъ, — такъ вотъ онъ зачѣмъ по кустамъ-то шлялся вмѣсто того, чтобы слѣдить за продѣлками профессора! Не дуракъ онъ, ребята!

— Нѣтъ, сэръ, не дуракъ! Тутъ самъ великій!..

Но Стильманъ попросилъ позволенія кончить.

— Это еще не все, джентльмены, — сказалъ онъ. Подготовивъ преступленіе, преступникъ позаботился и о томъ, чтобы скрыть орудія, служившія ему для подготовки. Эту проволоку, этотъ огарокъ пробной свѣчки и этотъ буравчикъ онъ зарылъ ярдахъ во ста отъ кадушки, въ сосновомъ лѣсу, гдѣ я ихъ и нашелъ. Буравчикъ какъ разъ приходится къ дырѣ въ кадушкѣ, а...

Но тутъ необыкновенный человѣкъ не выдержалъ и прервалъ Стильмана.

— Мы выслушали презанимательную сказку, джентльмены, — сказалъ онъ иронически, — весьма, весьма интересную. Но я бы теперь хотѣлъ задать нѣсколько вопросовъ этому молодому человѣку.

Нѣкоторые изъ компаніи подмигнули, а Фергюсонъ сказалъ:

— Боюсь, какъ бы нашему Арчи не досталось теперь...

Большинство, однако жъ, сохраняло полное спокойствіе.

— Попробуемъ разсмотрѣть эту сказку систематически и послѣдовательно, джентльмены, — началъ Холмсъ, — анализируемъ ее въ геометрической прогрессіи, такъ сказать, переберемъ одну подробность за другою, поведемъ правильную осаду, обложимъ со всѣхъ сторонъ эту игрушечную крѣпость, созданіе разстроеннаго воображенія. Для начала, я пока задамъ вамъ три вопроса, молодой человѣкъ, только три для начала... Вы, кажется, изволили сказать, что предполагаемая вами свѣчка была зажжена вчера, въ восемь часовъ вечера?

— Да, сэръ, около восьми.

— Вы, кажется, говорили точно, въ восемь?

— Нѣтъ, за такую точность не поручусь.

— Гм! Стало быть, человѣкъ, проходившій мимо даннаго мѣста въ восемь часовъ вечера, почти навѣрное долженъ былъ встрѣтить убійцу?

— Весьма возможно.

— Благодарю васъ. Пока это все. Я говорю—пока...

— Чортъ возьми, да онъ, кажется, хочетъ приняться за самого Арчи, — замѣтилъ Фергюсонъ.

— Похоже на то, — отвѣчалъ Хамъ Сэндвичъ, — мнѣ это не нравится.

Тѣмъ временемъ Стильманъ, смотря прямо въ глаза Холмса, сказалъ:

— Я самъ тамъ проходилъ въ половинѣ девятого, или нѣтъ! — около девяти.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это интересно, очень интересно! Можетъ быть, вы встрѣтились съ убійцей?

— Нѣтъ, я ни съ кѣмъ не встрѣтился.

— Гм! Въ такомъ случаѣ, извините меня, я не понимаю, зачѣмъ вамъ угодно было сообщить объ этомъ.

— Пока, я не стану объяснять вамъ причину, по которой я такъ поступилъ. Я говорю, пока.

Арчи помолчалъ немножко и потомъ продолжалъ:

— Убійцы я не встрѣтилъ, но напалъ на его слѣдъ. Я увѣренъ, что онъ находится въ этой комнатѣ, и попрошу всѣхъ пройти по очереди

предо мною, вотъ тутъ, гдѣ посвѣтлѣе, чтобы я могъ видѣть ваши ноги.

Всѣ охотно исполнили это требованіе и стали гуськомъ проходить передъ Арчи, который, прикрывъ глаза рукою отъ прямого свѣта, дѣлалъ видъ, что вглядывается въ ихъ ноги. Холмсъ смотрѣлъ на эту процедуру, стараясь показать, что съ трудомъ сдерживается отъ смѣха.

Пятьдесятъ человѣкъ прошли безъ всякаго результата, затѣмъ шестьдесятъ, семьдесятъ; попытка начинала казаться нелѣпою.

— Должно быть, убійцы не часто встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, — иронически замѣтилъ знаменитый гость.

Аудиторія вознаградила эту иронію искреннимъ смѣхомъ.

Еще десять или двѣнадцать кандидатовъ въ обвиняемые прошли — или скорѣе протанцовали — мимо Арчи, съ такими ужимками, которыя заставляли смѣяться окружающихъ; наконецъ, Сильманъ поднялъ руку и сказалъ:

— Вотъ убійца!

— Фетлокъ Джонсъ! — воскликнула толпа, сразу разразившись множествомъ разнообразныхъ замѣчаній, вызванныхъ неожиданностью.

Въ самомъ разгарѣ шумныхъ толковъ, Шерлокъ Холмсъ махнулъ рукою и попросилъ вниманія. Авторитетъ великаго имени былъ еще силенъ повидимому — всѣ немедленно повиновались.

— Это слишкомъ серьезное обвиненіе, — сказалъ Холмсъ. Не забудьте, что дѣло идетъ о жизни, и о жизни человѣка невиннаго, стоящаго выше всякихъ подозрѣній! Я вамъ сейчасъ докажу это; замѣтите, какъ легко мнѣ будетъ судить построенный на нашихъ глазахъ карточный домикъ. Слушайте! Друзья мои! Я вчера ни на одну минуту не терялъ изъ вида того парня, котораго теперь обвиняютъ!

Это заявленіе произвело глубокую сенсацию. Всѣ глаза съ суровымъ упрекомъ обратились на Сильмана,

но онъ не сконфузился, а напротивъ какъ бы повеселѣлъ.

— Да вѣдь убійца былъ не одинъ, — сказалъ онъ, а затѣмъ, подойдя къ столу и взглянувъ сначала на ноги Холмса, потомъ на его лицо, продолжалъ:

— Съ нимъ были вы! Вы стояли въ пятидесяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ зажигалъ свѣчку, дожидаясь взорвать порохъ! (сенсация). Даже болѣе — вы сами дали ему спичку!

На этотъ разъ, гость видимо былъ сбитъ съ позиціи. Онъ хотѣлъ говорить, но слова не шли съ его языка.

— Это... это... сумасшествіе... это... — бормоталъ онъ.

Сильманъ тѣмъ временемъ вынулъ обгорѣлую спичку.

— Вотъ одна изъ нихъ, — сказалъ онъ, — я нашелъ ее въ кадушкѣ, гдѣ и до сихъ поръ лежитъ другая.

— Да, коли вы сами туда подложили! — воскликнулъ овладѣвшій собою гость.

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ ловко, но Сильманъ его отпарировалъ.

— Да вѣдь онъ восковья, — сказалъ онъ, — такихъ въ нашемъ поселкѣ никогда не бывало. Я готовъ сейчасъ же подвергнуться обыску. А вы?

Самые ненаблюдательные люди замѣтили, что гость даже вздрогнулъ при этомъ предложеніи и судорожно сжалъ свои руки. Аудиторія, затаивъ дыханіе, ждала его отвѣта, но онъ молчалъ, еще болѣе подчеркивая безвыходность своего положенія.

— Мы ждемъ, — вѣжливо сказалъ Сильманъ.

Молчаніе еще нѣсколько секундъ не прерывалось, а затѣмъ гость сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Я не желаю, чтобы меня обыскивали.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ дѣло. Всѣ кругомъ зашептались.

— Конечно! Теперь Арчи его проглотить, — сказалъ кто-то.

Никто, однако, не зналъ — что же теперь дѣлать? Къ такому неожиданному обороту дѣла никто не пригото-

вился, да и вообще - то рудокопы, не отличались опытностью въ судебныхъ дѣлахъ и потому теперь совсѣмъ стали въ тупикъ. Мало-по-малу, однако жъ, машина заработала—кучки людей, по-двое—по-трое, пошептавшись между собою, стали высказывать различныя предложенія, изъ коихъ одно почти всѣми было встрѣчено сочувственно. Это предложеніе состояло въ томъ, чтобы вотировать убійцѣ Бѣкнера общественную благодарность и отпустить его съ Богомъ на всѣ четыре стороны. Болѣе хладнокровные люди воспротивились, однако жъ, такому простому рѣшенію вопроса, говоря, что пшоголовые обыватели Восточныхъ Штатовъ, пожалуй, еще сочтутъ его скандальнымъ и поднимутъ шумъ изъ-за пустяковъ. Эти хладнокровные люди очутились, въ концѣ концовъ, впереди всѣхъ и заставили компанію вотировать свое собственное предложеніе, гласящее, что Фетлокъ Джонсъ долженъ быть арестованъ и судимъ.

Большинствомъ голосовъ такое постановленіе было принято, и всѣ очень обрадовались, такъ какъ на сегодняшній день дѣлать было больше нечего, а между тѣмъ всѣмъ очень хотѣлось поскорѣе бѣжать на мѣсто катастрофы и собственными глазами убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи кадушки со свѣчкой и прочаго.

Не тутъ-то было, однако жъ. Сюрпризы еще не кончились, и закрыть засѣданіе не удалось. Фетлокъ Джонсъ, который тихо плакалъ въ уголкѣ до произнесенія приговора объ арестѣ, теперь вдругъ заговорилъ.

— Не нужно, не нужно!—воскликнулъ онъ,—не хочу я ни тюрьмы, ни суда! Повѣсьте меня лучше сразу! Все равно придется повѣситься по суду—меня ничто спасти не можетъ! Онъ говорилъ правду. Разсказалъ такъ, какъ будто бы былъ вмѣстѣ со мною и вѣе видѣлъ. Я не понимаю, какъ онъ могъ узнать подробности, но разсказалъ ихъ вѣрно -и кадушку, и свѣчу вы найдете на своемъ мѣстѣ, Да я и не запираюсь—я убилъ Флинта! И вы бы давно его убили, если бы вы-

терпѣли отъ него то, что я терпѣлъ, будучи слабымъ, бѣднымъ, одинокимъ мальчикомъ!

— Да еще служившимъ ему вѣрой и правдой,—сказалъ Хамъ Сэндвичъ. Послушайте, ребята...

— Къ порядку, къ порядку, джентльмены!—воскликнулъ констэбль.

— Зналъ ли вашъ дядя, что вы затѣяли?—крикнулъ голосъ изъ толпы.

— Нѣтъ, не зналъ.

— А вѣдь спички онъ вамъ далъ?

— Спички онъ далъ, но онъ не зналъ, зачѣмъ онъ мнѣ нужны.

— Какъ же вы, отправляясь по такому дѣлу, рѣшились взять съ собой его—извѣстнаго сыщика?

Мальчикъ постоялъ немного въ нерѣшимости, теребя свои пуговицы, а потомъ сказалъ сухимъ тономъ:

— Я хорошо знаю сыщиковъ, такъ какъ состою въ родствѣ съ ними. Если вы хотите, чтобы сыщикъ не открылъ вашего дѣла, такъ возьмите его съ собою.

Гомерическій хохотъ, привѣтствовавшій это правило наивной мудрости, не развеселилъ, однако жъ, самого несчастнаго мудреца.

IV.

Изъ письма къ мистрессѣ Стильманъ.

Вторникъ.

....Въ ожиданіи суда, Фетлокъ Джонсъ былъ запертъ въ пустой хижинѣ. Констэбль Гаррисъ снабдилъ его провизіей на два дня, поручилъ ему стеречь самого себя и обѣщать понавѣдаться, когда вся провизія выйдетъ.

На другое утро, человѣкъ двѣнадцать изъ насъ помогали Хильеру зарыть его покойнаго пріятеля, никѣмъ болѣе не оплакиваемаго Бѣкнера. Я игралъ при этомъ роль второго могильщика, тогда какъ первымъ былъ Самми. Мы уже кончали свою работу, какъ вдругъ откуда-то появился хромоу старичекъ-прохожій, въ изорванномъ костюмѣ и съ потертымъ сакомъ въ рукахъ. При его появленіи я сейчасъ же услышалъ тотъ запахъ, слѣдя за

которымъ, мнѣ пришлось объѣхать весь земной шаръ! Вотъ она—цѣль моихъ многолѣтнихъ преслѣдованій и сначала жестокой ненависти, а потомъ мучительнаго состраданія!

Я въ одну минуту былъ около него и положилъ ему руку на плечо. При этомъ онъ тотчасъ же упалъ на землю, какъ пораженный громомъ, а когда ребята сбѣжались, чтобы узнать, что случилось, то онъ сталъ на колѣна, сложилъ руки и, обращаясь ко мнѣ, униженно просилъ не преслѣдовать его болѣе:

— Вы охотились за мною по всему свѣту, Шерлокъ Холмсъ,—сказалъ онъ,—но я, ей Богу, никогда, никому не дѣлалъ никакого зла!

Уже по глазамъ было видно, что онъ сумасшедшій. И это я светлъ его съ ума, матушка! Развѣ только извѣстіе о вашей кончинѣ поразило бы меня такъ, какъ я былъ пораженъ въ эту минуту!

Ребята собрались вокругъ насъ, подняли его на ноги и утѣшали, чѣмъ могли, говоря, что онъ теперь среди друзей, что они его никому не выдадутъ, будутъ о немъ заботиться и повѣсятъ каждого, кто рѣшится бы причинить ему вредъ. Право, грубые рудокопы становятся нѣжнѣйшими созданиями, если кто-нибудь сумѣетъ пробудить въ нихъ хорошія стороны ихъ души! Совершенно такъ же, какъ капризные и буйные дѣти.

Никакіе уговоры, однако жъ, не помогали намъ успокоить старика, до тѣхъ поръ, пока Фергюсонъ, ловкій политикъ, не сказалъ ему:

— Если вы боитесь Шерлока Холмса, такъ теперь можете вполне успокоиться.

— Почему?—живо спросилъ помѣшанный.

— Да потому, что онъ уже умеръ.

— Какъ умеръ?! О, не шутите, пожалуйста, съ такимъ несчастнымъ человекомъ, какъ я! Неужели онъ умеръ? Скажите, ребята, по чести, не мучьте меня!

— Да ужъ будьте покойны, не встанетъ!—сказалъ Хамъ Сэндвичъ.

— На прошлой недѣлѣ его повѣсили въ Санъ-Бернардино,—добавилъ Фергюсонъ,—приняли за другого. Теперь и каются, да ничего не подѣлаешь.

— Памятникъ ему хотятъ ставить,—сказалъ Хамъ Сэндвичъ, съ видомъ человека, твердо убѣжденнаго въ томъ, что говоритъ.

Несчастный «Джемсъ Уокеръ» сразу повеселѣлъ, и даже глаза его отчасти потеряли дикое выраженіе. Мы съ Хильеромъ привели его къ себѣ, переодѣли съ ногъ до головы въ наше платье, накормили и затѣмъ, придя немного въ себя, онъ намъ разсказалъ свою исторію. Вотъ она, въ краткихъ словахъ:

Исторія «не того» человека.

— Жилъ я въ Денверѣ и прожилъ тамъ много лѣтъ. Иногда помню, сколько именно, иногда—забываю. Но это не важно. Вдругъ получается приказаніе выѣхать, если я не хочу, чтобы меня предали суду за преступленіе, совершенное давнымъ давно, тому назадъ на Востока. Я зналъ объ этомъ преступленіи, только не я его совершилъ, а мой родственникъ, носившій то же имя. Что мнѣ было дѣлать? Очень ужъ я испугался—голова пошла кругомъ... И времени-то дали немного—всего одинъ день, кажется. Вѣдь меня бы линчевали, если бы народъ узналъ о преступленіи, въ которомъ я обвиняюсь. Никто бы мнѣ не повѣрилъ. При линчеваніи всегда вѣдь такъ—потомъ-то всѣ каются, да ужъ поздно. Вотъ какъ съ Холмсомъ теперь. Ну, я рѣшилъ все продать да и бѣжать, а потомъ вернуться съ доказательствами моей невинности. Такъ и сдѣлалъ—бѣжалъ ночью и долго скрывался въ горахъ подъ чужимъ именемъ.

— А тутъ мнѣ стали слышаться разные голоса, да духи какіе-то появились... Голова совсѣмъ работать отказалась... Что дальше, то хуже. Сначала голоса были только ночью, а потомъ пошло ужъ и днемъ... Просто покою не давали... Собирутса кругомъ и мѣшаютъ... Спать мѣшаютъ, работать не даютъ.

— Наконецъ, уже совсѣмъ худо стало. Одинъ какой-то шепчетъ: «Такъ мы его никогда не поймаетъ, потому что видѣть не можемъ»; а другой отвѣчаетъ: «Надо выписать Шерлока Холмса, онъ черезъ двѣнадцать дней будетъ здѣсь». Ну, у меня тутъ сердце упало. Я слыхалъ объ этомъ сыщикѣ и думаю, что если они его на меня настроятъ, то ужъ мнѣ капутъ.

— Люди отправились за Холмсомъ, а я въ ту же ночь бѣжалъ, взявъ съ собою только ручной сакъ съ тридцатью тысячами долларовъ... Двѣ трети этихъ денегъ и теперь лежатъ въ сакѣ... Дней черезъ сорокъ Холмсъ попалъ таки на мой слѣдъ. Едва я успѣлъ ускользнуть и то только потому, что во-время догадался: онъ въ одной гостиницѣ прописалъ свое имя, потомъ выскоблilъ его начисто и росписался «Даджетъ Барклай»... Ну, — меня не обманешь—у страха глаза... зоркіе... Я догадался и сталъ отъ него бѣгать.

— Три съ половиной года гонялъ онъ меня по всему свѣту. Америка, Австралія, Индія, а потомъ опять Мексика, Калифорнія... вездѣ. Покою не давалъ. Еще хорошо, что я угадывалъ его подъ всѣми именами, которыми онъ росписывался въ гостиницахъ... Только благодаря этому, я еще живъ... Но зато усталъ!.. Охъ, какъ усталъ!.. А вѣдь, клянусь Богомъ, никому никакого зла не сдѣлалъ!

Вотъ и вся исторія. Всѣхъ она расстрогала, а ужъ что касается меня, такъ каждое слово несчастнаго старика падало на мою душу, какъ расплавленный свинецъ.

Ребята рѣшили, что старикъ будетъ жить со мной и Хильеромъ, я же, разумеется, позабочусь о томъ, чтобы откормить и успокоить его, а когда онъ поправится—отвезу въ Денверъ и вознагражу за всѣ имущественныя потери.

Чуть не раздавивъ руки старика своими сердечными рукопожатіями, наши ребята разошлись по поселку.

На утро Фергюсонъ и Хамъ Сэндвичъ вызвали насъ на улицу и сообщили по секрету:

— Слухъ о приключеніяхъ старика распространился по округу. Народъ собирается отовсюду, чтобы линчевать профессора. Констэбль Гаррисъ потерялъ голову и телеграфировалъ шерифу. Бѣжимъ туда скорѣе.

Мы побѣжали. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ, какъ вы можете себя представить, вовсе не хотѣлось, чтобы Шерлокъ Холмсъ былъ повѣшенъ по недоразумѣнію, за мою ошибку. Я надѣялся, что шерифъ, о которомъ ходили хорошіе слухи, подоспѣетъ во-время. Но удастся ли ему предотвратить линчеваніе?

— А что онъ сумѣетъ справиться съ толпой?—спросилъ я.

— Справится ли съ толпой Джекъ Фэрфаксъ? Да откуда вы пріѣхали? Бывшій desperado — девятнадцать скальповъ у него на счету—да чтобы не справился!

По мѣрѣ нашего приближенія къ центру поселка, отдаленные крики и возгласы становились все слышнѣе, а на самой площадкѣ, передъ таверной, они прямо оглушали. Огромная толпа народа стояла на этой площадкѣ. Помимо обывателей нашего поселка, къ ней примѣшались еще грубые оборванцы изъ Дэли-Горджа, и они-то завладѣли теперь Холмсомъ. Замѣчательный человѣкъ оказался дѣйствительно замѣчательнымъ, по тому спокойствію, съ которымъ онъ держалъ себя въ эту критическую для него минуту. Не смотря на близость смерти, презрительная улыбка играла на его губахъ, и если сердце его не было чуждо страха, то чисто британское самообладаніе не позволяло этому чувству ни въ чемъ проявиться.

— На голоса, ребята, на голоса!—кричалъ одинъ изъ дэли-горджцевъ, Чадбелли Хиггинсъ. Скорѣй! Повѣсить его или пристрѣлить?

— Ни то, ни другое!—гаркнулъ кто-то изъ товарищей Хиггинса,—онъ тогда опять черезъ недѣлю оживетъ. Вотъ съжечь его, такъ это будетъ прочно!

— Съжечь, съжечь!—заорала толпа, тѣсняясь вокругъ Холмса.

Согласно этому приговору, послѣдній быть тотчасъ же привязанъ къ коновязи и по самую грудь обложенъ словыми вѣтвями и шишками. Суровое лицо его, однако же, и тогда не поблѣднѣло, а на губахъ играла все та же презрительная усмѣшка.

Спичекъ! Давай спичекъ!

Десятки рукъ протянулись со спичками, и Чадбелли, зажегши одну изъ нихъ и заслоняя ее рукою отъ вѣтра, сталъ поджигать основную шишку. Толпа молча смотрѣла. Черезъ нѣсколько секундъ отъ шишки потянулся легонькій дымокъ, въ то же время мы услышали хотя отдаленный, но быстро приближавшійся топотъ копытъ. Взыволнованная ожиданіемъ толпа этого не замѣтила. Между тѣмъ шишка, хотя и тлѣвшая, не загоралась, а спичка погасла. Чадбелли зажегъ другую, потомъ сталъ раздувать тлѣвшее мѣсто и, наконецъ, добился цѣли: шишка вспыхнула. Еще минута, и она будетъ брошена въ костеръ... Многіе стали съ ужасомъ отворачиваться... Но лошадиный топотъ раздавался уже на площадкѣ.

— Шерифъ! — воскликнулъ кто-то сзади, и почти въ то же мгновеніе въ самую середку толпы ворвался всадникъ. Сразу осадивъ свою лошадь, онъ громовымъ голосомъ воскликнулъ:

— Прочь, мерзавцы!

Всѣ тотчасъ же повиновались, кроме Хиггинса, выхватившаго револьверъ.

— Руки по швамъ, негодяй! Тушить огонь! Отвязывай живѣй! — крикнулъ шерифъ, наѣзжая на него лошадей.

Негодяй принужденъ былъ подчиниться. Тогда шерифъ, продолжая сидѣть на лошади въ воинственной позѣ, сталъ говорить рѣчь. Голоса онъ при этомъ не повысилъ, никакого особеннаго гнѣва не проявилъ, а говорилъ просто, кратко, даже однообразно, но въ самомъ тонѣ его слышалось презрѣніе и вполне увѣренная сила.

— Хороши голубчики! — говорилъ онъ, — всѣхъ бы васъ да на одну оси-

ну съ этимъ скотомъ Чадбелли Хиггинсомъ, который способенъ нападать на людей только сзади, а хвастается что онъ—desperado. Чего я выносить не могу, такъ вотъ эту чернь, любительницу линчеванія! Никогда не встрѣчалъ въ ней ни одного порядочнаго человѣка. Накинутся сто человѣкъ на одного, да еще куражуются. Всѣ трусы поганые; да и шерифъ-то, въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, немногимъ лучше.

Онъ помолчалъ немножко, какъ бы смакуя это мнѣніе, а затѣмъ продолжалъ:

— Шерифъ, который позволить подлой черни распорядиться съ кѣмъ-нибудь посвоему — вдвойнѣ мерзавецъ. А по статистическимъ свѣдѣніямъ за прошлый годъ въ Америкѣ было сто восемьдесятъ два такихъ подлеца. Захворали, видите ли, а потому просмотрѣли. Скоро, должно быть, новая болѣзнь объявится шерифская. Эта идея очень ему понравилась. «Что нашъ шерифъ-то опять боленъ?» будутъ спрашивать. «Да, заразился бѣдняжка». А потомъ и вовсе вмѣсто: «нашъ шерифъ» будутъ говорить: «нашъ трусъ». Господи ты Боже мой, да неужели взрослый человѣкъ можетъ испугаться толпы мерзавцевъ?

Затѣмъ, обратившись къ Шерлоку Холмсу, который давно уже стоялъ передъ нимъ развязанный, шерифъ спросилъ:

— Кто вы такой и чего надѣлали?

— Меня зовутъ Шерлокъ Холмсъ, и я ничего не надѣлалъ!

Это имя произвело удивительное впечатлѣніе на шерифа. Съ глубокимъ чувствомъ высказалъ онъ, что считаетъ позоромъ для всей страны, оскорбленіемъ зеленаго флага, такое обращеніе съ человѣкомъ, славою котораго полонъ весь міръ, не говоря уже про то, что онъ гость въ этой странѣ. Затѣмъ, отъ имени цѣлой націи, шерифъ просилъ прощенія у Холмса, поручилъ констабля Гаррису проводить его на квартиру и, подъ личною отвѣтственностью, наблюдать за его спокойствіемъ.

Покончивъ съ Холмсомъ, шерифъ опять обратился къ толпѣ.

— Ну, крысы! Маршъ по щелямъ!— сказалъ онъ, а затѣмъ, повернувшись къ Чадбелли Хиггинсу, прибавилъ:— А вы— пожалуйста за мной; я самъ займусь вами. Можете оставить вашъ револьверъ при себѣ. Если бы я боялся допустить васъ, съ этой штукой въ рукахъ, идти сзади меня, то былъ бы причисленъ къ прошлогоднимъ ста восьмидесяти двумъ.

Съ этими словами онъ тронулъ лошадей и поѣхалъ шагомъ впередъ, а Чадбелли покорно потащился сзади.

Возвращаясь домой завтракать, мы узнали, что Фетлокъ Джонсъ ушелъ ночью изъ-подъ ареста! Никто объ этомъ не пожалѣлъ, конечно. Пускай дядюшка ищетъ его, если хочетъ, а для поселка онъ совсѣмъ не интересенъ.

V.

Десять дней спустя. «Джемсъ Уокеръ» физически очень поправился и даже сталъ гораздо разумнѣе. Завтра утромъ мы съ нимъ уѣзжаемъ въ Денверъ.

На слѣдующее утро (коротенькая записочка, на клочкѣ бумажки, посланная со станціи желѣзной дороги). Прощаясь, сегодня утромъ, Самми Хильеръ шепнулъ мнѣ: преступленіе, о которомъ говорилъ Уокеръ, было дѣйствительно совершено его родственникомъ. Мы съ вами вмѣстѣ хоронили настоящаго преступника—несчастнѣйшаго въ мірѣ человека, Флинта Бѣкнера. Подлинное его имя было: Яковъ Фуллеръ!» Такъ вотъ какъ, матушка, я же и рылъ могилу для вашего мужа, а моего отца. Миръ его душѣ!

«Но какъ я тщеславна! Смѣло предлагая свою помощь, я, въ сущности, замираю отъ страха, что она окажется ненужною. Вы сами лучше знаете, что дѣлать. Можетъ быть, эта дама недостойна вашей любви. Это, конечно, препятствіе неустранимое. Вы стоите слишкомъ высоко и должны думать о своемъ дѣлѣ, о народѣ. Но любящая женщина всегда способна подняться до уровня любимого ею человѣка. Хотя и это, можетъ быть, только одинъ миражъ, обманъ чувствъ...

«Видите, какъ легко ошибиться! Да и ошибешься, такъ ничего не подѣлать: «непо-хорошу милѣ, а по-милу хорошѣ», говорятъ пословица. Но я точно муха, старающаяся пролетѣть въ освѣщенную комнату сквозь кисейныя занавѣси. Почему бы вамъ не пустить меня въ эту комнату? Пустите! Пустите! Пустите!

«Да у меня и кромѣ того есть о чемъ поговорить съ вами. Помните, вы разсказывали мнѣ, какъ выгнали отъ себя господина М.? Онъ сдѣлался вслѣдствіе этого шпиономъ и былъ посланъ въ Англію. Знайте, что тамъ онъ наводилъ о васъ справки и узналъ что-то очень важное. Всякій день отъ него можно ждать какой-нибудь гадости, и если вы ко мнѣ не придете, то я явлюсь къ вамъ, не смотря ни на какіе протесты.

«Завтра открывается Парламентъ, и я уже запаслась билетомъ въ придворную трибуну, такъ что буду витать надъ вами въ облакахъ шельма и благоуханій! Доброй ночи. Ваша бѣдная, изумленная и встревоженная сестра.

Ромъ».

V.

На слѣдующее утро Давидъ Росси облекся во фракъ — официальную одежду депутатовъ, но еще прежде чѣмъ отправиться въ Парламентъ написалъ отвѣтъ на вчерашнее письмо Ромы.

«Дорогая Рома. Если что -нибудь могло прибавить горечи къ ощущаемой мною необходимости прервать сношенія, которыя доставили мнѣ столько блаженства, такъ это тонъ вашего очаровательнаго письма. Вы спрашиваете, хороша ли женщина, которую я люблю. Она болѣе чѣмъ хороша — она прелестьна, чиста, благородна и правдива. Душа ея вся въ ея глазахъ.

«Вы спрашиваете, знаетъ ли она, что я люблю ее. Я никогда не говорилъ ей этого и если бы могъ надѣяться, что она догады-

вается, то вышелъ бы нѣкоторое утѣшеніе въ чувствѣ нисколько не похожемъ на гордость. Вы спрашиваете, достойна ли она моей любви. Она достойна любви не только моей, но самаго лучшаго человѣка, который когда-либо существовалъ или будетъ существовать.

«Но если бы она даже была не такова, если бы и была грѣшницей, какъ вы говорите, то кто же я такой, чтобы судить ее? Я не принадлежу къ числу людей, которые думаютъ, что только мужчина можетъ испить свое прошлое, а женщина — нѣтъ. Я не раздѣляю того мнѣнія, что женщину, успѣвшую выбраться изъ грязи, слѣдуетъ обратно столкнуть туда. И если она грѣшила такъ же, какъ я грѣшилъ, и страдала, какъ я страдалъ, то я буду молить Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силу возстать противъ нашихъ общихъ грѣховъ за насъ обоихъ, потому что я люблю ее, и мы оба составляемъ одно цѣлое.

«Но она не такова. Она чиста, правдива, смѣла, благородна и великодушна: въ ней нѣтъ грѣха — иначе она не была бы дочерью своего отца, благороднѣйшаго человѣка, который когда-либо существовалъ на землѣ. Нѣтъ, причина необходимости разлучиться лежитъ во мнѣ самомъ, въ томъ положеніи, въ которое я себя поставилъ.

«А все же мнѣ страшно тяжело своими руками воздвигнуть то препятствіе, которое насъ раздѣляетъ, и даже не могу сказать о немъ ничего кромѣ того, что оно неустрашимо и непреодолимо. Я обманывалъ бы самого себя, если бы надѣялся, что время можетъ его сгладить. Я тщетно старался помирить его какъ-нибудь съ чувствомъ, заставлявшимъ меня всѣми силами держаться за единственное счастье моей жизни.

«Идти къ ней лично и объяснить ей я не могу, потому что именно въ личныхъ-то сношеніяхъ и лежитъ та опасность, которой я стараюсь избѣжать. Я становлюсь такъ слабъ въ ея присутствіи! Даже прикосновеніе ея платья заставляетъ меня дрожать съ головы до ногъ, а когда глаза мои встрѣчаютъ взглядъ ея ясныхъ очей, то я становлюсь рабомъ страсти, съ которою не могу бороться.

«Нѣтъ, не легкомысленно и безпричинно рѣшился я на шагъ, лишаящій меня единственнаго счастья на землѣ и заставляющій пожертвовать любовью долгу. Я люблю ее, люблю всею душой и сердцемъ, именно по-

этому и больше ради нея, чѣмъ ради меня. мы не должны болѣе встрѣчаться.

«Я обратилъ вниманіе на вашу замѣтку относительно г. М., но я о немъ не особенно безпокоюсь. Въ Лондонѣ никто не можетъ знать Давида Росси и привести его имя въ связь съ другимъ, о которомъ вы думали. Прощайте же еще разъ! Господь да сохранитъ васъ подъ Своей святой десницею!

Д. Р.

Написавъ это письмо, Давидъ тщательно его запечаталъ и, отправляясь на открытіе Парламента, самъ бросилъ въ ящикъ.

VI.

День былъ прекрасный, и городъ нестрѣлъ флагами въ честь короля. Онъ долженъ былъ прибыть въ Палату депутатовъ, какъ наиболѣе многочисленную и значительную изъ двухъ. Но всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ Парламенту, толпились народъ, но площадь передъ самымъ зданіемъ была пуста, благодаря шпалерамъ изъ войскъ. Балконы и окна, однако жъ, выходящіе на эту площадь, были утѣлены публикой.

Почетный караулъ выстроился у подъѣзда, и два часовыхъ гвардейца, въ блестящихъ шлемахъ, стояли по бокамъ главной двери, къ которой безпрестанно подъѣзжали экипажи, выгружая депутатовъ и приглашенныхъ зрителей. Тутъ же вертѣлись репортеры газетъ, отмѣчавшихъ въ своихъ записныхъ книжкахъ имена особенно выдающихся посѣтителей. Многіе депутаты прихотили, пѣшкомъ, и толпа, узнавая ихъ, приветствовала негромкими криками.

Идя со стороны, противоположной дворцу, Давидъ Росси не встрѣчалъ толпы до самаго зданія Парламента, въ которое проникъ никакъ незамѣченный, черезъ маленькую дверку съ боковой улицы. Залъ засѣданій былъ уже полонъ и шумѣлъ, какъ улей. Разодѣтыя дамы, военные въ мундирахъ, дипломаты, увѣщенные орденами, сенаторы и депутаты, въ бѣлыхъ галстухахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, сѣлиши занимать мѣста, раскланиваясь другъ съ другомъ и перекидываясь короткими фразами.

Залъ этотъ былъ полукруглый, съ рядами скамеекъ, поднимающимися амфитеатромъ и покрытыми краснымъ бархатомъ. На сторонѣ, противоположной амфитеатру, находилась широкая платформа, съ краснымъ

бархатнымъ балдахинномъ и золотымъ треномъ, на спинкѣ котораго красовался шитый золотомъ Савойскій крестъ. По верху, подъ карнизомъ стѣны или галлерей для репортеровъ и зрителей, а все вмѣстѣ было открыто стекляннымъ куполомъ.

Давидъ Росси пробрался къ своему обычному мѣсту между депутатами — въ самомъ углу лѣвой стороны отъ трона, какъ разъ противъ трибуны, отведенной для придворныхъ. Съ минуты своего прихода онъ ни разу не взглянулъ на эту трибуну, но, тѣмъ не менѣе, ясно видѣлъ въ ней граціозную женскую фигуру въ сѣромъ платьѣ и черной шляпкѣ, ярко освѣщенную солнцемъ и не сводившую съ него глазъ.

Рядомъ съ ней сѣдѣли красавицы съ большими, восточными глазами, и молодые депутаты изъ зала безъ всякой церемоніи лорнировали ихъ, передавая другъ другу бивоклы. Крутомъ всѣ болтали, смѣялись и жестикулировали. Настроение зала было легкое, праздничное, напоминавшее театръ или танцевальный вечеръ.

Часы надъ репортерской галлереей показывали семь минутъ перваго, когда стѣны зала вздрогнули отъ пушечныхъ выстрѣловъ — это замокъ св. Ангела салютовалъ королевскому поѣзду. Почти въ ту же минуту до слуха присутствующихъ долетѣли слабые звуки національнаго гимна, которымъ король былъ встрѣченъ у подъѣзда. Въ залѣ все смолкло, и среди мертваго молчанія всѣ присутствующіе встали.

Нѣсколько секундъ напряженного ожиданія; трубы въ коридорѣ играютъ встрѣчу, и въ залѣ входятъ король, привѣтствуемый криками и аплодисментами. Король — молодой человѣкъ въ генеральской формѣ, съ блѣднымъ, измученнымъ заботами и трудами лицомъ. По сторонамъ его идутъ два гвардейскихъ офицера, держа въ рукахъ своя шлемы съ перьями, а зади слѣдуетъ кучка министровъ. За министрами въ залѣ входитъ высокая красавица королева, окруженная цѣлой свитой дамъ.

Король сѣлъ на тронѣ, подъ балдахинномъ, королева со своими дамами помѣстилась на той же платформѣ, справа, а министры — слѣва. Всѣ вновь прибывшіе, не исключая короля, на лицѣ котораго какъ бы замерла натянутая улыбка, поклонились собранію.

Баронъ Бонелли, въ придворномъ мундирѣ, покрытомъ орденами, сталъ рядомъ съ

трономъ. Во всей центральной группѣ одинъ онъ представлялъ собою покойную, полную достоинства и самообладанія фигуру. Когда крики стали затихать, то онъ, отъ имени его величества, предложилъ собранію сѣсть и затѣмъ подаль королю листъ бумаги.

Это была тронная рѣчь. Король прочелъ ее слабымъ, прерывающимся, нервнымъ голосомъ, не совсѣмъ подходящимъ къ стилю и смыслу читаемаго, такъ какъ рѣчь была написана твердымъ, выразительнымъ и даже нѣсколько цвѣтистымъ языкомъ.

Она состояла изъ четырехъ частей. Вѣ первой король благодарилъ Бога за то, что эта страна находится въ наилучшихъ отношеніяхъ со всѣми иностранными государствами, и выражалъ надежду на дальнѣйшее сохраненіе всеобщаго мира. Во второй части говорилось о необходимости увеличить армию.

— Я дорожу арміей, — говорилъ король, — въ той же степени, въ которой ею дорожили мои предки. Мой знаменитый дѣдъ, даровавшій странѣ свободу, былъ солдатъ; мой незабвенный родитель былъ тоже солдатъ, и я считаю для себя честию быть солдатомъ. Армія есть залогъ нашей свободы и защитница нашихъ правъ. На силу и стойкость арміи опирается наше вліяніе за границею и авторитетъ всѣхъ учреждений внутри страны. Я твердо рѣшился поддерживать армию въ будущемъ такъ же, какъ предки мои поддерживали ее въ прошломъ, и потому мое правительство предложитъ вамъ билль о качественномъ ея улучшеніи и количественномъ увеличеніи.

Это мѣсто рѣчи было встрѣчено громкими аплодисментами и маханіемъ платковъ. Нѣкоторыя дамы плакали.

Третья часть рѣчи касалась распространения анархистскихъ ученій въ странѣ.

— Моя династія, — сказалъ король, — дала націю свободу, а на мнѣ лежитъ обязанность обезпечить за нею спокойствіе и силу. Парламенту не безызвѣстно, что не только въ одной Италіи, но и во всей Европѣ, во всемъ свѣтѣ, давно уже появились безпокойные элементы, съ помощью самыхъ дьявольскихъ махинацій стремящіеся къ разрушенію всякаго порядка, божескаго и человѣческаго. Хладнокровные, расчетливые злодѣи повсюду совершаютъ самыя возмутительныя преступленія, направляя свою злобу на самыхъ невинныхъ и высокопоставленныхъ

людей. Этому надо положить конецъ. Мое правительство потребуетъ отъ васъ неограниченныхъ полномочій на расправу съ такими злодѣями. Если вы хотите обезпечить въ странѣ спокойствіе, то должны усилить власть, которой страна вручила заботы о своей безопасности.

Страшный взрывъ криковъ и аплодисментовъ прервалъ короля на этомъ мѣстѣ. Опустивъ руку съ рѣчью внизъ, онъ поднялъ голову, взглянулъ на свою аудиторію и улыбнулся ей прежней жалкой, натянутой улыбкой.

— Даже болѣе, — продолжалъ король, когда аплодисменты затихли, — я долженъ признаться, что ассоціаціи и клубы, подъ вліяніемъ ошибочнаго пониманія свободы сѣютъ смуту, растутъ и размножаются въ нашей странѣ. Прикрываясь въ высшей степени благороднымъ стремленіемъ къ нравственному и экономическому возрожденію народа, они, въ сущности, стремятся только къ тому, чтобы завладѣть общественной властью.

— Вожаки ихъ, движимые завистью къ людямъ, занимающимъ болѣе высокое положеніе въ обществѣ, всѣми мѣрами возбуждаютъ вражду между различными классами народа, внушая имъ доктрины, въ корнѣ подтачивающія общественный порядокъ и угрожающія самому существованію династии. Ассоціаціи, которыя даже не были разрѣшены законнымъ порядкомъ, скрываютъ иногда свои политически-разрушительныя тенденціи подъ маской религіи и за текстами Священнаго Писанія.

— Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы заслужить привязанность народа и заинтересовать его въ сохраненіи порядка и общественной безопасности. Поэтому мое правительство представитъ вамъ въ высшей степени важный и несложный билль, направленный къ тому, чтобы остановить разрастаніе этихъ паразитныхъ ассоціацій пересмотромъ законовъ о печати и о правѣ схода, несовершенствами которыхъ агитаторы пользуются для нападковъ на доктрины, лежащія въ основѣ правильной государственной жизни.

Новый взрывъ аплодисментовъ, вмѣстѣ съ начинавшимися разговорами, продолжался такъ долго, что совсѣмъ заглушилъ послѣднюю часть рѣчи короля, въ которой и, впрочемъ, не заключалось ничего существеннаго;

въ послѣднихъ своихъ словахъ король только призывалъ благословеніе Божіе на работы Парламента.

Конечъ рѣчи послужилъ опять сигналомъ къ аплодисментамъ и привѣтственнымъ крикамъ, а когда король, попрежнему нервно раскланявшись и улыбувшись своей обычной улыбкой, удалился изъ зала, то крики эти: «Да здравствуетъ король!» провожали его до самой улицы. Вся церемонія заняла минутъ двѣнадцать, не болѣе.

По уходѣ короля, крики прекратились, и вмѣсто нихъ, снаружи, опять донесся заглушаемый разстояніемъ и стѣнами мотивъ національнаго гимна. Депутаты повскакали съ мѣстъ и стали подходить къ знакомымъ дамамъ въ трибунахъ; говоръ и смѣхъ послышались со всѣхъ сторонъ.

Давидъ Росси собрался уходить. Когда тронная рѣчь коснулась ассоціацій, то онъ, не поднимая головы, почувствовалъ, что всѣ глаза обратились на него. Оставаясь съ виду покойнымъ и безстрастнымъ, онъ все-таки былъ взволнованъ и спѣшилъ выйти на воздухъ, тѣмъ болѣе, что и теперь, въ толпѣ, часто слышалось его имя, произносимое въ полголоса.

Но когда Давидъ Росси сталъ обходить перегородку, заслонявшую дверь въ корридоръ, то услышалъ свое имя, произнесенное на этотъ разъ очень громко. Поднявъ голову вверхъ, онъ увидалъ Рому.

— Здравствуйте!—крикнула она ему, повидимому, очень веселымъ голосомъ, но Росси достаточно было одного взгляда на необычно раскраснѣвшееся лицо Ромы, чтобы увидать, что она готова расплакаться.

Главный потокъ публики направился къ тѣмъ дверямъ, у которыхъ стояли экипажи и репортеры, но Росси попрежнему вышелъ въ боковую дверь.

Кромѣ него ту же дорогу выбрали два старичка изъ его партіи, медленно спускавшіеся съ лѣстницы, и нѣсколько молодыхъ депутатовъ, обсуждавшихъ вопросъ о томъ, на какой номеръ лоттерей слѣдуетъ ставить деньги: одинъ говорилъ, что на четвертый, по числу частей тронной рѣчи, а другіе предлагали на двѣнадцатый, соответственно числу минутъ ея произнесенія, на седьмой—по числу минутъ, на которыя король опоздалъ, и такъ далѣе.

Направляясь къ редакцію своей газеты и выйдя черезъ переулокъ на Корсо, Росси

какъ разъ наткнулся на королевскій поѣздъ, возвращавшійся въ Квириналъ. Онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ солдатами, подъ предводительствомъ коменданта города Рима, который ѣхалъ справа, и кирасирскаго полковника, ѣхавшаго слѣва, такъ что короля и королевы совсѣмъ не было видно. За военнымъ кортежемъ слѣдовали два агента тайной полиціи, въ гражданскомъ платьѣ и на простомъ извозчикѣ.

Давиду Росси было тяжело смотрѣть на это. Режимъ, принужденный прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, былъ жалокъ въ его глазахъ. Только тотъ тронъ можетъ быть проченъ и силенъ, который покоряется на широкое основаніи любви народной, а если его приходится защищать отъ ненависти народа, то положеніе человека, на немъ сидящаго, становится шаткимъ и трагическимъ. Искренній и правдивый человекъ ни за какія блага въ мірѣ не согласился бы вести такую жизнь, на которую намекала обстановка встрѣченнаго Давидомъ поѣзда. Молодого короля, только что принявшаго чужъ не божескія почести, везли какъ арестанта.

Редакція «Восхода» находилась въ узенькомъ переулокѣ, подлѣ Корсо. Это было мрачное, трехэтажное зданіе, нижній этажъ котораго занимала типографія, верхній—наборная, а въ среднемъ помѣщалась редакція. Для кабинета редактора была отведена большая комната съ тремя конторками—для Росси и двухъ его помощниковъ, дневного и ночного.

Первый изъ нихъ встрѣтилъ его ласковыми рѣчами и поклонами. Это былъ маленький человекъ съ неискреннимъ и хитрымъ выраженіемъ лица.

Выпивъ чашку кофе, Росси сѣлъ за работу и мѣняе чѣмъ въ полтора часа написалъ такую смѣлую и рѣзкую статью обо всемъ случившемся въ этотъ день, какой ему никогда еще не приходилось печатать. Онъ говорилъ въ ней, что флаги и гимны не всегда служатъ признакомъ дѣйствительной радости и что сегодня, наипрѣмнѣе, они скорѣе доказывали глубокое паденіе націи и ея лицемеріе. Если бы народъ зналъ, что съ нимъ дѣлаютъ, то облекъ бы свои флаги въ черный крепъ и заигралъ бы похоронные марши.

Молодой король, тронная рѣчь котораго составлена министромъ, презирающимъ народъ, и затѣмъ отдѣлана какимъ-нибудь литераторомъ, искуснымъ въ реторикѣ—это

король, царствующій волею народа, сдѣлалъ сегодня все, что могъ. чтобы лишить Парламентъ всякой власти и уничтожить тѣ права народа, въ которыхъ лежитъ главное обезпеченіе его свободы. Тѣ постановленія, которыя предложены въ тронной рѣчи, обусловятъ конецъ народнаго правительства и начало правительства полицейскаго. (Отнынѣ констѣбль замѣнитъ собою и короля, и министерство).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что король считаетъ себя солдатомъ», писалъ Росси, «всѣ короли всегда были военными. Военный мундиръ есть вывѣска того положенія, которое они занимаютъ, и тѣхъ правъ, которыми закладѣли. Слово «король» обозначаетъ армію, государственныя границы, часовыхъ, таможи. однимъ словомъ, все, что раздѣляетъ людей другъ отъ друга. Королю необходимо раздѣлить людей, чтобы царствовать и править ими».

«Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, что короли окружаютъ себя арміями, такъ какъ арміи суть машины, предназначенныя для того, чтобы отдѣлять народы другъ отъ друга и защищать власть, отобранную у тѣхъ, кому она принадлежитъ по праву. Онѣ суть пожирательницы націй, а кончатъ тѣмъ, что пожрутъ и ту власть, которая ихъ создала».

«читать короля воплощеніемъ власти, законна, государства — слишкомъ уже старо. Возвращеніе къ этой идеѣ, хотя бы во имя общественной безопасности, было бы регрессомъ. Христіанство изгнало ее изъ міра, замѣнивъ своей собственной идеей государства, по которой это послѣднее есть воплощеніе народной совѣсти, которая имѣетъ божественное происхожденіе. Одинъ человѣкъ не можетъ быть представителемъ этой совѣсти. Никто не имѣетъ права считать себя таковымъ — даже самъ папа».

«Сцены, подобныя той, которой мы были сегодня свидѣтелями», — писалъ Росси въ концѣ своей статьи. — «гдѣ бы онѣ ни происходили, въ Германіи и Англіи или въ Китаѣ и Персіи, служатъ доказательствомъ того печальнаго факта, что если отдѣльные люди и были девятнадцать вѣковъ тому назадъ обращены въ христіанскую вѣру, то народъ, какъ нація, до сихъ поръ остается язычникомъ».

Помощникъ, прочитывавшій листки по мѣрѣ того, какъ Росси ихъ отбрасывалъ, по

прочтеніи послѣдняго не могъ не воскликнуть:

— И вы, синьоръ, положительно хотите это напечатать?

— Положительно хочу.

Помощникъ пожалъ плечами и понесъ статью въ наборную.

Наступали сумерки, когда Росси вернулся домой. Газетчики на улицахъ выкрикивали названіе вечернихъ паданій; кафе на Корсо были полны офицерами и статскими, которые, потягивая вермутъ, читали восторженное описаніе приѣма, сдѣланнаго сегодня народомъ королю. Печально! Очень печально! И человѣкъ, который осмѣлится сказать правду всѣмъ этимъ энтузіастамъ, долженъ быть готовъ ко всему.

Давидъ Росси почувствовалъ, что онъ и на самомъ дѣлѣ готовъ ко всему. Отнынѣ онъ посвятитъ себя народу, не думая о послѣдствіяхъ. Ничто не должно помѣшать ему исполнить свой долгъ, ничто, даже... во нѣтъ, онъ не хочетъ думать объ этомъ.

Давидъ Росси повернулъ уже на Пьяцца Навона, когда чуть не столкнулся съ высокимъ молодымъ человѣкомъ военнаго вида, который сказалъ ему потихоньку:

— Достопочтенный синьоръ Росси, кажется?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Меня зовутъ де-Раймонъ. Я служу въ папской гвардіи. Его святѣйшество имѣетъ передать вамъ нѣчто.

— Извѣстно ли ему, что я плохой католикъ?

— Онъ знаетъ, что вы не протестантъ. Но дѣло идетъ не о религіи, а о политикѣ, о томъ положеніи, которое вы теперь занимаете. Его святѣйшество, впрочемъ, не имѣетъ намѣренія говорить съ вами лично.

— Кому же онъ поручаетъ вести переговоры?

— Лицу, къ которому я буду имѣть честь проводить васъ.

— Когда?

— Завтра утромъ, въ одиннадцать часовъ, если вы ничего не будете имѣть противъ.

— Очень хорошо.

— Я буду ждать васъ на этомъ самомъ мѣстѣ и, между прочимъ, надѣюсь, что нашъ разговоръ останется вполне конфиденціальнымъ?

— Разумѣется.

VII.

Дома Росси ожидали два письма.

Одно представляло собою циркуляръ президента Палаты депутатовъ, ссылавшій парламентъ на послѣзавтра, для выбора должностныхъ лицъ и составленія отвѣта на тронную рѣчь.

А другое, съ адресомъ, написаннымъ крупными буквами и очевидно впопыхахъ—отъ Роны. Давидъ Росси нетерпѣливо разорвалъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Дорогой другъ! Я знаю! Я знаю! Я знаю теперь, въ чемъ состоитъ препятствіе! В. намекнулъ мнѣ на него на прошлой недѣлѣ, когда я очень хотѣла васъ видѣть, а вы не приходили. Оно состоитъ въ вашей непоколебимой преданности долгу и общественнымъ обязанностямъ. Вы—одинъ изъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что, разъ посвятивъ себя человѣчеству, они должны отказаться отъ отца, матери, жены, дѣтей и всякихъ вообще личныхъ привязанностей, для того, чтобы жить подобно монахамъ. Я это понимаю и вижу даже въ этомъ благородство души, особенно въ наши дни, когда карьера государственнаго человѣка служить лишь ступенью для тщеславія. Это возвышенно, это величественно, меня дрожь беретъ при одной мысли объ этомъ.

«Но я потеряла вѣру въ ту мою неизвѣстную сестру, за которую такъ передъ вами ходатайствовала. Вы говорите, что она хороша собой—это чего-нибудь стоитъ, но все же дано ей даромъ, отъ природы. Вы говорите, что она мила, правдива, очаровательна—отъ всей души вѣрю вамъ на слово. Но когда вы говорите, что она обладаетъ благороднымъ сердцемъ—я почтительнѣе отказываюсь вѣрить. Если бы она была такова, то вы бы вѣрили, что она считаетъ дружбу самой прочной составной частью любви и знаетъ, что быть другомъ великаго человѣка значить помогать, а не мѣшать ему.

«Боже ты мой! За кого же она васъ считаетъ? За галантнаго кавалера, готоваго день и ночь танцевать съ ея милостью? Я положительно презирала бы ее, если бы таковы были ея ожиданія. Нѣтъ! Дайте мнѣ такую женщину, которая желала бы видѣть въ своемъ мужѣ мужчину, съ мужской работой въ рукахъ, съ мужскимъ бременемъ на плечахъ, съ мужественными и высокими

цѣлями въ душѣ. Будутъ ли онѣ достигнуты или поведутъ его на крестъ.

«Но я, можетъ быть, слишкомъ строга къ моей неизвѣстной сестрѣ, и она совсѣмъ не такого, какою вамъ представляется. Если она дочь честнаго человѣка и дѣйствительно любить другого, то она должна знать свое мѣсто и свои обязанности, которыя состоятъ въ томъ, чтобы слѣдовать за своимъ мужемъ, куда бы онъ ни пошелъ, дѣлать его судьбу, какова бы она ни была, и жить его жизнью, потому что эта жизнь есть ея собственная.

«Наконецъ, позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы очень просты, если думаете, что она и не подозреваетъ о вашей любви, разъ вы съ ней не объяснялись. Ахъ, ты Господи! Какъ это мужчины до сихъ поръ не знаютъ, что женщина не только всегда сразу угадываетъ, если ее любить, но можетъ даже точно опредѣлить день и часъ, когда полюбили.

«А если моя неизвѣстная сестра знаетъ, что вы ее любите, то будьте увѣрены, что и она васъ полюбила. Подумали ли вы объ этомъ? Можно держать пари тысячу противъ одного, что она полюбила васъ раньше, чѣмъ вы ее, и ждала, и стерегла возвращенія того голубя, котораго выпустила надъ океаномъ вашего сердца. Вѣрьте ей, поэтому. Послушайтесь совѣта женщины и ступайте къ ней. Помните, что если вамъ придется страдать отъ разлуки, такъ она страдаетъ, можетъ быть, еще сильнѣе, и если она достойна любви и дружбы лучшаго человѣка, чѣмъ вы (во что я, не во гнѣвъ будь сказано ея милости, почтительнѣе отказываюсь вѣрить), то дайте же ей, по крайней мѣрѣ, возможность отказать кому-нибудь изъ двухъ.

«До свиданья! Послѣ завтра я опять пойду въ Палату общинъ—до такой степени интересуюсь общественными дѣлами (и дѣятелями), что ни о чемъ больше не могу теперь думать. Къ счастью, бюстъ я уже кончила, и его теперь высѣкаютъ изъ мрамора (не В. на этотъ разъ).

«Вы ничего не хотите слышать о дѣланіяхъ М., а я васъ увѣряю, что дѣло это серьезное. Если я не ошибаюсь, найдена связь между вами и моимъ отцомъ; это въ достаточной степени опасно. М. возвращается въ Римъ, и ходятъ слухи о намѣреніи оказать здѣсь на кого-то давленіе съ цѣлью выяснитъ ваше прошлое. Подумайте объ этомъ! Прощу васъ! Умоляю! Вашъ другъ Р.»

VIII.

Въ одиннадцать часовъ слѣдующаго утра молодой папскій гвардеецъ ждалъ Давида Росси на углу Пьяцца Навона. Сѣвъ въ карету, они поѣхали по берегу Тибра. Повернувъ въ Рипетту, одну изъ самыхъ шумныхъ улицъ, карета остановилась передъ большимъ сѣрымъ домомъ, который Росси тотчасъ же узналъ. Это была Коллегія Іезуитовъ.

Массивныя черныя ворота, похожія на подъемный мостъ средневѣковаго замка, скрывали внутренность двора отъ нескромныхъ взоровъ, но при первомъ же прикосновеніи къ звонку были открыты. Молча поднялись молодые люди по мрачной каменной лѣстницѣ, на площадкѣ которой встрѣтили ихъ блѣдный, исхудалый, молодой священникъ, молча же проводившій ихъ въ пріемную комнату. Окна этой комнаты выходили на улицу, но были такъ плотно заишпены, что почти не пропускали свѣта, да и никогда, должно быть, не открывались, почему воздухъ въ комнатѣ былъ спертый, нахло плѣсенью. Со двора доносилось протѣжное хоровое пѣніе.

На стѣнахъ пріемной было только двѣ большихъ картины. Одна изъ нихъ изображала человѣка, одѣтаго во все бѣлое, а другая — человѣка, одѣтаго во все черное.

— Черный и бѣлый паны. — шепнула Давиду гвардеецъ.

Подъ чернымъ паной висѣла табличка со слѣдующей надписью:

«Живущіе въ послушаніи старшимъ должны быть подобны труну, которому можно придать любое положеніе».

На столѣ, около стѣны, стояла, подъ стеклянныиъ кошакомъ, статуэтка Мадонны — идеально прекрасная, чистая и безгрѣшная женская фигура, такая, которая даже и въ монастырской кельѣ можетъ только помочь мужчине устоять противъ искушенія. Давидъ Росси смотрѣлъ на нее съ глубокой нѣжностью, даже слезы подступили къ глазамъ его.

Между тѣмъ пѣніе внизу прекратилось, по корридору послышались шаги, дверь открылась, и въ комнату вошелъ высокій, плотный человѣкъ въ черной сутанѣ съ красными кантами и въ красной скуфьѣ.

Поглазовавъ епископскій перстень на рукѣ этого человѣка, молодой гвардеецъ представилъ ему Росси, раскланялся и ушелъ.

— Садитесь, пожалуйста, синьоръ Росси, — сказалъ кардиналъ, подвигая гостю стулъ.

Голосъ у этого «князя церкви» былъ отъ природы рѣзкій, и манеры грубыя, но усердная дрессировка смягчила то и другое, такъ что въ обществѣ онъ производилъ впечатлѣніе безукоризненнаго джентльмена.

Усѣвшись задомъ къ свѣту, онъ началъ разговоръ шутивымъ замѣчаніемъ, что Росси, вѣроятно, не боится іезуитовъ. Свѣтъ сдѣлалъ изъ нихъ козловъ отпущенія за грѣхи человечества, а сами они были бы счастливы, если бы успѣли такой цѣной покушиться эти грѣхи.

— Его святѣйшество, кажется, желалъ передать мнѣ что-то, — сказалъ Росси.

Не отвѣчая на вопросъ, кардиналъ осмысливалъ своего собесѣдника комплиментами.

Въ наши дни, — сказалъ онъ, — когда политическіе дѣятели оказываются по большей части, людьми легкомысленными и даже продажными, когда государственная власть находится въ рукахъ враговъ Христа, когда влияние тайныхъ обществъ и особенно фрема-массоновъ такъ рѣзко проявляется, встрѣтить государственнаго человѣка съ такимъ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, какъ у достопочтеннаго Росси, — истинное удовольствіе. Законодательныя собранія Европы нуждаются въ такихъ людяхъ.

— Можетъ быть все это допущено Божественнымъ Промысломъ ради очищенія міра отъ его грѣховъ, но вы, дорогой синьоръ, доказали, что можно быть либераломъ, не будучи атеистомъ, и любить свою родину, не возставая противъ законовъ нравственности.

— Знаетъ ли святой отецъ, — спросилъ Росси, — что это я пытался остановить процессію и былъ отстраненъ его гвардейцами?

— Это было одинъ изъ тѣхъ случаевъ, — отвѣчалъ кардиналъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ, — въ которыхъ горячее сердце должно слушаться доводовъ холоднаго разсудка. Святой отецъ есть дѣйствительно папа рабочихъ, и матеріальное благосостояніе низшихъ классовъ народа близко его отеческому сердцу, но пожать руку ихъ адвоката, при томъ въ такой моментъ, значило бы публично оскорбить господствующіе классы и заключить союзъ съ мятежными элементами.

Давидъ Росси хотѣлъ было говорить, но кардиналъ остановилъ его примиряющей улыбкой и величественнымъ жестомъ руки.

на одномъ изъ пальцевъ которой ярко блестяль перстень съ большимъ сапфиромъ, осыпаннымъ брилліантами.

— Съ тѣхъ поръ мы сошлись еще ближе, дорогой синьоръ, — продолжалъ онъ: — проекты новыхъ законовъ, направленные противъ васъ, направлены также и противъ насъ. Къ чашѣ нашихъ бѣдъ прѣбавилась еще одна капля, и мы съ вами одинаково страдаемъ отъ враждебности правительства.

Затѣмъ кардиналъ упомянулъ о множествѣ учреждений, связанныхъ съ церковью и могущихъ пострадать отъ новаго закона — о конгрегацияхъ, клубахъ, банкахъ, школахъ.

— Теперь, по самому ничтожному предлогу, полиція получитъ право закрыть эти учреждения, столько лѣтъ существовавшія на пользу церкви и народа. Нельзя будетъ ни публичныхъ бесѣдъ вестн, ни флага вывѣсить безъ того, чтобы полиція не придиралась къ случаю арестовать кого-нибудь по подозрѣнію въ противуправительственной агитаціи. Распущеніемъ религіозныхъ клубовъ и конгрегацій борьба только начнется, а затѣмъ ее, подъ предлогомъ противодействія анархизму и во имя общественной безопасности, перенесутъ пожалуй, и въ Ватиканъ. Какъ бы то ни было — наши и ваши интересы сходятся, а потому и способъ защиты у насъ долженъ быть одинъ и тотъ же.

— Каковъ же онъ долженъ быть, по мнѣнію вашей эминенціи?

Кардиналъ откашлялся.

— Вамъ извѣстно, что его святѣйшество воспретилъ вѣрнымъ своимъ чадамъ служить правительству, которое лишило его правъ и завладѣло церковнымъ имуществомъ?

Росси поклонился.

— Но церковь все-таки не отказалась отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ Италіи, когда такое участіе можетъ быть полезно католицизму, и не воспротивится такимъ либеральнымъ реформамъ, которыя совмѣстимы съ религіей и нравственностью.

— То-есть вы думаете о созданіи католической партіи въ Палатѣ?

— Нѣтъ, синьоръ Росси. Для созданія католической партіи въ Парламентѣ, намъ пришлось бы прежде всего отказаться отъ своихъ правъ на свѣтскую власть. Это не мыслимо, да и не нужно. Одна изъ партій

уже существующихъ — ваша, напримѣръ, — могла бы сослужить ту же службу.

— Значитъ, святой отецъ готовъ освободить свою вѣрную паству отъ запрета и дозволить ей вотировать за меня?

— Почему же нѣтъ? Цѣли наши, въ настоящую минуту, сходятся. Вы не можете защищать ваши ассоціаціи, не защищая въ то же время и нашихъ. Но ваша партія слаба, а наша сильна. Католическіе клубы разсѣяны по всей Италіи и вліяютъ на народъ повсюду. Мы управляемъ ими изъ Рима и можемъ поднять ихъ на ноги по данному сигналу. Имѣя за собой такую силу, вы можете сказать Парламенту, что настоящее министерство не представляетъ большинства націи, и пусть-ка они тогда докажутъ противное! Вы можете свергнуть правительство.

— А потомъ что?

— Вы спасете Италію отъ религіозныхъ междоусобій, удержите за народомъ право сходокъ и тѣмъ избавите отъ распущенія какъ ваши, такъ и наши ассоціаціи.

— А потомъ?

— Потомъ, — сказалъ кардиналъ, играя цѣпью своего наперснаго креста, — вы вспомните, можетъ быть, о той власти, которая оказала вамъ такую могучую поддержку, подумаете о печальномъ положеніи, въ которое она поставлена, о томъ, что дворецъ наши заняты королемъ, монастыри превращены въ бараки и полицейскія бюро. Имущество церкви конфисковано, а ея священныя главы лишены той независимости, которая необходима для выполнения его апостольской миссіи.

— Короче, — сказалъ Росси, — за помощью намъ оказанную, мы должны будемъ постараться прекратить разладъ между Италіей и священнымъ престоломъ, содѣйствуя восстановленію свѣтской власти папы?

Кардиналъ молча кивнулъ головою.

— Можетъ быть, вы отъ насъ ожидаете и еще чего-нибудь?

— Я имѣю удовольствіе прочесть нѣкоторыя ваши статьи, синьоръ Росси, — отвѣчалъ кардиналъ, — и порадовался вашей вѣрѣ въ судьбы Рима. Мы тоже вѣримъ, что Вѣчный городъ имѣетъ особую миссію отъ Бога и опять будетъ когда-нибудь править всѣмъ міромъ. Святой отецъ особенно въ это вѣритъ. И если вы словомъ и дѣломъ можете намъ образовать изъ всѣхъ странъ

міра великую федерацію, въ которой каждая страна управлялась бы по своему, вполне самостоятельно, но все вмѣстѣ подчинились бы Риму какъ своей метрополи, то крупныя буквы напишете ваше имя въ списокъ величайшихъ благодѣтелей Церкви и человечества.

Россія медлить отвѣтомъ, и потому кардиналъ продолжалъ:

— Можетъ быть, это было бы чудомъ, на которое мы не смѣемъ и разсчитывать въ наши дни. Но статья, подобная вашей сегодняшней о вредѣ милитаризма и о присвоенной себѣ королями власти, можетъ только содѣйствовать популяризаціи возвышенныхъ идей святаго отца о духовномъ царствѣ на землѣ подъ скипетромъ намѣстника самого Іисуса Христа.

Послѣ долгаго молчанія, Россія сказала тихимъ голосомъ:

— Очень сожалѣю, ваша эминенція, но то, что вы предлагали, совершенно невозможно. Народъ безсиленъ и того гляди потерять послѣднія человѣческія права, у него оставшіяся, но я не былъ бы честнымъ человѣкомъ, если бы рѣшился принять вашу поощ.

— Почему же?

— Потому что я не вижу разницы между тѣми принципами, противъ которыхъ я возстаю, и тѣми, которые вы предлагаете мнѣ поддерживать. Вчерашній выѣздъ короля и юбилейная процессія папы отличаются другъ отъ друга только по формѣ и костюмамъ.

Кардиналъ сдѣлалъ вѣтеринливое движеніе, при чемъ нога его, въ красномъ чулкѣ и башмакѣ съ золотой пряжкой, выставилась изъ подъ черной сутаны.

— Мы переѣхали короля на папу, только и всего, — докончить свою мысль Россія.

— То-есть испорченнаго и грѣховнаго главу правительства на чистаго и непогрѣшимаго? — вставилъ кардиналъ.

— Но дѣйствительно ли папа можетъ считаться непогрѣшимымъ въ свѣтскихъ дѣлахъ? — спросилъ Россія.

— Первосвященники непогрѣшимы только въ дѣлахъ вѣры и нравственности, — съ достоинствомъ произнесъ кардиналъ, — но духовное и свѣтское такъ тѣсно смѣшиваются обыкновенно, что многіе богословы не считаютъ возможнымъ опредѣлить, гдѣ собственно кончается непогрѣшимость папы.

стоящаго въ то же время и во главѣ государства.

— Какъ разъ то же самое говорилось и о различныхъ властителяхъ во времена язычества, — сказалъ Россія. Они провозглашали себя не только по духу, но и по крови родственниками боговъ. Поставьте папу во главѣ государства, и онъ долженъ будетъ провозгласить свое право на тронъ божественнымъ, такъ какъ иначе оно явится узурпаціей, бессмыслицей. Но божественное право на безграничную власть можетъ принадлежать лишь существу не только непогрѣшному, а безгрѣшному, не соблазнимому, неискусимому. Безгрѣшнымъ же и несоблазнимымъ можно считать только одного Бога, и за тѣна его человѣкомъ есть язычество, то самое язычество, которое церковь Христова должна искоренять на землѣ. Неужели же она сама теперь вновь насть къ нему призываетъ? Этого не можетъ и не должно быть. Міръ давно переросъ все это.

Кардинала опять покорило, но онъ сдержался и сказалъ вкрадчивымъ тономъ:

— Значитъ, какъ ни плохо вы смотрите на правленіе королей, съ ихъ милитаризмомъ и нравственной испорченностью, свѣтская власть папы кажется вамъ еще худшей?

— Много худшей, ваша эминенція, — отвѣчать Россія. Христіанство уснѣло, за двѣ тысячи лѣтъ, вытравить изъ насъ ту чудовищную фикцію, вслѣдствіе которой воля короля считалась волей Божіей. Мы теперь безстрашно гонимъ неправедныхъ королей съ ихъ троновъ. Но посадите на тронъ человѣка, провозгласившаго себя непогрѣшимымъ вообще или по отношенію къ одной только догматикѣ, и вы создадите предубѣжденіе, въ силу котораго возстать противъ неправеднаго папы станетъ такъ же страшно, какъ возстать противъ самого Бога.

— Вы, стало быть, не придаете значенія той вѣроятности, что папа всегда долженъ быть праведнымъ уже потому только, что онъ отецъ всего человечества и не имѣетъ другихъ интересовъ кромѣ благосостоянія своихъ дѣтей?

— Не придаю, ваша эминенція, такъ какъ это же самое соображеніе приводится обыкновенно и въ пользу монарховъ вообще. Папа тоже человѣкъ, а всякому человѣку свои интересы ближе чѣмъ какіе-либо другіе.

— Вы не придаете значенія и тому, что во святомъ отцѣ благодать Божія можетъ заглушить себялюбивые импульсы, свойственные всякому смертному?

— Нѣтъ, ваша эминенція, придаю; но съ другой стороны я придаю значеніе такъ же и обстановкѣ всякаго человѣка, обладающаго абсолютной властью. Эта обстановка можетъ самага несебялюбиваго человѣка сдѣлать себялюбивымъ, скромнаго — гордымъ и добраго — злымъ. Вся атмосфера, окружающая папъ и королей, пропитана лестью и угодничествомъ. Она развиваетъ не хорошія, а дурныя стороны ихъ душъ. Сдѣлавшись папою, человѣкъ не становится лучше, и даже совсѣмъ святыя при этомъ портятся.

На этотъ разъ кардиналъ не могъ удержаться отъ рѣзкаго движенія, такъ что даже кресло подъ нимъ затрепало.

— Скажите же, пожалуйста, — проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, — кто же водворитъ царство Божіе на землѣ, если вы ни на королей, ни на папъ не надѣетесь?

— Само человѣчество, — отвѣчалъ Росси.

Кардиналъ, съ нескрываемой насмѣшкой, поднималъ обѣ руки къверху.

— Почему же нѣтъ? — продолжалъ Давидъ Росси. Совѣсть человѣческая есть благороднѣйшая и священнѣйшая сила. Она есть единственное мѣрило добра и зла, единственное доказательство бытія Божія и грядущаго безсмертія душъ нашихъ.

— Бѣдное человѣчество! — воскликнулъ кардиналъ; — а какъ же быть съ его страшными ошибками? Чѣмъ объяснить его неслыханную, адскую жестокость?

— И объяснять не надо, — сказалъ Росси, — потому что она тоже идетъ съ неба. Самые жестокия поступки человѣчества совершены изъ хорошихъ побужденій и привели къ хорошимъ результатамъ. Человѣчество есть единственное проявленіе Божества на землѣ. Не къ папѣ или королю, а къ нему, къ его коллективной совѣсти, слѣдуетъ апеллировать на всякое честное нарушеніе права или отступленіе отъ высшей правды.

— Жалкое человѣчество! — повторилъ опять кардиналъ, — и въ двадцатомъ столѣтіи столь же несовершенное, какъ въ десятomъ! Что станетъ съ правдой, когда оно будетъ признано Божествомъ?... Но я не стану васъ долѣе задерживать, — продол-

жалъ онъ, вставая. Святой отецъ составилъ себѣ такое высокое о васъ мнѣніе, что ему тяжело будетъ узнать, насколько вы увлечены демократическими доктринами, тормозящими великое дѣло успокоенія душъ на началахъ евангельской истины.

— Евангеліе, ваша эминенція, — сказалъ Росси, также вставая, — перевоплощалось уже нѣсколько разъ. Сначала его проповѣдовали евреи, придавшіе смыслу евангельскихъ истинъ еврейскій оттънокъ. Затѣмъ, благодаря апостолу Павлу, оно воплотилось въ Римской имперіи, о которой католичество, въ лицѣ его папъ, и до сихъ поръ мечтаетъ. Но вѣдь оно можетъ имѣть и другое болѣе широкое воплощеніе — въ цѣломъ человѣчествѣ... Это и совершится въ ближайшемъ будущемъ — человѣчество станетъ папою двадцатаго столѣтія.

Кардиналъ, направившійся уже къ дверямъ, остановился.

— Папа, то-есть тотъ первосвященникъ будущаго, о которомъ я говорю, — продолжалъ Росси, — не согласится существовать въ видѣ муміи римскаго императора. Онъ будетъ жить въ живомъ тѣлѣ всего человѣчества. Старый, династическій міръ умретъ, а на его мѣстѣ возникнетъ новый, общенародный. Римское христіанство станетъ дѣйствительно католическимъ, то-есть всемірнымъ. Монархи и сословія исчезнутъ, какъ тѣни, а народъ — единственная реальность — будетъ существовать во вѣки вѣковъ. Папа грядущаго будетъ знать, что вся сила Церкви, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, лежала въ бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; и когда они преклоняли предъ нимъ колѣна, прося обезпечить для нихъ хлѣбъ насущный, то онъ готовъ будетъ отдать всю свою свѣтскую и духовную власть, чтобы накормить одного голоднаго ребенка.

Росси говорилъ горячо, почти одними намеками, но кардиналъ, не смотря на это, былъ тронутъ и, какъ честный человѣкъ, не старался даже скрыть своего волненія.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ онъ, — и святой отецъ пожалеетъ, конечно, о томъ, что намъ приходится считать такого глубоко-религіознаго человѣка, какъ вы, однимъ изъ самыхъ серьезныхъ враговъ Церкви.

— Передайте его святѣйшеству мое глубочайшее уваженіе, — сказалъ Росси тихимъ голосомъ: — скажите ему, что я отдалъ бы

жизнь свою, чтобы имѣть право облобызывать его отчужденную руку въ качествѣ вѣрнаго сына. во Богъ дать мнѣ совѣсть и свободную волю — я не могу пожертвовать или даже для святѣйшаго въ мірѣ человека.

— Прощайте, сынъ мой. — сказалъ кардиналъ: — я васъ никогда не забуду. Вѣра ваша въ человечество возвышенна и прекрасна, но вы будите чудовище, и Богъ знаетъ, какъ еще оно отнесется къ вамъ самимъ! Будьте осторожны! Берегитесь!

Кардиналъ проводилъ своего гостя до лѣстницы и затѣмъ, низко опустивъ голову, пошелъ по скучнымъ и холоднымъ коридорамъ.

А снаружи, на улицѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ, было жарко. и пѣмѣла жизнь...

IX.

Вернувшись домой, Росси былъ встрѣченъ однимъ изъ своихъ помощниковъ, который давно уже его дожидался.

Плохія новости изъ редакціи: утренній номеръ «Восхода» конфискованъ полиціей за статью о тронной рѣшѣ и о позвѣдѣ короля. Въ корректурѣ онъ еще со вчерашняго вечера былъ посланъ въ канцелярію королевской прокуратуры, а конфискація произошла только сегодня, въ одиннадцать часовъ: всѣ непроданные экземпляры отобраны. Издатели сердятся на редактора и желаютъ немедленно его видѣть.

— Извѣстите ихъ, что я буду въ редакціи въ обыкновенное время, въ четыре часа, — сказалъ Росси и сѣлъ писать письмо къ Ромѣ.

Въ ту минуту, какъ онъ взялъ перо, все кромѣ Ромы исчезло изъ его сознанія. Самый воздухъ какъ бы наполнился чѣмъ-то женственнымъ — Давиду казалось, что Рома сидитъ рядомъ и онъ съ ней бесѣдуетъ.

Если бы можно было усилить горе, которое я испытываю отъ своего рѣшенія пожертвовать долгу лучшимъ чувствамъ своей души, то такое письмо, какъ ваше послѣднее, усилило бы его. Препятствіе, о которомъ вы говорите, не единственное. меня останавливающее, хотя и отъ него нельзя отдѣлаться при помощи тѣхъ нѣжныхъ и женственныхъ соображеній, которыя вы приводите. Подумайте о чудовищной разницѣ положеній между мужчиной, который такъ мало даетъ и такъ много получаетъ, и жен-

щиной, великодушно посвящающей всю свою жизнь своему мужу! Слишкомъ себялюбиво было бы съ моей стороны принять такую жертву.

«Въ моемъ положеніи такое себялюбіе было бы преступленіе и непростительное, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Дѣвушка, которую я люблю, принадлежитъ къ знатному роду, живетъ въ довольствѣ и роскоши: а я бѣденъ. бѣденъ по принципу и, стало быть, навсегда, не имѣю ни рода, ни племени, не знаю ни отца, ни матери — несчастный найденный, неизвѣстно какого происхожденія.

«Я на это не жалуюсь и, до настоящаго момента, скорѣе радовался этому, чѣмъ быть недоволенъ. Свободу свою отъ всякихъ земныхъ связей я считалъ проявленіемъ Божьей воли, предназначившей меня на служеніе всему человечеству. Въ теченіе десяти лѣтъ я безропотно, несъ бремя, наложенное на меня судьбою. А въ результатъ — я теперь нищій, отбросокъ общества, человекъ, который постоянно долженъ быть готовъ къ перенесенію всевозможныхъ невзгодъ и опасностей, одинокій и безродный, осужденный вести жизнь безпокойную и безрадостную.

«Ну и что же? Неужели такой человекъ посмѣетъ ввести въ свою жизнь такую женщину, какъ она? Заставитъ ее промѣнять свое богатство на его бѣдность, свое спокойствіе на его мытарства? Нѣтъ? Ни въ какомъ случаѣ!

«Да если бы я даже и рѣшился на это, то какая же женщина, ясно появля, что ее ожидаетъ, согласится на мое предложеніе? Женщины могутъ быть великодушны, несебялюбивы, вѣрны долгу, но — простите меня — онѣ все-таки любятъ довольство и даже роскошь, чуждаются горя, бѣдности, вѣчнаго страха, свойственнаго травяному звѣрю. Да и какъ же иначе? Каждому — свое. Наложивъ на женщину бремена своеобразныя, Богъ избавилъ ихъ отъ того бремени, которое долженъ нести мужчина.

«Но все это составляетъ лишь малую часть тѣхъ препятствій, которыя лежатъ между мною и той дѣвушкой, отъ которой я считаю неумолимымъ долгомъ отстраниться. чего бы мнѣ это ни стоило. Умоляю васъ избавить меня отъ подробныхъ объясненій. Вѣрите, что, не смотря на ваше горячее представительство, рѣшеніе мое, ради нея самой, останется непоколебимымъ.

«Еще одно слово. Если она меня действительно любить, какъ вы говорите, хотя я и не имѣю никакихъ основаній вѣрить этому, то къ моему горю прибавляется еще тяжелое безпокойство о ней. Но она молодая, сильная и твердая; она дочь своего отца, и я вѣрю въ силу ея воли, въ ея разумъ, въ ея молодость, въ ея красоту и талантливую натуру — все это дастъ ей возможность легко перенести минутное впечатлѣніе и быть вполне счастливой впослѣдствіи.

«Еще разъ прощайте и да хранитъ васъ Богъ!

«Д.»

«P. S. Я не боюсь М. Пусть говоритъ, что хочетъ — я твердо стою на своихъ ногахъ. Въ Римѣ есть только одна особа, которая могла бы мнѣ повредить въ томъ направленіи, на которое вы намекаете, но я вѣрю этой особѣ гораздо больше, чѣмъ самому себѣ».

X.

Къ двумъ часамъ слѣдующаго дня, Палата депутатовъ была уже полна. Королевскій тронъ съ балдахиномъ замѣнился теперь обычнымъ кресломъ президента, ниже котораго помѣщался министерскій столъ съ десяти креслами, пока еще незанятыми. Между министерскимъ столомъ и первымъ рядомъ скамеекъ амфитеатра оставалось большое пространство, по бокамъ котораго стояли пионеры стенографовъ.

Большинство депутатовъ сидѣло на своихъ мѣстахъ, но многіе группами прохаживались еще по залу. Въ средней галлерей сидѣли журналисты, изъ нихъ иные рисовали, иные дѣлали замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ. Боковыя галлерей были наполнены сенаторами, дипломатами, дамами и вообще публикой.

Когда первый министръ — спокойный, корректный, улыбающійся, безукоризненно одѣтый и съ цвѣткомъ въ петличкѣ, занялъ свое мѣсто, то нѣкоторые изъ депутатовъ стали нерѣшительно аплодировать, а въ публикѣ произошло замѣтное движеніе. Появленіе вождя оппозиціи почти не было замѣчено, а когда Давидъ Росси, выйдя изъ-за перегородки, сталъ пробираться къ своему мѣсту на крайней лѣвой, то все сразу стихло на минуту, а затѣмъ поднялся невообразимый шумъ.

Шумъ этотъ прекратился только при входѣ президента Палаты, помѣстившагося на

своемъ креслѣ, подѣ бюстомъ молодого короля. За президентомъ вошли его секретари и пристава съ красно-бѣло-зелеными шарфами черезъ плечо, съ портфелями и подносами, на которыхъ стояла вода въ графинахъ и стаканы. Разговоры прекратились, президентъ позвонилъ въ колокольчикъ и объявилъ засѣданіе открытымъ.

Первымъ по очереди вопросомъ, подлежащимъ обсужденію Парламента, былъ отвѣтъ на тронную рѣчь, и президентъ далъ слово члену, на котораго была возложена обязанность составить этотъ отвѣтъ. Пробравшись къ кафедрѣ, помѣщенной зади министерскаго стола, докладчикъ — молодой депутатъ изъ литераторовъ — началъ читать, по печатной тетради, цвѣтисто составленный адресъ королю, представлявшій собою простую перифразировку тронной рѣчи.

Парламентъ его величества выразилъ свою радость по поводу того, что правительство предполагаетъ увеличить составъ и силу армии. Онъ былъ радъ слышать также, что личная и имущественная безопасность гражданъ будутъ обезпечены строгими мѣрами противъ нарушителей закона и порядка. Но всего больше онъ радовался реформѣ постановленій о печати и общественныхъ сходахъ, долженствующей положить конецъ распространенію вредныхъ ученій въ странѣ и образованію анархистскихъ противобщественныхъ ассоціацій.

Прочитавъ адресъ, докладчикъ внесъ предложеніе о безусловномъ его одобреніи.

Онъ сказалъ, что относительно предложеннаго королемъ усиленія арміи распространяться не станеть — народъ настроенъ патристически и готовъ отдать послѣднюю каплю крови для защиты родины. Только тайные враги государства и династіи могутъ возстать противъ предложеній короля на счетъ арміи.

— Что касается этихъ самыхъ враговъ, о которыхъ его величество изволилъ упомянуть въ своей рѣчи, то мы знаемъ, что они распадаются на два лагеря, другъ другу диаметрально противоположные. Съ одной стороны стоятъ социалисты, республиканцы, невѣрующіе и анархисты разнаго рода, а съ другой — Церковь и Ватиканъ. Въ настоящее время оба эти лагеря, не смотря на крайнюю противоположность своихъ цѣлей, подали другъ другу руки на борьбу съ государствомъ и монархіей. Церковь, которой прави-

тельство гарантировало свободу отправленія ея религиозныхъ функций, не замедлила воспользоваться такой снисходительностью и учить народъ ненавидѣть государство. Ея священники, ея газеты нахально осыпаютъ оскорбленіями всѣ отрасли государственнаго строя. Ея глава, проповѣдующій миръ всему міру за исключеніемъ Италиі, не перестаетъ жаловаться на утрату свѣтской власти, имѣя въ виду побудить нашъ народъ къ междоусобной войнѣ или вызвать иностранное вмешательство въ свою пользу.

Это мѣсто рѣчи было встрѣчено почти всеобщими аплодисментами, пользуясь которыми, ораторъ налилъ себѣ стаканъ воды, положилъ туда ложку шербета, размѣшалъ и выпилъ, а затѣмъ продолжалъ:

— Скажу болѣе, господа; церковь покровительствуетъ всякой враждебной государству пропагандѣ, и правительству извѣстны даже имена лицъ, присягавшихъ царствующему государю въ качествѣ членовъ этой палаты и тѣмъ не менѣе входившихъ въ сношенія съ агентами Ватикана.

Сильное движеніе; члены лѣвой протестуютъ громкими криками:

— Не правда! Не можетъ быть! Шумъ поднимается страшный; президентъ принужденъ долго звонить, прежде чѣмъ устанавливается тишина, позволяющая оратору закончить свою рѣчь слѣдующей тирадой:

— Вырвемъ же зубы у обѣихъ въ тайнѣ сплотившихся партій, чтобы онѣ никогда впередъ не могли пользоваться бѣдностью и недовольствомъ народа для возбужденія безпорядковъ, нарушающихъ государственный строй!

Когда ораторъ сѣлъ на свое мѣсто, то былъ осажденъ цѣлою толпою друзей, спѣшившихъ позвать его руку.

Тѣмъ временемъ глаза всей Палаты и публики въ трибунахъ обратились на Давида Росси. Пока послѣдователи его, протестуя противъ предложеннаго отвѣта на тронную рѣчь, кричали и жестикулировали, онъ сидѣлъ молча; но когда тишина мало-по-малу возстановилась, то Росси всталъ и, обратившись къ президенту, сказалъ:

— Я прошу дозволенія внести поправку къ отвѣту на рѣчь короля.

— Слово за нами, — отвѣчалъ президентъ.

Росси сталъ читать свою поправку, въ которой вѣрноподданнѣйше докладывалъ коро-

лю, что теперь несвоевременно было бы возлагать на плечи народа новое бремя ради усиленія арміи, такъ какъ бѣдность и несчастія достигли своего апогея. Чапа народныхъ бѣдствій полна.

Эти выраженія вызвали смѣхъ въ разныхъ углахъ Палаты, но при крикахъ: «Къ порядку!» «Стыдно!» смѣхъ скоро замолкъ. Президентъ позвонилъ въ колокольчикъ, и молчаніе возстановилось. Росси началъ говорить твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ.

— Если, — сказалъ онъ, — только-что высказанный упрекъ въ сношеніяхъ членовъ этой Палаты съ папой и Ватиканомъ направленъ противъ меня и моихъ друзей, то я категорически его отрицаю. А для того, чтобы разъ навсегда покончить съ этой возмутительной клеветой, позволю себѣ торжественно заявить, что между папствомъ и народомъ, поскольку мы его представляемъ, нѣтъ, не было и не можетъ быть ничего общаго. Папство отрицаетъ демократію; демократія отрицаетъ папство. Папа основываетъ свои притязанія на божественномъ правѣ, а демократія, не признавая никакого божественнаго права, знаетъ только право народа управлять самимъ собою.

— Свѣтская власть папы въ Римѣ или во всемъ свѣтѣ можетъ быть основана только на принципиальномъ, если не практическомъ абсолютизмѣ, на папской непогрѣшимости въ догматическихъ и житейскихъ вопросахъ. Задача же демократія состоитъ въ томъ, чтобы потушить навсегда ignis fatuus абсолютизма и непогрѣшимости, папской или королевской — все равно. Нѣтъ! Между народомъ и папствомъ никакого союза быть не можетъ! Никакого даже перемирія — война, война самая ожесточенная! Папству принадлежитъ прошлое, народу — будущее; первое можетъ только задержать прогрессъ, къ которому стремится послѣдній. Нѣтъ! Вожди народа никогда не свяжутъ себя съ трупомъ!

Послѣднія слова Росси вызвали въ Палатѣ отчасти аплодисменты, отчасти смѣхъ и даже нѣсколько истерическихъ взвизгиваній въ галереяхъ. Президентъ позвонилъ, и Росси сталъ продолжать.

— Предложеніе увеличитъ армію, — сказалъ онъ, — въ то время какъ извнѣ царствуетъ спокойствіе, а внутри страны — разладъ, есть самое тяжкое оскорбленіе, какое только правительство можетъ нанести странѣ. При естественномъ ходѣ вещей, Парла-

ментъ долженъ быть совѣстью народа, а правительство—службой этой совѣсти. Тогда никакія революціи невозможны. Но наше правительство стало господиномъ страны, подчинивъ собою народъ гнетомъ и насиліемъ. Парламентъ умеръ. Давайте хоронить его!

Страшные крики: депутаты вскакиваютъ съ мѣсть, и передъ Россіи, на свободномъ пространствѣ зала, вырастаетъ цѣлая толпа, жестикулирующая и орущая кто во что гораздъ. Онъ стоитъ покойно, поигрывая часовой цѣпочкой. Президентъ звонить не умоляетъ. Когда порядокъ возстановился, Россіи продолжать говорить:

— Если вы спросите, въ чемъ лежитъ причина народнаго недовольства, на почвѣ котораго прозябаютъ сѣмена анархизма, то я вамъ укажу, во-первыхъ, на гнетъ, производимый абсолютнымъ режимомъ, на стѣсненія свободы печати и сходакъ. Въ другихъ странахъ недовольнымъ позволено жаловаться на свои бѣдствія, и кара закона преслѣдуетъ только насиліе, а у насъ, въ Италіи, всякій можетъ быть объявленъ внѣ закона, оторванъ отъ всего, что ему дорого, и засаженъ въ тюрьму на всю жизнь. О, я знаю, что гогорю! Я видѣлъ все это! Я видѣлъ отца, оторваннаго отъ дочери, при чемъ несчастная сирота была брошена на произволъ судьбы!

Этотъ примѣръ нѣсколько успокоилъ Палату. Наступило мертвое молчаніе, среди котораго вдругъ послышалось истерическое рыданіе. Президентъ пригласилъ галлерей къ порядку, но репортеры встали и, дѣлая пальцами классическій италіанскій жестъ отрицанія, указывали на дамскую трибуну, въ которой одна изъ зрительницъ неутѣшно плакала. Давидъ Россіи давно узналъ ее по голосу и когда онъ вновь началъ говорить, то самъ казался растроганнымъ.

— Второй причиной анархизма въ Италіи, какъ и повсюду, служитъ бѣдность. Подождите до 1-го февраля, и вы увидите въ Римѣ такую армію нищихъ, какой никогда не видали. Я утверждаю, что не далѣе трехъ миль отсюда, у самыхъ воротъ этой столицы христіанства, человѣческія существа живутъ въ обстановкѣ, достойной развѣ только дикаря: обитаютъ въ соломенныхъ шалашахъ, спятъ на соломѣ, ходятъ почти голые или одѣваются въ отрешья, питаются маисомъ, каштанами и даже желудями работаютъ по восемнадцати часовъ въ сутки и стонутъ

подъ гномъ управляющихъ или арендаторовъ. въ то время какъ землевладѣльцы проводятъ свое праздное время въ салонахъ Парижа или Рима. Съ мужчинами, женщинами и дѣтьми тамъ обращаются, какъ съ рабами, и бьютъ ихъ, какъ собакъ.

Страшный шумъ, крики: «Это ложь!» «Измѣнникъ!» хохотъ, стукъ ногами и шопитрами. При этомъ Россіи въ первый разъ теряетъ самообладаніе и обращается къ Парламенту со слѣдующими словами, произнесенными прерывающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Да, вамъ смѣшно! Вамъ — не знающимъ, что значить голодъ, вамъ — ежедневно обжираться и переваривающимъ свою пищу во снѣ! А я знакомъ съ голодомъ по горькому личному опыту. О васъ заботились отцы и матери, вы жили въ семьяхъ, а я не знавалъ ничего этого. Меня выкормила нищая, а выросъ я въ одномъ изъ шалашей Кампани. Жестокіе законы, созданные вашими предшественниками, заставили мою мать утопиться въ Тибрѣ, и я знаю, что значить умирать съ голода! Но я лишь одинъ изъ многихъ. У самыхъ дверей Рима, въ христіанской странѣ, бѣдные живутъ при условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ тѣ, про которыхъ языческій поэтъ сказалъ двадцать вѣковъ тому назадъ: *Paucis vivit humanum genus*—родъ человѣческій существуетъ для блага немногихъ.

Во все время произнесенія этой горячей тирады, тишина въ Палатѣ стояла абсолютная и, когда ораторъ съѣлъ, обвинивъ милитаризмъ во всѣхъ бѣдахъ, развѣдающихъ человѣчество, то не послышалось ни одобренія, ни порицанія—Палата была слишкомъ поражена, чтобы манифестировать.

Среди полного молчанія, президентъ задалъ Палатѣ обычные вопросы, и поправка Россіи оказалась отвергнутой даже безъ голосованія; печатный проектъ адреса былъ принятъ.

Тогда военный министръ внесъ свой билль объ увеличеніи расходовъ на армію и предложилъ тотчасъ же передать его въ бюджетную комиссію.

Затѣмъ всталъ баронъ Бонелли, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и внесъ билль насчетъ реформы законовъ о печати и общественныхъ сходахъ.

Онъ былъ раздраженъ, говорилъ рѣзко и насмѣшливо, но стараясь сдерживаться.

— После того, что мы сегодня слышали, — сказать онъ, — и въ виду предстоящаго собиранія массовыхъ сходокъ, о которыхъ до правительства дошли свѣдѣнія, Палата не будетъ удивлена, если я назову эти мѣры неотложными и предложу, съ одной стороны, не откладывать перваго чтенія моего билля больше чѣмъ на четыре дня...

Шумныя возраженія съ дѣловой, но министръ продолжаетъ:

— А съ другой стороны — для того, чтобы предотвратить обструкцію, къ которой, повидимому, готовятся нѣкоторые члены — принять билль, во всѣхъ трехъ чтеніяхъ, безъ перерыва.

Вся Палата сразу вскочила на ноги, и депутаты съ яростью набросились другъ на друга, такъ что дѣло чуть не дошло до драки. Президентъ долго и настойчиво звонилъ въ свой колокольчикъ, но, наконецъ, это ему надѣло, онъ надѣлъ шляпу и ушелъ изъ зала. Засѣданіе кончилось.

Въ коридорахъ Росси ожидала группа его сторонниковъ.

— Что же теперь дѣлать? — спросили они.

— Приходите завтра, въ четыре часа, въ редакцію «Восхода», — отвѣчалъ имъ Росси, — а затѣмъ повернулся и пошелъ домой.

Дорогою онъ встрѣтилъ карету, съ кучеромъ въ красной ливрѣ, но опустил голову и прошелъ мимо.

XI.

Въ этотъ же день къ вечеру Росси получилъ слѣдующее письмо отъ Роны:

«Мой дорогой, дорогой другъ! Все кончено! Я съ ней покончила! Моя неизвѣстная сестра, или, лучше сказать, женщина, которая никогда не будетъ и не должна быть моей сестрой, не стоитъ того, чтобы о ней думать. Вы говорите, что она добра, смѣла, благородна и все-таки любитъ деньги, роскошь, комфортъ до такой степени, что не согласится пожертвовать ими за величайшее счастье, которое только можетъ выпасть на долю женщины! Можетъ ли это быть? Чего же она послѣ этого стоитъ? Что же такое, по ея мнѣнію, называется женою? Кукла, которую передвѣваютъ въ разные костюмы и заставляютъ танцовать на столѣхъ? Если она действительно такова, то я знаю, какъ такія женщины называются, но не хочу марать свое письмо нехорошими словами. Только

ко не говорите мнѣ о ней больше, пожалуйста».

«Настоящая жена должна быть другомъ своего мужа и знать, что такая дружба безгранична, что при ней ни о жертвованіяхъ, ни о разницѣ положеній ни съ чьей стороны не можетъ быть рѣчи. Развѣ можетъ женщина гордиться чѣмъ-либо передъ любимымъ человекомъ? Она можетъ гордиться только имъ самимъ. Когда ей скажутъ, что онъ бѣденъ и не знатенъ, то она отвѣтитъ: «Да, это такъ, но въ томъ-то и его слава, что онъ, будучи подкидышемъ изъ воспитательнаго дома, сумѣлъ сдѣлаться великимъ человекомъ! Я горжусь имъ и не промѣняю его на всѣ блага міра!»

«Ахъ, какъ бы я хотѣла поговорить съ этой женщиной! Я продумала о ней всю ночь, послѣ вашего послѣдняго письма, а подѣ утро увидѣла прекрасный сонъ. Я была, будто бы, на придворномъ балу въ Квириналь и, по общему признанію, могла считаться царицей этого бала. Всѣ знатные люди наперебывъ за мною ухаживали, а сердце мое стремилось къ тому, кто не могъ быть на этомъ балу, и я, наконецъ, вырвалась изъ нарядной толпы и бросилась къ нему, и сказала ему: «возьми меня, будь мужчиной, держи меня крѣпче», и никто, и ничто, и никогда насъ не разлучить».

«А вѣдь ваша возлюбленная, которая любитъ себя больше всего на свѣтѣ, заподозрить, пожалуй, женщину моего сна въ испорченности. Ей, впрочемъ, это все равно, и если бы вы ей сказали, что желаете оставаться бѣдными по принципу, такъ она тотчасъ же выбросила бы всѣ свои брилліанты за окно».

«Я все-таки думаю, что вы сильно ошибаетесь относительно моей неизвѣстной сестры, если полагаете, что она легко примирится съ разлукой, даже не зная настоящей причины необходимости разлученія. Почему вы знаете, насколько преходяще то впечатлѣніе, которое вы на нее произвели? А если оно не пройдетъ, что тогда будетъ? Подумали ли вы объ этомъ? Конечно, нѣтъ. Такъ вотъ я же вамъ скажу, что тогда случится. Раса монашеская! Вотъ что! Смерть, и въ то же время не смерть. Вѣчная мука подѣ личиной спокойствія. Она любить и не смѣетъ любить; онъ живъ, но умеръ для нея. И онъ тоже любитъ, но не смѣетъ любить; и она тоже жива, но умерла для него. Хорошо?»

«Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Вы не будете такъ жестоки къ моей несчастной сестрѣ! Я почти отождествляю себя съ нею. Слишкомъ само-надѣянно, не правда ли? Но я вѣдь не даромъ же настоящая дочь Евы. Какъ бы то ни было, я разбила васъ на всѣхъ пунктахъ и теперь уже не спрашиваю, пойдете ли вы къ ней? Конечно, пойдете! Я знаю, что пойдете».

«Завтра я опять отправляюсь въ Палату депутатовъ! Ужасно хочу видѣть конецъ схватки, только очень не хочется добывать билеты изъ того же источника. Была бы очень рада, если бъ вы прислали мнѣ билетъ отъ себя и дали возможность въ первый разъ воспользоваться вашимъ покровительствомъ. Это, конечно, будетъ билетъ въ народную трибуну, но—тѣмъ лучше, наконецъ-то я освобожусь отъ людей и положеній, которые такъ долго отравляли мою жизнь».

«Бюсть вышелъ изъ рукъ каменотеса и попалъ опять въ мои, но я сегодня опять не работала. Попробовала было, но увидала, что только порчу».

«Объ М.—никакихъ извѣстій, и у меня сердце замираетъ отъ этого. Но если вы не боитесь, то чего же я буду бояться? Другъ вашего друга, Р.»

XII.

Въ четыре часа на другой день, большой кабинетъ редактора «Восхода» едва вмѣщалъ пятьдесятъ человѣкъ депутатовъ крайней лѣвой. Жарко и душно. Всѣ страшно возбуждены, всѣ чувствуютъ «начало конца».

Давидъ Росси председательствуетъ. Лицо его блѣдно, манеры—нервные, но онъ видимо больше заботится о судьбѣ своихъ друзей, чѣмъ о махинаціяхъ враговъ.

— Положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, — сказалъ онъ, — свойственно не одной только Италіи, а и Германіи, и Англіи, и всякой другой странѣ, въ которой старый монархическій принципъ борется съ новымъ принципомъ народного представительства.

— Величайшее содѣйствіе, оказанное девятнадцатымъ столѣтіемъ міровому прогрессу, состоитъ въ томъ, что оно измѣнило политическое положеніе личности. Опрокинувъ теорію авторитета, оно поставило на ея мѣсто теорію свободы—языческій принципъ абсолютизма замѣнило христіанскимъ принципомъ правъ человѣка. Но абсолютизмъ не перестаетъ бороться со свободой. Онъ боролся съ ней въ революціяхъ и былъ побѣжденъ;

онъ боролся на почвѣ права, и былъ побѣжденъ; теперь онъ предпринимаетъ послѣднюю свою борьбу со свободой—въ парламентахъ и тоже долженъ быть побѣжденъ.

Затѣмъ Росси изложилъ, въ чемъ состоятъ намѣренія правительства. Оно проситъ Парламентъ принять билль безъ преній. Это есть не что иное, какъ попытка замазать Парламенту ротъ. А замазать ротъ Парламенту значить лишнить голоса народъ, или, что то же самое, отдать страну во власть нахальнаго и развратнаго министра. Депутаты будутъ закуплены, и представительство превратится въ глупый фарсъ.

— Вступая въ Парламентъ, — продолжалъ Росси, — человѣкъ перестанетъ быть человѣкомъ, а превратится въ нумеръ. Онъ будетъ членомъ конгрегаціи совѣтниковъ, у которыхъ никто никогда совѣта не спроситъ — коллегія политическихъ кардиналовъ, глава которыхъ всякую минуту можетъ привести всю ихъ работу къ нулю.

Кое-кто разсмѣялся при этомъ сравненіи, и Росси разсказалъ анекдотъ о папѣ, который, встрѣтивъ оппозицію своей волѣ въ кардиналахъ, вотировавшихъ черными шариками противъ его предложенія, снялъ съ себя бѣлую скуфью, прикрылъ ею шары и сказалъ: «мое предложеніе прошло — вся куча шаровъ, какъ видите, бѣлая».

— Желаетъ ли мы, чтобы и народное представительство было столь же безсильно, какъ панская конгрегація? — продолжалъ Росси; — если нѣтъ, то мы должны бороться за поддержаніе его значенія.

Затѣмъ онъ изложилъ свою схему предстоящей борьбы. Пренія, въ Парламентѣ, могутъ быть закончены или совсѣмъ не допущены только тогда, когда результатъ голосованія по этому поводу будетъ провозглашенъ президентомъ. Значитъ, если не допустить президента до отбора голосовъ и провозглашенія голосованія, то билль не будетъ пропущенъ безъ преній. Поэтому, въ ту минуту, когда президентъ предложитъ Палатѣ пропустить его такимъ образомъ, члены крайней лѣвой должны встать всѣ разомъ и кричать: «Долой съ очереди! Долой съ очереди!» Въ виду такого протеста, президентъ долженъ будетъ закрыть засѣданіе; если же протестъ повторится и при второмъ чтеніи, то президенту придется отказаться, и тогда на его мѣсто можно выбрать чело-

вка, относящагося съ большимъ уваженіемъ къ правамъ Парламента.

— Будучи въ меньшинствѣ, мы только это и можемъ сдѣлать, — сказалъ Росси. Пока остался хоть какой-нибудь клочекъ парламентской свободы, мы должны за него держаться. Пускай насъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. Общественное мнѣніе будетъ за насъ, а это самая великая сила въ свѣтѣ, сильнѣй всякихъ правительствъ и армій; рано или поздно оно свое возьметъ.

Предложеніе это произвело плохой эффектъ. Собраніе глухлоптало, и, наконецъ, одинъ изъ членовъ, именно — Малиягеста, разразился страшной рѣчью.

— Чтѣ толку провать президента? — сказалъ онъ. Первый министръ всему дѣлу голова. Онъ тотъ бѣлый кошапъ, которымъ будутъ прикрыты наши черные шары. Съ него надо начать и имъ кончить.

Шумныя одобренія; Малиягеста воодушевляется еще болѣе:

— Пора перестать говорить о Парламентѣ — этой толпѣ паразитовъ, этомъ фиговомъ листкѣ, которымъ абсолютизмъ прикрываетъ свою наготу, — поговоримъ лучше о народѣ на нашихъ улицахъ!

Одобренія, еще болѣе шумныя, и ораторъ поываетъ голосъ.

— Подумайте, чтѣ дѣлаетъ этотъ человекъ! Онъ воспрещаетъ стачки между рабочими; онъ мѣшаетъ дѣятельности корпоративныхъ обществъ; онъ не дозволяетъ рабочимъ союзамъ носить свои знамена; онъ, наконецъ, рѣшилъ не допускать сходки въ Колизей, назначенной нами на будущей недѣлѣ, для протеста противъ налоговъ на хлѣбъ. Онъ наводнилъ городъ солдатами. Онъ беретъ людей отъ сохи, для того чтобы научить ихъ стрѣлять въ своихъ братьевъ и сестеръ, за то, что они по его же милости голодаютъ! Не довольно ли всего этого? Неужели мы будемъ дожидаться, чтобы насъ топтали ногами? Неужели древняя римская доблесть совсѣмъ насъ покинула? Вожди наши заснули сами и народу предписываютъ сонныя кадди, чтобы унять его невыносимыя страданія. Чтѣ они намъ обѣщаютъ? Сдѣлать наши цѣпи нѣсколько подлиннѣе? Это хуже чѣмъ безполезно! Неужели среди насъ не найдется человека, способнаго произнести живое слово? Страна ждетъ вождя, который бы отдалъ свою кровь и потребовалъ нашей во имя общаго дѣла!

вѣчный городъ.

Все собраніе, какъ одинъ человекъ, вскочило на ноги и привѣтствовало громкимъ крикомъ эти громкія слова. Когда волненіе улеглось нѣсколько, поднялся другой ораторъ. Это былъ Луиджи Контти.

— Вы правы, братья, — сказалъ онъ. Народъ усталъ отъ разсужденій; наступило время дѣйствовать, и мы, къ счастью, вполне готовы приняться за дѣло. Наша новал ассоціація — Всемирная Республика — дастъ намъ силы на борьбу. Пятьдесятъ тысячъ франковъ у насъ уже есть, и деньги поступаютъ ежедневно отъ нашихъ комитетовъ въ Германіи, Англіи и Россіи. Запасъ ружей мы получимъ изъ Бельгіи, а благодаря конскрипціи наша молодежь выучилась прекрасно владѣть ими.

Давидъ Росси всталъ опять, но съ трудомъ могъ добиться возможности говорить.

— Братья! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — всякому, чей разумъ не заполненъ страстью, сразу видно, что вы предлагаете кражу и убійство. Кражу — потому, что хотите употребить на войну тѣ деньги, которыя даны для поддержанія мира; убійство — потому, что намѣреваетесь поставить десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей подъ выстрѣлъ. Этого не должно быть? Я протестую! Я воспрещаю вамъ выполнить ваши намѣренія!

Пауза; встаетъ Малиягеста.

— Вы угрожаете намъ противодѣйствіемъ? — говоритъ онъ сухо и сдержанно.

— Да, я всѣми силами буду вамъ противодѣйствовать.

Пауза; ропотъ, переговоры вполголоса.

— Ну, хорошо, — говоритъ, наконецъ, блѣдный, какъ смерть, Малиягеста, — если нашъ вождь настаиваетъ на томъ, чтобы мы продѣлали комедію въ Парламентѣ, мы ее продѣлаемъ.... съ удовольствіемъ.... Но только если первый министръ все-таки поставитъ на своемъ, и мы будемъ пристыжены, тогда... тогда я, клянусь Богомъ, пойду стрѣлять!

— И я! И я! И я! — воскликнули остальные.

Давидъ Росси поднялся еще разъ.

— Вы грозите, — сказалъ онъ, — застрѣлить перваго министра въ Парламентѣ. Чтѣ же вы этимъ достигнете? Вы только уподобитесь тому самому правительству, которое осуждаете — употребите насиліе противъ насилія и прослывете врагами закона и по-

рядка. А въ результатъ чтò получится? Общественное мнѣніе Европы будетъ противъ васъ, а народъ попадетъ въ бѣду еще горшую. Будущія поколѣнія проклянутъ васъ, а ходъ мірового прогресса замедлится.

— Экая важность!—воскликнулъ Малаятестъ съ дикимъ смѣхомъ,—мы беремъ на себя всѣ послѣдствія. По крайней мѣрѣ никто не назоветъ насъ трусами!

Многіе изъ присутствующихъ тоже за-смѣялись, разговоръ сдѣлался общимъ и принялъ заносчиво-веселое направленіе.

— Когда дѣло идетъ о свободѣ, то нельзя размѣривать кровь по капелькамъ,—говорили одни; гражданское мужество надоѣло,—говорили другіе,—надо же когда-нибудь проявить и настоящую храбрость.

— Братья!—сказалъ Росси, вставая еще разъ,—если бы вы знали, до какой степени у меня мало личныхъ причинъ записывать барона Бонелли, до какой степени я самъ порадовался бы его смерти, то вы поняли бы, что только одна совѣсть заставитъ меня отдѣлаться отъ васъ въ ту минуту, когда вы совершите преступленіе.

— Ну, разумѣется!—сказалъ Малаятестъ,—надо же спасти свою шкуру! Знаете, чтò я вамъ скажу, пріятель? Вы, съ нѣкотораго времени, потеряли мужество.

— Луиджи!—воскликнулъ онъ,—вы—хорошій католикъ, чтò, бишь, нужно дѣлать когда что-нибудь потеряешь?

— Молиться святому Антонію,—серіозно отвѣчалъ Конти.

Всеобщій хохотъ.

Но Малаятестъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы кончить на этомъ.

— Дѣло въ томъ, господа,—сказалъ онъ,—что наша партія распадется, потому что вождь нашъ оказался трусомъ.

Гробовое молчаніе; Росси сидитъ не двигаясь.

— Слышите, синьоръ? Я о васъ говорю.—сказалъ Малаятестъ.

— Слышу,—отвѣчалъ Росси.

— Такъ когда же прикажете дать вамъ удовлетвореніе? Можетъ быть завтра?

— Нѣтъ, лучше сегодня,—отвѣчалъ Росси.

— Гдѣ?

— Здѣсь?

— Когда?

— Сейчасъ.

Лицо Росси было мертвенно блѣдно. онъ едва дышалъ.

Кое-кто началъ было протестовать: Это дико! Невозможно! Невозможно! Но протестантовъ заставили молчать. Всеобщее напряжение выразилось молчаливой торжественностью.

— Заприте двери.—сказалъ кто-то.

— Шаги или револьверы?—спросилъ Малаятестъ.

— Конечно, револьверы,—отвѣчалъ Росси сдержанно,—они надежнѣе и скорѣе.

— Ладно!—воскликнулъ Малаятестъ съ натянутой улыбкой: ясно было, что онъ начиналъ трусить.

Сейчасъ же явились револьверы, были назначены секунданты, и опредѣлены условія дуэли, самыя простѣйшія, конечно: дуэлисты, занявъ свои мѣста, могли стрѣлять, когда угодно, съ тѣмъ, однако же, что послѣ промаха противникъ имѣлъ право требовать, чтобы промахнувшійся подошелъ къ нему на близкое разстояніе.

Абсолютная тишина. Росси, блѣдный, но спокойный, взялъ револьверъ, даже не глядя на него. Малаятестъ, напротивъ того, суетливый и раскраснѣвшійся, тщательно осматриваетъ свой. Затѣмъ всѣ отступаютъ въ сторону, а противники, ставъ другъ къ другу задомъ, расходятся отъ середины комнаты къ концамъ ея.

Какъ только Малаятестъ дошелъ до стѣны, такъ тотчасъ же повернулся и выстрѣлить. Когда дымъ разсѣялся, то всѣ увидѣли, что Росси стоитъ совершенно невредимъ. Онъ молчалъ и не двигался, а Малаятестъ видимо началъ дрожать съ головы до ногъ.

— Ну, поскорѣе, стрѣляйте чтò ли!—сказалъ онъ.

Но Росси продолжалъ стоять недвижимо.

— Да, ну же!—крикнулъ Малаятестъ прерывающимся голосомъ.

Росси сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, остановился и выстрѣлилъ въ потолокъ.

Общее напряжение разрѣшилось сдержаннымъ разговоромъ.

— Я вынужденъ былъ такъ поступить,—сказалъ Росси,—не могъ же я просить мира, когда меня подозреваютъ въ трусости.

Въ первомъ порывѣ раскаянія Малаятестъ бросился къ ногамъ Росси.

— Простите меня, простите меня!—бормоталъ онъ, всхлипывая.

— Встаньте; я васъ прощаю,—сказалъ Росси. Но помните, что съ этой минуты жизнь ваша принадлежитъ мнѣ.

XIII.

Съ тяжелымъ чувствомъ вернулся Росси домой. Сила души его проявилась помимо воли, согласно требованію обстоятельствъ. Демократія, которую онъ думалъ вести за собою, чуть было не потащила его туда, куда онъ не хотѣлъ идти.

— Боже мой, Боже мой!—думалъ онъ,—что я буду дѣлать съ этими людьми?

Но еще болѣе мучила его одна тайная мысль.

— Зачѣмъ я стараюсь спасти его!—думалъ Давидъ,—вѣдь я же его ненавижу...

Да и было за что—баронъ Бонелли не задумался бы отправить Росси на эшафотъ.

Сознание личной ненависти до такой степени мучило, однако же, Давида, что онъ изъ всѣхъ силъ боролся съ нимъ, какъ съ дьявольскимъ наводненіемъ. Но бороться было очень трудно, тѣмъ болѣе, что обстоятельства, какъ нарочно, подтверждали законность такого чувства.

У дверей своей квартиры Росси встрѣтилъ стараго гаррибальдийца.

— Подождите-ка минутку,—шеннуть послѣдній, приглашая Давида въ свою комнату. Тамъ онъ подвелъ послѣдняго къ окну и показывать ему, изъ-за ситцевой занавѣски, на молодого человѣка, лѣниво прохаживавшагося по улицѣ.

— Посмотрите, синьоръ, вотъ онъ!

— Кто же это такой?

— Да шпионъ, конечно. Онъ васъ караулитъ цѣлыми днями. Должно быть, по приказанію самого Вампира. Берегитесь! Щепотка свободы лучше цѣлаго воза золота, знаете ли!

Росси сразу, конечно, понялъ справедливость замѣчаній гаррибальдийца, но счелъ долгомъ поговорить съ нимъ. Ну, конечно, это шпионъ! Полиція вѣдь за всѣми слѣдить, это ея прямое дѣло. Она всѣхъ считаетъ подозрительными. Но чтобы такимъ дѣломъ занимались государственные люди? Нѣтъ! Это невозможно. Росси не вѣрять этому!

Вечеромъ пришелъ старикъ Джованни за своимъ жалованьемъ. Получивъ деньги, онъ сталъ мяться, видимо желая сказать что-то.

Оказалось, что внукъ его поступилъ въ новообразованную тайную полицію и получилъ приказаніе слѣдить за Росси. Каждый вечеръ онъ даетъ отчетъ самому министру внутреннихъ дѣлъ.

— Лучше итичкѣ летать по лѣсу, чѣмъ сидѣть въ клѣткѣ, эчеленца. Вотъ что я вамъ скажу. Спаси васъ, Господи!

Тенерь Росси понялъ происхожденіе сдѣланнаго въ Палатѣ намека на его сношенія съ Ватиканомъ—тайная полиція прослѣдила за нимъ до іезуитскаго коллегіума. Баронъ Бонелли оказался личнымъ его врагомъ, также какъ былъ личнымъ врагомъ доктора Розелли, не стѣснявшимся самыми низкими средствами для того, чтобы компрометтировать и схватить послѣдняго.

— И зачѣмъ я старался спасти его?—воскликнулъ опять Росси.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ явился Бруно съ еще болѣе тревожными извѣстіями. Сегодня первый министръ былъ въ Тринита-дель-Монти, въ отсутствіе донны Ромы, и Бруно подслушалъ его разговоръ съ Феличе.

— Феличе,—сказалъ старый Вампиръ,—надѣюсь, что вы не пожалуетесь на то, что я принужденъ былъ отказаться отъ вашихъ цѣнныхъ услугъ и передать васъ доннѣ Ромѣ?

— Нисколько, эчеленца.

— Вы довольны тѣмъ, что получаете двойное жалованье?

— Вполнѣ, эчеленца.

— Такъ расскажите пожалуйста, что здѣсь происходило послѣ вашего послѣдняго доклада?

Росси сдѣлать Бруно выговоръ за его нескромность, но тѣмъ не менѣе былъ очень возмущенъ. Оказывается, что баронъ Бонелли столь же безсердечно относится къ доннѣ Ромѣ, какъ и къ ея отцу. Онъ успѣлъ превратить ее въ свою сообщницу и употребляетъ въ качествѣ оружія противъ Росси! Кто знаетъ, какія униженія терпѣть она при этомъ!

— И зачѣмъ я старался спасти эту презрѣнную жизнь?—въ сотый разъ спрашивалъ себя Давидъ.

На слѣдующее утро къ нему зашелъ товарищъ по Палатѣ—толстый, грубоватый, добродушный докторъ.

— Э-э, достопочтенный, такъ не годится!—воскликнулъ онъ;—вы блѣдны, какъ безплотный духъ, и нервны, какъ кошка! Старая Франческа говоритъ, что вы ужъ съ недѣлю почти ничего не ѣдите. Не забудьте древнюю римскую поговорку: «Въ городѣ голодъ—цитадель будетъ взята!» Аппетита

нѣтъ? Въ томъ-то и бѣда. Слушайте-ка: вамъ бы надо было проѣхаться за городъ. Ради всѣхъ святыхъ поѣзжайте! Хорошіе люди рѣдки, а, по пословицѣ, въ концѣ игры король понадеетъ въ тотъ же мѣшокъ, что и пѣшка. Ваша игра далеко еще не кончена, и попадать въ мѣшокъ вамъ рано. Чтѣ бы вы сказали на счетъ недѣлки въ Порто д'Анціо?.. Когда? Да сегодня же, съ первымъ поѣздомъ!

Давидъ Росси тотчасъ же увидалъ ловушку: товарищи хотятъ отъ него отдѣлаться. Они намѣревались выполнить свой проектъ, не смотря на его протесты. Въ ту минуту, когда первый министръ настаивъ на своемъ требованіи, они застрѣляютъ его тутъ же, на мѣстѣ. А почему бы и не такъ? Человѣкъ самъ поставилъ себя внѣ человѣческихъ законовъ, такъ пусть же представитъ предъ судомъ Всевышняго! Это будетъ только справедливо.

А Давидъ Росси? Да какое же ему дѣло до того, что произойдетъ въ его отсутствіи! Стоить только послушаться доктора и уѣхать изъ Рима на недѣлку. Никому и въ голову не придетъ обвинять его въ преступленіи, совершенномъ безъ его участія. Даже болѣе—можно будетъ доказать, что онъ протестовалъ противъ этого преступленія и рисковалъ жизнью, чтобы поддержать свой протестъ.

«Вотъ когда дьяволъ-то лѣзетъ ко мнѣ въ душу!», подумалъ Росси и затѣмъ сказалъ:

— Нѣтъ, я теперь не могу оставить Рима. Я долженъ исполнить долгъ депутата и присутствовать послѣзавтра въ Палатѣ.

По уходѣ доктора, явился посланный изъ редакціи «Восхода» съ письмомъ отъ издателей. Выражая свое удивленіе по поводу отказа Росси объясниться съ ними два дня тому назадъ, они приходили къ заключенію, что обязанности депутата несомнѣстны съ обязанностями редактора, и предлагали Росси отказаться отъ первыхъ, если онъ хочетъ сохранить за собою послѣднія.

«Еще разъ дьяволъ меня искушаетъ», подумалъ Росси и сѣлъ писать отказъ отъ должности редактора.

Все это до такой степени выбило его изъ коленъ, что ни думать, ни работать онъ оказался неспособнымъ, а потому послалъ за Жозефомъ и проигралъ съ нимъ большую часть дня. Жозефъ, по обыкновенію, былъ одѣтъ швейцаромъ, то-есть въ отцовской

шапкѣ и вывернутой наизнанку курткѣ, а Росси, стоя на четверенькахъ, изображалъ пуделя донны Ромы, лаая и грызя булаву, которою швейцаръ отгонялъ его отъ подъѣзда.

— Пресвятая Дѣва! Кто бы подумалъ, что у него на плечахъ Парламентъ и газета!—воскликнула Франческа, заставъ эту сцену и хохоча до слезъ.

Вечеръ прошелъ такъ же, какъ и день. Уложивъ Жозефа спать, Росси вернулся въ гостиную и задумался, расхаживая по комнатамъ. Чтѣ же теперь дѣлать? Отстраниться и допустить убійство перваго министра или предупредить властей о задуманномъ покушеніи?

На сторонѣ перваго рѣшенія стояли права народа и его свобода, несчастія доктора Розелли, собственная выгода и, ну еще всего, забота о Ромѣ. А на сторонѣ втораго рѣшенія стояла одна совѣсть—твердая, суровая, непоколебимая!

Дѣло въ томъ, что баронъ Бонелли былъ самымъ страшнымъ и наиболѣе ненавидимымъ изъ личныхъ его враговъ Росси. Собственно говоря, первый министръ, своей особой, представлялъ единственное препятствіе къ браку Давида съ Ромой—смерть его устранила бы это препятствіе.

«Умри онъ, и мы могли бы жить», думалъ Росси. Но именно поэтому онъ и не долженъ былъ умирать. Если бы Росси согласился на убійство барона, то совѣсть не дала бы ему покоя во всю остальную жизнь—онъ никогда не забылъ бы, что совершилъ преступленіе изъ личной выгоды.

Но можно ли, однако, выдавать своихъ товарищей? Вѣдь все это его друзья, его сторонники—люди, для которыхъ онъ самъ создалъ цѣль. Неужели же онъ пошлетъ ихъ въ тюрьму за то только, что они вышли изъ повиновенія?

Продумавъ почти цѣлую ночь, Росси проснулся въ такомъ же нерѣшительномъ настроеніи. Слабый, разстроенный, колеблющійся, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться съ молитвой къ Богу.

Онъ не былъ въ церкви съ тѣхъ поръ, какъ жилъ въ Лондонѣ, у доктора Розелли, но въ этотъ день рѣшился пойти помолиться. Гдѣ же, какъ не въ церкви—въ этомъ приближищѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ—можно найти отвѣтъ на вопро-

сы, мучащіе разумъ, и исходъ изъ положенія, казющагося безвыходнымъ?

Пройдя по берегу Тибра, Росси перешелъ черезъ мостъ и очутился на площади, передъ соборомъ св. Петра. Она была почти пуста. Струи фонтановъ играли въ лучахъ утренняго солнца, колокола звонили, и часовой отъ швейцарской гвардіи, въ своемъ пестромъ мундирѣ, мѣрно прохаживался передъ бронзовыми воротами Ватикана.

Обширный и величественный портикъ, отрѣзанный отъ всего свѣта, ведущій только къ собору, то-есть къ мѣсту успокоенія взволнованныхъ душъ—вотъ, чтó представляла теперь собою эта площадь.

— Господи, Боже мой, чтó мнѣ дѣлать съ этимъ народомъ?—думалъ Росси, съ глубокимъ чувствомъ смиренія вступая подъ портикъ Базилики.

Громадная церковь имѣла свой обычный утренній видъ—мраморный полъ, блестящія стѣны, золоченые своды, ярко-алыя занавѣски, и надъ алтаремъ, въ апсидѣ—окно съ янтарно-желтымъ стекломъ, рѣзко освѣщенное солнечными лучами.

Въ капеллѣ, на хорахъ, клиръ монотонно и вяло тянулъ обѣдню передъ небольшимъ числомъ молящихся, стоявшихъ на коленяхъ. Когда служба кончилась, они, точно школьники по окончаніи скучнаго урока, закрыли свои молитвенники и поспѣшно разошлись по домамъ.

Капелла св. Причастія была заперта, но передъ ея желѣзными дверьми стояла группа колѣнопреклоненныхъ крестьянъ, усердно молившихся на алтарь. Одинъ изъ нихъ читалъ, а остальные, хоромъ, давали ритуальныя реплики. Это были паломники, явившіеся въ Римъ за юбилейными индульгенціями.

Передъ черной статуей св. Петра гуськомъ проходили другіе пилигримы, поочередно прикладываясь къ полированной отъ поцѣлуевъ ногѣ Апостола. Одежда ихъ была въ лохмотьяхъ, лица—истощенныя, глаза—потускнѣвшіе и безжизненные, но молитвенный экстазъ глубокъ и неподдѣленъ.

Третья группа пилигримовъ, нѣсколько лучше одѣтыхъ—мужчины въ бараньихъ тулупахъ, а женщины въ черныхъ шолковыхъ шпаляхъ, стояли на коленяхъ около гробницы Апостола. Это были крестьяне изъ отдаленныхъ провинцій. Священникъ, самъ вышедшій изъ ихъ среды, водилъ ихъ изъ одной церкви въ другую, отъ одной святыни

къ другой, съ цѣлью хоть этимъ путемъ избавить ихъ души отъ мученій чистилища.

Наконецъ, настоятель собора прошелъ въ ризницу. Будучи старъ-секретаремъ папы, онъ носилъ красную кардинальскую мантию и пользовался титуломъ монсиньора. При видѣ такой важной персоны, бѣдные пилигримы бросились къ ней за благословеніями и наперерывъ стѣсались цѣловать ея перстень. Не преніяствуя имъ дѣлать это, персона даже не взглянула ни на кого изъ нихъ.

— Боже мой, Боже мой! Чтó я буду дѣлать съ этими людьми?—въ сотый разъ повторилъ въ своемъ умѣ Росси, но церковь не дала ему никакого отвѣта на этотъ вопросъ.

Искренность, благоговѣніе, даже экстазъ—все было на лицѣ. Чего же еще нужно церкви?

Страха! Страха Божія! Страха передъ неизвѣстными!

Таковы начало и конецъ миссіи католической церкви на землѣ, какъ показалось Росси въ эту минуту; но страха не было въ его душѣ, жаждущей энергіи и силы.

Вернувшись домой, Давидъ вновь сталъ играть съ мальчикомъ. Они вмѣстѣ кормили бѣлокъ, вмѣстѣ входили въ большой канареечный садокъ, при чемъ птички, привыкшія къ такимъ посѣщеніямъ, садились къ нимъ на плечи и на головы.

За такими мирными занятіями Росси забылъ о своей кручинѣ; но когда онъ, уложивъ Жозефа спать, взялся за статью для завтрашняго нумера газеты, то нерѣзультатность вновь имъ овладѣла.

Писать оказалось нечего, говорить не о чемъ. Не получить ли онъ отвѣта на свой мучительный вопросъ отъ улицъ стараго города, видѣвшихъ столько слезъ и крови, пережившихъ столько переменъ? Росси пошелъ гулять.

Направляясь между развалинами къ Форуму, онъ остановился передъ массивной стѣною стараго Колизея. Громадный амфитеатръ былъ пустъ. Ни шороха, ни звука, кромѣ тѣхъ, которые долетали извнѣ, въ родѣ отдаленнаго шума колесъ, треска электрическихъ трамваевъ и прочее. Темный, безжизненный, давно уже умершій, подобный перевернутому черепу съ его пустыми орбитами и ячеиками для зубовъ—таковъ былъ теперь величайшій изъ памятниковъ языческаго Рима...

Страхъ не былъ необходимой составной частью религіи въ то время! Люди тогда не боялись умирать! Этотъ древній амфитеатръ

слыхалъ и звуки трубъ, предшествующіе появленію императоровъ, и привѣтственные клики умирающихъ, и ревъ звѣрей и хохотъ сильныхъ, и стоны слабыхъ... Ave, Caesar! morituri te salutant!

Но чтѣ же обѣщала языческая религія въ грядущемъ? Смерть! Только смерть, то-есть уничтоженіе.

Не сопряжено ли. однако же, съ этимъ монументомъ, пережившимъ столько вѣковъ, и другихъ какихъ-либо воспоминаній помимо кровавой борьбы гладиаторовъ, торжественныхъ приемовъ императора и привѣтственныхъ кликовъ народа?

Давидъ Росси вспомнилъ о мученикахъ, погибшихъ на этой самой аренѣ, и Колизей сразу наполнился ихъ тѣнями. Какая великая сила присуща мученичеству! Гдѣ теперь римскіе императоры, кровожадные дамы, гдѣ римскій народъ, слышій великимъ? Всѣ превратились въ прахъ, разсыянный вѣтромъ, а христіанскіе мученики и до сихъ поръ живы.

Золотой дворецъ Нерона исчезъ, а тотъ деревянный крестъ, къ которому были гвоздями прибиты длани Спасителя, паритъ теперь надъ міромъ! Умереть, да не за друзей только, а и за враговъ — вотъ въ чемъ секретъ! Проповѣдь жизни — жизни въ страданіяхъ — вотъ въ чемъ состояла миссія Іисуса Христа!

Когда Росси подумалъ объ этомъ, что въ глубинѣ его души вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, явилось рѣшеніе того вопроса, который онъ тщетно пытался рѣшить въ послѣдніе дни. Теперь онъ зналъ, чтѣ долженъ сдѣлать завтра, въ Палатѣ депутатовъ, въ критическій моментъ. И отъ внезапнаго свѣта, поразившаго слѣпыя до тѣхъ поръ очи Давида, волосы встали дыбомъ на головѣ его...

XIV.

Передъ тѣмъ какъ лечь спать, онъ написалъ Ромѣ слѣдующее письмо:

«Дорогая моя,—Бруно передастъ вамъ это письмо изъ рукъ въ руки, а когда вы его прочтете, то тотчасъ же сожгите, ради вашей и моей безопасности.

«Съ этой минуты я сбрасываю маску. Какъ ни пріятно поиграть въ прятки съ тѣмъ, кого любишь, но я не могу продолжать эту игру съ вами.

«Вы угадали — я дѣйствительно люблю васъ и вижу теперь, что вы тоже меня лю-

бите, какъ бы я ни мало того заслуживалъ. Не могу не написать вамъ этого, хотя чувствую, что поступаю, какъ сумасшедшій, потому что препятствія къ нашему союзу остаются попрежнему непреодолимыми.

«Насъ раздѣляетъ не одно только мое намѣреніе посвятить себя общественнымъ дѣламъ, не одно только неравенство нашихъ положеній въ свѣтѣ, хотя и это суть препятствія весьма серьезныя. Стѣну между нами построили не люди, а самъ Богъ. И стѣна эта — смерть.

«Представьте себѣ, чтѣ было бы, если бы я былъ боленъ смертельной болѣзью, ракомъ или чахоткой, и вдругъ полюбилъ бы васъ. Чтѣ тогда было бы? Каждая минута радости была бы отравлена для меня сознаніемъ близкой смерти, каждое объятіе, каждый поцѣлуй напоминали бы намъ обоимъ о могилѣ.

«Трагедія ужасная! Но природа милосердна; чудеса ея безконечны. Надежда жила бы въ насъ до послѣдней минуты. Исцѣленіе могло бы явиться даже и тогда, когда надежда потеряна. Но не такова та смерть, на которую осужденъ я. Эта смерть безжалостна и неумолима, при ней нѣтъ мѣста никакой надеждѣ, никакимъ блаженнымъ снамъ.

«Помните, чтѣ я вамъ говорилъ, когда вы были у меня въ первый разъ? Вашъ отецъ, обвиненный въ покушеніи на жизнь короля, которое входило въ общій планъ возстанія, былъ схваченъ и сосланъ безъ суда, а я, раздѣлявшій его воззрѣнія и рѣзко высказывавшійся въ письмахъ, былъ судимъ заочно и приговоренъ къ смерти.

«Не смотря на это, я вернулся въ Италію, хотя уже съ другими цѣлями, съ другими взглядами и подъ другой фамиліей — фамиліей моей матери, въ сущности, по нашимъ безжалостнымъ законамъ о бракѣ, единственной неоспоримо мнѣ принадлежащей. Но я не обманываю себя тщетными надеждами — приговоръ все-таки виситъ надо мною и хотя онъ произнесенъ судомъ военнымъ, а судъ присяжныхъ можетъ измѣнить его, но я не вижу разницы между мгновенной смертью на эшафотѣ и медленной, въ одиночномъ заключеніи или на каторгѣ.

«Чтѣ же мнѣ дѣлать? Я люблю васъ, люблю! Неужели я, подобно бѣдному чахоточному больному, долженъ скрывать отъ васъ и отъ себя свое положеніе, пользуясь короткими минутками счастья, украденными у судь-

бы! Это было бы непростительно жестоко, это было бы дурно и недостойно человека.

«Нѣтъ! Этого не должно быть. Вы знаете, что моя жизнь и свобода находятся въ постоянной опасности, что мое положеніе въ Палатѣ депутатовъ только усиливаетъ эту опасность. Изъ каждой строчки вашихъ писемъ видно, что вы это знаете. И когда вы говорите, что въ васъ вся кровь леденеетъ при мысли о возвращеніи Мингелли изъ Англіи, то въ этомъ проявляется та вполне естественная, вполне женственная слабость, которая оправдываетъ мое настойчивое нежеланіе встрѣчаться съ вами болѣе — именно во имя нашей обоюдной любви.

«Не думайте, что я трусь и боюсь смерти. висящей надо мною. Я не жалею прошлаго и не боюсь будущаго. Каждое правое дѣло требуетъ мученичества. Умереть за правду, за человечество, за благо бѣдныхъ и слабыхъ, труждающихся и обремененныхъ есть завидная участь — завидная привилегія, и я готовъ къ этому. Если нужна моя смерть, то я готовъ отдать послѣднюю каплю крови, готовъ на всякія истязанія, но не хочу тянуть за собою другого и ставить въ опасное положеніе жизни, которая дороже для меня моей собственной.

«Что я такое? Я, съ колыбели, что называется, Божій человекъ, предназначенный на то, чтобы служить одному только Богу. Онъ призываетъ меня къ своему дѣлу и для того, чтобы облегчить это дѣло, не дать мнѣ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Неужели же любовь, въ самую послѣднюю минуту, отвлечетъ меня отъ этого дѣла?

«Она, безспорно, могла бы сдѣлать даже болѣе. Вѣдь я люблю васъ, моя ненаглядная, я желаю васъ всей душой и всѣмъ сердцемъ! Чего не сдѣлаешь при такой любви. Но участь моя рѣшена. Смерть ждетъ меня гдѣ-то. Здѣсь или тамъ, сегодня или завтра, въ этомъ или будущемъ году, а ужъ она меня настигнетъ, и я не намѣренъ бѣжать отъ нея. Но если она меня настигнетъ тогда, когда мое имя будетъ вашимъ и моя судьба вашей, когда мы будемъ составлять одно цѣлое, что тогда? Тогда она разлучитъ насъ, едва успѣвшихъ соединиться, и, унеся меня, обратитъ на васъ всѣ бѣдствія, которыми женщина расплачивается за свою привязанность къ полюбленному мужчине — горе, опасности, стыдъ, бѣдность.

«Я не могу допустить этого. Самая мысль объ этомъ лишаетъ меня силъ. Она можетъ изъ рая сдѣлать адъ. Она лишить меня спокойствія даже въ могилѣ.

«Мнѣ и безъ того не легко. Я вѣдь тоже, подобно другимъ людямъ, мечталъ о женщинѣ, которую небо пошлетъ мнѣ въ подруги — о тихомъ пристанищѣ, о якорѣ, за который душа моя могла бы удержаться въ минуту житейскаго шторма и даже въ часъ самой смерти. Но какая же женщина вынесетъ такую судьбу? Мученичество есть удѣлъ мужчины. Господь избавитъ отъ него женщину.

«Довольно ли съ васъ? Если вы, читая это письмо, почувствуете хоть часть той боли, которую чувствую я, когда пишу его, то поймите, что преніяствія къ нашему соединенію дѣйствительно вѣчны и неустраимы. Пришло время сообщить вамъ тайну, которую я не вѣрялъ до сихъ поръ ни одному человеку. Вы ее теперь знаете. Она въ вашихъ рукахъ, и мнѣ отрадно думать это.

«Карточки въ Палату не посылаю, потому что, изъ-за нѣкоторыхъ соображеній, не желалъ бы, чтобы вы присутствовали на засѣданіи, по крайней мѣрѣ, завтра.

«Да сохранить васъ Богъ! Когда вы помиритеcь съ разлукой и оба мы будемъ твердо исполнять свой долгъ, то помните, что пока я живъ, пока я на свободѣ, я всегда буду готовъ на все для васъ, всегда буду близко, подъ руками, такъ что вамъ стоитъ только позвать меня въ случаѣ надобности. Прощайте, моя ненаглядная, Господь съ вами.

«Давидъ Леоне».

XV.

На слѣдующее утро, еще задолго до десяти часовъ, маленькія улочки, прилегающія къ Парламенту, были запружены народомъ, но площадь передъ фасадомъ, огражденная шалерами войскъ, оставалась пустою, также какъ и главныя улицы, по которымъ карабинеры очистили свободный проходъ для депутатовъ.

Внутри Палаты царствовало страшное возбужденіе. Члены ея толпились въ коридорахъ уже съ половины девятаго. Кучка, человекъ въ пятьдесятъ депутатовъ крайней лѣвой, безъ шапокъ, прогуливались по двору. Давида Росси еще не было, и сторон-

ники его посматривали то на часы, то на входную дверь. Наконецъ, до десяти часовъ осталось только двѣ минуты, а его все нѣтъ.

— Должно быть, не придетъ,—сказалъ кто-то. Слава Богу!—прибавилъ другой, и всѣ съ радостными лицами поспѣшили занять свои мѣста въ амфитеатрѣ.

Тѣмъ временемъ депутаты, принадлежавшіе къ министерскому большинству, собираясь группами по коридорамъ, толковали потихоньку. Между ними распространился слухъ, что первый министръ, старательно наблюдавшій за своими врагами, успѣлъ открыть что-то новое и очень важное, изъ-за чего онъ сегодня, рано утромъ, ѣздилъ въ Квириналь, совѣтоваться съ королемъ, а возвратившись, послалъ за президентомъ Палаты и передалъ ему какое-то королевское повелѣніе. Вслѣдъ за этимъ онъ вызвалъ военнаго министра, по приказанію котораго тотчасъ же были введены въ зданіе Парламента двѣ роты пѣхоты. Онѣ и теперь тутъ.

Прошло десять часовъ, и коридоры въ нѣсколько секундъ опустѣли—министерская партія также поспѣшила занять свои мѣста.

Баронъ Бонелли находился въ кабинетѣ президента, на верху главной лѣстницы. Онъ былъ вполне покоенъ и, по обыкновенію, съ цвѣткомъ въ петличкѣ. Не успѣлъ квесторъ Палаты доложить ему, что засѣданіе сейчасъ начнется, какъ вошелъ приставъ съ трехцвѣтнымъ шарфомъ черезъ плечо и подаль визитную карточку съ какою-то надписью.

— Приведите эту даму сейчасъ же сюда,—сказалъ баронъ.

Это была Рома, и министръ встрѣтилъ ее у дверей.

— Почему это вы захотѣли попасть сюда именно сегодня, дитя мое?—спросилъ онъ.

— А почему бы мнѣ не захотѣть?

— Потому что... сказать вамъ по правдѣ—мы ждемъ скандала. Вашъ другъ, великій первосвященникъ съ Пьяца Навона, собирается что-то также устроить... Во всякомъ случаѣ засѣданіе будетъ не изъ мирныхъ, и вамъ бы лучше отправляться домой.

— Да я теперь ни за какія блага не уйду! Вы возбудили мое любопытство!

— Ну, какъ хотите,—отвѣчалъ баронъ, провожая ее ко входу въ галерею, при чемъ заговорилъ о постороннихъ предметахъ: какъ она сегодня красива! Неужели ему никогда

больше не удастся поговорить съ ней наединѣ? А нужно бы: между ними осталось еще кое-что недостаточно разъясненное. Когда онъ можетъ явиться?

— Я принимаю завтра, послѣ полудня, показываю свои новыя работы,—отвѣчала Рома.

— Такъ я непременно буду,—сказалъ баронъ, цѣлуя ея руку.

Дверь за Ромой затворилась, и министръ собрался уходить, когда вдругъ натолкнулся на Давида Росси, сѣдлившаго занять свое мѣсто въ залѣ засѣданій. По какому-то внезапному импульсу баронъ остановился и заговорилъ:

— Если вы захотите послушаться совѣта вашихъ противниковъ, сеньоръ Росси,—сказалъ онъ,—то обдумайте хорошенько то, что хотите сдѣлать сегодня. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы стоите на краю пропасти и если не заботитесь о собственной жизни или свободѣ, то поберегите, по крайней мѣрѣ, достоинство этой Палаты передъ глазами всего міра.

Коридоръ былъ пустъ, и министръ ждалъ отвѣта, но Росси только поклонился и прошелъ мимо.

Попѣлуй барона еще горѣлъ на рукѣ Ромы, и лицо ея было залито румянцемъ стыда отъ сознанія собственной неискренности, когда приставъ ввелъ ее въ придворную трибуну. Маленькая княгиня была уже тамъ, съ неизмѣннымъ дономъ Камилло и знакомыми иностранцами. Амфитеатръ, какъ и всѣ галереи, былъ переполненъ народомъ. Солнце ярко свѣтило сквозь куполъ; становилось жарко.

Какъ ни была переполненна Палата, въ ней царствовало странное, необычное молчаніе. Никто не смѣялся, не шутилъ, не разговаривалъ; депутаты даже не лорнировали дамъ. Легкій шумъ, неизбѣжный при всякомъ скопленіи народа, зависѣлъ только отъ перешептыванія листовъ брошюры, лежавшей передъ каждымъ депутатомъ и носившей слѣдующее заглавіе: «Палата депутатовъ. Проектъ закона, предложеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ (Бонелли) и военнымъ министромъ (Морра) для обезпеченія общественной безопасности».

Репортеры и многіе другіе изъ депутатовъ безпрестанно посматривали на часы. Донъ Камилло объяснялъ иностранцамъ устрой-

ство Палаты и указывалъ на выдающихся членовъ.

— Вотъ это сидятъ министры, на скамьѣ, подъ президентскимъ кресломъ скамья подсудимыхъ, какъ зовутъ ее радикалы. Торжественное зрѣлище, не правда ли? Настоящія совы! Разъ человѣкъ попадетъ въ министры—баста смѣяться! Только и умѣетъ что таращить глаза посовинному. Первый министр? Его еще нѣтъ. Ахъ, вотъ онъ! Вонъ идетъ Боннели. Рѣшителное лицо, вы говорите? Да, онъ точно изъ стали вылитъ. На этотъ разъ задумывается что-то скверное, повидимому.

Джи-Джи! одолжите-ка мнѣ вашъ бюнокль. —сказала Рома.

Давидъ Росси вошелъ въ Палату, и Рома стала пристально смотрѣть на него. Лицо его было мертвенно блѣдно.

«Неужели не взглянуть?»—думала Рома, не сводя глазъ съ этого лица. Но Росси взглянулъ на придворную трибуну, и очевидно узналъ Рому, хотя ничѣмъ этого не выказалъ.

Въ пять минутъ одиннадцатаго въ Палату вошелъ президентъ со своими секретарями. Онъ молча сѣлъ на мѣсто, позвонилъ и сказалъ: Засѣданіе открыто!

Затѣмъ одинъ изъ секретарей громкимъ голосомъ прочелъ программу засѣданія, которую никто не слушалъ, и наконецъ баронъ Боннели всталъ для того, чтобы предложить первое чтеніе своего билля относительно мѣръ обезпеченія общественной безопасности, и въ публикѣ воцарилась абсолютная тишина. Отбивая каждое слово пальцемъ по столу, министръ рѣзкимъ голосомъ заявилъ, что въ виду обстоятельствъ, не допускающихъ медлительности, король и правительство желаютъ, чтобы билль былъ пропущенъ безъ преній.

Два члена лѣвой тотчасъ же вскочили, прося слова. Но президентъ, дѣлая видъ, что не слышитъ этихъ просьбъ, позвонилъ въ колокольчикъ и предложилъ баллотировать вопросъ.

— Мы просимъ слова!—воскликнула дюжина голосовъ на лѣвой сторонѣ, но въ то же время сотни голосовъ справа стали кричать: Баллотировка! Баллотировка!

— Кто за баллотировку, пусть скажетъ да,—сказалъ президентъ.

— Да!—равкнули двѣсти пятьдесятъ голосовъ сразу.

— Я прошу слова!—истерично выкрикнулъ какой-то депутатъ лѣвой.

— Большинство высказалось за баллотировку,—сказалъ президентъ,—поэтому будемъ баллотировать.

— Незаконно! Противъ устава! Требуемъ слова!—послышалось съ лѣвой стороны.

Первый министръ опять всталъ и тотчасъ же сдѣлался мишенью для всякаго рода оскорбленій.

— Измѣнникъ! Мерзавецъ! Чортъ тебя побери!

Рома, съ своего мѣста въ трибунѣ, отчетливо видѣла, какъ среди всеобщаго смятенія, криковъ, поднятыхъ кулаковъ, блеснули револьверы. Два депутата лѣвой, пользуясь замѣшательствомъ, цѣлили въ барона. Онъ будетъ убитъ навѣрно. Неужели никто не спасетъ его? Неужели никто кромѣ Ромы не видитъ револьверовъ?

Она вскочила на ноги и попробовала закричать, но голосъ измѣнилъ ей. Въ эту минуту Росси бросился на средину зала и сталъ между барономъ и револьверами.

Рома воскликнула и почувствовала, что падаетъ. Шумъ сталъ отъ нея какъ бы удаляться, глаза задернуло туманомъ, кто-то рядомъ произнесъ ея имя, а затѣмъ наступили мракъ и молчаніе.

Когда Давидъ Росси заслонилъ собою министра, то его сторонники прекрасно поняли, съ какимъ намѣреніемъ онъ дѣлаетъ это—при неуспѣхѣ всѣхъ другихъ средствъ помѣшать убійству, ему ничего другого и не оставалось. Не желая убивать своего вожда, они, какъ громомъ пораженные, сразу умолкли.

Но большинство членовъ правой, не понимая поступка Росси и видя, что онъ сталъ задомъ къ министру, желавшему говорить, сочли этотъ поступокъ за преднамѣренное оскорбленіе, дурного тона, и набросились на предполагаемаго оскорбителя, ругая его всячески.

Лѣвая, съ своей стороны, опомнившись отъ удивленія, стала защищать своего вожда—Палата превратилась въ домъ сумасшедшихъ.

— Неучъ!—Невѣжа!—Вахлакъ!—орали правые.

— Дураки!—Ослы!—орали лѣвые.

Росси продолжалъ стоять передъ барономъ, пристально глядя на своихъ сторонниковъ.

Подъ влияніемъ его взгляда, они мало-помалу стали уходить съ своихъ мѣстъ и, столкнувшись въ дверяхъ Палаты, крикнули:

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ король! — отвѣчали ихъ противники.

Когда всѣ депутаты крайней лѣвой вышли, то шумъ сталъ понемногу утихать, и порядокъ возстановился. Убѣдившись, что ни одного изъ его сторонниковъ въ Палатѣ не осталось, Росси тоже собирался уйти, но въ это время баронъ тронулъ его за рукавъ и сказалъ сердитымъ шопотомъ:

— Если вамъ, достопочтенный, желательно оскорблять меня, то выберите какой-нибудь другой способъ для этого, а не становитесь между мной и Парламентомъ.

XVI.

Выйдя въ коридоръ, Росси увидаль пристава, спѣшившаго куда-то со стаканомъ воды и бутылкой вина.

— Что случилось? — спросилъ кто-то.

— Съ одной дамой припадокъ, — отвѣчалъ приставъ, — ее отнесли въ кабинетъ президента.

— А кто такая?

— Донна Рома.

Человѣкъ, только-что безстрашно представлявшій себя подъ выстрѣлы, поблѣднѣлъ и задрожалъ, какъ листъ. Опередивъ пристава, онъ скачками бѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Передъ дверью кабинета, на площадкѣ большой лѣстницы, стояла толпа прислуги. Росси хотѣлъ было протолкаться впередъ, но его остановили.

— Извините, достопочтенный, — сказалъ одинъ изъ лакеевъ, — не приказано никого пускать.

Въ эту минуту первый министръ, тоже бѣгомъ, поднялся по лѣстницѣ, и передъ нимъ дверь тотчасъ же отворилась.

Росси хотѣлъ было ворваться въ комнату вслѣдъ за барономъ, но силы его, только-что выдержавшія страшное напряженіе, на этотъ разъ ему измѣнили — руки висѣли, какъ плети, и ноги не двигались.

Онъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы быть теперь около Ромы, но приходилось подчиниться обстоятельствамъ.

Спустя нѣсколько минутъ, изъ кабинета вышелъ докторъ, товарищъ Росси по Палатѣ.

— Ради Бога! Что съ нею? — спросилъ Давидъ шопотомъ. Лучше ли ей?

— О, да!

— Ну, слава Богу! Слава Богу! — бормоталъ Росси, опершись на руку доктора, чтобы удержаться на ногахъ.

— Пустяки, — сказалъ докторъ, улыбаясь, — дурно сдѣлалось отъ жара и шума.

— А вы увѣрены въ этомъ? Не лучше ли бы вамъ побыть съ ней нѣсколько?

— Вотъ-те-на! Я и не думалъ, пріятель, что вы можете до такой степени перепугаться...

— Да, да, но вѣдь эта женщина, знаете ли... нельзя же допустить, чтобы женщина...

— Удивительный вы человѣкъ, Росси, клянусь Богомъ! — воскликнулъ докторъ, стараясь скрыть свое волненіе, — я вѣдь видѣлъ, что вы сдѣлали пять минутъ тому назадъ, а теперь... Ну подождите здѣсь, она сейчасъ выйдетъ.

Вслѣдъ затѣмъ Росси услышалъ шелестъ шелковаго платья и голосъ барона, мягкимъ, нѣжнымъ, почти фамиліарнымъ тономъ произносившій какія-то успокоительныя фразы. Не дожидаясь выхода Ромы, Давидъ, преслѣдуемый запахомъ знакомыхъ духовъ, бросился бѣжать вверхъ по лѣстницѣ.

Изъ окна библіотеки, которая находится въ третьемъ этажѣ парламентскаго зданія, онъ выглянулъ на площадъ. Карета ждала у портика, и вскорѣ Рома вышла, поддерживаемая барономъ, который былъ безъ шляпы. Садясь въ экипажъ, Рома улыбнулась барону.

За такую улыбку Росси отдалъ бы свою жизнь. Домой онъ ушелъ въ глубокомъ раздумьи.

«Что же я такое сдѣлалъ?» — думалъ онъ; — «я ненавижу этого человѣка, желаю ему смерти и все-таки спасъ его жизни! Зачѣмъ? Для того, чтобы Рома опять попала въ его лапы? Только этого я добился цѣною жи передъ самимъ собою!»

Полчаса спустя, только-что Росси успѣлъ придти домой, ему подали письмо, доставленное съ посыльнымъ на велосипедѣ. Оно было написано карандашомъ и весьма неразборчиво.

«Дорогой синьоръ Росси, — ваше письмо было получено и сожжено согласно вашему желанію, хотя этимъ пламенемъ я обожгла себя не только руку, но и сердце.

«Вы, безъ сомнѣнія, поступаете благо-разумно. Вамъ лучше знать, что намъ обоимъ нужно, и я уступаю, подчиняюсь. Но только—именно поэтому—я должна немедленно видѣться съ вами. Есть очень важное дѣло, о которомъ мнѣ нужно вамъ сообщить. Это дѣло не имѣетъ никакого отношенія—прямого по крайней мѣрѣ—ни къ предмету вашего письма, ни къ махинаціямъ Мингелли. Вы, стало быть, смѣло можете принять меня. Это бы меня значительно успокоило.

«Не говорила ли я вамъ, что если вы ко мнѣ не придете, то я къ вамъ явлюсь сама? Ждите меня сегодня, около вечера, и устройте такъ, чтобы намъ можно было говорить наединѣ.

«Рома В.»

«P. S. Я видѣла и поняла, что вы сдѣлали сегодня въ Палатѣ, но полагаю, что ради безопасности членовъ вашей партіи не слѣдуетъ не только говорить, а и думать объ этомъ».

XVII.

Когда зазвонили къ Ave Maria, волненіе Росси дошло до крайней степени. Онъ не могъ посидѣть на мѣстѣ, безпрестанно подходилъ къ окнамъ и прислушивался. Волноваться ему пришлось, однако же, недолго. Не прошло нѣсколькихъ минутъ по окончаніи звона, какъ къ его дому подѣхалъ экипажъ, а затѣмъ на лѣстницѣ послышались легкіе шаги. Съ сильно бьющимся сердцемъ Росси поспѣшилъ встрѣтить гостя.

Рома, въ своей черной шапочкѣ и каракулевой жакеткѣ, вошла весьма быстро и поздоровалась почти шепотомъ. Впрочемъ, Росси былъ такъ взволнованъ, что у него кружилась голова, и даже глаза его плохо видѣли, а уши плохо слышали.

— Я пришла на минутку,—сказала Рома,—получили вы мое письмо? Росси молча поклонился.

— Давидъ, вы должны исполнить свое обѣщаніе.

— Какое?

— Вы обѣщали тотчасъ же явиться, какъ только мнѣ понадобится. Вы мнѣ теперь нужны. Фонтанъ мой конченъ, и завтра послѣ полудня я его выставлю. Весь городъ будетъ; я хочу, чтобы и вы были.

— Развѣ это нужно?

— Да, для нѣкоторыхъ моихъ цѣлей. Не спрашивайте почему. Вообще ни о чемъ меня не спрашивайте, но вѣрьте и приходите.

Рома говорила быстро, твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Брови ея были сморщенные, губы сжаты, лицо горѣло, а глаза блестя. Росси никогда не видалъ ее такою.

«Что бы это такое могло быть?»—подумалъ онъ, но вслухъ сказалъ только:—Очень хорошо, буду.

— Вотъ и все. Я могла бы написать вамъ, но побоялась, что вы откажете, и захотѣла лично заручиться вашимъ обѣщаніемъ, прощайте.

Ни при входѣ, ни теперь—при прощаньи, Рома не подала Давиду руки.

— Рома!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.

Она остановилась, но не выговорила ни слова. Росси даже въ жаръ бросило.

— Я очень радъ—радъ слышать, что вы согласны съ тѣмъ, что я вамъ писалъ.

— Въ послѣднемъ письмѣ? Въ которомъ вы высказываете желаніе, чтобы я васъ за-была?

— Такъ будетъ лучше... повѣрьте, что такъ будетъ лучше. Я вообще думаю, что если, при женитьбѣ, какая-нибудь сторона имѣетъ разумныя причины сомнѣваться въ будущемъ, то лучше разойтись—хотя бы передъ дверью церкви—чѣмъ всю жизнь мучиться...

— Такъ, такъ,—сказала она, отвернувшись и едва переводя дыханіе.

— Но вы не подумайте, что я хладнокровно расстаюсь съ вами, Рома,—продолжалъ Росси. Знаете:—да будетъ воля Твоя. Есть минуты въ жизни, когда трудно бываетъ сказать себѣ это... Я буду молиться за васъ и, можетъ быть, въ вѣчности...

— Вѣдь мы условились не говорить объ этомъ,—сказала она нетерпѣливо. Затѣмъ глаза ихъ встрѣтились, и Росси понялъ, что лжетъ самому себѣ и что вся его проповѣдь самоотреченія звучитъ фальшиво.

— Если я вамъ буду нуженъ, такъ вы мнѣ лучше напишите,—повторилъ онъ еще разъ.

Лицо Ромы омрачилось.

— Ради васъ же самихъ, знаете ли...

— О, это пустяки, совершенные пустяки.

— Не совѣмъ. И такъ уже мнѣ намекаютъ...

— Ну и что же вы?

— А я имъ говорю...—началь было Рос-сп, покраснѣвъ и сильно сжимая спинку стула.

— Понимаю!—прервала Рома, отвернувшись и сверкнувъ глазами. Простите, что я васъ разсердила своимъ визитомъ.

— Разсердили!—воскликнуть Росси, и въ этомъ восклицаніи выяснилась вся его любовь къ Ромѣ и вся нѣжная заботливость о ея будущемъ.

Сильный дождь забарабанилъ въ окна.

— Нельзя же вамъ теперь уйдти,—сказалъ Росси,—и ужъ разъ вы тутъ, съ тѣмъ чтобы никогда болѣе не переступать этого порога, то выслушайте то, что мнѣ нужно сказать вамъ.

Рома тотчасъ же сѣла, разстегнула жакетку и сдвинула ее на плечи.

Дождь лилъ потоками, и площадь превратилась въ озеро.

— Мнѣ нужно сказать вамъ нѣчто очень важное,—продолжалъ Росси—и лучше сдѣлать это теперь, тѣмъ болѣе, что дождь не скоро кончится.

Рома вынула шпильку, сняла шляпку, положила ее около себя и стала снимать перчатки. Благородное, молодое и одушевленное лицо ея сіяло теперь новой красотой. Росси едва смѣлъ взглянуть на нее, боясь, что не выдержитъ и бросится къ ея ногамъ.

«Какъ она покойна!»—думалъ онъ,—«почему бы это?»

Подойдя къ своему бюро, онъ вынулъ оттуда круглый свертокъ, а затѣмъ спросилъ:

— Помните ли вы голосъ вашего отца?

— Только это одно и помню изъ моего ранняго дѣтства. А что?

— Онъ вотъ тутъ, въ этомъ цилиндрѣ.

Рома быстро вскочила, но потомъ опять усѣлась въ кресло.

— Говорите!—сказала она.

— Будути сосланъ на островъ Эльбу, отецъ вашъ жилъ на свободѣ и находился только подъ присмотромъ полиціи. Сосланъ онъ былъ, собственно говоря, только на пять лѣтъ, но впоследствии, подъ разными предлогами, ссылка была сдѣлана пожизненной. Живя на свободѣ, онъ могъ встрѣчаться съ другими ссылными, присылаемыми на островъ и вновь оттуда вывозимыми. Черезъ нихъ онъ зналъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Онъ имѣлъ свѣдѣнія, значить, и обо мнѣ?

— Да, и обо мнѣ тоже. Одинъ ссылный рассказалъ ему кое-что о Давидѣ Росси, и докторъ угадалъ въ этомъ послѣднемъ Давида Леоне—того мальчика, котораго онъ спасъ и воспиталъ. Желая послать мнѣ письмо...

— Такъ это, стало быть...

— Это цилиндръ для фонографа. Письма ссылныхъ просматриваются полиціей, а пересылать ихъ безъ вѣдома послѣдней весьма затруднительно, поэтому докторъ воспользовался фонографомъ, присланнымъ къ намъ-то для забавы заключенныхъ. Вся колонія собиралась слушать этотъ фонографъ, а между цилиндрами, къ нему приложенными, оказались и пустые. Вашъ отецъ записалъ свои слова на одномъ изъ нихъ и прислать мнѣ его съ арестантомъ, отбывшимъ срокъ ссылки. Вотъ этотъ цилиндръ.

Съ невольной дрожью взяла Рома изъ рукъ Давида круглую картонную коробку, на которой снаружи было напечатано: «Отрывки изъ Фауста», а внутри, карандашомъ, надарано: «Д. Л. въ собственныя руки. Если депутатъ Давидъ Росси не знаетъ, гдѣ найти его, то просить уничтожить».

Отъ сильнаго дождя, въ комнатѣ было темно, но при свѣтѣ камина Росси увидалъ, что собесѣдница его сильно поблѣднѣла.

— Значить, въ этомъ цилиндрѣ голосъ моего отца?—спросила она.

— Да, его послѣднія желанія.

— Онъ умеръ два года тому назадъ, а между тѣмъ...

— Хватитъ ли у васъ силы слышать этотъ голосъ?

— Попробую, — проговорила она едва слышно.

Росси взялъ изъ ея рукъ цилиндръ, вложилъ его въ фонографъ, завелъ пружину и дотронулся до рычага. Не смотря на шумъ дождя, порывами хлеставшаго въ окна, шипѣніе машины было явственно слышно.

Росси стоялъ рядомъ съ Ромой, которая положила свою руку на его рукавъ. Немного спустя изъ машины послышался ясный, старческій голосъ:

«Давидъ Леоне — вашъ старый другъ, докторъ Розелли, шлетъ вамъ послѣдній привѣтъ».

Рука Ромы конвульсивно сжала руку Давида.

— Пойдите, — сказала молодая дѣвушка, — дайте мнѣ придти въ себя.

Росси остановить машину. Рома взглянула вокругъ, какъ бы ожидая увидѣть духъ своего отца. Сначала она дышала часто и порывисто, но затѣмъ начала понемногу успокоиваться.

— Теперь мнѣ лучше, — сказала она. наконецъ, — продолжайте.

Машина вновь начала шипѣть и потомъ заговорила:

«Сынъ мой, я исполнить обѣщаніе, данное вамъ при вашей разлукѣ, въ Лондонѣ, но письмо мое не дошло до васъ. Въ немъ я писалъ, сообщалъ вамъ свое настоящее имя и причину, по которой я долженъ былъ переимѣнить его. Теперь это слишкомъ долго бы было повторять. Скажу кратко; я — Просперо Волонна. Отецъ мой былъ послѣднимъ изъ князей этого имени. За исключеніемъ правительства и его шпионовъ, никто въ Римѣ не знаетъ меня подъ именемъ Розелли, и никто въ Лондонѣ не знаетъ, что я — князь Волонна. Никто, кромѣ моей дочери, бѣдной Ромы».

Руку Росси опять сильно сжали, и потому голова у него закружилась.

«Будучи погребенъ здѣсь заживо, я понемногу собирать свѣдѣнія о томъ, что произошло въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ меня изъ него выгнали. Измѣническое письмо, призвавшее меня назадъ въ Италію и предавшее въ руки полиціи, было написано человекомъ, который получилъ въ награду за свое предательство всѣ мои родовыя имѣнія».

— Баронмъ?

Росси опять остановить машину и спросить Рому:

— Можете ли вы слушать дальше?

— Продолжайте, продолжайте, — отвѣчала она твердымъ голосомъ. Блѣдное лицо ея теперь раскраснѣлось.

Голосъ, выходившій изъ фонографа, сталъ теперь болѣе слабымъ и дрожащимъ.

«Предавъ отца, онъ, одинъ Богъ только знаетъ почему, принялъ на себя заботы о дочери. Пріѣхавъ въ Англію, напелъ Рому на улицѣ, куда ее вышвырнули дурные люди, которымъ она была мною поручена, и подкупилъ ихъ похоронить вмѣсто нея трупъ какой-то неизвѣстной дѣвочки».

Рука Ромы, холодная, какъ ледъ, легла на руку Давида. Голосъ доктора Розелли становился все слабѣе.

«Теперь дочь моя въ Римѣ. Живетъ подъ тѣмъ именемъ, которое принадлежитъ

мнѣ въ Италіи, въ средѣ очень опасной и, можетъ быть, позорной. Сынъ мой, спасите ее изъ этой среды! Человѣкъ, продавшій отца, продастъ также и дочь. Отнимите ее у него. Освободите ее — это моя послѣдняя просьба».

Руки молодыхъ людей сжимали одна другую, а сердца ихъ учащенно бились.

«Давидъ! — голосъ быстро ослабѣвалъ — я буду мертвъ, когда это посланіе дойдетъ до васъ... Передъ смертью меня мучить страхъ... Не шутите моею просьбой... Но, во всякомъ случаѣ... будьте снисходительны къ бѣдной дѣвочкѣ... Я вижу ее во снѣ всякую ночь и шлю ей свое благословеніе... Прощайте, сынъ мой!.. Конечъ близокъ. Да поможетъ вамъ Богъ исправить и додѣлать то, что я испортилъ или не додѣлалъ. И если смерть не убиваетъ души вмѣстѣ съ тѣломъ, то вѣрите, что на небесахъ у васъ есть ходатаи и помощники».

Голосъ умолкъ, машина остановилась. Дождь также пересталъ, и съ улицы донесся стукъ колесъ. Рома, выпустивъ руку Росси, упала на колѣни. Минуту спустя она встала, вытерла платкомъ глаза и начала надѣвать шляпку.

— Давно ли вы получили это посланіе? — спросила она.

— Въ тотъ день, когда вы въ первый разъ здѣсь были.

— А когда я просила васъ прійти ко мнѣ... помните, по тому поводу, котораго теперь стыжусь... вы думали тогда о просьбѣ моего отца?

— Думалъ.

— Вы больше мѣсяца знаете все о баронѣ и ничего мнѣ не сказали... Почему вы мнѣ ничего не сказали?

— Вначалѣ вы бы моимъ словамъ не повѣрили.

— А потомъ?

— Потомъ у меня явилась другая причина.

— Касающаяся меня?

— Да.

— Ну, а теперь?

— Теперь мы съ вами разстанемся навсегда, и я обязанъ былъ сказать вамъ, что такое баронъ.

— А если бы вы знали, что онъ все время старался натравить на васъ кое-кого?

— Это нисколько не измѣнило бы дѣла.

Рома подняла голову, глаза ея блеснули гнѣвомъ, но она сдержалась и сказала, съ трудомъ выговаривая слова:

— Приходите ко мнѣ завтра, Давидъ! Непремѣнно приходите! Если вы не придете, то я вамъ никогда, никогда не прощу! Но вы придете! Я знаю—вы придете!

Съ этими словами, какъ бы боясь разрыдаться, она быстро повернулась и, не прибавивъ ни одного слова, выбѣжала изъ комнаты.

«Она никогда больше не попадетъ въ лапы этого человѣка», подумалъ Росси. Затѣмъ онъ зажегъ лампу и сѣлъ работать, но работа не спорилась, и Давидъ до глубокой ночи просидѣлъ въ тяжеломъ раздумьи.

XVIII.

На другое утро Давидъ еще не вставалъ съ постели, какъ кто-то постучался къ нему въ дверь. Это былъ Бруно. Великанъ былъ видимо чѣмъ-то разстроенъ и говорилъ шопотомъ:

— Вы сегодня не пойдете къ доннѣ Ромѣ, синьоръ?

— Почему же не пойти, Бруно?

— А вы видѣли сами-то тотъ бюстъ, который она слѣпила?

— Почти не видалъ.

— Вотъ именно. И я тоже. Она позаботилась объ этомъ—запирала его на ночь и отдала выскать не мнѣ, а другому. Но я видѣлъ его въ то утро, когда она начала, и знаю, что это за штука.

— А что же такое, Бруно?

— Вѣдь вы опять разсердитесь, синьоръ?

— Говорите, не разсержусь.

— Она сдѣлала изъ васъ Іуду, синьоръ.

— Только и всего?

— Только и всего!.. Да вѣдь это каррикатура!.. А вы позировали четыре дня и даже не замѣтили! Отвратительно, синьоръ... Просто отвратительно! И она это нарочно. Что вы ни говорите, а я всегда буду ненавидѣть эту женщину. Вотъ она теперь ставляетъ свои работы и васъ пригласила, а вы и пойдете! На смѣхъ васъ пригласила! Не ходите, синьоръ! Послушайтесь моего дурнакаго совѣта—не ходите!

— Бруно,—сказалъ Росси, продолжая лежать,—поймите меня разъ навсегда. Можетъ быть, донна Рома и сдѣлала изъ меня Іуду—я не могу отрицать, если вы это го-

ворите такъ. Но если бы она даже вытѣснила съ меня сатану, такъ я все-таки не пересталъ бы вѣрить въ нее.

— Не перестали бы?

— Клянусь Богомъ—нѣтъ. А теперь убирайтесь, пожалуйста, отсюда и оставьте меня одного.

Когда Росси отправился по приглашенію Ромы, улицы были полны народомъ. Густыя толпы стояли на перекресткахъ, читая только-что расклеенныя громадныя, желтыя плакарды. Это была прокламація, подписанная министромъ внутреннихъ дѣлъ и составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Римляне, — до свѣдѣнія правительства дошло, что кучка злонамѣренныхъ людей, враговъ трона и государства, находящихся въ сношеніи съ иностранными республиканскими, атеистическими и анархистскими кружками, пытаясь вызвать беспорядки, недостойные цивилизованной націи и должествующіе опозорить Италію въ глазахъ Европы, подстрекаетъ народъ къ противодѣйствию законамъ, прошедшимъ, согласно конституціи, черезъ Парламентъ и получившимъ санкцію короля. Въ виду этого правительство, обязанное охранять конституцію, симъ предупреждаетъ публику, что оно не остановится ни передъ какими мѣрами, чтобы не допустить вышеозначенныхъ беспорядковъ, а потому положительно воспрещаетъ всякія народныя сборища, какъ на площадяхъ и улицахъ, такъ и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ».

XIX.

Маленькая площадь Тринита-дель-Монти была запружена экипажами, а квартира Ромы едва могла вмѣстить посѣтителей. Росси проходилъ сквозь толпу, сохраняя спокойствіе человѣка, привыкшаго привлекать къ себѣ общее вниманіе, но Рома встрѣтила его, пожалуй, даже черезчуръ привѣтливо.

— Наконецъ-то вы явились!—воскликнула она такъ громко, что всѣ насторожились, а потомъ вполголоса прибавила:—будьте около меня и не уходите, пока я васъ не отпущу.

Выраженіе ея лица было то самое, которое удивило его вчера—раскраснѣвшія щеки, твердо сжатые губы, блестящіе глаза—вообще страшно возбужденное, почти до истерики.

Гости ея дѣлились на четыре группы. Одна изъ нихъ заключала въ себѣ напудренную и надушенную тетушку, обложенную подушками и принимавшую посѣтителей сидя въ креслѣ, около котораго стоялъ баронъ, по обыкновенію корректный, спокойный и улыбавшійся своею холодной улыбкой. Во второй группѣ, стоявшей у окна, находились донъ Камилло и нѣсколько свѣтскихъ дамъ, которыя разговаривали въ полголоса и безпрестанно смѣялись. Третья группа состояла изъ журналистокъ, Ольги и Лены, къ которымъ присоединилась портниха, мадамъ Селла. Четвертую группу составляли англійскій и американскій посланники, графъ Маріо и нѣсколько дипломатовъ.

Разговоръ безпрестанно прерывался появленіемъ новыхъ гостей и состоялъ больше изъ какихъ-то намековъ, недоговоренныхъ фразъ, какъ бы указывавшихъ на нѣчто потѣшное и скандальное, что должно скорѣе совершиться, но о чемъ говорить открыто не слѣдуетъ.

«Слышали вы»... «Правда ли, что»... «Нѣтъ?»... «Не можетъ быть!»... «Вотъ потѣха!»... Шопотъ, легкій смѣхъ, трескъ складываемыхъ и развертываемыхъ вѣеровъ, насмѣшливые взгляды...

Рома замѣчала все это, повидимому, и по временамъ выѣшивалась въ разговоры, рѣзко выводя наружу все, что въ нихъ заключалось умышленно скрытаго.

— И этотъ баринъ тутъ! — сказала одна изъ журналистокъ при входѣ Росси.

— Въ одной комнатѣ съ барономъ, послѣ той сцены, которая произошла въ Палатѣ! — прибавила другая.

— Онъ, говорятъ, ужасно былъ грубъ, — сказала мадамъ Селла.

— Грубъ? Этого мало! Онъ былъ дерзокъ и не только съ барономъ, а со всѣми. Даже Ватиканъ теперь, говорятъ, противъ него и намѣренъ противодействовать ему во всемъ.

— Что же удивительнаго! Онъ всѣмъ насолил. Я только удивляюсь, какъ первый министр...

— Ахъ, оставьте перваго министра въ покоѣ. Онъ сумѣетъ справиться... Развѣ вы не слышали, зачѣмъ мы сегодня сюда приглашены? Нѣтъ? Не слышали, что... — окончаніе фразы было сказано шопотомъ.

— Да что вы? Ну, тогда понятно... Такъ! Такъ! — Опять шопотъ и трещанье вѣерами.

— Онъ — необыкновенный человѣкъ! Первый изъ государственныхъ людей Европы!

— Съ вашей стороны очень безпристрастно признавать это, — вдругъ обернувшись, встала Рома, — потому что министр никогда не былъ другомъ журналистовъ и даже говорилъ мнѣ, что ни одинъ изъ нихъ не подорожитъ даже честию своей матери, лишь бы произвести сенсацію.

— Любовь? — послышался голосъ донъ Камилло во время паузы, которую сопровождалось слова Ромы. Да что же общаго она имѣетъ съ бракомъ? Послѣдній только портитъ ее. Затѣмъ, среди общаго смѣха окружающихъ его дамъ, онъ юмористически описалъ свою бѣдность и покаялся въ намѣреніи поправить свои дѣла выгоднымъ бракомъ.

— Что прикажете дѣлать? Войдите въ мое положеніе: древнее имя и никакихъ доходовъ! Великолѣбный дворецъ, старый, какъ пирамиды, и не на что нанять повара!

— Не хвастайтесь своею бѣдностью, Джи-Джи, — сказала Рома, — многія изъ римскихъ дамъ бѣднѣе васъ. Вотъ хоть бы я, мадамъ Селла завтра же можетъ арестовать всю мою мебель за долги, и если муниципалитетъ забракуетъ мой фонтанъ...

— Сенаторъ Паломба! — могильнымъ голосомъ доложилъ Филиче, отворяя двери.

Маленькій, вкрадчивый, елеяный мэръ города Рима подошелъ къ Ромѣ и, бѣгая по сторонамъ своими лисьиными глазами, сказалъ:

— Кажется, рѣчь идетъ обо мнѣ?

— Я говорю, что если муниципалитетъ забракуетъ мой фонтанъ... — сказала Рома.

Маленькій человѣчекъ отвѣтилъ комическимъ жестомъ ужаса, и Рома не успѣла докончить фразы, какъ послышался голосъ тетушки.

— Рома, я свои обязанности исполнила, и теперь баронъ рекомендуетъ мнѣ отдохнуть. Наталина! Гдѣ моя Наталина?

Но вмѣсто Наталины многіе изъ гостей бросились катить кресло тетушки въ ея комнату, куда прослѣдоваль и баронъ.

— Удивительный человѣкъ! Удивительный! — послышались голоса, когда фигура министра исчезла за дверью.

Разговоръ сталъ было замирать, но явилась княгиня Беллини и вновь его оживила.

— Я опоздала, душечка, — сказала она, цѣлуя Рому въ обѣ щеки, — но не виновата.

та—меня чуть не разорвали на куски! Карета моя едва могла пробраться сквозь толпы народа.

— Даже толпы?

— Положительно толпы! По улицам пройти невозможно! Должно быть, опять демонстрация. Бѣдняки только тѣмъ и занимаются.

— Ахъ да! — сказалъ донъ Камилло, — слышали вы новость, Рома?

— Я день и ночь работаю и ничего не знаю, — отвѣчала Рома.

— Ну, какъ же! Для того, чтобы предупредить повтореніе сценъ, подобныхъ вчерашней, король узаконилъ актъ общественной безопасности своимъ декретомъ; всякому кризису конецъ.

— И что же теперь?

— Теперь первый министръ сталъ хозяиномъ положенія и уже воспретилъ народное собраніе въ Колизеѣ.

— И прекрасно! — сказалъ графъ Маріо; — довольно съ насъ либеральныхъ реформъ.

— И скандальныхъ рѣчей агитаторовъ, — добавила мадамъ Селла.

— И свободы печати, — сказалъ сенаторъ Паломба.

Затѣмъ всѣ трое обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ.

— Подождите, подождите, — потихоньку сказала Рома Давиду, молча стоявшему рядомъ съ нею.

— Несчастная Италия! — воскликнулъ американскій посолъ, — съ одной стороны армія титулованныхъ аристократовъ, а съ другой — армія бѣдняковъ. Первые кушаютъ мороженое подъ музыку, а послѣдніе на голодный желудокъ маршируютъ по улицамъ, демонстрируя противъ правительства.

— Вы судите о насъ съ точки зрѣнія иностранца, — сказалъ донъ Камилло, — и забываете о нашей любви къ зрѣлищамъ. Княгиня говоритъ, что наши бѣдняки вѣчно демонстрируютъ. Да мы и всѣ не прочь продемонстрировать, хотя бы на похоронахъ, съ музыкой и развернутыми знаменами. А если нѣтъ похоронъ, такъ подавай намъ хоть свадьбу, съ потоками слезъ и цѣлымъ водонадомъ цвѣтовъ. Ну, а коли нѣтъ ни того, ни другого, то мы устраиваемъ революціи и требуемъ, чтобы наши ораторы по цвѣтистѣе говорили намъ о подати на хлѣбъ.

— Вѣчно толкуютъ объ этомъ хлѣбъ! — смѣясь, сказала княгиня.

— Въ Америкѣ, генераль, живутъ преувеличенно серіозные люди, а вѣдь мы, итальянцы, все больше актеры. Король, Парламентъ, даже самъ папа...

— Перестаньте, богохульникъ этакій! — сказала княгиня, — но что касается напихъ политическихъ агитаторовъ...

— Ну, ужъ они-то самые настоящіе актеры, княгиня. Да и вообще всѣ мы, отъ мала до велика, не прочь поактерствовать.

— Слѣдовательно, — началъ американецъ, — быть первымъ министромъ въ Римѣ...

— Значить — быть первымъ актеромъ въ Европѣ, лучшею ролью котораго является та, когда онъ одерживаетъ побѣду надъ своими противниками, ставя ихъ въ смѣшное положеніе.

— На что это онъ намекаетъ? — спросилъ потихоньку англичанинъ у американца.

— Развѣ вы не знаете? Не слыхали, что готовится?...

Слѣдуетъ пошотъ.

— Подождите, подождите! — шепчетъ съ своей стороны Рома Давиду.

— Джи-Джи! — сказала княгиня въ полголоса — какъ вы глупы! Затѣмъ вы обижаете Рому? Взгляните-ка на нее! Какъ могутъ мужчины быть такими смѣлыми! И баронъ такой же. Онъ слишкомъ гордъ, чтобы повѣрить кому-нибудь, но рано или поздно я выскажу ему правду. Онъ здѣсь, кажется? Въ спальнѣ графини?... Какъ вамъ нравится мое платьѣ?

— Превосходно!

— Правда? Черное съ голубымъ очень эффектно, не такъ ли? Это любимые цвѣты барона. А какъ хозяйка-то наша возбуждена! Чуть не весь Римъ собралъ. Когда же мы, наконецъ, увидимъ ея произведеніе? Чего мы ждемъ?... А, вотъ и баронъ!

— Кажется, всѣ въ сборѣ? — спросила Рома, блестящими глазами оглядывая тиссеславную, свѣтскую толпу, оскорбившую и оскорбляющую Давида Росси.

— Будьте осторожны! — шепнулъ ей послѣдній, но она только разсмѣялась презрительно.

Вся компанія, подъ предводительствомъ хозяйки, спустилась, затѣмъ, по винтовой лѣстницѣ въ студию.

Фонтанъ стоялъ посрединѣ, и гости обступили его кругомъ.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ФИЛЬМЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ Уэллса.

(Съ англійскаго).

Воздухоплаваніе, въ сущности, изобрѣтено не однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а тысячами людей, которые, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, мало-по-малу накопили опыты и усовершенствованія, болѣе или менѣе счастливыя. Но несправедливость человеческая склонна приписывать всѣ великія открытія тѣмъ единичнымъ личностямъ, которыя давали этимъ открытіямъ послѣдній толчекъ. Такъ было съ Уаттомъ, такъ было со Стефенсономъ и такъ же вышло съ бѣднымъ, застѣнчивымъ, трусливымъ Фильмеромъ, который, даже не пробуя летать, завинтилъ, такъ сказать, послѣдній винтикъ въ машинѣ, измѣнившей всю обстановку жизни человѣка на землѣ. Никогда, кажется, столь часто встрѣчающійся контрастъ между личностью изобрѣтателя и величіемъ сдѣланнаго имъ изобрѣтенія не былъ такъ великъ. Въ біографіи Фильмера многое остается темнымъ — историки такими личностями не интересуются — но конецъ его карьеры у всѣхъ на виду, а начало ея можетъ быть отчасти выяснено на основаніи нѣкоторыхъ писемъ, документовъ, свидѣтельскихъ показаній и проч.

Первое появленіе Фильмера на страницахъ исторіи отмѣчено просьбой его о принятіи въ чисто казеннокоштныхъ студентовъ Южно-Кенсингтонской физической лабораторіи. Въ этой просьбѣ онъ называетъ себя сыномъ «военнаго сапожника» въ Луврѣ и, прилагая къ ней экзаменаціонный листъ, покрытый прекрасными отмѣтками, особенно по физикѣ и математикѣ, довольно таки униженно ссылается на свою бѣдность и несчастья, при чемъ обѣщаетъ, въ случаѣ принятія, посвятить себя точнымъ наукамъ. На оборотѣ этой просьбы отмѣчено, что Фильмеръ принятъ въ стипендіаты лабораторіи, но никакихъ дальнѣйшихъ отмѣтокъ не имѣется.

Изъ свидѣтельскихъ показаній явствуетъ, однако, что не прошло и года, какъ Фильмеръ, соблазненный возможностью нѣсколько увеличить свой доходъ, отказался отъ намѣренія посвятить себя наукѣ, бросилъ стипендію и поступилъ счетчикомъ къ одному извѣстному профессору, занимавшемуся трудными изысканіями по астрофизикѣ. За эту работу онъ получалъ по девяти пенсовъ въ часъ. Позднѣе, за цѣлыхъ семь лѣтъ, мы не

имѣмъ никакихъ свѣдѣній о Фильмерѣ, кромѣ того развѣ, что онъ въ это время успѣлъ выдержать въ Лондонскомъ университетѣ экзаменъ на бакалавра точныхъ наукъ съ отличіемъ. Гдѣ и чѣмъ онъ жилъ—никому не извѣстно. Можно только догадываться, что онъ готовился къ экзамену, содержа себя уроками. Къ этому времени относится, между прочимъ, упоминаніе о Фильмерѣ въ одномъ изъ писемъ поэта, Артура Хикса.

«Вы помните, конечно, Фильмера», пишетъ Хиксъ къ своему другу Вансу, «онъ нисколько не перемѣнился: все такой же нелюдимый мямля, все съ такимъ же небритымъ подбородкомъ—какъ это человѣкъ ухитряется всегда казаться брившимся дня три тому назадъ?—и такими же бѣгающими глазками. Даже поношенный сюртукъ и обтрепанный воротъ рубашки, кажется тѣ же самые. Онъ списываетъ что-то такое въ библіотекѣ, и когда я подѣлалъ къ нему—чисто изъ одного только милосердія—то онъ началъ старательно закрывать отъ меня свою работу. Должно быть, изобрѣтаетъ что-нибудь и боится, какъ бы я не похитилъ у него идею! Онъ, оказывается, блестящимъ образомъ сдалъ экзаменъ на бакалавра (ужасно спѣшилъ разсказать объ этомъ и препротивно задыхался, разсказывая) и говоритъ теперь о докторскомъ дипломѣ такимъ тономъ, какъ будто имѣетъ уже его въ карманѣ. Затѣмъ, продолжая закрывать отъ меня свои писанія, Фильмеръ покровительственно освѣдомился о томъ, чѣмъ я занимаюсь. «Поэзіей!» сказалъ онъ, «чему же вы думаете научить людей вашей поэзіей, Хиксъ?» Однимъ словомъ, въ немъ уже виденъ провинціальный профессоръ, и горячо благодарю Бога за ту дозу лѣни и безопасности, которую онъ отпустилъ на мою долю, такъ какъ она помѣшала мнѣ слѣдовать по тому же пути, т.-е. къ докторству, профессорству и окончательной гибели»...

Весьма талантливый психологическій очеркъ, набросанный должно быть какъ разъ въ минуту зарожденія ве-

ликаго открытія въ умѣ несчастнаго Фильмера.

Хиксъ, однако жъ, очень ошибся, предрекая послѣднему провинціальную профессуру. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній мы видимъ, что Фильмеръ скоро сталъ управляющимъ большой резиновой мануфактуры и даже представилъ Промышленному Обществу докладъ «О гуттаперчѣ и ея суррогатахъ». Въ то же время онъ состоялъ членомъ «Воздухоплавательнаго общества», хотя въ работахъ его, повидимому, не участвовать, предпочитая разрабатывать свою идею наединѣ и втихомолку.

Черезъ два года послѣ представленія вышеозначеннаго доклада Промышленному Обществу, Фильмеръ успѣшно запасается множествомъ патентовъ и привилегій на разные подробности своего открытія и начинаетъ рекламировать его самыми недостойными порядочнаго человѣка путями. Первое полное заявленіе объ этомъ открытіи появилось въ грошово-й вечерней газеткѣ и было написано какимъ-то субъектомъ, жившимъ въ одномъ домѣ съ Фильмеромъ. Такая суэта и поспѣшность, послѣ долгаго молчанія и строгой тайны, объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это время извѣстный американскій шарлатанъ Нуттъ заявилъ о какомъ-то своемъ изобрѣтеніи, въ которомъ Фильмеръ ошибочно увидалъ плагіатъ своей идеи.

Въ чемъ же состояла эта идея? Въ сущности она была очень проста. До Фильмера авионавтика шла по двумъ разнымъ путямъ. Съ одной стороны, изобрѣтатели старались усовершенствовать аэростаты, то-есть огромные шары, которые, будучи легче воздуха, легко поднимались вверхъ, сравнительно безопасно спускались на землю, но, представляя громадную поверхность, совершенно не могли бороться съ вѣтромъ. Съ другой стороны, много усилій было употреблено на изобрѣтеніе аппаратовъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ воздухъ, поднимающихся вверхъ и движущихся противъ вѣтра при помощи различнаго рода машинъ; но

такіе аппараты, если и взлетали на воздухъ, то, при спускѣ, разбивались въ дребезги. Не смотря на это маленькое неудобство, все вниманіе изобрѣтателей было обращено на усовершенствованіе именно такихъ аппаратовъ, потому что они, будучи (по теоріи) способны бороться съ вѣтромъ, одни только могли бы придать аэроавиатикѣ дѣйствительное практическое значеніе. Заслуга Фильмера состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ соединить оба типа летательныхъ аппаратовъ въ одномъ, который, по желанію, могъ быть и тяжелѣе, и легче воздуха. Мысль эта явилась у него при изученіи плавательнаго пузыря рыбъ и воздушныхъ полостей въ организмѣ птицъ. Онъ придумалъ особые эластическіе и надухо запаивные баллоны, которые, въ раздутостъ состояніи, свободно поднимали на воздухъ большой грузъ, а при нуждѣ, съ помощію весьма сложной «мускулатуры», могли быть сжаты такъ, что совершенно теряли свою подъемную силу, и аппаратъ дѣлался тяжелѣе воздуха. Корпусъ этого аппарата долженъ былъ состоять изъ сѣти твердыхъ, неупругихъ и пустыхъ внутри трубокъ, изъ которыхъ воздухъ, при паденіи аппарата, автоматически выкачивался, а по желанію воздухоплавателя могъ быть опять выпускаемъ. Никакихъ крыльевъ и винтовъ въ аппаратѣ не было. Онъ представлялъ собою аэропланъ, который поднимался вверхъ на пустыхъ трубкахъ и растянутыхъ баллонахъ, а потомъ, сжавъ баллоны и наполнивъ трубки воздухомъ, могъ относиться къ вѣтру, какъ простой змѣй, то-есть летѣть въ любомъ направленіи, перемѣщая грузики, къ этому приспособленные. Единственная машина, на немъ находящаяся, предназначена была для сжиманія баллоновъ и вытягиванія воздуха изъ трубокъ. При паденіи, приобретая скорость, онъ автоматически терялъ вѣсъ, такъ что, въ концѣ концовъ, могъ воспользоваться приобретенной скоростью для обратнаго поднятія. Разработка деталей такого аппарата должна была потребовать, конечно, большого труда, но Фильмеръ такъ высококомѣрно

говорилъ объ этомъ трудѣ многочисленнымъ интервьюэрамъ, посѣщавшимъ его во времена славы, что за него становилось совѣстно. По его словамъ, онъ особенно долго бился надъ выдѣлкой эластической массы для своихъ баллоновъ. Понадобилось создать новое вещество, и на это созданіе онъ потратилъ «столько самого отчаяннаго труда, столько безсонныхъ ночей и столько умственныхъ силъ, сколько не потребовалось даже на осуществленіе моей главной, великой задачи» какъ говорилъ Фильмеръ интервьюэрамъ.

Не слѣдуетъ, однако же, думать, что слава пришла къ Фильмеру тотчасъ же, какъ только онъ публично заявилъ о своемъ открытіи. Пять лѣтъ прошло въ попыткахъ, болѣею частью весьма неуспѣхъ и даже грязноватыхъ, заинтересовать публику этимъ открытіемъ. Всѣ пять лѣтъ Фильмеръ провѣлъ на резиновой фабрикѣ—онъ жилъ, повидимому, однимъ только жалованьемъ употребляя свои досуги на сочиненіе писемъ въ научные и общіе журналы. Въ этихъ письмахъ, онъ въ высшей степени запутанно и многословно излагалъ подробности своего изобрѣтенія и кончалъ всегда просьбой о денежной помощи на постройку модели. Конечно, это всѣмъ надобно; редакторы перестали печатать его письма и начали избѣгать личныхъ съ нимъ свиданій, что повело къ заискиванію Фильмера передъ швейцарскими редакціями и къ разнымъ унижительнымъ для него сценамъ, такъ какъ онъ вообще не способенъ былъ внушить довѣріе къ себѣ ни въ комъ. Въ концѣ концовъ, онъ обратился даже въ Военное Министерство. Документальнымъ слѣдомъ этого обращенія является конфиденціальное письмо генералъ-маіора Воллифайра къ графу Фрогу, въ которомъ генералъ характеризуетъ Фильмера, чисто повоенному, называя его «тупымъ и нахальнымъ шарлатаномъ». Благодаря такой характеристикѣ, пользованіе открытіями Фильмера перешло въслѣдствіи къ Японіи и осталось за нею, къ величайшему нашему сожалѣнію.

Фортуна повернулась къ Фильмеру лицомъ только тогда, когда эластичное вещество, изобрѣтенное имъ для баллоновъ, оказалось пригоднымъ для клапановъ въ разныхъ машинахъ, и онъ добылъ средства на постройку модели своего аэроплана. Отказавшись тотчасъ же и отъ мѣста на резиновой мануфактурѣ и отъ всякихъ писаній, онъ, въ глубочайшей тайнѣ—вся его дѣятельность облакалась тайною—занялся постройкой этой модели. Отдѣльныя ея части были заказаны и собраны, повидимому, въ Шордичѣ, но окончательная отдѣлка производилась въ Димчѣрчѣ, въ Кентѣ. Модель вышла маленькая, неспособная поднять человека, но Фильмеръ управлялъ ею съ земли, остроумно воспользовавшись Марконіевскимъ телеграфомъ. Первый полетъ ея совершился гдѣ-то на полѣ, около Бѣрфордъ-Бриджа, въ Кентѣ, близъ Хиса, при чемъ Фильмеръ слѣдовалъ за своимъ аппаратомъ и направлялъ его съ особо для того устроеннаго трехколеснаго автомобиля.

Полетъ былъ успѣшенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Аппаратъ, привезенный на повозкѣ изъ Димчѣрча въ Бѣрфордъ-Бриджъ, поднялся на высоту трехъ тысячъ футъ, плавно спустился потомъ почти къ самому Димчѣрчу, пролетѣлъ надъ нимъ, вновь поднялся, сдѣлалъ поворотъ и, наконецъ, въ цѣлости и сохранности сѣлъ на землю за Бѣрфордъ-Бриджской гостиницей. При спускѣ не обошлось, однако жъ, безъ приключенія. Чтобы лучше видѣть моментъ прикосновенія аппарата къ землѣ, Фильмеръ сошелъ съ своего автомобиля, перескочилъ черезъ канаву и побѣжалъ, но, не добѣжавъ ярдовъ двѣсти до аппарата, вдругъ раскинулъ руки и упалъ въ судорогахъ. Свидѣтели этой сцены думали, что онъ умеръ отъ крайняго возбужденія, которое замѣтно было въ немъ во все время опыта. Онъ, однако жъ, скоро пришелъ въ себя, отправился завтракать въ гостиницу, но во все время завтрака плакалъ истерически.

Свидѣтелей, впрочемъ, было не много, всего человекъ двадцать, да и тѣ,

по большей части, люди совершенно необразованные. Нью-Ромнэйскій докторъ видѣлъ поднятіе аппарата, но не видѣлъ спуска, такъ какъ лошадь его, испугавшись электрическихъ разрядовъ на автомобилѣ, чуть не убила своего всадника. Два мѣстныхъ констебля, смотрѣвшіе на полетъ съ теплѣжки, на которой случайно проѣзжали, одинъ разносчикъ и двѣ дамы-велосипедистки—вотъ и всѣ сколько-нибудь образованные люди, бывшіе свидѣтелями перваго полета Фильмеровской модели. При этомъ полетѣ, впрочемъ, присутствовали и два репортера, нарочно приглашенные Фильмеромъ, какъ всегда очень заботившимся о рекламѣ. Репортеры были, однако жъ, не важныя, дешевенькіе: одинъ отъ Фокстонскаго листка, а другой даже не имѣлъ опредѣленнаго мѣста и кочевалъ изъ одной редакціи въ другую. Послѣдній принадлежалъ къ числу такихъ «писателей», подъ перомъ которыхъ самыя достовѣрныя факты получаютъ оттѣнокъ беззащитной лжи. Къ счастью для Фильмера, языкъ этого субъекта дѣйствовалъ исправнѣе, чѣмъ перо, такъ что онъ еще заранѣе успѣлъ заинтересовать въ дѣлѣ Банхѣрста, издателя «Новой Газеты», самаго способнаго и ловкаго изъ Лондонскихъ журналистовъ. Банхѣрстъ сразу понялъ важность полученнаго свѣдѣнія и, заплативъ репортеру какіе-нибудь гроши, явился въ Димчѣрчъ собственной персоной, съ двойнымъ подбородкомъ, сѣрой парусинной парой, большимъ животомъ, громкимъ голосомъ и длиннымъ, редакторскимъ носомъ.

При его любезномъ содѣйствіи, Фильмеръ сразу сталъ знаменитостью и былъ вознесенъ выше облаковъ. Перелистывая газеты 1907 года, удивляешься, до какой степени быстро это совершилось. Въ іюлѣ мѣсяцѣ еще никто ничего не знаетъ ни о Фильмерѣ, ни о его аппаратѣ; даже самый вопросъ о воздухоплаваніи нѣкого не занимаетъ, потому что всѣ уже давно убѣдились въ невозможности рѣшить его удовлетворительнымъ образомъ. А уже въ августѣ всѣ газеты полны

статьями о Фильмерѣ, объ его аппаратѣ, о полетахъ, парашютахъ, воздушной тактикѣ, Японскомъ правительствѣ, опять о Фильмерѣ, о воздушномъ путешествіи въ Сѣверную Гренландію, къ тамошнимъ золотымъ приискамп и проч. И тутъ же Банхѣрстъ пожертвовалъ десять тысячъ фунтовъ и потомъ еще пять тысячъ фунтовъ, и потомъ уступилъ Фильмеру свою знаменитую, великолѣпную лабораторію (въ которой, однако жъ, никто до тѣхъ поръ не работалъ) и, наконецъ — совсѣмъ ужъ по-королевски, или по-Банхѣрстовски — отдалъ для устройства летательной машины нѣсколько акровъ земли около своей дачи на Сѣррейскихъ холмахъ. Тѣмъ временемъ, въ огороженномъ высокой стѣною саду городской квартиры Банхѣрста, въ Фульгамѣ, Фильмеръ ежедневно показывалъ избранной публикѣ полеты своей маленькой модели, увѣковѣченные фотографіей на страницахъ «Новой Газеты». Стоило все это, разумеется, страшно дорого, но въ концѣ концовъ Банхѣрстъ остался съ большимъ барышемъ.

Переписка между Артуромъ Хиксомъ и Вансомъ опять даетъ намъ возможность получить нѣкоторое понятіе о настроеніи Фильмера въ это время.

«Я видѣлъ Фильмера во всемъ его величіи», пишетъ Хиксъ съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ зависти, весьма естественной въ вышедшемъ изъ моды поэтѣ; «онъ чисто выбритъ, вычищенъ и одѣтъ, какъ актеръ или лекторъ передъ выходомъ на эстраду на какомъ-нибудь благотворительномъ музыкально-литературномъ вечерѣ: фракъ новѣйшаго покроя, пластронъ рубашки во всю грудь, бѣлый галстухъ и лаковые полусапожки. Вообще, производитъ впечатлѣніе чего-то средняго между великимъ ученымъ сообразнаго вида и шарлатаномъ, сознающимъ, что онъ сейчасъ будетъ поймаанъ: ни кровинки въ лицѣ; голова трясется; маленькіе, черненькіе глазки безпокойно бѣгаютъ по сторонамъ, и величественно-нисходительная улыбка на устахъ. Костюмъ сшить прекрасно, но сидитъ на немъ, какъ на

вѣшалкѣ. Въ разговорѣ, попрежнему, мямлитъ, но мямлитъ свысока — въ словахъ его чувствуется какая-то пугливая самоувѣренность, если можно такъ выразиться. Если бы Банхѣрстъ не держалъ Фильмера на веревочкѣ, то онъ сейчасъ же юркнулъ бы въ толпу, а на поводу ходить браво, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи видно, что и самъ онъ почти задыхается, и слабые, худенькіе ручки его дрожатъ. Вообще, видно, что онъ находится въ состояніи страшнаго напряженія. Да вѣдь вы подумайте только: Фильмеръ — величайшій изобрѣтатель нашего и многихъ прочихъ вѣковъ! Фильмеръ! Онъ самъ этого никогда не ожидалъ, да и теперь не вѣритъ».

«Банхѣрстъ вездѣсущъ; онъ, конечно, вытянетъ всѣ соки изъ своей маленькой — великой жертвы еще прежде, чѣмъ постройка машины будетъ кончена. Вотъ уже вчера онъ затащилъ къ себѣ перваго министра и, право, даже съ перваго раза не очень лебезилъ передъ нимъ, что же будетъ дальше?»

«Нѣтъ, Фильмеръ-то, Фильмеръ какъ-то! Подумайте: нашъ небритый, немытый, мямля-Фильмеръ — слава британской науки! Молодые, прекрасныя дамы, графини и герцогини, толпятся вокругъ него (удивительно любознательны онѣ стали), спрашивая: «Ахъ, мистеръ Фильмеръ, какъ вы дошли до этого?» Можно себѣ представить, съ какой гордой скромностью онъ отвѣчаетъ: «настоячивымъ и усиленнымъ трудомъ, мадамъ; ну, конечно, можетъ быть, и не безъ помощи нѣкоторой врожденной способности!»

Показанія Хикса подтверждаются и фотографическими снимками, помѣщенными въ «Новой Газетѣ», по крайней мѣрѣ, по отношенію къ внѣшнему виду Фильмера. На одномъ изъ снимковъ представлена модель воздухоплавательной машины, спускающаяся въ воздухъ, къ вершинамъ вязовъ, изъза которыхъ видна колокольная Фульгамской церкви, а на другомъ — Фильмеръ, сидящій за электрическими приборами. Вокругъ Фильмера, какъ разъ такъ, какъ описываетъ Хиксъ, рас-

положилась группа великосвѣтскихъ дамъ, а на заднемъ планѣ видна могучая фигура Банхѣрста. Группировка фигуръ удивительно удачна. На первомъ планѣ, заслоняя большую часть Банхѣрста и задумчиво-нравственно глядя на Фильмера, стоитъ лэди Мэри Элькинггорнъ, все еще прекрасная, не смотря на свои тридцать два года и скандальное прошлое. Одна только она смотритъ не на камеру, какъ сдѣлали всѣ остальные.

Все вѣдь это, однако, только внѣшность, а что происходило въ душѣ Фильмера, никому не извѣстно. Какъ билось сердце, покрытое великолѣпнымъ пластрономъ и моднымъ фраккомъ? Газеты цѣлаго свѣта признавали его величайшимъ изобрѣтателемъ нашего и прочихъ вѣковъ. Онъ дѣйствительно изобрѣлъ первую и единственную воздухоплавательную машину, выполнѣ удовлетворяющую своему назначенію. Машина эта поспѣшно строится на Сѣрейскихъ холмахъ и скоро будетъ готова. Но вѣдь когда она будетъ готова, то никто иной, какъ Фильмеръ—творецъ ея и создатель—долженъ, гордо и радостно взойди на нее, показать всему свѣту, какъ слѣдуетъ бороться съ волнами воздушнаго океана. Весь свѣтъ ждетъ этого отъ Фильмера, и уйдти отъ своей обязанности ему некуда.

Между тѣмъ мы уже видимъ теперь, насколько гордое и веселое отношеніе къ опасностямъ, смѣлая и хладнокровная находчивость въ критическую минуту несовмѣстимы съ характеромъ Фильмера. Тогда это никому не приходило въ голову, но тогда немногіе и знали душу «великаго изобрѣтателя» такъ, какъ зналъ ее Хиксъ, и какъ знаемъ теперь мы. Мы можемъ предполагать, что мысль о необходимости подняться на своемъ, теоретически выполнѣ безопасномъ, аппаратѣ на нѣсколько тысячъ футовъ выше того уровня, на которомъ онъ привыкъ находиться, не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Не даромъ онъ жаловался своему доктору на постоянную безсонницу (что подтверждается документомъ—собственноруч-

ной записочкой Фильмера). Какъ бы ни былъ безопасенъ подъемъ и спускъ изобрѣтенной имъ машины, но вѣдь есть же люди, которые и съ прочно стоящей на мѣстѣ колокольни, во сто футь вышиною, не могутъ покойно смотрѣть внизъ. А тутъ—тысячи футовъ пустого пространства вокругъ и движущійся въ этомъ пространствѣ предметъ, которымъ еще надо хладнокровно и обдуманно управлять... Кто знаетъ, какъ переносилъ Фильмеръ «высокое положеніе»? Можетъ быть, онъ еще въ дѣтствѣ имѣлъ случай убѣдиться, что не переноситъ его.

Вначалѣ своихъ изслѣдованій онъ, вѣроятно, и не думалъ объ этомъ, стараясь только создать машину, но теперь поневолѣ долженъ былъ задуматься, не смотря на водоворотъ разсѣянной жизни, среди котораго сразу очутился. Онъ былъ изобрѣтатель по натурѣ и дѣйствительно изобрѣлъ нѣчто. Но онъ не былъ расположенъ летать по воздуху и вотъ теперь только сообразилъ, что отъ него всѣ ожидаютъ смѣлости, хладнокровія, рѣшимости, которыхъ у него не было. Но какимъ бы тяжелымъ камнемъ ни лежало на его душѣ это соображеніе, онъ до самаго конца старался скрывать его—мыкался повсюду, толковалъ съ интервьюэрами, носилъ хорошее платье, хорошо пилъ, хорошо ѣлъ, однимъ словомъ—пользовался всѣмъ, что могутъ дать успѣхъ и слава человѣку, наголовавшемуся въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ.

Черезъ нѣсколько времени пробы модели въ Фульгамѣ должны были прекратиться, такъ какъ она, въ одну прекрасную минуту, перестала подчиняться распоряженіямъ Фильмера. Испортилось ли въ ней что-либо или самъ Фильмеръ, заслушавшись комплиментовъ архіепископа, сдѣлалъ какой-нибудь ложный шагъ, только въ ту самую минуту, какъ архіепископъ приводилъ какую-то латинскую цитату, модель наклонилась носомъ книзу и грузно шлепнулась на Фульгамъ-Радъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошади омнибуса.

Не дослушавъ цитаты архіепископа, Фильмеръ вскочилъ и уставился на свой падающій аппаратъ, который скоро исчезъ за вязами. Архіепископъ тоже, съ довольно глупымъ выраженіемъ лица, сталъ смотрѣть на небо, хотя ничего уже не увидалъ.

Затѣмъ послѣдовалъ шумъ паденія модели на улицу, крики, говоръ и бѣготня.

— Боже мой!—прошепталъ Фильмеръ, падая опять на свой стулъ.

Вокругъ него тоже всѣ забѣгали, кто—въ домъ, кто—на улицу, посматрѣвъ, куда упала машина.

Эта несчастная случайность ускорила постройку большого аппарата. Присматривалъ за этимъ дѣломъ самъ Фильмеръ, со своей обычной медлительной аккуратностью. Но страхъ передъ предстоящимъ полетомъ все росъ въ его душѣ. Благодаря этому страху, заботливостъ изобрѣтателя насчетъ прочности и отчетливости постройки машины удвоилась. При малѣйшемъ сомнѣніи, онъ заставлялъ по нѣскольку разъ передѣлывать каждую часть ея. Вилькинсонъ, старшій его помощникъ, сердился на эти задержки, считая ихъ ненужными. Банхѣрстъ, расхваливая въ «Новой Газетѣ» спокойствіе, увѣренность и аккуратность Фильмера, горько жаловался на него своей женѣ, а Макъ-Эндрю, второй помощникъ изобрѣтателя, вполне оправдывалъ своего принципала.

— Нельзя же летѣть на авось,—говорилъ онъ, Фильмеръ знаетъ, что дѣлается.

При всякомъ удобномъ случаѣ, Фильмеръ въ точности объяснялъ своимъ помощникамъ устройство машины и способъ управленія ею, такъ что, въ концѣ концовъ, они изучили это не хуже его, и гораздо болѣе, чѣмъ онъ, были бы способны управиться съ нею въ воздухѣ.

Если бы у Фильмера въ это время хватило духа сознаться въ своей трусости, или, лучше сказать, твердо сознать ее самому, то онъ, мнѣ кажется, легко бы могъ избѣжать тяжелой для него процедуры перваго полета. Мало ли что онъ могъ бы сдѣлать. Онъ

могъ бы, напримѣръ, обратиться къ врачу и констатировать у себя слабость сердца или какое-нибудь страданіе легкихъ, препятствующее подъему на большія высоты—я даже удивляюсь, почему онъ этого не сдѣлалъ. Наконецъ, онъ могъ бы откровенно признаться, что неспособенъ бороться съ опасностями и, придумывая свою машину, вовсе не рассчитывалъ самъ летѣть на ней. Всякій разумный человѣкъ такъ бы и сдѣлалъ. Но Фильмеръ, мнѣ кажется, не смотря на постоянно мучившій его страхъ, до самаго конца былъ увѣренъ, что справится съ собою и полетитъ. Тяжелые болезни, иногда, такимъ же образомъ питаютъ надежду быстро поправиться. Тѣмъ временемъ онъ замедлялъ, насколько могъ, постройку машины и далъ время всѣмъ окружающимъ увѣровать въ то, что полетитъ самъ; онъ даже заранѣе принималъ похвалы своей смѣлости. А что еще болѣе усложнило дѣло, такъ это любовь: дѣйствительное сердце Фильмера впервые измѣнило наукѣ ради женщины, и ужъ, конечно, онъ не могъ струсить на глазахъ этой последней—такова, по крайней мѣрѣ, была надежда, во имя которой онъ пропустилъ всѣ случаи, удобные для того, чтобы избѣжать полета.

О томъ, какъ относилась къ Фильмеру лэди Мэри, можно только догадываться. Въ тридцать два года, женщина обладаетъ уже достаточной опытностью для того, чтобы правильно оцѣнивать вещи, но еще не настолько состарилась, чтобы не давать воли воображенію, даже противъ ея боли прикрашивающему дѣйствительность. Фильмеръ сталъ центральной фигурой въ современномъ обществѣ, а это, для женщины, всегда что-нибудь да значить; кромѣ того, онъ пока еще одинъ только во всемъ мірѣ обладалъ властью... надъ воздухомъ. Представленія его съ моделью дѣйствительно могли внушить мысль о безграничной власти, хотя на самомъ дѣлѣ они указывали только на удачное приспособленіе, на ловкое пользованіе силами, власти не подчиненными. При

такихъ крупныхъ преимуществахъ Фильмера надъ окружающими, мелкіе недостатки его, въ глазахъ лэди Мэри, получили совсѣмъ иное значеніе: некрасивъ, невзраченъ — духъ преобладаетъ надъ тѣломъ; неловокъ, вульгаренъ — шаркуны и безъ того надоели; нелюдимъ, мямля, робокъ съ виду, — тѣмъ лучше, значитъ, просто скромнѣе, не любитъ выставяться, а вотъ когда потребуются дѣйствительная бойкость и мужество, тогда онъ себя и покажетъ!

Покойная мистрессъ Бамптонъ сочла нужнымъ сообщить лэди Мэри, что Фильмеръ, по ея мнѣнію, не что иное, какъ «жалкая коротышка».

— Да, онъ, конечно, не принадлежить къ числу людей, которыхъ можно встрѣтить на всякомъ шагу, — спокойно и съ достоинствомъ отвѣчала лэди Мэри.

Въ виду этого спокойствія, мистрессъ Бамптонъ рѣшила, что съ ея стороны все сдѣлано и что съ лэди Мэри не стоить больше говорить о Фильмерѣ. Другимъ она, однако же, и еще многое о немъ рассказывала.

Незамѣтно подкрался, наконецъ, и тотъ многознаменательный день, въ который долженъ былъ совершиться полетъ, задолго предвозвѣщенный Банхѣрстомъ всему міру. Фильмеръ любовался зарей этого дня; онъ видѣлъ, какъ темное, усьянное звѣздами небо стало свѣтлѣть на востокѣ; какъ звѣзды мало-по-малу исчезли; какъ предразсвѣтный туманъ сначала поднялся кверху, собравшись въ маленькія, позолоченныя солнцемъ облачка, и какъ эти облачка потомъ растаяли, оставивъ за собою чистое, голубое небо и ясный, солнечный день. Онъ видѣлъ все это изъ окна своей спальни, въ нововыстроенномъ крылѣ дома Банхѣрста. И по мѣрѣ того, какъ ночныя тѣни разсѣивались, передъ его глазами все яснѣе и яснѣе выростали приготовленія къ предстоящему торжеству: трибуны для привилегированныхъ зрителей, новая обширная ограда, навѣсы для различныхъ техническихъ приспособленій, мачты съ флагами, неподвижно висѣвшими при

утреннемъ безвѣтріи, и, наконецъ, въ срединѣ луга, нѣчто большое, покрытое брезентомъ. Это нѣчто должно было, въ будущемъ, измѣнить лицо міра и всѣ отношенія людей другъ къ другу, но для Фильмера оно теперь имѣло только узкое, чисто личное значеніе. Гости, приглашенные Банхѣрстомъ и ночевавшіе въ его домѣ, пѣлую ночь слышали, какъ Фильмеръ ходилъ по комнатѣ. Еще не было пяти часовъ, когда онъ вышелъ въ паркъ, оживленный пѣніемъ птицъ и косыми лучами солнца. Тамъ онъ встрѣтился съ Макъ-Эндрю, тоже привыкшимъ вставать рано, и они вмѣстѣ отправились взглянуть на машину.

Не смотря на старательные уговоры Банхѣрста, Фильмеръ, кажется, совсѣмъ не завтракалъ въ этотъ день. Какъ только гости стали просыпаться, онъ заперся въ своей комнатѣ. Около десяти часовъ онъ вышелъ въ древесный питомникъ парка, вѣроятно, потому, что увидалъ тамъ лэди Мэри Элькингорнъ. Она прогуливалась со своей школьной подругой, мистрессъ Брюйсъ-Клэвенъ, и хотя Фильмеръ видѣлъ эту даму въ первый разъ, онъ все же присоединился къ нимъ и сталъ гулять вмѣстѣ. Не смотря на блестящее остроуміе лэди Мэри, разговоръ не вязался. Между гуляющими то и дѣло пролеталъ «тихий ангелъ». Положеніе становилось натянутымъ, и мистрессъ Брюйсъ-Клэвенъ послѣ говорила:

— Мнѣ показалось, что онъ самый несчастный человекъ на свѣтѣ, которому даже и сказать нечего, прежде чѣмъ кто-нибудь не поможетъ ему признаться въ своемъ несчастіи. А какъ это сдѣлать, не зная, въ чемъ несчастіе состоитъ?

Въ половинѣ двѣнадцатаго въ паркъ была допущена посторонняя публика. Экипажи непрерывнымъ потокомъ катились вдоль внѣшней ограды, и трибуны стали наполняться. Гости Банхѣрста высыпали въ паркъ и красивыми пятнами размѣстились между кустами. Фильмеръ прохаживался между ними съ президентомъ воздухоплавательнаго Общества, сэромъ Теодоромъ Хиклемъ и Банхѣрстомъ, который весь

сиялъ отъ счастія. Среди нихъ шла мистрессъ Банхёрстъ, съ лэди Мэри Элькингорнъ, Джорджиной Хикль и Стейскимъ деканомъ. Банхёрстъ говорилъ безъ умолка, а небольшіе промежутки въ его рѣчи наполнялись комплиментами Хикля Фильмеру. Фильмеръ ходилъ молча, ограничиваясь лишь односложными отвѣтами, когда это было неизбежно. Мистрессъ Банхёрстъ, съ тѣмъ уваженіемъ къ духовенству, которое приличествуетъ англійскій дамѣ, прислушивалась къ правильно построеннымъ и красиво произнесеннымъ фразамъ декана, а лэди Мэри молча смотрѣла на сгорбленную спину и покатыя плечи Фильмера, предвкушая, вѣроятно, удовольствіе видѣть его апопексѣ.

Когда главные актеры предстоящей драмы показались на лугу, то въ трибунѣ публика стала аплодировать, хотя не очень дружно. Подойдя ярдовъ на пятьдесятъ къ аппарату, Фильмеръ обернулся взглянуть, далеко ли отстали дамы, и затѣмъ, прерывающимся голосомъ, въ первый разъ въ это утро, заговорилъ самъ, не обращая вниманія на то, что мѣшаетъ Хиклю продолжать рѣчь о прогрессѣ вообще и воздухоплаваніи въ особенности.

— Послушайте, Банхёрстъ... сказалъ онъ и остановился.

— Въ чемъ дѣло?

— Я бы хотѣлъ...—онъ облизнулъ запекшіяся губы,—мнѣ что-то нездоровится.

Банхёрстъ круто остановился и выпучилъ глаза на его блѣдное лицо.

— Голова немножко кружится...

Фильмеръ хотѣлъ было повернуть назадъ, но Банхёрстъ не двигался.

— Право, не знаю, что со мной... вѣроятно, сейчасъ пройдетъ. А если нѣтъ, то можетъ быть... Макъ-Эндрью...

— Вы себя плохо чувствуете? Послушайте, моя дорогая, — прибавилъ Банхёрстъ, обращаясь къ успѣвшей подойти женѣ, — Фильмеръ говоритъ, что ему нездоровится.

— Голова немного кружится,—подхватилъ Фильмеръ, избѣгая взгля-

довъ лэди Мэри,—можетъ быть, скоро пройдетъ.

Пауза.

Фильмеру пришло въ голову, что онъ теперь самый одинокій человекъ въ мірѣ.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ Банхёрстъ, — поднятіе должно совершиться. Можетъ быть, если бы вы присѣли на минутку.

— Это на меня толпа такъ дѣйствуетъ, я думаю,—сказалъ Фильмеръ.

Новая пауза.

Банхёрстъ пристально взглянулъ на Фильмера, а потомъ вскользь посмотрѣлъ на трибуны.

— Это очень печально, — сказалъ сэръ Хикль,—но все-таки я полагаю... ваши помощники... конечно, если ужъ вы положительно не можете или не желаете...

— Я не думаю, чтобы мистеръ Фильмеръ позволилъ даже предположить это,—замѣтила лэди Мэри.

— Но если мистеръ Фильмеръ такъ... нервнѣе, то ему даже опасно подниматься...

Хикль кашлянулъ, чтобы замаскировать неловкость положенія.

— Онъ и долженъ подняться именно потому, что это опасно, — сказала лэди Мэри, окончательно разъясняя эту неловкость.

Въ самомъ Фильмерѣ происходила борьба противоположныхъ ощущеній.

— Я знаю, что подняться нужно,—сказалъ онъ, глядя въ землю, а затѣмъ, поймавъ на себѣ взглядъ лэди Мэри, улыбнулся жалкой улыбкой и прибавилъ: —Я, конечно, поднимусь.

Потомъ онъ обратился къ Банхёрсту и сказалъ.

— Мнѣ бы только присѣсть на минутку, одному и въ тѣни...

Банхёрстъ началъ, наконецъ, понимать, въ чемъ дѣло.

— Да ступайте въ зеленый павильонъ, — сказалъ онъ, беря Фильмера подъ руку,—тамъ прохладно.

Фильмеръ повернулся къ лэди Мэри и прибавилъ:

— Черезъ пять минутъ буду готовъ. Чрезвычайно жалѣю...

Лэди Мэри холодно улыбнулась.

— Никогда не ожидалъ! — сказалъ Фильмеръ Хиклю, слѣдуя за Банхёрстомъ.

Вся компанія остановилась и стала ждать возвращенія своихъ удалившихся членовъ.

— Онъ такой слабый! — сказала лэди Мэри.

— Несомнѣнно, принадлежитъ къ нервному типу, — подхватилъ деканъ, который имѣлъ слабость всѣхъ считать невропатами, кромѣ женатыхъ священниковъ, обладающихъ большими семьями.

— Кстати, — сказалъ Хикль, — неужели онъ непремѣнно долженъ самъ подниматься, потому только, что избѣлъ...

— Кому же иначе? — прервала лэди Мэри съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Ужасно непріятно, что онъ заболѣлъ именно теперь, — строгимъ тономъ прибавила мистрессъ Банхёрстъ.

— Да онъ вовсе и не заболѣлъ, — отвѣзала лэди Мэри, вспомнивъ выраженіе глазъ Фильмера.

— Вы сейчасъ оправитесь, — сказалъ Банхёрстъ Фильмеру, подведя его къ дверямъ павильона; — вамъ только нужно выпить глотокъ водки. Необходимо же подняться — вы сами понимаете... Неловко будетъ, если кто-нибудь другой...

— О, я поднимусь! — воскликнулъ Фильмеръ, — сейчасъ все пройдетъ! Я даже думаю, что могъ бы теперь... впрочемъ, дайте прежде выпить водки.

Банхёрстъ втолкнулъ его въ пустой павильонъ и ушелъ за водкой. Въ отсутствіи онъ пробылъ не болѣе пяти минутъ.

Точная исторія этихъ пяти минутъ не можетъ быть написана. Временами блѣдное лицо Фильмера показывалось у окна павильона и было видно зрителямъ, сидѣвшимъ на краю восточной трибуны, но затѣмъ оно опять скрывалось. Они видѣли, какъ Банхёрстъ прошелъ въ домъ и какъ, потомъ, оттуда появился слуга съ подносомъ, направившійся къ павильону.

Комнатка, въ которой Фильмеръ пришелъ къ окончательному рѣшенію,

была очень мило убрана зеленой мебелью и простымъ стариннымъ бюро. Стѣны ея были увѣшаны старинными гравюрами, а въ простѣнкѣ стоялъ книжный шкафъ. На бюро, между прочимъ, лежало охотничье ружье, изъ котораго Банхёрстъ стрѣлялъ иногда по грачамъ, а на каминѣ валялись два или три патрона, въ жестяномъ ящичкѣ съ красной этикеткой. Ходя изъ угла въ уголъ, Фильмеръ замѣтилъ сначала хорошенькое маленькое ружьецо, а потомъ взгляды его упали на чистенькую этикетку, на которой было написано:

«22 калибръ».

Мысль о самоубійствѣ пришла ему въ голову, должно быть, моментально. Хотя въ сосѣдней съ павильономъ биллиардной комнатѣ были люди и выстрѣлъ раздался, вѣроятно, очень громко, но никто не обратилъ на него вниманія, и только слуга съ подносомъ, почти тотчасъ же вошедшій въ дверь, понялъ, въ чемъ дѣло. Слуги Банхёрста вообще лучше понимали настроеніе Фильмера, чѣмъ ихъ хозяинъ.

Во весь этотъ день Банхёрстъ велъ себя именно такъ, какъ слѣдуетъ человѣку, котораго постигло непредвидѣнное и незаслуженное несчастье, такъ что его гости ясно поняли, до какой степени хитро и безбожно былъ онъ обманутъ покойнымъ Фильмеромъ. Что касается посторонней публики, то, по словамъ Хикса, она разсѣялась, тоже въ полномъ убѣжденіи, что была обманута, и что воздухоплаваніе, вообще, есть вещь невозможная. Многие, впрочемъ, говорили, что Фильмеръ все-таки долженъ былъ попробовать, зайдя уже такъ далеко.

Вечеромъ, оставшись въ своей семьѣ, Банхёрстъ далъ волю своему горю и негодованію. Даже плакалъ, говорилъ и увѣрялъ, что совсѣмъ разоренъ. Фильмеровскую машину онъ тутъ же продалъ Макъ-Эндрю за полкроны... «Я долго не вѣрилъ этому», говорилъ послѣ достойный помощникъ Фильмера.

На другой день, въ «Новой Газетѣ», имя Фильмера въ первый разъ упо-

миналось гораздо рѣже, чѣмъ во всѣхъ помосу, должна происходить безъ другихъ. Эти другія, съ большимъ свидѣтелей.

или меньшимъ пагосомъ (въ зависимости отъ ихъ отношеній къ органу Банхѣрста), провозглашали «полную неудачу новой воздухоплавательной машины» и «самоубійство обманщика». Но въ Сѣррейскомъ округѣ впечатлѣніе этой новости, къ вечеру того же дня, было сглажено нѣкоторыми необычными обстоятельствами.

Въ этотъ вечеръ Вилькинсонъ и Макъ-Эндрю сильно поспорили и даже поссорились изъ-за мотивовъ самоубійства ихъ покойнаго патрона.

— Онъ былъ несчастный трусъ, малодушный человѣкъ, а вовсе не обманщикъ,—говорилъ Макъ-Эндрю,—и я берусь доказать это на дѣлѣ, мистеръ Вилькинсонъ, какъ только стемнѣетъ, и всѣхъ уснуть. Экспериментальная проба,

И дѣйствительно, когда весь городъ спалъ, начитавшись въ газетахъ статей о неудачѣ воздухоплавательной машины, Макъ-Эндрю величественно парилъ на этой самой машинѣ надъ Энсомомъ и Уимбльденомъ, совершая самые отважные повороты и эволюціи. А Банхѣрстъ, энергія котораго вновь проснулась, слѣдилъ за этимъ пареніемъ на автомобилѣ, въ ночномъ колпакѣ и туфляхъ, такъ какъ онъ замѣтилъ подъемъ нечаянно, затворяя передъ сномъ форточку въ своей спальнѣ, и не успѣлъ даже одѣться какъ слѣдуетъ.

Фильмеръ же, завернутый въ простыню, лежалъ въ это время на биліардѣ, рядомъ съ той комнатою, въ которой застрѣлился.

ЗАПИСКИ ДЕРЕВЕНСКАГО ВРАЧА.

РАЗСКАЗЪ **Анатоля Франса.**

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Е. В.).

Недавно скончавшійся докторъ Г. изъ Сервини (департамента Энъ), гдѣ онъ практиковалъ болѣе 40 лѣтъ, оставилъ дневникъ, который не предназначался имъ для печати.

Я не смѣю напечатать эту рукопись цѣликомъ, ни даже обширные отрывки изъ нея, хотя въ настоящее время многія лица вмѣстѣ съ г. Тэнномъ думаютъ, что вообще можно печатать даже то, что для печати не предназначалось.

Чтобы написать что-нибудь интересное, необходимо, что бы тамъ ни говорили, быть писателемъ! Дневникъ моего доктора навелъ бы скуку своей однообразной простотой. Между тѣмъ человѣкъ, писавшій его и занимавшій скромное мѣсто, обладалъ недюжиннымъ умомъ: этотъ деревенскій врачъ былъ врачъ-философъ.

Послѣднія страницы его дневника прочтутся не безъ удовольствія, а потому я беру на себя смѣлость ихъ здѣсь изложить.

Извлеченіе изъ дневника покойнаго доктора Г....

Это настоящая философская истина, что въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютно хорошаго, ни абсолютно дурного. Самая пріятная, самая естественная и самая полезная изъ добродѣтелей — состраданіе, не всегда годится для

воина и для священника. Она не должна пробуждаться ни у одного, ни у другого въ присутствіи врага. Мы не видимъ, чтобы офицеры проповѣдовали ее передъ войной.

Я читалъ въ одной старой книгѣ, что Николь ее боялся, какъ грѣха страстныхъ вождѣній. Я не священникъ и не солдатъ, я врачъ и самый маленькій изъ врачей — сельскій врачъ. Моя мрачная и продолжительная врачебная дѣятельность даетъ мнѣ право утверждать, что если только одно состраданіе и можетъ одухотворять наше призваніе, то все-таки мы должны его навсегда отбросить въ присутствіи тѣхъ несчастій, которыя мы желаемъ облегчить. Врачъ, котораго состраданіе провожаетъ къ изголовью больныхъ, не будетъ обладать ни яснымъ взглядомъ, ни твердой рукой. Мы идемъ туда, куда насъ зоветъ любовь къ человечеству, но не должны брать съ собою состраданіе.

Впрочемъ, врачи, въ большинствѣ случаевъ, скоро пріобрѣтаютъ ту нечувствительность, которая имъ необходима. Это истинное благодѣяніе въ ихъ положеніи; его не долго приходится ждать, что можно объяснить многими причинами: состраданіе притупляется, приходя въ соприкосновеніе съ страданіями; меньше жалѣешь тѣ

страданія, которыя можешь облегчить; и, наконецъ, болѣзнь предъявляетъ врачу цѣлый рядъ смѣняющихся, интересныхъ явленій.

Въ то время, когда я начиналъ практиковать, я страстно любилъ медицину. Я смотрѣлъ на болѣзни, которыя мнѣ открывались, какъ на случай примѣнять свое искусство. Когда симптомы развивались вполне согласно ихъ нормальному типу, я находилъ въ нихъ красоту. Болѣзненные припадки, которые появлялись неправильно, возбуждали любопытство моего ума; однимъ словомъ, я любилъ болѣзнь.

Да что говорить! Съ моей точки зрѣнія болѣзни и здоровье были въ сущности одно и то же. Страстный наблюдатель человѣческаго механизма, я одинаково любовался какъ гибельными, такъ плѣнительными его измѣненіями. Я бы охотно воскликнулъ вмѣстѣ съ Пинелемъ: «Какая красивая раковая опухоль!»

Лучше сказать, я былъ на пути стать врачомъ-философомъ. Мнѣ недоставало только талантиности въ моемъ дѣлѣ, чтобы вполне обладать и наслаждаться красотой носологій. Свойство гения—открывать вездѣ красоту.

Тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ видитъ только отвратительную рану,—натуралистъ, достойный этого званія, наблюдаетъ поле битвы, гдѣ таинственныя силы жизни воюютъ за свое господство въ болѣе слѣпой и страшной борьбѣ, чѣмъ въ битвѣ, такъ неистово изображенной у Сальватора Роза. Я видѣлъ мелькомъ то, что Мажанди и Клодъ Бернаръ часто наблюдали, но я горжусь своимъ провидѣніемъ.

Рѣшивъ быть обыкновеннымъ практическимъ врачомъ, я сохранилъ необходимое профессиональное свойство—глядѣть холодно въ лицо страданію. Я давалъ моимъ больнымъ свои силы и знанія, но я не давалъ имъ состраданія.

Боже избави, чтобы я считалъ какой-нибудь даръ выше состраданія, какъ бы онъ ни былъ высокъ! Состра-

даніе это лепта вдовицы, это неопѣнимое даяніе бѣдняка, болѣе щедрого, чѣмъ всѣ богачи этого міра, который вмѣстѣ со своими слезами даетъ кусокъ своего сердца. И вотъ потому-то не должно быть мѣста состраданію при исполненіи профессиональнаго долга, какъ бы ни была благородна сама профессія.

Чтобы разъяснить эти соображенія въ частности, я долженъ сказать, что люди, среди которыхъ я живу, не внушаютъ въ своихъ несчастіяхъ чувства, похожія на жалость. Справедлива мысль, что внушаешь другимъ то, что самъ чувствуешь. Крестьяне же нашей мѣстности не нѣжны. Черствые къ другимъ и къ себѣ, они живутъ сурово и мрачно. Эта суровость передается другимъ, и самъ живешь среди нихъ съ грустной и мрачной душой. Самое красивое въ ихъ нравственномъ обликѣ то, что они сохранили въ чистотѣ великія черты человѣческаго рода. Такъ какъ они рѣдко и мало думаютъ, то мысли ихъ въ извѣстные моменты жизни уже сами собою являются величавыми. Я слыхалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, умирая, произносили короткія и сильныя слова, достойныя библейскихъ старцевъ. Они могутъ быть достойными удивленія, но нисколько не трогаютъ васъ. Все въ нихъ просто, даже сама болѣзнь. Размышленія не увеличиваютъ ихъ страданія. Они не похожи на тѣхъ, которые много размышляютъ и представляютъ свои страданія болѣе важными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Они такъ естественно умираютъ, что не приходится о нихъ много беспокоиться. Наконецъ, я долженъ еще прибавить, что всѣ они другъ на друга похожи, и ничего особеннаго не исчезаетъ съ каждымъ изъ нихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что я спокойно работаю въ качествѣ деревенскаго врача. Я не жалѣю, что выбралъ эту должность; я думаю, что стою выше занимаемаго мною положенія. Обидно сознавать себя выше своего положенія, но было бы еще обиднѣе сознавать себя ниже его. Я не богатъ и никогда не буду богачемъ.

Но много ли нужно денегъ, чтобы жить одному въ деревнѣ?..

«Женни», моя сѣрая кобыла, которой только 15 лѣтъ, бѣжитъ еще такъ, какъ въ дни молодости, въ особенности, когда мы направляемся къ конюшнѣ.

Я не обладаю, какъ мои знаменитые парижскіе собратья, картинными галереями, которыя можно показывать посетителямъ, но зато у меня имѣются такія грушевыя деревья, какихъ у нихъ нѣтъ. Мой плодовый садъ извѣстенъ на 20 миль въ окружности, и изъ сосѣднихъ замковъ приходятъ просить у меня черенковъ.

Однажды въ понедѣльникъ, завтра ровно тому годъ, въ то время, когда я осматривалъ въ саду свои шпалеры, пришелъ слуга изъ фермы звать меня какъ можно скорѣе въ Али (Alie). Я его спросилъ, не упалъ ли вчера вечеромъ, возвращаясь домой, Жанъ Блэнъ, фермеръ изъ Али? Ибо въ моей мѣстности ушибы случаются по воскресеньямъ, и не рѣдкость, что въ этотъ день, выходя изъ кабака, ломаютъ себѣ два-три ребра. Жанъ Блэнъ добрый малый, но любитъ выпить въ компаніи, и ему не разъ случилось встрѣчать утреннюю зарю понедѣльника въ грязной канавѣ.

Слуга фермы мнѣ отвѣтилъ, что Жанъ Блэнъ здоровъ, но что заболѣлъ Элуа, его маленькій сынишка, и что онъ весь въ жару.

Оставивъ свои шпалеры, я взялъ шляпу и палку и отправился пѣшкомъ на ферму Али, которая находится на разстояніи 20 минутъ ходьбы отъ моего дома. По дорогѣ я думалъ о маленькомъ сынѣ Жана Блэна, который заболѣлъ лихорадкой. Его отецъ крестьянинъ, какъ всѣ крестьяне, съ той только особенностью, что Провидѣніе, создавшее его, забыло дать ему мозгъ. Это балда съ маленькой головой, величиною въ кулакъ. Божественная премудрость вложила въ этотъ черепъ только самое необходимое.

Его жена, самая красивая женщина той мѣстности, — дѣятельная и крикливая хозяйка съ грубыми добродѣ-

лями. И вотъ они оба создали ребенка, такое умное и нѣжное маленькое существо, которое едва ли когда-нибудь касалось поверхности нашей земли.

Наслѣдственность имѣетъ свои неожиданности, и правду говорятъ, что никто не знаетъ, что онъ создаетъ, когда производитъ ребенка. Наслѣдственность, говорить мой старый Нистанъ, — это біологическій феноменъ, который кромѣ особенностей вида составляетъ предшественниковъ передавать потомкамъ свои способности и особенности ихъ организаціи. Положимъ, но какія особенности переданы, а какія нѣтъ, того намъ не узнать даже послѣ чтенія прекрасныхъ трудовъ доктора Люкаса и Рибо.

Мой сосѣдъ нотариусъ одолжилъ мнѣ въ прошлѣмъ году томъ сочиненій Эмиля Золя. Я узналъ, что этотъ авторъ льститъ себя надеждой имѣть объ этомъ вопросѣ ясное представленіе. Вотъ, говоритъ онъ вкратцѣ, предокъ, одержимый неврозомъ, его потомки будутъ невропаты, если они уже теперь не таковы; между ними будутъ сумасшедшіе и умные, одинъ изъ нихъ можетъ быть гениальнымъ. Золя начертилъ даже такую генеалогическую таблицу, чтобы сдѣлать свою мысль болѣе понятной. Въ добрый часъ! Открытіе не ново, и кто его сдѣлалъ, будетъ не правъ имъ гордиться, но и то говоря, это все, что мы знаемъ на счетъ наслѣдственности. И вотъ такимъ образомъ Элуа, маленький сынъ Жана Блэна, полонъ ума! У него творческое воображеніе. Сколько разъ я его заставалъ, когда онъ былъ ростомъ не выше моей палки, вмѣстѣ съ другими шалунами деревни пропускающимъ школу. Въ то время, когда тѣ разоряли птичьи гнѣзда, мой мальчуганъ строилъ маленькія мельницы и дѣлалъ сифоны изъ соломинокъ.

Изобрѣтательный и дикій, онъ вопрошалъ природу. Учитель школы потерялъ надежду сдѣлать что-нибудь изъ такого разсѣянного ребенка.

И дѣйствительно, Элуа въ 8 лѣтъ не знаетъ еще азбуки, но въ этомъ

же возрастъ онъ выучился читать и писать съ удивительной быстротой и въ полгода сталъ лучшимъ ученикомъ деревни.

Онъ былъ также самымъ сердечнымъ и самымъ любящимъ ребенкомъ. Я далъ ему нѣсколько уроковъ математики и былъ пораженъ способностями, которыя проявлялъ съ дѣтства его умъ.

Наконецъ, я долженъ сознаться, не боясь насмѣшекъ, ибо одичалому старикъ простительны преувеличенія, — я любилъ подмѣчать въ этомъ маленькомъ крестьяннѣ зачатки одной изъ тѣхъ свѣтлыхъ душъ, которыя появляются изрѣдка среди нашего печальнаго человечества и которыя, побуждаемые потребностью любить настолько, насколько усердіемъ къ знанію, совершаютъ вездѣ, куда бм ихъ судьба ни забросила, полезныя и великія дѣла. Съ этими размышленіями и другими имъ подобными я дошелъ до фермы Али.

Войдя въ низкую комнату, я нашелъ маленькаго Элуа въ большой семейной кровати, куда его переложили родители, принимая, вѣроятно, во вниманіе серьезность его положенія. Онъ дремалъ; маленькая нѣжная головка вдавливалась подушку, точно громадная тяжесть. Я подошелъ. Лобъ горѣлъ, слизистыя оболочки въкъ были красны, температура всего тѣла — очень высокая. Мать и бабушка стояли возлѣ него, полная мучительнаго безпокойства. Жанъ Блэнъ стоялъ праздный, безпокойный, не зная, что дѣлать, и не смѣя удалиться. Засунувъ руки въ карманъ, онъ глядѣлъ на насъ поочередно.

Дитя повернуло ко мнѣ свое поху-дѣвшее личико и, взглянувъ на меня добрымъ страдальческимъ взглядомъ, стало отвѣчать на мои вопросы, что лобъ очень болитъ и что глазамъ больно, что онъ слышитъ шумъ, который не существуетъ, и что онъ меня узнаетъ, что я его старый другъ.

— Сначала его знобитъ, а потомъ кидаетъ въ жаръ, — прибавила мать.

Жанъ Блэнъ, подумавъ немного, сказалъ:

— Это, вѣроятно, внутри у него болить. Займъ онъ смолкъ.

Мнѣ было не трудно констатировать признаки остраго воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Я предписалъ отвлекающее къ ногамъ и пиявки позади ушей. Я опять подошелъ къ своему маленькому другу и попробовалъ ему сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Увы, болѣе утѣшительныхъ, чѣмъ была дѣйствительность!

Въ эту минуту со мною случилось странное явленіе. Сохранивъ вполнѣ свое хладнокровіе, я увидѣлъ больно-го точно сквозь дымку и такъ далеко отъ меня, что онъ казался совсѣмъ маленькимъ. Къ этому нарушенію представленія о пространствѣ вскорѣ присоединилось такое же нарушеніе понятія о времени.

Мое посѣщеніе длилось не болѣе 5 минутъ, а мнѣ показалось, что я стою уже давно, очень давно въ этой низкой комнатѣ, передъ этой кроватью съ бѣлымъ бумажнымъ бѣльемъ. Мнѣ казалось, что прошли мѣсяцы, годы безъ малѣйшаго движенія съ моей стороны. Привычнымъ усиліемъ ума я тотчасъ анализировалъ эти удивительныя явленія, и мнѣ стали ясны причины, ихъ вызвавшія. Очень просто: Элуа мнѣ былъ дорогъ, я видѣлъ его внезапно и серьезно больнымъ и не могъ опомниться; выраженіе народное, но вѣрное.

Страшныя минуты намъ всегда кажутся длинными, вотъ почему эти 5—6 минутъ, проведенныя возлѣ Элуа, мнѣ показались вѣчностью. Что же касается видѣнія, что дитя было далеко отъ меня, то оно объясняется мыслью, что я его долженъ потерять. Эта мысль, утвердившаяся во мнѣ безъ моего согласія, приняла съ перваго момента характеръ безусловной достовѣрности.

На другой день Элуа казался въ менѣе опасномъ состояніи. Улучшеніе держалось нѣсколько дней. Я послалъ въ городъ за льдомъ, который оказалъ хорошее дѣйствіе. Но на 5-й день я засталъ ужасный бредъ. Больной много говорилъ. Между словами, ко-

торыя онъ произносилъ безъ связи, бесѣдой, мы пили кофе въ кабинетѣ доктора.

«— Воздушный шаръ, шаръ! Я управляю шаромъ. Онъ поднимается. Небо темно. Мама, мама, почему не ѣдешь ты со мною? Я направилъ свой шаръ туда, гдѣ будетъ хорошо! Идемъ, здѣсь душно».

Въ этотъ день Жанъ Блэнъ пошелъ меня провожать. Переваливаясь съ ноги на ногу, онъ казался въ замѣшательствѣ, точно человѣкъ, который хочетъ что-либо сказать, но не смѣетъ. Пройдя молчаливо шаговъ 20, онъ остановился и положилъ руку мнѣ на плечо:

— Видите ли, докторъ, мнѣ кажется, что это у него нутро болить.

Грустно продолжалъ я свой путь и въ первый разъ не торопился увидѣть свои грушевыя и абрикосовыя деревья. Въ первый разъ, послѣ сорокалѣтней практики, я былъ смущенъ больнымъ и внутренне оплакивалъ ребенка, котораго не могъ спасти.

Вскорѣ къ моему горю присоединилось страшное мученіе. Мое лѣченіе мнѣ казалось плохимъ. Я сталъ замѣчать, что забываю свои предписанія, сдѣланныя наканунѣ, я былъ неуверенъ въ своемъ діагнозѣ, робокъ и взволнованъ. Я пригласилъ одного товарища, который практиковалъ въ сосѣднемъ городѣ; то былъ человѣкъ молодой и способный. Когда онъ пріѣхалъ, мой бѣдный маленькій больной, ставшій совершенно слѣпымъ, былъ погруженъ въ глубокое коматозное¹⁾ состояніе. Онъ умеръ на слѣдующій день.

Годъ прошелъ послѣ этого несчастья. Разъ случилось, что меня пригласили на консультацію въ главный городъ. Событіе рѣдкое; причины, вызвавшія его, были странныя, но такъ какъ онѣ не интересны, то я объ нихъ умолчу.

Послѣ совѣщанія докторъ К...., врачъ префектуры, удостоилъ меня чести и пригласилъ къ себѣ на завтракъ еще съ двумя товарищами. Послѣ завтрака, за которымъ я наслаждался солидной и разнообразной

Подойдя къ камину, чтобы поставить на немъ свою пустую чашку, я увидѣлъ портретъ, висѣвшій надъ рамой зеркала, видъ котораго вызвалъ во мнѣ такое сильное волненіе, что мнѣ стоило большого усилія, чтобы не закричать. Это была миниатюра, портретъ ребенка. Этотъ ребенокъ такъ поразительно былъ похожъ на того, котораго я не могъ спасти, о которомъ я думалъ ежедневно въ продолженіе цѣлаго года, что одну минуту мнѣ казалось, что это былъ онъ самъ. Между тѣмъ это предположеніе было абсурдно. Рамка изъ чернаго дерева и золотой ободокъ, окружавшіе портретъ, свидѣтельствовали о вкусѣ конца XVIII столѣтія. Дитя было изображено въ курткѣ изъ матеріи съ бѣлыми и розовыми полосками, какъ маленькій Людовикъ XVII, но лицо было совершенно лицо Элуа: тотъ же лобъ, своевольный и властный, лобъ мужчины, подъ локонами херувима, тотъ же огонь въ глазахъ, та же прелесть страдальческой улыбки на губахъ и, наконецъ, тѣ же черты и то же выраженіе.

Прошло, должно быть, много времени, пока я разсматривалъ портретъ, когда ко мнѣ подошелъ докторъ К.... и, похлопавъ меня по плечу, сказалъ:

— Дорогой товарищъ, вы разсматриваете святыню нашей семьи, обладаніемъ которой я горжусь. Мой предокъ, со стороны матери, былъ другомъ этого знаменитаго человѣка, который изображенъ здѣсь ребенкомъ.

Отъ этого предка мнѣ достался портретъ.

Я попросилъ сообщить мнѣ имя знаменитаго друга его предка. Онъ снялъ миниатюру и подаль ее мнѣ:

— Прочтите число на надписи..... Лионъ, 1787 г. Развѣ это вамъ ничего не напоминаетъ?.... — Нѣтъ?.... Ну, такъ этотъ ребенокъ 12 лѣтъ—это великій Амперъ.

Въ эту минуту я получилъ ясное и точное понятіе о томъ, что смерть разрушила годъ тому назадъ на фермѣ Али.

¹⁾ Спячка.

и спокойную. И онъ воспиталъ меня въ томъ же духѣ, и когда я достигъ возмужалости, онъ оставилъ мнѣ всѣ свои богатства и передалъ мнѣ всѣхъ своихъ слугъ, и назначилъ меня главою всего своего дома, и умеръ, упова на милость Аллаха и готовясь дать ему отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ. Я же продолжалъ жить на широкую ногу, и носилъ самую дорогую одежду, и ѣлъ самыя изысканныя блюда. Но я долженъ сказать вамъ, что Аллахъ Всемогушій и Всеславный вложилъ въ мое сердце отвращеніе къ женщинамъ, ко всѣмъ женщинамъ вообще, и въ такой мѣрѣ, что одинъ видъ ихъ причинялъ мнѣ страданіе и неудовольствіе. И я жилъ, не обращая на нихъ вниманія, довольный своей судьбой и не желая ничего другого.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день я шелъ по одной изъ улицъ Багдада, какъ вдругъ увидѣлъ, что ко мнѣ приближается довольно многочисленная толпа женщинъ. Чтобы не столкнуться съ ними, я сейчасъ же пустился бѣжать и бросился въ переулочекъ, не имѣвшій съ другого конца выхода. Въ глубинѣ этого переулка стояла скамья, на которую я и сѣлъ, чтобы отдохнуть немного.

Нѣсколько времени я сидѣлъ такимъ образомъ, какъ вдругъ я увидѣлъ, что напротивъ меня открылось окно, и въ немъ появилась молодая женщина; въ рукѣ у нея была маленькая лейка, которою она стала поливать цвѣты, разставленные въ горшкахъ на краю окна.

Господа мои, я долженъ сказать вамъ, что при видѣ этой молодой дѣвушки во мнѣ стало твориться что-то такое, чего я не испытывалъ еще никогда въ своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, она была прекрасна, какъ луна въ полнолуніи; рука ея была бѣла и прозрачна, какъ хрусталь, и она поливала цвѣты съ такою граціей, что душа моя преисполнилась восхищенія. И вотъ, въ одно мгновеніе ока, сердце мое воспламенилось и было совершенно покорено; голова моя и мысли мои были заняты одною ею, и весь мой прежній ужасъ къ женщинамъ превратился въ жгучее желаніе. А она, поливши свои растенія, взглянула разсѣяннo влѣво, потомъ вправо, замѣтила меня и остановила на мнѣ взглядъ свой, отъ котораго замерла вся моя душа. Потомъ она закрыла окно и скрылась. И напрасно ждать я до самаго заката солнца,—она больше не появилась; а я былъ, какъ лунатикъ, и словно не принадлежалъ болѣе къ здѣшнему міру.

Въ то время, какъ я сидѣлъ въ такомъ состояніи, къ двери дома подѣлхалъ и слѣзъ со своего мула самъ городской кади, предшествуемый своими неграми и сопровождаемый слугами. И онъ вошелъ въ тотъ самый домъ, въ окнѣ котораго я видѣлъ молодую дѣвушку, и я догадался, что это былъ ея отецъ.

Тогда, въ самомъ ужасномъ душевномъ состояніи, я вернулся къ себѣ домой и, полный горести и заботъ, бросился на свою постель. И тогда собрались ко мнѣ всѣ женщины моего дома, всѣ родные и всѣ слуги мои, и всѣ они сѣли вокругъ меня и принялись разспрашивать меня и приставать ко мнѣ по поводу моего состоянія. Но я не хотѣлъ ничего сказать имъ и не отвѣчалъ на ихъ разспросы. Однако, печаль моя съ каждымъ днемъ возрастала, и, наконецъ, я серьезно заболѣлъ и былъ все время предметомъ заботъ и посѣщеній для всѣхъ моихъ родныхъ и друзей.

Однажды вошла ко мнѣ старая женщина, которая вмѣсто того, чтобы причитать надъ моимъ состояніемъ и жалѣть меня, сѣла у изголовья моей постели и стала говорить мнѣ тихія, успокоительныя слова; потомъ она внимательно взглянула на меня, долго меня разсматривала и сказала каждому изъ окружающихъ меня въ отдѣльности, чтобы меня оставили наединѣ съ нею. Тогда она сказала мнѣ:—Дитя мое, я знаю причину твоей болѣзни, но нужно, чтобы ты разсказалъ мнѣ все подробно. Тогда я сообщилъ ей все, какъ было, и она сказала мнѣ:—Въ самомъ дѣлѣ, дитя мое, эта молодая

дѣвушка—дочь багдадскаго кади, и домъ этотъ—его домъ. Но знай, что кади живетъ не въ томъ же самомъ этажѣ, гдѣ живетъ его дочь, а этажомъ ниже. Однако, хотя эта молодая женщина и живетъ одна, но ее усиленно стерегутъ и охраняютъ. Но знай также, что я сама живу въ этомъ домѣ и считаюсь тамъ своимъ человѣкомъ; будь увѣренъ, поэтому, что ты не сможешь достигнуть своихъ цѣлей иначе, какъ черезъ мое посредство. Ободришь же и будь рѣшительнѣе.

Слова эти укрѣпили во мнѣ мужество и дали мнѣ смѣлость; и я сейчасъ же всталъ и почувствовалъ, что тѣло мое совершенно возстановилось въ своихъ силахъ и здоровьи. И при видѣ этого всѣ родичи мои предалися радости. А затѣмъ старая женщина покинула меня, обѣщая мнѣ придти на другой день и сообщить мнѣ о своемъ свиданіи съ молодою дѣвушкою, дочерью багдадскаго кади.

Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день она опять пришла. Но какъ только я взглянулъ въ лицо ей, я понялъ, что извѣстія не будутъ добрыми. И старая женщина сказала мнѣ:—Дитя мое, не спрашивай меня о томъ, что произошло! Я до сихъ поръ не могу придти въ себя. Представь себѣ, что едва я шепнула ей на ухо, зачѣмъ пришла, какъ она поднялась и сказала мнѣ съ величайшимъ гнѣвомъ:—Если ты не замолчишь сейчасъ же, о злосчастная старуха, и не прекратишь своихъ непристойныхъ предложеній, я прикажу наказать тебя, какъ ты того заслуживаешь! Тогда, дитя мое, я не сказала болѣе ни слова; но я рѣшилась вернуться къ этому вопросу еще разъ. Ибо нельзя допустить, чтобы я бесплодно взялась за это дѣло, въ которомъ я опытна, какъ никто во всемъ мірѣ. Затѣмъ она покинула меня и ушла.

А я вновь заболѣлъ, на этотъ разъ еще серіознѣе, и пересталъ ѣсть и пить.

Однако, старая женщина, какъ она и обѣщала, по прошествіи нѣсколькихъ дней опять пришла ко мнѣ, и лицо ея сіяло, и она сказала мнѣ съ улыбкою:—Ну вотъ, дитя мое, награди меня за добрую новость! При этихъ словахъ ея я почувствовалъ, что душа моя отъ радости вновь ожила въ моемъ тѣлѣ, и сказали старухѣ:—Конечно, добрая моя старуха, я всѣмъ обязанъ тебѣ. Тогда она сказала мнѣ:—Вчера я опять пошла къ молодой дѣвушкѣ, о которой у насъ съ тобой была рѣчь; и, увидѣвъ, что я пришла къ ней съ такимъ смиреннымъ и скорбнымъ видомъ и со слезами на глазахъ, она сказала:—Бѣдная моя тетка, я вижу, ты чѣмъ-то очень опечалена! Что съ тобою? Тогда я стала плакать еще сильнѣе и сказала ей:—О дочь моя и госпожа моя! Развѣ ты не помнишь, что я приходила говорить съ тобою о молодомъ человѣкѣ, страстно влюбленномъ въ твои прелести? Такъ вотъ, сегодня этотъ молодой человѣкъ совсѣмъ уже при смерти изъ-за тебя. И она отвѣтила мнѣ, сразу проникшись состраданіемъ и чрезвычайно смягчившись:—Но кто же этотъ молодой человѣкъ, о которомъ ты говоришь? Я сказала ей:—Это мой собственный сынъ, плодъ чрева моего. Онъ увидѣлъ тебя нѣсколько дней тому назадъ у твоего окна, въ ту минуту, какъ ты поливала цвѣты, и могъ уловить черты лица твоего. И вотъ, онъ, который до сего дня отказывался видѣть женщинъ и питалъ ужасъ къ сношенію съ ними, вдругъ вспыхнулъ любовью къ тебѣ. И когда я, нѣсколько дней тому назадъ, сообщила ему о томъ, какъ ты приняла меня, онъ занемогъ еще сильнѣе. И вотъ сейчасъ я оставила его распростертымъ на подушкахъ постели и готовымъ отдать Творцу послѣдній вздохъ свой! И я думаю даже, что нѣтъ болѣе никакой надежды спасти его! При этихъ словахъ молодая дѣвушка страшно поблѣднѣла и проговорила:—И все это изъ-за меня? Я отвѣтила ей:—Ну да.—Аллахъ свидѣтель! Но что ты теперь хочешь сдѣлать? Я вся къ твоимъ услугамъ, и голова моя, и глаза мои ждутъ повелѣній твоихъ! Она сказала:—Иди скорѣе къ нему и пере-

дай ему привѣтъ отъ меня, и скажи ему, что я очень мучусь тѣмъ, что онъ такъ страдаетъ. И потомъ ты скажешь ему, что завтра, въ пятницу, передъ молитвой, я буду ждать его здѣсь. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, и я скажу людямъ моимъ:—отворите ему двери, и впусти его въ покои мои, и мы проведемъ вмѣстѣ цѣлый часъ. Но нужно, чтобы онъ сейчасъ же ушелъ потомъ, пока не вернулся съ молитвы отецъ мой.

Услышавъ эти слова старухи, я почувствовалъ, что силы мои восстанавливаются, а страданія утихаютъ и сердце успокаивается. И я вынулъ изъ платья своего кошелекъ, наполненный динаріями, и просилъ старуху принять его отъ меня. Тогда она сказала мнѣ: Теперь ободрись сердце свое и будь веселъ! Я отвѣчалъ ей: Дѣйствительно, все это кончилось благополучно! И въ самомъ дѣлѣ, родные мои скоро замѣтили, что я выздоравливаю, и предались величайшей радости такъ же, какъ и друзья мои.

И вотъ я дождался назначеннаго дня, пятницы, и опять увидѣлъ старуху; когда она спросила, какъ мое здоровье, я отвѣчалъ ей, что счастливъ и вполне здоровъ. И мы стали бесѣдовать съ нею, ожидая того часа, когда всѣ пойдутъ на молитву. Тогда я поднялся и надѣлъ свое лучшее платье и подушился розовымъ масломъ, и уже хотѣлъ бѣжать къ молодой дѣвушкѣ. Но старуха сказала мнѣ:—У тебя еще много времени впереди. Лучше пойдй сначала въ гаммамъ, возьми хорошую ванну, заставь растереть, обрить и хорошенько очисти себя—это особенно важно теперь, послѣ твоей болѣзни. Ты только выиграешь отъ этого! Я отвѣтилъ: Въ самомъ дѣлѣ, это прекрасная и совершенно справедливая мысль. Но лучше я сначала велю позвать сюда цирюльника, чтобы онъ обрилъ мнѣ голову, а потомъ уже пойду въ гаммамъ взять ванну.

Затѣмъ я приказалъ одному изъ моихъ молодыхъ слугъ сходить за цирюльникомъ, сказавъ ему:—Сходи скорѣе на базаръ и отыщи мнѣ цирюльника, у котораго была бы легкая рука, и который, главное, былъ бы человѣкомъ разумнымъ, скромнымъ, не болтливымъ и не любопытнымъ—чтобы онъ не пробарабанилъ мнѣ уши своими рѣчами и своей болтовней, какъ это дѣлаетъ большинство его собратій по ремеслу! И слуга мой поспѣшно побѣжалъ и скоро привелъ мнѣ стараго цирюльника. И вотъ этого-то проклятаго цирюльника вы видите передъ собою, о господа мои.

Войдя ко мнѣ, онъ привѣтствовалъ меня пожеланіемъ мира, и я отвѣтилъ ему пожеланіемъ мира. И онъ сказалъ мнѣ:—Да разсѣетъ Аллахъ всякую скорбь твою, всякое безпокойство, всякую заботу, всякую печаль и всякую непріятность! Я отвѣтилъ:—Да исполнитъ Аллахъ всѣ твои добрыя пожеланія! Онъ продолжалъ:—Вотъ, мнѣ приходится возвѣстить тебѣ добрую новость, о господинъ мой, возвратъ силъ твоихъ и здоровья твоего! А теперь, что я долженъ дѣлать: обрить тебя или пустить тебѣ кровь? ибо ты и самъ знаешь, что нашъ великій Ибнъ-Абба сказалъ: «Тотъ, кто укорачиваетъ волосы свои въ день пятницы, становится угоднымъ Аллаху, который удаляетъ отъ него семьдесятъ видовъ бѣдствій!» И тотъ же самый Ибнъ-Абба сказалъ: «Но тотъ, кто пускаетъ себѣ кровь въ день пятницы или велитъ ставить себѣ въ этотъ день кровеносныя банки, подвергаетъ себя опасности потерять зрѣніе и навлекаетъ на себя всѣ болѣзни!» Тогда я отвѣтилъ ему:—О шейхъ, довольно болтать пустяки! Принимайся скорѣй за бритье моей головы, да попроворнѣе, ибо я слабъ и не долженъ ни много говорить, ни ждать.

Тогда онъ всталъ и взялъ свой свертокъ, прикрытый платкомъ, гдѣ должны были находиться его тазикъ, бритва и ножницы; и онъ развернулъ его и вынулъ отсюда не бритву, а семистороннюю астролѣю. Взявъ ее, онъ вышелъ на середину моего двора, важно повернулъ голову къ солнцу, внимательно посмотрѣлъ на него, потомъ на астролѣю, вернулся и сказалъ мнѣ:—Ты долженъ знать, что эта пятница есть десятый день мѣсяца Са-

фара семьсотъ шестьдесятъ третьяго года Геджры нашего святаго Пророка (да освѣтитъ его миръ и самыя высокія молитвы!). А изъ науки о числахъ мнѣ извѣстно, что этотъ день, пятница, точно совпадаетъ съ тѣмъ самымъ моментомъ, когда происходитъ встрѣча планеты Лиррикъ съ планетою Гутаредъ, а именно подъ угломъ въ семь градусовъ и шесть минутъ. И это можетъ служить доказательствомъ того, что бритье головы въ сегодняшний день есть дѣло доброе и вполне превосходное. Это также ясно показываетъ мнѣ, что сегодня ты имѣешь намѣреніе видѣться съ одною особою, судьба которой должна быть счастливою. Я могъ бы еще рассказать тебѣ многое о томъ, что случится съ тобою, но объ этомъ лучше молчать!

Я отвѣтилъ: — Ради Аллаха! Ты душишь меня своими рѣчами иводишь меня съ ума. И къ тому же ты, повидимому, хочешь предсказать мнѣ какія-то неприятыя вещи. А вѣдь я позвалъ тебя для того, чтобы ты обрилъ мнѣ голову. Встань же и обрѣй мнѣ голову, не распространяясь далѣе въ своихъ рѣчахъ! Онъ отвѣтилъ:—Ради Аллаха! если бы ты зналъ истину, ты сталъ бы просить меня, чтобы я высказался еще подробнѣе и обстоятельнѣе. Во всякомъ случаѣ, ты долженъ знать, что хотя я и цирюльникъ, но не простой цирюльникъ. Въ самомъ дѣлѣ: хотя я самый извѣстный цирюльникъ въ Багдадѣ, но кромѣ искусства врачеванія, кромѣ растений и лѣкарствъ, я прекрасно знаю науку о звѣздахъ, знаю правила нашего языка, искусство стихосложенія, краснорѣчіе, науку о числахъ, геометрію, алгебру, философію, архитектуру, исторію и преданія всѣхъ народовъ земли. Поэтому я не безъ основанія совѣтую тебѣ, о господинъ мой, точно слѣдовать предписаніямъ Гороскопа, который я только-что составилъ для тебя при помощи моей науки и изслѣдованія звѣздныхъ исчисленій. Воздай же хвалу Аллаху, который привелъ меня къ тебѣ, и послушайся меня, ибо я совѣтую тебѣ благое и говорю изъ участія къ тебѣ. А, впрочемъ, я ничего другого не желаю, какъ только служить тебѣ и быть въ твоёмъ распоряженіи, хотя бы цѣлый годъ, и при томъ безъ всякаго вознагражденія! Однако же, нужно признать, что я человѣкъ не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ, и отдать мнѣ эту справедливость. При этихъ словахъ я сказалъ ему:—Ты настоящій разбойникъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что ты рѣшился свести меня съ ума и заставить меня умереть отъ нетерпѣнія!

Но на этомъ моментѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что приближается утро, и скромно приостановила свой рассказъ.

А когда наступила

двадцать девятая ночь,

она сказала:

— Случилось такъ, о царь благословенный, что когда молодой человѣкъ сказалъ цирюльнику:—Ты рѣшился свести меня съ ума и заставить умереть отъ нетерпѣнія, — цирюльникъ отвѣтилъ:

— Знай, однако, о господинъ мой, что я тотъ самый человѣкъ, который извѣстенъ у всѣхъ подъ именемъ Эль-Саметъ¹, вслѣдствіе того, что я отнюдь не отличаюсь болтливостью. И ты совсѣмъ несправедливъ ко мнѣ, считая меня болтуномъ, особенно если ты на минуту дашь себѣ трудъ сравнить меня съ моими братьями! Ибо ты долженъ знать, что у меня есть шесть братьевъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы болтунами; а чтобы познакомить тебя съ ними, я назову ихъ тебѣ по именамъ: старшій зовется Эль-Бакбукъ или тотъ, который, болтая, булькаетъ горломъ, какъ

¹ Эль-Саметъ — молчаливый.

кувшинъ; второй—Эль-Гаддаръ или тотъ, который мычитъ подобно верблюду; третій—Бакбакъ или кудахтающій толстякъ; четвертый—Эль-Кузъ Эль-Ассуани или небьющійся кувшинъ Ассуана; пятый—Эль-Ашаръ или беременная верблюдица или большой котелъ; шестой—Шакаликъ или треснутый горшокъ; а седьмой—Эль-Саметъ или молчаливый. Этотъ молчаливый и есть я, слуга твой!

Выслушавъ всѣ эти быстро льющіяся рѣчи цирюльника, я почувствовалъ, что отъ нетерпѣнія у меня воспаляется и уже готовъ лопнуть желчный пузырь мой, и я закричалъ, обращаясь къ одному изъ молодыхъ слугъ моихъ:—Дай скорѣе четверть динарія этому человѣку и заставь его убраться какъ можно дальше отъ меня, во имя Аллаха! Ибо я рѣшительно отказываюсь брить себѣ голову! Услышавъ это приказаніе, цирюльникъ сказалъ:—О господинъ мой! Какія жестокія слова я только-что слышалъ! Ради Аллаха! Знай, что я готовъ служить тебѣ безъ всякаго вознагражденія; я непременно долженъ служить тебѣ, ибо это есть долгъ мой—быть всецѣло къ твоимъ услугамъ и исполнять всѣ твои желанія. И я счелъ бы себя навѣки обезпеченнымъ, если бы принялъ отъ тебя то, что ты великодушно захотѣлъ дать мнѣ. Ибо, если ты не имѣешь понятія о моихъ достоинствахъ, то я, напротивъ, высоко цѣню твои достоинства и вполне увѣренъ, что ты достойный сынъ своего покойнаго отца (да смилуется надъ нимъ Аллахъ!), ибо отецъ твой былъ какъ бы заимодавцемъ моимъ—столько благодѣяній оказалъ онъ мнѣ; это былъ человѣкъ, исполненный великодушія и всяческаго величія, и онъ весьма уважалъ меня—настолько, что однажды онъ послалъ за мною; а было это въ такой благословенный день, какъ сегодня. И когда я пришелъ къ нему, я нашелъ его окруженнымъ многочисленными посѣтителями; и онъ немедленно оставилъ ихъ всѣхъ, всталъ и пошелъ мнѣ навстрѣчу, и сказалъ мнѣ:—Пожалуйста,пусти мнѣ немного крови! Тогда я взялъ мою астрольбію, измѣрилъ высоту солнца, разсмотрѣлъ внимательно исчисленіе и открылъ, что часъ былъ неблагоприятный и что пускать кровь въ этотъ день весьма затруднительно. И я сейчасъ же изложилъ эти мои соображенія твоему покойному отцу, который покорно принялъ слова мои и терпѣливо ожидалъ, пока не наступилъ часъ, вполне благоприятный и подходящий для этой операціи. Я пустилъ ему порядочную струю крови; и онъ покорно отдался въ мои руки, а потомъ весьма горячо благодарилъ меня, и всѣ присутствующіе также благодарили меня. И чтобы вознаградить меня за кровопусканіе, которое я ему сдѣлалъ, твой покойный отецъ далъ мнѣ сейчасъ же сто динаріевъ золотомъ.

На эти слова я сказалъ цирюльнику:—Да не смилуется Аллахъ надъ моимъ покойнымъ отцомъ, который былъ дотога слѣпъ, что обратился къ такому цирюльнику, какъ ты! А цирюльникъ, услышавъ это, сталъ смѣяться, покачивая головою, и сказалъ:—Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ—посланникъ Аллаха! Да будетъ благословенно имя Того, Кто все измѣняетъ, самъ же пребываетъ неизмѣннымъ! А я-то думалъ, что ты одаренъ разумомъ, о молодой человѣкъ! А теперь вижу, что болѣзнь, которая съ тобой приключилась, совершенно свихнула тебѣ разсудокъ и сдѣлала тебя пустымъ болтуномъ. Но это не слишкомъ удивляетъ меня, ибо я знаю Священные Слова, сказанныя Аллахомъ въ нашей Священной и Драгоценной Книгѣ, въ стихѣ, который начинается слѣдующими словами: «Тѣ, которые подавляютъ гнѣвъ свой и милуютъ виновныхъ...» Поэтому я предаю забвенію всѣ твои провинности передо мною и всѣ твои прегрѣшенія, и все прощаю тебѣ! Но, право, я не могу понять твоего нетерпѣнія и причины его! Развѣ ты не знаешь, что твой отецъ ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись со мной, и что въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ пословицѣ, которая гласитъ: «Человѣкъ, принимающій совѣтъ, создаетъ себѣ опору». А я, будь

выполни увѣренъ въ этомъ, я—человѣкъ весьма драгоцѣнный, и ты никогда не найдешь другого такого совѣтчика, какъ я, и никого, кто могъ бы лучше преподавать наставленія мудрости и умѣлъ бы искуснѣе и ловчѣе обдѣлывать разныя дѣла. И вотъ я стою передъ тобою на обѣихъ ногахъ моихъ, ожидая твоихъ приказаній и всецѣло готовый къ твоимъ услугамъ. Однако, скажи мнѣ, почему это я ни мало не раздражаюсь тобою, тогда какъ ты въ такой степени раздраженъ и взбѣшенъ? Правда, что если я выказываю по отношенію къ тебѣ такое терпѣніе, то единственно изъ уваженія къ памяти отца твоего, которому я обязанъ столькими благодѣяніями. Тогда я отвѣтилъ ему: — Ради Аллаха! Это ужъ, право, слишкомъ! Ты просто губишь меня своей неудержимою болтливостью! Повторяю тебѣ, что я позвалъ тебя только для того, чтобы ты обрилъ мнѣ голову и убрался отсюда какъ можно скорѣе.

И, говоря ему эти слова, я всталъ, сильно разгнѣванный, и хотѣлъ прогнать его и уйти, хотя онъ уже смочилъ и намылилъ мнѣ голову. Тогда онъ сказалъ мнѣ самымъ спокойнымъ образомъ: — Въ самомъ дѣлѣ, я прекрасно вижу теперь, что нестерпимо надоѣлъ тебѣ. Но я ни мало не обижаюсь на тебя за это, ибо отлично понимаю, что ты слабъ разсудкомъ и при томъ еще очень юнъ; вѣдь совсѣмъ недавно еще я таскалъ тебя ребенкомъ на своемъ плечѣ и такимъ образомъ относилъ такъ въ школу, куда ты не хотѣлъ ходить. Я отвѣтилъ ему: — Да полно же, братъ мой, заклинаю тебя Аллахомъ и святою истиною Его, — уйди отсюда и предоставь меня моимъ занятіямъ, уходи ты по-добру, по-здорову! Когда я произнесъ эти слова, меня охватилъ такой припадокъ нетерпѣнія, что я разодралъ платье свое и началъ испускать нечленораздѣльные крики, какъ сумасшедшій.

Увидѣвъ меня въ такомъ состояніи, цирюльникъ рѣшилъ взяться за свою бритву и сталъ править ее о кусокъ кожи, привязанный къ его поясу. Но онъ такъ долго правилъ ее объ эту кожу, что у меня душа была готова разстаться съ тѣломъ. Наконецъ, онъ придвинулся къ моей головѣ и началъ брить меня съ одной стороны, и, дѣйствительно, сбрилъ нѣсколько волосковъ. Затѣмъ онъ остановился, поднялъ руку и сказалъ: — О молодой господинъ мой! Гнѣвъ есть искушеніе Шейтана. И онъ привелъ мнѣ слѣдующія строфы:

Мудрецъ! Когда ты на землѣ людьми судьбою избранъ,
Твой долгъ — обдумывать намѣренья свои
И не спѣшить постановлять рѣшенія.
Судья! Не будь жестокъ и строго не суди, —
Тогда и для себя найдешь ты милосердіе.
Не забывай, что на землѣ нѣтъ силы,
Которую сломить своей рукой не могъ бы
Аллахъ великій, — міра властелинъ.
Не забывай, что самый злой тиранъ
На алѣйшаго еще наткнется можетъ въ жизни
И предъ его жестокосердіемъ пасть.

Потомъ онъ сказалъ мнѣ: — О господинъ мой! Я отлично вижу, что ты не имѣешь никакого почтенія къ заслугамъ и талантамъ моимъ. А между тѣмъ, та самая рука, которая теперь брѣетъ тебя, трогаешь и ласкаетъ также голову царей, эмировъ, визирей, правителей и всѣхъ вообще богородныхъ и славныхъ людей. И это въ мою честь или въ честь кого-нибудь, кто сильно походилъ на меня, поэтъ изрекъ нижеслѣдующее:

Какъ ожерелія изъ камней самоцвѣтныхъ
Всѣ знанія людей высоко я цѣню;
Но выше всѣхъ — цирюльника искусство.
Величіемъ души и мудростью своей
Онъ мудрыхъ и великихъ превосходитъ:
Въ своихъ рукахъ онъ держитъ жизнь царей.

Въ отвѣтъ на всѣ эти рѣчи, я сказалъ цирюльнику: — Да будешь ли ты, наконецъ, заниматься своимъ дѣломъ или нѣтъ? Въ самомъ дѣлѣ, ты вымоталъ мнѣ всю душу и совершенно истервалъ мозги! Тогда онъ сказалъ: — Я начинаю подозрѣвать, что ты нѣсколько торопишься покончить съ этимъ. Я закричалъ: — Ну, да, разумѣется! Ну, да, разумѣется! Ну, да, разумѣется! Онъ сказалъ: — Внуши себѣ немножко терпѣнія и умѣренности, ибо поспѣшность есть навождение Искуссителя и не можетъ повести ни къ чему, кромѣ раскаянія и всевозможныхъ невзгодъ въ жизни! Къ тому же владыка нашъ Магометъ (да пребудетъ съ нимъ молитва наша и миръ!) сказалъ: «Самая прекрасная вещь въ мірѣ—та, которая сдѣлана медленно и вполне созрѣла!» Но то, что ты теперь сообщилъ мнѣ, сильно заинтересовало меня, и я прошу тебя объяснить мнѣ, почему ты такъ нетерпѣливъ и такъ торопишься. Я надеюсь, что причиною этого является что-нибудь пріятное для тебя, и я былъ бы очень огорченъ, если бы это было не такъ. Но, правду сказать, я долженъ теперь немножко приостановиться, ибо мнѣ остается всего нѣсколько часовъ благопріятнаго солнца. Тутъ онъ отложилъ бритву, взялъ свою астролябію, вышелъ на солнце и довольно долго оставался на дворѣ, измѣряя высоту солнца, но не упуская изъ виду и меня и обращая ко мнѣ время отъ времени тотъ или другой вопросъ. Потомъ онъ вернулся ко мнѣ и сказалъ: — Если ты такъ торопишься къ полуденной молитвѣ, то, право, ты можешь быть вполне покоенъ, ибо намъ остается цѣлыхъ три часа до нея, — ни болѣе, ни менѣе. Я никогда не ошибаюсь въ своихъ расчетахъ. Я сказалъ ему: — Ради самого Аллаха! Избавь меня отъ этихъ разсужденій, ибо ты изорвалъ мнѣ ими всю печень!

Тогда онъ снова взялся за бритву и принялся править се, какъ и раньше, и, наконецъ, началъ мало-по-малу брить мнѣ голову; но при этомъ онъ не могъ удержаться отъ разговоровъ и сказалъ: — Я очень огорченъ твоей нетерпѣливостью, но если бы ты захотѣлъ открыть мнѣ причину ея, то это было бы тебѣ въ пользу и во благо. Ибо ты вѣдь знаешь теперь, какъ твой покойный отецъ цѣнилъ меня и что онъ ничего не предпринималъ, не посоветовавшись со мною. И тутъ я увидѣлъ, что у меня нѣтъ никакого средства къ избавленію, и подумалъ въ душѣ своей: — Вотъ, время молитвы уже приближается, я долженъ спѣшить къ молодой женщинѣ, иначе будетъ поздно, и едва я успѣю придти туда, какъ люди кончатъ молитву и выйдутъ изъ мечетей. И тогда все погибло для меня! Поэтому я сказалъ цирюльнику: — Кончай скорѣй и брось всѣ эти пустыя разглагольствованія и это нескромное любопытство! Если же ты непременно хочешь знать, въ чемъ дѣло, то знай, что я долженъ пойти къ одному изъ своихъ друзей, отъ котораго получилъ настоящее приглашеніе на пирь.

Услышавъ эти слова—приглашеніе и пирь—цирюльникъ сказалъ мнѣ: — Да благословить тебя Аллахъ! И да будетъ этотъ день полонъ великаго благополучія для тебя! Ибо ты напомнилъ мнѣ о томъ, что я пригласилъ къ себѣ на сегодня нѣсколькихъ друзей и что я совершенно позабылъ приготовить имъ обѣдъ. Я только сейчасъ вспомнилъ объ этомъ, но теперь ужъ поздно! Тогда я сказалъ ему: — Не беспокойся о томъ, что поздно, я помогу этому дѣлу. Такъ какъ я самъ не обѣдаю дома, а отправляюсь на пирь, то я предоставляю тебѣ все, что у меня приготовлено по части разныхъ блюдъ, яствъ и питей, но только съ условіемъ, чтобы ты сейчасъ же покончилъ съ этимъ дѣломъ и поскорѣе обрилъ мнѣ голову. Онъ отвѣтилъ мнѣ: — Да осыплетъ тебя Аллахъ дарами своими и да вознаградитъ тебя своими благословеніями! Но будь такъ добръ, о господинъ мой, перечисли мнѣ тѣ вещи, которыми ты хочешь одарить меня, чтобы я зналъ ихъ! Я сказалъ ему: — Я имѣю для тебя пять котловъ, въ которыхъ заключаются всякаго

рода восхитительныя вещи: фаршированные бадиджаны и тыквы, виноградные листья съ фаршемъ и лимонной приправою, клецки съ начинкою изъ толченой ржи и скобленого мяса, рисъ съ томатами и мелкими кусочками баранины, рагу съ маленькими луковками; кромѣ того, у меня есть десять жареныхъ цыплятъ и жареный баранъ; потомъ у меня есть два подноса: одинъ съ кенафой, другой съ пирожнымъ изъ сладкаго сыра на меду, потому плоды всѣхъ сортовъ: огурцы, дыни, яблоки, лимоны и свѣжіе финики, и еще многое другое! Тогда онъ сказалъ мнѣ:—Вели принести все это сюда, чтобъ я могъ посмотреть. И я велѣлъ принести всѣ эти вещи, а онъ разсмотрѣлъ ихъ и всего попробовалъ, и сказалъ мнѣ:—Великодушіе твое—истинное великодушіе. Но недостаетъ еще напитковъ! Я сказалъ:—У меня есть и это! Тогда онъ сказалъ:—Вели принести и ихъ! И я велѣлъ принести шесть сосудовъ, наполненныхъ напитками шести разныхъ сортовъ, и онъ попробовалъ каждого изъ нихъ и сказалъ:—Да ниспоплетъ на тебя Аллахъ всѣ свои милости! Какъ ты великодушенъ! Но недостаетъ еще ладона, бензоя и ароматовъ для куренія въ залѣ, а также розовой воды и воды изъ померанцевыхъ цвѣтовъ для окропленія моихъ гостей! Тогда я велѣлъ принести ему ящикъ, наполненный сѣрою амброю, кусочками алоэ, наддомъ, мускусомъ, ладномъ и бензоємъ, стоимостью больше чѣмъ на пятьдесятъ золотыхъ динаріевъ; и я не забылъ также о благовонныхъ маслахъ и о серебряныхъ кропильницахъ съ душистыми водами. И такъ какъ времени оставалось все меньше и меньше и грудь моя все болѣе стѣснялась, я сказалъ цирюльнику:—Возьми все это! Но кончай скорѣе съ бритьемъ моей головы, ради самого Магомета, да осѣнитъ его миръ и молитвы Аллаха! Тогда цирюльникъ сказалъ мнѣ:—Ради Аллаха! Я не приму этого ящика прежде, чѣмъ не открою его и не осмотрю содержимаго! Тогда я приказалъ моему молодому слугѣ открыть ящикъ, а цирюльникъ отложилъ свою астролябію, и, оставивъ большую часть моей головы небритой, онъ сѣлъ на короточки на полъ и сталъ перебирать находившіяся въ ящики благовонія и эссенціи, ладанъ, мускусъ, сѣрую амбру, кусочки алоэ; и онъ нюхалъ одно за другимъ такъ степенно и медленно, что моя душа отъ нетерпѣнія едва не разсталась съ тѣломъ. Затѣмъ онъ поднялся и поблагодарилъ меня и, взявъ свою бритву, спокойно приступилъ къ бритью моей головы. Но едва онъ взялся за это, какъ вдругъ снова остановился и сказалъ мнѣ:—Ради Аллаха! Я не знаю, право, о дитя мое, кого изъ васъ я долженъ болѣе благословлять и восхвалять теперь, тебя или твоего покойнаго отца? Ибо, въ самомъ дѣлѣ, если я задамъ пиръ сегодня, то этимъ я буду всецѣло обязанъ твоему великодушію и твоимъ щедрымъ дарамъ. Но признаться ли? Вѣдь всѣ приглашенные мною мало достойны такого роскошнаго пиршества, ибо всѣ они, какъ и я, люди простого званія. Но зато всѣ они обворожительны и весьма интересны своею личностью. И если я долженъ перечислить ихъ тебѣ, то вотъ они: во-первыхъ, безподобный Цейтунъ, растиральщикъ въ гаммамѣ; затѣмъ веселый шутникъ Сали, продавецъ печенаго и толченаго волошкаго гороха; Гауколь, продавецъ квашенныхъ бобовъ; Гакрашатъ, продавецъ овощей; Галифъ, подметальщикъ навоза, и, наконецъ, Гакарешъ, продавецъ простокваши! Всѣ эти приглашенные мною друзья, также какъ и я самъ, слуга твой, отнюдь не отличаются ни болтливостью, ни неприличнымъ любопытствомъ; но всѣ они добрые ребята, умѣющие пожить и способные разогнать чужую хандру. Самый незначительный изъ нихъ значительнѣе въ моихъ глазахъ, чѣмъ самый могущественный царь. И въ самомъ дѣлѣ, ты долженъ знать, что каждый изъ нихъ извѣстенъ всему Багдаду какою-нибудь особенною пляскою и пѣснею. И если желаешь, я сейчасъ же пропляшу и пропою тебѣ пляску и пѣсню каждого изъ нихъ.

И такъ, вотъ, смотри на меня! Вотъ пляска моего друга Цейтуна, растиральщика! Вотъ! А что касается пѣсни его, то вотъ она:

Она мила, моя подруга въ жизни,
А въ нѣжности она бы превзошла
Овечку нѣжную и нѣжную голубку.
Какъ страстно я люблю и какъ любимъ я самъ!
Она меня съ такою страстью любить,
Что стоитъ мнѣ уйти лишь на минуту,—
И съ плачемъ на постель она бросается мою.
Она мила, моя подруга въ жизни,
А въ нѣжности она бы превзошла
Овечку нѣжную и нѣжную голубку.

— Теперь, о господинъ мой! — продолжалъ цирюльникъ, — что касается моего друга Галифа, подметальщика навоза, то вотъ и его пляска!.. Ты видишь, какъ она увлекательна и полна одновременно искусства и веселости! А вотъ тебѣ и пѣсня его:

О горе мнѣ! Моя жена скупа.
И если бъ ей я былъ во всемъ покоренъ,
То съ голоду ужъ умеръ бы давно.
О горе мнѣ! Моя жена — уродъ.
И если бъ я послушался ея,
То долженъ былъ сидѣть всегда бы дома.
Моя жена хлѣбъ въ ящикахъ скрываетъ,
И хлѣба ѣсть я въ волю не могу.
Моя жена настолько безобразна,
Что, увидавъ ее, и негръ бы убѣжалъ.
Пора, давно пора мнѣ отъ нея бѣжать!

Затѣмъ цирюльникъ, не давая мнѣ времени выразить хотя бы знакомъ мой протестъ, изобразилъ всѣ пляски своихъ друзей и пропѣлъ всѣ ихъ пѣсни. Потомъ онъ сказалъ мнѣ: — Вотъ, что они умѣютъ дѣлать, мои друзья! Если бы ты хотѣлъ посмѣяться, я бы посовѣтовалъ тебѣ, ради собственнаго удовольствія и ради нашего общаго удовольствія, пойти со мною и составить намъ компанію, оставивъ въ покоѣ тѣхъ друзей, которые, по твоимъ словамъ, просили тебя придти. Ибо я еще вижу на лицѣ твоемъ слѣды усталости, и ты едва оправился отъ болѣзни; а возможно, что среди своихъ друзей ты встрѣишь любителей пустословія, скучныхъ болтуновъ, а также людей нескромныхъ и любопытныхъ, изъ-за которыхъ ты, чего-добраго, опять заболѣешь, и еще серьезнѣе, чѣмъ прежде.

Тогда я сказалъ цирюльнику: — На сегодня я никакъ не могу принять твоего приглашенія, но когда-нибудь въ другой разъ я имъ воспользуюсь. Онъ отвѣчалъ мнѣ: — Повторяю, что самое выгодное для тебя — послѣшить ко мнѣ и теперь же воспользоваться обществомъ моихъ друзей и насладиться ихъ удивительными качествами. Такимъ образомъ ты поступиши согласно изреченію поэта:

Лови, мой другъ, минуты счастья въ жизни.
Коль счастье тебя улыбкою дарить,
И пользуйся сегодня наслажденьемъ —
Вѣдь завтра можетъ ужъ его не быть.
Не каждый день намъ радости приноситъ.
И не всегда къ твоимъ устамъ, мой другъ,
Свои уста подставитъ наслажденье.
Не забывай, что женщина судьба,
И, какъ всѣ женщины, она непостоянна.

Выслушавъ всѣ эти назиданія и словоизліянія, я не могъ удержаться отъ смѣха, хотя въ сердцѣ моемъ тяжело кипѣла ярость; затѣмъ я сказалъ ему:

— Теперь я приказываю тебѣ кончить бритѣ, для котораго ты былъ позванъ, и предоставить мнѣ свободу идти путемъ Аллаха и подъ святымъ покровомъ Его. Ты же, съ своей стороны, отправишься къ своимъ друзьямъ, которые въ настоящее время должны уже нетерпѣливо ожидать тебя. Онъ отвѣчалъ мнѣ: — Но почему же ты отказываешься? Вѣдь, право, я прошу тебя только объ одномъ: позволить мнѣ познакомиться тебя съ моими друзьями, этими превосходными товарищами, которые такъ далеки отъ малѣйшей нескромности, что увѣряю тебя — какъ только ты увидишь ихъ, тебѣ не захочется болѣе посѣщать другихъ, и ты сейчасъ же покинешь всѣхъ своихъ друзей. Я сказалъ ему: — Да ниспошлетъ тебѣ Аллахъ еще большее счастье въ дружбѣ съ ними. Я же со своей стороны общаю тебѣ, что самъ приглашу ихъ на пиръ, который устрою когда-нибудь для нихъ!

Тогда этотъ проклятый цирюльникъ согласился съ моими разсужденіями, но при этомъ сказалъ: — Такъ какъ я вижу теперь, что на сегодня ты все-таки предпочитаешь пиршество своихъ друзей и ихъ общество — обществу моихъ друзей, то подожди, по крайней мѣрѣ, пока я сбѣгаю домой и отнесу туда всѣ припасы, которыми я обязанъ твоей щедрости; я выложу ихъ на скатерть передъ гостями, и такъ какъ всѣ друзья мои не такъ глупы, чтобы обидѣться, если я предоставлю имъ почтить столъ мой въ мое отсутствіе, то я скажу имъ, чтобы они не разсчитывали на меня и не ожидали моего возвращенія, а самъ сейчасъ же вернусь сюда и отправлюсь вмѣстѣ съ тобою туда, куда ты собираешься идти. Тогда я воскликнулъ: — О! Нѣтъ прибѣжища и власти кромѣ какъ у Аллаха Всесильнаго и Всемогущаго! О человѣкъ! иди же, наконецъ, къ друзьямъ своимъ и веселись себѣ съ ними на здоровье, а меня отпусти къ моимъ друзьямъ, которые должны ожидать моего прибытія какъ разъ теперь! Цирюльникъ же сказалъ мнѣ: — О, нѣтъ, ни за что я не допущу, чтобы ты шелъ одинъ! Я отвѣтилъ ему, дѣлая величайшія усилія надъ собою, чтобы не разразиться оскорбленіемъ ему: — Но пойми же, наконецъ, что никто кромѣ меня не долженъ идти въ то мѣсто, куда я иду! Онъ сказалъ мнѣ: — А! понимаю! Вѣроятно, ты идешь на свиданіе съ женщиною! Ибо, въ противномъ случаѣ, ты непременно взялъ бы меня съ собой. Однако, ты долженъ знать, что я достоинъ этой чести, какъ никто другой въ мірѣ, и при томъ я могъ бы очень пригодиться тебѣ во всемъ, что ты будешь дѣлать. А кромѣ того, я сильно опасаясь, что эта женщина — коварная чужестранка. Въ такомъ случаѣ — бѣда тебѣ, если ты будешь одинъ! Не выбираться тебѣ оттуда живымъ! Ибо въ такомъ городѣ, какъ Багдадъ, подобныя свиданія — далеко не безопасное дѣло, о, далеко нѣтъ! А особенно съ тѣхъ поръ, какъ у насъ водворился этотъ новый правитель, который относится къ такимъ вещамъ съ ужасающею суровостью; ибо говорятъ, что у него не все въ порядкѣ насчетъ его мужскихъ органовъ, а потому, изъ зависти и ненависти, онъ безжалостно наказываетъ всѣ приключенія подобнаго рода!

При этихъ словахъ я не могъ усидѣть на мѣстѣ и закричалъ съ яростью: — О ты, распроклятый изъ всѣхъ негодяевъ и злодѣевъ! Кончишь ты или нѣтъ всѣ эти разглагольствованія, которыми ты меня душишь? Тогда цирюльникъ рѣшился замолчать на время и, взявъ свою бритву, обрилъ мнѣ, наконецъ, всю голову. Но пока онъ производилъ все это, наступило время полуденной молитвы, и, быть можетъ, даже, молитва уже шла, и скоро должна была начаться проповѣдь.

Тогда я сказалъ ему, чтобы заставить его убраться: — Иди же къ своимъ друзьямъ и отнеси имъ всѣ эти яства и всѣ эти напитки, а я общаю подождать тебя, чтобы ты могъ пойти со мною на это свиданіе. И я очень наставлялъ на этомъ и убѣждалъ его согласиться. Тогда онъ сказалъ мнѣ: — Я отличну вижу, что ты хочешь провести меня и, отдѣ-

лавшись отъ меня, пойдешь одинъ. Но предупреждаю тебя, что, поступая такимъ образомъ, ты рискуешь попасть въ такую бѣду, что не найдешь ни выхода изъ нея, ни спасенія. Поэтому заклиная тебя, въ твоихъ же собственныхъ интересахъ, не трогаться съ этого мѣста, покуда я не вернусь и не смогу пойти съ тобою, чтобы видѣть, чѣмъ кончится все это приключеніе! Я сказалъ ему: — Да! Но ради Аллаха, не медли слишкомъ, возвращайся скорѣе!

Тогда цирюльникъ попросилъ, чтобы я помогъ ему взвалить на спину всѣ тѣ вещи, которыя я ему далъ, а на голову—два большихъ подноса съ пирогами, и, нагруженный такимъ образомъ, вышелъ отъ меня. Однако,—будь онъ проклятъ!—едва онъ успѣлъ выйти на улицу, какъ подозвалъ къ себѣ двухъ носильщиковъ, передалъ имъ свою ношу, приказалъ имъ отнести все это къ нему домой, въ такое-то мѣсто, а самъ спрятался въ темномъ переулкѣ, ожидая моего выхода.

Что же касается меня, то я немедленно всталъ, умылся съ величайшею поспѣшностью и, одѣвшись въ свое лучшее платье, вышелъ изъ дому. Но въ ту же самую минуту я услышалъ крикъ муэддиновъ на минаретахъ, которые сзывали вѣрующіхъ на полуденную молитву этого святого дня, пятницы:

*Бисмиллахи—ррахмани—ррахимъ!*¹

Хвала Аллаху, Господу вселенной, Милосердому и Милостивому!

Всевышній Владыка, единый Судія въ день Страшнаго Суда,

Тебѣ поклоняемся, къ твоей помощи прибегаемъ!

Настави насъ на путь правый,

На путь тѣхъ, кого осыпалъ ты своими благодѣяніями,

А не на путь навлекшихъ на себя гнѣвъ Твой,

*И не на путь заблудшихъ!*²

Итакъ, я вышелъ на улицу и поспѣшно направился къ дому молодой дѣвушки. Подойдя къ дверямъ кади, я случайно обернулся и при входѣ въ переулокъ увидѣлъ проклятаго цирюльника. Тогда, замѣтивъ, что дверь дома была полуотворена для меня, я вбѣжалъ туда и быстро захлопнулъ дверь за собою. Во дворѣ я увидѣлъ старуху, которая сейчасъ же провела меня въ верхній этажъ, гдѣ жила молодая дѣвушка.

Но едва я вошелъ туда, какъ мы услышали, что по улицѣ идутъ люди: это былъ кади, отецъ молодой женщины, который въ сопровожденіи своей свиты возвращался съ молитвы. И я увидѣлъ на улицѣ цирюльника, который, стоя, дожидался меня. Что же касается кади, то молодая женщина успокоила меня, сказавъ, что отецъ посѣщаетъ ее лишь изрѣдка и что вообще я имѣю полную возможность укрыться отъ его взоровъ.

Но на мое несчастіе Аллаху угодно было, чтобы произошелъ случай, имѣвшій самыя роковыя для меня послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, по какому-то особому совпаденію, въ этотъ самый день одна изъ молодыхъ рабынь кади навлекла на себя наказаніе. И кади, едва войдя въ домъ, принялся бить эту молодую рабыню и, должно быть, очень больно сѣкъ ее по спинѣ, потому что она начала издавать неистовые вопли, и тогда одинъ изъ находившихся въ домѣ негровъ вошелъ, чтобы попробовать заступиться за нее, а взбѣшенный кади набросился съ розгами и на него; и негръ этотъ тоже принялся вопить. Тогда поднялся такой гвалтъ, что вся улица взволновалась, а злополучный цирюльникъ вообразилъ, будто это меня схватили и мучать, и я испускаю эти крики. Тогда онъ самъ сталъ издавать ужас-

¹ Во имя Аллаха Милосердаго и Милостиваго. ² Первая глава Корана.

нѣйшіе крики, рвать на себѣ одежду, посыпать голову пылью и умолять о помощи прохожихъ, которые начинали собираться вокругъ него. И онъ плакалъ и говорилъ:—Въ домѣ кади избили господина моего! Потомъ, не переставая кричать, бросился въ сопровожденіи всей толпы къ моему дому и сообщилъ всѣмъ домашнимъ и слугамъ моимъ, которые сейчасъ же вооружились палками и прибѣжали къ дому кади, испуская ужасные вопли и возбуждая другъ друга. Они прибѣжали всей толпой и во главѣ ихъ—цирюльникъ, который продолжалъ рвать свое платье и безумно кричать передъ дверью кади, за которою находился я самъ. Услышавъ передъ своимъ домомъ такой шумъ и крикъ, кади посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ толпу бѣснующихся людей, которые стучали въ его дверь палками. Тогда, понявъ, что дѣло разыгралось не на шутку, онъ спустился, отворилъ дверь и воскликнулъ:—Чего вы, добрые люди? Чтѣ случилось? А слуги мои закричали ему:—Ты убилъ нашего господина! Онъ сказалъ имъ:— Но кто же онъ, вашъ господинъ, и чтѣ онъ такого сдѣлалъ, чтобы я убилъ его?..

Но на этомъ моментѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что занимается утро, и скромно умолкла.

И когда наступила

тридцатая ночь,

она сказала:

— Разсказывали мнѣ, о царь благословенный, что удивленный кади сказалъ имъ:—Чтѣ же такого онъ сдѣлалъ, вашъ господинъ, чтобы я убилъ его! И чтѣ натворилъ тутъ, среди васъ, этотъ цирюльникъ, бѣснующійся, какъ осель? Тогда цирюльникъ воскликнулъ:—Ты только-что заколотилъ на смерть палками господина моего, а я былъ на улицѣ и слушалъ его крики! Кади отвѣчалъ:—Но кто же онъ, господинъ твой? Откуда ты? Гдѣ онъ? Кто могъ привести его сюда? И чтѣ онъ сдѣлалъ такого, чтобы заслужить палочные удары? Цирюльникъ сказалъ:—О злосчастный кади! Не прикидывайся, ибо я знаю всю исторію и причину, по которой господинъ мой пришелъ въ домъ твой и всѣ подробности этого дѣла. Я знаю, въ самомъ дѣлѣ, и хочу, чтобы всѣ это знали теперь, что дочь твоя влюблена въ моего господина и что господинъ мой отвѣчаетъ ей взаимностью! И я самъ сопровождалъ его сюда. И вотъ ты накрылъ его въ постели съ дочерью своею и съ помощью слугъ своихъ избилъ его на смерть палками. Поэтому я заставляю тебя пойти со мною къ нашему калифу, къ единственному нашему (судѣ), если только ты не предпочтешь возвратить намъ господина нашего и не вознаградишь его за все то зло, которое ты сдѣлалъ ему и не отдашь его намъ, мнѣ и роднымъ его, цѣлымъ и невредимымъ. Въ противномъ случаѣ я принужденъ буду войти въ твой домъ и освободить его силою. Поспѣши же возвратить его намъ!

При этихъ словахъ кади смутился и растерялся, и ему стало стыдно всѣхъ присутствующихъ. Однако, онъ сказалъ цирюльнику:—Если только ты не простой лгунъ, то войди въ домъ мой,—я позволяю тебѣ это, и ищи его повсюду, гдѣ хочешь, чтобы освободить его. Тогда цирюльникъ устремился въ домъ кади.

Чтѣ же касается меня, то во время этой сцены я стоялъ у окна за деревянною рѣшеткою, и, увидѣвъ, что цирюльникъ ворвался въ домъ, чтобы разыскивать меня, я хотѣлъ бѣжать. Но напрасно я искалъ выхода: черезъ какую бы дверь я ни бросился, повсюду меня могли замѣтить либо домашніе, либо цирюльникъ. Тогда, въ одной изъ комнатъ, гдѣ я искалъ выхода, я нашелъ большой, пустой деревянный сундукъ и поспѣшно влѣзъ туда, чтобы спрятаться, и, закрывъ надъ собою крышку, затаилъ дыханіе.

Цирюльникъ же, обыскавъ весь домъ, вошелъ, наконецъ, въ ту комнату, гдѣ я находился, и, осмотрѣвшись по сторонамъ, увидѣлъ сундукъ. Тогда этотъ проклятый, ничего не говоря, смекнулъ, что внутри сидѣлъ я, поднялъ сундукъ, взгромоздилъ его себѣ на голову и понесъ его; и въ то время, какъ я умираю со страха, онъ быстро вышелъ на улицу. Но, волею судьбы, въ то время, какъ онъ несъ меня, собравшаяся толпа захотѣла видѣть, что было въ сундукѣ, и мгновенно сорвала крышку. Тогда, не въ силахъ будучи вынести своего стыда и криковъ толпы, я стремительно поднялся и спрыгнулъ на землю, но такъ быстро, что сломалъ себѣ ногу. Съ этихъ-то поръ я и сдѣлался хромымъ. Но въ ту минуту я не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, чтобы убѣжать и скрыться; а такъ какъ вокругъ меня была необычайная давка, я сталъ бросать въ толпу пригоршни золота; и, воспользовавшись происшедшею суматохою, когда всѣ эти люди бросились подбирать золото, я протолкался между ними и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать. Такимъ образомъ я бѣжалъ большую часть самыхъ глухихъ улицъ Багдада. Но каковъ же былъ мой ужасъ, когда я вдругъ увидѣлъ за собою цирюльника, который громко кричалъ мнѣ:—О добрые люди! Слава Аллаху! Я отыскалъ господина моего! Меня хотѣли поразить въ привязанности моей къ господину моему! Но Аллахъ не допустилъ торжества злобствующихъ и далъ мнѣ побѣдить ихъ и предназначилъ меня для спасенія его изъ ихъ рукъ! Затѣмъ онъ сказалъ, продолжая бѣжать вслѣдъ за мною:—О господинъ мой! Ты видишь теперь, какъ дурно ты поступилъ, давъ волю своему нетерпѣнію и не слушаясь моихъ совѣтовъ! А безъ помощи Аллаха, избравшаго меня для спасенія твоего, съ тобою расправились бы еще хуже и навѣкъ искалѣчили бы тебя! Проси же Аллаха хранить мою жизнь, чтобы я могъ служить тебѣ и быть для тебя прозорливымъ руководителемъ; ибо ты самъ могъ убѣдиться теперь, что ты слабъ духомъ, несдержанъ и глуповатъ! Но куда ты такъ бѣжишь, господинъ? Подожди меня! Тогда я, не видя никакого другого спасенія отъ этого цирюльника, кромѣ смерти, остановился и сказалъ ему:—О цирюльникъ! Не довольно ли тебѣ, что ты довелъ меня до такого состоянія, въ какомъ я нахожусь теперь? Ты хочешь, значить, моей смерти?

Но въ ту минуту, какъ я произносилъ эти послѣднія слова, я увидѣлъ прямо передъ собою, на базарѣ, открытую лавку одного купца, который былъ знакомъ мнѣ. Я бросился во внутренность лавки и умолялъ собственника ея, чтобы онъ не допустилъ этого проклятаго войти сюда вслѣдъ за мною. И онъ дѣйствительно не допустилъ его, показавъ ему огромную дубину и сдѣлавъ страшные глаза. Но цирюльникъ удалился не ранѣе, чѣмъ изрекъ проклетіе на купца, на отца и дѣда купца, и осыпалъ его всѣми ругательными словами, какія только зналъ.

Тогда купецъ сталъ спрашивать меня, и я рассказалъ ему всю свою исторію съ этимъ цирюльникомъ и просилъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ остаться въ его лавкѣ, пока не поправится моя нога; ибо я не хотѣлъ возвращаться въ домъ свой изъ опасенія, что меня все время будетъ преслѣдовать этотъ цирюльникъ, одинъ видъ котораго сталъ мнѣ невыносимѣе всякихъ бѣдствій. Затѣмъ, немедленно послѣ своего выздоровленія, я взялъ всѣ принадлежавшія мнѣ деньги, призвалъ свидѣтелей и составилъ завѣщаніе, которымъ отказывалъ моимъ роднымъ все, что оставалось отъ моего богатства, всѣ мои имѣнія и все мое имущество, но съ тѣмъ, чтобы все это перешло въ ихъ руки лишь послѣ моей смерти; и я назначилъ надежнаго человѣка управляющимъ надъ всѣмъ этимъ и возложилъ на него обязанность какъ можно лучше обходиться со всѣми семейными моими, какъ со взрослыми, такъ и съ дѣтьми. И чтобы окончательно раздѣлаться съ этимъ цирюльникомъ, я рѣшилъ покинуть Багдадъ, родной городъ свой, и пере-

селиться куда-нибудь, гдѣ мнѣ не будетъ угрожать опасность встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ моимъ.

Итакъ, я покинулъ Багдадъ и проводилъ время въ путешествіи, пока, наконецъ, не пріѣхалъ въ эту страну, гдѣ—я надѣялся—мнѣ удастся освободиться отъ моего преслѣдователя. Но всѣ старанія и надежды мои были напрасны, о господа мои! ибо вотъ я встрѣтилъ его посреди васъ, на этомъ пиршествѣ, куда вы пригласили меня!

Вы сами понимаете теперь, что я не найду себѣ покоя, пока не покину эту страну, какъ покинулъ свой родной городъ—и все изъ-за этого проклятаго, изъ-за этого изверга, изъ-за этого разбойника-цирюльника, — да сотреть Аллаха съ лица земли его самого, и семью его, и все потомство его!

Высказавшись такимъ образомъ,—продолжалъ портной передъ царемъ Китая,—хромой юноша поднялся съ совершенно пожелтѣвшимъ лицомъ, пожелалъ намъ мира и прежде, чѣмъ мы успѣли удержать его, вышелъ.

Что же касается насъ, то, выслушавъ эту удивительную исторію, мы посмотрѣли на цирюльника, который сидѣлъ молчаливо и опустивъ глаза, и сказали ему:—Ну, а ты какъ находишь,—правда ли то, что сказалъ этотъ молодой человѣкъ? А если правда, то почему ты поступалъ такимъ образомъ и причинилъ ему всѣ эти несчастія? Тогда цирюльникъ поднялъ голову и сказалъ намъ:—Помилуйте, ради Аллаха! Я отлично знаю, что дѣлаю, и поступилъ такъ, чтобы избавить его отъ еще худшихъ несчастій. Ибо—не будь меня—онъ несомнѣнно погибъ бы. Поэтому онъ долженъ еще благодарить Аллаха и меня за то, что онъ лишился только употребленія ноги и не погибъ окончательно. Что же касается васъ, господа мои, то чтобы убѣдить васъ, что я не болтливъ, не навязчивъ и ни въ какомъ отношеніи не похожъ на шестерыхъ братьевъ моихъ, и доказать вамъ, что я человѣкъ полезный и благожелательный, а главное—очень молчаливый, я расскажу вамъ мою исторію, а вы сами судите!

Тогда,—продолжалъ портной,—всѣ мы въ молчаніи выслушали ниже-слѣдующую исторію цирюльника:

Исторія багдадскаго цирюльника и его шести братьевъ

(разсказанная цирюльникомъ и переданная портнымъ).

Исторія цирюльника.

Цирюльникъ сказалъ:

— Знайте же, о господа мои, что я жилъ въ Багдадѣ въ то время, когда эмиромъ правовѣрныхъ былъ Эль-Монтассеръ-Биллахъ¹. И всѣ подданные были счастливы подъ властью его, ибо онъ любилъ бѣдныхъ и малыхъ, а также общество ученыхъ, мудрецовъ и поэтовъ.

Но вотъ, въ одинъ день среди другихъ, калифу принесли жалобу на десять негодяевъ, обитавшихъ неподалеку отъ города, и онъ приказалъ намѣстнику разыскать ихъ. И судьбѣ угодно было, чтобы какъ разъ въ то время, когда ихъ перевозили въ лодкѣ черезъ Тигръ, я оказался на берегу рѣки. И, увидѣвъ этихъ людей въ лодкѣ, я сказалъ себѣ:—Конечно, эти люди собрались въ лодкѣ для того, чтобы провести весь день въ веселіи,

¹ Монтассеръ-Биллахъ—побѣдоносный съ помощью Аллаха.

ѣдѣ и питѣ. Необходимо поэтому, чтобы и я добился приглашенія и присоединился къ ихъ пиршеству.

Тогда я приблизился къ водѣ и, не говоря ни единого слова, какъ и подобаетъ Молчаливому, прыгнулъ въ лодку и присоединился къ находившимся въ ней людямъ. Но вдругъ подъѣхали стражи вали, которые схватили ихъ, надѣли имъ желѣзные ошейники, заковали имъ руки въ цѣпи, а затѣмъ схватили и меня, и также надѣли мнѣ желѣзный ошейникъ, а руки заковали въ цѣпи. И при всемъ этомъ я не проронилъ ни слова, не произнесъ ни единой фразы! Уже одно это, господа мои, можетъ убѣдить васъ въ твердости моего характера и въ томъ, какъ я далекъ отъ болтливости. Итакъ, я безропотно отдался въ руки ихъ, и меня привели, вмѣстѣ съ другими десятью схваченными, передъ лицо эмира правовѣрныхъ, калифа Монтассера-Биллаха.

Увидя насъ, калифъ позвалъ меченосца своего и сказалъ ему:—Отруби сейчасъ же головы всѣмъ этимъ десяти злодѣямъ! Тогда меченосецъ выстроилъ насъ во дворѣ, на глазахъ у калифа, въ одинъ рядъ, и, взмахнувъ мечомъ, отсѣкъ первую голову, такъ что она покатила, потомъ вторую, третью, и вплоть до десятой. Но когда онъ дошелъ до меня, число отрубленныхъ головъ уже достигло десяти, а онъ не имѣлъ приказанія рубить больше, чѣмъ десять. Поэтому онъ остановился и сказалъ калифу, что приказаніе его исполнено. Тогда калифъ обернулся и, увидѣвъ, что я еще стою, закричалъ:—О меченосецъ! Я приказалъ тебѣ отрубить головы десяти злодѣямъ! Какъ же ты смѣлъ пощадить десятого? Меченосецъ отвѣтилъ:—Да смилуетъ Аллахъ надъ тобою, а ты надъ нами! Я отрубилъ десять головъ! Онъ отвѣтилъ:—Посмотримъ! Сосчитай-ка ихъ передо мною! И головы были сосчитаны, и въ самомъ дѣлѣ ихъ оказалось десять. Тогда калифъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ мнѣ:—А ты кто же такой? И какимъ образомъ оказался ты здѣсь среди этихъ любителей крови? Тогда, о господа мои, и тогда только, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ эмира правовѣрныхъ, я рѣшился заговорить. И я сказалъ ему:—О эмиръ правовѣрныхъ! это я, шейхъ, прозванный Эль-Саметомъ по причинѣ моей неразговорчивости. Мудрости у меня достаточно; что же касается вѣрности моихъ сужденій, серьезности словъ моихъ, превосходства разума моего, тонкости моего ума и сдержанности моихъ рѣчей, то я ничего не скажу тебѣ объ этомъ, ибо эти качества мои не имѣютъ предѣловъ. По ремеслу я цирюльникъ. И я—одинъ изъ семи сыновей отца моего, и всѣ шесть братьевъ моихъ находятся въ живыхъ. Но вотъ что случилось! Сегодня утромъ я прогуливался вдоль Тигра и видѣлъ, какъ эти десять человѣкъ вскочили въ лодку, и я присоединился къ нимъ и спустился съ ними, полагая, что они были приглашены на какое-нибудь пиршество въ лодкѣ, на водѣ. Но едва мы подъѣхали къ другому берегу, какъ я замѣтилъ, что нахожусь среди преступниковъ, ибо я увидѣлъ стражей твоихъ, которые бросились на насъ и надѣли намъ желѣзные ошейники. И хотя я былъ посторонній среди этихъ людей, я не хотѣлъ ни говорить, ни возражать—все это по той причинѣ, что слишкомъ велика обычная у меня твердость характера и слишкомъ я неразговорчивъ.

И вотъ я былъ приведенъ вмѣстѣ со всѣми остальными передъ лицо твое, о эмиръ правовѣрныхъ! И ты приказалъ отрубить головы десяти преступникамъ, и я оставался единственнымъ, на котораго еще не опустилась рука меченосца твоего, и не смотря на все это, я не сказалъ ни слова. Я полагаю, со своей стороны, что это большое мужество и большая твердость характера. А впрочемъ, уже то, что я добровольно присоединился къ десяти незнакомцамъ, можетъ считаться самымъ замѣчательнымъ проявленіемъ смѣлости, о какомъ я только знаю. Но не удивляйся слишкомъ моему поступку.

о эмиръ правовѣрныхъ! ибо всю свою жизнь я поступалъ такимъ образомъ, благодѣтельствуя людей, мнѣ незнакомыхъ.

Когда калифъ услышалъ эти слова мои и узналъ такимъ образомъ, что я полонъ смѣлости и мужества, что я люблю молчаніе и серіозность, и ненавижу любопытство и нескромность—вопреки всему, что говорилъ тутъ сейчасъ этотъ молодой хромой, котораго я спасъ отъ всевозможныхъ бѣдствій, онъ сказалъ мнѣ:—О почтенный шейхъ, умный и серіозный цирюльникъ! Скажи же мнѣ, а твои шесть братьевъ? Таковы ли они, какъ ты? Отличаются ли они такою же мудростью, такими же познаніями и такою же скромностью? Я отвѣчалъ: — Да сохранить меня Аллахъ! Сколь далеки они отъ меня! О эмиръ правовѣрныхъ! Во истину ты нанесъ мнѣ большое оскорбленіе, сравнивъ меня съ этими шестью безумцами, которые не имѣютъ ни малѣйшаго сходства со мною—ни близкаго, ни отдаленнаго! Ибо по причинѣ своей болтливости и своей нескромности и трусости они навлекли на себя множество бѣдствій, и каждый изъ нихъ отличается какимъ-нибудь физическимъ уродствомъ въ противоположность мнѣ, невредимому и здоровому тѣломъ и духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый изъ моихъ братьевъ—хромой, второй—кривой, третій—беззубый, четвертый—слѣпой, у пятаго отрезаны уши и носъ, у шестого—разсѣчены губы!

Но не думай, о эмиръ правовѣрныхъ, что я преувеличиваю недостатки моихъ братьевъ и свои собственные достоинства. Ибо, если бы я рассказалъ тебѣ ихъ исторію, ты увидѣлъ бы, насколько я отличаюсь отъ всѣхъ нихъ. А такъ какъ исторія ихъ необыкновенно увлекательна, то я, ни минуты не медля, расскажу ее тебѣ.

Исторія Бакбука,

перваго брата цирюльника.

— Итакъ, знай, о глава правовѣрныхъ, что старшій изъ моихъ братьевъ, тотъ, который сдѣлался хромымъ, назывался Эль-Бакбукъ, и назывался такъ потому, что когда онъ начиналъ болтать, можно было подумать, что слышишь бульканье въ горлышкѣ кувшина. По ремеслу своему онъ былъ багдадскій портной.

Онъ занимался своимъ портняжнымъ ремесломъ въ маленькой лавкѣ, которую снималъ въ домѣ человѣка, весьма богатаго деньгами и всяческимъ имуществомъ. Человѣкъ этотъ жилъ въ верхнемъ этажѣ того же самаго дома, гдѣ находилась лавка моего брата Бакбука, а въ самомъ низу дома была мельница, и тамъ жилъ самъ мельникъ со своимъ воломъ.

И вотъ однажды, когда братъ мой Бакбукъ сидѣлъ въ лавкѣ за своей портняжной работою, онъ поднялъ голову и вдругъ замѣтилъ надъ собою, въ верхнемъ слуховомъ окнѣ, женщину, которая была какъ луна на своемъ восходѣ и которая забавлялась разсматриваніемъ прохожихъ. Это была жена домовладѣльца. При видѣ ея братъ мой Бакбукъ почувствовалъ, что сердце его преисполнилось страстной любовью къ ней, и онъ не могъ болѣе ни шить, ни заниматься чѣмъ-либо другимъ, а все только смотрѣлъ въ слуховое окошко, и весь этотъ день до самаго вечера провелъ онъ въ полномъ одурѣніи и непрерывномъ созерцаніи. А на другой день утромъ, съ самаго разсвѣта, онъ уже сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и, стараясь продолжать начатую работу, все поднималъ голову и при каждомъ стежкѣ, который онъ дѣлалъ иглою, онъ кололъ себѣ пальцы, ибо взглядъ его всякій разъ обращался къ слуховому окну. Онъ пребывалъ въ этомъ состояніи нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ ничего не сдѣлалъ и не заработалъ ни единой драхмы.

Что же касается молодой женщины, то она сейчас же догадалась о чувствах моего брата Бакбука и рѣшила всячески использовать их и сдѣлать себѣ изъ нихъ предметъ развлечения. И вотъ однажды, когда братъ мой находился въ еще большемъ одурѣніи, чѣмъ обыкновенно, она бросила на него смѣющійся взглядъ, который немедленно какъ бы пронзилъ Бакбука, и Бакбукъ посмотрѣлъ на молодую женщину, но такъ былъ при этомъ смѣшонъ, что она сейчасъ же вышла, чтобы вдоволь насмѣяться надъ нимъ. А глупый Бакбукъ весь этотъ день не помнилъ себя отъ радости, думая о томъ, какъ привѣтливо она посмотрѣла на него.

Поэтому на слѣдующій день Бакбукъ вовсе не особенно удивился, когда въ лавку вошелъ домохозяинъ, неся подъ мышкою большой свитокъ матеріи, прикрытой шелковымъ платкомъ, и, войдя, сказалъ ему: — Я принесъ тебѣ кусокъ матеріи, чтобы ты сшилъ мнѣ рубашки. Бакбукъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что домохозяинъ пришелъ къ нему по желанію жены, и сказалъ ему: — Клянусь окомъ моимъ и головою моею, сегодня же вечеромъ рубашки эти будутъ готовы! И въ самомъ дѣлѣ, мой братъ принялся за работу съ такимъ рвеніемъ, лишая себя даже пищи, что вечеромъ, къ приходу домовладѣльца, рубашки, числомъ двадцать, были уже скроены, сшиты и сложены въ шелковый платокъ. А домовладѣлецъ спросилъ его: — Сколько же я долженъ заплатить тебѣ? Но какъ разъ въ эту минуту въ слуховомъ окнѣ промелькнуло лицо молодой женщины, которая бросила взглядъ на Бакбука и сдѣлала ему знакъ бровями, чтобы онъ не бралъ вознагражденія. И братъ мой не захотѣлъ ничего принять отъ домохозяина, не смотря на то, что находился въ это время въ большемъ стѣсненіи и что всякій оболъ былъ бы большой поддержкой для него. Но онъ почелъ за большое счастье для себя оказать одолженіе мужу ради любви и прекрасныхъ глазъ жены его.

Но все это было лишь началомъ злостроеній для этого безумца Бакбука. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день, на разсвѣтѣ, домохозяинъ опять пришелъ, неся подъ мышкою другой кусокъ матеріи, и сказалъ моему брату:

— Вотъ! Мнѣ сказали дома, что я долженъ сдѣлать себѣ и новыя шальвары, чтобы носить ихъ одновременно съ новыми рубашками. И я принесъ тебѣ еще кусокъ матеріи, чтобы ты скроилъ мнѣ шальвары. Да смотри, чтобы они были достаточно широки! Не жалѣй ни складокъ, ни матеріи! Братъ мой отвѣтилъ: — Слушаю и повинуюсь! И въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней онъ сидѣлъ за работою, и ѣлъ не больше самаго необходимаго, чтобы не терять времени, а главное потому, что у него не оставалось болѣе ни единой драхмы денегъ, и онъ не зналъ, на что купить и это необходимое.

Окончивъ работу надъ шальварами, онъ сложилъ ихъ въ большой шелковый платокъ и, сіяя счастьемъ и не помня себя отъ радости, самъ понесъ ихъ наверхъ къ домохозяину.

Было бы излишнимъ распространяться передъ тобою о томъ, о какихъ правовѣрныхъ, что молодая женщина сговорилась со своимъ мужемъ издѣваться надъ этимъ простакомъ, моимъ братомъ, выдѣлывать надъ нимъ самыя удивительныя штуки. Въ самомъ дѣлѣ, когда братъ мой вручилъ домохозяину его новыя шальвары, тотъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ уплатить ему. Но въ ту же минуту въ дверяхъ показалась хорошенькая головка жены его, глаза ея улыбнулись моему брату, а брови сдѣлали ему знакъ, чтобы онъ отказался. И Бакбукъ рѣшительно отказался принять что-либо отъ ея мужа. Тогда мужъ на минуту вышелъ къ женѣ, которая успѣла уже скрыться, а затѣмъ вернулся къ моему брату и сказалъ ему: — Чтобы отплатить тебѣ за твои добрыя услуги, мы съ женою рѣшили отдать тебѣ въ супружество нашу бѣлую рабыню, которая очень хороша собою и очень мила. Такимъ образомъ, ты будешь членомъ нашего дома. А Бакбукъ мой сей-

часть же вообразилъ, будто это была великолѣпная и хитроумная выдумка молодой женщины, чтобы открыть ему свободный входъ въ домъ, и сейчасъ же согласился; и хозяева сейчасъ же призвали молодую рабыню и обвиняли ее съ братомъ моимъ Бакбукомъ.

Когда же наступилъ вечеръ и Бакбукъ хотѣлъ приблизиться къ бѣлой рабынѣ, она сказала:—Нѣтъ, нѣтъ! Не сегодня! И не смотря на все свое желаніе, онъ не могъ добиться даже поцѣлуя отъ хорошенькой рабыни.

Нужно еще сказать, что по случаю бракосочетанія Бакбуку, жившему обыкновенно въ своей лавкѣ, позволили на этотъ вечеръ спать въ мельницѣ, находившейся въ самомъ нижнемъ этажѣ дома, ибо тамъ было больше мѣста для него и его молодой жены. А такъ какъ рабыня отказалась лечь съ нимъ и ушла къ своей госпожѣ, Бакбуку пришлось спать одному. Но раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, когда онъ еще спалъ, къ нему вошелъ мельникъ и сказалъ громкимъ голосомъ: — Ужъ этотъ мнѣ волъ! Сколько времени онъ стоитъ тутъ безъ дѣла! Вотъ сейчасъ я запрягу его въ мельницу, чтобы размолоть зерно, котораго не мало скопилось у меня! Закачки мои ждуть отъ меня муки! И онъ приблизился къ брату моему, дѣлая видъ, будто принимаетъ его за вола, и сказалъ:—Пойдемъ, лѣнivecъ! Поднимайся! Я запрягу тебя! А братъ мой Бакбукъ не хотѣлъ разговаривать съ нимъ и позволилъ ему взять и запретъ себя въ мельницу. Мельникъ обязать его вокругъ тѣла и привязать къ шесту мельницы и, хлестнувъ его изо всѣхъ силъ кнутомъ, закричалъ: — Йаллахъ! Получивъ ударъ кнута, Бакбукъ не могъ удержаться и заревѣлъ, какъ волъ. А мельникъ продолжать изо всѣхъ силъ хлестать его кнутомъ и въ теченіе долгаго времени заставлялъ его вертѣть мельницу; братъ же мой ревѣлъ, совершенно какъ волъ, и фыркалъ подъ ударами.

Но скоро пришелъ домохозяинъ и увидѣлъ, какъ онъ вертитъ мельницу и его осыпаютъ ударами. И онъ сейчасъ же пошелъ сообщить объ этомъ женѣ своей, которая поспѣшила послать къ моему брату молодую рабыню; и она отвязала его отъ мельницы и сказала съ величайшимъ состраданіемъ въ голосъ:—Госпожа моя поручила мнѣ сказать тебѣ, что она сейчасъ только узнала о томъ, какъ дурно обошлись съ тобою, и что она очень огорчена этимъ, и что всѣ мы принимаемъ большое участіе въ твоихъ страданіяхъ. Но несчастный Бакбукъ получилъ столько ударовъ и былъ въ такомъ состояніи, что не могъ проговорить въ отвѣтъ ни единого слова.

Въ это время пришелъ шейхъ, писавшій брачный договоръ моего брата съ молодою рабынею; шейхъ пожелалъ ему мира и сказалъ:—Да продлитъ Аллахъ жизнь твою! И да будетъ благословенно супружество твое! Я увѣренъ, что ты провелъ эту ночь въ чистѣйшемъ счастьѣ, и что ты не переставалъ наслаждаться съ вечера до самаго утра разными милыми и нѣжными забавами, объятіями, поцѣлуями и любодѣяніями! Братъ мой Бакбукъ сказалъ ему:—Да разразитъ Аллахъ всѣхъ подобныхъ тебѣ лгуновъ и коварныхъ обманщиковъ, о предатель изъ предателей! Ты посадилъ меня туда только для того, чтобы я до самаго утра вертѣлъ мельницу вмѣсто вола мельника! Тогда шейхъ попросилъ его рассказать всѣ подробности случившагося; и онъ рассказалъ ему все. Тогда шейхъ проговорилъ: — Это очень просто! Твоя звѣзда не согласуется со звѣздою молодой женщины! Тогда братъ мой удалился и пошелъ опять въ свою лавку, гдѣ ему пришлось теперь сидѣть въ ожиданіи заказа, который доставитъ бы ему какой-нибудь заработокъ, послѣ того какъ онъ столько работалъ бесплатно.

Но въ то время, какъ онъ такимъ образомъ сидѣлъ тамъ, къ нему пришла молодая бѣлая рабыня и сказала ему:—Госпожа моя страстно желаетъ видѣть тебя и поручила мнѣ сказать тебѣ, что она пошла на террасу, чтобы имѣть удовольствіе созерцать тебя черезъ слуховое окно. И дѣй-

ствительно, въ ту же минуту братъ мой замѣтилъ, что молодая женщина появилась у слухового окна и, заливаясь слезами, жаловалась и говорила:— Почему же, милый мой, у тебя видъ такой сердитый и почему ты такъ гнѣваешься, что не хочешь даже посмотрѣть на меня? А что до этой безумной рабыни, то я даже не желаю болѣе, чтобы ты дѣлалъ ей честь смотрѣть на нее. Я одна хочу быть отнынѣ твоею! Тогда братъ мой поднялъ голову и посмотрѣлъ на молодую женщину; и одинъ видъ ея заставилъ его позабыть всѣ прошедшія злосключенія, и онъ сталъ услаждать глаза свои созерцаніемъ красоты и прелестей ея. Затѣмъ онъ сталъ говорить съ нею, и она съ нимъ, пока ему не показалось, будто всѣ эти несчастія приключились не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ.

Въ надеждѣ еще и еще видѣться съ молодою женщиною, Бакбукъ продолжалъ кроить и шить рубашки, шальвары и разное нижнее и верхнее платье, пока въ одинъ прекрасный день не пришла къ нему молодая рабыня и не сказала ему:—Госпожа моя кланяется тебѣ и увѣдомляетъ тебя, что этою ночью господинъ мой, супругъ ея, идетъ на пиръ къ одному изъ своихъ друзей и пробудетъ тамъ до утра. Она же нетерпѣливо ждетъ тебя, чтобы лечь съ тобою и провести эту ночь въ восторгахъ и всяческихъ забавахъ. И этотъ глупый Бакбукъ чуть не лишился ума при этомъ извѣстїи.

Между тѣмъ коварная молодая женщина придумала вмѣстѣ со своимъ мужемъ еще одну послѣднюю штуку, посредствомъ которой она хотѣла отдѣлаться отъ моего брата и избавить себя и своего мужа отъ расплаты съ нимъ за тѣ платья, которыя они ему заказывали. И вотъ домохозяинъ сказалъ женѣ своей:— Какъ бы сдѣлать, чтобы побудить его проникнуть къ тебѣ, а потомъ схватить его и стащить къ вали? Она отвѣтила:—Предоставь мнѣ только поступать по моему усмотрѣнію, и я обману его такимъ обманомъ и опозорю такимъ позоромъ, что онъ будетъ обезчещенъ передъ всѣмъ городомъ.

А братъ мой Бакбукъ и не подозрѣвалъ всего этого! И вообще онъ ничего не зналъ о всѣхъ хитростяхъ и козняхъ, къ какимъ способны женщины. И вотъ, когда насталъ вечеръ, молодая рабыня пришла за нимъ и провела его къ своей госпожѣ, которая сейчасъ же встала, поклонилась, улыбнулась ему и сказала:— Клянусь Аллахомъ, о господинъ мой! Я вся горю желаніемъ, видя тебя, наконецъ, около себя! А Бакбукъ сказалъ ей:— И я также! Но скорѣе! И прежде всего поцѣлуй меня, а потомъ... Но не успѣлъ онъ договорить, какъ дверь залы отворилась, и вошелъ мужъ молодой женщины въ сопровожденїи двухъ черныхъ рабовъ, которые бросились на моего брата Бакбука, связали его, повалили на полъ и для начала отстегали кнутомъ по спинѣ. Потомъ они взвалили его себѣ на плечи и стащили къ вали, который немедленно приговорилъ его къ слѣдующему наказанію: ему дали двѣсти ударовъ ременной плетью, а затѣмъ положили его на спину верблюда, привязали къ ней и повели верблюда по всѣмъ улицамъ Багдада, а публичный глашатай выкрикивалъ громкимъ голосомъ: Вотъ какъ наказываютъ человѣка, который посягаетъ на женѣ ближняго своего!

Но вдругъ, въ то время какъ его возили такимъ образомъ, верблюдъ взбѣсился и принялся выдѣлывать огромные скачки. И Бакбукъ, естественно, упалъ на землю и сломалъ себѣ ногу. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ такимъ хромымъ. Къ тому же вали приговорилъ его къ изгнанію, и Бакбукъ, со своей сломанной ногой, долженъ былъ покинуть городъ. Но тутъ, какъ разъ въ-время, меня извѣстили объ этомъ, — о глава правовѣрныхъ!—меня, брата его, и я полетѣлъ вслѣдъ за нимъ и, долженъ признаться тебѣ въ этомъ, тайно привезъ его сюда и взялъ на себя заботу о его излѣченіи, обо всѣхъ нуждахъ и надобностяхъ его. И продолжаю заботы свои и понынѣ!

Когда я рассказал эту исторію Бакбука калифу Монтассеру-Биллаху, о господа мои, онъ громко расхохотался и сказалъ мнѣ:—Какъ ты хорошо рассказываешь! И какой славный рассказъ! Я отвѣтилъ ему:—По правдѣ сказать, я еще не заслужилъ отъ тебя этихъ похвалъ! Ибо что скажешь ты въ такомъ случаѣ, выслушавъ исторіи всѣхъ остальныхъ моихъ братьевъ! Однако, я очень боюсь, чтобы ты не счелъ меня за болтуна или навязчиваго человѣка! Калифъ отвѣтилъ:—Что ты! Поспѣши, напротивъ, рассказать мнѣ, что приключилось съ другими твоими братьями, чтобы украсить этой исторіей уши мои, какъ золотыми серьгами. И не бойся рассказать мнѣ ее обстоятельно, со всѣми подробностями, ибо я предвижу, что она будетъ восхитительна и съ настоящею солью. Тогда я сказалъ:

Исторія Эль-Гаддара,

второго брата цирюльника.

— Знай же, о эмиръ правовѣрныхъ, что второй братъ мой назывался Эль-Гаддаромъ, ибо онъ мычалъ, какъ верблюдъ, и не имѣлъ переднихъ зубовъ. Онъ не занимался никакимъ ремесломъ и причинялъ мнѣ массу хлопотъ своими любовными похождениями. Вотъ одно изъ тысячи такихъ похожденій.

Однажды, слоняясь безъ всякой опредѣленной цѣли по улицамъ Багдада, онъ увидѣлъ приближающуюся къ нему старую женщину, которая сказала ему тихонько:—Послушай, человѣкъ! Я сдѣлаю тебѣ одно предложеніе, которое ты можешь принять или не принять, какъ тебѣ заблагоразсудится.—Братъ мой остановился и сказалъ:—Я слушаю тебя! Старуха продолжала: Но я могу предложить тебѣ эту вещь только въ томъ случаѣ, если ты общаешься мнѣ, что не будешь болтливъ и многорѣчивъ. А братъ мой Гаддаръ отвѣтилъ:—Говори! Тогда она сказала:— Не желалъ ли бы ты перенестись въ прекрасный дворецъ съ бьющими фонтанами и фруктовыми деревьями, гдѣ вино лилось бы рѣкою, гдѣ ты былъ бы окруженъ очаровательными личиками, гдѣ гладкія щеки ждали бы твоихъ поцѣлуевъ и тонкія гибкія таліи твоихъ объятій и гдѣ ты могъ бы оставаться съ вечера до самаго утра? И чтобы наслаждаться всѣми этими благами, ты долженъ былъ бы только подчиниться тому условію, которое я поставила тебѣ! На эти слова старухи братъ мой Эль-Гаддаръ сказалъ:—Но почему же, о госпожа моя, ты обращаешься съ этимъ предложеніемъ именно ко мнѣ, а не къ кому-нибудь другому изъ дѣтей Аллаха? И что во мнѣ могло понравиться тебѣ и заставить тебя отдать мнѣ предпочтеніе передъ другими? Она отвѣтила:—Вѣдь я только-что сказала тебѣ, что ты долженъ быть сдержанъ въ словахъ, держать языкъ за зубами и хранить молчаніе. Слѣдуй же за мною и не разсуждай. Тутъ старуха поспѣшно пустилась въ путь, а братъ мой, соблазненный обѣщанными благами, пошелъ слѣдомъ за нею, и, наконецъ, передъ нимъ предсталъ прекраснѣйшій дворецъ, куда старуха вошла сама и ввела моего брата. И братъ мой увидѣлъ, что внутренность дворца была удивительно прекрасна. Но еще лучше было то, что ожидало его тамъ: онъ очутился посреди четырехъ молодыхъ дѣвушекъ, несравненной красоты; растянувшись на коврѣ, онъ пѣлъ своими чарующими голосами такія пѣсни, отъ которыхъ могли бы разнѣжиться самыя твердыя скалы.

Послѣ обычныхъ привѣтствій одна изъ нихъ поднялась, наполнила кубокъ и выпила его. И братъ мой Гаддаръ почелъ долгомъ своимъ сказать ей:—Да будетъ вино это во благо для твоего здоровья и сладко вкусомъ и живительно для силъ твоихъ! И онъ быстро подошелъ къ ней,

чтобы взять отъ нея кубокъ и вновь наполнить его. Но она сейчасъ же наполнила кубокъ сама и предложила ему; и Гаддаръ взялъ кубокъ и выпилъ. А молодая дѣвушка, въ то время какъ онъ пилъ, потрепала его по затылку, но уже слишкомъ крѣпко, а именно—изо-всѣхъ силъ ударивъ его ладонью. Тогда братъ мой Гаддаръ разсердился и поднялся, чтобы уйти, совершенно забывъ при этомъ о своемъ обѣщаніи все выносить съ покорностью. Но тутъ къ нему подошла старуха и моргнула ему глазомъ, какъ бы говоря:—Не нужно! Оставайся и лучше дождись конца! И братъ мой послушался и остался, и терпѣливо перенесъ всѣ странныя выходки молодой дѣвушки, которая колола, щипала его и трепала по затылку самымъ злостнымъ и непріятнымъ образомъ. А три остальныхъ принялись, наперерывъ другъ передъ другомъ, изловчаться въ такихъ же выходкахъ: одна изо всѣхъ силъ дергала его за ухо, другая давала ему щелчки по носу, такъ что онъ чуть не плакалъ, третья щипала его ногтями. И братъ мой все это выносилъ терпѣливо, ибо старуха продолжала дѣлать ему знаки, побуждая къ молчанію. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы вознаградить его за терпѣніе, самая красивая изъ молодыхъ дѣвушекъ поднялась и велѣла ему совершенно раздѣться; и онъ безъ всякаго возраженія сдѣлалъ это. Тогда она взяла кропильницу съ розовой водою и обрызгала его и сказала:—Ты очень нравишься мнѣ. Но у тебя—борода и усы, а я не люблю этого. Я не люблю усовъ и бороды, которые кололи бы мнѣ кожу. А потому, если ты хочешь пойти со мною, ты долженъ раньше совершенно обрить лицо. Онъ отвѣтилъ:—Это очень затруднительно, потому что было бы для меня величайшимъ срамомъ! Она сказала:—Въ такомъ случаѣ я не смогу полюбить тебя! Это необходимо! Тогда братъ мой позволилъ старухѣ отвести его въ сосѣднюю комнату, и тамъ старуха сбрѣзала и сбрила ему всю бороду, а затѣмъ усы и брови. Потомъ онъ размалевала ему лицо бѣлилами и румянами и опять повела къ молодымъ дѣвушкамъ. И при видѣ его онѣ стали такъ хохотать, что опрокинулись навзничь.

Затѣмъ самая красивая изъ молодыхъ дѣвушекъ приблизилась къ нему и сказала:—О господинъ мой! Ты совершенно покорилъ душу мою красотой своею. Теперь мнѣ остается просить тебя только объ одной милости, а именно, чтобы ты проплясалъ передъ нами въ такомъ видѣ, какъ ты теперь—нагой и прекрасный, какую-нибудь увлекательную и обольстительную пляску! А такъ какъ Эль-Гаддаръ немножко колебался и отказывался, то она сказала ему:—Заклинаю тебя жизнью моею, сдѣлай это! А затѣмъ я буду твоею! Тогда Эль-Гаддаръ, при мѣрныхъ звукахъ дарабуки, на которой заиграла старуха, обвязать себя вокругъ талии шелковымъ платкомъ и, выйдя на середину комнаты, сталъ плясать.

И плясалъ онъ дотога забавно и съ такими ужимками, что молодая дѣвушка начала неудержимо смѣяться, а потомъ—швырять ему въ голову все, что было у нихъ подъ рукою: подушки, фрукты и даже графинъ съ напитками.

Но тутъ только и разыгралось самое главное. Наиболѣе красивая изъ молодыхъ дѣвушекъ поднялась и, изгибаясь то такъ, то эдакъ, и глядя на моего брата прищуренными и какъ бы обезумѣвшими отъ страсти глазами, начала снимать съ себя одну за другою свои одежды, такъ что на ней осталась лишь тонкая сорочка и широкія шелковыя шальвары. Увидѣвъ это, Эль-Гаддаръ прервалъ свою пляску и воскликнулъ:—Аллахъ! Аллахъ! и пришелъ въ неистовое волненіе.

Тогда старая женщина опять подошла къ нему и сказала:—Теперь ты долженъ догнать и поймать твою возлюбленную. Ибо когда госпожа моя разгорячится напитками и пляскою, она имѣетъ обыкновеніе совершенно раздѣться и отдаться возлюбленному только въ томъ случаѣ, если, испытавъ

его обнаженные члены и легкость его въ бѣгѣ, найдеть его достойнымъ себя. Поэтому тебѣ придется гнаться за нею изъ одной комнаты въ другую, пока ты не поймашь ее. Тогда только она позволитъ тебѣ овладѣть ею!

При этихъ словахъ братъ мой сбросилъ шелковый поясъ и приготовился бѣжать. А молодая дѣвушка, со своей стороны, сбросила свою тоненькую сорочку и свои шалвары и предстала во всей своей красотѣ, подобная молодой пальмѣ, вздрагивающей подъ дуновеніемъ вѣтерка; и, громко смѣясь, она пустилась бѣжать и дважды обѣжала вокругъ зала. А братъ мой Гаддаръ гнался за нею.

Но на этомъ моментѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что приближается утро, и, преисполненная скромности, не проговорила больше ни слова. А когда наступила

тридцать первая ночь,

она сказала:

— Говорили мнѣ, о царь благословенный, что портной изъ китайскаго города разсказалъ царю продолженіе той исторіи, которую багдадскій цирюльникъ разсказалъ пирующимъ, а именно продолженіе той исторіи о второмъ братѣ его Эль-Гаддарѣ, которую онъ въ первый разъ разсказывалъ калифу Монтассеру-Биллаху.

Братъ мой Гаддаръ пустился въ догонку за молодой дѣвушкой, которая съ легкостью убѣгала отъ него, заливаясь смѣхомъ. И, глядя на брата моего Гаддара и на его размалеванное лицо безъ бороды, безъ усовъ и безъ бровей, три молодые дѣвушки и старуха покатались отъ хохота и стали топтать ногами и хлопать въ ладоши.

Что же касается нагой молодой дѣвушки, то, обѣжавъ два раза вокругъ залы, она бросилась въ длинную галлерею, потомъ побѣжала дальше, изъ одной комнаты въ другую, а братъ мой, задыхаясь отъ волненія, гнался за нею, подступая все ближе и ближе. Но она продолжала бѣжать, заливаясь смѣхомъ, сверкая зубками и покачивая своими бедрами.

Но вдругъ, на одномъ поворотѣ, молодая дѣвушка исчезла, а братъ мой, распахнувъ дверь, за которою, какъ онъ думалъ, она скрылась, очутился посреди улицы. И это была какъ разъ та улица Багдада, гдѣ жили кожевники. И всѣ кожевники увидѣли Эль-Гаддара съ бритой бородою, бритыми усами и бровями, съ наруганнымъ, какъ у публичной женщины, лицомъ, и загоготали, и схвативъ ремни, принялись, громко смѣясь, пороть его, и били его такъ сильно, что онъ лишился сознанія. Затѣмъ они посадили его, задомъ напередъ, на осла и заставили его обѣхать въ такомъ видѣ весь базаръ и, наконецъ, стащили его къ вали. Вали сказалъ имъ:— Кто это? Они отвѣтили:— Это человѣкъ, который очутился посреди насъ, неожиданно выйдя изъ дома великаго визиря. Тогда вали приказалъ дать брату моему Эль-Гаддару сто ударовъ кнута по подошвамъ и выгнать его изъ города.

Тогда, о глава правовѣрныхъ, я побѣжалъ вслѣдъ за нимъ и тайно привезъ его обратно и пріютилъ его. Затѣмъ я обезпечилъ ему средства къ существованію. А теперь ты самъ можешь разсудить, что если бы я не былъ человѣкомъ полнымъ мужества и всякаго рода достоинствъ, то не сталъ бы терпѣть подобнаго глупца.

Что же касается моего третьяго брата и его исторіи, то это ужъ совершенно другое дѣло, какъ ты самъ увидишь сейчасъ.

Потомъ она пустилась впередъ, какъ стрѣла, изъ комнаты въ комнату, а онъ бросился за нею...

(Разсказъ цирюльника о второмъ братѣ).

Исторія Бакбака,

третьяго брата цирюльника.

— Слѣпой Бакбакъ или Кухахтающій Толстякъ — третій мой братъ; по ремеслу онъ нищій. И считался онъ однимъ изъ главныхъ въ братствѣ нищихъ города нашего Багдада.

Однажды, волею Аллаха и произволеніемъ судьбы, случилось такъ, что братъ мой, нища подаянія, пришелъ къ дверямъ одного довольно большого дома. И, выкрикивая обычныя воззванія, какими собираютъ милостыню: — «О податель! О милостивый!», — братъ мой Бакбакъ постучалъ своею палкою въ двери дома. А нужно еще сказать тебѣ, о глава правовѣрныхъ, что братъ мой Бакбакъ, какъ и всѣ наиболѣе хитрые изъ братства, имѣлъ обыкновеніе ничего не отвѣчать, когда, постучавши въ двери дома, онъ слышалъ оттуда вопросъ: — Кто тамъ? Онъ молчалъ и такимъ образомъ вынуждалъ находившихся въ домѣ людей отворить двери, ибо иначе, привыкнувъ къ нищимъ, они не отворили бы, а просто отвѣтили бы изнутри: — Да сжалится Аллахъ надъ тобою! Такимъ способомъ у насъ прогоняютъ нищихъ.

Вотъ и на этотъ разъ напрасно вопрошали изъ дома: — Кто тамъ, за дверью? Братъ мой молчалъ. И въ концѣ-концовъ онъ услышалъ приближающіеся шаги, и дверь отворилась. И появился человѣкъ, у котораго Бакбакъ, если бы онъ только не былъ слѣпъ, конечно, не сталъ бы просить милостыни. Но такова уже была судьба его. Всякій человѣкъ носитъ на своей шеѣ, на привязи, судьбу свою.

Человѣкъ спросилъ его: — Чего ты хочешь? Братъ мой Бакбакъ отвѣтилъ ему: — Чего-нибудь во имя Аллаха Всевышняго. Человѣкъ спросилъ его: — Ты слѣпъ? Онъ сказалъ: — Да, господинъ мой, и очень бѣденъ! Человѣкъ отвѣтилъ: — Въ такомъ случаѣ, дай мнѣ руку, я поведу тебя. Братъ мой далъ ему руку, и человѣкъ ввелъ его въ домъ и повелъ по ступенькамъ на террасу, которая находилась на большой высотѣ. А братъ мой, едва переводя дыханіе, думалъ про себя: — Онъ навѣрное дастъ мнѣ остатки отъ какого-нибудь пиршества.

Когда оба они взошли на террасу, человѣкъ сказалъ ему: — Чего ты хочешь, слѣпой? Братъ мой, съ большимъ удивленіемъ, отвѣтилъ: — Милостыни, во имя Аллаха! Онъ отвѣтилъ: — Да ниспослетъ Аллахъ щедроты свои на день твой! Тогда Бакбакъ сказалъ: — Ахъ ты, такой-сякой! Развѣ ты не могъ дать мнѣ отвѣтъ, когда я былъ внизу? Человѣкъ отвѣтилъ: — А ты, — самъ ты вмѣстилище всякой нечисти! Почему ты не отвѣтилъ мнѣ, когда я спрашивалъ тебя изъ-за двери: — Кто тамъ? Кто тамъ за дверью? Убирайся же отсюда поскорѣе, не то покатишься ты у меня по лѣстницѣ, какъ шаръ, о грязный и злополучный нищій! И Бакбакъ, не смотря на слѣпоту свою, долженъ былъ какъ можно поспѣшнѣе и безъ всякой помощи спуститься съ лѣстницы. Ему оставалось еще десятка два ступеней, какъ вдругъ онъ оступился, упалъ и покатился внизъ по лѣстницѣ до самой двери. И при этомъ паденіи онъ сильно ушибъ себѣ голову и, выйдя на улицу, началъ стонать. Тогда нѣсколько человѣкъ изъ его сотоварищей, нищихъ, услышавъ, что онъ стонетъ, спросили, чтѣ съ нимъ, и онъ разсказалъ имъ. Потомъ онъ сказалъ: — Теперь, товарищи, вы должны помочь мнѣ вернуться домой за деньгами, чтобы я могъ купить себѣ чего-нибудь поѣсть въ этотъ проклятый и бесплодный день! Я принужденъ взять кое-что изъ нашихъ

сбереженій, которыя, какъ вы сами знаете, довольно значительны и которыя вы отдали мнѣ въ завѣдываніе.

А между тѣмъ вслѣдъ за нимъ спустился и прогнавшій его человѣкъ и тихонько пошелъ за нимъ, подбираясь все ближе и ближе, и стараясь прослѣдить, куда онъ идетъ. И такъ онъ шелъ за своимъ братомъ и двумя другими слѣпыми, которые и не подозрѣвали объ этомъ, пока они не пришли къ жилищу Бакбака. Они вошли и не успѣли еще затворить дверей, какъ человѣкъ быстро проскользнулъ вслѣдъ за ними. А Бакбакъ сказалъ своимъ двумъ товарищамъ:—Прежде всего обыщите, нѣтъ ли въ комнатѣ кого посторонняго. При этихъ словахъ, человѣкъ, который занимался воровствомъ и былъ даже очень извѣстенъ среди другихъ людей этого же ремесла, увидѣлъ привязанную къ потолку веревку, схватился за нее и легко, безъ шума, вскарабкался по ней до самаго потолка и преспокойно усѣлся тамъ на балкѣ. Между тѣмъ оба нищихъ принялись обыскивать комнату и нѣсколько разъ обошли ее кругомъ, ощупывая углы своими палками. Сдѣлавъ это, они вернулись къ моему брату, который вынулъ потихоньку деньги, находившіяся въ его завѣдываніи, и вмѣстѣ со своими двумя товарищами пересчиталъ ихъ. И оказалось, что у нихъ было ровно десять тысячъ драхмъ. Потомъ каждый изъ нихъ взялъ по двѣ, по три драхмы, а остальные деньги они охотѣе положили въ мѣшки и спрятали эти мѣшки. Затѣмъ одинъ изъ трехъ нищихъ вышелъ на минуту, чтобы купить чего-нибудь слѣстного, и скоро вернулся и вынулъ изъ своего мѣшка три хлѣба, двѣ луковицы и нѣсколько финиковъ. И все три товарища усѣлись въ кружокъ и начали ѣсть.

Тогда воръ тихонько сползъ по веревкѣ и, подѣввъ къ нищимъ, сталъ ѣсть вмѣстѣ съ ними. А такъ какъ онъ сидѣлъ рядомъ съ Бакбакомъ, у котораго слухъ былъ очень тонкій, то Бакбакъ услышалъ, какъ онъ чавкалъ при ѣдѣ своими челюстями, и воскликнулъ:—Среди насъ есть кто-то чужой! При этомъ онъ быстро протянулъ руку въ ту сторону, откуда слышалось чавканье, и наткнулся какъ разъ на руку вора. Тогда Бакбакъ и оба другіе нищие бросились на вора, завопили и не смотря на свою слѣпоту, стали бить его палками. При этомъ они зывали на помощь сосѣдей, крича во все горло:—О мусульмане! Бѣгите къ намъ на помощь! Это воръ! Онъ хочетъ отнять у насъ наши маленькія сбереженія. И сосѣди сбѣжались и увидѣли, что Бакбакъ, съ помощью двухъ своихъ товарищей, крѣпко держалъ вора, который старался защищаться и вырваться отъ нихъ. Но при появленіи сосѣдей воръ притворился, что онъ тоже слѣпой, закрылъ глаза и сталъ кричать:—Во имя Аллаха, о мусульмане! Я слѣпой и состою въ товариществѣ съ этими тремя людьми, которые теперь хотятъ отобрать у меня мою долю изъ десяти тысячъ драхмъ нашихъ общихъ сбереженій. Клянусь вамъ въ этомъ Аллахомъ! Султаномъ! Эмиромъ! А, впрочемъ, отведите меня къ вали! Въ это время прибѣжали стражи вали и, схвативъ этихъ четырехъ людей, привели ихъ предъ лицо вали, который спросилъ:—Кто эти люди? А воръ закричалъ:—Выслушай слова мои, о вали справедливый и прозорливый, и ты поймешь истину. Если же ты не хочешь вѣрить мнѣ, то подвергни меня немедленной пыткѣ, — меня перваго, чтобы принудить меня сказать тебѣ правду; а потомъ ты подвергнешь пыткѣ и другихъ моихъ товарищей; и они принуждены будутъ разъяснить тебѣ наше дѣло. Вали закричалъ:—Схватите этого человѣка и бросьте его на землю и бейте его, пока онъ не сознается. Тогда стражи схватили мнимого слѣпого, и одинъ изъ нихъ взялъ его за ноги, а другіе принялись наносить ему удары кнутомъ. Послѣ первыхъ же десяти ударовъ мнимый слѣпой завопилъ, потомъ вдругъ открылъ одинъ глазъ, который онъ все время держалъ закрытымъ; а послѣ нѣсколькихъ слѣдующихъ ударовъ онъ явнымъ образомъ открылъ и другой глазъ.

Увидѣвъ это, взбѣшенный вали закричалъ:—Это что еще за уловки, о наглѣй обманщикъ? Онъ отвѣтилъ:— Не вели наказывать меня, и я все объясню тебѣ! И вали отмѣнилъ наказаніе, и тогда воръ сказалъ:— Насъ здѣсь четверо слѣпыхъ, и всѣ мы обманываемъ людей, чтобы получить милостыню, а главное, чтобы легче проникать въ дома, смотрѣть на женщинъ, и развращать и соблазнять ихъ, а затѣмъ обворовывать ихъ и осматривать внутренность домовъ и подготавливать вѣрную кражу. А такъ какъ мы занимаемся этимъ прибыльнымъ ремесломъ уже довольно долгое время, намъ удалось собрать вчетверомъ сумму въ десять тысячъ драхмъ. И вотъ сегодня я потребовалъ у товарищей мою долю, а они отказались отдать мнѣ ее и даже осыпали меня ударами, и навѣрное заколотили бы меня на смерть, если бы твои стражи не спасли меня изъ ихъ рукъ. Вотъ въ чемъ заключается истина, о вали! А теперь, чтобы заставить сознаться и моихъ товарищей, стоить только подвергнуть ихъ ударамъ кнута, какъ и меня. Тогда они заговорятъ! Но только нужно, чтобы ихъ били покрѣпче, а иначе мои товарищи, — они люди грубые и обтерпѣвшіеся, ни за что не признаются и поостерегутся открывать глаза, какъ это сдѣлалъ я! Тогда вали приказалъ схватить, прежде всѣхъ остальныхъ, моего брата. И напрасно братъ мой возражалъ и кричалъ, что онъ слѣпъ отъ рожденія, его подвергли еще болѣе жестокой пыткѣ, такъ что онъ лишился чувствъ. Однако, придя въ себя, онъ не открылъ глазъ, и вали приказалъ дать ему еще триста ударовъ палкою, потомъ еще триста ударовъ; и точно такъ же поступили съ двумя другими слѣпыми, которые, однако, не открыли глазъ, не смотря на удары и на совѣтъ мнимаго слѣпого, навязавшагося имъ въ товарищи.

Затѣмъ вали отобралъ, при посредствѣ мнимаго слѣпого, деньги, спрятанныя въ комнатѣ моего брата Бакбака, и далъ четвертую часть этихъ денегъ, двѣ тысячи пятьсотъ драхмъ, вору, а остальное оставилъ у себя въ кассѣ.

Что же касается моего брата и двухъ его товарищей, слѣпыхъ нищихъ, то послѣ наказанія вали сказалъ имъ:—Несчастные обманщики! Вы ѣдите хлѣбъ, даръ Аллаха, и клянетесь его именемъ, что вы слѣпы! Убійтесь отсюда, и чтобы никто не видѣлъ васъ больше въ Багдадѣ!

Тогда я, о глава правовѣрныхъ, узнавши обо всемъ этомъ, выѣхалъ изъ города, чтобы разыскать Бакбака, и дѣйствительно нашелъ его и тайно привезъ въ Багдадъ, и поселилъ его у себя, и взялъ на себя заботу о его прокормленіи и одѣяніи, и буду дѣлать это всегда!

Такова исторія третьяго моего брата, слѣпого Бакбака!

Выслушавъ этотъ разсказъ, калифъ Монтассеръ-Биллахъ засмѣялся и сказалъ:—Дайте вознагражденіе этому цирюльнику за трудъ его, а затѣмъ пусть онъ убирается! Но я, господа мои, отвѣтилъ ему на это:— Клянусь Аллахомъ! о глава правовѣрныхъ, я рѣшительно ничего не приму, прежде чѣмъ не разскажешь тебѣ, что случилось съ тремя остальными моими братьями.—но въ короткихъ словахъ, чтобы доказать тебѣ, въ какой мѣрѣ я сдержанъ и не болтливъ по своему характеру! Калифъ отвѣтилъ:—Ну, такъ и быть! Подвергну себя еще вновь этой пыткѣ и огдамъ ушибы мои на растерзаніе твоему врагью и вынесу еще нѣсколько твоихъ назойливыхъ и тяжеловѣсныхъ разказовъ, не лишенихъ, впрочемъ, извѣстной пріятности. Тогда я сказалъ:

Исторія Эль-Куза,

четвертаго брата цирюльника.

— Мой четвертый братъ, кривой Эль-Кузь-Эль-Ассуани, небьющійся кувшинъ, былъ по ремеслу багдадскимъ мясникомъ. Онъ превосходно изучилъ торговлю разными сортами простого и рубленнаго мяса и умѣлъ, какъ нельзя лучше, разводить и откармливать толстохвостыхъ барановъ. И онъ зналъ, кому продавать хорошее мясо, а кому оставить дурное. Поэтому главные покупатели города и самые богатые изъ купцовъ постоянно обращались къ нему и не покупали другого мяса, кромѣ его баранины, такъ что онъ въ короткое время сильно разбогатѣлъ и приобрѣлъ въ собственность большія стада и большія имѣнія.

Проживая такимъ образомъ въ полномъ довольствѣ, братъ мой Эль-Кузь сидѣлъ однажды въ своей лавкѣ, какъ вдругъ вошелъ высокій шейхъ съ длинной бѣлой бородой и, давая ему деньги, сказалъ:—Отрѣжь-ка мнѣ кусокъ хорошаго мяса! И братъ мой отрѣзалъ ему самаго лучшаго мяса, взялъ деньги и простился съ шейхомъ, который послѣ этого удалился.

Тогда братъ мой сталъ разсматривать серебряныя монеты, которыя онъ получилъ отъ незнакомца, и замѣтилъ, что онѣ были совершенно новенькія и сверкали ослѣпительной бѣлизной. Онъ поторопился отложить ихъ въ особую шкатулку и сказалъ себѣ:—Вотъ монеты, которыя принесутъ мнѣ счастье!

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ старый шейхъ съ длинной бѣлой бородою не переставалъ ежедневно приходить и вручать моему брату Эль-Кузу, за продаваемое имъ свѣжее и хорошее мясо, такія же серебряныя монеты, бѣлыя и новенькія; и каждый разъ Эль-Кузь тщательно откладывалъ эти деньги, въ особое мѣсто. Но однажды Эль-Кузь вздумалъ пересчитать всѣ деньги, накопившіяся у него такимъ образомъ, чтобъ купить на нихъ хорошихъ овецъ и нѣсколько барановъ, которыхъ онъ хотѣлъ выдрессировать для бараньяго боя—весьма любимаго развлеченія въ городѣ моемъ Багдадѣ. Но едва онъ открылъ шкатулку, гдѣ онъ держалъ деньги шейха съ бѣлой бородою, какъ замѣтилъ, что никакихъ монетъ тамъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ лежали только бѣлые бумажные кружечки. Увидѣвъ это, онъ сталъ бить себя по лицу и по головѣ и кричать, жалуясь на свое несчастіе. И скоро его окружила большая толпа прохожихъ, которымъ онъ и рассказалъ объ этомъ несчастіи, но никто не могъ понять причину исчезновенія этихъ денегъ. А Эль-Кузь продолжалъ кричать и говорить:—Пусть пошлетъ ко мнѣ теперь Аллахъ этого проклятаго шейха, и я вырву ему бороду и сорву съ него тюрганъ собственными руками.

Но едва онъ успѣлъ произнести эти послѣднія слова, какъ вдругъ появился старикъ и, быстро пройдя сквозь собравшуюся толпу, подошелъ къ моему брату мяснику, какъ бы для того, чтобы, по обыкновенію, вручить ему деньги. А братъ мой сейчасъ же набросился на него и схватилъ его за грудь, крича:—О мусульмане, бѣгите сюда! Помогите! Вотъ этотъ наглый мошенникъ! Но шейхъ ни на минуту не потерялъ своего невозмутимаго спокойствія и, не трогаясь съ мѣста, отвѣтилъ моему брату такъ, что онъ одинъ могъ слышать его:—Выбирай! Предпочтешь ли ты молчать или хочешь опозорить себя публично? Ибо этотъ позоръ, которымъ я покрою тебя, будетъ гораздо ужаснѣе всего, что ты можешь учинить со мной! Эль-Кузь отвѣтилъ:—Но что же ты можешь рассказать обо мнѣ, о шейхѣ проклятый! И

какимъ образомъ ты можешь опозорить меня? Онъ сказалъ:—Я докажу передъ всѣми, что ты продаешь людямъ человѣческое мясо вмѣсто бараньяго! Братъ мой отвѣтилъ:—Ты лжешь, о лгунъ, тысячу разъ проклятый! Шейхъ сказалъ:—Лгунъ и проклятый не я, а тотъ, у кого въ эту самую минуту виситъ на крюкѣ въ его мясной лавкѣ, человѣческій трупъ вмѣсто барана! Братъ мой горячо возразилъ ему:—Если это такъ, какъ ты говоришь, о собака и сынъ собачій, то пусть достанутся тебѣ всѣ имѣнія мои и вся кровь моя! Тогда шейхъ обернулся къ толпѣ и закричалъ громкимъ голосомъ:—О вы всѣ! Друзья мои! Посмотрите на этого мясника! До сегодняшняго дня онъ обманывалъ всѣхъ и нарушалъ предписанія нашей Книги! Человѣкъ этотъ каждый день вмѣсто барановъ душилъ сыновей Адама и продаетъ намъ ихъ мясо вмѣсто баранины! А если вы хотите провѣрить правду словъ моихъ, вамъ стоитъ только войти въ его лавку и осмотрѣть ее!

Тогда поднялся страшный крикъ, и толпа бросилась въ лавку моего брата и взяла ее приступомъ. И сейчасъ же увидѣли висѣвшій на крюкѣ человѣческій трупъ съ ободранной кожей и вычищенными внутренностями; а на полкѣ, устроенной для головъ, они увидѣли три человѣческихъ головы, тоже ободранныя, очищенныя и изжаренныя въ печкѣ для продажи! Дѣйствительно, шейхъ съ длинной бѣлой бородой былъ никто другой, какъ колдунъ, обладавшій искусствомъ магіи и волшебства и умѣвшій вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, превратить одну вещь въ другую.

Увидѣвъ это, всѣ присутствующіе набросились на моего брата съ криками:—Нечестивецъ! безбожникъ! плутъ!—и стали бить его—одни палками, другіе кнутомъ, и особенно яростно и жестоко били его прежніе покупатели и его лучшіе друзья. Чтò же касается стараго шейха, то онъ нанесъ моему брату ужасный ударъ прямо въ глазъ и навсегда выбилъ ему этотъ глазъ. Затѣмъ толпа схватила мнимый трупъ удушеннаго, связала моего брата Эль-Куза и подъ предводительствомъ шейха направилась къ исполнителю закона. И шейхъ сказалъ ему:—О эмиръ! Вотъ мы привели къ тебѣ, для наказанія за сдѣланныя преступленія, этого человѣка, который въ теченіе долгаго времени удушалъ себѣ подобныхъ, чтобы продавать мясо ихъ вмѣсто баранины. Тебѣ остается только изречь свой приговоръ и дать ходъ справедливости Аллаха, ибо свидѣтели на лицо!

Чтò же касается моего брата, то напрасно пытался онъ защищаться: судья ничего не хотѣлъ больше слушать и приговорилъ его къ пятистамъ ударовъ палкою по спинѣ и ягодицамъ! Затѣмъ у него отобрали всѣ его имѣнія и все его имущество. И хорошо еще, что онъ былъ такъ богатъ, ибо въ противномъ случаѣ наказаніемъ ему была бы непоправимая смерть.

Затѣмъ его присудили къ изгнанію.

И братъ мой, потерявъ одинъ глазъ, съ спиною, разбитою отъ палочныхъ ударовъ, едва дыша, вышелъ изъ города и побрелъ, самъ не зная куда, пока не пришелъ въ одинъ отдаленный и неизвѣстный ему городъ. Онъ остановился здѣсь и хотѣлъ поселиться здѣсь и заняться ремесломъ башмачника, которое не требуетъ никакихъ другихъ средствъ, кромѣ здоровыхъ рукъ.

И вотъ онъ устроилъ себѣ постоянное мѣстопробываніе подъ маленькимъ навѣсомъ, на перекресткѣ двухъ улицъ, и принялся работать, снискивая себѣ пропитаніе. Но однажды, пришивая заплату къ старой туфлѣ, онъ вдругъ услышалъ ржаніе коней и шумъ приближающихся многочисленныхъ всадниковъ. Онъ спросилъ о причинѣ всего этого, и ему отвѣтили:—Это царь отправляется, по своему обыкновенію, на охоту съ борзыми собаками, въ сопровожденіи всей своей свиты. Тогда братъ мой Эль-Кузъ положилъ на минуту иглу и молотокъ и поднялся, чтобъ взглянуть на царскій кортежъ. И въ то время, какъ онъ стоялъ задумавшись и размышляя о

своемъ прошломъ и настоящимъ и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлали его изъ уважаемаго всѣми мясника послѣднимъ изъ башмачниковъ, появился царь во главѣ своей блистательной свиты; и по случайному совпадению глаза царя обратились какъ разъ на вытекшій глазъ брата моего Эль-Куза. При видѣ этого, царь измѣнился въ лицѣ и воскликнулъ:—Да охранить меня Аллахъ отъ несчастій этого злополучнаго дня и отъ дурного предзнаменованія! Затѣмъ онъ сейчасъ же повернулъ свою кобылу и вмѣстѣ со всею своею свитою и всѣми своими войнами поѣхалъ обратно. Но въ то же время онъ далъ приказаніе своимъ рабочимъ схватить моего брата и подвергнуть его подобающему наказанію. И рабы сейчасъ же бросились на брата моего Эль-Куза и такъ избили его, что онъ остался за-мертво лежать на дорогѣ. Когда они удалились, Эль-Кузъ поднялся и горестно побрелъ въ свой пріютъ, подъ маленькій навѣсъ, служившій ему единственнымъ убѣжищемъ на перекресткѣ улицъ, и весь онъ былъ разбитъ и едва дышалъ. А такъ какъ мимо его убѣжища, случайно какъ разъ въ это время, проѣхалъ одинъ человѣкъ, отставшій отъ свиты царя,—Эль-Кузъ упросилъ его остановиться, рассказалъ ему о томъ, какъ съ нимъ поступили, и попросилъ его объяснить причину всего этого. Человѣкъ громко расхохотался и отвѣтилъ ему:—Братъ мой! Знай, что царь нашъ не можетъ переносить вида кривого человѣка, особенно если этотъ кривой кривъ на лѣвый глазъ; это приноситъ ему несчастье, и онъ приказываетъ всегда немедленно же убить его. Поэтому я очень удивляюсь, что ты еще остался въ живыхъ!

При этихъ словахъ, не слушая дальнѣйшаго, братъ мой собралъ свои рабочіе инструменты и остатокъ силъ своихъ и немедленно пустился въ путь и передохнулъ лишь тогда, когда вышелъ изъ города. И онъ шелъ все дальше и дальше, пока не пришелъ въ другой, очень отдаленный городъ, гдѣ не было ни царя, ни тиранна, какъ тамъ, откуда онъ ушелъ.

Онъ довольно долго прожилъ въ этомъ городѣ, стараясь, изъ предосторожности, рѣшительно нигдѣ не показываться. Но, однажды, когда ему было грустнѣе обыкновеннаго, онъ вышелъ немножко, чтобы подышать воздухомъ и побродить, глядя по сторонамъ. Вдругъ онъ услышалъ позади себя ржаніе коней и, вспомнивъ свое послѣднее приключеніе, пустился бѣжать, разыскивая какой-нибудь уголокъ, куда можно было бы спрятаться; но нигдѣ онъ не находилъ такого уголка. Наконецъ, онъ увидѣлъ передъ собою большую дверь и, толкнувъ эту дверь, которая сейчасъ же поддавалась, бросился внутрь дома. Прямо передъ нимъ шелъ длинный темный корридоръ, гдѣ онъ и укрылся. Но едва онъ успѣлъ укрыться, какъ передъ нимъ выросли два человѣка, которые схватили и связали его, говоря:—Слава Аллаху, который позволилъ намъ, наконецъ, разыскать тебя, о недругъ Аллаха и дѣтей его! Вотъ уже три дня и три ночи, какъ мы неустанно ищемъ тебя, не имѣя ни сна, ни отдыха! И ты заставилъ насъ извѣдать горечь смерти! А братъ мой Эль-Кузъ сказалъ:—Однако, о добрые люди! къ чему же присудилъ меня Аллахъ? И какое повелѣніе онъ далъ вамъ противъ меня? Они отвѣчали:—Ты хочешь погубить насъ и хозяина этого дома! Не достаточно съ тебя развѣ, что ты разорилъ всѣхъ своихъ друзей, а хозяина этого дома довелъ до самой крайней нищеты? А теперь ты хочешь убить насъ! Гдѣ тотъ ножъ, который онъ держалъ въ рукѣ, когда гнался вчера за однимъ изъ насъ? Съ этими словами, они принялись обшаривать его и нашли у него за поясомъ ножъ, которымъ онъ разрѣзалъ кожу для подметокъ. Тогда они повалили Эль-Куза и хотѣли задушить его, но тутъ онъ закричалъ:—Послушайте, добрые люди! Я не воръ и не разбойникъ, но я расскажу вамъ удивительную исторію, и эта исторія — моя собственная! Но они не хотѣли слушать его, а стали толкать ногами и

бить его и разорвали его платье. И когда они, такимъ образомъ, разорвали его платье и обнажили его спину, они увидѣли на его спинѣ рубцы отъ палочныхъ ударовъ и отъ ударовъ кнута, которымъ онъ подвергся послѣднее время, и тогда они воскликнули:—(О проклятый злодѣй! Вотъ слѣды ударовъ на спинѣ твоей, и они свидѣтельствуютъ о твоихъ прежнихъ преступленіяхъ! И тутъ они потащили бѣднаго Эль-Куза къ вали; а Эль-Кузъ размышлялъ о всѣхъ своихъ несчастіяхъ и говорилъ себѣ:—Какъ велики должны быть мои преступления, если я долженъ такъ искупать ихъ, а между тѣмъ я чистъ отъ какой-либо вины! Нѣтъ у меня другого прибѣжища кромѣ Аллаха Всевышняго!

Когда онъ предсталъ передъ лицо вали, этотъ послѣдній гнѣвно посмотрѣлъ на него и сказалъ:—Гнусный наглецъ! Удары, слѣды которыхъ они нашли на спинѣ твоей, служатъ достаточнымъ доказательствомъ всѣхъ твоихъ прежнихъ и настоящихъ злодѣяній! Сказавъ это, онъ распорядился, чтобы Эль-Кузу немедленно дали сто розогъ! А затѣмъ его втащили и привязали на спину верблюда, и глашатаи возили его по всему городу, выкрикивая:—Вотъ какъ наказываютъ того, кто преступно проникаетъ въ домъ ближняго!

Но извѣстіе о злоключеніяхъ этого несчастнаго брата моего Эль-Куза скоро достигло и до меня. И я сейчасъ же пустился на розыски его и въ концѣ концовъ нашелъ его — какъ разъ въ ту минуту, когда его снимали въ безчувственномъ состояніи съ спины верблюда. Тогда, о глава правовѣрныхъ, я почелъ своею обязанностью оказать ему пріютъ, позаботиться объ его излѣченіи и тайно привезти его въ Багдадъ, гдѣ я обезпечилъ ему возможность ѣсть и пить и спокойно проживать до конца дней его.

Вотъ исторія моего злополучнаго брата Эль-Куза. Что касается моего пятого брата, то его приключеніе очень замѣчательно и покажетъ тебѣ, о глава правовѣрныхъ, насколько я остороженъ и мудръе моихъ братьевъ.

Исторія Эль-Ашара,

пятого брата цирюльника.

— Это именно тотъ изъ братьевъ моихъ, о глава правовѣрныхъ, у котораго были отрѣзаны уши, а также и носъ. Его называли Эль-Ашаръ, потому ли, что онъ былъ великъ и тученъ и имѣлъ такой большой животъ, какъ у беременной верблудицы, или потому, что онъ былъ похожъ на большой котелъ. Но все это не мѣшало ему проявлять въ теченіе цѣлаго дня необычайную лѣнь, тогда какъ по ночамъ онъ исполнялъ всякаго рода порученія и зарабатывалъ себѣ деньги для слѣдующаго для разными не позволительными и довольно странными способами.

Но по смерти отца моего мы получили въ наслѣдство каждый по сто драхмъ серебромъ. Эль-Ашаръ, какъ и всѣ мы, взялъ доставшіяся ему сто драхмъ, но совершенно не зналъ, какое употребленіе сдѣлать изъ нихъ. Наконецъ, между тысячью другихъ мыслей, ему взбрела мысль пріобрѣсти партію разной стеклянной посуды и продавать ее въ розницу; это ремесло показалось ему привлекательнѣе всякаго другого, потому что не требовало особенно много движенія.

Итакъ, братъ мой Эль-Ашаръ сдѣлался торговцемъ стеклянной посуды. Съ этою цѣлью онъ купилъ большую корзину, гдѣ можно было держать посуду, выбралъ себѣ уголокъ на многолюдной улицѣ и расположился здѣсь, поставивъ корзину съ посудой передъ собою. Онъ спокойно усѣлся, при-

слонился спиною къ стѣнѣ дома и сталъ предлагать свой товаръ проходящимъ, выкрикивая:

— О капли солища! О алебастровыя груди молодыхъ дѣвушечки! О глаза моей кормилицы! О затвердѣвшее, холодное дыханіе дѣвственницъ, о стекло! О медь окрашенный, о стекло!

Но чаще всего Эль-Ашаръ сидѣлъ молча и, плотно прислонившись къ стѣнѣ, предавался своимъ мечтамъ. И вотъ о чемъ думалъ Эль-Ашаръ въ одинъ изъ такихъ дней, во время пятничной молитвы:

Я помѣстилъ, въ приобретеніе этой посуды, весь свой капиталъ, а именно сто драхмъ. Безъ сомнѣнія, мнѣ удастся продать все это за двѣсти драхмъ. На эти двѣсти драхмъ я куплю еще стеклянной посуды и продамъ ее за четыреста драхмъ. И такъ я буду все продавать и покупать и опять продавать, пока не наживу себя большого состоянія. Тогда я накоплю себя разныхъ москательныхъ товаровъ и благовоній и не перестану торговать до тѣхъ поръ, пока доходы мои не станутъ очень и очень значительными. Тогда я смогу купить себя большой дворецъ, рабовъ, лошадей и сдѣлать съ чехлами изъ расшитой золотомъ парчи; и буду ѣсть и пить; и не будетъ ни одной пѣвицы въ городѣ, которой я не пригласилъ бы пѣть у меня на дому. Потомъ я войду въ сношенія со всѣми наиболѣе опытными свахами всего Багдада и пошлю ихъ для переговоровъ съ дочерьми царей и визирей; и не пройдетъ особенно много времени, я окажусь женатымъ, по крайней мѣрѣ, на дочери великаго визиря! Ибо до меня дошелъ слухъ, что эта молодая дѣвушка отличается особенной красотой и исполнена совершенствъ изъ совершенствъ; и я дамъ за нее выкупъ въ тысячу динаріевъ золотомъ. И я не сомнѣваюсь, что отецъ ея, великій визирь, сейчасъ же изъявитъ согласіе на этотъ бракъ; а если онъ не захочетъ согласиться—ну, тогда я похищу у него дочь, подъ самымъ его носомъ, и привезу ее въ мой дворецъ. Потомъ я куплю себя десять молоденькихъ юношей для моихъ личныхъ услугъ. Потомъ закажу себя царственные одежды, какія носятъ только султанъ и эмиръ; и прикажу самому искусному ювелиру сдѣлать мнѣ золотое сѣдло, украшенное жемчугомъ и разными драгоценными камнями. И тогда, сѣвъ на прекраснѣйшую лошадь, которую я куплю у главы бедуиновъ въ пустынѣ, или выпишу изъ табуновъ племени Анези, поѣду по городу съ многочисленными рабами впереди, вокругъ и позади меня; и такимъ образомъ, я приѣду ко дворцу великаго визиря, который, при моемъ приближеніи, поднимется въ честь меня и уступитъ мнѣ свое мѣсто, а самъ будетъ стоять передо мною и почтетъ за особое счастье признать себя моимъ тестемъ. И я возьму съ собой двухъ молодыхъ рабовъ, и каждый изъ нихъ понесетъ большой кошелекъ, и въ каждомъ кошелькѣ будетъ по тысячѣ динаріевъ. И я дамъ одинъ кошелекъ великому визирю, какъ выкупъ за его дочь, а другой кошелекъ просто подарю ему, чтобы показать ему мою щедрость, мое великодушіе, а также и то, что весь міръ не имѣетъ особенной цѣны для меня.

Потомъ я съ важностью возвращусь въ домъ мой, а когда моя невеста пришлетъ ко мнѣ какую-нибудь особу, чтобы передать мнѣ свои привѣтствія, я осыплю золотомъ эту особу и одарю ее драгоценными тканями и великолѣпными одеждами. А если визирь вздумаетъ прислать мнѣ какіе-нибудь свадебные подарки, я не приму ихъ и отошлю ему обратно, хотя бы это былъ очень дорогой подарокъ,—и, такимъ образомъ, я покажу ему, какъ возвышенна моя душа и сколь мало я способенъ къ малѣйшей не деликатности. Затѣмъ я самъ назначу день моей свадьбы и установлю подробности брачной церемоніи, и прикажу ничего не жалѣть для великолѣпія пирше-

ства и не скупиться на число и качество музыкантовъ, пѣвцовъ, пѣвицъ и танцовщицъ. И я сдѣлаю во дворцѣ своемъ всѣ нужныя приготовленія, уберу его и развѣшу повсюду ковры, и усыплю полъ цвѣтами отъ самаго входа до торжественной залы, и прикажу полить полъ розовой водою и другими благовонными водами.

А въ брачную ночь я облекусь въ мои лучшія одежды и взойду на тронъ, поставленный на возвышеніи, который будетъ обтянутъ со всѣхъ сторонъ расшитыми шелковыми тканями съ узорами изъ цвѣтовъ и пріятныхъ для глаза цвѣтныхъ линій. И въ продолженіе всей церемоніи и въ то время, какъ будутъ водить посреди зала жену мою, сіяющую во всѣхъ своихъ прелестяхъ болѣе, чѣмъ полная луна въ мѣсяцѣ Рамаданъ, я останусь неподвижнымъ и важнымъ и даже не взгляну на нее, и не оберну голову ни вправо, ни влѣво, чтобы выказать, такимъ образомъ, все величіе моего характера и всю мудрость мою! И, наконецъ, жену мою подведутъ ко мнѣ, и она будетъ стоять передо мною во всей свѣжести своей красоты и благоухая чудесными ароматами. А я даже и не пошевелюсь, а, напротивъ того, буду сидѣть равнодушно и важно до тѣхъ поръ, пока всѣ женщины, присутствующія на свадьбѣ, не приблизятся ко мнѣ и не скажутъ:— О господинъ нашъ и вѣнецъ головъ нашихъ! Вотъ супруга и раба твоя почтительно стоитъ передъ тобою, ожидая, чтобы ты удостоилъ ее взглядомъ. Она такъ устала стоять! И она ждетъ лишь приказанія твоего, чтобы сѣсть! Но я не произнесу ни единого слова и заставляю ихъ еще настоятельнѣе добиваться отвѣта моего. И тогда всѣ женщины и всѣ приглашенные преклонятся передъ величіемъ моимъ и упадутъ ницъ, многократно лобызая землю.

Тогда только я соглашусь опустить глаза мои и удостоить взгляда жену мою, но не болѣе, какъ одного единственного взгляда, а затѣмъ снова подниму глаза и приму видъ глубочайшаго равнодушія. И служанки уведутъ жену мою, а я тоже поднимусь и пойду переодѣну въ одежды мои, чтобы облечься въ другія, еще болѣе богатые и роскошныя. И тогда вторично приведутъ новобрачную къ трону моему, тоже въ другомъ одѣяніи и въ другомъ убранствѣ, сплошь покрытую разными драгоценностями, золотомъ и самоцвѣтными камнями и надушенную другими благовоніями еще гораздо болѣе пріятными. И опять я буду сидѣть и ждать, чтобы меня еще и еще разъ просили взглянуть на жену мою, и сейчасъ же опять подниму глаза, чтобы не смотрѣть на нее. И такъ буду я дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока всѣ церемоніи не окончатся...

Но на этомъ моментѣ своего повѣствованія Шахразадъ увидѣла, что приближается утро, и съ обычною скромностью не захотѣла пользоваться больше на эту ночь даннымъ ей разрѣшеніемъ.

А когда наступила

тридцать вторая ночь,

она рассказала царю Шахріару продолженіе этой исторіи:

— Говорили мнѣ, о царь благословенный, что цирюльникъ закончилъ рассказъ о приключеніяхъ пятаго брата своего, Эль-Ашара, слѣдующимъ образомъ:

...Пока всѣ церемоніи не окончатся. Тогда я прикажу нѣсколькимъ молодымъ рабамъ моимъ взять кошелькъ съ пятьюстами динаріями мелкой монетой и разбросать эти монеты пригоршнями по всей залѣ, а затѣмъ распредѣлить такую же сумму между всѣми музыкантами и пѣвцами, и такую же сумму—между прислужницами жены моей. Послѣ этого прислужницы отве-

дуть жену мою въ ея опочивальню, куда явлюсь и я самъ, но не иначе, какъ заставивъ долго ждать себя. Подойдя къ ней, я пройду, не глядя на нее, между женщинами, выстроившихся въ комнатѣ двумя рядами, и сяду на диванъ и потребую себѣ кубокъ съ благовонной и сладкой водою и, воздавъ хвалу Аллаху, буду спокойно попивать ее.

Что же касается жены моей, то я попрежнему совершенно не буду замѣчать ея присутствія, тогда какъ она, лежа на кровати, будетъ ожидать, чтобы я подошелъ къ ней. И чтобы хорошенько унижить ее и заставить почувствовать мое превосходство и дать ей понять, какъ мало я цѣню ее, я не скажу ей ни единого слова и такимъ образомъ покажу ей, какъ я намѣренъ обращаться съ нею въ будущемъ. Ибо только этимъ способомъ можно сдѣлать женщинъ покорными, кроткими и нѣжными. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ войдетъ въ комнату и подойдетъ ко мнѣ жена дяди моего и станетъ цѣловать мнѣ голову и руки и скажетъ:—О господинъ мой! Удостой взглянуть на рабу твою, мою дочь, которая страстно желаетъ, чтобы ты подошелъ къ ней, и скажи ей изъ милости хоть одно единственное слово! Но, не смотря на эти почтительныя слова жены дяди моего, которая не посмѣетъ назвать меня зятемъ изъ опасенія показаться нескромной,—я не удостою ея никакого отвѣта. Тогда она будетъ всячески умолять меня, стараясь меня растрогать, и, я увѣренъ, кончитъ тѣмъ, что бросится къ ногамъ моимъ и станетъ цѣловать ихъ такъ же, какъ и полы моего платья, много и много разъ, и скажетъ мнѣ:—О господинъ мой! Клянусь тебѣ Аллахомъ, что дочь моя прекрасна и невинна! Клянусь тебѣ Аллахомъ, что никогда ни одинъ мужчина не видѣлъ дочери моей безъ покрывала и не знаетъ даже цвѣта глазъ ея! Будь милостивъ, перестань срамить и унижать ее! Посмотри, какъ она смиренна и покорна; она ждетъ лишь какого-нибудь знака отъ тебя, чтобы удовлетворить всѣмъ твоимъ прихотямъ!

Затѣмъ жена моего дяди встанетъ и наполнитъ мой кубокъ самымъ лучшимъ виномъ и передастъ этотъ кубокъ дочери своей, которая сейчасъ же подойдетъ и протянетъ мнѣ его, покорная и трепещущая. А я, безпечно развалившись на бархатныхъ, вышитыхъ золотомъ подушкахъ дивана, заставлю ее стоять передо мною и, не глядя на нее, буду наслаждаться тѣмъ, что она, дочь великаго визиря, стоитъ передо мною, бывшимъ продавцомъ стеклянной посуды, который, торгуя на углу улицы, выкрикивалъ передъ прохожими:

— О капли солнца! О алебастровыя груди молодыхъ дѣвушекъ! О глаза моей кормилицы! О затвердѣвшее, холодное дыханіе дѣвственницъ, о стекло! О медь окрашенный, о стекло!

А она, видя съ моей стороны такое благородство и величіе, непременно сочтетъ меня за сына какого-нибудь знаменитаго султана, наполняющаго своею славою весь міръ. И со слезами на глазахъ она скажетъ мнѣ:—О господинъ мой! будь милостивъ! не отвергай этого кубка и прими его изъ рукъ рабы твоей! Ибо я послѣдняя изъ рабынь твоихъ! Но я ничего не скажу въ отвѣтъ на слова эти. А она, видя, что я молчу, сдѣлается, наконецъ, немножко смѣлѣе и будетъ настаивать, чтобы я взялъ отъ нея кубокъ, и сама нѣжно поднесетъ его къ губамъ моимъ. А я, при видѣ такой нескромности, разсвирѣпѣю, посмотрю на нее ужасающимъ взглядомъ и дамъ ей пощечину и изо всѣхъ силъ ударю ее ногою прямо въ животъ,—вотъ такъ...

И съ этими словами,—продолжалъ цирюльникъ,—братъ мой сдѣлалъ жестъ ногою, какъ бы нанося страшный ударъ въ животъ своей несуществующей женѣ, и угодилъ прямо въ стоявшую передъ нимъ корзину съ хрупкой стеклянной посудой; и корзина со всѣмъ, что въ ней было, покати-лась! И отъ всего, что составляло богатство этого безумца, остались одни

осколки. О эмиръ правовѣрныхъ, если бы только я былъ при этомъ, я бы наказалъ его по заслугамъ, этого брата моего, полного нестерпимой заносчивости и ложнаго величія души!

Но, видя это непоправимое несчастіе, Эль-Ашаръ началъ бить себя по лицу и разрывать отъ отчаянія одежды свои и плакать и, не переставая ударять себя, жаловался на свою судьбу. А такъ какъ день этотъ былъ какъ разъ пятница и въ мечетяхъ начиналась полуденная молитва, то выходившіе изъ дома люди увидѣли брата моего въ этомъ состояніи, и одни остановились, выражая ему сожалѣніе, другіе, подробно узнавъ отъ одного сосѣда о сумасбродномъ поступкѣ моего брата, продолжали свой путь, называя его сумасшедшимъ и громко смѣясь.

Но въ то время, какъ братъ мой жаловался на судьбу, оплакивая потерю всего своего капитала выѣстъ съ процентами, мимо него проѣхала одна знатная женщина, направляясь въ мечеть къ пятничной молитвѣ. Красотою своею она превосходила самыхъ прекрасныхъ женщинъ; и во всѣ стороны распространялся отъ нея живительный запахъ мускуса; она ѣхала на мулѣ, который былъ покрытъ чепракомъ изъ бархата и золотой парчи, и ее сопровождало множество слугъ и рабовъ. При видѣ этой разбитой посуды и моего брата, который продолжалъ жаловаться и плакать, въ сердце ея проникло состраданіе и жалость, и она освѣдомилась о причинѣ такого отчаянія. Ей отвѣтили, что у этого бѣднаго человѣка была корвина со стеклянною посудою, продажа которой доставляла ему средства къ жизни, что это все его состояніе и что теперь онъ лишился всего, такъ какъ вслѣдствіе происшедшаго случая все разбилось въ дребезги. Тогда эта женщина подозвала одного изъ слугъ своихъ и сказала ему:—Отдай этому бѣдному человѣку всѣ деньги, какія ты имѣешь при себѣ! И слуга сейчасъ же отвязалъ шнурокъ, на которомъ висѣлъ у него на шеѣ большой кошель, и вручилъ деньги моему брату. Эль-Ашаръ взялъ кошель, открылъ его и нашелъ тамъ, какъ онъ сосчиталъ, пятьсотъ динаріевъ золотомъ. При видѣ этого онъ чуть не умеръ отъ волненія и охватившей его радости и началъ призывать на свою благодѣтельную всѣ милости и благословенія Аллаха.

Такимъ образомъ Эль-Ашаръ сразу разбогатѣлъ и, вздыхая полною грудью отъ удовольствія, пошелъ къ себѣ домой, чтобы спрятать это свое богатство, и онъ уже готовъ былъ отправиться на поиски какого-нибудь прекраснаго дома, который онъ могъ бы нанять для себя, какъ вдругъ кто-то тихо постучалъ въ его двери. Онъ всталъ и побѣждалъ отворить и увидѣлъ старую совершенно незнакомую ему женщину, которая сказала ему:—О дитя мое! Ты долженъ знать, что время молитвы этого святого дня, пятницы, почти уже истекло, а я не успѣла совершить моего омовенія передъ молитвою. Поэтому прошу тебя,—дозволь мнѣ войти на минуту къ тебѣ и совершить мое омовеніе вдали отъ нескромныхъ глазъ. И братъ мой отвѣтилъ ей:—Слушаю и повинуюсь! И онъ распахнулъ передъ нею двери и выпустилъ ее, и повелъ въ кухню, гдѣ оставилъ ее одну.

Черезъ нѣсколько минутъ старуха вошла въ комнату моего брата и, остановившись на лоскутѣ старой скатерти, который служилъ въ комнатѣ вмѣсто ковра, сдѣлала нѣсколько поспѣшныхъ колѣнопреклоненій, потомъ закончила свою молитву, призывая на моего брата прекрасно выраженные и полныя сердечнаго сочувствія благословенія. И братъ мой, который не помнилъ себя отъ счастья, горячо поблагодарилъ ее и, вынувъ изъ-за пояса два динарія золотомъ, великодушно протянулъ ихъ ей. Но старуха съ достоинствомъ отстранила ихъ и воскликнула:—О дитя Аллаха, создавшему тебя столь щедрымъ! Теперь я не удивляюсь болѣе, что ты умѣешь такъ скоро внушить симпатію людямъ, даже тѣмъ, которыхъ, какъ я, видѣли тебя всего одинъ разъ. Что же касается этихъ денегъ, которыя

ты хотѣлъ предложить мнѣ, то спрячь ихъ обратно въ свой кушакъ, ибо, судя по виду, ты долженъ быть бѣднягой, и эти деньги болѣе нужны тебѣ самому, чѣмъ мнѣ, вовсе не нуждающейся въ нихъ. А если ты дѣйствительно можешь обойтись безъ нихъ, то лучше возврати ихъ той благородной женщинѣ, которая дала ихъ тебѣ, увидѣвъ твою разбитую въ дребезги посуду. Братъ мой отвѣтилъ:—Какъ, добрая моя тетупка, развѣ ты знаешь эту женщину? Въ такомъ случаѣ я прошу тебя оказать мнѣ услугу и указать мнѣ способъ увидѣть ее. Старуха отвѣтила:—Сынъ мой! Эта молодая женщина, которая столь прекрасна, поступила относительно тебя такъ великодушно для того только, чтобы выказать свою склонность къ тебѣ, ибо ты молодъ, красивъ и полонъ силъ, тогда какъ мужъ ея безсиленъ и, лежа съ нею въ постели, обнаруживаетъ всю хилость и негодность свою. Встань же, спрячь все свое золото въ поясъ, чтобы его не украли изъ этого дома, не запирающагося на замокъ, и пойдемъ со мною. Ибо я должна сказать тебѣ, что я давно уже состою въ услуженіи у этой молодой особы и исполняю всѣ ея секретныя порученія. Когда же я приведу тебя къ ней, поспѣвши выказать ей свои чувства, сказать ей всевозможныя нѣжныя слова и сдѣлать все, на что ты только способенъ; и чѣмъ горячѣе ты будешь, тѣмъ болѣе привяжешь ее къ себѣ, ибо она со своей стороны не пощадитъ ничего, чтобы доставить тебѣ всѣ наслажденія, и ты будешь безусловнымъ господиномъ ея красотъ и всѣхъ ея богатствъ, полностью!

Услышавъ эти слова старухи, братъ мой поднялся, послушался ея наставленій и поспѣшилъ вслѣдъ за нею, и шелъ за нею до тѣхъ поръ, пока они не подошли къ большой входной двери, въ которую старуха постучала особеннымъ образомъ. И братъ мой былъ въ величайшемъ волненіи и не помнилъ себя отъ счастья.

Въ отвѣтъ на сигналъ старухи появилась молодая рабыня, очень хорошенькая гречанка, и, любезно открывая дверь, обратилась къ намъ съ привѣтствіемъ и улыбнулась многообещающей улыбкой. Старуха вошла, и братъ мой поспѣдовалъ за нею; и маленькая гречанка ввела его въ большую великолѣпную залу, расположенную посреди этого обширнаго жилища и убранную большими занавѣсами изъ расшитаго золотомъ шелка и роскошными коврами. А братъ мой, оставшись одинъ, сѣлъ на диванъ, снялъ свою чалму и, положивъ ее къ себѣ на колѣни, отеръ лобъ. Но едва онъ сдѣлалъ это, какъ занавѣсъ раздвинулась, и появилась молодая женщина такой дивной красоты, что никто не могъ бы сравниться съ нею въ глазахъ восхищенныхъ мужчинъ; и на ней было надѣто все, что только можетъ быть самаго прекраснаго изъ одѣяній. И братъ мой всталъ и остановился передъ нею.

А молодая женщина, увидѣвъ его, бросила улыбающійся взоръ и поспѣшила запереть дверь, которая оставалась еще открытою. Тогда она подошла къ моему брату, взяла его за руку и привлекла его къ себѣ на бархатный, расшитый золотомъ диванъ. Было бы бесполезно, однако, подробно рассказывать о томъ, что дѣлалъ тутъ, въ теченіе цѣлаго часа, мой братъ и молодая женщина—объ этихъ объятіяхъ, поцѣлуяхъ, укусахъ, ласкахъ и всякаго рода любодѣяніяхъ, повторяемыхъ и разъ, и два, и три, и болѣе того.

Послѣ всего этого молодая женщина поднялась и сказала моему брату:—Глазокъ мой! Не трогайся отсюда прежде, чѣмъ я не возвращусь! Затѣмъ она проворно вышла и исчезла.

Но вотъ, на порогъ быстро распахнувшейся двери, появился вдругъ огромный страшный негръ съ горящими глазами, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, съ мечомъ, который сверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ. И негръ этотъ закричалъ пораженному ужасомъ Эль-Апару:—Горе тебѣ, несчастный! Какъ осмѣлился ты проникнуть сюда, о сынъ блудницы, сынъ прелюбодѣянія,

порожденье мерзости! Услышавъ эти грозныя слова, братъ мой рѣшительно не зналъ, что отвѣтить: языкъ его былъ словно скованъ, а мускулы оцѣпенѣли, и онъ пожелтѣлъ въ лицѣ и ослабѣлъ тѣломъ. Тогда негръ схватилъ его, раздѣлъ донага, и, чтобы продлить мученія его, сталъ ударять его плоской стороною своего меча и отсчиталъ ему, такимъ образомъ, болѣе восьмидесяти ударовъ; затѣмъ онъ сталъ вонзать свой мечъ въ разныя мѣста его тѣла, пока братъ мой не упалъ на землю и негръ не счелъ его мертвымъ. Тогда онъ испустилъ страшный крикъ, и въ комнатѣ сейчасъ же появилась негритянка съ подносомъ, наполненнымъ солью. Она поставила подносъ на полъ и принялась набивать солью всѣ раны моего брата, который, не смотря на эти ужасныя страданія, боялся пикнуть изъ опасенія, чтобы его не добили на смерть. Затѣмъ она посыпала солью все его тѣло и удалилась. Тогда негръ опять испустилъ крикъ, столь же ужасный, какъ первый, и появилась старая женщина, которая, съ помощію негра, обшарила всѣ платья и поясъ моего брата и вытащила оттуда все золото. Затѣмъ она взяла моего брата за ноги и поволокла его черезъ всѣ комнаты на дворъ, гдѣ она бросила его, черезъ отверстіе, въ глубину черной ямы, куда она обыкновенно бросала трупы всѣхъ тѣхъ, которыхъ она заманивала сюда разными хитростями для услажденія госпожи своей, а затѣмъ обирала и спускала въ это подземелье, посыпавъ предварительно тѣла ихъ солью, чтобы они не испускали дурного запаха.

Подземелье, въ глубину котораго былъ брошенъ братъ мой Эль-Ашаръ, было велико и полно мрака, и тѣла всѣхъ низвергнутыхъ туда цѣлою грудой лежали одно на другомъ. И онъ провелъ тамъ цѣлыхъ два дня, не имѣя никакой возможности даже пошевелиться вслѣдствіе своихъ ранъ и ушибовъ отъ паденія. Но Аллаху (да славится имя его!) угодно было, чтобы та соль, которой братъ мой былъ осыпанъ и пропитанъ, послужила какъ разъ средствомъ къ его исцѣленію: остановивъ потерю крови и помѣшавъ ей портиться. Когда раны его нѣсколько зарубцовались, а силы немножко возстановились, брату моему удалось высвободиться изъ груди мертвыхъ тѣлъ и проползти черезъ все подземелье по направленію къ слабому свѣту, виднѣвшемуся гдѣ-то вдали; свѣтъ этотъ шелъ изъ слухового окна, которое было продѣлано въ стѣнѣ, замыкавшей подземелье. Онъ добрался до окна, а черезъ него выдвѣзъ изъ подземелья на свѣтъ.

Тогда онъ поспѣшилъ вернуться въ домъ свой, гдѣ я отыскалъ его и сталъ пользоваться разными лѣкарствами, которыя я умѣлъ извлекать изъ растений, и травяными соками, а по прошествіи нѣкотораго времени братъ мой, совершенно оправившись, рѣшилъ отомстить старухѣ и другимъ за тѣ муки, которыя онъ претерпѣлъ отъ нихъ. Онъ пустился разыскивать ее и напалъ на слѣды ея и пошелъ на то мѣсто, куда она ежедневно приходила, чтобы заманивать молодыхъ людей, которые должны были удовлетворять страсти госпожи ея, а затѣмъ погибать такъ, какъ они погибали.

И вотъ, однажды, онъ переодѣлся чужестранцемъ, персомъ, опоясался поясомъ, который онъ наполнилъ битымъ стекломъ, чтобы можно было подумать, будто у него тамъ золото, спряталъ подъ длинный персидскій кафтанъ большую саблю и пошелъ ждать старуху, которая не замедлила явиться. Онъ сейчасъ же подошелъ къ ней, представился, что плохо говоритъ на нашемъ, арабскомъ языкѣ и обратился къ старухѣ, подражая ломанному персидскому языку:—Добрая старушка, я чужестранецъ и хотѣлъ бы знать, гдѣ тутъ можно найти монетные вѣсы, чтобы взвѣсить и провѣрить эти девятьсотъ золотыхъ динаріевъ, которые спрятаны у меня за поясомъ и которые я получилъ за продажу товаровъ, привезенныхъ изъ моей страны. А проклятая злосчастная старуха отвѣтила ему:—Разумѣется, мой молодой другъ! Ибо, какъ разъ мой сынъ, такой же красавецъ, какъ ты, по ремеслу

мѣняла, и онъ съ удовольствіемъ одолжить тебѣ свои вѣсы. Пойдемъ, я сведу тебя къ нему! Онъ сказалъ:— Ну, такъ ступай впереди, а я за тобой! И она пошла впередъ, а онъ слѣдовалъ за нею, пока они не дошли до того дома, гдѣ онъ уже былъ. И та же самая молодая рабыня, гречанка, отворила имъ двери съ привѣтливой улыбкою, и старуха сказала ей шепотомъ:— На этотъ разъ я добыла для нашей госпожи мускуловъ покрѣпче и мяса поздоровѣе! И молодая рабыня взяла брата моего за руку и провела его въ залу, убранную шелковыми тканями, и нѣсколько минутъ оставалась съ нимъ, занимая его, потомъ пошла доложить о немъ своей госпожѣ, которая скоро появилась и продѣлала съ моимъ братомъ то же самое, что и въ первый разъ: повторять этого не стоитъ. Затѣмъ она удалилась, и вдругъ вошелъ страшный негръ съ мечомъ въ рукѣ, который закричалъ на моего брата, приказавъ ему подняться и слѣдовать за нимъ, при чемъ онъ называлъ его тѣми же ругательными словами, какъ въ первый разъ. Тогда братъ мой, который шелъ позади негра, выхватилъ изъ подъ платья свою саблю и однимъ взмахомъ отрубилъ негру голову. На шумъ отъ паденія прибѣжала негрятенка, которую постигла такая же участь; затѣмъ—гречанка-рабыня, голова которой тоже мгновенно покатила. Потомъ вышла и старуха, готовая уже наброситься на добычу. Но, увидѣвъ моего брата, залитаго кровью и съ саблею въ рукѣ, она страшно перепугалась и упала на земь; а братъ мой схватилъ ее за волосы и закричалъ:— Узнаешь ты меня, о старая блудница, дочь блудницы, насквозь прогнившая сводница! А старуха отвѣтила:— О господинъ мой! Я не узнаю тебя! Братъ мой сказалъ:— Знай же, старая грѣховодница, что я тотъ самый, къ которому ты приходила совершать свое омовеніе, о старая обезьяна! Тотъ самый, котораго ты пригласила сюда, для услажденія госпожи своей, тотъ самый, котораго ты волокла за ноги, чтобы бросить въ подземелье! И, говоря это, братъ мой однимъ взмахомъ сабли разрубилъ старуху на-двое, а затѣмъ, сдѣлавъ это, пустился разыскивать молодую женщину, которая дважды совершила съ нимъ любодѣянiя.

Скоро онъ нашелъ ее въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, гдѣ она убирала голову и умащалась благовоніями. Увидѣвъ его, она испустила ужасный крикъ и бросилась къ ногамъ его, умоляя о пощадѣ; и братъ мой, помня о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя она доставила ему и раздѣлила съ нимъ, великодушно пощадилъ ее и сказалъ:— Но какъ могло случиться, что ты находишься въ этомъ домѣ, подъ охраною этого ужаснаго негра, котораго я только-что убилъ собственной рукой и который долженъ былъ внушать тебѣ ужасъ? Она отвѣтила:— О господинъ мой! Прежде чѣмъ я попала въ этотъ проклятый домъ, владѣльцемъ моимъ былъ одинъ богатый купецъ въ этомъ городѣ; а эта старуха была другомъ дома и часто приходила къ намъ и выказывала, особенно по отношенію ко мнѣ, большую преданность. Въ одинъ прекрасный день она пришла ко мнѣ и сказала:— Я приглашена на одну свадьбу, на такую свадьбу, какой еще и не бывало, и никто въ мірѣ не видывалъ подобной свадьбы. И я зашла, чтобы взять тебя съ собою! Я отвѣтила ей:— Разумѣется, я слушаюсь и повинуюсь тебѣ! И я поднялась, одѣлась въ свои лучшія платья, взяла съ собою кошелекъ, въ которомъ было сто динаріевъ, и пошла со старухою. Скоро мы пришли въ этотъ домъ, куда старуха ввела меня, и гдѣ я попала, посредствомъ ея хитростей, подъ власть этого страшнаго негра, который лишилъ меня невинности, удерживалъ меня здѣсь силою и дѣлалъ изъ меня орудіе своихъ преступныхъ замысловъ, лишая жизни богатыхъ молодыхъ людей, улавливаемыхъ старухою въ его сѣти. И вотъ уже три года, какъ я представляю собой какую-то вещь, собственность этой отвратительной старухи. Тогда братъ мой сказалъ ей:— Какъ ужасна была судьба твоя! Но скажи мнѣ,

ты должна знать это, велико ли богатство, скопленное здѣсь этими преступниками съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь? Она отвѣтила:— Конечно, оно велико, настолько велико, что я сомнѣваюсь даже, чтобы ты могъ унести все одинъ; для этого и десяти человѣкъ было бы недостаточно. Однако, пойдемъ и посмотри собственными глазами! И она повела моего брата и показала ему огромный сундукъ, наполненный монетами различныхъ странъ, и кошельки всевозможныхъ формъ. И братъ мой былъ такъ ослѣпленъ этимъ зрѣлищемъ, что не могъ тронуться съ мѣста. Тогда она сказала ему:— Нѣтъ никакой возможности унести все это золото одному! Пойди и позови какъ можно больше носильщиковъ, а потомъ вернись и нагрузи ихъ этимъ золотомъ. А я за это время все приготовлю.

Тогда братъ мой поспѣшно побѣжалъ разыскивать носильщиковъ и черезъ нѣсколько времени вернулся, ведя за собою десять человѣкъ, и каждый изъ нихъ притащилъ съ собою огромный пустой сундукъ.

Но, подойдя къ дому, братъ мой увидѣлъ, что входная дверь была отворена настежь, а молодая женщина, вмѣстѣ со всѣми сундуками, скрылась. И онъ понялъ, что она провела его и одна воспользовалась главными богатствами. Однако, онъ утѣшился, глядя на всѣ прекрасныя вещи, которыя еще оставались въ домѣ, и на всѣ цѣнности, хранившіяся въ шкафахъ, ибо и этого было достаточно, чтобы обогатить его на весь остатокъ дней его. И онъ сказалъ себѣ, что завтра же унесетъ все это, и такъ какъ онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ отъ усталости, то онъ растянулся на огромной роскошной кровати и заснулъ.

На слѣдующее утро, проснувшись, онъ едва пришелъ въ себя отъ ужаса, ибо онъ увидѣлъ, что его окружало двадцать стражей вали, которые сказали ему:— Встань сейчасъ же и отправляйся съ нами къ вали, который требуетъ тебя! И они увели его, закрывъ и запечатавъ двери, и привели его къ вали, который сказалъ ему:— Я знаю всю твою исторію и всѣ совершенныя тобою злодѣянія, а также и то, что ты собирався учинить кражу! Тогда братъ мой воскликнулъ:— О вали! Дай мнѣ знакъ моей неприкосновенности, и я расскажу тебѣ всю правду! И тогда вали далъ ему маленькое покрывало, знакъ неприкосновенности, и братъ мой рассказалъ ему всю исторію, съ начала до конца; повторять же эту исторію нѣтъ никакой надобности. Затѣмъ братъ мой прибавилъ:— Теперь, о вали, преисполненный разумѣнія и справедливости! Я согласенъ, если только ты хочешь, раздѣлить съ тобою все, что осталось мнѣ отъ сокровищъ этого дома, и при томъ раздѣлить поровну! Но вали отвѣтилъ ему на это:— Какъ! Ты еще думаешь о раздѣлѣ? Клянусь Аллахомъ, ты ровно ничего не получишь, ибо я долженъ отобрать отъ тебя все и ничего не оставить тебѣ! И ты еще долженъ почитать себя весьма счастливымъ, сохранивъ самую жизнь свою. А затѣмъ, ты долженъ немедленно покинуть этотъ городъ и никогда больше не показываться сюда; въ противномъ случаѣ ты будешь подвергнутъ еще худшему наказанію! И, опасаясь, чтобы исторія отобранія денегъ въ его собственную пользу не дошла до халифа, вали изгналъ моего брата. И братъ мой долженъ былъ бѣжать. Но для завершенія его горькой участи, едва только онъ вышелъ за городскія ворота, какъ на него напали разбойники, которые, не найдя на немъ ни золота, ни какихъ-либо другихъ цѣнностей, удовольствовались тѣмъ, что отняли у него одежду, раздѣли его донага, избili его палками и, наконецъ, чтобы наказать его за то, что онъ не оправдалъ ихъ расчетовъ, отрѣзали ему уши, а также и носъ.

И тогда-то я, о глава правовѣрныхъ, узналъ, наконецъ, о злоключеніяхъ этого бѣднаго Эль-Ашара. Тогда я пустился на розыски его и успокоился только тогда, когда отыскалъ его. И я привезъ его къ себѣ, поза-

ботился о немъ, излѣчилъ его и обезпечилъ ему средства къ жизни на весь остатокъ дней его.

Вотъ какова исторія Эль-Ашара!

Что же касается исторіи шестого и послѣдняго брата моего,—о эмирѣ правовѣрныхъ, то она заслуживаетъ того, чтобы ты выслушалъ ее прежде, чѣмъ я успѣю перевести духъ.

Исторія Шакалика,

шестого брата цирюльника.

— Звали его Шакаликомъ, растреснутымъ горшкомъ, о эмирѣ правовѣрныхъ, и это былъ тотъ изъ моихъ братьевъ, у котораго были отрѣзаны губы, но не только губы, а также и мужской членъ его. И какъ губы, такъ и членъ его были отрѣзаны вслѣдствіе самыхъ удивительныхъ обстоятельствъ.

Изъ всѣхъ насъ, семи братьевъ, Шакаликъ, шестой братъ былъ самымъ бѣднымъ; онъ былъ совершенно бѣднякомъ. Я не упоминаю о ста драмахъ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца нашего, ибо Шакаликъ, никогда въ жизни не выдавшій такой суммы денегъ, поспѣшилъ въ одну ночь проѣсть ихъ въ компаніи съ разными несчастными обрванцами изъ лѣвой части Багдада.

Итакъ, онъ не обладалъ никакимъ изъ сокровищъ этого бrenнаго міра и жилъ только щедротами добрыхъ людей, которые принимали его у себя за его остроуміе и забавныя выходки.

Въ одинъ прекрасный день Шакаликъ вышелъ на поиски за какимъ-нибудь провіантомъ, который поддержалъ бы его изнуренное лишеніями тѣло, и, слоняясь по улицамъ, очутился передъ великолѣпнымъ домомъ съ большимъ крыльцомъ, приподнятымъ надъ землей на нѣсколько ступеней. И на ступенькахъ крыльца и при входѣ находилось множество служителей, прислужниковъ, рабовъ и привратниковъ. И братъ мой Шакаликъ подошелъ къ нѣкоторымъ изъ стоявшихъ здѣсь и спросилъ, кому принадлежитъ это великолѣпное зданіе. Они отвѣтили:—Это собственность одного изъ сыновей царя. Затѣмъ братъ мой подошелъ къ привратникамъ, которые сидѣли на большой скамьѣ, внизу у ступеней, и попросилъ у нихъ милостыни во имя Аллаха! Они отвѣчали ему:—Но откуда ты, если не знаешь, что тебѣ стоитъ только войти и предстать передъ нашими господинами, чтобы онъ осыпалъ тебя своими дарами? Тогда братъ мой вошелъ, миновалъ большую колоннаду и прошелъ черезъ обширный дворъ и садъ, наполненный прекрасными деревьями и пѣвчими птицами. Дворъ этотъ былъ выстланъ плитами прекраснѣйшаго бѣлаго и чернаго мрамора, а садъ содержался въ несравненномъ порядкѣ, такъ что ни одинъ смертный никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Кругомъ его шла рѣзная галерея, вымощенная мраморомъ; большіе занавѣсы поддерживали здѣсь свѣжесть даже въ жаркіе часы дня. И братъ мой шелъ все дальше и вошелъ въ главную залу, которая была покрыта фарфоровыми четвероугольниками голубого, зеленого и золотого цвѣта, и деревьями. Цвѣтами и переплетающимися растеніями; посреди зала находился прекрасный бассейнъ изъ алебаstra, гдѣ струилась съ нѣжнымъ шумомъ свѣжая вода. Превосходная разноцвѣтная цыновка покрывала небольшое возвышеніе, и, покойно облокотившись о шелковыя, шитыя золотомъ подушки, на этой цыновкѣ сидѣлъ старецъ прекрасной наружности съ длинной бѣлой бородою и лицомъ, озареннымъ блаженной улыбкою. И братъ мой подошелъ и сказалъ старику съ прекрасной бородою:—Миръ надъ тобою! А старикъ

сейчасъ же поднялся и отвѣтилъ:—И надъ тобою да пребудетъ миръ и милосердіе Аллаха и благословіе его! Но чего ты хочешь, о ты, кто бы ты ни былъ! Братъ мой отвѣтилъ:—О господинъ мой! Хочу только попросить милостыни у тебя, ибо я изнуренъ голодомъ и лишеніями!

При этихъ словахъ старикъ выказалъ большое состраданіе и, узнавъ о несчастномъ состояніи, въ какомъ находился мой братъ, былъ охваченъ такимъ сердечнымъ сокрушеніемъ, что готовъ уже былъ разодрать одежды свои и воскликнулъ:—Именемъ Аллаха! Можетъ ли это быть, чтобы я находился въ этомъ городѣ и чтобы человѣческое существо дошло здѣсь до такой степени голода, въ какой я вижу тебя! Право же, такой вещи я не могу сносить терпѣливо! А братъ мой воскликнулъ, воздвѣвъ къ небу руки свои:—Да ниспошлетъ на тебя Аллахъ благословія свои! И да будутъ благословенны родившіе тебя! Старикъ сказалъ:—Ты долженъ непременно остаться здѣсь, чтобы раздѣлить трапезу мою и вкусить соли за скатертью моею! А братъ мой воскликнулъ:—О господинъ мой! Какъ я благодаренъ тебѣ! Ибо я не могу болѣе оставаться безъ пищи, или же я умру съ голода! Тогда старикъ хлопнулъ въ ладоши и сказалъ молодому рабу, немедленно явившемуся на этотъ зовъ его:—Принеси скорѣе серебряный рукомошникъ и тазъ, чтобы мы могли умыть руки! И онъ сказалъ брату моему Шакалику:—О гость мой! Подойди и умой руки свои!

Съ этими словами старикъ всталъ и подошелъ самъ и, хотя молодой прислужникъ больше не появлялся, сдѣлалъ такой жестъ, какъ если бы онъ лить воду на руки изъ невидимаго рукомошника, затѣмъ началъ тереть руки, какъ если бы вода въ самомъ дѣлѣ лилась. При видѣ этого братъ мой Шакаликъ не зналъ, что и подумать. Но такъ какъ старикъ настоятельно просилъ его приблизиться въ свою очередь, онъ вообразилъ, что это была какая-то шутка съ его стороны, и такъ какъ самъ онъ славился своими забавными выходками и разными шутками, то онъ подошелъ и сталъ дѣлать видъ, что умываетъ себѣ руки, точно такъ же, какъ и старикъ. Тогда старикъ сказалъ:—Эй, вы! поспѣшите разостлать скатерть и принести намъ ѣду, ибо этотъ бѣдный человѣкъ мучится голодомъ! И сейчасъ же прибѣжали многочисленные слуги, которые засуетились, какъ бы разстлала скатерть и уставляя ее многочисленными блюдами и наполненными до краевъ сосудами. А Шакаликъ, несмотря на весь свой голодъ, подумалъ про себя, что бѣдные должны подчиняться капризамъ богатыхъ, и постарался не показать ни малѣйшаго знака нетерпѣнія. Тогда старикъ сказалъ ему:—О гость мой! садись здѣсь рядомъ со мною и поспѣши оказать честь трапезѣ моей. И братъ мой подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ за эту воображаемую скатерть; и старикъ сейчасъ же сталъ дѣлать видъ, что накладываетъ себѣ кушанья, беретъ ихъ въ ротъ и дѣйствуетъ челюстями и губами, совершенно такъ, какъ если бы онъ жевалъ въ самомъ дѣлѣ; и при этомъ онъ говорилъ моему брату:—О гость мой! мой домъ есть твой домъ, моя скатерть—твоя скатерть, не стѣсняйся же и кушай въ волю, не стыдись! Посмотри-ка вотъ на этотъ хлѣбъ! Какой онъ бѣлый и рыхлый! Что ты скажешь объ этомъ хлѣбѣ? Шакаликъ сказалъ:—Хлѣбъ этотъ очень бѣлъ и, въ самомъ дѣлѣ, превосходенъ, въ жизни моей я не ѣдалъ подобнаго! Старикъ сказалъ:—Еще бы! Негритянка, которая пекла его, очень искусна, и я купилъ ее за пятьсотъ золотыхъ динаріевъ. Но возьми же, о гость мой, и откушай съ этого блюда, гдѣ золотится превосходная на вкусъ кебеба, жаренная на маслѣ. Повѣрь, что кухарка не пожалѣла для нея ни краснаго битого мяса, ни очищеннаго и толченаго ячменя, ни кардамона, ни перца! Кушай же, бѣдный голодный гость мой, и скажи мнѣ, какъ нравится тебѣ вкусъ, запахъ и ароматъ этого блюда? Братъ мой отвѣтилъ:—Эта кебеба превосходна на вкусъ, а ароматъ ея проникаетъ до глубины груди моей! Если же ты хочешь знать,

насколько удачнымъ я нахожу способъ ея приготовленія, то я долженъ сказать тебѣ, что и въ царскихъ дворцахъ мнѣ не приходилось отвѣдывать ничего подобнаго! И съ этими словами Шакаликъ принялся работать челюстями и щеками, жевать, глотать совершенно такъ, какъ если бы онъ дѣлалъ это въ правду. Старикъ сказалъ:—Какое удовольствіе ты мнѣ доставляешь, о гость мой! Но я полагаю, что не заслуживаю похвалъ твоихъ, ибо что скажешь ты въ такомъ случаѣ о блюдахъ, которыя ты видишь вонъ тамъ налѣво отъ тебя, объ этихъ превосходныхъ жареныхъ циплятахъ, начиненныхъ фи-сташками, миндалемъ, рисомъ, изюмомъ, перцемъ, корицею и рубленой бараниной. И что ты скажешь объ ихъ ароматности? Братъ мой воскликнулъ:—Аллахъ! Аллахъ! До чего превосходенъ ароматъ ихъ и пріятенъ ихъ вкусъ, и неподобна ихъ начинка! Старикъ сказалъ:—Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты любезенъ и снисходителенъ къ моей кухнѣ! Но я хотѣлъ бы дать тебѣ отвѣдать собственными моими пальцами еще вотъ этого несравненнаго блюда! И старикъ сдѣлалъ такой жестъ, какъ если бы онъ захватилъ пальцемъ кусочекъ одного изъ кушаній, стоявшихъ на скатерти, и, поднеся къ губамъ моего брата, сказалъ ему:—Возьми, отвѣдай этого, о гость мой, и скажи мнѣ свое мнѣніе объ этомъ блюдѣ, объ этихъ фаршированныхъ бадиджанахъ, плавающихъ въ аппетитномъ соку! И братъ мой вытянулъ шею, открылъ ротъ и проглотилъ мнимый глотокъ; потомъ онъ сказалъ, закрывая глаза отъ удовольствія:—О Аллахъ! До чего это вкусно и пріятно! Я долженъ съ необычайнымъ удовольствіемъ засвидѣтельствовать тебѣ, что нигдѣ кромѣ твоего дома я не пробовалъ такихъ превосходныхъ фаршированныхъ бадиджановъ! Они приготовлены по всѣмъ правиламъ искусства, и всего здѣсь положено какъ разъ въ мѣру: рубленого мяса барашка, овечьего горошку, сосисокъ съ мясцемъ, зеренъ кардамона, мускатнаго орѣха, гвоздики, инбирю, перцу и душистыхъ травъ. И до того хорошо это приготовлено, что я различаю вкусъ каждой изъ этихъ приностей! Старикъ сказалъ:—Въ такомъ случаѣ, о гость мой, я въ правѣ рассчитывать, что твой голодъ и твоя вѣжливость побудятъ тебя скушать всѣ сорокъ четыре фаршированныхъ бадиджана, находящихся на этомъ блюдѣ! Братъ мой сказалъ:—Мнѣ легко сдѣлать это, ибо они восхитительнѣе, чѣмъ грудь моей кормилицы, и нѣжнѣе щекоцуть нѣбо моз, чѣмъ пальчики молодыхъ дѣвушекъ! И братъ мой сдѣлалъ видъ, что беретъ одинъ бадиджанъ за другимъ и глотаетъ ихъ, покачивая въ знакъ удовольствія головой и пощелкивая по небу языкомъ. И при этомъ онъ рисовалъ эти блюда въ своемъ воображеніи, и голодъ его становился все невыносимѣе, и онъ говорилъ себѣ, что охотно ограничился бы для удовлетворенія своего голода простымъ черствымъ хлѣбомъ изъ молотыхъ бобовъ или кукурузы.

Тогда старикъ сказалъ ему:—О гость мой! Рѣчь твоя обличаетъ въ тебѣ человѣка съ прекраснымъ воспитаніемъ и привыкшаго бѣсть въ обществѣ царей и великихъ міра сего! Кушай же, другъ мой, и да будетъ это во здравіе тебѣ! А братъ мой сказалъ:—Но, право, я уже достаточно насытился этими блюдами! Тогда старикъ хлопнулъ въ ладоши и воскликнулъ:—Эй, вы! Уберите эту скатерть и разстелите намъ другую, десертную! И принесите намъ всякихъ пирожныхъ, вареній и самыхъ изысканныхъ плодовъ! И сейчасъ же прибѣжали молодые рабы и засуетились и стали двигать руками и поднимать ихъ надъ головою, какъ бы мѣняя скатерть и разстилая другую; затѣмъ по знаку старика они удалились. И старикъ сказалъ брату моему Шакалику:—Теперь, о гость мой, пора намъ усладиться лакомствами. Начнемъ съ пирожныхъ. Не правда ли, оно необычайно нѣжно на вкусъ, это легкое золотистое печенье, начиненное миндалемъ, сахаромъ и гранатами и лежащее на этой тарелкѣ? Клянусь жизнью! Скушай для пробы одну или двѣ штучки! Ну, что? Не правда ли, сиропъ тягучъ какъ разъ въ

мѣру, а измельченная корица такъ аппетитно насыпана сверху! Можно было бы съѣсть штукъ пятьдесятъ, не замѣтивъ этого! Но нужно еще оставить немножко мѣста для этой превосходной кенафы, лежащей на чеканномъ мѣдномъ подносѣ. Посмотри, какъ искусна моя пирожница и какъ красиво она сдѣлала изъ тѣста эти завитки! А! Прошу тебя, поспѣши усладить этой кенафой вкусъ свой прежде, чѣмъ не высохъ и не выдохся прохладительный сокъ, которымъ она насыщена. Вѣдь онъ такъ нѣженъ! О, посмотри! А эта магалаби, сдѣланная на розовой водѣ и посыпанная мелкоистолченными фисташками! А эти фарфоровыя чашечки со сбитыми сливками, приправленными разными пряностями и водою изъ апельсиновыхъ цвѣтовъ! Кушай, гость мой, и не стѣсняйся брать побольше, вотъ такъ! И старикъ подавалъ примѣръ моему брату и съ жадностью подносилъ руку ко рту и глоталъ, совершенно какъ въ правду. И мой братъ превосходно подражалъ ему, чувствуя, что отъ голода и вожделѣнія по губамъ его текутъ слюни.

Старикъ продолжалъ:—Теперь перейдемъ къ варенью и фруктамъ! Что касается варенья, о гость мой, то, какъ ты самъ можешь видѣть, тебѣ остается только выбрать тотъ или другой сортъ. Тутъ и сухое варенье, и варенье въ соку. Я бы совѣтовалъ тебѣ отвѣдать сухого, которое предпочитаю я самъ, хотя и другіе сорта столь же нравятся мнѣ. Посмотри на это прозрачное и золотистое сухое варенье изъ абрикосовъ, разложенное широкими тонкими ломтиками, которые такъ и таютъ во рту! А это сухое варенье изъ лимоновъ въ сахарѣ, надушенное амброю! А вотъ это, — эти розовые шарики изъ лепестковъ розъ и цвѣтовъ апельсиннаго дерева! О! Особенно это, видишь! Я готовъ объѣсться имъ на смерть! Но погоди! Погоди! Ибо я совѣтую тебѣ отвѣдать немного вотъ этого жидкаго варенья изъ финиковъ, начиненныхъ миндалемъ и гвоздикой. Мнѣ прислали его изъ Каира, ибо въ Багдадѣ его не умѣютъ такъ готовить. Поэтому-то я и поручилъ одному изъ друзей моихъ, проживающихъ въ Египтѣ, прислать мнѣ сто банокъ этого восхитительнаго варенья! Но не торопись, хотя твоя поспѣшность и твой аппетитъ чрезвычайно лестны мнѣ! Я особенно хотѣлъ бы слышать твой отзывъ объ этомъ сухомъ вареньѣ изъ моркови съ сахаромъ и орѣхами, оно надушено мускусомъ! Братъ мой Шакаликъ сказалъ:—О, это варенье превосходитъ все, что когда-либо грезилось мнѣ, и мое наслажденіе его прелестью не имѣетъ предѣловъ! Но на мой вкусъ, мускусъ этотъ нѣсколько крѣпокъ! Старикъ отвѣтилъ:—О, нѣтъ! О, нѣтъ! Я не нахожу этого, напротивъ! Ибо я привыкъ къ этому запаху такъ же, какъ и къ запаху амбры, и мои поварики и пирожницы кладутъ ихъ во всѣ мои пирожныя, варенья и сладости цѣлыми массаами. Мускусъ и амбра—это два подспорья для души моей!

(Старикъ продолжалъ:—Но не забудь этихъ фруктовъ! Ибо надѣюсь, что у тебя еще есть мѣсто для нихъ. Вотъ лимонъ, бананъ, винныя ягоды, свѣжіе финики, яблоки, айва, виноградъ и разные другіе! А вотъ свѣжій миндаль, каленные и свѣжіе орѣхи разныхъ сортовъ! Кушай, гость мой,—великъ и милостивъ Аллахъ надъ нами!

Но братъ мой такъ усталъ жевать несуществующія вещи, что не могъ двинуть челюстями, а желудокъ его, при перечисленіи всѣхъ этихъ вкусныхъ вещей болѣе чѣмъ когда-либо терзался голодомъ. Тѣмъ не менѣе онъ сказалъ:—О господинъ! Я долженъ сознаться тебѣ, что я совершенно насытился и что ни одинъ глотокъ не могъ бы больше пройти черезъ мою глотку! Старикъ отвѣтилъ:—Удивительно, что ты такъ скоро насытился! Но теперь мы будемъ пить! Вѣдь мы еще не пили!

При этомъ старикъ хлопнулъ въ ладоши, и сейчасъ же прибѣжали молодые слуги съ тщательно засученными рукавами и приподнятыми

платьями, и стали дѣлать видъ, будто все убираютъ, а затѣмъ разставляютъ на скатерти сосуды для питья: два кубка, графинъ, кувшинъ и тяжелые, драгоцѣнные жбаны. И старикъ сдѣлалъ видъ, что наливаетъ вино въ кубки и, взявъ несуществующій кубокъ, поднесъ его моему брату, который съ благодарностью взялъ его, поднесъ ко рту, осушилъ и сказалъ: — Аллахъ! о Аллахъ! Что за превосходное вино! И онъ сдѣлалъ видъ, что поглаживаетъ себя по груди отъ наслажденія! А старикъ взялъ въ руки несуществующій большой жбанъ съ старымъ виномъ и осторожно налилъ его въ кубокъ, который былъ вторично осушенъ моимъ братомъ. И все это они продѣлывали до тѣхъ поръ, пока мой братъ не представился совершенно опьяненнымъ парами всѣхъ этихъ напитковъ, и онъ сталъ покачивать головою и произносить черезчуръ смѣлыя слова. А про себя онъ подумалъ: — Теперь какъ разъ время раздѣлаться съ этимъ старикомъ за всѣ тѣ муки, которые онъ причинилъ мнѣ.

Тутъ мой братъ быстро поднялся, какъ если бъ былъ совершенно пьянъ, поднялъ руку такъ высоко, что вся она обнажилась и, опустивъ ее со всего размаху, нанесъ по затылку старика такой ударъ ладонью, что отъ него загудѣло по всей залѣ, а затѣмъ, вторично поднявъ руку, онъ нанесъ ему второй, еще болѣе сильный ударъ. Тогда старикъ пришелъ въ страшное негодованіе и воскликнулъ: — Что ты дѣлаешь, о гнуснѣйшій изъ людей всей земли! Братъ мой Шакаликъ отвѣчалъ: — О господинъ мой, и вѣнецъ главы моей! Я покорный рабъ твой, котораго ты осыпалъ дарами своими, котораго ты принялъ въ покояхъ жилища своего, котораго ты накормилъ за скатерью своею самыми тонкими блюдами, блюдами, какихъ никогда не ѣдали даже цари, вкусъ котораго ты усладилъ сладчайшими вареньями и пирожными и жгучую жажду котораго ты утолилъ самыми старыми и драгоцѣнными винами! Но что дѣлать? Онъ такъ много пилъ этихъ винъ, что опьянѣлъ отъ нихъ, потерялъ всякое разуміе и поднялъ руку на своего благодѣтеля! Смилуйся же! Прости его, этого раба, ибо душа твоя выше его души, прости ему его безуміе!

При этихъ словахъ моего брата, старикъ, вмѣсто того, чтобы выказывать гнѣвъ, расхохотался громкимъ и долгимъ смѣхомъ и, наконецъ, сказалъ Шакалику: — Вотъ уже сколько времени я ищу по всему міру, среди людей, наиболѣе извѣстныхъ своими забавными выходками, человека твоего ума, твоего характера и твоего терпѣнія. И никто не смогъ такъ удачно выпутаться изъ моихъ шутокъ и смѣшныхъ затѣй! И до сихъ поръ ты — единственный, сумѣвшій приноровиться къ моему настроенію и вкусу и выдержавшій мою шутку до самаго конца и возымѣвшій умную мысль поддержать мою игру! А потому я не только прощаю тебѣ твое заключеніе, но хочу, чтобы ты сейчасъ же понастоящему раздѣлилъ со мною трапезу у скатерти, понастоящему уставленной всѣми кушаньями и всѣми лакомствами и всѣми фруктами, о которыхъ я говорилъ. И никогда я не разстанусь съ тобою отнынѣ!

И, сказавъ это, старикъ понастоящему приказалъ своимъ молодымъ рабамъ подать имъ обѣдъ и не жалѣть ничего. И все это было сейчасъ же исполнено.

Послѣ того, какъ они поѣли разныхъ кушаній и усладились пирожными, вареньями и фруктами, старикъ пригласилъ моего брата перейти съ нимъ въ другую залу, предназначенную исключительно для напитковъ. И при входѣ они были встрѣчены звуками гармоническихъ инструментовъ и пѣніемъ бѣлыхъ рабынь, которыя всѣ были краше луны. И въ то время, какъ братъ мой и старикъ распивали пріятнѣйшимъ образомъ разное тонкое вино, молодыя пѣвицы эти не прерывали своего пѣнія и пѣли на всѣ лады самыя плѣнительныя пѣсни съ различными переходами и переливами,

пѣли чудеснѣйшими голосами и съ глубокимъ чувствомъ. Затѣмъ самыя воздушныя изъ нихъ повесились въ пляскѣ, подобно быстрокрылымъ птицамъ, и долго плясали, свѣжія и благоухающія ароматами. И въ этотъ день праздникъ закончился поцѣлуями и восторгами, болѣе упительными, чѣмъ все, что снится во снѣ.

Съ тѣхъ поръ старикъ привязался къ брату моему самымъ крѣпкимъ образомъ и сдѣлать его своимъ ближайшимъ и неразлучнымъ другомъ, и любилъ его горячей любовью и ежедневно подносилъ ему какой-нибудь подарокъ, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе роскошный. И они непрерывно ѣли, пили и наслаждались, и такъ длилось цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Но судьба была предначертана и должна была исполниться. И въ самомъ дѣлѣ, по прошествіи этихъ двадцати лѣтъ, старикъ умеръ, и вали приказалъ сейчасъ же положить запретъ на его имущество и отобрать его въ свою пользу, ибо наслѣдниковъ у старика не было, а братъ мой не былъ его сыномъ. Тогда братъ мой, спасаясь отъ преслѣдованій и недобрыхъ замысловъ вали, принужденъ былъ покинуть Багдадъ, нашъ городъ.

Итакъ братъ мой Шакаликъ вышелъ изъ Багдада и отправился путешествовать и рѣшилъ перебраться черезъ пустыню и побывать въ Меккѣ, чтобы очиститься отъ грѣховъ. Но случилось, что на кучку паломниковъ, къ которымъ онъ присоединился, напали арабы-кочевники, разбойники, грабившіе на большихъ дорогахъ, дурные мусульмане, не исполняющіе предписаній нашего пророка,—да пребудутъ съ нимъ молитва и миръ Аллаха! Всѣ они были ограблены и захвачены въ рабство, и братъ мой попался къ самому жестокому изъ этихъ разбойниковъ-бедуиновъ. И бедуинъ этотъ увезъ моего брата въ свой отдаленный поселокъ и сдѣлать его своимъ рабомъ. И каждый день онъ билъ его и подвергалъ разнымъ мукамъ и говорилъ ему:—Ты долженъ имѣть большія богатства въ своей странѣ, выкупи же себя, заплати за себя мнѣ выкупъ! А не то я подвергну тебя еще худшимъ мученіямъ и, наконецъ, убью тебя собственной рукою! И братъ мой жаловался на свою судьбу и говорилъ, обливаясь слезами:—Клянусь Аллахомъ, ничего у меня нѣтъ, о шейхъ арабскій! И я не знаю даже пути, который ведетъ къ богатству, и у меня отняли все, и теперь я рабъ твой и твоя собственность и всецѣло завишу отъ одного тебя! Дѣлай же со мною, что знаешь!

А нужно еще сказать, что бедуинъ держалъ у себя въ палаткѣ жену свою, чудеснѣйшую изъ женщинъ съ черными бровями и черными, какъ ночь, глазами; и жарки и жгучи были ея объятія. И каждый разъ, когда мужъ ея, бедуинъ, удалялся изъ своей палатки, она подходила къ моему брату и предлагала ему все свое тѣло, это дивное произведеніе арабской пустыни. Что же касается брата моего Шакалика, который, въ противоположность всѣмъ намъ, не отличался особенною силою и ловкостью въ этихъ дѣлахъ, то онъ отказывался отъ бедуинки изъ стыда предъ Аллахомъ Всевышнимъ! Однако, въ одинъ прекрасный день пламенной бедуинкѣ удалось поколебать воздержанность брата моего Шакалика, для чего она долго ходила вокругъ него съ возбуждающими движеніями бедръ, груди и прелестнаго живота. И братъ мой взялъ ее и забавлялся съ нею разными, подобающими случаю, забавами и, наконецъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни. И въ то время какъ они оба сидѣли такимъ образомъ, обмѣниваясь поцѣлуями, въ палатку внезапно ворвался ужасный бедуинъ и увидѣлъ все происходившее собственными глазами. Тогда бедуинъ совершенно разсвирѣпѣлъ, выхватилъ изъ за пояса широкій ножъ, какимъ сразу можно было перерѣзать голову верблюду отъ одной воротной жилы до другой. И, схвативъ моего брата, онъ для начала отрѣзалъ ему его блуднѣйшныя губы и впихнулъ ихъ въ ротъ ему. И онъ закричалъ:—Горе тебѣ, о подлый предатель! Теперь ты добился того, что развратилъ мою жену! И, говоря это, жестокій бедуинъ

схватился прямо за мужской членъ брата моего Шакалика, еще не остывшаго отъ всего, что передъ тѣмъ происходило, и сразу отрѣзалъ ему членъ и все прочее. Затѣмъ онъ поволокъ Шакалика за ноги, поднялъ его на спину верблюда и свезъ на вершину горы, гдѣ онъ и бросилъ его, а самъ отправился своею дорогою.

Но гора эта находилась какъ разъ на пути паломниковъ, а потому нѣкоторые изъ нихъ, родомъ изъ Багдада, найдя его, узнали въ немъ Шакалика, что значить растреснутый горшокъ,—того самаго Шакалика, который такъ смѣшилъ ихъ своими забавными выходками. И, накормивъ и напоивъ его, они поспѣшили сообщить мнѣ обо всемъ случившемся.

Тогда я, о глава правовѣрныхъ, пустился на его розыски и понесъ его на собственныхъ плечахъ, и привезъ обратно въ Багдадъ. Затѣмъ я излѣчилъ его раны и обезпечилъ ему средства къ жизни до конца его дней.

И вотъ теперь я стою передъ тобою, о глава правовѣрныхъ, поспѣшно и въ краткихъ словахъ рассказавъ тебѣ исторію моихъ шести братьевъ, хотя, конечно, я могъ бы рассказать ее и гораздо пространнѣе. Но я предпочелъ воздержаться отъ этого, чтобы не злоупотреблять твоимъ терпѣніемъ и чтобы показать тебѣ, сколь мало я склоненъ къ болтливости, а также дать тебѣ почувствовать, что я являюсь не только братомъ, но и отцомъ для моихъ братьевъ, достоинства которыхъ, впрочемъ, совершенно блѣднѣютъ по сравненію съ моими, такъ какъ это я, котораго называютъ Эль-Саметъ.

Выслушавъ эту исторію, — продолжалъ цирюльникъ передъ пирующими, — исторію, которую я рассказалъ калифу Монтассеру Биллаху, калифъ началъ страшно смѣяться и сказалъ мнѣ: — Въ самомъ дѣлѣ, о Саметъ! ты говоришь очень мало и чрезвычайно далеку отъ нескромности, любопытства и другихъ дурныхъ качествъ. Однако, и я имѣю свои основанія на это, — я требую, чтобы ты немедленно покинулъ Багдадъ и отправился въ какія-нибудь другія мѣста. И поспѣши сдѣлать это! И такимъ образомъ калифъ изгналъ меня, совершенно несправедливо и даже не сказавъ мнѣ ни слова о причинѣ такого наказанія.

Тогда я, о господинъ мой, пустился путешествовать по разнымъ странамъ и въ различныхъ климатахъ, пока не узналъ о смерти Монтассера-Биллаха и о воцареніи преемника его, калифа эль-Мостасема. Тогда я вернулся въ Багдадъ; но здѣсь я узналъ, что всѣ мои братья уже умерли. И какъ разъ въ это время молодой человѣкъ, который только-что безстыдно покинулъ меня, позвалъ меня, чтобы обрить ему голову. И въ противоположность тому, что онъ тутъ говорилъ, увѣряю васъ, о господа мои, что ничего я не доставилъ ему, кромѣ блага, и вѣроятно даже, что, не подоспѣвъ моя помощь, онъ былъ бы просто убитъ по приказанію кади, отца молодой дѣвушки. Итакъ, все, что онъ рассказывалъ на мой счетъ, есть чистѣйшая клевета, а то, что онъ наговорилъ относительно моего любопытства, нескромности, болтливости, моего грубаго характера и отсутствія у меня всякаго здраваго смысла и вкуса, — все это сплошная ложь, выдумки, вздоръ, — вотъ, что это такое, о вы, всѣ здѣсь присутствующие!

— Такова эта исторія, о царь благословенный! — продолжала Шахрезада, — исторія въ семи частяхъ, которую портной изъ Китая рассказывалъ царю. Потомъ она прибавила:

Когда цирюльникъ Эль-Саметъ окончилъ эту исторію, всѣ мы, пирующие, имѣли много основаній, чтобы заключить, что этотъ удивительный цирюльникъ былъ въ дѣйствительности самымъ ужаснымъ изъ болтуновъ и самымъ нескромнымъ изъ всѣхъ цирюльниковъ, какіе когда-либо существовали на земной поверхности. И всѣ мы пришли къ убѣжденію, не нуждаясь для этого въ другихъ доказательствахъ кромѣ слышаннаго, что этотъ

молодой хромой изъ Багдада былъ жертвой нестерпимой навязчивости этого цирюльника. И хотя всѣ его исторіи очень насъ позабавили, мы сочли, что нужно все-таки наказать его. И мы схватили его, и не смотря на его крики, заперли его одного въ темной комнатѣ, гдѣ водилось много крысъ. Сами же мы, приглашенные, продолжали пировать, ѣсть, пить и веселиться вплоть до часа утренней молитвы. И тогда только всѣ мы разошлись, и я вернулся къ себѣ, чтобы дать поѣсть моей женѣ.

Но когда я пришелъ домой, я засталъ жену мою въ самомъ дурномъ настроеніи духа, и она все время поворачивалась ко мнѣ спиной. И она сказала мнѣ:—Вотъ ты каковъ! Покидаешь меня на цѣлый день и предаешься веселью и разгулу, а меня оставляешь дома одну въ тоскѣ и печали! И предупреждаю тебя, если ты не согласишься сейчасъ же взять меня и гулять со мною въ теченіе всего дня, я обращусь къ кади, и попрошу у него немедленно развода, и онъ разлучитъ насъ съ тобою!

Тогда я, не вынося дурного настроенія и домашнихъ ссоръ и желая водворить миръ, не смотря на усталость, пошелъ гулять со своей женою. И мы прохаживались съ ней по улицамъ и садамъ до самаго заката солнца.

И вотъ тутъ-то, возвращаясь домой, мы встрѣтили случайно маленькаго горбуна, принадлежащаго тебѣ, о царь всевластный и великодушный. И горбунъ этотъ, совершенно пьяный и веселый, острилъ и шутилъ съ окружающими и, между прочимъ, привелъ слѣдующія двѣ строфы:

Что выбрать мнѣ, прозрачную ли чашу,
Иль искрометное, пурпурное вино?
Вѣдь чаша пурпуромъ, какъ и вино, сияетъ,
Вино жъ въ прозрачности не уступаетъ чашѣ.

Затѣмъ маленькій горбунъ умолкъ, потому ли, что готовилъ какую-нибудь новую забавную шутку для присутствующихъ, или же потому, что собирался плясать подъ удары своего маленькаго барабана. И какъ я, такъ и жена моя подумали, что этотъ горбунъ будетъ намъ пріятнымъ контрапунктомъ, и мы пригласили его пойти съ нами и раздѣлить нашъ ужинъ. И мы долго просидѣли всѣ вмѣстѣ, въ томъ числѣ и жена моя, ибо она не считала горбуна за настоящаго мужчину; иначе она не осталась бы ужинать въ присутствіи посторонняго человѣка.

И тутъ-то моей женѣ взбрела мысль пошутить надъ горбуномъ и засунуть ему въ ротъ большой кусокъ рыбы, которымъ онъ и подавился.

И тогда-то, о царь всевластный, мы взяли мертваго горбуна и притащили его въ домъ врача-еврея, который находится здѣсь съ нами. А врачъ-еврей въ свою очередь подбросилъ его въ домъ поставщика, который, въ свою очередь, свалилъ все дѣло на маклера-христіанина.

Такова, о царь великодушный! самая необычайная изъ всѣхъ исторій, какія были рассказаны тебѣ сегодня! Я разумѣю, конечно, исторію цирюльника и его братьевъ, гораздо болѣе замѣчательную и интересную, чѣмъ исторію горбуна!

Когда портной окончилъ свой рассказъ, царь Китая сказалъ ему:—Въ самомъ дѣлѣ, о портной, я долженъ признать, что твоя исторія чрезвычайно интересна и, быть можетъ, даже еще болѣе поучительна, чѣмъ включенія моего бѣднаго горбуна. Но гдѣ онъ находится, этотъ удивительный цирюльникъ? Я долженъ видѣть и выслушать его, прежде чѣмъ приму какое-нибудь рѣшеніе относительно всѣхъ четверыхъ. Затѣмъ мы подумаемъ о погребеніи нашего горбуна, ибо онъ лежитъ мертвый уже со вчерашняго дня. И мы воздвигнемъ ему прекрасный памятникъ, ибо онъ хорошо забавлялъ

меня при жизни и даже послѣ смерти послужилъ мнѣ поводомъ для развлеченія. предоставивъ мнѣ случай выслушать эту исторію молодого хромого съ цирюльникомъ, и исторію шести братьевъ цирюльника и еще три другихъ исторій!

Съ этими словами царь велѣлъ своимъ придворнымъ взять портного и отправиться съ нимъ на ровыски цирюльника. И по прошествіи какого-нибудь часа, портной и придворные, освободивъ цирюльника изъ темной комнаты, привели его во дворецъ и поставили предъ лицо царя.

И, посмотрѣвъ на цирюльника, царь увидѣлъ, что это былъ старый шейхъ не менѣе, чѣмъ девяноста лѣтъ отъ роду, съ очень смуглымъ лицомъ, съ бѣлой бородою и такими же бѣлыми бровями, со отвислыми и проколотыми ушами, съ необыкновенно длиннымъ носомъ и съ спѣсивой и горделивой осанкою. Тогда царь громко расхохотался и сказалъ ему:—О Молчаливый! До меня дошло, что ты умѣешь разсказывать замѣчательно интересныя и чудесныя исторіи. И вотъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты и мнѣ разсказалъ одну изъ этихъ исторій, которыя такъ хорошо извѣстны тебѣ. Цирюльникъ отвѣтилъ:—О царь нашего времени! Тебя не обманули, разсказавъ тебѣ о моихъ достоинствахъ. Но прежде всего я самъ хотѣлъ бы узнать, для чего тутъ собраны вмѣстѣ этотъ маклеръ-христіанинъ, этотъ еврей, этотъ мусульманинъ и этотъ лежащій на землѣ мертвый горбунъ. Чтѣ это за странное собраніе? И царь Китая разсмѣялся и сказалъ.—Но чего ради ты спрашиваешь меня объ этихъ неизвѣстныхъ тебѣ людяхъ? Цирюльникъ сказалъ:—Я спрашиваю единственно для того, чтобы доказать моему царю, что я вовсе не болтунъ и даже не отличаюсь нескромностью, что я никогда не занимаюсь тѣмъ, чтѣ меня не касается, и что я не давалъ никакого повода для той клеветы, которую повторяютъ на мой счетъ, а именно, будто я ужасный болтунъ и тому подобное. И знай также, что я достоинъ носить данное мнѣ имя Молчаливаго. Вѣдь и поэтъ сказалъ:

Если тебѣ на глаза человѣкъ попадется, который
Прозвище носить, то знай, что, помысливъ немного,
Скоро себѣ ты прозвища смыслъ уяснишь.

Тогда царь сказалъ:—Этотъ цирюльникъ ужасно нравится мнѣ. Поэтому я хочу разсказать ему исторію горбуна, потомъ передать ему исторію, разсказанную мнѣ христіаниномъ, потомъ исторію еврея, исторію поставщика и исторію портного! И царь разсказалъ цирюльнику всѣ эти исторіи, не пропуская ни единой подробности. Повторять же здѣсь эти исторіи было бы бесполезно.

Когда цирюльникъ выслушалъ эти исторіи и узналъ причину смерти горбуна, онъ съ важностью покачалъ головою и сказалъ:—Клянусь Аллахомъ! Какая странная вещь и какъ она удивляетъ меня. Эй, вы! приподнимите-ка покрывало съ тѣла этого мертваго горбуна, мнѣ нужно взглянуть на него! И когда тѣло горбуна открыли, цирюльникъ подошелъ къ нему, сѣлъ на полъ, положилъ себѣ на колѣни голову горбуна и сталъ внимательно всматриваться въ его лицо. И вдругъ онъ залился смѣхомъ, да такъ, что повалился навзничъ отъ этого смѣха. Затѣмъ онъ сказалъ:—Правда! Всякая смерть имѣетъ какую-нибудь причину! Но причина смерти этого горбуна удивительнѣйшая вещь изъ всего удивительнаго! И она заслуживаетъ того, чтобы быть записанной золотыми письменами на скрижаляхъ этого царствованія въ поученіе будущимъ людямъ!

И царь былъ до крайности пораженъ, услышавъ эти слова цирюльника, и сказалъ:—О цирюльникъ! О Молчаливый! Изъясни намъ смыслъ твоихъ словъ! Цирюльникъ отвѣтилъ:—О царь! Клянусь тебѣ милосердіемъ твоимъ и благодѣянiami твоими, ты долженъ знать, что горбунъ этотъ живъ! И ты сейчасъ самъ убѣдишься въ этомъ! И цирюльникъ немедленно до-

сталъ изъ-за пояса стклянку съ мазью и помазалъ этой мазью шею горбуна, а затѣмъ прикрылъ все это шерстяной тряпочкой и выждалъ появленія испарины. Тогда онъ вытащилъ изъ-за пояса длинные желѣзные щипцы, ввелъ ихъ въ глотку горбуна и сталъ осторожно поворачивать ихъ тамъ, а затѣмъ вскорѣ вытащилъ концами ихъ большой кусокъ рыбы съ костью, которой подавился горбунъ. И горбунъ тотчасъ же громко чихнулъ, открылъ глаза, пришелъ въ сознаніе, провелъ по лицу обѣими руками, вскочилъ на ноги и воскликнулъ:—Та илахъ иль Аллахъ! и Магометъ посланецъ Аллаха! Да пребудетъ надъ нимъ молитва и благословеніе Аллаха!

При видѣ этого всѣ присутствующіе были совершенно ошеломлены и преисполнились удивленіемъ къ цирюльнику. Затѣмъ, очнувшись немного отъ этого перваго впечатлѣнія, царь и всѣ присутствующіе неудержимо засмѣялись надъ тѣмъ выраженіемъ лица, съ какимъ стоялъ самъ горбунъ. И царь сказалъ:—Клянусь Аллахомъ! Вотъ удивительное приключеніе! Никогда въ жизни не видѣлъ я ничего болѣе страннаго и необычайнаго! Затѣмъ онъ прибавилъ:—О вы всѣ, присутствующіе здѣсь мусульмане! Видаль ли кто-нибудь изъ васъ, чтобы человѣкъ умеръ, а затѣмъ воскресъ такимъ образомъ? И вѣдь несомнѣнно, что, не очутись здѣсь, благою волею Аллаха, этотъ цирюльникъ, шейхъ Эль-Саметъ, этотъ день былъ бы послѣднимъ днемъ горбуна. И, только благодаря познаніямъ и искусству этого удивительнаго и полнаго дарованій цирюльника, жизнь нашего горбуна оказалась спасенною! И всѣ присутствующіе отвѣтили:—Конечно, о царь! И приключеніе это дѣйствительно есть диво изъ дивъ и чудо изъ чудесъ!

Тогда царь Китая, полный радости, приказалъ немедленно записать золотыми буквами эту исторію горбуна и исторію цирюльника и положить ее на храненіе въ архивъ его царствованія; и все это было немедленно исполнено. Затѣмъ онъ подарилъ по великолѣпной почетной одеждѣ каждому изъ четырехъ обвиняемыхъ, врачу-еврею, христіанину-маклеру, поставщику и портному, и приставилъ всѣхъ ихъ къ своей особѣ для служенія во дворцѣ, и приказалъ имъ помириться съ горбуномъ. И онъ сдѣлалъ великолѣпный подарокъ самому горбуну, котораго онъ осыпалъ богатствами и опредѣлилъ на высокія должности и назначилъ своимъ постояннымъ сотрапезникомъ. Что же касается цирюльника, то онъ оказалъ ему особенныя почести, велѣлъ одѣть его въ роскошную почетную одежду, заказалъ ему золотую астролябію, золотые инструменты и ножницы, и бритвы, украшенные жемчугомъ и драгоценными камнями, и далъ ему званіе цирюльника двора и всего государства и сдѣлалъ его приближеннымъ къ своей особѣ лицомъ.

И жили они всѣ въ полномъ благополучіи и среди непрестанныхъ наслажденій, пока не положила предѣла ихъ счастію похитительница всѣхъ уладъ земныхъ, разрушительница всякой сердечной близости, Смерть.

— Однако,—сказала Шахразада царю Шахріару, султану острововъ Индіи и Китая,—не думай, что эта исторія лучше, чѣмъ исторія прекрасной Анисъ-аль-Джалисъ! А султанъ Шахріаръ воскликнулъ:—Какая это Анисъ-аль-Джалисъ? И тогда Шахразада сказала:

Исторія Анисъ-аль-Джалисъ и Али-Нуръ-эдъ-Дуна.

— До меня дошло, о благословенный царь, что въ Басрѣ жилъ нѣкогда царь, который платилъ дань своему повелителю Гарунъ-аль-Рашиду. И звали его Могаммадъ-бенъ-Солейманъ Эль-Зейни. И онъ любилъ бѣдныхъ и нищенствующихъ, и жалѣлъ несчастныхъ, и раздавалъ свои деньги тѣмъ, которые вѣровали въ нашего пророка Магомета — да будетъ съ нимъ молитва и миръ Аллаха! И во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ достоинъ того, что говорить поэтъ о его доблестяхъ и добродѣтеляхъ, въ одѣ, начинающейся слѣдующей строфой:

Копье—перомъ становится въ рукахъ,
Сердца враговъ—страницей рукописной,
А кровь ихъ ранъ—чернилами его.

И было у него два визиря: одинъ изъ нихъ назывался Эль-Могинъ бенъ-Сауи, а другой—Эль-Фадль бенъ-Кхаканъ. И нужно знать, что Эль-Фадль бенъ-Кхаканъ былъ самый великодушный человекъ своего времени, и онъ былъ одаренъ пріятнымъ характеромъ и удивительными наклонностями и всѣми прекрасными качествами, которыя привлекали къ нему всѣ сердца и внушали уваженіе мудрецамъ и ученымъ, являвшимся къ нему за разрѣшеніемъ всѣхъ затруднительныхъ вопросовъ. И все населеніе царства, всѣ, безъ исключенія, желали ему долгой жизни и благоденствія, такъ какъ онъ всегда дѣлалъ добро и избѣгалъ несправедливости и зла. Что же касается второго визиря, бенъ-Сауи, то, наоборотъ,—онъ ненавидѣлъ своихъ ближнихъ и презиралъ добро и предавался злу до такой степени, что одинъ изъ поэтовъ сказалъ о немъ:

Его узрѣлъ я и тотчасъ вскочилъ,
Чтобъ гнуснаго избѣгнуть приближенія,
И поднялъ я своей одежды полы,
Чтобъ избѣжать его прикосновенья.
И у коня спасенья я молилъ,
Чтобъ отъ него онъ спасъ меня скорѣе.

И къ этимъ двумъ столь различнымъ по духу визирямъ можно было примѣнить стихотвореніе другого поэта:

О, услаждайся обществомъ того,
Кто благороденъ съ благороднымъ сердцемъ,
Сынъ благородствомъ славнаго отца;
Не забывай, что всякъ, кто благороденъ,
Тотъ отъ рожденія благороденъ былъ!
Но избѣгай общенія ты съ тѣмъ,
Кто низокъ самъ и съ низкою душою
И родился отъ низкаго отца.
Не забывай, что низкій человекъ
Лишь низкаго всегда происхожденія.

Впрочемъ, всѣ настолько же ненавидѣли и презирали визиря Эль-Могинъ бенъ-Сауи, насколько любили визиря Фадледдинъ бенъ-Кхакана. И самъ визирь Сауи ненавидѣлъ отъ души добраго визиря Фадледдина и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы повредить ему въ глазахъ царя.

И вотъ однажды, въ одинъ день среди другихъ дней, царь Басры, Могаммадъ Ибнъ Солейманъ Эль-Зейни возсѣдалъ на тронѣ своего царства въ залѣ правосудія, окруженный всѣми эмирами и всѣми главными чинами и вельможами своего двора. И въ тотъ день было получено извѣстіе о прибытіи въ Басру, на невольничій базаръ, новой партіи молодыхъ невольницъ, вывезенныхъ изъ разныхъ странъ. И царь повернулся къ своему визирю Фадледдину и сказалъ ему:—Я хочу, чтобы ты нашелъ для меня молодую невольницу, которая не имѣла бы себѣ равной во всемъ мірѣ и которая была бы совершенствомъ красоты и превосходила всѣхъ женщинъ по своимъ качествамъ и по крѣпости и мягкости своего характера.

При этихъ словахъ царя, обращенныхъ къ визирю Фадледдину, визирь Сауи исполнился ревности, видя, что царь оказываетъ больше довѣрія его сопернику; и, желая отклонить царя отъ этого намѣренія, онъ воскликнулъ:—Но, если даже допустить, что можно найти подобную женщину, то придется отдать за нее по крайней мѣрѣ десять тысячъ золотыхъ динаріевъ! Тогда царь, котораго еще болѣе возбуждало такое затрудненіе, тотчасъ же позвалъ своего казначея и сказалъ ему:—Возьми десять тысячъ динаріевъ и отнеси ихъ немедленно къ моему визирю Фадледдину бенъ-Кхаканъ! И казначей поспѣшилъ исполнить это повелѣніе. Въ то же время визирь Фадледдинъ вышелъ изъ дворца, чтобы заняться порученіемъ султана.

И визирь Фадледдинъ немедленно отправился на невольничій базаръ, но не нашелъ тамъ ни одной дѣвушки, которая хоть сколько-нибудь соответствовала бы требованіямъ царя. Тогда онъ позвалъ всѣхъ маклеровъ, занимавшихся на базарѣ покупкой и продажей невольницъ, бѣлыхъ и черныхъ, и велѣлъ имъ заняться пріисканіемъ молодой невольницы, такой, какую желалъ царь, и при этомъ сказалъ имъ:—Каждый разъ, когда вы узнаете, что на базарѣ появилась невольница, за которую требуютъ не менѣе тысячи динаріевъ, вы должны немедленно извѣстить меня, и тогда я увижу, соответствуетъ ли она моимъ требованіямъ.

И дѣйствительно, не проходило ни одного дня, чтобы два или три маклера не предлагали какую-нибудь красивую невольницу визирю, но визирь каждый разъ отправлялъ обратно и маклера и невольницу, не рѣшаясь купить которую-нибудь изъ нихъ. И въ теченіе одного мѣсяца онъ видѣлъ больше тысячи молодыхъ дѣвушекъ, одну прекраснѣе другой, и всѣ онѣ способны были привести въ возбужденіе тысячу безсильныхъ старцевъ. Но визирь не могъ остановить своего выбора ни на одной изъ нихъ.

И вотъ однажды, въ одинъ день среди другихъ дней, визирь Фадледдинъ собирался сѣсть на своего коня, чтобы отправиться къ царю и попросить его повременить еще немного, пока онъ справится съ задачей, возложенной на него. и въ это время увидѣлъ знакомаго маклера, который подбѣжалъ къ нему и, поддерживая стремяна, почтительно поклонился ему и произнесъ слѣдующія строфы:

О ты, кѣмъ славно царствованье это
И зданье предковъ поднято изъ праха,
О вѣчно славный и великій визирь!
Ты щедростью безчисленныхъ даровъ
Жизнь облегчаешь страждущимъ и бѣднымъ!
Угодны всѣ дѣянія твои
Всегда Аллаху, нашему Владыкѣ!

Проговоривъ эти стихи, маклеръ сказалъ визирю:—О благородный Ибнъ-Кхаканъ, о славный Фадледдинъ, я пришелъ объявить тебѣ, что невольница, описаніе которой ты соблаговолилъ дать мнѣ, найдена, и ты можешь располагать ею! И визирь сказалъ маклеру:—Приведи ее сейчасъ же

ко мнѣ во дворецъ, чтобы я могъ видѣть ее! И визирь возвратился къ себѣ во дворецъ, и черезъ часъ возвратился и маклеръ, держа за руку невольницу, о которой онъ говорилъ. Чтобы дать хоть какое-нибудь понятіе о ней, скажу только, что это была высокая, стройная молодая дѣвушка, и у нея были упругія груди, смуглыя вѣки, глаза темнѣе ночи, гладкія, нѣжныя щеки, тонкій смѣющійся подбородокъ, слегка отгѣненный ямочкой, крѣпкія пышныя бедра, тонкая талія осы и тяжелый, царственный задъ. Она вошла, и на ней были самыя рѣдкія и дорогія ткани. Но я забыла сказать тебѣ, о царь, что ротикъ ея былъ точно цвѣтокъ, и слюна ея была слаще жюлепа¹, и губы краснѣе свѣжаго мускатнаго орѣха, и все тѣло болѣе изящно и болѣе гибко, чѣмъ тонкая вѣтка ивы. Чтѣ же касается ея голоса, то онъ былъ мелодичнѣе и пріятнѣе, чѣмъ вѣтерокъ, когда онъ проносится мимо, насыщенный благоуханіемъ сада. И во всѣхъ отношеніяхъ она была достойна стиховъ поэта, воспѣваго ее:

Нѣжнѣ шелка кожа стройныхъ членовъ.
А рѣчь ея—какъ звучный ручеекъ,
Извилистый, и чистый, и отраднѣй.
Ея глаза! Аллахъ сказалъ: «Да будутъ!»
И создалъ ихъ. Они—созданье Бога!
Смущаетъ смертныхъ ихъ склоненный взоръ.
Сильнѣй вина и виннаго бродила.
Любить ее!.. О ней мечтавъ ночью,
Я весь горю, смущается душа!
Я вспоминаю ночь ея кудрей,
Ея лицо свѣжей зари румяной;
Предъ нимъ блѣднѣетъ утра яркій свѣтъ!

И когда она достигла зрѣлости и распустилась, какъ цвѣтокъ, ее называли Анисъ-аль-Джалисъ².

И когда визирь увидѣлъ ее, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и спросилъ маклера:—Какова цѣна этой невольницы? Тотъ отвѣчалъ:—Владѣлецъ ея требуетъ за нее десять тысячъ динаріевъ, и я обѣщалъ ему эту сумму, ибо нахожу ее вполне подходящей; и владѣлецъ ея клялся мнѣ, что даже и при этомъ онъ будетъ въ убыткѣ, и онъ перечислилъ мнѣ множество обстоятельствъ, которыя я желалъ бы, чтобы ты самъ услышалъ изъ его устъ, о визирь! И визирь сказалъ:—Хорошо! приведи сюда поскорѣе владѣльца этой дѣвушки!

И маклеръ полетѣлъ за хозяиномъ невольницы и предсталъ съ нимъ между руками визиря. И визирь увидѣлъ, что это персіянинъ, настолько уже пожилой, что тѣло его представляло только кожу и кости. Какъ говорить поэтъ:

Состарили меня судьба и время;
Спина дугой, трясется голова...
Кто устоять предъ временемъ сумѣетъ?
Была пора, и бодро я стоялъ,
И къ солнцу шелъ я твердыми шагами.
Теперь я свергнуть съ высоты своей,
И лишь болѣзнь мнѣ стала вѣрнымъ другомъ,
Любовницей же стала Неподвижность.

Старикъ пожелалъ мира визирю, который сказалъ ему:—Ну, такъ рѣшено, ты согласишься продать мнѣ эту невольницу за десять тысячъ динаріевъ? Впрочемъ, я покупаю ее не для себя, такъ какъ она предназначена для самого царя! Старикъ отвѣчалъ:—Если она предназначена для царя,

¹ Прохладительный напитокъ.

² Нѣжная подруга.

то я предпочелъ бы поднести ее въ даръ, не требуя за нее никакой платы. Но, такъ какъ ты самъ, о великодушный визирь, спрашиваешь меня объ этомъ, то я считаю своимъ долгомъ отвѣчать тебѣ¹. И вотъ я скажу тебѣ, что эти десять тысячъ золотыхъ динаріевъ едва только возмѣстятъ мнѣ стоимость цыплятъ, которыми я съ дѣтства кормилъ ее, и дорогихъ платьевъ, въ которыя я постоянно одѣвалъ ее, и всѣ расходы, сдѣланные мною на ея образованіе. Ибо я давалъ ей безъ счету разныхъ учителей, и она обучалась красивому письму, и всѣмъ правиламъ арабскаго языка, и персидскаго—грамматикѣ и синтаксису, и читала толкованія на Коранъ, и постановленія Закона Божія и ихъ происхожденіе, и законодательство, и мораль, и философію, геометрію, медицину и кадастръ; но въ особенности отличается она въ стихотворномъ искусствѣ, въ игрѣ на разныхъ инструментахъ, въ пѣніи и танцахъ; и, наконецъ, она читала всѣ книги поэтовъ и историковъ. Но все это придало еще больше мягкости и кротости ея характеру и настроенію. И вотъ почему я называлъ ее Анисъ-аль-Джалисъ. И визирь сказалъ:—Ты, конечно, правъ. Но я не могу дать тебѣ больше десяти тысячъ золотыхъ динаріевъ. И, впрочемъ, я немедленно прикажу отсчитать ихъ тебѣ и провѣрить. И, дѣйствительно, визирь Фадледдинъ приказалъ взвѣсить десять тысячъ динаріевъ въ присутствіи стараго персіянина, который и взялъ ихъ. Но передъ самымъ уходомъ старый торговецъ невольниками подошелъ къ визирю и сказалъ ему:—Прошу позволенія нашего господина визиря дать ему одинъ совѣтъ. Фадледдинъ отвѣчалъ:—Хорошо. говори, что у тебя тамъ такое? Старикъ сказалъ:—Я совѣтую нашему господину визирю не вести сейчасъ же Анисъ-аль-Джалисъ къ нашему царю Могаммаду бенъ-Солейману, потому что она только сегодня прибыла послѣ долгаго путешествія, и усталость и пережѣна климата и воды немного изнурили ее. И лучше всего будетъ для нея и для тебя также, если ты оставишь ее у себя еще десять дней; и тогда она отдохнетъ, и красота ея выступитъ во всемъ своемъ блескѣ; и пусть тогда приметъ ванну въ гаммамѣ и одѣнется въ другіе наряды. И тогда только ты представишь ее султану, и это доставитъ тебѣ больше почета и значенія въ его глазахъ! И визирь нашелъ, что старикъ правъ, и послушался его совѣта. И онъ привелъ Анисъ-аль-Джалисъ въ свой дворецъ и велѣлъ отвести ей отдѣльную комнату, гдѣ она могла бы вполне отдохнуть.

У визиря Фадледдина бенъ-Кхакана былъ сынъ несравненной красоты. И онъ былъ какъ луна во время полнолунія; и лицо его было поразительной бѣлизны, и щеки его были розовыя, и на одной изъ нихъ пятнышко подобное каплѣ сѣрой амбры; и на щекахъ его былъ нѣжный шелковистый пушокъ, и къ нему вполне подходили слѣдующія строфы поэта:

Его ланитъ пылающія розы
Прелестнѣй алыхъ финиковъ, и я
Хочу сорвать ихъ. Но ужель осмѣлюсь
И руку къ нимъ столь дерзко протянуть?
Я такъ боюсь отказъ холодный встрѣтить!
Да и къ чему? Его въ мои глаза
Я заключилъ! И тамъ доволенъ буду.
Хоть станъ его и гибокъ и воздушенъ,
Но сердце въ немъ упорно, какъ гранитъ!
О отчего оно не раздѣляетъ
Достоинствъ стана гибкаго его?
Когда бы станъ плѣнительный и нѣжный
На это сердце повліять сумѣлъ,
Къ моей любви оно бъ не оставалось
Такимъ жестокимъ и несправедливымъ,

Обычная формула, въ особенности, когда продавецъ желалъ запросить побольше.

И не терзало бѣ такъ оно меня.
 А ты, о другъ, чѣмъ строго порицаешь
 Меня за страсть, которой скованъ я,
 Сумѣй и мнѣ найти ты оправданье.
 Знай, я не властенъ больше надъ собой;
 Мое все тѣло, силы всѣ мои
 Покорены могуществомъ страданій.
 И знай, о другъ, здѣсь виновать не я,
 Но и не онъ, а сердце лишь мое!
 — Но никогда я такъ бы не томился,
 Когда бы былъ ко мнѣ великодушнѣе,
 А не жестокъ — властитель юный мой.

И вотъ этотъ молодой человѣкъ, котораго звали Али-Нуръ, не зналъ еще ничего о покупкѣ Анисъ-аль-Джалисъ. Впрочемъ, визирь, его отецъ, прежде всего наказалъ Анисъ-аль-Джалисъ не забывать тѣхъ наставленій, которыя онъ счелъ своимъ долгомъ дать ей при этомъ случаѣ. И онъ сказалъ ей:—Знай, о дорогая дочь моя, что я купилъ тебя по порученію и на счетъ нашего повелителя, царя Могаммада бенъ-Солеймана Эль-Зейни, и ты будешь его фавориткой. И потому ты должна оберегать себя и старательно избѣгать всего, что можетъ опорочить тебя и меня также. И я долженъ еще предупредить тебя, что у меня есть сынъ, немного распутный, но красивый юноша. И во всемъ околоткѣ нѣтъ ни одной молодой дѣвушки, которая не отдалась бы ему добровольно и невинностью которой онъ не наслаждался бы. И поэтому остерегайся встрѣчи съ нимъ, и позаботься, чтобы онъ не слышалъ твоего голоса или не увидѣлъ случайно твоего лица, потому что если это случится, ты погибнешь безвозвратно! И Анисъ-аль-Джалисъ отвѣчала визирю:—Слушаю и повинуюсь! Тогда визирь, успокоившись относительно этого, оставилъ молодую дѣвушку и ушелъ по своимъ дѣламъ.

Но по волѣ Всевышняго Аллаха событія приняли совершенно не тотъ оборотъ, котораго желалъ добрый визирь. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, Анисъ-аль-Джалисъ пошла въ гаммамъ, который находился въ самомъ дворцѣ визиря, и маленькія невольницы приложили все свое искусство, чтобы сдѣлать для нея такую ванну, какой не дѣлали еще ни для кого во всей своей жизни. И когда онѣ обмыли ея члены и ея волосы, онѣ долго массировали и растирали ее, и потомъ старательно выкатали ей всѣ волоски на тѣлѣ при помощи пасты изъ жженого сахара, и полили ей волосы водой, надушенной мускусомъ, и выкрасили ей лавзоніей ногти на пальцахъ рукъ и ногъ и подвели сажей вѣки и рѣсницы и разожгли у ея ногъ курильницу съ лучшимъ ладаномъ и сѣрою амброй, и такимъ образомъ слегка надушили все ея тѣло. Потомъ онѣ набросили на нее большую простыню, которая благоухала померанцевымъ цвѣтомъ и розами; завернули ея волосы въ большой теплый платокъ и проводили ее изъ гаммама въ ту комнату, которая была отведена ей, и гдѣ жена визиря, мать прекраснаго Али-Нура, ждала ее, чтобы встрѣтить ее съ принятыми для выходящихъ изъ гаммама привѣтствіями. И, увидѣвъ жену визиря, Анисъ-аль-Джалисъ подошла къ ней и поцѣловала у нея руку; и жена визиря поцѣловала ее въ обѣ щеки и сказала ей:—О Анисъ-аль-Джалисъ, да будетъ для тебя эта ванна къ пользѣ и удовольствію! Какъ прекрасна ты теперь, и какъ благоухаешь. Своимъ сіяніемъ ты освѣщаешь нашъ домъ, который и не нуждается теперь въ другихъ свѣтильникахъ! И Анисъ-аль-Джалисъ была тронута этими словами и приложила къ своему сердцу руку жены визиря и потомъ поднесла ее къ своимъ губамъ и къ своему лбу, и отвѣчала, склонивъ голову:—Какъ мнѣ благодарить тебя, о госпожа моя и мати! И да ниспошлетъ тебѣ Аллахъ всѣ свои дары и всѣ радости и на землѣ и

въ своемъ раю! И эта ванна, дѣйствительно, доставила мнѣ истинное удовольствіе, и я сожалѣла лишь о томъ, что тебя не было тамъ со мною! Тогда мать Али-Нура велѣла принести для Анисъ-аль-Джалисъ сорбетовъ и печеній, пожелала ей здоровья и добраго аппетита и послѣ этого отправилась сама въ гаммамъ принять ванну.

Но, уходя въ гаммамъ, жена визиря подумала, что опасно оставлять Анисъ-аль-Джалисъ одну, и изъ предосторожности оставила при ней двухъ маленькихъ невольницъ, и приказала имъ охранять двери комнаты, назначенной Анисъ-аль-Джалисъ, и сказала имъ:—Ни въ какомъ случаѣ не впускайте никого къ Анисъ-аль-Джалисъ, такъ какъ она не одѣта и легко можетъ простудиться! И обѣ маленькія невольницы почтительно отвѣтили:—Слушаемъ, о госпожа, я повинуюсь!

Тогда мать Али-Нура отправилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабынь въ гаммамъ, обнявъ въ послѣдній разъ Анисъ-аль-Джалисъ, которая не преминула пожелать ей пріятной ванны.

Въ это самое время юный Али-Нуръ пришелъ домой и отправился разыскивать свою мать, чтобы поцѣловать у нея руку, какъ дѣлалъ это ежедневно. И, не находя нигдѣ матери, онъ началъ обходить всѣ комнаты и дошелъ, наконецъ, до той, которая была назначена для Анисъ-аль-Джалисъ. И онъ увидѣлъ двухъ маленькихъ невольницъ, охранявшихъ двери: и онъ улыбнулся ему, потому что обѣ онѣ восторгались его красотой и потому что втайнѣ онѣ питали любовь къ нему. И Али-Нуръ очень удивился, увидѣвъ, что дверь этой комнаты охраняется двумя маленькими невольницами, и онъ сказалъ имъ:—Дѣвочки, нѣтъ ли здѣсь моей матери? И онѣ отвѣчали, стараясь оттолкнуть его своими маленькими ручками:—Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! Здѣсь нѣтъ нашей госпожи! Ея здѣсь нѣтъ! Госпожа наша ушла въ гаммамъ! Она въ гаммамъ! Она въ гаммамъ, о господинъ нашъ Али-Нуръ! И Али-Нуръ сказалъ имъ:—Но что же вы дѣлаете тутъ, мои овечки? Отойдите отъ двери, я хочу войти въ эту комнату и отдохнуть здѣсь немного. Но маленькія невольницы отвѣчали:—О, не входи сюда. Али-Нуръ, не входи сюда! Здѣсь никого нѣтъ кромѣ нашей молодой госпожи Анисъ-аль-Джалисъ! И Али-Нуръ воскликнулъ:—Кто же эта Анисъ-аль-Джалисъ? Онѣ отвѣчали:—Красавица Анисъ-аль-Джалисъ, которую отецъ твой и нашъ господинъ, визиръ Фадледдинъ купилъ за десять тысячъ динаріевъ для нашего султана Эль-Зейни! Она только-что вышла изъ гаммама и совсѣмъ раздѣта, и на ней только одна простыня! Не входи же сюда, Али-Нуръ, о, не входи сюда, чтобы Анисъ-аль-Джалисъ не простудилась и госпожа наша не прибила насъ! О, не входи, Али-Нуръ!

Между тѣмъ Анисъ-аль-Джалисъ услышала изъ своей комнаты весь этотъ разговоръ и говорила себѣ:—О Аллахи! хотѣлось бы мнѣ знать, какъ выглядить этотъ юный Али-Нуръ, о подвигахъ котораго говорилъ мнѣ визиръ, его отецъ! Каковъ онъ собой, этотъ красивый юноша, который не оставилъ нетронутой во всемъ околоткѣ ни одной дѣвушки и ни одной молодой женщины. И мнѣ до смерти хочется увидѣть его! И, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать себя, она поднялась и вся благоухающая, свѣжая, съ кожей, пропитанной всѣми ароматами гаммама, и съ порами открытыми для жизни, она подошла къ двери, пріотворила ее и взглянула. И она увидѣла его! И онъ былъ, этотъ Али-Нуръ, точно луна во время полнолунія. И при одномъ только взглядѣ на него Анисъ-аль-Джалисъ задрожала отъ возбужденія, и все тѣло ея затрепетало. И съ своей стороны Али-Нуръ тоже успѣлъ заглянуть въ пріотворенную дверь, и этотъ мимолетный взглядъ открылъ ему всю прелесть Анисъ-аль-Джалисъ.

И вотъ, охваченный желаніемъ, онъ закричалъ такъ громко на обѣихъ маленькихъ невольницъ и такъ сильно началъ трясти ихъ, что онѣ съ

плачемъ вырвались изъ его рукъ; и онѣ бросились въ сосѣднюю комнату, которая была открыта настежь, и отгуда стали смотрѣть въ дверь, которую юный Али-Нуръ не позаботился даже затворить за собою послѣ того, какъ онъ вошелъ къ Анисъ-аль-Джалисъ. И такимъ образомъ онѣ могли видѣть все, что происходило тамъ.

И вотъ Али-Нуръ вошелъ въ комнату и приблизился къ Анисъ-аль-Джалисъ, которая бросилась, растерявшись, на диванъ, и вся трепещущая, съ широкооткрытыми глазами, ждала во всей красѣ своей наготы. И Али-Нуръ приложилъ руку къ своему сердцу и поклонился Анисъ-аль-Джалисъ и сказалъ ей нѣжнымъ голосомъ: — О, Анисъ-аль-Джалисъ, это тебя купилъ отецъ мой за десять тысячъ золотыхъ динаріевъ? И развѣ они клали тебя на другую чашку вѣсовъ, чтобы узнать тебѣ цѣну! О Анисъ-аль-Джалисъ, ты прекраснѣе расплавленного золота, и волосы твои ниспадаютъ пышнѣе, чѣмъ грива у львицы пустыни, и грудь твоя нѣжнѣе и свѣжѣе, чѣмъ лѣна ручейка! Она отвѣчала:—(О Али-Нуръ, моимъ испуганнымъ глазамъ ты кажешься страшнѣе льва пустыни, и всему моему тѣлу, желающему тебя, сильнѣе леопарда, и моимъ блѣднѣющимъ губамъ — убійственнѣе твердаго меча! О Али-Нуръ! ты мой султанъ! И ты возьмешь меня! О, иди, Али-Нуръ!

И Али-Нуръ, опьянѣвъ отъ страсти, подошелъ и бросился на диванъ рядомъ съ Анисъ-аль-Джалисъ. И молодая парочка слилась въ объятіи. И маленькія невольницы въ сосѣдней комнатѣ не могли придти въ себя отъ изумленія. И все это казалось имъ очень страннымъ. И онѣ не понимали того, что происходило тутъ. И вотъ послѣ многихъ звонкихъ поцѣлуевъ съ той и другой стороны, Али-Нуръ приникъ къ Анисъ-аль-Джалисъ. И она обвила его шею своими руками, и они тѣсно прижались другъ къ другу. И нѣкоторое время не замѣтно было ничего кромѣ поцѣлуевъ и какихъ-то движеній. И онъ сосалъ языкъ Анисъ-аль-Джалисъ, и она сосала языкъ Али-Нура.

И тогда обѣ маленькія невольницы перепугались и съ громкимъ крикомъ бросились бѣжать, и прибѣжали въ гаммамъ къ матери Али-Нура, которая какъ разъ выходила изъ бани. И она была еще влажна отъ пота, покрывавшаго все ея тѣло. И, увидавъ маленькихъ невольницъ, она спросила:—Чего это вы кричите и плачете, и бѣгаете, мои дѣвочки? И онѣ отвѣчали:—О госпожа наша, о госпожа наша! И она сказала:—О горе! что случилось, маленькія дурочки? Онѣ отвѣтили, продолжая плакать:—О госпожа наша, молодой господинъ нашъ Али-Нуръ прибилъ насъ и отогналъ отъ дверей! Потомъ онъ вошелъ къ нашей госпожѣ Анисъ-аль-Джалисъ, и онъ сосалъ ея языкъ, и она его тоже! И мы не знаемъ, что онъ потомъ сдѣлалъ ей, потому что она сильно вздыхала и онъ тоже, и онъ лежалъ на ней! И вотъ мы испугались всего этого!

При этихъ словахъ жена визиря, хотя она была въ высокіхъ деревянныхъ башмакахъ, надѣтыхъ для бани, и не смотря на преклонный свой возрастъ, бросилась бѣжать, а за нею побѣжали всѣ ея прислужницы. И она пришла въ комнату Анисъ-аль-Джалисъ, какъ разъ въ ту минуту, когда Али-Нуръ, наладившись дѣвственностью Анисъ-аль-Джалисъ и услышавъ крики маленькихъ невольницъ, поспѣшилъ удалиться.

Тогда жена визиря съ лицомъ, пожелтѣвшимъ отъ волненія, подошла къ Анисъ-аль-Джалисъ и сказала ей:— Что здѣсь случилось, о дочь моя! И молодая дѣвушка отвѣчала ей, повторяя слова, которыя этотъ повѣса Али-Нуръ посоветовалъ ей сказать матери, какъ только та начнетъ разспрашивать ее: О госпожа моя, въ то время, какъ я отдыхала послѣ ванны, лежа на диванѣ, ко мнѣ вошелъ юноша, котораго я никогда раньше не видѣла. И онъ былъ очень хорошъ собою, о госпожа моя, и онъ даже

походить на тебя, такъ какъ у него твои глаза и твои брови! И онъ сказалъ мнѣ:—Это ты Анисъ-аль-Джалисъ, которую купилъ мой отецъ за десять тысячъ динаріевъ? И отвѣчала ему:—Да, это я. Анисъ-аль-Джалисъ, которую визирь купилъ за десять тысячъ динаріевъ! Но я предназначена для султана Могаммада бенъ-Солеймана Эль-Зейни! Тогда онъ сказалъ мнѣ и засмѣялся при этомъ:—О, нѣтъ, Анисъ-аль-Джалисъ! Быть можетъ, у моего отца и было раньше это намѣреніе, но онъ передумалъ и подарилъ тебя мнѣ! Тогда я, о госпожа моя, повиновалась, потому, что я съ самаго дѣтства—покорная раба! И впрочемъ я, кажется, хорошо сдѣлала! Ахъ, мнѣ пріятнѣе быть рабою твоего сына, Али-Нура, чѣмъ законной женой самого калифа, царствующаго въ Багдадѣ! Тогда мать Али-Нура сказала:—Ахъ, дочь моя, какое это несчастье для всѣхъ насъ! Этотъ Али-Нуръ, сынъ мой, большой негодяй, и онъ обманулъ тебя! Но скажи мнѣ, о дочь моя, что же онъ тебѣ сдѣлалъ? И Анисъ-аль-Джалисъ отвѣчала:—Я совсѣмъ отдалась его власти, и онъ взялъ меня и обнялъ меня. Тогда мать Али-Нура спросила:—Какъ же онъ взялъ тебя? Совсѣмъ? И молодая дѣвушка отвѣчала:—Да, конечно! И онъ даже три раза обладалъ мною, о мать моя! При этихъ словахъ мать Али-Нура воскликнула:—О дочь моя, значитъ, этотъ повѣса совершенно разбилъ тебя и испортилъ! И она принялась плакать и бить себя по лицу руками, и всѣ ея прислужницы также начали плакать и причитать:—О горе! о горе! И на самомъ дѣлѣ мать Али-Нура и всѣ ея женщины боялись гнѣва отца Али-Нура. И, дѣйствительно, визирь, обыкновенно добрый и великодушный, не могъ допустить такого безобразія, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло касалось самого царя и вѣсть съ тѣмъ чести и положенія его, какъ визиря. И онъ могъ выйти изъ себя и въ припадкѣ гнѣва собственной рукой убить Али-Нура, своего сына, этого молодого повѣсу, котораго всѣ эти женщины оплакивали теперь, какъ погибшаго и потеряннаго для ихъ заботъ и любви.

И вотъ въ это самое время въ комнату вошелъ визирь Фадледдинъ бенъ-Кхаканъ и увидѣлъ всѣхъ этихъ женщинъ въ слезахъ и отчаяніи. И онъ спросилъ у нихъ:—Что случилось здѣсь, дѣти мои? Тогда мать Али-Нура отерла глаза, высморкалась и сказала:—О ты, отецъ Али-Нура, поклянись мнѣ прежде всего жизнью нашего Пророка (да будутъ съ нимъ молитва и миръ Аллаха!), что ты подчинишься тому, что я скажу тебѣ! Если же ты не сдѣлаешь этого, то я готова скорѣе умереть, чѣмъ заговорить объ этомъ.

Тогда визирь далъ эту клятву, и жена рассказала ему все о поступкѣ Али-Нура и о невозвратной потерѣ дѣвственности Анисъ-аль-Джалисъ.

Али-Нуръ не разъ уже удивлялъ отца и мать своими проделками, но рассказъ объ этомъ послѣднемъ его поступкѣ совершенно ошеломилъ визиря Фадледдина, и онъ сталъ рвать на себѣ одежду, и бить себя кулакомъ по лицу, и кусать себѣ руки, и рвать свою бороду, и далеко отбросилъ свой тюрбанъ. И мать Али-Нура пыталась утѣшить его, и сказала ему:—Не печалься такъ и не предавайся отчаянію! Я возвращу тебѣ цѣликомъ эти десять тысячъ динаріевъ изъ моихъ собственныхъ денегъ, или же выручу ихъ продажей нѣкоторыхъ изъ моихъ драгоценностей. Но визирь Фадледдинъ воскликнулъ:—О жена, что ты говоришь! Неужели ты воображаешь, что я оплакиваю потерю этихъ денегъ, которыя совсѣмъ не нужны мнѣ? И развѣ ты не знаешь, что дѣло касается моей чести и что это угрожаетъ мнѣ лишеніемъ жизни? И жена сказала ему:—Но вѣдь ничего еще не потеряно, такъ какъ султанъ не знаетъ даже о существованіи Анисъ-аль-Джалисъ, и тѣмъ болѣе о потерѣ ея невинности. И съ этими десятью тысячами динаріевъ, которые я дамъ тебѣ, ты можешь купить другую красивую невольницу для него, и мы оставимъ Анисъ-аль-

Джались для нашего сына Али-Нура, котораго она успѣла уже полюбить и который знаетъ, какое сокровище мы нашли въ ней, потому что она—совершенство во всѣхъ отношеніяхъ!

И визирь сказалъ женѣ:—Но, о мать Али-Нура, неужели ты забыла о нашемъ злѣйшемъ врагѣ, о второмъ визирѣ Эль Могинъ бенъ-Сауи, который несомнѣнно узнаетъ правду въ одинъ прекрасный день? И въ этотъ день Сауи приблизится къ султану и скажетъ ему...

Но, дойдя до этого мѣста своего повѣствованія, Шахразада замѣтила приближеніе утра и скромно умолкла.

Но когда наступила

тридцать третья ночь,

она сказала:

— До меня дошло, о благословенный царь, что визирь Фадледдинъ сказалъ своей женѣ:—Въ этотъ день визирь Сауи, врагъ мой, приблизится къ султану и скажетъ ему:—О царь, вотъ этотъ визирь, котораго ты всегда авишь въ примѣръ другимъ и въ преданности котораго ты совершенно увѣренъ, взялъ у тебя десять тысячъ динаріевъ, чтобы купить для тебя невольницу. И онъ, дѣйствительно, купилъ невольницу, съ которой не сравнится ни одна женщина въ мірѣ. И такъ какъ она показала ему совершенствомъ, то онъ призвалъ своего сына Али-Нура, этого развратнаго мальчишку, и сказалъ ему:—Возьми ее, сынъ мой! Лучше же тебѣ наслаждаться ею, чѣмъ этому старому султану, у котораго уже Богъ знаетъ сколько наложницъ, невинностью которыхъ онъ даже не способенъ насладиться! И этотъ Али-Нуръ, который избралъ своей профессіей похищеніе женской невинности, взялъ прекрасную невольницу и въ одно мгновеніе лишилъ ее дѣвственности. И вотъ онъ теперь пріятно проводить съ нею время въ разныхъ забавахъ, во дворцѣ своего отца, среди женщинъ, изъ комнатъ которыхъ онъ никогда не выходитъ, этотъ лѣнтяй, этотъ развратникъ, этотъ юный похититель женской невинности!

И когда султанъ, который уважаетъ меня, услышитъ эти слова моего врага, онъ вначалѣ не повѣритъ имъ и скажетъ:—Ты лжешь, о Могинъ бенъ-Сауи! Но Сауи скажетъ ему:—Позволь мнѣ, о государь, войти со стражей въ домъ Фадледдина, и я приведу тебѣ эту невольницу, и ты провѣришь все своими собственными глазами! И султанъ, который непостояненъ, разрѣшитъ ему это, и Сауи явится сюда со стражей и схватитъ Анисъ-аль-Джались посреди всѣхъ васъ и представитъ ее между рукъ султану. И султанъ допроситъ Анисъ-аль-Джались, и она, конечно, сознается во всемъ. Тогда мой врагъ бенъ-Сауи будетъ торжествовать и скажетъ:—О повелитель мой, ты видишь, какой я хорошій совѣтникъ! Но что дѣлать? Ужъ такъ написано мнѣ на роду, что я ничего не буду значить въ твоихъ глазахъ, тогда какъ этотъ предатель Фадледдинъ всегда будетъ принятъ благосклонно! Тогда султанъ сразу измѣнится ко мнѣ и накажетъ меня съ подобающей строгостью. И я буду посмѣшищемъ для всѣхъ людей, которые теперь относятся ко мнѣ съ любовью и уваженіемъ. И я потеряю жизнь и весь мой домъ!

При этихъ словахъ мать Али-Нура сказала своему мужу:—Послушайся меня, не говори только никому объ этомъ дѣлѣ, и никто ничего не узнаетъ. И предоставь себя волѣ Аллаха. И случится лишь то, что должно случиться. И слова эти смягчили визиря Фадледдина, и миръ вошелъ въ него, и онъ успокоился относительно будущаго. Но онъ не переставалъ сердиться на своего сына Али-Нура.

И когда маленькія невольницы увидели, что молодой господинъ ихъ обнимаетъ Анисъ-аль-Джалисъ, онѣ вскрикнули и бросились къ матери Али Нура.

(Исторія Али-Нура и Анисъ-аль-Джалисъ).

Что же касается юнаго Али-Нура, то онъ поспѣшно удалился изъ комнаты Анисъ-аль-Джалисъ, когда услышалъ крики двухъ маленькихъ невольницъ. И онъ провелъ весь день внѣ отцовскаго дома и только съ наступленіемъ ночи пробрался къ матери, въ женское отдѣленіе, чтобы избѣжать встрѣчи съ визиремъ. И мать его, не смотря на случившееся, въ концѣ концовъ поцѣловала его и простила ему все; но она старательно укрыла его отъ отца, и ей помогли въ этомъ всѣ ея женщины, которыя втайнѣ завидовали Анисъ-аль-Джалисъ въ томъ, что она держала въ своихъ объятіяхъ этого несравненнаго оленя. И всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали ему не попадаться на глаза разгнѣванному визирю. И такимъ образомъ Али-Нуръ долженъ былъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца тайкомъ пробираться по ночамъ въ покои матери, куда его впускали женщины и куда съ согласія его матери приходила также Анисъ-аль-Джалисъ.

И вотъ однажды мать Али-Нура, видя, что визирь менѣе озабоченъ, чѣмъ обыкновенно, сказала ему:—До какихъ же поръ будетъ длиться гнѣвъ твой на нашего сына? О господинъ мой, поистинѣ мы потеряли невольницу, но развѣ ты хочешь, чтобы мы также потеряли и сына? Потому что если это положеніе продлится еще дольше, то сынъ нашъ Али-Нуръ—я чувствую это—навсегда покинетъ родительскій домъ, и мы будемъ скоро оплакивать этого единственнаго сына, плодъ нашего чрева! И визирь, взволнованный ея словами, сказалъ ей:—Но что же мнѣ сказать ему? Она отвѣчала:—Сегодня проводи вечеръ съ нами, и когда придетъ Али-Нуръ, я помирю васъ. И въ началѣ ты притворишься, что желаешь наказать и даже убить его,—но кончишь тѣмъ, что дашь ему въ жены Анисъ-аль-Джалисъ. Потому что Анисъ-аль-Джалисъ, по всему, что я могла замѣтить въ ней, исполнена всѣхъ совершенствъ. И она любитъ Али-Нура, и мнѣ извѣстно также, что Али-Нуръ любитъ ее. Впрочемъ, какъ я уже говорила тебѣ, я возвращаю тебѣ тѣ деньги, которыя ты заплатилъ за Анисъ-аль-Джалисъ.

И визирь послушался совѣта своей жены; и какъ только Али-Нуръ вошелъ въ комнату своей матери, отецъ бросился на него и повалилъ его на землю и занесъ надъ нимъ ножъ свой, какъ бы собираясь убить его. Тогда мать бросилась, какъ бы защищая сына, и закричала:—О, что ты задумалъ? И визирь воскликнулъ:—Я хочу убить его! Тогда мать сказала:—Онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. И Али-Нуръ сказалъ:—О мой отецъ, неужели ты хочешь принести меня въ жертву? Тогда визирь сказалъ со слезами на глазахъ:—Но какъ же у тебя, о несчастный, хватило духу лишить меня моихъ денегъ и, быть можетъ, даже жизни? И Али-Нуръ сказалъ:—Послушай, о мой отецъ, что говорить поэтъ:

Пускай во всемъ я дурно поступилъ
И совершилъ ужасные поступки!
Но развѣ ты не знаешь, какъ охотно
Прощать готовы избранныя души,
Прощать за все и на всегда?
И развѣ ты не знаешь, что тебѣ
Такъ подобаетъ поступать тѣмъ болѣе,
Когда твой врагъ вполне въ твоихъ рукахъ,
Или когда изъ пропасти онъ молить,
А ты стоишь побѣдно на вершинѣ?

Слушая эти стихи, визирь отпустилъ своего сына, котораго онъ держалъ, прижавъ ко лѣбномъ, и жалость проникла въ его сердце, и онъ простилъ его. И Али-Нуръ поднялся и поцѣловалъ руку у отца и у матери и стоялъ все время въ почтительной позѣ. И отецъ его сказалъ ему:—О сынъ мой, почему ты не сказалъ мнѣ, что дѣйствительно любишь Анисъ-аль-Джалисъ и что съ твоей стороны это не мимолетный капризъ, какъ всѣ твои

похожденія? Потому что если бы я зналъ, что ты готовъ воздать должное нашей Анисъ-аль-Джалисъ, я не задумался бы принести тебѣ ее въ даръ. И Али-Нуръ отвѣчалъ:—Конечно, о родитель мой, я готовъ исполнить свой долгъ относительно Анисъ-аль-Джалисъ! И визирь сказалъ ему:—Въ такомъ случаѣ, дорогое дитя мое, если ты желаешь, чтобы мое благословеніе никогда не покидало тебя, ты долженъ общать мнѣ, что никогда не вступишь въ законный бракъ съ другой женщиной кромѣ Анисъ-аль-Джалисъ, что ты никогда не будешь дурно обращаться съ нею и никогда не избавишься отъ нея продажей. И Али-Нуръ отвѣчалъ:—Клянусь тебѣ жизнью нашего Пророка и священнымъ Кораномъ, не брать, пока будетъ жива Анисъ-аль-Джалисъ, другой законной жены, никогда не подвергать ея дурному обращенію и никогда не продавать ея!

Послѣ этого весь домъ предался радости, и Али-Нуръ могъ свободно обладать Анисъ-аль-Джалисъ, и онъ продолжалъ жить съ нею въ полномъ счастьи еще цѣлый годъ. Что касается царя Солеймана Эль-Зейни, то по волѣ Аллаха онъ совсѣмъ забылъ о десяти тысячахъ динаріевъ, данныхъ имъ визирю Фадледдину на покупку прекрасной невольницы. И злой визирь бенъ-Сауи не замедлилъ узнать всю правду; но онъ еще не рѣшался довести обо всемъ царю, хорошо зная, что визирь, отецъ Али-Нура, пользуется любовью и уваженіемъ царя и всего населенія Басры.

Между тѣмъ визирь Фадледдинъ отправился однажды въ гаммамъ и поторопился выйти раньше, чѣмъ просохла выступившая на немъ испарина, и такъ какъ въ это время на дворѣ сильно перемѣнилась погода, то онъ схватилъ серіозную простуду и принужденъ былъ лечь въ постель. И состояніе его все ухудшалось, и онъ не смыкалъ глазъ ни днемъ, ни ночью и дошелъ до такого истощенія, что превратился въ тѣнь прежняго человѣка. Тогда онъ рѣшилъ не откладывать больше исполненіе послѣдняго долга и призвалъ къ себѣ своего сына Али-Нура, который не замедлилъ явиться и стать между рукъ отца съ глазами полными слезъ. И визирь сказалъ ему:—О дитя мое, всякое счастье имѣетъ свои предѣлы, и всякое имѣніе свои межи, и всякій вексель свой срокъ, и всякая чаша свой горькій напитокъ. И сегодня дошелъ до меня чередъ осушить чашу смерти. И послѣ этихъ словъ онъ произнесъ слѣдующія строфы:

Тебя однажды можетъ смерть забыть,
Но ужъ вторично больше не забудетъ.
И всякъ изъ насъ поспѣшными шагами
Стремится къ безднѣ гибели своей.
Въ глазахъ Творца нѣтъ ни долинъ, ни горъ,
(равнялися съ землею всѣ высоты,
И нѣтъ людей великихъ иль ничтожныхъ.
И ни цари, ни царства, ни пророки
Жить бесконечно не могли донинѣ
И всепобѣдно вызвать смерть на бой.

Потомъ визирь сказалъ своему сыну:—А теперь, сынъ мой, мнѣ остается только дать тебѣ послѣднее наставленіе—подчиниться волѣ Аллаха и не забывать, что всему на землѣ наступаетъ конецъ. И болѣе всего ты долженъ заботиться о нашей дочери Анисъ-аль-Джалисъ, твоей женѣ! И Али-Нуръ отвѣчалъ ему:—О мой добрый отецъ, вотъ ты и покидаешь насъ! И есть ли кто-нибудь на землѣ, который замѣнилъ бы тебя? Ты былъ извѣстенъ всѣмъ своими благодѣяніями, и въ святой день пятницы святые проповѣдники произносили твое имя въ напихъ мечетяхъ, благословляя тебя и желая тебѣ долгой жизни! И Фадледдинъ сказалъ еще:—О дитя мое, молю Аллаха принять и не отталкивать меня! Потомъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ:—Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха! И свидѣтельствую, что Магометъ

пророкъ Аллаха! — и послѣ этого онъ испустилъ послѣдній вздохъ и былъ причисленъ на вѣки къ блаженному лику избранниковъ.

И весь дворецъ огласился криками и воплями; и вѣсть дошла до самого султана; и весь городъ узналъ о смерти визиря Фадледдина бенъ-Кхакана, и все населеніе Басры, до самыхъ маленькихъ дѣтей въ школахъ, оплакивало его. Со своей стороны Али-Нуръ не пожалѣлъ ничего, не смотря на свою горе, и устроилъ похороны вполне достойныя его отца, визиря Фадледдина. И на похоронахъ шли всѣ эмиры, и всѣ визири, не исключая и злого визиря бенъ-Сауи, который долженъ былъ нести гробъ вмѣстѣ съ другими высокими сановниками и знатными всего царства, и всѣмъ населеніемъ Басры, безъ исключенія. И при выходѣ изъ дома покойнаго старшій шейхъ, руководившій похоронами, произнесъ въ память покойнаго слѣдующія строфы:

И я сказалъ тому, кто долженъ здѣсь
Принять его печальные останки:
Исполни то, что прикажу тебѣ,
И знай, что самъ при жизни онъ охотно
Мои совѣты принимать. — Коль хочешь,
Омой священной чистою водою
Его ты грудь, но не забудь все тѣло
Слезамъ Славы оросить печальной.
Слезамъ Славы, плачущей о немъ!
Прочь отъ него всѣ мази и куренія!
Чтобъ онъ достойно могъ благоухать,
Укрась его лишь сладкимъ ароматомъ
Прекрасныхъ дѣлъ его; благоуханьемъ
Его щедротъ и милостей его!
Пусть сойдутъ всѣ ангелы съ небесъ.
Чтобы нести печальные останки:
Пусть въ изобиліи льются слезы ихъ!
— Напрасно плечи тяжестью гроба
Мы отягчимъ; давно уже они
Отячены его благодѣяньемъ,
Удручены всей тяжестью добра,
Что онъ при жизни изливалъ столь щедро!

Послѣ этихъ похоронъ Али-Нуръ очень долго предавался печали и заперся въ своемъ домѣ, отказываясь видѣться съ другими и показывать себя въ этомъ состояніи скорби въ теченіе очень долгаго времени. Но, однажды, когда онъ сидѣлъ у себя одинъ, предаваясь своей печали, кто-то постучался въ дверь его дома, и онъ поднялся и самъ отворилъ двери и увидѣлъ молодого человѣка своихъ лѣтъ, сына одного изъ старыхъ друзей его отца визиря; и этотъ молодой человѣкъ поцѣловалъ руку у Али-Нура и сказалъ ему: — О господинъ мой, каждый человѣкъ живетъ въ своихъ потомкахъ; такой сынъ, какъ ты, долженъ быть доблестнымъ сыномъ своего отца! И потому не слѣдуетъ вѣчно печалиться: не забывай святыя слова Господа всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ, нашего Пророка Магомета (да будутъ съ нимъ молитва и миръ Аллаха!), который сказалъ: — Испѣли душу свою и не носи траура по созданіямъ Аллаха!

И Али-Нуръ не нашелъ никакого возраженія на эти слова и тотчасъ же рѣшилъ положить предѣлъ своей печали, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. И онъ всталъ и перешелъ въ залу собраній и велѣлъ перенести туда всѣ тѣ вещи, которыя были необходимы для достойнаго приема гостей. И съ этого дня онъ открылъ двери своего дома и началъ принимать всѣхъ своихъ друзей, и молодыхъ, и старыхъ. Но больше всего привязался онъ къ десяти молодымъ людямъ, сыновьямъ главнѣйшихъ купцовъ Басры. И въ ихъ обществѣ Али-Нуръ проводилъ время среди забавъ и непрестанныхъ празднествъ; и не было между его знакомыми человѣка, которому онъ не

сдѣлать бы какого-нибудь цѣннаго подарка, и въ честь котораго онъ не устроилъ бы роскошнаго пира. И онъ дѣлалъ все это съ такой щедростью, не смотря на предостереженія Анисъ-аль-Джалисъ, что его управляющій, придя въ ужасъ отъ этого поворота дѣлъ, явился однажды къ нему и сказалъ:—О господинъ мой, развѣ ты не знаешь, что излишняя щедрость и многочисленные подарки истощаютъ богатство? И развѣ ты не знаешь, что тотъ, кто даетъ безъ счета, бѣднѣетъ? Какъ вѣрно замѣтилъ поэтъ:

О деньги, деньги! Ихъ я сберегаю,
На вѣтеръ ихъ я не бросаю слѣпо,
Въ увѣсистыхъ ихъ слиткахъ берегу!
Они — мой мечъ, они — мой щитъ надежный.
Что за безумье мнѣ награждать
Своихъ враговъ, своихъ злодѣевъ злѣйшихъ!
Такъ поступая, быстро превращу
Я свой достатокъ въ нищету и горе.
Мои враги, конечно, поспѣшатъ
Его и съѣсть и вышить съ наслажденьемъ.
И никогда потомъ не захотятъ
Подать хоть грошъ несчастному на бѣдность!
И потому я дѣйствую разумно,
Свое скрывая золото отъ злыхъ,
Отъ безсердечныхъ, что чужому горю
Сочувствовать душою не умѣютъ.
И сберегу я золото свое!
— Какъ жалокъ тотъ, кто милостыню проситъ,
Томимый жаждой, много дней лишенный
Отрадной влаги, какъ верблюды въ пустынь!
Онъ хуже пса унизился душой!
О горе, горе всякому, кто бѣденъ.
Будь онъ мудрѣ славныхъ мудрецовъ,
Заслугами же лучезарнѣй солнца!.

Слушая эти стихи, произнесенные управляющимъ, Али-Нуръ насмѣшливо смотрѣлъ на него и сказалъ ему:—Ни одно изъ твоихъ словъ не дѣйствуетъ на меня! Знай же развѣ навсегда, что я могу сказать тебѣ лишь одно: пока ты видишь по своимъ счетамъ, что у меня остается, чѣмъ уплатить за завтракъ, не смѣй разстраивать меня заботой и мыслями объ обѣдѣ. Развѣ не правъ поэтъ, говоря:

О, если бы случилось, что я
Впалъ въ нищету, что сдѣлалъ бы тогда я?
Себя лишитъ бы прежнихъ наслаждений,
Не двигаясь, лежать бы я часами!
Найдите мнѣ хоть одного скупца,
Кого бы всѣ за скупость похваляли;
Иль мота мнѣ хоть одного найдите,
Что умереть отъ мотовства успѣлъ!

Выслушавъ эти стихи, произнесенные Али-Нуромъ, управляющій отвѣсилъ почтительный поклонъ своему господину Али-Нуру и отправился по своимъ дѣламъ.

Что касается Али-Нура, то съ этого дня его расточительность не знала предѣловъ, и онъ не сдерживалъ болѣе своей природной доброты, которая заставляла его отдавать все, что было у него, друзьямъ и даже постороннимъ людямъ. И вотъ одинъ изъ гостей говорилъ ему:—Какъ хороша эта вещь! И Али-Нуръ тотчасъ же отвѣчалъ:—Она принадлежитъ тебѣ! И другой говорилъ:—О любезный господинъ мой, какое у тебя прекрасное имѣніе! И Али-Нуръ отвѣчалъ ему:—Я сейчасъ переведу его на твое имя! И онъ приказывалъ принести себѣ каламъ, мѣдную чернильницу и бумагу и переводилъ

домъ или землю на имя друга и закрѣплялъ этотъ актъ своей печатью. И такимъ образомъ онъ прожилъ цѣлый годъ, и каждое утро онъ давалъ пиръ своимъ друзьямъ, и каждый вечеръ онъ давалъ другой пиръ, и всегда при звукахъ инструментовъ, и онъ приглашалъ лучшихъ пѣвцовъ и самыхъ извѣстныхъ танцовщицъ.

Что же касается его жены, Анисъ-аль-Джалисъ, то Али-Нуръ не слушался ея совѣтовъ и даже съ нѣкоторыхъ поръ нѣсколько менѣе сталъ интересоваться ею; и она никогда не жаловалась, но искала утѣшенія въ поэзіи и книгахъ, которыя она читала. И вотъ однажды, когда Али-Нуръ вошелъ въ ея спальню, она сказала ему:—О Нуръ, о свѣтъ моихъ глазъ, выслушай эти двѣ строфы поэта:

Чѣмъ болѣе мы дѣлаемъ добра,
Тѣмъ болѣе себѣ готовляемъ
Мы въ жизни счастья! Не страшись, однако,
Слѣпыхъ ударовъ роковой судьбы!
Ночь создана для сна и для покоя,
Ночь—это миръ и отдыхъ для души;
Ты жъ, какъ безумецъ, расточаешь слѣпо
Отдохновенья краткіе часы!
Не удивляйся жъ, если, наконецъ,
Тебя на утро поразитъ несчастье.

Какъ только Анисъ-аль-Джалисъ произнесла эти стихи, какъ раздался стукъ во входную дверь дома. И Али-Нуръ вышелъ изъ спальни жены и пошелъ отпереть двери; и это былъ его управляющій. Али-Нуръ повелъ его въ комнату смежную съ залой собраний, гдѣ въ это время собрались нѣкоторые изъ его друзей, почти неотлучно находившіеся при немъ. И Али-Нуръ сказалъ своему управляющему:—Что случилось съ тобою, и почему лицо твое перекосилось? Управляющій отвѣчалъ:—О господинъ мой, то, чего я такъ опасался для тебя, наступило! Али-Нуръ спросилъ:—Какимъ же образомъ? Онъ отвѣчалъ:—Знай, о господинъ мой, что роль моя теперь кончилась, и что теперь у тебя не осталось ничего, чѣмъ я могъ бы завѣдывать. И у тебя нѣтъ ни имущества и ни одной вещи, которая стоила бы хоть одинъ оболъ, ни даже одного обода. И вотъ я принесъ тебѣ книгу расходовъ, сдѣланныхъ тобою, и книгу твоего имущества. Услышавъ эти слова, Али-Нуръ могъ только наклонить голову и сказалъ:—Одинъ Аллахъ все-силенъ и всемогущъ!

И какъ разъ въ это время одинъ изъ друзей, находившихся въ залѣ собраний, подслушалъ этотъ разговоръ и поспѣшилъ передать его другимъ и сказалъ имъ:—Послушайте новость! У Али-Нура не осталось больше ничего, что стоило бы хоть одинъ оболъ! Въ ту же минуту въ залу вошелъ Али-Нуръ и какъ бы въ подтвержденіе справедливости этихъ словъ видъ у него былъ крайне разстроенъ, и лицо совершенно измѣнилось. Тогда одинъ изъ гостей поднялся, повернулся къ Али-Нуру и сказалъ ему:—О господинъ мой, я хотѣлъ бы попросить у тебя позволенія удалиться, такъ какъ жена моя должна родить въ эту ночь, и я не могу оставить ее одну и долженъ поспѣшить къ ней! И Али-Нуръ разрѣшилъ ему удалиться. Тогда поднялся другой и сказалъ:—О господинъ мой Али-Нуръ, я долженъ сейчасъ же отправиться къ моему брату, который празднуетъ сегодня обрѣзанье своего сына! И Али-Нуръ отпустилъ его. Потомъ каждый изъ гостей вставалъ по очереди и подъ какимъ-нибудь предлогомъ просилъ разрѣшенія уйти, и такъ до послѣдняго, такъ что Али-Нуръ оказался, наконецъ, совершенно одинъ въ залѣ собраний. Тогда онъ позвалъ Анисъ-аль-Джалисъ и сказалъ ей:—О Анисъ-аль-Джалисъ, ты не знаешь еще, что случилось на мою голову! И онъ рассказалъ ей все случившееся. И она ска-

зала ему:—О господинъ мой Али-Нуръ, уже давно я боялась наступленія того, что, наконецъ, произошло сегодня. Но ты никогда не слушался меня и даже однажды, вмѣсто отвѣта, прочиталъ мнѣ слѣдующіе стихи:

Когда Фортуна къ дверь твою войдетъ,
Хватай ее безъ страха, наслаждайся
Ты ею всласть, и пусть толпа друзей
Твоей удачей также насладится:
Фортуна можетъ выскользнуть изъ рукъ.
Но если ей твое жилище мило,
И въ немъ она приютъ свой избрала.
Ты можешь ею пользоваться властно,
И никогда ее не исчерпаетъ
Великодушье щедрое твое;
Когда жъ она захочетъ удалиться.
Не скупостью удержишь ты ее!

И когда я услышала эти стихи, я умокла, не желая спорить съ тобою. И Али-Нуръ сказалъ ей:—О Анисъ-аль-Джалисъ, ты знаешь, что я не жалѣлъ ничего для моихъ друзей и истратилъ на нихъ все мое состояніе! И я не могу вѣрить, что теперь они оставляютъ меня въ несчастіи! И Анисъ-аль-Джалисъ отвѣчала ему:—Клянусь Аллахомъ, они ничѣмъ не помогутъ тебѣ! И Али-Нуръ сказалъ:—Хорошо, я сейчасъ же отправлюсь къ каждому изъ нихъ по очереди и буду стучаться въ двери ихъ, и каждый изъ нихъ великодушно дастъ мнѣ какую-нибудь сумму денегъ, и такимъ образомъ я составлю себѣ капиталъ, съ которымъ я могу начать торговлю; и я навсегда брошу развлеченія и забавы. И, дѣйствительно, онъ сейчасъ же собрался и пошелъ въ ту улицу, гдѣ жили его друзья; и жили они всѣ на самой лучшей улицѣ Басры. Онъ постучался въ первую дверь, и негритянка отворила ему и спросила:—Кто ты? Онъ отвѣчалъ:—Скажи твоему господину, что Али-Нуръ у его дверей и говоритъ слѣдующее:—Твой слуга Али-Нуръ цѣлуетъ у тебя руки и ждетъ выраженія твоего великодушія! И негритянка пошла предупредить своего господина, который закричалъ ей:—Вернись сейчасъ же и скажи ему, что меня здѣсь нѣтъ! И негритянка вернулась и сказала Али-Нуру:—О господинъ мой, хозяина моего нѣтъ здѣсь! И Али-Нуръ подумалъ въ душѣ:—Вотъ исчадье разврата! Онъ прячется отъ меня! Но всѣ остальные не будутъ такими подлецами! И онъ постучался въ дверь другого своего друга и велѣлъ передать ему тѣ же слова, но и этотъ другъ послалъ ему сказать, что его нѣтъ дома. Тогда Али-Нуръ произнесъ слѣдующій стихъ:

Едва успѣлъ я къ дому подойти,
Какъ пустота лишь мнѣ отозвалась,
И видѣть я, что всѣ бѣжали прочь,
Боясь, что я явился испытать.
Въ своемъ несчастіи ихъ великодушье!

Потомъ онъ сказалъ:—Клянусь Аллахомъ, я долженъ побывать у всѣхъ, въ надеждѣ, что хоть одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ то, чего не хотѣли сдѣлать всѣ эти предатели. Но онъ не нашелъ ни одного, который рѣшился бы показаться ему или дать ему хотя бы кусокъ хлѣба. И тогда онъ произнесъ слѣдующіе стансы:

Счастливыцы всѣ похожи на деревья
Плодовая; покуда есть плоды,
Они толпой окружены усердной:
Но чуть плоды осыпались съ вѣтвей,
Толпа тотчасъ расходится и ищетъ

Другихъ деревьевъ и другихъ плодовъ;
 И нынѣ всѣ недугомъ этимъ страждутъ:
 Я никого доселѣ не встрѣчалъ.
 Кого бѣ зараза эта не коснулась!

Послѣ этого ему осталось только возвратиться къ Анисѣ-аль-Джалисѣ, которой онъ сказалъ съ серьезнымъ видомъ:—Клянусь Аллахомъ! Ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ даже показаться! Тогда она отвѣчала:—О господинъ мой, не говорила ли я тебѣ, что они ничѣмъ не помогутъ тебѣ? И я совѣтую тебѣ просто начать продавать мебель и драгоценности, которыя находятся въ нашемъ домѣ. И это дастъ намъ возможность просуществовать еще нѣкоторое время. И Али-Нуръ сдѣлалъ, какъ совѣтовала ему Анисѣ-аль-Джалисѣ. Но по прошествіи нѣкотораго времени, въ домѣ уже не осталось ничего, чтò бы можно было продать. Тогда Анисѣ-аль-Джалисѣ обратилась къ Али-Нуру, который плакать, и сказала ему: О господинъ мой, почему ты плачешь? Развѣ я еще не твоя? И развѣ я уже не прежняя Анисѣ-аль-Джалисѣ, о которой ты говорилъ, какъ о самой красивой женщинѣ въ Аравіи? Возьми же меня и выведи на невольничій базаръ и продай меня! Развѣ ты забылъ, что я была куплена за десять тысячъ золотыхъ динарiевъ покойнымъ твоимъ отцомъ? И я надѣюсь, что Аллахъ поможетъ тебѣ въ этой продажѣ и возвратитъ тебѣ съ прибылью эту затрату, и сдѣлаетъ такъ, что я буду продана за цѣну еще болѣе высокую, чѣмъ въ первый разъ. Чтò же касается нашей разлуки, то если у Аллаха записано, что мы должны когда-нибудь опять вернуться другъ къ другу, то мы и вернемся другъ къ другу! И Али-Нуръ отвѣчалъ ей:—() Анисѣ-аль-Джалисѣ, никогда не соглашусь я разстаться съ тобою, хотя бы даже на одинъ часъ. И она отвѣчала ему:—И я тѣмъ болѣе не хочу этого, о господинъ мой Али-Нуръ! Но необходимость выше закона, какъ говоритъ поэтъ:

О, не страшися ничего свершать,
 Коль то велитъ тебѣ Необходимость!
 Ни передъ чѣмъ тогда не отступай,
 Лишь оскорбить страшися благопристойность.
 И ни о чемъ напрасно не горюй;
 Такъ мало есть печальнаго на свѣтѣ,
 Чему бы были важныя причины!

При этихъ словахъ Али-Нуръ обнялъ Анисѣ-аль-Джалисѣ и поцѣловалъ ея волосы, и, со слезами на глазахъ, сказалъ слѣдующіе стихи:

О, замолчи! И дай въ твои мнѣ очи
 Вглядѣться долго и запечатлѣть
 Одинъ ихъ изглядъ на весь мой путь далекій:
 Въ разлукѣ долгой будетъ онъ бальзамомъ
 Для моего истерзаннаго сердца.
 Но если я чрезмѣрнаго прошу,
 Не исполняй моей послѣдней просьбы
 И предоставь грустить мнѣ одиноко.

Тогда Анисѣ-аль-Джалисѣ начала говорить съ Али-Нуромъ самыми ласковыми словами и склоняла его принять рѣшеніе, предложенное ею, и доказывала ему, что не было никакого другого средства избѣжать бѣдности, недостойной его, Али-Нура, сына Фадледдина-бенъ-Кхакана. И тогда онъ вышелъ съ нею и вывелъ ее на невольничій базаръ, и обратился къ самому извѣстному маклеру, и сказалъ ему:—Тебѣ слѣдуетъ знать, о маклеръ, цѣну той, о которой ты будешь выкрикивать на базарѣ. Смотри же, не ошибись только! И маклеръ отвѣчалъ ему:—О господинъ мой Али-Нуръ, я твой слуга, и я знаю мои обязанности и почетъ, который я долженъ ока-

зывать тебѣ! Тогда Али-Нуръ вошелъ вмѣстѣ съ Анисъ-аль-Джалисъ и маклеромъ въ одну изъ комнатъ кагана и снялъ покрывало, которымъ было закутано лицо Анисъ-аль-Джалисъ. И, увидя ее, маклеръ вскричалъ:— Йя Аллахъ! Но это невольница Анисъ-аль-Джалисъ, которую я самъ продалъ покойному визирю за десять тысячъ золотыхъ динаріевъ два года тому назадъ! И Али-Нуръ отвѣчалъ ему:— Да, это она самая! Тогда маклеръ сказалъ ему:— О господинъ мой, каждое твореніе носитъ на своей шеѣ свою судьбу и не можетъ избѣжать ея! Но я клянусь тебѣ, что я приложу все мое умѣніе, чтобы хорошо продать твою невольницу, и по цѣнѣ самой высокой на базарѣ!

И маклеръ пошелъ на то мѣсто, гдѣ по обыкновенію сходились всѣ купцы, и подождалъ, пока они всѣ не собрались, такъ какъ они въ это время были заняты, покупая вездѣ понемногу невольницъ изъ всѣхъ странъ и приводя всѣхъ ихъ къ этому мѣсту базара, гдѣ можно было найти женщинъ: турчанокъ, гречанокъ, черкешенокъ, грузинокъ, абиссиннокъ и другихъ. И вотъ, когда маклеръ увидалъ, что всѣ купцы уже въ сборѣ и когда все это мѣсто наполнилось толпою маклеровъ и покупателей, онъ живо поднялся, взобрался на большой камень и закричалъ:— О всѣ вы, продавцы, и вы всѣ, обладатели богатствъ и всевозможныхъ благъ, знайте, что не все круглое—орѣхъ; и не все продолговатое—бананъ; и не все красное—мясо; и не все бѣлое—сало; и не все красноватое—вино; и не все коричневое—финикъ! О купцы славнѣйшіе изъ купцовъ Басры и Багдада, вотъ сегодня я представляю на вашъ судъ и на вашу оцѣнку благородную и единственную жемчужину, которая по справедливости стоитъ болѣе, чѣмъ всѣ собранныя здѣсь сокровища! И вамъ предназначается назначить цѣну, чтобы объявить ее для начала торговъ! Но подойдите сюда, чтобы прежде всего увидѣть ее собственными глазами! И онъ повлекъ всѣхъ за собою и далъ имъ возможность увидѣть Анисъ-аль-Джалисъ, и всѣ согласились на томъ, чтобы цѣна для начала торговъ была объявлена въ четыре тысячи динаріевъ. Тогда маклеръ закричалъ:— Четыре тысячи динаріевъ за жемчужину бѣлыхъ невольницъ! И тотчасъ же одинъ купецъ поднялъ цѣну, закричавъ:— Четыре тысячи пятьсотъ динаріевъ! Но какъ разъ въ это самое время визирь бенъ-Сауи вѣхалъ на конѣ на невольничій базаръ и увидѣлъ, что Али-Нуръ стоитъ рядомъ съ маклеромъ и что маклеръ выкрикиваетъ цѣну. И онъ подумалъ про себя:— Вѣроятно, этотъ негодяй Али-Нуръ дошелъ до того, что продаетъ послѣдняго изъ своихъ рабовъ послѣ всей своей мебели! Но тотчасъ же онъ услышалъ, что это назначалась цѣна за бѣлую рабыню, и подумалъ:— Али-Нуръ въ настоящую минуту вынужденъ продать свою рабыню, молодую женщину, о которой здѣсь идетъ рѣчь, потому что, я думаю, у него нѣтъ больше ни обода! О! если только это правда, какъ это освѣжаетъ мое сердце:— И тогда онъ подозвалъ выкрикивавшаго, который тотчасъ же подбѣжалъ, узнавъ визиря, и поцѣловалъ землю между его руками. И визирь сказалъ ему:— Я самъ желаю купить рабыню, о которой ты выкрикиваешь. Приведи ее сюда поскорѣе, чтобы я могъ видѣть ее! И маклеръ, который не могъ ослушаться приказанія визиря, поспѣшилъ привести Анисъ-аль-Джалисъ, и снялъ съ нея покрывало передъ визиремъ. И при видѣ этого несравненнаго лица и всѣхъ совершенствъ молодой женщины, и ея великолѣпнаго стана, онъ сильно удивился и сказалъ:— Какая назначена за нее цѣна? И маклеръ отвѣчалъ:— Четыре тысячи пятьсотъ динаріевъ по второму заявленію! И визирь сказалъ:— Хорошо, я беру ее за эту цѣну! И съ этими словами онъ пристально посмотрѣлъ на всѣхъ купцовъ, которые не осмѣлились повысить цѣну, страхась мести, которая непремѣнно бы обрушилась со стороны визиря на дерзновеннаго. Послѣ

AP 50

N 688

g. 6

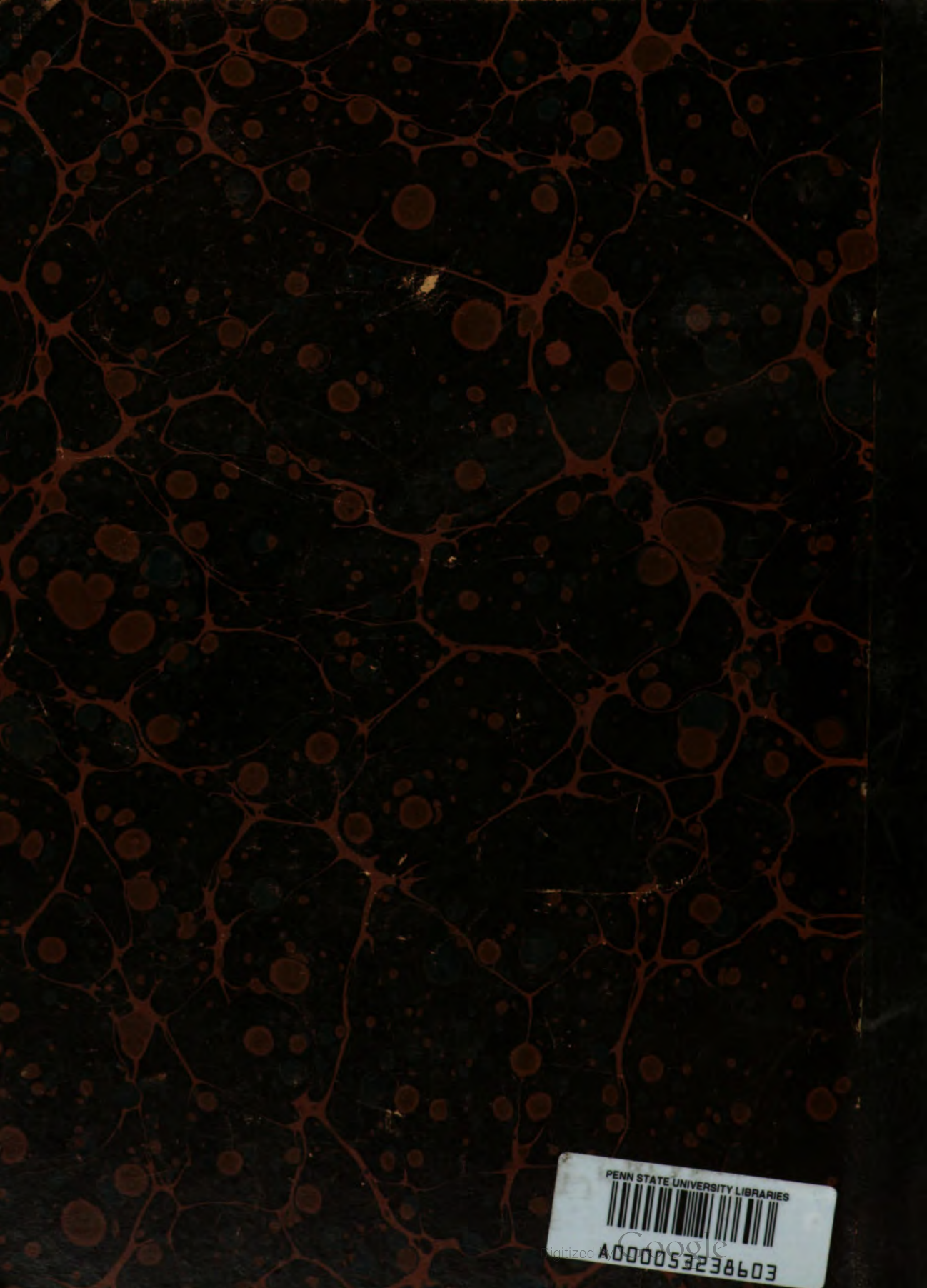
t. 19

Env. - fever - wart

1902

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES

Digitized by Google
A000053238603